

А. С. Пученков

**МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ:
ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ**

Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
Калининград
2024

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)
П90

*Издано при поддержке Российской федеральной программы
академического лидерства «Приоритет 2030»*

Издательская программа
Балтийского федерального университета им. И. Канта

Рецензенты:

д. и. н. В. С. Измолик,

д. и. н. Н. Н. Смирнов

Пученков А. С.

П90 Михаил Горбачев: власть и реформы. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. — 803 с.

ISBN 978-5-9971-0965-3

В подготовленной петербургским историком А. С. Пученковым антологии представлены свидетельства современников, касающиеся фигуры первого и единственного президента СССР Михаила Сергеевича Горбачёва, с именем которого связана эпоха перестройки (1985–1991). Сделана попытка ответить на ключевые вопросы: своевременными ли были реформы, начатые Горбачёвым в 1985 году? правильно ли были определены направления этих преобразований? была ли у инициатора перестройки продуманная стратегия реформ, и отвечала ли она национальным интересам Страны Советов? в положительном или отрицательном свете следует оценивать результаты внешней политики Горбачёва? были ли уступки, сделанные Советским Союзом Западу, оправданны? наконец, перестройка ли привела СССР к краху или причины распада страны были совсем иными? В силу этого отношение к Горбачёву будет неоднозначным еще долгие-долгие годы. В антологии собраны мемуарные свидетельства, принадлежащие как соотечественникам, работавшим с Михаилом Сергеевичем, так и западным мемуаристам.

Книга адресована самому широкому кругу читателей.

УДК 32
ББК 66.2(2Рос)

ISBN 978-5-9971-0965-3

© Пученков А. С., 2024
© БФУ им. И. Канта, 2024

МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ: ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЪЗУЕМЫЕ В ТЕКСТЕ:

АГФ	Архив Горбачёв-фонда
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
РГАНИ	Российский государственный архив Новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
ЦХДЛСМ	Центр хранения документов личных собраний Москвы
ВС РСФСР	Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
ЦК КПСС	Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

А. С. Пученков

ГОРБАЧЁВ: ПУТЬ РЕФОРМАТОРА

30 августа 2022 года в Москве, в Центральной клинической больнице, на 92-м году жизни скончался первый и единственный Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв. Последние годы пожилой политик долго и серьезно болел, хотя и продолжал интенсивно работать, его знания и опыт были востребованы и у нас в стране, и за рубежом: до конца своих дней Горбачёв вновь и вновь возвращался в своих статьях, книгах и публичных выступлениях к незабываемой эпохе перестройки; в своих посланиях, обращенных к мировым лидерам, вспоминая об уникальном опыте политики нового мышления и мирного окончания холодной войны, последний руководитель советского государства призывал к снижению накала напряженности в современных международных отношениях.

Во всем мире М. С. Горбачёв обладал поистине громадным авторитетом, воспринимаясь как политик огромного масштаба, изменивший в лучшую сторону историю человечества и отодвинувший угрозу ядерной войны. Однако, как известно, нет пророка в своем отечестве: немалая часть соотечественников относилась и относится к Горбачёву недоброжелательно, видя в нем едва ли не единственного виновника распада СССР в 1991 году; при этом, говоря откровенно, к моменту своего ухода в отставку Михаил Сергеевич растерял большую часть той своей без всякого преувеличения небывалой популярности, которая обрушилась на него в марте 1985 года — вскоре после того, как он был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и объявил о начале политики перестройки, подарившей каждому советскому человеку надежду на изменение нашей общей жизни к лучшему; она была воспринята, пожалуй, всем миром как исторический *шанс*, а ее инициатору — Горбачёву — поверили миллионы и миллионы людей — в Союзе и за рубежом — во многом благодаря его феноменальной для политика такого масштаба искренности и неистовой вере в перестройку и ее идеалы. Наверное, никто в мире, включая самого Горбачёва, в начале

перестроечной эпохи не мог и подумать о том, какие грандиозные перемены произойдут в СССР в ближайшие годы; вряд ли кто-то мог предвидеть и произошедший спустя неполные семь лет после прихода нового генсека к власти распад Советского Союза и образование на его месте 15 независимых государств; трудно было предвидеть и добровольную отставку Михаила Сергеевича с поста Президента СССР, учрежденного лишь за год до этого, и декретирование в СССР свободы слова, альтернативные выборы и отказ КПСС от закреплённой 6-й статьёй Конституции фактической монополии на власть, и ликвидацию Организации Варшавского Договора, и объединение Германии, и многое-многое другое. Хотим ли мы этого или нет, но мы и по сию пору живём в мире, в значительной степени порождённом политической волей и смелостью Михаила Горбачёва, инициировавшего перестройку — слово, которое и до сего времени является международным, то есть не нуждающимся в переводе; а за то, что последний лидер СССР когда-то подарил всем нам веру в абсолютно новую и справедливую жизнь, — глубокая и искренняя благодарность Михаилу Сергеевичу. О деятельности Михаила Сергеевича Горбачёва (02.03.1931–30.08.2022) на посту главы государства — этот очерк, предваряющий антологию мемуарных свидетельств об инициаторе перестройки.

Оговорим особо, что в задачи автора этих строк не входит написание подробной биографии Горбачёва в «догосударственный» период его жизни, это достаточно подробно освещено как в многочисленных версиях воспоминаний самого Михаила Сергеевича¹, так и в книгах, посвящённых последнему советскому лидеру². Предлагаемый вниманию читателя очерк — лишь набросок, затрагивающий отдельные аспекты перестроечной эпохи — времени, навсегда неотделимого от неповторимой личности самого Горбачёва, времени, когда глава советского государства предпринял самый масштабный в истории нашей страны реформаторский проект, времени, на которое приходится пик политической карьеры Михаила Сергеевича, родившегося и получившего образование при Сталине и пришедшего в большую политику — при Брежневе.

¹ См.: *Горбачёв М. С. Жизнь и реформы*. В двух книгах. Кн. 1. М., 1995; *Он же*. Наедине с собой. М., 2012.

² См., например: *Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время*. М., 2019; *Никитинский Л. В. Михаил Горбачёв: «Главное — начать»*. М., 2024; *Пученков А. С. Генсек и Президент: М. С. Горбачёв в 1990–1991 гг.: монография*. Калининград, 2024.

Естественно, что этот очерк посвящен лишь некоторым сюжетам, связанным с фигурой Горбачёва, — в нем нет места подробному анализу экономической жизни страны, военным действиям в Афганистане, изучению межнациональных конфликтов на территории Закавказья и Средней Азии, культурной, научной и спортивной жизни СССР в годы перестройки; в области внешней политики, ввиду объема издания, автор имел возможность остановиться лишь на истории советско-американских отношений, не имея возможности подробно рассказать о роли Горбачёва в объединении Германии, налаживании советско-китайских отношений и укреплении советско-индийской дружбы и т. д.; наконец, в нем чрезвычайно конспективно рассмотрены акция ГКЧП и вопрос о жизни Михаила Сергеевича «после Кремля». При этом наибольшее внимание автор этих строк уделил периоду с 1989 по 1991 год — второму и, наверное, важнейшему этапу политики перестройки. Словом, перед нами — лишь отвечающая вкусу автора подборка эпизодов из истории перестройки и жизни ее инициатора, позволяющая, на наш взгляд, составить хотя бы какое-то представление о Первом Президенте СССР М. С. Горбачёве, его стиле как крупного руководителя, особенностях характера и, главное, политическом мировоззрении одного из крупнейших политиков XX века.

11 марта 1985 года М. С. Горбачёв, получивший весомую поддержку чрезвычайно влиятельного и авторитетного члена Политбюро А. А. Громыко¹, на внеочередном Пленуме ЦК КПСС «единодушно» был избран Генеральным секретарем², рукоплескания зала после объявления об избрании Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС были искренними и овации долго не смолкали³. Горбачёв сменил умершего накануне К. У. Черненко. «Какого-то обсуждения, альтернативных взглядов, тем более борьбы, столкновений взглядов Политбюро не было», — свидетельствовал член Политбюро В. И. Воротников⁴. Вероятно, лишь попыткой еще раз напомнить Горбачёву о своей роли при избрании его на пост генсека может быть объяснимо высказывание

¹ Громыко А. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына). М., 1997. С. 82–97.

² Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. М., 1985. С. 4.

³ Архив автора. Интервью В. Г. Захарова, члена ЦК КПСС и министра культуры СССР в 1986–1989 годах. Москва. 2018. 7 февраля.

⁴ Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 57.

Е. К. Лигачёва о том, что накануне мартовского Пленума ЦК 1985 года «были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая опасность»¹. «Было ли избрание Горбачёва неожиданным? Нет. Участники Пленума были готовы к возможной смене политического руководства, знали о тяжелой болезни К. У. Черненко. Первая же кандидатура, которая естественно встает в такой ситуации, — второй секретарь ЦК, а им и был Горбачёв», — пояснял В. И. Воротников². Что любопытно, первым, накануне, еще до заседания Политбюро, кандидатуру Горбачёва на пост генсека выдвинул московский партийный лидер В. В. Гришин³, который, по мнению многих, в те дни и сам метил на пост главы партии и государства⁴. Однако неглупый Гришин, видимо, понимал, что историческое время «брежневских стариков» уже прошло, и решил уйти в сторону. Свой выбор в пользу Горбачёва сделал еще до избрания последнего генсеком и высоко котиравшийся Первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Украины В. В. Щербицкий. По словам помощника Владимира Васильевича В. К. Врублевского, «выбор в пользу Горбачёва Щербицкий сделал однозначно еще раньше, сомнений у него на этот счет не было и альтернативной кандидатуры он просто не видел»⁵. По-другому виделась ситуация Г. В. Романову, по словам которого, «Тихонов, Гришин, Романов еще в феврале 1984 года определились в отношении Горбачёва, когда не проявили, скажем так, особой радости при его назначении на вторую должность в партии. Кунаев и Щербицкий, как мне кажется, тоже не были сторонниками Михаила Сергеевича. Не случайно решающее заседание Политбюро ЦК после смерти К. У. Черненко, на котором председательствовал Горбачёв, прошло без их участия. Остаются четверо — Алиев, Воротников,

¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 85.

² Воротников В. И. Кого хранит память. М., 2007. С. 152.

³ Гришин В. В. От Хрущёва до Горбачёва. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 305.

⁴ Сам Гришин, впрочем, утверждал, что у него «никогда не было» мысли стать Генеральным секретарем (См.: Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2 / Книга политических диалогов. М., 1992. С. 81. Интервью В. В. Гришина, 28 января 1991 г. — автор внесен Минюстом России в список иноагентов).

⁵ Врублевский В. К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Записки помощника: Воспоминания, документы, слухи, легенды, факты. Киев, 1993. С. 197.

Соломенцев (они склонялись в пользу Горбачёва) и Громыко, который спокойно наблюдал за происходящим, ибо сам предложил поручить возглавить секретариат ЦК М0 С. Горбачёву»¹. Вскоре после прихода Горбачёва к власти и Гришин, и Романов, который, по словам бывшего министра культуры СССР и второго секретаря горкома партии в Ленинграде В. Г. Захарова, вел себя в столице «очень ершисто и вздорно, постоянно подчеркивая свое несогласие с Горбачёвым и Лигачёвым», по настоянию последнего были отправлены на пенсию².

А. С. Черняев вспоминал: «Что бы сейчас ни придумывали про Романова, Гришина или еще про кого-нибудь, конкурентов у Горбачёва не было»³. Кардинально впоследствии разошедшийся политически с Михаилом Сергеевичем Е. К. Лигачёв все же имел мужество признать, что Горбачёв в 1985 году был «идеальной кандидатурой» на пост генсека⁴. По словам Г. А. Арбатова, «имя Горбачёва было тогда уже у всех на устах, и после безрадостного опыта с Черненко не только у отдельных руководителей, но и у многих членов ЦК КПСС зрела решимость не допустить повторения этого опыта, что во многом определило мотивы выступления Громыко в пользу Горбачёва»⁵. Горбачёв в известной степени был в тот момент судьбой страны, именно его фигура была востребована временем. «История производит отбор — естественный, сверхъестественный, как хотите назовите. В 1985 году было много членов Политбюро — нужен оказался Горбачёв. Человека такого плана востребовало время, и то, что им оказался именно Горбачёв, — это, конечно, случайность. В истории случайны лица, но типы не случайны», — констатировал А. Е. Бовин, многие годы работавший с кремлевскими вождями⁶. Вряд ли кто в тот момент догадывался, какие масштабные перемены ожидают не только советское общество, но и весь мир, однако своя логика в последующих событиях несомненно была: Андропов, значительная часть правления которого пришлись на «болезненный период», а затем бесцветный Черненко, вся общая обстановка

¹ Романов Г. Я свято верю в эти идеалы // Невское время. 1992. 30 сентября.

² Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2018. 7 февраля.

³ Черняев А. Горбачёв очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

⁴ Лигачёв Е. Коммунисту по плечу любая крепость // Трибуна. 2000. 29 ноября.

⁵ Арбатов Г. А. Шесть знаменательных лет // Многая лета... К 70-летию М. С. Горбачёва. М., 2001. С. 71.

⁶ Бовин А. Конец политического театра. // Огонек. 2001. № 3–4. С. 15.

эпохи «гонки на катафалках» предопределили *подготовленность общества к появлению Горбачёва*, их согласие на *предложенный лидером страны крупнейший реформаторский проект в истории СССР*.

Горбачёв получил в те дни единодушную поддержку партии и всех советских людей. Партийная элита, как и весь народ, были на первых буквально опьянены новым генсеком, с азартом принявшись за обещанную Михаилом Сергеевичем большую, интересную и *нужную работу*¹. В воздухе, как вспоминал знаменитый телеведущий В. В. Познер, «запахло чем-то головокружительным»². Академик А. Д. Сахаров, находившийся к моменту избрания Горбачёва уже пять лет в изоляции в Горьком, сказал, выслушав выступление нового генсека, своим единственным в ту пору, помимо Е. Г. Боннэр, собеседникам — сотрудникам КГБ: «Стране повезло: впервые за долгий период у нас появился безусловно умный руководитель»³. По словам одного из самых консервативных советских руководителей, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС И. В. Капитонова, «жизнь подтолкнула народ к активным действиям. Новые поколения, не знавшие террора, заявили о своих правах на свободу, равенство и труд. Не только Горбачёв, но и все Политбюро ЦК понимало необходимость перемен»⁴. Бывший пресс-секретарь Президента СССР Горбачёва А. С. Грачёв в своей заметке, вероятно, справедливо заметил, что «даже брежневское политбюро и ЦК, единодушно голосуя в марте 1985 года за Горбачёва, голосовали за перемены»⁵. Горбачёв подарил людям надежду на перемены к лучшему, вдохнув в миллионы советских граждан веру в то, что их жизнь изменится к лучшему, а власть станет справедливой. По словам самого Михаила Сергеевича, «реформ с нетерпением ждала страна, она была беременна перестройкой, которая была лучшим вариантом дальнейшего развития страны»⁶. Почему повери-

¹ Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, помощника Президента СССР М. С. Горбачёва Москва. 2017. 14 ноября.

² Познер В. В. Прощание с иллюзиями. М., 2017. С. 357.

³ Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 282.

⁴ Капитонов И. По ночам я рассказывал Брежневу анекдоты // Век. 2002. № 7 (474). С. 6.

⁵ Грачёв А. Человек, изменивший мир // Огонек. 2016. № 8. 29 февраля 2016. С. 11.

⁶ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва, в 1985–1991 годах генерального секретаря ЦК КПСС, в 1990–1991 годах Президента СССР. Москва. 2019. 11 июля.

ли Горбачёву? А. С. Черняев объяснял это «природным демократизмом», «исконная его народность сидит в нем глубоко. Он нес людям свои собственные мысли и оценки, а не то, что сочиняли для генсека референты и отделы ЦК. Элементы некоторой театральности — общение “вождя” с народом — в этих встречах на улицах присутствовали. Тем не менее перемена была очевидной и разительной. И Горбачёву поверили не как мессии, а как простому и хорошему человеку, каким его поначалу считало большинство»¹. Было и еще одно объяснение: Горбачёв начал *«говорить с людьми, этого никогда раньше не было и на людей действовало просто магнетически»*, — вспоминал В. Г. Захаров, занимавший в 1986–1989 годах должность министра культуры СССР². Попытка раскрепостить общество, избавить его, по словам М. С. Горбачёва от «тотального контроля партии, которая пыталась управлять всем, попытка провозглашения открытости в деятельности партии и государства»³, началась. По какому пути пойдет перестройка

¹ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 322. Показательными выглядят в этой связи воспоминания писателя Г. Я. Бакланова: «Горбачева вот вблизи я видел впервые. Могу сказать: он был моложе. Нет, не на семь минувших лет, намного моложе он был тогда — и духом, и лицом. И весь дышал уверенностью, энергией и силой. О чем он говорил на протяжении примерно так получаса? В дальнейшем я не раз это слышал и по телевизору, и при встречах, и многое из того — теми же словами, хотя время менялось, требовало уже других слов и дел, но тогда, впервые услышанное, поражало откровенностью. Ведь не на московской кухне, где за рюмкой водки и не такое говорят, а здесь, в святая святых власти, Генеральный секретарь ЦК говорит, какой отдельный коммунизм построили для себя высшие и как народ живет, говорит убежденно, страстно. И не старческая слеза застилает взгляд, которая всей стране светила целых восемнадцать лет, а живой ум в глазах. И губы, произносящие слова, — свежие, твердые, еще не начавшие вянуть. Да и выговор его южный, близкий к воронежскому, приятен был мне на слух: «хфакт», «жисть»... Хотя и думалось не раз в дальнейшем: неужто он отвыкнуть не может, так непросто для него слово «жизнь»? Или и это — политика, вот так ненароком, незаметно подчеркивается народно-комбайнерское произношение? Но это позднейшие наблюдения, а тогда он понравился мне, поверилось в него, мне давно хотелось верить» (см.: Бакланов Г. Я. Жизнь, подаренная дважды. М., 1999. С. 295).

² Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2018. 29 июня.

³ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 11 июля.

и к чему она приведет и советское общество, и КПСС, и Советский Союз в целом — не знал еще никто в мире.

Повторим, что в первые месяцы правления Горбачёва вся страна была буквально влюблена в нового генсека; его обаяние, открытость, энергия, несомненные жизнелюбие и доброжелательность на первых порах вызывали всеобщее восхищение. В считанные недели Горбачёв завоевал доверие народа, его фигура притягивала к себе, а интеллект и искренняя убежденность заставляли верить.

«Первое время личность Михаила Сергеевича вызывала восхищение. После многих лет болезней и полусонного состояния Брежнева вдруг — вулкан энергии. Работа — до часу, двух ночи, а когда готовились какие-нибудь документы (а их было бесконечное множество — к сессиям, съездам, пленумам, совещаниям, встречам на высшем уровне и т. д.), он ложился спать в четвертом часу утра, а встает всегда в семь-восемь. Туалет, бассейн, завтрак. Где-то в 9:15–9:30 выезжает на работу в Кремль. Машина — “ЗИЛ”. Он садится на заднее правое сиденье и — рабочий день начался. Тут же, в машине, он что-то пишет, читает, делает пометки. Впереди — водитель и я. В машине два телефонных аппарата, Михаил Сергеевич просит меня с кем-то соединить. Я заказываю абонента с переднего аппарата, Горбачёв берет трубку и поднимает к потолку стеклянную перегородку, отгораживая наглухо свой салон от нас. За сравнительно короткий путь до работы он успевает переговорить с тремя-четырьмя людьми. Пока поднимается от подъезда в кабинет, на ходу кому-то что-то поручает, советует, обещает — ни секунды передышки», — вспоминал начальник личной охраны М. С. Горбачёва генерал В. Т. Медведев¹.

В подобном же темпе Горбачёв приступил и к разрешению тех проблем, которые стояли перед страной; принципиально важно, что Михаил Сергеевич требовал от своих подчиненных немедленных положительных результатов как в области внутренней, так и в области внешней политики. Рядом с Горбачёвым в ту пору — преданные ему единомышленники: партийные дела Михаил Сергеевич фактически передал на откуп авторитетному и опытному аппаратчику, смелому, решительному, феноменально энергичному и обладавшему редкой харизмой², что на первых порах вызывало всеобщий восторг (штурмовщина и определенная грубоватость, характерные для этого

¹ Медведев В. Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 207.

² Архив автора. Интервью И. П. Смирнова, помощника секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведева. Москва. 2025. 15 июля.

политика, стала подвергаться критике спустя пару лет, на чем, в частности, получил известность и Б. Н. Ельцин), Егору Кузьмичу Лигачёву, сыгравшему большую роль в обеспечении прихода М. С. Горбачёва к власти¹, а кресло Председателя Совета Министров — естественно, с подачи Михаила Сергеевича², получил бесконечно трудолюбивый и хорошо известный новому генсеку еще с андроповских времен Николай Иванович Рыжков. Горбачёв полностью доверял своему премьеру и ценил его. Рыжков относился к генсеку абсолютной лояльностью, всячески подчеркивая, что их с Михаилом Сергеевичем сплотила вместе начатая еще в 1983 году по поручению Андропова работа по подготовке экономических преобразований. Позднее, отвечая на вопрос, обладал ли Горбачёв к моменту прихода к власти сложившейся программой или нет, Рыжков заявил: «По экономическим — он пришел с готовой концепцией, по политическим — нет. По экономике он использовал все наши наработки 1983–1984 гг. Политические преобразования, демократизация, гласность прошли позже, в 1987–1988 гг. Постепенная демократизация экономики начала развиваться совершенно в другой системе всего государственного устройства, приспособленного к жесткой административно-командной системе, и поэтому она неизбежно потребовала изменений во многих сферах жизни общества»³. Эти изменения не заставили себя ждать.

¹ Как вспоминал Е. К. Лигачёв, избранный на апрельском Пленуме 1985 года членом Политбюро ЦК — прямо из секретарей ЦК, минуя кандидатский стаж, на том же Пленуме, как только были завершены все организационные вопросы, Горбачёв «достаточно громко, чтобы слышал зал, сказал: — Егор Кузьмич, предоставляй мне слово, я пошел на трибуну.

Этой фразой Генеральный секретарь по сути дела обозначил второго человека в Политбюро. Наивных людей в зале Пленума не было. Кстати говоря, на том же Пленуме прямо из секретарей ЦК, минуя ранг кандидата, был избран членом Политбюро и Рыжков. Именно нам двоим предстояло стать ближайшими соратниками Михаила Сергеевича в осуществлении нового политического курса, получившего название перестройки, занять ключевые посты в команде Горбачёва. Вскоре Рыжков был выдвинут Председателем Совета Министров СССР, а мне поручили вести заседания Секретариата ЦК КПСС, что на деле означало выдвижение на неофициальный второй пост в партии» (см.: Лигачёв Е. К. Загадка Горбачёва. Новосибирск, 1992. С. 68).

² Ненашев М. Ф. Последнее правительство СССР: личности, свидетельства, диалоги. М., 1993. С. 24.

³ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 323.

К моменту прихода М. С. Горбачёва к власти Советский Союз, несомненно, нуждался в переменах: застойные явления затронули не только идеологию, но и экономику; падала популярность СССР и за рубежом. По утверждению известного петербургского историка М. Ф. Полинова, «начавшаяся в апреле 1985 года перестройка в СССР была обусловлена объективным ходом социально-экономического и политического развития страны. Дальше затягивать проведение реформ было уже нельзя. Апогей социально-экономического кризиса и смена руководства КПСС совпали по времени, что и сделало возможным начать реформы. В советской политической системе крупномасштабные преобразования, затрагивавшие фундаментальные основы общественного строя, мог инициировать только наделенный огромной властью Генеральный секретарь ЦК КПСС»¹. Сознывая опасность, нависшую над страной и ее общественным строем, новый генсек приступил к решительным преобразованиям.

По старинной российской политической традиции, Горбачёв с момента своего «воцарения» воспринял внешнюю политику как свой «домен»². Именно в этой связи стоит рассматривать состоявшееся летом 1985 года сенсационное назначение на пост главы МИД его давнего соратника Э. А. Шеварднадзе, сменившего на этом посту патриарха мировой дипломатии А. А. Громыко. Горбачёв уделял огромное внимание вопросам внешней политики, не только курируя общую линию советских международных отношений, но и ставя перед МИД вопросы на перспективу.

Отношение к участию Горбачёва во внешней политике, равно как и сама оценка этой политики у кадровых дипломатов существенно различаются. Так, например, заместитель Шеварднадзе В. Г. Комплектов говорил про «общую атмосферу, и нашу внешнюю политику, несуразную публицистичную политику М. С. Горбачёва»³. Выдающийся советский и российский дипломат Ю. М. Воронцов, отвечая на вопрос интервьюера, «Горбачёв мог стать министром иностранных дел?», заявил: «Он и есть министр. Он так глубоко занимается иностранными делами и прекрасно их знает. Я работал в Москве в очень тесном контакте с ним и видел,

¹ Полинов М. Ф. СССР: от сталинского восстановления к Горбачёвской перестройке. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб., 2021. С. 701.

² Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 398.

³ Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний. М., 2009. С. 28.

как он спокойно принимал любого иностранного гостя и без шпаргалок и подсказок вел разговор. Что меня удивляло, он даже вспоминал точные детали взаимоотношений, цифры, факты. Хорошая память»¹.

В области внешней политики для Горбачёва было очевидно, что необходимо прежде всего «пробить брешь в ледяных торосах холодной войны с США, ослабить давление проблем, связанных с нашей вовлеченностью в конфликты в разных точках земного шара»². Горбачёв и Э. А. Шеварднадзе были в этом отношении единомышленники, «в политическом и философском плане»³. По словам Э. А. Шеварднадзе, «во всем, что касалось глобальных проблем, наши с Горбачёвым мнения полностью совпадали»⁴. Назначение Шеварднадзе было тепло воспринято в Вашингтоне, поскольку дарило надежды на изменение советской внешней политики — для американцев было очевидно, что Громыко в силу своего консерватизма не будет в состоянии пойти на серьезные перемены⁵. Сильным решением стал выбор Горбачёвым в качестве помощника по международным делам Анатолия Сергеевича Черняева, с которым генсек, по его признанию, «попал в десятку»: Черняев не только отличался неутомимой выносливостью в работе, но и глубокими профессиональными знаниями⁶. Серьезный ученый-историк, Черняев прошел суровую жизненную школу: воевал, был дважды ранен; в этом человеке был внутренний стержень, он придерживался определенных убеждений, которые был готов отстаивать, не считаясь с авторитетами; один из немногих, он не боялся спорить с самим М. С. Горбачёвым⁷. Базовые установки нового внешнеполитического

¹ Карпетян Г., Грачёв-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. М., 2011. С. 253.

² Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 72.

³ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 13.

⁴ Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 73.

⁵ McFarlane Robert C. Special trust. New York, 1994. P. 313.

⁶ Горбачёв М. К читателю этой книги // «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 6.

⁷ Архив автора. Интервью Л. Б. Попова, референта Международного отдела ЦК КПСС. Москва. 2025. 24 июня.

курса СССР не только разделялись им полностью — можно смело утверждать, что его взгляды, доносимые им до Горбачёва через многочисленные аналитические записки и личные беседы, оказывали на Михаила Сергеевича известное влияние. По признанию многолетнего переводчика М. С. Горбачёва П. Р. Палажченко, назвавшего Черняева «невоспетым героем окончания холодной войны», Анатолия Сергеевича можно охарактеризовать как «человека, абсолютно преданного идеям нового мышления во внешней политике и перестройки во внутренней»¹. Черняев снискал уважение как профессионал высокого ранга и в среде западных дипломатов. По мнению Джека Мэтлока, занимавшего в 1987–1991 годах должность посла США в СССР, назначение А. С. Черняева помощником Горбачёва стало ключевым в достижении прорыва в советско-американских отношениях; согласно его утверждению, А. С. Черняев был, «пожалуй, наиболее критически настроен в отношении традиционной советской внешней политики», со временем он «стал оказывать сильное влияние на взгляд Горбачёва на мир»². «Уважать себя заставил» Анатолий Сергеевич и представителей британского Форин Офиса: скажем, английский посол в СССР Р. Брейтвейт запомнил Черняева как «веселого человека с седыми щетинистыми волосами и усами, похожего на английского полковника в отставке», убежденного сторонника Горбачёва³.

Предшественник Черняева, А. М. Александров-Агентов, многие годы работавший в качестве помощника Л. И. Брежнева по международным делам, добровольно ушел в отставку, не сработавшись с Горбачёвым. «С приходом Горбачёва к руководству сразу же хлынул поток динамичных действий, встреч, поездок в различные регионы страны и за рубеж. Но с другой стороны, наблюдая его контакты с людьми, все больше убеждался, что внешняя открытость и благожелательная приветливость — это скорее привычная маска, за которой холодный расчет. И второе. К сожалению, Горбачёву присущ очень серьезный для большого руководителя недостаток: он совершенно не умеет слушать, вернее, слышать своего собеседника, а целиком увлечен тем,

¹ Палажченко П. «Невоспетый герой» // «Мы называли его Графом»... С. 79–80.

² Мэтлок Джек Ф. Рейган и Горбачёв. Как окончилась «холодная война»... и все выиграли / Пер. с английского Т. Кудрявцевой. М., 2005. С. 189–191.

³ Брейтвейт Р. За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир. М., 2004. С. 101–102.

что говорит сам. От Горбачёва я ушел на пенсию потому, что он не имел потребности советоваться», — такую интересную характеристику Михаила Сергеевича можно встретить в интервью, которое А. М. Александров-Агентов дал незадолго до своего ухода из жизни¹.

«Воцарение» Горбачёва изначально породило в США больше вопросов, чем ответов. Видный американский политик и дипломат С. Тэлботт вспоминал, что многим в США изначально казалось, что «перестройка, гласность, новое мышление, всеобщая безопасность и другие обнадеживающие лозунги были лишь частью зловещей кампании по “дезинформации”. Считалось, что целью ее было привлечь легковверных представителей Запада — “голубей”, с которыми по традиции ведут битвы “ястребы”, — с тем, чтобы они ослабили бдительность перед лицом неизменной в своей основе и неумещающей советской угрозы. Высказывалась и такая мысль, что Горбачёв представляет собой даже ббльшую, чем когда бы то ни было, угрозу, учитывая мастерское использование им пропаганды и, как опасались, методов обмана»². Так или иначе, но фигура Горбачёва приковывала в то время внимание не только американцев, но и всего мира.

Имя Горбачёва неотделимо от легкой в основу его внешней политики концепции нового мышления. Примечательно, что некоторые идеи будущей политики нового мышления были сформулированы Горбачёвым еще до его прихода к власти. По словам А. С. Черняева, с 1986 года занимавшего должность помощника Михаила Сергеевича по международным делам, «с самого начала Горбачёву ясно было, еще до того, как он стал главой партии и государства, что ничего в России, в СССР серьезного сделать нельзя, если не изменить положение страны в мире. И прежде всего не изменить отношения Запада к нам и не прекратить гонки вооружения, а значит, не прекратить или, во всяком случае, не ослабить конфронтации. Он, конечно, тогда не думал о ликвидации, об устранении идеологического противостояния. Он считал — и потом еще несколько лет держался этого мнения, — что системы останутся разными, непохожими друг на друга. Его задача была, как он себе представлял, ликвидировать враждебность между ними. Он был противником взглядов о несовместимости

¹ Со мной советовались четыре генсека. (Беседа Т. Замятиной с А. Александровым-Агентовым) // Аргументы и факты. 1993. № 20. С. 6.

² Талбот С. Время оптимизма // Огонек. 1989. № 5. С. 11.

систем, об их, так сказать, запрограммированной непримиримости и враждебности, которая создает угрозы мировой войны. Из этого он исходил еще до того, как стал Генеральным секретарем...»¹

А. С. Черняев определял основные постулаты нового мышления следующим образом:

- отказ от конфронтации по идеологическим мотивам, исходя из того, что любые противоречия можно теперь преодолеть, признав наличие общих ценностей у международного сообщества;
- отсюда деидеологизация внешнеполитической деятельности;
- диалог и переговоры как предпочтительный метод межгосударственного общения и международных взаимосвязей;
- отказ от вооруженной силы как главного средства в отстаивании национальных интересов (неизбежно эгоистических по сути);
- недопустимость вмешательства в дела других государств, за исключением случаев, когда оно санкционировано международным сообществом;
- суверенное общение и взаимодействие каждого государства с любым другим, исходя из принципа взаимной выгоды, если это не грозит безопасности третьих стран (согласно общепризнанным нормам безопасности);
- уважение самостоятельности и особенностей любого государства, признанного независимым по нормам международного права на данный момент;
- многостороннее, региональное и иное взаимодействие в соединении усилий по решению проблем, порождаемых глобализацией и общими угрозами природного и «человеческого» происхождения, будь то экологическая, демографическая, энергетическая, ядерная, продовольственная, медицинская и т. д.;
- оптимальное сочетание внешней политики с моралью, то есть с гуманистическими нормами, которые так или иначе отражены во всех мировых религиях².

¹ Беседа А. С. Черняева с Г. М. Ханом и В. Б. Кувалдиным в рамках проекта «Устная история завершения холодной войны» // «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы. Публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 389.

² Черняев А. С. Новое мышление: вчера и сегодня // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В. И. Толстых. М., 2005. С. 124–125.

Сам М. С. Горбачёв в своей последней крупной статье писал: «Сердцевиной нового мышления стал тезис о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей во все более целостном, взаимозависимом мире. Новое мышление не отрицает национальных, классовых, корпоративных и иных интересов. Но оно выдвигает на первый план интересы сохранения человечества, спасения его от угрозы ядерной войны и экологической катастрофы. Мы отказались рассматривать мировое развитие с точки зрения борьбы двух противоположных социальных систем. Мы пересмотрели нашу концепцию безопасности и поставили задачу демилитаризации мировой политики. Из этого вытекает принцип разумной оборонной достаточности при более низких уровнях вооружений. Обобщенно говоря, новое мышление во внешней политике, как и во внутренней политике, означало попытку думать и действовать в соответствии с нормальным человеческим здравым смыслом»¹.

Горбачёв воспринимал новое мышление не только как свое любимое детище, но и как универсальную политическую философию, которая способна изменить мир и минимизировать угрозу любых военных конфликтов. Ему казалось, что философское осмысление политиком его ранга тех проблем, которые стоят перед человечеством, может иметь не только практический смысл, но и позволит предотвратить саму возможность возникновения такого масштабного кризиса, который поставит на грань уничтожения все живое на Земле.

К моменту прихода к власти Горбачёва советско-американские отношения находились в глубочайшем кризисе: обе сверхдержавы придерживались диаметрально противоположных точек зрения по всем ключевым вопросам мировой политики, при этом и Советский Союз, и США отчетливо осознавали всю степень потенциальной опасности для судеб мира, которую таила подобная конфронтация. Начало правления относительно молодого и динамичного Горбачёва ознаменовало решительный поворот во внешней политике СССР: новый советский лидер посчитал снижение напряженности в отношениях с Западом, а в особенности с США приоритетной задачей момента. «Вывести отношения из штопора, в который они попали на рубеже 1970–1980-х годов» — такую амбициозную задачу применительно к межгосударственным отношениям СССР и США поставил Горбачёв перед своей командой².

¹ Горбачёв М. С. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 10–11.

² Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 38.

Список тех претензий, которые Москва предъявляла Вашингтону, а Вашингтон — Москве, был бесконечно велик; казалось, что говорить о каком-то согласии между двумя странами попросту невозможно — обе сверхдержавы ни в чем не хотели уступать друг другу; язык дипломатии был заменен языком пропаганды, прямого диалога между собой СССР и США не вели, ограничиваясь лишь взаимной критикой, месяц от месяца все более и более резкой. Взрывоопасность подобной ситуации и потенциал ее перерастания в полноценный конфликт двух ядерных сверхдержав между собой были очевидны и для СССР, и для США. На похоронах К. У. Черненко представители американской делегации вручили Михаилу Сергеевичу письмо от Рейгана, которое содержало в себе предложение и готовность к изменению отношений. «Горбачёв ответил спустя две недели... Он поддержал идею встречи на высшем уровне, однако не обязательно в Вашингтоне. В общем, его письмо было обнадеживающим», — вспоминал Р. Рейган¹.

Новый министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе оказался для Горбачёва настоящей находкой, он чрезвычайно быстро вошел в курс дела, демонстрируя исключительные способности к искусству дипломатии². Летом 1985 года именно Шеварднадзе представлял СССР на 10-летию подписания знаменитого Хельсинкского акта и сумел добиться установления определенного взаимопонимания с государственным секретарем США Дж. Шульцем. Переводчик последнего советского лидера П. Р. Палажченко вспоминает, что именно встреча министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе с госсекретарем Д. Шульцем в 1985 году в Хельсинки предопределила скорую встречу двух глав супердержав³.

Подготовка к встрече началась и в США, и в СССР. Перед встречей с Рейганом М. С. Горбачёв был настроен чрезвычайно решительно: генсек не собирался идти на односторонние уступки Америке. Единственный возможный формат диалога с Соединенными Штатами — равенство партнеров. Советское внешнеполитическое ведомство, равно как и сам Горбачёв готовились к встрече в чрезвычайно напряженном ритме, стараясь подойти к саммиту в Женеве во всеоружии⁴.

¹ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 609.

² Подробнее см.: Пученков А. С. Генсек и Президент: М. С. Горбачёв в 1990–1991 гг.: монография. Калининград, 2024. С. 51–53.

³ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. М., 2020. С. 94.

⁴ Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 39.

Казалось, не стоило и рассчитывать на успешные переговоры советского и американского лидеров в Женеве. «Сколько накопилось вопросов, разногласий, иногда просто недоразумений, но снять их было невозможно, не встретившись лицом к лицу. У меня и у всех членов советского руководства не было сомнений в необходимости встречи с президентом Рейганом. Мы знали, что и он этого хотел. Но в американском истеблишменте и в его собственном окружении были люди, которые этому противились всеми возможными способами», — вспоминал М. С. Горбачёв¹. По словам П. Р. Палажченко, участвовавшего в подготовке встречи Горбачёва и Рейгана, американская сторона не имела каких-то особых ожиданий в отношении встречи двух лидеров, считая, что, вероятно, главным положительным итогом саммита будет сам факт личного знакомства руководителей обеих держав; американцы, как остроумно заметил П. Р. Палажченко, относились к предстоящей встрече «менее судьбоносно, чем мы»². При этом сам Р. Рейган, на которого со стороны аппарата Белого Дома оказывалось серьезное давление с целью убедить его не встречаться с главой советского государства, был убежден, что его встреча с М. С. Горбачёвым абсолютно необходима³. Москва, в свою очередь, надеялась на то, что переговоры на высшем уровне не будут простой формальностью, рассчитывая хотя бы на незначительное потепление в сложных советско-американских отношениях.

18 ноября 1985 года М. С. Горбачёв отбыл из Москвы в Женеву для встречи с президентом США Р. Рейганом. В состав официальной делегации, помимо Горбачёва, входили министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел Г. М. Корниенко, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров-Агентов⁴.

¹ Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 38–39.

² Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко, переводчика М. С. Горбачёва. Москва. 2022. 30 июня.

³ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. М., 2020. С. 101.

⁴ Советско-американская встреча на высшем уровне, Женева, 19–21 ноября 1985 г.: документы и материалы. М., 1985. С. 5.

Советская сторона не слишком верила в возможность достижения на переговорах какого-то прорыва, более важным представлялась возможность предоставить новому советскому лидеру своеобразное «боевое крещение», сведя его в дипломатическом поединке с президентом США. «К Женевской встрече мы подходили с реалистических позиций, не рассчитывая на крупные договоренности, надеялись заложить предпосылки для серьезного диалога. Было немаловажно, чтобы руководители сверхдержав “присмотрелись” друг к другу, поделились взглядами на сегодняшний мир и роль своих стран, подумали, что можно предпринять для ослабления враждебности и налаживания сотрудничества... Вполне понятная задача для первой встречи», — писал М. С. Горбачёв¹. По свидетельству Э. А. Шеварднадзе, Горбачёв опасался провала переговоров, полагая, что достижение компромисса между ним и Рейганом невозможно. «Горбачёв не испытывал особого желания лететь в Женеву. Он говорил, что их беседа займет не более получаса. Но встреча продолжалась почти три часа. Рейган и Горбачёв вышли в сильном раздражении», — вспоминал Шеварднадзе, утверждая, что советский лидер хотел прервать саммит и оставить Женеву². «Переговоры и другие встречи в Женеве в общей сложности заняли около 15 часов. Пять или шесть встреч мы провели с Рейганом один на один, и каждый раз с нарушением “графика”», — вспоминал Горбачёв, подчеркивая, что диалог с американским лидером был очень непростым: «...мы оба, споря, с жаром возлагали друг на друга ответственность за гонку вооружений, поставившую мир на грань ядерного конфликта»³.

Переговоры проходили крайне напряженно; Р. Рейган, видимо, желал выговориться перед «большевистским» лидером, вел себя крайне эмоционально. «Был момент, когда я почувствовал, что президент Рейган стал говорить нечто напоминающее поучение. Я остановил его буквально на второй минуте. Сказал:

— Господин президент, я хочу вас прервать. Прошу извинить меня. Но хочу сказать несколько слов, чтобы внести полную ясность в нашу дальнейшую работу. Я надеюсь, вы понимаете, что вы — не учитель, я — не ученик. И вы — не прокурор, а я — не обвиняемый. И вы — не судья, а я — не подсудимый. Поэтому: если вы собираетесь меня

¹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В двух книгах. М., 1995. Кн. 2 С. 12.

² Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 88.

³ Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 460.

поучать, то это неприемлемо. Мы можем вести дела только на равных. Вы — президент крупной страны, я — глава государства — вашего партнера. Если вы готовы вести дело на равных, я уверен, мы пойдем с вами далеко. Если нет, то можно считать, что наша встреча закончилась, ибо мы можем вести диалог и сотрудничество только с позиций равенства.

И надо сказать, президент реагировал без раздражения.

— Я тоже к этому готов, — сказал он. — Я только хотел разъяснить нашу позицию.

И разговор продолжился», — описывал свое знакомство с американским президентом М. С. Горбачёв¹.

Как вспоминал чрезвычайный и полномочный посол СССР Г. М. Корниенко, в кулуарных разговорах министр финансов Д. Риган — ближайший соратник Р. Рейгана, признался, что никто из политиков не разговаривал с президентом Соединенных Штатов настолько прямо и с таким очевидным напором, как Горбачёв². Вместе с тем в процессе встречи установилось определенное уважение и взаимопонимание между лидерами СССР и США, обнаружилась их готовность к обоюдному диалогу, что не преминул подчеркнуть Горбачёв, выступая на пресс-конференции по итогам саммита³.

И в первые дни после окончания Женевского саммита, и впоследствии современники отмечали важность встречи Рейгана и Горбачёва в ноябре 1985 года. Советскую прессу, сразу по завершении саммита, буквально накрыла волна эйфории. В одной из ведущих советских газет, «Известиях», приводился текст совместного советско-американского Заявления, сделанного по итогам переговоров, в котором содержалось утверждение, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей»⁴. Уже названия статей говорят сами о себе: «Важный шаг в Женеве»⁵, «Мир стал более безопасным»⁶ и т. д. «Результатом встречи Генерального секретаря ЦК КПСС

¹ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 47.

² Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство её участника. М., 2001. С. 359.

³ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М., 2010. С. 155–157.

⁴ Совместное советско-американское заявление // Известия. 1985. 22 ноября.

⁵ Важный шаг в Женеве // Известия. 1985. 23 ноября.

⁶ Мир стал более безопасным // Известия. 1985. 24 ноября.

М. С. Горбачёва и президента США Р. Рейгана стала победа разума, достигнутая благодаря усилиям обеих сторон», — писал журналист «Известий»¹. «Здравый смысл должен восторжествовать», — подчеркивалось в другой заметке той же газеты². «Правда» в статье с говорящим названием «У нас одна планета» также отмечала последовательное стремление Советского Союза к миру³. В другой заметке той же газеты высказывалось убеждение в том, что курс СССР на устранение ядерной угрозы «получает горячую поддержку советских людей, одобряется нашими друзьями и союзниками, находит широкое понимание в мире, с надеждой воспринимается всеми народами планеты»⁴.

Пожалуй, наиболее взвешенные и осторожные оценки итогов переговоров принадлежали журналисту Б. Иванову: «Итоги Женевы нельзя определить однозначно. Эта встреча слишком важна, чтобы ее можно было бы оценивать какими-то общепринятыми категориями. Лучше, конечно, если было бы достигнуто согласие по узловой проблеме — прекращение гонки ядерных вооружений. Однако этого, к сожалению, не произошло. Не произошло потому, что американская сторона оказалась все еще неподготовленной к тому, чтобы, исходя из новых политических и военных реальностей сегодняшнего дня, согласиться на радикальные предложения нашей страны. Чуда в Женеве не произошло, да если следовать логике международной политики, то оно вряд ли и могло произойти. Уж слишком различными были позиции сторон, чтобы можно было ожидать появления в ходе встречи каких-либо значительных соглашений в области контроля над вооружениями. И все же большинство из тех, кто оказался свидетелем советско-американской встречи — этого крупнейшего события международной жизни, — покинули Женеву с чувством оптимизма. И основания для этого есть... Встреча позади. Сделан лишь первый шаг на пути, который обещает быть долгим и трудным. С другой стороны, недаром говорят, что и самый долгий путь начинается с первого шага. И сделан он в Женеве. Хочется верить, что разум и реализм восторжествуют»⁵.

В качестве очевидного положительного итога встречи в Женеве можно указать на то, что в ходе переговоров Горбачёву и Рейгану

¹ Мир стал более безопасным // Известия. 1985. 24 ноября.

² Горизонты Женевы // Известия. 1985. 25 ноября.

³ У нас одна планета // Правда. 1985. 23 ноября.

⁴ Уверенность и оптимизм // Правда. 1985. 29 ноября.

⁵ Иванов Б. Три дня в Женеве // Неделя. 1985. № 48. С. 2.

удалось «растопить лед»¹. Именно после саммита в Женеве в советском дипломатическом корпусе родилось убеждение, что «оказывается, с Рейганом можно работать»². По словам А. Ф. Добрынина, «в известном смысле эта встреча Горбачёва и Рейгана как бы подвела черту под определенным историческим отрезком времени, когда в Вашингтоне фактически отвергали серьезный диалог с нами, предпочитая диалогу попытки грубого нажима на СССР. Несмотря на то, что при встрече в Женеве не было достигнуто согласия по главным вопросам — о запрете на ударные космические средства и сокращении ядерных испытаний, — результаты встречи создавали предпосылки для перехода от состояния опасной напряженности к конструктивным поискам путей нормализации взаимоотношений двух стран и оздоровления международной обстановки в целом»³.

На встрече было выявлено стремление СССР и США к безъядерному миру, родился «дух Женевы»⁴, ее итоги обнадежили все человечество.

Главным событиям в истории советско-американских отношений в эпоху перестройки еще только предстояло произойти, однако значение встречи в Женеве переоценить нельзя — это был первый шаг на пути к снижению международной напряженности; советские и американские дипломаты пришли к выводу о том, что работа друг с другом имеет совершенно определенные и серьезные перспективы на успех. М. С. Горбачёв, достойно проведший переговоры в Женеве, уверенно занял место среди ведущих государственных лидеров мира.

Закрепляя сложившееся в мире позитивное впечатление от женевской встречи в верхах, Горбачёв 15 января 1986 года огласил рассчитанную на 15 лет программу, предусматривавшую поэтапную ликвидацию ядерного оружия к концу XX века⁵, автором идеи которой выступили

¹ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 635.

² Дипломат (Беседа О. Пересина с А. Бессмертных) // Итоги. 2011. № 22. С. 49.

³ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996. С. 595.

⁴ Горбачёв М. С. Наедине с собой... С. 466. «Дух Женевы» — выражение, укоренившееся в мировой дипломатии после саммита «большой четверки» — лидеров США, Великобритании, Франции и СССР в Женеве в 1955 году, по итогам которого произошло некоторое снижение международной напряженности в рамках «холодной войны».

⁵ Горбачёв М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1986. С. 242–243.

Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев и первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко¹. В общем-то это Заявление можно рассматривать как зарю знаменитого горбачёвского нового мышления, о котором скоро будет говорить весь мир. Размышляя над Заявлением Горбачёва, Черняев записал в дневнике: «Заявление Горбачёва. Он, видимо, действительно *во что бы то ни стало* решить покончить с гонкой вооружений. Идет на тот самый “риск”, в котором он смело увидел отсутствие риска, потому что никто на нас нападать не будет, даже если мы совсем разоружимся, а страну, чтоб ее возродить и поставить на твердый путь, нужно освободить от бремени вооружений, истощающего не только экономику. Боже мой! Как нам повезло, что среди ПБ [Политбюро. — *Авт.*] нашелся такой человек, какую поистине “государеву” мудрость проявил, — Андропов, который обнаружил Горбачёва и вытащил из провинции! Причем именно его: ведь в СССР, кажется, 95 краев и областей. И потом навязал его Брежневу! Если б не нашел Андропов Горбачёва, с кем бы мы остались: на место Черненко претендовали Гришин, Романов и Громыко. Можно себе представить, какая судьба ждала бы Россию, если б любой из них, да еще после Черненко, встал во главе. Страшно подумать!»²

11–12 октября 1986 года в столице Исландии Рейкьявике прошла вторая с момента прихода к власти Горбачёва встреча на высшем уровне с Р. Рейганом. С того времени прошло уже без малого сорок лет, но до сих пор итоги саммита в Рейкьявике порождают самые противоречивые оценки как в научной и публицистической литературе³, так и в мемуаристике. Не случайно, что Горбачёв в одной из своих последних книг назвал соответствующую главу «Саммит в Рейкьявике. Провал или прорыв?»⁴ — тем самым указывая на две существующие оценки этих памятных переговоров двух руководителей сверхдержав.

¹ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 427.

² Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008. С. 669. Дневниковая запись от 18 января 1986 года.

³ Так, покойный петербургский историк А. В. Островский в своей книге, посвященной перестройке, писал даже о «тайне» Рейкьявика, в котором, дескать, была подготовлена «капитуляция» СССР и его союзников в Восточной Европе (см.: Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 88–101).

⁴ Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 55.

Примечательно, что в первом издании своих воспоминаний Михаил Сергеевич писал о «драме» Рейкьявика, сравнивая ее с Чернобылем. «Разного рода драмы — Чернобыль и Рейкьявик. Но по потрясению основ, на которых строился послевоенный мир, они сопоставимы. После Чернобыля мы поняли, в каком мире живем — в каком соотношении с природой, с наукой, чего стоим, о чем должны думать. А после Рейкьявика всем стало ясно, что мир, может быть, на последнем перевале — к спасению рода человеческого или к гибели», — пояснил свою позицию Горбачёв¹. Ближайшие помощники генсека Г. Х. Шахназаров и А. С. Черняев в своих воспоминаниях отмечали всю степень трудности, с которой столкнулся Горбачёв, приступая к реализации своей внешней политики. Шахназаров подчеркивал, что смелые шаги Горбачёва в области разоружения были изначально восприняты на Западе даже не в качестве «очередной утопии», а лишь в качестве очередного «пропагандистского трюка» Кремля, однако напористая личная дипломатия Горбачёва «позволила растопить ледяные наносы, образовавшиеся за четыре десятилетия “холодной войны”, советский лидер сумел убедить своих западных коллег, что Советский Союз не блефует, благодаря чему ему поверили руководители ведущих капиталистических держав, а с их помощью Горбачёв, по Шахназарову, «расколол самый крепкий орешек — Рейгана»². Г. Х. Шахназаров безусловно положительно оценивал итоги советско-американских встреч на высшем уровне, включая Рейкьявик. А. С. Черняев, назначенный на должность помощника генсека по международным делам незадолго до саммита и принимавший непосредственное участие во встрече в Рейкьявике, относился к результатам деятельности своего патрона более осторожно, отмечая все же, что, хотя «формально Рейкьявик вроде сорвался, ничего не получилось», но по сути «Рейкьявик был переломным. Это был прорыв к новым отношениям»³. Видный советский дипломат Л. М. Замятин, занимавший в те годы должность посла в Великобритании, также положительно расценивал итоги переговоров в Рейкьявике,

¹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 27–28.

² Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М., 2001. С. 296.

³ «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 400, 423.

отмечая, что, хотя «соглашение подписано не было, но взаимопонимание по многим вопросам существовало», что не могло не внушать двум лидерам совершенно определенный оптимизм¹. Американская сторона также отмечает, что на переговорах в Рейкьявике удалось добиться больших достижений, чем за «какую-либо предыдущую советско-американскую встречу», а сам этот саммит следует рассматривать как самый «замечательный» в истории двусторонних отношений сверхдержав². Вместе с тем в американской мемуаристике также встречается и утверждение о том, что саммит в Рейкьявике был самым противоречивым по своему характеру за всю вторую половину холодной войны, а Горбачёв предложил Рейгану чрезвычайно рискованную и авантюрную сделку, целью которой было уничтожение СОИ³. О том, что саммит в Рейкьявике и годы спустя продолжает оставаться загадочным и крайне спорным, писал в своей работе «Рейган в Рейкьявике» и видный американский дипломат и политик К. Адельман, убежденный в том, что октябрьская встреча 1986 года открыла дорогу к окончанию холодной войны, в которой «Мы [США. — Авт.] победили. Они [СССР. — Авт.] проиграли»⁴. О том, что американская делегация достигла «успеха в Исландии», американский президент Р. Рейган объявил в своем обращении к нации уже 13 октября 1986 года⁵. О том, чем был Рейкьявик — провалом или прорывом, — следует поговорить подробно.

К моменту встречи в Рейкьявике положительная составляющая, достигнутая после первой встречи генсека с американским президентом, стала сходить на нет, по словам Горбачёва, женевские переговоры по ядерным вооружениям были «практически в тупике», они превратились в «ширму, за которой ничего не происходит»⁶. Исходя из этого, советская сторона срочно подготовила и отправила письмо Р. Рейгану, в котором содержалось предложение о встрече, которая должна была дать новые импульсы переговорному процессу. Для того

¹ *Замятин Л. М.* Горби и Мэгги. М., 1995. С. 37.

² *Shultz George P.* Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. New York, 1993. P. 776.

³ *Gates Robert M.* From the shadows. New York, 1996. P. 407–408.

⁴ *Adelman K.* Reagan at Reykjavik. New York, 2014. P. 295, 297.

⁵ *Рейган Р.* Откровенно говоря: Избранные речи / Пер. с англ. М., 1990. С. 288.

⁶ *Горбачёв М. С.* В меняющемся мире. М., 2018. С. 53.

чтобы не возникло ощущение, что СССР или США идут друг другу на уступки, в качестве места встречи был выбран Рейкьявик, поскольку Исландия находилась на равном удалении от обеих стран — участников будущих переговоров. Неожиданно быстро было достигнуто соглашение о встрече, а вскоре последовало официальное сообщение о новом советско-американском саммите — в Рейкьявике¹.

Встрече предшествовала напряженная подготовка: Горбачёв поставил перед своими подчиненными задачу подготовить к саммиту такого рода предложения, которые могли бы открыть «путь к прорыву»². Еще перед встречей в Женеве известный ученый и влиятельный политический эксперт академик Г. А. Арбатов в секретной докладной записке на имя Горбачёва советовал последнему пересмотреть советскую позицию по вопросам разоружения, не стремиться перехитрить американцев, а уделить «больше внимания тому, чтобы своей позицией, своими предложениями, сделав их максимально привлекательными, безукоризненно честными и реалистическими, способствовать усилению и обострению этой внутренней борьбы в США и в НАТО, укреплению позиций противников гонки вооружений и “холодной войны”. Для этого в Женеву, как мне кажется, надо будет взять помимо доброй воли еще и новые позиции...»³ В качестве «домашней заготовки» Арбатов обратил внимание генсека на свойство характера Рейгана, в котором воинственный антикоммунизм уживался со стремлением посредством встречи с Горбачёвым доказать американскому истеблишменту, что он — «большой государственный деятель и политик, даже миротворец»⁴. Рейган, — отмечал Г. А. Арбатов, — «очень популярен в США, он ощущает зависимость от общественного мнения и мнения политических кругов — в Америке и в мире. У нас цели, естественно, совершенно иные. Они не в том, чтобы сохранить существующую напряженность и гонку вооружений, а в том, чтобы попытаться сделать реальный шаг к разрядке и разоружению, не упустить даже малейшую к тому возможность. Возможно ли это? По-моему, возможно, но только если подойти к встрече очень серьезно, ответственно и смело. Это, как мне кажется, сделало бы нашу позицию беспроеигрышной.

¹ Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 53.

² Там же.

³ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 36.

Мы либо добились бы заметного сдвига к лучшему (как минимум в смысле значительного укрепления своих позиций для дальнейшей борьбы за разрядку и ограничение вооружений). Либо — но только при таком сугубо серьезном и деловом отношении к встрече — убедительно разоблачили бы политику Рейгана, сорвали с нее маску, а тем самым нанесли бы по ней очень чувствительный удар... Ключ, мне кажется, в том, что здесь вдобавок к нашим усилиям в пропаганде до, во время и после встречи, вдобавок к Вашим усилиям на самой встрече, надо еще, чтобы эти усилия были должным образом подкреплены очень сильной и в чем-то неожиданной позицией по главному вопросу — ограничению вооружений...»¹

8 октября 1986 года, после подробного обсуждения, Политбюро утвердило директивы советской делегации на переговорах с президентом США. Горбачёв прибыл в Рейкьявик с «пакетом» предложений, состоящим из трех элементов: сокращение на 50 процентов стратегических наступательных вооружений; полная ликвидация советских и американских ракет средней дальности (РСД) в Европе, отказ Вашингтона от СОИ. Все три составляющие части советских предложений были взаимосвязаны, они были положены на стол переговоров именно в «пакете»². «Главная цель, — отмечал М. С. Горбачёв, — была такая: упростить схему договоренности, предложить сократить на 50 процентов все компоненты триады стратегических вооружений. В том числе мы готовы были пойти на 50-процентное сокращение тяжелых ракет наземного базирования, которые США с самого начала рассматривали как “наиболее дестабилизирующие”. Мы были готовы пойти и на нулевой вариант по ракетам средней и меньшей дальности — т. е. на ликвидацию всех ракет этих двух классов в Европе»³. При этом Горбачёв подчеркивал, что, «прекращая гонку наступательных вооружений, мы исходили из того, что не должна начаться гонка вооружений в космосе, в области противоракетной обороны»⁴, тем самым фактически признавая, что наибольшие опасения у Советского Союза вызывала знаменитая СОИ (стратегическая оборонная

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 36–37.

² *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачёва. 1985–1991 гг. СПб., 2014. С. 162–163.

³ *Горбачёв М. С.* В меняющемся мире... С. 54.

⁴ Там же.

инициатива), о которой речь пойдет ниже. Саммиту предшествовала целая серия совещаний, на которых предметно были обсуждены цели, которые советская сторона собиралась достигнуть на встрече в верхах. По поводу этих целей в советской делегации царило единодушие. «Все согласились выдвинуть в Рейкьявике предложения о сокращении каждого вида СНВ [стратегические наступательные вооружения. — *Авт.*] (МБР, БРПЛ, ТБ [межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок, тяжелые бомбардировщики. — *Авт.*] обеими сторонами на 50-процентное от существовавшего тогда у каждой из них уровня, а в качестве запасного варианта — о сокращении СНВ до уровня 1600 стратегических носителей и 6000 боезарядов. После жарких дискуссий договорились о возможности сокращения на 50% и наших тяжелых МБР СС-18 (с 308 до 154), в чем были особенно заинтересованы США, а также о засчете каждого ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту как одного стратегического носителя в число 1600 и одного боезаряда в число 6000. Эти решения были очень непростыми для нас. Мы шли на серьезные уступки американцам, уменьшая на 50 % количество советских тяжелых ракет МБР СС-18. Подобных ракет у США не было. Порядок засчета ТБ с ракетами СРЭМ также был выгоден США. Одновременно было договорено твердо держаться позиции, что договор по ПРО должен строго соблюдаться сторонами в том виде, как он был подписан в 1972 году, и добиваться полного прекращения ядерных испытаний. По ракетам средней дальности наша позиция к Рейкьявику предусматривала полную ликвидацию таких ракет СССР и США в Европе при сохранении в Азии определенного их количества (около 100). Все было сформулировано в виде проектов совместных советско-американских документов, которые имелось в виду вручить Р. Рейгану (разъяснив при этом, разумеется, их суть соответствующим образом) в ходе первой же беседы. Разработку нами таких документов можно называть не без основания настоящим прорывом. Такой широкий набор важных предложений одновременно ни разу не вносился советской стороной за всю историю советско-американских переговоров по сокращению ядерных вооружений. Коллективно были определены и глубоко разработаны вопросы, по которым было нужно добиваться уступок от американской стороны. Словом, как сам М. С. Горбачёв, так и все члены советской делегации к переговорам

были подготовлены всесторонне», — вспоминал Г. М. Корниенко¹. Как «очень сильную и продуманную» расценил позицию советской делегации перед переговорами и П. Р. Палажченко, переводивший беседы советского лидера с Р. Рейганом².

Горбачёв был прекрасно осведомлен о всей сложности предстоящего саммита: «Встреча будет очень сложная. Не исключен и провальный вариант», — заявил он коллегам по Политбюро накануне вылета в Рейкьявик 8 октября 1986 года³.

Саммит в Рейкьявике, во время которого разыгрались поистине шекспировские страсти⁴, действительно стал этапным и поворотным событием в международных отношениях, он во многом отличался от женевской встречи в верхах. «В Женеве нас не услышали. Так мы подошли к октябрю 1986 года, когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что там была уже иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы», — вспоминал член советской делегации академик Е. М. Примаков⁵. Переговоры между Рейганом и Горбачёвым проходили 11–12 октября 1986 года в «одинокое стоявшем у берега Атлантического

¹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М., 1992. С. 110–111. Серьезно отнесся к предстоящему саммиту в Рейкьявике и Рейган, искавший свой подход к Горбачёву (см.: Масси С. «Доверяй, но проверяй!» Уроки русского для Рейгана: Мои воспоминания / Пер. с англ. О. А. Зимарина, М. Ю. Булыгина. М., 2018. С. 164–245). Вряд ли можно не согласиться с оценкой бывшего посла США в СССР Джека Мэтлока, по словам которого, «оба лидера подготовили свои позиции тщательно, хотя спешно и в глубокой тайне» (см.: Мэтлок Джек Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 75).

² Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко, переводчика М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 8 июля.

³ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 82.

⁴ Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 90.

⁵ Примаков Е. М. Минное поле политики. М., 2006. С. 45–46.

океана деревянном доме, носившем название Ходфри Хауз», который, по утверждению мистически настроенных исландцев, был пристанищем привидений¹. Маленькая страна, к которой в те дни были прикованы взоры всего мира, испытывала понятную гордость и радость и с нетерпением ожидала представителей СССР и США², все гостиницы Рейкьявика были переполнены: встреча Рейгана и Горбачёва вызвала невиданный интерес³, в ожидании приезда высоких гостей город судорожно «прихорашивался»⁴.

Советская делегация прилетела в Рейкьявик 10 октября 1986 года и разместилась на теплоходе «Георг Отс». В составе делегации, помимо Горбачёва и его супруги, были Э. А. Шеварднадзе, А. Ф. Добрынин, Ю. В. Дубинин, А. Н. Яковлев, С. Ф. Ахромеев, А. С. Черняев, академики Г. А. Арбатов, Е. М. Примаков, переводчик Горбачёва П. Р. Палажченко⁵. Уже тогда, в самом начале горбачёвской эпохи, проявилась характерная особенность советского лидера: Михаил Сергеевич «...невероятно много, интенсивно работал» во время переговоров на высшем уровне⁶, требуя того же от своих подчиненных. Прибыв в Рейкьявик, Горбачёв выступил с небольшим заявлением для прессы, в котором подчеркнул, что «пришло время действий, действий серьезных и решительных», которые необходимо предпринять в первую очередь таким великим державам, как Советскому Союзу и США. Михаил Сергеевич подчеркнул, что он от лица СССР призывает все мировое сообщество «ликвидировать ядерное оружие к концу нынешнего века»⁷. Советский партийный официоз, газета «Правда», в заметке, посвященной саммиту, отмечала, что «сегодня Рейкьявик стал символом надежды на то, что люди во всем мире смогут избавиться от страха перед ядерным всесожжением. И эти надежды не должны быть обмануты»⁸.

¹ Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США. М., 2003. С. 125.

² Можайский Н. Рейкьявик готовится к встрече // Неделя. 1986. № 41 (1385). С. 9.

³ Иванов Н. Чем живет Рейкьявик // Известия. 1986. 7 октября.

⁴ Бовин А., Иванов Н., Палладин А. Рейкьявик ждет // Известия. 1986. 10 октября.

⁵ Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 74–75.

⁶ Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994. С. 288.

⁷ Известия. 1986. 12 октября.

⁸ Колесниченко Т., Масленников А. Что видится из Рейкьявика // Правда. 1986. 10 октября.

Переговоры двух лидеров проходили очень непросто: и Рейган, и Горбачёв, равно как и их «команды», с опаской и недоверием относились друг к другу. Советская сторона руководствовалась в ходе переговорного процесса здравой, понятной всему человечеству, логикой: «Опустить ядерное противостояние на другой, намного более низкий уровень. На наши далеко идущие предложения у президента Рейгана сначала проявилась реакция, близкая к растерянности, хотя он и услышал то, чего США всегда добивались от нас, — радикального сокращения МБР. Но поскольку это подавалось в увязке с другими компонентами, у президента, видимо, возникло подозрение, что его хотят загнать в ловушку», — вспоминал М. С. Горбачёв¹. «Американцы были ошарашены советскими предложениями», — утверждал принимавший участие в переговорах генерал Н. Ф. Червов², американской стороне приходилось прямо в ходе переговоров придумывать новую «пьесу»; инициатива «Советов» оказалась для них абсолютной неожиданностью. Вместе с тем инициатива советской стороны отвечала желанию американцев. По словам руководителя американской команды военных экспертов, ветерана холодной политики П. Нитце, уникального знатока проблемы ядерного оружия, (советские переговорщики дали Нитце прозвище «дед»)³, предложения Горбачёва были «самым лучшим и выгодным для США советским предложением за 25 лет»⁴. На какое-то время у всех присутствующих возникло ощущение, что соглашение может быть достигнуто, осталось только доработать детали⁵. Советская и американская команда экспертов, руководимые С. Ф. Ахромеевым и П. Нитце, занимались выработкой максимально приемлемой формулы соглашения с учетом новой инициативы Москвы. В последний день переговоров, 12 октября, оба лидера добились радикальной договоренности по ядерному оружию — полном его уничтожении в течение десяти лет. Инициатива эта исходила от Горбачёва, она была поддержана Рейганом⁶.

¹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В двух кн. М., 1995. Кн. 2. С. 29.

² Червов Н. Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 115.

³ Квицинский Ю. А. Время и случай: Заметки профессионала. М., 1999. С. 351, 377.

⁴ Shultz George P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. New York, 1993. P. 760.

⁵ Велихов Е. П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год. М., 2017. С. 186.

⁶ Полюнов М. Ф. Внешняя политика Горбачёва... С. 165.

Кроме того, Р. Рейган заявил о том, что «он хочет мир без ядерного оружия и готов обсудить ликвидацию “не только стратегических ракет, но и тактических, и оружия поля боя тоже”. Это был, скорее всего, экспромт, во всяком случае я уверен, что ничего подобного в заготовленных для Рейгана тезисах не было», — вспоминал работавший на тех переговорах П. Р. Палажченко¹. Переговоры, казалось бы, плавно подходили к кульминации, которая должна была стать небывалым триумфом обоих лидеров и огромным шагом человечества на пути к крепкому и прочному миру, однако в шаге от успеха все внезапно застопорилось, эпохальные соглашения подписать не удалось².

В решающий момент переговоров камнем преткновения явилась знаменитая рейгановская СОИ (SDI — Strategic Defense Initiative) — стратегическая оборонная инициатива, предусматривавшая создание ПРО и размещение его элементов в космосе, вызывавшая огромные опасения у СССР. СОИ, или, как ее называла советская пропаганда, «звездные войны», была «болевым точкой» для Советского Союза. «Звездные войны напугали Москву. Мы клюнули на американскую пропаганду, внушившую Кремлю определенное чувство интеллектуальной неполноценности», — утверждает выдающийся советский дипломат А. М. Белоногов³. Уже позднее в обывательских кругах стало модно говорить о «доверчивости» Горбачёва сотоварищи, поверивших блефу американцев про СОИ, но тогда, в 1986 году, все казалось по-другому: «Наши переговорщики и военные были уверены, что к 1990 году американцы развернут космический эшелон», — вспоминал виднейший ученый, академик Е. П. Велихов⁴. В свою очередь, еще один крупнейший специалист, академик Р. З. Сагдеев, занимавший в то время пост директора Института космических исследований АН СССР, вспоминал, что ученые, работавшие над этой проблемой, «уделяли слишком много внимания СОИ», но делали это с самыми лучшими

¹ Палажченко П. Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. 1-е изд. М., 2020. С. 121–122.

² Барсенков А. Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985–1990) // Российская история. 2015. № 6. С. 142.

³ Архив автора. Интервью А. М. Белоногова; в 1986–1990 годах — постоянный представитель СССР при СБ ООН, в 1990–1991 годах — первый заместитель министра иностранных дел СССР. Москва. 2020. 14 января.

⁴ Велихов Е. П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год... С. 184.

намерениями. «По крайней мере, — резюмирует Сагдеев, — это сэкономило для страны несколько миллиардов рублей»¹.

«СОИ никем не воспринимался как блеф, это была реальная программа, основанная на огромном бюджете. Как идеал, СОИ была мифом, но это была программа, на которую Советскому Союзу пришлось бы отвечать. СОИ могла спровоцировать серьезную гонку, которая никому бы ничего не дала», — утверждает П. Р. Палажченко, осведомленный обо всех перипетиях тех переговоров². По словам Палажченко, позиция советской делегации в целом сводилась к тому, что Советский Союз в ответ на замедление СОИ был готов пойти на то, чтобы отдать 154 ракеты СС-18³. Однако этот расчет себя не оправдал. Предложенный Горбачёвым Рейгану отказ от СОИ и перенос исследований по этой программе исключительно в рамки «лабораторий» американского президента не устраивал. Для Рейгана, по словам П. Нитце, перевод СОИ в лаборатории был равносильен превращению ее в «грудю мусора»⁴. По словам Рейгана, в последние часы саммита Горбачёв наконец-то раскрыл карты, стремясь добиться такого соглашения, которое позволит «убить СОИ»⁵. Рейган полагал, что «СОИ — это страхового полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства, взятые Горбачёвым и мною в Рейкьявике»⁶. По словам генерала К. Пауэлла, советника Рейгана по национальной безопасности, Горбачёв «действительно боялся» СОИ⁷, так же, несомненно, думал и Рейган, как следствие, американский президент был убежден в том, что СОИ является главным фактором давления на СССР⁸, отказ от СОИ был для него абсолютно неприемлем. «Участники переговоров с обеих сторон понимали, что приближается поражение — политическое и моральное. Но все попытки ничего

¹ *Sagdeev R. Z.* The making of a Soviet scientist: my adventures in nuclear fusion and space from Stalin to Star Wars. New York, 1994. P. 273.

² Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

³ Там же.

⁴ *Nitze Paul H.* From Hiroshima to Glasnost: at the center of decision, a memoir. New York, 1989. P. 435.

⁵ *The Reagan diaries.* New York, 2007. P. 444.

⁶ *Рейган Р.* Жизнь по-американски. М., 1992. С. 684.

⁷ *Powell Colin L.* My American journey. New York, 2003. P. 360.

⁸ *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачёва. 1985–1991 гг. СПб., 2014. С. 165.

не давали, так крепко Рейган связал себя с СОИ», — вспоминал Горбачёв¹. «Я все больше закипал, не в силах сдерживать раздражение. До меня дошло, что он [М. С. Горбачёв. — *Авт.*] заманил меня в Исландию с единственной целью — угробить на корню стратегическую оборонную инициативу. С самого начала он, должно быть, замыслил известить нас об этом в самую последнюю минуту», — писал американский президент². «Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлен», — вспоминал Рейган³. «Переговоры зашли в тупик и стали приобретать странный характер. Рейган попросту начал торговаться: пойдите мне навстречу, и вы почувствуете, сколько может сделать Америка в сотрудничестве с вашей страной. Я же пытался ему внушить, что всего один шаг отделяет его от того, чтобы войти в историю президентом-миротворцем. Но, повторял я, когда речь идет о безопасности, я не могу требовать от вас согласия на то, что означало бы меньшую безопасность для Соединенных Штатов, а вы, президент, не вправе требовать от меня подобного в отношении моей страны. Встреча закончилась. Мы вышли с Рейганом из дома. Уже наступили сумерки. Настроение скверное. Рейган бросил мне упрек:

— Вы с самого начала задумали приехать сюда и поставить меня в такое положение!

— Нет, господин президент, я готов сейчас же вернуться в дом и подписать документ по вопросам, которые мы уже согласовали, если вы откажетесь от планов милитаризации космоса.

— Весьма сожалею, — ответил Рейган...

Мы расстались», — вспоминал М. С. Горбачёв⁴.

Тем временем советская и американская делегации ожидали результатов переговоров Рейгана и Горбачёва. «Оба лидера посвятили

¹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. В двух кн. Кн. 20. М., 1995. С. 31.

² Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 686.

³ Там же.

⁴ Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 469. Ср. с записью беседы Р. Рейгана и М. С. Горбачёва:

Г о р б а ч ё в: Мы не можем пойти на то, что Вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через две минуты подпишем документ. На что-то другое мы пойти не можем. На что могли — мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть. Несмотря на то, что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал все, что мог.

проблеме разоружения много сил и внимания. Договорились о дополнительной встрече с глазу на глаз. Она продолжалась не менее двух часов. Обе делегации ждали в коридоре. Шутили, рассказывали анекдоты... и волновались. Все понимали, что за закрытыми дверями решается проблема общечеловеческого масштаба. Наконец Горбачёв и Рейган вышли в коридор с натянутыми улыбками. Михаил Сергеевич, проходя мимо меня, шепнул: «Ничего не вышло»», — вспоминал один из ближайших соратников советского лидера А. Н. Яковлев¹. «А за дверьми произошло следующее (передаю по рассказам Михаила Сергеевича). Президент добивался от Горбачёва согласия на СОИ. Много и увлеченно рассуждал о преимуществах и перспективах этой системы, о том, как она обеспечит всем мир и безопасность. Произнес также, к ужасу Шульца, что он вообще за ликвидацию ядерного оружия полностью и до конца. Выразил готовность поделиться с нами разработками по СОИ... И т. д. Горбачёв возражал: СОИ позволяет обойти договоренности о сокращении и ликвидации ядерного оружия, она позволяет нанести первый и безнаказанный удар. Он, Горбачёв, не может рисковать, на нем ответственность за безопасность своей страны. Рейган его упраскивал, буквально умолял, но Горбачёв уперся. И вот финальная сцена в том домике. Открывается двухстворчатая дверь в комнату, где мы, делегация, ждем. По лицам двух лидеров мы понимаем: провал!» — вспоминал помощник генсека по международным делам А. С. Черняев². «СОИ заблокировала все достигнутое в Рейкьявике... Американская сторона не приняла текст [предложенный советской делегацией в качестве основы

Рейган: Жаль, что мы расстаемся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю все-таки, что Вы не хотели достижения договоренности. Мне очень жаль.

Горбачёв: Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договоренности и сделал для нее все, что мог, если не больше.

Рейган: Не знаю, когда еще у нас будет подобный шанс и скоро ли мы сможем встретиться.

Горбачёв: Я тоже этого не знаю (см.: Из архива Горбачёва (Беседы М. С. Горбачёва с Р. Рейганом в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г.). Четвертая беседа (днем 12 октября 1986 г.) // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8. С. 78).

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 586.

² Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 75–76.

предстоящих действий сторон. — *Авт.*]. Она не пошла на ограничение СОВСЕВ рамками лабораторий. Находясь буквально на пороге решений, которые могли бы стать историческими для всей ядерной эпохи, США остались на старых позициях, не смогли перешагнуть через свои амбициозные планы достижения военного превосходства через космос... Чего же добивался в Рейкьявике Белый дом? Заставить СССР пойти на односторонние уступки. Но для того времени это была нереальная политика. Заявленные в Рейкьявике советской делегацией уступки — это часть “пакета”. Не будет “пакета” — не будет и уступок. Такова была советская позиция, сформулированная в Рейкьявике, логичная и серьезная, отвечающая интересам безопасности СССР, США, Западной Европы и всех стран мира», — утверждал генерал Н. Ф. Червов¹. В момент прощания с Горбачёвым из глаз Рейгана потекли слезы. Было ли это актерством? Вероятно, нет: американский президент был, видимо, на грани нервного истощения. «Да, он плакал. Я смотрел и не верил», — вспоминал находившийся рядом со своим патроном начальник личной охраны Горбачёва генерал В. Т. Медведев². Не в силах сдерживать своих эмоций, в раздражении и досаде Рейган даже махнул рукой, выказывая этим всю степень своего разочарования от результатов переговоров; вероятно, президент США «предвкушал» шквал критики в свой адрес дома по результатам переговоров и не мог скрыть своих чувств³. П. Р. Палажченко утверждал, что слезы Рейгана не были актерством; по мнению Палажченко, американский президент «реально мечтал о мире без ядерного оружия, он не хотел перехитрить и обмануть. У него была очень жесткая позиция по вопросу о Советском Союзе и его роли в мире, но он был искренним человеком, хотя и убежденным антикоммунистом. В вопросах разоружения Рейган был просто-душен, он делал это не для того, чтобы обмануть русских»⁴. «У Рейгана, — подчеркивает Палажченко, — была мечта, он *просил* [выделено мной. — *Авт.*] о том, чтобы ему дали зеленый свет для глобальной

¹ Червов Н. Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 117, 118, 121–122.

² Медведев В. Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 210.

³ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 16 сентября.

⁴ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

ПРО»¹. В известной степени Рейган был романтик в политике², лелеявший мечту о безъядерном мире, отсюда и разочарование американского президента. «Мы были так близки к соглашению. Его расстройство было очевидным», — писал о чувствах Рейгана руководитель аппарата Белого дома Д. Риган³. Как вспоминал Палажченко, в те минуты «элемент разочарования» в связи с неудачей таких серьезных и важных переговоров был и у советской делегации⁴, хотя лидеры двух стран распрощались вежливо, Горбачёв, проводивший Рейгана до его машины, вполне владел собой⁵. «Рейган выглядел разгневанным. Горбачёв, напротив, — спокойным», — вспоминал министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе⁶. Объясняя тот факт, что два лидера так и не смогли прийти в Рейкьявике к какому-то соглашению, Шеварднадзе заметил, что Горбачёв и Рейган «не смогли удержать мяч, который сами же бросили далеко вперед»⁷.

Государственный секретарь США Дж. Шульц, выступая по горячим следам после окончания встречи, поспешил объявить всему миру о ее провале, теперь выступить перед журналистами предстояло генеральному секретарю ЦК КПСС⁸. Доехав до «Георга Отса», Горбачёв,

¹ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

² *Fitzwater M. Call the Briefing! Holbrook, Massachusetts, 1995. P. 138.*

³ *Regan D. T. For the record. From Wall street to Washington. San Diego; New York; London, 1988. P. 351–352.* Видный советский дипломат А. Ф. Добрынин вспоминал, что «начальник штаба» Рейгана Дональд Риган рассказывал ему о том, что американский президент по пути в аэропорт долго молчал, а потом сказал: «Дон, мы с Горбачёвым были так близки к соглашению. Просто стыдно». Он показал при этом двумя пальцами расстояние в полдюйма. «Президент был потрясен таким исходом встречи», — добавил Риган (см.: *Добрынин А. Ф. Сугубо достоверно... С. 654*).

⁴ *Палажченко П. Монино — Москва через Мадрид и Женеву. (Свидетельство переводчика лидера сверхдержавы) // Независимая газета. 1992. 11 февраля.*

⁵ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

⁶ *Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009. С. 89.*

⁷ *Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 158.*

⁸ «В самые первые часы после того, как встреча завершилась, все мы не сумели по достоинству оценить тот факт, что Рейган с Горбачёвым разрешили больше спорных вопросов, чем наши лидеры на любом из предыдущих

мрачный, ушел в свою каюту. Спустя короткое время советский лидер, видимо, сумел справиться со своими эмоциями. Позвонив заведующему подотделом международной информации ЦК КПСС А. И. Власову, Горбачёв попросил у него 30 минут времени — оно было ему необходимо: «надо продумать, что сказать» журналистам¹. «Я думал о главном — что я должен донести до прессы, до всего мира. Пресс-конференция собралась в большом ангаре, вмещавшем около тысячи человек. Пока шел от дома, где велись переговоры, до ангара, где меня ждали журналисты, я лихорадочно все обдумывал. Меня преследовала мысль: ведь мы договорились по стратегическим и средним ракетам. Это же новая ситуация. Так неужели принести все в жертву ради сиюминутного пропагандистского выигрыша? Внутреннее чувство подсказывало — горячиться не следует. При моем появлении перед прессой все молча встали. Из зала исходила тревога... Я видел глаза сотни людей и был потрясен: передо мной предстал как бы весь человеческий род. Именно в это мгновение ко мне и пришло понимание того, что произошло и что я должен сказать. Выступление мое было откомментировано журналистами и политиками. Не буду воспроизводить его. Ключевое значение имела в нем фраза: “При всем драматизме Рейкьявик — это не поражение. Это прорыв. Мы впервые заглянули за горизонт”. Зал как бы вышел из оцепенения. Бурные аплодисменты. Все вскочили с мест... Мы точно уловили господствовавшее в мире настроение и тем спасли процесс перемен», — резюмировал итоги Рейкьявика Горбачёв². «Казалось бы, очевидный для всех провал — и именно так сказал Шульц [государственный секретарь США в 1986 году] на авиабазе перед отлетом в США — Горбачёв

американо-советских саммитов. На первых пресс-брифингах мы дали полную волю своему разочарованию и не сумели дать ясное объяснение того, что в действительности было достигнуто», — вспоминал американский дипломат Дж. Ф. Мэтлок (см.: *Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи*. М., 2003. С. 77).

¹ Власов А. И. Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 72.

² Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 470. По словам присутствовавшего на конференции Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева, Горбачёв провел пресс-конференцию «с блеском, как бы на одном дыхании» (см.: *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года*. М., 1992. С. 120).

через двадцать минут после рукопожатия с Рейганом превратил в возрождение надежды», — с восхищением писал А. С. Черняев о своем патроне¹.

Решение о том, чтобы не устраивать пресс-конференцию в пропагандистском ключе и не обвинять в провале переговоров «американскую военщину» (подобный сценарий, в числе прочих, был предусмотрен еще до начала переговоров), Горбачёв принял спонтанно, ни с кем не советуясь². Это, несомненно, было очень сильное политическое решение советского лидера. «Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Все увидели, что договоренность возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что еще больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — еще больший оптимист... Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по-крупному. Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто все сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на известные уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность нашего государства, мы пойти не можем», — размышлял Горбачёв в самолете на обратном пути из Рейкьявика в Москву³. Отвечая на вопрос одного из соратников, что, мол, следовало бы все же пойти на заключение соглашений, Горбачёв ответил: «Ты что, хочешь, чтобы в Союзе и за рубежом мне приписали сдачу наших национальных интересов?»⁴ На совещании с членами Политбюро 1 декабря 1986 года Горбачёв подчеркнул: «В Рейкьявике — да — наши предложения прозвучали как уступки. А на самом деле никакие это не уступки... Тут оселок. Если мы за мир не будем бороться — народ нас не поймет. И если мы оборону ослабим — нас народ тоже

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым: По дневниковым записям. М., 1993. С. 116.

² Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля; Белый лис (Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе) // Итоги. 2011. № 6. С. 33.

³ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 53.

⁴ Власов А. И. Записки из рухнувшего дома... С. 72.

не поймет. У него — здоровый шовинизм. Тут лезвие, по которому мы идем. Ошибись, закуси удила — можно наворочать таких дел... Надо очень четко распределить, что мы должны делать тут и что делать там. И никаких кампаний не нужно по разъяснению того, что мы заботимся об обороне страны»¹. А. С. Черняев, вспоминая о драме Рейкьявика, отмечал, что главным итогом саммита было то, что на встрече «состоялся диалог двух людей, которые поверили друг другу, пусть не до конца... *Что означал “выход за горизонт” после Рейкьявика и благодаря Рейкьявику?* Это выход к нормальному человеческому здравому смыслу, выход за пределы идеологических и иных враждебных установок, которые с обеих сторон диктовали порочную логику холодной войны»². В другой своей работе Анатолий Сергеевич подчеркивал, что «красной нитью горбачёвских оценок было: мы спасли процесс перемен, дали перспективу, за Рейкьявиком пойдут, должны пойти другие шаги по преодолению конфронтации»³. «Что касается Рейкьявика, то там была сделана попытка совершить прорыв, и такой прорыв мог бы быть совершен... Это был тот исторический шанс, когда можно было повернуть развитие мировых событий в качественно новое русло. И если бы не упорство американской стороны по известному вам вопросу о стратегической оборонной инициативе, то такое решение вполне могло бы стать реальностью», — заявлял на встрече с журналистами в Останкино признанный эксперт в области международных отношений, заведующий Международным отделом ЦК КПСС, доктор исторических наук В. М. Фалин⁴.

Сразу после завершения саммита, большинство членов советской делегации воспринимали Рейкьявик скорее в позитивном ключе, как «нормальный» саммит, а вовсе не как провал⁵, хотя в среде профессиональных дипломатов встречаются и оценки, подобные позиции А. М. Белоногова, по утверждению которого, «в Рейкьявике ничего не получилось, хотя все сделали хорошую мину»⁶.

¹ Отвечая на вызов времени... С. 55.

² Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 76–77.

³ Черняев А. С. Рейкьявик — спустя 20 лет // Избранное. М., 2011. С. 334.

⁴ РГАСПИ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 172. Л. 21.

⁵ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных, в 1986 году — заместителя министра иностранных дел СССР. Москва. 2019. 21 марта.

⁶ Архив автора. Интервью А. М. Белоногова. Москва. 2020. 14 января.

По словам П. Р. Палажченко, Рейкьявик «войдет в историю как честная попытка договориться о мире без ядерного оружия, нереализованная мечта, которая станет нашим обязательством перед миром»¹. Чем же все-таки закончился Рейкьявик? Свою версию предложил опытный журналист, «спичрайтер» Брежнева и Андропова, а позднее — посол СССР в Израиле А. Е. Бовин: «Американцы, как показали переговоры Горбачёв — Рейган, были не готовы разоружаться. Формально Горбачёв потерпел поражение: его предложение было отклонено. Но по существу потерпел поражение Рейган, ибо он отказался отодвинуться от края пропасти, за которым — самоубийство человечества», Горбачёв же, по мнению Бовина, «заслужил высшую оценку как переговорщик»², хотя его попытки «уламливать» Рейгана (выражение биографа Президента СССР А. С. Грачёва)³, так и не привели ни к какому конкретному результату. Из-за отказа США ограничить СОИ, констатировала респектабельная «Нью-Йорк Таймс», переговоры зашли в тупик⁴. Отметим при этом, что неуступчивость Рейгана в вопросе о СОИ в Рейкьявике, да и вообще вся его линия на саммите⁵ в целом были поддержаны большинством представителей американского общества — президент сумел убедить народ США в том, что он «сорвал» в Исландии коварный замысел «Советов».

Формально не закончившийся подписанием каких-либо соглашений, Рейкьявик вызвал беспрецедентный мировой общественный резонанс, прежде всего потому, что лидеры двух сверхдержав проявили стремление к ликвидации ядерного оружия⁶, тем самым подарив людям надежду на мирную жизнь и во многом подготовив почву для последующих реальных шагов в области разоружения; в этом плане саммит в Рейкьявике действительно стал поворотом к новому мышлению в международной политике, которые позволили добиться впечатляющих результатов в области разоружения и резкого снижения уровня международной напряженности: не случайно, как справедливо отметил биограф Горбачёва М. Макколи, что всего год спустя после «формального провала» в Рейкьявике на встрече

¹ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

² Бовин А. Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 458.

³ Грачёв А. С. Горбачёв. М., 2001. С. 199.

⁴ The New York Times. 1986. 13 october.

⁵ Cheney D. In my time. A Personal and Political Memoir. New York, 2011. P. 491.

⁶ Полюнов М. Ф. Внешняя политика Горбачёва. С. 168.

1986 года было подписано выгодное для обеих стран соглашение в Вашингтоне¹. «После Рейкьявика, — писал по горячим следам после переговоров Рейган — Горбачёв крупнейший советский эксперт по европейским делам В. М. Фалин, — народам лучше, чем когда-либо, известно: существует конструктивная альтернатива вооруженному до зубов миру, военному противостоянию держав, политике силы и насилия»². В Советском Союзе отсутствие договоренностей в Рейкьявике объяснили неуступчивостью американской стороны; вместе с тем саммит в столице Исландии с самого начала изображался как исторический прорыв, хотя бы в силу самой готовности СССР к поистине беспрецедентным соглашениям. О том, какое значение наше руководство придавало недавней встрече в верхах, свидетельствует тот факт, что М. С. Горбачёв счел необходимых целых два раза выступить по центральному телевидению для объяснения советскому народу того, сколь далеко обе стороны переговоров продвинулись на пути к ядерному разоружению³, не упустив возможность назвать «пресловутую СОИ» «символом обструкции всего мира» и «концентрированным выражением милитаристских замыслов»⁴. Вероятно, что подобная «разговорчивость» Горбачёва в отношении недавнего саммита объяснялась его желанием избежать упреков в срыве переговорного процесса.

Удивительно, но Рейкьявик не привел к ожесточению в личных отношениях Рейгана и Горбачёва⁵ — по мнению П. Р. Палажченко, оба лидера после переговоров в Исландии не просто окончательно зауважали друг друга, но и приобрели определенную взаимную личную симпатию⁶. Об этом же пишет и Дж. Мэтлок, занимавший в 1986–1991 годах должность посла США в СССР⁷. По словам американского дипломата, «встреча все-таки принесла свои плоды — и это было чрезвычайно важно: она убедила Горбачёва, что Рейган искренне желает покончить

¹ *McCauley M. Gorbachev*. Edinburgh, 1998. P. 82.

² *Фалин В.* Рейкьявик: две недели спустя // *Известия*. 1986. 26 октября.

³ *Правда*. 1986. 15 октября, 23 октября.

⁴ *Правда*. 1986. 15 октября.

⁵ *Brown A. The Gorbachev Factor*. Oxford, 1995. P. 233.

⁶ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

⁷ *Мэтлок Дж. Ф.* Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985–1991 гг.) // *Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ)*. М., 2005. С. 158.

с гонкой вооружений. Однако к такому выводу Горбачёв пришел не сразу. Слишком были обострены чувства и слишком сильно было у обоих ощущение предательства, не позволявшее спокойно рассуждать...»¹ Рейкьявик убедил Горбачёва, что с Рейганом можно успешно взаимодействовать как с искренним и глубоко убежденным в необходимости отвести от мира ядерную угрозу политиком². Никто из участников памятных переговоров в Рейкьявике — ни в США, ни в СССР, — вероятно, и не подозревал, что, как выразился М. С. Горбачёв, в самое ближайшее время «история так невероятно ускорит свой бег»³. Печальные итоги декабря 1991 года показали, что Советский Союз к роли спринтера на забеге в тот период времени оказался совсем не готов.

Итак, чем же был Рейкьявик — провалом или прорывом? На взгляд автора этих строк, дать на этот вопрос однозначный ответ нельзя: Рейкьявик был и тем, и другим. Провалившийся саммит удивительным образом привел к прорыву в тупиковых, казалось бы, советско-американских отношениях. Небывалый ажиотаж вокруг саммита, невиданно подробное освещение его перипетий в СМИ безусловно свидетельствовали об огромных ожиданиях, которые вызвала во всем мире встреча лидеров двух сверхдержав, а его драматическая развязка оставила у участников переговоров чувство досады, сравнимое с переживаниями шахматиста, загубившего, казалось бы, выигранную партию, — ставкой в этой партии была ликвидация ядерного оружия. Помимо этого, исландская встреча в верхах подарила людям робкую надежду на то, что ядерную угрозу удастся отодвинуть, а противоречия между «большевиками» и «капиталистами» не столь непреодолимы, чтобы они никогда не смогли бы договориться; более того, и в Советском Союзе, и в США возникло ощущение, что две великие державы смогут в ближайшие годы прийти к соглашению едва ли не по всем вопросам. Представить подобные ожидания прежде было нельзя: Рейкьявик изменил атмосферу во все еще разъединенном железным занавесом мире, в известной степени именно во время переговоров в Исландии начался подрыв тех основ, на которых покоилась холодная война⁴. В этом и заключается историческое значение саммита в Рейкьявике.

¹ Мэтлок Дж. Ф. Рейган и Горбачёв. М., 2005. С. 248.

² Grachev A. Gorbachev's Gamble. Cambridge, 2019. P. 95.

³ Горбачёв М. Я считаю ядерную войну недопустимой. Только безумец может ее начать // Известия. 2019. 18 октября.

⁴ Mann J. The rebellion of Ronald Reagan. New York, 2010. P. 49.

Рейкьявик действительно стал поворотом к новому мышлению, после второй встречи с Рейганом Горбачёв начал делать реальные шаги, которые позволили добиться впечатляющих результатов в области разоружения и резкого снижения уровня международной напряженности. Чаще стали происходить и международные саммиты, на них рядом с Горбачёвым практически неизменно был и А. С. Черняев, в то время искренне восхищавшийся деятельностью генсека. «Обращает на себя внимание феноменальная откровенность Горбачёва — и в оценках ситуации, и в обозначении намерений. Он высказывает смелые, шокирующие окружающих мысли, многие из которых так и не были реализованы. Беспощаден в критике того, что имеем, что и как делается. Поощряет “раскручивание” гласности, но все еще рассматривает ее как орудие партии в осуществлении преобразований, а не как “свободу слова”, действующую по собственной логике... Он [Горбачёв] не порывает с представлением об СССР как “идеологической державе”, но уже очень далеко зашел в налаживании принципиально новых отношений с Западом и формирует внешнюю политику, абсолютно исключая идеологический компонент, т. е. конфронтацию и несовместимость. Термин “новое мышление” еще не употребляется. Но на деле оно уже “работает”... Если попытаться дать формулу реформаторской эволюции Горбачёва в 1986 г., она может быть такой: необычайная смелость в словах и оценке проблем и осторожность в делах», — обобщил Черняев итоги 1986 года¹.

Характерной особенностью этого года также была еще и единая линия команды Горбачёва: «...действовала еще в полном согласии когорты, можно сказать, “отцов-основателей” перестройки (Лигачёв, Рыжков, Воротников...) при лидирующей роли связки Горбачёв — Яковлев»². «Идиллический» период отношений Горбачёва и его соратников продлился, правда, не слишком долго. Вскоре выявилось две линии перестройки, связанные с именами Е. К. Лигачёва и А. Н. Яковлева: «политические сиамские близнецы. Сказав об одном, невозможно не сказать о другом», — писал о них вдумчивый и осведомленный член ЦК КПСС Н. Б. Биккенин³. Каждый из них в известной мере

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 703–704.

² Там же.

³ Биккенин Н. Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М., 2003. С. 233.

считал и перестройку, и, главное, Горбачёва, своим детищем, хитроумные политические маневры и временные тактические союзы генсека воспринимались ими с недоумением и своеобразной ревностью. «Оба боролись за Горбачёва, желая его видеть в качестве лидера своей линии, а он боролся за них, чтобы объединить в работе за свою, уже тогда “центристскую” линию... Объединить эти линии не удалось, что было предопределено самой объективной логикой перестройки. В личном же плане он ошибся и в том, и в другом», — вспоминал Черняев¹. Впрочем, в 1986 году у советских людей, да и всего мира, появилась другая, страшная тема для обсуждения — Чернобыль — воистину злое предзнаменование грядущего распада страны.

Впервые также заговорил о себе и межнациональный фактор, проявивший себя в дни декабрьских волнений 1986 года в Алма-Ате, для подавления которых была применена сила. Что стало причиной этих эксцессов: недовольство казахского народа фактическим *назначением*, а не избранием, на пост партийного лидера республики, вопреки существующей традиции, не представителя титульной нации, а русского Г. В. Колбина², сменившего многолетнего руководителя Казахстана Д. А. Кунаева, или же интриги самого Димаша Ахмедовича, не столь существенно³. Главным уроком из этих событий было знамение времени: окраины уже не были готовы слепо подчиняться любому шагу Центра. Печальным следствием алма-атинских событий стал появившийся на улицах городов Казахстана самодельный плакат, «Убей русского, посади дерево», который произвел на русское население республики «впечатление внезапно разорвавшейся под ногами бомбы»⁴. В дальнейшем обособление республик от Центра начало принимать все более последовательный характер.

Следующий, 1987 год был, наверное, временем пика популярности Горбачёва в стране, все более известным становилось его имя и за рубежом. На этот год пришлось и 70-летие Октября, юбилейная

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... С. 198–199.

² Кунаев Д. А. О моем времени: Воспоминания. Алма-Ата, 1992. С. 269.

³ «В свете последующего развития событий думаю, что мы все-таки совершили ошибку. Мы находились в начале перестройки, а действовали в какой-то мере старыми методами», — комментировал алма-атинские события М. С. Горбачёв (см.: Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 498).

⁴ Полежаев Л. К. Перестройка, годы, лица... Портреты и размышления. Омск, 1996. С. 47.

дата революции — последняя в истории советской державы. Впервые на весь Союз прозвучало имя Б. Н. Ельцина, выступившего на Пленуме ЦК КПСС с критикой «славословия» в адрес Генерального секретаря, о чем будет еще сказано ниже. По словам А. С. Черняева, «1987 год войдет в историю тем, что в небе перестройки появился опасный, своевременно “не опознанный объект” — Ельцин»¹. Во всем мире становится известным понятие «гласность», впервые произнесенное еще при Александре II, «гласность мощно заявила о себе уже как “свобода слова”, все больше отрывалась от понимания ее как идеологического инструмента КПСС. Она создавала совершенно новую атмосферу в обществе, все больше откликаясь на столько лет подавлявшуюся потребность его в правде и честности на линии “власть — народ”», — писал Черняев². Вряд ли можно не согласиться с мнением В. Г. Захарова, министра культуры СССР в 1986–1989 годах, по утверждению которого, «от перестройки больше всего выиграла культура. Политика гласности помогла покончить с практикой запретов, некомпетентного вмешательства в творческий процесс. Это был огромный успех»³. Запрещенные на родине многие годы книги Е. И. Замятина, Н. С. Гумилёва, И. С. Шмелёва обрели в те годы своего читателя. Наконец-то были опубликованы давным-давно написанные и так и не увидевшие свет при жизни авторов книги А. А. Бека «Новое назначение» и не менее резонансная, чем «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана⁴. Олицетворением гласности стала цоевская песня «Перемен!» — исполнявшаяся рок-идолом перестройки в финале фильма С. А. Соловьёва «Асса».

В 1987 году вышла в свет книга М. С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», ставшая мировым бестселлером и сыгравшая огромную роль в формировании нового

¹ Черняев А. С. Был ли у России шанс... С. 65.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 739.

³ Захаров В. Г. Культура и власть. Записки министра культуры СССР. М., 2014. С. 144. Немалую роль в этом играла и позиция самого М. С. Горбачёва, который, по словам его помощника В. К. Егорова, имел «не показной интерес к вопросам культуры, понимал ее значение и по общей гуманитарной эрудиции и кругозору превосходил своих предшественников на посту главы государства» (см.: Архив автора. Интервью В. К. Егорова, помощника Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля).

⁴ Медведев В. А. Прозрение, миф или предательство. М., 1998. С. 233.

имиджа Горбачёва и Советского Союза¹. В начале 1987 года два американских издательства предложили Горбачёву написать книгу о своей политике. А. С. Черняеву принадлежала инициатива сделать эту книгу оригинальной, «в стилистике самого Михаила Сергеевича», а не просто объединить под одной обложкой уже опубликованные статьи и речи советского лидера, как это делали прежде². Анатолий Сергеевич убедил генсека в том, что такая книга станет бестселлером и лучшей рекламой миролюбивых намерений Советского Союза на Западе³. Черняев был назначен руководителем «бригады», которая принялась за подготовку материала для книги. После того как черновик рукописи был подготовлен, он был переслан Горбачёву, который определил предназначение и характер книги как попытку осмыслить философские основы политики перестройки⁴. С подготовленным «бригадой» Черняева ворохом материалов Горбачёв уехал в очередной летний отпуск, где работа над книгой стала его главным занятием. Увлеченный интересной работой, генсек даже задержался в отпуске на лишние десять дней, «чем вызвал немалое смятение у нас и на Западе»⁵. По словам Черняева, в Крыму, на отдыхе, М. С. Горбачёв «передиктовал книгу трижды. Потом все-таки послал некоторым членам Политбюро. Замечаний почти не последовало... Какое-то частное технико-экономическое возражение было у Рыжкова. Но и “восторгов одобренья” тоже не было»⁶. Иное дело — американские издатели, которые после ознакомления с рукописью книги «прибежали к Горбачёву сияющие в восторге, убежденные в том, что это его текст, его неповторимая манера выражаться, книга, сделанная им самим, а не написанная кем-то из сотрудников. Остальное

¹ Черняев А. С. Был ли у России шанс... С. 65.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 166–167.

³ «Я решил написать книгу. Поделился с коллегами. Поддержал только Анатолий Черняев. Другие (Фролов, Яковлев, Добрынин) посоветовали прочитать цикл лекций и т. п. Черняев же поддержал мое мнение — писать именно книгу, широко используя мои выступления на Политбюро и других закрытых совещаниях, не известные публике, тем более Западу. Отсюда и непонимание политики, действительных замыслов, подходов к проблемам там, где принимаются решения. На том и порешили», — вспоминал М. С. Горбачёв (см.: *Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас.* М., 2006. С. 113).

⁴ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... С. 169.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

известно. “Перестройка” была издана в фантастически короткий срок, разошлась по всему миру...»¹ В книге, которую сам Горбачёв определял как изложение своего *credo*², были обоснованы идеи и замыслы, «положенные в основу внутренних преобразований и новой внешней политики. Теперь они общеизвестны. Но тогда воспринимались у нас непросто. Да и на Западе их встречали с подозрением и сарказмом, как неоправданный идеализм или как очередной пропагандистский трюк. И мало кто верил, что за несколько лет удастся продвинуть дело ядерного разоружения, покончить с холодной войной, развязать, а не разрубать гордые узлы мировой политики»³.

По убеждению Черняева, 1987 год «отмечен прорывом во внешний мир. Международная известность и слава Горбачёва стремительно нарастают. На Западе начинают постепенно убеждаться, что “феномен Горбачёва” в СССР — это не обманный маневр Кремля, что перестройка — это всерьез. Возникает новый, мощный фактор международной политики — доверие, который потом и позволит покончить с “холодной войной”⁴. 8 декабря 1987 г. в Вашингтоне был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) и Меморандум о договоренности, являвшийся составной частью Договора. По справедливому утверждению петербургского историка М. Ф. Полынова, Договор был первым в истории реальным уничтожением целого класса ядерных вооружений (4 процента ядерных арсеналов СССР и США), американские ракеты «Першинг-2», «Першинг-1А» и крылатые ракеты наземного базирования убирались с территории ФРГ, Великобритании, Италии, Бельгии и Нидерландов, советские же ракеты РСД (ракеты средней дальности) находились исключительно только на собственной территории, а РМД (ракеты малой дальности) — в ГДР и Чехословакии, откуда они выводились⁵. «Вступление договора в силу дало мощный реверс гонке вооружений», — пишет крупный российский и советский дипломат А. Л. Адамишин⁶. Американский президент

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... С. 170.

² Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 113.

³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... С. 114.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 739–740.

⁵ Полынов М. Ф. Внешняя политика Горбачёва... С. 177–178.

⁶ Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М., 2016. С. 138.

Р. Рейган, отвечая на вопросы читателей советского журнала «Огонек», заявил о том, что «будущее мне видится как мир без войн. Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. <...> Мы сохраняем мир, так как имеем достаточно ядерного оружия, чтобы нанести ответный удар, если другая сторона развяжет войну. Но это мало похоже на оборону. В такой войне победителей не будет. Вот почему я хочу, чтобы началось сокращение ядерного оружия, наш договор по РСД служит прекрасным началом, и мы продвигаемся вперед в выработке договора о сокращении стратегических вооружений, в результате которого наполовину сократятся стратегические арсеналы США и СССР»¹. Горбачёв, подводя итоги вашингтонского Договора, утверждал, что в нем ярко прослеживалась новая внешнеполитическая философия страны: «Договор о РСМД придавал материальное содержание идее обновления международных отношений на основе принципа равной безопасности сторон, освобождения их от конфронтационности. Именно — равной безопасности. И именно из этого мы исходили в своих договоренностях с США. Повышая уровень безопасности на европейском континенте, они ни в чем не ущемляли интересов самого СССР, который к тому моменту имел превосходство по средним ракетам на европейской земле. Все соответствующие меры тщательно прорабатывались — на то есть документальные подтверждения — с активным участием не только политического, но и военного руководства страны... Подписанием Договора по РСМД мы, образно говоря, *отвели пистолет от виска страны* [Выделено М. С. Горбачёвым. — Авт.]»². В свою очередь, и Америка была довольна результатами визита Горбачёва, называя его без всякого преувеличения «историческим»³.

Линию вашингтонского саммита продолжили знаменитые московские переговоры 1988 года, в ходе которых Р. Рейган объявил, что отныне не считает Советский Союз «империей зла», как прежде⁴. По утверждению А. С. Черняева, в 1988 году «холодная война» практически сходилa на нет⁵.

¹ Ответы президента США Р. Рейгана на вопросы журнала «Огонек» // Огонек. 1988. № 22. С. 5.

² Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 127.

³ Kennan George F. Sketches from a Life. New York, 1989. P. 350–351.

⁴ Горбачёв М. С. Понять перестройку... С. 161.

⁵ Черняев А. С. Был ли у России шанс? Он — последний. М., 2003. С. 70.

Звездным часом Горбачёва стало его выступление на трибуне ООН 7 декабря 1988 года, которое сам Михаил Сергеевич охарактеризовал как «хартию нового мышления»¹. При подготовке текста речи Горбачёв внушал своим сотрудникам, что речь в ООН должна быть «Фултоном наоборот», «анти-Фултоном»². Вспоминая содержание своей речи годы спустя, Горбачёв свел ее к следующим основным моментам: «От всех, а тем более от сильных стран в первую очередь требуется самоограничение и полное исключение применения силы вовне. Принцип свободы выбора как условие реализации многовариантности общественного развития разных стран. Деидеологизация межгосударственных отношений. Совместный поиск пути к верховенству общечеловеческих идей над множеством центробежных, пусть даже законных, эгоистических мотивов»³. Во время выступления Горбачёва в зале заседаний царил тишина. «Я внутренне был уверен, что речь произведет впечатление. Но такого все-таки не ожидал. Час набитый зал не шелохнулся. А потом взорвался в овациях», — записывал Черняев в дневнике свои впечатления от речи советского лидера⁴. Благодаря своему выступлению

¹ Горбачёв М. С. Наедине с собой... С. 525. Текст выступления М. С. Горбачёва см.: Горбачёв М. С. Годы трудных решений. М., 1993. С. 117–126.

² Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 131.

³ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 131.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 776. Дневниковая запись от 17 декабря 1988 года «Совершенно оглушила реакция на речь Горбачёва. Это всемирное собрание, вся эта всемирная сходка повела себя беспрецедентно. Все встали и проводили Горбачёва овацией. Даже тот, кто не понял всего, что было сказано, — все почувствовали, что произошло что-то очень значительное, из чего следуют очень большие выводы», — писал Черняев (см.: Черняев А. С. Избранное. М., 2011. С. 337). Им же вспоминалась и история создания текста этой речи: «Что касается подготовки самой речи, то началось летом в Крыму, но не на той роковой даче в Форосе, а еще в Нижней Ореанде. Горбачёв сидел на веранде, размышлял, что-то помечал в блокноте, говорил — я записывал. Потом, когда появились какие-то наброски, включил мидовские “мозги”. Они представили варианты и куски для его речи в ООН. Вслед за ними были приглашены более свободные и более образованные “мозги” консультантов Международного отдела ЦК. Но творческое начало, основные смыслы, импульсы этого выступления на всем протяжении подготовки оставались за Горбачёвым. Это было и при подготовке

Горбачёв прошел «торжественное посвящение» в «должность» «международного политика нового типа». Овации, последовавшие вслед за выступлением Горбачёва, знаменовали то, что советский лидер «как бы получил “диплом” от международного сообщества государств и народов»¹. Речь Горбачёва стала действительно крупным, знаковым событием в международной политике². Думается, что ее актуальность к настоящему моменту не только не исчезла, а даже скорее возросла, учитывая сегодняшние, крайне неустойчивые международные отношения.

Вместе с тем Черняев признавал, что 1988 год «стал переломным, причем не в лучшую сторону. Объявленные намерения Горбачёва и его действия не смогли придать перестройке устойчивость»³. «Если правомерно говорить о трагичности судьбы Горбачёва (в большом, шекспировском смысле), то именно в 1988-м году не только его помощник, но и сам Горбачёв впервые это почувствовал. Для многих знаком свыше этой судьбы явилось страшное армянское землетрясение, завершившее 1988 г.», — вспоминал А. С. Черняев⁴. Горбачёв получил известие об этом землетрясении сразу после окончания своего выступления в ООН. Выйдя к советской делегации, генсек сказал: «В Армении беда, потрясло всю республику, утром вылетаем»⁵. Поясняя свою позицию, Горбачёв сказал: «На родине такая беда, а мы будем гулять по Бродвею, пить виски, вести приятные беседы. Я решил прервать поездку. Полетим домой, надо помогать людям в беде»⁶. Представители СССР срочно вернулись в Москву⁷. Уже утром 10 декабря 1988 года генсек был в Ленинакане, где посетил место трагедии и попытался

предварительного варианта. Это было и при обсуждении на Политбюро» (см.: *Черняев А. С. Избранное*. М., 2011. С. 338–339).

¹ *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым*. М., 1993. С. 264–265.

² *Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США*. М., 2003. С. 278.

³ *Черняев А. С. Совместный исход*. С. 777.

⁴ Там же. С. 778.

⁵ *Быков В. Долгая дорога домой. Книга воспоминаний / Предисловие автора; пер. с бел. и послесловие В. Тараса*. М.; Минск, 2005. С. 407.

⁶ *Карпов В. В. Большая жизнь*. М., 2009. С. 709.

⁷ *Банионис Д. Я с детства хотел играть. Мемуары / Пер. с лит. и запись Иолиты Димбялите; лит. обраб. М. Ю. Гаевской; под ред. Б. М. Поюровского*. М., 2006. С. 159.

успокоить людей¹. На совещании, проведенном в тот же день в Ереване, М. С. Горбачёв подчеркнул, что «случилась тяжелейшая человеческая трагедия. О ее масштабах мы знали и раньше, но такие разрушения и жертвы просто нельзя было представить. Скорбь армянского народа разделяет вся страна»². «Давайте вспомним уроки Чернобыля. Всей страной решали тогда эти проблемы. Землетрясение — не ядерный взрыв, но такое бедствие, как в Армении, сродни ему», — сказал М. С. Горбачёв³. Прибыв на следующий день в Спитак, Горбачёв увидел горестные приметы трагедии: остовы разрушенных жилых, административных и общественных зданий, а чаще — груды бетонных плит вперемешку с кирпичом, искореженные металлические конструкции, вспученные железнодорожные панели. Но подлинные масштабы беды выявились в беседах с теми, кто уцелел и пришел на помощь пострадавшим. «Горе такое, что ум отказывается воспринять даже увиденное своими глазами. Но надо собрать волю в кулак и продолжить спасательные работы. Это — прежде всего», — подчеркнул генсек⁴. Боль армянского народа отозвалась в сердце каждого советского человека. Вероятно, в последний раз в истории СССР весь мир увидел, что понятие «братская семья советских народов» — не химера, Армения получила от Центра грандиозную бескорыстную помощь⁵. Энергично и слаженно, опять-таки в последний раз, работал тандем Горбачёв — Рыжков, и Генеральный секретарь, и премьер оказали маленькой республике огромную поддержку, практически все представители высшего руководства СССР посетили Армению в то время, испытывая чисто человеческое сочувствие при виде ужасающих картин разрушения в городах, подвергнувшихся землетрясению⁶. «Горбачёв был потрясен увиденным, он сострадательный человек», — рассказывал автору Г. В. Пряхин, референт Генерального секретаря ЦК КПСС

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 240. Документы о поездках М. С. Горбачёва по союзным республикам. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 6.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 240. Документы о поездках М. С. Горбачёва по союзным республикам. Л. 11.

⁵ Амбарцумян С. А. Три года на пределе любви и смерти. Ереван, 1991. С. 67.

⁶ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева, начальника личной охраны М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 29. декабря.

М. С. Горбачёва¹. К слову, и мир проявил по отношению к Армении, совершенно невозможный в недалеком прошлом «феномен сострадания... солидарности и реальной помощи, подтвердивший, что Запад тоже “повернулся” к нам»².

В ту пору Горбачёв, писал Черняев, «казалось бы, мог считать себя свободным от векселей “холодной войны” и конфронтации “систем”. Признание его лидером первой величины на мировой арене позволяло ему “свободнее” действовать в отношении своего “ближнего” и “дальнего” окружения, явно отторгавшего его курс, его концепцию перестройки»³. По убеждению Черняева, в ходе перестройки был необходим «рывок»⁴. Надежды в этом плане возлагались на работу XIX Всесоюзной партийной конференции, запомнившейся прежде всего благодаря выступлению Б. Н. Ельцина с просьбой о прижизненной «политической реабилитации» и полемике с ним Е. К. Лигачёва⁵, а также речи известного писателя Ю. В. Бондарева, сравнившего «нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?»⁶ Заключительное слово М. С. Горбачёва, обратившегося с партией к призыву «углубить и сделать необратимой революционную перестройку... через демократизацию, экономическую реформу и преобразование политической системы»⁷, к сожалению, не смогло, как оказалось, найти в партийном аппарате всеобщей поддержки: локомотив перестройки, казалось консерваторам, должен убавить скорость движения. Это

¹ Архив автора. Интервью Г. В. Пряхина, консультанта Президента СССР. Москва. 2019. 15 апреля.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 276–277.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 61–62, 82–88.

⁶ Там же. Т. 1. С. 224. В интервью «Огоньку» Бондарев уточнил свое высказывание, подчеркнув, что его речь не была направлена против перестройки: «Только наше общее согласие может построить эту посадочную площадку. Только согласие» (см.: Бондарев Ю. Мы живем в плюрализме, черт возьми // Огонек. 1989. № 15. С. 13).

⁷ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. Т. 2. С. 184–185.

было заметно многим и в окружении Горбачёва, призывавшим генсека обратить внимание на амбиции Е. К. Лигачёва, прилюдно напоминавшего Горбачёву о своей роли в приходе Михаила Сергеевича к высшей власти в марте 1985 года и стоявшего, по мнению его оппонентов, за публикацией в «Советской России» знаменитого письма Н. А. Андреевой.

«У меня конференция оставила смешанные чувства и многозначные мысли. В партии, как показывает конференция, вызревают две идейные платформы. Признается это или нет — сути не меняет. Ничего не изменяет и то, что обе фракции говорят на внешне схожем языке и в описании конечных целей одна вроде бы не исключает другую. А то обстоятельство, что делегаты с готовностью аплодировали налево и направо, лишь усугубляет ситуацию, ибо в какой-то непрекрасный момент они пойдут за сильным, но не обязательно мудрым. Вы лично квалифицировали статью Н. Андреевой как “манифест антиперестройки”. Чем же отличается от статьи в “Сов. России” выступление Ю. В. Бондарева? Тем, что оно хуже, ибо умнее и бьет на “оскорбленный национализм”? У большинства не было ни грана сомнений в том, что Е. К. Лигачёв всей душой с т. Бондаревым. Но не только меня покорило, с каким цинизмом и в каком контексте он это засвидетельствовал, с каким проникновением в специфику аудитории и с нетерпением обрабатывал сию ниву, излагая свое кредо. Что с нами вместе увидел и услышал весь мир? Мы-то убеждали себя и мир, что новое советское руководство является действительно новым, что оно вызвано к жизни самой жизнью, что перестройка не кабинетная выдумка, а выстраданная народом и партией политика. И вот выходит на партийную трибуну некий “серый кардинал” и возвещает — он с сотоварищами делает и расставляет в СССР кадры. Он “творец Горбачёва”. От него зависело стартовать перестройке или нет. Пост генсекретаря вполне мог бы быть отдан и на откуп очередному маразматiku или смертельно больному человеку. Короче, если бы не он, то... Партии (заодно остальным) разъясняют таким образом, почему “из благодарности” держат в Политбюро реликты прошлого, почему ему, Лигачёву, поручено вести Секретариат и прочее... Почему разоткровенничался, да еще на конференции? Могу ошибаться, но, думаю, причины тут две: сделанный Вами выбор в пользу разделения власти, несколько ограничивающий произвол партаппарата, и в пользу гласности, позволяющий вскрывать отдельные безобразия,

а также вера т. Лигачёва, что аппарат пойдет за ним»¹. К середине 1990 г. пути Лигачёва и Горбачёва окончательно разойдутся.

Тем не менее для работы конференции была характерна невиданная прежде свобода дискуссии, «политическая откровенность» и широта затрагиваемых тем — уже одно это, по утверждению Е. В. Яковлева, позволяло судить о том, что «в стране свершилась нравственная революция»². Завершилась работа Всесоюзной партийной конференции столь же единодушным, как и прежде, исполнением «Интернационала».

«Конференция, несомненно, Ваш стратегический успех. И каждый, кто болеет за перестройку, вправе Вас поздравить», — писал Горбачёву заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин, отмечая, впрочем, те негативные тенденции в жизни партии, о которых мы писали выше³. XIX Всесоюзная партийная конференция одобрила и инициированную руководством партии реформу политической системы, необходимую, по мнению Горбачёва, «чтобы двигать процесс перестройки»⁴. Конференция постановила весной 1989 года провести выборы в состав депутатского корпуса, а затем и сам Съезд народных депутатов, «на котором образовать новые органы государственной власти»⁵. Знаком прошедшего 1988 года стало и разрастание напряженности в межнациональных отношениях: Прибалтика, Карабах... В ближайшие годы окраины буквально «взорвут» советскую империю, а Центр перестанет поспевать за событиями. Отнюдь не случайным было и появление на страницах «Советской России», за несколько месяцев до открытия XIX Всесоюзной партийной конференции, знаменитого письма Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» — своеобразного манифеста антиперестроечных сил⁶,

¹ РГАСПИ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 153. Аналитическая записка Фалина Горбачёву. 1988. 4 июля. Л. 14–15.

² Яковлев Е. Четыре дня. Как это было // Обратного хода нет. Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки / Под общ. ред. Г. Х. Попова; сост. С. Н. Красавченко. М., 1989. С. 22.

³ РГАСПИ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 153. Л. 14.

⁴ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. Т. 2. С. 184.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Грачёв А. С. Гибель советского «Титаника»: Судовой журнал. М., 2015. С. 147. По версии Черняева, Нина Андреева «действительно прислала в ЦК примитивное письмецо на полутора страницах в защиту сталинистских

после опубликования которого консервативная часть партийного аппарата, по словам А. Н. Яковлева, «взбодрилась. Даже лица посветлели»¹. Характер обсуждения статьи Н. А. Андреевой на заседании Политбюро свидетельствовал о существовании в советском руководстве серьезных политических расхождений. Стало понятно, что и в руководстве партии существуют не только личные трения между членами Политбюро, но и разное видение путей развития перестройки².

ценностей. “В ответ” к ней в Ленинград по указанию Е. К. [Е. К. Лигачёва. — *Авт.*] была послана бригада, которая превратила письмо в статью величиной в газетную полосу» (см.: *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым...* С. 205). В свою очередь, Лигачёв отмечал, что его в статье Н. А. Андреевой привлекло «именно то, что меня особенно интересовало в те дни... — неприятие сплошного очернительства, безоглядного охаивания прошлого. В ту пору многие отмечали: статья Н. Андреевой — ее реакция на мутный поток антиисторических, антисоветских материалов в нашей прессе. Убежден, что так и было». По убеждению Е. К. Лигачёва, развязанная против Н. А. Андреевой кампания была попыткой нанести удар именно по нему. «Андрееву хотят превратить в жупел сталинщины, затем пристегнуть к ней Лигачёва и объявить его главным сторонником возврата к временам культа личности» (см.: *Лигачёв Е. К. Загадка Горбачёва*. Новосибирск, 1992. С. 128, 131). В. А. Медведев, один из ближайших сподвижников Горбачёва, писал о том, что «статья [Н. А. Андреевой. — *Авт.*] была однозначно воспринята в кругах интеллигенции как антиперестроечная акция, причем тщательно подготовленная и спланированная, как сигнал к контрнаступлению антиперестроечных сил. И все это связывалось с именем Лигачёва» (см.: *Медведев В. А. В команде Горбачёва*. М., 1994. С. 67–68). «Ни для кого не тайна, — писал в те годы знаменитый журналист В. Т. Третьяков, — что Лигачёв приветствовал появление знаменитой статьи Нины Андреевой» (см.: *Третьяков В. Т. Горбачев, Лигачев, Ельцин. Политические портреты на фоне перестройки*. М., 1990. С. 36). «Весь мир сейчас анализирует, что произошло, как это могло в Москве случиться, чтобы два органа ЦК сцепились между собой? И все понимают, что не могла такая статья появиться просто так. Слишком она тяжела для химика Нины Андреевой. Это все видят», — заявил М. С. Горбачёв, выступая перед секретарями обкомов на совещании по вопросу подготовки XIX Всесоюзной партийной конференции 15 апреля 1988 года (см.: *Архив Горбачёв-фонда*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1144. (В архиве Горбачёв-фонда нумерация листов в делах не проставляется)).

¹ *Яковлев А. Н.* Сумерки. М., 2005. С. 412.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта),

Все эти проблемы, резко обозначившиеся в 1988 году, уже в 1989-м станут подлинной бедой для огромной страны.

1989 год, несомненно, следует рассматривать как поистине знаковый для перестройки, на середину 1989 года приходится и время наивысшей популярности *политики* М. С. Горбачёва. Главным событием в жизни Советского Союза в 1989 году безусловно стал Первый Съезд народных депутатов СССР — на его фоне менее значительными представляются даже завершение эпопеи вывода советских войск из Афганистана и фактический распад Организации Варшавского договора, Второй Съезд народных депутатов СССР в декабре 1989 года, в дни работы которого ушел из жизни выдающийся правозащитник академик А. Д. Сахаров, и саммит Горбачёв — Буш на Мальте; 50-летие пакта Молотова — Риббентропа и акция «Балтийский путь», участие в которой приняли более двух миллионов человек, живой цепью связавшие столичные прибалтийские города — Ригу, Вильнюс и Таллинн. Наконец, на 1989 год приходится фактическое крушение социалистической системы в Восточной Европе — прямое следствие доктрины Горбачёва о недопустимости вмешательства Москвы во внутренние дела государств — стран Организации Варшавского договора. Прискорбно, что именно в 1989 году на горизонте, по выражению председателя Верховного Совета Белорусской ССР Н. И. Дементя, «замаячил новый, политический Чернобыль — развал великой страны»¹.

15 февраля 1989 года завершился вывод Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. «Нас в Афганистане больше нет», — заявил советским пограничникам командующий 40-й армией генерал Б. В. Громов, последним покинувший афганскую землю. Громов, да и все воины-интернационалисты в тот момент испытывали «радость и облегчение от того, что все завершено»². Страшной и нелепой афганской войне пришел конец. Вывод советских войск из Афганистана летом 1988 года и в январе — феврале 1989 года прошел очень

А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 303–307. Де-марш Нины Андреевой привел к еще большему раскрепощению общества; очевидным, однако, стало и то, что партия, которая должна была стать, по мысли Горбачёва, локомотивом перестройки, с этой ролью не справляется или не желает справляться.

¹ Дементей Н. И. Уроки жизни. Минск., 2005. С. 108.

² Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 346–347.

С 25 мая по 9 июня 1989 года шли заседания Первого Съезда народных депутатов СССР. В эти дни к экранам телевизоров прильнула вся страна.

— справедливо и точно написал народный депутат СССР, поэт Е. А. Евтушенко⁵.

На Съезде царила невиданная в нашей стране с 1917 года свобода дискуссии, откровенно поднимались острейшие вопросы жизни советского общества. «Первый Съезд народных депутатов... — это тот самый Съезд, который, не отрываясь, смотрела по телевизору

¹ Афганистан: Подводя итоги. (Интервью В. И. Варенникова) // Огонек. 1989. № 12. С. 30.

² *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачёва... С. 406.

³ Караулов А. В. (иноагент) Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 224.

⁴ Комментируя вопрос о том, почему решение вопроса о выводе войск из Афганистана растянулось при новом руководстве страны на целых 4 года, Горбачёв пишет: «Холодная война еще продолжалась. Мы не могли себе позволить, чтобы уход превратился в позорное бегство. И этого мы действительно не допустили» (см.: *Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас.* С. 138).

⁵ *Евтушенко Е. А.* Волчий паспорт. М., 1998. С. 506.

и слушала по радио вся страна, потому что такого прежде никто не видел и не ожидал увидеть», — вспоминал народный депутат СССР, академик Ю. А. Рыжов¹.

Накануне Съезда у всех советских людей было радостное, приподнятое настроение, радужные ожидания², Съезд во многом был фотографией советского общества того периода³, концентрацией атмосферы духовного подъема, которая была в стране, ощущения прорыва к свободе, безудержной романтики⁴, депутатам казалось, что они отряхнули прах прошлого со своих ног и начали строить царство справедливости⁵, для них дни работы Съезда были временем надежд⁶. Отправляясь на Съезд, депутаты испытывали чувство настоящей эйфории, победив в предвыборном марафоне, они хотели проявить себя и на ниве практической деятельности и изменить жизнь советских людей к лучшему⁷. «В дни работы Первого съезда была всенародная эйфория, люди ждали

¹ Рыжов Ю. А. Те тринадцать лет // Понимая «девяностые». М., 2013. С. 121.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Коротича. Москва. 2019. 20 июня; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. М. Оболенского. Орёл. 2021. 29 октября. Здесь и далее указываются выборные и партийные должности, которые упоминаемые в тексте лица занимали в 1989–1991 годах.

³ По удачному определению известного ученого, народного депутата СССР С. С. Аверинцева, «многие черты нашего общества, конечно, дали о себе знать и в Кремлевском дворце съездов» (см.: Караулов А. В. (иноагент) Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 129).

⁴ Архив автора. Интервью Н. И. Травкина, Героя Социалистического Труда, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 31 января; Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР, государственного секретаря РСФСР. Москва. 2019. 11 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса, народного депутата СССР. Поселок городского типа Тучково, Московская область. 2019. 2 апреля.

⁶ Архив автора. Интервью Ю. В. Блохина, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 апреля.

⁷ Архив автора. Интервью В. А. Чельшева, народного депутата СССР. Москва. 2020. 26 ноября; Архив автора. Интервью В. А. Логунова, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря; Архив автора. Интервью А. А. Акаева, народного депутата СССР, Президента Киргизской ССР. Москва. 2020. 26 ноября; Архив автора. Интервью А. Н. Крайко, народного депутата СССР. Москва. 2021.

перемен, но видели, что перестройка результатов не дает — у них была надежда, что депутаты, народные избранники все исправят. Народ надеялся на быстрое улучшение жизни, на социальную и политическую стабилизацию. Депутаты ехали принимать нужные законы», — рассказывал народный депутат СССР В. М. Десятов, прибавляя, что у всех «депутатов-россиян были счастливые и веселые лица», в то время как у «прибалтов, грузин и молдаван — скучные и недовольные»¹. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут — и свобода...» — эти пушкинские строчки привел автору народный депутат СССР А. Н. Мурашёв, вспоминая свои ожидания накануне Съезда². И Съезд действительно стал незабываемым событием в жизни нашей страны — ни до, ни после него ничего подобного более не происходило.

Работа Съезда, а вернее даже — атмосфера на нем и царившая в зале заседаний свобода дискуссии перевернули страну, произошла настоящая революция³, народные избранники получили возможность безнаказанно говорить о давно волновавших все советское общество проблемах — страха перед властью и лично Горбачёвым они не испытывали, — уже одно это было веянием *нового времени*⁴.

Перемен в широком понимании этого слова в то время, вероятно, хотели, вслед за Виктором Цоем, все — народные депутаты СССР не были исключением, — но именно после Съезда стало ясно, что грядут радикальные изменения, которые затронут все сферы жизни нашего общества — их наступление необратимо⁵. Примечательно, что *антисоветских настроений* у подавляющей массы депутатов (число

29 апреля; Архив автора. Интервью А. В. Минжуренко, народного депутата СССР. Омск. 2021. 16 марта.

¹ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

² Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня.

³ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 1 апреля.

⁴ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР. Поселок городского типа Ботаково-2. 2019. 16 мая; Архив автора. Интервью А. А. Лиханова, народного депутата СССР. Москва. 2019. 8 июля.

⁵ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орёл. 2021. 29 октября; Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича, народного депутата СССР, в 1991–1994 годах, Председателя Верховного Совета Республики Беларусь. Минск. 2019. 30 августа.

радикально настроенных демократов, стремившихся к ликвидации *советской системы*, на наш взгляд, было не столь велико) не было, все желали достаточно радикального обновления общества, но в рамках все же *единого социалистического государства* — этим они напоминали и самого генсека, который должен был, с одной стороны, продолжать политику реформ, а с другой — быть при этом предельно осторожным — на нем лежала ответственность за судьбу страны. «Горбачёв хотел быть наполовину беременным», — афористически высказывается по этому поводу знаменитый журналист народный депутат СССР В. А. Коротич¹. Как в депутатском корпусе, так и в советском обществе в целом доминировала в этот период критическая составляющая: возможность свободно, не опасаясь последствий, осуждать негативные проявления жизни страны казалась абсолютно самодостаточной — зачастую, что на самой высокой трибуне, что в уличном разговоре звучала критика власти ради самой критики — без призыва к конкретным действиям по улучшению ситуации. Положительная программа перестройки, на наш взгляд, воспринималась как нечто первостепенное по значению, но не первоочередное; она не была толком продумана. «Мы знали все, против чего мы, а вот за что — мы не знали», — вспоминал свои представления того времени В. А. Коротич, уточнявший, что общим для большинства депутатов была поддержка политика перестройки и неприятие всевластия КПСС². «Не было идеологии и у Горбачёва», — добавляет Виталий Алексеевич³.

Как можно улучшить жизнь людей и что для этого надо сделать — этот вопрос тогда не считался *самым главным*, казалось, что мудрое время и так все расставит на свои места; необходимо именно сейчас — немедленно — ликвидировать то, что раздражало более всего — чиновничье ослоумие, пресловутые привилегии номенклатуры, товарный дефицит, монополию партии на власть... Боязни того, что с водой можно выплеснуть и ребенка, в общем-то ни у кого не было. От советской власти в той ее модели, гротескным воплощением которой стали последние годы застоя, люди устали. Ее хотелось каким-то образом изменить; едва ли не всем в то время казалось, что жить хуже, чем сейчас, невозможно. Съезд стал

¹ Архив автора. Интервью В. А. Коротича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня.

² Там же.

³ Там же.

отражением тех настроений, которые существовали в самых разных слоях советского общества, — уже в силу одного этого он, безусловно, был ярчайшим событием.

Как уникальное явление политической жизни Съезд безусловно оправдал возлагаемые на него надежды, вызвав беспрецедентный интерес как во время предвыборной кампании, так и в дни его работы. «Выборы, а затем Съезд народных депутатов всколыхнули общество по-настоящему», — констатировал М. С. Горбачёв¹, оно безудержно заговорило политически, после Съезда страна, утверждал народный депутат СССР Ю. Н. Афанасьев, стала другой, она была «уже не такая, какой она была до Съезда. Люди стали более сопричастными к тому, что происходит в стране и в обществе»². Произошло изменение и в положении и статусе СМИ, превратившихся в заметную политическую силу. Именно в дни работы Съезда «средства массовой информации стали заметно трансформироваться во влиятельную политическую категорию, в ту самую “четвертую власть”, о силе которой на Западе мы были наслышаны более чем достаточно», — писал депутат В. И. Самарин, назвавший свои воспоминания, посвященные депутатскому корпусу горбачёвского призыва, «Незванные гости Кремля»³. Тема Съезда и всего, что связано с его работой, стала главной для советской и зарубежной прессы мая — июня 1989 года⁴. Огромный интерес вызывали у советских людей и сами народные избранники, наибольшим доверием среди читателей популярнейших «Аргументов и фактов» пользовался в 1989 году А. Д. Сахаров⁵,

¹ Горбачёвские чтения. Вып. 7. 1989 год в российской и мировой истории / Первый Съезд народных депутатов СССР: 20 лет спустя / 1989–2009: Пути Европы. М., 2010. С. 79.

² Афанасьев Ю. Н. Я должен это сказать... Политическая публицистика времен Перестройки. М., 1991. С. 211.

³ Самарин В. И. Незванные гости Кремля. Орел, 2008. С. 66.

⁴ Общественное мнение о Съезде народных депутатов СССР // Аргументы и факты. 1989. № 22. С. 1, 3; Отклики зарубежной печати // Аргументы и факты. 1989. № 22. С. 1, 3; Общественное мнение о Съезде народных депутатов СССР // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 1; Западная печать о Съезде народных депутатов СССР // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 2.

⁵ Общественное мнение о народных депутатах // Аргументы и факты. 1989. № 40. С. 1.

возвращенный Горбачёвым из ссылки в Горьком в декабре 1986 года. По личному распоряжению генсека трансляция заседаний Съезда шла в прямом эфире¹, в итоге весь, без всякого на то преувеличения, Советский Союз смотрел Съезд по телевидению или слушал его заседания по радио.

«Сам съезд, конечно, явился абсолютно революционным прорывным моментом. Все остальное было потом и вытекало из этого события. Все заседания съезда транслировались и по радио, и по телевидению. Стенограммы печатались в газетах. Никакой цензуры, никаких изъятий, никаких купюр. Никто не редактировал публикуемые выступления, какими бы по содержанию они ни были. Ничего подобного советские люди в своей жизни не видели. Многим, а может быть даже большинству, не верилось в происходящее. Как нам потом рассказывали, страна бросила работать и сидела у телевизоров, внимательно следя за всем происходившим в Кремле. А там происходило невероятное. Причем оно началось с первой минуты съезда», — вспоминает А. В. Минжуренко, народный депутат СССР². Украшением Съезда были выступления академиков Д. С. Лихачёва и А. Д. Сахарова, знаменитого поэта Е. А. Евтушенко. Однако помимо этих людей, давно уже хорошо известных в интеллигентских кругах, Съезд явил миру и совершенно новые имена. Это были удивительные дни: Страна Советов впервые увидела будущих демократических руководителей Москвы и Ленинграда профессоров Г. Х. Попова и А. А. Собчака, будущего подписанта Беловежских соглашений Г. Э. Бурбулиса и видного специалиста по межнациональным отношениям Г. В. Старовойтову, историков С. Б. Станкевича и Ю. Н. Афанасьева, и многих-многих других — на всех этих людей, еще вчера мало кому известных, после окончания работы Съезда смотрели как на народных героев и сложившихся политиков³. Съезд, к слову, узаконил появление в стране профессии *политического деятеля* — до этого момента в стране был один-единственный всеми признанный политик — Горбачёв.

¹ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР, депутата Верховного Совета СССР. Поселок Заречье, Московская область. 2021. 15 апреля.

² Минжуренко А. В. Командировка во власть. Омск, 2020. С. 193.

³ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко, народного депутата СССР. Москва. 2021. 23 марта.

Борис Николаевич Ельцин на Съезде держался в тени¹, но и без Ельцина в те дни в Кремле громко звучал голос всего Советского Союза. «Съезд был средоточием интеллектуальной элиты, земским собором, на котором были представлены все сословия — военное, партийная бюрократия, промышленная элита, культурная элита, научная элита. Это был реальный земский собор — от мятежной Прибалтики до суперпослушной Средней Азии», — вспоминал народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР С. Б. Станкевич². «Никогда больше в истории советского и российского парламентаризма не было такой концентрации ярких личностей, умов, талантов, темпераментов, как на том Первом Съезде-соборе», — утверждает Станкевич³. Вряд ли можно не согласиться с известным юристом Ю. Х. Калмыковым, писавшим в своих воспоминаниях о том, что «последующие парламенты по своему интеллектуальному и профессиональному уровню были ниже, чем союзный»⁴. «По отбору это был очень качественный человеческий материал», — утверждает народный депутат СССР, известный журналист А. Ф. Емельяненко⁵.

В центре внимания Съезда, да и всех телезрителей, был Михаил Сергеевич Горбачёв — его можно смело называть политическим отцом Съезда. «У депутатов авторитет Горбачёва в дни Первого съезда был стопроцентный, мы понимали, что он — великий человек, вскоре, правда, он стал снижаться из-за его шараханий и бессвязных речей», — рассказывал автору народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, сопредседатель оппозиционной по отношению к линии Горбачёва депутатской группы «Союз»⁶. «Первый съезд — пик популярности Горбачёва. Он был кумир для всех депутатов», — вспоминает

¹ Архив автора. Интервью А. В. Минжуренко, народного депутата СССР. Омск. 2021. 16 марта.

² Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 1 апреля.

³ Станкевич С. Съезд, съевший империю // Аргументы и факты. 2009. № 22. С. 3.

⁴ Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 19.

⁵ Архив автора. Интервью А. Ф. Емельяненко, народного депутата СССР. Москва. 2022. 19 января.

⁶ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного депутата СССР. Орша, Республика Беларусь. 2019. 31 августа.

народный депутат СССР В. М. Десятов¹. «Не было бы перестройки, не было бы нового лидера, мы бы не появились никогда. Мы — “птенцы Горбачёва”», — рассказывал в 1989 г. народный депутат СССР Н. В. Федоров, пришедший в большую политику благодаря радикальной трансформации жизни советского общества, происходившей в эпоху перестройки². Феноменальная личность Михаила Сергеевича, его огромное, поистине невероятное, природное обаяние³, своеобразный ток власти, исходивший от генсека⁴, буквально гипнотизировали депутатов⁵; в перерывах между заседаниями вокруг Горбачёва, как «возле пчелиной матки» образовывался «целый рой депутатов», желавших задать Михаилу Сергеевичу вопрос или — не боясь последствий! — поспорить о чем-то с ним. «С теми, кто прорвался поближе, он здоровался за руку, знакомым улыбался издали, со знаменитостями обменивался двумя-тремя фразами», — вспоминал свои впечатления от встречи с лидером перестройки народный депутат СССР В. И. Самарин⁶. В такие моменты охрана генсека, естественно, все время была начеку, внимательно наблюдая не просто за поведением, но и за каждым шагом и жестом парламентариев, приближавшихся к главе государства — нервы при этом у чинов охраны, правда, были просто на пределе — вокруг Горбачёва постоянно находилось множество депутатов. Никаких эксцессов,

¹ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

² Федоров Н. В. Юристы нужны любой политической системе // Батурин Ю. М. В пространстве власти и свободы. Интервью из прошлого. Народные депутаты о будущем страны в последний год жизни СССР. М.; Саратов, 2025. С. 272.

³ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 16 сентября. «Горбачёв относится к разряду людей — так, по крайней мере, кажется мне, — наделенных божьей искрой неподдельного обаяния», — утверждал академик С. С. Шаталин (см.: *Шаталин С. С. Прерванный диалог*. Тверь, 1998. С. 144).

⁴ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орёл. 2011. 29 октября.

⁵ Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня; Собчак А. А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991.

⁶ Самарин В. И. Незванные гости Кремля. Орел, 2008. С. 56–57.

однако, за все время работы съездов не было — в массе своей народные избранники относились к Горбачёву с огромным уважением — «как к первому лицу», отмечал спустя 30 с лишним лет начальник личной охраны Михаила Сергеевича, генерал В. Т. Медведев¹. «Новый стиль» генсека подразумевал, в числе прочего, и постоянное общение с «народом», представителями которого считались, в частности, депутаты. Горбачёв любил такое общение, соображения охраны, озабоченной в первую очередь обеспечением его безопасности, Михаила Сергеевича не интересовали².

В свою очередь, и депутаты использовали любую возможность поговорить с генсеком, видя в нем не только лидера перестройки, но и своего рода народного заступника. «Мы приехали на съезд, чтобы поддержать Горбачёва. В лице Горбачёва мы видели лидера, который борется с казёнщиной», — вспоминал свои настроения того времени народный депутат СССР А. Ф. Емельяненко. Депутаты понимали, что они сейчас — «любимая игрушка генсека» и пользовались возможностью донести свою позицию до главы государства³.

Несомненно, что парламентариев дурманила невероятная близость и к власти, и к ее носителю, при этом ни у кого из народных депутатов в эти дни, независимо от их отношения к генсеку, не было никакого сомнения: их приход в политику, возможность реализовать свой общественный потенциал состоялись только благодаря советскому лидеру, по воле которого и появилась открытая трибуна, с которой можно было свободно и безбоязненно на глазах у миллионов людей обсуждать любые проблемы, волновавшие огромную страну⁴. В результате работа всех съездов — от Первого и до последнего Пятого — была и осталась горбачёвоцентричной, напрямую реагируя на поддержку или неприятие политической линии инициатора перестройки: по мнению народного депутата СССР В. М. Десyatова, «голосование

¹ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева. Москва. 2020. 29 декабря.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева. Москва. 2021. 17 февраля.

³ Архив автора. Интервью А. Ф. Емельяненко, народного депутата СССР. Москва. 2022. 19 января.

⁴ Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР. Москва. 2021. 22 сентября; Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орёл. 2021. 29 октября.

по всем вопросам показывало количество противников Горбачёва и его сторонников»¹, при этом в дальнейшем Михаил Сергеевич своей нерешительностью и просчетами «расшвыривал», как выразился народный депутат СССР, экс-чемпион мира по шахматам А. Е. Карпов, поддержку депутатов, теряя ее от съезда к съезду². Горбачёв председательствовал на Первом Съезде, ему, вспоминал народный депутат СССР писатель Д. А. Гранин, пришлось «управлять огромной возбужденной разнородной аудиторией. В любую минуту она могла взбунтоваться. Горбачёв проявлял искусство высшей категории. Он вел съезд, как опытный лоцман, хотя *такого рода съездов никогда еще не было* [выделено мной. — *Авт.*], с таким противостоянием делегаций — от Прибалтики до Средней Азии»³. Вряд ли можно не согласиться с народным депутатом СССР, известным публицистом Ю. Д. Черниченко, назвавшего Первый Съезд — «горбачёвским»⁴. Примечательно также, что Черниченко именовал Первый Съезд и — «сахаровским»⁵, что тоже имеет свое право на существование: незабываемая «дуэль» А. Д. Сахарова, стоявшего на трибуне Съезда под шум, свист и улюлюканье зала, и М. С. Горбачёва — едва ли не самый яркий эпизод тех памятных дней. Подчеркивая исключительную роль Сахарова на Первом Съезде, член Межрегиональной депутатской группы А. Н. Мурашёв писал о том, что «Съезд окавычен его [А. Д. Сахарова. — *Авт.*] выступлениями»⁶. Уже в декабре 1989 года, в дни работы Второго Съезда народных депутатов СССР, А. Д. Сахаров ушел из жизни. Проститься с ним пришли десятки тысяч людей⁷. Среди них был и глава советского государства М. С. Горбачёв. Позднее Михаил Сергеевич признался, что испытывал по отношению к Сахарову глубокое уважение

¹ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

² Архив автора. Интервью А. Е. Карпова, народного депутата СССР, 12-го чемпиона мира по шахматам. Москва. 2020. 23 декабря.

³ Гранин Д. А. Талант человечности // «Многая Лета...» Михаилу Горбачёву — 70. М., 2001. С. 144.

⁴ Черниченко Ю. Д. Дело было в России. М., 1997. С. 4.

⁵ Там же. С. 122.

⁶ Мурашёв А. Межрегиональная депутатская группа // Огонек. 1990. № 32. С. 7.

⁷ Шабад А. Е. Народное достояние (как не хоронили Сахарова) // Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове: Сборник. М., 1996. С. 769–770.

и симпатию. По словам Горбачёва, «академик оказался счастливой встречей»¹. Выдающийся историк, академик П. В. Волобуев полагал, что совокупность деятельности А. Д. Сахарова позволяет утверждать, что он один «спас честь советской интеллигенции»².

Зачем Горбачёву вообще была нужна громоздкая конструкция Съезда? Депутаты демократического направления (Г. Х. Попов, И. И. Заславский) в беседе с автором этих строк высказывали убеждение, что, создавая Съезд, генсек рассчитывал опереться на народных избранников как на противовес партийному аппарату, который к тому моменту уже воспринимался Горбачёвым как тормоз перестройки, и обрести, благодаря поддержке депутатского корпуса, новую, *не партийную*, форму легитимности³. Аналогичное предположение высказывают и депутаты В. И. Карасёв и С. А. Цыпляев⁴. По словам Г. Х. Попова, Съезд задумывался Горбачёвым «как противодействие Нине Андреевой сотоварищи», как ответ генсека консервативной части ЦК, противившейся реформам⁵. В глазах советского общества парламентарии, придерживавшиеся демократических взглядов, пользовались немалым уважением, при этом основная масса народных депутатов, лояльная советскому руководству и названная Ю. Н. Афанасьевым с высокой трибуны Съезда «агрессивно-послушным большинством»⁶, для телезрителей оставалась в тени — все обсуждали выступления Собчака, Станкевича, Попова, Евтушенко, с нескрываемым неодобрением относившихся к власти партноменклатуры и яростно требовавших радикализации политики перестройки.

¹ Гутионтов П. Сахаров и Горбачёв // Новая газета. 2021. 26 марта. С. 15.

² Волобуев П. В. Он спас честь нашей интеллигенции // Советская культура. 1991. 14 декабря.

³ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская область, поселок Заречье. 2021. 15 апреля; Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР. Москва. 2021. 22 сентября.

⁴ Архив автора. Интервью В. И. Карасёва, народного депутата СССР, советника президента СССР. Москва. 2019. 15 апреля; Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

⁵ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская область, поселок Заречье. 2021. 15 апреля.

⁶ Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. В 6 т. М., 1989. Т. 1. С. 224.

Депутаты как будто мысленно перенесли в атмосферу II Всероссийского Съезда Советов, искренне воспринимая себя как *высшую власть в стране* — власть партийная к этому не была, конечно, готова; не была — *в профессиональном отношении* — готова к этому и основная масса депутатов, мировоззрение и взгляды которой были достаточно хаотичны, у парламентариев присутствовало «колоссальное опьянение свободой», но было, повторимся, четкое представление о себе как о народных избранниках, обязанных изменить жизнь *всех советских людей* к лучшему и оправдать тем самым доверие избирателей¹, действительно возлагавших на депутатский корпус огромные надежды. «В соответствии с объемом своих полномочий, — вспоминал народный депутат СССР С. А. Цыпляев, — Съезд был диктатором, он мог решить любой вопрос, он был и. о. народа, ему принадлежала вся власть — он и был вся власть»². «Полномочия Съезда были широчайшими, — констатировал народный депутат СССР С. С. Шушкевич, — он мог рассмотреть любой вопрос, касающийся СССР, и принять по нему окончательное решение»³.

Не будем скрывать: далеко не все депутаты были готовы к той роли, которую они себе предназначили, — для них удачное определение нашел народный депутат СССР С. С. Сулакшин: «прекраснодушная некомпетентность». Такие депутаты пребывали в поистине эйфорическом состоянии; их эйфория была своего рода отражением удивления — «невозможное стало возможным; то, о чем все думали, стало реальным — разговоры превратились в явь»⁴. Среди новоиспеченных законодателей были самые разные люди, попадались, вероятно, и те, кто стал депутатом в известной мере случайно — такие парламентарии, попав под прицелы телекамер и обретя всесоюзную популярность, становились малоуправляемыми. Их действия были не слишком конструктивными, а яростная и не слишком содержательная дискуссия, которую они вели

¹ Архив автора. Интервью В. И. Мироненко, народного депутата СССР, в 1986–1990 годах — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 7 ноября.

² Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

³ Шушкевич С. С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР. 25 лет спустя. Дніпро, 2018. С. 122.

⁴ Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, народного депутата СССР. Москва. 2020. 21 октября.

на глазах у всей страны, заставляла говорить о Съезде как о «балагане», как это делает, например, И. И. Заславский, член Верховного Совета СССР и в то время — один из самых молодых парламентариев. По словам Заславского, состав Съезда был не «структурирован», а депутаты были «хаотически избранными»¹. Согласен с Заславским член Верховного Совета СССР Р. А. Медведев. «Это была толпа, пусть и народных депутатов, друг друга депутаты не знали. Члены Политбюро были растеряны и унижены, их посадили со всеми в зале. Это было какое-то хаотическое и неуправляемое собрание, которому по конституции почему-то принадлежала высшая власть в стране. Депутаты были опьянены своими полномочиями», — вспоминает Рой Александрович².

«Это собрание было недееспособно, оно было не в состоянии сформулировать грамотную повестку дальнейшего развития страны», — вторит Р. А. Медведеву С. С. Сулакшин³. «В депутатском корпусе было целое половодье самых разных людей, случайно попавших в состав Съезда. Многие депутаты были просто не готовы к тому, чтобы быть высшей властью», — утверждает народный депутат СССР В. А. Логунов⁴. «Настораживали, — писал М. С. Горбачёв, — чрезмерные претензии радикалов, их бешеный натиск, стремление получить все сразу...»⁵

Но были среди депутатов и такие, которые очень быстро выказали совершенно определенные ораторские способности, смогли оседлать толпу, — они, по выражению народного депутата СССР С. А. Цыпляева, «смелели на ходу», в считанные недели, на глазах у всей страны, превратившись в политиков с всесоюзной известностью. Атмосфера в зале, вспоминает Цыпляев, была «наэлектризованной с первой же минуты, был собран народный форум, который *заговорил* сразу, — власть, в свою очередь, увидела, что утрачивает контроль над собранием депутатов»⁶. И действительно: Съезд пошел

¹ Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР. Москва. 2021. 22 сентября.

² Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, народного депутата СССР, члена ЦК КПСС. Село Немчиновка, Московская область. 2018. 21 июля.

³ Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, народного депутата СССР. Москва. 2020. 21 октября.

⁴ Архив автора. Интервью В. А. Логунова, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

⁵ Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 90.

⁶ Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

совсем не по тому сценарию, который был задуман Горбачёвым¹. «С самого начала многое даже внешне выглядело не так, как прежде: члены Политбюро сидят не в президиуме, а среди других народных избранников. А те из них, что остались без мандатов, — среди гостей, как простые смертные. И прошел съезд не по написанному наверху сценарию, а бурно, остро. Стала складываться оппозиция...» — размышлял инициатор перестройки².

«Разумеется, Горбачёв продумывал сценарий Съезда. Но Съезд оказался победой нарождающейся демократии только потому, что этот сценарий, в конечном счете, писала сама история. И у Горбачёва хватило воли и чутья следовать естественной силе вещей, принимать творческие, а не заранее расписанные решения... Горбачёв с самого начала оказался внутри парламентской схватки и именно поэтому не мог выступать в роли режиссера. А там, где он все же пытался срежиссировать работу Съезда, там дело как раз и грозило провалом: мрачнел готовый взорваться Ельцин; демонстративно покидали зал прибалты; остервенев, кидались на Горбачёва “правые”», — вспоминал А. А. Собчак, ставший одним из главных открытий Съезда³.

Многие народные депутаты опасались, что партийная номенклатура сделает все для того, чтобы превратить Съезд в очередное показушное мероприятие. По всей видимости, Горбачёв стремился любой ценой этого избежать, опасаясь падения своего авторитета и острой критики в адрес власти. «Если мы действительно проведем съезд формально, это вызовет глубокое разочарование в среде сторонников перестройки, неверие в то, что партия в самом деле намерена передать полноту власти Советам. Подобного рода опасения, кстати, уже проскальзывают в выступлениях в печати», — предупреждал генсека Г. Х. Шахназаров⁴.

Ряд депутатов действительно воспринимали предстоящий Съезд как очередную «постановку» властей. «Съезд еще не открылся, а недоверие к партаппаратчикам, его готовящим, понуждало нас, депутатов, быть

¹ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля.

² Горбачёв М. С. В меняющемся мире... С. 89.

³ Собчак А. А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С. 41.

⁴ Архив Горбачёв-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18252. Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачёву. «О некоторых соображениях в связи со Съездом народных депутатов». 1989. 7 февраля.

настороже: не позволить превратить Съезд в спектакль с заранее расписанными ролями, а нас в статистов», — вспоминал писатель, народный депутат СССР А. М. Адамович¹. Опасение этого вынуждало многих депутатов рваться на трибуну — с нее раздавалась не всегда конструктивная критика власти — столь сильная, что за 2 недели работы Съезда советская власть пошатнулась, ее прежде не оспариваемая в глазах людей *сакральность* куда-то исчезла, как будто растаяла — растаяла навсегда. «Съезд был шумным собранием, дело было не так, как хотелось бы. Горбачёв понял, что за 8 месяцев страну заболтали. Мы по сути восемь месяцев жили в парламентской республике — этакий недоношенный ребенок. Съезд народных разгильдяев! Мы поняли, что что-то не то произошло. Шум, крик, балаган. Более того, съезд был высшим органом...» — удивлялся Н. И. Рыжков². «С мая 1989 г., когда состоялся первый Съезд, мы восемь месяцев жили в парламентской республике и заболтали страну. Каждый Съезд превращался в разрушительный митинг. Когда Горбачёв это понял, он решил ввести пост президента СССР. Но было уже поздно», — сокрушался Н. И. Рыжков³. «Проведение первого Съезда показало, что это не-работоспособный орган. Съезд — это митинг. В такой аудитории невозможно рассматривать и принимать конкретные решения по какому-либо вопросу», — отмечал Николай Иванович⁴.

«Горбачёв хотел селектировать новые кадры через альтернативные выборы, — а они пришли с разрушительными идеями, в этом была беда — и Горбачёва, и страны», — констатирует А. А. Акаев⁵.

Сама идея возникновения Съезда народных депутатов принадлежала А. И. Лукьянову, опытнейшему юристу и партийному аппаратчику⁶. «Нет сомнения, — вспоминал помощник Горбачёва Г. Х. Шахназаров, — что идея эта была навеяна Лукьянову основательным знакомством с историей Советской власти. Анатолий

¹ Адамович А. Vixi. (Я прожил). Повести, воспоминания, размышления. М., 1994. С. 238.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР Н. И. Рыжкова. Москва. 2022. 23 ноября.

³ Долголетие по Рыжкову // Аргументы и факты. 2019. № 38. С. 3.

⁴ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 322.

⁵ Архив автора. Интервью А. А. Акаева, народного депутата СССР. Москва. 2020. 26 ноября.

⁶ Архив автора. Интервью В. И. Мироненко, народного депутата СССР. Москва. 2018. 7 ноября.

Иванович, мне кажется, воспринял ее первые институты в романтическом ореоле. Сами слова “Съезд Советов” звучали в его устах как музыка, гимн подлинно народной и пролетарской демократии. Он был так очарован этим продуктом революционного творчества, что не желал вслушиваться в контраргументы. <...> Генсеку пришлось по душе концепция Лукьянова. Нигде в мире нет Съезда народных депутатов, а у нас будет!»¹

Он же прибавлял: «Что бы отныне ни говорили и ни писали о Горбачёве, как бы его ни ругали, он навсегда останется *отцом отечественного парламента* [выделено автором. — Авт.]. <...> Горбачёв, как примерный родитель, заботящийся о своем чаде, ухаживал за парламентом, помогал встать на ноги, не только не ожидая благодарности в будущем, но снося брыкание депутатов, которые после овации, устроенной ему при первом появлении, начали журить, потом поругивать, а осмелев и войдя во вкус, учиняли форменные разносы, не всегда заслуженные. Президент обижался, досадовал, злился, и это порой прорывалось в резких репликах или невнятных угрозах, которые враждебно настроенная пресса, не прощавшая ему ни одного промаха, немедленно объявила покушением на демократию. *Наряду с гласностью первые выборы и первый парламент, заслуживающие этих названий, — главное дело Горбачёва-реформатора* [Выделено Г. Х. Шахназаровым. — Авт.]]².

Работе Первого Съезда предшествовали трагические события в Тбилиси: в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года в столице Советской Грузии при разгоне несанкционированного митинга погибли 17 человек. Тбилисские события очень сильно повлияли на ход Съезда и задали тон его работе: народные избранники вынуждены были решать вопросы практически-политического и уголовного характера³, резонанс от этих событий был таким сильным, что задел каждого депутата⁴. Депутатская комиссия под руководством А. А. Собчака, расследовавшая обстоятельства тбилисской трагедии, пришла к выводу о том, что партийное руководство и правительство

¹ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993. С. 71–72, 73.

² Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 333–334.

³ Архив автора. Интервью К. Д. Лубенченко, народного депутата СССР. Москва. 2019. 25 мая.

⁴ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного депутата СССР. Орша, Республика Беларусь. 2019. 31 августа.

республики были детально осведомлены о происходящем, а армия использовала для разгона демонстрации отравляющие вещества¹. В действительности почти все погибшие скончались от асфиксии (удушья), иначе говоря, нашли свою смерть в давке, попав в стихийно образовавшийся котел, как рассказывал автору бывший на месте трагедии журналист Ю. М. Рост². «Работа комиссии чуть успокоила Грузию, но она неизбежно повлекла за собой вопрос о выходе республики из состава Союза», — вспоминает состоявший в той комиссии С. Б. Станкевич³.

Выводы депутатской комиссии раскололи Съезд — далеко не все верили им, считая их политически ангажированными. Депутаты-демократы утверждали, что «агрессивно-послушное» большинство Съезда поддержало жесткие действия власти в дни тбилисских событий. Замечательный писатель-фронтовик, народный депутат СССР Б. Л. Васильев вспоминал: «После тех событий, когда советские войска жестоко разогнали демонстрацию молодежи, я снова закурил. Мы с Егором Яковлевым попали в Грузию на второй день похорон, когда Тбилиси, веселый южный город, весь словно почернел. Вернувшись в Москву, попытались рассказать об увиденном депутатам. Если бы вы слышали, каким грохотом сапог встретили они наш рассказ в Кремлевском Дворце Съездов. Генералы, полковники — вся эта военная публика — топала ногами, не давая говорить...»⁴

События в Тбилиси, ответственность за которые не взяли на себя ни глава государства, ни кто-либо еще⁵, предельно дискредитировали и лично Горбачёва, степень информированности которого о предстоящей силовой «зачистке» митинга в грузинской столице до сих пор не до конца ясна⁶, и советскую армию, и партийное руководство, дав

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 2. Д. 65. Л. 21–34.

² Архив автора. Интервью журналиста Ю. М. Роста. Москва. 2022. 1 июня.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР С. Б. Станкевича. Москва. 2019. 1 апреля.

⁴ Васильев Б. Мы вечно в поисках врага // Аргументы и факты. 2005. № 11. С. 3.

⁵ Лигачёв Е. К. Загадка Горбачёва. Новосибирск, 1992. С. 224–237.

⁶ «Было ясно, — рассказывал автору про свои тогдашние ощущения народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, — что Родионов и Язов делали все с указания Горбачёва, которого они старательно выгораживали, выступая на съезде» (цит. по: Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного

депутата СССР. Орша. 2019. 31 августа). Аналогичной точки зрения придерживался в те дни и народный депутат СССР Р. А. Медведев (цит. по: Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, народного депутата СССР. Московская обл., с. Немчиновка. 2018. 21 июля). Об этом в интервью писателю А. А. Проханову заявили и сами упомянутые военачальники — генерал И. Н. Родионов и его непосредственный начальник — Маршал Советского Союза Д. Т. Язов. Так, И. Н. Родионов с возмущением подчеркнул, что после его выступления на Первом Съезде народных депутатов никто не попытался его защитить, при этом «молчал Верховный Главнокомандующий, который это дело санкционировал» (см.: Армия — вершина политики (Беседа писателя А. Проханова с Маршалом Советского Союза Дмитрием Язовым и генерал-полковником Игорем Родионовым) // Завтра. 1994. Июнь. № 21 (26). С. 3). В свою очередь, А. А. Собчак, председатель депутатской комиссии по расследованию событий в Тбилиси, утверждал, что «к “кровавому воскресенью” Горбачёв непосредственного отношения не имел и не мог иметь» (см.: Караулов А. В. Диалог с Анатолием Собчаком // Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 183–184). Джумбер Патиашвили, бывший первый секретарь ЦК компартии Грузии, правда, уже после отставки Горбачёва и распада СССР, рассказывал в одном из интервью, что накануне кровавых событий ему позвонил генсек и в ультимативном тоне заявил: «Надо немедленно освободить площадь и этим займется армия!» «Я понял, — вспоминал Джумбер Ильич, — что он [М. С. Горбачёв. — Авт.] знает о намеченном плане и поддерживает его» (см.: Кровавый апрель Тбилиси. Хочу рассказать все // Свободная Грузия. 1992. 28 февраля). Принципиально важно, что в советской газете «Известия» полугодом ранее, за три месяца до отставки Горбачёва, Патиашвили заявлял о своей неполной осведомленности об истоках и причинах трагедии, признавая, впрочем, что он несет личную персональную ответственность за произошедшие события. «Вина моя в том есть, — подчеркнул Патиашвили, — и вина большая» (см.: Патиашвили Д. Даже я не знаю всей правды о тех событиях // Известия. 1991. 16 сентября). По утверждению Патиашвили, «никаких конкретных вопросов перед руководителями МВД и МО СССР» он не ставил, а о результатах операции по зачистке площади генерал Родионов впервые сообщил Д. И. Патиашвили в 4:30 утра 9 апреля 1989 года (см.: ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 2. Д. 64. Л. 60. Записка Д. И. Патиашвили. 1989. 16 мая). А. А. Собчак отмечал, что лично ему Патиашвили показался человеком «эмоционально честным»: «для меня он по-человечески ближе иных, показался порядочнее. Но и он не сделал даже попытки остановить и изменить ход развития событий» (см.: Войска выходят на площадь... (Народный депутат СССР А. Собчак отвечает на вопросы обозревателя «Огонька»

Грузии моральное право требовать своего выхода из состава СССР. Советское общество, несмотря на безудержную кампанию по обличению государственных структур, начатую демократическим лагерем, также приняло выводы депутатской комиссии не безоговорочно. Находились силы, которые осуждали митингующих и находили оправдания для армии. Горбачёв и его единомышленники извлекли из «кровавого воскресенья» в Тбилиси свои уроки: «...отныне без решения Политбюро в таких делах армия не должна участвовать»¹. Примечательно, что А. Я. Сухарев, занимавший в те дни должность Генерального прокурора СССР, расценил трагедию в Тбилиси как «спланированную криминальную провокацию»². При этом, с чем нельзя не согласиться, Сухарев полагал, что «Тбилисское дело приобретало сугубо политическую окраску, усиливало противоборство в обществе и структурах власти»³. Как бы то ни было, но тбилисские события дали возможность оппозиции выступить на Съезде в качестве наступающей стороны.

Съезд начался очень нервно⁴, на нем бушевали нешуточные страсти: горячее обсуждение Тбилисской трагедии, вину за которую руководители всех уровней перекладывали друг на друга⁵; вызывающее, по мнению многих депутатов, поведение литовской делегации, приехавшей на Съезд и, по откровенному признанию А. Бразаускаса,

В. Глотова) // Огонек. 1990. № 2. С. 30). Версия событий в Тбилиси наиболее подробно изложена Собчаком в его книге (*Собчак А. А. Тбилисский излом, или Кровавое воскресенье 1989 года. М., 1993*). Оговорим еще раз: на наш взгляд, вина и причастность М. С. Горбачёва к решению о силовом разгоне митинга в Тбилиси в апреле 1989 года не доказана, трудно и назвать главного и непосредственного виновника свершившегося кровопролития.

¹ В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, испр. и доп.. М., 2008. С. 486.

² *Сухарев А. Я. Генеральный прокурор СССР листает памяти страницы...* Воронеж, 2010. С. 215.

³ *Сухарев А. Я. Генеральный прокурор СССР листает памяти страницы...* Воронеж, 2010. С. 215..

⁴ *Сулакшин С. С. Современная российская многопартийность: видимость и сущность. Свидетельство не со стороны. М., 2001. С. 35.*

⁵ *Патиашвили Д.* Даже я не знаю всей правды о тех событиях // *Известия.* 1991. 16 сентября; Чебриков В. Страну проиграл Горбачёв // *Трибуна.* 2001. 27 июля; Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР. Москва. 2020. 3 марта.

«довольно агрессивно настроенной против коммунистического “центра” и самого Горбачёва»¹; обсуждение правовой основы пакта Молотова–Риббентропа, наконец, жаркие споры по поводу необходимости отмены 6 статьи конституции СССР. Представить подобные дебаты еще пару лет назад было абсолютно невозможно. «То, что происходило на Съезде, вынашивалось, копилось, может быть, все 70 лет... и про-рвалось!» — вспоминал народный депутат СССР Ю. Ф. Карякин².

Невольно напрашивались параллели с историей последнего царствования и жаркими дебатами, происходившими в Таврическом дворце в начале века. «Съезд народных депутатов удивительным образом походил на описание в исторических источниках заседаний Первой и Второй Государственной Дум 1906 и 1907 годов. Та же непримиримость левых и правых, непримиримость демократов к существующему строю. Мистические нити связывают людей и события», — заметил народный депутат СССР Ю. А. Барашков³.

Уже в первый день работы Съезда произошло нечто невероятное: народный депутат СССР А. М. Оболенский выдвинул свою кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР в альтернативу самому М. С. Горбачёву — политику, находившемуся в тот момент на вершине своей популярности. «Я прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым у меня никаких. Я хочу, чтобы в нашей истории, в нашей с вами практике возник прецедент проведения выборов. Пусть это и не совсем альтернативная основа, но это — выборы», — объяснял А. М. Оболенский свое выдвижение⁴. В интервью, данном по горячим следам популярнейшему еженедельнику «Аргументы и факты», А. М. Оболенский подчеркнул, что его решение о выдвижении — «не мальчишеское решение, а продуманный, запланированный поступок»⁵. Александр Митрофанович признался, что за время работы Съезда он получил более 500 телеграмм и не менее 100 писем, многие из них были посвящены его выдвижению. По словам Оболенского, лишь около 1% писем и телеграмм, поступивших

¹ *Бразаускас А.* Развод по-литовски. Вильнюс, 1993. С. 68.

² *Карякин Ю. Ф.* Перемена убеждений (от ослепления к прозрению). М., 2007. С. 218.

³ *Барашков Ю.* Народный депутат СССР. 1989–1991. [б/м], 2019. С. 154.

⁴ Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. В шести томах. М., 1989. Т. I. С. 96.

⁵ От имени народа // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 2.

на его имя, содержали осуждение его поступка, а «остальные поддерживают, понимают важность этого поступка. *Ведь это начало выборов, хотя мою кандидатуру и не включили в список для тайного голосования* [выделено мной. — Авт.]»¹.

Даже спустя тридцать с лишним лет Оболенский не в состоянии понять: как политик уровня Горбачёва не почувствовал, что своим выдвижением на пост Председателя Верховного Совета никому неизвестный народный депутат из Апатитов «сделал ему политический подарок — ведь я же не конкурент ему?» Победая своего противника в конкурентной борьбе, Горбачёв еще больше утверждался бы в глазах страны. «Я бы, конечно, проиграл Горбачёву, — рассуждает А. М. Оболенский, — но моя цель была добиться, чтобы Съезд реализовал свою демократическую процедуру. Самовыдвижение было фактически по процедурному вопросу, а не ради победы...»² Выдвижение Оболенского вызвало в зале оживленную полемику. Некоторым депутатам, например, казалось, что перед ними разыгрывается «некий сценарий с юморным подтекстом»³.

После жарких дебатов депутаты все же решили поставить вопрос о включении кандидатуры депутата Оболенского в бюллетень для тайного голосования. «За» включение кандидатуры Оболенского проголосовало 689 депутатов, против — 1415⁴. Таким образом, кандидатура депутата А. М. Оболенского в бюллетень для тайного голосования включена не была. В глазах ряда депутатов само обсуждение вопроса — может или не может А. М. Оболенский выступить в качестве *альтернативы* Горбачёву — выглядело не слишком демократично. Оболенский «имел на это полное право, так как Конституция гласила, что депутат может объявить себя самовыдвиженцем. Однако вместо того, чтобы сделать это без всяких проволочек, вопрос поставили на голосование, а отдать свой голос за предложение Оболенского многие народные избранники почему-то не решились. С моей точки зрения это первое нарушение основного закона страны и стало началом политического краха Горбачёва», — рассуждает народный

¹ От имени народа // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 3.

² Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орел. 2021. 29 октября.

³ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

⁴ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 99–100.

депутат СССР А. Е. Карпов¹. Думается, что Горбачёв выглядел бы благородно, если бы, опираясь на свой авторитет, *настоял* бы на включении А. М. Оболенского в бюллетень для голосования, однако Михаил Сергеевич, вероятно, стремился подчеркнуть безальтернативность его кандидатуры и иной, чем у остальных депутатов, уровень своего политического масштаба. «Мысленно невольно возвращаешься к I Съезду народных депутатов. Сколько раз приходилось тогда слышать полу-ехидный вопрос: “Что бы Вы делали, если бы Вас вдруг избрали Председателем Верховного Совета?” Хотя и нашел тогда, на мой взгляд, удачный ответ: “Предложил бы Михаилу Сергеевичу как Генеральному секретарю самое тесное сотрудничество”, на душе становилось беспокойно... Сейчас на подобный вопрос я уже ответил иначе: “Не боги горшки обжигают. Если идти вместе с народом, а не стоять над ним, можно горы свернуть”», — вспоминал год спустя А. М. Оболенский².

Б. Н. Ельцин, выдвинутый на пост Председателя Верховного Совета СССР народным депутатом Г. Э. Бурбулисом, предвидя неизбежное поражение в *этом* соревновании с Горбачёвым³, взял самоотвод⁴. В итоге фамилия Горбачёва была единственной, внесенной в бюллетень для голосования. «За» кандидатуру творца перестройки на пост Председателя Верховного Совета СССР проголосовало 2123 депутата, а «против» — всего 87⁵. С этого момента Горбачёв занимал две высшие должности в стране — он был главой и партийной, и государственной власти.

¹ Карпов А. Е. Жизнь и шахматы. М., 2022. С. 207.

² Оболенский А. М. Что день грядущий нам готовит? (Размышления после III Съезда народных депутатов) // Через тернии / Сост. А. А. Протащик. М., 1990. С. 508–509.

³ «В итоге все проголосовали за выдвижение моей кандидатуры, было лишь четверо воздержавшихся. Не обнаружилось и сколько-нибудь серьезных соперников. Самовыдвижение А. М. Оболенского не было принято всерьез большинством депутатов. А оппозиция не решилась в тот момент оспаривать пост председателя, поскольку подобная попытка была заведомо проигрышная. Поэтому и Ельцин, кандидатура которого была названа Бурбулисом, взял самоотвод», — вспоминал М. С. Горбачёв (см.: Горбачёв М. С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 232).

⁴ Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 104.

⁵ Там же. С. 109.

Благодаря прямой трансляции, которая шла по центральному телевидению, Съезд стал событием общенационального масштаба, «за считанные дни съезда в стране произошел гигантский сдвиг сознания. Это сделало телевидение», — констатировал Г. Х. Попов¹. «Тринадцать дней все, кто имел возможность, провели у телевизоров. И не только потому, что на глазах миллионов происходило что-то совершенно невиданное по своей открытости, откровенности, накалу политических страстей. Телезрители ждали, заставляли себя верить, что невиданное завершится невиданным итогом. Однако чуда не свершилось. Люди нашей страны за две недели стали чуть-чуть другими. А вокруг них все осталось прежним и потому стало выглядеть еще хуже, чем раньше», — по горячим следам написал известный публицист И. М. Клямкин². Это не отменяет исторического значения Съезда, главными итогами которого стали решительный и ясный поворот власти к публичной политике, открытое обсуждение любых, в том числе и самых острых проблем³. В результате деятельности Первого Съезда смогли появиться не только новые имена в политике, но и были заложены основы гражданского общества и демократии, предполагающие, сами по себе, *легальную* политическую оппозицию и *легальное* инакомыслие. Позволим себе высказать предположение, что в те дни *общество* окончательно утратило чувство страха перед властью, уверовав в возможность безнаказанно высказывать собственное мнение. «Съезды народных депутатов благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачёву избавили нас всех от чувства липкого страха, в котором мы все жили. После съездов у всех созрела всех мысль, что необходимы перемены», — вспоминал знаменитый артист О. В. Басилашвили, в годы перестройки — народный депутат РСФСР и последовательный сторонник демократических убеждений⁴. Не лишним будет еще раз повторить, что политическим отцом Съездов народных депутатов, равно как и всей политической реформы, был именно М. С. Горбачёв. На Съезде проявилось и совершенно определенное отставание значительной, если не большей части советского руководства, от непрерывно ускоряющихся политических процессов, косность и догматичность мышления

¹ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 68.

² Клямкин И. Трудный спуск с зияющих высот. М., 1990. С. 3.

³ Надеин В. Съезд и наши надежды // Известия. 1989. 13 июня.

⁴ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного артиста СССР, народного депутата РСФСР в 1990–1993 годах. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 октября.

партийного ареопага. Именно в 1989 году стало очевидно, что политический процесс выходит из-под контроля власти, а локомотив перестройки начинает обгонять своего машиниста. В дни Первого Съезда генсек еще контролировал и страну, и процесс перемен, которых, вспоминая гимн перестройки, требовали сердца советских людей; в следующем, 1990 году историческое время уже бежало впереди своего Героя. Во время работы Первого Съезда Горбачёв находился на пике своей профессиональной политической формы. Его искусство как политика стояло на много ступеней выше депутатского корпуса; временами генсек напоминал шахматного гроссмейстера, который проводит сеанс одновременной игры с любителями. «На Съезде Горбачёв продемонстрировал себя в качестве очень сильного политика. Его окружение, к сожалению, было совершенно недееспособно... Я убежден, что при всех недостатках в организации и результативности I Съезда народных депутатов — это историческое событие, значение которого даже трудно переоценить... Им сформирован первый в нашей истории профессионально работающий парламент. Громадное влияние оказал Съезд на политическое просвещение народа, приобщение миллионов людей к политической жизни», — рассуждал А. А. Собчак, ставший одним из открытий Первого Съезда¹.

«Страна нуждалась в *прорыве* к новому качеству своего существования, для чего и предназначалась перестройка. И Съезд явился именно попыткой к такому прорыву. Он разбудил “народ”... Другое дело, что ни нация, ни ее мыслящий слой не были готовы этим прорывом воспользоваться», — писал в одной из своих работ А. С. Черняев². Но разве не является ли это подвигом — разбудить целый народ от многолетней спячки и вовлечь его в политику? Думается, что заслугу и Съезда, и его инициатора в этом отношении трудно переоценить.

Еще одним итогом съезда стало также возникновение в СССР первой за многие десятилетия легальной демократической оппозиции, выраженной в образовании Межрегиональной депутатской группы³. «МДГ родилась снизу, самими депутатами, которые знали взгляды друг друга. На организационное собрание пришло около 300 депутатов. МДГ воспринимала себя как сторонники Горбачёва», — рассказывал автору

¹ Собчак А. От съезда к съезду: становление новой политической системы // Через тернии / Сост. А. А. Проташик. М., 1990. С. 461.

² Черняев А. С. О 20-летию I Съезда народных депутатов // Избранное — 2. М., 2013. С. 66.

³ Травкин Н. Наш бумеранг, вперед лети... О народе, власти и государстве Российском (Фейсбучные хроники). М., 2019. С. 166.

народный депутат СССР В. М. Десятов¹. «Съезд должен был избрать постоянный орган — Верховный Совет, всех демократов забаллотировали. Ответом стало то, что мы объявили о создании МДГ, которая насчитывала 300–320 человек», — такую версию возникновения МДГ предлагает С. Б. Станкевич².

МДГ не была монолитным в политическом отношении объединением. В своей массе члены МДГ сходились на законодательном закреплении гласности, необходимости отмены 6-й статьи³, ликвидации всевластия КПСС и необходимости более решительного проведения демократических преобразований⁴. При этом именно по поводу отмены 6-й статьи в рядах МДГ нередко возникали нешуточные страсти: часть депутатов предлагала, не упраздняя 6-ю статью, заменить ее формулировку на равенство всех партий перед законом⁵. По словам члена МДГ академика О. Т. Богомолова, группа «возникла спонтанно, объединив людей, хотя и с различными оттенками демократических убеждений, но одинаково не приемлющих командно-административную систему и всевластие партийной номенклатуры. Речи и предложения этих депутатов, выступавших за более глубокую и последовательную демократизацию общества, вызывали явное неодобрение большинства сидящих в зале, что и дало повод Ю. Н. Афанасьеву

¹ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

² Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2019. 1 апреля.

³ «МДГ — это объединение депутатов, которые ратовали за отмену 6 статьи, больше ничего общего у депутатов не было. После отмены 6 статьи последующие собрания были деструктивны — люди были совершенно разные», — рассказывал автору А. Н. Мурашёв, секретарь Координационного совета МДГ (Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня).

⁴ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко, народного депутата СССР. Москва. 2021. 23 марта; Архив автора. Интервью А. В. Минжуренко, народного депутата СССР. Омск. 2021. 16 марта; Архив автора. Интервью В. А. Чельшева, народного депутата СССР. Москва. 2020. 26 ноября; Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, народного депутата СССР. Москва. 2020. 21 октября.

⁵ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

назвать это большинство “агрессивно-послушным”»¹. Объединение депутатов происходило только по убеждениям, никакой формальной привязки к группе у межрегионалов в общем-то не было — любой народный депутат мог свободно войти в группу и выйти из нее².

По-разному члены МДГ относились и к личности Горбачёва: одни видели в нем тормоз перестройки (Б. Н. Ельцин), другие (их было большинство, в частности, академик А. Д. Сахаров) были убеждены в положительной роли Горбачёва как пилота перестройки и главы государства³. Лишь меньшая часть МДГ хотела “давить” на Горбачёва и его команду⁴. Однако по вопросу о конкретной политической программе среди «межрегионалов» возникали споры — слишком, как вспоминал влиятельный депутат М. А. Бочаров, «разношерстная это была кампания»⁵. Лозунги МДГ были очень общие, порой не слишком конкретные, каждый член МДГ преследовал какую-то свою персональную цель, стремился к чему-то, казавшемуся именно ему наиболее значимым, и с ожесточением выступал против чего-то, раздражающего именно его *в наибольшей степени*. «МДГ — объединение *против*, против чего — объяснить трудно — все против разного», — рассказывал автору этих строк член МДГ И. И. Заславский⁶. МДГ, по остроумному определению

¹ Богомолов О. Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 41.

² Архив автора. Интервью В. А. Логунова, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

³ Архив автора. Интервью А. В. Минжуренко, народного депутата СССР. Омск. 2021. 16 марта; Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР. Москва. 2020. 3 марта; Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

⁴ Попов Г. Десять лет спустя, или Долги Межрегиональной депутатской группы // Московский комсомолец. 1999. 28 мая.

⁵ Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР. Москва. 2019. 18 июня.

⁶ Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР. Москва. 2021. 22 сентября. «Мы довольно плохо знали друг друга. Межрегиональная группа, строго говоря, не была группой единомышленников, потому что сами представления о демократии и возможных путях ее установления в России у каждого из нас были разными. Нас объединяла не столько конструктивная программа действий (ее не было [Курсив наш. — Авт.]), сколько отторжение номенклатурно-бюрократической

Г. Э. Бурбулиса, составляла «прогрессивно-активное меньшинство» — противовес «агрессивно-послушному большинству» Съезда¹.

В 1989 году наиболее известными деятелями МДГ являлись академик А. Д. Сахаров и Б. Н. Ельцин; отношения между ними были чрезвычайно напряженными, а взаимная антипатия была настолько сильна, что они даже не разговаривали друг с другом. Сахарова пугало неприкрытое стремление Ельцина к власти, его нескрываемая личная неприязнь к Горбачёву². В значительной степени именно присутствие в составе «межрегионалов» академика Сахарова, обладавшего в глазах всего демократического лагеря огромным нравственным авторитетом как правозащитника № 1³, помешало Ельцину стать единоличным председателем МДГ. Кроме того, настроение большинства членов МДГ было против одного «вождя» во главе — как в КПСС; «межрегионалы» хотели возродить реальное коллективное руководство⁴. В итоге было принято «соломоново решение»: избрать 5 сопредседателей — и для того, «чтобы порвать с традициями КПСС», и, исходя из итогов рейтингового голосования внутри группы. В итоге сопредседателями МДГ были избраны Б. Н. Ельцин, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, А. Д. Сахаров и В. Пальм⁵. На собраниях МДГ Ельцин вел себя молчаливо, обособленно от других

системы», — вспоминала народный депутат СССР, видный экономист, академик Т. И. Заславская. (См.: *Заславская Т. И. Моя жизнь: воспоминания и размышления* // Избранное: в 3 т. Т. 3. М., 2007. С. 631–632).

¹ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР. Москва. 2019. 11 февраля.

² Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля.

³ Архив автора. Интервью Н. И. Травкина, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 31 января; Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР. Москва. 2020. 3 марта.

⁴ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орел. 2021. 29 октября. «На первом же собрании МДГ установили сразу, что единоличного лидера не будет. Борьба за лидерство ввиду этого в открытую не велась. Ельцин вел себя очень просто, выступал самоуверенно, громогласным и поставленным голосом. На него смотрели как на старшего товарища, прошедшего партийные огни и воды. Его очень уважали», — вспоминал член МДГ, народный депутат СССР В. М. Десятов (см.: Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля).

⁵ *Попов Г. Х. Снова в оппозиции*. М., 1994. С. 70.

депутатов, как вождь, не разменивая в разговорах свою огромную популярность¹. Вместе с тем тот факт, что его не избрали единоличным председателем МДГ, Ельцину очень не понравился: Борис Николаевич осознавал, что он не сумел стать *лидером* МДГ. Уже вскоре, увидев, что МДГ не смогла стать его послушным инструментом и серьезным подспорьем в борьбе за власть, Ельцин фактически размежевался с ней, сделав ставку на занятие высших постов в РСФСР.

В декабре 1989 года А. Д. Сахаров уже ушел из жизни, его смерть, абсолютно неожиданная для его соратников², стала невосполнимой потерей для демократического лагеря. Не вступая в полемику по поводу политических предложений Сахарова относительно будущего государственного устройства СССР и его публицистического наследия, нельзя не признать того, что Андрей Дмитриевич был честным, по-своему бесстрашным человеком, отличавшимся невероятным упорством в преследовании избранной цели³, совестью демократии и живой легендой правозащитного движения, «У Сахарова было невероятное человеческое обаяние, обаяние честного человека», — рассказывает об Андрее Дмитриевиче хорошо его знавший журналист и фотокорреспондент Ю. М. Рост⁴. Именно Сахаров и сформулировал стратегию демократов в дни Первого Съезда: пока есть возможность, необходимо использовать трибуну Съезда в качестве уникальной площадки для откровенного разговора со всей страной⁵. Наверное, не следует преувеличивать значение МДГ в работе Съезда; межрегионалы были в меньшинстве, политически они были поставлены в «патовое положение», как отмечал народный депутат СССР В. Н. Ярошенко⁶. Значение деятельности МДГ было, прежде всего, в самом факте ее существования: МДГ была *детischem* перестройки, в иную эпоху — даже пятью годами ранее — она просто бы не смогла появиться.

¹ Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня.

² Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

³ *Фейнберг Е. Л.* Сахаров в ФИАНе // Новый мир. 1994. № 5. С. 179.

⁴ Архив автора. Интервью Ю. М. Роста, в 1989 году — обозревателя «Литературной газеты». Москва. 2022. 1 июня.

⁵ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля.

⁶ *Ярошенко В.* Энергия распада. Очерки политических обстоятельств 1989–1990 годов // Новый мир. 1991. № 3. С. 148.

На наш взгляд, значение Первого Съезда трудно переоценить. Достаточно сказать, что в результате деятельности Первого Съезда смогли появиться не только новые имена в политике, но и были заложены основы гражданского общества и демократии, предполагающие, сами по себе, легальную политическую оппозицию и *легальное* инакомыслие. Позволим себе высказать предположение, что в те дни *общество* окончательно утратило чувство страха перед властью, уверовав в возможность безнаказанно высказывать собственное мнение.

В самом Союзе в 1989 году дела шли все хуже, абсолютно неожиданно для Горбачёва мощно заговорил о себе национальный сепаратизм, все выше и выше поднимавший голову. «Национальный вопрос. Мы явно недооценили эту проблему... Как мы с вами были воспитаны? В духе дружбы и гордости за достижения. Действительно, было чем гордиться... Но одновременно саднила рана, нанесенная репрессиями против целых народов», — признавался М. С. Горбачёв¹. «Центр в принципе был не готов к взрыву национального самосознания, помноженному к тому же на клановые, племенные, собственнические противоречия. Это один из главных просчетов Горбачёва — не был учтен национальный фактор. Считалось, что существует “советский народ”», — вспоминал помощник Горбачёва А. С. Черняев². Эффективных способов разрешения межнациональных противоречий Центр предложить не сумел: ставка на преодоление разногласий исключительно политическими средствами, то есть в рамках переговорного процесса, к должным результатам привести не смогла; силовой же сценарий раз за разом не удавался, приводя лишь к усугублению конфликта — казалось, выхода из этого клубка противоречий нет: не получалось ни то, ни другое. «Сказывались последствия сталинской национальной политики: волюнтаризм при установлении границ между национально-территориальными образованиями, насильственные депортации и переселения целых народов. Межнациональные конфликты в 1988–1989 годах стали принимать открытые формы, а попытки их подавления военной силой вели к человеческим жертвам и лишь обостряли ситуацию. Первому Съезду народных депутатов и Верховному Совету СССР приходилось

¹ Нет иного выхода, как поменять власть (С Михаилом Горбачёвым беседует главный редактор «Российской газеты» Валентин Логунов) // Российская газета. 1993. 19 августа.

² Черняев А. Горбачёв очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

разбираться с последствиями событий в Тбилиси, Нагорном Карабахе, Сумгаите и Баку. Политическое решение возможно было найти на основе реформирования Союза. Но к идее нового Союзного договора Михаил Горбачёв пришел лишь в начале 1991 года», — вспоминал народный депутат от Эстонской ССР академик М. Л. Бронштейн¹.

Поговорим о деятельности М. С. Горбачёва во внешней политике. 2–3 декабря 1989 года проходил советско-американский саммит на Мальте. «Встреча двух лидеров сверхдержав на Мальте оказалась как-то в тени в бурном потоке международных событий эпохи перестройки. Может быть, потому, что не было подписано никаких совместных документов и даже не выпущено коммюнике о встрече. И сведения о том, что там происходило, можно было получить только от узкого круга присутствовавших там, а они не склонны были особо распространяться, поскольку встреча носила, в общем-то, закрытый характер», — вспоминал А. С. Черняев, принимавший участие в этой встрече².

Мальтийский саммит носил особый характер: это была первая встреча М. С. Горбачёва с Джорджем Бушем как действующим президентом Соединенных Штатов. На смену романтику Рейгану, как определил его пресс-секретарь Рейгана и Буша Марлин Фитцватер³, к власти пришел решительный прагматик, убежденный сторонник жесткой линии ведения переговоров. Саммит проходил на фоне событий исключительного масштаба как в самом Советском Союзе, так и в Восточной Европе: меньше месяца назад пала Берлинская стена — один из самых известных символов холодной войны.

После ухода Р. Рейгана пауза в контактах на высшем уровне между руководителями СССР и США затянулась. Наконец, через посредничество маршала С. Ф. Ахромеева, Горбачёва было передано письмо от Буша, предлагавшего провести встречу в декабре 1989 года на Мальте — на стыке трех континентов. «Определили протокольную сторону дела. К рейду порта Валетты должны были подойти советский крейсер “Слава” и американский — “Белкнап”. На них и предполагалось поочередно встречаться. Неожиданный шторм, который разразился 2 декабря, когда мы прибыли в Валетту, нарушил весь наш протокол. И все переговоры пришлось проводить на “нашей территории” — на лайнере “Максим Горький”, который мы предусмотрительно подогнали к Валетте

¹ Бронштейн М. Л. На рубеже эпох. Таллинн, 2002. С. 52–53.

² Черняев А. С. Избранное... С. 355.

³ Fitzwater M. Call the Briefing! Holbrook, Massachusetts, 1995. P. 138.

(полагая сделать его гостиницей для нашей делегации)», — вспоминал М. С. Горбачёв¹. Всего на Мальте состоялись две большие — по 4–5 часов — беседы и две более короткие — один на один². Встреча проходила как рабочая. Она отличалась от официальной как по форме, так и по содержанию. На ней не создавались рабочие группы, так как не предполагалось подписывать никаких договоров, соглашений и даже официального заключительного документа. Поэтому беседы проходили или между делегациями (по 6–7 человек в каждой), или только между руководителями — один на один³. Обе команды проводили переговоры в «подготовленной капитаном “Максима Горького” комнате — размером не больше, как мне показалось, 20 квадратных метров. Знакомимся, шутим насчет шторма, необычности обстоятельств встречи и т. п.», — вспоминал А. С. Черняев⁴. На встрече Буша и Горбачёва Михаил Сергеевич признал, что «доктрина Брежнева» — мертва. Президент США воспринял это важное заявление как фактическое обязательство Горбачёва не вмешиваться в происходящие в странах Восточной Европы события⁵. С момента первых саммитов подход Горбачёва к США также эволюционировал, на Мальте у советского лидера установились человеческие и личные отношения с Бушем, вспоминал государственный секретарь США Дж. Бейкер⁶. По словам американского посла в СССР Джека Мэтлока, в ходе переговоров Горбачёв уверил Буша, «что сила никогда не будем применена в Восточной Европе, что он осознает необходимость вывода советских войск и что он позволит восточноевропейцам свободно избрать себе политикоэкономический строй. Он все еще надеялся сохранить в целостности Варшавский договор, но не станет для этого применять силу или грозить силой»⁷. «Позиция Горбачёва, — пишет петербургский историк М. Ф. Польшов, — означала, что Советский Союз отказался от Восточной Европы как от важнейшей сферы

¹ Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 228.

² Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата... С. 248.

³ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата... С. 249.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 819. Дневниковая запись от 10 декабря 1989 года.

⁵ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно... С. 664.

⁶ Baker James A. Politics of diplomacy. New York, 1995. P. 170.

⁷ Мэтлок Джек Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003. С. 222.

своего влияния, доставшейся ему по итогам Второй мировой войны, и оставил ее на откуп США и Западу»¹. Принципиально важным было заявление Горбачёва о том, что «СССР готов больше не считать США своим противником и открыто заявить об этом», а также о том, что Советский Союз признает «право каждой страны на свободный выбор, включая право пересмотреть или изменить первоначально сделанный выбор. Это — очень болезненно, но это — основополагающее право. Право выбирать без вмешательства извне. США привержены определенной социальной и экономической системе, которую выбрал американский народ. Пусть же и другие народы сами решают, какому, образно говоря, богу молиться. <...> Когда эти поиски протекают свободно, то можно сказать одно: на здоровье»². По словам Дж. Буша, разговор двух политиков «шел на одной волне»³. Американский президент был убежден, что «переговоры показали дружескую открытость между нами и искреннее стремление выслушать предложения друг друга. Возможно, это растущее доверие помогло ему [М. С. Горбачёву. — *Авт.*] понять и способствовать переменам в Восточной Европе, не беспокоясь особенно, что мы воспользуемся этим в своих интересах. Все это только помогало укреплять безопасность в Европе и отвечать на новые вызовы времени»⁴. Фактически СССР и США заявили о том, что они не только не считают себя враждебными сторонами в холодной войне, но и перешли к партнерству. «Холодная война окончилась. Это был мощный заключительный аккорд прекращения холодной войны, что бы потом ни говорили скептики и оппоненты, какие бы аргументы против такой оценки ни пускались в ход тогда и до сих пор!» — утверждал М. С. Горбачёв⁵. Горбачёвым, по утверждению Черняева, были достигнуты поистине «исторические успехи» во внешней политике: «На Мальте (встреча с Бушем в конце декабря) договорились о прекращении “холодной

¹ *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачёва... С. 225. «Коммунистические оппоненты Горбачёва время от времени разыгрывают тезис, что на Мальте произошел некий тайный сговор между Горбачёвым и Бушем относительно будущего СССР. Все это выдумки. Никакого сговора не было. СССР развалили гэкачеписты», — вспоминал А. Н. Яковлев. (См.: *Яковлев А. Н.* Сумерки... С. 586.).

² Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки. С. 243–244, 247.

³ *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М., 2004. С. 159.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ *Горбачёв М. С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 230.

войны»¹. Встреча на Мальте, полагал Черняев, «это и символ, это и по сути конец “холодной войны”»². Мальта, полагал Черняев, «явилась провозвестником новых отношений между Западом и Востоком, обозначила перспективу движения к новой Европе, что подтвердилось спустя год принятием в Париже на Европейском совете Хартии для Европы от Ванкувера до Владивостока. Мальта продемонстрировала наличие потенциала продвижения к новому, мирному порядку во всем мире. <...> Встреча произошла в исторически “нужный” момент, когда процессы во многих государствах и в больших регионах мира созрели (и даже перезрели) для крупных перемен, и ситуация могла взорваться. Можно себе представить, что могло случиться, если бы эти взрывы прошли в обстановке конфронтации сверхдержав»³. Э. А. Шеварднадзе оценивал мальтийский саммит также в высшей степени позитивно: «На нашем корабле было заключено знаменитое мальтийское соглашение. Главы обоих государств заявляли, что США и Советский Союз больше не считают друг друга антагонистическими государствами, что эпоха вражды между ними закончена. Заявление государственных мужей, возглавлявших ядерные сверхдержавы, было в действительности равнозначно установлению мира во всем мире»⁴. Сразу после окончания встречи Горбачёва и Буша Э. А. Шеварднадзе заявил в своем кругу: «Это куда более значительный прорыв, нежели в Рейкьявике. Рейкьявик был раздут, здесь же все содержание действительно соответствует масштабу встречи»⁵.

Впрочем, не все в окружении Горбачёва были настроены так эйфорически. Скажем, маршал С. Ф. Ахромеев был убежден, что, «анализируя итоги переговоров на Мальте сегодня, прихожу к выводу, что от них тогда (в конце 1989 г.) выиграли больше американцы. <...> Во-вторых, они поняли также, что обстановка в Советском Союзе, с ее нестабильностью, не улучшится. Наоборот, она будет обостряться.

¹ Черняев А. С. Бесконечность женщины: Дневниково-мемуарная проза. М., 2000. С. 246.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 828. Дневниковая запись от 10 декабря 1989 г.

³ Черняев А. С. Избранное... С. 376.

⁴ Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул «железный занавес». Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 119.

⁵ Степанов-Мамаладзе Т. И мир менялся на наших глазах. Дневники помощника Эдуарда Шеварднадзе. Тбилиси, 2013. С. 254. Дневниковая запись от 3 декабря 1989 года.

Это американцы в своей политике должны учитывать. Ход переговоров в районе Мальты наводил на мысль, что соотношение сил между США и СССР изменилось в пользу США. Встреча и переговоры на Мальте были первыми, в которых Советский Союз выступал уже с ослабленными позициями»¹.

Иное отношение к встрече на Мальте было у советского лидера М. С. Горбачёва. «После Мальты у меня появилась уверенность, что мы перешли наконец Рубикон. Стрелка политического барометра в отношениях с Западом впервые за послевоенные годы перестала скакать из стороны в сторону и остановилась на отметке “ясно”. Я верил, что нам удалось разорвать порочный круг, когда редкие “оттепели” сменялись долгими “заморозками”. Мы, пожалуй, сами не сразу отдали себе полностью отчет в том, что произошло. А ведь ни много ни мало начинался качественно новый этап по всей послевоенной истории международных отношений. Вместе со встречей на Мальте заканчивалась “холодная война”, хотя тяжелые ее последствия, конечно, сохранились. Мы не обманули ожиданий людей, живших в расколоте Европы», — писал М. С. Горбачёв². Вторил своему патрону и Черняев: «При всей окружающей сенсационности события я ни на секунду не испытал придыхания. Мне (может, от усталости, от постоянной заботы что-нибудь не упустить, не забыть) казалось происходящее обычным нормальным делом... И М. С. вел себя так, будто он и Буш давно приятели — откровенен и прост, и открыто доброжелателен. М. С. знает, что не переговоры о том, сколько сократить ракет сегодня или завтра — не это решающее. Решающее — что СССР и США больше не враги. Это главное. Хрущёв тоже хотел этого, но идеология его подвела. Он хотел выиграть “войну” без войны в пользу социализма и похоронить империализм, не пролив и капли крови. М. С. не верит никаким идеологиям. Его частые заявления: что нам, стреляться, что ли, из-за того, что мы верим в разных богов, — это не просто смешливая метафора, это — его убеждение. Он знает, что никто против нас войны не начнет. И никакой реальной военной угрозы нет...»³

¹ *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М., 1992. С. 253–254.

² *Горбачёв М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 150.

³ *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 834. Дневниковая запись от 2 января 1990.

Мальтийский саммит стал историческим событием, закрывавшим важнейший во всех отношениях 1989 год. На смену 1989 году приходил 1990-й — трагический для страны и приблизивший ее к распаду.

В 1990 году резко упали вера народа как в успех перестройки, так и в самого Горбачёва. Поневоле вспоминалось высказывание Ельцина, заявившего осенью 1989 года, что «все решится в течение ближайшего года. Если за это время в стране не переменится к лучшему, возможны самые тяжелые потрясения. Мне кажется, тогда уже ни Горбачёв, ни Съезд народных депутатов, никто не сможет удерживать ситуацию в стране под контролем...»¹ Время подтвердило правоту этих печальных предсказаний.

1990 год дался и Советскому Союзу, и Горбачёву нелегко. К этому моменту страна уже трещала по швам. Объединилось все разом: и экономические неурядицы, и очевидное стремление консервативной части аппарата партии размежеваться с генсеком-реформатором, и откровенное стремление Ельцина играть на обособление России от Центра, и усталость народа от бытовых неурядиц. Команда Горбачёва также не осталась в стороне от общей тенденции: попытки Михаила Сергеевича прыгать с «левой» на «правую» кочку («правыми» тогда называли коммунистов-ортодоксов) не встречали у нее понимания. К тому же окраины начали откалываться от Центра. Пытаясь удержать страну, Горбачёв требовал для себя особых полномочий, ввиду отчетливо обозначившейся непопулярности в обществе партии, Михаил Сергеевич начинает настаивать на необходимости учреждения в СССР поста Президента — как фигуры, олицетворяющей Центр². «Я не сразу пришел к мысли о необходимости дополнить нашу новую политическую структуру должностью президента. Больше того, отклонял доводы некоторых своих соратников и специалистов, выступавших с соответствующим предложением. При этом напирал на то, что основой нашей политической системы и после реформы

¹ Беседа с народным депутатом СССР Б. Н. Ельциным. Поездка, о которой говорят // Огонек. 1989. № 41. С. 30.

² По словам Г. Х. Попова, Горбачёв «решил закрепить курс “Перестройка — это Я” введением поста Президента СССР. Соответственно, лидер Перестройки выходил из-под контроля высшего звена номенклатуры и от перспективы хрущёвского варианта — быть снятым в любое время Пленумом ЦК КПСС» (см.: *Попов Г. Х.* «Мне на шею кидается век-волкодав...» Пересмысливание судеб России в XX веке. М., 2012. С. 877).

остаётся система Советов, с которой президентский пост плохо сочетается, был бы для нее чужероден. Однако буквально через несколько месяцев я убедился, что просто невозможно физически сочетать исполнение функций Председателя Верховного Совета, непосредственное руководство парламентом, с другими функциями. Был и ещё один, может быть, главный довод. Как порой ни совершенны создаваемые теоретиками и политиками государственные конструкции, они могут не заработать, если не найдут понимания и опоры в политической культуре общества и психологии народа. Так что вводить пост президента надо было и по причинам чисто психологического свойства», — вспоминал М. С. Горбачёв¹. Выступая на заседании Политбюро, Горбачёв высказался предельно ясно: «Институт президентства стучится — через изменение 6-й статьи»². У немедленного введения в СССР института президентства было немало сторонников. В частности, Р. А. Убайдуллаева на заседании Верховного Совета СССР 27 февраля 1990 года убежденно говорила о том, что «не просто нужна президентская власть. Нужно скорее вводить ее, скорее собрать внеочередной Съезд народных депутатов, на котором избрать Президента»³. В поддержку этой позиции выступал первый секретарь ЦК Компартии Армении, член Верховного Совета СССР С. Г. Арутюнян, по мнению которого вопрос о президентстве также необходимо было вынести на рассмотрение внеочередного Съезда народных депутатов СССР. «Учитывая сложившуюся обстановку в стране, считаю — откладывать решение этого вопроса просто нельзя», — подчеркнул Арутюнян⁴. Авторитетный депутат Н. Н. Гриценко в своем выступлении заявил о том, что является сторонником избрания Президента «путем всенародного голосования. Но первые выборы Президента нужно провести, не откладывая, это надо сделать на ближайшем Съезде народных депутатов, конечно, посоветовавшись с избирателями»⁵. Примечательно, что за решение вопроса об учреждении по-

¹ Горбачёв М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 239–240.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 605.

³ Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. 26–28 февраля 1990 г. М., 1990. С. 137.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Там же. С. 153.

ста Президента СССР на Внеочередном Съезде народных депутатов выступала и С. З. Умалатова¹, в дальнейшем — непримиримый критик Горбачёва, «президента-предателя», по ее позднейшей аттестации².

Другие точки зрения, также высказывавшиеся на этом заседании, услышаны не были. В частности, народный депутат СССР И. О. Бишер в записке, поданной на имя Горбачёва, предлагал, чтобы избрание первого Президента СССР было произведено выборщиками «по 100 депутатов от каждого Верховного Совета союзной республики. Это значительно бы повысило авторитет Президента»³. Его предложение поддержки не получило. Спустя всего 16 дней после вышеупомянутого заседания Верховного Совета СССР Горбачёв был избран Президентом Союза Советских Социалистических Республик. Никто тогда не знал, что Михаил Сергеевич останется в истории как первый и единственный президент Страны Советов, а СССР прекратит свое существование спустя всего 661 день после избрания своего *президента*. Избрание это произошло на Внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР.

«Почему так быстро появился Президент? Ведь восемь месяцев всего прошло! Еще на Первом съезде он [М. С. Горбачёв. — *Авт.*] говорил, что не надо Президента, а через восемь месяцев мы избрали Президента. Потом, когда мы стали разбираться (уже прошел Съезд, Верховный Совет создали, прожили несколько месяцев), стало ясно, что была заложена органическая ошибка. Нельзя было лозунгом: “Вся власть Советам!” понимать, что именно вся (!) власть Советам. Получился обратный перекося. Раньше считалось, что вся власть была у исполнительных органов, парламент не имел никакого влияния. Это все было номинально, декоративно и реальная власть была в Совете Министров. Над ним — Политбюро. Хотя Конституцией утверждено (там была шестая статья), тем не менее — это партия, общественно-политическая организация. Теперь же была осуществлена вся власть Советам, то есть в Советы — не только законодательная, представительная часть попала, но и исполнительная часть. Даже часть судебного органа взяли на себя. Получилось, что парламент, Съезд, республиканские и областные Советы, по сути дела, взяли свою власть. Смотрю,

¹ Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. 26–28 февраля 1990 г. М., 1990. С. 158.

² Умалатова С. З. Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 14.

³ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 615. Записка от 27 февраля 1990 г. Л. 74.

что в том же докладе Горбачёва написано: “Советы будут руководить всем”. То есть они не только законы будут изготавливать, они будут руководить, например, работой предприятий, то есть, по сути дела, взяли исполнительную власть... Это и была органическая ошибка. С ней разобрались только тогда, когда все сделали, когда увидели, постоянно действующий парламент взял на себя все: и законы, и оперативное руководство жизнью страны, и даже в некоторых случаях судебные дела (например, дело Гдляна и Иванова), тогда и Горбачёв, и все поняли, что произошло смешение. Он считал, что как Председатель Верховного Совета будет руководить всем, но вскоре понял, что он оказался спикером парламента. Он быстро стал понимать (мы-то сразу поняли), что здесь “перемешаны кони и люди”, и у него стало зреть решение о разделении, о необходимости Президента. Тогда будет исполнительная отдельно, а Парламент будет заниматься своими делами. Если бы было больше времени, то можно было бы более детально и внимательно рассмотреть все вопросы. К сожалению, мы очень сильно торопились...» — вспоминал Н. И. Рыжков¹. Народный депутат СССР Р. А. Медведев по просьбе А. И. Лукьянова подготовил записку, посвященную введению в стране поста Президента. Соображения, высказанные Р. А. Медведевым, вкратце сводились к следующей основной мысли: Президент может стать средоточием власти и объединителем государства только в том случае, если в Советском Союзе пройдут все-народные выборы Президента, однако в этом случае нет никакой гарантии того, что народ выберет именно Горбачёва, а не Ельцина, если тот также выставит свою кандидатуру². Кроме того, Р. А. Медведев не был уверен, если так можно выразиться, в большей, чем Председатель Президиума Верховного Совета, статусности поста Президента. «Избирая М. С. Горбачёва председателем Верховного Совета СССР, Съезд народных депутатов (и именно так сложилось в сознании народа) избирал его не как формального, а как фактического главу государства или, в сущности, как Президента.

За 70 лет народ привык к словам и понятиям Председатель ВЦИК, Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Верховного Совета. Фактическое образование президентского правления гораздо целесообразнее проводить без изменения привычных наименований высших государственных постов. Кроме того, совершенно

¹ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 179–180.

² Медведев Р. А. Советский Союз: последние годы жизни. М., 2015. С. 200.

нецелесообразно, но и даже опасно снова ставить на голосование вопрос об избрании М. С. Горбачёва главой государства. Это будет болезненной и сложной процедурой из-за неизбежного выдвижения альтернативных кандидатур, требований отчета, выступлений не только отдельных групп, но и всех прибалтийских республик против нового института власти. Президент не может быть избран, если 3–4 республики не будут участвовать в голосовании. А новые права и полномочия можно утвердить и простым большинством Съезда, не считаясь даже с отсутствием целых делегаций. Делегаты Прибалтики уже приняли негласное решение не участвовать в голосовании за введение поста Президента. Процедура избрания Президента откроет возможности выступлений на Съезде лично против Горбачёва, что только ослабит реальную власть вновь избранного главы государства. Сейчас не время для постановки на повестку для Съезда вопроса о личности главы государства. Надо исходить из того постулата, что этот вопрос на 5 лет решен в 1989 году, а ныне исключительное положение в стране и несовершенство в системе высших органов власти, выявившееся в процессе ее функционирования, требуют расширения полномочий и прав уже имеющегося у нас главы государства. Надо также подчеркнуть, что партия не отказывается от своего права на государственную власть, но будет осуществлять ее более гибкими, политическими и демократическими средствами, соревновании идей и концепций и т. п. Если уже нужно будет вводить понятие “Президент”, то это можно сделать позднее, когда будет разработан новый проект Конституции СССР и поставлен на всенародное обсуждение. В этом случае принятие нового института Президентства станет гораздо более простой и почти безболезненной процедурой, так как будет опыт функционирования Председателя Верховного Совета с его новыми полномочиями», — писал Р. А. Медведев.¹

К избранию своего первого Президента, как видится, страна отнеслась достаточно равнодушно — к этому моменту Горбачёв уже пять лет был на вершине политического Олимпа, его первенство, несмотря на критику в его адрес, звучавшую на каждом углу, казалось неоспоримым; о фактической безальтернативности фигуры Горбачёва на посту Президента писала и советская пресса². «Звучит, конечно, непривычно, — писал в своей заметке под названием «Товарищ Президент» публицист «Известий» Э. Гонзальес, — “Господин Президент” — другое

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 308. Записка Р. А. Медведева. [1990] Л. 88.

² Конечно, Горбачёв? // Московский комсомолец. 1990. 15 марта.

дело. Но есть основания надеяться, что товарищ президент у нас скоро будет. Смею высказать предположение, что им станет Михаил Сергеевич Горбачёв (верящие в приметы тут могут постучать по дереву...)»¹

Удивительно, но при этом у самого Горбачёва, несомненно, были опасения, что всенародные выборы могут закончиться для него неудачей. Его соображения, в частности, были им высказаны соратнику Ельцину (ухитрившемуся, правда, сохранить приемлемые отношения и с Михаилом Сергеевичем) М. Н. Полторанину, предложившему генсеку избираться на пост президента не через Съезд, а всенародным голосованием. «Ты хочешь, чтобы Ельцин победил?» — ответил на предложение Полторанина Горбачёв². Мотивацию Горбачёва пояснял С. С. Шушкевич: «Горбачёв чувствовал, что Съезд его изберет, а народ вряд ли»³. Так же думал и решительный оппонент Горбачёва, инициатор создания депутатской группы Союза, народный депутат В. И. Алкснис, убежденный в том, что советский лидер боялся проиграть прямые выборы⁴; Алкснису вторит его соратник по «Союзу» Ю. В. Блохин⁵. Советник Горбачёва, народный депутат СССР В. И. Карасев высказывает предположение, что генсек проиграл бы всенародные выборы, если бы таковые состоялись⁶. «К весне 1990 г. популярность Горбачёва была невелика, особенно в сравнении с Ельциным. Горбачёва бы ни за что не выбрали на всенародном голосовании — он мог пройти только на Съезде», — утверждает осведомленный депутат А. Н. Крайко⁷. С ним согласен и С. С. Сулакшин⁸. К весне 1990 года у Горбачёва уже не было уверенности, что он бы победил

¹ Гонзалъез Э. Товарищ президент // Известия. 1990. 13 марта.

² Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича, народного депутата СССР. Минск. 2019. 30 августа.

⁴ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса, народного депутата СССР. Московская обл., поселок городского типа Тучково. 2019. 2 апреля.

⁵ Архив автора. Интервью Ю. В. Блохина, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 апреля.

⁶ Архив автора. Интервью В. И. Карасева, народного депутата СССР, советника Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 15 апреля.

⁷ Архив автора. Интервью А. Н. Крайко, народного депутата СССР. Москва. 2021. 29 апреля.

⁸ Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, народного депутата СССР. 2020. 21 октября.

в результате всеобщих выборов, говорит его сторонник, народный депутат СССР и известный драматург А. И. Гельман¹.

Вероятно, Горбачёв все же перестраховывался: в начале 1990 года лишь он обладал всесоюзным политическим авторитетом. По словам хорошо осведомленного народного депутата СССР Ю. В. Голика, «фигура Ельцина тогда только росла, ее политический вес был крайне сомнителен, его поведение было не вполне адекватно, в качестве всесоюзной фигуры его не рассматривали»². «Горбачёв бы победил на всенародных выборах в 1990-м году, несомненно. Хотя рейтинг его падал, но Ельцин не был ему еще конкурентом», — утверждает народный депутат СССР В. Ф. Николайчук³.

О том, что Горбачёв, опираясь на данные закрытых опросов, предполагал, что он может достигнуть победы лишь незначительным большинством — менее 60 % — и тем самым умалить свой престиж как главы государства, говорил автору этих строк первый демократический мэр Москвы Г. Х. Попов, убежденный в том, что Михаил Сергеевич допустил серьезную ошибку, не пойдя на выборы⁴. В депутатском корпусе в то время царила твердая уверенность в том, что Горбачёв победил бы на всенародных выборах, вспоминает популярнейший депутат Ю. Ю. Болдырев. По словам Болдырева, Горбачёв допустил «фундаментальную ошибку», пойдя на избрание на Съезде. «Михаил Сергеевич предпочел стать не президентом Союза, а президентом депутатского болота, ширмы, проголосовавшей за него», — полагает Юрий Юрьевич⁵. Народный депутат СССР А. Е. Карпов также убежден, что «в начале 1990 г. Горбачёв легко бы выиграл все-народные выборы»⁶.

¹ Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР. Москва. 2020. 3 марта.

² Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 мая.

³ Архив автора. Интервью В. Ф. Николайчука, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 апреля.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР, мэра г. Москвы. Московская область, поселок Заречье. 2021. 15 апреля.

⁵ Архив автора. Интервью Ю. Ю. Болдырева, народного депутата СССР. Москва. 2020. 18 ноября.

⁶ Архив автора. Интервью А. Е. Карпова, народного депутата СССР, 12-го чемпиона мира по классическим шахматам. Москва. 2020. 23 декабря.

Как было бы на самом деле, пойдя Михаил Сергеевич на всеобщие выборы, можно только гадать. Ясно одно: если бы Горбачёв был Президентом СССР, избранным всенародным голосованием, то его политический авторитет был бы неизмеримо выше, чем произошло в реальности — после избрания на Съезде народных депутатов. «Горбачёв и сам не был уверен в успехе и, вероятнее всего, именно поэтому не пошел на всенародные выборы, а настоял на выборах первого президента страны Съездом народных депутатов. В итоге избрание Горбачёва первым Президентом Советского Союза было уже не столь триумфальным и, как показало последующее развитие событий, скорее проигрышем, чем выигрышем для него самого. Если бы в 1990 году Горбачёв был избран президентом всем населением страны, как того требовала демократическая оппозиция (а его шансы на победу тогда были достаточно высоки, и, скорее всего, именно он был бы избран президентом и на всенародных выборах), то вероятность сохранения единства страны и сохранения самим Горбачёвым президентских полномочий выросла бы во сто крат. Конечно, ретроспективно все выглядит намного очевиднее, чем в момент, когда все это происходило», — вспоминал А. А. Собчак, сам не избежавший крупных политических ошибок при проведении своей избирательной кампании в 1996 году¹. Не менее интересна и принадлежащая ему и сделанная по горячим следам оценка Внеочередного Третьего Съезда народных депутатов СССР: «Ситуация на Внеочередном III Съезде сложилась парадоксальная. Когда заходила речь о президентской форме правления, было понятно, что ее введение объективно прогрессивно и является шагом вперед по пути формирования социалистического правового государства. Когда задумывались о том, кто может взять на себя груз президентства, то у всех тоже была только одна кандидатура — Горбачёв. Но в ходе Съезда, когда уже был решен вопрос о введении президентской власти в стране, надо было решать, когда же избирать президента? Часть депутатов, и я в том числе, считали и считаем это святым правом народа, а не 2250 человек. Однако после решения вопроса о вводе в стране президентской формы правления сразу же возникла опасная ситуация. У правых сил появилась реальная возможность захвата власти, смещения Горбачёва, и все это можно было преодолеть, опираясь на закон или на силу. Военных в зале было тоже много. В такой ситуации говорить о всенародных выборах президента,

¹ Собчак А. А. Дюжина ножей в спину. М., 1999. С. 127.

о референдуме — становилось опасно. Рисковать мы не имели права. Обнадеживало лишь одно — Горбачёва мы все знаем. Отдавать же президентский пост Егору Кузьмичу [Лигачёву] очень не хотелось. В этой ситуации был лишь один выход, выбирать Президента на съезде, ущемляя этим право народа»¹.

Итак, в силу характерной для него нелюбви к политически рискованным решениям Горбачёв не решился пойти на всенародные выборы: глава государства считал, что не имеет права поставить под угрозу затеянный им перестроечный проект — в случае поражения; в случае же избрания его президентом на *Съезде* он обретет новую форму легитимности, которая будет способствовать успеху реформ². Отказ Горбачёва от участия во всенародных выборах стал его крупнейшей политической ошибкой. По словам ближайшего соратника Б. Н. Ельцина Г. Э. Бурбулиса, «легитимность президента Горбачёва была достаточно уязвима — об этом свидетельствуют все последующие события»³, народный депутат СССР Н. С. Петрушенко даже назвал легитимность президента Горбачёва «ущербной», сожалея о его решении не идти на всенародные выборы. Опасения Горбачёва по поводу того, что всенародные выборы могли бы сложиться не в его пользу, Н. С. Петрушенко считает беспочвенными, а решение Михаила Сергеевича в пользу избрания на съезде называет «напрасной перестраховкой». Вместе с тем Николай Семёнович полагает, что в той ситуации «всенародные выборы могли еще больше расшатать Союз»⁴. Об «ущербной легитимности» президента Горбачёва также говорят и народный депутат СССР К. Д. Лубенченко, последний Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР⁵, народные депутаты

¹ Собчак А. А. От съезда к съезду: становление новой политической системы // Через тернии / Сост. А. А. Протащик. М., 1990. С. 478.

² Архив автора. Интервью В. И. МIRONENKO, народного депутата СССР. Москва. 2018. 7 ноября.; Архив автора. Интервью А. С. Грачёва, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС, в сентябре-декабре 1991 г. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 5 июля.

³ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР, в 1990–1992 — государственного секретаря РСФСР. Москва. 2019. 11 февраля.

⁴ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного депутата СССР. Орша. 2019. 31 августа.

⁵ Архив автора. Интервью К. Д. Лубенченко, народного депутата СССР. Москва. 2019. 25 мая.

СССР В. Ф. Николайчук, А. А. Акаев, Н. А. Куценко¹. Вместе с тем авторитетный «межрегионал» А. Н. Мурашёв имеет иное объяснение решению Михаила Сергеевича — он убежден, что «Горбачёв не пошел на всеобщие выборы, так как понимал, что голосование в целом ряде республик будет не организовать»². С Мурашёвым в целом солидарен и народный депутат СССР И. И. Заславский, по словам которого, Горбачёв не пошёл на выборы ввиду того, что в «республиках-сепаратистах» против выборов *всесоюзного президента* началась бы «бешеная кампания», а проведение подобных выборов «развалило бы Союз еще раньше срока». Подобные всеобщие выборы, убежден Заславский, продемонстрировали бы уже в 1990 году, что от Союза *de facto* отошли несколько республик, которые бы просто не дали провести на их территории голосование, а значит — легитимность Горбачёва как президента СССР была бы еще уязвимее, чем после избрания на Съезде; его слабость как лидера государства в этом случае была бы продемонстрирована всему миру³. Уязвимость положения Горбачёва подчеркивает заявление народного депутата СССР Б. В. Мирошина: «Учитывая сложную социально-экономическую ситуацию в стране, Горбачёв обоснованно боялся, что на всенародных выборах его не выберут. Это была его стратегическая ошибка — без поддержки избирателей он не стал легитимным народным лидером»⁴.

Это обстоятельство сыграло уже в следующем, 1991-м, году для Горбачёва злую шутку: его президентство, не основанное на результатах народного волеизъявления, воспринималось как президентство меньшей, что ли, пробы, чем президентство новоявленных президентов ряда союзных республик, а главное — России. Преданный соратник Горбачёва, его помощник Г. Х. Шахназаров, признавал,

¹ Архив автора. Интервью В. Ф. Николайчука, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 апреля; Архив автора. Интервью А. А. Акаева, народного депутата СССР, Президента Киргизской ССР. Москва. 2020. 26 ноября; Архив автора. Интервью Н. А. Куценко, народного депутата СССР. Москва. 2021. 23 марта.

² Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня.

³ Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР. Москва. 2021. 22 сентября.

⁴ *Мирошин Б. В.* Первый Съезд народных депутатов СССР: до и после // Народные депутаты СССР: 30 лет спустя. Сборник статей. М., 2019. С. 270.

что избрание Михаила Сергеевича на Съезде «стало своего рода ахиллесовой пятой первого Президента СССР, дало повод политическим противникам утверждать, что он побоялся народного голосования и его президентская печать не той же чеканки, что у Ельцина, введенного в ранг главы Российского государства народной волей...»¹

Самолюбию депутатов льстило, что именно они избирают первого в истории страны *президента*; находились и весомые аргументы в пользу избрания Президента СССР *Съездам* — и немедленно: «Я должен вам сказать, что сейчас наша страна объята эмоциями. В этих условиях прямые выборы Президента фактически приведут к гражданской войне. Поверьте мне, поверьте моему опыту. Поэтому я против прямого выбора, выбор должен осуществиться здесь и незамедлительно, откладывать его нельзя», — выразил позицию сторонников Горбачёва академик Д. С. Лихачёв². «Только задним числом стали говорить, что Горбачёва избрали на Съезде... Только что Съезд избрал весь народ, почему же ему нельзя доверить избрать президента?! Тогда это не казалось упущением», — вспоминает народный депутат СССР В. А. Логунов³. «Из зала многие поддались убеждению Горбачёва, что нельзя оставлять государство без управления. Многие говорили, что всенародные выборы (например, в США) нигде не проводятся. Не виделось препятствий к этому [избранию на Съезде. — *Авт.*] никаких», — соглашается с Логуновым видный юрист, народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР Ю. В. Голик⁴. Сторонник Горбачёва, член Верховного Совета И. Д. Лаптев в своем выступлении на заседании Верховного Совета СССР также отмечал, что «выборы на съездах не являются каким-то необычным явлением мировой практики»⁵. Мотивацию команды Горбачёва, да и самого Михаила Сергеевича, достаточно откровенно выдает в своих воспоминаниях В. А. Медведев: «За безотлагательное избрание Президента на съезде выступали скорее по прагматическим, чем по принципиальным

¹ Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М., 2001. С. 351.

² Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 года. Стенографический отчет. М., 1990. Т. II. С. 385–386.

³ Архив автора. Интервью В. А. Логунова, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря..

⁴ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 мая.

⁵ Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. 26–28 февраля 1990 г. М., 1990. С. 148.

мотивам, да и конституционная норма предусматривала всенародные выборы. С точки зрения их возможного исхода особых сомнений не возникало: должен был победить Горбачёв. Просто в сложившейся в стране ситуации было крайне нежелательно проводить избирательный марафон, взвинчивать страсти, отвлекать внимание от острейших насущных проблем, усугублять нарастающий хаос. Обстановка требовала более короткого и эффективного решения, чтобы побыстрее выбраться из управленческой сумятицы и рыхлости, которую уже окрестили параличом или вакуумом власти»¹. На эти же соображения указывает и сам Горбачёв: «Избрание Президента Союза на съезде, а не путем прямого всенародного голосования диктовалось острой политической и социально-экономической ситуацией, которая не давала времени на подготовку и проведение избирательной кампании. Ведь недаром сам III съезд был конституирован как чрезвычайный. За избрание президента именно съездом высказалось абсолютное большинство депутатов...»² Итак, ввиду трудности политической обстановки и риска утраты управления над страной, демократическую процедуру выборов первого в истории страны президента было решено заменить на более предсказуемую, консервативную и очень, что ли, аппаратную. Последующее развитие событий показало, что это решение Горбачёва и его команды было ошибочным. Сейчас, конечно, легко давать умные советы, но иногда возникает ощущение, что именно эта ошибка стала роковой для судьбы Союза.

15 марта 1990 года на Внеочередном Третьем Съезде народных депутатов СССР Горбачёв был избран Президентом СССР³. Народный депутат СССР С. Б. Станкевич рассказывал автору, что избрание Горбачёва президентом СССР «прошло без скрипа»⁴, однако Р. А. Медведев считает, что победа Михаила Сергеевича, напротив, не выглядела убедительной, «да и сам избранный президент отнюдь не выглядел победителем. Он казался мне и удрученным, и усталым», — вспоминал Р. А. Медведев⁵. «Горбачёв стал президентом страны, полу-

¹ Медведев В. А. В команде Горбачёва. М., 1994. С. 110.

² Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 542.

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. 21 марта. С. 241; Первый Президент СССР // Аргументы и факты. 1990. № 11. С. 1.

⁴ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 1 апреля.

⁵ Медведев Р. А. Советский Союз: последние годы жизни... С. 201.

чив 59,2 процента от списочного состава съезда, 66,45 — от числа получивших бюллетени, 70,7 — от принявших участие в голосовании. Словом, результаты выборов не обещали спокойного будущего ни обществу, ни президенту», — констатировал член МДГ народный депутат СССР В. Н. Ярошенко¹.

«Произошло существенное изменение ситуации. Если прежде великая гора проблем стояла перед всеми нами, то теперь — конкретно перед Горбачёвым. На Президента ложится вся персональная ответственность за положение в стране. И ему не позавидуешь: все претензии, которые и прежде сыпались в изобилии, сегодня будут иметь совершенно определенное направление. Горбачёву придется отвечать даже за правительство, которое не было дееспособным и таковым не будет, если он не решится, в чем я сомневаюсь, заменить его. Будущее мне представляется таким: положение народа в обозримое время наверняка не улучшится, а положение Горбачёва заметно ухудшится», — писал в те дни народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, ленинградский ученый А. А. Денисов, которому нельзя было отказать в прозорливости². «Если бы Михаил Сергеевич Горбачёв рискнул согласиться на всенародные выборы, можно было бы опираться хотя бы на это волеизъявление народа. В теперешней же ситуации авторитет президентской власти по понятным причинам будет невысок», — резонно замечал народный депутат СССР А. М. Оболенский³. «Всенародное избрание давало бы Президенту и право в крайнем случае вынести на референдум вопрос о роспуске законодательного органа и проведении досрочных парламентских выборов. Всех этих возможностей лишился Михаил Сергеевич Горбачёв, отказавшись от всенародных выборов», — подчеркивал Александр Митрофанович⁴. Он же писал вскоре после избрания Горбачёва Президентом СССР: «Вот и закончился очередной Съезд народных депутатов. Благодаря телеэкранам его зрителем стала вся наша огромная страна, жители которой затаив дыхание наблюдали за развитием событий во Дворце Съездов. Ждали и надеялись, что вот-вот что-то

¹ *Ярошенко В.* Энергия распада // Новый мир. 1991. №3. С. 164.

² *Денисов А.* Глазами народного депутата СССР. СПб., 1994. С. 60–61.

³ *Оболенский А. М.* Что день грядущий нам готовит? (размышления после III Съезда народных депутатов) // Через тернии / Сост. А. А. Проташик. М., 1990. С. 492.

⁴ Там же. С. 508.

произойдет, и избранные ими народные депутаты смогут наконец отстаивать их право самим решать свою судьбу, право, которое и делает человека свободным. Их ожиданиям, увы, не суждено было сбыться. Подобное развитие событий не было запланировано в четко разыгранной очередной сцене спектакля, бессменным, и, следовательно, незаменимым сценаристом и режиссером которого выступает вот уже 73 года коллективно правящая элита КПСС. Занавес опустился, и, как это у нас вошло в традицию, под “бурные, долго не смолкающие аплодисменты” страна вступила в новую эпоху своего развития — эру президентского правления. Без лишнего шума, мирно отправившись на заслуженную пенсию (все-таки возраст немалый, 73 года) идея о власти Советов как высшей форме осуществления демократии. Наспех переправлен сценарий, и вот уже первый Президент избран. Что день грядущий нам готовит? Риторический и далеко не праздный вопрос. Шутка ли, первого Президента избрали без программной речи и даже без ответов на каверзные вопросы, прозвучавшие с трибуны. Да и зачем было тратить драгоценное в буквальном смысле время Съезда, ведь выбора все равно не было... Итак, занавес опустился, можно перевести дух и не спеша проанализировать достоинства и недостатки состоявшейся премьеры. Главным ее героем, безусловно, является Михаил Сергеевич Горбачёв. При всей неоднозначности оценки его позиции и отдельных поступков не может не восхищать виртуозность, с которой он ведет политическую игру...»¹

Отметим, что власть (т. е. фактически М. С. Горбачёв) решила перестраховаться и не решилась на конкурентные выборы *даже на Съезде*. По каким-то причинам несомненная приверженность М. С. Горбачёва демократическим процедурам не распространялась на выборы, в которых он сам находил возможным принимать участие лишь в качестве *единственного кандидата* — соревноваться с кем бы то ни было лидер перестройки почему-то не желал. По словам одного из виднейших сподвижников Михаила Сергеевича А. Н. Яковлева, Горбачёв «явно побаивался за результаты. Обстановка на съезде оказалась более сложной, чем на заседании Верховного Совета»². Потенциальных кандидатов, претензии которых на высший пост в стране не казались

¹ Оболенский А. М. Что день грядущий нам готовит? (размышления после III Съезда народных депутатов) // Через тернии / Сост. А. А. Протащик. М., 1990. С. 482.

² Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 424.

бы беспочвенными, было не так мало — Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, А. А. Собчак и др. Боялся ли конкуренции с ними Горбачёв? «Если он побоялся проиграть какому-то Оболенскому на Первом съезде, то уж Ельцина, Рыжкова, Назарбаева или Лукьянова он точно боялся в случае их участия в выборах», — утверждает народный депутат СССР А. М. Оболенский, выставивший, как мы помним, свою кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР в день открытия Первого Съезда¹.

На наш взгляд, истолкование мотивов поведения Горбачёва — задача чрезвычайно затруднительная, а объяснение, предложенное Оболенским, — предельно упрощенное. Можем предположить, что по каким-то причинам участие в выборах Рыжкова, Бакатина, Лукьянова, не говоря уже о Ельцине, казалось Михаилу Сергеевичу нежелательным, хотя, на наш взгляд, победа в борьбе с кем бы то ни было — что в случае с выборами на пост Председателя Верховного Совета СССР, что при избрании на должность Президента СССР, — придала бы Горбачёву дополнительный политический вес. Почему Горбачёв не желал побеждать в конкурентной борьбе — неизвестно, вряд ли в нем сидел какой-то комплекс или тайная фобия. Но факт остается фактом — конкуренции при избрании на свои, как ему казалось, посты Горбачёв не терпел.

Теперь уже, спустя столько лет, трудно ответить на вопрос — были ли у потенциальных оппонентов Горбачёва в борьбе за пост Президента СССР какие-то шансы на успех. Известно лишь, что В. В. Бакатин и Н. И. Рыжков, выдвинутые на пост Президента СССР, взяли самоотводы. «У любого соперника не было тогда никаких шансов», — утверждает М. С. Горбачёв. По его словам, ему «крайне не хотелось остаться единственным кандидатом и, честно говоря, я рассчитывал, что межрегионалы все-таки выдвинут если не Ельцина, то кого-то другого из своих предводителей. Но этого не произошло»². В действительности же Горбачёв не решился на внесение в избирательный бюллетень альтернативных кандидатов, в итоге — вроде бы из опасения раскола, а фактически по просьбе = приказу Михаила Сергеевича — Н. И. Рыжков и В. В. Бакатин сняли свои кандидатуры. В момент произнесения Рыжковым и Бакатиным речей об их самоотводе

¹ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орел. 2021. 29 октября.

² Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 238–239.

многим депутатам было неловко, всем было понятно, что они снимаются с голосования, подчиняясь воле Горбачёва, мотивировавшего свое предложение несостоявшимся кандидатам на пост Президента СССР *высшими государственными интересами*. Задним числом Н. И. Рыжков утверждал, что он мог бы выиграть у Горбачёва, если бы не снял кандидатуру. «Если бы захотел, я мог бы стать президентом. На третьем съезде народных депутатов проходили выборы главы государства. Кандидатура Горбачёва за два дня до съезда была поддержана на пленуме ЦК. Но на съезде совершенно неожиданно мою кандидатуру выдвинули группа “Союз” и аграрии. Если бы я согласился, в результате тайного голосования я бы победил. Дело тут не в моей нескромности: поверьте, так бы и было на самом деле. Но я очень боялся раскола и взял самоотвод. Одни пойдут за Горбачёвым, другие — за Рыжковым. Я был правоверным коммунистом. Моя совесть чиста. Возможно, что страна, согласись она на предложение депутатов, пошла бы по другому пути. А возможно меня бы просто убили. Я этого не исключаю...»¹ «Мне кажется, — предполагал Н. И. Рыжков, — у Горбачёва была какая-то ревность к тому, как ко мне относятся в стране и партии»². О том, что депутаты могли бы поддержать достаточно популярного и авторитетного в то время Рыжкова, говорил автору и известный писатель, народный депутат СССР, член Верховного Совета А. А. Лиханов³.

Думается, что шансов у Николая Ивановича было не слишком много — авторитет Горбачёва все еще оставался очень высоким, к тому же пять лет перестройки приучили всех воспринимать Рыжкова исключительно в связке с генсеком, а не в *противопоставлении* ему. Эта инерция продолжала еще действовать и в период внеочередного Третьего Съезда. К слову, на упомянутом в интервью Н. И. Рыжкова Пленуме ЦК, единогласно проголосовавшем за выдвижение кандидатом от КПСС на пост Президента СССР М. С. Горбачёва⁴, сам Николай Иванович в своем выступлении 14 марта 1990 года подчеркнул, что «надо бороться за Михаила Сергеевича — только он сегодня

¹ Премьер перестройки / Беседа Д. Бабиченко с Н. Рыжковым // Итоги. 2010. № 22. С. 34.

² Там же.

³ Архив автора. Интервью А. А. Лиханова, народного депутата СССР. Москва. 2019. 8 июля.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990. С. 74.

может вести страну», особо оговорив, что они «с Михаилом Сергеевичем друзья и единомышленники»¹. На следующий день, как известно, Съезд проголосовал за избрание Горбачёва Президентом СССР.

А если бы МДГ выставила бы в качестве альтернативы Горбачёву фигуру Ельцина? Прошел бы он Съезд? Г. Э. Бурбулис, едва ли не самый осведомленный соратник Ельцина тех лет, был убежден, что у Бориса Николаевича в марте 1990 года шансов на избрание Президентом СССР не «было абсолютно точно. Горбачёв не мог проиграть эти выборы, если бы они состоялись, так как габаритной фигурой был только Ельцин, он был народным героем, но не в пространстве съезда, где доминировало агрессивно-послушное большинство»². «Все депутаты, — вспоминает Ю. Ю. Болдырев, — в тот момент были в полной уверенности, что если Горбачёв пойдет на всеобщие выборы, то он победит». Характеризуя депутатский корпус, Юрий Юрьевич прибегнул к сравнению с Национальным конвентом времен Великой Французской революции: «1600–1700 депутатов были болотом, поддерживавшим линию Горбачёва. Не решившись пойти на всеобщие выборы, Горбачёв стал не президентом Союза, а президентом болота, ширмы. Это была его фундаментальная ошибка. В итоге он мог манипулировать Съездом, ширмой, болотом, но его легитимность в рамках Союза была ущербной...»³ В свою очередь, народный депутат СССР В. М. Десятов высказал предположение, что «Горбачёв хотел побыстрее быть избранным. Движение в стране уже приобретало отрицательный характер. Всенародное голосование было рискованным... Не столько Горбачёв, сколько партия боялась, что Михаил Сергеевич проиграет всенародные выборы. Народные низы уже выступали нередко с критикой в адрес Горбачёва»⁴. В беседе с автором этих строк осведомленный Г. Х. Попов высказал предположение, что Горбачёв боялся ощутимого щелчка по самолюбию в период конкурентной борьбы на всеобщих выборах: «Он бы победил, ему надо было идти на выборы, но он боялся — не хотел

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990. С. 73.

² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР.

³ Архив автора. Интервью Ю. Ю. Болдырева, народного депутата СССР. Москва. 2019. 11 февраля.

⁴ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

не разгромной победы — это была ошибка. Он боялся победить с незначительным перевесом голосов — думал, что это уронит его престиж как главы государства»¹.

Несомненно, что в тот момент именно М. С. Горбачёв был самым достойным претендентом на президентское кресло; скажем более, на наш взгляд, именно Горбачёв, с его талантом политика и мировым политическим авторитетом, был той фигурой, которая имела *наибольшие шансы* в условиях 1990–1991 годов на удержание государства от распада. Словом, Президентом СССР был избран тот человек, с которым страна имела все основания связывать большие надежды. Эти ожидания иллюстрирует заметка известного публициста П. Гутионтова: «Я тоже считаю, что Президент должен избираться всем населением страны. Как показывает история, пренебрежение принципами в угоду сиюминутным удобствам слишком легко приводит к отказу от принципов вообще. Но ситуация у нас сейчас действительно чрезвычайная, другого лидера, кроме Горбачёва, у перестройки все равно нет — и Съезд вновь показал это в высшей степени наглядно. Ведь всем нам ясно, что безальтернативность выборов Президента была обусловлена не кознями аппарата или закулисной возней сил, противодействующих демократизации общества. Конечно, сама по себе эта безвариантность не повод для гордости, но тайное голосование народных депутатов, подтвердившее на Съезде роль и место Горбачёва в нашей жизни, мне кажется, было необходимым. Дело в том, что наше президентство рождалось в беспрецедентно драматической борьбе, и в процессе этой борьбы нападки на лидера небывало усилились, приобретая порой беспощадный характер “огня на уничтожение”. “Горбачёв стал тормозом на пути к демократии”, — провозгласили одни. “Горбачёв ведет к развалу страны”, — заявили другие. И представители обеих точек зрения, многократно усиленных конъюнктурно-предвыборными соображениями, по сути объединились, объективно толкая наш “автобус” в пропасть. Съезд показал, что ни у “правых”, ни у “левых” нет серьезной программы вывода страны из кризиса, а также политических лидеров, которые могли бы подобную программу осуществить. По-прежнему и у тех, и у других, и у многострадального нашего общества в целом есть один Горбачёв, его программа, его фантастическая воля, решимость,

¹ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля.

его умение настоять на своем, нравится это кому-то или не нравится. И все, что мы увидели за эти четыре дня на экранах телевизоров, стало еще одной констатацией этого факта. Вариантов, повторяю, не было, выбор был из единственно возможной кандидатуры, и тем не менее это был ВЫБОР, ибо выбирали мы не только личность — мы выбирали определенную ПОЛИТИКУ»¹.

Вместе с тем необходимо еще раз обозначить свою позицию: даже с учетом всех вышеприведенных аргументов и действительно существовавших рисков, Михаил Сергеевич все же роковым образом просчитался, не решившись пойти на избрание в результате всенародных выборов. Именно тогда Горбачёв, по словам народного депутата СССР поэта Е. А. Евтушенко, «совершил свою *главную* [выделено мной. — *Авт.*] ошибку: он испугался всенародных прямых выборов, стал Президентом в обход народа, потеряв свой последний шанс»². По определению крупного юриста Г. В. Атаманчука, Горбачёв стал «практически нелегитимным Президентом СССР, что весьма сказалось в будущем»³. «Избранный народным депутатом СССР от КПСС, а затем Съездом народных депутатов СССР Президентом С•ССР (в столь любимом у нас “порядке исключения”) М. С. Горбачёв *юридически* (подчеркиваю) не получил никакого доверия народа», — отмечал ученый⁴. С. М. Шахрай, работавший в ту пору в команде Б. Н. Ельцина, убежден в том, что если бы «Горбачёв, как мы ему советовали в 1989 году, избирался не Съездом депутатов, а на прямых выборах, его легитимность была бы выше, чем у президента каждой из республик. И он имел бы право либо не допустить подписания Беловежского соглашения, либо дезавуировать этот документ. Хотя, пожалуй, на тот момент юридические инструменты уже не могли справиться с фактически состоявшимся распадом...»⁵ Отказ Горбачёва от участия во всенародных выборах С. М. Шахрай рассматривает как «трагическую ошибку», высказывая предположение о том, что к 1990 году Михаил Сергеевич

¹ Гутинтов П. Шаг важный, но первый // Известия. 1990. 18 марта.

² Евтушенко Е. А. Волчий паспорт. М., 1998. С. 167.

³ Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 19.

⁴ Там же.

⁵ Шахрай С. Фундамент для страны // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 12 декабря.

«больше не чувствовал прежней поддержки людей и не хотел рисковать»¹. «Президент, избранный депутатами, всегда политически слабее, чем президент, избранный населением», — констатирует С. М. Шахрай².

Американский биограф Михаила Сергеевича У. Таубман считает, что опасения Горбачёва проиграть прямые президентские выборы были в 1990 году безосновательны, «весной 1990 года он по-прежнему являлся самым популярным советским политиком. Он уступит эту позицию Ельцину немного позднее»³. Окружению Горбачёва его решение *не идти* на всеобщие выборы и по сию пору кажется непонятным. «То, что Михаил Сергеевич не пошел на избрание народом, — трагическая ошибка. Авторитет его был громадный — и в Союзе, и за рубежом. Вряд ли Ельцин бы ему составил конкуренцию. Какие-то опасения были только у самого Горбачёва, в его окружении — нет. Ельцин делал только первые шаги», — недоумевает В. Н. Шевченко, возглавлявший протокольную службу и у Горбачёва, и у Ельцина⁴. Сам же Михаил Сергеевич в 2004 году в интервью журналисту В. Соловьёву, комментируя историю со своим избранием на Съезде, заявил: «Я допустил просчет, времени не хватало. И надо было провести выборы через народ, через страну»⁵. К слову, став Президентом страны, Михаил Сергеевич продолжал оставаться Генеральным секретарем ЦК КПСС, что вызывало к нему целый ряд вопросов, из которых главный был следующий: насколько этично Горбачёву быть «в двух лицах» — генсеком и Президентом, допустимо и приемлемо ли совмещение этих двух постов? Несмотря на продолжающиеся в этой связи выпады в его адрес, Горбачёв продолжал по-прежнему отстаивать необходимость подобного совмещения. «Видимо, такое совмещение, как полагал он, помогает занимать не только центристскую, но и просто центральную позицию. Но для решения каких задач? Вот вопрос... ответ на который, впрочем, дает на мой взгляд, то самое, ключевое для него понятие — власть», — писал осведомленный В. А. Печенев, некогда работавший помощником у генерального

¹ Шахрай С. Выборы Президента // Историк. 2018. № 3. С. 70.

² Там же. С. 70–71.

³ Таубман У. Горбачёв. Его жизнь и время. М., 2019. С. 479.

⁴ Архив автора. Интервью В. Н. Шевченко, руководителя службы протокола Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 18 декабря.

⁵ Соловьёв В. Р. Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006. С. 455.

секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко¹. Отвечая на заданный А. М. Оболенским в дни работы Четвертого Съезда народных депутатов СССР вопрос, намерен ли он оставить пост генерального секретаря и «защитить как Президент интересы всего народа?», Горбачёв еще раз подчеркнул, что не видит в совмещении ничего предосудительного. «Такое сочетание необходимо, оно не искусственное, оно естественно», — заявил Президент СССР². Отстроить здание своего президентства Горбачёв не успел: история отвела ему на это слишком мало времени. Однако была и другая, более весомая причина — обострившееся противостояние с Б. Н. Ельциным, избранным в конце мая 1990 года Председателем Верховного Совета РСФСР. Занятый борьбой с Ельциным и сепаратистскими устремлениями республик, одновременно с этим пытаясь избежать раскола в собственной партии, Горбачёв был «нетипичным» президентом — фигурой в политическом отношении уязвимой и зависимой от слишком большого количества факторов. «Президентство появилось на “одной шестой” как-то буднично и незаметно. Избрание М. Горбачёва президентом СССР на Съезде народных депутатов 15 марта 1990 г. мало что изменило в системе власти. Казалось, он просто подкрепил девальвированную партийную легитимность новой, полученной от высшего представительного органа, впервые в советское время более или менее свободно избранного всеми гражданами страны. Будничность события, не прямой характер избрания, ожесточенные нападки справа и слева, вялость в создании новых структур управления не позволили президенту СССР реально использовать потенциал нового института. Правда, к этому времени почва стала уходить из-под ног советского лидера. Поэтому сами по себе институциональные изменения мало что значили. Нужно было создать новые точки опоры, расширить и укрепить базу поддержки. Но в разворошенном, поляризованном обществе сделать это трудно. А без этого президентская власть повисла в воздухе, беспомощная и уязвимая... К моменту вступления М. Горбачёва на новый пост республиканские элиты начали выходить из повиновения и все более открыто игнорировали волю Кремля. Ситуация осложнилась до предела, когда через два с половиной месяца

¹ Печенев В. А. Взлет и падение Горбачёва: Глазами очевидца. (Из теоретико-мемуарных размышлений: 1975 — 1991 гг.). М., 1996. С. 143.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1991. Т. 2. С. 373, 377.

во главе Российской Федерации оказался основным соперник союзного президента — Б. Ельцин. Горбачёв был вынужден вести изнурительную борьбу сразу на нескольких фронтах. В таких условиях доводить до кондиции институт президентства было невозможно. Во многом он так и остался нереализованной возможностью», — писал политолог В. Б. Кувалдин, работавший в «команде» президента Горбачёва¹.

В свою очередь, З. А. Станкевич, служивший в Аппарате Президента СССР, автор одной из немногих работ, специально посвященных изучению деятельности этой структуры, высказывает мнение о том, что идея президентства стала актуальной в тот момент, когда социально-экономический кризис, охвативший страну, уже приобретал катастрофические формы и перешел в политический, а эрозия Союза стала переходить в его распад². Согласно утверждению Станкевича, «в конце 1989 — начале 1990 года люди, находившиеся у руля государства в СССР, пришли к выводу, что ситуацию можно попытаться спасти путем одновременной отмены ст. 6 Основного Закона страны, закрепляющей “руководящую и направляющую” роль КПСС, и, соответственно, введения поста Президента СССР, пусть даже в первый раз избираемого не гражданами, а Съездом народных депутатов — высшим органом государственной власти Советского Союза. Этого, в представлении творцов тогдашней советской политики, должно было быть достаточно, чтобы обеспечить легитимность главы союзного государства и продолжение курса М. С. Горбачёва хотя бы на некий переходный период, до общей нормализации обстановки»³. «Новая структура, — отмечает З. А. Станкевич, — стала реальностью вначале (вторая половина марта — апрель 1990 года) только политической, поскольку возник принципиально новый центр власти (Президент СССР + его “штаб” в лице Президентского совета и Совета Федерации СССР), а затем, начиная с мая 1990 г., и организационно-правовой, поскольку был создан орган, обеспечивающий жизнеспособность президентской власти, в лице Аппарата Президента СССР (далее также АП

¹ Кувалдин В. Б. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. М., 1998. С. 18–19.

² Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР: «несвоевременный» орган гибнущего государства // История государства и права. 2019. № 11. С. 39.

³ Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР: «несвоевременный» орган гибнущего государства // История государства и права. 2019. № 11. С. 39.

СССР, АП). В декабре 1990 г. президентские структуры были дополнены формальным заместителем главы государства — Вице-президентом СССР, однако это “нововведение”, по причинам как объективного, так и субъективного характера, не послужило укреплению президентской власти в Союзе. Наоборот, оно заложило дурную традицию острого политического противостояния во властных верхах, которая затем “по наследству” передалась правопреемнице Советского Союза — “ранней” (1991–1993 гг.) Российской Федерации»¹.

Работу над созданием Аппарата Президента СССР принял на себя В. И. Болдин, который действовал в этом направлении недостаточно энергично, вероятно, оправдывает его то обстоятельство, что ему приходилось создавать новую структуру, по сути, с нуля². С учреждением должности Президента СССР возникал и аппарат Президента; одновременно продолжал существовать и аппарат генсека КПСС. Между собой два аппарата не соприкасались, обладая разными задачами и разными источниками информации³. Между работниками двух аппаратов, в итоге находившихся в подчинении у одного шефа — Горбачёва, нередко существовало отчуждение. Работники аппарата Президента СССР считали себя выше рангом, чем подчиненные «всего-навсего» генсека КПСС⁴. Ввиду непродолжительности существования, Аппарат Президента СССР, естественно, не сумел раскрыть весь свой созидательный потенциал, стать ведущим элементом новой бюрократической системы, круг его полномочий, их объем не были вполне понятны даже сотрудникам Аппарата⁵. Этому было немало причин. По утверждению З. А. Станкевича, Аппарату Президента СССР практически

¹ Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР: «несвоевременный» орган гибнущего государства // История государства и права. 2019. № 11. С. 39.

² Архив автора. Интервью В. Н. Шевченко, руководителя службы Протокола Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 18 декабря.

³ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября; Архив автора. Интервью В. К. Егорова, помощника Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

⁴ Архив автора. Интервью А. Б. Вебера, консультанта Аппарата Президента СССР. Москва. 2018. 14 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью С. К. Дубинина, сотрудника Аппарата Президента СССР, в январе — октябре 1994 года — исполняющего обязанности министра финансов России. Москва. 2025. 10 февраля.

весь период его существования пришлось работать в условиях достаточно серьезной конкуренции, а порой и соперничества со стороны «старых» центров бюрократической власти, в частности, Секретариата Верховного Совета, Управления делами Совета Министров СССР, а отчасти — и ЦК КПСС. Примером подобных трений могут служить разногласия, возникавшие между Аппаратом Президента и Секретариатом Верховного Совета СССР в период работы над проектом нового Союзного договора, особенно в рамках так называемого Новоогаревского процесса¹. Кроме того, обоснованно предполагает З. А. Станкевич, на работе Аппарата Президента СССР не могли не сказаться общее ослабление и деградация и развал союзной государственной власти². Структура Аппарата Президента СССР была разработана с учетом необходимости максимально полного и оперативного удовлетворения потребностей главы государства, связанных с реализацией его властных функций и полномочий. Исходя из этого, весь Аппарат Президента был условно поделен на три непропорциональные части. Одна из них, наиболее важная и близкая к президенту часть, носила название «Секретариат Президента СССР» и состояла из примерно 40 сотрудников (по состоянию на 7 августа 1991 года). В нее входили помощники главы государства (В. К. Егоров, В. Н. Игнатенко — он же руководитель пресс-службы при Президенте СССР, О. И. Ожерельев, А. С. Черняев и Г. Х. Шахназаров), его старший советник (В. А. Медведев) и советники (С. Ф. Ахромеев, В. В. Загладин, В. И. Карасёв и Г. И. Ревенко), а также его референты (В. С. Гусенков и Г. В. Пряхин) и консультант (В. А. Ярин) Каждое из этих должностных лиц предметно занималось своим направлением внутренней и внешней политики страны, и в этой работе им помогали их малые «секретариаты», состоящие из советников, консультантов и референтов рангом ниже (у одного из помощников президента — А. С. Черняева был даже заместитель). У Президента СССР были также внештатные советники из числа видных ученых и крупных государственных деятелей — в частности, академики Л. И. Абалкин, В. Н. Кудрявцев, Ю. А. Осипьян³.

Вторую, самую малочисленную часть Аппарата Президента СССР (около 20 сотрудников) составляли секретариаты Вице-президента СССР (Г. И. Янаев), заместителя Председателя и членов

¹ Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР... С. 40.

² Там же.

³ Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР... С. 41.

Совета обороны СССР, не являющихся членами Правительства СССР (О. Д. Бакланов, В. В. Бакатин и Е. М. Примаков), а также председателя Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов (Ю. В. Голик) и председателя Комиссии по переговорам о сокращении вооружений и безопасности Совета безопасности при Президенте СССР (Л. Н. Зайков). Данная часть Аппарата Президента, как видно даже из названий, имела достаточно узкую специализацию и по большинству разрешаемых проблем тесно взаимодействовала с Секретариатом Президента СССР.

Третью часть Аппарата Президента СССР составлял собственно аппарат данного государственного органа, включающий целый ряд функциональных структурных подразделений (отделов, служб и др.) и объединяющий в основном вспомогательный и обслуживающий персонал. Это была самая крупная часть АП (общее количество работников — 300–350 человек), которую возглавлял назначенный указом президента руководитель Аппарата Президента СССР В. И. Болдин¹. Валерий Иванович возглавлял Аппарат Президента СССР с 17 апреля 1990 года по 22 августа 1991 года. После августовского путча 1991 года и ареста В. И. Болдина его преемником был назначен Г. И. Ревенко, возглавлявший эту структуру до отставки Горбачёва и расформирования Аппарата Президента СССР. Характеризуя Аппарат Президента СССР, следует, на наш взгляд, указать на его немногочисленность и высокий профессиональный уровень сотрудников, организационную приспособляемость, позволявшую новой структуре быстро и адекватно реагировать на изменения в стране и текущей политической жизни, своевременно ставить новые задачи и по возможности оперативно разрешать их. Аппарат Президента СССР пережил даже самого Президента: устройство его сотрудников на работу продолжалось вплоть до 1 марта 1992 года². Можно, думается, согласиться с З. А. Станкевичем, по словам которого Аппарат Президента СССР «был достаточно прогрессивным элементом менявшейся на глазах советской системы. Именно в его недрах возникло немало интересных, а главное — перспективных идей и проектов, связанных с демократическим переустройством страны в интересах всех ее народов. Прежде всего это внушительный массив работок, подготовленных

¹ Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР... С. 41.

² Там же. С. 43.

в рамках работы над проектом нового Союзного договора»¹. Увы, они оказались недооцененными и не востребованными современниками — политика бесцеремонно вмешивалась в любые, самые перспективные и многообещающие предположения и наработки, переворачивая все с ног на голову.

Став Президентом СССР, Горбачёв оставил должность Председателя Верховного Совета, «поспособствовав» избранию на этот пост давно и хорошо ему известного А. И. Лукьянова, надёжно, как ему казалось, обезопасив тем самым свой тыл... Полтора года спустя стало известно, что и Лукьянову не удалось пройти испытание «огнем, водой и медными трубами» и сохранить верность многолетней дружбе с Горбачёвым.

На том же Третьем Съезде была отменена знаменитая, или «пресловутая», по определению Горбачёва², 6-я статья Конституции СССР, в стране официально возникала многопартийность, а статус КПСС, формально правящей, но крайне непопулярной партии, становился все более неопределённым: «Партия отказывается от монополии, но не отказывается от того, чтобы бороться за сохранение своего положения правящей партии», — так резюмировал отмену 6-й статьи на Пленуме ЦК КПСС генсек³. Было, однако, непонятно: готова ли партия успешно вести политическую борьбу в новых политических условиях — условиях, когда страна продолжала неудержимо быстро распадаться. Пожалуй, в 1990 г. многие уже понимали, что Горбачёв начинает *не попевать* за событиями, происходящими в стране. «Проблема Горбачёва, — вероятно, справедливо отмечает А. Н. Мурашёв, — заключалась в том, что он все делал правильно, но все с запозданием...»⁴

Знаковым событием для судьбы СССР стало избрание 29 мая 1990 года Бориса Николаевича Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР. Ельцин победил в острейшей борьбе, была серьёзная опасность его поражения⁵. Ельцин был избран на должность

¹ Станкевич З. А. Аппарат Президента СССР... С. 43.

² Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 478.

³ Пленум ЦК КПСС — 5–7 февраля 1990 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3 (302). С. 52.

⁴ Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня.

⁵ Архив автора. Интервью Б. А. Курковой, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2019. 4 марта; Архив автора. Интервью П. С. Филиппова, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2019. 18 февраля.

председателя с третьего захода¹, по словам народного депутата РСФСР М. Н. Толстого, Борис Николаевич долго «бодался-бодался» со ставленником генсека И. К. Полозковым. По словам Михаила Никитича, «атмосфера голосования заключалась в противостоянии истовостей», силы сторон были примерны равны², чаша весов долго колебалась то в одну, то в другую сторону. Затем Полозкова сменил другой «кандидат власти» — председатель правительства РСФСР А. В. Власов, в соперничестве с которым Ельцин и набрал необходимое для избрания на должность количество голосов. Выдвижение Власова вместо Полозкова было, несомненно, проявлением политической слабости, свидетельствовало о колебаниях и неуверенности со стороны Горбачёва³. Ельцин мог бы и не пройти на эту должность, если бы Горбачёв предложил ему в качестве оппонента по-настоящему сильную фигуру⁴. Такой фигурой мог бы быть, скажем, Н. И. Рыжков, однако Горбачёв в тот момент не был готов расстаться с Николаем Ивановичем, считая более важным сохранить за ним пост союзного премьера. Власть, несомненно, испытывала кадровый голод, рабочие материалы встреч Горбачёва с членами Политбюро по вопросу о выборах Председателя Верховного Совета РСФСР демонстрируют растерянность союзной политической элиты⁵; и Иван Кузьмич Полозков, и Александр Владимирович Власов не слишком были рады предстоящей схватке с Ельциным, они проявляли нервозность в непривычной для них атмосфере ожесточенной политической борьбы, им явно недоставало бойцовских качеств. А других кандидатур у Горбачёва, пожалуй, и не было. «Вносилось предложение баллотироваться на выборах таким лицам, как Рыжков, Лукьянов, Бакатин и некоторые другие. Сами они отнеслись к этому негативно, а должной настойчивости проявлено не было. В результате кандидатур, которые могли бы на равных бороться с Ельциным за пост Председателя Верховного Совета РСФСР, не оказалось», — вспоминал один из ближайших соратников

¹ Выбор сделан // Аргументы и факты. 1990. № 22. С. 2.

² Архив автора. Интервью М. Н. Толстого, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

³ Архив автора. Интервью И. В. Константинова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 3 ноября.

⁴ Архив автора. Интервью Л. А. Пономарёва (иноагент), народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля.

⁵ Воротников В. И. А было это так... М., 1995. С. 378–386.

Горбачёва В. А. Медведев¹. Для победы кандидата власти в борьбе за этот пост Горбачёву «нужен был второй Ельцин», как утверждает С. В. Степашин, в то время — народный депутат РСФСР².

По большому счету, *серьезного противника* у «смутьяна» Ельцина при голосовании не было, «голосование шло внутри Съезда, а не за кого-то», — вспоминает Н. И. Травкин, народный депутат СССР и РСФСР; «сражение» затянулось лишь потому, что депутаты с трудом преодолевали свое настороженное отношение к Борису Николаевичу³. В конечном итоге, отмечает опытейший В. П. Лукин, в борьбе за кресло спикера «выиграл не Ельцин, а проиграли его противники»⁴.

А что же Кремль и Старая площадь? Они продолжали надеяться на то, что все будет благополучно, а при проведении голосования сработает инерция рекомендации, исходящей от власти. Жесткого давления на депутатов РСФСР — коммунистов Горбачёв не оказывал, лишь порекомендовав им не избирать Ельцина, вместе с тем в форму *приказа* в рамках партийной дисциплины *пожелание* генсека облечено не было⁵. Впоследствии это породило своеобразную «конспирологическую» теорию, связанную с тем, что Горбачёв якобы в действительности хотел, чтобы Ельцин стал Председателем Верховного Совета РСФСР, и вел, дескать, двойную игру.

И действительно: многим кажется, что история о том, как Ельцина все же избрали председателем Верховного Совета РСФСР и какая при этом была реальная позиция Горбачёва, весьма непростая. При желании в поведении Михаила Сергеевича действительно можно найти какие-то не вполне ясные моменты, на них указывают многочисленные свидетельства участников событий. Так, в частности, по словам народного депутата СССР М. Н. Полторанина, «Горбачёв не хотел, чтобы Ельцин не победил, были специально подставлены блеклые

¹ Медведев В. А. В команде Горбачёва. М., 1994. С. 138.

² Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

³ Архив автора. Интервью Н. И. Травкина, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 31 января.

⁴ Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁵ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, народного депутата РСФСР, Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

фигуры — Полозков, Власов...»¹ «Выступление Горбачёва в поддержку Полозкова было неуклюжее, возникало ощущение, что Горбачёв не хочет избрания Полозкова... Горбачёв сделал ставку на слабую кандидатуру — это была историческая ошибка. Было ощущение, — утверждает народный депутат РСФСР И. В. Константинов, — что Горбачёв играет на две стороны»². «Было очевидно, — вспоминает народный депутат РСФСР П. А. Лысов, — что Ельцин на голову выше, чем его соперники — маленький Полозков и абсолютно никакой Власов...»³ У народного депутата РСФСР христианского демократа В. В. Аксючица, также участвовавшего в борьбе за кресло спикера российского парламента, этому есть свое объяснение: «Партийный аппарат не производил других, кроме таких, как Полозков — ниже низшего. Отрицательный отбор...»⁴ Рассудив, что «кандидат коммунистов Полозков большее зло, чем Ельцин», а «времена для христианской политики еще не наступили», Аксючиц снял свою кандидатуру⁵. «Если бы я не снял свою кандидатуру, то за меня наверняка проголосовало бы несколько человек (мне об этом говорили более десяти депутатов) — антикоммунистов, — и все могло бы пойти по-другому», — отмечает в своих воспоминаниях В. В. Аксючиц⁶.

«На собрании перед выборами, где были все коммунисты, Горбачёв призвал не избирать Ельцина, не называя никого взамен. Горбачёв, предлагая Полозкова, играл как будто бы нарочно: высокий и красивый Ельцин, и плюгавый и низкий Полозков», — удивляется С. Н. Бабурин, в 1990 году — народный депутат РСФСР⁷. Ельцин смотрелся как «глыба», «харизматик», его личность внушала уважение, о его работе в Москве и Свердловске доходили в основном

¹ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

² Архив автора. Интервью И. В. Константинова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 3 ноября.

³ Архив автора. Интервью П. А. Лысова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 19 мая.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Аксючица, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля.

⁵ Аксючиц В. Русский маятник. От коммунистического тупика через либеральный обвал. Заметки очевидца. М.; Берлин, 2017. С. 227–228.

⁶ Там же.

⁷ Архив автора. Интервью С. Н. Бабурина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 8 июля.

положительные отзывы, Полозков на его фоне, несомненно, выглядел не слишком ярко, отмечает народный депутат РСФСР Ю. М. Воронин¹. «Ельцин — харизматик, высокий, красивый мужик. Он был фигурой, другого такого не было. Полозков — вероятно, неплохой мужик, но без авторитета», — вспоминает А. Н. Медведев, народный депутат РСФСР². С этими оценками согласен и народный депутат РСФСР М. А. Митюков: «Визуально Ельцин выигрывал у всех кандидатов: это — глыба, остальные все смотрелись невыразительно. Особенно Полозков — невыразительное обличье. К тому же с точки зрения психологического климата интеллигенция и рабочий класс были настроены на преобразования. Рассуждения Ельцина в этом контексте смотрелись выигрышно. Мало у кого в тот момент закрадывались сомнения: реально ли то, что обещает Ельцин, претворимо ли это в жизнь? Он импонировал с точки зрения политической программы, было видно, что он уверенный в себе человек»³.

Помимо совершенно очевидной трудности в борьбе с Ельциным — отсутствие у власти «второго Ельцина», который мог бы успешно соперничать с Борисом Николаевичем, — была еще и личная причина: Горбачёв, по всей видимости, не слишком верил в победу «смутьяна». Народный депутат РСФСР Ф. В. Шелов-Коведяев высказывает твердое убеждение, что Горбачёв специально выдвинул слабого кандидата в качестве противовеса Ельцину, чтобы унижить последнего проигрышем «человеку» генсека и лишний раз указать Борису Николаевичу на его реальное место и значение в политике. Михаил Сергеевич был убежден, что депутаты подчинятся партийной дисциплине и проголосуют за навязанного властью кандидата⁴.

Как с ним нередко бывало, генсек вел себя чрезмерно самоуверенно, до последнего момента не сомневаясь в проигрыше Ельцина. «По тем острым дискуссиям, которые велись в преддверие съезда, он вполне мог полагать, что Ельцин не пройдет в Президенты

¹ Архив автора. Интервью Ю. М. Воронина, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 25 июня.

² Архив автора. Интервью А. Н. Медведева, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 19 мая.

³ Архив автора. Интервью М. А. Митюкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 3 марта.

⁴ Архив автора. Интервью Ф. В. Шелова-Коведяева, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

Верховного Совета. Горбачёв пришел на первое голосование по этому вопросу вместе с Лукьяновым, явно предвкушая поражение Ельцина. Он сидел наверху, на маленьком балкончике, и какая-то туманная ухмылка гуляла по его лицу», — вспоминал приверженец Ельцина С. А. Филатов¹. «Горбачёв и Лукьянов очень неверно повели себя, их сидение на балконе заседаний не вызывало ничего, кроме раздражения. Их обработка депутатов и фракций вызвала всеобщее неприятие», — рассказывал автору Г. Э. Бурбулис, пояснявший, что в том числе и благодаря грубому давлению Президента СССР на депутатский корпус Ельцину удалось «избраться миллиметровым преимуществом»².

От встречи с группой наиболее авторитетных народных депутатов РСФСР непосредственно перед голосованием Горбачёв отказался, не согласился он и прийти на встречу со всем депутатским корпусом, опасаясь, что ему устроят обструкцию. В качестве «противоядия» Ельцину Горбачёв увидел разъяснительную беседу с депутатами-коммунистами, на которой им объяснялась нежелательность избрания Ельцина. На встрече Михаил Сергеевич растолковывал депутатам, что перед Ельциным «нам тоже не надо как кролик перед удавом. Феномен. Какой тут феномен? Феномен-то вообще гнилой, понимаете?»³ «Нужно было более гибко работать с депутатами, а Горбачёв и его сторонники работали с ними очень кондово, по-старому», — вспоминает И. В. Константинов, народный депутат РСФСР⁴. Команда Горбачёва не делала, по сути, никаких серьезных попыток расположить к себе депутатов — не-коммунистов. В свою очередь, демократически настроенные депутаты не могли забыть того пренебрежения, которое выказал им Президент СССР накануне; в итоге, когда Горбачёв появился на балконе, раздались «свист, улюлюканье, крики, депутаты обиделись»⁵. Почувствовав столь недоброжелательное отношение к себе,

¹ Филатов С. А. Совершенно несекретно. М., 2000. С. 51

² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР. Москва. 2019. 11 февраля.

³ Стенограмма встречи М. С. Горбачёва с народными депутатами РСФСР. 22 мая 1990 // РГАН. Ф. 89. Оп. 7. Д. 7. Л. 22.

⁴ Архив автора. Интервью И. В. Константинова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 3 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью А. Ф. Дунаева, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 4 декабря.

Горбачёв покинул съезд, обидевшись на то, что его даже не пригласили в президиум, а посадили на гостевой трибуне — вместе с послами¹.

Демократически настроенным депутатам казалось, что «с самого начала было очевидно, что Полозков — неизбираем»². В те дни народный депутат РСФСР А. Ф. Дунаев, стоя в окружении парламентариев, подчеркнул, что он будет голосовать за «красавца-богатыря Ельцина», так как именно такой лидер и должен быть у России, а вовсе не никому не известный Полозков. Комизм ситуации заключался в том, что в этот момент в группе депутатов находился и сам Полозков, который благо-разумно промолчал³.

Иначе смотрит на ситуацию сам И. К. Полозков. В беседе с автором этих строк Иван Кузьмич подчеркнул, что Ельцин еще в свою бытность секретарем ЦК считал, что должен занимать место Горбачёва, был крайне обижен тем, что его не ввели в состав Политбюро, и рвался к власти. Полозков убежден, что в ситуации с выборами Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Ельцин и Горбачёв «играли в одну игру, как бы плохо они друг к другу ни относились», у них, по уверениям Ивана Кузьмича, был «общий дирижер». Ельцин, вспоминал И. К. Полозков, «органически не переносил Горбачёва, это шло у него еще с 1985-го года». Горбачёв же всерьез Ельцина не воспринимал, хотя Полозков и говорил генсеку, что тот «скоро Вас вышвырнет из Вашего кабинета»⁴. Полозков вовсе не считает себя «непроходным кандидатом», напротив, Иван Кузьмич уверен в том, что он мог и должен был победить Ельцина. «Когда меня выставили бороться с Ельциным, мне не дали выиграть, хотя я выиграл 2 раза, были подтасовки в голосовании, а потом меня заставили снять кандидатуру, иначе бы я победил. Кто-то очень хотел, чтобы победил Ельцин, ведь Горбачёв мог снять его кандидатуру одним решением президента. Горбачёв мне сказал, что Верховный Совет не сможет со мной работать, а я дал понять Горбачёву и [А. Н.] Яковлеву, что распусшу этот Верховный Совет, если он не даст мне работать. После этого меня

¹ Медведев Н. П. «Новые» на Старой площади: Кремлевско-провинциальные истории. М., 1997. С. 43.

² Архив автора. Интервью В. Л. Шейниса, народного депутата РСФСР. Москва. 2018. 4 июля.

³ Архив автора. Интервью А. Ф. Дунаева, народного депутата РСФСР.

⁴ Архив автора. Интервью И. К. Полозкова, члена Политбюро ЦК КПСС. Москва. 2019. 26 ноября.

попросили снять кандидатуру в рамках партийной дисциплины...»¹ В своих воспоминаниях И. К. Полозков пишет, что в дни голосования В. И. Воротников, прежде занимавший пост Председателя Верховного Совета РСФСР, якобы, доверительно признался Полозкову, что «Михаил Сергеевич видит на этом посту Ельцина. Он думает, что и этот шаг добавит ему веса в глазах Рейгана [Ошибка. В 1990 году президентом США был Джордж Буш-старший. — Авт.], Тэтчер, Коля»².

Отношение к Ельцину даже у российских депутатов было достаточно настороженным, но было и понимание, что «неизбрание Ельцина грозило смутой — уровень харизматичности Ельцина в восприятии народа был огромный»³, к тому же многие депутаты, даже не поддерживавшие Бориса Николаевича, готовы были голосовать за него исключительно для того, чтобы насолить Горбачёву⁴. Символично, что «проработка» депутатов, проведенная Президентом СССР, привела прямо к противоположному результату — сторонников у Бориса Николаевича прибавилось⁵. После окончания выступления Горбачёву близкий к Б. Н. Ельцину народный депутат РСФСР С. Н. Красавченко подошел к генсеку и поблагодарил его: «Спасибо, Михаил Сергеевич, Вы добавили своим выступлением голосов десять Ельцину»⁶. «То преимущество, с которым Ельцин победил, — голоса тех депутатов, которых неудачно обхаживал

¹ Архив автора. Интервью И. К. Полозкова, члена Политбюро ЦК КПСС. Москва. 2019. 26 ноября.

² Полозков И. К. Обманутые надежды, или Как разрушали страну. М., 2014. С. 430.

³ Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 18 июня.

⁴ Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта; Архив автора. Интервью В. В. Аксючица, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля; Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

⁵ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, в 1990–1993 гг. народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля; Архив автора. Интервью С. А. Полозкова, в 1990–1993 гг. народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 29 апреля; Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁶ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР, члена Президиума Верховного Совета РСФСР. Москва. 2022. 31 марта.

Горбачёв в Кремле», — утверждает народный депутат РСФСР В. Г. Степанков¹. «Многие из тех, кто был против Ельцина, после проработки Горбачёва проголосовал за Бориса Николаевича», — соглашается со Степанковым С. В. Степашин². Известный ученый, академик Ю. С. Сидоренко в мае 1990 года был председателем счетной комиссии по подсчету голосов депутатов, голосовавших за избрание Председателя Верховного Совета РСФСР. Сидоренко, выпустивший воспоминания об этих событиях по горячим следам, спустя всего несколько месяцев после их завершения, назвал «обработку» депутатов «начальством» «тайной вечерей» и рассматривал ее в качестве одного из важнейших факторов, сыгравших на руку Ельцину. «Часть правых и колеблющихся депутатов была глубоко шокирована самим фактом и процедурой “тайной вечера”». Теперь они не только собирались голосовать за Ельцина, изменив свое первоначальное решение (некоторые из них на первых двух турах голосовали против Бориса Николаевича), но еще и участвовать в коллективном протесте»³.

Был и еще один эпизод, и грустный, и комический одновременно, возможный, вероятно, только в эпоху тотального дефицита позднего СССР, о котором упоминает в своих воспоминаниях приверженец Ельцина, один из первых легальных российских миллионеров, А. М. Тарасов, народный депутат РСФСР. «К разочарованию многих, в буфете Кремлевского дворца цэковских пайков не обнаружилось: видимо, администрация Горбачёва решила оградить российских депутатов от излишеств, ограничив их рацион стандартными сосисками. Это обстоятельство тоже было нами использовано. В день голосования я закупил в “Березке” семь ящиков баночного пива и привез их на своем “Мерседесе” прямо до кремлевского подъезда. Потрясенные милиционеры не задали ни одного вопроса, поскольку никогда не видели такой роскошной машины в Кремле. Мы поставили ящики при входе в буфет и спрашивали: за кого голосуешь? Если за Ельцина — тогда банка пива бесплатно! Об этом написали все газеты... Ельцина избрали с минимальным преимуществом», — писал А. М. Тарасов⁴.

¹ Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

² Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

³ Сидоренко Ю. С. От потрясенного Кремля до... (Записки председателя Счетной комиссии). Ростов-н/Д, 1990. С. 16.

⁴ Тарасов А. М. Миллионер. М., 2004. С. 186.

В третьем туре голосования, 29 мая 1990 года, Ельцин все же был избран, хотя и «со скрипом», Председателем Верховного Совета РСФСР¹. «Под аплодисменты зала (хлопала ровно половина), Ельцин шел занимать главное место в президиуме съезда», — вспоминал известный тележурналист, народный депутат РСФСР, поддерживавший в то время Б. Н. Ельцина А. Н. Тихомиров². Не так давно ушедший из жизни влиятельный депутат СССР и РСФСР М. А. Бочаров, сыгравший немалую роль в победе Ельцина, а впоследствии разошедшийся с ним, рассказывал автору: «Это буквально случайность, что Ельцина избрали председателем Верховного Совета. Чуть больше половины депутатов в зале были против Ельцина, но 90 % людей на улице были за него... Судьбу голосования решили всего четыре голоса...»³ Он же, ссылаясь на собственные источники информации, признавался в том, что с голосами в пользу Ельцина была определенная «игра»⁴. Утверждение Бочарова не подтверждается Ю. С. Сидоренко, в категорической форме подчеркнувшим в беседе с автором, что выборы были «честнейшими» и итоги голосования отражали реальные результаты выборов⁵. «У всех на языке был Ельцин. Он был баламут, алкаш, но он был *Ельцин*. Даже без “тайной вечери” депутаты проголосовали бы за него. За Ельцина были все абсолютно. Он имел вес больший, чем кто-либо. В ту пору это был спокойный, уравновешенный человек, который мог поддержать любую беседу. Он очень притягивал к себе, был очень открытый в то время. Он был таким сильным руководителем, что мог организовать любой рабочий процесс, охотно помогал людям, невзирая ни на что обеспечивал результат, если брался за какое-то дело», — рассказывал Юрий Сергеевич автору⁶. «Никому даже в голову не приходило в то время, что бюллетени могут переписать. Выборы Ельцина были честными», — утверждает народный

¹ Архив автора. Интервью В. Л. Шейниса, в 1990–1993 годах. народного депутата РСФСР. Москва. 2018. 4 июля.

² Тихомиров А. Н. Человек укусил собаку. М., 2021. С. 121.

³ Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 18 июня.

⁴ Там же.

⁵ Архив автора. Интервью Ю. С. Сидоренко, народного депутата РСФСР. Ростов-на-Дону. 2022. 18 июня.

⁶ Там же.

депутат РСФСР Ю. М. Нестеров¹. Объясняя те затруднения, которые возникли у Ельцина с избранием на его пост, Юрий Михайлович сказал: «Примерно $\frac{1}{3}$ съезда была упертыми полозковцами, $\frac{1}{3}$ — демократами, примерно $\frac{1}{3}$ — не выдвинутыми никем людьми из провинции. Полозкова депутаты просто не хотели, потому что это был большой шаг назад, а Ельцина не хотели поначалу потому, что не верили ему до конца»². В то же время другой такой фигуры в депутатском корпусе не было. Масштаб личности Бориса Николаевича осознавался всеми, даже теми, кто не был его сторонником. «Ельцин притягивал к себе внимание всех депутатов, он вел себя как Хозяин. Все это понимали, контраст с Полозковым был огромный», — вспоминает народный депутат РСФСР И. М. Кучеренко³.

Простой народ в ту пору в массе своей верил Ельцину. В архивном фонде народного депутата ВС РСФСР В. Б. Исакова сохранились десятки телеграмм, свидетельствующих о поддержке выдвижения кандидатуры Б. Н. Ельцина на пост председателя ВС РСФСР его земляками-свердловчанами: «Уралыцы, не подведите! Народ взбудоражен, возмущен результатами выборов. Верим Б. Н. Ельцину и поддерживаем его, выдвигайте заново, делайте, что хотите. Требуйте всенародного референдума!»⁴ «Создалось впечатление, что президент боится авторитета т. Ельцина и пользуясь своим положением старается повлиять на мнение депутатов — провалить кандидатуру Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Короткое, но содержательное выступление Б. Н. Ельцина нельзя даже сравнивать с просторными и долгими выступлениями Власова и Воротникова. Призываем депутатов съезда, тех, кто заботится не о своем авторитете, а о судьбе России, голосовать за Ельцина, голосовать так, как требуют ваши избиратели», — такую телеграмму в адрес депутатского корпуса отправил коллектив трансформаторного цеха предприятия «Свердловскэлектроремонт»⁵. Вероятно, подобные голоса в поддерж-

¹ Архив автора. Интервью Ю. М. Нестерова, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2023. 27 января.

² Там же.

³ Архив автора. Интервью И. М. Кучеренко, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2023. 30 января.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 248. Л. 1. Телеграмма Исакову от свердловчан. 1990. 24 мая.

⁵ Там же. Л. 28.

ку Ельцина звучали и от трудящихся других областей и автономных республик РСФСР, а не одной лишь Свердловской области. Борис Николаевич сумел простым людям внушить веру в себя и в свое искреннее стремление сделать жизнь рядового человека достойной и справедливой. В этой поддержке людей была сила Ельцина.

«Народ чувствовал, что Ельцин хочет, чтобы мы стали жить лучше. За ним была почти вся страна. Какими путями он это сделает — народ не знал, однако доминировала точка зрения, что дальше так жить нельзя. От Ельцина исходила эманация силы власти. Он как будто в капсуле сидел, от которой была оболочка сверхволевого начальника. При этом Ельцин искренне хотел добра людям, которые живут в России — народ это чувствовал и поддерживал его», — эмоционально рассказывал автору народный депутат РСФСР О. В. Басилашвили¹. «В настроении москвичей Ельцин пользовался абсолютной поддержкой. Его фигура была абсолютно выигрышной. Ельцин обыграл Полозкова в одни ворота», — прибавляет М. Г. Астафьев, уточняющий, что, по слухам, один из голосов в пользу Ельцина был подделан². Однако, даже если это и было правдой, то с точки зрения истории, не имело никакого значения: Ельцин был *избран*, именно с момента его *избрания* на пост Председателя Верховного Совета РСФСР началась эпоха Ельцина в российской политике, наконец-то он обрел власть, стал *первым лицом* — пускай пока лишь в РСФСР. «Улица была за Ельцина, ветер дул в его паруса», — вспоминает народный депутат РСФСР В. П. Лукин³. Ближайшее в то время доверенное лицо Ельцина, Г. Э. Бурбулис, вспоминал ликование, охватившее сторонников Бориса Николаевича, когда 29 мая 1990 года, «сложнейшая позиционная борьба буквально за каждый голос» дала свой результат. В тот момент не скрывал своего торжества и Ельцин⁴.

Принимая через несколько дней дела у бывшего Председателя Верховного Совета РСФСР В. И. Воротникова, Ельцин с удовлетворением сказал своему помощнику Л. Е. Суханову: «Смотрите, мол, Лев Евгеньевич, какое мы отвоевали здание... Да разве только

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 октября.

² Архив автора. Интервью М. Г. Астафьева, народного депутата РСФСР. Москва. 2022. 11 мая.

³ Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР.

здание? Россию отвоевали у воротниковых»¹. В этот момент Ельцин, несомненно, думал о начале выполнения своей исторической миссии по превращению России в процветающее государство. «Хватит ли сил?» — осмелился спросить Ельцина Суханов. «Должно хватить... Хотя, чтобы вывести Россию из этого состояния, может и десяти жизней не хватить», — отвечал Суханову Борис Николаевич². «На лице шефа появилось мимолетное выражение отрешенности... Видимо, на мгновение ему открылись все “руины” и все “бездны” его замученной России», — вспоминал Л. Е. Суханов³.

Между тем результаты голосования показывают, что почти половина народных депутатов была против избрания Ельцина. 29 мая 1990 года председатель Счетной комиссии Ю. С. Сидоренко огласил итоги третьего тура голосования. Б. Н. Ельцин набрал 535 голосов при необходимом минимуме 531 голос. «Бурные, продолжительные аплодисменты. Депутаты стоя приветствуют избрание Председателя Верховного Совета РСФСР», бесстрастно фиксирует стенографический отчет заседаний I Съезда народных депутатов РСФСР⁴. «За» кандидатуру А. В. Власова было отдано 467 голосов⁵. Таким образом, перевес Б. Н. Ельцина, несмотря на весь его несомненный политический авторитет, был не столь значительным, лишь с огромным трудом он сумел набрать необходимые для избрания голоса депутатов. «5 голосов — полпроцента депутатов Съезда определили избрание Ельцина», — констатирует в своих воспоминаниях народный депутат РСФСР М. Б. Челноков⁶. «Эти и последующие выборы Ельцина президентом России показали, что у него никогда не было устойчивого поддерживающего его большинства», — отмечает один из виднейших представителей «команды» первого Президента

¹ Суханов Л. Е. Три года с Ельциным. Записки первого помощника. Рига, 1992. С. 269.

² Суханов Л. Е. Три года с Ельциным. Записки первого помощника. Рига, 1992. С. 269.

³ Там же.

⁴ Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 года. Стенографический отчет. М., 1992. Т. II. С. 445.

⁵ Там же..

⁶ Челноков М. Б. Россия без Союза, Россия без России... (Записки депутата расстрелянного Парламента). М., 1994. С. 35.

В. Ф. Шумейко¹. Положа руку на сердце, надо признать, что в противостоянии с Полозковым и Власовым Ельцин мог бы и уступить, его звезда только лишь восходила, однако с каждым месяцем он все в большей и большей степени превращался в главную альтернативу Горбачёву: будучи, быть может, к тому моменту менее ловким и искушенным, что ли, в политических играх, чем Михаил Сергеевич, Борис Николаевич уже воспринимался народом как настоящий герой, как свой, как простой и настоящий мужик. «Народ любил простые приемы: высокий, здоровый, не речистый мужик стал в народном сознании героем. У него была харизма. Он воспринимался как единственная альтернатива Горбачёву», — вспоминал народный депутат РСФСР М. Г. Астафьев, отнюдь не симпатизирующий Ельцину².

Решающую роль сыграл переход на сторону Бориса Николаевича нескольких десятков депутатов, хотя и не поддерживавших Ельцина, но проголосовавших за него в пику Горбачёву. По правомерному предположению петербургских историков И. В. Узловой и В. В. Калашникова, значительная часть коммунистов, составлявших 86 % депутатского корпуса российского парламента, «сочувствовала взглядам Ельцина на проблему российского суверенитета и на необходимость борьбы с привилегиями партийной и советской номенклатуры. Многие были крайне недовольны политикой М. С. Горбачёва и видели в Ельцине возможного нового лидера страны и партии. Эта позиция многих депутатов помогла Ельцину занять пост Председателя Верховного Совета (ВС) РСФСР»³. В общем-то, полагает народный депутат РСФСР С. А. Полозков, «Ельцина избрали благодаря Горбачёву», иначе говоря, за Бориса Николаевича проголосовали лишь из неприятия политики Президента СССР, его непоследовательности, любви к хитроумным маневрам, нежелании размежеваться с «правыми» из верхушки КПСС, хотя сам Михаил Сергеевич в тот момент, вероятно, этого и не осознавал⁴. Примечательно, что в своих воспоминаниях Михаил Сергеевич возложил ответственность за провал власти на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР на КПСС, допустившую «крупные

¹ Шумейко В. Ф. Россия: какой народ — такая власть. М., 2010. С. 210.

² Архив автора. Интервью М. Г. Астафьева. Москва. 2022. 11 мая.

³ Калашников В. В., Узлова И. В. Первый Президент и первая Дума. СПб., 2016. С. 19–20.

⁴ Архив автора. Интервью С. А. Полозкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 29 апреля.

просчеты в выдвижении своих кандидатов»¹. «Она [КПСС. — *Авт.*] проиграла выборы Председателя Верховного Совета РСФСР. Я предостерегал депутатов, причем открыто, от избрания на этот пост Б. Ельцина, поскольку предвидел — это приведет к опасной конфронтации с Союзным центром. Но, видимо, “в пику Горбачёву” или польстившись на карьерные соблазны, ряд депутатов из фракции “Коммунисты России” в последний момент проголосовали за Ельцина с перевесом в четыре голоса», — вспоминал М. С. Горбачёв².

К моменту своего избрания на пост Председателя Верховного Совета РСФСР вчерашний первый секретарь МГК КПСС Ельцин уже воспринимался в народном сознании не просто как политик, а как определенный символ — в первую очередь символ справедливости и надежды на счастливое будущее и благополучное завершение перестройки. Как известно, такая известность была приобретена Борисом Николаевичем после его изначальной «борьбы с привилегиями» в качестве первого секретаря МГК КПСС, изгнания с партийного Олимпа и распространения по всей стране сфальсифицированного текста «выступления» Ельцина на Пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 года, где присутствовала резкая критическая составляющая в адрес Горбачёва и его окружения — подлинным автором его был М. Н. Полторанин, занимавший в ту пору пост главного редактора «Московской правды». С реальным текстом выступления Ельцина, действительно имевшим место на Пленуме и содержавшим гораздо меньший объем критики *именно в адрес Горбачёва*, подготовленный М. Н. Полтораниным текст соотносился очень мало, однако именно он сыграл немалую роль в обретении Ельциным того образа народного заступника, который и позволил ему в конце концов сесть «царем на Москве». В беседе с автором этих строк Полторанин объяснил мотивы своего поступка: «В выступлении Ельцина было предсказано, что если мы будем обманывать генерального секретаря, то мы далеко не уедем. Люди ждали реальный анализ, куда мы можем и должны идти. Через Ельцина я дал свое выступление, свою программу — меня достали партийные чиновники. Через Ельцина я мог это сказать»³. Официальный стенографический отчет Октябрьского

¹ Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 548.

² Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 548.

³ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

Пленума 1987 года, содержащий те слова, которые Ельцин *действительно* произносил с высокой трибуны, власть догадалась опубликовать в партийной печати лишь в начале 1989 года¹. К этому времени Б. Н. Ельцин обладал уже неслыханной популярностью, каждому его слову внимали миллионы, а его деятельность находила огромную поддержку. Были у него, безусловно, горячие сторонники и в депутатском корпусе. Российский депутат И. И. Андронов, впоследствии ставший политическим противником первого Президента России, вспоминал, что в дни голосования на пост Председателя Верховного Совета РСФСР он, «подобно миллионам россиян, считал Бориса Николаевича мудрым, прогрессивным и добропорядочным политиком... Ельцин был тогда антиподом сегодняшнего “царя”, как он называет себя теперь... Он был доступен, демократичен, обожаем рядовыми людьми и ненавидим чиновными аппаратчиками. Мало кто подозревал, что нас дурачит выдающийся лицедей»². При всей субъективности подобного свидетельства, в нем содержится важное признание: в 1990 году, по мнению его многочисленных сторонников, уже именно Ельцин, а отнюдь не осторожный Горбачёв, был олицетворением перемен и наступления новой эпохи.

Оппоненты Ельцина выглядели в глазах депутатов-демократов как отголосок прошлого: Полозков — как олицетворение «командного прошлого», а Власов как традиционный «наместник от Политбюро над Россией». «Выбирая Председателя, выбирали не человека, а направление», — отмечал сторонник Ельцина Н. И. Травкин³. К тому же лишь Ельцин, а вовсе не Полозков и не А. В. Власов, казался в тот момент сильной самостоятельной личностью, настоящим политическим лидером⁴. Вспоминая борьбу за пост Председателя Верховного Совета РСФСР, В. Б. Исаков писал: «Депутаты через микрофоны выдвинули полтора десятка кандидатов, но все понимали, что реальная кандидатура одна — Ельцин. Практически непрерывно вокруг него дежурили фото- и телекорреспонденты, ловя в объективы взгляд, жест.

¹ Пленум ЦК КПСС — октябрь 1987 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1987. № 2. С. 209–287.

² Андронов И. Моя война. М., [2000]. С. 136.

³ Травкин Н. Как избирали Председателя // Огонек. 1990. № 24. С. 2.

⁴ Абдулатипов Р. Г. Власть и совесть: политики, люди и народы в лабиринтах смутного времени. М., 1994. С. 64; Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля.

Каждый перерыв и даже проход по Кремлю после заседания превращались в импровизированную пресс-конференцию. Когда начались выступления кандидатов на пост Председателя Верховного Совета, Ельцин напрягся, напружинился — в бойцовских качествах ему не откажешь — выступил и вновь сумел покорить зал... Когда табло высветило результаты по постановлению об избрании (оно утверждалось открытым голосованием), раздался гром оваций и десятки телекамер, сотни глаз обратились на Ельцина. Он встал с места — две-три секунды растерянности — и, сопровождаемый аплодисментами, прошел в президиум и занял место председательствующего. Вот он, сладкий миг победы, преодоления еще одной ступеньки на пути к вершине высшей власти! Впоследствии многие из тех, кто агитировал за Ельцина или голосовал за него, раскаялись, взяли свои слова обратно. Лично я ни о чем не жалею. В обстановке надежд, ожиданий, эйфории, которая царила тогда в обществе и на съезде, победа Ельцина была предreshена. Если бы он не победил на этом съезде, победил бы на следующем. Ельцин был символом грядущих перемен, которых боялись, но и которых ждали»¹.

Удивительно, как Михаил Сергеевич просмотрел превращение Ельцина из «секретаря обкома», стоявшего навтыжку перед генсеком², в настоящего лидера-харизматика, *своего прямого и непосредственного конкурента в борьбе за высший пост в стране*. Остается только, вслед за Г. Х. Поповым, догадываться, почему Горбачёв фактически не стал препятствовать избранию Ельцина на первый пост в России, не воспользовавшись в полной мере всей своей властью³. «Горбачёв мог помешать избранию Ельцина, если бы он сделал на это всю ставку. Избрание Ельцина означало превращение Ельцина в альтернативу Горбачёву, по-настоящему сильную фигуру», — недоумевает И. В. Константинов⁴. Иными словами: если бы Горбачёв распорядился, то итоги голосования могли бы быть

¹ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990–1991. Екатеринбург, 1997. С. 119–120, 125.

² История от Горбачёва / Интервью В. Рудакова // Профиль. 2010. №12. 5 апреля. С. 23.

³ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля.

⁴ Архив автора. Интервью И. В. Константинова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 3 ноября.

другими — в пользу его кандидата. Правда, подобное утверждение не учитывает специфики характера последнего советского лидера: затеявший *по своей воле* грандиозный перестроечный проект, Горбачёв не любил использовать в политической борьбе откровенно *грязные* технологии, природное, а отнюдь не наигранное демократическое начало, на наш взгляд, *действительно* было частью его натуры — как в период его пребывания на посту главы государства, так и в последующее время. Кроме того, а это, вероятно, — самое главное, Президент СССР продолжал недооценивать своего противника, считая его фигурой ограниченной, а в политическом отношении чрезвычайно примитивной и недалекой; вряд ли Горбачёв мог представить, что именно Ельцин сыграет решающую роль в уходе Михаила Сергеевича из Кремля.

Время показало, что Горбачёв ошибался: чего-чего, а политическо-го инстинкта, сильнейшей интуиции и воли Ельцину было не занимать. Не будем также забывать и об огромной популярности Ельцина, рост которой происходил на фоне падения доверия народа к лидеру перестройки Горбачёву: люди верили, что Борис Николаевич — единственный, кто может изменить их жизнь к лучшему. «К моменту выборов Ельцин был бешено раскручен, считался оппозиционером, популярность его по стране была огромной... Рядом с Ельциным никого близко не было — его авторитет был огромен», — вспоминает вдумчивый наблюдатель и участник тех событий, народный депутат РСФСР М. Б. Челноков¹.

Спустя менее чем через год после завершения эпопеи с его избранием на пост Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцин на встрече в Ленинграде с депутатами Ленсовета счел необходимым вспомнить о том, как «он [М. С. Горбачёв. — *Авт.*] воевал против меня, чтобы меня не избрали Председателем Верховного Совета...»² В действительности, следует признать, что в этом эпизоде Президент СССР полноценных «военных действий» против своего извечно-го оппонента не развернул, ограничившись полумерами и недооценив в очередной раз значения «фактора Ельцина». «Горбачёв и его

¹ Архив автора. Интервью М. Б. Челнокова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 2 ноября.

² Матлин А. Д., Пученков А. С. «Убежден, что у нас гражданской войны не будет...». Встреча Б. Н. Ельцина с депутатами Ленсовета 22 марта 1991 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2021. Т. 6. № 4. С. 74.

ближайшие сотрудники не придали должного значения проблеме Ельцина: им было не до того. Кадровый резерв был ограничен, а дифференциация в высшем политическом руководстве еще не проявилась в полной мере. Цену Лукьянову не знали, использовать Полозкова не погнушались. А главное, недооценили стратегическое значение главного государственного поста России, так как исходили из того, что командные высоты в любом случае останутся за Союзом. Ельцин выиграл, поставив лозунг суверенитета России в центр борьбы за пост председателя ВС РСФСР. На этой платформе удалось объединить разнородные силы», — правомерно полагал В. Л. Шейнис, в 1990 году — народный депутат РСФСР¹. После избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР амбиции Бориса Николаевича получили политическое подкрепление: в демократическом лагере избрание Ельцина «на Россию» было воспринято как «историческое событие»², а в его ближайшем окружении — как сигнал к началу открытой борьбы с Горбачёвым за первый пост в стране³. И действительно: значение перехода к Ельцину контроля над крупнейшей государствообразующей республикой Союза невозможно переоценить: к началу лета 1990 года в СССР появился второй, *параллельный* центр власти⁴. Началась схватка Горбачёва и Ельцина за положение первого человека в стране. Думается, что можно согласиться с мнением народного депутата СССР В. И. Алксниса, согласно которому, появление второго центра власти во главе с Ельциным стало основной причиной распада Союза. Обуреваемый желанием отомстить Горбачёву за унижительное удаление его с поста Первого секретаря МГК и лишение его статуса одного из партийных небожителей, Ельцин стремился любой ценой расправиться со своим противником. Как показала практика, сделать ему это удалось лишь ценой разрушения страны⁵.

По словам народного депутата СССР М. А. Бочарова, с 29 мая 1990 года, т. е. с момента избрания Ельцина Председателем Верховного

¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. I. С. 305.

² Архив автора. Интервью Л. А. Пономарёва (иноагента), народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля.

³ Архив автора. Интервью С. А. Филатова, РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁴ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 1 апреля.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса, народного депутата СССР. Московская обл., поселок городского типа Тучково. 2019. 2 апреля.

Совета РСФСР, и до 25 декабря 1991 года — дня отставки Горбачёва — в стране было «междувластие: Горбачёв уже не обладал всей властью в стране, а Ельцин еще не обладал ею»¹.

Поражение Кремля — а именно так следует расценивать выигрыш Ельциным борьбы за кресло Председателя Верховного Совета России — в немалой степени было предопределено фундаментальным недостатком Горбачёва — его излишней самоуверенностью. «По-моему, самая главная беда Горбачёва — отсутствие самокритики. Он, к сожалению, считал, что всегда все делает правильно», — высказывался по этому поводу В. В. Бакатин². «До конца дней Горбачёв будет обосновывать задним числом рациональность своих решений. Одно из самых слабых мест в этом выдающемся человеке: он не умеет честно признавать свои ошибки и слабости», — писал известный историк, народный депутат РСФСР, генерал Д. А. Волкогон³.

Прозорливый помощник Горбачёва Г. Х. Шахназаров, предвидя нежелательный для власти исход предвыборной борьбы за кресло Председателя Верховного Совета РСФСР, предложил генсеку кандидатуру Н. И. Рыжкова, убеждая, что именно у него есть «наибольшие шансы выиграть этот раунд». «В конце концов, — обосновал свою позицию Шахназаров, — премьера найти легче»⁴. Горбачёв, как вспоминал Шахназаров, отрицательно покачал головой: «Николай Иванович нужен мне здесь, — сказал он. — Это ключевой пост. А там... нечего бояться, все будет как надо. Вот увидишь»⁵. «Оптимист по натуре, которому в жизни всегда везло, он неизменно был уверен в благополучном для себя исходе всякого дела и, соответственно, не готовился к худшему. За время нашей работы я почти не видел его в состоянии страха перед будущим и даже опасений, побуждающих принять дополнительные меры предосторожности. Так и на этот раз: он спохватился лишь тогда, когда изнурительный выборный марафон подходил к концу и чаша весов склонялась явно в пользу оппозиции, правильно сориентировавшейся в обстановке и кинувшей в бой все свои не столь уж великие в то время силы.

¹ Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР. Москва. 2019. 18 июня.

² Бакатин В. Я субъективен и даже предвзят // Труд. 1992. 4 июля.

³ Волкогон Д. А. Этюды о времени. М., 1998. С. 60.

⁴ Шахназаров Г. Х. С вожжами и без них. М., 2001. С. 367.

⁵ Там же. С. 367.

Горбачёв к тому же сделал неверный шаг, отправившись в Верховный Совет России, чтобы лично убедить депутатов в нежелательности избрания Ельцина. В окружении ему настойчиво рекомендовали не делать этого. Он никого не послушал и только раздражил российских депутатов, которые до того воздерживались, а теперь, как говорится, из принципа решили проголосовать за лидера оппозиции... В шахматах довольно обычная история, когда выдающийся гроссмейстер проигрывает партию мастеру средней руки, потому что не принял его всерьёз. Так и Горбачёв проиграл эту важную партию Ельцину. Благоразумный гроссмейстер, потерпев неожиданное поражение, пристальной присмотрится к противнику, сделает домашние заготовки и при очередной встрече возьмет реванш. Увы, несмотря на чувствительный удар по его положению и самолюбию, Михаил Сергеевич продолжал ни во что не ставить и Ельцина, сам себя убеждал, что потенциал соперника исчерпан, и пытался убедить в том же общество. Обида брала верх над политическим расчетом, гордость заслонила здравомыслие», — сокрушался Шахназаров¹.

Победа Ельцина была встречена Горбачёвым с крайним раздражением. Президент СССР не нашел в себе сил, чтобы поздравить Бориса Николаевича с избранием². К этому моменту отношения Ельцина и Горбачёва были уже не просто чрезвычайно напряженными, а прямо враждебными. Можно утверждать, что Горбачёв, который, по словам народного депутата СССР писателя А. А. Лиханова, «недонаказал» Ельцина³, относился к последнему терпимее, чем Борис Николаевич относился к последнему советскому лидеру⁴. «Ельцин сначала боготворил Горбачёва, неся на всех парах к телефону, когда ему звонил генсек... Но от любви до ненависти, как известно, один шаг. После своей отставки с поста Первого секретаря МГК он возненавидел Горбачёва», — вспоминает генерал А. В. Коржаков, начальник Службы безопасности Президента России⁵. Личный

¹ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 367–368.

² Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 387.

³ Архив автора. Интервью А. А. Лиханова.

⁴ Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2018. 7 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, начальника службы охраны Первого Президента России Б. Н. Ельцина. Село Молоково, Московская область. 2021. 8 декабря.

фактор — иначе говоря, резкая неприязнь друг к другу лидеров СССР и России — сыграла огромную роль в судьбе страны.

Борьба за власть между Горбачёвым и Ельциным происходила на фоне продолжающегося распада Союза. В этот момент для части окружения Президента СССР уже было очевидно, что Горбачёв начинает *не поспевать* за событиями, происходящими в стране. Ряд представителей команды Михаила Сергеевича убеждали его в необходимости избавиться от непопулярной КПСС; для них (например, А. С. Черняева) необъяснимым выглядело то упрямство, с которым Горбачёв продолжал цепляться за партию.

Большое значение придавалось Михаилом Сергеевичем работе досрочно созванного XXVIII съезда КПСС. Генсек считал своим долгом «сделать все возможное, чтобы партия, пройдя путь внутренней демократизации, заняла достойное место в новой политической структуре»¹. Согласно воспоминаниям В. А. Медведева, перед съездом Горбачёв сказал ему: «*Нам надо вместе держать партию*, без которой вообще ничего не получится [Выделено мной. — *Авт.*.]»². В итоге съезд, к которому команда Горбачёва серьезно готовилась³, «стал схваткой реформаторского и ортодоксально-консервативного течений в партии»⁴. Никто в тот момент не мог и предположить, что съезд, проходивший 2–13 июля 1990 года, окажется последним в истории КПСС⁵. Депутатский корпус съезда кардинальным образом отличался от предыдущих съездов: «Делегаты прошли через выборы, иной раз многоступенчатые, часто на альтернативной основе <...> Многие делегаты уже не были пассивными статистами как ранее»⁶. Был изменен Устав КПСС, в который, в частности, было внесено положение, что только съезд партии может избирать Генерального секретаря⁷. Однако все же главным в новом

¹ Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 263.

² Медведев В. А. В команде Горбачёва. М., 1994. С. 133

³ Доклад Горбачёва съезду партии генсеку помогали составлять А. С. Черняев, А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, Г. Х. Шахназаров, И. Т. Фролов, В. И. Болдин, Н. Б. Биккенин, Н. Я. Петраков (см.: Черняев А. С. Совместный исход... С. 860. Дневниковая запись от 1 июля 1990).

⁴ Горбачёв М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 242.

⁵ Медведев В. А. В команде Горбачёва... С. 135.

⁶ Бузгалин А. В. Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. М., 1993. С. 60–61.

⁷ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 119.

Уставе КПСС было то, что во внутривнутрипартийной жизни были проведены такие преобразования, которые придавали КПСС более демократический характер, а в центр партийной жизни ставился коммунист¹.

Сам ход работы съезда никак не напоминал отлаженную и доведенную до автоматизма за десятилетия работу классического партийного форума: чинное течение съезда постоянно прерывалось то тем, то другим эксцессом, никак не предусмотренным заранее. Атмосфера в зале стала накаляться уже с первых минут работы партийного форума². На съезде Горбачёв уже не царил над толпой делегатов, как это было прежде: из выступлений многих ораторов прорывалось уже не только их сомнение в успехе перестройки, но и критика самого главы государства. «Съезд был горячим, бурным, неорганизованным», — вспоминал Н. И. Рыжков³. И действительно, если верить свидетельству И. К. Полозкова, то иногда атмосфера съезда походила на «неорганизованное, сумбурное и бестолково крикливое сборище, напоминающее ярмарочный балаган. В многочисленные микрофоны, расставленные по всем рядам, орал каждый кто что хотел. Выкрики, заявления, ультиматумы, возмущения и призывы к благоразумию... все тонуло в общем гуле»⁴. Уставший от критики в свой адрес, Горбачёв сказал Черняеву после встречи с секретарями райкомов и горкомов: «Шкурники. Им, кроме кормушки и власти, ничего не нужно». На слова Черняева: «Бросьте вы их. Вы — президент, вы же видите, что это за партия, и фактически вы заложником ее остаетесь, мальчишкой для битвы», — генсек ответил: «Знаешь, Толя, думаешь, не вижу? Вижу <...> Но нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина набросится на меня»⁵.

Споры и баталии, раздражавшие партию, в немалой степени были порождены тем, что партия не была готова к борьбе за власть в новых условиях; партия отучилась от того, чтобы бороться с кем бы то ни было — ее закреплённый в Конституции СССР 1977 года *государственный статус* развращал КПСС, порождал самоуспокоенность;

¹ Разумов Е. З. Крушение и надежды. М., 1996. С. 91.

² Воротников В. И. А было это так. М., 1995. С. 395.

³ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 378.

⁴ Полозков И. К. Обманутые надежды, или Как разрушали страну. М., 2014. С. 464.

⁵ Черняев А. С. Совместный исход... С. 862. Дневниковая запись от 8 июля 1990 года.

начатые по воле генсека перемены порождали не только у высших руководителей партии, но и многих аппаратчиков нервозность и опасения потерять и власть, и положение в обществе, а кроме того — утратить идеалы. Руководство партии опоздало на десятилетия для проведения разговора со страной и с рядовыми коммунистами, предметом которого должен был быть вопрос не только о тех прерогативах, которые общество желало бы закрепить за партией, но и вопрос о ее лозунгах в новых условиях, принципах избрания руководства — от низшего до верхнего звена и т. д. Попытки начать такой разговор в условиях, когда люди выдвигали к государству, *предводимому по-прежнему партией*, все новые и новые требования, указывая на очевидный кризис сложившейся к тому времени системы управления, успеха не имели.

Генсек понимал, несомненно, всю огромную силу партии как сложившейся СИСТЕМЫ управления ГОСУДАРСТВОМ, которое также создавалось именно вокруг ПАРТИИ; государственные структуры «накручивались» на уже существующую СИСТЕМУ, как нитки накручиваются на катушку. Вряд ли Горбачёв вынашивал план ликвидации партии — это было слишком самонадеянно и самоубийственно для него, человека осторожного и в высшей степени разумного. Вероятно, Горбачёв до последнего момента мечтал о превращении КПСС в свою подлинную опору и своего рода таран для дальнейшего углубления проводимых им реформ.

К лету 1990 года как в партийных кругах, так и в рядах консервативно настроенных депутатов союзного съезда уже можно было услышать критику в адрес Михаила Сергеевича: Горбачёва критиковали за слабость, нерешительность, мягкость по отношению к националистическим движениям в том же самом Закавказье и Прибалтике, требуя от него принятия максимально жестких мер по подавлению центробежных сил. «У нашего Президента есть все. Мы вправе были ожидать от него более решительных мер. И говорить приходится прежде всего о недостатке воли у Президента», — говорил в интервью один из лидеров депутатской группы «Союз» народный депутат СССР полковник Советской Армии Н. С. Петрушенко, прибавляя, что для более успешной борьбы с сепаратистами «всю полноту ответственности надо перекладывать на местные власти, а если местные власти не справляются или не хотят справляться, тогда можно уже и Президенту ударить кулаком по столу — проявить характер»¹.

¹ Петрушенко Н. Не хочу развала страны... // Аврора. 1991. № 2. С. 22.

Накануне открытия XXVIII съезда КПСС в окружении Горбачёва шли оживленные дискуссии — не было ясно, какую линию генсеку следует избрать в отношении собственной партии: следует ли видеть в ней свою главную опору, или, напротив, выявив политические настроения в ее рядах и убедившись в фактически уже состоявшемся разделении партии на группы и фракции, стремиться к созданию собственного политического объединения — партии сторонников перестройки и ее лидера, тем самым положив начало расколу в КПСС? К тому же команда Горбачёва не исключала того, что консерваторы из партийного аппарата подготовили генсеку какой-то неприятный сюрприз. В окружении Михаила Сергеевича высказывалось опасение, что его переизбрание на пост генсека может встретить серьезные затруднения, однако Горбачёв, как всегда, излучал уверенность в своем успехе.

В этот момент даже критики генсека признавали безальтернативность его фигуры на посту лидера партии, учитывая всесоюзный и мировой авторитет Михаила Сергеевича — 1990 год был, как известно, временем пика «горбимании» и всеобщего восхищения деятельностью советского руководителя на внешнеполитической арене¹. Отказаться в этот момент от такого политического тяжеловеса, как Горбачёв, партия не могла, к тому же не вполне понятен был и иной способ действия, отличный от того, как действует Михаил Сергеевич, — что нужно сделать для того, чтобы остановить дезинтеграцию республик? Неужели танки?

10 июля 1990 года состоялись выборы Генерального секретаря ЦК КПСС, на которых действующему главе партии противостоял мало кому известный Т. Г. Авалиани. Горбачёв легко победил: за него отдали свои голоса 3411 делегатов съезда, за кандидатуру Авалиани проголосовал 501 человек². Последний партийный лидер Москвы Ю. А. Прокофьев утверждал, что переизбрание Горбачёва на XXVIII съезде было

¹ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, члена ЦК КПСС в 1990–1991 годах. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня. «Общий развал системы был виден, но что проблема в Горбачёве — так не казалось. Было ощущение, что система устала, как бетонная конструкция “устаёт”», — утверждал А. В. Бузгалин, избранный на XXVIII съезде в состав ЦК КПСС (см.: Архив автора. Интервью А. В. Бузгалина, члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2017. 18 декабря).

² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 14. Л. 88.

«огромной ошибкой» со стороны делегатов¹, однако результаты голосования показывают — реальной альтернативы фигуре Горбачёва на посту генсека в 1990 году не было. Вместе с тем для Михаила Сергеевича этот съезд был тяжелым, генсеку пришлось мобилизовать все свои уникальные бойцовские качества, чтобы выиграть большую часть тех батальи, в которых он участвовал: Михаил Сергеевич перетаскивал делегатов на свою сторону, используя все свое ораторское искусство, логику аргументации, природное обаяние, а подчас и ставя участников партийного форума перед необходимостью незамедлительно принять предложенное генсеком решение.

По традиции, одним из важнейших моментов съезда стал доклад Генерального секретаря. В докладе Горбачёва был решительно поставлен вопрос о пересмотре дел «всех жертв беззакония времен сталинских репрессий»². Генеральный секретарь заявил о необходимости обновления партии, которая виделась ему партией «социалистического выбора и коммунистической перспективы, добровольным союзом единомышленников, выражающим в своей политике интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции» и в то же время «партией, приверженной общечеловеческим, гуманистическим идеалам, чуткой к национальным традициям и чаяниям и вместе с тем непримиримой к шовинизму, национализму и расизму, любым проявлениям реакционной идеологии и мракобесия»³. В итоге XXVIII съезд высказался, по мнению М. С. Горбачёва, «в поддержку политики перестройки»⁴. Съезд «продемонстрировал, что все в партии начало двигаться — пусть с трудом, на малой тяге, с сильнейшим сопротивлением, но пришло в движение», — полагал Михаил Сергеевич⁵. Партия на своем последнем съезде «осудила тоталитаризм и присягнула демократии, свободе, гуманизму. Это был разрыв с большевизмом, первый крупный шаг по реформированию КПСС. Но дался он тяжело, несколько раз все висело на волоске. А после съезда осталось тревожное впечатление хрупкости достигнутого прогресса. Ступив одной ногой на “новый

¹ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, члена Политбюро ЦК КПСС, в 1989–1991 годах — 1-го секретаря МГК КПСС. Москва. 2020. 17 февраля.

² Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза... С. 28.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Двадцать вопросов Михаилу Горбачёву накануне 70-летия // Многая Лета... С. 15.

⁵ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 563.

берег”, КПСС другой ногой оставалась на старом. В таком переходном состоянии застали ее последовавшие бурные события, и это сыграло роковую роль в ее судьбе», — вспоминал М. С. Горбачёв¹.

В состав ЦК КПСС, предварительный вариант списка которого генсек составлял вместе с А. Н. Яковлевым², было введено немало новых людей, зачастую неизвестных рядовым коммунистам — такие радикальные изменения в составе партии и Центрального комитета настораживали, в партийной среде, как вспоминал А. С. Дзасохов, немедленно поползли слухи, что «кандидаты подбираются наспех, что это люди без необходимого опыта, особенно если дело касается идеологии пропаганды, взаимодействия с другими партиями и движениями. Я понимал, что отчасти такой кадровый радикализм вызван стремлением показать, что КПСС серьезно обновляется и в ЦК приходят новые люди. Но что получится в результате? Этого никто не знал. И потому в тотальной замене членов ЦК чувствовалась некая спонтанность, которая, полагаю, была видна не только мне»³. И действительно: можно утверждать, что руководство партии кардинально изменилось: кроме Горбачёва, в Политбюро ЦК КПСС остался из прошлого состава лишь В. А. Ивашко⁴; серьезные изменения произошли и в составе Секретариата, секретарями ЦК стали, например, Г. В. Семёнова, О. С. Шенин, Г. И. Янаев. В состав ЦК был введен целый ряд прекрасно образованных, инициативных и энергичных коммунистов, выдвинувшихся в годы перестройки — например, В. В. Калашников, И. И. Мельников, Б. П. Гуселетов, А. С. Грачёв, А. Я. Дегтярёв.

При этом руководство партии покинули два антипода, начинавшие вместе с Горбачёвым перестройку: А. Н. Яковлев и Е. К. Лигачёв⁵. Каждый из них обладал яркой и поистине неповторимой индивидуальностью, каждый из них дополнял Горбачёва, без каждого из них нельзя представить ту эпоху. «Лигачёв — честный и порядочный человек. Если Яковлев был западник, то у Лигачёва чуть ли не кирзовыми сапогами не пахло... Лигачёв — смесь вольтерьянства с приспособленчеством. Все они хотели полусоветской власти, никто из них

¹ Горбачёв М. С. Остаюсь оптимистом... С. 242.

² Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. С. 451.

³ Дзасохов А. С. Человек и политика. 2-е изд. М., 2017. С. 133–134.

⁴ Лошак В. Новые люди на Старой площади // Московские новости. 1990. 22 июля.

⁵ Яковлев Е. Возрождение партии в руках левых сил // Московские новости. 1990. 22 июля.

не хотел выглядеть дураком», — рассказывал автору этих строк В. А. Коротич¹. Лишившийся в одночасье всех своих постов, Лигачёв, тем не менее, не утратил своего авторитета, став знаменем тех сил, которые не принимали политику Горбачёва, знаменем «правых», как их называли в ту пору. «На выборах генерального секретаря реакция не смогла дать бой, потому что Лигачёв не решился на выдвижение своей кандидатуры, а другого сильного противовеса консервативная партия не имела. Лигачёв бросил вызов Горбачёву косвенным образом: вопреки ясно выраженной воле Горбачёва, выдвинувшего в заместители Генерального Владимира Ивашко, Лигачёв баллотировался в заместители. Но в этом качестве он уже не интересовал и своих единомышленников — он мог быть им нужен только как альтернатива Горбачёву», — писал известный публицист О. Р. Лацис, один из представителей либерального направления в КПСС². Сам факт выдвижения Лигачёвым своей кандидатуры уже после того, как М. С. Горбачёв предложил на пост заместителя генсека В. А. Ивашко, по тогдашним партийным понятиям был вопиющим нарушением партийной дисциплины со стороны Егора Кузьмича. «Для КПСС 1990 года это была неслыханная дерзость, да нет, даже не дерзость, а скорее курьез», — вспоминал С. С. Шаталин³. «Я был невольным свидетелем последней сцены, завершающей взаимоотношения Е. К. Лигачёва и М. С. Горбачёва. Генсек возвращался после голосования за своего “зама” и неожиданно в узком переходе из Георгиевского зала Кремля во Дворец съездов столкнулся с Е. К. Лигачёвым. Лишь на мгновение он растерялся, но неожиданно сказал:

— Я голосовал против тебя, Егор.

— А я, Михаил Сергеевич, — ответил Е. К. Лигачёв, — голосовал за ваше избрание генеральным секретарем...

И они разошлись в противоположные стороны. Разошлись навсегда», — вспоминал народный депутат СССР, руководитель Аппарата Президента СССР В. И. Болдин, в августе 1991 г., как известно, также «разошедшийся» с Горбачёвым⁴.

¹ Архив автора. Интервью В. А. Коротича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 20 июня.

² Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 296.

³ Шаталин С. С. Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 150.

⁴ Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М., 1995. С. 364.

Новый состав ЦК КПСС в политическом отношении был разнородным. Если верить А. С. Черняеву, ЦК КПСС «теперь в подавляющем большинстве состоял из лигачёвцев и полозковцев...»¹ Несколько иную картину рисовал в своих воспоминаниях представлявший марксистскую платформу в КПСС А. В. Бузгалин, избранный на XXVIII съезде в состав ЦК: «Борьба на съезде была нешуточной и не только между демократически настроенной частью делегатов и президиумом, поддерживаемым конформистами в зале... На съезде ясно определились два крыла, которые затем сохранялись на протяжении всей деятельности избранного тем летом ЦК. Одно — “горбачёвско-яковлевское”, второе — “лигачёвское”. Деление это касалось, естественно, не столько приверженности тем или иным лидерам, сколько иных, более фундаментальных вопросов. “Горбачёвцы” были представлены делегатами, поддерживавшими, как ни странно, два противоположных курса, объединенных только одним, но существенным общим лозунгом: реформы должны развиваться, назад пути нет. Но за этой формальной общностью были скрыты содержательные разногласия. Для рядовой интеллигенции (а именно она составляла массовую базу реформаторов) и секретарей первичных партийных организаций Горбачёв и Яковлев были символами необратимости демократических перемен, слома тоталитарного государства и неясной, но светлой перспективы, контуры которой виделись то ли в виде двух слов “демократический социализм”, то ли как перенесенная на советскую почву шведская действительность. Для “руководящего звена”, поддержавшего реформаторов (а это в основном были “новые люди” в центральном партаппарате, часть хозяйственной бюрократии, элитарные интеллектуалы и т. п.), линия Горбачёва — Яковлева была последней надеждой сменить форму своей власти, оставив неизменной суть: власть номенклатуры и обслуживающей ее интеллектуально и материально камарилли. Что же до “лигачёвского” лагеря, то здесь так же оказались очень разные силы, объединенные опять же формальным, но значимым единством: не отдадим социалистических завоеваний, не допустим капиталистической эволюции страны. Споры нет, лозунг куда как актуальный (как, впрочем, и яковлевский — нет возврату в прошлое), вот только что за ним стояло по существу? А по сути это был призыв сохранить в неприкосновенности власть местного партийного

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... М., 1993. С. 357.

чиновничества, которое, конечно, и привилегиями пользовалось (кто больше, кто меньше), и взятки брало (да и поди разберись, где взятка, а где подарок от чистого сердца), но и дело свое знало, худо-бедно посевную и уборочную кампанию всегда проводило, и жилье народу какое-никакое строило, и предприятия план выполнять заставляло... Куда же без этих людей-то? Развалится все...»¹

По сути, съезд зафиксировал и в известном плане закрепил идейную растерянность партии². Обозревая исторические итоги съезда, А. Н. Яковлев писал: «Под давлением общественности была изменена редакция 6-й статьи Конституции СССР. Монополии партии на абсолютную власть в стране был положен конец. Отныне КПСС могла действовать только в рамках Конституции и законодательства, наравне с другими партиями. И пусть соизмеримых соперников не оказалось, важен сам принцип. В юридическом и политическом отношениях КПСС совершила акт “отречения от престола”»³.

Проведение съезда не привело к стабилизации положения в Союзе. «Страна словно взгромоздилась на вулкан. Стремительное развитие событий уже на другой день после XXVIII съезда дало почувствовать, что этот партийный форум ничего путного не принес ни партии, ни обществу, разве что засвидетельствовал расклад сил в КПСС. Выбитая из колеи перестройкой, полулишенная власти, но все за нее судорожно цепляющаяся, безнадежно отстающая от разворачивающихся в стране социальных и национальных движений, партия находилась в состоянии полураспада. В ней неизбежно должны были вырости силы, которые отринут Горбачёва как отступника от марксизма-ленинизма (в действительности — от сталинизма) и предпримут отчаянную попытку спасти советский строй с его решающим элементом — монопольным господством коммунистической партии. Как женщина, которую разлюбили и бросили, партия была способна на самый безумный поступок», — писал Г. Х. Шахназаров⁴.

Секретарь ЦК и будущий президент Молдовы П. К. Лучинский вспоминал: «Он [Горбачёв. — *Авт.*] постепенно отходил от обязанностей лидера партии. А резкий поворот от них сделал тогда, когда

¹ Бузгалин А. В. Белая ворона (последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М., 1993. С. 63–64.

² Косолапов Р. И. Идеи разума и сердца. М., 1996. С. 54.

³ Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. С. 457.

⁴ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 431.

КПСС прошла заметный рубеж на пути своего реформирования. Я этот процесс связываю с последним съездом, который в корне отличался от всех предыдущих. Впервые делегаты на съезд были избраны демократическим путем. Раньше список кандидатов предварительно согласовывался с аппаратом ЦК и рассылался на места с тем, чтобы именно их парторганизации областей, краев, республик направили на съезд... Все первые секретари ЦК республиканских компартий теперь входили в Политбюро. Я стал его членом, так как возглавлял компартию Молдовы. Еще раз высшие партийные органы обновились и на этот раз кардинально. Новые люди пришли с иными взглядами чем те, которые исповедовал генсек. Аппарат фактически потерял власть. Горбачёв лишился в нем главной своей опоры. Аппарат всегда был мощной силой, с помощью которого секретариат и Политбюро проводили политику Генсека. Горбачёв впервые почувствовал себя неуютно и стал терять интерес к партийным делам. Этот факт нельзя объяснить лишь загруженностью его как президента. Словно грибы после дождя росли вокруг него разные советы исполнительного и совещательного характера. Они брали на себя большую часть работы, которую, кстати, плохо исполняли. А новые руководители высшего партийного эшелона далеко не во всем следовали указаниям генсека, что нередко вызывало его крайнее недовольство. Революция “сверху” в своей трагической незавершенности сделала попытку впервые уравнивать “первое лицо” в партии с другими ее руководителями. Горбачёв смириться с этим не смог. Что из этого вышло, говорят сами за себя события трех дней августа. Нас удручало незнание президентом истинного положения дел в стране. Уже ни для кого не было секретом, что он пренебрегает обязанности Генерального. В ЦК зрело намерение от этого поста его освободить. Собственно, от Горбачёва это и не скрывали. В его адрес шли тысячи писем, телеграмм с требованием отчитаться перед партией за развал страны. Это его настораживало. Проблема с заменой генсека широко обсуждалась. Выступая на Пленуме перед XXVIII съездом, я предложил ввести партии две должности: председателя и первого секретаря. За Михаилом Сергеевичем оставить пост председателя, а на второй избрать нового человека. ЦК смог бы действовать более самостоятельно и независимо от президента. Реакция Горбачёва была мгновенной: “Это что же, почетным председателем?” — Дал всем понять, что эта роль не для него. Вопрос сняли, а могли его решить. Тогда

обстановка позволяла. Как показали августовские события, решение было бы верным, но верх одержал расчет, хоть и прискорбно об этом говорить. Как рассуждали? Горбачёв президент. У него в руках необъятная власть. На местах к руководству партийными организациями пришли новые люди без опыта, необходимых знаний и навыков хозяйственной деятельности. А чем всегда занимались партийные работники? Да отними у них хозяйственные функции, и партия останется как русалка из подводного царства. В одной идеологической дымке. И надеялись, что президент укрепит престиж партии. Но он все чаще уходил с пленумов обиженным. Не раз говорили первым секретарям: “Ну не надо его столько критиковать! Он все же человек. Ему надо помогать”. Я неоднократно замечал, что М. Горбачёв переоценивает свои способности. К тому же смотрел на жизнь с позиции наблюдателя. Мол, время все расставит на свои места. Не в этом ли истоки его личной драмы?! Понимал ли он, в какую сложную ситуацию себя поставил? Если понимал, на что надеялся? Ведь процесс, который “пошел” — так он предпочитал говорить, — сметет в первую очередь его. Мне думается, что драма Горбачёва как политика в том, что ему не удалось освободиться от груза старых представлений. Когда-то трудная борьба за власть — сначала Сталина, а позже Хрущёва — склонили Центральный Комитет к единственному выбору: сохранять в партии единодушие и спокойствие. Чувство полного удовлетворения ее делами. На этом фоне, скорее аморфном, Горбачёв пришел к власти. Этой системой он был выращен. Статус “первого лица” в партии и государстве официально воспринимался в одном качестве — как исключительности его дарования. Это всегда афишировалось как с помощью легенд, так и манипуляций общественным мнением. Едва ли Михаилу Горбачёву досталась малая толика хвалебных слов, что щедро расточали Брежневу. И все же! Человек психологически консервативен. Генсек до последнего мгновения не расставался с заблуждением, что он может сделать с обществом все! Именно как “первое лицо”. “Достаточно определить линию, и процесс пойдет!” — так он убеждал себя. Но многих в этом убедить не смог. Почему так рисковал? Он не мог не видеть, что люди от него отходят. В его новаторство перестают верить. Я вижу в этом главную причину. Слышать другого человека Горбачёв так и не научился...»¹

¹ *Лучинский П. К.* Заложники. Кишинев, 1993. С. 7–8. Глава советского пражительства Н. И. Рыжков также предлагал в 1990 году Горбачёву стать

«Горбачёв колебался вместе с линией партии, более того, прилюдно заигрывал с оппозицией, а кулуарно ее проклинал. Под ним закачалось не только кресло генсека, но и кресло президента. Сам же он просто не решался, боялся оставить пост генсека. Другой политической опоры у президента не было. Дальнейшие метания, как стало ясно многим, вели к краху партии, Союза ССР, самого Горбачёва», — такой взгляд на отношения партии и ее генсека в 1990 году предложил в своих воспоминаниях видный партийный деятель В. В. Рябов¹. Помощники Горбачёва А. С. Черняев и Г. Х. Шахназаров в то время неоднократно предлагали Горбачёву расколоть ЦК КПСС на «демократическое» меньшинство и «консервативное» большинство. Предполагалось, что Горбачёв в этом случае смог бы возглавить всех «демократов» и потеснить в этой роли Б. Н. Ельцина. Но Горбачёв воспринимал эти советы как политическую авантюру и решиться на этот шаг не мог². Советский лидер понимал, что партия при всех ее недостатках продолжает оставаться фундаментом государственного механизма СССР, а ее раскол, с одной стороны, безусловно усилит дезинтеграционные процессы, а с другой — ослабит влияние Москвы на республики.

Один из самых важных эпизодов последнего съезда в истории КПСС — выход из партии Б. Н. Ельцина. Упорные слухи о возможности выхода Ельцина из КПСС ходили еще до съезда³, однако никто не мог и представить себе, насколько решительно и эффектно Борис Николаевич сделает это, зафиксировав тем самым свой окончательный разрыв с Горбачёвым и его курсом. По словам народного артиста СССР О. В. Басилашвили, бесповоротно разорвав с партией, Ельцин доказал, что он готов всю свою жизнь положить на служение простому народу, и еще раз продемонстрировал свой подлинный демократизм⁴. После оглашения своего заявления о выходе из КПСС Ельцин медленно пошел к выходу из зала. «Традиционный для него спектакль одного

почетным председателем партии, однако получил от него отказ (см.: Премьер перестройки / Беседа Д. Бабиченко с Н. Рыжковым // Итоги. 2010. № 22. С. 33).

¹ Рябов В. В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005. С. 163.

² Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 197.

³ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в 1990–1991 годах — члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁴ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного артиста СССР, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 октября.

актера», — резюмировал народный депутат СССР С. С. Сулакшин¹. «Реакция была многоликой, кто-то аплодировал стоя, раздавались всевозможные выкрики и громкий свист, а когда дверь за Ельциным захлопнулась, по залу пошел ропот», — вспоминал делегат съезда А. С. Дудырев². Если верить воспоминаниям А. В. Коржакова, то Ельцин, бывший в рядах партии около 30 лет, выйдя из ее рядов, испытывал, по его словам, огромное чувство облегчения — как будто бы избавившись от сброшенного с плеч тяжелого груза³. Близкий соратник Ельцина, С. Н. Красавченко, вспоминает, однако, обратное: в день выхода из партии Борис Николаевич сидел у себя в кабинете, схватившись за голову, приговаривая: «Представляете, вся жизнь в партии прошла...» «Было видно, что он очень переживал», — рассказывал автору С. Н. Красавченко⁴. В интервью, которое Ельцин дал еженедельнику «Союз» вскоре после своего выхода из партии, Борис Николаевич подробно рассказал о мотивах своего решения: «Случилось это на XXVIII съезде КПСС, и это был самый тяжелый период. Когда стали выдвигать состав ЦК и в списках появилась моя фамилия, я понял, что настал момент сделать заявление о своем решении, о выходе из КПСС. Атмосфера была сверхнапряженная, пятитысячный зал на две трети был настроен негативно, но не пошел на “улюлюканье”, потому что все было уж очень серьезно. Я говорил, заранее все обдумав, а когда спускался с трибуны, чувствовал, что зал смотрит мне в спину: сяду я на свое место или уйду? Я вышел и считаю, что на этом поставил точку. В тот вечер я был на работе в тяжелом настроении. В десятом часу неожиданно позвонил А. Н. Яковлев, единственный из всего руководства, и спросил: “Как вы себя чувствуете? Держитесь”. Потом заходили и звонили товарищи и друзья, пошли телеграммы... Поддержка была»⁵.

Судя по всему, в вопросе об окончательном разрыве с родной для него партией Борис Николаевич колебался до самого последнего

¹ Сулакшин С. С. Современная российская многопартийность: видимость и сущность. Свидетельство не со стороны. М., 2001. С. 95.

² Дудырев А. С. Технологический институт. Воспоминания ректора. СПб., 2010. С. 266.

³ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, начальника службы охраны Первого Президента России Б. Н. Ельцина. Село Молоково, Московская область. 2021. 8 декабря.

⁴ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР.

⁵ Ельцин Б. Никто не смог меня поставить на колени // Союз. 1990. № 38. С. 9.

момента, но Ельцин не был бы Ельциным, если бы его интуиция не подсказала ему решение о выходе из КПСС в тот самый момент, когда этот шаг мог принести ему наибольшие политические дивиденды. Способность принимать решения и не уклоняться от ответственности за них была едва ли не самой сильной стороной Ельцина как политика; вероятно, как раз этого качества и не доставало Горбачёву. По мнению Горбачёва, сидевшего в президиуме съезда и наблюдавшего за тем, как происходил «картинный выход Ельцина из зала», того эффекта, на который «рассчитывали постановщики этой сцены, не получилось»¹. Думается, что Михаил Сергеевич ошибался, а в оценке упомянутого эпизода проявилась характерная для него недооценка Ельцина как по-настоящему крупной и масштабной политической фигуры.

Итак, по итогам съезда Горбачёв сохранил за собой пост генерального секретаря, но в партийном аппарате продолжало нарастать сопротивление линии перестройки. Горбачёв понимал, что воспринимается многими как «полу-президент, полу-генсек», раздражала его и критика его политики в партийных кругах: «Со Старой площади [Старая площадь, дом 4 — здание ЦК КПСС. — *Авт.*], — вспоминает В. Н. Игнатенко, — Горбачёв приезжал весь какой-то постаревший и пожухлый»². «Горбачёв, пожалуй, был одинок в руководстве партией... Горбачёв еще взял за обыкновение по полдня проводить вне Кремля, уезжал на Политбюро. Он возвращался в Кремль часов в 10 вечера удрученным и порой сознавался: как непросто ему находить общий язык с людьми на Старой площади. Мы понимали, что это та самая минута, когда можно что-то сказать президенту. И говорили: “Михаил Сергеевич, подумайте о том, чтобы покинуть пост генерального секретаря... У Вас столько забот как у президента”. Он задумывался, но обрывал разговор... Как-то он ответил: “Что же вы хотите, чтобы партию превратили в ОМОН?”, — рассказывал в одном из интервью В. Н. Игнатенко³. При этом, по словам Виталия Никитича, «вериги аппарата сильно держали Горбачёва, аппаратная культура ему мешала — для аппарата была характерна закорененность»⁴.

¹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 562.

² Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, в 1990–1991 годах — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 17 октября.

³ Игнатенко В. От Вильнюса до Фороса // 24 часа. 1992. № 18. С. 6.

⁴ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко.

«Горбачёв был страшно одинок. Кто был вокруг? Хитроумный Дзасохов, коварный Шенин, слабоватый Ивашко... Критика в партийных кругах в адрес Горбачёва была повсеместной», — рассказывал автору член ЦК КПСС Н. С. Столяров¹. Безусловно, что в партии у Михаила Сергеевича оставались влиятельные сторонники, среди которых выделялась фигура заместителя генсека Владимира Антоновича Ивашко, считавшего, что Горбачёву на занимаемом им партийном посту нет никакой альтернативы. «Вот у нас есть самоуничтожители партии. Это ужасно. Но они есть. И я вам скажу так, вот эта сейчас пошла волна, она подброшена партийной организации. А в ситуации, когда обыденное состояние возбуждено, возбуждено нехватками продовольствия и т. д., и не нехватками, а тем, что уводят это дело все в сторону, подбрасываются такие идеи: давайте разведем посты Генерального секретаря и Президента. Вот идет такая волна <...> Но ни в одном письме не написано, а кого ж поставим вместо Горбачёва Генеральным секретарем. Я их читаю, не знаю, в каком количестве, но хочу прочесть фамилию. Кого? Вот вопрос не ставится. Неважно кого за этим читать, неважно кого. Важно убрать Президента из нашей партии. А районные партийные конференции, первичные партийные организации шлют резолюции: уберите Горбачёва из партии. Значит, разве ж это можно делать? Президента уберите. Вот в чем вопрос. А с другой стороны, идет <...> Генсека уберите из президентов. Вот себе и все», — рассказывал Ивашко на заседании Секретариата ЦК 27 ноября 1990 года².

В партийном аппарате отношение к генсеку-президенту и его инициативам было непростым: многие в партии не понимали, ради чего произошел отказ от монополии КПСС на власть, что партия приобрела взамен; наконец, правильно ли действует генсек, при котором все пришло в какое-то не всем понятное хаотически-быстрое движение. Неприятие политики Горбачёва кое-кем в аппарате ЦК высказывалось уже в марте 1989 года, после того, как в борьбе за мандат народного депутата СССР потерпел поражение целый ряд влиятельных партийных функционеров. Об этом в своей статье писал отставленный к этому времени уже со всех постов бывший член Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин, отмечавший, что выборы проходили «в условиях ослабленности партии,

¹ Архив автора. Интервью генерала Н. С. Столярова, члена ЦК КПСС. Москва. 2023. 24 мая.

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 77. Л. 116, 118.

под воздействием безудержной критики ее прошлого, да и настоящего»¹. Опытные аппаратчики именно тогда заговорили о том, что ситуация в стране выходит из-под контроля². Понятное дело, что при этом прозрачный намек делался на политическую реформу, затеянную Горбачёвым в 1988 году, да и вообще на малую целесообразность всего перестроечного проекта. Лишившись такого надежного политического союзника как 6-я статья Конституции, аппарат пребывал в растерянности, не зная, как работать в новых условиях и реагируя на политические вызовы с заметным опозданием; о работе, направленной на политическую перспективу, в этой ситуации говорить даже не приходилось — идейный кризис был очевиден. «В 1990 году, до и после отмены шестой статьи, аппарат ЦК практически перестал работать. После XXVIII съезда я не знаю, как они работали. Может быть, российская компартия, учитывая, что она организовалась на новых принципах, и вырабатывала партийные позиции своей деятельности. А аппарат ЦК КПСС, как я уже говорил, оказался совершенно не подготовленным к работе в новых условиях. Он не понимал, что надо делать. Горбачёв тоже отошел в это время от руководства партией, не уделял ей должного внимания. Ивашко тоже не мог повернуть партию в нужное русло и получилось, что аппарат ЦК оказался в очень сложном положении», — комментировал эту ситуацию Н. И. Рыжков³. После отмены 6-й статьи Конституции СССР, заметил секретарь ЦК КПСС, член Политбюро О. С. Шенин, «мы [секретариат ЦК. — *Авт.*] не сращивались с государственными структурами, а наоборот размежевывались... С июля 1990 г. в ЦК не рассматривались вопросы назначения кадров в государственных органах!»⁴

«Обстановка в ЦК была смятенная, тревожная. Горбачёв слишком стремительно взошел на самый верх, этого не понимали, его в аппарате не любили: старики ушли из ЦК глубоко недовольные, молодые не понимали интересы Горбачёва, а он понимал, что партия уже не может быть руководящей и направляющей, искал пути к демократизации,

¹ Гришин В. В. На шестом году перестройки призывают принести людей новые жертвы... / Публ. Д. В. Маслова и В. А. Красавина // Исторический архив. 2014. № 6. С. 79.

² Архив автора. Интервью А. С. Ципко, сотрудника аппарата ЦК КПСС. Москва. 2020. 16 января.

³ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 385–386.

⁴ ЦХДЛСМ. Л-351. Оп. 1. Д. 22. Тезисы ответов О. С. Шенина на вопросы следствия. 1991. 25 октября. Л. 8.

а в партии уже не видел основную свою опору», — рассказывал автору референт Михаила Сергеевича Г. В. Пряхин¹. По самому складу своего характера, Горбачёв не был склонен прислушиваться к критике, критика же со стороны «родной» партии ему и вовсе казалась беспочвенной. На фоне этого конфликта развивалось взаимное отчуждение партии и ее лидера. Горбачёв стал «уходить» от партии, все меньше и меньше веря в трансформацию ее в свою *главную политическую опору, тыл и базу*. С конца 1990 года и партия, в свою очередь, почувствовала, что Горбачёв утратил к ней интерес как к политическому инструменту². Показательным в этой связи выглядит фрагмент из воспоминаний председателя Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко, которому Горбачёв с неожиданной откровенностью признался, что ждет предстоящий апрельский Пленум 1991 года с тревогой, доверительно сообщив, что «мне вообще эти пленумы осточертели»³.

Отметим при этом, что, несмотря на определенное охлаждение к партии, Горбачёв, вплоть до своей отставки с поста Генерального секретаря, предпринимал огромные усилия для обновления КПСС. Если так можно выразиться, то Михаил Сергеевич пытался превратить «роман» с партией в «брак по расчету», считая это выгодным и необходимым для политического самосохранения как себя лично, так и КПСС. Объем работы, выполняемый Горбачёвым, был просто огромным: обычному человеку он был бы просто не под силу. «День Президента начинается до девяти часов утра, а заканчивается около десяти часов вечера. Бывает, что и позже. У него нет ни субботы, ни воскресенья, нет и в обычном понимании перерыва на обед — на это уходит минут 10–15. У Михаила Сергеевича невероятный темп жизни, и он задается всему аппарату. И вообще, знаете, трудно сказать, заканчивает ли Президент работу около десяти вечера. Я видел, когда он собирается домой, прихватывает с собой массу папок с документами, которые он не успел изучить в течение дня. Утром Президент возвращает их со своими решениями, резолюциями», — рассказывал журналистам о режиме дня Горбачёва руководитель его пресс-службы В. Н. Игнатенко⁴.

¹ Архив автора. Интервью Г. В. Пряхина, консультанта Президента СССР, руководителя пресс-службы ЦК КПСС. Москва. 2019. 15 апреля.

² Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 годах члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 декабря.

³ Кравченко Л. П. Как я был телевизионным камикадзе. М., 2016. С. 269.

⁴ Руководитель Пресс-службы Президента // Известия. 1990. 4 сентября.

Центральным вопросом жизни Советского Союза в 1990 году был вопрос о подготовке к подписанию нового Союзного договора. «15 неизвестных и президент» — такое название получила статья известного журналиста В. Т. Третьякова. «Это уравнение с пятнадцатью неизвестными называется СССР. Решить его взялся президент страны с тем же названием. Если взглянуть в конец задачника, где обычно печатаются правильные ответы, то решение ясно — новый союзный договор», — писал В. Третьяков, отмечая, что «все дальнейшие шаги 15 неизвестных на самом деле давно уже известны. И поэтому решение в виде нового союзного договора — это еще не правильный ответ, потому что в политике правильный ответ нужно дать вовремя. Иначе “литовский синдром” окончательно превратится в комплекс политической неполноценности или, хуже того, манию величия. *Не рассчитанный на перспективу союзный договор республики уже не подпишут* [выделено мной. — Авт.]. Поэтому Центру нужно наконец взглянуть дальше, чем сумела маленькая Литва...»¹ В 1990 году аналитическую записку, в которой были обозначены основания, которые могли бы лечь в основу принципов существования обновленного Союза, подготовил крупный ученый академик В. А. Тишков. «Важно определить заново аргументы в пользу сохранения Союза. Старые, преимущественно обращенные в прошлое (победа в войне с фашизмом, вековая история создания Российского государства и т. п.) или эмоциями (“мы еще не жили в настоящей федерации”, “аморально покинуть Союз в тяжелое время”) фактически не работают. В современных условиях сохранение Союза оправдано прежде всего по трем причинам:

- исторические;
- хозяйственные;
- политические.

В сохраняющейся социальной неоднородности мира вопросы безопасности не снимаются и общая оборона нужна. “Балканизация” Союза может привести к “ливанизации” — и превратить целые регионы в очаги гражданских, религиозно-этнических конфликтов... Разумно и тактически верно занять следующую исходную позицию: Центру выгоднее и легче, и он этого искренне желает — передать как можно

¹ Третьяков В. 15 неизвестных и президент // Московские новости. 1990. 5 августа.

больше полномочий республикам или другим составляющим Союза. Основная ответственность за организацию гражданской (не только национально-культурной) жизни от федеральной власти должна быть передана республикам... Центр — это прежде всего высший гарант общегражданских начал, арбитр и модератор, это структура, облегчающая функционирование Союза, это пересечение республиканских связей, средоточие добровольно делегированных полномочий. Центр — это не железный обруч, а скрепляющаяся втулка в колесе республик, позволяющая прикрепить его к быстро движущейся повозке мирового сообщества. Только такая исходная философия (хотя и не самая идеальная с точки зрения мирового опыта и науки) может сейчас быть воспринята. Мы вынуждены учитывать и наследие империи, и негативную часть советского опыта. Пределы свободы в условиях сохранения единства далеко не исчерпаны. Даже если дать уровень суверенитета, как у штатов в США и земель в ФРГ, это будет огромным шагом вперед... Центр должен искать новые источники и рычаги своей целесообразности», — писал В. А. Тишков¹.

К этому моменту существовала острая конфронтация между союзным Центром, во главе с М. С. Горбачёвым, и Россией, во главе с Б. Н. Ельциным. Закрепило сложившийся конфликт, названный сподвижником Ельцина В. Ф. Шумейко «исторической гранью», и сделало эту границу «непреодолимой» принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР². Этот документ в момент его принятия I Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года не воспринимался большинством депутатов как торпеда, пущенная в борт кораблю союзной государственности, однако в практико-политическом смысле она сыграла для судьбы СССР поистине роковую роль, выступив в роли главного катализатора процесса суверенизации и открыв легальную возможность борьбы с союзным центром для других республик³, тем самым спровоцировав грозный «парад суверенитетов» и появление похожих деклараций Узбекистана, Молдавии, Украины, Белоруссии, Молдавии, Туркмении, Армении, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, а еще прежде — Грузии, Латвии и Эстонии. «Декларация о независимости понималась как необходимое средство для начала реформ. Это послужило

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1062. Л. 13–15.

² Шумейко В. Ф. Пельмени по протоколу: Анекдоты из коридоров власти. М., 2001. С. 49–50.

³ Лукьянов А. И. Август 91-го. Был ли заговор. М., 2010. С. 134.

началом развала Союза. Это понимали все депутаты. Перевесило понимание, что дальше так жить нельзя. После объявления итогов голосования о Декларации — все стояли со слезами... Все были одухотворены звучанием слова Россия, которое звучало еще в диковинку», — рассказывал автору народный депутат РСФСР О. В. Басилашвили¹.

Народный депутат РСФСР М. Г. Астафьев, представлявший в то время движение «Демократическая Россия», — один из основных авторов текста Декларации. По словам Михаила Георгиевича, «никто не собирался разваливать Союз. Было желание, чтобы Декларация помогла сдвинуть дело с мертвой точки, позволила начать реформы»². В итоге же, констатировал М. Г. Астафьев, Декларация сыграла роль «торпеды в тело Союза, хотя этого никто тогда и не понимал»³. В свою очередь, известный юрист, народный депутат РСФСР В. Б. Исаков рассказывал автору: «То, что начинается с Декларацией и избранием Ельцина война против Горбачёва, понимали не все. Но вообще никто и близко не подзревал, что начинается война на уничтожение СССР. Никто и близко не думал, что принимая Декларацию, голосуем против Союза»⁴. «Мы шли на Съезд защитить Россию, выступить против ее ущербности. Декларация открыла ящик Пандоры», — признавался автору народный депутат РСФСР В. Н. Хайрюзов⁵. Депутатам не нравились затеянные союзным Центром игры с выравниванием прав автономий и союзных республик — это создавало угрозу целостности РСФСР. «Декларация была не против СССР, а за РСФСР, чтобы она осталась единой. Декларация воспринималась нами как способ сохранить РСФСР как становой хребет страны. Нас сплотило противодействие желанию Горбачёва раскассировать РСФСР», — вспоминал народный депутат РСФСР С. М. Шахрай⁶.

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного депутата РСФСР. Репино. 2022. 3 октября.

² Архив автора. Интервью М. Г. Астафьева, народного депутата РСФСР. Москва. 2022. 11 мая.

³ Архив автора. Интервью М. Г. Астафьева, народного депутата РСФСР. Москва. 2022. 11 мая.

⁴ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

⁵ Архив автора. Интервью В. Н. Хайрюзова, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 28 августа.

⁶ Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля.

«Декларация не воспринималась как принятая в бок Союзу, об этом не думал ни Ельцин, не думал так и никто из его команды. Декларация воспринималась как первый шаг к изменению положения России в Союзе. Россия была прижата Центром», — рассказывал автору влиятельный представитель команды Первого Президента России, народный депутат РСФСР С. Н. Красавченко¹. «Мы шли на них [выборы народных депутатов РСФСР. — *Авт.*] с мыслью о том, что Россию нужно возрождать, что она оказалась обделена в правах и возможностях в рамках союзного государства и что ситуацию следует исправлять. Так родилась Декларация о государственном суверенитете России, которая была принята съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года... Оглядываясь назад, думаю, что если бы российский парламент не форсировал тогда борьбу за суверенитет республики, это дало бы серьезный шанс Советскому Союзу удержаться на ногах, и он бы, скорее всего, сохранился», — рассуждает народный депутат РСФСР С. В. Степашин².

Благими намерениями, как известно... «Увы, стремясь вывести Россию из тупика в противоборстве с союзным Центром, I Съезд народных депутатов России внес свою лепту в развал Союза!» — констатирует народный депутат РСФСР М. Б. Челноков³.

Не видя иного способа остановить распад страны, руководство Союза сделало ставку на попытку скрепления республик в новой форме государственного объединения. Параллельно набирал силу и процесс суверенизации автономных республик, которые заявили о необходимости повышения своего статуса до уровня союзных. Реагируя на эти требования, Ельцин бросил знаменитую фразу о том, что народы РСФСР могут взять «столько самостоятельности, сколько сумеют обеспечить»⁴.

К концу 1990 года декларации о суверенитете приняли все автономные республики, автономные округа и автономные области, входившие в состав РСФСР⁵. Борьба Ельцина с Горбачёвым «за Кремль»

¹ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 10 февраля.

² Степашин С. Спорная декларация // Историк. 2025. № 6 (126). С. 80.

³ Челноков М. Б. Россия без Союза, Россия без России... (Записки депутата расстрелянного Парламента). Изд. 3-е, пер. и доп. М., 2023. С. 63.

⁴ Московские новости. 1990. 19 августа.

⁵ Калашников В. Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 12 августа.

вступила в «горячую» фазу. «Б. Н. Ельцин в ту пору заявлял даже на официальных совещаниях: “Во-от столько прав надо дать Союзу, — и на сантиметр-полтора раздвигал расстояние между большим и указательным пальцами. — Пускай берет то, что мы делегируем”. Ему подражали, заворуженные непривычной строптивостью, дерзостью... Впрочем, безудержный напор, с которым Ельцин добивался суверенитета РСФСР, был вызван не одними личными мотивами. Да. Личная — главная — цель была. Скинута Горбачёва. Но не только это двигало Борисом Николаевичем. Россия, как и остальные республики, находилась в бесправном положении по отношению к Центру. Что не могло устраивать Ельцина, избранного в мае 1990 года председателем Верховного Совета РСФСР. Зависимый статус России (России!) вкупе с накопившимся ожесточением ее лидера против тех, кто в свое время скинул его с властного олимпа, желанием отомстить, эгоизмом, гордыней создавали гремучую смесь. Спешное объявление РСФСР о своем суверенитете стало определенной точкой невозврата. Россия всегда была стеновым хребтом, стержнем СССР. И теперь сломавшийся позвоночник вызвал тотальное обрушение. Бурная суверенизация начала набирать обороты. Узбекистан, Украина, Белоруссия, Казахстан, да что там эти титаны — автономные республики заговорили о суверенитете», — писал Р. Н. Нишанов¹. Вторил Нишанову и Н. И. Рыжков: «Я считаю, что начало разрушения Союза было заложено именно тогда, летом 1990 года. Я не против суверенитета, особенно России. Я считаю, что России надо было дать больше прав, *но нельзя было переступить грань, по которой дальше пошло разрушение* [Выделено мной. — Авт.]»².

По справедливому утверждению петербургского историка В. В. Калашникова, «борьба двух лидеров за власть откликнулась борьбой законов и суверенитетов и во многом способствовала развалу и Союза, и России»³. Но можно ли сводить все лишь к фигуре Ельцина? «Драли Советский Союз на куски все, а не только Ельцин. Каждый первый секретарь республики хотел полный комплект полномочий. Никто не думал ни о каких последствиях, и никто не хотел

¹ Деревья зеленеют до метелей: Рафик Нишанов рассказывает Марине Заваде и Юрию Куликову. М., 2012. С. 322–323.

² РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 176.

³ Калашников В. Право — искусство добра и справедливости // Правда. 1992. 18 ноября.

больше выходить на ковер для отчета перед Горбачёвым», — вспоминал народный депутат РСФСР М. Н. Толстой¹.

Страна рассыпалась, но к чести Президента СССР Горбачёв вплоть до своей отставки неумоимо работал над идеей сохранения единого государства. Почин задала Литва, провозгласившая 11 марта 1990 года себя независимым государством и объявившая о прекращении действия Конституции СССР на территории республики. III съезд народных депутатов СССР, избравший Горбачёва президентом СССР, квалифицировал действия парламента Литвы как незаконные, а принятый акт как недействительный². Центр фактически начал таможенную войну против Литвы, надеясь этим «вразумить» маленькую республику; вместе с тем по-настоящему решительных, силовых мер Горбачёв не предпринимал, ограничиваясь призывами к голосу разума и взаимной выгоды. По словам посла США в СССР Джека Мэтлока, в отношении Литвы, провозгласившей государственную независимость, Горбачёв ограничился «ответными мерами экономического давления», при этом «сделал меньше, чем мог, но больше не захотел...»³ «Литовская опасность» была Центром недооценена: даже либеральный представитель команды Горбачёва, член Политбюро В. А. Медведев, в своем кругу говорил о прибалтах: «Кто им позволит выйти? [из состава СССР. — *Авт.*]»⁴. В ближайшие месяцы «прибалтийская модель» послужила образцом для подражания в других республиках СССР, в той или иной мере она воспроизводилась в них⁵.

По словам Черняева, Литва в ту пору была самой болевой точкой для Горбачёва, в вопросе о необходимости сохранения этой маленькой республики в составе СССР «Горбачёв говорил в унисон с Маслюковым, Лигачёвым, Рыжковым, тем же Воротниковым... Словом,

¹ Архив автора. Интервью М. Н. Толстого, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

² Архив автора. Интервью М. Н. Толстого, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

³ Выступление последнего посла США в СССР Джека Мэтлока // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. 2013. № 11. С. 254.

⁴ Архив автора. Интервью И. П. Смирнова, помощника члена Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведева. Москва. 2025. 15 июля.

⁵ Чешко С. В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализа: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 40.

происходит отрыв от реальности, который грозит тем, что останется один аргумент — танки»¹. Президент СССР отказывался «отпустить» Литву, полагая, что «время еще не созрело»². «Я им [литовцам. — *Авт.*] не могу уступить», — говорил Михаил Сергеевич Г. Х. Шахназаров, обещая их «дожать»³.

К осени 1990 года в президентском окружении появилось ощущение, что власть ускользает из рук Горбачёва; при удивительном равнодушии соотечественников распадался и Советский Союз: амбиции местных партийных лидеров порождали и искусно раздували национализм и сепаратистские течения. Центр запаздывал с решением национального вопроса, из-за начавшегося «национального оползня» почва в буквальном смысле начала уходить из-под ног Горбачёва⁴, к тому моменту центробежным тенденциям, как вспоминал консультант ЦК КПСС по национальным вопросам Э. А. Баграмов, уже не могли помешать «ни ученые речи», ни «бесконечно правильные постановления народных депутатов СССР»⁵. Позднее последний советский лидер признал свою вину, заявив, что «мы опоздали с реакцией на проблемы, связанные с межнациональными отношениями и стремлением республик к большей самостоятельности. Прямо надо сказать — недооценили масштаб и глубину этих проблем. Опоздали с программой реформирования Союза на принципах добровольного объединения суверенных государств. Это дало возможность сепаратистам взять в руки инициативу, привлечь на свою сторону немало людей»⁶.

В то время ключевое для советского общества понятие «советский человек» все в большей и большей степени становилось абстракцией. По словам Д. А. Гранина, «понятие советский человек было объединяющим понятием, достаточно общим и соединяющим людей. До перестройки в национальном вопросе все было достаточно пристойно, русские считались старшим братом и это раздражало республики,

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 845. Дневниковая запись от 3 марта 1990 года.

² Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 348.

³ Там же.

⁴ Грачёв А. С. Гибель советского «Титаника»: Судовой журнал. М., 2015. С. 194.

⁵ Баграмов Э. А. Как делалась национальная политика. Воспоминания консультанта ЦК КПСС // Независимая газета. 1992. 24 января.

⁶ Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 199.

но это было не так существенно. Потому что прибалты жили гораздо лучше, чем Россия, Украина жила лучше, чем Россия, Грузия, Азербайджан, ну и так далее... Они жили лучше. Национализм в 1980-х взорвался, если судить по-житейски, потому что местные вожди были обуреваемы жадой власти, их культ развивался, они усердно пропагандировали свои заслуги... Прежде еще понятие советский народ уравнивало всех, а в 1980-е годы жажда власти цековских лидеров разделила этот народ, ими владела исключительно жажда власти — отвратительное качество, присущее в основном советскому режиму, потому что на Западе сотни лет худо-бедно существовали и демократия, и выборы. Когда же пришла советская власть, то никаких выборов, все навечно, один кандидат — и навсегда»¹.

Власть не успевала реагировать на казавшееся необратимым разрушение страны, естественно, что наибольшая порция критики доставалась главе государства. В те месяцы Г. Х. Шахназаров нередко звонил Черняеву и говорил: «Горбачёв опять опаздывает»: Президент СССР, казалось ему, пребывает в какой-то странной апатии.

Позиция самого Михаила Сергеевича также претерпевала определенные изменения, Горбачёв в общем-то признавал существование новых реалий и исходил из того, что новый Союзный договор должен быть прежде всего выгоден и для Центра, и для республик. Беда в том, что с каждым последующим месяцем именно *выгода пребывания в составе Союза* становилась для последних все менее очевидной. «Начал он в свое время с “ленинского понимания федеративности”, которое-де мы должны восстановить, потом речь пошла об “обновленной федерации”, затем — о конфедерации. Появилась идея “союза суверенных республик” и, наконец, “союз суверенных государств”. Но это тогда, когда некоторые республики уже заявили о намерении выйти из СССР... Горбачёву пришлось уже взывать и уговаривать: не уходите! Хуже вам будет! Но на его аргументы уже переставали обращать внимание, как того, казалось бы, требовало положение президента», — вспоминал А. С. Черняев². При этом Горбачёв и его команда интенсивно работали над проектом Союзного договора — в условиях, с одной стороны, разрастания дезинтеграционных процессов, а с другой — тотального дефицита всего и вся, снижения уровня населения и, как следствие, проклятий в адрес власти.

¹ Архив автора. Интервью Д. А. Гранина, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2014. 30 сентября.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 364.

Иллюстрацией острейшего кризиса, переживаемого советской государственностью, стал Четвертый съезд народных депутатов СССР 17–27 декабря 1990 года, в первые же минуты работы которого состоялось знаменитое выступление Сажи Умалатовой, предложившей внести в повестку съезда вопрос о вотуме недоверия Президенту страны М. С. Горбачёву. «Руководить дальше страной М. С. Горбачёв просто не имеет права. Нельзя требовать от человека больше, чем он может. Развалив страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой... Под аплодисменты Запада М. С. Горбачёв забыл, чей он Президент, и абсолютно не чувствует пульса страны. А авторитет, уважаемый Михаил Сергеевич, должен быть с порога родного дома», — такую оценку деятельности Горбачёва дала в своем выступлении С. З. Умалатова¹. По словам С. З. Умалатовой, в момент выступления ее «просто колотило», она с огромным трудом сумела прорваться к трибуне. Горбачёв был растерян и потрясен, его лицо буквально побелело от напряжения. Умалатова рассказывала автору, что ей никогда до этого не доводилось видеть человека с таким белым лицом, как в тот момент было у Горбачёва². Шок от выступления Умалатовой, испытываемый людьми, входившими в окружение Президента СССР, передают чрезвычайно резкие строки из дневника А. С. Черняева: «Предательство этой суки Умалатовой, чеченки, теперь члена ЦК КПСС, которую Горбачёв сам лично вписал в “красную сотню”, чтобы она попала в народные депутаты. Его выдвиженка, именно она открыла съезд истерикой с трибуны, требуя отставки Горбачёва, который “развалил страну и пустил народ по миру”. “Работа полозковцев”, — заметил по этому поводу М. С. Нам вскоре стало известно, что Лукьянов, председательствовавший на съезде, специально выпустил ее первой, зная, что она предложит»³.

Большинством голосов предложение, внесенное Умалатовой, даже не было поставлено в повестку дня⁴, однако для сторонников Президента, и, безусловно, для самого Горбачёва, было очевидно,

¹ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. М., 1991. С. 12–13.

² Архив автора. Интервью С. З. Умалатовой. Москва. 2023. 1 марта.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 890. Дневниковая запись от 19 декабря 1990.

⁴ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 34.

что выступление имеет совершенно очевидную политическую подоплеку, а Сажи Зайндиновна выступила лишь в качестве выразителя воли гораздо более влиятельных сил. Каких?

К декабрю 1990 г. «правые», как тогда называли ортодоксальных коммунистов и убежденных сторонников сохранения Союза в составе 15 республик, включая Прибалтику, подвергали Горбачёва беспощадной критике; им казалось, что Президент фактически бездействует, попав под дурное влияние «либералов» — А. Н. Яковлева, В. В. Бакатина и Э. А. Шеварднадзе. Незадолго до съезда Горбачёв фактически получил ультиматум, высказанный ему от имени влиятельнейшей депутатской группы «Союз», в состав которой входили такие известные народные избранники, как Ю. В. Блохин, Н. С. Петрушенко, В. И. Алкснис. Политическая программа «Союза» была выражена уже в названии — члены объединения стремились, по словам В. И. Алксниса, «спасти страну, а потом уже разбираться, что в ней строить — капитализм или социализм, а пока — отказаться от “измов”»¹. Именно Алкснис и был создателем «Союза», идея которого зародилась осенью 1989 года в номере гостиницы «Москва», который занимал депутат Е. В. Коган². «Союз» воспринимался как патриотическая и государственническая сила, как своего рода противовес МДГ. Группа единомышленников, составивших организационное ядро «Союза», полагала, что М. С. Горбачёв не справляется со своими обязанностями Президента СССР и сделала ставку на Н. И. Рыжкова как возможного преемника Горбачёва. Через доверенных лиц Рыжкову было сделано предложение о его выдвижении на Четвертом съезде народных депутатов СССР, однако, Николай Иванович, преданный Горбачёву и связанный с ним узами личной дружбы, категорически отказался даже рассматривать этот вопрос³. Негласным куратором «Союза» от власти был О. Д. Бакланов⁴. Депутатская группа «Союз» насчитывала порядка 400 депутатов и представляла собой внушительную политическую силу. Отношение к Горбачёву у лидеров группы было противоречивым: предельно резкую критику

¹ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

² Алкснис В. И. Депутатская группа «Союз» и отставка Шеварднадзе, 1990. Из неопубликованных воспоминаний «черного полковника» // Русский сборник. XIX. М., 2016. С. 584.

³ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

⁴ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса; Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко.

в адрес Президента СССР позволял себе, по его признанию, лишь сам В. И. Алкснис, а также Н. С. Петрушенко и Е. В. Коган; Ю. В. Блохин был гораздо осторожнее и умереннее¹. В определенный момент «Союз» стал притчей во языцех, воспринимаясь как собрание «черных полковников» и партия военного переворота не только Горбачёвым и его окружением, но и всем демократическим лагерем.

Выходец из Риги, Алкснис постоянно сталкивался с деятельностью местных националистов; по мнению Виктора Имантовича, власть бездействовала, фактически закрывая глаза на возникновение на окраинах государства «горячих точек». В присущей ему эмоциональной манере Алкснис пытался донести до Президента СССР свою точку зрения: власть незамедлительно должна твердо и решительно обозначить свою позицию, иначе страна может оказаться перед угрозой распада; если власть будет по-прежнему индифферентна к хаосу, происходящему на территории республик, она будет сметена с политической сцены сторонниками «сильной руки». «Ситуация меняется каждый день. Мы постоянно отстаем от событий, которые происходят в стране. Вчера состоялась встреча Президента СССР с депутатами-военнослужащими. К сожалению, средства массовой информации не дадут вам объективной информации об этой встрече. Произошла страшная вещь — вчера Президент СССР остался без Вооруженных Сил. Если до этого шла речь о том, что консервативный генералитет выступает против политики перестройки, то вчера произошло следующее: состоялся диалог “слепого с глухим”. Президент ничего не сумел ответить представителям армии. Лично для меня это была страшная картина, и поэтому еще раз хочу сказать, что сложившаяся ситуация, в том числе и в Вооруженных Силах, непредсказуема. Народ пугают угрозами военного переворота. Могут сказать, что армия не пойдет против своего народа, но армия сейчас доведена до предела националистами в Эстонии, Грузии, на Украине. Когда издеваются над офицером, когда лишают прав его детей, люди вынуждены будут защищать своих детей. Если мы сейчас не примем определенные меры, то люди выйдут на улицы с оружием. И это будет отнюдь не военный переворот — люди будут защищать свои человеческие права. Хочу, чтобы вы поняли это правильно», — заявлял В. И. Алкснис, выступая в Верховном Совете СССР 14 ноября 1990 года² Еще бо-

¹ Алкснис В. И. Депутатская группа «Союз» и отставка Шеварднадзе, 1990. С. 587.

² Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть VIII. М., 1991. С. 11.

лее определенно Алкснис высказался через три дня, 17 ноября 1990 года, обращаясь к самому Горбачёву: «Михаил Сергеевич, да, у нас с Вами был конфликт. Но могу Вам сказать, что лично я, мои избиратели, армия поддерживают любые Ваши действия, направленные на сохранение Союза, на укрепление нашей государственной власти, на спасение страны. Я буду максимально содействовать всему этому. Но одновременно скажу следующее: кредит доверия к Вам исчерпан. У Вас осталось 30 дней: если к четвертому Съезду народных депутатов СССР не будет коренного перелома в положении дел, то, очевидно, будет решаться вопрос персонально о Вас. Прошу понять, что это не угроза. Необходимо, чтобы Вы осознавали: мы все несем такую же ответственность за страну, как и Вы. Мы тоже переживаем за нашу страну, и нам необходимо тоже принимать определенные меры»¹. По сути своей, Алкснис выдвинул ультиматум Горбачёву. Именно так это обращение к Президенту страны — как «ультиматум в мягкой форме» — расценивалось и самим Виктором Имановичем, и его товарищами по «Союзу»².

Резкая атака на Горбачёва была спровоцирована крайне неудачным выступлением Президента СССР на заседании Верховного Совета с докладом о положении в стране 16 ноября 1990 года. Значительной части членов Верховного Совета СССР доклад Горбачёва показался неудачным и бессодержательным. «Ничего нового, конструктивного, в докладе Президента не было. Такое ощущение, что Президент находился в долгой эмиграции, долго отсутствовал в Советском Союзе, был в политической ссылке, а сейчас вернулся и говорит о том, чего не сделали мы — все сидящие в зале, и в том числе Правительство Советского Союза», — такое заявление по поводу выступления Горбачёва позволил себе член Верховного Совета Г. С. Игитян³. В докладе Горбачёва, по мнению члена Верховного Совета Ю. В. Блохина, не содержалось упоминания о «конкретных, чрезвычайных мерах, которые должны выводить страну из кризиса»⁴.

¹ Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть VIII. М., 1991. С. 166.

² Архив автора. Интервью В. И. Алксниса; Архив автора. Интервью Ю. В. Блохина; Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко.

³ Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть VIII. М., 1991. С. 50.

⁴ Там же. С. 53.

Слабым выступлением Президента страны не замедлил воспользоваться главный оппонент Горбачёва Борис Николаевич Ельцин. «Экономический, политический кризис в стране достигает наивысшей остроты, терпение народа на пределе, все мы с вами убедились в этом, побывав на местах. В любой момент может произойти просто срыв. Задуманные реформы фактически остановлены, более того, наметился откат назад. Хочу заверить, что причины такого положения не в каких-то личных отношениях отдельных руководителей, тех или иных политиков, в том числе Горбачёва и Ельцина, не в какой-то особой позиции России или отдельных республик, причины гораздо глубже. По сути дела, мы имеем кризис тоталитарного строя, который до сих пор существует в нашей стране, и он должен все-таки сдать свои позиции. Сегодня острейшим его проявлением является кризис, а точнее, паралич власти, прежде всего власти старого центра, и одновременного его стремления любой ценой сохраниться, не дать возможности республикам (России в том числе) заниматься своими делами самостоятельно. Центр в прежнем своем виде явно стал дестабилизирующим, даже тормозящим фактором, он пытается сохранить унитарный характер Союза и бюрократических структур, чего республики, думаю, не допустят и Россия тоже. Сегодня можно сказать однозначно, что для старого центра неприемлем главный принцип суверенитета — делегирование республиками центру части строго определенных функций. Делается обратное: под разговор о расширении прав суверенных республик осуществляется концентрация максимальной власти. И не надо терять время, воевать с ней — надо просто уважать народ суверенных республик или государств. Если есть сомнения, мы можем быстро организовать референдум — мнение народа будет тогда определенное и ясное. Центр, по сути, сползает к перманентной конфронтации со многими республиками, причем конфронтация (по мере борьбы за реальный суверенитет республик) нарастает. Особенно это проявляется во взаимоотношениях с Россией. Поэтому развал старого центра объективен и исторически неизбежен. Преступно держаться за систему, при которой катастрофически падает уровень жизни людей. Центр неоднороден, и наиболее консервативная и оторванная от жизни его часть — это союзное правительство. Особенность сегодняшней ситуации в том, что оно перешло в наступление, перешло за ту черту, которую нельзя переступать. Исполнительная власть выходит из-под контроля союзного парламента и, более того, Президента страны... Чрезвычайная обстановка, сложившаяся в последние дни,

требует принятия срочных мер. Не надо видеть в этом борьбу за власть ради власти. Нужно создать условия, в которых все республики могли бы реализовать интересы своих народов, решить их проблемы. Именно для этого нам нужен полнокровный суверенитет. Обвал старого центра, который уже идет, может сильно задеть союзные республики, поэтому нужно, чтобы процесс не пошел как неуправляемая цепная реакция. Нельзя выпускать его из-под контроля. Важно в максимально сжатые сроки провести глубокую реконструкцию центра...»¹

Группа «Союз» в течение какого-то времени добивалась встречи с Президентом в Кремле. Наконец, она состоялась 2 ноября 1990 года. «Союз» был представлен группой из семи депутатов, в том числе В. И. Алкснис, Н. С. Петрушенко, Е. В. Коган. На прошедшей в Кремле встрече с Горбачёвым, Лукьяновым и Рыжковым В. И. Алкснис, по его собственному признанию, сорвался на крик, требуя от Президента, незамедлительных мер по восстановлению конституционного порядка на территории союзных республик. Кроме того, члены группы «Союз» потребовали от Горбачёва «головы» В. В. Бакатина и Э. А. Шеварднадзе. Как вспоминал Е. В. Коган, «разговор был довольно жесткий. Михаилу Сергеевичу мы заявили, что, если он не будет принимать решительных мер, мы будем считать это достаточным основанием для того, чтобы поставить на съезде вопрос “О доверии к Президенту”»². По словам Алксниса, «Горбачёв боялся, что на съезде будет поставлен вопрос об отставке» и был готов идти на уступки³. «На самом деликатном языке как подобное назвать, если не давлением, не шантажом, не предложением сделки главе государства и главе правительства? В частных встречах подобные беседы принято либо прекращать в самом начале, либо указывать визитерам на дверь. Понимаю, что с народными депутатами СССР так не поступишь», — возмущался обозреватель «Огонька» Г. Рожнов⁴.

Выступление Умалатовой, совершившееся, по словам Алксниса, слишком поспешно, смешало «Союзу» все карты, превратив угрозу импичмента Горбачёву из вполне реальной опасности — в что-то комичное и не слишком серьезное. По мнению Виктора Имантовича, С. З. Умалатова фактически «заслонила» Горбачёва от удара «Союза»,

¹ Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть VIII. М., 1991. С. 61–62.

² Рожнов Г. Диктат // Огонек. 1991. № 2. С. 1–2.

³ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

⁴ Рожнов Г. Диктат. С. 2.

спасая его от потенциальной отставки¹. Об этом же В. И. Алкснис рассказывал и петербургскому историку А. В. Островскому². В депутатском корпусе сразу же появилось ощущение, что выступление Умалатовой — не ее инициатива и ее кто-то ведет³; депутатам казалось, что за Сажи Зайндиновной проглядывается могущественный политический тяжеловес — Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов⁴. Народный депутат СССР С. С. Сулакшин в беседе с автором этих строк с уверенностью заявлял, что «Умалатова выступала сама, это был ее жертвенный акт, Лукьянов ее не науськивал...»⁵ В своих воспоминаниях С. З. Умалатова подчеркнула, что ее требование об уходе Горбачёва понималось ею как «долг перед Отечеством и народом», а Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов как раз-таки просил ее не выступать с предложением об отставке Горбачёва: «Если мы сейчас уберем Горбачёва, придет к власти Ельцин», — заявлял Анатолий Иванович⁶.

Желая успокоить оппозицию, за две недели до съезда Горбачёв решился на поспешное расставание с В. В. Бакатиным, одним из наиболее ярких представителей либеральной части президентской команды. «О том, что работать мне осталось недолго, я догадывался. Был на этот счет разговор с Горбачёвым, и не один. Ох, не хочется мне все это снова ворошить, дурной у меня характер, раз все-таки отвечаю. Я сам, первый пошел к Горбачёву — говорю, что-то нависает надо мной, стягивается вокруг меня, ощущение, что я в пустоте. Надо что-то делать! Он коротко, спокойно: работай. В конце ноября Горбачёв меня вызвал, говорит: я принял решение. Тебя нужно освободить. Я ответил: Михаил Сергеевич, это ошибка. Вот и весь разговор. Но я никогда не думал, что это будет так скоро, почти мгновенно», — такой рассказ

¹ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

² *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 502.

³ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко, народного депутата СССР; Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР.

⁴ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко; *Калмыков Ю. Х.* Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 39.

⁵ Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, народного депутата СССР. Москва. 2020. 21 октября.

⁶ *Умалатова С. З.* Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 6, 8–9.

экс-министра об отставке поместил на своих страницах «Огонек»¹. В. В. Бакатин вспоминал: «Горбачёв продолжал метаться между либералами, которые обвиняли его в половинчатости, и партийцами, призывавшими его остановить развал социализма. Перелом произошел в ноябре 1990 года. Его тогда вынудили выступить с отчетом на Верховном совете. Отчет не был принят, и на следующий день он выступал уже с короткой речью. А ночью он советовался с товарищами из Политбюро. Фактически, как мне рассказывали, ему предъявили ультиматум. Одним из пунктов которого было укрепление руководства МВД. Некоторое время я еще поработал, а потом Горбачёв переместил меня в Совет безопасности»².

Место В. В. Бакатина занял Б. К. Пуго, в августе 1991 года примкнувший к выступлению ГКЧП и добровольно ушедший из жизни после его поражения. А вот Э. А. Шеварднадзе ушел в отставку сам, заявив на съезде, что его решение является «протестом против наступления диктатуры»³. Ссылаясь на нападки в его адрес «ребят» — полковников Алксниса и Петрушенко, Шеварднадзе констатировал, что «товарищи демократы в самом широком смысле этого слова разбежались, реформаторы ушли в кусты. Наступает диктатура, заявляю со всей ответственностью. Никто не знает, какая это будет диктатура и какой диктатор придет, какие будут порядки. Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку. Пусть это будет, если хотите, моим протестом против наступления диктатуры. Выражаю глубокую благодарность М. С. Горбачёву. Я его друг и единомышленник. Я всегда поддерживал и буду до конца моих дней поддерживать идеи перестройки, идеи обновления, идеи демократизации. Мы сделали великие дела на международной арене, но считаю, что это мой долг как человека, как гражданина, как коммуниста. Я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. Я все же верю, что диктатура не пройдет, что будущее за демократией и свободой»⁴. В своих воспоминаниях Шеварднадзе подчеркнул, что он имел

¹ Реакция отторжения. (Беседа Г. Рожнова с В. Бакатиным) // Огонек. 1991. № 8. С. 6.

² Бакатин В. Спецслужбы любят раздувать щеки... // Коммерсантъ-власть. 2001. 4 декабря. С. 46.

³ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 410.

⁴ Там же. С. 409–410.

информацию о готовящемся правом перевороте и задумал свое выступление «как удар грома. Как сигнал тревоги»¹.

Выступления таких уважаемых депутатов, как академик Д. С. Лихачёв и Ф. М. Бурлацкий, просивших Шеварднадзе изменить его решение и вернуться к исполнению своих обязанностей², результата не принесли. Часть депутатов приняла отставку Шеварднадзе как реакцию Эдуарда Амвросиевича на острую критику в его адрес со стороны В. И. Алксниса и Н. С. Петрушенко. Так, известный писатель А. М. Адамович просил Шеварднадзе не обращать внимание на «тучи подонков», клеветующих на его деятельность³. При этом, по свидетельству А. С. Черняева, в ответ на стенания демократической части съезда по поводу угрозы диктатуры Алкснис и Петрушенко, напротив, «подливали масла в огонь»⁴. Алкснис, блестящий оратор, парировал критику в свой адрес: «Мы часто задаем себе вопрос: кто есть левые, кто есть правые? Сегодня появилось определение “реакционеры”, прозвучало даже — “подонки”. Ну что ж, перед вами стоит “реакционер”, перед вами стоит “подонки” — я принимаю эти обвинения. Да, когда грудного ребенка бросают в огонь горящего дома, я реакционер. Я “ястреб”, когда беременную женщину выбрасывают с девятого этажа дома, я “ястреб”, когда со старика живьем сдирают кожу, — я “ястреб”⁵. Вторил своему соратнику Н. С. Петрушенко: «Я согласен с Э. А. Шеварднадзе только в одном. Да, угроза диктатуры есть — угроза диктатуры Тбилиси над Осетией и Абхазией; Кишинева — над Приднестровьем и Комратом; Вильнюса, Таллинна и Риги — над русскоязычным населением и инакомыслящими в прибалтийском регионе...»⁶

Шеварднадзе покинул зал. Его решение было совершенно неожиданно для Президента СССР, Горбачёв был попросту шокирован. Спустя годы он вспоминал, что «демонстративное заявление

¹ Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 192–193.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 440–441.

³ Там же. С. 443.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход. С. 891. Дневниковая запись от 21 декабря 1990 года.

⁵ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 445.

⁶ Там же. С. 451.

Шеварднадзе об отставке, сделанное без какого-либо предварительного разговора со мной, ошеломило всех»¹. Выступая сразу после заявления, сделанного Эдуардом Амвросиевичем, Президент СССР признался, что «для меня явилось неожиданностью заявление Эдуарда Амвросиевича об отставке. Это меня, откровенно говоря, больше всего задевает...»² Та форма, в которой состоялась отставка Шеварднадзе, была неожиданной и для Алксниса. «Я знал, что он должен уйти, но не ожидал, что это произойдет так скоро», — вспоминал В. И. Алкснис³. В одном из интервью Э. А. Шеварднадзе признался, что отношения с Горбачёвым у него были «товарищескими и доверительными, пока году в 1988-м я не почувствовал: Горбачёв не то что ревнует, но потихоньку отодвигает меня в сторонку. Может, ему не нравилось, что я напрямую общался с мировыми лидерами, пользовался авторитетом внутри страны. Не знаю...»⁴ При этом Шеварднадзе подчеркнул, что решение он принял не спонтанно — «все к тому шло»⁵. Кроме того, Шеварднадзе намекнул, что Горбачёву было известно о готовящейся отставке своего министра иностранных дел, а его удивление, высказанное им на трибуне съезда, было попросту актерской игрой⁶. В упомянутом интервью Шеварднадзе объяснил мотивы своего поступка: «Обстановка вокруг меня продолжала нагнетаться, пока я не почувствовал: дальше молчать и терпеть нельзя. Если министра иностранных дел не хотят услышать, надо уходить. Об отставке решил объявить на IV съезде народных депутатов СССР, проходившем в Кремле и транслировавшемся на всю страну»⁷. В первой версии своих воспоминаний, рукопись которых была подготовлена спустя 8 месяцев после отставки, Шеварднадзе писал: «Платон мне друг, но истина дороже». А она состоит в том, что я не покинул друга, точнее — не я покинул его. Скажу больше:

¹ Горбачёв М. С. Понять перестройку. Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 285.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 453.

³ Алкснис В. И. Депутатская группа «Союз» и отставка Шеварднадзе, 1990... С. 595–596.

⁴ Белый лис / Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе // Итоги. 2011. № 7. С. 26.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Белый лис / Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе // Итоги. 2011. № 7. С. 27.

своей отставкой я хотел помочь ему спасти дело. Другой вопрос, как мы распоряжаемся выпадающим на нашу долю шансом...»¹

Выдающийся советский и российский дипломат А. М. Белоногов, занимавший в 1990–1991 годах пост заместителя министра иностранных дел СССР, рассказывал автору: «Президент Горбачёв очень много сделал для того, чтобы Шеварднадзе ушел в отставку. Горбачёв никогда не заступался за Шеварднадзе, шишки падали на его голову — Эдуард Амвросиевич отдувался за внешнюю политику в Верховном Совете и перед съездом. Горбачёв сталкивал буквально лбами — Примакова и Шеварднадзе, отправляя частенько Евгения Максимовича за границу в качестве своего эмиссара по международным делам. Это не нравилось Шеварднадзе: он думал, что Примаков его подсиживает, подобная ситуация стоила Шеварднадзе больших нервов. Решение об уходе в отставку Шеварднадзе принял единолично, ни с кем не советовался. Замы не знали, он сообщил об отставке только двум своим помощникам. Мотивы для отставки у него были, Шеварднадзе все тщательно взвесил. Он никогда не поступал скоропалительно»².

«Мне казалось, — рассказывал Э. А. Шеварднадзе в интервью корреспонденту “Независимой газеты” А. В. Караулову, — что своим заявлением об отставке я сильно помог Горбачёву. Другой вопрос, согласовал там... или не согласовывал. Но какая сейчас разница? Не согласовал, потому что Горбачёв бы не согласился, я знаю... Но я был глубоко убежден, что делаю шаг в пользу перестройки. И если он инициатор перестройки, настоящий демократ и действительно реформатор (а он начинал как реформатор), тогда... Но мне кажется, Михаил Сергеевич плохо принял отставку...»³ В своих воспоминаниях, посвященных внешней политике перестройки, Горбачёв так прокомментировал этот сюжет: «Темперамент у него [Э. А. Шеварднадзе. — *Авт.*] был, конечно, кавказский, хотя он всегда стремился сохранять самообладание. Но иногда взрывался, приходил ко мне и заявлял: “Больше с ними не могу”... На одном из крутых поворотов перестройки с ним случился срыв, что привело к его отставке. Я был против этого, очень жалел, что он не выдержал»⁴.

¹ *Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 328.*

² Архив автора. Интервью А. М. Белоногова. Москва. 2020. 14 января.

³ *Караулов А. В. Вокруг Кремля. Т. 2. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1993. С. 358.*

⁴ *Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 24.*

На наш взгляд, до сих пор остается неясным, что же было пер-вопричиной отставки Шеварднадзе и что же скрывается за его выступлением, на что указывал в своей объемной книге и известный петербургский историк А. В. Островский¹. Недоумение немалой части депутатского корпуса выразил Р. А. Медведев: «Я внимательно слушал, что он говорил о критике в свой адрес. Но должен сказать, что среди всех государственных деятелей, которые составляют “ко-стяк” нашей правящей группы, товарищ Шеварднадзе до сих пор меньше всего подвергался критике. И если каждый, кто сидит за столом президиума или в правительстве, будет поступать так легко с отставками, то тогда Н. И. Рыжков давно должен был повеситься, Б. Н. Ельцин — застрелиться. А какую смерть избрал бы для себя М. С. Горбачёв, я даже и придумать не могу. Вопрос этот настолько важен, что мотивы, которые изложил нам Э. А. Шеварднадзе, кажутся мне микроскопическими по сравнению с тем громадным вредом, который он своим заявлением нанес и нашей внешней политике, и перестройке, и Президенту. Как можно доверить внешнюю политику такого государства, как наше, человеку, который проявил слабость в столь ответственный момент?»² «Мы так и не знаем до сих пор, какую диктатуру он [Э. А. Шеварднадзе. — *Авт.*] имел в виду», — констатировал И. Д. Лаптев³. Как бы то ни было, но отставка Шеварднадзе свидетельствовала о глубоком кризисе, сложившемся в президентской команде, которая вовсе не была каким-то единым и монолитным целым. В поисках опоры оглядывался вокруг и Горбачёв, понимая, что количество противников его линии увеличивается месяц от месяца; их настроение выразил в своем выступлении на съезде все тот же В. И. Алкснис. «17 ноября [1990 года], выступая на сессии Верховного Совета СССР, я сказал о тридцати днях. Я верил в то, что Президент имеет программу выхода из кризиса и нам ее предложит. Но сегодня, к сожалению (и в этом наша трагедия, трагедия Съезда, общая трагедия страны), у *Президента программы выхода из кризиса нет* [выделено мной. — *Авт.*]. На нас всех лежит историческая ответственность за судьбу этой огромной

¹ Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 503.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 451–452.

³ Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 194.

страны. Каждый из нас, сидящий в этом зале, отвечает за страну. Надо что-то делать...»¹

Развивая свое выступление на сессии Верховного Совета, крайне резко на съезде выступил и Б. Н. Ельцин: «Со времени прошлого Съезда обстановка в стране резко ухудшилась. Речь идет о принципиально новом качестве кризиса, когда определяющей стала тенденция разложения и распада. И это итог не только последних полутора лет. Эти процессы вырвались из-под контроля. Иногда кажется, что их невозможно удержать и катастрофа неминуема... Нужно откровенно признать: союзное руководство сегодня не имеет четкого политического курса на обновление страны. Внешние его действия носят характер импровизации, нереагирования на возникающие обстоятельства, бесконечного лавирования. Но за ними жесткая политическая логика, направленная на срыв суверенитетов республик, на саботаж радикальных реформ. В результате мы имеем сегодня союзный центр “народного недоверия”. Так называемая революция сверху закончилась. Кремль перестал быть инициатором обновления страны и активным проводником нового. Процессы обновления, заблокированные на уровне центра, переместились в республики... Серьезность намерений республик была продемонстрирована принятием деклараций о суверенитете. Эти во всех отношениях конституционные действия встретили бешеное сопротивление. Мы хорошо почувствовали это в России, где позиции центра традиционно были самыми мощными... В последнее время в позиции центра возникли новые существенные моменты. Союзное руководство осуществляет значительную перегруппировку сил с тем, чтобы любой ценой удержать свои прежние позиции неограниченного хозяина всех республик. Перегруппировка сил в центре идет по нескольким направлениям. Первое. Неограниченными полномочиями наделяется Президент страны. Уже сегодня предполагаемый масштаб полномочий Президента не имеет себе равных в советской истории. Такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев. Крайне опасно то, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии конкретного человека. Фактически центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима, что может привести

¹ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 126.

в конечном счете к конституционной оправданности любого произвола. Второе. Игнорируя декларации о суверенитете, союзное руководство приступило к реанимации командно-бюрократической вертикали сверху донизу, но только в более жестких формах, чем прежде. Усиливается неприкрытое вмешательство в дела союзных республик, в сферу их компетенции с опорой при этом на консервативные силы. Третье. В недостойные политические игры пытаются втянуть армию, органы КГБ и МВД. Четвертое. Реанимируется деятельность партийно-аппаратной структуры. Убежден, что путь, избранный союзным руководством, ведет в тупик. Ужесточение позиций центра по отношению к республикам будет стимулировать только отрицательную ответную реакцию. Кнут уже перестал быть реальным фактором во внутренней политике, а Союз уже, кажется, потерял в результате такой политики давления минимум шесть республик. Объективные процессы невозможно остановить силой. Недопустимо игнорировать реальности, ставшие всем очевидными, кроме тех, кто хочет сохранить систему. Можно обсуждать проблему усиления центра, если у него есть хоть какие-нибудь конструктивные предложения, кроме сверхцентрализации. Но их просто нет ни у Президента, ни у правительства... Как Председатель Верховного Совета РСФСР хочу заявить: Россия не согласится с восстановлением диктата Кремля, который к тому же не имеет реального курса возрождения страны. В сегодняшней обстановке выход из кризиса возможен только на основе честного и равноправного диалога между центром и республиками. В этом не развал Союза, а, наоборот, его единственный путь, его спасение... Время команд из Кремля прошло. Республики уже не боятся грозных окриков. И никакой указ (даже самый жесткий) не будет действовать, если для его выполнения нужно приносить в жертву интересы республики. Но если эти интересы сходятся, результаты проявятся незамедлительно. Второй внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР принял целую систему мер, особенно по продовольственной программе, о реформе земли и так далее. И другим республикам есть что предложить своим народам, многие из них (Казахстан, Узбекистан) уже начали крупные преобразования, о чем говорили на Съезде президенты этих республик. Главное теперь не мешать, не ревновать, не блокировать инициативу, а помогать. Только на такой основе можно сегодня стабилизировать обстановку, выйти из кризиса и построить новый

Союз суверенных государств»¹. Речь смутьяна Ельцина традиционно лояльный, как считалось, по отношению к Горбачёву съезд встретил громкими аплодисментами.

Политическая подоплека этого выступления была очевидна: по сути своей, Ельцин обращался именно к Горбачёву, а ни к кому иному, уведомляя Михаила Сергеевича о том, что единственный шанс союзного Президента заключается в принятии подавляющего большинства условий республик; в противном случае союзные республики оставляют за собой право на принятие самостоятельных решений. Подобные предложения выглядели для Горбачёва как приглашение к капитуляции, что, естественно, было неприемлемо для Президента СССР. В выступлении Ельцина содержалась и неприкрытая насмешка над Горбачёвым: Борис Николаевич зафиксировал свое внимание на парадоксальном, но очевидном для всех моменте: чем больше союзный Президент принимал на себя властных полномочий, тем быстрее сокращалась его *реальная власть* над страной, тем уязвимее становились позиции союзного Центра, тем быстрее падала популярность Горбачёва, а Ельцин и другие лидеры республик, напротив, становились все популярнее и авторитетнее, и именно в их руки перетекал тот объем власти, которого лишился глава СССР.

В этой ситуации Горбачёв сделал попытку изменить свой курс, ориентируясь на поддержку правого крыла. Возможно, именно так можно расценивать и трагическое по своим последствиям выдвижение Г. И. Янаева на пост вице-президента СССР. Янаев не выглядел как политический тяжеловес, Геннадий Иванович и сам достаточно скромно оценивал свой потенциал как руководителя высокого ранга. Однако Горбачёв остановил выбор именно на нем. «Что это ошибка, было ясно многим уже тогда», — вспоминал один из ближайших сотрудников Горбачёва В. А. Медведев². От более сильных в политическом отношении фигур, кандидатуры которых на этот пост рассматривались Горбачёвым — А. С. Дзасохова, Н. А. Назарбаева, Е. М. Примакова, — Михаил Сергеевич отказался, решив выдвинуть именно Г. И. Янаева³. «Янаев, возможно, будет Вам помогать, но он не прибавит Вам политического капитала. Весьма широка поддержка и у Дзасохова», — такие

¹ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 294–298.

² Медведев В. А. В команде Горбачёва. М., 1994. С. 169.

³ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова.

аргументы приводил Горбачёву В. А. Медведев¹. В. А. Медведев предложил и кандидатуру совсем неожиданную: «Предложите Ельцина. Потерь для Вас в любом случае не будет. Согласится — хорошо, не согласится — тоже будет какая-то ясность»².

Горбачёв не принял доводы своих советников, сделав ставку именно на Янаева, по-видимому, посчитав необходимым опереться на фигуру заведомо более слабую, чем он сам. Мысль об утверждении поста вице-президента пришла в голову Горбачёву, исходя из его непомерной загруженности на посту Президента СССР. «Горбачёв думал, — рассказывал автору пресс-секретарь Президента СССР В. Н. Игнатенко, — что вице-президент разгрузит главу государства и будет заниматься “вермишельными вопросами”. У Янаева тогда была нормальная репутация, хотя он был политик меньшего масштаба, чем Горбачёв. Вице-президент понимался Михаилом Сергеевичем как своего рода полупроводник между ЦК и Президентом»³. Несмотря на активную поддержку Горбачёвым его кандидатуры, Янаев был избран вице-президентом СССР лишь при повторном голосовании, в последний день работы съезда⁴. Решение это было в известной степени роковым для Президента СССР: вряд ли можно представить ситуацию, при которой Дзасохов, Назарбаев или Примаков смогли бы пойти на предательство Горбачёва, подобно тому, как это сделал Янаев в августе 1991 года. В достаточно характерной для него манере Михаил Сергеевич не посоветовался и с самим Янаевым, уведомив его о предстоящем избрании лишь накануне заседания съезда. «Буквально накануне заседания меня вызвал Горбачёв: “Я решил рекомендовать тебя вице-президентом”. Я говорю: “Михаил Сергеевич, ну хоть обдумать нужно это, посоветоваться”. А он: “С кем тебе советоваться надо? С партией тебе советоваться? Партия тебя рекомендует”. Политбюро, наверное, собиралось. Но без меня», — рассказывал Г. И. Янаев⁵. В своей последней крупной статье М. С. Горбачёв признал выдвижение Г. И. Янаева на пост

¹ Медведев В. А. В команде Горбачёва... С. 170.

² Там же.

³ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, пресс-секретаря Президента СССР в 1990–1991 гг.

⁴ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 3. С. 269.

⁵ Журналист. 2001. № 7. С. 19.

вице-президентом «грубым просчётом» с его стороны, оговорив, что «тогда далеко не все было очевидно»¹.

В последние дни 1990 года пережил тяжелый инфаркт глава советского правительства Николай Иванович Рыжков — пожалуй, наиболее критикуемый в то время соратник Горбачёва. «Пора наконец Н. И. Рыжкову, вспомнив долг чести, уйти в отставку», — с таким призывом к Рыжкову обращался на Четвертом съезде народный депутат СССР А. М. Оболенский². Сейчас Александр Митрофанович признает, что погорячился, а его критика в адрес Рыжкова была «напрасной и необоснованной»³. Рыжков и сам собирался уйти в отставку после съезда, о чем заблаговременно уведомил Президента СССР. Горбачёв воспринял, по словам Н. И. Рыжкова, это решение своего премьера с облегчением⁴, но выполнить свое намерение Рыжков не успел — 25 декабря 1990 года, ровно за год до отставки Горбачёва, Николай Иванович попал в больницу с инфарктом.

После этого соотношение сил в советском государстве изменилось не в пользу союзного президента, с трудом удерживавшего до того времени шаткое политическое равновесие: по сути, во второй половине 1990 г. в СССР сложился неформальный властный триумвират: Горбачёв — Рыжков — Ельцин⁵. Пока он сохранялся, государство кое-как, но держалось. «Я в этой конструкции оказался, что называется, третьим лишним. Силы, которые стояли за Ельциным, обрушили весь удар на меня, оставляя Горбачёва на сладкое», — вспоминал Николай Иванович⁶. И действительно: Рыжков в это время подвергался ожесточенным нападкам демократического лагеря, главу правительства представляли в образе консерватора и ретрограда, умышленно тормозившего переход к столь необходимой для советской экономики реформе. «Я был против шоковых методов перехода к рынку. И эта моя позиция была неугодна многим», — констатировал Н. И. Рыжков⁷. Представители

¹ Горбачёв М. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 34.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 305.

³ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского. Санкт-Петербург. 2022. 6 декабря.

⁴ Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 27.

⁵ Архив автора. Интервью Н. И. Рыжкова. Москва. 2022. 23 ноября.

⁶ Премьер перестройки / Беседа Д. Бабиченко с Н. Рыжковым // Итоги. 2010. № 22. С. 30–31.

⁷ Инакомыслящий? // Политика. 1991. № 5. С. 4.

демократического лагеря недвусмысленно грозили Горбачёву наступлением, призывая его немедленно отправить Рыжкова в отставку. «Необходимо своевременно расчищать все, что мешает естественному ходу событий. А более всего сейчас мешает, бревном лежит поперек дороги, правительство Рыжкова. Если Ельцин и Горбачёв договорятся и уберут с дороги это препятствие — поедем дальше; если нет — столкновение неизбежно. Впрочем, Ельцин может поехать и один. А Президент останется в отцепленном вагоне», — откровенно писал народный депутат СССР, один из сопредседателей движения «Демократическая Россия» А. Н. Мурашев¹. Однако в сохранении Рыжкова на посту главы правительства у Горбачёва были свои резоны, и речь шла не только о личной преданности Николая Ивановича Президенту СССР: товарный дефицит, очереди, пустые прилавки — все это молва связывала в ту пору не только с Горбачёвым, но и с Рыжковым, выполнявшим функции своего рода громоотвода, защищавшего Президента от наиболее острых выпадов. В обмен на подобную лояльность Рыжков фактически требовал от Горбачёва невмешательство последнего в экономику; именно поэтому премьер так негативно воспринимал нескончаемые дебаты по поводу путей перехода к рыночным отношениям, в которых союзный Президент выполнял одновременно роль и арбитра, и верховного судьи. Кроме того, Н. И. Рыжков считал себя личным другом Президента СССР, требуя, в этой связи, чтобы Горбачёв заслонял его от возможных нападков и острой критики; если Михаил Сергеевич не делал этого, то Николай Иванович «заводился» и порой сбивался на едва ли не ультимативный тон, угрожая уйти в отставку. «Люди были уверены, что мы с Горбачёвым всегда едины. Но это было далеко не так. Между нами происходили серьезнейшие стычки, разногласия, иногда мы дрались до полусмерти. Я просил его попридержаться политические ураганы, чтобы они не разнесли до конца экономику. Я понимал, что разваливать легче, чем строить. Понимал, что с наскока, за 500 дней, рыночную экономику не создашь. Это

¹ *Мурашев А.* Что нам делать со свободой? // Столица. 1990. № 2. С. 2. Одновременно демократы по-прежнему критиковали Горбачёва за то, что он продолжал сохранять за собой пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Отказ от этой должности, уверяли представители демократического лагеря, позволит, наконец, Горбачёву стать президентом всего народа. Время, отведенное ему Историей для принятия этого решения, истекает, завтра уже будет поздно.

будет дискредитацией идеи рынка в глазах народа. Однако существовавшая в то время этика не позволяла вынести разногласия, эту “кухню” на всеобщий обзор», — вспоминал Н. И. Рыжков¹. Горбачёв, считавший необходимым иметь на посту главы правительства «своего» человека, вынужден был мириться с особенностями характера своего премьера.

Наиболее ожесточенные споры между Президентом и премьером шли в ту пору вокруг разрабатывавшейся изначально именно для Союза знаменитой программы «500 дней»², которую Николай Иванович считал нежизнеспособной. При этом она стала предметом острейшей политической борьбы, «орудием политики в период назревавших революционных перемен»³, полем битвы лидеров Союза и России и их влиятельных приверженцев. «Программа “500 дней” была чисто политической... Она была абстрактной, нежизнеспособной, но ее подхватил Ельцин и другие, как политический способ борьбы против власти. Первое, что они наметили, — убрать меня. Они понимали, что я держусь на определенных позициях. Я не сворачивал с них и говорил, что я против развала Союза, я за единое государство, за то, чтобы давать суверенитет республикам, но нужно брать ответственность на себя и делать все постепенно. Мы не готовы к быстрому прыжку к рынку, хотя я первый выступил за переход к рынку. К сожалению, это превратилось в острую политическую борьбу, и первым решили убрать того, кто стоит сегодня на пути. На пути стоит Рыжков, потому что он занимает непримиримые позиции. Меня быстренько превратили в консерватора», — вспоминал Н. И. Рыжков⁴. В значительной степени именно осторожная позиция Рыжкова тормозила переход советской экономики к радикальной экономической реформе; этот спор препятствовал наметившемуся во второй половине 1990 года поиску согласия между двумя крупнейшими и влиятельнейшими политиками — Ельциным и Горбачёвым.

Определенное сближение Ельцина и Горбачёва до крайности раздражало Рыжкова, испытывавшего по этому поводу своего рода

¹ Гримасы судьбы. (Беседа Н. Желноровой с Н. Рыжковым) // Аргументы и факты. 1993. № 15. С. 3.

² Силаев И. Дать предприятиям свободу! // Подмосковье. 1991. 30 марта.

³ Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М., 2002. С. 165.

⁴ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 188.

«политическую ревность», его пугал этот альянс¹. Николай Иванович опасался, что для сглаживания своего давнего конфликта с Борисом Николаевичем Горбачёв пожертвует союзным премьером. Подозрительный Рыжков даже предположил, что Горбачёв зачем-то решил использовать авторитет Ельцина для того, чтобы добиться отставки Николая Ивановича². Ни для кого не было секретом, что Ельцин и Рыжков еще со свердловских времен испытывали друг к другу сильнейшую антипатию³. На переговорах с Горбачёвым Ельцин поднимал вопрос об отставке союзного правительства во главе с Рыжковым, последнему, понятно, это понравиться не могло. Защищая себя и свое положение, Рыжков взывал к благоразумию Горбачёва, напоминая Президенту СССР, что после расставания с преданным ему главой Правительства Михаил Сергеевич останется один на один с Ельциным. При этом программа «500 дней» применительно к союзной экономике воспринималась Рыжковым как своего рода троянский конь, преподносимый Ельциным и его командой с целью погубить страну. «В апреле [1990 года. — *Авт.*] материал у нас еще был сырой. Нам дали месяц на доработку, и мы за месяц все сделали: представили 18 мая в президентский аппарат материал. Хотя и на этот раз было много замечаний,

¹ Архив автора. Интервью В. Н. Ярошенко, народного депутата СССР, в 1990–1991 гг. министра внешних экономических связей РСФСР. 2023. 1 июня.

² «По-серьезному ее [программу «500 дней». — *Авт.*] и воспринимать было трудно. Мы сразу поняли, что “500 дней” — это политический рычаг, с помощью которого можно было раскачать государство. В 1990 году правительство стало неудобно, и нас всячески стремились убрать. Ельцин, который уже стал председателем Верховного Совета РСФСР, и его команда использовали программу “500 дней” для того, чтобы бороться с центральной властью. Нужно сказать и о расстановке политических сил того времени на самом верху. Сложился треугольник: Горбачёв — Ельцин — Рыжков с правительством. Был заключен временный альянс между Ельциным и Горбачёвым, они объединили силы, чтобы вышибить Рыжкова. Ясно, что все было закручено Ельциным, он так рассчитал: добиться ухода союзного правительства во главе с Рыжковым, а уж потом другим тоном можно будет разговаривать с Горбачёвым», — рассказывал Н. И. Рыжков в одном из интервью (см.: *Рыжков Н.* Вы еще вспомните это правительство // *Общая газета*. 1995. 24–30 августа).

³ *Петраков Н. Я.* Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 138.

но в принципиальном плане с материалом участники заседания согласились. Было принято решение с концепцией перехода к рынку выступить мне на Верховном Совете СССР. Тот, кто готовил это решение, опубликованное в газетах (Петраков, Шаталин и Примаков), отношения Президентского Совета и Совета Федерации не опубликовали, т. е. скрыли одобрение, высказанное на заседании этих двух важнейших государственных структур. Они специально схитрили. В то время Горбачёв поддерживал нашу концепцию перехода к рынку. В дальнейшем, при столкновении двух программ, а вернее, в условиях жесткой политической борьбы, он заявил, что ему больше “импонирует” программа Шаталина. Это было его политическое маневрирование, а не экономическая убежденность. Он не такой дурак, чтобы не понимать простых истин. У него, как известно, были очень плохие отношения с Ельциным. Он понимал, что Ельцин начинает все выше подниматься по лестнице власти, став Председателем Верховного Совета ведущей республики страны. Как всегда, он стал маневрировать, чтобы найти с ним какое-то согласие, может быть, даже временное. Совершая уступки по нереальной программе “500 дней”, он подыгрывал Ельцину, жертвуя при этом Правительством страны. Маневры его закончились через год, когда его выгнали из кабинета Президента страны. Если бы он занимал твердую позицию, то, по крайней мере, ушел бы не с таким позором», — утверждал Н. И. Рыжков¹.

Сам Рыжков считал необходимым отстаивать именно более осторожный вариант экономической реформы, подготовленный его заместителем по Совету Министров СССР академиком Л. И. Абалкиным. Между двумя этими программами, по словам Абалкина, шла «острейшая борьба»². Согласие Горбачёва на переход к программе «500 дней» Рыжков расценивал как капитуляцию Президента СССР перед противостоящим ему лагерем и предопределение собственного политического краха, фактически саботируя распоряжения Горбачёва и Ельцина по разработке единой программы перехода к рынку³. Воспринимая советскую экономику как зону личной ответственности, Рыжков отстаивал именно свой вариант экономической реформы, представлявший собой симбиоз

¹ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 370–371.

² *Абалкин Л.* Умел любить и быть любимым // Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью. М., 2004. С. 545.

³ *Петраков Н. Я.* Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 149–150.

плановой экономики, регулирования ценообразования и рыночных отношений. Критикам Рыжкова предлагаемые им меры казались архаикой и бегом на месте, однако премьер занимал в этом отношении непримиримую позицию, считая своих оппонентов дилетантами и политическими интриганами. Кроме того, Николай Иванович считал, что руководитель проекта, альтернативного проекту Л. И. Абалкина, — академик С. С. Шаталин, введенный Горбачёвым в Президентский Совет и в состав ЦК КПСС, «подсигивает» Рыжкова, претендуя на его место; нетрудно догадаться, что в случае принятия проекта Шаталина — Явлинского за основу Шаталин мог бы быть назначен на пост премьера¹. Принимая во внимание этот фактор, становится понятной нервозность Рыжкова и его нежелание идти на компромиссы. Вплоть до самой смерти Николай Иванович не мог говорить о Шаталине без раздражения, считая его программу разрушительной для страны, а самого Станислава Сергеевича пренебрежительно именуя «футболистом», памятуя о том, что академик был известен своей любовью к футболу и даже был почетным президентом московского футбольного клуба «Спартак»².

¹ *Шаталин С. С.* Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 153. Программа Шаталина — Явлинского предусматривала либерализацию цен, массовую приватизацию и закрытие нерентабельных предприятий. По мнению петербургского историка М. Ф. Польшова, «реализация этой программы могла бы привести в промышленных регионах СССР к появлению миллионов безработных. Программа исходила из понимания того, что союзные республики свободны и самостоятельны, именно поэтому их руководители проявляли к ней внимание» (см.: *Польшов М. Ф.* Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки // *Вестник СПбГУ. История.* 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 384). «Наличие двух противоположных концепций перехода к рыночной экономике делало невозможным принятие решений для практической реализации концепции как союзного центра, так и Российской Федерации, ибо это привело бы к полной дезорганизации экономики. Такое понимание заставило Ельцина и Горбачёва договориться о создании совместной рабочей группы для выработки единой компромиссной общесоюзной программы», — подчеркнул М. Ф. Польшов, отмечая вынужденный характер альянса Горбачёва и Ельцина (см.: *Польшов М. Ф.* Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки... С. 384).

² Архив автора. Интервью Н. И. Рыжкова. Шаталин критически оценивал состояние советской экономики. В интервью «Огоньку» Станислав Сергеевич отмечал, что «если давать оценку нынешнему положению

Резоны Рыжкова встречали понимание и у Горбачёва, считавшего необходимым приступить к экономической реформе, опираясь на свою программу. Несомненно, Горбачёв не мог не прислушиваться и к следующим словам своего премьера: «Я нахожусь в передовом окопе, — говорил Рыжков, — весь обстрел направлен против меня. Я — олицетворение центра, но не будет меня, и все стрелы полетят прямо в Вас, Михаил Сергеевич. Так что не сдавайте передовые рубежи»¹. Вторил своему шефу и Л. И. Абалкин: «Пока Рыжков возглавлял союзное правительство, баланс политических сил между Горбачёвским СССР и ельцинским РСФСР был устойчивым. Рыжков в свое время ведь был генеральным директором Уралмаша, а Ельцин в то же время лишь начальником стройтреста в Свердловске. И в разговорах пара на пару — Горбачёв с Рыжковым и Ельцин с Силаевым — перевес был на стороне Горбачёва за счет Рыжкова. Но когда вместо Рыжкова правительство возглавил Павлов, ситуация изменилась. А когда Ельцин осенью 1991 года и вовсе стал отменять решения президента СССР, я понял, что Горбачёв обречен. Он мог уйти раньше или позже, но судьба его была предрешена»².

«Горбачёв не хотел ни под каким видом, чтобы была российская программа экономики, а Ельцин не хотел принятия программы

советской экономики и не теряя при этом оптимизма, можно сказать так: хуже быть не может. Любой шаг в лучшую сторону означал бы крупный успех». По мнению С. С. Шаталина, «созданный при командной системе и ныне действующий хозяйственный механизм абсолютно не способствует росту эффективного производства и повышению качества продукции. Он не восприимчив ни к какому научно-техническому прогрессу, ни к каким новациям. Экономическая система, при которой достижения НТП надо внедрять силой, достойна называться идиотской, иррациональной системой» (см.: Экономика кривых зеркал (Беседа специального корреспондента «Огонька» Л. Плешакова с членом Президентского Совета СССР, академиком-секретарем Отделения экономики АН СССР С. С. Шаталиным) // Огонек. 1990. № 20. С. 6, 7). Исходя из этих соображений, С. С. Шаталин был убежден, что проведение широкомасштабной реформы советской экономики необходимо осуществить в кратчайшие сроки.

¹ Пётраков Н. Я. Русская рулетка... С. 157.

² Сирин Л. 1991: Измена Родине. Кремль против СССР. М., 2011. С. 249.

Абалкина. Горбачёв не понимал течения социальных процессов, пытался решить политические проблемы прежде экономических. Если бы принималась программа Ельцина, то что бы тогда означал Президент Горбачёв? Горбачёв понимал, что его начинают отодвигать от серьезной политики. Абалкинская программа была реалистичнее, чем “500 дней”, но Ельцин не хотел уступить», — рассказывал автору Председатель Совета Республики ВС РСФСР В. Б. Исаков¹. «Я и сейчас считаю, трезво оценивая ситуацию 1990 года, что шанс на благоприятный исход в развитии событий у правительства был. Повторяю: очень многое зависело от Президента СССР Горбачёва. Он многое мог изменить осенью 1990 года, если бы проявил твердость и последовательность во взаимоотношениях с Советом Министров. К несчастью, именно в это время он начал суетиться, не знал, к кому присоединиться. Заявил о поддержке программы Шаталина, которую не читал и даже не видел... За программой “500 дней” стояли те силы, я это говорю совершенно откровенно, которые готовили развал Союза ССР. Ибо в этой программе не только в августе 1991 года, но еще в августе 1990 года была предрешена ликвидация Союза», — говорил в 1993 году академик Л. И. Абалкин, занимавший в кабинете Рыжкова должность заместителя Председателя Совета Министров². В Верховном Совете СССР столкнулись две программы — «500 дней» и программа правительства СССР (Рыжкова — Абалкина). Смысл разногласий этих двух программ был передан Л. И. Абалкиным в его замечаниях к программе «500 дней», составленных в то время.

1. Существует по крайней мере два возможных варианта перехода к рынку: радикальный и умеренно-радикальный. (Вспомним концепцию 1989 г.) В предлагаемом проекте программы избран первый вариант. Правительство СССР настаивает на умеренно-радикальном варианте. При этом оно учитывает кризисную ситуацию в экономике и в обществе в целом, недостаточную готовность населения к переходу к рыночным отношениям и невозможность быстрого финансового оздоровления без ущерба для уже принятых социальных программ. Правительство СССР

¹ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

² *Ненашев М. Ф.* Последнее правительство СССР: личности, свидетельства, диалоги. М., 1993. С. 52–53.

предусматривает более сдержанный переход к рыночным отношениям, сохранение государственного регулирования объемом производства, более медленное освобождение цен от государственного контроля, сохранение сложившихся структур управления. Учет реальных процессов не позволяет расписать программу по дням.

2. Проект программы предполагает экономический союз суверенных государств, а правительство СССР рассматривает Союз ССР как обновленное федеративное государство.
3. Правительство СССР настаивает на едином пересмотре цен, который обусловлен, в частности, введением новых отчислений по социальному страхованию для финансирования нового пенсионного закона. От этой важной социальной программы отказаться нельзя.
4. Совместить два проекта невозможно, нужно выбрать один из них¹.

Последний вывод Л. И. Абалкина разделяли и члены рабочей группы «500 дней». Как вспоминал один из авторов проекта «500 дней» Е. Г. Ясин, «противоречия [между двумя программами. — *Авт.*] считались непринимиримыми»². Разработчики обеих программ и стоявшие за ними политические тяжеловесы сдаваться не собирались, отстаивая именно свой план перехода к рынку. В своих беседах с Горбачёвым Рыжков неоднократно давал понять, что в случае принятия решения о переходе к радикальной экономической реформе в рамках программы «500 дней» он не видит своего места в команде Президента. В свою очередь, Горбачёв, в первую очередь думавший об оздоровлении ситуации в экономике, т. е. *о деле*, а уже потом о лицах, уделял огромное внимание разработке *оптимального для страны* варианта программы экономической реформы, ежедневно созваниваясь с ее разработчиками и внимательно ознакомившись с ее итоговой версией. «По всему чувствовалось, что программа [«500 дней»] ему нравится, и он увлекся самой идеей и подходами к реализации этой программы», — вспоминал академик Н. Я. Петраков³.

Летом 1990 года, в дни отдыха Б. Н. Ельцина в Юрмале, к нему приехал Г. А. Явлинский, представивший Борису Николаевичу свою

¹ Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М., 2002. С. 165–166.

² Там же. С. 166.

³ Петраков Н. Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 155.

экономическую программу. «Мы с ним целыми днями обсуждали эту программу. Он меня сагитировал. Я после этого встретился с Горбачёвым и сказал: “Вот программа, которую я Вам предлагаю”. Горбачёв тоже поддался, правда, не довел дело до конца. Конечно, сегодня понимаешь, что многое в этой программе звучало по-детски и дорогу к цивилизованному рынку не пройдешь ни за пятьсот дней, ни даже за тысячу. Но мы были все заряжены духом того времени, все хотелось делать скорее, скорее, скорее... Я тогда очень оценил Явлинского и назначил его замом Силаева в российском правительстве. Он хорошо работал», — вспоминал Б. Н. Ельцин¹. В сентябре 1990 года *совместный — для Союза и России* — проект экономической реформы, подготовленный при участии представителей команд Ельцина и Горбачёва, был внесен на утверждение в Верховный Совет. Перед этим состоялась пятичасовая встреча Горбачёва и Ельцина, на которой, по словам Бориса Николаевича, «удалось обсудить практически все вопросы, которые были и у него, и у меня. Шла речь и о программе перехода к рынку. И мы договорились с Президентом, что программа должна быть одна и только одна»². При этом Ельцин подчеркнул, что программа Шаталина должна быть «общесоюзная»³. Ельцин заявил, что программа Шаталина — «это единственная программа, которая может быть принята и парламентом России, и всеми россиянами, и другими республиками, включая прибалтийские»⁴.

Наметилась серьезная перспектива обоюдовыгодного сотрудничества лидеров СССР и России. Программа «500 дней» стала, по выражению академика Н. Я. Петракова, своего рода «политическим мостиком» от Горбачёва к Ельцину⁵, заставившим их на время забыть о конфронтации друг с другом⁶. Наметившееся сближение Ельцина и Горбачёва вселило надежды в людей, появился шанс достижения согласия между двумя наиболее влиятельными политиками страны. «Необходимо подчеркнуть, что решающим обстоятельством является то, что возник союз авторитетов — М. Горбачёва и Б. Ельцина.

¹ Телень Л. Поколение Путина. Портреты-интервью. М., 2004. С. 182

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 308. Стенограмма пресс-конференции Б. Н. Ельцина. 1 сентября 1990. Л. 89.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Общая газета. 1995. 24–30 августа.

⁶ Архив автора. Интервью Г. А. Явлинского. Москва. 2020. 2 марта.

Программе перехода к рынку необходима широкая поддержка», — писал публицист «Известий» М. Бергер¹. Соглашение, достигнутое им с Президентом страны, как равного с равным, породило у Ельцина состояние, близкое к эйфории. В интервью японской газете «120 минут» Борис Николаевич заявил: «Я выдвинул программу “500 дней”, которая ведет к внедрению в Российской республике рыночной экономики. Вместе с тем, СССР обнародовал самостоятельный правительственный проект реформ, подготовленный Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. *Но что касается Российской республики, то она с ним не согласна, потому что он не гарантирует повышения жизненного уровня населения.* Однако, если республика самостоятельно займется экономическими преобразованиями, возникнут существенные трудности. Это связано с тем, что финансовые средства, которыми располагает республика, ограничены. Вот почему я, находясь на отдыхе в Юрмале (Латвийская республика), направил письмо Президенту Горбачёву, в котором предложил принять в рамках федерации программу “500 дней”. *За этим последовал телефонный звонок Горбачёва, и ответ был следующим: “Примем этот план, поскольку он хороший”* (2 августа). Было достигнуто официальное соглашение по вопросу об учреждении совместного комитета СССР и Российской республики. *Думаю, что это был исторический разговор*»². При этом Ельцин отметил: «Я уже сегодня могу сказать, что центр примет [программу “500 дней”. — Авт.], потому что сегодня в “Известиях” опубликовано, что Горбачёв и Ельцин подписали вдвоем вот специальную, ну, как бы сказать, договоренность, что ли, что, основываясь на концепции российской программы, создать такую группу, которая бы сделала на ее основе союзную программу. *То есть, не ту программу союзную, которую сейчас критикуют, и которая, конечно, не будет, я думаю, принята. Вот и это приведет к отставке союзного правительства, а программу, именно основанную на российской основе, концепции российской. И мы с Горбачёвым такой документ подписали именно вот в период, когда я находился здесь. Мы разговаривали по телефону несколько раз, а потом подписали такой документ*»³.

¹ Бергер М. Союз лидеров — надежда на согласие // Известия. 1990. 2 сентября.

² Все выделения в тексте цитируемого документа принадлежат Н. И. Рыжкову, в бумагах которого автором и было обнаружено это интервью Б. Н. Ельцина (см.: РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 142. Л. 8).

³ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 142. Л. 5–6.

Программа «500 дней», конечно же, не была совершенным документом. Устранить ее недостатки, адаптировав текст программы к специфике советской экономики, поручили выдающемуся ученому, академику А. Г. Аганбегяну, который не принимал участия ни в подготовке проекта комиссии Абалкина, ни в подготовке проекта комиссии Шаталина. Именно поэтому его и выбрали в качестве «арбитра» при оценке этих двух программ¹. Поспешное принятие программы «500 дней» казалось Горбачёву, вероятно, рискованным; кроме того, по всей видимости, он считал необходимым «бросить кость» и сторонникам правительственной программы. «Сейчас у нас есть два возможных варианта действий. Первый — целиком отклонить правительственную программу, взяв за основу действий документы, подготовленные Шаталиным, Петраковым, Явлинским и другими товарищами. И второй вариант — принять за основу указанную программу, пополнив ее за счет полезных идей из правительственного документа. Представляется, что последний вариант предпочтительнее. Он позволяет действительно взять все ценное, что разработано нашей экономической мыслью. И в то же время не обидеть, не оттолкнуть часть крупных специалистов, что немаловажно в психологическом, да и политическом отношении. Мы как бы выйдем на действительно коалиционное решение, и это будет хорошо воспринято в стране, облегчит в известной мере само проведение принятой программы в жизнь», — такой план действий к предстоящей беседе с Б. Н. Ельциным предлагался в записке, подготовленной в августе 1990 года помощниками союзного президента². Вероятно, такой осторожный подход импонировал и не любившему безоглядный риск Горбачёву. В свою очередь, И. Д. Лаптев в письме на имя Горбачёва предлагал Президенту СССР «избрать позицию равного отношения к обоим проектам [Шаталина — Явлинского и Абалкина. — Авт.], сколь это не будет для Вас непривычно. Я предвижу здесь разворот громадного спора, и для страны очень важно, чтобы этот спор был не с Вами [курсив принадлежит И. Д. Лаптеву. — Авт.]»³.

Ознакомившись с текстами обеих программ, Аганбегян посчитал необходимым дополнить именно текст программы «500 дней», приняв

¹ Архив автора. Интервью академика А. Г. Аганбегяна. Санкт-Петербург. 2021. 24 мая.

² АГФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18144. К беседе с Б. Н. Ельциным. [Август 1990].

³ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 308. Записка И. Д. Лаптева М. С. Горбачёву. 1990. 28 августа. Л. 81.

за основу его, а не абалкинский проект. Аганбегян справился со своей задачей, дополнив текст программы «500 дней» разделами о благосостоянии и о техническом прогрессе. 11 сентября 1990 года доработанный Аганбегяном вариант проекта экономической реформы был отправлен в Верховный Совет СССР. «Направляю на рассмотрение проект программы перехода к рынку в СССР, подготовленный на базе программы группы академика С. С. Шаталина. На заключительном этапе сводной комиссией под руководством академика А. Г. Аганбегяна в представляемом проекте учтен целый ряд положений программы правительства СССР, предложений представителей союзных республик и альтернативных вариантов ученых и практиков. Выражаю надежду на то, что этот важнейший документ будет незамедлительно обсужден. Это диктует ситуация в стране. Имеется в виду, что по итогам обсуждения в Верховных Советах Союзных республик и СССР будет принят документ, на основе которого начнется переход к рыночной экономике. Естественно, что в процессе перехода программа будет обогащаться и корректироваться», — писал на имя Верховного Совета СССР М. С. Горбачёв¹. Казалось бы, старт реформы уже не за горами. Однако и теперь реформе не был дан ход. Вновь о себе заявил Н. И. Рыжков. Накануне голосования в Верховном Совете, ночью, Рыжков позвонил Горбачёву и поставил вопрос ребром, уведомив Президента СССР о своем уходе в отставку в случае принятия программы Шаталина — Явлинского, доработанной А. Г. Аганбегяном, попытавшимся объединить ее с положениями программы Л. И. Абалкина.

«Программа “500 дней” была согласована со всеми союзными республиками, важно было не потерять это согласование. В комиссии участвовали все союзные республики, это было согласовано с их руководством. Одна только республика не подписала “500 дней”. Поэтому я и поддержал “500 дней” и доложил об этом Горбачёву. Он это принял. Потом он поговорил с Рыжковым ночью, а мы встречались накануне, Рыжков на него надавил. Горбачёв испугался ссоры с Рыжковым, ведь тот был его сторонник в споре с Ельциным. Я согласовал с Ельциным тот план, который я представил Горбачёву, я ходил к Ельцину, договорился с Явлинским, работал с Шаталиным, который руководил подготовкой этой программы. И комиссия, во главе которой стояли Шаталин и Явлинский, была создана вместе Горбачёвым и Ельциным. Это был компромисс. Как можно было бросить

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 298. Л. 8.

этот компромисс и занять позицию Рыжкова? Это был конец. В итоге не было движения никуда, и это очень разочаровало в Горбачёве», — сокрушался А. Г. Аганбегян¹. Горбачёв не решился принять отставку

¹ Архив автора. Интервью А. Г. Аганбегяна. Год спустя, когда Горбачёв начал очередной «заход» на переход к программе экономических реформ, Н. А. Назарбаев заявил: «Если говорить о моем отношении к программе “500 дней”, то на первом обсуждении 26 августа прошлого года я ее поддержал. Правда, не полностью. Согласитесь, за 500 дней вывести из кризиса огромную страну — это, по-моему, довольно легковесное заявление. Но этапы, которые были там определены, особенно стабилизационный, как нельзя лучше подходили к тому периоду и могли бы сработать. К сожалению, мы потеряли целый год времени» (см.: *Назарбаев Н.* Слова должны отражать действия // *Партийная жизнь*. 1991. № 15. С. 30). Интересна также и оценка программы «500 дней», приводимая в воспоминаниях Е. Т. Гайдара: «Набросок ее Григорий Алексеевич [Явлинский. — *Авт.*] показал мне, кажется, в марте 90-го года. Содержательно в ней не было ничего особенно нового. Она в основном повторяла логику предшествующих программных документов, включала стабилизационные мероприятия как базу, предшествующую либерализации цен, структурные реформы, приватизацию. Но одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим — раскладка по дням. Разумеется, к экономике это никакого отношения не имело, невозможно по дням расписать такой процесс, как масштабные социально-экономические реформы, особенно в условиях распадающейся экономики. Если беспристрастным глазом специалиста перечитать программу “500 дней”, то многие из ее сюжетов невозможно воспринимать без улыбки. Но дело, как я уже говорил, было не в экономике, эта программа поразительно точно накладывалась на политические потребности дня, обещая выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом — малой ценой! ...в политическом ключе программа “500 дней” была в тот момент, безусловно, полезной, ибо она способствовала сближению Горбачёва и Ельцина, создавала базу для их возможного союза и проведения согласованной линии. А следовательно — и для предотвращения разрушительной войны законов. Именно это и заставило меня в конце лета 1990-го года публично поддерживать эту программу, лишь мягко высказав сомнения в реалистичности многих параметров, положенных в ее основу. Увы, программе Явлинского не суждено было оправдать и свое политическое предназначение. После долгих колебаний, под мощным давлением силовых структур, консервативной части аппарата, Горбачёв отказался от соглашения с Ельциным и поддержки программы “500 дней”. С этого момента вплоть до осени 1991-го года о какой бы то ни было экономической осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом

Рыжкова, что было, вероятно, его серьезной политической ошибкой¹. Тем самым Президент СССР фактически отказывался от принятия программы «500 дней», отложив дело реформы опять в долгий ящик. «Изложение Программы Президента в новом ключе, отличном от стиля и логики программы “500 дней” и текста Аганбегяна, будет неблагоприятно встречено за рубежом, где эти документы получили позитивные оценки. Это может также привести к разрыву соглашения Горбачёва — Ельцина или внесет в процесс его реализации серьезные трудности», — предупреждали Президента СССР Н. Я. Петраков, Е. Г. Ясин и Г. А. Явлинский². Но Горбачёв уже принял свое решение, сделав ставку на сохранение статус-кво и отказываясь от принятия программы академика Шаталина.

По признанию С. С. Шаталина, поражение программы «500 дней» «было самым страшным ударом моей судьбы»³, «самым горьким разочарованием моей жизни»⁴. В свою очередь, в команде Абалкина в ту пору господствовало представление о том, что программа «500 дней» совершенно точно вела «к полному разрушению страны»⁵, а в случае ее принятия в качестве руководства к действию Советский Союз ожидала бы катастрофа⁶. Позднее, правда, Абалкин признал, что «при всех своих серьезных недостатках программа “500 дней” оказалась куда мудрее и дальновиднее последующих шагов реформаторов. Я имею в виду правительство Гайдара...»⁷ Известный экономист, академик Н. П. Шмелёв, высказывая убеждение, что летом-осенью 1990 года «еще оставалась последняя возможность осуществить переход страны к рынку более или менее безболезненным, щадящим путем», отмечал, что проект Явлинского — Шаталина «по идеологии своей, по мыслям, заложенным

и Россией началась ожесточенная борьба за власть» (см.: *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. М., 1997. С. 64–65, 66).

¹ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 309. Записка Н. Я. Петракова, Е. Г. Ясина, Г. А. Явлинского Горбачёву. 6 октября 1990. Л. 114.

³ *Шаталин С. С.* Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 126.

⁴ Центрфорвард Шаталин. (Беседа А. Ванденко и С. Шаталина) // *Взгляд*. 1994. № 39. С. 11.

⁵ *Щербаков В. И.* Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства. М., 2016. С. 182.

⁶ *Павлов В. С.* Верю в Россию. М., 2005. С. 254.

⁷ *Абалкин Л.* Капитализм в России мы хотели построить за 25 лет // 24 часа. 1997. № 44. С. 12.

в нем... был достаточно реалистичен. Но, как всегда, вмешалась политика, вмешались людские страсти, амбиции, “траншейные интересы” (английское выражение), и план был в конце концов положен под сукно...»¹

Разочарование от нерешительности Горбачёва в деле перехода к рынку было и в Верховном Совете. «Конструктивный диалог и соглашение Ельцина и Горбачёва в августе 1990-го, поддержка последним программы экономических реформ Шаталина — Явлинского, дававшей реальный шанс выхода из экономического кризиса, недвусмысленное признание Президентом необходимости от расплывчатых лозунгов о социалистической ориентации перейти к рынку и отказ от убогой правительственной программы такого перехода — все это настраивало общество на оптимистическую ноту. Казалось, что решительный шаг в экономике будет сделан. Ведь и Президент не мог не видеть: разрыв между политическими и экономическими преобразованиями становился уже просто опасным. И вот в самый трудный и драматический момент окончательного выбора, когда от Президента зависело буквально все и — я в этом уверен! — гражданское мужество одного человека спасло бы на Верховном Совете СССР программу “500 дней”, именно этого мужества мы не увидели. Сейчас трудно говорить, почему это произошло, но не секрет, чье нечеловеческое давление сломало волю руководителя страны. Имя этой силе — номенклатура. Вместо плана экономической реформы было принято нечто несуслазное, вроде гибрида бегемота с крокодилом, и называлось это чудо “Основными направлениями...” Абсолютно бессодержательный и бессмысленный документ этот был “направлением в никуда” и должен был окончательно завести в тупик правительство Николая Рыжкова. Так вскоре и произошло», — писал А. А. Собчак².

«Осенью 1990 года в Верховном Совете обсуждался переход к рыночным отношениям. На экземпляре проекта программы Явлинского было написано: “программа Горбачёва — Ельцина”. Петраков адаптировал программу Явлинского под союзный сценарий. Непринятие программы под известный период времени делало ее бессмысленной. Со стороны отношения Горбачёва и Лукьянова просматривались как дружба. Было понятно, что Горбачёв поставил своего человека на этот важный пост — пост Председателя Верховного Совета СССР.

¹ Шмелев Н. Кровь — это не обязательно // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 208.

² Собчак А. А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С. 265–266.

Лукьянов — незаурядный мастер проведения съездов, ловкий манипулятор, очень умелый, очень грамотный, хитро, красиво, достойно выполнявший свой долг. Не просматривалось, что он стремится быть первым и единственным. В присутствии Горбачёва он никак не выказывал свой какой-то антагонизм. Было невозможно догадаться, что он что-то замышляет против Горбачёва. Лукьянов сделал программу заседания таким образом, чтобы обсуждение не состоялось. Рыжков выдвигал правительственную программу, в которой рыночной экономики практически не было, а был повтор того, что было внедрено в СССР в 1988 г. — постановление № 888 — оно похоронило советскую экономику, не дав развиваться рыночной экономике. Новая программа Рыжков — Абалкин по факту отвергала частную собственность, предприятия оставались государственными. Абалкин путано, витиевато говорил о переходе на рыночные отношения. Горбачёв, Лукьянов, Рыжков действовали вместе, не желая определенного перехода к рынку. Идея переноса на следующий год обсуждения реформ прозвучала именно от Лукьянова. К этому времени Рыжков себя дискредитировал, реформы он провести не мог, было понятно, что он проваливает все — полный пустозвёт. Ельцин однозначно стоял за переход к рынку, понимая, что без отпуска цен никакого рынка быть не может», — рассказывал автору о характере полемики по вопросу экономической реформы народный депутат СССР В. М. Десятов¹. Несомненно, у Ельцина присутствовало и понимание, что прежним Союз уже не будет никогда, государству предстоит решительно изменить очень и очень многое. Народный депутат РСФСР М. Н. Толстой вспоминал беседу, состоявшуюся у Бориса Николаевича с Э. И. Неизвестным. Всемирно известный скульптор поинтересовался у Ельцина, когда же Россия станет такой, какой мы хотим ее видеть. Б. Н. Ельцин помолчал, взял лист бумаги, начертил большой круг: «Это болото, вглубь которого мы шли 70 лет и увязли». Затем Борис Николаевич провел линию до центра: «Теперь в какую сторону идти? Мы глубоко в болоте, куда ни посмотри. Нам предстоит выбираться не посуху, не по воздуху, надо пройти это болото обратно, не увязнуть и выйти на твердую землю». «Легко никому не будет», — резюмировал свои размышления Б. Н. Ельцин, проведя линию на край круга².

¹ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР. Санкт-Петербург. 2025. 10 апреля.

² Толстой М. Н. Первый Конгресс соотечественников // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 75.

Команда Ельцина истолковала неудачу совместной работы над экономической программой как иллюстрацию недееспособности Центра, лично Горбачёва и советского правительства¹. «Недолгий политический союз лидеров СССР и РСФСР таким образом был не просто разорван, но стал поводом для новых взаимных обвинений», — констатировал автор новейшей биографии Горбачёва Л. В. Никитинский². Спустя годы Ельцин не мог, по его признанию, простить Горбачёву, «что он так легко похоронил программу “500 дней” — единственную нашу экономическую надежду тех лет»³. Тот факт, что к исходу 1990 года Горбачёв так и не смог решиться на переход к экономической реформе, был тяжело воспринят не только политическими кругами, но и в широких слоях общества — уровень жизни народа продолжал снижаться, в этом плане провал программы «500 дней» лишь усилил позиции Ельцина и его команды. «Если бы Шаталин — Явлинский — Петраков и иже с ними не написали программу “500 дней”, ее стоило бы придумать для того, чтобы Борис Ельцин сделал еще один крупный шаг вперед», — вспоминал осведомленный И. Д. Лаптев⁴.

К этому моменту, как вспоминал заместитель Рыжкова академик Л. И. Абалкин, «судьба правительства Н. Рыжкова была предрешена»⁵, и демократический лагерь, и значительная часть депутатского корпуса требовали ухода Николая Ивановича в отставку. До поры до времени сдерживал этот натиск лишь Горбачёв, испытывавший к Рыжкову искреннюю симпатию, но и он к исходу 1990 года осознал, что часы прежнего правительства сочтены. «На мой взгляд, уходить в отставку надо было Николаю Ивановичу, и не в 1990-м, а на два-три года раньше, когда стало обнаруживаться, что его взгляды

¹ *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачёва до Ельцина. М., 1994. С. 79–80.

² *Никитинский Л. В.* Михаил Горбачёв: «Главное — начать». М., 2024. С. 390.

³ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 39.

⁴ *Лаптев И. Д.* Власть без славы. М., 2002. С. 155. Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, выступая на собрании депутатской группы «Союз» 2 декабря 1990 года, подчеркнул, что программа «500 дней» была для Ельцина «важным фактором, с ее помощью предполагалось убрать Союзное правительство и Рыжкова» (см.: ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 4. Д. 86. Л. 22).

⁵ *Абалкин Л. И.* Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 275.

несовместимы с радикальной экономической реформой», — утверждал член Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведев¹. Николай Иванович был премьером, замечает известный экономист О. И. Ожерельев, помощник Президента СССР по экономике, «все и всегда замыкавшим только на себя. Лично тащил огромный воз проблем. Работал как проклятый и днем, и ночью. Все старался держать в своей голове. Мимо него не мог пройти ни один документ. Такая излишне жесткая система и на большом-то заводе должна работать с пробуксовкой. А уж в масштабах страны, СССР — она не могла работать вовсе!»²

Тяжелый инфаркт Рыжкова, лишивший его возможности продолжать руководство Советом Министров, лишь ускорил развязку. Горбачёв был по-настоящему шокирован испытаниями, выпавшими на долю его ближайшего соратника, продолжая и после отставки воспринимать Рыжкова как члена своей команды; Михаил Сергеевич понимал, что теперь, после ухода Николая Ивановича с его поста, и правительство не может восприниматься им как личный домен и надежный тыл. Рыжков, в свою очередь, до конца жизни не мог простить Горбачёву того, что Михаил Сергеевич вынудил его — прямо в больнице — подписать заявление о сложении с себя полномочий премьера. «Горбачёв понимал, что поступил со мной некрасиво», — рассказывал автору Николай Иванович³, даже и не думавший скрывать своего разочарования от поступка Президента СССР. «Рыжков был потрясен вероломством Горбачёва», — вспоминает член Политбюро ЦК КПСС И. К. Полозков⁴.

В оправдание Президента СССР следует сказать, что, несмотря на беспощадную критику, которой подвергался Н. И. Рыжков со стороны представителей демократических кругов, М. С. Горбачёв долго не решался на расставание с Николаем Ивановичем. Учитывая то обстоятельство, что Горбачёв полностью передал Рыжкову все руководство экономикой, не залезая в прерогативы премьера, можно утверждать, что своему бедственному положению, сложившемуся к концу

¹ Идеолог / Беседа Д. Бабиченко с В. Медведевым // Итоги. 2011. № 52. С. 33.

² Ожерельев О. И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016. С. 45.

³ Архив автора. Интервью Н. И. Рыжкова.

⁴ Архив автора. Интервью И. К. Полозкова. Москва. 2023. 14 июня.

1990 года, страна обязана Николаю Ивановичу ничуть не меньше, чем Михаилу Сергеевичу. Впрочем, это лишь оценочное суждение. Как бы то ни было, тандем Горбачёв — Рыжков прекратил свое существование. Таким образом, к концу 1990 — началу 1991 годов рядом с Горбачёвым не осталось никого из тех, с кем он начинал перестройку: по разным причинам свое сотрудничество с Президентом СССР прекратили или приостановили Лигачёв, Яковлев, Рыжков и Шеварднадзе. Команда Горбачёва, как, впрочем, и ее капитан, находилась в совершенно очевидном кризисе. В 1991 году значение этого обстоятельства станет очевидным для всех. Каждый из этих людей, в разное время либо отставленных Горбачёвым, либо ушедших по своим соображениям с занимаемой ими должности, сохранял обиду на Михаила Сергеевича, считая, что тот был обязан заступиться за своего преданного соратника, но не сделал этого, никак не препятствуя его травле со стороны прессы, телевидения, радио, Съездов народных депутатов, Пленумов ЦК и т. д. Это нетрудно заметить, знакомясь с высказываниями Лигачёва, Рыжкова, Яковлева, Шеварднадзе, того же Бакатина. Пришедшие им на смену политики не считали себя связанными с Горбачёвым *личными отношениями*, что и сказалось в роковые для судьбы страны дни августа 1991 года. В качестве примера можно указать В. С. Павлова, сменившего на посту главы Правительства Н. И. Рыжкова¹. Валентин Сергеевич, вне всякого сомнения, в высшей степени профессиональный финансист, сработаться

¹ Среди кандидатур на пост премьер-министра Горбачёв, еще до отставки Рыжкова, рассматривал несколько человек, в частности, Ю. Д. Маслюкова (см.: РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 306. Л. 308. Рукописная записка Горбачёва. 1990. 7 декабря). Помимо Ю. Д. Маслюкова, Горбачёв «примечивался» также к фигурам Н. А. Назарбаева и В. С. Павлова. Ю. Д. Маслюков, имевший уже к тому времени серьезные проблемы со здоровьем и переживший несколько инфарктов, взял в беседе с Горбачёвым самоотвод, заявив, что не справится с тем объемом работы, который должен выполнять глава правительства. Н. А. Назарбаев изъявил Горбачёву желание занимать две должности одновременно — премьер-министра и вице-президента СССР, что Михаилу Сергеевичу показалось неприемлемым. В итоге Горбачёв остановился на кандидатуре Павлова: в условиях кризисного состояния экономики профессиональный финансист показался ему оптимальной фигурой во главе правительства (см.: Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября).

с Горбачёвым не сумел, считая Михаила Сергеевича некомпетентным руководителем¹. В результате Михаил Сергеевич предпочитал общаться не с Павловым, оставшимся в истории главным образом благодаря неуклюжей денежной реформе и участию в ГКЧП, а с его первым заместителем В. И. Щербаковым². Набрать верных себе людей в новую судовую команду «капитан» Горбачёв не сумел; не всегда ему удавалось и использовать уникальные человеческие и политические ресурсы, находившиеся в его распоряжении, должным образом. По старой номенклатурной традиции, глава государства делал ставку не на максимально ярких, а на максимально удобных и управляемых людей — подобная модель показала свою несостоятельность в трагическом для страны августе 1991 года.

«Как мог Горбачёв отыскать для себя, даже если бы ставил перед собой такую задачу, первоклассное окружение из затасканной номенклатурной колоды, из которой, как ни тасуй, ничего стоящего не выберешь. Потенциальные таланты, самородки из народа, обладавшие совестью и честью, не имели возможности проявить себя в качестве общественных деятелей, стать сколь-либо известными. Даже допустив, что на стороне нашелся талантливый и достойный высокой должности человек, кто бы позволил Горбачёву или другому партийному лидеру сделать подобный выбор. Предпочтение традиционно отдавалось тем, кто был удобен, послушен, не опасен в качестве конкурентов. Оказавшиеся наверху бесцветные, ординарные личности типа Крюкова, Лукьянова, Павлова, Рыжкова, Янаева, Язова могли только загубить сугубо творческое дело перестройки», — сокрушался народный депутат СССР, академик О. Т. Богомолов³.

Наступал 1991 год — последний в судьбе страны и фактически последний в политической карьере М. С. Горбачёва. По словам Михаила Сергеевича, «весь девяносто первый год шли ожесточенные бои, которые вскрывали и друзей, и врагов»⁴. Бои завершились уходом в отставку инициатора перестройки. На взгляд автора этих строк, никакой

¹ Архив автора. Интервью И. И. Простякова, управляющего делами Кабинета министров СССР. Москва. 2023. 27 сентября.

² Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября; *Щербаков В. И.* Горбачёв дал надежду, что все еще можно выправить // Горбачёв: урок свободы. М., 2021. С. 377.

³ *Богомолов О. Т.* Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 84–85.

⁴ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 11 июля.

предопределенности не было ни в падении Горбачёва, ни в распаде Советского Союза — события могли обернуться совсем по-другому, хотя, справедливости ради, стоит признать, что положение как самого государства, так и его руководителя, к началу 1991 года было достаточно нелегким.

По словам А. С. Грачёва, «к девяносто первому году вся конструкция перестройки начала разъезжаться, как ноги у лыжников, сошедших с лыжни»¹, — было очевидно, что Советский Союз могут спасти только чрезвычайные меры. Как, кто и когда пойдет на них — это составляло основу проблемы. Команда советского президента понимала, что Горбачёв теряет власть, у него, по словам министра иностранных дел СССР А. А. Бессмертных, «была легкая паника, под ним дымилась земля»². К этому времени у Президента СССР было ощущение, что общество не переварило перемен в таком объеме, а демократический лагерь не в состоянии адекватно оценивать обстановку с точки зрения государственной мысли и тем самым выступает против линии Горбачёва. Именно поэтому Горбачёв сделал ставку на «правую» часть своего окружения, убеждавшую его в необходимости продемонстрировать «жесткую руку»³. «Горбачёв сделал выбор. Не все и не сразу это заметили. Он вновь качнулся от “так называемых демократов” к “товарищам по партии”», — вспоминал В. В. Бакатин⁴. Итак, к концу 1990 года Горбачёв взял резкий крен вправо, сделав ставку на консерваторов. Логика событий и казавшиеся в ту пору верными соратники — В. И. Болдин, В. А. Крючков, О. Д. Бакланов, Д. Т. Язов — фактически подталкивали его к возвращению в сталинскую матрицу. Доверившись им, Горбачёв, как писал известный писатель А. М. Адамович, «заскользил в сторону генералов и полковников»⁵.

«Новый курс» Президента СССР вызывал крайнее неприятие у демократической части команды Горбачёва, раздосадованной поправлением линии Михаила Сергеевича и видевшей в ней не только измену совместно выстраданным идеалам перестройки,

¹ Архив автора. Интервью А. С. Грачёва, в 1991 году — члена ЦК КПСС, в августе — декабре 1991 года — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 5 июля.

² Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта.

³ Там же.

⁴ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 218.

⁵ Адамович А. Vixi. (Я прожил). М., 1994. С. 313.

но и предопределение политического одиночества главы государства. Особо оговорим, что поправение Горбачёва воспринималось рядом соратников Михаила Сергеевича как крупная политическая ошибка. «Сдвиг Горбачёва и его политики не имел видимых причин. Политический курс перестройки и развития демократии пользовался поддержкой. В экономике было немало трудностей и проблем, но они, скорее, сохранялись, хотя частично и нарастали. Единственное, о чем можно говорить как об источниках давления справа, — это усилившаяся критика Горбачёва со стороны консервативных сил на пленумах ЦК, в парламенте, в некоторых органах печати. Против моих ожиданий, Горбачёв оказался очень чувствительным и уязвимым для этой критики, более чувствительным, чем к критике со стороны демократов. Кто-то в связи с этим весьма точно сформулировал: он был верен тем, кто его предал, и предавал тех, кто в него верил и был ему предан», — заметил в этой связи многомудрый Г. А. Арбатов¹.

Апогеем «нового курса» Президента СССР стал вильнюсский инцидент — штурм войсками здания телецентра в Вильнюсе и образование в Литве комитета национального спасения.

Вильнюсские события января 1991 года потрясли не только весь Советский Союз, но и весь мир. Какой Михаил Горбачёв — настоящий: пламенный борец за мир, блестящий проповедник нового мышления или тот Горбачёв, имя которого будет связано с трагедией у Вильнюсского телецентра? Этот вопрос волновал в те дни миллионы людей, у многих было ощущение, что все то славное, что прежде было сделано Горбачёвым, было перечеркнуто в начале второй декады января девяносто первого.

Вильнюсские события привели к резкому падению популярности Горбачёва. Демократические круги вообще стали представлять его чуть ли не олицетворением сталинщины.

Помощник Горбачёва по экономическим вопросам академик Н. Я. Петраков был в числе представителей интеллигенции, подписавших заявление, осуждающее литовскую трагедию². В тот же день в рабочем кабинете Николая Яковлевича раздался звонок по «президентскому» телефону, звонить по которому мог только Горбачёв. «Что же, Николай, записал своего Президента в преступники?» — начал разговор Михаил Сергеевич. Выслушав аргументы

¹ Арбатов Г. А. Жизнь. События. Люди: Автобиография на фоне исторических перемен. М., 2008. С. 179.

² Московские новости. 1991. 20 января.

Н. Я. Петракова, Горбачёв сказал: «Ты ничего не понимаешь. На мне лежит огромная ответственность, я должен вытащить страну из хаоса, я должен ее сохранить, ты ничего не знаешь и не понимаешь...»¹ Несомненно, что Горбачёв был искренен в тот момент, высказывая в беседе с помощником свое политическое кредо *на тот момент времени*. «То, что меня подозревали в отходе от демократического выбора, — это была эмоциональная реакция... Я находился в тяжелейшей борьбе и схватке с антиреформаторскими силами в самом ближайшем окружении, в КПСС, по всей стране. Я нес огромный груз, выдерживал удары и не получал необходимой поддержки от демократов. Они одно считали правилом — подталкивать, торопить Горбачёва, вместо того, чтобы понять реально, в каком обществе проводятся преобразования и какие препятствия стоят на пути. И, вообще говоря, не мог быть Президент, генсек КПСС самым левым в стране. Эти крайности — суть нашей политической культуры, ее специфика. Нам все время или красных, или белых навязывают, а мой замысел состоял в том, чтобы люди стали гражданами и получили для этого правовую базу и чтобы не ретрограды и не лихие наездники вели нашу страну, чтобы не ломали ее по-ковбойски, через колено», — заявил Горбачёв спустя пять лет после вильнюсских событий, накануне президентских выборов-1996². В воспоминаниях Михаил Сергеевич назвал трагедию в Вильнюсе провокацией, которая была устроена, чтобы «подставить Президента. Не только дискредитировать его власть в стране, но и подорвать его авторитет за рубежом, где поверили в его политику “нового мышления”, отвергавшего применение силы в политических, гражданских конфликтах»³. «Я был убежден, что проблему сохранения и реформирования Союза можно решить политическим путем, без применения силы, без кровопролития. Но уже в первой половине января [1991 года. — *Авт.*] разразилась гроза. Кровь пролилась в Литве. Пришедшее к власти в результате выборов руководство Литвы во главе с Витаутасом Ландсбергисом пошло по пути обострения отношений с Союзным центром, решило добиваться независимости любой ценой. Я, тем не менее, предлагал компромисс, был готов к переговорам. 12 января 1991 г. я сделал заявление, что кризис будет

¹ Петраков Н. Я. Русская рулетка... С. 182.

² Горбачёв М. Страну нельзя ломать по-ковбойски через колено // Общая газета. 1996. 4–10 апреля.

³ Горбачёв М. С. Понять перестройку... С. 292–293.

разрешен конституционными средствами. Но в ночь с 12 на 13 января в Вильнюсе был осуществлен захват телевизионной башни и радиостанции с участием советских войск, приведший к гибели людей. Разумеется, президент СССР не отдавал и не мог отдать приказ о подобных действиях. Произошедшее было провокацией против меня как президента — со временем, особенно после августовского путча, это стало совершенно ясно. Есть и документы, подтверждающие это. После кровопролития 13 января все усилия предотвратить выход Литвы, да и других прибалтийских республик из состава Союза оказались тщетными. Но борьба за Союз продолжалась», — писал Михаил Сергеевич в своей последней крупной статье¹. В действительности же Горбачёв, видимо, пытался нащупать какой-то приемлемый способ сохранения страны и удержания контроля над ситуацией. Кровь, пролитая на улицах Вильнюса и единодушное осуждение всем миром методов союзного руководства, по-настоящему шокировали Горбачёва — вероятно, «силовики» обещали ему легкое подавление смуты в Литве.

«С утра мы с Е. М. Примаковым и А. Н. Яковлевым были у него в приемной. По телевидению шла трансляция заседания Верховного Совета. Депутаты кипели от негодования. Требовали Горбачёва. Не знаю, чем таким важным он занимался, но из кабинета не вышел. Нас принял где-то через час. Мы, перебивая друг друга, прямо от двери, даже не садясь, стали убеждать его в том, чтобы он немедленно выступил и отмежевался от авантюры, которую организовали в Литве коммунисты, немедленно поручил расследовать беззаконие и виновных предать суду. Горбачёв не был похож на себя. Вроде бы и возмущался вместе с нами, но чувствовалось, что у него на этот счет свое мнение. Он не мог “отмежеваться”, ибо, конечно, не мог не знать того, что замышлялось в Литве КГБ и армией. Выступил он с оценкой вильнюсских событий по телевидению только через неделю. Оценки были весьма расплывчаты. Политика “сильной руки” начала давать сбои, продемонстрировав бездарность организаторов. Ночью танками захватить телецентр. Неужели других вариантов не было? Без танков? Как покажет позже путч, у этих “спасителей отечества” танк был самой любимой игрушкой... Короче говоря, М. С. Горбачёв сам, поворотом к политике “сильной руки”, на что он *абсолютно не способен*

¹ Горбачёв М. С. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 32.

по своему характеру [выделено мной. — Авт.] и которая, как и следовало ожидать, провалилась после появления первых жертв, сам организовал начало конца перестройки. Ибо перестройка — это демократия и закон, но никак не спецназ и не тайные операции», — вспоминал В. В. Бакатин, лишь за месяц до событий в Вильнюсе отставленный с поста министра внутренних дел СССР¹. В итоге, как метко заметил оппонент Горбачёва, народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, «Горбачёв испугался собственной решительности»².

Танки на улицах Вильнюса были восприняты сторонниками углубления перестройки как предупреждение о грядущей диктатуре, как репетиция возможного правого (читай — ортодоксально-коммунистического) переворота в Москве. Январские события в Прибалтике резко усилили дезинтеграционные процессы, показав слабость Центра³. Авторитет союзных властей и лично Горбачёва был подорван, в то время как популярность местных национальных «вождей» возросла неимоверно: окраины увидели в поддержке своих политических лидеров единственную возможность защититься от потенциальной карательной акции Москвы.

Новый «имидж» президента вызвал осуждение у демократической части его окружения: не только А. С. Грачёв, но и В. Н. Игнатенко изъявили намерение подать в отставку. «Общее впечатление от произошедшего в Вильнюсе было ужасное», — вспоминал В. Н. Игнатенко, занимавший в ту пору пост пресс-секретаря Президента СССР⁴. К тому моменту Горбачёв постоянно получал сигналы о готовящихся выступлениях как против целостности союзного государства, так и против высших руководителей советской власти, включая его самого. Видимо, его нервы были на пределе. «Если человеку каждый день приносят папки с надписью “вскрыть лично” и там написано о каком-то возможном штурме кремлевской стены скалолазами, о том, что из Твери подтягиваются какие-то боевые дружины, а из лесов

¹ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 227–228.

² Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного депутата СССР. Орша. 2019. 31 августа.

³ Ялышев Р. А. СССР на пути к распаду: январские события 1991 года в Прибалтике и новый Союзный договор // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 343.

⁴ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко. Москва. 2018. 17 октября.

выходят специальные террористические группы, то станет не по себе. Учтите, что это каждый день, а иногда и по несколько раз в день. То же самое с Горбачёвым делали во время Сумгаита, его полностью дезинформировали по литовским событиям. Нас, кто возражал против такого прессинга, было очень мало», — вспоминал В. Н. Игнатенко¹. А. Н. Яковлев, А. С. Черняев, Е. М. Примаков, Г. Х. Шахназаров приехали, не сговариваясь, ночью в помещение секретариата президента. «Все очень резко реагировали на случившееся. Но надо было что-то делать. Буквально утром принимать какое-то решение. И все, конечно, думали о М. С. Горбачёве. Что он чувствует? Как поступит? Мы все считали, что Михаил Сергеевич должен немедленно вмешаться в ход событий, всех виновных в кровопролитии отстранить от службы и строго наказать. Но утром мы поняли, что события будут развиваться не по этому сценарию», — вспоминал В. Н. Игнатенко².

По убеждению американского исследователя У. Таубмана, автора крупнейшей на данный момент биографии последнего советского лидера, твердые доказательства причастности Горбачёва к кровопролитию в столице Литвы отсутствуют³, в то время как петербургский историк Р. А. Ялышев, специально занимавшийся изучением этого вопроса, напротив высказывает убеждение, что «войска были введены по приказу М. С. Горбачёва»⁴.

Главный оппонент Горбачёва в те дни, Председатель Верховного Совета Литвы В. В. Ландсбергис заявлял, отвечая на вопрос о причастности Президента СССР к событиям в Вильнюсе: «Ему принадлежит слава. Когда иностранные журналисты спрашивают его: “Это вы отдали приказ?”, он отвечает: “Нет”. И все рады: “Горбачёв не виноват!” Но и он лжет, и они неправильно спрашивают. Надо ставить вопрос иначе: “Вы разрешили резню?” Да, он ее разрешил. Приказы отдавали командиры или министры — Пуго, Крючков. Но они согласовали

¹ *Игнатенко В.* Не меняю лицо под обстоятельства // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. С. 2.

² *Игнатенко В. Н.* Со мной и без меня... С. 216–217.

³ *Таубман У.* Горбачёв и его время. М., 2019. С. 538.

⁴ *Ялышев Р. А.* СССР на пути к распаду: январские события 1991 года в Прибалтике и новый Союзный договор // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 332.

с Горбачёвым все, что будут делать. И Горбачёв сказал им: “Ладно, ребята, попробуйте”. А потом сидел у телевизора и смотрел, что творится в Вильнюсе. И не останавливал. Хотя ему звонил Ельцин и требовал: “Прекратите это безобразие!” Эти слова мне Ельцин позднее сам повторял при разговоре... В общем, Горбачёв все знал и позволил убивать людей, от этого ему некуда деваться...»¹ По иному изображает ситуацию Н. И. Дементей, в январе 1991 года — Председатель Верховного Совета Белорусской ССР, прибывший в Вильнюс во главе делегации 13 января. «Витаутас Ландсбергис вместе с группой неизвестных нам людей в своем кабинете просматривал видеопленки, на которых были запечатлены события прошедшей ночи, движение военной техники, штурм телецентра. Руководитель высшего органа законодательной власти республики был (или, возможно, хотел показать нам) очень напуган. Он все время взволнованно говорил, что предстоящей ночью ожидает нового штурма войсками здания Верховного Совета. На мой вопрос, связывался ли Витаутас Витаутович с командованием Прибалтийского военного округа, есть ли у него такая связь сейчас, он ответил, что лично распорядился отключить линию связи и не поддерживает никаких контактов с командирами воинских подразделений, находящихся на территории Литовской Республики.

— Поддерживаете ли Вы связь с Президентом СССР? — спросил я у В. Ландсбергиса.

— Никак не могу дозвониться, в приемной Горбачёва отвечают, что его нет в кабинете.

В присутствии Ландсбергиса и членов прибывшей со мной делегации я тут же позвонил по спецсвязи Михаилу Сергеевичу. Он без промедления ответил. Я проинформировал его обо всем, что удалось увидеть и услышать в первые минуты пребывания в Вильнюсе. После этого разговора стало ясно, что Ландсбергис избегает контактов с Президентом СССР и командованием воинских подразделений Прибалтийского военного округа... Оставался вопрос с погибшими во время штурма Вильнюсского телецентра. Ландсбергис и его окружение обвиняли в их смерти военных, те утверждали обратное. Я предложил провести расследование по каждому погибшему с участием работников Прокуратуры СССР, Литовской ССР и экспертов двух сторон. Этому никто не возразил, однако не успели мы покинуть литовскую столицу, как власти республики, даже не проведя

¹ Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М., 2019. С. 112.

экспертного расследования, быстро захоронили тела погибших. Такая спешка породила у членов нашей делегации сомнение в правдивости обвинений В. Ландсбергиса и его сторонников в адрес военных. Эти сомнения у меня сохранились до сих пор»¹.

На наш взгляд, наиболее взвешенную оценку относительно степени причастности Горбачёва к кровопролитию в Литве предложила в своем интервью 1991 года народный депутат СССР Г. В. Старовойтова: «Я допускаю, что Горбачёв знал не все. Сам виноват, если у него такая система информации. Это не снимает с него ответственности. И все-таки нечто о готовящемся ему было известно... Модель, я полагаю, такая. Горбачёву доложили (как всегда, с искажением информации) и запугали: это не мирное выступление, это экстремисты, будут штурмовать и т. д. На это он дал — как всегда — самые неопределенные указания: у вас там есть силы, наведите порядок... — короче, уклончивое, устное распоряжение. Затем оно спустилось ниже, к Язову, но опять было недостаточно четким. И пока оно дошло (через инстанции) к начальнику гарнизона, формулировка стала более жесткой: навести порядок... если надо — любой ценой...»² «Я не сомневался, — рассказывал автору близкий к Горбачёву в последние годы его жизни народный депутат СССР, известный драматург А. И. Гельман, осудивший события в Вильнюсе, — что танки в Вильнюсе введены не без его согласия»³.

«Он рисковал, он не хотел, он надеялся, что обойдется, он хотел на них повлиять. Но как на них можно было повлиять? Влиять можно переговорами, можно и угрозами, можно и пистолет приставить к вашему виску, но это не значит, что я вас застрелю. Набор средств был очень ограничен... Конечно, Горбачёв не хотел этих кровавых событий, он хотел, чтобы их не было, но они случились! Он не давал никаких отмашек для этого Крючкову. Отмашку он давал, чтобы там были наши люди и т. д. — это он наверняка знал. Но он не был заинтересован в кровопролитии. От кровопролития-то, кстати сказать, больше всего пострадал Горбачёв. Уже по одной этой логике Горбачёв не был заинтересован в кровопролитии», — эмоционально защищал Михаила Сергеевича его верный сотрудник Г. С. Остроумов, в 1991 году — помощник

¹ Дементей Н. И. Уроки жизни. Мн., 2005. С. 133.

² Я уже обеспечила себя мемуарами. (Беседа А. Караулова с Г. Старовойтой) // Независимая газета. 1991. 30 июля.

³ Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР. Москва. 2020. 3 марта.

Генерального секретаря ЦК КПСС, а с осени — заведующий Секретариатом Президента СССР¹.

Как бы то ни было, но в политическом отношении вильнюсские события были поражением Михаила Сергеевича: лауреат Нобелевской премии мира 1990 года окончательно перестал быть кумиром демократов «отечественного разлива»; Президент же, провозгласив готовность силовым путем защищать союзные законы, оказался не готов принимать на себя ответственность за это, навлекая на себя упреки в бездеятельности и недееспособности со стороны «силови-ков», от которых, по мнению военных, Президент «открестился». При этом инициатива «наведения порядка» в Литве, скорее всего, исходила именно от Горбачёва. Если верить утверждению бывшего министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Т. Язова, «примерно числа 9-го [января 1991 года. — *Авт.*] Горбачёв пригласил меня, Крючкова и Пуго поговорить о том, какие принимать меры, чтобы прекратить этот шабаш антисоветской деятельности. Президент СССР как гарант соблюдения Конституции, безусловно, имел на это право. И на следующий день он приказал навести в Литве порядок...»² По словам генерала В. А. Ачалова, координировавшего действия советских воинских частей в Вильнюсе и фактически командовавшего операцией, Горбачёв «все пустил на самотек. Жесткие решения пришлось принимать непосредственным исполнителям уже на улице, фактически на ходу»³. По правомерному утверждению Р. А. Ялышева, «М. С. Горбачёв, провозгласив готовность к “силовому курсу”, продемонстрировал слабость в его воплощении. Он не ввел открыто прямое президентское правление в защиту Конституции СССР, а потом не взял на себя ответственность за действия военных. В итоге стало ясно, что Горбачёв не готов к силовой защите союзных законов»⁴. Отметим, что в окружении Горбачёва до сих пор присутствует твердая убежденность в том, что Президент СССР никаких приказаний относительно применения в Вильнюсе силового сценария не отдавал⁵.

¹ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова. Москва. 2018. 6 февраля.

² Сапоженикова Г. М. Кто кого предал. М., 2016. С. 22–23.

³ Ачалов В. А. Я скажу вам правду. М., 2006. С. 297.

⁴ Ялышев Р. А. СССР на пути к распаду: январские события 1991 года в Прибалтике и новый Союзный договор... С. 333.

⁵ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, пресс-секретаря Президента СССР в 1990–1991 годах. Москва. 2018. 17 октября.

Пораженный всеобщим категорическим неприятием жестких мер со стороны советских властей в Литве и проклятиями в адрес Президента СССР, Горбачёв принял самое неуклюжее, но, пожалуй, *приемлемое* в той ситуации решение: открестился от всего произошедшего на улицах Вильнюса, заявив, что недавнее кровопролитие ни в коей мере «не являлось выражением линии президентской власти»¹. Положение, в котором он оказался в тот момент, было таково, что хороших выходов из ситуации не было — все были равно плохими. В итоге «либеральную» часть своей команды Горбачёв сохранил, но армия и КГБ, фактически отданные президентом на растерзание демократическим СМИ, эту обиду ему не простили. Думается, что это и стало тем роковым моментом, который предопределил драму августа 1991 года. Президент СССР показал, что не готов принимать на себя ответственность за непопулярные меры силового блока; силовики же после этого в свою очередь не были готовы «защищать Горбачёва» — это сыграло свою роль уже в декабре 1991 года — после подписания Беловежского соглашения, когда армия была демонстративно безучастна.

Горбачёв, не считая для возможным открыто вступить в конфликт ни с одной из влиятельных политических сил и фактически «закрыв глаза на Вильнюс»², продолжил тактику маневрирования, которые подвела его к весне 1991 года к угрозе отставки. Многие консерваторы в этот момент поставили на Горбачеве крест. Так, влиятельный народный депутат СССР А. Г. Чехов весной 1991 года высказывался в одном из интервью: «Я давно уже говорю: у нас Президента нет. Я сомневаюсь, что Горбачев способен на что-либо решиться... Некоторые все продолжают твердить: альтернативы Горбачеву нет. Извините! Мне, скажем, больше нравится Янаев. Это человек решительный, ответственный, сказал — сделает. Такие люди и нужны сегодня на вершине власти...»³ К этому моменту Горбачёв многим казался руководителем, каждый шаг которого мистическим образом обречен на неудачу. В таком положении политика без опоры, с распадающейся

¹ Заявление Президента СССР М. С. Горбачёва // Правда. 1991. 23 января.

² Архив автора. Интервью А. С. Грачёва, в августе — декабре 1991 года — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 5 июля.

³ Чехов А. Союз еще поживет, если кое-что запретить и кое-кого посадить // Megapolis-Express. 1991. 2 мая. Свою «решительность», как известно, Г. И. Янаев продемонстрировал всему миру на печально знаменитой пресс-конференции 19 августа 1991 года.

командой, откровенно враждебным и непримиримым отношением к нему демократического лагеря во главе с Ельциным, а также национал-сепаратистов из республик, Горбачёв пошел на ту меру, которая была обозначена еще на Четвертом Съезде народных депутатов СССР. Речь идет о Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года, на котором был поставлен вопрос о сохранении СССР как обновленной федерации. Тем временем Президент СССР продолжал подвергаться жесточайшей критике, от него отходили его некогда преданные соратники. Иллюстрацией этому может послужить, например, опубликованное в «Комсомольской правде» «Открытое письмо Президенту СССР», подписанное С. С. Шаталиным, автором известной программы «500 дней», вышедшего в знак протеста против нового курса Горбачёва из числа членов Президентского совета. Критикуя М. С. Горбачёва за капитуляцию «перед “черными полковниками” Алкснисом, Петрушенко и Макашовым» и осуждая его за события в Литве и Латвии, С. С. Шаталин требовал от главы государства немедленно:

1. Вернуться к жесткому варианту программы «500 дней», прибавив к ней много дельного, сказанного в последнее время.
2. Отказаться от политически тупикового соблазна подписать Союзный договор, ибо это недостижимо и только накаляет межнациональные отношения, катастрофически усиливает центробежные, сепаратистские тенденции, ведет к ускорению развала Союза.
3. Создать Экономический союз политически абсолютно суверенных республик, основанный на принципах программы «500 дней». Любовь с первого взгляда, любовь все сжигающая хороша и божественна для мужчины и женщины, а в политике лучше любовь по расчету.
4. Вы должны немедленно отказаться от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, и она к пользе народной развалится, перестанет претендовать на монопольно-авангардную роль, а если останется, то обычной парламентской партией.
5. Немедленно создать межнациональное, межпартийное, межсловное правительство народного доверия, состоящее из умных, компетентных, честных, известных стране людей. Возможно, в легитимной форме Совета Федерации...

Если, Михаил Сергеевич, Вы всего этого не понимаете, Ваш долг перед народом немедленно уйти в отставку со всем окружением, разумеется. Политик не должен допускать того, чтобы его жалели¹.

¹ Шаталин С. С. Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 100–101.

В архиве сохранился любопытный документ — ответ М. С. Горбачёва на письмо С. С. Шаталина, составленный, судя по стилю, видимо, помощником Президента СССР А. С. Черняевым, опиравшимся при подготовке своей записки на высказывания, произнесенные его папашей в узком кругу.

Я, как Вы знаете, достаточно лояльно отношусь к резким высказываниям в свой адрес. Дело в том, что Ваше выступление в сложившейся сегодня ситуации действительно имеет основополагающее значение, поскольку требует от меня, как Президента страны, четкого самоопределения. Момент для такого самоопределения настал, и Ваше письмо убедило меня окончательно, что медлить с этим нельзя.

Страна — в отчаянном положении. Налицо по сути единый блок радикалов как левых, так и правых, говорящих о крахе перестроенного процесса. Разорвано, причем сознательно и жестоко, единое экономическое пространство страны. Теперь на очереди такой же разрыв и политического пространства. Под угрозой государство, называемое «империей», «коммунистическим монстром». На самом же деле это — самый сложный организм с сотнями тысяч обратных связей, хрупкой и действительно весьма далекой от идеала инфраструктурой.

Как специалист по математическим методам, Вы не можете не понимать, к чему приводит разрыв хотя бы одной из коммуникаций в управленческой цепи огромного народнохозяйственного организма. Это, говоря Вашим же языком, чревато рядом резонансных эффектов, причем Вы хорошо понимаете, что в зоне подобного «резонанса» управление прекращается. Так что же такое — на этом языке, которому Вы меня научили, за что я очень Вам благодарен, — означает война законов, разве это — не ввод в режим резонансных процессов — сознательно. И что это значит для населения страны? Это значит, что прекращается управление подачей тепла, электроэнергии, товаров, медикаментов, продуктов питания, горючего. Это значит — системный кризис с необратимыми последствиями, выход из которого будет только один — кровавая и беспощадная диктатура. Это может быть так называемая «правая» диктатура, которая отбросит страну не к эпохе застоя, а к гораздо более страшному времени. Это может быть и диктатура «левая», антикоммунистическая, со столь же страшными последствиями для общества. И, наконец, это может быть и гражданская война — еще более страшное зло, чреватое опасностью не только для нас, но и для мировой цивилизации.

Я и мои товарищи, подвергаясь бесконечным нападкам и оскорблениям, угрозам и справа, и слева, стремимся провести корабль между Сциллой и Харибдой, между диктатурой и хаосом, между леворадикальной элитой, зовущей население по сути к войне, и нарастающим с каждым днем консервативным синдромом, догматической «упертостью» правых, ждущих своего часа, чтобы вернуть старый «порядок». Судьба демократии, судьба реформ, судьба государства оказалась висящей на волоске. И в этот час Вы предъявляете нам ультиматум, как бы от лица всей науки, и требуете ответа.

Если бы я был «справа», то я ответил бы проклятиями в адрес профессоров и стал бы во главе антиинтеллектуальной волны. Если бы я был «слева», я начал бы расшаркиваться в извинениях, говорить, что для меня наука «прежде всего» и что я без нее ничего не в состоянии сделать. Еще вчера — я бы уклонился от ответа и не из робости, не из всеядности, а просто потому, что многое еще не было мною понято, осознано до конца. А я не люблю, да и не имею права, в отличие от многих, чересчур определенно высказываться о недостаточно обдуманном мною проблемах. Отсюда та уклончивость, которая многими воспринимается просто как слабость. Но это — уклончивость из вчерашнего дня.

А сегодня многое для меня стало ясным, в том числе и благодаря Вашему заявлению. Я не хочу обвинять Вас в предательстве. Я и сейчас по-прежнему уважаю Вашу искренность и профессионализм. Но я должен ответить по существу. Главный для меня вопрос, возникший в связи с Вашим письмом, — это вопрос об отношении к науке и о соотношении между нею и государственным управлением. Именно такой ответ на этот вопрос и определит сегодня политический центризм как то единственно верное направление, которое я буду отстаивать до конца. <...>

Начиная перестройку, мы постарались сделать все возможное для того, чтобы возникла открытость, хотя бы наверху, чтобы стал возможным режим обсуждения принимаемых решений, режим свободного обмена идеями. И слишком поздно мы увидели, что созданную нами форму стали превращать в цель, подменяя обсуждение игрой в дискуссию, а попросту говоря, академической болтовней. Свежих идей мы от Вас, простите, не дождались, особенно идей того масштаба, на который мы рассчитывали. Вы — честный, искренний человек. И я прошу Вас, не для печати, а для себя лично, ответьте, неужели средняя калька с программы Международного валютного Фонда, средняя, как Вы сами неоднократно говорили, кандидатская диссертация, известная

под названием «Программа Явлинского», и есть та программа, которой заслуживает великая и во многом трагическая страна?

<...> Рано или поздно перед Вами встанет эта дилемма и придется ее решать. И я желаю Вам мужества и честности в поисках этого решения. Желаю Вам искренности и глубины. Что же касается пяти конкретных вопросов, то отвечать буду так же кратко, как Вы их поставили.

Первое. В кратчайшие сроки мы произведем реформу, сочетающую структурную модернизацию и переход к смешанной рыночной экономике, реформу, гораздо более отвечающую интересам людей и общества в целом, нежели пресловутые «500 дней».

Второе. В тяжелейших условиях мы тем не менее завершим переход к нормальному федеративному государству.

Третье. Страна едина и будет оставаться единой, ибо этого хочет народ. Референдум это покажет, Истина выйдет наружу, как бы ни пытались манипулировать сознанием общества.

Четвертое. В кратчайшие сроки партий будет принята новая программа, в которой удастся, я думаю, ответить на коренные вопросы, волнующие общество, и, думаю, что после этого партия не развалится, а окрепнет, став обычной *правящей* парламентской партией.

Пятое. Что касается «умных и компетентных людей», предлагаемых Вами в правительство, то мы, я Вас заверяю, их ищем и находим среди тех, кому дорого это общество, эта страна, это государство, этот народ¹.

Вместе с тем в первые месяцы 1991 года Советский Союз, казалось бы, неумолимо приближался к краху: «война законов» шла полным ходом — не только в Прибалтике или в Грузии, но и в РСФСР начали один за другим приниматься законы и постановления, которые противоречили законам СССР²; продолжалась открытая борьба Ельцина против Горбачёва: Борис Николаевич высказал свое требование о необходимости ухода союзного президента в отставку; налицо было падение уровня жизни населения и многое-многое другое — из той же негативной категории. По мнению А. С. Черняева, Президент СССР к тому моменту уже исчерпал себя «интеллектуально как политик. Он устал. Время обогнало его, его время, созданное им самим»³.

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 309. Л. 58–71. На листе 58 — помета: «Доложено. 27.03.1991».

² Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 274.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 930. Дневниковая запись от 20 марта 1991 года.

К весне 1991 года Горбачёв находился на грани отставки: политика лавирования между право-коммунистическим и демократическим лагерями привела Президента СССР к тому, что база его поддержки сократилась до минимума. «К началу весны 1991 года мрак на политическом небосклоне Горбачёва сгустился до предела. Демократическая оппозиция по-прежнему не прощала ему дрейф навстречу реакции, происшедший с октября по январь [С октября 1990 года по январь 1991 года — *Авт.*], а партийный аппарат старого закала все злее нападал за то, что этот дрейф остановился, не дойдя до желанной реакции предела. Пространство традиционного маневра между двумя крайними полюсами сузилось до такого узенького просвета, в каком, казалось, уже невозможно было шевельнуться... Горбачёв между тем тянул и тянул свою лямку, казалось, совсем уже в безнадежных условиях: пытался продвигать реформы, по-прежнему не вступая в открытый конфликт ни с одной из политических сил», — вспоминал О. Р. Лацис¹.

В этой ситуации Горбачёву удалось, казалось бы, выйти из политического пике — способствовали этому результаты Всесоюзного референдума 17 марта, на котором ставился вопрос о существовании обновленного Советского Союза. Горбачёв шел ва-банк: в случае отрицательного ответа на вопрос референдума о сохранении СССР Президенту страны не оставалось ничего другого, кроме как уйти в отставку, в этом случае было бы понятно, что гражданское большинство не принимает исповедуемую главой государства политику центризма, а в обществе наметилась тенденция к возобладанию крайних сил². О готовности уйти в отставку с поста Президента СССР М. С. Горбачев откровенно говорил в присутствии своего помощника А. С. Черняева³. При этом Михаил Сергеевич высказывал твердую уверенность в успешном для судьбы страны результате голосования: закрытые опросы показывали, что большинство людей выскажется за сохранение Союза⁴. «Раз взялись за реформирование Союза — поскорее

¹ *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 335–337.

² Три вопроса перед референдумом. Интервью заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС А. Я. Дегтярева // *Московская правда*. 1991. 12 марта.

³ *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008. С. 965. Дневниковая запись от 23 июля 1991 года.

⁴ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова, помощника Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва. Москва. 2018. 6 февраля.

заключить новый Союзный договор, перераспределить полномочия... Надо идти по пути распределения полномочий, обеспечения реального суверенитета в рамках обновленного Союза. Эта цель достижима. Уверен, что люди 17 марта на референдуме выскажутся именно за это. Те, кто хочет поставить референдум под сомнение и даже пойти вопреки воле народной, ставят под сомнение формулу референдума: она-де сложная, непонятная, давайте ее упростим... А что там непонятного? Речь идет об СССР, об обновленной федерации суверенных государств-республик, о том, чтобы всем народам, всем гражданам, какой бы национальности они ни были и где бы ни проживали, гарантированы Конституцией, Союзным договором равные права и возможности», — заявил М. С. Горбачёв по поводу референдума¹.

17 марта 1991 года состоялся первый в истории страны Всесоюзный референдум. Из пришедших на избирательные участки советских граждан 76,4% ответили — «Да» на предложенный к ответу вопрос референдума «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности»². Как сам референдум, так и формулировка вопроса, предложенного на нем, имели немало недостатков: по мнению В. Б. Исакова, занимавшего в ту пору должность Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР, «референдум испортили сложным и маловнятным вопросом, который выглядел как политический трюк, хотя референдум и выражал волю народа»³. Г. Э. Бурбулис был убежден, что А. И. Лукьянов — автор вопроса, вынесенного на Всесоюзный референдум, — «переборщил с формулировкой» референдума, ввиду чего «референдум не сыграл той консолидирующей роли, на которую надеялась команда Горбачёва»⁴. С. С. Шушкевич считал, что формулировка референдума была столь невнятной, что была, по сути, обманом народа, а сам референдум — «фальшивым»⁵. «Было очевидно, — полагает народный депутат

¹ Пребывание М. С. Горбачёва в Белоруссии // Московская правда. 1991. 28 февраля.

² ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 13. Д. 134. Протокол Центральной избирательной комиссии референдума СССР. Л. 6.

³ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова. Москва. 2019. 2 октября.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, государственного секретаря РСФСР, народного депутата СССР. Москва. 2019. 11 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича. Минск. 2019. 30 августа.

СССР Н. С. Петрушенко, — что голосование 17 марта не имеет обязательного характера...»¹ «Филькиной грамотой» называл Всесоюзный референдум и один из лидеров демократического лагеря Г. Х. Попов².

Референдум по разным причинам бойкотировали 6 из 15 союзных республик (республики Прибалтики, Армения, Грузия и Молдавия), политические элиты и значительная часть населения которых уже не видела своего будущего в составе обновленного Союза. Лидер одной из них, Армении, Л. А. Тер-Петросян прямо говорил о том, что воспринимает референдум как «чисто пропагандистскую акцию Центра для укрепления своей власти. В реальной жизни это абсолютно ничего не изменит. Сегодня ни одна из республик не откажется от своих завоеваний, что совершенно не учитывается центральными властями...»³ Своим согласием на проведение референдума в таком составе республик союзное руководство фактически признавало, что прежнее Союза больше нет и нужно стремиться к сохранению ядра страны.

Учитывая общее положение в стране, у референдума было небольшое количество противников — даже из числа тех, кто активно выступал за сохранение Союза: им казалось, что проведение референдума еще больше «раскачает» ситуацию в СССР. Так, например, народный депутат СССР В. А. Писаренко в письме Горбачёву предупреждал Президента СССР: «В разогретом, растревоженном как улей обществе “референдум” может принести катастрофические результаты, а если учесть то положение, которое сложилось в отдельных республиках и регионах с радио, телевидением, печатью. Прошу, будьте осторожны с “референдумом”, возможна непредсказуемая ситуация»⁴.

На наш взгляд, Всесоюзный референдум был несомненно своевременным и чрезвычайно сильным политическим маневром М. С. Горбачёва⁵; его результаты окрылили Президента⁶, отразив объективное

¹ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко. Орша. 2019. 31 августа.

² Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

³ Левон Тер-Петросян в российской прессе. М., 2018. С. 38.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 615. Л. 114.

⁵ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, в 1991 году — члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 ноября; Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, в 1991 году — члена Политбюро, 1-го секретаря МГК КПСС. Москва. 2020. 17 февраля.

⁶ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, в 199–1991 годах — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 17 октября.

стремление большинства граждан Советского Союза к сохранению единого государства¹. Референдум усилил позицию Горбачёва, а его результаты выступали, казалось, в качестве надежной опоры линии Михаила Сергеевича на сохранение единого государства: Президент СССР предстал в роли политического лидера, выражающего волю большинства населения своей страны.

Позиции Президента СССР укрепились. «Думаю, без этого голосования не могло быть и встреч в Ново-Огареве, разрядивших на время обстановку в стране и создавших предпосылки для преодоления кризиса», — обоснованно утверждал М. С. Горбачёв². Но есть и другой взгляд на проблему: нужен ли вообще был Президенту и его стране новый Союзный договор после *всенародного голосования*? Может быть, власть недооценила юридическую силу референдума? Результаты мартовского референдума давали Горбачёву политическую и юридическую возможность быстро заключить новый Союзный договор, при этом А. В. Руцкой вообще убежден, что Президент СССР, опираясь на результаты референдума, имел право арестовать наиболее рьяных сепаратистов³. В. И. Щербаков, занимавший в 1991 году пост первого заместителя Премьер-министра СССР В. С. Павлова, убежден, что результаты Всесоюзного референдума были настолько убедительны, что Центру и Президенту СССР вовсе не нужно было начинать никакого Новоогаревского процесса и искать компромисса с республиками во имя подписания нового Союзного договора⁴. «Затевая Новоогаревский процесс, Горбачёв начал процесс развала», — утверждал С. А. Филатов⁵. В беседах с автором этих строк историки Р. А. Медведев и В. В. Калашников, оба в 1991 году — члены ЦК КПСС, подчеркивали, что Горбачёв не использовал тех законных прав, которые

¹ Ялышев Р. А. Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР. Автореф. дис. канд. истор. наук. СПб., 2011. С. 20.

² Горбачёв М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 203.

³ Архив автора. Интервью А. В. Руцкого, с лета 1991 года — вице-президента РСФСР. Москва. 2019. 10 июля.

⁴ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова, члена ЦК КПСС, первого заместителя Премьер-министра СССР. Москва. 2022. 3 сентября.

⁵ Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР, в 1993–1996 годах — главы администрации Президента Российской Федерации. Москва. 2019. 22 марта.

давали ему итоги Всесоюзного референдума: он должен был немедленно, после подведения итогов референдума, вводить чрезвычайное положение и добиваться, опираясь на результаты всенародного голосования, скорейшего подписания нового Союзного договора¹. «Весной 1991 года Горбачёв допустил одну из самых серьезных своих ошибок... Горбачёв должен был, опираясь на мартовский референдум, немедленно внести в парламенты девяти республик, участвовавших в голосовании, проект Союзного договора федеративного типа и потребовать его подписания согласно воле народа. Такие возможности были. Однако Горбачёв в апреле ввязался в переговоры в рамках Новоогаревского процесса и упустил время», — заявил В. В. Калашников².

Не склонный по самому складу своего характера к решительным и, как ему казалось, поспешным мерам советский лидер прибегнул к излюбленной тактике «кунктатора», погрузившись в изнурительную схватку с лидерами республик в Ново-Огарево: по каким-то одному ему известным причинам Горбачёв даже не пытался изображать из себя хозяина положения, отказавшись воспользоваться результатами своей мартовской победы и в известной степени предопределяя свою грядущую неудачу.

Пользуясь шахматной терминологией, Всесоюзный референдум обеспечил выигрышную позицию в партии, которую вел Горбачёв, теперь, для окончательной победы, от Президента СССР, уже выигравшего партию позиционно, требовалось выиграть ее тактически, для чего требовалось найти решающую комбинацию. Может быть, Михаил Сергеевич ее и нашел, но на введение — для обеспечения скорейшего подписания Союзного договора — чрезвычайного положения он не решился, отдав, как всегда, предпочтение осторожным политическим маневрам. «Референдум был почему-то воспринят властью всего лишь как *мнение* народа, расширить толкование Горбачёв почему-то не решился», — удивлялся народный депутат СССР

¹ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1990–1991 годах — члена ЦК КПСС. с. Немчиновка, Московская область. 2018. 21 июля; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в 1990–1991 годах — члена ЦК КПСС, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург, 2018. 31 октября.

² Начало катастрофы (Беседа Р. Костомаровой с В. Калашниковым) // Истори́к. 2025. № 4. С. 64–65.

Н. А. Куценко¹. Была и еще одна тонкость. Обычно упоминается лишь о Всесоюзном референдуме, однако одновременно с ним проходил и всероссийский референдум, на который, в частности, был вынесен вопрос о введении поста Президента РСФСР. Свыше 75 процентов жителей РСФСР, принявших участие в голосовании, поддержали эту инициативу, открыв тем самым, как оказалось, дорогу Б. Н. Ельцину... Несмотря на чрезвычайно тяжелые личные отношения, Ельцин и Горбачёв обменивались мнениями по целому ряду вопросов, используя в качестве посредников — С. М. Шахрая и С. Б. Станкевича со стороны Ельцина и А. Н. Яковлева и Г. Х. Шахназарова — со стороны Президента СССР. Накануне проведения Всесоюзного референдума Горбачёв и Ельцин договорились о том, что Борис Николаевич не будет призывать россиян бойкотировать референдум о сохранении обновленного Союза, но Михаил Сергеевич «добавляет в бюллетень вопрос о Президенте РСФСР. Личные контакты, — рассказывал автору Сергей Борисович Станкевич, — были редки, у Ельцина и Горбачёва была психологическая непереносимость»². Может быть, именно из-за опасения нового разрыва с Ельциным, которому Президент СССР пообещал *не мешать избраться российским президентом*, а выборы были назначены на 12 июня 1991 года, — Горбачёв не решился настаивать на подписании Союзного договора весной 1991 года — сразу после того, как прошел Всесоюзный референдум³. Это было его крупной, хотя, возможно, и вынужденной ошибкой.

Так или иначе, но Центр и Горбачёв не сумели воспользоваться всеми плодами своей победы, а Россия и Ельцин в результате Всероссийского референдума усилили свои позиции. «В марте 1991 года я снова оказался в больнице, так что оттуда лишь наблюдал баталии вокруг союзного и российского референдумов. Первый, как стало ясно позднее, был довольно бесполезным. Хотя большинство и высказалось за сохранение Союза, центробежные силы в республиках и автономиях уже было не удержать. Местная элита, в основном коммунистическая и чиновничья, почувствовала вкус к власти. Всем захотелось

¹ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко. Москва. 2021. 23 марта.

² Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича. Москва. 2019. 1 апреля.

³ По поводу отношений Ельцина и Горбачёва и их полемики в прессе и на телевидении см. исключительную по своей информативной ценности книгу: Горбачёв — Ельцин: 1500 дней политического противостояния / Сост. Л. Н. Доброхотов; Предисловие и послесловие: М. К. Горшков, Л. Н. Доброхотов. М., 1992.

своих президентских самолетов, ковровых дорожек и... независимости от Центра. А российский референдум, вроде бы пристегнутый к первому, дал главный результат: стало возможным избрание в июне Президента России на всеобщих выборах и, стало быть, легитимизация власти Ельцина и укрепление новых российских политических и государственных структур. Это позволило Ельцину пойти на некоторое сближение с Горбачёвым, правда, этого не заметили как лидеры, так и большинство сторонников двух формировавшихся в стране и вступавших уже в открытую конфронтацию лагерей», — вспоминал замечательный литературовед, народный депутат СССР Ю. Ф. Карякин¹.

«Я, может быть, выскажу крамольную мысль, но когда Михаил Сергеевич задумал проведение референдума о единстве Союза в марте 1991 года, я подумал, что если вообще есть какой-то смысл в референдуме, то при получении как минимум 70 процентов голосов “за” (а может быть, и меньше), видимо, последует разгон Советов во всех республиках и на всех уровнях, введение чрезвычайного положения и установления прямого президентского правления по всей стране. Иначе я не видел никакого смысла в референдуме. После того как этого не было сделано, все пошло по нарастающей, и, конечно, август — это логическое завершение того, что должно было быть», — обоснованно утверждал один из самых известных политологов перестроечной эпохи А. М. Мигранян².

Благодаря результатам референдума начался многомесячный Новоогаревский процесс³, в ходе которого Горбачёв продемонстрировал исключительное искусство политического маневрирования, добившись большого количества промежуточных тактических побед. Примечательно, что В. В. Рябов, занимавший в 1991 году пост заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС, расценивал Всесоюзный референдум как «последнюю активную акцию партии», особо оговаривая, что «итоги референдума... рассматривались в ЦК как победа Горбачёва, и прежде всего *генсека, а не президента* [выделено мной. — Авт.]»⁴.

Новоогаревский процесс по своему драматизму может быть сравним с бессмертными шекспировскими историческими хрониками — это

¹ Карякин Ю. Ф. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению). М., 2007. С. 248.

² Россия, которую мы обретаем // Новый мир. 1993. № 1. С. 24.

³ Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1997. P. 286.

⁴ Рябов В. В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005. С. 169.

были, по выражению очевидца и участника событий Ю. М. Батурина, своего рода политические шахматы, в которых присутствовали и комические, и трагические моменты — причем подчас одновременно¹. Ставкой в этой игре была судьба огромного государства — это в равной степени понимали все те, кто по манию судьбы принимал участие в этой удивительной партии, результат которой определился лишь в самом конце 1991 года, когда один из игроков — Горбачёв — признал свое поражение, а вместе с его падением прекратил свое существование и Советский Союз. Ничто из этого не было предопределено в апреле 1991 года; напротив, казалось, что союзный Президент успешно навязывает свою волю лидерам республик, вынужденных искать компромисса с Горбачёвым². В эти месяцы — до путча, — по словам Г. Х. Шахназарова, Ново-Огарево «стало символом единственно рациональной политики в условиях нараставшего всеобщего кризиса», здесь, на заседаниях в подмосковной резиденции Президента СССР, участники переговоров искали «формулу согласия»³.

Переговоры в Ново-Огарево стали возможны благодаря тому, что 23 апреля 1991 года, за сутки до начала работы Пленума ЦК КПСС, Горбачёву удалось собрать в Ново-Огарево руководителей девяти союзных республик и побудить их признать заключение нового Союзного договора первоочередной задачей. В переговорах приняла участие и Украина, лидер которой, Л. М. Кравчук, откровенно пояснил в воспоминаниях свою позицию: «Несмотря на то что Горбачёву безусловно были присущи противоречивость и непоследовательность, он представлял собой залог относительной демократии на советской территории. Реакционные силы, которые рвались к власти, были намного опаснее. Поэтому в интересах участников “новоогаревских” переговоров (подавляющее большинство из нас небезосновательно надеялись на быстрое и бескровное обретение нашими республиками независимости) было поддержать Горбачёва»⁴. Документ был подписан накануне пленума

¹ Baturin Y. Chess-like diplomacy at Novo-Ogarevo. An eyewitness account to the drafting of the USSR Union Treaty in 1991 // Demokratizatsiya. Демократизация. The journal of Post-Soviet Democratization. Spring 1994. V. 2, Number 2. P. 212, 221.

² Жизнь после Ново-Огарево: либо что-то будет, либо кого-то не станет // Коммерсант. 1991. 27 мая — 3 июня.

³ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993. С. 275–276.

⁴ Кравчук Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми. Киев, 2002. С. 81.

ЦК КПСС, на котором мог быть поставлен вопрос о снятии Горбачёва с поста Генсека. В свою очередь, и руководители республик понимали, что если Горбачёв будет снят, то к власти придет человек, который по своим взглядам будет гораздо консервативнее Горбачёва и сделает ставку на силовое удержание республик, вплоть до решительного применения вооруженных сил. Вслед за утратой поста генсека Михаил Сергеевич неминуемо бы потерял в самые ближайшие месяцы и пост президента СССР. Для республиканских же лидеров лишь Горбачёв казался единственно приемлемой фигурой на посту президента страны. «Горбачёв еще раз показал, что он — политик не того полета, как окружившие его третьесортные аппаратчики. Он и не искал себе опоры на предстоящем пленуме (что, впрочем, было, пожалуй, неосмотрительно). За два дня до пленума в печати появился ошеломляющий документ: Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса, подписанное президентом СССР и руководителями девяти союзных республик. Среди подписавших был и Ельцин. Начался Новоогаревский процесс переговоров о Союзе Суверенных Государств. Ельцин в последующие дни подтвердил готовность сотрудничать с Горбачёвым и призвал шахтеров прекратить политическую забастовку. Партийный аппарат мог еще раз убедиться, что затеял возню на второстепенной политической позиции, где в принципе не способен нанести серьезный ущерб президенту СССР. Аппаратчикам дано было понять, что они потеряют многое от разрыва с президентом, а он от разрыва с ними, может быть, только выиграет», — вспоминал член ЦК О. Р. Лацис¹.

В результате было подписано знаменитое общее Заявление «9+1»: девять республик и Центр в лице Президента СССР начали работу над текстом нового договора. Заявление, названное «Не допустить углубления кризиса, ввести жизнь в нормальное русло», провозглашало, что «важнейшим условием выхода страны из кризиса является заключение нового Союзного договора с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума», а участники встречи признавали необходимым просить Верховные советы республик «завершить рассмотрение проекта нового Союзного договора с тем, чтобы можно было уже в мае окончательно согласовать его на заседании Совета Федерации и подписать делегациями республик»².

¹ Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 338.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 297. Л. 75.

Итак, в сложной для Горбачёва ситуации республики сочли наиболее выгодным для себя поддержать союзного Президента. «Так называемое заявление “9+1”, обнародованное перед самым началом работы Пленума, укрепило позиции Горбачёва, фактически спасая его от достаточно реальной угрозы отставки с поста Генерального секретаря КПСС. Приход к власти консервативных кругов и связанной с этим угрозы большевистского реванша удалось предотвратить», — вспоминал Л. М. Кравчук¹.

«Некоторое время соглашение “9+1” было источником своеобразной эйфории. Словно в момент, когда два войска готовы были сойтись в яростной рукопашной схватке, вожди их вняли гласу народа и договорились жить дружно. Даже отметили это событие бокалом шампанского. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, за обедом они с Борисом Николаевичем, чокнувшись, выпили за здоровье друг друга. Сильно помог успеху, по словам Президента, Нурсултан Назарбаев. Но если сами лидеры были довольны, этого нельзя сказать об их “командах”. Наиболее воинственные “демороссы”, полагавшие, что Центру нельзя давать передышки, надо его добить, обрушили шквал упреков на Ельцина. Прозвучали даже обвинения в предательстве демократического лагеря. Экстремисты вынудили Бориса Николаевича выступить с оговорками, которые ставили под сомнение прочность достигнутого компромисса. Роптала и консервативная часть президентского окружения. “Что же вы, братцы, сделали? Отдали власть, а с нею Союз”, — сказал мне в сердцах один из членов Политбюро. Бесполезно было объяснять, что речь идет о компромиссе, которому в тот момент не было альтернативы, и что новоогаревская встреча лишь привела содержание государства в соответствие с его конституционной федеративной формой. Так, через пень колоду, вынужденные чуть ли не ежедневно отбиваться от нападков слева и справа, то и дело оступаясь и возобновляя перебранку, мы втягивались в новоогаревский процесс», — рассказывал помощник Президента СССР Г. Х. Шахназаров². Заявление «9+1» имело широкий резонанс в стране и вселяло определенные надежды на скорую стабилизацию обстановки в Советском Союзе³. По словам Президента Казахской ССР Н. А. Назарбаева, это общее заявление

¹ Кравчук Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми... С. 81.

² Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993. С. 224–225.

³ Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 257.

являлось «мощной базой для сохранения государства: в этих республиках сосредоточено 90 % экономического потенциала страны... на основе этого заявления и будет заключен Союзный договор...»¹ «Очень большое, по-моему, достижение — это, я убежден, еще будет записано в истории, — что президент Горбачёв и высшие руководители девяти республик 23 апреля провели целый день в дискуссиях и вышли на общее заявление», — заявлял Н. А. Назарбаев, подчеркивая, что Союзный договор «надо ускорять, идти к нему как можно быстрее. А он в свою очередь станет основой будущей Конституции. В связи с новой Конституцией мы определили, что она будет принята примерно через шесть месяцев после подписания договора — начнется изменение всей структуры власти»².

В научной литературе сложилось скорее отрицательное отношение к Заявлению «9+1». Так, комментируя это Заявление, Ю. М. Батури, принимавший участие в работе над составлением Союзного договора, от самого начала и до самого конца Новоогаревского процесса, отмечает, что «заявление стало фактическим отказом от воссоздания Советского Союза в прежнем виде (что, впрочем, уже было невозможно)... Что же касается “9+1”, то вместо “стабилизации” и “преодоления кризиса” это заявление только углубило его»³. Автор рецензии на книгу Ю. М. Батурина, З. А. Станкевич, также участвовавший в работе над подготовкой Договора, солидарен с Юрием Михайловичем, высказывая мнение о том, что и Всесоюзный референдум, и «Заявление “9+1” лишь усилили дезинтеграцию страны, сделав Президента СССР, по сути, заложником республиканских лидеров»⁴. В другой своей работе Зигмунд Антонович называет Заявление «9+1» — «точкой невозврата», предопределившей судьбу СССР и советского строя, поскольку при помощи этого Заявления были фактически перечеркнуты результаты Всесоюзного референдума о сохранении СССР от 17 марта 1991 года⁵.

¹ Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2 / Книга политических диалогов. М., 1992. С. 379. Интервью Н. А. Назарбаева, 29 июля 1991 г.

² Я не могу поддержать то, что мы тянем с реформами. (Беседа А. Кутепова с Н. Назарбаевым) // Независимая газета. 1991. 28 мая.

³ Батури Ю. М. Союз (не) возможный. Документированная хроника Ново-Огаревского процесса. 1990–1991. М., 2021. С. 397.

⁴ Станкевич З. А. О важности документирования, или Что значит «дописать историю»? // История государства и права. 2022. № 7. С. 63–64.

⁵ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной

В исследовательской литературе и мемуаристике существуют разные точки зрения относительно политических перспектив Новогоревского процесса. Имел ли шанс Горбачёв спасти единое государство в случае подписания нового Союзного Договора, текст которого был согласован лидерами республик накануне рокового для первого и единственного Президента СССР отъезда в отпуск в августе 1991 года? Проявил ли он себя в ходе многомесячных Новогоревских бдений как эффективный переговорщик? Не была ли найденная им в ходе весенне-летних переговоров с республиканскими лидерами формула консенсуса в действительности лишь узаконением распада страны? Был ли вообще нужен стране новый Союзный Договор? Была ли скороспелая акция ГКЧП благородной попыткой спасения союзной государственности, продлившей ей жизнь на несколько месяцев свыше отведенной в результате согласованных в конце июля 1991 года условий Договора, или же, если бы не ГКЧП, Союз в том или ином составе республик удалось бы сохранить? Словом, ГКЧП — невольный убийца Союза или его незадачливый спаситель? Был ли у Горбачёва шанс после путча заключить Союзный договор? Все эти вопросы активно обсуждаются в исследовательской литературе, мемуаристике и публицистике. Очевидно одно: в 1991 году Советский Союз распался, вопреки ясно выраженному желанию *большинства* его граждан сохранить свое государство.

«Было понятно, что предстоит развязывать тугой узел межнациональных отношений на натянутом канате государственности, в котором от напряжения уже стали рваться отдельные нити. Распутывание всего узла политических, экономических, социальных, национально-культурных и других проблем требовало длительного времени, которого не было. Но ослабить напряжение, чтобы канат не лопнул, требовалось быстро. О подходе к задаче, как гордиеву узлу, не думали», — рассказывает Ю. М. Батури́н о начале работы над подготовкой нового Союзного Договора¹. По правомерному утверждению Батурина, самым фактом начала разработки Договора «руководство страны показало, что оно готово начать поиск новых форм сотрудничества с учетом интересов и позиций каждой из республик»². Учитывая сложность задачи, велись и поиски переговорной стратегии. При этом

конференции: Сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 172.

¹ Батури́н Ю. М. Союз (не) возможный... С. 118.

² Там же.

принципиальная новизна подхода, выбранного М. С. Горбачёвым, состояла в том, что в новый Союзный договор изначально закладывалась возможность разных вариантов отношений Союза и республик, каждая из которых выбирает приемлемую для себя модель политического устройства путем всенародного референдума¹. «Было понятно, — вспоминает Ю. М. Батулин, — что работа над новым Союзным договором займет длительное время. Она должна была носить характер поиска взаимоприемлемых решений, притирки позиций, компромиссов. Это будет снижать напряженность, предотвращать взрыв»².

Комментируя позицию республик, характер их предложений по поводу Союзного договора, Ю. М. Батулин приходит к выводу о том, что переговоры с самого начала шли непросто — позиции республик, уровень их подготовленности к переговорному процессу, ожидания от будущего обновленного Союза, масштаб полномочий, запрашиваемых ими у Центра, были совершенно разными. Союзное руководство, и в первую очередь М. С. Горбачёв, исключительно внимательно следили за перипетиями проходивших во второй половине 1990 года консультаций, пытаясь одновременно и выявить найденную в переговорах «область согласия» между республиками и Центром, и «на ходу парировать негативные последствия “парада суверенитетов” и “войны законов”»³. Основу всей дальнейшей работы над проектом нового Союзного договора, по крайней мере со стороны союзного Центра, как раз-таки и составляло стремление путем переговоров последовательно расширить эту «область согласия», что нередко встречало упорное, а порой и ожесточенное стремление республик⁴.

Проводимые консультации показывали заинтересованность республик именно в обновленном Союзе, Союзе без всемогущего Центра. Комментируя общую позицию союзных республик по отношению к обновленному Союзу, первый президент Украины Л. М. Кравчук в одном из своих последних интервью признавался, что «без Новоогарёвского процесса нельзя понять последующих событий. *Мы же не сразу хотели всё развалить* [выделено мной. — Авт.]. Мы предлагали Горбачёву перейти от федерации к конфедерации, по принципу Швейцарии. Для этого потребовались бы серьезные изменения

¹ Батулин Ю. М. Союз (не) возможный... С. 121.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 218.

⁴ Станкевич З. А. О важности документирования, или Что значит «дописать историю»? // История государства и права. 2022. № 7. С. 62.

в управлении страной...»¹ До поры до времени будущие президенты независимых государств — Л. М. Кравчук, А. А. Акаев, И. А. Каримов и др. — признавали необходимым принимать участие в подготовке того варианта Союзного договора, которой был бы выгоден и республикам, и Центру. Выработать формулу согласия, которая позволила бы осуществиться политическим родам такого Союза, было трудно, но возможно. «Новый Союзный договор создавал хорошие предпосылки для того, чтобы перестроить структуру государственной власти в стране, обеспечить ее рациональность и экономичность. Но для этого, — признается Ю. М. Батулин, — предстояло еще вернуть доверие к Центру и принципам федерации и договориться»². Первая версия проекта Договора, подготовленная группой Шахназарова — Ревенко, была разослана в адрес республик 18–19 октября 1990 года и представлена на обсуждение членам Совета Федерации 2 ноября 1990 года. На заседании Совета Федерации присутствовали далеко не все лидеры республик, однако явно выявилось изменение в их позициях. «Большинство, — констатирует Ю. М. Батулин, — выступают за Союз, но начинает проявляться тенденция к отсрочке Союзного договора»³. Вскоре по поводу проекта стали поступать многочисленные замечания. «К январю 1991 года руководство СССР располагало обобщенными предложениями и замечаниями к опубликованному проекту, объем которых составлял свыше 200 страниц печатного текста. Такой значительный материал требовал глубокого изучения и проработки», — пишет Ю. М. Батулин⁴. Работу по исправлению проекта Договора приходилось проводить в условиях продолжающегося кризиса страны и роста центробежных устремлений республик. Невзирая ни на какие трудности, Михаил Сергеевич стремился к максимально быстрому подписанию Договора. «Поставленные перед выбором: Съезд и Конституция СССР или политический ход, формально выходящий за рамки права, но способный привести к быстрому подписанию Союзного договора и тем остановить дезинтеграцию страны, М. С. Горбачёв и его круг “по-суворовски” предпочли быстроту и натиск», — вспоминает Ю. М. Батулин⁵.

¹ *Кравчук Л.* Мы с Ельциным предлагали Горбачёву перейти к конфедерации // Литературная газета. 2021. 31 марта — 6 апреля. № 13 (6778). С. 4.

² *Батулин Ю. М.* Союз (не) возможный... С. 226.

³ Там же. С. 259.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ *Батулин Ю. М.* Союз (не) возможный... С. 395.

По справедливому утверждению Батурина, проблема подписания Союзного договора в основном зависела от характера взаимоотношений «Союз — Россия — автономные республики»¹, конфликты, возникавшие в этой плоскости, требовали быстрого и оперативного разрешения. Однако с начала 1991 года стала очевидной тактика Б. Н. Ельцина на затягивание процесса², что, с учетом его огромной популярности и полномочий как главы государствообразующей республики Союза, не могло не сыграть свою негативную роль в Новоогаревском процессе.

Уже на первых заседаниях Новоогаревского процесса стало ясно, что Ельцин не даст подписать Договор до выборов президента РСФСР, назначенных на 12 июня³. При этом в демократическом лагере осознавали, что Ельцин и Горбачёв «идут в стороне друг от друга. Конфронтация между ними не закончилась; “9+1” — это просто перемирие»⁴. Успеху переговоров мешало огромное взаимное недоверие, разделявшее позиции Ельцина и Горбачёва: они были совсем разные люди⁵. До конца жизни Ельцин сохранил по отношению к Горбачёву «ревниво-негативное отношение»⁶, нередко он бывал к нему «несправедлив»⁷. В свою очередь, Михаил Сергеевич вплоть до смерти относился к Ельцину резко недоброжелательно, именуя Бориса Николаевича «авантюристом»⁸, «сумасшедшим» и т. д.⁹ Уже после ухода Ельцина из жизни в одном из интервью Горбачёв заявил:

¹ Батурин Ю. М. Союз (не) возможный... С. 404.

² Там же. С. 422.

³ Калашиников В. Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 19 августа.

⁴ Я уже обеспечила себя мемуарами (Беседа А. Караулова с Г. Старовойтовой) // Независимая газета. 1991. 30 июля.

⁵ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных, в январе — августе 1991 года министра иностранных дел СССР. Москва. 2019. 21 марта; Архив автора. Интервью А. В. Руцкого, с лета 1991 года — вице-президента РСФСР. Москва. 2019. 10 июля.

⁶ Архив автора. Интервью В. В. Костикова, в 1992–1995 годах пресс-секретаря Президента России Б. Н. Ельцина. Москва. 2020. 30 января.

⁷ Филатов С. Два Ельцина в одном человеке // Известия. 2011. 24 января.

⁸ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва, в 1990–1991 годах — Президента СССР. Москва. 2019. 11 июля.

⁹ Коротич В. Звонит Горбачёв: Ельцин сумасшедший, он вены резал! // Комсомольская правда. 2017. 14 июня.

«С Ельциным мы все-таки были людьми разного склада... Удивительно то, что я сам пригласил его в команду... Дурной он был по характеру. Умный, способный, но очень уж лихой»¹.

Однако весной — летом 1991 года отношения Ельцина и Горбачёва были на подъеме. Б. Н. Ельцин тогда все еще побаивался М. С. Горбачёва, не желал идти с ним на открытый конфликт, опасаясь, вероятно, что Президент СССР придумает предлог и отложит выборы Президента РСФСР; к тому же, как мы уже говорили, в руках у М. С. Горбачёва был могучий козырь — результаты Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года. Все это приводило к тому, что весной-летом Б. Н. Ельцин и М. С. Горбачёв преимущественно изображали видимость совместной работы, отложив на несколько месяцев решающий раунд борьбы за власть. Курс на «мирное сосуществование» Ельцина и Горбачёва был закреплен результатами голосования на выборах Президента РСФСР 12 июня 1991 года, на которых Б. Н. Ельцин одержал убедительную победу. «Кремлевские» кандидаты — Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин — серьезной конкуренции Ельцину оказать не смогли. Победившая команда демократов посчитала нужным пригласить М. С. Горбачёва на инаугурацию Ельцина². Присутствовавший на инаугурации Б. Н. Ельцина на пост Президента РСФСР 10 июля 1991 года. М. С. Горбачёв был подавлен, его присутствие явно вносило дисгармонию в общее торжество. Наблюдавший за М. С. Горбачёвым в те минуты народный депутат РСФСР С. В. Степашин вспоминал, что он «никогда не видел у Михаила Сергеевича такого трагического выражения лица, как на инаугурации Ельцина»³. Как иронично заметила в те дни ленинградская газета «Смена», теперь в одной Москве проживало целых два президента⁴. Долго ли между ними будут нормальные отношения? Невольно вспоминалась крылатая фраза про Боливара из рассказа О'Генри «Дороги, которые мы выбираем». На инаугурации перед собравшимися выступил народный артист СССР О. В. Басилашвили, воспринимавший избрание Ельцина как историческое событие — первые в истории России

¹ Горбачёв М. Народ наш не было! // Аргументы и факты. 2011. № 9. С. 3.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 615. Л. 113. Записка Р. И. Хасбулатова М. С. Горбачёву. 1991. 6 июля.

³ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

⁴ Смена. Ленинград. 1991. 11 июля.

свободные выборы главы республики привели к победе политика из лагеря демократов¹.

После избрания Ельцина Президентом РСФСР в окружении Горбачёва появилось уныние: казалось, что удержать Б. Н. Ельцина на пути к единоличной власти уже невозможно². Ельцин же и не думал скрывать своей эйфории, его чувство передавалось и сподвижникам российского лидера. На импровизированном банкете в честь победы на выборах, который был устроен по предложению Ельцина, новоиспеченный вице-президент РСФСР А. В. Руккой поднял тост: «За царя Бориса!» — который был с удовлетворением поддержан виномником торжества³.

Однако и после избрания Б. Н. Ельцина разрыва между ним и М. С. Горбачёвым не произошло. Вплоть до августовского путча наблюдалась тенденция к установлению определенного статус-кво в отношениях между двумя политиками: «Мы с Горбачёвым вдруг ясно почувствовали, — писал в своих воспоминаниях Б. Н. Ельцин, — что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачёв сохранял свое старшинство, я — свою независимость. Это было идеальное решение для обоих»⁴. С подачи Горбачёва политики пытались наладить и личные отношения: «После общих встреч в Ново-Огарево Горбачёв и Ельцин всегда оставались вдвоем и выпивали»⁵. Позиция мудрого и выступавшего в роли своеобразного волнореза в конфликтах между Центром и республиками Н. А. Назарбаева⁶ также сглаживала на тот момент острые углы:

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 сентября.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, члена ЦК КПСС в 1990–1991 годах, секретаря ЦК КПСС в июле — августе 1991 года. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

³ Архив автора. Интервью А. Ф. Дунаева, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 4 декабря.

⁴ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 54.

⁵ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, начальника Службы безопасности Президента России Б. Н. Ельцина.

⁶ На вопрос журналиста А. В. Караулова о будущем СССР как единого государства, Назарбаев отвечал: «Вспомните 24-й год [правильно — 1922 год. — Авт.]: Союз начинался с подписи четырех республик. А сейчас начинается с подписи девяти. Двери открыты. Для тех республик,

на положение Горбачёва как Президента страны никто не покушался, а Ельцин в «допутчевый» период Новоогаревского процесса временами даже подыгрывал Михаилу Сергеевичу. «Обычно переговоры в Ново-Огареве, одной из подмосковных резиденций Президента СССР, происходили примерно по одинаковому сценарию. Сначала выступал Горбачёв, говорил в своей манере: долго, округло, неторопливо. Затем приглашал к обсуждению нас. Как правило, в конце мне приходилось брать инициативу на себя, если речь шла о принципиальном вопросе. И спорить. Это всех устраивало. Нужно было видеть обстановку в небольшом торжественном зале, где все блистало правительственным великолепием, когда за длинным столом нависала тяжелая пауза и присутствующие пытались прятать глаза... При существовании двух полюсов всем остальным было удобно выбирать свою позицию, маневрировать. Мы с Горбачёвым брали всю моральную тяжесть выяснения спорных проблем на себя... Как ни странно, это никогда не приводило к скандалам, к каким-то неприятным сценам. Почему? Ведь, по сути, мы договаривались об ограничении полномочий союзного центра. Происходила вещь, вроде бы нестерпимая для такого человека, как Горбачёв: ограничение власти. Но тут нужно было учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, внешне он шел как бы во главе этого процесса, сохраняя “отцовскую” позицию, инициативу и лидерство — по крайней мере, в глазах общественного мнения. Никто не посягал на стратегическую роль Президента Союза: все глобальные вопросы внешней политики, обороны, большая часть финансовой системы оставались за ним. Во-вторых, с Горбачёва разом снималась ответственность за национальные конфликты! Вернее, изменялась его роль в распутывании этих безумных кровавых клубков — из “человека с ружьем” он сразу превращался в миротворца, в третейского судью. В-третьих, ему нравилась беспрецедентная в мировой практике роль: руководителя не одного, а множества демократических государств. Это был очень хороший полигон для гибкого вхождения в роль мирового лидера», — рассказывал Б. Н. Ельцин¹. Нормализация отношений между двумя политиками, вспоминал Председатель Совмина РСФСР

которые ставят свои подписи под Союзным договором, создается особое экономическое пространство и режим наибольшего благоприятствования — во всем» (*Караулов А. В.* Вокруг Кремля — 2... Интервью Н. А. Назарбаева, 29 июля 1991 г. С. 387).

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 53.

И. С. Силаев, была «не по нраву» многим в окружении и Ельцина, и Горбачёва¹. Правда, и длилась эта «идиллия» недолго — до путча.

Сотрудничество Президента Союза и лидеров России и Казахстана продолжилось и на конфиденциальной встрече в Ново-Огарево, проходившей 29–30 июля 1991 года². На ней, по предложению

¹ Силаев И. Мы познакомились с Ельциным за одним столбом // Мир новостей. 2020. 10 ноября. С. 24.

² Любопытны предложения к этой встрече с Б. Н. Ельциным, которые были подготовлены помощником Горбачёва Г. Х. Шахназаровым: «К встрече в Ново-Огарево. Продолжать сотрудничество в рамках политического процесса «9+1».

Это мы понимаем как взаимодействие прежде всего по линии — Союз и республики, а также между основными политическими партиями и движениями. Цель — вывод страны из кризиса, нормализация жизни, углубление реформ.

Не видим больших расхождений между нами. Есть, конечно, свои особенности, связанные с позициями по некоторым вопросам, с условиями работы в центре и в республиках. Но все это не препятствие для тесного органичного сотрудничества.

Важнее всего — согласовать основные шаги.

Грубо говоря — не преподносить друг другу сюрпризов. Это тем более необходимо, что есть такие силы — и справа, и слева, — которые хотели бы нас расколоть, разрушить достаточно хрупкое пока согласие. Давайте всякий раз советоваться. Не договорились — встретимся еще раз, поищем другие решения, подходящий для всех вариант всегда можно найти.

С учетом этого можно на данной встрече обсудить и договориться по наиболее неотложным вопросам.

1. Союзный Договор. Мы исходим из того, что он окончательно согласован. Вопрос такой: когда и как подписывать. Задерживает Украина. С другой стороны, откладывать плохо. Народ нервничает. Заключение Договора внесло бы определенное успокоение в общественную атмосферу.

Варианты:

а) объявить от нашего общего имени, что все готово, ждем Украину. Рассчитываем подписать где-то в сентябре;

б) начать подписывать в ближайшие дни. Не обязательно всему Союзу. Давайте выбирать. Есть плюсы и минусы у того и другого. Во втором случае есть опасность, что на Украине это может быть использовано для разговора, что-де с республикой не считаются.

Бориса Николаевича, на пост Президента союзного государства было решено выдвинуть М. С. Горбачёва, а на роль премьер-министра Союза — Н. А. Назарбаева. В ответ Горбачёв обещал убрать из руководства страны вице-президента СССР Г. И. Янаева, министра внутренних дел Б. К. Пуго, министра обороны СССР Д. Т. Язова, председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, руководителя Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко. Кроме того, как вспоминал Борис Николаевич, Горбачёв впервые не отверг его предложение отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента

Не стоит ли создать распоряжением Президента СССР рабочую группу по вопросам подписания Договора. Ее мог бы возглавить один из советников Президента, а в состав войти представители республик. Задача: рассмотреть и внести предложение по всему комплексу вопросов, связанных с процедурой подписания (выбор места, перевод на национальные языки, порядок подписания, участие делегации и т. д.).

2. Департизация. Возникло много острых проблем в обществе. Есть опасение, что это может подорвать обозначившиеся позитивные перемены.

Комитет конституционного надзора даст свое заключение. Но желательно не доводить до обострения. Лучший вариант — снять напряжение административным путем, разъяснив, что вопросы ликвидации парткомов должны решаться в коллективах.

В конечном счете дело идет в этом направлении. Такова логика реформ. Но важно не форсировать искусственно эти процессы, тем более ведь затрагиваются интересы и судьбы многих тысяч и даже миллионов людей.

3. Экономическая стабилизация.

Антикризисная программа охватывает практически все вопросы — стабилизация хозяйственной жизни, финансовой системы, разгосударствление, приватизация и т. д. По существу, здесь нет разногласия. Осталось согласовать вопрос о государственных заказах.

Если еще нужно провести какие-то туры согласования — давайте сделаем. Но не будем тянуть, потому что сейчас все на пределе и необходимо действовать согласованно по всем направлениям.

На первом месте сейчас — вопросы продовольствия и подготовки к зиме. Сегодня начинается визит Дж. Буша — буду вести с ним переговоры, ссылаясь на общее мнение, что процесс “9+1” будет продолжен.

Буш встретится с Б. Н. Ельциным — очень важно, что у нас будет общая позиция» (см.: Архив Горбачёв-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18145. Записка Г. Х. Шахназарова. 1991. 29 июля).

Союза и даже посоветовался: «А может быть, мне пойти на всенародные выборы?»¹

Называя вещи своими именами, Горбачёв «сдавал» свою прежнюю команду в обмен на сохранение за ним высшей должности в стране. «Согласие руководителей РСФСР и Казахстана подписать Договор было фактически обменяно Президентом СССР на его готовность “сдать” практически всех своих ближайших соратников по государственному руководству СССР и бросить на произвол судьбы КПСС, Генеральным секретарем ЦК которой он по-прежнему являлся», — резюмирует З. А. Станкевич². В разгар разговора Ельцин забеспокоился, почувствовав, что сверхсекретная беседа записывается КГБ. Интуиция не подвела президента России. Быть может, «эта

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 55.

² Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 314. Примечательно, что в беседе с начальником своего президентского Аппарата В. И. Болдиным Горбачёв рассказал ему о содержании своей беседы с Б. Н. Ельциным и Н. А. Назарбаевым, подчеркнув, что «ни Крюкова, ни Язова этим вождям я не отдам. Скорее вместе уйдем с постов...» «Я понял, — вспоминал В. И. Болдин, — что Горбачёва очень волновало, знает ли о его разговоре с Ельциным и Назарбаевым Крючков. И если нет, то он, видимо, надеялся, что при случае я могу передать Крюкову слова Горбачёва о его решимости отвергнуть предложения Ельцина и Назарбаева. Но моя реплика о том, что Крюкову уже подготовлена замена, заставила Горбачёва страстно убеждать меня, что “Володя ему больше, чем друг”, и эти домыслы подброшены, чтобы рассорить его со своими соратниками. Был дан и адрес, по которому председателю КГБ следовало обратить гнев. Лишь спустя два или три года я узнал от Крюкова, что он ничего не знал о содержании разговора Горбачёва, Ельцина и Назарбаева, как и не знал вообще, что президент СССР плетет против него интриги. Мое замечание о возможном назначении Бакатина на место Крюкова вызвало поток заверений генсека в лживости информации. Главным его аргументом было то, что Бакатин бездарно работал в МВД, восстановив против себя многих опытных работников, потерял авторитет среди избирателей, которые поняли, что стоит этот человек. — Нет и нет. Выброси это из головы, — убеждал меня Горбачёв. И чем он был красноречивее, тем больше я убеждался, что попал в точку и дыма без огня не бывает» (см.: Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М., 1995. С. 13).

запись и стала спусковым крючком августа 1991 года», — предполагал Ельцин¹. «Я думаю, — писал Борис Николаевич, — многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути»².

Кроме того, на закрытой встрече Горбачёва, Назарбаева и Ельцина было принято решение начать процесс подписания договора уже 20 августа, не дожидаясь Украины, позиция которой по вопросу о согласии к присоединению к Договору была не до конца ясна³. В судьбоносный

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 56. В современных исследованиях ставится под сомнение утверждение Ельцина и Горбачёва о том, что их разговор с Назарбаевым был подслушан и записан на магнитофонную пленку ведомством Крючкова (см.: Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было / Игнац Лозо; [пер. с нем. А. К. Камкин]. М., 2014. С. 96–107).

² Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 56.

³ Примечателен анализ событий, предпринятый Г. Х. Шахназаровым при согласии Г. И. Ревенко, накануне судьбоносной встречи в Ново-Огарево Ельцина, Назарбаева и Горбачёва: «Еще раз поразмыслив над ситуацией с Союзным договором, мы считаем оптимальным сейчас такой вариант действий. Если объявить, что Договор открыт к подписанию, то это может сыграть на руку его противникам на Украине. Скажут: “Видите, совсем не уважают республику, не хотят месяц подождать, пока она окончательно определится. Больше того, загоняют нас в угол. Ведь объявив, что Договор к подписанию готов, тем самым дают понять, что никаких замечаний и поправок Украина уже делать не вправе”.

Но едва ли правильно и делать вид, что задержка с подписанием не связана с Украиной, что просто идет последнее редактирование. Такой вариант позволит украинским оппозиционерам говорить: “Чего торопиться, если они сами еще не готовы!”

Поэтому целесообразно прямо и честно дать понять, что восемь республик, готовые подписать Договор, ждут Украину. Это будет расценено как проявление уважения к республике. Логический вывод из такой позиции: «нам не надо задерживать движение, нужно поторопиться и вместе с другими поскорее подписать Договор.

Найдутся, конечно, такие, кто заявит: “Видите, они без нас ничего не могут”. Но в целом, как нам кажется, плюсов больше, чем минусов.

Подходящим случаем для соответствующего заявления может стать визит Буша. Либо в речи, либо на пресс-конференции, на вопрос о том, какова перспектива подписания Союзного договора, наш Президент мог бы сказать примерно так: “Договор готов: как уже об этом заявлялось, в ближайшее время намечается открыть его к подписанию. Вместе с тем мы ожидаем

для его политической карьеры момент Горбачёв, инициировавший демократические преобразования в СССР, предпочел действовать исключительно келейно, в обход всех прописанных в законе процедур, руководствуясь при этом своими соображениями. «Перенос срока позволял поставить Верховный Совет СССР перед фактом и избежать протеста против компромиссного текста, согласованного тремя лидерами 29 июля. А протест был неизбежен, поскольку уже название нового союза — Союз Советских Суверенных Республик — прямо нарушало волю народа, проголосовавшего за прежнее название — Союз Советских Социалистических Республик. Сменой названия устранялась базовая характеристика государственного строя как социалистического. Термины “социализм”, “социалистический” в тексте договора не употреблялись. Юридически авторы текста не имели права изменить название государства, закрепленное референдумом. Итоги Всесоюзного референдума имели обязательную силу», — пишет петербургский историк В. В. Калашников¹.

Видимым изъяном нового Союзного договора было согласованное в Ново-Огареве название государства: Союз Советских Суверенных, (а не социалистических!) Республик. По поводу названия шли долгие споры, в итоге саму аббревиатуру «выбрали скорее из принципа благозвучия, а не содержания»². Уже одно это беспокоило

решения Верховного Совета Украины. Не мыслим Союза без этой крупной республики, которая всегда составляла важнейшую часть нашей государственности. Народ Украины всегда вносил огромный вклад в дела и славу нашего Отечества. Свой выбор он подтвердил еще раз на референдуме. Так что есть все основания надеяться, что украинские парламентарии, как и намечено, в сентябре рассмотрят и решат этот вопрос. (А затем добавить несколько слов о значении скорейшего подписания Союзного договора и о возможности присоединения к нему других республик — Армении, Молдовы и т. д.)» (см.: Архив Горбачёв-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18137. Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачёву об оптимальном варианте действий по Союзному договору. 1991. 27 июля). Записка была доложена Горбачёву, который в общих чертах согласился с ее содержанием, однако после встречи «на троих» Ельцин — Горбачёв — Назарбаев Союзный договор было решено открыть к подписанию уже 20 августа.

¹ Калашников В. Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 19 августа.

² Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина, в 1991 году — сотрудника аппарата Президента СССР, эксперта по подготовке нового Союзного Договора. Москва. 2018. 30 июня.

как партийную элиту, так и Верховный Совет СССР, призывавших участников переговоров не забывать о результатах Всесоюзного референдума, подтвердившего решимость граждан СССР сохранить Союз Советских *Социалистических* республик. Был ли Новоогаревский процесс «неконструктивный», а предложенный к подписанию проект Союзного договора — «плохой, противоречивый», как считает Р. И. Хасбулатов¹, или же, как убежден помощник Горбачёва В. К. Егоров, это была отчаянная «попытка исправить колоссальную ошибку 1922 года — заложенное в то время деление страны по национальным квартирам, а не по административно-территориальному признаку»², — определить крайне трудно. Позиция Председателя Президиума Верховного Совета А. И. Лукьянова, которого Горбачёв, по его словам, «за волосы тянул вверх» и считал «серым кардиналом» будущего ГКЧП³, была достаточно логична: Лукьянов утверждал, что в наименовании и основных принципах Договора необходимо отразить «результаты Всесоюзного референдума, в ходе которого абсолютное большинство граждан страны поддержало сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик»⁴. Впоследствии А. И. Лукьянов утверждал, что «у проекта Союзного договора было как бы два лица. Перед референдумом он обладал значительным созидательным потенциалом, который в случае приведения проекта в точное соответствие с итогами референдума создавал бы базу для сохранения и обновления Союза ССР. В ходе же Новоогаревских встреч этот проект в результате многочисленных уступок и компромиссов превратился в инструмент разрушения, который, вопреки ясно выраженной воле народа, мог привести только

¹ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова, в 1990–1991 годах — первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР, с октября 1991 года — председателя Верховного Совета РСФСР. Москва. 2016. 12 августа; *Хасбулатов Р.* Переворот способствовал дискредитации государства // *Историк*. 2016. № 7–8. С. 114.

² Архив автора. Интервью В. К. Егорова, помощника президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

³ *Горбачёв М. С.* «Хочу предостеречь...»: М. Горбачёв в президентской избирательной кампании 1996 года. М., 1996. С. 29–30.

⁴ *Лукьянов А. И.* В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М., 1999. С. 53.

к одному — фактической ликвидации Советского союзного государства»¹. По мнению Лукьянова, решение Всесоюзного референдума было «напрочь перечеркнуто ново-огаревскими деятелями. Вместо Союзного государства — федерации союзных республик ново-огаревский или, как называет его экс-президент, “горбачёвский” проект договора предусматривал превращение нашего государства в союз государств. Думаю, что нет смысла особо доказывать, что “Союзное государство” и “Союз государств” — вещи совершенно разные. В первом случае речь идет о единой федерации, во втором — об аморфной конфедерации...»² Позицию Лукьянова разделял и Верховный Совет СССР, который имел «*minimum minimum*» информации, о том, как идет работа над Союзным договором³. У Верховного Совета и депутатского корпуса вызывало недоумение, почему Президент с определенного момента фактически отстранил высший орган власти от участия в подготовке договора. «Депутаты фактически ничего не знали о Новоогаревском процессе. Переговоры Горбачёва никем не были санкционированы. Высший орган власти был оттёрт от этих переговоров, Горбачёв даже не брал с собой Лукьянова», — рассказывал автору народный депутат СССР А. Н. Крайко⁴. Кроме того, Президент СССР не считал нужным уведомлять Верховный Совет об изменениях в тексте Договора, которые были внесены участниками Новоогаревского процесса⁵. «Тот текст договора, который был подготовлен к подписанию 20 августа, не имел ничего общего с тем, который готовился нами изначально. Это была личная корректировка Михаила Сергеевича. Мы были не согласны с этим, это была позиция не только Лукьянова, но и коллективная позиция Верховного Совета», — вспоминает профессор Г. В. Атаманчук, возглавлявший работу экспертов по проекту Союзного договора в Верховном Совете СССР⁶.

¹ Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 56.

² Лукьянов А. И. Август 91-го. Был ли заговор? М., 2010. С. 136.

³ Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР. Москва. 2021. 22 сентября; Шкабардня М. С. Россия. Народ и власть. М., 2008. С. 322.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. Н. Крайко. Москва. 2021. 29 апреля.

⁵ Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 36.

⁶ Архив автора. Интервью профессора Г. В. Атаманчука, в 1991 году — заместителя заведующего отделом по вопросам межнациональных отношений

Вероятно, иллюстрацией взглядов консервативного крыла КПСС можно назвать обращение Пленума Тюменского обкома КПСС в Верховный Совет СССР, в котором было высказано недоумение по поводу нового названия будущего государства — Союз Советских суверенных республик. «Из названия страны исключено слово “социалистический”, что противоречит итогам референдума СССР... Пленум обкома КПСС считает, что попытка изменить название государства является антинародным актом, игнорирующим волю граждан о социалистическом выборе, и обращается в Верховный Совет СССР с предложением сохранить название Союза»¹.

О реакции на эту ситуацию будущих членов ГКЧП можно судить по опубликованному за 4 дня до путча интервью писателя А. А. Проханова, находившегося с О. Д. Баклановым в дружеских отношениях. «Мы против Союзного договора, который подписывается в этой фантастической, никому не понятной тайной форме. Не знаю, почему судьба государства перенесена в какую-то подмосковную усадьбу. Все эти серьезнейшие акции, которые имеют стратегическое значение для СССР, делаются тайно, малой группой лиц. Несколько звездочетов собираются на свои радения и тайно, при свечах, решают судьбы империи и мира», — возмущался А. А. Проханов². Все эти сигналы доходили и до Горбачёва, однако Президент СССР продолжал неуклонно проводить свою линию, ориентированную на скорейшее подписание нового Союзного договора, невзирая ни на какие препятствия даже юридического толка. Опасения Президента были небеспочвенны: долгая и тщательная проработка различных статей Договора и согласование его в Верховном Совете СССР и в Верховных Советах союзных республик с большой долей вероятности растянулась бы на многие месяцы³. А в сложившейся ситуации критически важен был уже едва ли не каждый день. Горбачёв спешил.

Сверхзадача нового Союзного договора была выражена Горбачёвым формулой: сильный Союз — сильные республики⁴. Президент СССР

Верховного Совета, руководителя группы экспертов Верховного Совета по подготовке нового Союзного договора. Москва. 2018. 9 июня.

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288. Л. 176.

² Авторы «Слова к народу» готовят программы действий // Независимая газета. 1991. 15 августа.

³ Архив автора. Интервью А. Н. Бойко, народного депутата СССР. Москва. 2023. 8 июля.

⁴ *Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М., 2001. С. 417.*

«сам возглавлял процесс разработки нового Союзного договора»¹. К работе над Союзным договором Горбачёвым были привлечены лучшие эксперты — З. А. Станкевич, Ю. М. Батулин, А. А. Сазонов, В. Н. Кудрявцев, которыми были подготовлены разные варианты проектов Союзного договора. Сам состав экспертов был крайне узкий; по старой партийной традиции, вечером, закончив основные занятия, Горбачёв лично проводил «смотр» тех наборок, которые эксперты успевали сделать за день. «Перед каждым заседанием шла скрупулезная работа по учету замечаний республик к проекту Договора. Их сортировали, распределяли по темам, сводили в реестр, позволявший видеть поправки к каждой статье. Одновременно предлагалось несколько вариантов уточненной редакции. Работа была объемная, но делалась она силами небольшой группы... Засиживались в Волыном за полночь. Горбачёв регулярно звонил, иногда приезжал на несколько часов. Затем назначалась дата очередной встречи, и подготовленный материал рассылался от его имени руководителям республик. Мы приезжали в Ново-Огарево загодя, чтобы проверить готовность техники, наличие документов, удостовериться в готовности вспомогательных служб. С утра собирались журналисты, старавшиеся вытянуть из нас хоть какую-то информацию до появления главных действующих лиц. Один за другим начинали прибывать президенты и председатели Верховных Советов. У входа в дом, выстроены при Хрущёве в стиле русской помещицкой усадьбы XIX века, они давали короткие интервью, обмениваясь впечатлениями и, столпившись на балюстраде, ожидали Горбачёва. Михаил Сергеевич приезжал, как правило, минут за пять-десять до назначенного времени, а вслед за ним перед самым началом заседания Ельцин. Мне кажется, за этим стоял расчет: подчеркнуть, что он ничем не уступает Президенту. Поздоровавшись и обменявшись первыми репликами, направлялись в небольшой нарядный зал на втором этаже, ярко освещенный хрустальными люстрами и обставленный добротной мебелью, но в общем-то не отличавшийся особой роскошью. Первые десять-пятнадцать минут проходили в ожидании момента, когда Президент займет председательское место и пригласит начать работу. Большинство собравшихся выходило на просторный балкон, где, разбившись на группы, обсуждали последний вариант Договора либо насущные свои проблемы», — вспоминал Г. Х. Шахназаров².

¹ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачёва с политологом Борисом Славным / Автор-сост. Б. Славин. М., 2001. С. 54.

² Шахназаров Г. Х. Цена свободы... С. 225–226.

Работы по подготовке Союзного договора Горбачёв полностью замкнул на себе и своем аппарате: о том, как проходят переговоры в резиденции союзного Президента, не имели представления ни в Центральном комитете КПСС, ни в Совете безопасности, ни в Политбюро, — сделано это было Горбачёвым абсолютно сознательно: президент и генсек в одном лице желал поставить своих подчиненных по партийному и государственному аппарату в известность лишь после подписания соглашения, при этом Михаил Сергеевич особо оговаривал, что выступает «в Ново-Огареве как президент», а не как Генеральный секретарь¹. Оговорим еще раз: от «гласности» в освещении нюансов переговорного процесса в Ново-Огареве Горбачёв сознательно отказался — подробности переговоров были известны считанному количеству лиц, Михаил Сергеевич считал необходимым сохранить тайну вплоть до самой процедуры подписания нового Договора.

В сложнейших и крайне напряженных переговорах Президент СССР, по словам В. В. Бакатина, «демонстрировал нечеловеческое терпение»², вновь и вновь возвращаясь к обсуждению различных спорных пунктов Союзного договора. Партия от участия в Новоогаревском процессе была устранена. До высокопоставленных цековских работников лишь доходили неясные слухи о том, что Горбачёв на переговорах уступает инициативу республикам³; конкретного представления как о перипетиях переговоров, так и о содержании согласованного лидерами республик и готового к подписанию проекта нового Союзного договора в ЦК КПСС не имели⁴, отношение ЦК КПСС к Новоогаревскому процессу было «резко отрицательным»⁵. По словам помощника Горбачёва В. К. Егорова, «Ново-Огаревский процесс и в горбачёвском окружении, и в союзных республиках воспринимали скептически»⁶.

¹ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 413.

² Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 322.

³ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября.

⁴ Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 годах члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 декабря.

⁵ Назарбаев Н. Любые пограничные претензии сегодня — это неминуемое кровопролитие // Независимая газета. 1992. 6 мая.

⁶ Архив автора. Интервью В. К. Егорова. Москва. 2018. 6 февраля.

Информацией о содержательной стороне переговоров в Ново-Огарево не обладали даже очень высокопоставленные руководители. Так, секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро А. С. Дзасохова с проектом готового к подписанию Союзного договора «по старой дружбе и конфиденциально» ознакомил советник Президента СССР Г. И. Ревенко¹. В прессе Союзный договор был опубликован лишь 15 августа 1991 года, и то благодаря утечке, которая произошла со стороны Премьер-министра СССР В. С. Павлова². Парадоксально, но текст Договора впервые попал в руки В. С. Павлова и его заместителя В. И. Щербакова лишь «14 или 15 августа как совершенно секретный документ без права размножения. Валентин Сергеевич решил его опубликовать, несмотря на гриф “совершенно секретно”, чтобы перевести борьбу из “подковерной” стадии в открытую»³. 17 августа 1991 года на закрытом заседании президиума Кабинета министров СССР В. С. Павлов выступил с речью, в которой отметил, что «с такими пробелами договор не следует подписывать»⁴. Показательно, что в тот же день В. И. Щербакову в машину позвонил М. С. Горбачёв, обрушивший яростную матерную брань в адрес Владимира Ивановича и В. С. Павлова, упрекая их в желании сорвать подписание Договора. На следующий день, 18 августа, Президент СССР вновь позвонил по обычному городскому телефону Щербакову, а затем и А. И. Вольскому, жалуясь на неважное самочувствие⁵. Учитывая то, что именно в этот день к Горбачёву «пожаловали» нежданные визитеры из Москвы — О. Д. Бакланов, В. И. Болдин, В. И. Варенников и О. С. Шенин, предъявившие Президенту СССР, по сути, ультиматум и потребовавшие от него отложить подписание Союзного договора, звонок Михаила Сергеевича его верным соратникам, состоявшийся то ли перед приездом московской делегации, то ли после, — может быть воспринят иносказательно — как жалобы на плохое «политическое самочувствие», а вовсе не на радикулит и не на боли в ноге.

Кураторами работ по подготовке нового Союзного договора от президентского аппарата были Г. Х. Шахназаров и Г. И. Ревенко. Переговоры шли крайне тяжело: Горбачёв с трудом, но сдавал позиции

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

² Павлов В. С. Упущен ли шанс. Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 12–13.

³ Щербаков В. И. Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства. М., 2016. С. 235.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

республикам. «Республики играли “первым номером”, поскольку к началу “Новоогаревского процесса” Центр уже находился в сильно ослабленном состоянии — Горбачёв потерял поддержку большинства партии, Съезда нардепов и ВС СССР, значительной части центрального госаппарата, армии, КГБ и правоохранительных органов. Республики же, наоборот, только набирали силу, чему способствовала консолидация местных элит и местной общественности на фоне небывалого национального подъема. Все это не могло не отразиться на ходе переговоров. К тому же, свою негативную роль сыграл категорический отказ участвовать в процессе целого ряда союзных республик», — вспоминал З. А. Станкевич¹. По словам Ю. М. Батурина, «после каждой встречи в Ново-Огарево от Союза отпадало что-то существенное... Республики играли на переговорах первым номером»². О новом понимании республиками своей значимости говорила и сказанная президентом Узбекской ССР И. А. Каримовым откровенная реплика, адресованная еще в 1990 году не кому-нибудь, а министру внутренних дел СССР В. В. Бакатину: «Знаешь что. Захотим — и не будет никакого центра. Пятнадцать плюс ноль. Вот и вся ваша горбачёвская “схема”. Уважать надо республики. Уважать людей»³. За без малого год, прошедший с момента того разговора, самооценка республик стала еще выше: для них было очевидно, что Центр находится по отношению к ним в роли просителя, которому можно в любой момент безнаказанно отказать. В чем-то, по убеждению Батурина, новый Союзный договор напоминал «процедуру развода с непроставленным сроком»⁴.

Каковы будут особенности отношений между Центром и республиками, какие prerogatives за собой оставляют Центр и Президент, а что из компетенций Союза уходит к республикам — оставалось тайной до самого последнего момента. Вероятно, Горбачёв, соглашаясь, по определению своего помощника А. С. Черняева, «фактически на свободную конфедерацию»⁵, понимал уязвимость положений

¹ Архив автора. Интервью доктора юридических наук З. А. Станкевича, в 1991 году — заместителя руководителя информационно-аналитического центра при Президенте СССР. Москва. 2019. 31 января.

² Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина. Москва. 2018. 30 июня.

³ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 321–322.

⁴ Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина.

⁵ Черняев А. С. Совместный исход... С. 969. Дневниковая запись от 3 августа 1991 г. Другое определение дал народный депутат РСФСР М. Г. Астафьев:

Союзного договора, аморфность структур Центра в новом государственном образовании, но надеялся в дальнейшем наполнить их политическим содержанием в свою пользу¹. Едва ли можно утверждать, подобно осведомленному Г. Л. Смирнову, что в «первой половине августа 1991 года ситуация сложилась таким образом, что процессы вряд ли могли остановиться и пойти вспять. Игра была сыграна. Все, что можно было проиграть, — проиграно»². Нельзя, на наш взгляд, и согласиться с позицией С. Н. Бабурина, по утверждению которого, подписание договора «было бы юридическим убийством СССР, это был бы тот же самый СНГ, только во главе с Горбачёвым»³. Думается, что подписание нового Союзного договора все же давало реальный шанс на сохранение единого государства. На 20 августа 1991 года Союзный договор планировалось открыть к подписанию. В своем итоговом виде он «носил очень противоречивый характер, но открывал шанс сохранить союзное государство в составе, по крайней мере, девяти республик. На основе данного проекта можно было строить как федеративное, так и конфедеративное государство. Все зависело от того, кто и с какими целями будет претворять проект в жизнь», — пишет петербургский историк Р. А. Ялышев⁴. Вторит Р. А. Ялышеву В. В. Калашников, занимавший в июле-августе 1991 года пост секретаря ЦК КПСС: «Союзный договор был документ, который можно повернуть по-разному. Все зависело от того, у кого реальная власть. А у Горбачёва до путча была реальная власть. И Ельцин его еще боялся»⁵. Принципиально

«очень мягкую конфедерацию» (см.: Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР М. Г. Астафьева. Москва. 2022. 11 мая).

¹ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярёва, в 1991 году — заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Москва. 2017. 14 марта.

² Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 294.

³ Архив автора. Интервью С. Н. Бабурина, в 1991 году — народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 8 июля.

⁴ Ялышев Р. А. «Новоогаревский процесс» выработки нового союзного договора весной — летом 1991 г.: федерация или конфедерация? / Отв. ред. В. В. Калашников // Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 27 ноября 2015. СПб., 2016. С. 279.

⁵ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

важным было то обстоятельство, что до августовского путча население союзных республик в массе своей еще опасалось решительного размежевания и полной независимости от Союза=России. До путча, рассказывал автору А. С. Грачёв, еще было «впечатление, что ему [М. С. Горбачёву. — *Авт.*] удастся склеить все, потому что все боялись страха неизбежности. Ново-огаревская формула позволяла превратить союзное государство в конфедерацию...»¹ Впрочем, история XX века, на наш взгляд, поставила под сомнение возможность существования дееспособного конфедеративного государства. Этого не мог не знать Горбачёв, но, вероятно, веря в свою счастливую звезду, последний советский лидер рассчитывал и в новом Союзе сохранить за собой реальную власть. По его мнению, шансы на это у него сохранялись и после подписания Договора.

«К концу 1990 года стало ясно, что “парад суверенитетов” зашел слишком далеко и начал прямо угрожать единству страны. Но поскольку Союзный центр не принял жестких правовых мер в самом начале процесса и признал сам принцип суверенитета республик, ему ничего не оставалось, как идти по этому пути до конца. А это означало необходимость уйти от конфронтации органов государственной власти Союза и союзных республик, а затем и автономных республик, тем более, что в соответствии с действующим законодательством, Президент СССР был неправомочен своими указами отменять или приостанавливать действие высших представительных органов государственной власти республик, особенно после утверждения ими своего государственного суверенитета. Отсюда и возникла тактика бесконечных переговоров, обсуждений, согласований, которая, в принципе, не имеет конца, потому что совершенствование — процесс бесконечный», — пишет Ю. М. Батулин, отмечая, что согласованный 23 июля 1991 года «Союзный договор мог бы быть подписан несколькими республиками (например, РСФСР, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией), причем Союз в усеченном составе продолжал бы самореформироваться (правда, с трудно прогнозируемым результатом). Но это уже область альтернативной истории»².

В известной степени все участники переговоров не могли игнорировать результаты Всесоюзного референдума 17 марта, но в то же время

¹ Архив автора. Интервью А. С. Грачёва. Москва. 2018. 5 июля.

² Батулин Ю. М. Союз (не) возможный. С. 558–559.

оказывали давление на Президента СССР, пытаясь выбить из него все новые и новые уступки. Центр, в лице Горбачёва, отводил себе роль своеобразного арбитра в отношениях между республиками, представителя страны на мировой арене, за Центром сохранялось руководство внешней политикой, вооруженными силами, эмиссионное право.

Судьба Союза зависела от того, сколь заинтересованы были в нем Россия и Украина, а Ельцин по состоянию на 19 августа 1991 года Договор подписывал¹, выступив в печати с соответствующим заявлением.

¹ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР. Москва. 2022. 31 марта; Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля; Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 1 апреля. Ельцин первым из руководителей республик прибыл в Москву на подписание Договора, российская делегация деятельно готовилась к его подписанию, вплоть до 18 августа 1991 года членам российской делегации по фельдсвязи приходили бумаги, связанные с Договором (архив автора. Интервью Ю. М. Воронина и С. М. Красавченко). По словам С. Н. Красавченко, «консенсус был у российской делегации по поводу Договора». Сергей Николаевич рассказывал автору, что встречал Ельцина в аэропорту после его возвращения из Казахстана накануне путча, 18 августа 1991 года Борис Николаевич сказал приближенным: «Послезавтра идем подписывать Договор» (Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко. Москва. 2025. 10 февраля). Вместе с тем на имя Ельцина 10 августа 1991 года поступило обращение от членов Президиума ВС РСФСР, в котором содержалось утверждение о невозможности подписания Договора в существующей редакции. «Полагаем необходимым: воздержаться от подписания представленного проекта указанного Договора; внести его на предварительное рассмотрение Президиума Верховного Совета РСФСР, а затем — Верховного Совета РСФСР и Съезда народных депутатов РСФСР, подписание договора произвести лишь после его одобрения Съезда народных депутатов РСФСР. В связи с тем, что Договор затрагивает Конституцию РСФСР, Декларацию о государственном суверенитете России, он должен быть одобрен на Съезде квалифицированным большинством народных депутатов РСФСР ($2/3$ голосов по отношению к общему их числу). Надо учитывать также, что Договор, заключенный в представленном варианте, потребует без достаточных к тому оснований пересмотра многих законов РСФСР. Убеждены, что после корректировки проекта Договора, внесения в него необходимых поправок и уточнений Президиумом Верховного Совета РСФСР и Верховным Советом РСФСР

Съезд народных депутатов РСФСР одобрит проект Договора», — сообщалось в обращении членов Президиума ВС РСФСР (см.: ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 292. Л. 45). Б. Н. Ельцин в ответном письме от 15 августа 1991 года в «порядке информации» сообщал следующее: «О работе, проведенной по доработке и согласованию Договора о ССГ.

5 июля с. г. ВС РСФСР принял постановление, в котором определил условия подписания Договора о ССГ, необходимость внесения в проект Договора ряда изменений и дополнений, обеспечивающих суверенитет РСФСР. Исходя из требований ВС РСФСР в процессе доработки проект Договора претерпел существенные изменения в интересах Российской Федерации и республик, в составе РСФСР.

Договоренности достигнуты по следующим вопросам:

1. В сферу совместного ведения Союза и республик отнесено установление режима пограничной зоны, что означает решение всех вопросов, связанных с деятельностью таможенной службы (ст. 6 проекта).
2. Существенные изменения внесены в ст. 9 проекта «Союзные налоги и сборы». Согласован порядок установления единых налогов и сборов в фиксированных процентных ставках и только на основе представленных Союзом статей расходов. Это предусматривает возможность контроля за расходами союзного бюджета со стороны республик.
3. Статья 10 проекта Договора дополнена положением о том, что Конституция Союза ССР не должна противоречить Союзному Договору.
4. В статье 13 проекта Договора, определяющей порядок формирования и полномочия Верховного Совета Союза ССР, предусмотрено, в частности, что при избрании Совета Союза населением всей страны гарантируется представительство в этом органе всех республик — участниц Договора.
5. Ранее в проекте Договора предусматривалось, что Совет республик принимает законы об организации и порядке деятельности Союзных республик, что в значительной степени ущемляло их суверенитет, в новом проекте это положение исключено. Предусмотрено право Совета Республик определять порядок деятельности союзных органов.
6. Из проекта Договора исключено положение о том, что если Совет республик не принимает представленный Советом Союза законопроект, то Совет Союза может его принять двумя третями голосов (ст. 13 проекта Договора).
7. Внесены изменения в принципы формирования союзного правительства — Кабинет министров Союза. Его состав согласовывается с республиками в лице их представительного органа — Совета Республик (ст. 16 проекта Договора).
8. В доработанном проекте Договора предусмотрено участие республик через Совет Республик в формировании Конституционного Суда Союза ССР.

Уже одно это позволяет говорить о том, что Новоогаревский процесс мог привести Горбачёва к политическому триумфу¹. В случае подписания Союзного договора в «горбачёвской вёрстке» Михаил Сергеевич обрел бы репутацию спасителя единого государства, сумевшего изменить советское общество гласностью, раскрепостить людей, покончить с холодной войной, сохранить союзное государство как обновленную федерацию и при этом фактически сохранить компартию у власти. 23 июля текст Союзного договора был согласован. «До путча подготовили новый Союзный договор, в котором оставалось место и Союзу, и республикам, было четко оговорено место Центра. Лидеры республик хотели в первую очередь кадровую и экономическую самостоятельность. Горбачёв великодушно отдал республикам все это. Путч сорвал подписание нового договора», — рассказывал автору А. А. Акаев, в 1991 году — Президент Киргизской ССР², специально оговаривавший, что «подготовленный

9. Фактическим признанием сложного государственно-правового статуса РСФСР в Союзе Суверенных государств стали выработанные процедуры подписания Союзного договора Российской Федерации вместе с республиками в составе РСФСР.

10. Влияние РСФСР на процессы осуществления полномочий Союза обеспечивается через совместное формирование республиками союзных органов, через совместные и согласительные процедуры (ст. 7 проекта Договора).

Вместе с тем, и это закономерно, многие положения проекта Союзного договора отражают сложный процесс достижения взаимных компромиссов. Направляется в порядке информации. Президент РСФСР Б. Ельцин» (ГАСО. Ф. Р-2739. Оп. 1. Д. 292. Документы Верховного Совета РСФСР по Союзному договору. Л. 50-51). Не исключено, что Ельцин, как и Горбачёв, полагал, что необходимо подписать Договор, а уже затем ход общей работы Центра и республик будет исправлять имеющиеся в тексте Договора недочеты и «шероховатости».

¹ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

² Архив автора. Интервью А. А. Акаева, в 1991 году — Президента Киргизской ССР. Москва. 2020. 26 ноября. Ср. с высказыванием Президента Молдовы М. И. Снегура, заявившего о мотивах своего отказа принять участие в Новоогаревском процессе: «Я тогда говорил совершенно твердо, прямо и откровенно, что мы не можем подписать Союзный договор, так как он нам ничего не дает». При этом М. И. Снегур вспоминал, что на одном из заседаний Совета Федерации СССР «я предложил идею конфедерации. На что не было, образно выражаясь, “ни привет,

в Ново-Огареве Союзный договор устраивал всех. Союз сохранялся, но уже не как унитарное государство, а на конфедеративной основе»¹.

Горбачёв надеялся, что он обо всем договорился с лидерами союзных республик: подпишет Договор в обход и Съезда народных депутатов СССР, и Верховного Совета, и ЦК КПСС, и после подписания договора поставит их всех перед свершившимся фактом. Каким будет текст Союзного договора, на каких условиях республики соглашаются остаться в составе Союза — об этом не знал почти никто. Итоговый вариант готовящегося к подписанию документа видел перед его опубликованием в печати чрезвычайно ограниченное количество лиц — с ним были знакомы далеко не все даже высшие руководители государства: Горбачёв *сознательно* скрывал текст договора от товарищей по партии и парламентариев, считая, что время работает против него и неизбежная полемика и острая критика в адрес Договора, если он будет опубликован в прессе до подписания, приведет к его срыву и крушению Союза. Промедление смерти подобно, полагал Михаил Сергеевич.

Будет Договор подписан, рассуждал Горбачёв, сохранится государство; «шероховатости» в Договоре республики и Центр будут общими усилиями устранять уже после его подписания — логика в его словах, несомненно, присутствовала. Горбачёв полностью сосредоточил политическую работу по подготовке Договора на себе, желая выступить в глазах общества в качестве его главного и единственного творца и, тем самым, спасителя единого государства. Понятно, что подписание Договора существенно укрепило бы его авторитет. Сам Союзный договор, подписание которого было намечено на 20 августа, был документом по своему содержанию чрезвычайно сложным и противоречивым. В результате перераспределения полномочий республики получали реально гораздо большую независимость по отношению к Москве, чем прежде, однако в дальнейшем Горбачёв, видимо, рассчитывал на то, что с помощью имеющихся у него властных возможностей сумеет изменить соотношение сил в свою пользу. Есть основания полагать, что подписание Договора не смогло бы прекратить процесс «перетягивания каната» между республиками и Центром, о чем написал один из авторов Договора, видный юрист З. А. Станкевич: «Поступивший в республики и опубликованный затем в печати

ни ответа» (см.: *Снегур М. И.* Мирча Снегур — Эдуард Волков: Откровенные диалоги. Ch., 2007. С. 94).

¹ *Акаев А. А.* Моя жизнь в науке и политике. М., 2024. С. 38.

“согласованный” проект Договора о Союзе суверенных государств, подписание которого РСФСР, Казахстаном и Узбекистаном было намечено на 20 августа 1991 года, по разным причинам и в разной степени не устраивал ни сторонников, ни противников сохранения дееспособного союзного государства... Сторонники Союза имели все основания опасаться продолжения дезинтеграции страны, полного разрушения единого правового пространства и системы централизованного государственного управления СССР... Не меньше опасений было и у противников Союза. Их, на наш взгляд, больше всего тревожило то, что с момента подписания, тем более “одобрения” нового Договора будет утрачен главный предлог для дальнейшей “суверенизации” республик... Таким образом, в недопущении подписания Договора в том виде, в каком он был подготовлен в результате “новоогаревского процесса” были объективно заинтересованы как сторонники, так и противники существования СССР»². Сейчас, спустя более чем тридцать лет после завершения драмы Новоогаревского процесса, о том, как могли развиваться события в случае подписания Договора в том виде, в каком он был согласован республиками и Президентом СССР, можно только догадываться. Выскажем лишь свое мнение: подписание Союзного договора в той версии, которая была согласована республиками и Центром, создавало реальный шанс на сохранение единого государства. А вот насколько дееспособным было бы это государство, сумело бы оно пройти стадию трансформации на новых основаниях и при этом сохраниться — мы не узнаем уже никогда.

Повторим, что Договор был по своему содержанию чрезвычайно противоречивым документом, его положения никак не могли удовлетворить сторонников сохранения сильного государства. Именно поэтому предстоящее заключение Союзного договора и спровоцировало путч. Содержание готовящегося к подписанию Договора было неизвестно стране; полноценного представления о нем не было ни в ЦК КПСС, ни в Верховном Совете СССР, ни в Кабинете министров СССР — Горбачёв не считал нужным ставить об этом их в известность, договариваясь с руководителем каждой из республик, по сути, единолично, ни с кем не согласовывая и не обсуждая свои действия. Партийно-государственная элита и общесоюзные органы власти были предельно раздосадованы подобной позицией Горбачёва, у них присутствовали опасения, что для них не найдется места в новых

² Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 315–318.

органах власти после подписания Союзного договора, возникновение и необходимость формирования которых было определено условиями договора. Отсутствие достоверной информации о Новоогаревском процессе порождало всевозможные слухи, при этом было известно, что на переговорах «дают» именно республики, а не Президент СССР, который понемногу сдает позиции Центра под их напором, но была надежда, что проект Договора будет «доведен до ума» в Верховном Совете СССР. Тот факт, что Президент СССР решился на визирование проекта своей личной волей, не согласовывая его ни с кем, казался его оппонентам — удивительным образом все они занимали ответственные должности — партийные или государственные — *в его команде* — ошеломительным и едва ли не преступным. Горбачёв же надеялся, что, договорившись обо всем с лидерами союзных республик, он заключит Договор в обход и Съезда народных депутатов СССР, и Верховного Совета, и ЦК КПСС, и поставит их всех перед свершившимся фактом — фактом того, что он — *один* — сумел *вновь сплотить страну и спасти ее от распада*; это неминуемо усиливало позиции Президента СССР, превращая его в сверхлидера и спасителя Отечества. Оговорим еще раз: заключение Союзного договора было для Горбачёва тождественно спасению единой страны, это было сверхзадачей момента, все остальное казалось ему несущественным. Любая дискуссия по поводу текста Договора на уровне более низком, чем уровень руководителей республик и Президента СССР, полагал Горбачёв, приведет к срыву договорного процесса и торпедированию Союза. Любое промедление в подписании Договора смертельно опасно — завтра лидеры республик могут передумать. Логика в рассуждениях Горбачёва, несомненно, присутствовала, правда, Президент СССР не считал нужным даже информировать о ней представителей партийно-государственной элиты, видимо, не особо доверяя ее представителям и не слишком высоко оценивая ее интеллектуальные и деловые качества.

Сам Михаил Сергеевич в беседе с автором этих строк высказал твердую убежденность в том, что в случае подписания Союзного договора в той редакции, которая была открыта к подписанию на 20 августа, сохранился бы не только Советский Союз в обновленном виде, но и КПСС удержала бы за собой командные высоты и осталась бы у политической власти¹. 2 августа 1991 года Горбачёвым был

¹ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 11 июля.

разослан текст согласованного Договора, открытого к подписанию с 20 августа. Подписание Договора предполагалось в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, где с начала августа сотрудники Аппарата Президента СССР проводили репетиции подписания Договора¹. 20 августа Договор должны были подписать — РСФСР, Казахстан, Узбекистан, 3 сентября — Белоруссия, Таджикистан, 20 сентября — Туркмения, Киргизия, 10 октября — Украина, Азербайджан, другие республики, союзная делегация².

2 августа 1991 года, накануне своего рокового отъезда в отпуск, Горбачёв разослал «Президентам, Председателям Верховных советов Республик» «текст проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, завизированный руководителями полномочных делегаций республик 23 июля 1991 года в Ново-Огарево»³. 20 августа планировалось открыть Договор для подписания «государственными полномочными делегациями»⁴. «Были решены вопросы, связанные с правами и полномочиями республик и Союзного центра, единой денежно-кредитной политикой, налогами. В июле же началась реализация антикризисной экономической программы. Тяжело она нам далась, но в конце концов удалось прийти к варианту, который поддерживали республики, готовность выполнять ее положения выразили даже прибалты. Все, что “сошлось” в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий на пути, начатом в апреле 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования», — вспоминал М. С. Горбачёв⁵. При подготовке Союзного договора Горбачёв работал как одержимый, его силы были на пределе, но ему казалось, что все будет в порядке, а кризис удастся преодолеть. Ни у кого из его ближайшего окружения в те месяцы не возникало и тени сомнения, что Михаил Сергеевич сумеет удержать власть — до путча все нити управления государством были у него в руках. «Все шло к тому, что все будет нормально: Михаил

¹ Сазонов А. А. Кто и как уничтожал СССР? Архивные документы. М., 2010. С. 134.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 298. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Горбачёв М. С. Понять перестройку. Отстоять «новое мышление». М., 2022. С. 35.

Сергеевич работал чрезвычайно напряженно, казалось, что ему обо всем удалось договориться. Никому и в голову не могло прийти, что может случиться что-то подобное ГКЧП», — вспоминал начальник личной охраны Президента СССР генерал В. Т. Медведев¹. «Основная часть команды осталась в августе в Москве — на хозяйстве, — рассказывал автору начальник службы протокола Президента СССР В. Н. Шевченко, — никаких предчувствий плохих не было, когда он [М. С. Горбачёв. — *Авт.*] уехал в отпуск»².

Президент СССР сделал большое дело — вывел страну на подписание нового Союзного договора, подписание которого давало шансы на преодоление разногласий, существующих между Центром и республиками. Однако Союзный договор так и не был подписан. Произошел путч — спасти Советский Союз не удалось.

15 августа 1991 года в газете «Правда» был опубликован проект согласованного 23 июля «Договора о Союзе суверенных государств»³, лишь в этот момент текст Договора стал достоянием широких масс, до этого с ним было знакомо крайне ограниченное количество людей. «Хреновый сам по себе документ, но надо подписывать, хотя он не блистательный. Если подписываем, то как-то удерживаемся», — так ответил заведующий отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В. А. Михайлов на вопрос секретаря ЦК КПСС О. С. Шенина об оценке опубликованного в печати проекта Союзного договора⁴. «Удержаться» Союзу не удалось — путч обрушил все прежние договоренности между Центром и республиками, дорога к демонтажу СССР была открыта. Путчисты, исходившие из того, что Договор — «это бракоразводный процесс»⁵, а вместо Союза возникает «облако в штанах»⁶, пошли на то, чтобы осуществить «авантюрный государственный

¹ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 16 сентября.

² Архив автора. Интервью В. Н. Шевченко. Москва. 2019. 18 декабря.

³ Договор о Союзе Суверенных государств // Правда. 1991. 15 августа.

⁴ Архив автора. Интервью В. А. Михайлова, в 1991 году — заведующего отделом межнациональных отношений ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

⁵ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁶ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова, в 1991 года — заместителя Председателя Совета Обороны, члена ГКЧП. Москва. 2018. 15 августа.

переворот»¹, добивший союзное государство. «Раскол между элитами не был преодолен. Союзный договор был обнародован Павловым против воли Горбачёва. Прочитав, руководители увидели, что вместо Союза — какая-то аморфная масса. Было видно, что Союз разрушен. При этом было непонятно, за кем армия, внешняя политика и т. д. Больше всего шокировало, что из 15 республик остается 6 или 7. Кто дал такие полномочия? Действия Горбачёва и людей, которые готовили Союзный договор, были антиконституционные», — высказывал автору свое мнение Владимир Иванович Щербаков, первый заместитель и личный друг Премьер-министра СССР В. С. Павлова, в августе 1991 года примкнувшего к ГКЧП². Только лишь после ознакомления с финальной версией текста Договора будущие члены ГКЧП, единодушно посчитавшие, что подписание Договора *в таком виде* означает незамедлительную гибель государства, *окончательно* решились на выступление, организовав его в лихорадочной спешке³. «Если бы был подписан новый Союзный договор, то уже 20 августа 1991 года вместо страны мы имели бы “облако в штанах”. То, что и свершилось впоследствии. Возвращаясь к вопросу о проекте договора, повторяю, что он готовился келейно. Мы впервые ознакомились с его формулировками 17 августа благодаря публикации в “Московских новостях”. Не узнали бы — может, и не было бы никакого ГКЧП. Ведь никто из нас на новоогаревских встречах, где готовили этот проект, не присутствовал. Для нас их результат был как снег на голову. Поэтому мы ничего фундаментально к созданию ГКЧП не прорабатывали. Да, были встречи, но на уровне “поговорили — разошлись”. И все. Спонтанно. А тут вдруг выяснилось, что проект договора полностью противоречит мартовскому референдуму 1991 года, что о социализме речь в нем практически не идет, что республики фактически становятся суверенными государствами. При этом заключение Совета министров по проекту Союзного договора было отрицательное, а заключения Верховного Совета не было вовсе. А по закону оно должно было быть. Я весь текст проекта в “Московских новостях” прочел. Мне позвонил Крючков, потом и Язов. Начали обсуждать, что происходит. Всем стало понятно, что 20 августа Горбачёв с Ельциным

¹ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 11 июля.

² Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

³ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова. Москва. 2018. 15 августа.

отдадут нас на закляние», — вспоминал О. Д. Бакланов¹. О том, что главной задачей ГКЧП было «предотвратить намеченное Горбачёвым на 19 [правильно — 20-е. — *Авт.*] августа подписание Союзного договора, разваливающего страну, в обход Верховного Совета, в обход Съезда народных депутатов», говорил и В. С. Павлов, оговаривающий, что «эта задача была решена — подписание не состоялось»². О том, что выступление ГКЧП было обусловлено стремлением сорвать подписание Союзного договора в той редакции, которая была согласована Горбачёвым с лидерами республик в июле 1991 года, писал в своей книге и Председатель КГБ СССР В. А. Крючков, убежденный в том, что путчисты «своей акцией продлили жизнь нашего государства на четыре месяца», а в «августе 1991 года нельзя было поступить иначе...»³ Не лишним будет привести и оценку В. И. Алксниса, высказывавшего твердое убеждение в том, что выступление ГКЧП было спровоцировано готовившимся подписанием Союзного договора, а «Договор фактически ликвидировал бы Союзное государство. Спровоцировал на создание комитета сам Горбачёв. Он пошел на необоснованные уступки, нарушая решение референдума 17 марта и Верховного Совета СССР»⁴. Итак, еще раз подчеркнем, что затеянная Горбачёвым эпопея по заключению нового Союзного договора рассорила Михаила Сергеевича с его командой, создав непосредственный повод для выступления ГКЧП. Именно Союзный договор в том виде, в каком он был согласован Горбачевым с лидерами республик, стал главной причиной акции ГКЧП, деятели которого видели в подобном договоре гибель единого государства. «20 августа представители шести союзных республик должны были подписать Союзный договор, завершающий, по задумке его автором, существование СССР. Горбачев и те, кто его поддерживал, тщательно скрывали правду: проект договора не был опубликован. Если бы не утечка 16 августа в «Московских новостях», вечером 20 августа люди бы оказались в другой стране. Мы пытались не допустить развала СССР. Но у нас не было времени для того, чтобы

¹ Мы проявили мягкотелость. (Беседа А. Замостьянова с О. Баклановым) // Историк. 2016. № 7–8. (19–20). С. 113.

² Павлов В. Мы пошли бы другим путем // Десять лет, которые потрясли... 1991–2001. М., 2002. С. 110.

³ Крючков В. Каждому свое // Десять лет, которые потрясли... С. 35, 43.

⁴ Алкснис В. Горбачёв уже вышел в тираж // Московский комсомолец. 1991. 24 августа.

по-настоящему подготовиться — многое делалось в тайне даже от части тогдашнего руководства. Ельцин, Горбачев и их сторонники кормили людей обещаниями улучшить их жизненный уровень, скрывали тяжкие последствия, неизбежные после подписания договора. Своим выступлением мы стремились дать возможность Верховному Совету обдумать подготовленный Горбачевым и другими проект Союзного договора. Но ни Верховный Совет, ни съезд не воспользовались этой возможностью... Выступление ГКЧП не увенчалось успехом во многом из-за того, что мы не мыслили решать проблему большой кровью. 18-го мы договорились, что если возникнет такая опасность, прекратим выступление... Несмотря на то, что Горбачев старательно разрушал советскую государственность, ее потенциал был далеко не исчерпан», — утверждал В. А. Крючков, вплоть до своего ухода из жизни не желавший признавать, что именно выступление ГКЧП ускорило распад Союза¹.

Однако, помимо работы по подготовке нового Союзного договора, за время, предшествующее августовскому путчу, прошли три Пленума ЦК КПСС — в январе, апреле и в июле. Каждый из них наглядно иллюстрировал всю сложность обстановки, сложившейся внутри партии — отсутствие идейного единодушия, явственно обозначившаяся склонность к фракционности, недопонимание партией политической линии генсека и стремление консерваторов то ли избавиться от Горбачёва, то ли поставить его под их контроль. Словом, в последний год существования Советского Союза жизнь партии кардинально отличалась от доперестроечной поры — наиболее, пожалуй, влиятельный элемент партийного аппарата — консерваторы — и Горбачёв не желали идти на какие-то уступки друг другу.

Кризис, переживаемый советской государственностью, непопулярность партии в обществе были очевидны для всех. В этой ситуации номенклатура — при всей ее критике в адрес генсека — все же рассчитывала на то, что Горбачёв защитит ее и ее положение; то, что Михаил Сергеевич «зарылся» в своих президентских обязанностях, ее не устраивало и порождало новый повод для критики инициатора перестройки. К началу 1991 года в партийных кругах сложилось убеждение, что «президент живет своей жизнью, а партия своей»². Количество твердых сто-

¹ Мы ни о чем не жалеем // Сегодня. 1999. 19 августа. С. 3.

² Архив автора. Интервью В. В. Рябова, члена ЦК КПСС, заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

ронников Михаила Сергеевича в аппарате ЦК было не столь велико, сопротивление его линии продолжало усиливаться — все это порождало недоверие лидера к собственной партии, определенное стремление дистанцироваться от нее. Горбачёв понимал, что опереться на партию в полной мере он не может, ошибкой генсека было то, что он, стремясь обновить партию, делал ставку на подчеркнuto безликих людей, при этом надо признать, что Михаил Сергеевич не успел до конца завершить процесс формирования ядра сторонников партии¹.

31 января 1991 года состоялся однодневный совместный Пленум ЦК и ЦКК, на котором прямо заявлялось об отставании партии от текущих политических событий. Ю. А. Прокофьев в своем выступлении обратил внимание на то, что под видом борьбы против партии демократические силы ведут атаку на «основные жизненные структуры нашего общества»². Лидер московских коммунистов призвал партию не быть безучастной к происходящему, а ринуться с головой в политическую борьбу. Однако перед этим, по мысли Ю. А. Прокофьева, КПСС должна определить свою социальную базу и завершить работу над своей Программой, о необходимости подготовки которой принял решение еще XXVIII съезд КПСС. «Надо форсировать разработку Программы партии. Партия без Программы — не партия. Партия должна выступить гарантом стабильности в стране, как та единственная сила, которая отстаивает сохранение государства», — подчеркнул Ю. А. Прокофьев³. Другой член Политбюро, И. К. Полозков, объявил, что перестройка нанесла тяжелый удар по социалистической идее, верность которой подтвердил XXVIII съезд КПСС, а партия за время перестройки отошла от своей главной задачи — защиты рабочего класса⁴. И. К. Полозков призвал партию бороться за умы и души людей, специально оговорив при этом, что «дрожащими руками и... дрожащим голосом политику не делают»⁵. Фактически это был прямой выпад против курса Горбачёва. Однако

¹ Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 годах члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 декабря.

² ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1352. Стенографический отчет совместного Пленума ЦК и ЦКК КПСС. 31 января 1991 г. Л. 13.

³ Там же. Л. 16.

⁴ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1352. Стенографический отчет совместного Пленума ЦК и ЦКК КПСС. 31 августа 1991 г. Л. 37–38.

⁵ Там же. Л. 40.

январский Пленум не может быть по своему напряжению даже сравним с апрельским Пленумом, на котором Михаил Сергеевич едва не ушел в отставку.

К весне 1991 г. обе стороны — президент и консервативная часть ЦК — пошли в бой друг против друга с открытым забралом.

Апрельский Пленум 1991 года, по словам секретаря ЦК и члена Политбюро А. С. Дзасохова, оказался самым скандальным за все годы перестройки, с самого начала в его атмосфере царило беспрецедентное напряжение¹. Фактически Пленум, по словам Горбачёва, был превращен в «судилище над перестройкой»², отдельные члены ЦК устроили настоящую «психическую атаку» против генсека³, а выступления целого ряда ораторов были продиктованы, по словам А. И. Вольского, стремлением «свести все к персональному делу коммуниста Горбачёва», без здравого представления о том, «какие последствия для КПСС, да и для страны в целом наступят за этим»⁴. На Пленуме воедино сошлись все противоречия и критика в адрес генсека. «Партийные секретари буквально кипели, внутри них все скрежетало. Вероятно, в провокации участвовал Лигачёв, сохранивший, по сути, контроль над Орготделом», — вспоминал В. И. Щербаков, в 1991 году — первый заместитель премьер-министра В. С. Павлова⁵. В разгар одного из выступлений Горбачёв прервал оратора и предупредил о том, что он сейчас возьмет слово и ответит на критику: «потому что, я думаю, уже подошло время, что я должен сказать. Хватит. Все», — заявил генсек⁶. В. А. Ивашко, заместитель Горбачёва по партии, видя настроение Михаила Сергеевича, обратился к залу с предложением устроить перерыв «примерно на час, полтора», но был остановлен генсеком. «У меня короткое выступление, — сказал

¹ Дзасохов А. С. Человек и политика. М., 2009. С. 176.

² Горбачёв М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 559. «Судилище над Горбачёвым», — уточняет один из лидеров оппозиции генсеку член Политбюро и 1-й секретарь МК КПСС Ю. А. Прокофьев (см.: Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, члена Политбюро ЦК КПСС. Москва. 2020. 30 января).

³ Горбачёв М. С. После Кремля. М., 2014. С. 10.

⁴ Материалы Объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии КПСС, 24–25 апреля 1991 г. М., 1991. С. 89.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

⁶ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1354. Стенограмма пленума ЦК КПСС. 25 апреля 1991 г. Л. 139.

Горбачёв, — вы успеете и на перерыв, и пообедать. Я думаю, что нам не надо впадать ни в эмоции, ни во что. Спокойно обсудить ситуацию, как она складывается в партии, и как она проявляется сегодня в ходе работы Пленума Центрального комитета партии. Практически здесь 70 процентов, если не больше, выступивших заявили о том, что сегодня положение такое, что уровень и авторитет Генерального секретаря ЦК КПСС пал до нуля, и что это уже сегодня связано с доверием, а по сути дела, с недоверием, и в таком состоянии, вы понимаете, оставлять человека, который сегодня не пользуется доверием партийной массы, как вы говорите здесь, и я не ставлю это под сомнение, это ваше право, но я принимаю к сведению, так именно здесь прозвучало, я думаю, что оставлять партию в таком состоянии, руководство партии нельзя. Дело не в Горбачёве, ни в ком. Это просто преступно. Поэтому я ставлю вопрос таким образом. Сейчас на этом Пленуме прекратить прения, поскольку все сводится к этому, и решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Между съездами Пленум должен решить. Потому что раз речь идет об этом, надо решать. Потому что для меня интересы партии, интересы нашего дела великого революционного обновления не менее дороги, чем некоторым тут появившимся в последние две недели на политической арене. И я ставлю выше этого. Поэтому я ставлю вопрос о том, что подаю в отставку. (Аплодисменты)»¹. По словам присутствовавшего на Пленуме первого секретаря Крымского рескома Л. И. Грача, Горбачёв просто «психанул»², такую же характеристику поведения генсека применил и московский партийный лидер Ю. А. Прокофьев, вспоминавший, что никому из присутствующих «не было понятно, почему Горбачёв так завелся»³. Не ожидавший от Горбачёва подобного шага его заместитель по партии В. А. Ивашко обратился к делегатам Пленума: «Надо просчитать просто, что может такое заявление означать для партии...» — на что Михаил Сергеевич ответил: «Ничего, партия не умрет... Надо решить вопрос так, Владимир Антонович, чтобы не было в Центральном Комитете партии вот этого, что происходит

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1354. Стенограмма пленума ЦК КПСС. 25 апреля 1991 г. Л. 143–144.

² Архив автора. Интервью Л. И. Грача, в 1991 году — Первого секретаря Крымского рескома Компартии Украины. 2016. 27 сентября. Симферополь.

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января.

у нас каждый Пленум. Значит, когда мы видим, что у нас уже тут две-три-четыре партии. Нужно найти фигуру, которая бы получила полное доверие. В таком состоянии Генеральный секретарь не может работать. И партия не может в таком состоянии...»¹ В сбивчивой и путаной речи Горбачёва явно сквозили нотки обиды, чего генсек и не пытался скрывать. По словам помощника Президента СССР В. К. Егорова, Михаил Сергеевич был абсолютно искренен в этот момент: есть предел человеческому и эмоциональному терпению².

«Все эти людишки пальца Горбачёва не стоили. Все они аппаратные интриганы, не больше... Горбачёв — фигура, и его, конечно, это все задело. Был объявлен перерыв и начали его уговаривать. Не ожидал никто, что он так сделает, хотя к тому и вели. Все они, конечно, испугались, потому что никто из них не мог взять смелость на себя, да и ума у них не было... Каждый из них сам по себе — политическое ничтожество, но когда они вместе, они — критическая масса и они многое могли сделать и сделали с этим путчем», — рассказывал автору заведующий секретариатом Президента СССР Горбачёва, а весной 1991 года — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Г. С. Остроумов³. Генсек, видимо, безумно устал от ситуации, в которой ему необходимо было беспрестанно преодолевать сопротивление партийного аппарата⁴, его просто «довели», как полагал свидетель событий член ЦК А. В. Бузгалин⁵.

«Выслушав очередную злобную речь, Горбачёв объявил об отставке. Мы повскакивали с мест и кинулись в зал... Мы проходили к своим местам перед президиумом, и я видел еще не остывшее от возбуждения красное лицо Горбачёва — никогда прежде я не видел его до такой степени выведенным из равновесия. И когда потом меня много раз спрашивали, не было ли заявление об отставке заранее обдуманной инсценировкой, я уверенно отвечал: нет, не было. Конечно,

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1354. Л. 144.

² Архив автора. Интервью В. К. Егорова, в 1991 году — помощника Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

³ Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 году — заведующего Секретариатом Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Рябова, в 1991 году — заведующего гуманитарного отдела ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

⁵ Архив автора. Интервью А. В. Бузгалина, в 1991 году — члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2017. 18 декабря.

опытный политик, видя нараставшее перед пленумом напряжение, не мог не обдумывать возможность и такого поворота событий, но заранее обдуманного решения у него явно не было, это был спонтанный выкрик», — вспоминал член ЦК О. Р. Лацис¹. «Слушая всю эту критику, Горбачёв все больше заводился. В конце он уже был просто красный как рак. Он психанул. Далеко не всегда Михаил Сергеевич держал удар», — рассказывал автору народный депутат СССР Ю. В. Голик, входивший в ту пору в команду Горбачёва².

«После выступления Горбачёва воцарилась тишина. Никто ничего не мог сказать», — вспоминал присутствовавший на том совещании член ЦК В. И. Щербаков³. Ошарашенный демаршем своего лидера ЦК призадумался: заместитель генсека В. А. Ивашко объявил двухчасовой перерыв. Члены ЦК разбрелись по отдельным группам, обсуждая, что делать, при этом никакой альтернативы Горбачёву даже в разговорах не выдвигалось⁴. За время перерыва 72 члена Центрального комитета во главе с А. И. Вольским, бывшие приверженцами Горбачёва, официально подали в президиум записку, где заявили, что если пленум примет отставку Генерального секретаря, то они выйдут из состава ЦК⁵. Назревал раскол в составе партии⁶. Одним из тех членов ЦК, кто наиболее активно поддерживал Горбачёва на апрельском Пленуме 1991 года, был А. И. Вольский. «Меня поддержал Нурсултан Назарбаев. И еще семьдесят два человека подписали. Я-то по наивности решил, что противостоянию

¹ *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 343.

² Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 мая.

³ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

⁴ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1991 году — народного депутата СССР, члена ЦК КПСС. 2018. 21 июля. село Немчиновка, Московская область; Архив автора. Интервью Б. П. Гуселётова. По убеждению спичрайтера Горбачёва по вопросам внешней политики В. Б. Кувалдина, к весне 1991 года «номенклатура пришла к выводу, что Горбачёв представляет смертельную опасность для номенклатуры, но видимой альтернативы не было» (см. Архив автора. Интервью В. Б. Кувалдина. Москва. 2018. 21 июля).

⁵ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, в 1991 году — члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 ноября; Архив автора. Интервью А. С. Грачёва, в апреле 1991 года — члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 5 июля.

⁶ *Ненашев М. Ф.* Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993. С. 126.

конец. Ан нет! Меньшинство отправилось готовить путч», — вспоминал Вольский¹.

В течение всего перерыва, объявленного после заявления М. С. Горбачёва об отставке, партия фактически была без лидера², а ближайшие к Горбачёву члены Политбюро В. А. Ивашко и А. С. Дзасохов успокаивали Михаила Сергеевича³. Член Политбюро И. Т. Фролов вспоминал: «Горбачёв шел ва-банк. Риск? Да. Смелость? Да. Но еще и тонкий расчет. Насколько я помню, никто открыто предложения об отставке не вносил. Горбачёв сам пошел на обострение. С его стороны это был, если хотите, продуманный превентивный удар, демарш, рассчитанный на людей осторожных и сомневающихся, чтобы они почувствовали чрезвычайную серьезность положения. Я позже со многими разговаривал. Если суммировать все, то настроение вот такое: “Горбачёв — человек авторитетный. А кто придет вместо него? Этот кемеровский секретарь, которые больше всех тут кричал? Михаила Сергеевича мы знаем. Мы его покритиковали, он критику учтет и в партии станет работать активнее, а не уходить с головой в президентские структуры”. Те, кто хотел устранить Горбачёва, таким образом, потерпели поражение»⁴.

Близкий в то время к Михаилу Сергеевичу В. И. Щербаков рассказывал автору, что встретил Горбачёва, только что объявившего о своей отставке и прогуливающегося в коридоре рядом с залом заседаний Пленума. «Ты видишь, что они делают? Нет, ты видишь, что они делают?» — спросил Михаил Сергеевич В. И. Щербакова. Несмотря на крайнее раздражение Горбачёва, Михаил Сергеевич, как подметил Щербаков, прогуливался практически на виду у членов ЦК, «видно, чтобы быть на глазах у тех, кто принимал решения. То ли у Горбачёва чисто по-человечески не выдержали нервы, то ли Михаил Сергеевич все просчитал и решил сыграть на раскол партии, рассчитывая сохранить за собой поддержку своих сторонников»⁵. О том, что в заявлении об отставке

¹ Завада М., Куликов Ю. Диалоги с Аркадием Вольским. «Попробуйте меня от века оторвать...». М., 2006. С. 140.

² Калашников В. Полтора часа без Генсека // Ленинградская правда. 1991. 27 апреля.

³ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

⁴ Фролов И. Альтернатива // Журналист. 1994. № 5. С. 46.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова, члена ЦК КПСС, первого заместителя Премьера-министра СССР В. С. Павлова. Москва. 2022. 3 сентября.

была «рисовка» со стороны Горбачёва, знавшего, что партия не решится пойти на неизбежный раскол в случае ухода Михаила Сергеевича с поста генсека, заявлял автору и бывший первый заместитель управляющего делами ЦК КПСС В. М. Мишин, также признававшийся, что какой-то иной фигуры — на замену Горбачёву в период его неожиданной отставки — членами ЦК не называлось¹. «Партию страшил раскол. Партия и погибла оттого, что хотела остаться единой. Вот поэтому, хотя большинство членов ЦК уже негативно относились к Горбачёву и его деятельности, но партия продолжала за него цепляться: как же так, он свой, хороший мужик. Он исправится! Да и Горбачёв боялся раскола партии», — вспоминал В. М. Мишин². Уже задним числом секретарь ЦК КПСС, а впоследствии Президент Молдовы П. К. Лучинский говорил: «Было очевидно, что сохранить партию единой не удастся. Тем не менее на формальный раскол не пошли, хотя идейное размежевание существовало уже давно. ЦК, который должен был стимулировать тогда раскол, на это не решился, и в этом его ошибка. С позиций сегодняшнего дня я понимаю, что это надо было тогда сделать...»³

«Не думаю, что это [заявление об отставке. — *Авт.*] был порыв. Чему-чему, а выдержке Михаила Сергеевича можно позавидовать. Я предполагаю, что здесь имел место взвешенный шаг. Шаг, необходимый и партии, и Генеральному секретарю. Чтобы еще раз проверить силу действительного авторитета, заручиться поддержкой коммунистов», — рассказывал в интервью «Независимой газете» член ЦК КПСС Н. С. Столяров⁴. «В перерыве 72 члена ЦК КПСС официально подали в президиум записку, где заявили, что если пленум примет отставку, то они выйдут из состава ЦК. Назревал раскол в составе ЦК КПСС. В то время я тоже подписал это заявление, ибо еще верил тогда, как и другие, что уход Горбачёва сделает раскол в партии неотвратимым, и следовательно, КПСС должна будет прекратить свое существование в тот ответственный момент, когда еще жила надежда сохранить СССР. Теперь, когда прошло время и можно применить тот самый подход, о котором я уже говорил — а что бы было, если бы раскол в ЦК

¹ Архив автора. Интервью В. М. Мишина. Москва. 2020. 22 октября.

² Там же.

³ Они слишком долго выжидали. (Беседа И. Королькова с П. Лучинским) // Российская газета. 1991. 31 августа.

⁴ Партия освободила вокруг себя политическое пространство. (Беседа А. Зуйченко с Н. Столяровым) // Независимая газета. 1991. 7 мая.

состоялся, — я прихожу к выводу, что неизбежное размежевание в партии, вызванное отставкой генсека, могло оказаться целесообразным. Оно могло явиться началом действительного обновления партии на основе тех политических течений, которые в ней реально существовали. Это обновление могло вызвать формирование вместо КПСС двух или трех партий социалистической ориентации, и это отвечало бы реальностям времени», — вспоминал член ЦК КПСС М. Ф. Ненашев¹. «Большинство участников Пленума, — констатировала секретарь ЦК КПСС Г. В. Семенова, — составляли люди, которые не позволили бы снять Горбачёва, поэтому стоявшие за будущими путчистами участники Пленума на этом не настаивали»².

В перерыве экстренно было собрано заседание Политбюро, на котором никто из членов Политбюро не выступил с критикой Горбачёва (сам Михаил Сергеевич на заседании не присутствовал). Председательствующий В. А. Ивашко предложил членам Политбюро считать, что никакого заявления Горбачёва и не было. После уговоров генсек согласился «вернуться» на пост генсека³. Политбюро, в свою очередь, предложило на утверждение ЦК резолюцию, в которой заявлялось, что «исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачёвым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС»⁴.

¹ Ненашев М. Ф. Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993. С. 126.

² Мы жили в самообмане до последних дней. (Беседа И. Верейкиной с Г. Семеновой) // Российская газета. 1991. 30 августа.

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января. Противоположное свидетельство содержится в воспоминаниях И. К. Полозкова, по утверждению которого, «на заседании Политбюро, состоявшемся в перерыве пленума, я, Гуренко, Малофеев и Погосян предложили принять демарш Горбачёва за добровольную отставку и избрать нового генсека. Были названы кандидатуры Ивашко, Янаева, Рыжкова, Шенина и Лигачёва. Но мы оказались в меньшинстве. Назарбаев, Каримов, Ниязов, Силлари, Лучинский нещадно раскритиковали нас, и Политбюро обязало всех разойтись по своим делегациям, успокоить распаленных членов ЦК и продолжить работу пленума» (см.: Полозков И. К. Обманутые надежды, или Как разрушали страну. М., 2014. С. 525).

⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 012. Д. 026. Л. 1.

По словам Дзасохова, никто всерьез не думал, что Горбачёв уже ушел в отставку: генсек «просто подвесил ситуацию»¹, прекрасно зная, что Пленум ЦК, по уставу, не имел права отстранить генсека, которого напрямую избрал съезд партии. Снятие генсека в нарушении устава автоматически вело к расколу. Чем же был так опасен раскол ЦК? По утверждению члена ЦК В. В. Калашникова, раскол КПСС «развязывал Ельцину руки без всякого ГКЧП. Две или три новые партии стали бы делить имущество прежней КПСС, вести войну “компроматов” и т. д. Это привело бы к массовому выходу рядовых коммунистов из КПСС, и в той ситуации они бы не вступили в новые партии. А главное — все компартии союзных республик ушли бы в “свободное плавание”. Поэтому я и говорил на пленуме, что ЦК не должен делать шагов, способных спровоцировать раскол. Надо было учиться бороться в рамках реальной многопартийности, а не валить все на генсека»².

Несмотря на всю критику — как объективную, так и нет, — Горбачёв по-прежнему был той фигурой, которая худо-бедно, но все же как-то цементировала партийные комитеты союзных республик. К тому же коммунист Горбачёв был Президентом всего Советского Союза, что в условиях возрастающей непопулярности партии позволяло ей оставаться на плаву в качестве фактически, но не юридически (после отмены 6-й статьи действующей Конституции СССР), правящей партии, продолжавшей контролировать основные командные высоты — КГБ, армию, правительство. Большинство членов ЦК понимали, что следующий Президент страны, вероятнее всего, не будет коммунистом — как следствие, в апреле 1991 года в партийной элите были сильны и позиции тех, кто считал, что надо «бороться за Горбачёва и его всесоюзный и мировой политический авторитет»³. Член ЦК А. В. Бугалин писал, вспоминая апрельский Пленум: «Тайну силы Горбачёва очень точно определил на одном из совещаний в партийных верхах кто-то из секретарей ЦК (по-моему, Ивашко, но не помню точно): если Вы (имелись в виду противники соединения поста генсека и президента в одном лице) отстраните Горбачёва от руководства партией, Вас же завтра никто в Кремль не пустит! Похоже, что едва ли не в первую очередь именно

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова.

² Калашников В. Август 1991-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

³ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 году — заведующего Секретариатом Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

этого — последней опоры партийной номенклатуры — президента-генсека, побоялись на Пленуме те, кто жаждал его отставки»¹. Член ЦК КПСС И. М. Шабанов, отнюдь не сторонник Горбачёва, писал: «Правда... в том, что, уйдя с поста генсека, Горбачёв оставался Президентом, носителем реальной власти. Партия же в конкретно-исторических условиях весны 1991 года становилась обреченной, мнимой, но не реальной силой, способной остановить уже грозно зримое уничтожение страны... Конечно, партии от Горбачёва надо было освободиться до марта 1990 года, до избрания его Президентом»².

Сам Горбачёв был убежден, что на апрельском Пленуме был разыгран хорошо подготовленный спектакль, инициированный такими консервативными представителями ЦК КПСС, как Ю. А. Прокофьев, и вспоминал про совещание партийных секретарей городов-героев в Смоленске, проходившее незадолго до упомянутых событий и использованное его организаторами «для мобилизации сил в поддержку требований об отставке Горбачёва»³. На встрече в Смоленске была предпринята попытка втягивания в заговор руководителей партийных организаций не только Смоленска, но и Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, других городов Украины и Белоруссии⁴. О том, что на этом совещании было принято решение попытаться сбросить Горбачёва и заменить его фигурой Ю. А. Прокофьева, рассказывал автору Ю. П. Белов, в 1991 году — 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС, «среди нас, — откровенно признавался Юрий Павлович, — были разные люди, но в массе своей мы его [М. С. Горбачёва. — *Авт.*] ненавидели»⁵. Член ЦК КПСС в 1990–1991 годах В. В. Калашников, в июле-августе 1991 года — секретарь ЦК КПСС, также убежден в том, что в основу атаки на Горбачёва в ходе апрельского Пленума был положен сценарий, разработанный Ю. А. Прокофьевым и его соратниками⁶.

¹ Бузгалин А. В. Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. М., 1993. С. 95.

² Шабанов И. М. Крушение СССР: мифы и правда. Публицистика, интервью. Воронеж, 2014. С. 45.

³ Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 312.

⁴ АГФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19472. Записка Г. С. Остроумова «О подготовке отстранения М. С. Горбачёва с поста генсека в 1991 г.». [1993. 1 марта].

⁵ Архив автора. Интервью Ю. П. Белова. Санкт-Петербург. 2020. 10 декабря.

⁶ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

Примечательно, что Ю. А. Прокофьев в беседе с автором утверждал, что «никакой режиссуры апрельского Пленума не было»¹.

За сутки до открытия Пленума Горбачёв сумел добиться серьёзного успеха: убедив руководителей девяти союзных республик подписать известное Заявление «9+1». Фактически это был своего рода взаимный вассальный обет, выгодный на том этапе и для Горбачёва, и для руководителей республик. «Выступить против Горбачёва, поддержанного республиками, члены ЦК КПСС не рискнули», — констатировал И. Д. Лаптев². Вместе с тем, как вспоминал Ю. А. Прокофьев, оглашение Заявления «9+1» никак не повлияло на противников генсека, желавших его снять; «Заявление-то это он опять подписал, не посоветовавшись с партией. Настроение было — снять Горбачёва!» — говорит Юрий Анатольевич³.

Михаил Сергеевич в беседе с автором аттестовал апрельский Пленум 1991 года как «партийный путч»⁴. В одном из интервью Горбачёв вспоминал: «Я знал: 32 секретаря пошли на сговор. И тогда я заявил, что ухожу в отставку. К тому времени я мог поставить так вопрос, потому что раскол стал неизбежен. Пусть не раскол — размежевание. До этого я не хотел раскола, размежевания»⁵. «Сейчас я думаю, что мое согласие остаться на посту генсека было ошибкой. Партия, как показали дальнейшие события, оставалась консервативной силой, неспособной реформировать себя и участвовать в реформировании страны», — пишет М. С. Горбачёв⁶. Думается, что эти слова Михаила Сергеевича не вполне точны: весной 1991 года все, и в первую очередь сам Горбачёв, понимали, что вслед за отрешением генсека от партийной власти неминуемо последовала бы и утрата Горбачевым поста Президента СССР. И Горбачёв, и значительная часть его сторонников

¹ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января.

² *Лаптев И. Д.* Власть без славы. М., 2002. С. 219.

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 17 февраля. «Заявление “9+1” не подняло авторитет генсека, хотя бы потому, что это было сделано опять за спиной партии», — подчеркнул в беседе с автором Ю. А. Прокофьев (см.: Архив автора. Москва. 2020. 30 января).

⁴ Архив автора. Интервью М. С. Горбачёва. Москва. 2019. 11 июля.

⁵ Нет иного выхода, как поменять власть (С Михаилом Горбачёвым беседует главный редактор «Российской газеты» Валентин Логунов) // *Российская газета*. 1993. 19 августа.

⁶ *Горбачёв М. С.* Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 34.

отчетливо осознавали, что партия нуждается во все еще сохранявшемся общесоюзном политическом авторитете Горбачёва, последний же нуждался в партии, все еще продолжавшей контролировать «командные высоты» в стране. «Абсолютное большинство коммунистов согласны с коммунистом Горбачёвым, — высказывал свое мнение журналисту А. В. Караулову секретарь ЦК КПСС Ю. А. Манаенков, прибавляя, впрочем, что и «несогласные тоже есть»¹. Августовские события показали, что подобная оценка страдала излишним оптимизмом применительно к отношению партии к линии своего генсека.

Горбачёв сохранил за собой пост Генерального секретаря ЦК КПСС, а выступавшая с «охранительных» позиций «Советская Россия» сухо прокомментировала историю с несостоявшейся отставкой Михаила Сергеевича: «В ходе прений М. С. Горбачёв в связи с отдельными выступлениями участников Пленума поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. После рассмотрения этого вопроса в Политбюро ЦК Пленум принял решение: “Исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачёвым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС”»².

Непосредственным результатом апрельского кризиса и демарша Горбачёва стало укрепление позиций в партии ее генсека³, хотя, как справедливо констатировал сразу после Пленума сторонник Михаила Сергеевича В. В. Калашников, «кредит доверия в партии к Генеральному секретарю и ЦК КПСС в целом на пределе...»⁴

По признанию секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро ЦК КПСС Г. В. Семеновой, «Генеральный секретарь прилагал огромные усилия для сохранения партии, надеялся на ее обновление»⁵. И действительно: даже несмотря на неприятный осадок, оставшийся у него после апрельского Пленума, Горбачёв продолжал активно работать над обновлением

¹ Я не считаю, что за годы перестройки обесценено звание коммуниста. (Беседа А. Караулова с Ю. Манаенковым) // Независимая газета. 1991. 2 июля.

² Советская Россия. 1991. 27 апреля.

³ Партия освободила вокруг себя политическое пространство (Беседа А. Зуйченко с Н. Столяровым) // Независимая газета. 1991. 7 мая.

⁴ Калашников В. Полтора часа без Генсека // Ленинградская правда. 1991. 27 апреля.

⁵ Мы жили в самообмане до последних дней. (Беседа И. Верейкиной с Г. Семеновой) // Российская газета. 1991. 30 августа.

партии, придавая огромное значение подготовке и принятию ее новой Программы. Обсуждению этой программы был посвящен новый Пленум ЦК КПСС, проходивший 25–26 июля 1991 года. За несколько дней до его начала, 20 июля 1991 года, был опубликован указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о «департизации», фактически изгонявший партийные организации из государственных структур и предприятий, расположенных на территории России. «Исполнение ельцинского указа — удар по компартии куда более сильный, чем в свое время отмена шестой статьи Конституции», — правомерно замечал журналист Д. Остальский¹. Положение партии в этой связи становилось более чем двусмысленным. В итоге Горбачёв не пошел на конфронтацию с Ельциным, по сути, не отреагировав на его указ. Как признался А. С. Черняев, «М. С. предпочел не ставить под удар новоогаревский курс»². При этом изданием своего указа накануне Пленума ЦК Ельцин косвенным образом усилил позиции генсека в партии, подчеркнув слабость его оппонентов. «Фактически он выбил почву из-под ног российских коммунистов. Теперь защитить их может только президент СССР», — констатировал член ЦК КПСС Р. А. Медведев³. Указ Ельцина несомненно способствовал сплочению партии вокруг фигуры генсека: партийной элите стало ясно, что решить задачу своего политического самосохранения она сможет лишь в том случае, если это будет выгодно для Горбачёва⁴.

Пленум ЦК КПСС 25–26 июля 1991 года вел свою работу в деловой и конструктивной манере, появилось «почти забытое в этом зале чувство партийного товарищества, которое нарушалось лишь отдельными репликами и только двумя-тремя выступлениями»⁵. Антигорбачёвские настроения, по крайней мере наружно, уже не выплескивались так, как это было тремя месяцами ранее. Конечно, никакого благодушного настроения в зале не было, «напряжение было загнано внутрь», но противники генсека предпочитали молчать, не высказывая открыто своё неприятие политики Горбачёва⁶. «Этот Пленум ЦК КПСС, последний в ее многолетней истории, состоялся в самом конце июля и оказался отчаянной попыткой вывести партию из состояния

¹ Остальский Д. Указ президента о департизации // Независимая газета. 1991. 23 июля.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... С. 475.

³ Лебедев Ю. Коммунисты // Независимая газета. 1991. 27 июля.

⁴ Медведев В. А. В команде Горбачёва. М., 1994. С. 182.

⁵ Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 296.

⁶ Архив автора. Интервью А. С. Грачёва. Москва. 2018. 5 июля.

энтропии», — вспоминал секретарь ЦК КПСС А. С. Дзасохов¹. По словам помощника Горбачёва А. С. Черняева, Михаил Сергеевич работой Пленума остался доволен². «В перестроечном смысле пленум — еще одно запоздалое “преодоление”, осуществленное лично Горбачёвым: но не “обновление” партии нужно, а создание новой партии — “во что” уже и пошли Рущкой и проч.» — записывал Черняев в своем дневнике³.

На заседании Пленума ЦК КПСС 26 июля 1991 года Михаил Сергеевич призвал товарищей по партии к спокойствию, подчеркнув, что будет реагировать на указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, что «включает в себя все шаги вплоть до указа Президента. Тут у вас сомнений не должно быть»⁴. «Сохраняйте спокойствие», — прибавил генсек, попросив передать эти слова «всем товарищам партийцам, которые работают у нас в стране в партии»⁵. Член ЦК КПСС А. С. Грачёв в своем выступлении призвал партию к подлинной консолидации и объединении вокруг новой Программы партии и линии Горбачёва. «Мне бы не хотелось дожидаться того, чтобы словосочетание КПСС расшифровывалось как Консервативная Партия Советского Союза, потому что в этом случае место реформистов действительно займут радикалы»⁶. Слова Грачёва оказались поистине пророческими, что показал уже ближайший месяц, в беседе с автором этих строк Андрей Серафимович остроумно заметил, что Июльский Пленум, одоблив в качестве основы представленную Программу партии — социал-демократическую по своей сути, — и признав тем самым неизбежность размежевания, может быть назван «Пленумом состоявшегося развода»⁷. Едва ли не самым важным в свете последующих событий стало выступление Председателя Верховного Совета А. И. Лукьянова. «Давайте поставим вопрос честно и прямо: что значит для партии потерять

¹ Дзасохов А. С. Человек и политика. М., 2009. С. 269.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 968. Дневниковая запись от 28 июля 1991 г.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1357. Л. 270.

⁵ Там же. Л. 271.

⁶ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1356. Заседание Пленума ЦК КПСС, 25 июля 1991 г. Стенографический отчет. Л. 184.

⁷ Архив автора. Интервью А. С. Грачёва. Москва. 2018. 5 июля.

сегодня Президента и что значит для Президента потерять партию. Учитывая нынешние реалии, глубоко убежден, что для Президента Горбачёва потерять партию, значило бы лишиться самой серьезной опоры в обществе, опоры в массах со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Аплодисменты). Для партии же потерять Президента, значит, утратить ключевую позицию в государственном руководстве, но не только. Это значит, уже сейчас дать возможность оппозиционным, в том числе уже властвующим силам вернуть не просто травлю, а фактически погром партийных организаций. Отсюда вывод: партии терять Президента нельзя, как и Президенту нельзя терять свою партию. (Аплодисменты)»¹. После этого выступления ряд противников Горбачёва именно в Лукьянове увидел свое знамя и будущего генсека, а, может быть, и Президента страны. «В целом июльский Пленум по контрасту с апрельским прошел, можно сказать, деловито и даже относительно спокойно, без надрывов и нагнетания страстей. Может быть, кто-то вял увещеваниям Генсека не затевать драку между собой и не преподносить тем самым подарок своим противникам. Может быть, люди просто устали от напряженности. Может быть, кого-то заставил одуматься Указ о департизации... А, может быть, кто-то очень хотел, чтобы Горбачёв тоже поуспокоился и поскорее ушел в намеченный с 4 августа отпуск, уехал из Москвы в Форос», — вспоминал Георгий Сергеевич Остроумов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва².

Избранные на июльском Пленуме секретарями ЦК И. И. Мельников и В. В. Калашников в интервью партийному официозу газете «Правда» высказали твердое убеждение в том, что КПСС необходимо «в кратчайший срок завершить подготовку проекта Программы партии», «оставить свои амбиции, настойчиво искать правильную политику», прийти «к согласию, действовать вместе»³, а деятельность Центрального комитета должна быть подчинена «главной цели» — подготовке к внеочередному партийному съезду, намеченному на ноябрь-декабрь 1991 года⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1357. Заседание Пленума ЦК КПСС, 26 июля 1991 г. Стенографический отчет. Л. 24–25.

² АГФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19472. Записка Г. Остроумова «О подготовке отстранения М. С. Горбачёва с поста генсека в 1991 г.» [1993. 1 марта].

³ Калашников В. И доверие чего-то стоит // Правда. 1991. 31 июля.

⁴ Мельников И. Главное дело — предстоящий съезд // Правда. 1991. 1 августа.

Программная комиссия ЦК КПСС возглавлялась М. С. Горбачёвым, а рабочая группа — В. А. Ивашко и И. Т. Фроловым. В рядах рабочей группы выделялись А. Я. Дегтярёв, В. В. Калашников, А. С. Дзасохов, В. В. Рябов, В. А. Медведев¹, работали они, по словам Дегтярёва, в условиях «пожара»², успешно завершив свою работу над проектом новой программы партии, лозунгом которой были слова «Социализм, Демократия, Прогресс». Проект был опубликован в газете «Правда» 8 августа 1991 года³ и позволял КПСС плавно трансформироваться в социалистическую партию, от которой на предстоящем съезде могло отколоться ортодоксальное крыло⁴. Как вспоминал И. Т. Фролов, «М. С. Горбачёв отдельно поручил мне (без официальных решений) создать, как это он часто делал, творческую группу и уединиться во все том же Волынском для работы. С января 1991 года такая группа из четырнадцати известных наших ученых-обществоведов (не стану называть их фамилии, так как не знаю, как к этому отнесутся многие из них сегодня) приступила к работе, которой я руководил, имея постоянный контакт с М. С. Горбачёвым. Мы сделали пять вариантов, они рассылались М. С. Горбачёвым членам Программной комиссии, которые давали свои замечания... Это очень растянуло работу по времени, но иначе было нельзя. Я исходил из того, что XXIX съезд, на котором должна была приниматься новая Программа партии, следует провести как можно раньше, чтобы размежеваться с “правыми” и “левыми” и создать, по существу, новую партию из реформаторов во главе с М. С. Горбачёвым, но многие секретари ЦК сопротивлялись этому. В итоге съезд был назначен на конец 1991 г., а проект новой Программы КПСС был принят для обсуждения июльским Пленумом ЦК. После утверждения на Программной комиссии 5 августа 1991 г. (М. С. Горбачёв уже был в отпуске в Крыму, поэтому заседание вели А. С. Дзасохов и я), 8 августа проект был опубликован в “Правде”. Но было уже поздно: назревали события 19–22 августа, которые привели к прекращению деятельности, а потом и запрету КПСС»⁵. В итоге по проекту прошлись пером

¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 января.

² Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярёва. Москва. 2017. 14 марта.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Проект // Правда. 1991. 8 августа.

⁴ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярёва. Москва. 2017. 14 марта.

⁵ Фролов И. Т. Жизнь и познание (Вместо автобиографии) // Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М., 2001. С. 90.

известные ученые В. А. Тишков, В. В. Калашников, А. Я. Дегтярёв (именно ему принадлежала финальная версия той заготовки Программы, которая обсуждалась на Пленуме — в дальнейшем ее обработали В. В. Рябов и В. В. Калашников)¹, И. Т. Фролов, Г. Х. Шахназаров, который вносил в ее текст последние стилистические правки², и многие другие. Программа действительно представляла собой проект коллективного творчества. Как писал незадолго до путча академик В. А. Тишков, входивший в состав комиссии по подготовке Программы КПСС, «первые варианты проекта размером в 100, 70, а затем 40 страниц, помимо многословности, страдали все той же фундаментальной слабостью, что и прошлые программы находившейся у власти партии. Всё та же претензия на единственно верное, “научное” мировидение и мессианское предназначение политической партии руководить советским обществом, указывая ему верный путь, а заодно и путь всему человечеству. И в этот раз была попытка сочинить философский трактат с изрядной долей риторики и неприкрытой полемики с политическими оппонентами. Философски-методологические основы этого трактата отражали взгляды той части советской школы обществознания, которая хотя и сохраняет в высших партийных и академических структурах влиятельные позиции, но на самом деле находится на периферии современного гуманитарного знания и мировой политической мысли»³. Первый вариант программы отличался излишней наукообразностью, после капитальной переработки Программа заиграла новыми красками: «В получившемся документе более отчетливо проступил комплекс объявленных целей и конкретных задач по двум основным направлениям — улучшение социальных условий жизни людей и демократизация общества. Появилось напугавшее часть выступавших на Пленуме определение партии как партии демократических реформ, что вполне на данном этапе можно было бы рассматривать как вариант нового названия партии. КПСС понимается еще не как парламентская, но все же достаточно открытая

¹ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

² Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Сам Г. Х. Шахназаров, судя по его воспоминаниям, исходил из того, что он является фактическим автором проекта, вынесенного на Пленум, что далеко от истины (см.: *Шахназаров Г. Х. С вождями и без них*. М., 2001. С. 435–436).

³ *Тишков В. Между прошлым... и будущим? Размышления о проекте новой Программы КПСС* // *Известия*. 1991. 9 августа.

организация, допускающая свободное членство, внутренние фракции и внешние коалиции. По сути, в документе сделан шаг в сторону современной социал-демократической и социалистической идеологии и практики... В этом документе наконец проявляется трудное осознание того, что реальная действительность в стране сложилась так, что само название “коммунистическая” почти гарантирует ей на достаточно длительный срок место политической оппозиции, а в некоторых республиках нет и этой гарантии», — писал В. А. Тишков¹.

Программа была спорным документом, она не могла удовлетворить в полной мере сторонников всех тех течений, которые существовали в партии. На Июльском Пленуме программу подвергли серьезному обсуждению, критикуя ряд ее положений. «Программу громили по всем позициям — за то, что в ней нет слов “коммунизм”, “колхозно-совхозный строй”, за то, что коммунистам разрешается не быть атеистами, за то, что КПСС собирается на равных бороться за власть с другими политическими партиями, за социал-демократический уклон, за провозглашение равноправия всех форм собственности, в том числе — частной, да почти за все. Впрочем, даже если бы она была идеальной, шума и крика было бы не меньше. Потому что обсуждали не ее, обсуждали Горбачёва, требуя его отчета и предлагая на очередном съезде партии решить вопрос о целесообразности совмещения постов генсека КПСС и президента СССР», — вспоминал видный государственный деятель И. Д. Лаптев².

На наш взгляд, Программа была составлена с учетом реалий того времени и являлась достаточно сбалансированным документом, адаптированным к условиям новой политической реальности — многопартийности и плюрализму. С новой программой партия получала возможность сохранить себя в качестве влиятельнейшей политической силы в стране³, «социал-демократизация КПСС»⁴, по мысли Горбачёва, отвечала логике развития не только самой партии, но и истории нашего государства. Конечно, содержание Программы не могло удовлетворить коммунистов-консерваторов. «Написано расплывчато — очень декларативно, не целенаправленно», — высказался по поводу

¹ Тишков В. Между прошлым... и будущим? Размышления о проекте новой Программы КПСС // Известия. 1991. 9 августа.

² Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 159–160.

³ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

⁴ Горбачёв М., Икеда Д. Моральные уроки XX века. 2-е изд. М., 2011. С. 192.

опубликованного в печати проекта Программы бывший член Политбюро ЦК КПСС П. Е. Шелест¹. Однако Горбачёв, несомненно, рассчитывал на то, что Программа будет поддержана именно сторонниками перестройки, в них он и видел свою политическую опору. «Моя задача была довести партию до Съезда. Партия должна была разделиться, разойтись на основе программ», — рассказывал Михаил Сергеевич вскоре после отставки².

К августу 1991 года партия, конечно, не была уже единым организмом, хотя в ее рядах, включая политическую элиту, и сохранялось все еще очень сильное ядро сторонников обновления КПСС, предводителем которых был Генеральный секретарь, предпринимавший огромные усилия к тому, чтобы превратить КПСС в ту силу, которая будет готова к остро-конкурентной борьбе в условиях реальной многопартийности, разнузданной критики в адрес партии со стороны СМИ и ее возрастающей непопулярности в глазах общества. Конечно же, привыкнуть к тем условиям, которые ей предлагал генсек, партии и *аппарату* было трудно, а наступившая реальность казалась *обратимой* и порожденной только ошибками Горбачёва. Этот конфликт тлел уже долгие месяцы, разгоревшись в августовские дни 1991 года.

Сейчас можно лишь гадать о том, как сложился бы для Горбачёва XXIX съезд партии, если бы он состоялся: удержал ли бы он свой пост генсека? На этот вопрос автору этих строк развернуто ответил А. С. Дзасохов: «Была совершенно другая Программа, она давала возможность в атмосфере съезда дать необходимые разъяснения на все вопросы. Сразу же возникал вопрос: кто, если не Горбачёв? А обстановка была беспрецедентная, когда общественно-политическая активность была на высочайшем уровне. Партия непопулярна — это все понимали. И что же будет с партией, если Президент СССР уходит от руководства ей? И если мы бывшего генсека отпускаем в кремлевское пространство, партия, которая сама уже создала новую программу с учетом новой политической системы, подтверждающей политический плюрализм, отсутствие монополии на власть. Представим ситуацию, когда генсек, который обладает немыслимой популярностью за рубежом, основной наш переговорщик по большинству вопросов — разоружение, кредиты и т. д., и он вдруг уходит. Это означает, что снимается большинство

¹ РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 24. Дневниковая запись от 9 августа 1991 г. Л. 16.

² Горбачёв М. Я не остался бы Генсеком // Комсомольская правда. 1992. 1 мая.

параграфов новой программы. Партии, напомним, уже не были делегированы вопросы хозяйства. Ведь и так в Политбюро, чего никогда не было, не состоял ни Председатель правительства, ни Председатель КГБ, ни министр иностранных дел. А теперь, представим, там не будет и Президента. Что же это тогда будет за партия? У нее будут совершенно иные возможности. Перед ней бы в этом случае стояла бы задача едва-едва сохраниться как политическая сила. Горбачёв был единственным поплавком, позволявшим партии как-то держаться. Вопрос о его положении как генерального секретаря пересекался с его президентством. Все-таки наша страна часть мировой системы, а за рубежом у него популярность громадная, внутри страны хуже — большинство его уже активно не воспринимало. Но все-таки он — Горбачёв. Поэтому на съезде мог возникнуть вопрос об изменении системы руководства партией. Может быть, если бы его остро критиковали, он бы стал, скажем, почетным председателем партии»¹. «Если бы очередной съезд партии был бы проведен, то Горбачёв бы устоял. Кадровая политика была выстроена таким образом, что замены Горбачёву не виделось. Все понимали, что перемены в партии коснутся каждого из нас — это, конечно, страшило... Горбачёв бы удержал свой пост: в лавировании ему не было равных, он бы подключил все свои способности», — высказывал предположение Н. С. Столяров². Осторожный В. В. Калашников полагает, что предсказать как сценарий развития так и не состоявшегося съезда КПСС, так и личные политические перспективы М. С. Горбачёва крайне трудно, однако, если бы не ГКЧП, генсек выходил на съезд с подписанным союзным Договором и новой Программой КПСС — вне сомнения, в партии у него в этом случае сохранялись бы многочисленные сторонники, а Горбачёв мог предъявить своим оппонентам конкретные результаты своей работы. «Ничего бы у Полозкова сотоварищи не получилось», — высказывает свое предположение Калашников³. Да и сам Горбачёв был уверен, что «если бы не путч, можно было избежать последующей разрушительной вакханалии»⁴.

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

² Архив автора. Интервью Н. С. Столярова.

³ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁴ Горбачёв М. С. После Кремля. М., 2014. С. 12.

Противник линии Горбачёва член Политбюро ЦК КПСС Ю. А. Прокофьев, напротив, убежден в том, что предстоящий осенью съезд КПСС закончился бы для Михаила Сергеевича отставкой с поста генсека, а его преемником мог бы стать либо сам Прокофьев, руководитель влиятельнейшей столичной партийной организации, либо О. С. Шенин, рвавшийся занять первый пост в партии, либо А. И. Лукьянов¹.

Как бы то ни было, акция ГКЧП, целью которой было возвращение КПСС безоговорочных «командных высот», привела к прямо противоположному результату — удалению Коммунистической партии Советского Союза из политического поля на несколько лет и развалу единой страны.

В тот момент большое внимание привлекло опубликованное в «Советской России» за два дня до начала Пленума ЦК «Слово к народу», подписанное ведущими деятелями консервативного крыла советских интеллигентских, партийных и военных кругов. «Слово», первоначальный проект которого был составлен А. А. Прохановым, оповещало страну о том, что СССР «погружается во тьму и небытие»², и содержало, по словам Э. А. Шеварднадзе, «прямой призыв к мятежу»³. Прочитав «Слово», Горбачёв был возмущен его содержанием. В окружении Президента СССР «Слово» было воспринято как сигнал к началу атаки правых на Горбачёва⁴. «Слово к народу» стало идеологическим манифестом будущего ГКЧП, по определению Горбачёва опубликование этого заявления было «прелюдией августовского путча»⁵.

Среди подписантов «Слова» были будущие члены ГКЧП В. А. Стародубцев и А. И. Тизяков, первый из которых в интервью, данном незадолго до смерти, говорил о том, что это воззвание, подписанное «знаменитыми людьми», в том числе писателями Ю. В. Бондаревым, В. Г. Распутиным, певицей Л. Г. Зыкиной, было отчаянной попыткой остановить силы, ориентированные на распад СССР⁶. «Наше “Слово к народу”», — подчеркивал В. А. Стародубцев, — звучало

¹ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января.

² Слово к народу // Советская Россия. 1991. 23 июля.

³ Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. М., 1991. С. 357.

⁴ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова, в 1991 году — референта Президента СССР. Москва. 2018. 23 января.

⁵ Горбачёв М. В 1991 году я был слишком самоуверен // Независимая газета. 1995. 29 декабря.

⁶ Стародубцев В. Мы пытались сохранить государство // Невское время. Санкт-Петербург. 2011. 18 августа.

как предупреждение перед надвигающейся всенародной бедой... В те дни 1991 года мы даже не могли себе представить, насколько наше «Слово к народу» окажется пророческим»¹. «Пророческим» назвал это обращение к народу и генерал армии В. И. Варенников, также подписавший «Слово», а в августе 1991 года отправившийся на дачу Президента СССР в Форос с фактическим ультиматумом². По словам А. А. Проханова, «Слово к народу» стало своего рода манифестом, обращенным против горбачёвского курса и «горбачёвщины»³. В свою очередь, сторонник Горбачёва О. Р. Лацис охарактеризовал «Слово к народу» как «манифест путча»⁴.

Обстановка в стране накалялась.

Публикации «Слова к народу» предшествовало и известное открытое письмо Г. А. Зюганова А. Н. Яковлеву, получившее громкое название «Архитектор у развалин». «Наш государственный корабль без руля и ветрил болтается в бушующем политическом море и вот-вот налетит на рифы... В стране раздор, развал, распад, разложение. Основой бытия стали конфронтация и безответственность... То, что мы видим сегодня, называется национальным бедствием, сопоставимым с гражданской войной или нашествием гитлеровского фашизма. Но даже фашизму не удалось перессорить народы и поколения, отцов и детей, горожан и селян, а сегодня это стало горьким и трагическим фактом нашей действительности», — писал Г. А. Зюганов⁵. Яковлев, подвергаемый в то время беспощадной критике со стороны консерваторов, был в данном случае фигурой прикрытия — все понимали, что Зюганов сотоварищи оповещают Президента страны о начале нового наступления консерваторов.

В последующие месяцы страна, казалось бы, начала жить нормальной жизнью: шла достаточно плодотворная работа по подписанию нового Союзного договора; Б. Н. Ельцин был избран Президентом РСФСР и в его отношениях с Президентом СССР вроде бы начал происходить какой-то конструктивный перелом; М. С. Горбачёв с большим успехом выступил в Осло с лекцией по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира, «обмыв» после этого

¹ *Стародубцев В. А.* На крутых поворотах судьбы. М., 2014. С. 83–84.

² *Варенников В. И.* Судьба и совесть / Лит. запись Б. Куркина. М., 1993. С. 8.

³ Архив автора. Интервью писателя А. А. Проханова. Санкт-Петербург. 2021. 27 мая.

⁴ *Лацис О. Р.* Что с нами было, что с нами будет. М., 1995. С. 153.

⁵ *Зюганов Г.* Архитектор у развалин // Советская Россия. 1991. 7 мая.

на банкете высокую награду, как и полагается в таких случаях по русскому обычаю¹.

С момента августовских событий 1991 года, перевернувших не только нашу страну, но и в какой-то мере весь мир, прошло более четверти века. На многие вопросы, связанные с путчем, мы, вероятно, так никогда и не получим ответа. Очевидно лишь одно: путч, обрушивший союзное государство, можно было предотвратить. В этом был убежден и помощник Президента СССР А. С. Черняев. По его мнению, «не уйди Горбачёв в отпуск, то и путча бы не было»². Аналогичной точки зрения придерживаются и секретарь ЦК КПСС В. В. Калашников, и пресс-секретарь Горбачёва В. Н. Игнатенко. Оба они подчеркивают, что Горбачёв удержал бы власть, если бы не его отъезд в Крым и последующий путч; и Калашников, и Игнатенко заявляют о крайней усталости как самого Горбачёва, так и его команды, большая часть которой ушла в отпуск вместе со своим шефом³. О том, что «если бы Горбачёв не уехал в отпуск, никакого ГКЧП бы не было», — говорил автору и привлеченный по делу ГКЧП генерал В. В. Генералов, начальник охраны резиденции Горбачёва в Форосе⁴. Своим отъездом, полагает историк Р. А. Медведев, Горбачёв «спровоцировал события августа 1991-го и несет свою долю ответственности за ГКЧП»⁵. Об ответственности Горбачёва за события путча говорил в 1991 году и Э. А. Шеварднадзе⁶.

¹ Ковалев А. Г. Искусство возможного. Воспоминания. М., 2016. С. 442.

² Черняев А. Горбачёв очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

³ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко. Москва. 2018. 17 октября; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября. Примечательно, что генерал В. Т. Медведев, начальник личной охраны Горбачёва, находившийся с Президентом СССР безотлучно, в категорической форме заявил, что накануне августа 1991 года, «Михаил Сергеевич был в прекрасной форме, он не так чтобы уж очень устал. Мне кажется, что он не очень и хотел ехать в тот момент в Крым. Его уговорила Раиса Максимовна, это при мне было» (см.: Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева. Москва. 2020. 16 сентября).

⁴ Архив автора. Интервью генерала В. В. Генералова. Московская область. СНТ «Бутынь». 2022. 9 февраля.

⁵ Медведев Р. Интеграция неизбежна // Литературная газета. 2022. № 4. С. 6.

⁶ Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес... С. 204; Шеварднадзе Э. Я не хотел быть министром иностранных дел // Политический журнал. 2005. № 14. С. 66.

Некоторые участники событий утверждают, что отъезд Президента СССР в Форос был своего рода провокацией — приглашением заговорщикам выступить против подписания нового Союзного договора и частичного демонтажа прежнего Центра. Так рассуждал государственный секретарь РСФСР Г. Э. Бурбулис, по словам которого, «странный отъезд [Горбачёва] в Форос накануне подписания нового союзного договора выглядел как молчаливое согласие с заговорщиками, — мол, пусть попробуют сделать свое дело...»¹ Удивительным образом солидарен с Бурбулисом был и Г. И. Янаев, предположивший, что Горбачёв “заигрался” с союзным договором и хотел нашими руками решить проблемы и с собой, и со страной»². Народный депутат РСФСР В. В. Аксютин также убежден, что Горбачёв желал руками путчистов расправиться с Б. Н. Ельциным. «Горбачёв устранился, ожидая любого результата — если бы ГКЧП победил, он бы вернулся царем», — утверждает Виктор Владимирович³. «Можно сказать, что Горбачёв остался совсем один, а Ельцин, напротив, набирал силу. Угроза диктатуры не исчезала. Не могу поверить, что Горбачёв ничего не знал. Я не верю, что кто-то отважился утаить информацию от генерального секретаря партии. Я не мог понять, как это он не видит опасности, почему он не принимает соответствующих мер, если он ее все-таки видит? О том, что Горбачёв был прекрасно осведомлен, свидетельствует его заявление, которое он сделал, выступая перед партийным активом в Минске в начале 1991 года, через несколько месяцев после моей отставки: “Опасность диктатуры реальна, и я обращаюсь к каждому, кто поддерживает перестройку: будьте бдительны”. Так говорил Горбачёв. И что он сделал? Уехал отдыхать в Крым», — высказывал свою позицию Э. А. Шеварднадзе⁴. «На глазах рушилась страна — это видели будущие гэкачеписты. Горбачёв уехал в Крым, поставив всех перед дилеммой — надо что-то делать», — рассуждает А. В. Руцкой, также считающий, что путчистов, по сути, спровоцировал на выступление именно сам Горбачёв⁵.

¹ Танками по свободе // Аргументы и факты. 2011. № 27. С. 41.

² Из мягкого кресла на нары // Аргументы и факты. 1993. № 42. С. 3.

³ Архив автора. Интервью В. В. Аксютинца. Москва. 2020. 6 июля.

⁴ Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009. С. 193–194.

⁵ Архив автора. Интервью Героя Советского Союза А. В. Руцкого, в 1991–1993 годах вице-президента РСФСР — России. Москва. 2019. 10 июля.

Признавал, что его уход в отпуск был крайне несвоевременен, и сам Горбачёв¹. «Сейчас я думаю, что, пожалуй, в 1991 году был самоуверен. Мне казалось, что моя задача дотянуть до решающих перемен, и я дотянул. Была составлена антикризисная программа, которую подписали все республики, был подготовлен проект Союзного договора, который одобрил и Верховный Совет СССР, и все делегации, и был июльский Пленум ЦК, который утвердил Программу реформирования партии в социал-демократическом направлении. Все, думал я, теперь все пойдет в русле нормальных демократических процессов. Труднейший был этап — сколько раз и на пленумах, и на съездах, и на площадях я слышал: “Долой!” Как между Сциллой и Харибдой удалось проскочить, удалось все подготовить к броску вперед, и тут — путч. Путч готовился заранее, людьми вроде Прокофьева. Их не устраивали перемены, им дороже была своя номенклатурная кормушка», — вспоминал М. С. Горбачёв². Накануне отпуска Горбачёв производил впечатление усталого, но довольного человека: по словам А. А. Бессмертных, занимавшего в то время должность министра иностранных дел СССР, у Михаила Сергеевича появилось ощущение, что «большая работа сделана, распад приостановился и можно отдохнуть»³. На предупреждения о путче, исходившие от А. Н. Яковлева, Михаил Сергеевич нехотя отбрехивался: «Ты, Саш, преувеличиваешь их ум и храбрость»⁴.

Умышленно не погружаясь в разговоры о предыстории августовского путча, об основной мотивации путчистов — оба эти сюжета достойны отдельной книги⁵, все же обратим внимание на ключевые моменты, предшествующие попытке государственного переворота.

¹ Горбачёв М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 249.

² Горбачёв М. В 1991 году я был слишком самоуверен // Независимая газета. 1995. 29 декабря. С. 5.

³ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта.

⁴ Нам было не до Европы (Беседа М. Калашниковой с А. Яковлевым) // Коммерсантъ-Власть. 2005. № 8. 28 февраля. С. 46.

⁵ Самое добросовестное и основательное на данный момент исследование августовского путча 1991 года, написанное с привлечением большого количества документов и интервью ведущих участников событий, принадлежит перу немецкого исследователя И. Лозо (см.: Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было / Игнац Лозо; [пер. с нем. А. К. Камкин]. М., 2014).

О том, что политическая элита выходит из-под контроля Горбачёва, разговоры шли уже давно, но «плотью и кровью» они начали обростать ближе к весне-лету 1991 года. «Государственническая» часть окружения Горбачёва, включавшая в себя едва ли не весь будущий состав ГКЧП, настаивала на твердых и решительных действиях Президента СССР, исходя из требований текущего момента и реальной угрозы самому существованию Союза. В частности, влиятельнейший член ГКЧП О. Д. Бакланов еще в июне 1991 года говорил в интервью о необходимости введения президентского правления, ибо «только в рамках эффективной структуры президентского правления мы можем избежать губительнейшую “войну законов” в нашей стране. От бумажной войны законов льется живая человеческая кровь»¹. Отметим, что вплоть до августа 1991 года большинство сторонников «наступления диктатуры» исходили из того, что подобная политика будет проводиться именно первым по положению лицом страны — Горбачёвым. Однако были и другие настроения — направленные непосредственно против Президента страны.

Слухи о вызревании на самом верху политического Олимпа — в высшем руководстве страны — идеи наведения порядка «железной рукой» доходили и до Президента СССР. Еще в июне глава Москвы Г. Х. Попов получил через своего высокопоставленного информатора в КГБ (в беседе с автором Гавриил Харитонович отказался назвать имя этого человека, так как тот уже скончался)² конфиденциальную информацию: в ближайшее время в стране будет введено чрезвычайное положение, «со всеми последствиями, в том числе переходом власти на местах к военным»³. Не мешкая, Попов решил сообщить эту информацию послу США в СССР Джеку Мэтлоку, который согласился немедленно встретиться с Гавриилом Харитоновичем. Встреча прошла 20 июня 1991 года в библиотеке Спасо-хауса. «Весь разговор был на бумажках, так как мы знали, что все прослушивается», — рассказывал автору Г. Х. Попов, прибавлявший, что для конспирации он беседовал в этот момент с Мэтлоком на ответные темы⁴.

¹ Бакланов О. Отечество в опасности // Комсомольская правда. 1991. 10 сентября (интервью Бакланова, подготовленное к печати в июне, было опубликовано «Комсомольской правдой» уже после путча).

² Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

³ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 204.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

На листке бумаги Попов написал, что против Горбачёва готовится заговор и что необходимо эту информацию сообщить президенту РСФСР Ельцину, который тогда был с визитом в Вашингтоне. Мэтлок на том же клочке бумаги написал: «Я доложу, но кто это организует?» В ответ Попов написал четыре фамилии: «Павлов, Крючков, Язов, Лукьянов»¹. После того как Мэтлок ознакомился с содержанием записки Попова, последний взял листок, разорвал его на части и спрятал клочки себе в карман². В тот же день информация была доведена до президента США Джорджа Буша, который передал ее находившемуся в этом момент в Вашингтоне Ельцину. Последний, к слову, буквально пел на встрече с американским президентом осанну Горбачёву, заявив Бушу о том, что не может работать отдельно от советского лидера³.

Буш потребовал, чтобы Мэтлок передал имеющиеся у него данные также и Горбачёву. После этого Мэтлок, которого Горбачёв называл «Товарищ посол», считая его «членом местной команды, занимающейся гармонизацией отношений между двумя странами, и как твердого сторонника углубления взаимопониманий между Америкой и СССР», был принят Горбачёвым в присутствии А. С. Черняева⁴.

«Вошел Мэтлок. Лица на нем нет. М. С. — как сговорились (я тоже начал с похвал послу, когда он пришел ко мне с сожалением, что он уезжает) — стал ему говорить всякие добрые слова: что он хорошо, честно работал, был настоящим партнером, много помог в этот самый сложный период отношений, очень ценим здесь вашу деятельность и т. д. Мэтлок стоял, перебирая ногами: не терпелось выложить — с чем пришел. А пришел вот с чем: Господин президент, я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же встретиться с Вами и передать:

¹ Мэтлок Д. Товарищ посол // Итоги. 2011. № 30. 25 июля. С. 29.

² Там же.

³ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим / Пер. с англ. М., 2004. С. 448–449. Одновременно государственный секретарь США Дж. Бейкер сообщил эти сведения министру иностранных дел СССР А. А. Бессмертных (см.: Baker James A. Politics of diplomacy. New York, 1995. P. 470–471).

⁴ Мэтлок Д. Товарищ посол... С. 30.

американские службы располагают информацией, что завтра (т. е. сегодня, 21. VI) будет предпринята попытка отстранить Вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить Вас. М. С. засмеялся. (Я — тоже!) Мэтлок смутился: мол, глупость принес на такой верх. Стал извиняться: я, мол, не мог не выполнить поручения своего президента, хотя сказал ему (как?), что у меня в Москве таких сведений нет и вряд ли это — правда. М. С.: Это невероятно на все 1000%. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация — долг друга предупредить. Успокойте его. Но повторяю — в этом его сообщении я вижу подтверждение настоящих наших отношений. Значит, действительно мы далеко ушли вперед во взаимном доверии. Это очень ценно. Говорил он по-доброму, но с внутренней иронией, как бы уверенный в том, что все это чепуха», — записывал в дневнике А. С. Черняев¹. «Было ли сообщение Попова ложной тревогой (а 22–23 июня так могло показаться) или оно точно отражало планы, осуществление которых было отложено на более благоприятное время, когда Горбачёв будет вне Москвы, но в пределах Советского Союза под контролем КГБ? Наверняка это знали лишь упомянутые лица, но некоторые второстепенные факты говорят о том, что правильна вторая версия. Как бы то ни было, оба президента и американский госсекретарь отнеслись к сообщению непрофессионально», — писал Мэтлок в своих воспоминаниях². На вопрос, заданный А. А. Бессмертных Горбачёву в Москве, о том, как он расценил сообщение от американцев о возможном заговоре, Президент СССР ответил главе министерства иностранных дел, что он поговорил с «заговорщиками» и «хорошо им всыпал». «Самоуверенность президента сыграла с ним дурную шутку», — справедливо заключил Бессмертных³. Глава государства не оставил полученную информацию без внимания. По мнению Г. Х. Попова, Горбачёв «струсил и поспешил на другой день в Верховный Совет, чтобы отмежеваться от заявлений Павлова о необходимости предоставления ему как премьер-министру дополнительных полномочий.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 952–953. Дневниковая запись от 21 июня 1991 года.

² Мэтлок Джек Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 461.

³ Бессмертных А. Дипломат // Итоги. 2011. № 23. 6 июня. С. 35.

Если бы не предупреждение о путче, — заявил автору Гавриил Харитонович, — он бы произошел на 2 месяца раньше»¹.

В июле 1991 года были последние громкие аккорды деятельности Горбачёва как проповедника нового мышления: Президент СССР принял участие в саммите большой семерки в Лондоне в качестве специального приглашенного гостя премьер-министра Великобритании Дж. Мэйджора². По словам главы английского кабинета, Горбачёв, хотя и изменил лицо России, но все же не был способен понять даже основные принципы рыночной экономики³. Вместе с тем работе саммита предшествовало направление Горбачёвым послания членам большой семерки, смысл которого заключался в разъяснении того, каким образом Советский Союз собирается интегрироваться в рыночную экономику⁴. Над посланием Горбачёва работали ведущие советские экономисты под руководством В. А. Медведева⁵. Позиция СССР на Лондонской встрече была согласована с руководителями советских республик на совещании в Ново-Огареве, на пресс-конференции по итогам совещания Б. Н. Ельцин заявил, что Президент СССР едет в Лондон с согласованной позицией⁶. Как отметил Л. И. Абалкин, «это была очень важная

¹ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова. Речь идет о выступлении В. С. Павлова на заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г., на котором Валентин Сергеевич потребовал «соответствующих полномочий», необходимых правительству в «условиях экономического и политического кризиса» (см.: Верховный Совет СССР. Пятая сессия. Бюллетень № 82 совместного заседания Совета Союза и Совета национальностей. М., 1991. С. 19). На том же заседании с тревожными сообщениями о положении в стране выступили и министр обороны СССР Д. Т. Язов, Председатель КГБ СССР В. А. Крючков, министр внутренних дел Б. К. Пуго. Наиболее серьезные данные привел В. А. Крючков, заявивший о том, что «Отечество на грани катастрофы» и о том, что на повестке дня вопрос — быть или не быть Советскому Союзу (см.: *Воротников В. И.* А было это так... С. 434–435). Нередко это выступление Крюčkова, Язова, Павлова и Пуго называют репетицией августовского путча.

² *Major J.* The autobiography. New York, 1999. P. 499.

³ *Major J.* The autobiography. New York, 1999. P. 500.

⁴ *Горбачёв М. С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 321.

⁵ *Горбачёв М. С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 319.

⁶ *Медведев В. А.* Испытание историей. Об экономической теории марксизма. М., 2015. С. 184; «Президент берет с собой наше согласие» // Известия. 1991. 10 июля.

политическая поддержка Президента СССР и предложенной им программы. Она сразу укрепила его позицию на переговорах с лидерами “семерки” и дала основание рассчитывать на успех»¹.

Стоит отметить, что в соответствии с общей позицией лидеров большой семерки Горбачёв был приглашен «на встречу с главами правительств, но за рамками основных запланированных мероприятий»². Все же, по признанию Буша, в Лондоне Горбачёв «был в центре внимания»³. «Все они [главы государств, членов большой семерки. — *Авт.*], — записывал в дневнике А. С. Черняев, — признают de facto “большую” его значимость, чем свою собственную. Хотя он не представляет уже “послушную” ему сверхдержаву, он — историческая фигура, а они — лишь временно избранные на свои посты... и останутся в истории как деятели “эпохи Горбачёва”»⁴. На завтраке, проходившем рано утром 17 июля в американском посольстве, Горбачёв в неожиданно задиристом тоне обратился к Бушу, призывая его оказать СССР крупную финансовую помощь, которая поможет «изменить Советский Союз, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового сообщества, не как противодействующая сила, не как возможный источник угрозы...»⁵ Во время выступления Горбачёва Буш, как писал Черняев, «насупливался и багровел, пряча раздражение “в процедуре еды”»⁶. Крупной финансовой помощи от Запада, в которой так нуждался СССР, наша страна в Лондоне не получила. «Группа [лидеров стран большой семерки. — *Авт.*] восприняла план Горбачёва с осторожностью. Мы хотели, чтобы реформы приняли более осязаемую форму, и решили, что лучшим вариантом будет предложить конкретное техническое содействие такого рода, которое я уже предлагал по двусторонней линии в области энергетики, конверсии, сельского хозяйства, распределения продовольствия. Мы также поддерживали предоставление СССР статуса “особого ассоциированного члена” в МВФ и Всемирном банке. Тем не менее до тех пор, пока

¹ Абалкин Л. И. К цели через кризис. Спустя год. М., 1992. С. 108.

² Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим... С. 447.

³ Там же. С. 450.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 964. Дневниковая запись от 20 июля 1991 г.

⁵ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 455–456.

⁶ Там же. С. 456.

Советы не завершили работу над своим Союзным договором и не разобрались в экономических отношениях между республиками, особой помощи из-за рубежа им ждать не приходилось», — вспоминал Дж. Буш¹. О результатах Лондонской встречи скептически высказывался Е. М. Примаков: «Было совершенно ясно, что Запад не собирался спешить поддержать СССР. Может быть, уже имелась информация о чем-то готовившемся наподобие ГКЧП — встреча в Лондоне действительно была накануне путча. Но, скорее всего, все-таки сказались неготовность и нежелание Запада помочь “подняться” Советскому Союзу, войти *на равных* в мировое сообщество. Это была грубая ошибка»². Посол Великобритании в СССР Р. Брейтвейт также признал, что встреча Горбачёва с лидерами большой семерки в общем-то получилась «бессодержательной»³. Сам Президент СССР, выступая перед журналистами, подчеркнул, что «самое главное — политический итог этой встречи. Ведь в самом деле, я говорил в Москве, что это же не встреча министров финансов... Задача была совсем другой. Речь шла о том, чтобы Советский Союз сделал выбор в пользу органичного включения в мировые хозяйственные связи...»⁴ «Никакие деньги нам бы не помогли — поезд ушел», — вспоминал О. И. Ожерельев, помощник Президента СССР, принимавший участие в лондонской встрече⁵.

В самом конце июля 1991 года в Москве состоялась встреча М. С. Горбачёва и Дж. Буша, ставшая, по словам Президента СССР, «звездным часом нового мышления и соответствующей ему внешней политики»⁶. Результатом этой встречи стало подписание Договора по стратегическим наступательным вооружениям, вынашивавшегося более девяти лет⁷. 31 июля Договор об СНВ был подписан в Георгиевском зале Московского Кремля. «Эта церемония произвела на меня сильное впечатление, поскольку была не просто ритуалом: она давала всем молодым людям планеты надежду на то, что идеализм еще жив.

¹ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим... С. 451.

² Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М., 2015. С. 97.

³ Брейтвейт Р. За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир... С. 461.

⁴ Интервью Президента СССР М. С. Горбачёва // Правда. 1991. 20 июля.

⁵ Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, помощника Президента СССР по экономике. Москва. 2018. 4 июля.

⁶ Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 325.

⁷ Там же. С.324.

Мы соглашались на существенные сокращения межконтинентальных баллистических ракет», — вспоминал Дж. Буш¹. На совместной пресс-конференции по итогам переговоров американский президент поблагодарил «Президента Горбачёва за поистине фантастическое гостеприимство» и отметил, что «переговоры были продуктивными, налицо и углубление взаимопонимания. Это — не дипломатичные фразы, это — факт»². На следующий день, 1 августа 1991 года, президент США вылетел в Киев, где, выступая в Верховном Совете Украинской ССР, призвал союзные республики ориентироваться в своей деятельности на Центр и подписать республикам Союзный договор³, о чем немедленно сообщил в личном письме Горбачёву⁴. За две недели до путча две великие державы достигли, пожалуй, пика своих отношений за все время перестройки. Буш и Горбачёв сумели добиться высокого уровня взаимопонимания, их политическое партнерство могло принести бы миру еще немало пользы, однако наступил трагический для страны август 1991 года.

4 августа 1991 года Горбачёв, производивший, по словам очевидца, «впечатление вконец измотанного человека»⁵, уехал в отпуск в Крым. 2 августа Президент СССР выступил по Центральному телевидению, объявив соотечественникам о том, что новый Союзный договор открыт для подписания с 20 августа 1991 года. «Новый Союзный договор, — оптимистично заявил Михаил Сергеевич, — поможет быстрее преодолеть кризис, ввести жизнь в нормальную колею...»⁶ В аэропорту Внуково Президента СССР, по устоявшейся еще со времен Хрущёва традиции, провожали высшие руководители страны — Д. Т. Язов, В. А. Крючков, В. С. Павлов, О. С. Шенин, Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, О. И. Бакланов, В. И. Болдин. Уже на пути к трапу Горбачёвым были отданы последние распоряжения: «на хозяйстве»

¹ Буш Дж., *Скоукрофт* Б. Мир стал другим... С. 456.

² Совместная пресс-конференция президентов СССР и США // Правда. 1991. 1 августа.

³ Мэтлок Д. Товарищ посол... С. 29.

⁴ Bush George H. W. My life in letters and other writings. New York, 2013. P. 530.

⁵ Калашников В. Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

⁶ Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Том 27. Июль-август 1991. М., 2017. С. 210.

в стране оставался вице-президент СССР Г. И. Янаев, а в партии — О. С. Шенин, на которого Михаил Сергеевич, видимо, делал ставку в составе Секретариата ЦК как на своего выдвиженца¹. Спустя две недели все эти люди выступают против своего Президента, в той или иной форме приняв участие в деятельности ГКЧП.

4 августа борт № 1 с Президентом СССР прибыл на аэродром Бельбек, где главу Советского Союза и его супругу Раису Максимовну встречали Л. М. Кравчук, Председатель Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багров, первый секретарь Крымского рескома КПУ Л. И. Грач, командующий Черноморским флотом адмирал М. Н. Хронопуло². Знамение новых отношений республик с Центром был комичный эпизод: встречающие Президента высокие лица в ожидании посадки самолета решили выпить по бокалу шампанского, через несколько минут из-за солнцепека пот выступил и на рубашках, и на лбах — пришлось снять пиджаки, к тому же на жаре их немного развезло³. Раиса Максимовна была неприятно поражена, «прежде встречали официально: только в костюмах»⁴. В гостевом домике в аэропорту был устроен обед в честь прилета Горбачёва в отпуск. За столом первый тост произнес Л. М. Кравчук. «Такого изуверства в словах, такого цинизма, такого возвышения и такого унижения самого себя я не видел. В своем тосте он называл Горбачёва самым великим, самым

¹ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября.

² *Хронопуло М. Н.* Жизнь моя — море...: Вахтенный журнал моей памяти. СПб., 2014. С. 308.

³ Архив автора. Интервью Л. И. Грача, в 1991 году — первого секретаря Крымского рескома КПУ. Симферополь. 2016. 27 сентября.

⁴ *Горбачёва Р. М.* Заточение в Форосе // Раиса. Воспоминания, дневники, интервью, статьи, письма, телеграммы. М., 2000. С. 118. Свое объяснение, почему Президента СССР встречали без пиджаков, было предложено Председателем Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багровым: «Поскольку стояла страшная жара, я предложил всем встречавшим: “Давайте уйдем от официоза, ведь Михаил Сергеевич прибывает на отдых”. Раиса Максимовна оценила этот факт как знак невнимания и чуть ли не как предвестник будущего переворота. Не могу претендовать на подобную наблюдательность и еще раз подчеркну — никаких признаков возможных политических потрясений во время встречи не заметил» (см.: *Багров Н. В.* Крым: время надежд и тревог. Симферополь, 1995. С. 159).

гениальным... Когда он закончил тост, Михаил Сергеевич говорит: “Да, сегодня еще выпью, а то с завтрашнего дня моя домашняя партийная организация [Р. М. Горбачёва. — *Авт.*] мне запретит”. Это была его фирменная поговорка. Но на слове “организация” Раиса Максимовна его обрывает и говорит: “Нет больше никакой домашней партийной организации, если партия к тебе так относится”. У нее накопело: она же видела, что Горбачёва встречали пьяные и одетые не по протоколу. За столом воцарилась мертвая тишина, пауза, и Хронопуло, а он был глуховат из-за всяких стрельб, шепнул мне на ухо, а все услышали: “Ни х... себе”. Все услышали, пауза была еще тяжелее... Я как “хозяин территории” встал и заявил, что 146 тысяч коммунистов Крыма рады Вас видеть и желают Вам счастливого отдыха. Раиса Максимовна смотрела на меня свирепыми глазами. И предложил тост: “Михаил Сергеевич, я убежден, что Вы меня поддержите! Предлагаю тост за человека, которого Вы любите, за человека, который Вас любит!” Горбачёв понял, что я говорю о Раисе Максимовне. Тут он отвечает: “А почему Вы не предлагаете горько?” Ну, я, естественно, и закричал: “Горько!” Они встали, расцеловались, и пошел процесс — за внуков и за детей и так далее¹. После этого обстановка разрядилась, а застолье в итоге закончилось тем, что Михаил Сергеевич сильно перебрал². Горбачёвы убыли в Форос, где на объекте «Заря» Президент СССР и провел последний отпуск в качестве главы государства. «В августе 1991 года я поехал отдыхать в Форос. Да, поехал в отпуск. Не надо было ехать... Но я не допускал, что вокруг меня идиоты и случайная публика, которая вообще ничего не соображает! Теперь, конечно, ясно, что зря поехал. Но представляете, какое колоссальное напряжение было, нервы на пределе... Поэтому надо было привести себя в порядок. Такие дела предстояли впереди!» — вспоминал М. С. Горбачёв³.

Даже в отпуске Горбачёв продолжал напряженно работать; в этот раз, накануне подписания Союзного договора, глава государства, вместе с А. С. Черняевым, готовил большую статью, посвященную промежуточным итогам политики перестройки⁴. Горбачёвым было намечено время возвращения в Москву: 19 августа в 13 часов, на следующий

¹ Архив автора. Интервью Л. И. Грача. Симферополь. 2016. 27 сентября.

² Архив автора. Интервью Л. И. Грача; Архив автора. Интервью В. Т. Медведева.

³ Горбачёв М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 249.

⁴ Текст статьи см.: Горбачёв М. С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 64–90.

день, 20 августа намечено было начало подписания нового Союзного договора, 22 августа Президент СССР должен был вернуться в Крым, «догуливать» отпуск. Ничего этого не случилось: 18 августа, за сутки до возвращения Горбачёва в Москву, в Форос, на территорию объекта «Заря», где находилась дача Президента СССР, прибыла представительная делегация: В. И. Варенников, В. И. Болдин, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов и Ю. С. Плеханов. Возглавлял делегацию О. Д. Бакланов, заместитель Горбачёва по Совету Обороны СССР. Начальник «девятки» генерал Плеханов перечислил начальнику личной охраны Горбачёва В. Т. Медведеву имена прибывших. «Перечень имен исключал всякие подозрения, больше того — успокаивал... Все — свои. Самые, самые свои», — вспоминал Медведев и уведомил Президента СССР о визите непрошенных гостей¹. В беседе с автором этих строк Медведев подчеркнул, что Горбачёв был крайне удивлен приездом делегации из Москвы, для него их прилет в Крым, в период отпуска Президента страны, был абсолютной неожиданностью². К этому моменту, по приказанию Председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, у Горбачёва были отключены все виды правительственной связи, чтобы «предупредить развитие ситуации в резиденции в нежелательном направлении»³. Позднее Крючков на вопрос, почему Горбачёву отключили правительственную связь, давал какие-то совсем маловразумительные объяснения: «Отключили связь. Абсолютно верно! Учитывая непредсказуемость его характера и чтобы его уберечь, мы на такой шаг пошли. Только на этот шаг — больше ни на что...»⁴

С момента этого памятного разговора Горбачёва и группы высших советских руководителей 18 августа 1991 года прошло уже много лет. Восстановить в полной мере все детали этого разговора уже не получится — скончались все лица, принимавшие участие в этой беседе⁵.

¹ Медведев В. Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 275–276.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 16 сентября.

³ Крючков В. А. На краю пропасти. М., 2003. С. 167.

⁴ Крючков В. А. Без срока давности. В двух кн. М., 2006. Кн. 1. С. 384.

⁵ Разные версии содержания разговора в Форосе приводятся В. И. Болдиным, О. И. Баклановым, В. И. Варенниковым и М. С. Горбачёвым (см.: Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М., 1995. С. 13–16; Бакланов О. Д. Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины». Изд. 3-е. М., 2014. Т. 1. С. 46–49; Варенников В. И. Неповторимое.

Известно одно: визитеры во главе с О. Д. Баклановым, который и вел с Горбачёвым основную беседу¹, требовали от Президента СССР отложить подписание нового Союзного договора, которое, по их мнению, означало гибель государства, ввести чрезвычайное положение своим указом, а Горбачёв на это не согласился. В одной из своих статей О. Д. Бакланов попытался представить беседу с Президентом СССР как рабочую встречу, в которой М. С. Горбачёв в общем-то внял резонанс приехавшей делегации: «По ходу доклада М. Горбачёв организовал краткую дискуссию и в целом согласился с оценкой создавшегося в стране тяжелого положения. В заключении еще раз заявил, что болен, находится в отпуске, но готов написать любую телеграмму Верховному Совету СССР. Порекомендовал ускорить созыв Верховного Совета. Мы попрощались за руку (около 18 часов) и улетели в Москву»².

В действительности разговор велся на повышенных тонах, он был слышен даже на первом этаже президентского особняка, особенно жестко говорил В. И. Варенников, «все остальные, — рассказывал автору руководивший охраной объекта “Заря” генерал В. В. Генералов, стоявший в момент разговора у двери кабинета Горбачёва, — говорили, хотя и аргументированно, но очень жестко. Солировали “приезжие” — Бакланов и т. д. Горбачёв вспылil только в конце...»³ «Все, кто находился в доме, думали, что Горбачёв выгонит их всех... Бакланов вышел весь красный и сказал: “Горбачёв валяет дурака”. Было понятно, что это приехали *люди Горбачёва* к Горбачёву, все эти люди были преданы Горбачёву до крайности... Делегация, приехавшая в Форос, внушала Президенту, что она приехала, чтобы его поддержать, что она по-прежнему видит в Горбачёве свое знамя и не собирается отставить Михаила Сергеевича от власти... Команда Горбачёва дала понять Президенту, что обеспокоена тем, что он потеряет власть и дает ему последний шанс, чтобы принять радикальные меры

Главкомандующий. Трагедия отечества 1985–2000 г. М., 2002. Кн. 6. С. 203–213; *Шенин О.* Надо было Ельцина отправить в Африку // Трибуна. 2001. 17 августа; *Горбачёв М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 557–559; *Горбачёв М. С.* Августовский путч... С. 9–13.; *Горбачёв М. С.* Остаюсь оптимистом... С. 250–254).

¹ *Варенников В. И.* Дело ГКЧП. М., 2010. С. 44.

² Неизвестный Бакланов // Советская Россия. 1993. 14 января.

³ Архив автора. Интервью В. В. Генералова. Московская область. СНТ «Бутынь». 2022. 9 февраля.

и спасти страну. Люди приехали, чтобы сказать Президенту, что никакого подписания не состоится, так как такой договор подписывать нельзя», — рассказывал В. В. Генералов, подчеркивавший, что делегация прилетела в Крым, чтобы *выручить Горбачёва*, находившегося накануне утраты власти — члены московской делегации опасались, что руководители республик обманут Михаила Сергеевича и он утратит свое положение¹. Иное мнение сложилось у генерала В. Т. Медведева, отстраненного по приказу Ю. С. Плеханова и В. В. Генералова от охраны Президента СССР. По мнению Владимира Тимофеевича, заговорщики хотели снять Горбачёва с его поста, при этом В. Т. Медведев не понимал, почему к Президенту СССР приехал именно такой состав делегации — ведь было известно, что глава делегации О. Д. Бакланов всегда по-человечески тепло относился к Михаилу Сергеевичу, а Шенин, Болдин и Варенников именно благодаря Горбачёву сделали за последние годы фантастическую карьеру — Валерий Иванович Болдин возглавлял президентский аппарат и пользовался полным доверием главы государства², а Олег Семёнович Шенин был самым близким и доверенным лицом Горбачёва в последнем составе Секретариата³.

Состав делегации не мог восприниматься Горбачёвым как по-настоящему представительный — к Президенту все-таки не приехали такие крупные фигуры, как те же члены ГКЧП В. С. Павлов, Д. Т. Язов, В. А. Крючков — да и они только при Михаиле Сергеевиче вышли на иной — самостоятельный — уровень работы. «Переворотом помощников» назвал путч биограф союзного президента А. С. Грачёв⁴. Это, на наш взгляд, в известной мере предопределяло провал не слишком статусной, по мнению Михаила Сергеевича, миссии Бакланова сотоварищи — Горбачёв не согласился на их предложения, не принимая их как выразителей мнения советского руководства, понятно, почему он не выразил особого почтения и к самим членам ГКЧП. Было и еще одно — очень человеческое — объяснение: «Представить, что руку на него подняли сорвавшиеся с ниток марионетки — те,

¹ Архив автора. Интервью В. В. Генералова. Московская область. СНТ «Бутынь». 2022. 9 февраля.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны М. С. Горбачёва. Москва. 2020. 16 сентября.

³ *Полозков И. К.* Обманутые надежды, или Как разрушали страну. М., 2014. С. 528.

⁴ Архив автора. Интервью А. С. Грачёва. Москва. 2018. 5 июля.

кто был ему обязан не только должностью, но и известностью, и самым существованием в политике, вроде Шенина, Янаева, Павлова, он не мог даже в дурном сне. Как не мог сразу поверить в измену людей, которых привык за долгие годы считать членами самого близкого круга: Болдина, Плеханова... “Больше всего меня потрясло предательство”, — говорил потом Горбачёв. Записывая на листке бумаги под диктовку Бакланова список членов ГКЧП, он не мог сразу поверить в отступничество Лукьянова и поставил вопросительный знак против его фамилии и Язова. “Может быть, они, не спросив, вписали его имя”, — высказывал он сомнения А. Черняеву, интернированному вместе с семьей Горбачёва), — описывал реакцию Президента СССР его биограф А. С. Грачёв¹.

Президент пребывал в шоковом состоянии: его выдвиненцы, сгоряча названные им «пигмеями», отплатили ему черной неблагодарностью и предательством, в этой связи становится понятной определенная деморализация, характерная для Горбачёва после его возвращения из Фороса. «Враги Президента оказались в его же команде, рядом, он сам их проталкивал наверх. Вспомните, как проходил Янаев», — высказывался по этому поводу народный депутат СССР С. Б. Лавров².

Мрачные размышления самого Горбачёва над сложившейся ситуацией усугублялись еще и переживаниями за семью: он понимал, как остро его близкие воспринимают опасность, нависшую над ним. В наибольшей степени, как известно, это относилось к Раисе Максимовне, на состоянии здоровья которой драма Фороса отразилась роковым образом, вероятно, повлияв на возникновение у нее первых признаков неизлечимой болезни, слишком рано вырвавшей ее из жизни. «В Форосе был самый опасный момент. Конечно, он воспринимался в стократ тяжелее оттого, что рядом оказалась семья. Когда приехали заговорщики, эти пигмеи, я вынужден был подготовить Раису: “По-всякому может обернуться, ничего не исключено. Из русской истории мы это знаем. Но нельзя мне пойти на уступки”. Она сказала: “Мы с тобой”. От внучек решили все скрыть. Они не должны были ничего почувствовать. Купались, загорали, читали, маленькую занимали игрушками. А на душе... Потом уже, когда ребята, Ирина с Анатолием,

¹ Грачёв А. С. Горбачёв. М., 2001. С. 368.

² Лавров С. Пожарные команды из России пытаются унять огонь, но вспыхивают все новые и новые костры // Санкт-Петербургский университет. 1991. № 28. 4 октября. С. 6–7.

по Sony поймали сообщение Би-би-си, что гэкачеписты хотят показать Горбачёва Ельцину, чтобы тот убедился в его недееспособности, Раиса запаниковала: значит, что-то собираются сделать. С этого момента у нее страх, растерянность, неадекватность. Она вдруг стала повторять: “Где тебя спрятать? Где тебя спрятать?” Ксенька начала догадываться и плакала. У Раисы повисла рука — то ли мозговой спазм, то ли микроинсульт. Дальше пошло, и пошло, и пошло. В последующие два года у нее — кровоизлияние в оба глаза, почти потеряла зрение на одном. Брал ее в поездки, хотя физически Раисе это было не по силам. Я чувствовал, что надо постоянно быть рядом. Без сомнения, все случившееся ее убило», — вспоминал М. С. Горбачёв¹.

Ценнейшим источником являются показания самого Горбачёва следственной группе, работавшей по делу о государственном перевороте в СССР, т. е. по делу ГКЧП. Эти показания отложились в личном фонде О. С. Шенина: бывший секретарь ЦК КПСС, привлеченный по делу ГКЧП, готовясь к допросам, знакомился с материалами дела и выписывал показания наиболее важных свидетелей. Ответы свидетеля М. С. Горбачёва, дававшего свои показания 14 сентября 1991 года, он переписал почти полностью. По мнению Горбачёва, основную роль в группе деятелей, явившихся в Форос 18 августа 1991 года, играл О. Д. Бакланов, «активно здесь соучаствовал Вареников. Но все же я думаю, что основную роль в этой группе играл Бакланов»². Именно О. Д. Бакланов заявил Президенту, что подписание договора 20 августа не состоится³. Заговорщиков, по мнению М. С. Горбачёва, «подстегнуло, что 20 число — подписание договора»⁴. При этом, по признанию Президента СССР, «никаких бумаг, никаких заявлений, проектов, подписать не предлагалось. Может быть, заготовки у них были, видя мою позицию, предложить мне их не рискнули», зато О. Д. Бакланов сказал ему буквально следующее: «Михаил Сергеевич, да от Вас ничего и не требуется. Побудьте здесь, а мы за Вас сделаем всю грязную (!?) работу, а затем Вы вернетесь»⁵. «Я им сказал, то, что они затевают — это авантюра, это безумие. То, что они погубят себя, — это их личное дело. Но при этом

¹ Горбачёв М. На меня похожих нет // Газета. 2005. 1 марта. С. 11–12.

² ЦХДЛСМ. Л-351. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 53.

⁵ Там же. Л. 53.

и для страны они создают кровавую ситуацию. Я их предложение решительно отвергаю. Я для себя определился — это же предатели, близкие мне по партии и государству люди». «Но они не могли перешагнуть через меня. В этом у них была самая большая трудность», — подчеркнул Президент СССР¹. Отвечая на вопрос о рукопожатии, которым он обменялся с заговорщиками, Горбачёв ответил утвердительно: «Я все же считал, что они после такой встречи, после этого “душа” приедут, доложат и все взвесят, обдумают. Потому что разговор мой с ними был очень резкий. И меня не покидала эта мысль»².

«Союзный договор не идеален, но единственно возможный и его надо быстрее принимать. То, что договор будет подписан шестью республиками, — это событие огромное», — таким образом Горбачёв обозначил свою позицию по заключению договора накануне путча³.

На прощание Горбачёв сказал делегации: «Черт с вами, делайте, что хотите, все равно нам с вами больше не работать», фактически предупреждая визитеров о предстоящем увольнении⁴, а во все не об одобрении их предложений, как иногда принято считать. По большому счету встреча завершилась безрезультатно: Президент СССР, выслушав визитеров, не дал им санкции ни на какие действия *от своего имени*. Эту оценку подтверждает и признание В. И. Варенникова: «Он [М. С. Горбачёв. — *Авт.*] отказался от предложений участвовать в наших действиях»⁵. «Дискуссия, всерьез не разгоревшись, угасала, — вспоминал беседу с Горбачёвым О. Д. Бакланов, — перед нами сидел уставший, озабоченный человек, возможно, впервые начавший осознавать тяжесть и бремя той огромной власти, к которой он так долго и упорно стремился»⁶. Вместе с тем О. Д. Бакланову казалось, что во время встречи в Форосе они с Горбачёвым в общих чертах все же договорились, получив в завуалированной форме его

¹ ЦХДЛСМ. Л-351. Оп. 1. Д. 23. Л. 56.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 49.

⁴ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова, в 1991 году — заместителя Председателя Совета Обороны, в дни августовского путча — члена ГКЧП. Москва. 2018. 15 августа.

⁵ Варенников В. Мы спасали великую страну // Красная звезда. 2006. 28 сентября.

⁶ Бакланов О. Д. Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины». М., 2014. Т. 1. С. 48.

согласие или благословение на дальнейшие действия¹. Иначе рассуждал В. И. Варенников. «Словом, наша встреча закончилась ничем. Ее результаты были весьма туманными, как это бывало вообще в большинстве случаев, когда Горбачёву приходилось принимать решение по острым вопросам или просто говорить на тяжелую тему», — резюмировал результаты визита в Форос Валентин Иванович². Отказ Горбачёва на сделанные ему путчистами предложения спутал им все карты: отныне их абсолютно внеправовая акция — введение чрезвычайного положения *в обход Президента СССР* — приобретала характер государственного переворота.

«Хотя отказ и не был столь категоричным, каким его представил общественности М. Горбачёв *после путча*, важен прежде всего результат. Отказ Горбачёва от введения чрезвычайного положения спутал все планы путчистов, что в дальнейшем способствовало их провалу. После августовских событий был поставлен — и прежде всего в России — вопрос: можно ли вообще рассуждать о путче, если с человеком, в руках которого находится власть, велись переговоры, с ним спорили и даже лично обращались к нему. Данная точка зрения, правда, упускает из вида то, что еще *до прибытия* делегации в Форос были предприняты все меры, чтобы сделать М. Горбачёва недееспособным. Телефонную связь незадолго до начала неожиданного визита отключили, начальника охраны М. Горбачёва вызвали в Москву, и таким образом он был заменен на начальника службы безопасности, присланного путчистами. Все это было предпринято с целью *изолировать* М. Горбачёва в том случае, если он откажется от взаимодействия с путчистами. При этом не имеет значения, как могли дальше развиваться события, если бы советский президент согласился на сотрудничество. Его изоляция была подготовлена и реализована заговорщиками. Уже по этой причине использование определения “путч” в данных обстоятельствах вполне оправдано», — правомерно пишет германский исследователь И. Лозо³.

Безусловной ошибкой Президента СССР, на которую ему указывали вплоть до самой смерти, было прощальное рукопожатие, которым

¹ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова.

² Варенников В. И. Неповторимое. Главнокомандующий. Трагедия отечества 1985–2000 гг. Кн. 6. М., 2002. С. 212.

³ Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было... С. 130.

он обменялся со всеми членами делегации¹. «Это рукопожатие с заговорщиками непростительно. Оно погубило политическую судьбу президента СССР. Путчисты все равно его ненавидели, а сторонники демократических преобразований подозревали Михаила Сергеевича в двойной игре», — резонно заметил публицист Л. М. Млечин².

Рукопожатие это сыграло также и на руку той линии защиты чистоты своих побуждений, которая была потом представлена членами ГКЧП и их приверженцами, дав им повод говорить, что они полагали, что действовали в интересах союзного государства и его Президента, посчитав, что они все с ним согласовали. Заслуживают интереса заметки секретаря ЦК КПСС О. С. Шенина, бывшего в составе делегации, посетившей союзного Президента в Форосе, сделанные им вскоре после ареста: «Я был убежден, что в Крыму генсек оставит меня один на один для разговора. К сожалению, этого не произошло. Сейчас, по прошествии времени, судя по тому анализу, который прошел на съезде народных депутатов СССР, в средствах массовой информации, в выступлениях самых разных по взглядам и убеждениям политических деятелей, ученых, я пришел к выводу, что вся эта акция по введению ЧП, созданию ГКЧП была кем-то проработана, возможно, не без участия самого Президента СССР. Если его и не посвящали в детали, то он знал основные моменты... Вспоминая его реакцию на предложения ГКЧП, и по его заявлению, что ему о положении известно и даже известно больше, меня все больше поражают его слова о том, что я вас понимаю, но и вы должны меня понять. Он сказал, что “вот видите, лежит на столе материал”, т. е. ему все это докладывали и новостью не было, “я пишу как раз о сложности этого периода и о расстановке политических сил на этом этапе”. Да и прощание с рукопожатием с его стороны, мягкой улыбкой наводят на мысль, что ему все понятно и известно. И устраивал любой вариант — выиграет ГКЧП — выиграет и он, подвинет демократов, проиграет ГКЧП — все равно он выиграет, поднимется рейтинг, можно будет быстро переориентироваться, объединиться, став, якобы, борцом за демократию вместе с демократическими силами. Рейтинг, прямо скажем, на фоне

¹ В первый день ГКЧП президент запросил «Московскую» 0,75. (Беседа И. Емельянова с В. Генераловым) // Комсомольская правда. 2022. 20 августа.

² Млечин Л. М. Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б. Н. Ельцина до В.В. Путина. М., 2002. С. 240.

ежедневного обнищания людей и развала Союза, как говорили и писали многие, был практически ниже нуля»¹.

Делегация вышла, как вспоминал первый секретарь Крымского рескома КПУ Л. И. Грач, от Горбачёва с «почерневшими, возмущенными лицами». Первая фраза, которую услышал Грач от О. С. Шенина, звучала крайне категорично: «...ак [о М. С. Горбачёве. — *Авт.*] подставил нас и отказался»². Символично, что «...аками» назвал своих визитеров и Горбачёв незадолго до прощания с ними³.

Вся делегация, кроме В. И. Варенникова, немедленно отправилась обратно в Москву, докладывать о результатах поездки к Президенту СССР, а Варенников приказал собраться в Бельбеке командующего Черноморским флотом адмирала М. Н. Хронопуло, главкома ВМФ СССР В. Н. Чернавина и заместителя министра внутренних дел СССР Б. В. Громова, маршала артиллерии В. М. Михалкина. «Никто не знал цели нашего вызова, но все уже стали догадываться, что вызвали нас не по пустякам. Что-то тревожное витало в воздухе», — вспоминал В. М. Михалкин⁴. По словам В. М. Михалкина, у Варенникова был «усталый вид. Опустившись в кресло, он сказал, что они [В. И. Варенников, О. Д. Бакланов, О. С. Шенин и В. И. Болдин. — *Авт.*] были у Горбачёва, что он болен — будто бы радикулит. Разговор у них был по вопросу подписания Союзного договора»⁵. В свою очередь, В. Н. Чернавину запомнилось, что Варенников сообщил о своей поездке в Форос к главе государства, в ходе которой, якобы выяснилось, что «Президент тяжело заболел»⁶. На вопрос В. Н. Чернавина, «зачем же вы ездили к Горбачёву?», последовал ответ В. И. Варенникова: «Согласовывать различные вопросы. Вот и все»⁷. При этом В. И. Варенников повторил, что Президент СССР

¹ ЦХДЛСМ. Л-351. (Шенин О. С.) Оп. 1. Д. 22. Заметки О. С. Шенина. 1991. 29 октября. Л. 14.

² Интервью Л. Грача для СМИ в связи с 25-летием ГКЧП // Искра правды. Симферополь. 2016. 25 августа.

³ *Горбачёв М.* Путчистам я дал по зубам. А что не «съел» Ельцина — не жалею // Комсомольская правда. 2016. 22 августа.

⁴ *Михалкин В. М.* Маршальский жезл в солдатском ранце: Воспоминания о службе военной. М., 2003. С. 183.

⁵ Там же.

⁶ *Чернавин В. Н.* Атомный подводный... М., 1997. С. 442–443.

⁷ Этот безумный, безумный путч. (Интервью, которое дал Главнокомандующий ВМФ СССР адмирал флота В. Н. Чернавин 21 августа 1991 года) // Труд. 1993. 19 августа. С. 2.

«болен» и «выглядит неважно». Вслед за этим Валентин Иванович заявил, что Горбачёв «пожалуй, сейчас не сможет исполнять свои обязанности. Его обязанности временно будет исполнять Янаев»¹.

Прошло уже более тридцати лет после странной акции ГКЧП, которую современники именовали даже «трагифарсом», что само по себе несет некий уничижительный оттенок², «политическим дебошем — глупым и трусливым»³, «нелепым августовским путчем»⁴, «фарсом»⁵, «крымским фарсом, продолженным в Москве»⁶, «опереточным ГКЧП»⁷. «Действительно странным был августовский путч 1991 года», — восклицал умный и наблюдательный член Верховного Совета СССР, известный юрист Ю. Х. Калмыков⁸. «Сейчас погружаться в детали этих событий, в силу их отдаленности, с одной стороны интересно, с другой даже бесполезно — все уже пережито. События не развернуть назад. Переворот ГКЧП был очевидным переворотом некой хунты, состоящей из соратников и сподвижников Горбачёва, президента СССР, в то время как сам президент находился в отпуске. Он понимал надвигающуюся опасность и направился в отпуск, причем сделал это совершенно осознанно, не желая быть участником переворота. Он не был отстранен от своих обязанностей. Он был в отпуске, что члены ГКЧП использовали как изоляцию первого лица», — такую версию событий предложил недавно ушедший из жизни народный депутат РСФСР О. М. Попцов⁹. Да, путчисты плохо подготовились; да, они неясно представляли себе *цель* — это очевидно вытекает хотя

¹ Этот безумный, безумный путч. (Интервью, которое дал Главнокомандующий ВМФ СССР адмирал флота В. Н. Чернавин 21 августа 1991 года) // Труд. 1993. 19 августа. С. 2.

² *Афанасьев Ю. Н.* Прошел год // Год после августа. Горечь и выбор. Сборник статей. М., 1992. С. 7.

³ *Логунов В. А.* Бесы в красной гостиной. Свидетельства главного редактора «Российской газеты» (1990–1993 годы). М., 2019. С. 55.

⁴ *Коротич В.* Уходящая натура, или Двадцать лет спустя. К., 2011. С. 120.

⁵ *Алкенис В.* Мы имели дело с фарсом (Беседа с Н. Ипатовой) // Смена. 1991. 27 августа.

⁶ *Белов В. И.* Внемли себе. Записки смутного времени. М., 1993. С. 24.

⁷ *Умалатова С.* Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 130.

⁸ *Калмыков Ю. Х.* Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 49.

⁹ *Попцов О. М.* Жизнь вопреки. М., 2014. С. 101–102.

бы из их противоречивого отношения к М. С. Горбачёву¹, — одни из них считали, что с Михаилом Сергеевичем в политическом отношении наконец-то покончено, другие, напротив, полагали, что выполняют свою «грязную работу» (выражение О. Д. Бакланова)² в интересах Президента СССР, который вскоре вернется и начнет наконец-то работать в комфортной и управляемой политической обстановке. Вспомним хотя бы, как Г. И. Янаев на вопрос А. Г. Тулеева, что с Горбачёвым, ответил: «С ним все в порядке, просто немного приболел, мы еще поработаем с ним вместе»³.

Более того, тот факт, что приехавшая к Президенту СССР 18 августа в Форос делегация, представлявшая интересы будущих путчистов, *уговаривала* Горбачёва, означает, что ГКЧП рассчитывал на политический ресурс Михаила Сергеевича как легитимного главы государства⁴. Отказ Горбачёва, действительно испытывавшего в тот момент легкое недомогание — прострел поясницы, но готового выехать в Москву на подписание Союзного договора⁵, спутал членам ГКЧП все карты и превратил *цель* их акции в набор во многом хаотических и не всегда продуманных действий. Именно непродуманность и удивительная бездарность действий путчистов, не решившихся по большому счету ни на что, кроме сыгравшего против них же ввода в Москву бронетехники, — это было роковой ошибкой ГКЧП⁶, породило версию, что за ними стоял их подлинный «вождь» — Горбачёв, в известных лишь одному ему целях спланировавший и осуществивший гениально задуманную «провокацию», а сам путч был театральной постановкой, «спектаклем»⁷. Удивительно, но это предположение до сих пор высказывается даже чрезвычайно осведомленными

¹ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова, первого заместителя Премьер-министра СССР В. С. Павлова. Москва. 2022. 3 сентября.

² *Горбачёв М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 558.

³ *Тулеев А.* Как жить дальше? [Б/М], 1993. С. 94.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2022. 28 октября.

⁵ *Лиев А.* Я мог стать невольным убийцей Президента // 24 часа. 1991. № 41. С. 3.

⁶ *Зайцев Г. Н.* «Альфа» — моя судьба. СПб., 2009. С. 411.

⁷ *Мухамадиев Р.* На раскаленной сковородке. М., 1997. С. 69; *Лебедь А. И.* Спектакль назывался путч. Тирасполь, 1993. С. 43; Архив автора. Интервью С. З. Умалатовой, народного депутата СССР. 2023. 1 марта.

свидетелями событий. «Сам факт, что в августе власть взял коллективный орган, свидетельствует: на трон никто не посягал, место оставалось свободным, и понятно, за кем оно сохранялось. И опять же — если после первых неудач в Москве исполнители поехали за советом в Форос — разве это не говорит о том, что ничего не происходило без высочайшего позволения?» — высказывал свое мнение Председатель Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багров¹. После падения Горбачева участники заговора стали заявлять о том, что они действовали, представляя его интересы, а Президент СССР, дескать, «мечтал руками ГКЧП сместить Ельцина»². Так, Г. И. Янаев говорил об объявленной путчистами «болезни» Горбачева: «Когда мы объявили, что Горбачев болен и не способен исполнять свои обязанности, это не была ложь во спасение. Это было создание видимости непричастности Горбачева ко всему происходящему... Горбачев выжидал, чья возьмет... Мы абсолютно четко себе это представляли, что он [М. С. Горбачев. — *Авт.*] нас сдаст. При любом раскладе событий — победим мы или проиграем. А в случае негативного расклада мы и физически на себе ставили крест»³. А. И. Лукьянов, по факту поддержавший действия ГКЧП, спустя годы, квалифицировал действия ГКЧП следующим образом: «Это была плохо организованная отчаянная попытка сохранить Союз сильным государством. И ничего больше за этим не стояло. Причем сохранить при помощи того президента, который был»⁴.

Понятно, что одной из причин неудач ГКЧП было отсутствие лидера, это были *очень разные люди*, с абсолютно разными целями, на достижение которых они рассчитывали, соглашаясь на участие в заговоре; некоторые из них (например, Г. И. Янаев и Д. Т. Язов) поддались уверениям В. А. Крюкова, что у него «все схвачено» и подготовлено⁵. Были в составе ГКЧП и люди, откровенно враждебно относившиеся к Горбачёву, (в частности, В. С. Павлов, куржившийся на первом заседании Кабинета министров СССР,

¹ *Багров Н. В.* Крым: время надежд и тревог. Симферополь, 1995. С. 161.

² Государственный недоворот. Интервью В. И. Болдина // Коммерсантъ-власть. 2001. №3-4. С. 10.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ *Калашиников В.* Август 1991-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

проходившем 19 августа, после объявления о создании ГКЧП)¹; были и государственники, по-человечески тепло относившиеся к Президенту СССР, но ставившие превыше всего защиту социалистической государственности (О. Д. Бакланов). Среди путчистов были и фигуры по большому счету случайные (В. И. Стародубцев, А. И. Тизяков). «Руководящей и направляющей силой» путча был, безусловно, Крючков², строивший какой-то свой, лишь одному ему ведомый расчет³. На кого он собирался ориентироваться после того,

¹ Архив автора. Интервью И. И. Простякова, управляющего делами Кабинета министров СССР. В. С. Павлов появился на этом заседании Кабинета министров СССР в разобранном состоянии, работать в условиях чрезвычайного положения он был явно не готов. «С каждым часом во мне зрело убеждение — в ГКЧП собрались временщики, калифы на час... Перед началом заседания [Кабинета министров СССР. — Авт.] кучковались министры, а также приглашенные, в числе которых и я, чувствовалась гнетущая атмосфера подавленности. Никаких анекдотов, шуток по поводу и без повода, дружеского подтрунивания, члены правительства словно бы разучились улыбаться, все какие-то понурые, зажатые. Не лучше выглядел и премьер-министр, весь мятый, заметно обрюзгший... Премьер был просто плох, невпопад задавал вопросы, почти не слушал, неадекватно реагировал на услышанное... Если подводить черту под услышанным, можно сказать — с чем пришли, с тем и ушли, премьеру было уже не до нас. Как мрачно пошутил кто-то из министров, заседание прошло под лозунгом «ЦУ без ЦУ». В первый же день мне стало ясно, что совершенно не подготовленная затея провалится с треском. Увы, так и оказалось», — вспоминал министр станкостроения СССР Н. А. Паничев. См.: *Паничев Н. А.* Разлом. Записки министра СССР. М., 2004. С. 165–166.

² Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, народного депутата РСФСР, Генерального прокурора РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

³ «Я спросил у них [членов ГКЧП. — Авт.]: это все делается по решению Президента? По тому, как они замялись, я понял, что — нет. Тогда я сказал: я ухожу. Основным мотором заговора был Крючков. Я в этом уверен, имею все основания это утверждать. Когда сидели все за столом, он ко мне подошел и сказал: давайте мы выйдем и поговорим с вами... Мы вышли в какую-то комнату, он показывал мне какие-то документы. Затем начал плаксиво мне что-то говорить, убеждая подписать бумагу в поддержку ГКЧП. Он говорил: “Мы же здесь все люди, мы спасаем ситуацию”. Было непонятно, как они собираются удержать страну в повиновении», — рассказывал автору экстренно вызванный в Москву 18 августа 1991 года из отпуска, проводимого им в Белоруссии, А. А. Бессмертных, занимавший в то время должность

как обстановка ситуация бы прояснилась? На Лукьянова? На Горбачёва? Или, может быть, на Ельцина, с которым он тепло общался у себя в служебном кабинете на Лубянке в течение нескольких часов буквально за считанные дни до путча?¹ Все эти тайны Владимир Александрович унес с собой в могилу. Следование хитроумным замыслам Крючкова, о содержании которых он не удосужился подробно рассказать своим соратникам по заговору, привело ГКЧП к поражению. Председатель КГБ был наголову разбит своими оппонентами, и в первую очередь — Ельциным. По мнению его заместителя, генерала В. М. Прилукова, возглавлявшего в 1991 г. управление КГБ СССР по Московской обл. и г. Москве, В. А. Крючков “заигрался” в политике. Он, как говорится, пытался “усидеть на двух стульях” — до самых последних дней проводил переговоры и с Горбачёвым, и с Ельциным. Очевидно, именно поэтому Ельцин не был задержан ни при прилете на Чкаловский аэродром,

министра иностранных дел СССР (см.: архив автора. Интервью министра иностранных дел СССР А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта). В состав ГКЧП А. А. Бессмертных войти отказался, что, правда, не убергло его от отставки, последовавшей после возвращения Горбачёва из Фороса. А. А. Бессмертных был обвинен в пассивном поведении в дни путча. Его ссылки на болезнь, мешавшей, дескать, ему выполнять обязанности министра, Президента СССР не убедили. Преемником Бессмертных стал посол СССР в ЧСФР Б. Д. Панкин, решительно осудивший акцию путчистов.

¹ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова. «Не секрет, что в поисках мер по предотвращению распада СССР Крючков и его соратники были готовы пойти и на определенные компромиссы с Ельциным, рассматривая в то время последнего как меньшее зло в сравнении с Горбачёвым и его ближайшим окружением», — признается биограф В. А. Крючкова А. П. Житнухин (см.: *Житнухин А. П. Владимир Крючков: Время рассудит*. М., 2016. С. 330). Думается, что Крючков начал серьезные переговоры с Ельциным о какой-то координации совместных действий лишь в дни августовского путча, причем их беседы по телефону в те дни, как рассказывал автору бывший мэр Москвы Г. Х. Попов, носили дружеский характер. При этом подчеркнем, что большая часть членов ГКЧП видела в Б. Н. Ельцине врага, который уломал Горбачёва на подписание Союзного договора, разрушающего государство и игнорирующего итоги Всесоюзного референдума. Несомненно, что Крючков как умный человек не мог этого не понимать. С категорическим неприятием фигуры Ельцина членами ГКЧП Крючкову приходилось считаться.

ни в Архангельском. Он, как говорится, всухую переиграл Крюкова...»¹ Вероятно, самоуверенный Крючков неоднократно вспоминал свой телефонный разговор с председателем КГБ РСФСР В. В. Иваненко, позвонившего Владимиру Александровичу утром 19 августа: «На мой вопрос: “Что происходит?”, он ответил: “В стране надо наводить порядок”. Я спросил: “Вы понимаете, что это авантюра? Что она закончится либо большой кровью, либо ничем?!” Он не стал дискутировать: “История нас рассудит”. И прекратил разговор»². История рассудила не так, как об этом мечталось В. А. Крючкову при подготовке государственного переворота.

Принципиально важно, что все участники заговора были людьми из команды Горбачёва, на абсолютно решительное размежевание с ним никто из них *в полной мере* не был готов, никто из них не был готов даже *возглавить* ГКЧП — психологией первого лица никто из путчистов не обладал. Показательной была реакция Г. А. Зюганова, которому перечислили состав ГКЧП — «Они без согласования с Горбачёвым ни одного вопроса не решают», — заявил Геннадий Андреевич, выслушав фамилии Болдина, Язова, Пуго³. «Никто из членов ГКЧП не был ни лидером, ни руководителем — все участники заговора боялись взять власть. Не было человека, который готов был бы хотя бы возглавить ГКЧП — это были люди, совершенно не готовые к перевороту», — подчеркнул В. И. Щербаков, в августе 1991 года — первый заместитель Премьер-министра СССР В. С. Павлова⁴. В политическом и презентационном отношении члены ГКЧП выглядели как какой-то трагикомический, а для кого-то и страшноватый реликт прошлого — повести за собой людей они не могли. Пример — тот же самый Г. И. Янаев, оказавшийся в центре внимания всего мира на печально памятной конференции, на которой он рассказывал о «своем друге» М. С. Горбачёве. «Вице-президент выглядел глупо. Да и как было не выглядеть глупо в ситуации, когда нечего сказать.

¹ Прилуков В. М. Дни с Шебаршиным и без него // Шебаршин. Воспоминания соратников / Автор-составитель В. Поголяев. М., 2020. С. 137.

² КГБ и радикальные перемены. Интервью с В. В. Иваненко // История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. / Под общ. ред. П. С. Филиппова. СПб., 2011. Т. 2. С. 67.

³ Зюганов Г. Вспоминая август-91 // Советская Россия. 1993. 17 августа. С. 2. В. И. Болдин формально не входил в состав ГКЧП, хотя и разделял взгляды путчистов.

⁴ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

Ни одного факта о состоянии здоровья Горбачёва! Никаких внятных объяснений о ближайшем будущем страны. Публичный, внешне законный, “мягкий” и “плавный” характер путча выявил главную беду — они были неспособны к открытому выходу на люди. Это были аппаратчики, которые откровенно не подходили к роли политических лидеров, не были готовы к выступлениям, какому-то отчетливому, внятному поведению. Лампы юпитеров высветили их отвратительно жалкое, как бы слившееся лицо. Ощущение позора на глазах у всего мира охватило всех, кто видел эту пресс-конференцию», — писал Б. Н. Ельцин¹. Ничем, кроме нелепого и абсурдного выведения танков на улицы Москвы, в немалой степени спровоцировавшего неприятие ГКЧП тысячами жителей столицы, и трансляции «Лебединого озера», путчисты не запомнились. Народ свой они не знали и не понимали². Пропаганду своих взглядов они не вели. «Осуществлялись меры только запретительные, тогда как надо было задействовать теле- и радиоканалы для обстоятельного, а главное, доказательного разъяснения целей и задач создания ГКЧП», — вспоминал Председатель Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко³.

Люди, пришедшие к Белому дому, не хотели возвращения к *прошлому*, а мотивацию путчистов они понимали именно таким образом. Понимали они и вероятность своей гибели в случае начала штурма силами, верными ГКЧП, Дома Советов. Однако расходиться по домам не желали. За 6 лет перемен в Советском Союзе народилась совершенно иная порода людей — людей, желавших быть свободными и иметь возможность выбирать свое будущее самостоятельно, невзирая ни на кого и ни на что. Никто из защитников Дома Советов не верил в «светлое будущее», которое должно было бы, якобы, наступить в случае победы ГКЧП, как об этом мечтал О. Д. Бакланов⁴.

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 108. «У меня все время спрашивали одно и то же: “А почему у Вас руки дрожали на пресс-конференции?” Я хотел бы, чтобы на моем месте кто другой оказался. Я вышел ведь не в цирк, не на арену, я перед всем миром вышел и... И стал говорить о болезни Горбачёва... А медицинского заключения-то не было», — вспоминал Г. И. Янаев (см.: Журналист. 2001. № 7. С. 21).

² Почему просчитались «знатоки народа». (Беседа С. Таранова с И. Лаптевым) // Известия. 1991. 26 августа.

³ Кравченко Л. П. Как я был телевизионным камикадзе. М., 2016. С. 294.

⁴ Государственный недоворот // Коммерсантъ-власть. 2001. № 33. С. 12.

«В общем, в случае штурма все мы едва ли продержались бы часа два. Среди бойцов не было наивных, считавших, что можно долго противостоять атаке военных подразделений, лучше вооруженных и хорошо скоординированных. Да и безоружные люди на баррикадах не удержали бы танки. Те, кто пришел к Белому дому в августе 1991-го защищать новую Россию, убивать не хотели, а умереть не боялись. Этих людей было очень много. И это имело решающее значение. Офицеры, которых присылали на Краснопресненскую набережную провести рекогносцировку перед штурмом парламента, приходили к одному выводу и докладывали почти одними словами: “Да, войсковая операция возможна, но погибнет очень много людей. А разогнать их нельзя. Они не уйдут”. Потому и не было штурма, что военные понимали: Белый дом защищают тысячи хороших, светлых, умных и совестливых людей. И совершить их убийство — преступление невозможно чудовищное. Россия тогда еще не подошла к сегодняшнему уровню цинизма и жестокости. Она достигнет его потом. Если бы у гэкачепистов была уверенность: если немного пострелять, люди разбегутся, — они бы стреляли», — вспоминал один из защитников Белого дома, народный депутат РСФСР Н. М. Аржанников¹. На наш же взгляд, в том составе ГКЧП не было людей, которые были бы готовы отдать приказ открыть огонь на поражение против своего народа. И вновь тогда возникает вопрос: на что же они рассчитывали?

Последствия ГКЧП были совсем не «трагифарсовые», а более чем осязаемые в политическом отношении — по сути своей, за три дня произошел демонтаж союзной государственности и переход реальной власти в руки республик. Примечательно, что идеологические единомышленники путчистов — скажем, Ю. А. Прокофьев и С. З. Умалатова — единодушно рассматривали путч как политическую провокацию против партии и союзной государственности², считая, что Горбачёв и так утратил бы политическую власть в самые ближайшие месяцы, а акция ГКЧП лишь добила КПСС и Советский Союз. «А я считаю, что тогда, в 1991-м, этот гнилой плод — Горбачёва — не надо было

¹ Аржанников Н. Убивать не хотели, а умереть не боялись // Новое время. Специальный выпуск. 2016. 15 августа. №25. С. 21.

² Прокофьев Ю. А. О времени, стране и о себе. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2021. С. 189; Умалатова С. З. Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 129.

трясти, он сам бы вот-вот упал. Готовился съезд КПСС, где должны были снять генсека Горбачёва. Готовился съезд народных депутатов СССР, где должны были снять президента Горбачёва. Тогда не понадобился бы этот “путч”», — утверждает генерал А. М. Макашов¹.

Дальнейший ход событий хорошо известен: Президент СССР Горбачёв в течение нескольких дней находился без связи и фактически под домашним арестом, что было впоследствии подтверждено материалами следствия по делу ГКЧП²; 19 августа все советские граждане узнали о возникновении ГКЧП и о том, что в «связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР» его полномочия переходят к вице-президенту СССР Г. И. Янаеву; президент РСФСР Б. Н. Ельцин возглавил сопротивление ГКЧП, объявив отстранение Горбачёва от власти «правым, реакционным, антиконституционным переворотом»; здание российского парламента стало центром сопротивления путчистам; наконец, в ночь с 21 на 22 августа в Москву вернулся М. С. Горбачёв. «Все было: недовольство народа, предсказание голода, безработицы, нулевой рейтинг Горбачёва, оскорбленная армия, ждущий реванша КГБ, страх перед развалом Союза, неуправляемость атомным потенциалом, объединенный страх партократии и, конечно же, травля набирающего силу Ельцина. Эти девять страхов как бы суммировались, создали иллюзию всеобщего недовольства, которое и должно стать опорой переворота... Странно, в те дни мы все говорили о Горбачёве. Человек, ни на что не влияющий, стал вдруг неким символом законности, которую, опять же вдруг, утратил. Спасали не Горбачёва, а некий масштаб, объем демократии», — вспоминал известный журналист О. М. Попцов³.

Освобождали Горбачёва из форосского заточения «люди Ельцина» — А. В. Рудкой, И. С. Силаев, Н. В. Фёдоров и др. Горбачёву эти дни дались нелегко; тяжело ему далось и признание, которое запомнилось помощнику Президента СССР А. С. Черняеву, находившемуся рядом с Михаилом Сергеевичем все эти дни: «Убежден, что Борис Николаевич проявит весь свой характер». Анатолий Сергеевич вспоминал, что Горбачёв уже в первый день путча заявил ему,

¹ Макашов А. М. Трагедия СССР. Кто ответит за развал? М., 2012. С. 105.

² Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, в 1991 году — Генерального прокурора РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

³ Попцов О. М. Тревожные сны царя Бориса. М., 2011. С. 16–17, 19.

что «Ельцин не сдастся и его ничто не сломит»¹. Наверное, Горбачёв в очередной раз укорял себя за отсутствие в его характере той решительности, которая всегда была фирменным знаком Бориса Ельцина.

И действительно: о моральной победе противников путча можно было говорить уже к полудню 19-го августа, когда бесстрашный Президент РСФСР, стоя на танке, зачитывал свое знаменитое обращение «К гражданам России»². В этот момент, по мнению его сторонников, Борис Николаевич смотрелся «величественно», выступление Ельцина воспринималось всеми как «исторический момент»³, его харизма подавляла окружающих⁴. Вероятно, многим

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 979. Дневниковая запись от 21 августа 1991 г.

² Текст обращения «к гражданам России» см.: Смерть заговора. Белая книга / Ред. сост. Ю. Казарин, Б. Яковлев. М., 1992. С. 41–42. Обращение стало плодом коллективного творчества, результатом «мозгового штурма» ближайших соратников Ельцина, прибывших к президенту на дачу в Архангельском утром 19-го августа. Ельцин был бодр, несмотря на тяжелый перелет и застолье накануне. В составлении обращения принимали участие М. Н. Полторанин, С. М. Шахрай, И. С. Силаев, В. А. Логунов, Г. Э. Бурбулис, В. Н. Ярошенко, а записывалось оно рукой Р. И. Хасбулатова, выступавшего в роли «писаря» (см.: архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, Г. Э. Бурбулиса, В. Н. Ярошенко, В. А. Логунова, Р. И. Хасбулатова). Тогда же было решено прорываться в Белый дом, а уже в Москве Ельцин экспромтом решил показать себя народу и забрался на танк, откуда обращение и было зачитано. (См.: Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, Ф. В. Шелова-Коведяева). Вечером сюжет о выступлении Ельцина был показан в программе «Время», как следствие, всей стране стало известно о том, что в столице СССР существует организованное сопротивление ГКЧП, возглавляемое Президентом РСФСР (см.: архив автора. Интервью тележурналиста С. К. Медведева. Москва. 2019. 19 июня).

³ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР М. А. Митюкова. Москва. 2025. 3 марта.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР Ю. М. Воронина. Москва. 2025. 25 июня. «Внизу на набережной могучий рев толпы... Президент России Борис Ельцин вышел к народу! Он обращается к людям прямо с танка! <...> Ельцин, стоя на броневой машине лицом в сторону Москвы-реки, зачитывает “Обращение к гражданам России”. Он в коричневом костюме, белой рубашке, при галстуке. Он свеж, спокоен и решителен. Голос твердый. Во всей его подтянутой фигуре уверенность. Речь его часто прерывают единодушные аплодисменты. Люди слушают в захлеб,

уже тогда стало ясно, что ГКЧП не выиграет, после же позорной пресс-конференции путчистов, на которой «солировал» Г. И. Янаев, стало понятно, что дни заговорщиков сочтены — они в тупике¹. Окончательный приговор ГКЧП История вынесла сразу после кровавой драмы, случившейся в ночь с 20 на 21 августа 1991 года, когда в столкновении с бронетехникой Таманской дивизии в тоннеле на Садовом кольце погибли трое молодых людей — защитников демократии: Д. А. Комарь, И. М. Кричевский, В. А. Усов. Их смерть потрясла всю страну, едва ли не наибольшее впечатление она произвела на самих путчистов: Крючков был этим страшно подавлен, он осознал, что события развиваются в крайне нежелательном для заговорщиков направлении², а Маршал Советского Союза Д. Т. Язов заявил, что он умывает руки и армия более не будет принимать участие в действиях ГКЧП³.

Оказавшиеся в политическом тупике путчисты 21 августа 1991 года посчитали необходимым ехать в Форос, просить Горбачёва о прощении — «Они не знали, что делать, верили Горбачёву и надеялись на него. “Вот приедет барин, барин нас рассудит...” Барина привезли, но он всех осудил», — вспоминает Ю. В. Голик, работавший в 1991 году в команде Президента СССР⁴. «В дверь внизу тесно друг за дружкой — Лукьянов. Ивашко, Бакланов, Язов, Крючков. Вид побитый. Лица сумрачные.

впитывая каждый звук. Потому что каждый передаст все, что услышал, десяткам, сотням других, до скончания своего века будет вспоминать увиденное и услышанное сейчас», — записывал в своем дневнике народный депутат РСФСР В. И. Брагин (см.: *Брагин В. И.* В «Белом доме» за баррикадами. Тверь, 1991. С. 14).

¹ «Наглядным символом неспособности таких людей управлять государством стали трясущиеся руки Янаева», — писал о путчистах Н. А. Назарбаев (см.: *Назарбаев Н. А.* Моя жизнь. От зависимости к свободе. Астана, 2023. С. 213).

² *Грушко В.* Вопрос о ЧП был главной темой разговоров в высших сферах // Независимая газета. 1994. 14 апреля.

³ Архив автора. Интервью секретаря ЦК КПСС В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2022. 28 октября.

⁴ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 56.

Каждый кланяется мне! Я все понял — примчались с повинной», — записывал в дневнике свидетель событий А. С. Черняев¹.

Горбачёв отказался принимать заговорщиков, дожидаясь российской делегацию во главе с А. В. Руцким, которую он незамедлительно принял². «Последовавшая сцена запомнится на всю жизнь. Силаев и Руцкой бросились обнимать Горбачёва. Восклицания, какие-то громкие слова. Перебивают друг друга. Тут же Бакатин и Примаков, депутаты. Я гляжу на них. Среди них те, кто и в парламенте, и в печати не раз крыл М. С., спорил, возмущался, протестовал. А теперь несчастье мгновенно высветило, что они нечто единое и именно как таковое необходимо стране. Я даже громко произнес, наблюдая эту всеобщую радость и объятия: “Вот и состоялось соединение Центра и России, без всякого Союзного договора...”³ А. В. Руцкого, возглавлявшего российскую делегацию, поразило, что Раиса Максимовна, спускаясь с лестницы и увидев людей, которых она не сразу узнала, плакала: она думала, что Президента и его семью приехали арестовывать...⁴ «Ког-

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 982. Дневниковая запись от 21 августа 1991 г.

² Незадолго до того, как подъехала российская делегация, Горбачёв успел дать первое за несколько дней интервью — на президентскую дачу сумел дозвониться журналист ленинградской газеты «Смена» Г. Урушадзе. Отвечая на вопрос Г. Урушадзе, имел ли он контакт с представителями ГКЧП, Михаил Сергеевич ответил, что «эти визитеры приняты не будут до тех пор, пока я не переговорю с представителями России. Позиция Президента, позиция граждан России имела решающее значение в сохранении государственного строя». Квалифицировав произошедшие события как государственный переворот, Президент СССР рассказал, что он «готовился к подписанию Союзного договора. Все дни разговаривал с товарищами, в том числе с Янаевым. Я завершил здесь подготовку своего выступления. Ожидалось заседание Совета Федерации, где должны были быть рассмотрены итоги обсуждения Союзного договора, вопрос топлива, финансовые вопросы. Я был в контакте со многими людьми. И вдруг в этой ситуации случилось черт-те что!» (см.: Случилось черт-те что! (Беседа Г. Урушадзе с М. Горбачёвым) // Смена. 1991. 22 августа).

³ Черняев А. С. Совместный исход. С. 983. Дневниковая запись от 21 августа 1991 г.

⁴ Архив автора. Интервью генерала А. В. Руцкого, вице-президента РСФСР. Москва. 2019. 10 июля.

да мы зашли на дачу в Форосе, увидели Президента. Не было взрыва эмоций — с его стороны была настороженность. Объятий, поцелуев не было. Было рукопожатие с каждым из членов нашей делегации. Ситуация была напряженная. Ему было поначалу непонятно, какие намерения и полномочия были у ельцинской делегации. Увидев нас, Раиса Максимовна начала спускаться по лестнице — медленно-медленно, белая как мел. Горбачёв и его жена были как будто в глубокой прострации. У Михаила Сергеевича была нечленораздельная речь, как бывает у человека, у которого пересохло во рту. У него тоже, как и у жены, было лицо белое как мел. Это нельзя сыграть. Руцкой разрядил обстановку: “Михаил Сергеевич, дорогой, мы приехали сюда в Крым, чтобы освободить нашего законного президента и вернуть его к исполнению его конституционных обязанностей”. И тут Горбачёв оттаял, сразу распетушился, начал поливать заговорщиков бранными словами. Выглядело это как-то странно, как-то неестественно для человека, который только что был в явно шоковом состоянии. Стало понятно, что Горбачёву как президенту конец. Он кончился там, в Форосе», — рассказывал автору генерал Н. С. Столяров, приехавший с делегацией Руцкого в Крым — вызволять Президента СССР из заточения¹.

В интервью, данном обозревателю «Огонька» А. Головкову спустя всего несколько часов после возвращения из Крыма, И. С. Силаев вспоминал, что встреча с Горбачёвым произвела на него радостное впечатление. «Мы обнялись. Михаил Сергеевич сказал: “Знаю, знаю, о чем вам хочется меня спросить... Да, произошел государственный переворот во главе с горсткой авантюристов. Они заслуживают самой суровой кары”. Президенту пришлось нелегко. Я бы сказал, что драматизм ситуации, в которой он оказался, достиг апогея 21 августа, где-то около 11 часов утра. Когда мы узнали, что подготовлены два самолета во Внукове, на которых заговорщики собираются полететь к нему. Мы тоже предполагали к вечеру добраться до дачи Президента, но теперь откладывать поездку было нельзя. Опасность заключалась в том, что, не добившись успеха ударом в лоб, члены ГКЧП уже не остановятся ни перед чем, чтоб удержаться у власти. Над Горбачёвым нависла смертельная угроза. Ему и до этого дня было морально тяжело. Он не сдавался: писал распоряжения, протестовал,

¹ Архив автора. Интервью члена ЦК КПСС, генерала Н. С. Столярова. Москва. 2023. 24 мая.

волновался за семью. Михаил Сергеевич, волевой человек, конечно, переживал и за семью, которая была рядом. За Раису Максимовну. У нее от нервного потрясения была частичная потеря речи, парализовало руку. Врач делал все, что мог, но, когда мы встретились, она была неузнаваема. Ходить не могла, ее поддерживали за руки... Только в самолете по пути домой стала как-то отходить», — вспоминал И. С. Силаев¹. К моменту приезда российской делегации Горбачёв еще в полной мере не отошел от пережитого в дни вынужденной изоляции потрясения; нервное напряжение не оставляло его. «Я первым вошел в комнату, где сидели Силаев, Руцкой, множество других знакомых мне людей. Навстречу мне двинулся какой-то серый, иного слова не подберу, человек, хотя и с загорелым лицом. Это был Горбачёв. Я не узнал его сразу, хотя мы с ним раньше многократно встречались. Он действительно был одет во все серое — рубашка, пуловер, брюки, ботинки. И, кроме того, просто был не похож на себя — так изменилось его лицо», — вспоминал принимавший участие в освобождении Президента СССР из Фороса министр юстиции РСФСР народный депутат СССР Н. В. Фёдоров².

В числе тех, кто вызволял Михаила Сергеевича из-под домашнего ареста, был и его соратник Е. М. Примаков. «Горбачёв обрадованно принял нас и категорически отказался встречаться с заговорщиками. Исключение было им сделано только для А. И. Лукьянова, беседа с которым проходила в моем присутствии, — хотел выйти, но Михаил Сергеевич меня удержал. Я до этого никогда не видел Горбачёва таким разъяренным: “Почему не собрал незамедлительно Верховный Совет СССР? Как мог ты, человек, которому я доверял (с уст Горбачёва сорвалось ругательство), примкнуть к путчистам? Разговор окончен. Выйди и жди своей участи”. Там же, в Форосе, М. С. Горбачёв дал команду арестовать В. А. Крюкова, который возвращался в Москву в нашем самолете, уже конвоируемый офицерами. В момент нашей встречи с Горбачёвым со второго этажа дачи медленно спускалась, держась за поручни лестницы, его супруга Раиса Максимовна. Дни насильственной изоляции отразились на ее лице — осунувшемся, с мешками под глазами. Летели с Горбачёвым в Москву и все два часа говорили. Не мог он играть. Да и я не из тех, кто легко поддается

¹ Довести начатое до конца. (Беседа А. Головкина с И. Силаевым) // Огонек. 1991. № 36. С. 25.

² Фёдоров Н. В. Вспоминая время надежд. М., 2022. С. 98.

мистификации. Августовский путч сыграл злую роль в истории нашей страны...»¹

Отдельный сюжет — поведение в дни путча Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова. Выступление ГКЧП действительно стало для Лукьянова неожиданностью: Анатолия Ивановича вызвали 18 августа в Москву с Валдая, где он находился в отпуске. После беседы с членами ГКЧП Лукьянов пришел в ярость, поначалу ему показалось, что заговорщиками сделана непоправимая, удивительная по своим масштабам и последствиям политическая ошибка. «Меня страшно поразил его внешний вид... Все-таки я с ним работаю уже много лет, он всегда был очень такой ровный, выдержанный, а тут, за эти 3 часа пока он отсутствовал, я его видел таким загорелым, немножко отдохнувшим, а тут он был: землистого цвета лицо, страшно возбужденный, желваки, когда он нервничает, у него ходят. Я понял, что-то случилось неординарное. Я его спросил: “Анатолий Иванович, что случилось?”, — он так сумрачно, что ли, на меня посмотрел, помотал головой, потом сказал, что случилось, как он выразился, самое страшное, что собираются создать какой-то комитет... Он все это говорил как-то через зубы. “Я наотрез отказался участвовать в этом комитете, и сказал, что это авантюра”. Я говорю: “Что за комитет?”, — я сначала даже не понял. “А чего, — говорит, — отстранили Горбачёва”. А я говорю: “А что, кто туда входит-то?”, — ну, он мне назвал пяток, что ли фамилий: Янаева, Павлова, Язова, Крючкова, Шенина, все, по-моему, больше никого не говорил. Опять все говорил, что он им дважды повторил, что это авантюра», — показывал следствию помощник Лукьянова

¹ *Примаков Е. М.* На пороге перемен. М., 2021. С. 290. Ср. со свидетельством В. В. Бакатина: «На этой встрече я присутствовал. Лукьянов выглядел не лучшим образом. Да это и понятно. Ведь ему предстоял тяжелый разговор не только с Президентом СССР, но и с человеком, с которым его связывала почти сорокалетняя дружба. “Как ты мог?! — начал Михаил Сергеевич. — Я о тебе такого даже и подумать не смел, а оказывается, и ты — туда же?” Анатолий Иванович начал оправдываться... Серьезного разговора так и не вышло, как-то по-детски все было. Один нападал, другой оправдывался. С трудом удалось сдержаться, чтобы не “встрять” в разговор» (см.: *Бакатин В. В.* Избавление от КГБ. М., 1992. С. 19).

В. В. Иванов¹. В дальнейшем, однако, Анатолий Иванович решил сыграть в свою игру, сделав ставку на низложение Горбачёва и победу заговорщиков и согласившись на выполнение их просьбы о составлении от своего имени заявления, в котором содержался призыв о приведении текста Союзного договора в соответствии с результатами Всесоюзного референдума². Созывать экстренную сессию Верховного Совета в дни путча Анатолий Иванович не спешил, заявляя о технической невозможности это сделать в быстрые сроки. На предложение авторитетного депутата К. Д. Лубенченко как можно быстрее созвать сессию Верховного Совета со стороны Лукьянова ответа не последовало, лишь «мертвое молчание»³. Деятельность ГКЧП спикер также предпочитал никак не комментировать, сохраняя олимпийское спокойствие. На вопрос председателя Совета Союза Верховного Совета СССР И. Д. Лаптева о том, что ему известно о Президенте, Лукьянов ответил: «С Горбачёвым плохо. Лежит, говорят, ни на что не реагирует...»⁴ Лукьянов «вел свою собственную, тонко рассчитанную игру, надеясь остаться в выигрыше при любом исходе», — констатировал И. Д. Лаптев⁵. Прибывшей во второй половине дня 20 августа 1991 года к Лукьянову российской делегации, состоявшей из А. В. Руцкого, Р. И. Асбулатова, И. С. Силаева, Анатолий Иванович заявлял, что Президент СССР очень серьезно болен. «Лукьянов то убеждал их [А. В. Руцкого, Р. И. Асбулатова, И. С. Силаева. — *Авт.*] в том, что они неправильно оценивают ГКЧП, то упрекал в неправильном поведении, повторяя, что Горбачёв заболел, тяжело заболел, возможно, безнадежно. Да, лихая участь готовилась президенту СССР», — отметил И. Д. Лаптев⁶. Как вспоминал народный депутат

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1335. Показания В. В. Иванова. 11 ноября 1991. Л. 114.

² Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 466–468. Текст своего заявления Лукьянов задним числом поместил 16-го августа, показывая тем самым, что оно, якобы, составлено до момента создания ГКЧП и никак с ним не связано.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР К. Д. Лубенченко. Москва. 2019. 25 мая.

⁴ Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 232.

⁵ Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 238–239.

⁶ Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 241. В 9 часов 10 минут утра 20 августа 1991 года на имя А. И. Лукьянова было отправлено обращение, подписанное Б. Н. Ельциным, А. В. Руцким, И. С. Силаевым

СССР С. В. Белозерцев, «19-го, и после, 20-го, 21-го [августа], в телефонных разговорах с депутатами он [А. И. Лукьянов. — *Авт.*] настойчиво убеждал, что действия ГКЧП абсолютно конституционны...»¹ По поводу же Союзного договора Анатолий Иванович заметил, что «этот документ не несет в себе ничего хорошего и приведет к распаду Советского Союза»². 20 августа 1991 года группа народных депутатов СССР сумела прорваться к А. И. Лукьянову. Анатолий Иванович в развернутой форме объяснил им, что собрать съезд в ближайшие дни невозможно, при этом «покраснел от счастья буквально до пятки, когда депутаты предположили, что Лукьянова в итоге съезд изберет Президентом СССР...»³ Влиятельному народному депутату СССР В. П. Щербакову, поинтересовавшемуся у Лукьянова, почему тот не торопится созвать экстренную сессию Верховного Совета страны, Анатолий Иванович ответил с не свойственной для него откровенностью: «Я за Горбачёва хлопотать не буду, действовать будем строго по регламенту — на созыв сессии мне потребуется не меньше месяца»⁴. Совершенно очевидно, что Лукьянов хотел, чтобы ситуация в стране успокоилась, обстановка прояснилась, а для его «воцарения» все было бы готово. «Спасать» Горбачёва хитроумный спикер не желал. Более того, на какие-то часы Лукьянов почувствовал себя первым лицом государства — по крайней мере, в представительском плане. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР И. Д. Лаптев вечером 19 августа увидел ЗИЛ Лукьянова, уезжавшего домой. «Сам он [А. И. Лукьянов. — *Авт.*] явно просматривался в салоне машины, но попытки выйти не сделал. Я помахал ему рукой, он ответил тем же. Черная неуклюжая громадина медленно сдвинулась с места, поворачивая на выезд через Боровицкие ворота. В ту же секунду на краю Ивановской площади с визгом развернулся второй ЗИЛ и занял место

и Р. И. Хасбулатовым, в котором, в частности, содержалось требование «организовать в течение 24 часов с момента получения вами этого документа встречу Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева, Р. И. Хасбулатова с Президентом СССР М. С. Горбачёвым» (см.: Смерть заговора. Белая книга / Ред.-сост. Ю. Казарин, Б. Яковлев. М., 1992. С. 54–55).

¹ Мы заглянули в лицо гражданской войны. (Беседа И. Журавской с народным депутатом СССР С. Белозерцевым) // Огонек. 1991. № 41. С. 20.

² Дементей Н. И. Уроки жизни. Мн., 2005. С. 145.

³ Архив автора. Интервью В. А. Чельшева, народного депутата СССР. Москва. 2020. 26 ноября.

⁴ Архив автора. Интервью В. П. Щербакова, народного депутата СССР. Москва. 2023. 1 февраля.

сопровождения: сзади и чуть справа. “Ого! — подумал я, — лужьяновские-то акции, оказывается, на самом верху!” Дело в том, что ЗИЛ сопровождения ходил только за президентом СССР, все остальные граждане — члены Политбюро, председатели и иная охраняемая публика — на “хвост” больше “Волги” со спецдвигателем не претендовали¹. «Сотрудники кремлевского гаража очень удивились, когда им поручили подготовить два лимузина ЗИЛ для встречи в московском аэропорту Председателя Верховного Совета. Как правило, эта привилегия распространялась только на самого президента. Очевидно, тем самым В. Крючков хотел польстить А. Лукьянову, настроить его на благожелательный лад и намекнуть ему, что он станет наследником М. Горбачёва на посту президента страны», — комментирует этот эпизод германский историк и журналист И. Лозо, детально исследовавший августовский путч².

Как мы помним, Лукьянов был неприятно удивлен и раздосадован выступлением путчистов, однако В. А. Крючков сумел «оболстить» Председателя Верховного Совета, несомненно, пообещав ему президентский пост. Удивительно, но такой опытный царедворец, каким был А. И. Лукьянов, клюнул на эту приманку, проявив абсолютно нехарактерную для него неосторожность. Возможность занять президентское кресло буквально ослепила Лукьянова, и он решился на разрыв с Горбачёвым; его поведение в период с 18 по 21 августа следует квалифицировать как оппортунизм и пособничество ГКЧП³. Несомненно, что именно таким образом истолковал мотивы поведения Лукьянова в дни путча и Горбачёв, расценивший политическую линию своего давнего соратника как предательство и, по сути, санкционировавший его арест⁴.

В итоге, как оказалось, перехитрил Анатолий Иванович лишь самого себя. Любопытно, что ровно за месяц до путча Лукьянов в беседе с Алкснисом, говорившим Анатолию Ивановичу о необходимости осуществления решительных действий по смещению М. С. Горбачёва с его поста во имя спасения страны, сказал «черному полковнику»: «Ты не понимаешь, что Горбачёв — наше единственное спасение»⁵.

¹ Лантев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 237.

² Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М., 2014. С. 187.

³ Там же. С. 190.

⁴ Архив автора. Интервью И. И. Заславского.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса. 2019. 2 апреля.

В дни ГКЧП Лукьянов поддался искушению сделать еще один шаг вверх и стать первым лицом государства. Как известно, это у него не получилось, а уже после путча, на сессии Верховного Совета СССР, Лукьянов сидел, выслушивая от депутатов поток обвинений в свой адрес, все от него отворачивались как от прокаженного, было понятно, что его арест предрешен, он состоится в ближайшие дни. Увидев В. И. Алксниса, Анатолий Иванович обратился к нему как к доброму знакомому, припоминая тот самый разговор: «Видишь, Виктор, как получилось...»¹ Рядом с Лукьяновым в этот момент сидел народный депутат СССР, писатель Д. А. Гранин, оживленно переговаривавшийся во время заседания с Анатолием Ивановичем. Уже после ареста Лукьянова, отвечая на вопросы журналистов, Даниил Александрович рассказал о содержании этой беседы: «Он [А. И. Лукьянов. — *Авт.*] комментировал выступающих. Например, когда выступал Акаев и назвал Лукьянова Понтием Пилатом, Анатолий Иванович говорит: “Этот человек присылал мне самые лстивые письма и телеграммы”. Я у него спросил: “Анатолий Иванович, а почему вы здесь сидите? Я бы не смог. Я бы встал и ушел”. Он у меня спросил: “Вы были на похоронах своей матери?” Я отвечаю: “Да”. Он говорит: “Так сейчас хоронят мое дело”. “Какое дело?” “Советский Союз”. Когда выступил Назарбаев, Лукьянов сказал: “Конец”. Я спрашиваю: “Чему конец?” “Конец Советскому Союзу”. Здесь была смесь личного и неличного. Это неоднотипный человек...»² Сам Лукьянов в те дни держался с достоинством, хотя и осознавал в полной мере, что его ожидает арест. В беседе с корреспондентом популярнейших «Аргументов и фактов» Анатолий Иванович посетовал, что «объявил о чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР слишком поздно», объясняя это тем, что «24 и 25 августа — это суббота и воскресенье. Я думал, что депутатов не соберешь — время отпусков...»³ «Сейчас на меня будут валить все на свете. Я думаю, лишат депутатского иммунитета. Наверное, будут судить», — такими словами Лукьянов закончил одно из последних своих интервью в качестве Председателя Верховного Совета СССР⁴.

В беседе с журналистом А. В. Карауловым (иноагентом), состоявшейся за несколько часов до ареста еще недавно всемогущего спикера

¹ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса. 2019. 2 апреля.

² На ступеньках Кремля // Аргументы и факты. 1991. № 35. С. 1.

³ Неофициально об официальном // Аргументы и факты. 1991. № 34. С. 1.

⁴ Там же.

Верховного Совета СССР, А. И. Лукьянов говорил о том, что с Горбачёвым его «связывают самые тесные отношения, я его люблю, я не могу ему изменить», «не могу предать человека, с которым меня связывают сорок лет жизни»¹. Простить Лукьянова Горбачёв не смог, хотя и переговорил с ним еще один раз, уже после возвращения из Крыма — 26 августа, на сессии Верховного Совета СССР, за несколько дней до ареста своего бывшего друга². Уже выйдя из тюрьмы, Лукьянов по вполне понятным причинам говорил о Горбачёве с ожесточением. «Руки я ему больше не подам. По-моему, этот человек не столько виновен в развале Союза, сколько в предательстве своей и моей партии», — заявлял Анатолий Иванович³. У каждого из этих людей, несомненно, были основания сохранять чувство обиды по отношению друг к другу. Не примирились Лукьянов и Горбачёв вплоть до самой смерти.

21 августа, в Форосе, помимо Лукьянова, М. С. Горбачёв также согласился принять и В. А. Ивашко, тем самым демонстрируя, что он *все еще рассчитывает на партию как на свою опору*⁴, несомненно, в тот момент еще не осознавая, сколь уязвимой в политическом отношении фигурой он теперь является — и как Президент СССР — а ведь именно союзные структуры — КГБ, армия, Кабинет министров — оказались дискредитированы за дни путча, — и как Генеральный секретарь КПСС... «Будем вылезать из ситуации вместе с МС», — именно таким образом передал секретарю ЦК КПСС В. В. Калашникову содержание своей беседы с генсеком в Форосе В. А. Ивашко, посчитавший, что Горбачёв все еще делает ставку на партию...⁵ Все, однако, повернулось по-другому — партия как ведущая политическая сила советского государства доживала свои последние дни; да и судьба Союза сложилась немногим лучше. Тогда, впрочем, догадываться об этом могли лишь самые искушенные и прозорливые — увы, но Горбачёв в те дни провидцем не был. Вероятно, в те минуты Михаил Сергеевич пребывал в эйфорическом состоянии: принимая российскую

¹ Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2... С. 445, 452–453. Интервью А. И. Лукьянова, 28 августа 1991 г.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. Л. 119.

³ Пик коммунизма А. Лукьянов так и не покорил // Аргументы и факты. 1994. № 15. С. 3.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁵ Там же.

делегацию и, как ему казалось, возвращаясь к исполнению своих обязанностей *Президента страны*, Горбачёв как искренний оптимист надеялся, что наиболее тяжелые испытания уже позади. Однако после своего злосчастного отпуска Президент СССР вернулся в страну, в которой он уже не обладал реальной властью: фактически за три дня путча Центр обвалился.

Прозорливый В. А. Медведев, мчавшийся вместе с помощником Президента СССР О. И. Ожерельевым в аэропорт встречать Горбачёва, пророчески сказал: «Путч — это конец Горбачёва как Президента. Завершение его карьеры»¹. Жестче высказался по этому поводу В. В. Рябов, в августе 1991 года — заведующий гуманитарным отделом ЦК КПСС: «Горбачёв, спускаясь с трапа самолета в Москве после возвращения из Фороса, не знал, что он уже не президент в глазах народа, и не генсек в глазах ЦК»². По словам В. П. Лукина, в те годы народного депутата России, «Горбачёв приехал, но власть не приехала с ним»³. Глава государства и выглядел очень непривычно, не по-президентски: Ю. В. Голику запомнилось, что Михаил Сергеевич прилетел из Крыма в каком-то затрапезном свитере с жирным пятном на животе и явно навеселе...⁴ Начинался последний отрезок президентского срока Горбачёва — его «Сто дней», как нередко называют это время в публицистике, по аналогии с кратковременным возвращением Наполеона I к власти во Франции в 1815 году — после его побега с острова Эльба⁵. Правда, в этот раз было не 100, а 125 дней, однако, по своему трагическому финалу закат эпохи Горбачёва вполне может быть сравним с завершающим актом наполеоновской драмы.

Из своего последнего *президентского* отпуска Горбачёв вернулся в Москву поздней ночью 22 августа: самолет главы государства приземлился во Внуково-2 в 2 часа 22 августа 1991 года. В 2:25 ночи Горбачёв выехал из аэропорта на дачу, а уже в 11:50 утра приступил к работе

¹ Ожерельев О. И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016. С. 62.

² Архив автора. Интервью В. В. Рябова, заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС. 2018. 24 января. Москва.

³ Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁴ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика.

⁵ Галкин А. А. «Сто дней» Горбачёва // Горбачёвские чтения. Вып. 9. Два путча и распад СССР. М., 2011. С. 61.

в своем кабинете в Кремле¹. Вряд ли Горбачёв понимал, что он вернулся действительно в *другую* страну. Страну, в которой он уже *не хозяин*, страну, в которой наступило уже новое — *не его* — время.

«В воздухе запахло распадом, Горбачёв выглядел разбитым и проигравшим», — таким запомнился президент СССР после возвращения из Крыма А. А. Бессмертных².

Сдавать свои полномочия Горбачев, однако, не собирался, хотя драма Фороса и лишила его привычной уверенности в себе. «Горбачёв свой уход не предчувствовал. Он вообще считал себя всесильным. Не верил, что его могли прослушивать. Думал, что росчерком пера остановит любые события», — вспоминал глава пресс-службы Президента СССР В. Н. Игнатенко³. Горбачёву, однако, пришлось столкнуться с новыми правилами игры: отныне Президент Советского Союза не был полностью свободен в своих решениях, в значительной степени завися от воли Ельцина. «С августа до момента отставки Горбачёва у нас с ним состоялось примерно восемь-десять встреч. Не знаю, понимал ли он сам, насколько изменился к тому времени характер наших отношений. Я сказал ему: “У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной”. Горбачёв внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было. От жесткой последовательности моей позиции зависело все», — вспоминал российский президент⁴, в директивной форме потребовавший от Горбачёва отказаться от уже сделанных им назначений — министра обороны СССР — М. А. Моисеева и Председателя КГБ СССР — Л. В. Шебаршина, заменив их, соответственно, на хорошо проявивших себя в дни путча Е. И. Шапошникова и В. В. Бакатина⁵. «Шебаршин, как и все другие новые новые назначенцы, через день был смещен с должности — Ельцин уже стал “хозяином” в Москве и диктовал все решения не только по РСФСР, но и союзному государству. Президент СССР

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. График работы Президента СССР. Л. 117.

² Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта.

³ Игнатенко В. Не меняю лицо под обстоятельства // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. С. 2.

⁴ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 143–144.

⁵ Шебаршин Л. В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 291–292.

Горбачёв согласился с этим», — комментировал этот эпизод соратник Михаила Сергеевича Е. М. Примаков¹.

Вероятно, Горбачёв больше всего боялся в этот момент, что Ельцин, получивший на волне разгрома ГКЧП невиданный моральный авторитет, попытается его представить в глазах общественности «дирижером» государственного переворота и «тайным предводителем» путчистов — думается, что такая трактовка заговора была бы воспринята миллионами людей на «ура». Выскажем предположение, что Ельцин пускай не впрямую, но шантажировал этой угрозой Президента СССР — это-то и связывало руки Горбачёву: продолжая формально обладать огромными полномочиями, он был в значительной степени подконтролен Президенту РСФСР. Эта зависимость Горбачёва от действий российского лидера и руководителей республик составляет основу политического процесса последующих месяцев — вплоть до отставки Михаила Сергеевича с поста Президента СССР.

Сразу после этого Горбачёв был приглашен Б. Н. Ельциным и Р. И. Хасбулатовым в Белый дом на шедшую уже второй день внеочередную сессию Верховного Совета РСФСР. Вероятно, Горбачёв ожидал триумфальной встречи, хотя момент для такой встречи он упустил — депутаты, взвинченные до предела за время осады российского парламента, ожидали, что Михаил Сергеевич поедет в Белый дом сразу после посадки его самолета во Внуково-2, чтобы засвидетельствовать народным избранникам свою признательность. Демократический лагерь воспринял бы это в качестве своеобразной клятвы верности Горбачёва тем идеалам демократии, которые парламентарии сумели отстоять в дни путча. Однако Президент СССР не поехал в Белый дом, сославшись на нездоровье жены. Депутатами это было воспринято как проявление неуважения к подвигу защитников демократии, демонстративное размежевание с ними, черная неблагодарность; аргументация Горбачёва ни в какой мере не могла их устроить. Этим и объяснялась обструкция, которую устроил Президенту Союза депутатский корпус России². «Михаил Сергеевич по дороге из аэропорта должен был заехать к нам, в Верховный Совет России. Мы его вернули домой, никто иной. Это был его человеческий долг!» — высказывал

¹ Примаков Е. М. Предисловие // Шебаршин. Воспоминания соратников / Автор-составитель В. Поволяев. М., 2020. С. 5.

² Архив автора. Интервью Б. А. Курковой, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2019. 4 марта.

автору свое мнение народный депутат РСФСР О. В. Басилашвили¹. Народный депутат РСФСР С. В. Степашин вспоминал в сентябре 1991 г.: «Мы все в Москве очень ждали прилета Горбачева, и когда он приземлился здесь, то надеялись, что он сразу 21-го числа и выступит у нас на митинге. Об этом была телефонограмма. Мы мечтали сразу же на митинге предъявить ему наши требования, что оставить за Россией в Союзе, а что ему от России в СССР. Мы горим таким желанием, но вы знаете, что Горбачеву было не до митинга, и поэтому по-нашему в тот день не получилось...»² «Он почему-то считал, что депутаты должны его встретить как героя, не понимая, что именно российские депутаты вели себя как герои, спасая все наши, в том числе и его жизни... А ведь я ему говорил прямо перед этим заседанием: “Михаил Сергеевич, эти депутаты — не ваши союзные, они будут задавать Вам очень жесткие вопросы. Ельцин сидел и хитро улыбался, он-то знал, как депутаты встретят Горбачёва”, — вспоминал Р. И. Хасбулатов³. «У нас [российских депутатов. — *Авт.*] накопилось бешеное раздражение к Горбачёву, и чудовищный стресс трех дней тоже давал о себе знать — депутаты не спали, рисковали своей жизнью, и тут появляется Горбачёв, и все по-старому — я не знаю, мне угрожали и т. д. Горбачёв был смешон и жалок, было ощущение, что в тот момент он закончился как Президент. Ельцин испытывал огромное торжество, он наконец-то публично получил реванш и мог публично хлопнуть Горбачёва по плечу», — рассказывал автору российский депутат М. Б. Челноков, присутствовавший на этой сессии⁴.

Вся страна увидела по прямой телевизионной трансляции, как выступление Горбачёва постоянно прерывалось репликами с мест, а в конце концов превратилось в унижительный допрос, руководимый лично Ельциным, который, как вспоминал депутат С. А. Полозков, «не скрывая своего злорадства, постоянно перебивал Президента СССР, вставляя различные комментарии в его выступление, всячески подчеркивая свою бóльшую осведомленность в некоторых вопросах»⁵. Горбачёву

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили.

² Григорьев С. М. Истина момента. М., 1992. С. 131.

³ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова, в августе 1991 года — и. о. Председателя Верховного Совета РСФСР. 2016. 12 августа. Москва.

⁴ Архив автора. Интервью М. Б. Челнокова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 2 ноября.

⁵ Полозков С. Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М., 2014. С. 135.

была устроена «настоящая обструкция»¹. Ельцин был единственным *подлинным* триумфатором и победителем тех дней². «Б. Н. Ельцин откровенно и с удовольствием издевался над Горбачёвым, а тот, не в силах ничего сделать и не зная, как себя вести, вел себя как нашкодивший мальчишка, униженно принимая отношение Ельцина как должное...» — вспоминал депутат Верховного совета РСФСР М. Б. Челноков³. «Выглядело все как экзекуция; многие прятали глаза, морщились», — прибавлял союзный депутат В. А. Логунов⁴. «Горбачёва в тот момент было жалко: мерзкая сцена унижения, когда Ельцин торжествовал победу. Он захлебывался в эйфории, безудержно хвастался своим успехом, фактически в открытую говоря Горбачёву: вас все предали, а меня все поддержали. Ельцин, — полагает В. А. Логунов, — буквально распял Горбачёва на кресте»⁵. Еще жестче выразился народный депутат РСФСР В. В. Аксютин, по словам которого, «допрос» Ельциным Горбачёва «выглядел безобразно и гнусно, Ельцин показал свою пасть. Каждый показал себя вполне: Горбачёв струсил, а Ельцин зарычал»⁶. Депутат М. М. Молостров вспоминал о том «тяжелом впечатлении», которая на него произвела сцена, «разыгранная в Верховном Совете, с целью унижить только что вызволенного из Фороса Михаила Сергеевича»; как констатировал мемуарист, депутаты «учуяли», что «в отношении Горбачёва теперь “все дозволено”, принялись перебивать его». В итоге М. М. Молостров ушел с этого заседания — «было стыдно, хотелось бежать. Удерживало чувство ответственности: разве не на нас теперь, какие мы ни есть, надеются выдвигавшие нас избиратели?»⁷ «Все видели, что Горбачев уже — “хромая утка”, из Фороса его привезли в жалком виде, его рассказу о том, как он слушал о событиях путча у себя на даче в Крыму по радио, никто не верил, было видно,

¹ Федоров Н. В. Вспоминая время надежд. М., 2022. С. 103.

² Архив автора. Интервью Н. И. Травкина, Героя Социалистического Труда, народного депутата СССР и РСФСР. 2019. 30 января.

³ Челноков М. Россия без Союза, Россия без России... (Записки депутата расстрелянного Парламента). М., 1994. С. 92.

⁴ Логунов В. А. Бесы в красной гостиной. Свидетельства главного редактора «Российской газеты» (1990–1993 годы). М., 2019. С. 107.

⁵ Архив автора. Интервью В. А. Логунова, народного депутата СССР. Московская область. Поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря.

⁶ Архив автора. Интервью В. В. Аксютинца.

⁷ Молостров М. М. Прямые, которые не пересекаются. М., 2000. С. 107.

что он несет какую-то “пургу” — вот на него и накнулись. Что и говорить: это было мурло нашей демократии», — рассказывал автору народный депутат РСФСР В. Н. Хайрюзов¹.

Во время «допроса» на заседании Верховного Совета России, как констатировал Р. И. Хасбулатов, «Ельцин публично мстил Горбачёву за все унижения... С того момента Горбачёв фактически стал пленником у Ельцина»². По словам народного депутата РСФСР В. Л. Шейниса, «зрелище это было ужасное и омерзительное, депутатская кодла буквально визгом встречала Горбачёва»³, за депутатов было «стыдно-вато», — прибавлял его коллега М. Н. Толстой⁴. В то же время один из наиболее влиятельных российских депутатов Ю. М. Воронов рассказывал автору, что большинству парламентариев «размазывание» Ельциным Горбачёва нравилось: «это смотрелось нормально и хорошо», по мнению Юрия Михайловича, союзный президент такое отношение к себе заслужил своей нерешительностью⁵. «В Ельцине говорила мстительность», — утверждал С. М. Шахрай, входивший в состав политической команды первого Президента России⁶, в то время как Г. Э. Бурбулис, бывший в ту пору вторым человеком в российском руководстве, признавал, что Ельцин вел себя в тот момент «некорректно» по отношению к Горбачёву⁷. Издевательство Ельцина над Горбачёвым имело два объяснения: Борис Николаевич мстил за унижения над ним в октябре 1987 года, которые он никогда не мог забыть и простить генсеку, искренне возненавидев его, а также показывал теперь всему миру — «кто в доме хозяин»⁸. Несмотря на то что Михаил Сергеевич

¹ Архив автора. Интервью В. Н. Хайрюзова, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 28 августа.

² Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова. Москва. 2016. 12 августа.

³ Архив автора. Интервью В. Л. Шейниса, народного депутата РСФСР. Москва. 2018. 4 июля.

⁴ Архив автора. Интервью М. Н. Толстого, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

⁵ Архив автора. Интервью Ю. М. Воронина, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 25 июня.

⁶ Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля.

⁷ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. 2019. 11 февраля.

⁸ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

держался на этом заседании достаточно мужественно¹, по его авторитету как руководителя страны был нанесен роковой удар — Президент СССР позволил недопустимое: «Горбачёв был “царем”, а как царь себя не вел, позволяя над собой публично смеяться», — справедливо отметил А. В. Руцкой, занимавший в ту пору должность вице-президента РСФСР². Многие из российских и советских парламентариев думали, что ГКЧП — «провокация Горбачёва»³, а объяснения Михаила Сергеевича их не устраивали. «Было ощущение, — вспоминал народный депутат СССР Ю. Ю. Болдырев, — что, рассказывая о ГКЧП, Горбачёв привирает, как почти всегда он и делал»⁴. «Это было намеренное унижение [Ельциным Горбачёва. — *Авт.*] и месть за старые обиды. Депутаты были радикально настроены: многие думали, что Горбачёв играл двойную роль, его подозревали в недостаточном радикализме, двурушничестве», — вспоминал В. П. Лукин⁵. Для депутатов было очевидно, что «Горбачёв заблудился в своих играх», в то же время сторонник Ельцина М. Н. Полторанин понимал, что били не по проштрафившемуся Президенту СССР, «а по стране». «В тот момент опрокинулось государство», — обоснованно утверждает Полторанин⁶. Политическое значение этих унижений для Горбачёва было понятно — Ельцин показывал ему, что он больше не Президент. «Встреча в Верховном Совете России была заснята. Те, кто увидел ту телепередачу, многое поняли. Ельцин все делал на этой встрече с садистским наслаждением», — вспоминал Михаил Сергеевич⁷, прибавляя, что «когда я уже вернулся из Фороса, он [Б. Н. Ельцин. — *Авт.*] обнаглел — совал мне бумажки в лицо...»⁸ Видели телетрансляцию из ВС РСФСР и в окружении союзного

¹ Полозков С. А. Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М., 2014. С. 134.

² Архив автора. Интервью А. В. Руцкого. Москва. 2019. 10 июля.

³ Архив автора. Интервью П. А. Лысова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 19 мая.

⁴ Архив автора. Интервью Ю. Ю. Болдырева, народного депутата СССР. Москва. 2020. 18 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁶ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина. 2019. 16 мая.

⁷ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 577.

⁸ История от Горбачёва / Интервью В. Рудакова // Профиль. 2010. № 12. 5 апреля. С. 23.

президента. «Как они могут! — воскликнул Черняев, которого всегда шокировала агрессия и наглость. — И как ему теперь продолжать быть президентом, — добавил он как бы вдогонку», — вспоминал переводчик Горбачёва П. Р. Палажченко¹. Вопрос, заданный А. С. Черняевым, повис в воздухе. Ответ на него могла дать только История. До финала горбачёвской эпохи оставались считанные месяцы. Переживший драму форосского заточения Президент Горбачёв был встречен в столице своей империи совсем не как национальный герой. Правила бал теперь совсем другие люди.

При этом «сам Михаил Сергеевич, — вспоминал народный депутат СССР Н. В. Фёдоров, — вел себя так, словно чувствовал свою вину. Он понимал, что власть стремительно утекает из его рук, и покорно следовал логике событий»². Создавалось впечатление, что Горбачёв сломлен. Та демонстративная порка, которой Ельцин подвергнул Горбачёва³, показала всей многомиллионной стране, что власти у союзного Президента больше нет. «Горбачёву — конец, он заигрался», — вспоминал свои впечатления тех дней член Верховного Совета СССР демократ И. И. Заславский⁴. За то время, пока Горбачёв находился на «допросе» у Ельцина и российских депутатов, страна увидела, что «СССР де-факто уже не существует», — вспоминал главный редактор крупнейшей оппозиционной «Независимой газеты» В. Т. Третьяков⁵. «Для разрядки» Ельцин подписал указ о приостановлении деятельности российской компартии, как политической силы, задействованной в путче⁶. По словам соратника Ельцина С. М. Шахрая, «распад партийных структур предопределил лавинообразный распад страны»⁷. В свою очередь, Юрий Анатольевич Прокофьев — последний Первый секретарь МГК КПСС, фактически

¹ Палажченко П. Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. 1-е изд. М., 2020. С. 321.

² Фёдоров Н. В. Вспоминая время надежд. М., 2022. С. 103.

³ См. стенограмму встречи с депутатами российского парламента: Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Т. 27. С. 256–277.

⁴ Архив автора. Интервью И. И. Заславского.

⁵ Архив автора. Интервью В. Т. Третьякова. Москва. 2018. 19 декабря.

⁶ Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Том 27. Июль-август 1991. М., 2017. С. 274.

⁷ Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля.

поддержавший действия путчистов, в беседе с автором квалифицировал ГКЧП как «последнюю точку в развале партии», а значит, и *государства*, поскольку, как справедливо отмечает Ю. А. Прокофьев, «партия была системой управления страной, а не политической структурой» — партию убрали, на ее месте новой структуры управления советским государством так и не появилось¹. Исход известен.

В дни путча ЦК КПСС не сумел проявить себя как инициативная сила и размежеваться с заговорщиками. Более того: Секретариат ЦК КПСС вплоть до 21 августа *публично* не ставил вопрос о необходимости встречи со своим лидером — Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым. Лишь 22 августа в партийном офицозе газете «Правда» было опубликовано заявление Секретариата ЦК КПСС, в котором содержался призыв к проведению срочного Пленума ЦК КПСС «с непременным участием Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва»².

Странная пассивность ЦК КПСС в дни путча объяснялась целым рядом причин. Так, например, секретарь ЦК О. С. Шенин, деятельно поддерживавший ГКЧП, был оставлен самим Горбачёвым «на хозяйстве», то есть фактически волей самого генсека был определен в качестве полномочного лица, в обязанность которого входило определять стратегию ЦК вплоть до момента возвращения Михаила Сергеевича в Москву. Утром 19 августа на заседании Секретариата ЦК О. С. Шенин, выглядевший крайне устало³, заявил, что Горбачёв очень болен и ему трудно принимать решения, заверив при этом, что «ни один волос не упадет с головы генсека»; при этом уже сам состав списка членов ГКЧП — ближайших доверенных лиц Горбачёва — вызвал у большинства секретарей ЦК мысль о том, что все делается по благословлению генсека⁴. «Вся информация, —

¹ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, члена Политбюро ЦК КПСС, Первого секретаря МГК КПСС в 1989–1991 годы. Москва. 2020. 30 января.

² Правда. 1991. 22 августа. Автор сознательно опускает рассказ о деятельности в дни путча других партийных структур, в частности, МГК КПСС и ее первого секретаря Ю. А. Прокофьева, поскольку это — отдельный, и не лишенный любопытства сюжет.

³ *Полозков И. К.* Обманутые надежды, или Как разрушали страну. М., 2014. С. 529.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля. «Когда состав ГКЧП

вспоминал секретаря ЦК В. В. Калашников, — была построена так, что у меня не осталось сомнения: команда президента делает “грязную работу” с негласного согласия или “полусогласия” Горбачёва»¹. Кроме того, как вспоминал Калашников, разговоры о введении чрезвычайного положения велись с весны 1991 года, но «никому и в голову не могло прийти, что это будет делаться без санкции Президента; напротив, все, включая того же Бакланова, ожидали, что именно Президент и введет чрезвычайное положение». Именно поэтому, когда на заседании Секретариата ЦК был зачитан список членов ГКЧП, работники партийного аппарата поначалу и решили, что все делается с ведома Горбачёва². «Все дни ГКЧП, — вспоминал В. В. Калашников, — и я, и все секретари ЦК пребывали в уверенности, что все делается с ведома Горбачёва»³. На просьбу прояснить ситуацию с Горбачёвым Шенин уклонялся от ответов, хотя дал понять, что знает намного больше, чем остальные секретари ЦК⁴. Словом, Шенин настолько искусно построил свое сообщение, что особой обеспокоенности за судьбу своего лидера у секретарей ЦК не должно было возникнуть. По словам секретаря ЦК КПСС А. С. Дзасохова, Шенин сознательно «дезинформировал секретарей ЦК», не обладавших даже десятой долей той информации о планах

был оглашен на утреннем заседании ЦК, у всех было ощущение сговора — ведь были названы самые-самые близкие Горбачёву люди», — вспоминал В. В. Калашников (архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля). Об этом же своем ощущении рассказывал автору и присутствовавший на заседании А. С. Дзасохов (архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 ноября).

¹ Калашников В. Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля, 2018. 31 октября.

³ Там же. Санкт-Петербург. 2016. 21 октября.

⁴ Дзасохов А. С. Человек и политика. М., 2009. С. 286. В беседе с Ю. А. Прокофьевым О. С. Шенин предложил Юрию Анатольевичу статью его замом, после того как его изберут Генеральным секретарем ЦК КПСС. Юрий Анатольевич предположил, что большими шансами на избрание генсеком обладал он сам, а Президентом Советского Союза после отставки или снятия Горбачёва с должности стал бы Анатолий Иванович Лукьянов (см.: Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 17 февраля).

ГКЧП, которой обладал Шенин, и вынужденных полагаться на достоверность его сообщения. Как следствие, секретариат ЦК допустил поистине роковую ошибку, не сформулировав сразу своего отношения к путчу¹. Впоследствии это дало повод обвинить секретариат ЦК в фактической поддержке ГКЧП². По словам высокопоставленного работника ЦК А. Я. Дегтярева, О. С. Шенин своим поведением в дни путча «зарезал» партию, дав повод обвинить ее в организации государственного переворота³.

В своем выступлении Шенин подчеркивал, что ГКЧП представляет государство, а не партию. Впоследствии, уже после ареста, Шенин категорически отрицал то, чтобы «в ЦК хоть какая-то структура работала бы на режим чрезвычайного положения или на ГКЧП»⁴.

Заместитель генсека и второй человек в партии В. А. Ивашко еще не оправился от последствий операции. Ивашко, по природе своей человек крайне осторожный, решил выждать время и не созывать внеочередной Пленум ЦК КПСС. «Время, история рассудят, прав ли я был тогда или нет, но я сразу же пришел к выводу, что собирать пленум в этой обстановке — непоправимая ошибка. У меня перед глазами еще стоял апрельский пленум, на котором (вы, наверное, помните) М. С. Горбачёв ставил вопрос о своей отставке. Я председательствовал на этом пленуме, там остался хороший кусок моей жизни, и впечатления были еще живы. Я отчетливо себе представил, что пленум сразу же поставит вопрос: “Где генеральный секретарь?” На этот вопрос я, естественно, ничего вразумительного ответить не мог, тем более что пошли уже всевозможные слухи. Даже сам факт созыва пленума без генерального секретаря означал бы своего рода переворот в партии. Так можно ли было в такой ситуации собирать пленум? Идем дальше. На этом пленуме немедленно бы часть членов ЦК ушла в знак протеста, это уж точно. В то же время, не знаю сколько, но кто-то

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

² ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1341. Отчет о проделанной работе Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств государственного переворота в СССР. 1991 г. Л. 152–154.

³ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева, в 1991 году — заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Москва. 2017. 17 марта.

⁴ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1335. Диктофонная запись беседы руководителя парламентской комиссии по расследованию деятельности ГКЧП А. М. Оболенского и генерального прокурора РСФСР В. Г. Степанкова с О. С. Шениным. 1991. 5 декабря. Л. 22.

бы остался, и уж тогда коллективный орган был бы втянут в переворот и в государстве, и в партии», — говорил В. А. Ивашко в интервью «Независимой газете» спустя два месяца после путча¹. «С мест в ЦК уже шли телеграммы с требованием созвать Пленум. Мы собрались Секретариатом в тот же день, 20-го. Сели и говорим: “Ребята, остановитесь, какой Пленум? Для чего, для “одобрямса”? Или же избирать нового генсека?!” И мы поклялись не допускать переворота в партии», — вспоминала секретарь ЦК КПСС Г. В. Семёнова². «В эти дни в ЦК были разные мнения и обсуждались разные шаги, но “хороших” шагов в той ситуации уже не было. Поэтому из ЦК утром 19 августа только в адрес первых секретарей обкомов и рескомов ушла секретная телеграмма, в которой им предлагалось оказать “содействие” ГКЧП, но “в практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР”. Иными словами, ЦК не давал парторганам санкции на действия, нарушающие Конституцию СССР, и не поддерживал такие действия со стороны ГКЧП. Сейчас эта телеграмма кажется нелепой, но тогда это был тот компромисс, который предотвратил раскол в секретариате ЦК. Отмечу, что ни тогда, ни после, никто из секретарей ЦК КПСС не стал выгораживать себя и топить других. Все органы КПСС, по сути, оказались коллективными заложниками действий ГКЧП. Секретари обкомов, так же как и секретари ЦК, в условиях уже состоявшегося введения ЧП не могли нанести ему удар в спину. Тем более что никому в голову не приходило, что вице-президент Геннадий Янаев это сделал по собственному почину», — вспоминал секретарь ЦК КПСС В. В. Калашников³. В беседе с автором этих строк Калашников уточнил свою позицию: «Секретариат ЦК действительно занял нейтральную позицию, не зная, что делать, не имея указаний ни от генсека, ни от его зама... Горбачёва не было, а Шенин мог только, не имея полномочий, просить каждого из секретарей вести себя спокойно и не поднимать шума... Было ощущение, что члены ГКЧП были готовы сделать всю грязную работу за Горбачёва, а потом дать ему возможность руководить страной»⁴.

¹ *Ивашко В.* Эти люди действовали в условиях глубокой конспирации // Независимая газета. 1991. 17 октября.

² *Семёнова Г.* Мы шли сквозь строй улюлюкающей толпы // Комсомольская правда. 1991. 31 августа.

³ *Калашников В.* Август 91-го в личном формате...

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля.

Калашникову в тот момент казалось, что лица, входившие в ГКЧП, являются политическими камикадзе, готовыми пожертвовать своей карьерой ради сохранения Союза руками Горбачёва. В этот момент обстановка в ЦК была предельно неопределенная, сведения о происходящем были крайне противоречивыми, казалось, что секретариат ЦК не подаст признаков жизни¹. «В эти дни в ЦК, — рассказывал автору В. В. Калашников, — было очень-очень тихо. Все попрятались, никто ничего не знал... Секретари все выжидали, было ощущение, что они боялись даже друг друга... Только после возвращения Горбачёва из Фороса стало понятно окончательно, что акция делалась без его ведома»². Никакой эйфории по поводу того, что сейчас установится твердый порядок и т. д., в ЦК не было. Как рассказывал автору В. В. Калашников, до полудня 19 августа, т. е. до момента выступления Ельцина на танке, он думал, что партия скажет советскому народу после того, как она выиграет, как она сможет объяснить свои недемократические действия на седьмом году перестройки... После же блестящего выступления Ельцина стало понятно, что у ГКЧП дела плохи; а после «позорной и идиотской», по выражению Калашникова, пресс-конференции Янаева сотоварищи стало понятно, что путчисты должны проиграть³. Представителям команды Горбачёва, оставшихся верными Михаилу Сергеевичу, эта пресс-конференция внушила определенные надежды: по реакции путчистов было видно, что «Президент жив»⁴.

Как бы то ни было, но Центральный комитет вел себя в дни путча крайне нерешительно, дискредитировав себя и в глазах Горбачёва, и в особенности — в глазах противников ГКЧП. Секретарь ЦК КПСС и будущий президент Молдовы П. К. Лучинский писал о том, что руководство партии имело возможность простейшим способом размежеваться с заговорщиками, однако было деморализовано волной событий. Если бы не неожиданность, утверждает Лучинский, «родилось бы самое простое решение. И оно все бы расставило на свои места. Достаточно было В. Ивашко в первый же день поднять

¹ Кордин М. И. Трагедия Старой площади. М., 1999. С. 275.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2022. 28 октября.

³ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2023. 15 июня.

⁴ Игнатенко В. Путч начался с захвата «членовоза» // Аргументы и факты. 1991. № 34. С. 2.

шум об “исчезновении” Генерального секретаря. А там пресса — наша и зарубежная — довела бы этот протест до решительного осуждения действий ГКЧП...»¹ «Главный факт состоит в том, что партийные органы, сохранявшие еще огромное влияние в различных звеньях государства в центре и на местах, не сумели, не нашли в себе силы преградить дорогу путчистам. Более того, известно, что некоторые из них выступили в поддержку антиконституционных решений, а многие, если и не принимали каких-то действий на стороне путчистов, то больше сочувствовали им, чем осуждали. И уж совершенно непостижимо, что партийные организации и руководящие органы, узнав об отстранении лидера партии от обязанностей президента, его фактическом аресте, не выступили с осуждением этих действий, с требованием освободить Горбачёва и дать ему возможность выступить с оценкой происходящего перед народом. В те дни, да и после них, вплоть до сегодняшнего дня, особенно в общении с бывшими партийными работниками и активистами, мне не раз приходилось выслушивать антигорбачёвские филиппики, что, дескать, он в трудный момент отвернулся от партии, бросил ее, предал и т. д. Не хочу защищать каждый шаг Горбачёва и каждое сказанное им слово, но кто же кого предал, если ни ЦК КПСС с его секретариатом, ни ЦК компартий республик, ни обкомы, насколько известно, в те дни не сделали ни одного публичного заявления, не приняли ни одной резолюции в защиту Горбачёва с требованием его освобождения? Зато шли телеграммы и звонки с рекомендацией поддержать действия ГКЧП, принимались заявления и резолюции в их поддержку со стороны местных партийных органов», — писал сторонник Горбачёва В. А. Медведев². Партийная элита — одно измерение, а другое дело — иной уровень, рядовые работники, в памяти которых об августовских днях остался шок и немой вопрос: «Как могло случиться, что высшие чины государства восстали против политики самого высокого должностного лица?»³ «Одно из наиболее часто звучавших объяснений заключалось в том, что в основе всего лежало стремление КПСС отстоять свою ускользающую власть. Да, это было. Но вряд ли являлось главным. Ведь

¹ Лущинский П. К. Заложники. Кишинев, 1993. С. 22–23.

² Медведев В. Предал ли Горбачёв КПСС? // Независимая газета. 1992. 25 июня.

³ Никонов В. А. Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. М., 1999. С. 46.

в составе ГКЧП, если не считать Шенина, не было представителей чисто партийной верхушки. Ни генсек, ни его первый заместитель, ни большинство членов Политбюро ЦК КПСС в событиях активного участия не принимали. Так случилось, что 19 августа 1991 г. я заходил в здание ЦК. Хорошо помню, там царила всеобщая растерянность и проявлений радости от ЧП было немного. Один из знакомых ответработников попался навстречу с большой сумкой. Он бежал в магазин, сердито ворча: “У этих идиотов хватит ума, чего доброго, ввести сухой закон”. ЦК меньше всего походил на “штаб восстания”. Штаб был скорее в кабинетах членов ГКЧП, располагавшихся в основном не на Старой площади, наступление вела не столько компартия, сколько “партия порядка внутри КПСС”», — вспоминал В. А. Никонов¹.

23 августа 1991 года центр событий переместился на Старую площадь, где возле зданий ЦК КПСС скопились огромные толпы людей². Многие москвичи были убеждены в том, что именно партия была руководящей силой государственного переворота. Ответственные работники аппарата, ожидая самого худшего, уничтожали документы. Полы зданий ЦК были устланы толстым слоем уничтоженной текущей документации³, тут же без всякой систематизации валялись пачки разных документов, которые не успели уничтожить⁴. Известия об этом доходили и до ближайшего окружения Ельцина. Государственный секретарь РСФСР Г. Э. Бурбулис довел об этом до сведения Горбачёва, предлагая последнему «временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС». Остроту момента усугубляло то, что у Президента СССР в этот момент проходила конфиденциальная встреча с Ельциным, на которую не мог попасть даже госсекретарь РСФСР. По словам Геннадия Эдуардовича, он по телефону надиктовал сообщение руководителю охраны Ельцина А. В. Коржакову, последний своей рукой переписал слова Бурбулиса, подписался за него, а затем передал записку уже Президенту России. Борис Николаевич, в свою очередь, попросил Горбачёва немедленно ознакомиться с ее содержанием. На записке Бурбулиса — Коржакова генсек поставил размашистую резолюцию: «Согласен. М. Горбачёв.

¹ Никонов В. А. Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. М., 1999. С. 46..

² Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 341.

³ Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016. С. 258; В коридорах Старой площади // Известия. 1991. 12 сентября.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 января.

23 августа 1991 г.»¹ «Через 15 минут после написания Горбачёвым этой резолюции началась процедура изгнания ЦК со Старой площади. Это было правильно и хорошо», — вспоминал Г. Э. Бурбулис². «Именно эта резолюция, а не указ Ельцина, в котором речь шла только о Компартии РСФСР, позволила начать разгром центральных органов КПСС», — справедливо пишет известный историк, а в то время — член ЦК КПСС Р. А. Медведев.³ «Горбачёв просто запутался и хотел уйти в тот [демократический. — Авт.] лагерь. Он уже был в руках других людей, которые его в Форосе освободили, но фактически конвоировали в Москву», — справедливо сказал А. С. Дзасохов, в августе 1991 года — секретарь ЦК КПСС⁴. «Горбачёва привезли из Фороса под конвоем людей Ельцина, который размазывал потом Горбачёва на съезде», — вторит Дзасохову народный депутат СССР Н. С. Петрушенко⁵. «Горбачёв кончился, когда вернулся из Крыма... Его привезли фактически под конвоем Ельцина», — утверждает народный депутат СССР А. Е. Карпов⁶.

В свою очередь, победившая демократия в лице Ельцина и его сторонников решала свой главный вопрос — вопрос о власти. «Весь секретариат ЦК потворствовал путчу. Важнейший вопрос любой революции — вопрос о власти. Нужно было немедленно уничтожить предыдущую власть, нужно было отнять у цековцев все и выгнать их из штаба революции», — откровенно вспоминает Е. В. Савостьянов, летом 1991 года занимавший пост генерального директора департамента мэра г. Москвы и закрывший 23 августа 1991 года здание ЦК КПСС⁷. Его непосредственный начальник, Г. Х. Попов, первый демократически избранный мэр Москвы, признавался, что он придавал захвату здания ЦК КПСС и изгнанию оттуда руководящего органа коммунистической партии «сугубо символическое значение», понимая все же, что народ воспримет его как «конец советской власти». «Назад покойничков не носят», — прибавляет Гавриил Харитонович,

¹ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, в 1991 году — государственного секретаря РСФСР. Москва. 2019. 11 февраля.

² Там же.

³ Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни... С. 342.

⁴ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко. Орша. 2019. 31 августа.

⁶ Архив автора. Интервью А. Е. Карпова. Москва. 2020. 23 декабря.

⁷ Архив автора. Интервью Е. В. Савостьянова, летом 1991 года — генерального директора департамента мэра г. Москвы. Москва. 2019. 1 октября.

отмечая, что наибольшее значение захвату здания на Старой площади придавал именно Ельцин¹.

По внутренней линии связи всем сотрудникам аппарата ЦК КПСС было предложено покинуть здание. Как раз в это время известный литературовед Ю. Ф. Карякин позвонил помощнику Горбачёва А. С. Черняеву, который находился в здании ЦК КПСС. На вопрос Карякина о том, что происходит, Черняев невозмутимо ответил: «Вон ваши [демократы. — *Авт.*] нас штурмуют»². Во время «исхода» работников аппарата ЦК из здания ЦК КПСС ненависть к ним толпы достигла крайнего предела: в адрес «цековцев» не всегда трезвые представители лагеря демократии бросали оскорбления и проклятия, а в лицо какие-то комки грязи и бумажки. «Нам было непонятно, — рассказывал автору работник ЦК КПСС Л. Б. Попов, — почему Горбачёв дал команду на разгром своей главной опоры...»³

А. С. Черняев вспоминал: «Наглядным и концентрированным выражением этой ненависти была акция на Старой площади и прилегающих к зданиям ЦК КПСС улицах 23 августа 1991 г. Правда, она была адресована уже перестроечной номенклатуре, тем не менее воспринималась как “то же начальство”, к тому же опозоренное только что провалившимся путчем. Эта акция — целое публичное представление по изгнанию сотрудников ЦК из их помещений — была, конечно, заранее организована ельцинской московской властью, но эмоции толпы были неподдельными. Сквозь узкий проход между шпалерами тысяч людей шли, бежали сотрудники аппарата ЦК, в основном рядовые — секретарши, машинистки, обслуга, референты, инструкторы... Их оплевывали, кидали в них разные предметы, оскорбляли, освистывали, улюлюкали... И если бы не заблаговременно (!) приглашенная в большом количестве милиция, могли бы случиться и расправы»⁴. Победившая демократия предалась безудержному ликованию.

¹ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, летом 1991 года — мэра г. Москвы. Московская область. П. Заречье, 2021. 15 апреля.

² Карякин Ю. Ф. Переделкинский дневник [сост., предисл., примеч. И. Зориной]. М., 2016. С. 60. Дневниковая запись от 23 августа 1991 г.

³ Архив автора. Интервью Л. Б. Попова, референта Международного отдела ЦК КПСС. Москва. 2025. 24 июня.

⁴ Черняев А. С. Советское общество: почему распалось союзное государство // Горбачёвские чтения. Вып. 9. Два путча и распад СССР. М., 2011. С. 25.

Руководящие работники аппарата ЦК КПСС, к слову, подвергались унизительному обыску — у них искали не только документы, но и деньги — пресловутое «золото партии». Партийный аппарат был в те дни главным объектом травли¹. Рассчитывать на помощь своего бывшего генсека оказавшимся безработными сотрудникам аппарата ЦК не приходилось, да и чем он мог им помочь? «Когда происходит предательство с самого верха, что народу-то делать? Никому и не приходило в голову обратиться за помощью к Горбачеву. Легче было взять икону, Богу помолиться, больше бы было толку», — афористично высказывался член ЦК КПСС А. С. Соколов². В опустевшее помещение ЦК КПСС самым первым зашел председатель главного архивного комитета при правительстве РСФСР историк Р. Г. Пихоя, опечатававший печатью Росархива служебные помещения вчерашнего «штаба революции». Иллюстрацией нового соотношения политических сил, сложившихся после путча и фактического обвала Центра, выглядел звонок, поступивший Пихоя от Горбачёва: глава государства *просил* Рудольфа Германовича не опечатывать кабинет генсека, мотивируя это тем, что он — Президент СССР...³

На следующий день, 24 августа 1991 года, в значительной степени под давлением Г. Х. Попова и Ю. М. Лужкова⁴, приглашенных к Президенту СССР, М. С. Горбачёв сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС. «Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота... Не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия», — заявлял

Яркие описания этого дня можно встретить в воспоминаниях Н. А. Зеньковича, Г. В. Семеновой и В. М. Легостаева (см.: *Зенькович Н. А.* ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М., 1999. С. 5–12; *Семенова Г.* Мы шли сквозь строй улюлюкающей толпы // *Комсомольская правда*. 1991. 31 августа; *Семенова Г.* Для партии это была катастрофа // *Огонек*. 1991. № 37. С. 30–32; *Легостаев В. М.* Как Горбачёв «прорвался во власть». М., 2011. С. 195–199).

¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 января.

² Архив автора. Интервью А. С. Соколова, члена ЦК КПСС, народного депутата РСФСР. Москва. 2025. 3 июня.

³ Архив автора. Интервью Р. Г. Пихоя, в 1991 году — главы комитета по делам архивов при правительстве РСФСР. Москва. 2018. 29 марта.

⁴ *Попов Г. Х.* Первый мэр Москвы. М., 2015. С. 246–247.

в специально составленном для этой цели заявлении М. С. Горбачёв¹. По убеждению Лужкова, «то был один из первых результатов разгрома коммунистического путча. Да, именно коммунистического. Терявшая авторитет, по существу разваливавшаяся коммунистическая партия стала, как говаривали прежде, вдохновителем и организатором этого противозаконного, антиконституционного, крайне опасного переворота. Вдохновляла и организовывала, конечно, не вся многомиллионная партия, с которой рядовые коммунисты давно уже потеряли реальную связь, перестали ходить на собрания, платить взносы, а бюрократическая верхушка...»² Сложно не согласиться с Лужковым, по словам которого, «сам факт нашего с Гавриилом Харитоновичем Поповым приглашения говорил о многом»³. Президент демонстративно раскрывал объятия лидерам «новой, демократической Москвы», где «решилась в три августовских дня его судьба как государственного деятеля и просто человека»⁴. «Текст “отречения”, вскоре опубликованного в газетах, обсуждали деловито, спорили без каких-либо предвзятостей. Мы предложили более радикальные формулировки. Михаил Сергеевич остановился на других — помягче, оставив прежней суть. В конце концов это его личное заявление, и он сам был вправе выбирать слова. Но как бы ни звучало отречение, оно поставило точку в вековой истории Коммунистической партии Советского Союза», — вспоминал Лужков⁵.

Вместе с Г. Х. Поповым и Ю. М. Лужковым в обсуждении вопроса об отставке Горбачёва с поста генсека приняли участие И. С. Силаев, В. В. Бакатин, В. Н. Игнатенко и В. А. Медведев. Позднее к ним присоединился и А. С. Черняев⁶. В составлении текста заявления ген-

¹ Горбачёв М. С. Собрание сочинений. Том 27. Июль-август 1991. М., 2017. С. 282.

² Лужков Ю. М. 72 часа агонии. Август 1991 г. Начало и конец коммунистического путча в России. М., 1991. С. 95.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 96–97.

⁶ «Почему “в таком составе” обсуждались такие вопросы, мне до сих пор непонятно. Впрочем, это лишний раз подчеркивает, насколько президент был политически “оголен” в результате путча. Нам с Медведевым поручили “формулировать” на бумаге обсуждавшиеся варианты. Попов

сека приняли участие В. А. Медведев и А. С. Черняев; одновременно с заявлением Горбачёва было составлено и близкое к нему по смыслу заявление группы членов ЦК КПСС, авторами которого были, в частности, В. А. Михайлов, О. Р. Лацис, А. С. Грачёв, А. Я. Дегтярёв. Все они приняли участие и в итоговой редакции текста заявления Горбачёва, первая версия которого и была подготовлена В. А. Медведевым¹. 24 августа оба заявления были зачитаны по телевидению и радио. Любопытно, что в день «отречения» Горбачёва в «Известиях» была опубликована статья члена ЦК КПСС О. Р. Лациса, который задавался вопросом: «Да и надо ли Президенту заниматься созданием партии? Генеральному секретарю, пожалуй, надо освободить Президента от этих забот...»²

Текст заявления был опубликован в прессе³. «Перестройка — это революция, революция сверху. Но ни одну революцию — снизу

и Лужков предлагали вместе с отказом от поста Генсека (это было решено Горбачёвым еще до моего появления в кабинете) заявить и о роспуске Центрального Комитета и даже всей партии. М. С. на это не пошел, хотя никто из присутствовавших не возражал. Не пошел, думаю, не только потому, что формально это было вне его компетенции. Но и чтобы еще больше “не подставлять” миллионы членов партии, оказавшихся не по своей воле замаранными путчем», — вспоминал А. С. Черняев (см.: *Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым...* С. 491).

¹ Архив автора. Интервью заведующего отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В. А. Михайлова. 2018. 24 января. Москва; Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярёва. 2017. 14 марта. Москва; Архив автора. Интервью А. С. Грачёва. Москва. 2018. 13 сентября; *Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство*. М., 2001. С. 380–382; *Медведев В. А. В команде Горбачёва*. М., 1994. С. 211–212.

² *Лацис О. Горбачёв вернулся в другую страну. Понимает ли он это?* // *Известия*. 1991. 24 августа.

³ Заявление М. С. Горбачёва // *Российская газета*. 1991. 27 августа. «Внеся в подготовленный текст несколько изменений, возникших по ходу обсуждения, Горбачёв еще раз прочитал нам теперь уже окончательный текст. Получилось, что именно под сводом Ореховой гостиной, многие годы собиравшей на сокровенные встречи членов высшего советского партийного руководства, впервые прозвучало официально отречение ее последнего генсека. В тот день никому из присутствовавших на этой скромной церемонии не пришло бы в голову провести параллель между

ли, сверху ли — никогда не удавалось спрогнозировать, ее результаты были всегда неожиданны, прежде всего для тех, кто ее начинал, и для них же, для зачинателей, оказывались наиболее зловещими. У меня нет на этот счет веских доказательств в пользу того или другого варианта “зачем?” и никогда их, наверное, не будет для многих будущих исследователей. Единственно, что я могу использовать это свои собственные наблюдения. Я думаю, что Горбачёв в своих изначальных замыслах не шел дальше того, чтобы обновить и облагородить свою родную партию. И действовал он как истый и “настоящий партиец”. Но партия-то стояла на столь ненадежной точке равновесия и устойчивости, что достаточно было любого, даже самого нежного прикосновения к ней, чтобы она покатилась (с соответствующим ускорением) по наклонной. А раз так, то и Горбачёв кончил тем, чем единственно и можно было кончить — он стал едва ли не самым главным ликвидатором партии. Этой роли, на мой взгляд, содействовало и то, что Горбачёв достаточно продолжительное время сосредотачивал в своем лице две власти — государственную и партийную. Это вызывало недоумение в Верховном Совете, в депутатском корпусе. Однако же не будь этого совмещения, уступи он пост генсека кому-то другому — партия еще показала бы себя, показала бы всем нам “демократию”. Нет, все это не потому, что Горбачёв так хотел и замышлял, а потому что другой логики, другого варианта не оказалось. Разве только путч ради возвращения к прошлому. Но прошлое-то было столь непривлекательным и, несмотря на небольшой срок, *столь невозвратимо-далеком* [Выделено мной. — *Авт.*], а общественные силы и пресса

тем, что происходило на наших глазах в Кремле, и отречением от престола последнего российского императора в вагоне царского поезда на псковском разъезде. Полный энергии Горбачёв отнюдь не походил на деморализованного Николая, да и наша депутация, хотя и состояла из своего рода разочаровавшихся “монархистов”, явно не имела полномочий Шульгина и Гучкова. Если в чем-то мы их и напоминали, так, пожалуй, в наивной вере, что такими символическими жестами еще можно установить контроль над стихией политических событий», — писал член ЦК КПСС А. С. Грачёв, назначенный вскоре после этих событий пресс-секретарем Президента СССР (см.: *Грачёв А. С.* Горбачёв. М., 2001. С. 390–391). На наш взгляд, если кто и напоминал в этой ситуации Шульгина и Гучкова, то именно Попов и его будущий преемник на посту мэра Москвы Юрий Лужков.

уже так сильны, что путч-то могли предпринять самые недалекие люди, и как таковые они и кончили. Самое большее, на что они могли рассчитывать, — это на апатию населения, но для контрреволюций, как и для революций, пусть в меньшей мере, но апатия — плохой союзник», — писал народный депутат СССР, член Президентского Совета при Горбачёве, известный писатель С. П. Залыгин¹.

Объясняя в кругу единомышленников свое решение, Горбачёв заговорил о судьбе партии: «Они сами перечеркнули шанс ее реформировать, который я им оставлял до последнего дня. У меня совесть... Ведь они же предали своего генсека, не потребовали ни встречи со мной, не собрали Пленум ЦК». На вопрос А. С. Грачёва «А кто, по-вашему, мог остановить путч, Михаил Сергеевич, после того как эта машина покатилась?», Горбачёв, не раздумывая, ответил: «Два человека — Лукьянов, как спикер парламента, и Ивашко, как второй человек в партии, который замещал меня в мое отсутствие»². Любопытно, что, отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции 22 августа 1991 года, устроенной спустя всего несколько часов после возвращения из Фороса, М. С. Горбачёв заявил о том, что в дни путча Секретариат ЦК «заметался», но в итоге в нем возобладало здоровое течение. При этом из секретарей ЦК Горбачёв особо отметил А. С. Дзасохова, В. А. Ивашко, «особенно» В. А. Купцова «и других». «В конце концов было вынесено требование, добрались до Генерального секретаря в Крым», — подчеркнул Михаил Сергеевич³. Как видим, Горбачёв в тот момент еще строил на партию определенный расчет и был готов защищать ее от нападок⁴. Однако уже через два дня генсек сложил свои полномочия, теперь он давал

¹ Залыгин С. П. Подлинные и мнимые секреты перестройки // Новый мир. 1992. № 12. С. 274.

² Грачёв А. С. Горбачёв. М., 2001. С. 388.

³ Пресс-конференция Президента СССР // Правда. 1991. 23 августа.

⁴ То, что Горбачёв даже после Фороса все еще заявлял о способности партии к обновлению, с точки зрения демократического лагеря свидетельствовало о его политической неадекватности и о непонимании им реалий современного дня. «Я подумал тогда, — признавался Э. А. Шеварднадзе, — что Президент был изолирован не три дня, а целый год» (см.: Шеварднадзе Э. Я не просил Горбачёва ни о каком назначении // Известия. 1991. 31 августа). Госсекретарь США Дж. Бейкер сказал по этому поводу: «Мы были в шоке, Горбачёв не понял, что советские люди после путча

руководству партии другие оценки — это свидетельствовало о слабости и неустойчивости занимаемых им политических позиций. Тот же Ивашко, по словам Горбачёва, оказался не готов к своему положению второго человека в КПСС, переживавшей тяжелейший кризис в своей истории. Окончательно «скис» Ивашко в роковые дни августа 1991 года¹. О том, что Ивашко был «совершенно безликая фигура» и «такой же безликой была и его позиция в августе 1991 года», — пишет в своих воспоминаниях и кардинально разошедшийся с Горбачёвым и его линией в 1991 году член Политбюро ЦК КПСС Ю. А. Прокофьев².

В своих воспоминаниях Горбачёв пишет о том, что ему довелось выслушать немало упреков в связи с уходом в отставку с поста генсека, однако не считает себя виновным в сложившейся ситуации. «Я до конца, даже в ущерб своему положению Президента, оставался на посту генсека. Если кто кого и предал, то не я партию, а ее руководство и большая часть номенклатуры — своего лидера и вместе с ним — страну»³.

«Отречение» Горбачёва было вынужденным шагом со стороны генсека, с одной стороны, а с другой — фактическим признанием Михаила Сергеевича в том, что после Фороса он уже нигде не имеет опоры, в том числе и в компартии⁴. «К моменту своего отказа от поста генсека Горбачёв уже был политическим трупом. Он же прекрасно понимал, что за ним никого нет. Весь вопрос состоял в том, на каких условиях он сдастся Ельцину. “Вы видите эти фонари? — спросил я у Горбачёва. — Михаил Сергеевич, Вы будете висеть на каком-то из этих столбов вместе с членами ЦК, если не откажетесь от партии”», — рассказывал автору Г. Х. Попов, прибавляя, что «Горбачёва не надо было долго убеждать»⁵.

хотели не обновления партии, а ее ликвидации» (см.: *Лозо И.* Августовский путч 1991 года. Как это было. М., 2014. С. 334).

¹ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 559.

² Прокофьев Ю. А. О времени, стране и о себе. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2021. С. 110–111.

³ Горбачёв М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 335.

⁴ Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, помощника Президента СССР. Москва. 2017. 14 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

Справедливости ради скажем, что секретари ЦК были попросту шокированы «отречением» Горбачева от партии¹. Горбачёв «покинул партию в самом критическом ее положении. Я не могу его понять ни с человеческой, ни с политической точки зрения», — писал Е. К. Лигачёв, немало сделавший в 1985 г. для избрания Михаила Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС². «Вспоминаю, как были шокированы Ивашко, Строев, Гиренко, Семёнова, Купцов — все, кто пришел, — заявлением Горбачёва об отставке. Каждого охватило чувство возмущения и негодования», — вспоминал секретарь ЦК КПСС П. К. Лучинский³. «Горбачёв преклонял колени перед своим политическим соперником Ельциным. По форме, однако, он изображал свой акт как сведение счетов с “партией путчистов”. В банальной уловке М. С. Горбачёв уподоблялся монарху, что обещал царство за коня», — писал секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин, прибавлявший, что в последний день пребывания Горбачёва на посту Президента СССР к Михаилу Сергеевичу явился пользовавшийся всеобщим уважением народный депутат СССР профессор А. А. Денисов, которому экс-генсек с горечью сказал: «Наверное, я поторопился сложить с себя обязанности Генерального секретаря. Сейчас партия мне даже очень пригодилась бы...»⁴ Сам А. А. Денисов вспоминал, что Горбачёв ему посетовал при встрече на предательство Ельцина и сказал печально: «Наверное, я зря отказался от поста генсека. Сейчас можно было бы опереться на коммунистов...»⁵

Партия сошла с исторической сцены, ее развал, как свидетельствовал старожил аппарата ЦК КПСС Л. А. Оников, был «безропотный, постыдный, мгновенный...»⁶

¹ Гуренко С. Живу поддержкой товарищей // Правда. 1991. 22 октября; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября.

² Суд над КПСС на улице и в зале // Аргументы и факты. 1992. № 25–26. С. 1.

³ Лучинский П. К. Заложники. Кишинев, 1993. С. 42.

⁴ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 457–458.

⁵ Денисов А. А. Глазами народного депутата СССР. Выпуск 1. Как это началось. СПб., 1994. С. 113.

⁶ Оников Л. А. КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996. С. 160.

Писатель Д. А. Гранин, посетивший в те дни опустевшее здание ЦК КПСС, вспоминал: «Что-то в этом знакомом здании на Старой площади показалось мне необычным. Был солнечный будничный день, много прохожих, все как всегда, не было только длинного блестящего ряда черных “Волг” напротив этого дома. Опустошенное и серое здание это показалось мрачным... Решение пришло внезапно — я зашел. Охране показал свое депутатское удостоверение. В здании никого нет, предупредили охранники. Они были в штатском. Тем более, сказал я, интересно посмотреть, просто так, писательское любопытство, бывший наш храм. Они усмехнулись. Это были дни безвластия. Рядом на площади снесли памятник Дзержинскому. Лубянка притихла... Рядом был кабинет какого-то из секретарей ЦК. Кого, неизвестно, вывеску сняли. Объемные кожаные кресла. Телефоны, толпа телефонов: вертушки, междугородние, прямые и туда, “к самому”. Повсюду валялись изорванные бумаги. За стеклом огромного книжного шкафа — нетронутые собрания сочинений Маркса, Ленина, старое издание Большой советской энциклопедии. Разбитый графин. Свисала порванная портьера. Пахло куревом, застоялый, непроветренный воздух конторы. “Штаб ленинской гвардии”, “Наш родной ЦК”, а чаще всего со значением, с угрозой — “Старая площадь” — остался мрачный, замусоренный. Безмолвные телефоны. Развалины империи, великой империи, символ ее абсолютной власти, он стал символом катастрофы, вдруг она предстала передо мной явственно, я увидел ее останки, труп. Никогда не думал, что доживу до этого... Много позже многие цекисты — “цикачки”, вроде Лигачёва, калялись: “Ах, почему мы не отстаивали своих взглядов”, проклинали Горбачёва — предателя, предал партию. Действительно, почему не отстаивали? Не вышли на улицу? Но было ли что отстаивать? Кровавая история Коммунистической партии оказалась без защитников... Выйти из партии никто не мог. И вдруг она исчезла, растаяла как мираж. Под ногами валяются обрывки бумаг, папки “для служебного пользования” — ДСП, “секретно”. Развалины Бастилии, обломки Империи... А ликования не было, было удивление — неужели дожил? Увидел, как эта власть пала, бесшумно рассыпалась. Итак, все разбежались, бросили свою цитадель...»¹

¹ Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2010. С. 391–394.

Воистину, как справедливо выразился Р. А. Медведев, «это был семнадцатый год наоборот»¹.

Демонтировав партийный аппарат, Ельцин и его команда получили возможность приступить к разрушению СССР. Начался закат эпохи правления Горбачёва, потерявшего свою привычную уверенность в себе. Три дня в августе психологически сломали его².

«Я сижу в том самом кабинете Михаила Сергеевича, где бывал много раз, и удивляюсь перемене. Пространство, окружающее президента, оказалось вдруг гулким, бесхозным и пустым, как покинутый дом. Нет той напряженности в воздухе, той “государственной энергетике”, что составляет главную притягательность власти для людей, зараженных политикой. Всматриваюсь в лицо хозяина кабинета. Как оно изменилось! Исчезла самоуверенность, артистичность. Ушло обаяние — та скрытая демоническая веселость, что пряталась раньше за каждой фразой, создавая второй план разговора и подавляя в собеседнике способность возражать. Все через силу. Взгляд с поволокой. “Он больше не президент”, — подумал я. И припомнилось — нет, не то выражение потаенного страха, что было на фтороскопической видеопленке, когда он, перепуганный, обращался к нам, здесь за него боровшимся. А другое, которое проявилось в российском парламенте, когда Ельцин буквально вынуждал его перед гикающим залом зачитывать запись заседания кабинета министров, где каждый отрекался от своего президента и изменял ему с ГКЧП. “Унижение, — подумал я, — вот что оставляет печать на лице президента. Теперь его уход лишь вопрос времени”», — таким запомнился Президент СССР Ю. М. Лужкову 27 августа 1991 года³. Преданного сторонника Горбачёва А. С. Грачёва при встрече с Михаилом Сергеевичем, вернувшимся из Фороса, «поразил контраст между его прекрасным южным загаром, видом здорового, отдохнувшего человека и непривычным выражением лица. “Южные”, с живым блеском глаза, на которые чаще всего обращали внимание те, кто впервые встречался с ним, как бы потухли и выдавали серьезную внутреннюю перемену, прошедшую с ним всего за одну неделю: он потерял

¹ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1991 году — члена ЦК КПСС. Московская область, село Немчиновка. 2018. 21 июля.

² *Калашиников В.* Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

³ *Лужков Ю. М.* Мы дети твои, Москва. М., 1996. С. 185.

прежнюю несокрушимую уверенность в себе, которой так заражал своих сторонников и подавлял оппонентов»¹. Президент СССР был подавлен и растерян, оказавшись не только без реальной власти, но и оставшись *без команды*. Многочисленные историки и публицисты, упрекающие Горбачёва в нерешительности и непоследовательности предпринятых им шагов в последние месяцы его президентства, передают забвению тот очевидный факт, что на завершающем этапе его карьеры как главы государства «его растерянность, колебания и сомнения во многом были порождены предательством, неискренностью, лестью ближайшего окружения, бесконечными закулисными интригами...»² По словам народного депутата СССР и России М. А. Бочарова, «в последний период его президентства Горбачёва предали все»³.

Горбачёв понимал, что соотношение сил после путча изменилось не в его пользу. В качестве *хозяина* огромной страны его теперь не рассматривало не только окружение Ельцина, но и кремлевские царедворцы. «Поведение бюрократии — это самый чуткий термометр, особенно в таких ситуациях. После Фороса у многих, даже в ближайшем окружении, на смену неизменному (за глаза) почтительному “Михаил Сергеевич” пришло короткое “Горбачёв”», — вспоминал мудрый и многоопытный аппаратчик К. Н. Брутенц⁴. Короткий порыв народной любви к Президенту СССР в августе был недолог: молва считала бывшего генсека причастным если не к заговорщикам, то к возникновению причин, породивших заговор. Вопросов к Президенту СССР у людей накопилось немало. Известный драматург А. И. Гельман писал вскоре после путча: «Почему, когда мы увидели и услышали вызволенного из крымского заточения Михаила Горбачёва, почему его первые слова, его первые рассказы и оценки вызывали досаду, даже раздражение? Он говорил как чужой, как посторонний... Первейший вопрос — окружение. Трудно, невозможно поверить, что президент просто не разбирается в людях, и поэтому вокруг него оказалось столько совершенно отъявленных мерзавцев... Люди хотят до конца

¹ Грачёв А. С. Горбачёв. М., 2001. С. 388.

² Власов А. И. Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 175.

³ Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 18 июня.

⁴ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 618.

понять, осмыслить, почему Горбачёв проводил политику демократизации, опираясь на сотрудничество с противниками демократии?»¹

Сам Михаил Сергеевич в последние месяцы своего президентства хранил по поводу августовского путча многозначительное молчание. Свидетелем, подтверждающим его непричастность к афере ГКЧП, стал А. С. Черняев, находившийся в дни путча вместе с Горбачёвым в Форосе и видевший все своими глазами. Черняев крайне болезненно воспринимал неумолимо надвигавшийся политический крах Горбачёва, нападки на него, в особенности измышления разного рода, касавшиеся роли Михаила Сергеевича как скрытого режиссера и едва ли не главного участника путча². Вместе с Горбачёвым и его семьей Черняев был интернирован в «Заре», вся картина заговора — от появления на даче Президента СССР непрошенных гостей и до его освобождения российской делегацией во главе с А. В. Руцким и И. С. Силаевым — прошла у него перед глазами. Судьба распорядилась так, что Черняев мог и *должен был* как по служебной надобности, так и по долгу совести выступить в качестве главного свидетеля непричастности Горбачёва к заговору. «Реабилитация» Горбачёва и доказательство его непричастности к авантюре путчистов были чрезвычайно важны политически: показывая истинное лицо заговорщиков, Президент СССР решительно размежевывался как с ними самими, так и с их целями, обретая вновь образ главного поборника свободы в охваченной кризисом стране. Кроме того, опубликование дневниковых записей Черняева и брошюры воспоминаний М. С. Горбачёва о путче позволяло гражданам СССР получить первую за прошедшие после форосского заточения полтора месяца информацию о заговоре из уст самого Президента и члена его команды, интернированных на госдаче в Крыму. До этого Президент СССР хранил по поводу путча многозначительное молчание (если не считать памятной пресс-конференции 22 августа 1991 года)³, что порождало в свою очередь массу слухов.

1 октября 1991 года на страницах газеты «Известия» были опубликованы отрывки из дневника Анатолия Сергеевича, которые по сей день являются главным доказательством правдоподобности

¹ Гельман А. Горбачёв и свобода // Московские новости. 1991. 1 сентября.

² Об ответственности Горбачёва за ход событий, приведших к путчу, говорил даже Э. А. Шеварднадзе (См.: Шеварднадзе Э. Парадоксы в стиле «путч» // Московский комсомолец. 1991. 10 сентября).

³ Пресс-конференция Президента СССР // Правда. 1991. 23 августа.

изложенной самим Горбачёвым версии форосского заточения. «Я не собирался публиковать эти заметки. Делая их по привычке вести дневник и уповая на то, что “рукописи не горят”, хотя на этот раз надежды было не так уж много. Если же все-таки уцелеют, хотел оставить их для “мемуаров в отставке”. Но нелепости, недопонимания и преднамеренные гнусности в отношении Президента в средствах массовой информации заставили меня изменить свое намерение», — такими словами Черняев предупредил опубликование своего форосского дневника¹. Публикация дневника Черняева стала своеобразной сенсацией: никогда еще имя Анатолия Сергеевича не обладало столь широкой известностью. Дневник Черняева дошел и до «сидельцев» — членов ГКЧП. Так, в частности, А. И. Тизяков писал о «сплошных противоречиях» и о том, что версия путча, предложенная Черняевым, выглядит крайне «наивно» и «видно, что направлено на одно: оправдать свои действия, но какие действия, от кого и для чего? А почему не расчет: чужими руками создать себе авторитет? Сразу “герой”, “пленник”, “обиженный” — на Руси их всегда любят. Что ожидало Президента СССР в ближайшее время? Может, в этом главный ответ?»²

Надо сказать, что Черняев был литературным обработчиком и фактическим соавтором брошюры М. С. Горбачёва «Августовский путч»³, в которой Президент СССР излагал свою точку зрения на попытку государственного переворота⁴. Черняев настаивал на скорейшем выпуске «Августовского путча», выход которого в свет был необходим, чтобы «заявить позицию — против новой волны затоптывания, политический смысл которой, скорее всего, убрать символ Союза (президента), единственный, слабенький, но другого

¹ Черняев А. Форос, август 91 // Известия. 1991. 1 октября.

² ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1340. Письмо члена ГКЧП А. И. Тизякова в комиссию Верховного Совета СССР по расследованию причин и обстоятельств государственного переворота. 1991. [4] октября. Л. 85–86.

³ В открытом письме корреспонденту газеты «Правда» В. Большакову Черняев скромно охарактеризовал степень своего участия в «Августовском путче»: «Я тот самый “из секретариата Горбачёва”, который имел отношение к вычитке его текста...» (См.: Черняев А. Я тот самый... // Правда. 1991. 14 ноября).

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 986. Дневниковая запись от 20 сентября 1991 г.

уже нет...»¹ Отметим, что как Черняев, так и Горбачёв были единственными участниками событий 18–21 августа 1991 года, которые не изменили своей оценки путча за все время, которые прошло с момента крымского заточения Президента и до их ухода из жизни. В общем-то можно утверждать, что Черняев и Горбачёв — соавторы *канонической* на настоящий момент версии путча. Взгляд Черняева на августовское заточение в Форосе был изложен в целом ряде работ Анатолия Сергеевича². Надо сказать, что ни у кого из тех, кто был в тот момент рядом с Черняевым, например, у Ю. А. Красина, жившего с Анатолием Сергеевичем в одной санатории и обедавшего с ним за одним столом в столовой, не возникло никаких сомнений в правдоподобности того изложения событий, которое было принято Анатолием Сергеевичем на страницах его записок, — все было именно так, как и описано Черняевым³.

Между возвращением Горбачёва из Фороса и его уходом в отставку прошло четыре месяца и три дня. Все эти дни были насыщены активной работой, по словам заместителя руководителя аппарата Президента СССР А. А. Сазонова, Горбачёв «выглядел потерянным всего один день после возвращения из Крыма, а все оставшееся время работал как заведенный, пытаюсь выправить ситуацию»⁴. Однако уже ничего не получалось. Да и могло ли получиться? По словам руководителя секретариата Горбачёва Г. С. Остроумова, «путч напугал все союзные республики — неужели и у нас может быть такое? Республики стали разбегаться, Центр утратил свой авторитет»⁵. Вторит Остроумову С. Б. Станкевич, в 1991–1993 годах советник Президента Ельцина, по утверждению которого, акция ГКЧП превратила «закономерный закат государственного проекта в катастрофу», не позволив

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 986. Дневниковая запись от 19 сентября 1991 г.

² Черняев А. Форос, август 91 // Известия. 1991. 1 октября; Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым... С. 477–488; Черняев А. С. Совместный исход... С. 970–984; Черняев А. С. Избранное — 2... С. 139–142.

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Красина, в 1991 году — ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС. Москва. 2017. 5 декабря.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Сазонова, в 1991 году — заместителя руководителя аппарата Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 году — руководителя Секретариата Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

«республикам создать объединение — добровольное и подкрепленное референдумом, с огромным хозяйственным потенциалом и с уровнем интеграции на голову выше, чем в нынешнем Евросоюзе». Именно после путча, полагает Станкевич, «республики, накануне еще готовые объединяться, бросились буквально врассыпную»¹. Об этом же говорит и С. А. Цыпляев, убежденный в том, что после путча республики «побежали из Союза, а Беловежье лишь зафиксировало уже свершившуюся к тому моменту смерть СССР»².

«До путча лидеры республик готовы были подписать его [новый Союзный договор. — *Авт.*] без каких-либо оговорок, но теперь ситуация в сравнении с июлем поменялась кардинально... А ведь подготовленный к подписанию 20 августа проект Союзного договора был серьезным документом — грамотным и жизнеспособным. В нем удалось закрепить разумный компромисс в распределении полномочий между центром и республиками. Чего хотели от Москвы лидеры союзных республик? Во-первых, самим назначать республиканские кадры, без согласования с Кремлем, во-вторых, иметь экономическую свободу. За союзным руководством должна была остаться внешняя политика, оборонная промышленность, наука и так далее... Заложенный в документе компромисс позволял сохранить единую страну на конфедеративной основе. И ГКЧП сыграл роковую роль в сохранении страны, похоронил все благие намерения... После ГКЧП спасти единую страну уже не представлялось возможным», — признается А. А. Акаев³. «Всю весну до июля месяца — раз в месяц по 2–3 дня работали в Ново-Огарево. Был консенсус очень успешный — все поддерживали Горбачёва: самостоятельность кадровую и экономическую он им обеспечил. Союзный договор сплотил республики, был найден компромисс, руководители республик его поддерживали. Союзный договор был очень удачный. Почти договорились, что Горбачёв будет руководителем, а премьером будет Назарбаев, так как авторитетные участники их поддерживали. Союзный договор бы выполнялся... После путча авторитет Горбачёва опустился, а авторитет Ельцина вознесся до небес», — рассказывал автору Аскар Акаевич⁴.

¹ Страну не удержали // Аргументы и факты. 2016. № 33. С. 8.

² Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

³ Акаев А. Союз можно было спасти // Литературная газета. 2021. № 38. С. 5.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Акаева. Москва. 2020. 26 ноября.

«После августа Горбачёв страной не управлял, она была неуправляемой», — утверждал С. С. Шушкевич¹. «После Фороса все пошло под откос», — полагает А. В. Руцкой². «После августовских событий 1991 года в Москве центральная (союзная) власть стала распадаться буквально на глазах... Союзное правительство практически было ликвидировано», — писал Р. И. Хасбулатов³. «В первые недели после путча Советский Союз фактически перестал существовать», — подводит итоги трех августовских дней известный историк Р. Г. Пихоя⁴.

Ситуация осложнялась тем, что капитана корабля = Президента СССР предала его старая команда, а новую набрать ему не удалось — желающих идти работать «к Горбачёву» после путча было немного — Михаил Сергеевич был слишком в политическом отношении ослаблен, к тому же против него играло то обстоятельство, что, как считалось, он не слишком выделяет из прочих — «своих», да и вообще не очень хорошо разбирается в людях. «Команда Президента» до путча не была идеологически монолитной, в ней были *абсолютно разные* люди — Горбачёв пытался работать с ними со всеми, проявляя феноменальную толерантность и способность к компромиссу и улаживанию конфликтов. Возможно, что едва ли не самая сильная сторона Горбачёва — умение запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань и заставить делать общее дело тех, кто не является его единомышленниками, подчиняя всех своей воле, — в конкретных условиях августа 1991 года сыграла с ним злую шутку: Михаил Сергеевич не заметил, как экипаж управляемого им корабля-государства разделился на несколько частей, одна из которых подготовила выступление против своего капитана. Привычка Горбачёва к маневрированию привела к тому, что каждая из частей его команды была обижена на своего капитана, считая, что он слишком прогибается под давлением другой части, игнорируя ее интересы, и наоборот. Словом, демократическая часть команды полагала, что Михаил Сергеевич слишком прислушивается к мнению консервативной, а консерваторам было не по себе от заигрываний Горбачёва с либералами. «Путч и произошел из-за стремления

¹ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича. Минск. 2019. 30 августа.

² Архив автора. Интервью А. В. Руцкого. Москва. 2019. 10 июля.

³ Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. М., 1994. Кн. 1. С. 5.

⁴ Пихоя Р. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. №2. С. 27.

Горбачёва усидеть сразу на двух стульях», — вспоминает Г. А. Явлинский, работавший в 1991 году в команде Президента СССР¹. Хорошо об этом сказал в целом поддерживавший в 1991 году линию Горбачёва Н. С. Столяров: «Трагические, драматические события августа снова сорвали договор. Пришли первые “защитники истории” — герои ГКЧП. А что же, собственно, произошло? Некая группа высокопоставленных чинов, приближенных к Горбачёву, видя его мягкость и нежелание ссориться с лидерами республик, решила сделать это за него. Отодвинула Горбачёва (на время или навсегда, это уже как получилось бы), чтобы не допустить конца СССР, и эта группа, если смотреть правде в глаза, отражала живущее в стране и по сей день мощное массовое несогласие с потерей единой великой Родины. То, что именно эту группу давно обанкротившихся правителей мало кто хотел бы видеть у власти, — это совсем другой вопрос. Потом в ноябре Союзный договор не парафировали на Госсовете. Тогда уже и я подумал, что не кто-нибудь, а сама история против. А история вышла такая... Президент Горбачёв, всегда плохо воспринимавший идеи конфедерации, наконец согласился с нею, хотя знал, что конфедерация — хрупкое образование и вряд ли сможет послужить инструментом сдерживания имеющихся противоречий. Знал, но согласился. И в этом была его последняя трагическая ошибка. Великий мастер компромисса, Горбачёв слишком глубоким заходом в него проиграл... страну»².

Горбачёв понимал, что единственный шанс удержать страну — скорейшее заключение Союзного договора. Сделать это было уже чрезвычайно трудно: республики, после путча, уже не считали себя связанными договоренностями с Центром. Уникальный шанс на заключение нового Союзного договора между еще не дискредитированным Центром и республиками был упущен по милости путчистов, ставших невольными убийцами СССР. 18 августа 1991 года — день, когда Президент СССР был изолирован на госдаче «Заря» и объявлен недееспособным, — стал точкой невозврата, днем *действительной* гибели Советского Союза. Незадачливые «спасители Отечества» похоронили надежду на сохранение обновленного советского государства. И действительно, как вспоминал Б. Н. Ельцин, «после 19 августа Союза не стало в один день»³. По словам российского президента, путч

¹ Архив автора. Интервью Г. А. Явлинского. Москва. 2020. 2 марта.

² Столяров Н. С. Политика — дело не грязное. М., 1995. С. 76-77.

³ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 54.

не только сорвал подписание Союзного Договора, он привел к обвалу Центра¹, став, по выражению Г. Э. Бурбулиса, «политическим Чернобылем» Советского Союза². «Вероятно, Союз бы распался и так, даже если бы подписали Союзный Договор 20 августа — ведь каждый князек хотел распоряжаться всем сам, без Центра, без Горбачёва — тон в распаде задавали республики. Миллионы людей ведь еще до путча выходили на улицы и были против сохранения СССР... А после путча, а в особенности после Беловежья больше не было никаких приводных ремней...» — утверждает Н. С. Петрушенко, представитель депутатской группы «Союз», боровшейся за сохранение единого государства³.

О роковом для судьбы Советского Союза значении августовского путча писал и М. С. Горбачёв. «Уже к тому времени завершили работу над Союзным договором и приняли решение о его подписании. Зачем начинать разгон и мешанину, если на основе нового договора это должно произойти конституционным путем? И тут — путч, который опрокинул договор. Здесь — истоки Беловежского соглашения. Ельцин не мог переступить через результаты мартовского референдума, а путчисты преподнесли ему подарок на блюдечке с голубой каемочкой, сделали из него героя», — писал М. С. Горбачёв⁴. «Получив поддержку людей, Ельцин в первом же туре был избран президентом России. Он принял это на свой счет и начал крутить колесо вот таким образом. Очень много пришлось работать над тем, чтобы он участвовал в создании нового Союзного Договора, чтобы он участвовал в Ново-Огаревском процессе. А ведь еще в феврале он предлагал гнать Горбачёва. Потом он увидел опасность того, к чему призывает, и участвовал в Ново-Огаревском процессе, и участвовал очень серьезно. То, что этот Договор не был подписан — мое политическое поражение. Тут поработали гэкачеписты, которые дали карты в руки Ельцину. А он ведь не такой смелый. Он ведь боялся пойти против мартовского референдума по вопросу сохранения Союза, а гэкачеписты, подтолкнув к дезинтеграции, открыли дорогу Ельцину», — рассказывал Горбачёв журналисту А. В. Морозову⁵. По убеждению экс-президента

¹ *Ельцин Б.* Происходит обвал союзного Центра // *Куранты*. 1991. 31 августа.

² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 11 февраля; *Бурбулис Г. Э.* Профессия — политик. М., 1999. С. 189.

³ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко. Орша. 2019. 31 августа.

⁴ *Горбачёв М.* Я прошел конституционный путь до конца // *Независимая газета*. 1996. 25 декабря.

⁵ *Морозов А. В.* Персоны. Йошкар-Ола, 2000. С. 58–59.

СССР, «заключение Договора было единственной реальной альтернативой развалу страны, но оно было сорвано... Подписание Договора обеспечивало разумный политический баланс между интересами республик и союзного Центра. Сохранение, обновление, реформирование Союза было моей главной политической, если хотите, нравственной задачей... Путч подорвал позиции Президента СССР, авторитет союзной власти», — подчеркивал М. С. Горбачёв¹. В свою очередь, один из «беловежских подписантов», С. С. Шушкевич, полагал, что распад СССР уже «фактически произошел в августе 1991 года после разгрома ГКЧП»². Умный и циничный демократ Г. Х. Попов, вспоминая об августовском путче, откровенно писал о целях команды Ельцина: «ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать — не просто против Горбачёва, а еще и с его изоляцией. Получив такой прекрасный пас, Ельцин не мог не ответить великолепным ударом... Теперь о стратегии Ельцина. Воспользовавшись путчем, превратить лидеров ГКЧП в нарушителей законности и разгромить верхушку КПСС. Вместе с верхушкой разгромить структуру КПСС, которая, конечно же, не посмеет выступить против ГКЧП (как минимум), а как максимум — поддержит ГКЧП и тем самым в обоих случаях подставит себя под сокрушительный удар. Вместе с разгромом верхушки и структуры КПСС перехватить у КПСС руководство армией, ГБ, МВД, печатью, ликвидировать самую основу тоталитаризма. В целом — разрушить тот самый Центр, который оказался главным препятствием на пути реформ»³. Иначе говоря, чем хуже — тем лучше.

Как известно, Союзный договор так и не был подписан. Крах затеи ГКЧП привел к обрушению союзного Центра, путч девальвировал престиж Горбачёва как главы государства. «До ГКЧП Горбачёв был президентом СССР. А из Фороса вернулся уже заложником Ельцина: потому что именно возглавленное президентом России сопротивление в столице фактически и позволило его освободить. В Москве возникло двоевластие», — заявляет А. С. Грачёв⁴. «После Фороса, — писал член Верховного Совета Ю. Х. Калмыков, — позиции Президента были

¹ Горбачёв М. С. Понять перестройку... С. 334.

² Шушкевич С. С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР. М., 2012. С. 196.

³ Попов Г. Август девяносто первого // Известия. 1992. 22 августа.

⁴ Грачёв А. Из Фороса Горбачёв вернулся заложником Ельцина // Собеседник. 2021. № 7. С. 3.

настолько ослаблены, что было ясно — отныне он обречен на одни уступки»¹. «После Крыма Ельцин разговаривал с Горбачёвым командным голосом», — свидетельствует начальник личной охраны Ельцина генерал А. В. Коржаков². По сути, в результате августовских событий произошел «контрпереворот», произведенный руководством РСФСР в его борьбе с Центром, Россия произвела «перехват» власти, союзная же власть и в первую очередь Президент СССР были обескровлены и лишены значительной части своих полномочий³. «Это была какая-то оперетка, которой активно воспользовался Ельцин, чтобы быстрее прийти к власти. Он всегда к ней рвался, а тут такой подарок от путчистов. Ельцин был сильным разрушителем и данную ситуацию использовал идеально. Но, получив власть, в первые секунды растерялся и не знал, что с нею делать», — высказал свою позицию Н. И. Рыжков⁴.

После путча на глазах у всех в буквальном смысле слова начали «сыпаться» союзные структуры, а Президент СССР стал быстро терять реальную власть⁵, к чему оказалась абсолютно не готова его команда. Буквально отчаяние сквозило в реплике помощника Президента СССР Г. Х. Шахназарова, пытавшегося уверить читателей популярной «Недели» в том, что «возможности у Горбачёва не исчерпаны», а по мере того «как потребность в Союзе будет возрастать, потребуются и деятели, способные вести “союзные дела” — в контакте с республиками, гибко и умело...»⁶

Объем реальных полномочий Горбачёва становился все более и более эфемерным; после возвращения из Фороса никто из лидеров республик Президента СССР уже не боялся, заинтересованности в сохранении Союза у них не было: все они увидели — в условиях предельно ослабленного Центра — возможность превратиться из «удельных» князей в «великих», обрести статус полноценных глав государств, без какого-то опостылевшего «начальника» в лице Михаила Сергеевича. «Центр к тому времени действительно был малоэффективен, но на 50% довели его “до ручки” те, чья подпись

¹ Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. С. 50.

² Архив автора. Интервью генерала А. В. Коржакова.

³ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 71.

⁴ Власть. Аналитический еженедельник. 2016. №32 (1187). С. 7.

⁵ Kozurev A. Firebird: the elusive fate of Russian democracy. Pittsburgh, 2019. P. 37.

⁶ Шахназаров Г. Возможности Горбачёва далеко не исчерпаны // Неделя. 1991. № 37. С. 3.

стояла под Беловежскими документами. После августовских событий с М. Горбачёвым можно было договориться о чем угодно. Но желания к тому у “Высоких Договаривающихся Сторон” уже не было. Они хотели получить полную независимость, стать абсолютными властелинами в пределах своих территорий. И никаких Горбачёвых», — утверждал крупный юрист, председатель комитета Верховного Совета СССР по законодательству Ю. Х. Калмыков¹. Скороспелая и плохо продуманная акция ГКЧП сделала подписание нового Союзного договора маловероятным; после путча власть Президента СССР стала во многом иллюзорной, политическая инициатива теперь полностью находилась в руках Ельцина, сделавшего ставку на ликвидацию союзного Центра в лице Горбачёва. Ценой невероятных усилий советскому лидеру удалось возобновить Новоогаревский процесс, но успех его теперь полностью зависел от позиции России и Украины, лидер которой, Л. М. Кравчук, в интервью «Комсомольской правде» весьма откровенно пояснил свое нежелание принимать участие в переговорах по подготовке нового Союзного договора: «Центр себя скомпрометировал. Говорят: и Центр будет не тот, а другой, и создавать его станут республики... А раньше кто создавал? По-моему, если что-то предпринимать, то на принципиально иной, я это особо подчеркиваю, основе. Ново-Огарево завершилось в связи с ГКЧП. Новый этап работы означает создание некоего подобия европейского сообщества»². В другом интервью Кравчук намекнул, что не видит никакой перспективы в продолжении Новоогаревского процесса под началом Горбачёва³. Фактически в тот момент союзный Центр сохранил за собой курирование только внешнеполитических проблем, администрация Горбачёва, по словам его референта В. С. Гусенкова, «была уже оторвана от политики»⁴, а сам Президент СССР «утратил реальную власть»⁵.

¹ Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 53.

² Кравчук Л. В договор с Россией я верю больше, чем в Союз // Комсомольская правда. 1991. 21 ноября.

³ Кравчук Л. Лидер должен подчиниться выбору народа // Известия. 1991. 27 ноября.

⁴ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова, в 1991 году — референта Президента СССР. 2018. 23 января. Москва.

⁵ Архив автора. Интервью А. Б. Вебера, в 1991 году — консультант аппарата Президента СССР. Москва. 2018. 14 ноября.

Как уже было сказано, в результате августовских событий произошел «контрпереворот», произведенный руководством РСФСР в его борьбе с Центром, Россия произвела «перехват» власти, союзная же власть, и в первую очередь Президент СССР были обескровлены и лишены значительной части своих полномочий¹. Союзный центр фактически перешел на вторые роли, под предлогом участия В. С. Павлова в заговоре было ликвидировано союзное правительство², на месте которого образовался «на переходный период» Межреспубликанский экономический комитет во главе с И. С. Силаевым. Новое союзное правительство Ельцин Горбачёву не дал сформировать³. Теперь Горбачёв всецело зависел от Ельцина, называвшего Президента СССР в своем кругу «политическим трупом»⁴. Вопрос сохранения или несохранения Советского Союза как государства был напрямую связан с позицией «государствообразующей» республики — России. Было понятно, что возможность заключения нового Союзного договора достаточно иллюзорна, однако Горбачёв был готов в той ситуации хвататься за любую соломинку, по-прежнему надеясь, что сумеет переиграть Ельцина, ко всеобщему удивлению взявшего паузу после своего триумфа в августе и уехавшего в отпуск — в Юрмалу и в Сочи — Борис Николаевич вернется в столицу только 10 октября 1991 года; «после переворота 1991 года Ельцин ни психологически, ни политически не был в состоянии активно принимать решения», — констатирует его биограф Т. Колтон⁵.

Ельцин действительно нуждался в отдыхе, вместе с тем у Бориса Николаевича, по всей видимости, в голове еще не сложился четкий план относительно того, как окончательно «добить» Горбачёва. «Страна упала после путча к ногам Ельцина, но он еще не знал, что с ней делать», — рассказывал автору умный и осведомленный народный депутат РСФСР В. Л. Шейнис⁶. Подчиняясь феноменально развитой у него политической интуиции, Ельцин предпочел взять паузу, полагая, что время работает против Президента СССР, с одной стороны,

¹ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 71.

² Гусев В. К. Эпоха реформ. М., 2001. С. 134.

³ Хасбулатов Р. И. Великий реформатор // Горбачёв: Урок свободы. М., 2021. С. 346.

⁴ Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁵ Колтон Т. Ельцин. М., 2013. С. 279.

⁶ Архив автора. Интервью В. Л. Шейниса.

и на Ельцина — с другой. Дальнейший ход событий сам подскажет ему, как действовать, рассудил Борис Николаевич. Как вскоре выяснилось, Ельцин рассчитал все верно. Кроме того, российский президент стремился показать Западу, в первую очередь Америке, опасавшейся хаотического распада СССР, свою готовность к союзу с Горбачёвым, все еще выступавшим в роли определенного балансира в распадающейся стране. К тому же Ельцин, видимо, осознавал, что в республиках велик страх того, что он перехватит у Горбачёва пост Президента Союза и в этом случае отношения республик и Центра могут стать еще более взрывоопасными. Ввиду сказанного, на публике два лидера вновь, как и до путча, как правило, демонстрировали дружелюбие. «Их потребность друг в друге была несомненной — по крайней мере в краткосрочной перспективе. Фактически, каждый из них сделал в мою сторону сильную и направленную подачу, заявив о том, что они сотрудничают друг с другом. Горбачёв подчеркнул мужество Ельцина. Ельцин говорил о Горбачёве как об “изменившемся человеке” и сказал, что они оба постоянно общались по телефону друг с другом. Позиция Ельцина в дни путча дала ему легитимность среди рядовых советских граждан, которую Горбачёв, несомненно, желал для себя после хаоса эпохи перестройки. Эта легитимность была тем, чего Горбачёву теперь не хватало и, что не менее важно, в чем он нуждался, если он собирался воскресить себя в качестве лидера страны. Но Ельцин, несмотря на то, что он показывал пальцем и читал Горбачёву лекции после переворота, также нуждался в Горбачёве. На данный момент Ельцину был нужен опыт Горбачёва в управлении правительством. По-видимому, он также хотел получить помощь от других республик, которые боялись русских в целом и Ельцина в частности», — вспоминал свои наблюдения от отношений Ельцина и Горбачёва в тот период времени государственный секретарь США Дж. Бейкер¹.

Кажущаяся растерянность Ельцина породила определенный оптимизм в стане Горбачёва, но к ноябрю 1991 года стало очевидно, что Россия будет до последнего момента тянуть с подписанием Союзного договора; точно так же было понятно, что Ельцин уже не согласен ни на какие формы даже *номинального верховенства Горбачёва* — ссылки на позицию Украины в данном случае были лишь формальным предлогом, используемым Ельциным для решения своей сверхзадачи: удаления любой ценой М. С. Горбачёва

¹ *Baker James A. Politics of diplomacy. New York, 1995. P. 528.*

из Кремля. По словам вице-президента РСФСР А. В. Руцкого, «Ельцин люто ненавидел Горбачёва»¹. Учитывая это обстоятельство, фактор сохранения единого Союзного государства в глазах Ельцина выглядел менее значимой задачей, чем возможность окончательно восторжествовать над советским Президентом. Сделать это возможно было лишь одним способом — демонтажем Союза, что, по сути, автоматически лишало Горбачёва его должности. И вновь следует признать, что Михаил Сергеевич недооценил масштаб фигуры Ельцина — ни в момент удаления Бориса Николаевича с поста Первого секретаря МКГ КПСС, ни в те дни, когда будущий Президент России боролся за пост Председателя Верховного Совета РСФСР; несомненно, Горбачёв не осознавал в полной мере и серьезность той угрозы, которая исходила от Ельцина, его политического противника, как для союзного государства, так и для власти Президента СССР. «Михаил Сергеевич не понимал, кого он убрал. Не стоило Ельцина возвышать и уж точно не следовало отлучать его от власти. Горбачёв унизил человека намного мощнее его самого. Унизил настолько, что сделал своим врагом. А завести такого врага, как Ельцин, — роковая ошибка... Горбачёв попытался оставить Ельцина не у дел, а для него это было самым важным, было смыслом жизни. Неудивительно, что лейтмотивом поведения Ельцина стала месть обидчику. Еще одна ошибка Михаила Сергеевича: он не помешал Ельцину снова возвыситься. Кто из лидеров позволил бы своему противнику подняться и тем более стать руководителем государствообразующей республики? Горбачёв позволил, и в результате не Ельцин противостоял Горбачёву, а Россия — СССР. Абсолютно абсурдная и гибельная конфронтация, потому что Советский Союз — это прежде всего Россия. Я убежден, если бы на месте Горбачёва был Ельцин, а он на месте Ельцина, страна уцелела бы. Но убрать Горбачёва Ельцин мог, только убрав страну. Он и убрал. Считается что СССР отдал богу душу в Беловежской пуще, в действительности же это случилось, когда декларацию о независимости приняла Россия, республика, бывшая ядром государства», — писал крупный юрист В. Ф. Яковлев, занимавший в разное время должности министра юстиции СССР и государственного советника по правовой политике при Президенте СССР².

¹ Архив автора. Интервью А. В. Руцкого. Москва. 2019. 10 июля.

² Яковлев В. Ф. Советник трех президентов. М., 2022. С. 23.

Новоогаревский процесс зашел в тупик. «М. С. — перед выбором: осуществлять угрозу (“уйду!”) или еще тянуть (на посмешище всем). Это не просто поражение. Это — хуже: еще одно унижение по самому главному вопросу, на котором еще остается знак его власти, — о государственности», — записывал Черняев в дневнике¹. Несмотря ни на что, и в этой ситуации Горбачёв пытался реанимировать Новоогаревский процесс, не желая признать, что Советский Союз к тому моменту уже «почил в Бозе» (определение А. Н. Яковлева)².

25 ноября 1991 г А. С. Черняев записывал в дневнике: «Вчера я долго разговаривал с Яковлевым. Он вернулся из США... Пришел, сидели часа два друг против друга. Всё перебрали... И главный наш вывод: нравится нам или нет, альтернативы самостоятельному прорывному ходу России нет. Горбачёвские усилия спасти Союз — безнадёжные судороги. И в общем-то все бы ничего, если б не Украина, не Крым, который невозможно отдать»³.

В возобновленном после путча отчаянными усилиями Горбачёва Новоогаревском процессе уже присутствовала обреченность: «Россия не была согласна на единое государство, а заручиться переговорами об эфемерной конфедерации смысла уже не было», — пишет Ю. М. Батулин, комментируя последнее заседание в Ново-Огарево 25 ноября 1991 года, завершившееся безрезультатно⁴. Стало понятно, что республики не видят резона в сохранении Союза⁵. Ю. М. Батулин сказал в одном интервью: «Как в квантовой механике, когда один атом передает энергию возбуждения другому атому, их описывает общая волновая функция — “(не) возможен”. В начале процесса Союз был реален, но спустя двухлетний период уже нет. Я видел этот процесс изнутри, а для внешнего наблюдателя всего населения огромной страны это должно было выглядеть как мысленный эксперимент типа “Кот Шредингера”. Кот в коробке (Союз) одновременно

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 1026. Дневниковая запись от 25 ноября 1991 г.

² Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 505.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 1027. Дневниковая запись от 26 ноября 1991 г.

⁴ Батулин Ю. М. Союз (не) возможный. С. 549.

⁵ См. об этом два интересных сборника: Исаков В. Б. Расчлененка. М., 1998; Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

находится в двух состояниях — и жив, и мертв, а действительный результат станет известен, когда коробку откроют. “Коробку” открыли в конце ноября 1991 года, когда завершились переговоры в Ново-Огарево. С тех пор мы знаем результат», — заявляет Ю. М. Батурин¹.

Результаты проведенного на Украине 1 декабря 1991 года референдума о независимости стали для Ельцина и его соратников поводом для объявления о том, что переговоры в Ново-Огареве зашли в тупик. По словам М. С. Горбачёва, «“украинский момент” был использован руководителями России»². Фактически Украина и Россия выступали единым фронтом, заведя осенний раунд переговоров по образованию государства-конфедерации в тупик. В этом плане позиция Кравчука, также не собиравшегося подписывать новый Союзный договор и также не слишком приязненно относившегося к Горбачёву, полностью отвечала интересам Ельцина³. И Ельцин,

¹ Батурин Ю. Союз разрушимый // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2022. № 19–20. С. 13.

² Горбачёв М. Дай бог, чтоб я ошибся // Комсомольская правда. 1991. 13 декабря.

³ «Неужели прав М. С., заподозривший еще давно сговор между Ельциным и Кравчуком — валить Союз с двух сторон?!» — записывал в дневнике Черняев (см.: Черняев А. С. Совместный исход... С. 1030. Дневниковая запись от 1 декабря 1991 г.) «Горбачёв был человеком откровенным, — вспоминал Л. М. Кравчук. — Хотя, на мой взгляд, ему бы не помешала капля жесткости. Вот, скажем, у его главного оппонента Бориса Ельцина чего-чего, а жесткости было с избытком. Мне кажется, что если бы в декабре 1991 года Борис Николаевич был бы Президентом СССР, а Михаил Сергеевич Президентом России, то мы бы с Горбачёвым после подписания Беловежских соглашений вряд ли бы доехали до дома» (см.: Кравчук Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми. К., 2002. С. 84). «Меня же не вводил в заблуждение старательно выстраиваемый Ельциным имидж большого демократа. Ну какой он демократ? Даже смешно. При всех своих причудах и “загогулинах” — авторитарен, хватка железная. Горбачёву бы такую. Может, и удалось бы спасти СССР... Ельцин, мне кажется, готов был его [Советский Союз. — Авт.] сохранить лишь в единственном случае: если бы президентом СССР являлся он сам. Тогда всю свою неумную энергию направил бы не на разрушение, а на укрепление государственности. Нашел бы и жесткие, и гибкие методы, чтобы не довести до распада. Будь между Ельциным и Горбачёвым добрые отношения, они могли бы сообща

и Кравчук, подчеркивая, что без Украины никакого Союза быть не может, откладывали решение до 1 декабря — дня референдума на Украине. «1 декабря на Украине проводилось двойное голосование: по вопросу референдума и по выборам президента республики, первого, как и в России. Победа Л. М. Кравчука не вызвала сомнений. Референдум же решили обезопасить следующим образом: не выносить прямо вопрос о самостоятельности Украины — это может вызвать у людей особую настороженность, а спросить о поддержке Акта провозглашения независимости Украины, принятого парламентом республики в раскаленной политической атмосфере сразу после путча 19 августа. Референдум состоялся, его немедленно представили волеизъявлением народа, отменяющим результаты его же, народа, голосования на всесоюзном референдуме 17 марта. Президентом, как и ожидалось, стал Л. М. Кравчук. Это привело в движение новые механизмы дезинтеграции СССР...» — вспоминает И. Д. Лаптев, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР¹. Результаты референдума были истолкованы Кравчуком, которого избрали первым Президентом Украины, как волеизъявление народа о желании выйти из состава СССР. «Там не было формулировки о развале Советского Союза, но из текста вытекало именно такое решение... Ее не было, — оговаривал Кравчук, — потому что мы знали, что нет юридически точной формулировки о возможности выхода из Советского Союза. Мы должны были зафиксировать волю народа — что он выступает за независимость Украины... Ну, от Советского Союза»². «Мы считали, — откровенно признавался Л. М. Кравчук, — что независимость Украины — уже факт. Но я-то понимал: если Украина или любая республика заявит о выходе из Советского Союза, это будет началом ее конца. Так и было бы, если бы Ельцин не подписал Беловежье. Вот представьте себе, мы с Шушкевичем подписали, а Ельцин — нет»³. Позиция Кравчука, фактически саботировавшего возобновление

искать примирительные варианты консолидации. Но отчуждение нарастало. Борис Николаевич с некоторых пор просто не слышал Горбачёва», — вспоминал Р. Н. Нишанов (см.: Деревья зеленеют до метелей: Рафик Нишанов рассказывает Марине Заваде и Юрию Куликову. М., 2012. С. 323).

¹ Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 320–321.

² Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М., 2019. С. 62–63.

³ Там же. С. 63.

Новоогаревского процесса после путча, выглядела более весомо после украинского референдума. «Когда я ехал в Беловежье, за мной уже стояла воля украинского народа. Ни за Ельциным, ни за Шушкевичем не стояла, потому что референдум ни Россия, ни Белоруссия не проводили. И вот на эту волю я опирался»¹. Отвечая на вопрос-предложение Ельцина, выступившего в роли эmissара Президента Горбачёва, согласится ли Кравчук подписать «новый Союзный договор об обновленной Федерации», если украинские предложения будут учтены, Леонид Макарович заявил: «Нет, не подпишу», — потому что народ уже выразил свою точку зрения на референдуме — 90,3 % за независимость». Позиция Кравчука нашла полное понимание у Ельцина, заявившего о том, что он поступил бы так же, как Кравчук. «То есть у нас было абсолютно одинаковое понимание, что нельзя жонглировать волей народа, который в прямом изъяснении высказал свою политическую, историческую позицию», — вспоминает Л. М. Кравчук².

Лидеры славянских республик, как известно, восприняли неудачу переговоров 25 ноября 1991 года как повод к торпедированию Новоогаревского процесса, начав подготовку к «тайной вечере» в Беловежье. «У нас было ощущение, что у Горбачёва ничего не получается — решили, что больше к нему не поедем...» — вспоминал С. С. Шушкевич, занимавший в конце 1991 года должность Председателя Верховного Совета Белоруссии и выступавший в роли «хозяина» известной встречи в Вискулях³. «Я в самолете, — сообщал Шушкевич, — Кравчука пригласил в Беловежскую пущу. В Беловежье я ехал вовсе не для того, чтобы разрушить страну, а из желания получить поддержку России по поводу энергетики — чтобы Беларусь не замерзла»⁴. Об этом же вспоминал и Л. М. Кравчук: «Договорились мы еще в Ново-Огареве, когда работали над Союзным договором, но не о Вискулях, а просто о встрече в Белоруссии»⁵.

Встреча, как известно, приобрела вовсе не экономический, а самый что ни на есть *политический* характер... О том, что в конце концов «все [президенты союзных республик. — *Авт.*] поняли, с этим

¹ Несветов Д. А. Кончина СССР. Что это было. М., 2016. С. 245.

² Несветов Д. А. Кончина СССР. Что это было. М., 2016. С. 245.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича. Минск. 2019. 30 августа.

⁴ Там же.

⁵ Прощай, СССР. (Беседа О. Одноколенко с Л. Кравчуком) // Итоги. 2011. № 33. С. 33.

президентом [Горбачёвым. — *Авт.*] нельзя работать», — сразу после подписания соглашения о роспуске СССР говорил белорусский лидер С. С. Шушкевич, утверждавший, что «это [Беловежское соглашение. — *Авт.*] было предreshено, идея витала в воздухе, только не была сформулирована. Никакой домашней заготовки, когда мы приехали в Вискули, ни у кого не было»¹. «Все формулировки, — сообщал С. С. Шушкевич, — вырабатывались в Беловежской Пуще, основное положение было предложено Геннадием Бурбулисом и не претерпело никаких уточнений»². «Сейчас я понимаю, — рассказывал автору этих строк Станислав Станиславович в августе 2019 года, — что Ельцину надоел Горбачёв — он хотел от него избавиться. Видимо, Ельцин и Кравчук договорились о чем-то подобном раньше»³. В одной из своих статей, опубликованных в 1996 году, Шушкевич откровенно признавался: «Там [В Беловежской пуще. — *Авт.*] не было наивных. Было ясно, что Борису Николаевичу больше всего мешает Горбачев...»⁴

Если смотреть на эту ситуацию глазами союзного президента, то его позиция сводилась к следующему: после Фороса Президент СССР приложил огромные усилия, пытаясь реанимировать Новоогаревский процесс. В этом отношении ему удалось добиться серьезных успехов: в середине октября восемь республик подписали Договор об экономическом сообществе, начал действовать межреспубликанский экономический комитет. Появилась серьезная перспектива трансформации СССР в *конфедеративное союзное государство*.⁵ Примечательно, что Горбачёв до конца своих дней не считал, что Новоогаревский процесс к декабрю 1991 года зашел в тупик: роковым для судьбы Союза стал вопрос личных амбиций: по словам Горбачёва, Ельцин «и его окружение принесли Союз в жертву неудержимому стремлению воцариться в Кремле. Лидеры России, Украины и Белоруссии решили судьбу Союза неправовым путем, вопреки воле народа, выраженной на референдуме 17 марта, за спиной президента СССР, руководствуясь прежде всего стремлением “убрать Горбачёва”»⁶.

¹ Шушкевич С. Физик, ставший политиком. Беседа с Н. Желноровой // Аргументы и факты. 1992. № 1. С. 4.

² Шушкевич С. Беловежские соглашения — шедевр легитимной дипломатии... // Литературная газета. 2021. №21. С. 4.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича.

⁴ Шушкевич С. Монолог о пуще // Огонек. 1996. № 49. С. 13.

⁵ Горбачёв М. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 39.

⁶ Там же.

«Перестройка, свобода слова всколыхнула людей, и республики потребовали большей самостоятельности, а некоторые — независимости. Мое глубокое убеждение состояло в том, что путь к политическому суверенитету республик, к их экономической самостоятельности, сохранению самобытности, развитию культуры лежал через обновление Союза, превращение его в демократическую, реальную, эффективную федерацию, которой республики делегируют часть своих полномочий. Решающим шагом на этом пути должен был стать новый Союзный договор, подписание которого сорвал путч реакционных сил в августе 1991 года. Как президент я до конца боролся за единство страны. Боролся — хочу это подчеркнуть — политическими средствами, пытался убедить в своей правоте граждан и моих коллег — руководителей республик. И сегодня считаю, что целостность страны можно было сохранить, что новый Союз отвечал бы интересам всех. Но путч ослабил мои позиции. А руководство самой большой республики в составе СССР — России во главе с Борисом Ельциным пошло по пути дезинтеграции. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства», — подчеркивал Михаил Сергеевич¹.

Беловежские соглашения лидеров трех славянских республик подвели итог под историей существования Советского Союза, «лапидарная и чеканная формула о том, что СССР прекращает свое существование как субъект международного права и геополитическая реальность»² (определение Г. Э. Бурбулиса), которую удалось выработать участникам этой встречи, завершила грандиозный и великий советский проект. «В высшей степени легитимный и исторически значимый для мировой истории — Беловежский консенсус» — так охарактеризовал Беловежские соглашения Г. Э. Бурбулис³, считавший «подписание Беловежских соглашений совершенно оправданным шагом»⁴. «Благодаря беловежскому консенсусу нам удалось предотвратить кровавую войну за передел советского наследства по югославскому образцу», — утверждал Геннадий Эдуардович⁵. Формула, предложенная Бурбулисом, позволила участникам переговоров

¹ Горбачёв М. С. Что поставлено на карту: будущее глобального мира. М., 2019. С. 107–108.

² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. 2019. 11 февраля.

³ Бурбулис Г. Ельцин до последнего старался сохранить конфедерацию. Но Кравчук это отверг // Комсомольская правда. 2016. 9 декабря. С. 13.

⁴ Бурбулис Г. Э. Профессия — политик. М., 1999. С. 194.

⁵ От путча до Пуши // Аргументы и факты. 2011. № 49. С. 11.

оттолкнуться от чего-то прошлого, выйдя на подписание соглашения¹. «Подписание соглашения, — признавался белорусский премьер В. Ф. Кебич, — отметили “Советским шампанским”»². Крупный юрист С. М. Шахрай, входивший в состав российской делегации во время переговоров в Беловежской пушке, убежден, что к моменту совещания лидеров трех республик СССР уже фактически перестал существовать, а «в Вискулях мы просто констатировали факт смерти СССР и выписали соответствующее свидетельство»³. Так это или не так — предмет отдельного спора, но постыдным является тот факт, что, намеренно или нет, но дозвониться до Президента СССР М. С. Горбачёва подписанты сразу не смогли, зато у них получилось уведомить о произошедшем Президента США Дж. Буша-ст. Таким не слишком приличным способом лидеры славянских республик посчитали возможным оборвать 69-летнюю историю Союза ССР. «Большая славянская тройка распустила Союз», — констатировал бывший президент Киргизской ССР А. А. Акаев⁴. Мудрый Н. А. Назарбаев отказался от «экспромта», предложенного ему через представителей Б. Н. Ельцина — срочно вылететь в Белоруссию для участия в подписании документов в Беловежской пушке⁵. Г. Э. Бурбулис рассказывал автору об «огромной обиде» Назарбаева, воспринявшего поведение «пущистов» как вероломство и проявление неуважения к среднеазиатским республикам. Примечательно, что Геннадий Эдуардович говорил об «уникальной удаче, что Назарбаев не прилетел. Ельцин обещал Горбачёву, что будет убеждать Кравчука согласиться на мягкую конфедерацию. Назарбаев помог нам, не приехав, — три республики, учредители СССР в 1922 году, были налицо. Это позволило нам сформулировать чеканную и лапидарную формулировку»⁶, объявлявшую о прекращении существования Союза. 9 декабря, в присутствии Назарбаева, Ельцин давал последние в своей жизни унижительные

¹ *Шушкевич С.* Мы готовились к тому, что Горбачёв нас арестует // Комсомольская правда. 2016. 9 декабря.

² *Кебич В. Ф.* Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск, 2008. С. 206.

³ *Шахрай С. М.* Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 120.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Акаева.

⁵ *Назарбаев Н. А.* На пороге XXI века. Алма-Аты, 1996. С. 99.

⁶ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 11 февраля.

пояснения Горбачёву по поводу содеянного в Вискулях, продолжавшиеся в течение полутора часов¹. «Было обидно за страну и за обоих лидеров, которые могли быть вместе. Однако диалога не получилось», — вспоминал Н. А. Назарбаев². «Выволочка», устроенная Горбачёвым Ельцину, не имела за собой никаких последствий — Президент СССР не решился ни на арест Ельцина, которого не без оснований опасался Борис Николаевич, ни на созыв чрезвычайного Съезда народных депутатов, как ему предлагал поступить народный депутат СССР В. И. Самарин, обратившийся к Михаилу Сергеевичу от имени большой группы парламентариев. «Не толкай меня на кровь и гражданскую войну», — заявил Горбачёв Самарину³.

«Говорят, что в конце 1991 года, после Беловежского сговора, мне “следовало действовать более решительно”. Отвечаю: я боролся за единое государство до последнего. Нельзя было допустить скатывания ситуации к гражданскому конфликту, а возможно, и к гражданской войне. Понятно, что это могло означать в стране, начиненной оружием, не только обычным, но и ядерным. Поэтому после серьезных размышлений я принял решение, которое и сегодня считаю единственно верным в тех обстоятельствах, — заявил, что прекращаю исполнение обязанностей Президента СССР», — писал М. С. Горбачёв⁴. В другой своей работе Горбачёв уточнял свою позицию: «Мне до сих пор задают вопрос: “Вы уверены, что после Беловежья использовали все полномочия Президента для сохранения Союза?” Да, решительно все — *политические* [выделено М. С. Горбачёвым. — *Авт.*] Почему не применил силу, не арестовал участников Беловежского сговора? Может, стоило в тот момент “стать Сталиным” и решить все, как говорится, одним махом? Нет, такое не могло прийти мне в голову. Цепляться за власть ценой гражданской войны и большой крови — это был бы уже не Горбачёв»⁵. «Да, я использовал все политические полномочия, все средства, кроме силовых. Пойти на применение силы, чтобы удержать власть — это уже был бы не Горбачёв. И чем это могло бы кончиться? Расколом всего — армии, милиции, гражданским

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. Л. 173.

² Назарбаев Н. А. На пороге XXI века... С. 99.

³ Архив автора. Интервью В. И. Самарина, народного депутата СССР. Орел. 2021. 3 ноября.

⁴ Горбачёв М. С. После Кремля. М., 2014. С. 13.

⁵ Горбачёв М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 270.

конфликтом, а возможно и гражданской войной. Этот путь для меня был закрыт», — вспоминает Михаил Сергеевич¹.

Не будем упускать из виду и еще один момент: Горбачёв был ошеломлен самим фактом соглашения в Беловежье — договора, распускавшего страну, Президента которой об этом не поставили в известность. Вероломство Ельцина, отправившегося в Вискули как эмиссар Президента СССР и заключившего в итоге соглашение о роспуске огромной страны, просто потрясло Горбачёва. Внеправовой, неконституционный характер этого договора был для Михаила Сергеевича абсолютно очевиден. Президент СССР поспешил назвать Беловежские соглашения «инициативой» лидеров трех республик, подчеркивая тем самым нелегитимный характер принятого решения². На арест «подписантов» Горбачёв не решился, хотя сами участники переговоров в Вискулях этого для себя и не исключали³. Деморализованный ударами, нанесенными ему в Форосе и в Беловежье, Горбачёв не использовал в полном объеме тех прав, которые предоставляла ему как Президенту СССР Конституция, по сути, смирившись с предательством «пушистов». «После Крыма, — признавался автору консультант Президента СССР Г. В. Пряхин, — Горбачёв был подавленный. Это был уже другой Горбачёв»⁴. Действительно другой. Президент СССР лишь вопрошал А. А. Акаева: «Где же теперь Союз, где теперь мое место?»⁵ Растерянность и деморализация Горбачёва были очевидны. Недавно ушедший из жизни народный депутат СССР В. И. Алкснис неоднократно называл Горбачёва «слабаком»⁶, однако вряд ли эта оценка справедлива: будь Михаил Сергеевич таким, он бы никогда не сумел взобраться на самую вершину кремлевского Олимпа.

¹ Горбачёв М. Понять перестройку. Отстоять новое мышление. М., 2022. С. 40.

² Архив автора. Интервью А. С. Грачёва, пресс-секретаря Президента СССР М. С. Горбачёва. Москва. 2018. 5 июля.

³ Шушкевич С. Мы готовились к тому, что Горбачёв нас арестует // Комсомольская правда. 2016. 9 декабря.

⁴ Архив автора. Интервью Г. В. Пряхина, консультанта Президента СССР. Москва. 2019. 15 апреля.

⁵ Архив автора. Интервью А. А. Акаева.

⁶ Алкснис. Полковник, о котором пишут // Ванденко А., Додолев Е. Их Кремль. М., 1992. С. 12; Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. И. Алксниса. Московская обл., поселок городского типа Тучково. 2019. 2 апреля.

В дневнике Черняева за 8 декабря 1991 года — день Беловежских соглашений — красноречивая запись: «Нет еще сведений из Бреста: Ельцин, Кравчук, Шушкевич (перепились, наверное, в Беловежской пуще!). Но по тому, что наговорил Ельцин вчера журналистам в белорусском парламенте, ясно: на Союз они не пойдут. И места Горбачёву не оставят...»¹

За Беловежским сговором стоял, конечно, и личный момент — желание подписантов свалить Горбачёва, который, по утверждению его пресс-секретаря А. С. Грачёва, вплоть до встречи в Вискулях, все еще «оставался в седле, все дело шло пускай и к выморочному, но согласованному всеми лидерами республик, включая Ельцина, проекту Союзного договора, еще более мягкому Союзу, чем это планировалось в августе. Но президентом этого двусмысленного, символического, но все же Союза, вне всякого сомнения оставался Горбачёв...»² Последнее ни в какой мере не устраивало участников переговоров в Беловежской пуще. «Очевидны подлинные мотивы брестского сговора: убрать конкурента — Горбачёва — можно только развалив СССР, поэтому авторы решились расчленить государство, чтобы захватить власть в отдельных его кусках. Поражает масштабность сделки, ради которой на кон было брошено самое крупное в мире многовековое государство. Конечно же, “Соглашение об СНГ” — это беспрецедентное попрание закона. И всякого права», — писал народный депутат РСФСР В. В. Аксютин³.

После Беловежья, по словам А. С. Грачёва, «Начался обратный отсчет времени. Несмотря на то что первоначально, согласно договоренности между Ельциным и Горбачёвым, на переходный период, то есть на церемонию погребения Союза, было решено отвести примерно месяц, с каждым новым публичным заявлением российского президента и его доверенных лиц этот срок неуклонно сокращался. После того как парламенты всех трех республик единодушно, как в славные брежневские времена, проголосовали за ратификацию Беловежского

¹ Черняев А. С. Совместный исход. С. 1033. Дневниковая запись от 8 декабря 1991 г.

² Архив автора. Интервью А. С. Грачёва, в сентябре-декабре 1991 года — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 13 сентября.

³ Аксютин В. Из воспоминаний: Беловежский переворот (1991). Расстрел парламента (1993) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. IX. С. 249.

соглашения, Союз де-факто перестал существовать. О том, чтобы соблюсти приличествующие положению и возрасту усопшего ритуальные процедуры, решили не заботиться. Новые жильцы торопились въехать на еще не освободившуюся площадь и поторапливали родственников покойного»¹. Для горбачёвской команды уже 9 декабря, сразу же после получения информации о соглашении в Вискулях, «стало понятно, что все заканчивается»². Перед каждым возникала необходимость как-то устраивать свою дальнейшую жизнь — было очевидно, что с Ельциным «горбачёвцам» не сработаться — ни по человеческим, ни по профессиональным мотивам.

Последующие дни — дни финала горбачёвской эпохи — помощник Президента СССР А. С. Черняев испытывал чисто человеческое чувство жалости по отношению к своему патрону, не спешившему уходить из Кремля. С точки зрения Черняева, это было унижительно для Горбачёва, ибо подрывало его авторитет как *исторической личности*³.

Деморализованный предательским сговором лидеров славянских республик Горбачёв не сумел предпринять результативных усилий по сохранению союзного государства. «Хотя развал “шьют” мне, я-то до последнего патрона сражался, чтобы Союз продолжал свое существование», — утверждал экс-президент СССР⁴. Верный своему credo Горбачёв ограничился увещеваниями, продолжая бороться «за сохранение единого государства всеми доступными политическими — подчеркиваю, политическими — средствами»; упрекая беловежских подписантов в «бездумном, авантюристическом “ропуске” Союза»⁵, Михаил Сергеевич не был готов возложить всю ответственность на себя. Поистине преступлением элит по отношению к собственному народу было то, что Союз распался спустя всего 9 месяцев после всенародного волеизъявления в его поддержку на Всесоюзном

¹ Грачёв А. С. Дальше без меня... Уход Президента. М., 1994. С. 209.

² Архив автора. Интервью В. Б. Кувалдина, в 1991 году — спичрайтера Президента СССР по вопросам внешней политики. Москва. 2018. 21 июля.

³ О своей деятельности в декабре 1991 года М. С. Горбачёв рассказал в книге, опубликованной вскоре после его ухода в отставку с поста Президента СССР (см.: Горбачёв М. С. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992).

⁴ Горбачёв М. Стоила мне эта работа очень дорого // Сноб. 2010. № 10. С. 128.

⁵ Михаил Горбачёв — Виталию Третьякову: Предлагаемая Вами роль «преследителя» мне не подходит // Комсомольская правда. 2014. 13 марта.

референдуме¹; в данном случае приходится констатировать, что в силу огромного количества причин Президент СССР не воспользовался всеми данными ему по Конституции СССР правами для сохранения вверенной его попечению страны. В своем кругу в марте 1991 года Горбачёв с несвойственным для него пессимизмом говорил: «Ну, год-то мы еще продержимся»². Увы, Советский Союз не смог пережить трагический по своим последствиям девяносто первый год.

Последние надежды Горбачёв возлагал на встречу глав бывших (?) союзных республик в Алма-Ате 21 декабря 1991 года, на которую Михаила Сергеевича лидеры республик пригласить не пожелали — на ней он, по их мнению, был бы лишним³. Итоги встречи оказались плачевны для союзного Президента, хотя главы вчерашних республик и приняли документ о пожизненном обеспечении М. С. Горбачёва, «учитывая его деятельность на посту Президента СССР»⁴. Как констатировал А. С. Грачёв, «после Алма-Аты в патронташе Горбачёва больше не осталось патронов»⁵, хотя перед встречей в столице Казахстана Михаил Сергеевич надеялся, что руководители союзных республик, вошедшие при нем, Горбачёве, в большую политику, в знак признательности изберут его почетным президентом какой-то новой структуры на месте СССР. Надежды Горбачёва не оправдались, Ельцин отыгрался на нем до конца⁶. Примечательно, что народ, конечно же, не уведомили о том, что СНГ — вовсе не новая версия СССР, а распад государства. «Создание сразу же, в декабре 1991 года, СНГ воспринималось, в совокупности с беловежскими соглашениями, как обновление и реформатирование страны — на еще лучших основах. Это позже будет заявлено, что СНГ и планировался как механизм “мирного развода”. Но тогда ни такой публичной трактовки, ни такого понимания событий у большинства не было», — констатирует народный депутат СССР

¹ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

² Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 мая.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 649. Л. 5.

⁵ Грачёв А. С. Последний день СССР. Свидетельство очевидца: воспоминания помощника президента Советского Союза. М., 2022. С. 255.

⁶ Архив автора. Интервью К. Д. Лубенченко, осенью 1991 года — председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 25 мая.

Ю. Ю. Болдырев¹. Горькие последствия этого обмана с того времени прочувствовали на себе и своей судьбе миллионы людей.

«Вчера состоялся Алма-Атинский погром. Поворот, видимо, сопоставимый с 25 октября 1917 года и с такими же неопределенными последствиями. Горбачёва просто грубо скинули. Даже не приняли специального документа об “упразднении” его как главы государства. К Николаю II хоть посылали “авторитетную делегацию” Думы с просьбой о “сложении с себя”, об отречении. А Горбачёву — лишь на пресс-конференции Ельцин, отвечая на вопрос, объяснил: да, обсуждали его судьбу, не будем поступать так, как раньше с нашими вождями — хоронить, потом перезахоранивать, объявлять преступником. Будем — как в цивилизованном государстве. Определили ему материальное содержание и “вообще” его “положение после отставки”. И произошло это, кстати, ровно 4 месяца спустя после путча и в день рождения Сталина! Советского Союза больше нет. И Россия — член Совета Безопасности ООН... Пойдут-поедут в разные стороны наши “Европа” и “Азия”..., как и так называемый “славянский” мир... И Россию придется строить заново... вряд ли в согласии с татарами, бурятами и наследниками Шамиля», — записывал в своем дневнике А. С. Черняев².

23 декабря 1991 года состоялась передача дел от Горбачёва к Ельцину — один из наиболее тяжелых дней в жизни Михаила Сергеевича, означавший окончательное признание им своего поражения. «С 12:05 до 20:55 продолжалась встреча Михаила Сергеевича с Б. Н. Ельциным.

¹ Болдырев Ю. Избежать краха // Литературная газета. 2016. № 48. С. 2.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 1039. Дневниковая запись от 22 декабря 1991 г. «21 декабря 1991 года в Алма-Ате состоялось намеченное совещание глав независимых государств. Они подписали Декларацию в поддержку Беловежского соглашения. Там говорилось: “С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование”. Мои соображения, изложенные в послании участникам совещания, остались без последствий. Но в Алма-Ате судьба страны уже никого не занимала: там делили наследство. Все были в состоянии эйфории: еще вчера их мало кто знал, а завтра они — главы независимых государств. Какое дело до того, что они уготовили народам. Это потом станет ясным. И они начнут искать козла отпущения», — вспоминал М. С. Горбачёв (см.: Горбачёв М. С. Размышления о прошлом и будущем. СПб., 2002. С. 183). Текст Алма-Атинской декларации был опубликован в газетах (см.: Алма-Атинская декларация // Правда. 1991. 23 декабря).

Во встрече принимал участие А. Н. Яковлев», — гласит сухая запись журнала посещений Президента СССР¹. Александр Николаевич Яковлев, слава Богу, оставил подробные воспоминания об этой встрече двух титанов перестройки. «Так уж случилось, что я оказался свидетелем не только начала, но и конца вершинной карьеры Михаила Горбачёва. Волею судьбы я присутствовал на встрече Горбачёва и Ельцина в декабре 1991 года, на которой происходила передача власти. Не знаю до сих пор, почему они пригласили меня. Я был третьим. Беседа продолжалась более восьми часов. Была деловой, взаимоуважительной. Порой спорили, но без раздражения. Я очень сожалел, что они раньше не начали сотрудничать на таком уровне взаимопонимания. Думаю, сильно мешали “шептуны” с обеих сторон. Горбачёв передал Ельцину разные секретные бумаги. Ельцин подписал распоряжение о создании Фонда Горбачёва... Беседа втроем закончилась, пошли обедать. Вот тут Михаил Сергеевич, начал сдавать, выпил пару рюмок и сказал, что чувствует себя плохо. И ушел — теперь уже в чужую комнату отдыха. Мы с Борисом Николаевичем посидели еще с часок, выпили, поговорили по душам... Я вышел вместе с ним в длинный коридор Кремля, смотрел, как он твердо, словно на плацу, шагает по паркету. Шел победитель. Вернулся к Горбачёву. Он лежал на кушетке, в глазах стояли слезы. “Вот видишь, Саш, вот так”, — говорил человек, может быть, в самые тяжкие минуты своей жизни, как бы жалуясь на судьбу и в то же время стесняясь своей слабости. Ничего, казалось бы, не значащие слова, но звучали как откровение, покаяние, бессильный крик души. Точно по Тютчеву: “И жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет, а не может”. Как мог, утешал его. Да и у меня сжималось горло. Мне до слез было жаль его. Душило чувство, что свершилось нечто несправедливое. Человек, еще вчера царь кардинальных перемен в мире и в своей стране, вершитель судеб миллиардов людей на Земле, сегодня бессильная жертва очередного каприза истории. Он попросил воды. Затем захотел остаться один...»²

Спустя два дня, 25 декабря 1991 года, М. С. Горбачёв объявил о своей отставке. Михаил Сергеевич оставил свой пост, желая избежать раскола страны и гражданской войны, что было бы неизбежно, в случае, если бы он прибегнул к силовым акциям³. Ядерный чемо-

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. Л. 180.

² Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 506–508.

³ Горбачёв М. Лукашенко обратился к рабочим... Я тоже так делал. Но поддержки не получил // Комсомольская правда. 2021. 21 августа.

данчик Президент СССР передал Б. Н. Ельцину через последнего союзного министра обороны Е. И. Шапошникова. Личной встречи президенты посчитали нужным избежать¹.

«Совость моя чиста. Я не воровал, не растаскивал ничего. Для меня самое важное было — желание, стремление обновить, преобразить страну, чтобы народ себя чувствовал по-человечески. Ресурсы огромные, надо обустроить страну и жить. Это главное было. Американцы решили — ага, удачный момент, мы столько десятилетий боролись, чтобы Советский Союз ослабить, а он сам распался. Но мы сами развалили Союз, не кто-то. Сколько слов высказано правильно — но уже после. А тогда не должны были уклоняться от решения. А как решили — известно», — вспоминал М. С. Горбачёв².

«Я считал, что я политически потерпел поражение как политик. Но это мало так сказать, что я потерпел поражение. Ведь это драма для всех народов. Ведь самая главная причина того, что так все идет у нас, во всех государствах, бывших республиках, во всех, не только с экономикой, но и во всех делах, — это распад Союза. Потому что это было все-таки плотное государство, это не классическая империя, где была метрополия, это все перемешано. У нас кооперация, интеграция были выше, чем в Европейском Союзе. Энергетика общая, железные дороги общие, связь общая, оборона общая и многое-многое другое. Образование общее и т. д. Поэтому это беда», — эти актуальные и поныне слова были произнесены Горбачёвым еще в 1998 году³.

До конца своих дней Горбачёв испытывал сожаление, что ему не удалось довести до конца дело реформирования страны. Отвечая на вопрос, что бы стало с Советским Союзом, если бы эти реформы удалось реализовать, Михаил Сергеевич заявлял, что «была бы свободная демократическая страна. Смотрите, что бы сейчас новая власть ни бралась делать, выясняется, что начало этому было положено в перестройку. А значит, что процессы, начатые нами, продолжаютс. Но если бы у меня была возможность ими заниматься, я бы это делал последовательно, постепенно, а не через колено, ломая шею, как у нас принято. Мы бы не разбазаривали собственность через эту “прихватизацию”, а проводили бы ее в интересах общества. Реформы шли

¹ Маршал империи. (Беседа А. Никитина с Е. Шапошниковым) // Итоги. 2012. № 1. С. 32.

² Горбачёв М. Надо изменить атмосферу // Огонек. 2015. № 4. С. 19.

³ АГФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 19665. Интервью М. С. Горбачёва В. В. Познеру. 1998.

бы медленно, трудно. Вообще, начинать перестройку в такой стране, как наша, — это большой риск. А взять на себя ответственность за эти перемены — бремя просто неподъемное. Я бы посмотрел, кто бы еще с этим справился! А я-то со всех сторон только и слышу: Горбачёв нерешительный, Горбачёв размазня, кисель... Ну, это оплаченные трепачи, так называемые тролли. Внимания не обращаю...»¹

Последним поручением, которое выполнил А. С. Черняев для *Президента СССР М. С. Горбачёва*, было составление текста его обращения к согражданам в связи с уходом в отставку. «В среду, 25-го, М. С. решил выступить с последним Обращением... Готовилось оно сначала как Заявление... В итоге он взял за основу да и почти в целом мой текст, даже вернул в последний момент кое-что из предыдущих вариантов (например, что государство надо бы распускать с народного волеизъявления)... Но и напичкал деталями, которое все равно газеты “не взяли”... Ни одна газета полностью Обращение не напечатала! Все боятся Ельцина», — записывал в дневнике Черняев².

Над прощальным обращением Президента СССР к соотечественникам работало несколько человек. Различные варианты были подготовлены А. Н. Яковлевым, А. С. Грачёвым, А. С. Черняевым. В каждый из них Михаил Сергеевич вносил свои рукописные правки, в результате остановившись на тексте, автором которого был А. С. Черняев³. В окончательной версии текста удалось собрать и обобщить весь исторический опыт и значение перестройки. Горбачёв от всей души поблагодарил тех, «кто в эти годы вместе со мной стоял за правое и доброе дело», посетовав на то, что ему не удалось избежать ошибок и признав, что многое можно было бы сделать лучше. Вместе с тем Михаил Сергеевич высказал твердую уверенность в том, что «раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе»⁴.

В момент телеобращения А. С. Черняев находился рядом с Президентом СССР: «Я стоял сбоку, метрах в 8–10 от него. Прямой эфир. Он был спокоен. Не стеснялся заглядывать в текст. И получилось

¹ *Горбачёв М.* Стоила мне эта работа очень дорого // Сноб. 2010. № 10. С. 126.

² *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 1041. Дневниковая запись от 27 декабря 1991 г.

³ Архив Горбачёв-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10882.

⁴ *Горбачёв М. С.* Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992. С. 120.

“с ходу” хорошо. И потом — сколько ни слышал “домашних” опросов — оценки сходились: достоинство и благородство. Действительно, трагическая фигура, хотя мне, который привык его видеть “в обыденности”, трудно прилеплять к нему этот термин, с которым он, конечно, войдет в историю»¹. В день отставки Президент СССР был очень подавлен и удручен, но в момент записи обращения к советскому народу сумел собраться. Президент сам попросил, чтобы его отставка произошла в прямом эфире. Обращение Горбачёва, трансляция которого шла по Центральному телевидению, было преисполнено чувством собственного достоинства и уважения к своему народу, которому предстояли не менее тяжелые испытания. Да, Горбачёв уходил, будучи чрезвычайно непопулярным политиком. Но то благородство, с которым он покидал власть, те сдержанные ноты, которые он сумел найти, последний раз обращаясь к соотечественникам как глава государства, то сопереживание своему народу, которое было для него как руководителя страны всегда характерно, не может не вызывать к нему глубокую симпатию.

В момент записи обращения Михаила Сергеевича одна из камеры была поставлена на крышу ГУМа, благодаря чему миллионы телезрителей видели, как с бывшего здания Сената на территории Кремля снимали алый стяг с изображением серпа и молота — государственный флаг Советского Союза и медленно поднимали триколор — флаг Российской Федерации². Началась эпоха Новой России. Недавно ушедшая из жизни режиссер трансляции К. В. Кислова рассказывала автору, что после выхода Горбачёва из зеленой гостиной, где записывалось его отречение, экс-президент пошел с ней по коридору, который поразил ее своей пустотой — «ни одного часового, ни одного дежурного. Зато были люди у кабинета Горбачёва — простые работяги в синих халатах прямо при Михаиле Сергеевиче свинчивали массивную табличку с надписью “Президент СССР М. С. Горбачёв”. При этом в приемной Горбачёва после отставки уже не сидело ни одного человека, в своем кабинете Михаил Сергеевич какое-то время оставался совсем один, предаваясь тяжелым мыслям»³.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 1042. Дневниковая запись от 27 декабря 1991 г.

² Архив автора. Интервью К. В. Кисловой, главного режиссера программы «Время». Москва. 2021. 1 апреля.

³ Там же.

После записи телеобращения и передачи Ельцину ядерной «кнопки» состоялся последний «кремлевский» ужин уже экс-Президента Горбачёва и его соратников, на котором присутствовали Черняев, А. Н. Яковлев, Е. В. Яковлев и А. С. Грачёв. «Наверное, президенту хотелось, чтобы в этот исторический вечер прощальный ужин в Кремле выглядел по-другому, не принял форму неофициальной встречи в пустом и неосвященном Кремлевском дворце с оставшимися верными ему товарищами. Но если за этим столом кого-то могло и не хватать, то по крайней мере не было никого лишнего», — писал А. С. Грачёв¹. «Говорили об историческом значении перестройки... Над застольем нависала тень Ельцина. Никто из союзных президентов не осмелился позвонить Горбачёву. За час до заявления об отставке от Горбачёва потребовали очистить помещение дачи. Горбачёву пришлось оторваться от текста, который он писал для истории, чтобы повысить голос... У него удивительно устойчивая нервная система. Удары он переносил стоя, как он говорил — по-мужички», — вспоминал Андрей Серафимович².

25 декабря 1991 года завершилась политическая карьера Президента СССР, объявившего о своей отставке. В этот день прекратил свое существование и Советский Союз, союзные республики ушли в «свободное плавание», начав новый этап своей истории. «Мы сами развалили Союз, не кто-то. Сколько слов высказано правильно — но уже после. А тогда не должны были уклоняться от решения. А как решили — известно», — вспоминал М. С. Горбачёв³. Не снимая с Горбачёва исторической ответственности за распад Советского Союза, следует подчеркнуть, что «империя», как и в 1917 году, распалась при абсолютном равнодушии народа, который по всегдашней национальной традиции «безмолвствовал», уже не веря старым властителям и не успев разувериться в новых.

Первый и единственный Президент СССР раскрепостил наше общество, сделал его свободным, избавил от страха перед властью, при этом за неполные семь лет своего пребывания на вершине политического Олимпа Горбачёв сумел провести процесс демократизации так основательно и необратимо, что августовская эксгумация прошлого, произведенная членами ГКЧП, очень многим показалась не только страшной, но и заведомо абсурдной — всем ведь известно,

¹ Грачёв А. С. Дальше без меня... Уход Президента. М., 1994. С. 248.

² Архив автора. Интервью А. С. Грачёва. Москва. 2018. 5 июля.

³ Горбачёв М. Надо изменить атмосферу // Огонек. 2015. № 4. С. 19.

что прошлого не вернуть. Принципиально важно, что Горбачёв сумел освободить страну в одиночку¹, опираясь именно на собственную волю и желание добиться для своих соотечественников достойной жизни, не требуя от них ничего взамен и в общем-то добровольно согласившись оставить власть в тот момент, когда наступил конец *его эпохи*. Находиться у власти против желания своих граждан, проливая ради этого реки крови и подвергая свою страну опасности гражданской войны, Михаил Сергеевич не пожелал.

Михаил Горбачёв был романтиком, который постарался привнести в политику мораль и гуманизм, взывая к благородным побуждениям сильных мира сего. Наверное, это было наивно; не случайно, что даже доброжелатели Горбачёва говорят о времени перестройки как о «наивных годах»². В известной степени правы были и те политические сотрудники Михаила Сергеевича, которые говорили о том, что в нем уживались редкая порядочность и определенная беспечность, присущая толстовскому Стиве³, — Горбачёв, будучи природным оптимистом, всегда рассчитывал на положительный для него итог развития того или иного процесса — до поры, до времени его ожидания почти всегда сбывались. Неистовая вера в свои силы, сопряженная с огромным желанием изменить жизнь не только своей страны, но и всего человечества, — на первом этапе перестройки была огромным преимуществом Горбачёва, позволившим ему буквально перевернуть, казалось бы, столь крепкое здание миропорядка. Слабой чертой Горбачёва была его нелюбовь к рутинным делам и нередкие просчеты в кадровой политике: в решающий момент его политической карьеры рядом с Михаилом Сергеевичем, в его ближайшем окружении, в высшем политическом эшелоне оказалось совсем немного по-настоящему верных людей. Великий шахматист А. Е. Карпов, хорошо знавший Горбачёва, говорил о нем как об «очень ловком тактике, но очень слабом стратеге»⁴, наверное, тут есть своя доля правды, но надо учитывать и то обстоятельство, что первый и последний Президент СССР жил и руководил огромной страной, переживая

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного артиста СССР и народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 октября.

² См.: *Лошак В. Г.* Наивные годы: Егор Яковлев и его газета. М., 2021.

³ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова; Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярёва.

⁴ Архив автора. Интервью А. Е. Карпова.

вместе с ней невероятную и во многом мучительную трансформацию, последствия которой в тот момент ни он, да и никто в мире не мог и предвидеть. Поэтому упрекать Горбачёва — несомненно, ярчайшего и лучшего представителя той политической элиты, с которой Советский Союз встретил 1985 год, — за то, что он *не сделал*, конечно, необходимо, но с предельной осторожностью.

«Михаил Горбачёв был последним генсеком ЦК КПСС и первым президентом СССР. В этом ключ к разгадке его политической судьбы. И одновременно — к пониманию олицетворенной им эпохи... Последний генсек оказался самым свободным в своих человеческих проявлениях, самым открытым, а посему и самым уязвимым (и для партаппарата, и для народной молвы) из советских вождей. Предъявлять Горбачёву исторический счет за то, чего он не сделал или сделал не так, можно сколько угодно. Но подобной калькуляцией стоит заниматься только с пониманием тогдашних реалий. И с пониманием человека, на глазах у всего мира совершавшего не просто статусное, но и трудное внутреннее преобразование из руководителя партии, авангардная роль которой была закреплена в Конституции, в президента, отменившего политический монополизм... В сущности, вся горбачёвская эпоха была эпохой полдорожья. Эпохой между “еще” и “уже”», — справедливо пишет публицист В. Выжutowич¹.

Для Горбачёва как руководителя были характерны ставшие его фирменным знаком взвешенность, рассудительность, склонность к компромиссам, известная мягкость характера. «Горбачёв всегда был предельно собран, пунктуален, необычайно работоспособен. Ни минуты свободного времени — масса встреч, предельно плотный график. Никогда я его не видел в панике. Сосредоточен. Бывали дни, когда видно, что ему трудно, что-то решает для себя, колеблется. Никогда не орал ни на кого. Никогда! Даже в самые критические времена был очень собран. Не трус. Не боялся людей. Лично был мужественный человек. Очень хороший человек! Как никто оболган Горбачёв! Сколько вокруг него напраслины, дикости! А ведь надо было доверять Горбачёву! Он так в этом нуждался! Буквально накануне отставки я занимался прописыванием

¹ *Выжutowич В.* Человек, который изменил историю // Российская газета. 2022. 1 сентября.

Горбачёва — его переселяли из президентской прекрасной квартиры в обычную трехкомнатную квартиру для охраны, которая была в том же доме. Не было у него никакой своей дачи. Никаких счетов. Да и мы получали, работая у него, очень небольшую зарплату, накоплений не имели. Ни у кого не было ни дач, ни машин. Не то у нас было обеспечение, что было потом у соратников и помощников Ельцина. Это — характерная черта Горбачёва: он был выше этого, презирал это. Он не покупал никого. В этом смысле он был просто наивен. Ну, что поделать. Это так было», — рассказывал автору верный соратник Михаила Сергеевича, заведующий Секретариатом Президента СССР Г. С. Остроумов¹.

«Горбачёв — романтик. Как человек он не предатель и не изменник. По общему кругозору он превосходил генсеков до него и Бориса Николаевича Ельцина. Он был не по-показному демократичен. Всегда отвечал на записки и предложения — не позднее чем через пару-тройку дней. Всегда перезванивал, если просят позвонить. Каждый реформатор считает, что схватил Бога за бороду. Так и он. Для того чтобы реализовать его задумки, стране нужен был человек калибра Дэна Сяопина, а Горбачёв был человеком калибра Хрущёва... В определенной мере ему был присущ нарциссизм, наверное, не хватало ему характера и умения принимать решения, что необходимо на таком посту», — говорил о Горбачёве его помощник В. К. Егоров².

Будучи очень добрым и терпимым для политика такого ранга человеком, Горбачёв был слепо доверчив по отношению к тем, кто от него затем отвернулся; напротив, те, кто был не только предан Михаилу Сергеевичу, но и разделял его политическую философию, столкнулись с его недоверчивостью, помноженной в свое время на стремление от них избавиться. В результате, к роковому для него августу 1991 года, Президент СССР был в политическом отношении оголён и беззащитен, а также абсолютно не готов к ударам исподтишка. Не понимая этого и слепо веря в свою звезду, преувеличивая значение

¹ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова. Георгий Сергеевич с огромной гордостью показывал автору подписанную Горбачёвым на следующий день после отставки фотографию Президента СССР, на которой Михаил Сергеевич оставил красноречивую и глубоко характерную для него надпись: «Дорогой Георгий Сергеевич! Все еще только начинается, главные события впереди. Но начинали — мы!»

² Архив автора. Интервью В. К. Егорова.

своих соглашений с лидерами союзных республик, М. С. Горбачёв решился на роковой для него отъезд в отпуск в Крым, спровоцировавший августовский путч, ставший, по сути, концом его политической карьеры. После возвращения из Фороса Горбачёв вроде бы небезуспешно попытался реанимировать Новоогаревский процесс, однако Беловежский сговор добил союзное государство; в аморфной конструкции СНГ места для Президента СССР не отыскалось — республиканские лидеры с радостью от него избавившись, вмиг превратившись в президентов независимых государств. Применить силу и проливать кровь ради сохранения за собой поста в Кремле Горбачёв не мог и не желал — неприятие насилия как политической категории было одной из его базовых ценностей. Не решившись на подавление уже нового путча — произошедшего в Беловежье, — Горбачёв заслужил пожизненные порицания, а еще чаще даже — проклятия — со стороны представителей «государственнического» лагеря. Это был его крест, который он с достоинством нес тридцать лет — вплоть до своей смерти.

В предлагаемой книге сделана выборка отдельных мест из тех воспоминаний и дневников, которые, по нашему мнению, дают представление о наиболее характерных моментах политической биографии М. С. Горбачёва, специфике его реформаторской деятельности, читатель получит возможность познакомиться с мнениями и оценками как соратников и единомышленников Президента СССР, так и тех его современников, которых следует аттестовать как его политических оппонентов. Некоторые из воспоминаний специально написаны для настоящего издания по просьбе составителя книги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. НА ПУТИ РЕФОРМ

В. А. Медведев

В команде Горбачёва: взгляд изнутри¹

<фрагменты>

Глава І. Озарение или насущная потребность?

В дискуссиях последующих лет часто звучал вопрос: имел ли Горбачёв, начиная перестройку, ее программу? Конечно, тщательно разработанной по всем пунктам и подпунктам программы не было, да и не могло быть. Была сумма идей, на основе которых постепенно формировался новый политический курс, проходя проверку практикой, накладываясь определенным образом на реальное общественное сознание, на живой опыт работы.

Я считаю, что весь период от мартовского и апрельского Пленумов ЦК КПСС до XXVII съезда включительно и даже до конца 1986 года — это и был период формирования и упрочения политики перестройки, выработки современного внешнеполитического курса на основе нового политического мышления. Чтобы иметь какой-то шанс на успех в политике, программа перестройки могла родиться, только пройдя через горнило общественных дискуссий. Надо было завоевать общественное мнение, упорчить политические позиции сторонников нового курса <...>

Основные мощные импульсы в работе исходили от самого Горбачёва. Задача людей, которые бы ему помогали, состояла в том, чтобы по возможности адекватно очертить сумму теоретических, политических и идеологических идей, суть назревших социальных преобразований, придать им форму политических выводов и установок, но таких, которые бы не ограничивали политические действия какими-то рамками «от сих до сих», а раскрывали бы простор для общественно-политического творчества. Это был по преимуществу не литературный, а творческий, поисковый процесс.

К этому времени сложилась определенная технология работы. Вначале нас втроем, вчетвером — Яковлева^I, Болдина^{II}, Биккенина^{III}, меня,

¹ Цит. по: *Медведев В. А. В команде Горбачёва. Взгляд изнутри*. М.: Былина, 1994. С. 29–30, 32–34, 95–97, 102, 106–112, 114, 135–138, 150, 153–155, 184–200, 206, 215–216, 222–225, 230–231.

часто Лукьянова^{IV}, а в дальнейшем ставших его помощниками И. Т. Фролова^V, Г. Х. Шахназарова, А. С. Черняева — приглашал к себе в кабинет Генеральный секретарь для общего обмена мнениями по концептуальным вопросам и выработки подходов. Делалась стенограмма или даже задиктовка самой концепции, определялся план доклада, состав «разработчиков», кому дать заказы.

Затем каждый из нас готовил порученные ему отдельные части, а потом они сводились в единое целое. Все это делалось в Волынском — уютном и уединенном уголке с несколькими особняками, где мы были ограждены от «текучки» и могли полностью сосредоточиться на творческой работе. Но самое главное происходило потом: приезжал Горбачёв и начиналась сплошная проходка и передиктовка материала. Причем проводилась она, как правило, не один и не два раза, а многократно, в результате чего рождался совершенно новый текст.

Горбачёв деликатно, но настойчиво вел «войну» против заумности, книжности, искусственной красоты, то есть против того, чем каждый из нас в какой-то мере грешил. Конечно, стиль выступлений Горбачёва был разным — в зависимости от их темы и аудитории. Но это был его стиль. Каждый из нас не подлаживался к нему, зная, что все равно будет все сделано так, как представляется оратору.

В процессе передиктовки он выслушивал любые соображения и предложения, порой противоречивые, соглашался или отвергал их, но всегда принимал свое решение.

Подготовка первоначального материала для доклада к съезду была, как помнится, осуществлена в невиданно короткие сроки — в течение примерно месяца, не более. — Это был декабрь 1985 года. Международный раздел доклада, посвященный мировому развитию и внешней политике, а также идеологический раздел — был за Яковлевым, экономический и социальный — за мной и Болдиным, проблемы демократизации общества и углубления социалистического самоуправления народа — за Лукьяновым, над разделом о партии вначале работали товарищи из Орготдела, а потом доводили этот раздел совместными усилиями. Заключительный раздел, касающийся новой редакции Программы партии, был за мной.

С подготовленным материалом Яковлев и Болдин ездили на юг, в Пицунду, там Горбачёв проводил свой кратковременный зимний отпуск. Там состоялся острокритический разбор подготовленного материала, а затем — новый изнурительный этап работы в Волынском. В конце января — начале февраля Горбачёв пригласил для завершения работы

Яковлева, Болдина и меня в Завидово, подальше от Москвы. Здесь началось самое важное и самое интересное — окончательное определение и фиксация оценок, позиций, выводов. Подвергалось еще раз серьезнейшему обсуждению и, можно сказать, инвентаризации буквально все: от общеполитических заходов до конкретных примеров.

Работали все вместе по 10–12 часов. Кроме того, каждый имел еще то или иное «домашнее задание». Собирались в особняке, где разместился Генеральный секретарь, в небольшой, уютной охотничьей комнате. Как правило, обычно присутствовала Раиса Максимовна^{VI}, подкрепляя нас кофе и вкусным топленым молоком. Делалась скрупулезная проходка и передиктовка всего текста: раздел за разделом, страница за страницей, строчка за строчкой. По ходу дела шел абсолютно откровенный, ничем не ограниченный обмен мнениями. Естественно, в качестве критиков выступал каждый из нас по тем разделам, в работе над которыми он не принимал прямого участия, и напротив, старался аргументировать те положения, которые прошли через него на предшествующей стадии.

<...>

Михаил Сергеевич очень терпимо и даже заинтересованно относился к нашим спорам. Если мы продолжали настаивать на своем, он деликатно и не без доли юмора напоминал, кто же здесь докладчик. В итоге обычно предлагал свое собственное смысловое и формулировочное решение, которое тут же и задиктовывалось. В этом нам помогали две стенографистки — Татьяна и Ольга — участница будущей форосской эпопеи. После окончания, вечером или ночью, мы приводили в порядок стенограмму, а утром, как правило, Михаил Сергеевич возвращался к тому, что задиктовано. Часто вновь все это переделывалось, и таким образом мы медленно-медленно продвигались вперед <...>

Глава III. Власть — Советам

<...>

Демократия или охлократия: из зала Съездов народных депутатов

<...> Уже задолго до открытия первого Съезда народных депутатов стало ясно, что нас ожидает нечто совершенно новое, невиданное. Появление значительной группы оппозиционно настроенных депутатов, отражавшее зарождение различного рода политических и национальных движений в стране, обстановка гласности, общий демократический настрой исключали движение по наезженной годами и десятилетиями

колее. А во что это все выльется, конечно, никто толком не знал. Уже в процессе подготовки съезда возникли серьезные коллизии и столкновения мнений. Альтернативной программы по основным проблемам внутренней и внешней политики не было и не могло быть, ибо оппозиция еще не сформировалась, да и само это слово громко не звучало. Так что схватки происходили по отдельным вопросам, преимущественно процедурного характера. Но они обсуждались с большой горячностью, на предельном накале страстей <...>

Первый Съезд народных депутатов СССР... Шестнадцать дней — с 25 мая по 9 июня — продолжался этот политический марафон, бушевали страсти под сводами Кремлевского дворца. В зал были выплеснуты годами и десятилетиями копившиеся в стране эмоции, в первую очередь негативно-критические, надежды на коренные перемены, энергия молодых, динамичных сил, вызванных к жизни началом демократических преобразований. Немало проявилось и наносного, амбициозного, стремления во что бы то ни стало застолбить свое место на всесоюзной политической арене. И в этой обстановке надо было решить важнейшие государственные вопросы, сформировать высшие органы власти, выработать и утвердить, теперь уже на государственном уровне, основные направления внутренней и внешней политики.

Шестнадцать дней внимание людей было приковано к телевизионным экранам, на которых полностью, частично в ночное время, воспроизводился ход работы съезда <...>

При всей неоднозначности того, что происходило на съезде, при всей сложности процессов, которые он отразил, он выполнил стоявшие перед ним задачи — принял на себя всю полноту государственной власти и сформировал новые высшие органы, определил в русле перестройки основные направления внутренней и внешней политики государства.

Второй Съезд народных депутатов по накалу страстей, митинговой активности депутатов мало чем отличался от первого, но все же накопленный опыт, подготовительная работа позволили придать ему большую организованность и деловитость. К сожалению, Межрегиональная депутатская группа не смогла стать нормальной парламентской оппозицией и внести сколько-нибудь конструктивный вклад в работу съезда. Этому мешали внутренние раздоры и противоречия, которые в дальнейшем стали сказываться все больше и больше <...>

Работа съезда была омрачена кончиной Андрея Дмитриевича Сахарова^{VII}. 15 декабря не стало этого выдающегося, неповторимого человека.

Огромная потеря не только для науки, но и человеческой цивилизации в целом, для демократического процесса в стране. Об этом я говорю с полной ответственностью и откровенностью, несмотря на то, а может быть, именно потому, что академик стоял в оппозиции к тогдашнему партийно-государственному руководству, оказывал лишь, как он сам говорил, условную поддержку Горбачёву, не спуская ему ни одного, с его точки зрения, ошибочного или опрометчивого шага.

Оппозиция оказалась без своего интеллектуального и морального лидера, утратила вместе с этим шанс внести свой вклад в создание нормально функционирующей парламентской системы, предполагающей наличие демократической оппозиции. Трудно предполагать, как складывалась бы деятельность Сахарова после прихода оппозиции к власти. Одно можно с уверенностью утверждать — он оставался бы таким же честным, благородным и открытым, непримиримым к любой фальши, любой форме насилия и диктата над людьми, пренебрежения их интересами. Нужно ли говорить, как пригодились бы эти качества в наши дни! <...>

Глава государства, как Председатель Верховного Совета, оказался слишком сильно привязанным к его деятельности, превращался в спикера парламента, а ведь он теперь стал постоянно действующим. Вести все заседания Верховного Совета Горбачёву было просто невыносимо, да и нецелесообразно. Но длительное его непоявление на заседаниях было бы просто неуважением к Совету и к своей должности. Все это выяснилось уже вскоре после того, как Верховный Совет СССР приступил к систематической работе. В узком окружении Горбачёва уже летом и осенью начали ставиться эти вопросы. Я, например, считал, что коррективы в принятую модель государственной власти следовало бы внести на втором съезде в конце 1989 года.

В порядке подготовки к возможной постановке этих вопросов на съезде мной вместе с Шахназаровым были подготовлены и отданы Горбачёву соответствующие предложения. Их смысл — в более последовательном разделении властей, в переходе к принципам традиционной парламентской системы с сохранением «советских элементов» лишь в отношении местных органов. Предложения предусматривали отказ от двухзвенной структуры власти с сохранением только Верховного Совета в качестве парламента, от прямого представительства общественных организаций, освобождение Верховного Совета от распорядительных функций, введение института Президента как главы государства и распорядительно-исполнительной власти с состоящим при нем кабинетом министров

в составе председателя Высшего Совета народного хозяйства, министров иностранных дел, обороны, внутренних дел, финансов, труда, культуры, по вопросам федерации, председателя КГБ. Президент, как и руководители распорядительно-исполнительной власти на местах, должны избираться голосованием граждан. Чтобы не затягивать переходный период, в порядке исключения до истечения полномочий нынешних органов власти избрать Президента на втором или на третьем съезде народных депутатов.

Горбачёв уже тогда, отлично представляя необходимость серьезных корректив в структуре институтов власти, не пошел на то, чтобы сделать это на втором съезде, понимая, видимо, что общество и партия не готовы к ним.

В ходе подготовки Второго съезда мною при поддержке Разумовского^{VIII} предлагалось проявить инициативу и по статье 6 Конституции: принять на Пленуме ЦК КПСС постановление, в котором дать критическую оценку статьи и поручить Политбюро подготовить и внести в порядке законодательной инициативы предложения по этому вопросу. Предложение тоже тогда не было принято, к нему Горбачёв имел в виду вернуться в связи с введением президентской системы.

Подготовил я для Второго съезда и свое выступление, в котором затрагивались проблемы статьи 6-й, а также в качестве пробного камня ставился вопрос о введении президентской модели. Поскольку речь шла об очень серьезных вещах, я счел нужным информировать об этом Генсека. Он не посоветовал выступать с этими вопросами. Может быть, с моей стороны тут была проявлена излишняя щепетильность.

В итоге решение о переходе к президентской структуре власти было принято на третьем съезде народных депутатов в середине марта следующего года.

Оно нашло понимание и поддержку в обществе. Положительно отнеслись к нему оба течения в партии — и реформаторское и традиционалистское, правда, по разным мотивам. Оппозиции тоже было довольно трудно воевать против него: ведь президентская форма правления — их собственное предложение. Поэтому выступления «межрегионалов» на съезде по существу вопроса были более или менее лояльными, хотя логика борьбы толкала на поиск и выпячивание спорных моментов. Их было два — способ избрания Президента и совмещение постов руководителя партии и государства. По ним и развернулись на съезде основные баталии.

За безотлагательное избрание Президента на съезде мы выступали скорее по прагматическим, чем по принципиальным мотивам, да и конституционная норма предусматривала всенародные выборы. С точки зрения их возможного исхода особых сомнений не возникало: должен был победить Горбачёв. Просто в сложившейся в стране ситуации было крайне нежелательно проводить избирательный марафон, взвинчивать страсти, отвлекать внимание от острейших насущных проблем, усугублять нарастающий хаос. Обстановка требовала более короткого и эффективного решения, чтобы побыстрее выбраться из управленческой сумятицы и рыхлости, которую уже окрестили параличом или вакуумом власти.

Голосование по этому вопросу, сопровождавшая его дискуссия явились кульминацией съезда. В перерыве перед голосованием Примаков^{IX}, Яковлев, Лукьянов и я порознь и вместе убеждали Горбачёва сделать хотя бы небольшой шаг навстречу оппозиции, согласившись на сокращение срока полномочий первого Президента, избираемого съездом, до трех или четырех лет. Терзали серьезные опасения за исход голосования: ведь решения по конституционным вопросам требуют квалифицированного большинства. Но Горбачёв был непреклонным. Напряжение достигло апогея, ибо на карту было поставлено очень много.

Тут большую роль в поддержку выборов первого Президента съездом сыграли выступления Залыгина^X, Яковлева, Лихачева^{XI}. Неожиданно для многих за это выступил Травкин^{XII} и, что уж совсем оказалось сюрпризом, — Собчак. Исход дела был решен — рубеж в $2/3$ голосов превышен с перевесом всего в 43 голоса.

В последующей политической борьбе вопрос о способе выборов Президента не сошел с повестки дня, возвращение к нему активно использовалось оппозицией для подрыва позиций Горбачёва, особенно после всенародного избрания президентов РСФСР и других республик. Можно ли считать, что тут была допущена ошибка? Да, в контексте последующего развития событий было бы правильней иметь всенародно избранного Президента СССР. Его власть была бы прочней, было бы значительно трудней развалить Союз, легче было бы предотвратить тиражирование президентских должностей в стране.

Но, как говорится, «знал бы, где придется упасть, соломки бы подстелил». Тогда волновало другое — как быстрее с помощью президентской власти предотвратить нарастание кризисных тенденций, укрепить правопорядок, стабилизировать ситуацию. Не вышло. Очевидно, все-таки надо было прогнозировать и худшие варианты.

Не менее остро на съезде, да и в обществе дискутировался вопрос о совмещении партийных и государственных постов. На Горбачёва оказывалось сильнейшее давление. Оно особенно усилилось после избрания его Президентом. Тут, пожалуй, сомкнулись интересы «межрегионалов» (позднее — «демороссов») и крайних партийных консерваторов. Первые «спали и видели» отделение Президента Горбачёва от партии, чтобы лишить его серьезной политической опоры, поставить его в зависимость от себя. Вторые мечтали об избавлении партии от перестроечной заразы. На партийных пленумах все назойливей муссировалась тема о том, что Горбачёву трудно совмещать руководство партией и государством, что он забросил партийные дела, но при этом почему-то никто не ставил вопрос о его отставке с президентского поста...

Смыкание разнородных сил на позиции несовмещения партийных и государственных постов серьезно осложнило ситуацию на съезде вокруг этого вопроса и отразилось на результатах голосования поправки к Конституции, запрещающей Президенту занимать другие политические и государственные посты. Поправка не была принята, ибо не набрала квалифицированного большинства, но за нее было подано 1303 голоса из 1974 при 607 против. Вот насколько остро стоял этот вопрос!

У меня и тогда, и позднее была совершенно четкая и ясная позиция: ни в коем случае сейчас не идти на разделение постов. Эту точку зрения я высказал в своем выступлении на третьем съезде, ее я отстаивал на всех публичных встречах, во всех дискуссиях, в которых мне пришлось участвовать. Горбачёву я говорил, что его отход от руководящей роли в партии не может не иметь в нынешних условиях губительных последствий и для президентства, и для самой партии. Партия может оказаться под контролем консервативных сил, ее реформирование, только начавшись, будет прервано, возникнет противопоставление партии и президентской власти. Лишившись же политической опоры, да не имея к тому же президентских структур на местах, президент не продержится и трех месяцев, ибо ни новые демократы, ни консервативная партия его терпеть не будут.

Путь один — оставаясь и Генеральным секретарем в партии, и президентом, осуществлять обновление партии на современных демократических основах, в рамках гражданского общества и правового государства. Путь нелегкий, но другого не дано, если мы хотим избежать анархии и разложения. К сожалению, эта возможность оказалась нереализованной <...>

Глава IV. Кризис партии

<...> Я чувствовал, как Горбачёва мучает ситуация с партией. Он понимал, и я его в этом отношении поддерживал, что без партии не обойтись — не удержать управление страной и не осуществить демократическое обновление общества, сопряженное с крутой ломкой общественных отношений. И в то же время видел, что для этого нужно коренное обновление самой партии, а оно наталкивается на упорное сопротивление и даже контрастопление консервативных сил.

<...> Партия шла навстречу своему съезду, и никто не мог предположить, что он окажется последним.

На авансцену выходит российский фактор

По мере приближения XXVIII съезда КПСС на политической ситуации в стране и партии все в большей мере сказывались события, происходящие в Российской Федерации.

Первые признаки активизации российского фактора появились примерно за год до этого или несколько раньше в публикациях, заявлениях, исходящих от гуманитарной интеллигенции, и прежде всего от писателей, придерживающихся так называемой русофильской ориентации. Крайние выходки со стороны общества «Память» воспринимались тогда, как нечто одиозное, не отражающее сколько-нибудь глубоких процессов в обществе.

По мере оживления национальных движений в республиках внимание к российской теме стало возрастать, хотя еще в течение какого-то времени к этому не относились серьезно. И когда Валентин Распутин^{XIII} в одном из своих выступлений «пригрозил» выходом России из Советского Союза, это было воспринято, как каламбур.

Ситуация, однако, коренным образом изменилась, когда в повестку дня встал вопрос о выборах народных депутатов и создании новых органов государственной власти в республиках, в том числе и Российской Федерации. Российский фактор стал приобретать более реальные очертания, выдвигаться в центр политической борьбы. Одна за другой выявлялись сложные грани российской проблематики — политические, экономические, социальные, экологические, что вполне естественно: ведь РСФСР, будучи ядром Союза, несла на себе и главную тяжесть возникших в стране проблем.

Пожалуй, быстрее, чем руководство КПСС, уловили это оппозиционные силы, превращая российские проблемы в козырную карту в политической игре. Произошел серьезный поворот к российской проблематике

радикально-демократических движений. Они почувствовали, что на волне российского патриотизма можно нажать немалый политический капитал. Ельцин со свойственной ему прямоотой открыто говорил о том, что через овладение Россией он намерен «таранить» существующий режим и добиться своих целей.

В то же время в КПСС под российским знаменем возникло фундаменталистское движение за создание Российской коммунистической партии с целью объединить против перестроечного процесса в партии догматические, консервативные силы.

Произошло удивительное — превращение многих людей, очень далеких от российских проблем, никогда раньше их даже не замечавших, в завзятых патриотов и защитников российского народа, радетелей национальных чаяний россиян.

Надо со всей откровенностью признать, что российский угол политики оказался недооцененным партийным руководством — Горбачёвым и всеми, кто его окружал. Суть наших рассуждений по этому вопросу сводилась к следующему: и исторически, и политически российский фактор является основообразующим для Союза. РСФСР — естественное ядро союзного государства. Без Российской Федерации Союз существовать не может. Но и Российскую Федерацию в том виде и в той конфигурации, которую она приобрела после Октябрьской революции, представить себе вне Союза просто невозможно. Ведь РСФСР и Россия — это далеко не одно и то же. Россия никогда не существовала в границах нынешней РСФСР. РСФСР — это искусственное сталинское образование, мыслимое только в рамках Союза, как его остов, несущая конструкция. Мысль о независимости РСФСР воспринималась, как абсурдная. Мы считали, что надо значительно, резко усилить самостоятельность РСФСР, ее ответственность за свое экономическое и культурное развитие, но в рамках Союза, в рамках взаимодействия с другими союзными республиками при наличии сильного центра.

Что касается партии, то формирование самостоятельной Компартии Российской Федерации неизбежно означало бы превращение КПСС из единой партии в союз партий. Ведь партийная организация России — это костяк КПСС, цементирующий ее как единое целое. К тому же это больше половины КПСС. Организационное оформление Компартии России и образование ею Центрального Комитета означали бы появление второго центра партии, который, опираясь на абсолютное большинство, мог бы предопределять политику и решения партии в целом, с чем другие компартии вряд ли примирились бы.

В партийных делах курс был взят на то, чтобы с учетом общественного мнения создать некие партийно-организационные структуры в Российской Федерации, не доводя дело до создания самостоятельной компартии, и дать поработать времени. Именно в этом смысл решения декабрьского (1989 г.) Пленума ЦК о создании Российского бюро ЦК и некоторых российских структур в аппарате ЦК КПСС. В дальнейшем, однако, на этих позициях удержаться не удалось: под напором общественного мнения пришлось их сильно корректировать, как говорят, «вплоть до наоборот».

Руководство ЦК КПСС не придало должного значения выборам российских народных депутатов, созданию в депутатском корпусе ядра крупных, авторитетных политиков, способных повести за собой депутатский корпус, возглавить важнейшие участки государственной работы.

Такой вопрос при подготовке выборов вставал. Вносилось предложение баллотироваться на выборах таким лицам, как Рыжков^{XIV}, Лукьянов, Бакатин и некоторые другие. Сами они отнеслись к этому негативно, а должной настойчивости проявлено не было. В результате кандидатур, которые могли бы на равных бороться с Ельциным за пост Председателя Верховного Совета РСФСР, не оказалось. При отсутствии устойчивого большинства и наличии группы колеблющихся депутатов это сыграло решающую роль в исходе выборов Председателя Верховного Совета РСФСР <...>

В таком духе прогрессивного здравомыслия, левого центризма, консолидации удалось принять общую резолюцию съезда и другие его решения, провести выборы руководящих органов.

По новому Уставу непосредственно на съезде избираются Генеральный секретарь и его заместитель. В отношении Генерального секретаря преобладающее настроение было однозначным в пользу Горбачёва, и подавляющим большинством Генсеком был избран Горбачёв, правда, более тысячи человек голосовали против <...>

Так закончился XXVIII партийный съезд, оказавшийся в истории партии последним. Но тогда это далеко не было очевидным. Напротив, казалось, что съезд разрешил многие проблемы, сделал крупный шаг вперед в обновлении теории, политики и практической деятельности партии, открыл тем самым новые возможности для ее деятельности в направлении демократизации общества и решения насущных проблем страны.

Съезд выравнивал политическую линию партии, колебнувшуюся вправо на Российском учредительном съезде, предотвратил в известной мере

нарастание разброда и хаоса, распад партии. Горбачёву и руководству партии удалось, правда, с немалыми усилиями, осуществить на съезде те цели, которые ставились перед ним, — сохранить партию как общественную силу, дать новый импульс ее обновлению и преобразованию, освобождению от догматизма, от старой идеологии и психологии, закреплению на перестроечных позициях.

Конечно, в рамках единой партии делать это было все труднее. И тогда было ясно, что идейное и организационное размежевание в партии на определенном рубеже неизбежно, но момент для него не назрел. Потом этот вопрос обсуждался не раз. Я не согласен с мнением, которое высказывалось Яковлевым и некоторыми другими собеседниками, что размежевание надо было сделать на съезде. В то время условий для размежевания партии в пользу перестройки не было. Попытки раскола (то ли слева, то ли справа) носили безрассудный, авантюристический характер. Они могли привести лишь к плачевным результатам <...>

Могут сказать, что недопущение раскола партии в 1990 году не предотвратило путча и разгрома партии в 1991 году. Но между тем и другим нет жесткой причинно-следственной зависимости и предопределенности. И уж во всяком случае раскол партии не уменьшил бы опасности переворота и установления диктатуры.

Глава V. В администрации президента

<...> В рамках новоогаревского процесса рассматривались все основные проблемы общественно-политического и экономического развития страны и главная из них — это выработка нового Союзного договора, вплоть до той ее редакции, которая должна быть подписана 20 августа.

Через день после подписания новоогаревского соглашения открылся объединенный Пленум ЦК и ЦКК КПСС. Обсуждение вынесенного на Пленум вопроса о положении в стране и путях вывода экономики из кризиса началось развернутым выступлением Горбачёва, которое опиралось на новоогаревское Заявление и задавало первоначальный тон прениям.

Но этого хватило лишь на первый день. Следующий день отмечен массовой атакой на руководство. Уверен, что она была не спонтанной, а организованной. Началось все с выступления Полозкова^{xv}, а затем критика Горбачёва приобрела разнузданный характер. Предел терпению наступил во время речи секретаря Кемеровского обкома партии. Горбачёв подал реплику: «Хватит. После вашего выступления я выскажусь

по этому вопросу». Он вышел на трибуну и внешне спокойно произнес буквально несколько фраз, наполненных глубоким внутренним напряжением, смысл которых сводился к тому, что в обстановке такого отношения к Генеральному секретарю он не может дальше выполнять эти функции. Поэтому он предлагает прекратить прения и заявляет об отставке.

Зал оказался в состоянии оцепенения. Объявляется перерыв. Стали собираться группами — где-то военные, где-то по республикам и областям. Подошел Биккенин, поблизости оказался Вольский^{XVI}. Я к нему: «Что будем делать, промышленная партия?»

Минут через 10 зашел в комнату президиума. Там собрались члены Политбюро и секретари. Был и Горбачёв.

Кто-то стал уговаривать Генсека отказаться от заявления. Но он стоял на своем, заметив при этом, что и в составе Политбюро нет единой позиции: «В таких условиях работать нельзя, и я настаиваю на том, чтобы заявление об отставке было рассмотрено».

Большинство высказалось за то, чтобы обсуждение не развертывать, а в отношении голосования мнения разошлись. Генсек заявил: «Я высказал свою позицию, а вы тут решайте», — и удалился. Началось вроде бы официальное заседание Политбюро под руководством Ивашко^{XVII}. Я, естественно, вышел (в это время я не занимал какого-либо поста в партии, а в работе Пленума принимал участие как народный депутат от КПСС) и лишь потом узнал, что приняли «соломоново решение» — поставить на голосование вопрос не о самом вотуме доверия Генсеку, а о том — обсуждать этот вопрос или снять его.

В кулуарах Пленума все бурлило. Более 70 членов ЦК поставили свои подписи под заявлением, составленным Вольским, в котором высказывалось категорическое возражение против отставки Генсека, констатировалось, что ЦК в данном составе не в состоянии руководить партией, и выдвигалось требование о созыве нового съезда партии. Я уверен, что подписей под заявлением оказалось бы значительно больше, если бы все знали о нем.

Заявление не было оглашено на Пленуме, поскольку сразу же после окончания перерыва проголосовали предложение Политбюро о снятии вопроса об отставке Генсека с обсуждения. Оно было принято подавляющим большинством при 13-ти, по-моему, воздержавшихся. Знакомая ситуация — шумная критика, а при голосовании — в кусты <...>

Апрельский Пленум ЦК показал, что внутренние противоречия в партии достигли такой остроты, что размежевание становится не только

неизбежным, но теперь уже и необходимым. С учетом новоогаревского процесса появилась надежда на то, что можно добиться привлечения на сторону реформаторов значительного, а может быть, даже и основного массива партии <...>

В связи с этим, по-новому встал вопрос о начатой еще несколько месяцев тому назад работе над новой Программой партии.

Мое отношение к работе над новой Программой партии было сдержанным, если не отрицательным (я был избран на съезде членом Программной комиссии). Ведь совсем недавно, на XXVIII съезде КПСС, принято реформаторское по своему духу Программное заявление. Но теперь с учетом того, что в повестку дня встал вопрос о идейно-политическом размежевании в партии, работа над Программой, напротив, приобретала принципиальное значение. Она могла и должна была стать критерием разделения партии на реформаторов и фундаменталистов.

Обсуждение проекта Программы на заседании Программной комиссии состоялось 28 июня. А еще через месяц, 23–24 июля, его обсудили на Пленуме Центрального комитета партии. Это был последний Пленум ЦК КПСС. На нем, пожалуй, было меньше развязной критики в адрес Генсека и Президента: все понимали, что раскол и размежевание не за горами. Явную заявку на лидерство в традиционном крыле партии сделал в своем выступлении Лукьянов.

К тому же незадолго до Пленума опубликованный Указ Президента Российской Федерации о прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в госорганах, учреждениях и организациях Российской Федерации по-видимому, стимулировал некое «сплочение» партии перед лицом нависшей угрозы <...>

В конце июля я ушел в отпуск и уехал с супругой в Крым, в санаторий Нижняя Ореанда близ Ялты. Конец лета 1991 г. выдался погожим. Изумительная черноморская вода, прозрачный крымский воздух, ежедневные трехкилометровые заплывы, прогулки в горы — все это настраивало на благодушный лад <...> В первый же день я позвонил Михаилу Сергеевичу в Москву, чтобы поделиться с ним своими тревогами и соображениями, особенно в связи с практическим отсутствием реакции со стороны партийных и общественных организаций на Указ Ельцина.

Горбачёва на даче не оказалось. Сказали, что он в Ново-Огареве. Попросил соединить с ним, когда он будет на обратном пути в машине. Звонок раздался в 1.30 ночи. Михаил Сергеевич сообщил, что провел

в Ново-Огареве откровенный, нелегкий разговор с Ельциным и Назарбаевым^{xviii}, прежде всего о том, как действовать после подписания Союзного Договора.

В разговоре затрагивался и Указ о департизации. Ельцин заверил, что никаких насильственных действий в связи с этим Указом предприниматься не будет, поэтому надобности в каких-то новых шагах со стороны Президента СССР нет. «А в общем надо уходить в отпуск... — добавил Михаил Сергеевич. — Вероятно, 4 или 5 августа. Там увидимся».

Дважды или трижды Горбачёв звонил мне уже из Фороса. Один из разговоров был навеян его работой над статьей об исторических судьбах перестройки. В своих рассуждениях он вновь и вновь возвращался к сути начатого нами обновления общества, его смыслу и критериях: следует ли нам опасаться обвинений в социал-демократизме и отмежевываться от них и т. д. Моя позиция по этим вопросам: сейчас важно не размахивать жупелами, не пугать и не пугаться, отдать приоритет прагматическому подходу, социально-экономической эффективности тех или иных форм общественной жизни. В то же время следует четко и определенно отмежеваться от тех, кто тянет к дикому, необузданному капитализму. Ведь это пройденный этап. Наиболее плодотворна идея движения общества разными путями к новой цивилизации. Именно она дает теоретическое и политическое объяснение перестройки и должна быть центральной в новой Программе партии.

Соглашаясь с этим, Горбачёв напомнил, что эта идея по существу уже сформулирована нами перед мировой общественностью. Он просил меня «поводить пером», чтобы потом свести все эти сюжеты, сказал, что пришлет материалы к статье, над которыми работает и Черняев. «А в Москве нас ждут важнейшие дела. На 20 августа намечено подписание Союзного договора, а на 21 августа — заседание Совета Безопасности с обсуждением наиболее острых текущих проблем — продовольствия, топлива, финансов»

<...>

Последний мой телефонный разговор с Горбачёвым перед форосским заточением был 13 августа. Накануне состоялось заседание Кабинета Министров, на котором возникла конфликтная ситуация с представителями российского руководства по тем неотложным вопросам (продовольствие, топливо, финансы), по которым, кажется, ранее была достигнута принципиальная договоренность. Президент пребывал в состоянии серьезной озабоченности и, я бы сказал, возбужденности

из-за того, что хрупкое согласие, достигнутое перед его отпуском, дает трещину.

Возвращаясь сегодня мысленно к тому разговору, я не исключаю того, что конфликт на заседании Кабинета Министров возник из-за попытки Павлова уже тогда провести пробу сил в смысле применения жесткой линии.

В воздухе пахло грозой, но мало кто предполагал, что она разразится столь быстро.

Глава VI. Удар в спину. Горбачёв теряет власть

Август 91-го. — Кто кого предал. — Борьба за спасение Союза не приносит успеха. — Отставка Президента.

Август 91-го

Еще накануне, в воскресенье, ничто не предвещало беды. Весть о грозных событиях в Москве до меня дошла рано утром 19 августа на берегу моря. Бросился в свой номер к телефонам, но они молчали. Телефоны (спецсвязь и городской), оказывается, у меня отключили еще с вечера, но в воскресенье это просто не было замечено.

В санатории в это время проводил свой отпуск председатель Крымского рессвета Багров^{xix}. Я — к нему. Но тот тоже толком ничего не знал, ибо был отрезан от правительственной связи, как и Главком Военно-Морского Флота адмирал Чернавин^{xx}, находившийся в том же санатории. Багров в этот момент ждал машину, чтобы ехать в Симферополь.

Мое решение было ясно и определено — как можно быстрее попасть в Москву, тем более, что, как сообщил Багров, прошедшей ночью со специального аэропорта Бельбек вылетели один или два самолета. Сразу же возникло опасение, что Горбачёва не только отстранили от власти, но и вывезли из Фороса. Я настоятельно попросил Багрова по прибытии в Симферополь принять все меры для того, чтобы сегодня же отправить меня в Москву, может быть, поездом, ибо это в какой-то мере обеспечивает анонимность отъезда. Поддерживать связь договорились через главврача санатория, у которого городской телефон работал.

Попытался связаться с «Южным», где в это время находились Примаков и Шахназаров. Ответил лишь один телефон — в регистратуре. Попросил найти Примакова, чтобы он перезвонил мне тоже через регистратуру. Минут через десять позвали к телефону. Примаков, естественно, ничего нового сообщить не мог, за исключением того, что накануне днем

у Горбачёва был обычный телефонный разговор с Шахназаровым, значит, версия о болезни Горбачёва — вымысел. Связи с Президентом никакой, да и со всем миром тоже, поскольку в «Южном» все телефоны, кроме одного, отключены. Решение у Примакова, как и у меня, — как можно скорее отправиться в Москву.

Настроения среди публики в санатории самые тревожные. Обращаются с расспросами ко мне, но я ничего не могу сказать, кроме того, что это какая-то безрассудная авантюра.

Где-то в четвертом часу через главного врача санатория поступил сигнал, что, кажется, можно улететь самолетом. Чемоданы были уже давно собраны, машина стояла, и через два часа мы с супругой были в Симферополе. В аэропорту встретились с Примаковым и Лучинским^{xxi}, а в самолете с нами летели также Биккенин и Дегтярев^{xxii}. Настроение у всех тяжелое, хуже некуда. Хотя почти ничего не было известно, но ясно — версия о недееспособности Президента прикрывает его насильственное отстранение от власти, над ним нависла серьезная опасность. Поразило более всего то, что за этими антиконституционными действиями стоят подписи известных и довольно близких Президенту людей.

Я был готов ко всему, ожидая каких-то акций и в санатории, и особенно в пути, но все вроде складывалось благополучно. Были опасения, как встретят у трапа во Внукове. Но и тут, как обычно, около депутатской стояли машины, вызванные по нашей просьбе. Будто ничего не произошло. Поразили улицы и площади Москвы, набитые вооруженными людьми и военной техникой.

Приехав домой, я был немало удивлен, узнав, что связь, в том числе и правительственная, работает. Решил прежде всего связаться с Болдиным. Вначале позвонил по его служебному телефону. Ответили, что Валерия Ивановича на месте нет.

— Где он?

— Болен, в ЦКБ.

— Дайте номер телефона.

Пауза. Переспросили, кто говорит, и назвали телефон.

Разговор с Болдиным в больнице около 23-х часов был кратким: по телефону такие вещи обсуждать рискованно. На мой вопрос, что произошло, что вы тут натворили, ответ был такой: «Ты не все знаешь. Завтра я буду на работе, и мы можем встретиться».

Прослушав вечером все официальные сообщения, я еще и еще раз раздумывал о случившемся. В этих сообщениях масса противоречий

и несообразностей, которые не могут остаться незамеченными. Если Горбачёв не может исполнять обязанности Президента, то почему он сам не заявил об этом? Если болезнь настолько серьезна, что он не в состоянии ни сказать, ни написать хотя бы несколько слов, то почему нет заключения о характере болезни? Зачем прервана его связь с внешним миром? Почему Заявление советского руководства подписывают три лица — Янаев^{xxiii}, Павлов^{xxiv} и Бакланов^{xxv}? Почему именно они объявляют о создании ГКЧП^{xxvi}? В постановлении № 1 этого комитета говорится об учете всех ресурсов продовольствия, об уборке урожая, об ускорении жилищного строительства, но что же мешало Кабинету Министров делать это раньше? И т. д. и т. п.

Не скрою, что уже в первый день в разговорах с некоторыми людьми пришлось столкнуться с подозрением, а не согласовано ли все это с самим Горбачёвым? Иными словами, не является ли сам Горбачёв участником заговора, предоставляя другим выполнить «черную работу», а самому воспользоваться ее результатами? Потом такого рода подозрения не раз фигурировали в печати и даже в заявлениях некоторых видных деятелей, в том числе близких Горбачёву. И для себя, и в разговорах с другими я решительно отвергал такой вариант. Он не согласуется с логикой событий и, главное, с характером и убеждениями самого Горбачёва. Его просто надо знать.

На следующий день, 20 августа, как обычно делал, вызвал машину и направился в Кремль. У Боровицких ворот стояло несколько тяжелых танков и мощная бульдозерная установка для развала баррикад. Кремль был набит военными машинами и бронетранспортерами. Опасение, что не пустят в Кремль и в президентское здание, не оправдалось: лишь на въезде усиленная охрана и более тщательная процедура узнавания. Взял ключ в комендатуре, открыл свой пустой кабинет (мои сотрудники в это время находились в отпуске). Связь, как и дома, в порядке, но на всякий случай, «в целях конспирации», звонил не по своему аппарату АТС-1, а из смежного кабинета. Как условились, сделал звонок Болдину, но он, как ответили, на совещании. Какое может быть совещание? С кем?

Связался с Примаковым, а затем и спустился к нему на второй этаж. Там собрались Бакатин^{xxvii}, Вольский и Ярин^{xxviii}. Все были единого мнения — налицо заговор группы лиц, ими предприняты антиконституционные действия, ввод в Москву танков и вооруженных сил носит провокационный характер, создает реальную угрозу кровопролития, а жизнь

Президента в опасности. В этом духе подготовлено Заявление Примакова и Бакатина, как членов Совета Безопасности. По моему предложению в него добавлены два требования — о гарантиях личной неприкосновенности Горбачёва и предоставлении ему возможности выступить в средствах массовой информации. Сошлись на том, что нужны усилия, чтобы прекратить военное вмешательство, освободить Президента, потребовать его личного присутствия на заседании Верховного Совета.

Между тем, в Москве вокруг Белого дома разворачивается массовое движение против путча, строятся баррикады. Активно действует Ельцин^{xxxix}: выпускает обращения и указы. Состоялся мощный митинг, собравший более 100 тысяч человек. Был митинг и у Моссовета, на котором выступили в числе других Яковлев и Шеварднадзе. А со стороны самозванных властей никаких официальных сообщений, кроме указа Янаева об отмене указов Ельцина. По единственной работающей программе телевидения демонстрируются балеты, мультики. Не догадались или не смогли организовать, казалось бы, самое элементарное и выгодное для себя — заявлений, откликов в поддержку путча. Создавалось такое впечатление (оно потом подтвердилось), что среди путчистов царит неуверенность и растерянность.

Во второй половине дня позвонил Болдин, и произошла встреча с ним. У него был, в прямом и переносном смысле, бледный вид. Чувствовал себя он со мной крайне неловко, старался как-то смягчить разговор, подчеркнуть вторичность своего участия в развернувшихся событиях, неактивность ввиду болезни, заботу о судьбе Михаила Сергеевича. Болдин поведал, что 18 августа был вызван из больницы в ГКЧП. Ему с учетом близости к Президенту было предложено выехать в Форос для разговора с Горбачёвым. На вопрос, кто был еще с ним, назвал — Бакланова, Варенникова^{xxx} и Шенина^{xxxi}.

Эта группа, по рассказу Болдина, должна была убедить Президента в необходимости принятия чрезвычайных мер, а если он не согласится с этим, предложить ему уйти от власти то ли на какой-то период, то ли вообще. А аргументация сводилась к тому, что страна идет к катастрофе, экономика в страшном кризисе, Союз на грани распада в результате сепаратистских действий России и Украины. Ельцин снова встает на деструктивный путь. Без чрезвычайных мер остановить эти процессы невозможно.

«Ну, и как же Горбачёв реагировал на вашу миссию?» — спросил я. Ответ на этот вопрос оказался для Болдина, пожалуй, самым трудным.

Он не мог сказать правду, ибо она была для него уничтожительной. Но не решился и полностью извратить ее — ведь она все равно стала бы известной: «Президент высказался за то, чтобы действовать в рамках закона» (в действительности он потребовал немедленно созвать заседание Верховного Совета и там решать все вопросы), «предупредил против нарушения демократических норм», но «я видел, что был внутренне не согласен с нами». (На самом же деле Горбачёв обозвал собеседников крепким словом и категорически отверг их предложения). Вопрос о болезни Президента Болдиным вообще не поднимался ввиду очевидной абсурдности этой версии.

«Валерий, как же ты мог пойти на такой шаг?»

«Я сделал это в интересах самого Горбачёва, чтобы после какого-то времени он мог вернуться».

Выслушав не очень связные объяснения Болдина, я понял, что он является одним из участников заговора, и заявил ему следующее:

«То, что произошло, — это авантюра, которая непременно закончится провалом. Вопрос лишь во времени, которое может на это уйти, и числе жертв, которых это может стоить».

Отстранение Президента от власти и введение чрезвычайного режима не способны решить ни одной проблемы, а лишь приблизят страну к краху. Насилием не добиться политической стабильности, с его помощью невозможно подавить оппозиционное движение, напротив, можно прийти лишь к гражданской войне.

Нормализация экономики тоже недостижима. Пиночетовский вариант с щедрой иностранной помощью не пройдет; напротив, внутренние беспорядки и неизбежное перекрытие каналов внешнеэкономической помощи быстро приведут экономику к катастрофе. Переворот не только не ослабит центробежные тенденции в Союзе, а, напротив, вызовет неминуемый развал Союза, ибо республики не захотят ходить под такой властью».

Болдин заметил: «Да, но руководители республик, в частности Казахстан и Украины, высказались в поддержку ГКЧП. В таком же духе идет много писем». — «Первая реакция, — продолжал я — не всегда основывается на глубоком понимании происходящего. А с помощью писем, — ты же хорошо знаешь, — можно доказать все, что угодно. Главное же — глубинные процессы и настроения, а тут сомнений быть не может».

Что касается возможного возвращения Горбачёва, то на танках и штыках он никогда не вернется, и ты прекрасно это знаешь. А если

возвратится, убрав войска, то все зачинщики этой авантюры пойдут под суд. Ты, как лицо, приближенное к Президенту, несешь особую ответственность за его безопасность и за возможное кровопролитие.

Что касается меня, то, конечно, в этой аванюре я не участвую, оставляя за собой право на свои оценки происходящего».

В тот же день я информировал Примакова и Бакатина о состоявшемся разговоре. Вечером, около своего кабинета столкнулся в коридоре лицом к лицу с Баклановым. Тот начал говорить о «противодействии развалу Союза», «авантюризме Ельцина и Кравчука», что «за Ельциным одна пьянь». Таков политический кругозор и уровень мышления.

— Что же вы делаете: обвиняете Ельцина и Кравчука, а бьете по Горбачёву? Что касается того, кто за кем идет, то попробуйте собрать хотя бы один стотысячный митинг.

Утром 21 стало известно, что ночью ситуация была на грани драматической развязки. Какое-то движение произошло в районе проспекта Калинина, погибли люди. Но из-за разногласий в руководящей верхушке ГКЧП события не были доведены до крайности — вооруженного столкновения <...>

Появились явные признаки провала переворота. Стало известно, что коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе войск из столицы. Бакатин информировал о том, что ночью Крючков предложил Ельцину совместно лететь в Крым к Горбачёву. Ельцин ответил, что без согласия Верховного Совета этого делать не будет. Вряд ли тут какие-то воинственные планы у Крюčkова. Скорее всего, это его маневр, чтобы спасти себя или облегчить свою участь. Пришли к выводу, что, если будут предложения со стороны российского руководства, полететь в Крым и Примакову с Бакатиным.

Примерно в это время позвонил Янаев и просил Примакова зайти на пять минут. Вернувшись, Примаков сказал, что Янаев якобы ночью отговаривал членов ГКЧП от штурма Белого дома и утром дал указания выводить войска. Сейчас к этому решению примазываются все. Лукьянов, по словам Примакова, тоже якобы давал такие указания. Янаеву был дан совет немедленно выступить с покаянием, осуждением путча и заявлением о роспуске ГКЧП.

Позвонил Вольский и сказал, что организует у себя в Научно-промышленном союзе пресс-конференцию. Пригласил принять участие в ней Бакатина и Примакова. Я предложил и свое участие, но настаивать на этом не стал.

Вернувшись к себе, набрал телефон Болдина и сказал ему одну фразу: кончайте эту авантюру и как можно быстрее. Ответ был довольно глухой, вроде он с кем-то говорил на эту тему.

Во второй половине дня стало известно, что у Президента восстановлена телефонная связь. Это было его первое требование после того, как он узнал, что к нему направляются Крючков^{xxxii}, Язов^{xxxiii}, Бакланов, Лукьянов и Ивашко. Они вылетели в Крым около 14:00. А где-то вскоре после 16:00 туда направился и российский самолет с Силаевым^{xxxiv}, Руцким^{xxxv}, Примаковым и Бакатиным <...>

Поздно вечером стало известно, что Президент вылетел в Москву. Мы решили с Ожерельевым поехать в аэропорт. Встречали Президента Станкевич^{xxxvi} и Шахрай^{xxxvii}. Президент прилетел около 2 часов ночи на российском самолете вместе с Руцким, Силаевым, Примаковым, Бакатиным. Он был в легкой спортивной одежде, утомленный, но возбужденный.

В том же самолете летел и Крючков, который, как мне сказали, в начале полета был обыскан, а по прибытии арестован. Всех остальных визитеров доставил следующий самолет — президентский. Позднее в аэропорту был арестован и Язов <...>

Последствия путча, в котором участвовали руководители всех основных союзных органов власти и управления, поставил под вопрос само существование союзных структур. В самом начале развития событий Ельцин предпринял ряд шагов, направленных на овладение союзными структурами посредством подчинения их российским. Во все союзные органы, в министерства и ведомства были направлены представители российского правительства с неограниченными функциями. Деятельность союзных органов оказалась практически парализованной. Для противодействия путчистам эти шаги были вынужденными и оправданными, но с поражением путча этот процесс не спешили приостанавливать. Маховик продолжал раскручиваться. Поражение путча начало перерастать в контрпереворот — полный переход власти в Союзе в руки российского руководства неконституционным путем <...>

Последствия путча были крайне тяжелыми. Говорить о их преодолении в результате принятых мер не приходится. Развязанные путчем разрушительные процессы огромной силы не только не сбавляли, а наоборот, набирали инерцию. Считаю, что драматическая судьба Союза, а вместе с тем и президентской власти, была по существу предreshена еще в августе. В этом главный результат путча и главная ответственность его организаторов.

Какая-то надежда еще существовала, какие-то шансы на предотвращение развала страны еще сохранялись. Они были связаны с действием объединительных, центростремительных сил, осознанием того, что несет распад Союза, что его ведь не остановишь у границ республик, особенно многонациональных.

Всю деятельность Президента в этот период надо было сосредоточить на сохранении отношений экономического и политического союза между республиками, используя для этого малейшие шансы <...>

Борьба за спасение Союза не приносит успеха

Основной смысл деятельности президентской администрации в послевгустовский период состоял в сохранении Союза республик, предотвращении его начавшегося распада.

В этом вопросе, как в фокусе, сходилось все: и судьба экономической реформы, успех или неуспех антикризисных усилий, и политический климат, духовное и моральное самочувствие народов, и роль страны на международной арене.

Ситуация в межнациональной сфере и раньше предопределялась соотношением двух тенденций. Одна из них связана с экономической интеграцией, производственной кооперацией, развитием научно-технических связей, духовно-культурным взаимодействием народов, процессами миграции населения. Своими корнями эта объединительная тенденция уходит в глубь веков.

Другая тенденция выражается в росте национального самосознания народов, национальной идентификации, развитии языка и культуры, все большего неприятия любых проявлений национального неравенства и тем более притеснения — одним словом, национального самоопределения. Эта тенденция также имеет многовековую историю.

В годы перестройки она получила доминирующее значение. Решительная критика старых порядков, административно-командной системы, проявлений унитаризма, исходивших от Москвы, привели к тому, что центростремительные, интеграционные процессы оказались отесненными на какой-то период на второй план. И напротив, в бурных формах стало проявляться действие центробежных сил.

Августовский путч взвинтил эти силы. Республики еще острее почувствовали, что от Москвы нельзя ждать ничего хорошего ни политически, ни экономически, а угроза для их национальных устремлений вполне реальная. Ссылки на первоначальные заявления некоторых

республиканских руководителей, не содержавшие решительного осуждения переворота в Москве, неосновательны. Отмежевание от Москвы, причем в резких формах, в этом случае было совершенно неизбежно, и оно было чревато серьезнейшими осложнениями и конфликтами.

Но и подавление путча, сопутствующие ему действия российского руководства, не способствовали стабилизации отношений внутри Союза. Республики почувствовали опасность с другой стороны — от тех, кто встал на пути путча, но затем сам оказался во главе власти и приступил к разрушению союзных структур. К этому со стороны сепаратистских сил сложилось двойственное отношение: во-первых, заинтересованность в ослаблении и разрушении центра, открывавшая благоприятные возможности для выхода из Союза, и во-вторых, крайняя обеспокоенность действиями российских руководителей по овладению союзной собственностью, союзными управленческими структурами. Масла в огонь подлили и непродуманные заявления о возможности изменения границ между республиками.

В этих условиях Украина уже 23 августа сделала свое известное заявление о независимости, которое положило начало серии заявлений о независимости и со стороны других республик. Украина объявила о проведении 1 декабря референдума о независимости^{xxxviii}. Ясно, о чем шла речь. Начался период лавирования украинского руководства, фактического отхода его от договорного процесса, постепенного ограничения участия в работе союзных структур.

Я не думаю, что в этой эскалации распада Союза следует винить лишь одну какую-то республику. Но, конечно же, очень многое определялось политической линией и конкретными шагами Российской Федерации и Украины. Я считал и считаю, что у руководителей этих республик не хватило адекватного обстановке понимания необходимости сохранения Союза, своей ответственности за судьбы страны, многонационального государства, складывавшегося веками и не по чьей-либо субъективной воле, а в силу реальных условий и объективных потребностей.

Эти руководители не новички в политике. Трудно предположить, что они не ведают, что творят. Вольно или невольно рождается подозрение, не принесены ли интересы союзного государства в жертву политическим устремлениям этих лидеров, укреплению их власти. Очень не хотелось бы думать, что это так. Но факты, логика событий — очень упрямая вещь: чем другим, если не стремлением к укреплению своей политической власти, объяснить действия российского руководства

по подчинению союзных структур властям Российской Федерации даже после того, как путч провалился и было совершенно очевидно, что союзные структуры не представляют никакой опасности.

<...> Во всем чувствовалось, что назревают новые шаги, направленные против Союза, в результате которых могут наступить обвал, необратимые перемены.

Отставка Президента

Толчком для развязки послужил референдум на Украине. Даже Крым, юг и восток Украины проголосовали в пользу независимости, не говоря о Киеве и тем более о западных областях республики.

И до референдума, и после обнаружения его итогов немало говорили о том, что голосующие были поставлены в щекотливое положение — надо было ответить на вопрос: ты за или против уже принятого Верховным Советом республики акта о независимости. Может быть, это действительно повлияло на мнение какой-то части граждан, занимавшей неопределенные или колеблющиеся позиции. Но все же этим объяснять итоги референдума было бы неправильно.

Я думаю, и национальный момент не имел здесь самодовлеющего значения. Ведь и значительное число русских высказалось в пользу независимости республики. По-моему, главное в том, что в глазах населения Украины сильно упал авторитет Москвы, России, Центра. Просто не хотят «ходить под Москвой» с ее неразберихой, экономической нестабильностью и материальной необеспеченностью, угрозой диктатуры. На Украине до этого времени было больше порядка и относительного благополучия. Следует иметь в виду, что настроения отчуждения от Москвы, регионального сепаратизма оживились по всей стране, даже в русских районах Российской Федерации. А тут они переплелись и с национальными моментами.

Как теперь поведет себя украинское руководство, какую линию займет Кравчук? Ведь интерпретация итогов референдума в принципе возможна и в ту, и в другую сторону, некоторые из республик, объявивших ранее о независимости, отнюдь не хотят выходить из Союза. Как будет с Украиной?

Многое здесь зависело от российского руководства. Характерно, что Ельцин практически сразу, после получения итогов референдума, признал независимость Украины, выступил за установление с ней дипломатических отношений и тем самым не оставил никаких сомнений

относительно позиции российского руководства. За этим, естественно, последовало признание независимости Украины и со стороны других республик Союза. Началась полоса международно-правового признания Украины и странами мира.

Горбачёв пытался воздействовать на ход событий. Еще до референдума он решительно отреагировал на заявление Буша, которое могло оказать давление на избирателей. Заявил о том, что положительный ответ на вопрос референдума сам по себе не означает выхода Украины из Союза. 3 декабря выступил с эмоциональным обращением к парламентариям страны, призвал их со всей ответственностью отнестись к обсуждению Договора о Союзе Суверенных Государств, предостерег от разрушения государственности. 4 декабря все-таки собравшиеся палаты Верховного Совета СССР даже одобрили проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Но все это были уже последние, можно сказать, отчаянные усилия. Союз поставлен на грань распада, а вместе с ним рушится и последний рубеж, который защищал его Президент <...>

В одном из разговоров, состоявшихся в эти дни с Горбачёвым, я сказал ему:

— Михаил Сергеевич, рушится последняя «союзная» позиция, которую Вы защищаете, как президент. Надо уловить момент, когда придется принимать решение, чтобы уйти самому, сохранив свое лицо.

— Да, это так, но буду отстаивать сохранение Союза до конца, опираясь на те общественные силы, которые выступают против разрушения союзной и российской государственности, отбросив идеологические различия во имя одного — спасения государства.

Горбачёв попросил меня еще раз вернуться к аргументации о необходимости и важности Союза, пагубности его возможного распада для перспектив экономического развития. 8 декабря, в воскресенье, он позвонил мне на дачу в Успенское и сказал, что материал ему нужен сегодня для подготовки заседания Госсовета, назначенного на 9 декабря, на котором он предполагал вновь вернуться к проблеме подписания Договора о Союзе Суверенных Государств. За несколько часов такой материал был сделан и направлен в приемную, там его перепечатали и отправили Президенту.

Утром позвонил Президенту в машину (это был наиболее удобный «выход» на Горбачёва для оперативных переговоров по каким-то вопросам) и спросил, не нужно ли дополнительно что-то подготовить к заседанию Госсовета. Михаил Сергеевич ответил, что теперь уже нужны не аргументы, а нечто другое.

Смысл его слов я понял, когда развернул газеты и увидел «беловежские» документы, подписанные главами РСФСР, Украины и Беларуси^{xxxix}. Они в корне меняли дело, создавали совершенно новую обстановку, по сути дела, узаконивали развал Союза.

Этот шаг, хотя в принципе и не был неожиданным, являлся новым потрясением для страны, да и для всего мирового сообщества. Беловежское соглашение трех руководителей — логическое завершение линии на разрушение Союза, проводимой определенными общественно-политическими силами, того контрпереворота, который, по сути дела, начался в стране в ходе подавления августовского путча, на время приобрел подспудные, скрытые формы, а теперь снова вышел наружу и одержал верх, несмотря на все усилия со стороны Президента остановить его <...>

25 декабря состоялось выступление Горбачёва по телевидению — выступление искреннее, откровенное, принципиальное, в определенной мере самокритичное. Отклики были разные. Со стороны бывших партийцев сетования на то, что Горбачёв опять якобы забыл о своих сторонниках, недостаточно отмежевался от Ельцина. Другие, напротив, восприняли его, как слишком оппозиционное.

Говорят, его смотрели всем российским правительством. Ельцину оно почему-то сильно не понравилось. Последовала реакция. Ельцин не приехал на процедуру принятия «черного портфеля», стал «досрочно» вытеснять Горбачёва из главного Президентского кабинета.

Во второй половине дня 26 декабря, зайдя к Горбачёву, я нашел его во взвинченном состоянии. Через охрану ему было дано понять, что Ельцин собирается уже наутро занять этот кабинет вопреки ясной договоренности о том, что до конца недели будет продолжаться работа Президента и его аппарата. При мне Михаил Сергеевич переговорил с товарищами из окружения Ельцина, дал поручение Ревенко^{xl} связаться по этому вопросу с Петровым. Вроде бы все было урегулировано.

27 декабря, в полдень, я позвонил в приемную, чтобы, как обычно, перед тем, как поднять трубку прямой связи с Президентом, узнать у ребят в приемной, на месте ли он и кто у него. Ответил незнакомый голос: «Его в кабинете нет и не будет». Я был немало удивлен. И лишь после этого узнал о том, что в тот день произошло.

Ранним утром в аппарат Горбачёва сообщили, что Ельцин в 8:30 начнет свою работу в этом кабинете. У Горбачёва на утро была назначена беседа с японскими журналистами, предусматривались и другие встречи, да и кабинет не был еще полностью освобожден. Пришлось ему

встречаться с иностранцами в другом месте, а оставшиеся в кабинете вещи перебазировать в комнату охраны.

Рассказывают, что новый хозяин кабинета прибыл туда в девятом часу, встретился в течение короткого времени с несколькими людьми, поднял тост со своими ближайшими сподвижниками и уехал в другое место. Спрашивается, для чего нужна была вся эта унижительная концовка?

28 декабря я в последний раз накоротке заехал в Кремль, в свой кабинет. В Президентском здании уже царили другие люди. Забрал оставшиеся бумаги и книги и уехал домой, пребывая во власти сложной гаммы чувств. В чем-то они были схожи с теми, которые владели мной после последнего партийного съезда. Вроде бы, как и тогда, с плеч спала огромная тяжесть ответственности, но теперь несравненно мучительнее были размышления о происшедшем в стране, острее тревога за настоящее и будущее...

Г. Х. Шахназаров С ВОЖДЯМИ И БЕЗ НИХ¹

<фрагменты>

<...>

С 1982 по 1985 год в Советском Союзе умерли три лидера. Повсюду в мире, если вывешивают окаймленные черной полосой флаги и передают по радио траурный марш Шопена, люди спрашивают: кого хоронят? У нас за эти три года приучились спрашивать: кто председатель похоронной комиссии? Не думаю, впрочем, чтобы подавляющую массу советских людей особенно волновало, кто станет очередным Генеральным секретарем ЦК партии и властителем их судеб. Все знали, что место это пусто не останется, его, разумеется, займет один из нынешних членов Политбюро, и полагали, что от этого не будет ни хуже, ни лучше. Поначалу новый лидер чего-нибудь сочинит, чтобы приобрести популярность и показать характер, а там все войдет в свою колею, как не раз бывало. Так что и надеяться на перемены, и бояться их нет оснований. И только сравнительно небольшое число людей в столице Союза и в главных городах республик, имевшие доступ к кабинетам и коридорам здания ЦК на Старой площади, осведомленные о реальном положении дел и знавшие, хотя

¹ Цит. по: *Шахназаров Г. Х. С вождами и без них*. М.: Вагриус, 2001. С. 291–293, 305, 307, 316–318, 326–329, 331–334, 371–378, 381–382, 401–407, 410–417, 441–447, 455–458, 460–469, 480–482, 484–486.

бы по кулуарным слухам, кто может претендовать на пост генсека, только эти люди отдавали себе отчет, что речь идет не об обычной рутинной процедуре, а об очень серьезном выборе, поворотном моменте в жизни страны. Но едва ли кто-нибудь из этих знающих людей, даже самых проныцательных, мог предположить, каким резким и глубоким окажется этот поворот. Думаю, в 1985 году и прогрессистам, вынашивавшим замысел глубокого преобразования системы, и консерваторам, полагавшим, что она нуждается в косметическом ремонте, и непримиримым ее врагам, желавшим ей поскорей сгнуться, только во сне (для кого кошмарном, а для кого радужном) могло представиться, какой станет страна к концу правления Горбачёва. Тогда же общество страстно хотело одного: чтобы во главе партии встал наконец молодой, энергичный человек. В составе Политбюро такой человек был, и симпатии всех на нем сосредоточились.

Горбачёв был избран не потому, что на него указал Андропов в своем устном завещании, переданном через Аркадия Вольского Центральному Комитету. Как известно, с этим завещанием поступили так же, как в свое время с ленинским, — просто скрыли, вычеркнув соответствующую фразу из доклада на пленуме ЦК. И не потому, что коллеги признали в нем бесспорного лидера — в кругу сановных вельмож каждый считает себя подходящим претендентом на роль вождя, если, конечно, нет такого, кто возвышался бы на голову, заведомо обеспечил себе первое место своими прежними деяниями, как Наполеон среди генералов или Ленин среди большевистских вожаков. Таких подвигов за спиной у Горбачёва не было. Не выделялся он среди коллег ни выдающимися достижениями в бытность секретарем Ставропольского крайкома, ни успехами на первоначально порученном ему участке руководства сельским хозяйством, ни тем более чем-нибудь заметным в области идеологии и международных отношений, которую он получил по наследству от Черненко на какие-то полтора года.

Горбачёв был избран, потому что такова была воля не признаваемого официально, но реально существовавшего общественного мнения. Людям отчаянно надоело участвовать в позорном фарсе, который разыгрывал в течение многих лет своего правления пятизвездный Герой Советского Союза и Социалистического Труда. Лицезреть вождей с трясушимися головами и выцветшими глазами. Думать, что этим жалким полупаралитикам доверены судьбы страны и половины мира. Видеть ежегодные похороны, которые, что само по себе кощунственно, проходили уже в атмосфере не скорби, а откровенных издевок.

Одного этого было достаточно, чтобы категорически отвергнуть возможность избрания очередного старца. Ну а помимо того молва распространила сведения о Горбачёве как незаурядной личности, способной пробудить сонное царство, вдохнуть новую энергию в наш дряхлеющий партийно-государственный механизм.

И конечно же, немалую роль сыграла его харизматическая внешность. Умное, улыбчивое лицо с правильными чертами и выразительными глазами (за годы общения мне приходилось видеть Михаила Сергеевича усталым, невыспавшимся, больным, но никогда взгляд у него не был потухшим), с родовым пятном на лбу, как впечатляющем знаке избранности. Ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура. Уверенная манера держаться. Открытость и доброжелательность в сочетании с умением придать себе, когда надо по ритуалу и обстоятельствам, строгий, властный вид. Словом, он весь соткан из обаяния, и этого было достаточно, чтобы с первых появлений на экране и на улице завоевать симпатии. К тому же несколькими хорошо рассчитанными шагами он с самого начала показал себя лидером, близким простому народу (поездки в Ленинград, Киев, на московские заводы и в подмосковные колхозы, на Дальний Восток, Север, Урал, в родные южные края, в некоторые республики).

Правильными были и первые крупные начинания в политике, в особенности ставка на ускорение научно-технического прогресса <...>

От первых робких попыток изменить закоренелый политический порядок и засилье милитаризма Горбачёв переходил к действительно глубоким реформам. И увертюрой к ним, как это было во всех подобных случаях, стала свобода слова <...>

С первых дней своего прихода к власти Горбачёв начал взламывать эту непроницаемую завесу секретности. Достаточно осторожно, отдавая себе отчет, что слишком большие порции правды могут оглушить общество, а узнай оно сразу обо всем, что творилось, стал бы неминуем взрыв народной ярости. Поэтому сперва ограничились небольшими дозами достоверных или по крайней мере приближенных к истине сведений. Причем по каждому конкретному случаю принималось решение ЦК. Оглашать данные, находившиеся прежде под запретом, поручалось, естественно, только самому генсеку — ведь всякая новая информация была, как принято говорить, изюминкой, украшавшей очередное выступление и привлекавшей пристальное внимание дома и за рубежом. Очень скоро о Горбачёве стали говорить как о поразительно откровенном

руководителе, далеко опередившем открытостью всех своих предшественников. Это было совсем не просто <...>

С осени 1990 года, когда пресса безжалостно его молотила. Горбачёв, можно сказать, повернулся к ней спиной. Отношения со многими редакторами, ходившими раньше в фаворитах, испортились <...> Конечно же, у него и в мыслях не было отречься от гласности, потому что без нее можно ставить крест на всех наших реформах. Помимо политического расчета и, безусловно, развитого у Горбачёва демократического сознания, свою немалую роль играли при этом его человеческие качества. Не мог он, подобно Тарасу Бульбе, убить свое дитя. И как порой ни раздражался, досадовал на газетчиков, а все равно его к ним тянуло, даже к тем, кто больнее «кусал», и больше именно к этим. Его горделивое самолюбие, окрыленное триумфом, с каким встречались первые шаги реформы в народе и во всем мире, отвергало саму мысль заткнуть рот своим критикам, включая тех, кто поносил его незаслуженно. А вот переубедить их поступками, «обаять» при личной встрече, заставить пусть злобные и ехидные, но отнюдь не блеклые и скучные умы пересмотреть свое к нему отношение, привлечь их перья на свою сторону — вот это было ему по душе, по темпераменту. Он всегда с азартом выбирал задачи посложней и часто говорил о своем недоверии к облегченным, простым решениям, достигаемым командой: закрыть, подавить, разогнать...

<...>

Генеральная направленность реформы была четко задана XIX партийной конференцией. Но когда дело дошло до конкретики, обнаружились расхождения. Первое касалось Съезда народных депутатов СССР. Нет сомнения, что идея эта была навеяна Лукьянову основательным знакомством с историей советской власти. Анатолий Иванович, мне кажется, воспринял ее первые институты в романтическом ореоле. Сами слова «Съезд Советов» звучали в его устах как музыка, гимн подлинно народной и пролетарской демократии. Он был так очарован этим продуктом революционного творчества, что не давал себе труда вслушаться в контраргументы. А они были. Съезды Советов с самого начала обнаружили неспособность выполнять функции высшего законодательного органа. Этот институт не смог противодействовать наступавшей единоличной диктатуре. С ним даже не пришлось расправляться как в свое время с Учредительным собранием — преспокойненько ликвидировали росчерком пера и заменили парадным Верховным Советом. Другое разногласие касалось самого Верховного Совета. По схеме, представленной Лукьяновым,

он должен был состоять из двух громоздких, по численности (по 750 человек) равных палат, и каждой вменялось заниматься всем комплексом вопросов, выносимых на рассмотрение парламента. Иными словами, структура Верховного Совета сохранялась почти без изменений. В противовес этому я считал разумным не только не усложнять политическую систему громоздким Съездом народных депутатов, но и Верховный Совет учредить компактным, общей численностью до 500 человек, с традиционным для федераций делением на высшую (Совет республик) и низшую (Совет Союза) палаты. Наконец, предлагалось избирать депутатов тремя частями в равной пропорции — по территориальным избирательным округам, от республик и национальных автономий, от общественных организаций. Идея эта обсуждалась на одной из встреч с участием президента и показалась ему интересной. Действительно, при невысоком уровне политической культуры и отсутствии опыта участия в реальных, а не фиктивных выборах важно было заручиться гарантией, что хоть какая-то часть нового депутатского корпуса окажется в состоянии задать тон работе молодого нашего парламента. Так оно, в сущности, и получилось. Те, кто обрушился на представительство общественных организаций, объявив его нарушением демократических принципов, не дали себе труда поразмыслить либо упустили из вида очевидный факт: без этого на Съезде народных депутатов не оказалось бы ни Сахарова, ни Лихачева, ни многих других, сыгравших заметную роль в становлении парламентаризма. Признаюсь, сам я склонялся к альтернативному варианту, согласно которому представители общественных организаций должны были составить третью палату Верховного Совета, работающую на общественных же началах. То есть это было бы собрание наиболее уважаемых в стране людей, которые не занимались бы законодательством, а выносили политические вердикты по наиболее значимым вопросам общественной жизни. Разумеется, «профессиональный» Верховный Совет не смог бы с ними не считаться. Дискуссии возникли также вокруг устройства центральных органов власти. Многие юристы предлагали ввести президентскую республику с ответственным перед парламентом правительством, а также закрепить принцип разделения властей, создав Конституционный суд. Однако Горбачёв в то время склонен был сохранить систему Советов «снизу доверху»; президент, как единоличный глава государства, в нее не вписывался. Да и разделение властей не вязалось с полновластием Советов, поэтому вместо Конституционного суда придумали Комитет конституционного надзора, изначально обреченный

беспомощно болтаться между законодательной и исполнительной властями. В который раз подтвердилось, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Итак, мы с Анатолием Ивановичем убеждали генсека в преимуществах своих предложений, в конце концов ему это поднадоело, и он сказал: «Знаете, друзья, мне недосуг участвовать в ваших дискуссиях. Соберите лучших юристов, и пусть они приговорят, чья схема лучше». Через два дня я был приглашен в кабинет Лукьянова, где за длинным столом сидели приглашенные — известные наши административисты и знатоки государственного права. Как и следовало ожидать, все они взяли сторону секретаря ЦК — силен дух партийной дисциплины! Потом мы отчитывались перед шефом, и я откровенно сказал, что не верю в объективность устроенной Лукьяновым экспертизы. Но Михаил Сергеевич махнул рукой: «Юри вас рассудило, не будем возвращаться к этому». Он переглянулся с Лукьяновым, и я уразумел, что вся эта процедура была придумана для моего успокоения. В действительности генсеку пришлось по душе концепция Лукьянова. Нигде в мире нет Съезда народных депутатов, а у нас будет! Разумеется, сейчас трудно судить, как развернулись бы события, если бы остановились на «бессъездовском» варианте, и вместо нерабочего, двух с лишним тысячного собрания, рассчитанного на добрую половину мест в Кремлевском Дворце съездов, был создан оптимальный по численности парламент. Одно можно предположить: это помогло бы повести политические преобразования не взрывным революционным путем, а более спокойным, реформистским. И есть ирония истории в том, что, увлеченный «революционной поэтикой» Лукьянова, Горбачёв создал себе на голову «супердемократического монстра» и должен был, чтобы «держать марку», превозносить его как плод оригинального творчества перестройки. А Сахаров и его единомышленники, получившие благодаря этому институту возможность сразу же перейти в открытое наступление на систему, напротив, подвергли его зубодробительской критике, как никчемное, неработающее, парадное учреждение, чуть ли не придуманное коварными аппаратчиками, чтобы, как и прежде, манипулировать верховным органом государственной власти. Впрочем, как ни существенно определение формы будущего парламента, несравненно важнее был состав депутатского корпуса.

<...>

Когда в Кремлевском Дворце съездов торжественно открылся Первый съезд народных депутатов СССР¹, партийные лидеры могли чувствовать себя спокойно. Каждый второй в зале находился в их прямом

или косвенном подчинении, три четверти народных депутатов были членами партии — больше, чем в прошлом, когда в разнарядках соблюдались пропорции, соответствующие «блоку коммунистов и беспартийных». В канун съезда Георгий Петрович Разумовский, заведовавший организационно-партийным отделом, наставлял республиканских и областных секретарей, а те, в свою очередь, депутатов от своих округов, как вести себя на съезде. Правда, члены Политбюро впервые за советскую историю не были посажены в Президиум и встречены, как было заведено, вставанием и бурными аплодисментами. Им пришлось довольствоваться скромной правой трибуной или даже разместиться в зале рядом с другими «рядовыми» депутатами. Зато в перерывах между заседаниями можно было собраться в уютно обставленной комнате, примыкавшей к сцене, чтобы обменяться мнениями о ходе съезда, отдохнуть и подкрепиться. Буфет членов Президиума съезда располагался этажом ниже и обслуживался скромнее, по второму классу. Большие черные «ЗИЛы» по-прежнему подкатывали к закрытому для публики боковому подъезду, как в добрые старые времена. И так продолжалось до последней, предавгустовской сессии Верховного Совета 1991 года. Президент то ли не рисковал, то ли стеснялся сказать своим коллегам по Политбюро, что им пора спускаться в народ. А скорее всего — откупался этим нехитрым способом от партократии, оттягивал неизбежный ее мятеж. Он, можно сказать, действовал по Марксу, считавшему, что пролетариату предпочтительней откупиться от буржуазии, чем насильственно ее экспроприировать. Да и перед глазами у него был печальный пример Хрущева. Пока тот сотрясал устои своей анафемой по адресу культа личности — соратники терпели, а вот когда вознамерился ликвидировать кремлевскую столовую и навести экономию в пользовании автомобилями — этого ему не простили. Между тем с началом работы съезда стала очевидной иллюзорность расчетов на мощную партийную прослойку. Она сразу же расчленилась на несколько групп, обнаружив уязвимость тезиса о единомыслии коммунистов. Лихорадочные попытки сплотить фракцию КПСС ни к чему не привели. А те депутаты, на лояльность которых партийное руководство могло положиться, в большинстве своем не обладали качествами, необходимыми для ведения политической борьбы перед неумолимым глазом телекамеры. Опытные администраторы, в основном с инженерным и агрономическим образованием, всю жизнь проводившие в коридорах власти, они превосходили нуворишей из науки и журналистики как профессионалы-управленцы.

Но тягаться с последними в диспутах не могли. Не случайно уже с первых заседаний на авансцену вышли юристы. Такова природа парламента. Создав форму, нужно было придать ей достойное содержание, добиться, чтобы избранный Первым съездом народных депутатов Верховный Совет заговорил как настоящий парламент. Еще не угрожала опасность стать послушным и молчаливым орудием власти, исходящей со Старой площади. Не было уже безоговорочного послушания коммунистов Центральному Комитету, а самое важное — гласность породила оппозицию. Рассматривая списки народных депутатов, политологи могли с точностью до одного расположить их в «болоте» и на «горе» либо по другому критерию — справа, слева, в центре. Так надо ли было опасаться, что в парламенте воцарятся тишь и благодать, что он от рождения будет благовоспитанным тихоней? Безусловно, нет. Но следовало действительно опасаться того, что Верховный Совет станет полем схватки, в котором преобладающее большинство не то что подавит, а раздавит оппозиционное меньшинство. В результате обесценится сам замысел реформы, все вернется на круги своя и люди скажут: это фарс, попытка поднести нам прежнее постное блюдо под пикантным соусом. Вот чего не хотел допустить Горбачёв. И ради поддержания политического баланса, ради, если хотите, воспитания культуры парламентаризма целые дни проводил на сессии Верховного Совета, то и дело включался в прения, а в перерывах и по вечерним часам принимал депутатов, присматривался к ним, добросовестно выслушивал, старался понять и разделить их заботы. Он решительно отмахивался от своих коллег по партийному руководству, которые пеняли ему на чрезмерное увлечение парламентом, от чего страдают другие, гораздо более важные, по их мнению, участки работы. Доброжелатели говорили Михаилу Сергеевичу, что, фактически взяв на себя роль спикера, он наносит ущерб собственному авторитету. Когда миллионы людей, сидя у телеэкранов, наблюдают, как какой-нибудь безвестный юнец из числа депутатов вступает в пререкание с главой государства, а тот, вместо того чтобы испепелить наглеца, терпеливо с ним объясняется и даже сносит явные оскорбления, ничего хорошего от этого ни для государства, ни для лидера не будет. Но одной из самых привлекательных черт Михаила Сергеевича как политика было как раз то, что вопреки собственной выгоде он ставил на первый план достижение стратегической цели — введение в стране полноценной демократии. Как генеральный секретарь в ущерб своему престижу не раз заступался на пленумах ЦК за Ельцина, Лациса¹¹

и других «смутьянов», защищая их от расправы ретроградов, так на съездах народных депутатов президент урезонивал агрессивное большинство, требуя дать возможность высказаться Сахарову, не стонать с трибуны Черниченко^{III}, не заглушать криками Карякина^{IV}. А в Верховном Совете остужал страсти крикливых ораторов обеих сторон. Это вовсе не благостный нейтралитет, потому что правящая партия, от имени которой выступают алкснисы^V, коганы^{VI} и суховы^{VII}, обладая еще огромным перевесом, запросто могла заткнуть рты своим оппонентам. Горбачёв не допускал этого, хотя отнюдь не сочувствовал всему, что произносилось, иногда с яростью выкрикивалось из «межрегионального угла». Иными словами, он добросовестно выполнял роль арбитра, стараясь приучить новый парламент вести дискуссию, а не драться на кулаках. Когда это более или менее удалось, Михаил Сергеевич передал бразды правления законнику Лукьянову, и тот закреплял политическое равновесие с помощью юридических процедур. Итак, Горбачёв создал парламент, которому суждено было просуществовать меньше трех лет и кануть в вечность вместе с Советским Союзом. Будет крайней несправедливостью говорить, что эти героические усилия оказались зряшными. Союзный парламент почил в бозе, это так. Но накопленный им потенциал, как любит говорить Михаил Сергеевич, не рассыпался в прах, а разделился на 15 и даже больше частей, по мере того как автономии по примеру союзных республик обзаводились собственными парламентами. Конечно, у каждого из них свой характер, каждый претендует на специфику, но все-таки перенимает и структуру (президиум, комитеты, комиссии, аппарат, подсобные институты), и вновь обретенный законотворческий дух, выношенный похороненным без почестей их старшим братом. Что бы отныне ни говорили и ни писали о Горбачёве, как бы его ни ругали, он навсегда останется *отцом отечественного парламента*. Могут возразить, что впервые в России появилась Дума. Но Николай II не строил ее и не лелеял, он всего лишь декретом, притом вынужденным, позволил ей появиться на свет. А там уже это нелюбимое дитя должно было заботиться само о себе, не только не получая поддержки, но чувствуя на себе хмурый, подозрительный взгляд самодержца, только и думавшего, как поскорее спровести его на тот свет. Горбачёв, как примерный родитель, заботящийся о своем чаде, ухаживал за парламентом, помогал встать на ноги, не только не ожидая благодарности в будущем, но снося брыканье депутатов, которые после овации, устроенной ему при первом появлении, начали журить, потом поругивать, а осмелев и войдя во вкус, учиняли форменные

разносы, не всегда заслуженные. Президент обижался, досадовал, злился, и это порой прорывалось в резких репликах или невнятных угрозах, которые враждебно настроенная пресса, не прощавшая ему ни одного промаха, немедленно объявляла покушением на демократию. *Наряду с гласностью первые выборы и первый парламент, заслуживающие этих названий, — главное дело Горбачёва-реформатора.*

<...>

Два других эпизода, о которых я хочу рассказать, показывают другое свойство Горбачёва: как бы ни был он оскорблен своим соперником и с какой бы резкостью о нем ни отзывался, никогда не считал он возможным переступить рамки допустимого в политической борьбе. Обычным своим узким составом мы работали в Ново-Огарево, когда Вадиму Медведеву, как члену Политбюро, ведавшему идеологией, передали заметку из итальянской газеты «Республика», которая в издевательских тонах описывала пребывание Ельцина в США и утверждала, что он предается там чуть ли не ежедневному пьяному разгулу. Состоялось оживленное обсуждение: стоит или нет публиковать ее в нашей печати? Почти все говорили, что — дело беспроектное, речь идет всего-навсего о перепечатке, и непонятно, почему надо щадить человека, который переходит границы дозволенного; он подставился, а значит — следует этим воспользоваться, в конце концов борьба есть борьба. Кто-то, правда, выразил сомнение: чем больше ругают Ельцина в официальной прессе, тем больше ему сочувствует народ. На Руси принято сострадать мученикам и гонимым властями, так что бросить лишний камушек в его огород — только помочь ему набрать очки. Горбачёв задумался. Встал, походил по просторной продолговатой комнате на первом этаже, в которой шла работа. Подошел к застекленной двери, выходящей на веранду. Был уже вечер, шел сильный дождь, косые его струи били в окна. Шумели листвою исполинские деревья в парке. Мы сидели за столом, каждый на своем привычном месте. Я — слева от Горбачёва, справа от него Яковлев, затем Черняев. По ту сторону — Болдин, Медведев, Фролов. Молча ждали решения генсека. Он еще раз прошелся вокруг стола, потом остановился у своего кресла и, оглядев нас, сказал:

— Не лежит у меня душа. Что-то в этом нездоровое. Конечно, от Бориса всякого можно ожидать, но не будем же мы ему уподобляться.

Были после этого еще попытки убедить Михаила Сергеевича, но он остался при своем.

— Ну а если все-таки какая-то газета перепечатает? У нас теперь свобода печати, никому не закажешь, — спросил кто-то.

Горбачёв развел руками. На том и порешили, Медведев передал в ТАСС указание: никаких рекомендаций газетам о перепечатке статьи из «Республики» не давать. А на другой день она красовалась в «Правде». И хотя редакция поступила так по собственному почину, все равно этот эпизод был воспринят в обществе как инспирированная руководством очередная злонамеренная попытка дискредитировать Ельцина. «Правде» пришлось перед ним извиняться¹, а Горбачёв позвонил редактору В. Г. Афанасьеву^{VIII}, отчитал его. Было немало и других случаев, когда он с брезгливостью отвергал советы доброхотов устроить какую-нибудь вылазку против Ельцина. Ему явно претило мелкое интриганство в борьбе против своего соперника. Не говорю уж о коварстве — качестве, которое пытаются приписать ему недруги и которое вовсе ему не присуще. Обладая практически неограниченной властью, он имел тысячи возможностей убрать Ельцина со своего пути. Да хотя бы отправить его послом, а не оставить в Москве пусть на второстепенном, но все же министерском посту, и тем самым дать возможность продолжить политическую карьеру. Бессмысленны и домыслы — якобы предпринимались попытки его физического уничтожения. Можно не сомневаться, что КГБ вел за ним наблюдение и чинил мелкие пакости. Но если бы было принято решение устранить лидера оппозиции, да еще получено согласие на это с самого «верха», то уж такой приказ был бы наверняка выполнен. Надо быть уж очень наивным, чтобы верить, что наши органы безопасности совершили несколько покушений на Ельцина и спасла его лишь одна Божья благодать. Летом 1989 года я дал интервью немецкому журналу «Шпигель». Корреспондент задал вопрос, не собирается ли Горбачёв арестовать Ельцина за призыв к мятежу. Я ответил, что у президента другой стиль, он с оппонентами не расправляется, а пытается найти общий язык. Ну а если не получается, что ж, тогда политическая борьба. Когда я пересказал это Михаилу Сергеевичу, он с жаром воскликнул:

— Ну, скажи, Георгий, разве я не относился к Борису сдержанно, не позволяя себе и другим даже выступать с сильными выражениями по его адресу, хотя оснований для этого было более чем достаточно. Я уж не говорю о том, что пригласил его в руководство, защищал от Егора^{IX} [Кузьмича Лигачева. — *Сост.*].

— А теперь он вас по-своему отблагодарил, требуя отправить в отставку.

¹ Как это случилось — подробно описано в интересной книге драматурга «правдиста» В. С. Губарева «Президент, или Уотергейт по-русски». М., 1990.

— Да, теперь, я считаю, он переступил черту. Но все равно, мы не боксеры, а политики и должны держаться определенных правил. По крайней мере, я другого не принимаю.

— А почему бы не удовлетворить его амбиции. Скажем, сделать вице-президентом?

— Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. У него непомерное честолюбие. Ему нужна вся власть, и ради этого он решится на что угодно.

Этот прогноз не замедлил подтвердиться. Позиционная борьба соперничающих лидеров вскоре перешла в стадию открытой войны на всех мыслимых фронтах. Временами они сходились, так сказать, врукопашную, обмениваясь увесистыми политическими заявлениями и уничижительными оценками. Но инициатива постоянно исходила от Ельцина. Причем если до этого он держался на заднем плане, вступал в бой только после артподготовки, проведенной штабом и активистами Демороссии (массированные атаки на правительство в прессе, массовые демонстрации в Москве и Ленинграде, забастовки шахтеров), то после смерти А. Д. Сахарова занял место впереди атакующей колонны. Тараном, с помощью которого наносились мощные удары по союзному руководству и президенту, стала идея российского суверенитета. После резкого «антицентристского» выступления Ельцина на Второй сессии Верховного Совета РСФСР (16 октября 1990 г.) Горбачёв предложил обменяться мнениями на Президентском совете. Приговор был общим: это — объявление войны, а вот как реагировать — голоса разделились. Одни высказывались за решительный публичный отпор, другие предостерегали, что ничего хорошего из этого не получится. Все дружно сетовали на прессу, которая чуть ли не целиком подыгрывает «демороссам». Пожалуй, сильнее других выступил Рыжков.

— Первая атака в сентябре, — сказал он, — захлебнулась, и теперь Ельцин начинает новую. Он не успокоится, пока нас не добьет либо сам голову сложит. Вокруг него собралась циничная публика. Согласия с ними быть не может. То, что вы, Михаил Сергеевич, пошли на компромисс, ничего вам не добавило. Я сидел вчера со своими замами. Одни за то, чтобы сражаться, другие скисли, говорят: «Мы выдохлись, управлять не в состоянии, вожжи у нас отобраны». В конце концов это не связано с Ельциным. Может быть, пойти на создание коалиционного правительства?

— Это путь «Солидарности», — возразил кто-то.

— И бог с ним, — продолжал Рыжков. — О нас уже говорят: не бей лежачего. Больше так работать не сможем, будем вынуждены ставить перед президентом вопрос об уходе. Партия — Ивашко, Дзасохов^x — тоже не поддерживает правительство, что же нам, искать другую партию? Мы прокоммунистическое правительство, а родная партия говорит, что она в оппозиции. В Верховном Совете у нас нет поддержки депутатов-коммунистов. Я уже не говорю о средствах массовой информации — те нас недоумками изображают. Это правительство, в котором 7 академиков и 20 докторов наук. Впереди худшие времена. Любые попытки удержать производство от обвала в 1991 году не проходят; директора озверели, слушать ничего не хотят, да их можно понять. Словом, нужно говорить с народом, не сосредотачиваясь на Ельцине.

«Не Ельцин идет к власти, — прозвучала реплика, — а Бурбулис^{xi}». Горбачёв согласился, что не следует видеть за всеми проблемами одного Ельцина. В обществе нарастает хаос, и люди требуют порядка, поддержат каждого, кто возьмется его навести даже крайними мерами. Расчеты демократов, пришедших к власти в Москве, Ленинграде, что им удастся управлять лучше коммунистов, не оправдались. Хотя мы им не мешаем, напротив — поддерживаем. Попов^{xii} уже заявил, что им надо переходить в жесткую оппозицию. Дела делать не умеют, только политиканствовать. В окружении Ельцина есть и такие, кто за сотрудничество с нами. Надо двигать Союзный договор. В тот же день Горбачёв встретился с секретарями ЦК и порекомендовал не кричать караул, а говорить, что конфронтационный тон Ельцина не на пользу дела, что общество хочет гражданского мира и консолидации. Это святая правда. Нарастает поток писем и телеграмм от встревоженных граждан. Страна взывает к двум лидерам: Михаил Сергеевич, Борис Николаевич, помиритесь, Христа ради! И они встречаются. Горбачёв, потому что у него нет выхода, одна надежда — урезонить соперника, воззвать к его патриотическим чувствам. Ельцин, чтобы продемонстрировать миролюбие и готовность к компромиссу. А параллельно с долгими беседами, взаимными заверениями и обещаниями парламент и правительство России изо дня в день ведут методическое наступление на союзные власти, отбирая у них предприятие за предприятием, банк за банком, отрасль за отраслью, заключая договора с другими республиками и сколачивая антисоюзный блок. Чем дальше идет эта двойная игра, тем отчаяннее становится положение президента. Вроде бы и соперник утихомирился, а дела все равно идут все хуже, беспорядок усиливается. Ему не остается ничего иного, как просить

у Верховного Совета дополнительных полномочий. И тут на Горбачёва обрушивается иезуитски подготовленный удар. Ельцин обвиняет его в попытке установить диктатуру. «Такого объема законодательно оформленной власти, — заявил он, — не имели ни Сталин, ни Брежнев. Крайне опасно, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии конкретного человека. Фактически Центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима»¹. Это говорилось в то время, когда у президента и союзного правительства фактически не было уже никакого контроля за ходом событий — его, следуя за Россией, перехватили республики <...>

20 февраля президент собрал свое ближнее окружение. Настроен был мрачно. Начал размышлять вслух: — Происходит нечто подобное тому, что случилось в 1987 году. Придя в Моссовет, Ельцин энергично взялся за дело, начал менять кадры. Я его поддержал. Но, разделившись с первой «гарнитурой», он пошел по второму кругу, потом по третьему. У него нет вкуса к нормальной работе. Видимо, ему для тонуса нужно постоянно с кем-то драться. Не случайно понравился Егору своей крутостью, и тот рекомендовал его на Москву. В нем гремучая смесь, способен только на разрушение. Ситуация созрела, нарыв готов прорваться. Ельцин хотел сколотить «союз четырех» (т. е. России, Украины, Белоруссии и Казахстана), но эта затея сорвалась. Теперь поехал в Ярославль подстрекать к неповиновению, забастовкам. Упрощать не следует. Положение серьезное. Многие верят, что он за бедных. Знаете, — сказал нам Горбачёв, — если на референдуме народ пойдет за «демороссами» и проголосует против Союза, мне не останется ничего иного, как уйти. Это — последний рубеж. Но я верю, что этого не случится. Уверенное «да» Союзу на референдуме дало уникальный шанс переломить ход событий, и Горбачёв его не упустил, предложив руководителям республик собраться в Ново-Огарево и в сжатые сроки завершить работу над Союзным договором. Ельцин, готовившийся к предвыборной борьбе за президентское кресло, вынужден был согласиться. Он просил Горбачёва сохранять нейтралитет на этих выборах. Михаил Сергеевич обещал ему это и слово сдержал. Ни сам президент, ни его команда не пытались вмешиваться в избирательную кампанию, а когда Ельцин победил — Горбачёв принес ему свои поздравления и выразил надежду на плодотворное сотрудничество. Президент России попросил

¹ Из выступления Б. Н. Ельцина на IV Съезде народных депутатов СССР 19 декабря 1990 года.

Президента Союза «благословить на царствие». Разговор в пересказе Горбачёва был любопытный.

— Не следует ли организовать прямую трансляцию церемонии на Красную площадь? — спросил Ельцин. — Зачем? И так ведь будут передавать по телевидению, а в этом случае получится столпотворение, не дай бог, новая Ходынка. — Не следует ли дать залп из 24 орудий? — Хотел сказать «ворон распугаешь и людей насмешишь», — но он ведь обидчив. Я его начал отговаривать. — На чем присягу принимать, на Конституции или Библии? — Понимаешь, Борис Николаевич, покажется странным, если на Библии, ты ведь не шибко верующий. — А как же в США присягают президенты! — Так у них другая культура, традиции. К тому же в России миллионы мусульман, они обидятся: почему не на Коране. Или еще евреи — на Торе.

— Какие амбиции, — вздохнул Горбачёв, — и простодушная жажда скипетра. Как это совмещается с политическим чутьем — ума не приложу. Однако, черт знает, может быть, именно в этом секрет, почему ему все прощается. Царь и должен вести себя по-царски. А я вот не умею.

Лето 1991-го было относительно спокойным в отношениях двух лидеров. Они, правда, не раз схватывались при отработке текста Союзного договора, но с помощью Назарбаева и других участников новоогаревских «сидений» удавалось найти компромиссные решения. Раза два даже пообедали и, чокаясь, пообещали друг другу лояльно сотрудничать в рамках создаваемой федеративной государственной структуры. Горбачёв поверил. И только после августа стало выясняться, что параллельно с «Новоогаревским процессом» велась интрига, имевшая целью сорвать подписание Союзного договора. Или добиться внесения в него поправок, которые свели бы полномочия союзных органов к прерогативам Европейского Совета. Ельцин, Кравчук^{XIII} и Шушкевич^{XIV} готовили свой вариант антисоюзного заговора, и, опередив их, гэкачеписты только сыграли им на руку. Горбачёв проиграл, хотя явно превосходил своего соперника и находился в несравненно более сильной исходной позиции.

<...> Если бы Горбачёв не был выбит из седла, он довел бы начатые реформы до логического конца. Но, разумеется, по своему графику, поскольку не считал шоковую терапию хорошим средством для нашей страны, искал более эффективного и одновременно менее болезненного для людей способа перехода к рынку. Именно этим, а отнюдь не идеологическими табу объясняется и его колебание в этих вопросах. Приняв

поначалу программу «500 дней»^{xv}, он не решился проводить ее в жизнь, опасаясь, что результатами станут катастрофическое снижение жизненного уровня, массовая безработица, социальное недовольство и политическая нестабильность. Нет, не разными историческими ролями следует характеризовать Горбачёва и Ельцина, а разными подходами к стоящей перед страной задаче, которую оба они, разумеется — с нюансами, но все же понимают одинаково. Горбачёв, хотя он любил называть перестройку революцией, на самом деле был и остается реформатором по всем измерениям — по методу, стилю, по складу характера и нравственным установкам. Его природе противны «большие скачки», во всяком деле он предпочитает плавное течение событий. Стремится не рубить негодный сук, а подпиливать его, не вводить новые порядки в течение суток, а растянуть это предприятие на достаточно долгий срок, чтобы не потрясти общество, не выбить его из колеи. Горбачёв, если можно так выразиться, неисправимый центрист, а центристы никогда не были сторонниками лихих революционных наскоков. Центрист, если он не консерватор, значит, реформатор. Иное дело Ельцин. По складу своего политического дарования он революционер и чувствует себя в своей стихии только тогда, когда атакует. Эту сторону его натуры отмечают многие. Ельцин прекрасно смотрелся, когда произносил речь, стоя на танке у прикрытого баррикадами Белого дома. Горбачёва трудно, если вообще возможно, представить в такой роли. Ему больше подходят трибуна, зал, освещенный хрустальными люстрами, доверительная беседа с «ходоками». Если революции ругают за разбой, разгул, крайность, то реформы — за половинчатость, убогость, робость. А ведь иной раз за всем этим стоит отнюдь не чрезмерная осторожность, а более или менее точный расчет. Так что не следует торопиться с осуждением Горбачёва как «кунктатора». По мнению многих взыскательных аналитиков, масштаб и сложность преобразований, в которых нуждалась наша страна, таковы, что оптимальным было бы растянуть их на два-три десятилетия. Какой же Горбачёв кунктатор, если он в июне 1988 года провел XIX партийную конференцию, на которой определил задачи политической реформы, а уже в начале будущего года в Москве заседал Первый съезд народных депутатов. В течение нескольких последовавших месяцев была ликвидирована монополия Коммунистической партии на власть, признан принцип разделения властей, приняты законы о свободе печати и общественных объединениях, подготовлены предпосылки для радикальной экономической и военной реформы.

Целью Горбачёва как реформатора был демонтаж тоталитарной системы. Целью Ельцина как революционера стало ее разрушение. Сейчас некоторые утверждают, что эта система не поддавалась демонтажу. В действительности к августу 1991-го она находилась почти в разобранном состоянии. Именно поэтому, между прочим, и состоялся заговор — последняя отчаянная попытка сторонников прежнего режима предотвратить неизбежный его конец. Единственным трагическим результатом ее стало то, что реформа была прервана, осталась незавершенной, а неоконченное дело взяла на себя революция, действовавшая уже по-своему, своими методами. Впрочем, она может быть названа так лишь по отношению к режиму, который добила <...>

Ново-Огарево

1991 год, который по насыщенности и драматизму событий сравним лишь с 1793-м и 1917-м, прошел под знаком борьбы вокруг вопроса: быть Союзу ССР или не быть? Кульминация этой борьбы пришлась на четыре даты — 17 марта, 12 июня, 19 августа и 8 декабря. А ее стержнем стал проект нового Союзного договора. Вокруг этого документа кипели страсти и ломались копья. В нем сфокусировалась вся летопись этого неординарного года. Он стал жертвой политических интриг и приобрел в последнем виде характер законченного компромисса. И хотя Договор остался неподписанным, вполне возможно, что его еще извлекут из архивов — только перепечатают набело, поправят пару статей и скажут: это уже совсем другая бумага.

С вопросом о Союзе, о его судьбе связаны и пик противостояния Горбачёва с Ельциным, и высшая точка их сотрудничества.

Что касается противостояния, оно достигло апогея, когда Ельцин, выступая по телевидению, обвинил Горбачёва во всех смертных грехах и потребовал немедленной его отставки. Этот выпад встретил крайне раздраженную реакцию у президента и его окружения, был расценен как «объявление войны». Впрочем, то же говорилось и по другим поводам — когда Ельцин подписал договор с Литвой и другими Прибалтийскими республиками, тем самым поддержав их требования независимости и фактически лишив союзное руководство возможностей дальнейшего маневрирования. Когда было объявлено, что все предприятия на территории России переходят под ее юрисдикцию. Когда провозгласили приоритет республиканских законов над союзными. Когда Ельцин попытался разрушить Союз де-факто с помощью серии двусторонних договоров,

а затем де-юре — заменить его четырехсторонним соглашением (России, Украины, Белоруссии и Казахстана), то есть сделать то, что удалось ему со второй попытки в декабре 1991 года.

Перебирая в памяти события этого бурного года, трудно с большой точностью назвать момент перелома в соотношении сил, когда в результате таранных ударов оппозиции Союзный центр ослаб настолько, что уже не только был не в состоянии диктовать свою волю всем республикам, но и пасовал, если две-три из них сговаривались занять общую позицию. Решающую роль при этом играла, конечно, Россия. Пожалуй, где-то в марте—апреле авторитет и влияние союзного Президента и Председателя Верховного Совета РСФСР сравнялись. Ни один из них не мог управлять, игнорируя другого, и такое равновесие сил сохранялось до августа.

На протяжении периода, который можно назвать «новоогаревским», два основных лагеря состязались в привлечении на свою сторону общественного мнения. Это не был прочный политический мир, но с обеих сторон в угоду народному настроению не уставали заявлять о необходимости согласия, коалиционного правительства, единого фронта, круглого стола и т. п. Народные массы устали от бесконечной перепалки, включая свару между лидерами. Характерно, что и тональность писем, поступавших тогда в президентский аппарат, изменилась, здесь уже не столько призывали Михаила Сергеевича и Бориса Николаевича «помириться», сколько предостерегали, что оба будут нести ответственность за развал государства, одинаково повинны в переживаемых страной трудностях. В этих условиях противоборствующие лагеря и сочли для себя выгодным заключить своего рода перемирие.

В зимние месяцы 1991 года, когда Горбачёва покинули несколько человек из его «команды» (Яковлев, Шеварднадзе, Шаталин^{XVI}), мне пришлось общаться с ним чаще обычного. Я рассказывал шефу о настроениях депутатов, с которыми работал в Комитете Верховного Совета по законодательству, законности и правопорядку. Люди, заявлявшие о себе как твердые его сторонники, настоятельно просили двинуться навстречу демократическому движению, которое само в тот момент находилось в разобранном состоянии, панически боялось призрака надвигающейся диктатуры. Со своей стороны я настойчиво советовал президенту встретиться с ведущими деятелями оппозиции, и не просто «по-отечески» поговорить с ними, пожуричь или похвалить, а договориться о создании коалиции реформ. Он соглашался в принципе,

но без большой охоты, явно опасаясь обидеть и озлобить своих соратников по Политбюро.

<...>

В этих условиях единственным выходом становилось верхушечное соглашение на уровне лидеров, к которому позднее присоединятся парламенты. Я высказал мнение, что, если Горбачёв предложит Ельцину отказаться от взаимных нападок, заключить своего рода перемирие и вместе с руководителями других республик взяться за завершение работы над Союзным договором, Борис Николаевич не сможет отказаться: в этом случае на нем сосредоточилось бы негодование соотечественников, жаждущих мира в стране. В то время и доброжелатели президента, и многие люди, не входившие ни в какие лагеря, а просто болевшие душой за судьбы Родины и реформации, настойчиво уговаривали, можно даже сказать — толкали его к соглашению.

И он решился, хотя это было далеко не просто. Ведь создав первую встречу «9+1» и положив тем самым начало «новоогаревскому процессу», Горбачёв признавал, что отныне он не в состоянии править единолично и готов пойти на передачу власти республикам с сохранением за Союзом в основном координационных функций. До того момента были только обещания да декларации о необходимости преобразовать унитарное государство в федеративное, с этого же момента, еще до подписания нового Союзного договора, такое преобразование становилось фактом.

Мощное давление в пользу соглашения оказывалось и на Ельцина. Конечно, в его «команде» было немало «ястребов», тех, кто считал, что инициатива на стороне «демороссов», и пойдя даже на временное перемирие, они потеряют темп, упустят возможность одержать полную и безоговорочную победу. В таком духе выступали тогда Ю. Афанасьев^{xvii}, Л. Баткин^{xviii} и другие противники каких-либо соглашений с Центром. Но здравый смысл возобладал, и случилось то, что можно отнести к немногочисленным позитивным эпизодам политической борьбы 1991 года. По поручению Михаила Сергеевича я подготовил проект сообщения о заседании «девятки». С раннего утра собрались в Ново-Огарево, прошлись по тексту. Хотя Михаил Сергеевич держался спокойно, ощущалось внутреннее напряжение. Зная взрывной характер Ельцина, не будучи уверенными, что его команда твердо решила идти на сближение, приходилось быть готовыми к любым неожиданностям. Начали подъезжать республиканские лидеры. Ровно в 10 захлопнулись двери Зала заседаний, а мы с Г. И. Ревенко решили пройти по парку,

скоротать время ожидания. Но вот перерыв на обед. Первым из зала вышел Председатель Верховного Совета (ныне Президент) Туркменистана Сапармурад Ниязов^{xix} и, широко улыбнувшись, сообщил: все в порядке, волноваться не следует. Вышедший следом Горбачёв попросил сразу же передать ожидавшим в фойе журналистам сообщение для печати. Его содержание изменилось ровно наполовину, но этого следовало ожидать, иначе нельзя было рассчитывать ни на какой компромисс. Некоторое время соглашение «9+1» было источником своеобразной эйфории. Словно в момент, когда два войска готовы были сойтись в яростной рукопашной схватке, вожди их вняли гласу народа и договорились жить дружно. Даже отметили это событие бокалом шампанского. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, за обедом они с Борисом Николаевичем, чокнувшись, выпили за здоровье друг друга. Сильно помог успеху, по словам президента, Нурсултан Назарбаев. Но если сами лидеры были довольны, этого нельзя сказать об их «командах». Наиболее воинственные «демороссы», полагавшие, что Центру нельзя давать передышки, надо его добить, обрушили шквал упреков на Ельцина. Прозвучали даже обвинения в предательстве демократического лагеря. Экстремисты вынудили самого Бориса Николаевича выступить с оговорками, которые ставили под сомнение прочность достигнутого компромисса. Роптала и консервативная часть президентского окружения. «Что же вы, братцы, сделали? Отдали власть, а с нею Союз», — сказал мне в сердцах один из членов Политбюро. Бесполезно было объяснять, что речь идет о компромиссе, которому в тот момент не было альтернативы, и что новоогаревская встреча лишь привела содержание государства в соответствие с его конституционной федеративной формой. Так, через пень-колоду, вынужденные чуть ли не ежедневно отбиваться от нападков слева и справа, то и дело оступаясь и возобновляя перебранку, мы втягивались в повоогаревский процесс. Мне пришлось за одним исключением присутствовать на всех заседаниях, в ходе которых шла работа над проектом Союзного договора, а попутно решались многие существенные вопросы. Сохранилась стенограмма этих заседаний, не сомневаюсь, она будет опубликована, поэтому ограничусь общими впечатлениями. Перед каждым заседанием шла скрупулезная работа над учетом замечаний республик к проекту Договора. Их сортировали, распределяли по темам, сводили в реестр, позволявший видеть все поправки к каждой статье. Одновременно предлагалось несколько вариантов уточненной редакции. Работа была объемная, но делалась она силами небольшой

группы — мы с Ревенко, вице-президент Академии наук Владимир Николаевич Кудрявцев^{xx}, директор Института государства и права Борис Николаевич Топорнин^{xxi}, консультанты — Ю. М. Батулин^{xxii}, А. А. Сазонов^{xxiii}, З. А. Станкевич^{xxiv}. Засиживались в Волынском за полночь. Горбачёв регулярно звонил, иногда приезжал к нам на несколько часов. Затем назначалась дата очередной встречи и подготовленный материал рассылался от его имени руководителям республик.

Мы приезжали в Ново-Огарево загодя, чтобы еще раз проверить готовность техники, раскладку документов, удостовериться в готовности вспомогательных служб. С утра собирались и журналисты, старавшиеся вытянуть из нас хоть какую-то информацию до появления главных действующих лиц. Но вот один за другим начинали прибывать президенты и Председатели Верховных Советов. У входа в дом, выстроенный при Хрущеве в стиле русской помещичьей усадьбы XIX века, они давали короткие интервью, обменивались впечатлениями, столпившись на балюстраде, ожидали Горбачёва. Михаил Сергеевич приезжал, как правило, минут за пять-десять до назначенного времени, а вслед за ним, перед самым началом заседания, Ельцин. За этим явно стоял расчет: подчеркнуть, что он ничем не уступает союзному президенту. Поздоровавшись и обменявшись первыми репликами, направлялись в небольшой по размерам нарядный зал на втором этаже, ярко освещенный хрустальными люстрами и обставленный добротной мебелью, но в общем-то не отличавшийся особой роскошью. Первые десять-пятнадцать минут проходили в ожидании момента, когда президент займет председательское место и пригласит начать работу. Большинство выходило на просторный балкон, где, разбившись на группы, лидеры обсуждали последний вариант Договора либо насущные свои проблемы. Участвуя в этих беседах, мы имели возможность присмотреться к людям, оказавшимся в переломный момент развития страны на командных постах. Кто они, понимают ли выпавшую на их долю небывалую ответственность, чего хотят: сохранить Союз либо, напротив, обрести свободу? На эти вопросы было нелегко ответить, потому что, пожалуй, самой характерной в этой среде чертой была привычка скрывать свои мысли. Это качество, воспитанное многими десятилетиями продвижения по ступеням партийной иерархии, являлось, по сути дела, пропускным билетом на верхний этаж Системы, допуском к ее секретам. Впрочем, успешней других скрывают, что у них на уме, те, у кого там вовсе ничего нет. Как с этим? Есть ли доля правды в утверждениях, будто прежняя наша

политическая система выталкивала на поверхность одних бездарей, способных лишь гнуть спину перед начальством и измыываться над подчиненными? Присматриваясь к нашим лидерам, я имел возможность убедиться, что это далеко не так. В подавляющем большинстве это были неплохие специалисты, с житейским опытом и прагматическим складом ума. Иногда они подходили к нам с Кудрявцевым, прося растолковать смысл той или иной нормы или предлагая поправку. Разъяснения схватывались на лету, и я не помню случая, когда не удалось бы найти разумную компромиссную формулу по спорным вопросам. За редкими исключениями, почти все руководители союзных и автономных республик занимали первые посты до перестройки либо находились где-то на подступе к ним, как принято говорить, в верхнем эшелоне. Иначе говоря, они никоим образом не относились к тому человеческому материалу, который перестроечная волна подняла на политический олимп (ученые, разночинцы, бывшие диссиденты). Сколько я знаю, никто из них не подвергался репрессиям. Это были типичные представители того, что называлось в прошлом ленинской гвардией. Не заглядывая в анкеты, можно было составить среднестатистическую биографию: из крестьян, по образованию — инженер или агроном, учился в партийной школе либо в Академии общественных наук, работал в комсомоле, затем главным инженером или директором предприятия, предисполкома или секретарем райкома, дальше — обком, потом — республика. Может показаться удивительным, что эти люди, воспитанные в духе ортодоксальной коммунистической доктрины, оказались способны очень быстро, буквально с лету подхватить новые идеи и стать их носителями. (Для циника: приспособиться к обстановке, суметь выжить, перекраситься и т. д.) В сущности, каждый из них по-своему повторил эволюцию, проделанную Горбачёвым, без особых страстей и душевной боли расставшись с марксистскими догмами, не просто провозгласив, но и осознав себя социал-демократами или либералами. Вдобавок еще недавно закоренелые атеисты без особого над собой насилия вспомнили: лидеры христианских республик — о Христе, мусульманских — о Магомете, обогатили свои политические убеждения мудростями Библии и Корана. Чего не сделаешь, чтобы убажить верующих соотечественников!

<...>

Кстати, один из самых больших просчетов нашего лидера заключается как раз в том, что он считал возможным отложить глубокое обновление партийного руководства. Тем самым была заблокирована возможность

реформирования партии. Когда реформатор и его соратники сетуют на то, что КПСС оказалась «неподдающейся реформе», им бы следовало признать, что повинны в этом они сами. Партию не удалось реформировать именно потому, что никто толком не собирался этого делать (разве что на словах) и не принималось никаких серьезных мер в этом направлении. Но если массив кадров, сосредоточенных в Центре, связанных в основном с союзными ведомствами, дожил, дотянул до печального финала перестройки, то на местах произошло существенное их движение. Сначала вторые секретари чуть ли не повсюду заняли место первых, затем настал звездный час бывших председателей исполнительных комитетов. А в целом в 80-е годы, особенно при Горбачёве, сформировался костяк руководителей, которых я бы назвал профессиональными управленцами. К ним можно отнести таких людей, как Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов^{xxv}, Сапармурад Ниязов, и многих руководителей автономных республик, которые прошли выучку на совминовской и госплановской работе, а если занимали партийные посты, то, в сущности, делали то же дело — занимались организацией строительства, производства, обеспечением продовольствия и т. д.

Потолковав между собой, участники новоогаревских встреч рассаживались за длинным столом. Михаил Сергеевич занимал председательское кресло, справа от него место отводилось Лукьянову и Ельцину. Затем располагались руководители других союзных республик, после них, в алфавитном порядке, лидеры автономий. Неподалеку от президента за отдельным столиком усаживался В. И. Болдин как секретарь новоогаревских встреч. В другой части зала отводилось место для экспертов. Когда возникали споры вокруг тех или иных формулировок, Горбачёв и другие участники встречи нередко просили нас высказаться или дать пояснение. Да и сами мы подавали голос, отнюдь не чувствуя себя в этом собрании безмолвными свидетелями.

Не сразу, не с первого раза, но у меня возникало и постепенно крепло убеждение, что мы участвуем в предприятии головоломной сложности. Действительно, речь ведь шла не о попытке достичь компромисса между двумя сторонами. Тут был целый комплекс противоречий, чуть ли не у каждого участника собрания находился свой интерес, и он, естественно, домогался его защитить.

Главная линия противостояния проходила, конечно, между Горбачёвым и Ельциным. Хотя внешне оба старались держать себя в руках, между ними явно ощущалось поле напряжения, в котором то и дело возникали

мелкие разряды, а раза два-три не обошлось без грома и молнии. Михаил Сергеевич держался спокойней: всякий раз, когда Ельцин вступал с ним в пререкания, начинал его уговаривать, я бы даже сказал, улещивать, вызывая то к здравому смыслу, то к чувству справедливости. Борис Николаевич, впрочем, не слишком поддавался на уговоры. Он большей частью молчал, но если уж говорил, то почти никогда не отступал от своего. И дело неизменно кончалось поиском формулы, приближенной к той, которая была заготовлена его командой и привезена им в портфеле. Иногда компромиссные формулы предлагали Лукьянов, кто-нибудь из участников встречи, мы с Кудрявцевым.

Элемент неуверенности в том, что мы заняты стоящим делом, вносила ироническая отрешенность, которую демонстрировал Ельцин в ходе дискуссий. На его устах почти неизменно блуждала полуулыбка, как бы говорившая, что он не слишком серьезно воспринимает всю процедуру, дело это зряшное, и ему, в общем-то, все равно, будет Договор, не будет его, поскольку Россия прекрасно проживет без Союза. Так я расшифровывал тогда скучающее, безразличное выражение его лица.

Более тщательно скрывал свои мысли Кравчук. Он сравнительно редко вступал в дискуссии, за свои поправки тоже держался цепко, но делал это без нажима, не в такой резкой и безапелляционной форме, как Ельцин. Впрочем, тогда ведь Леонид Макарович не был еще президентом, не чувствовал себя уверенно и, видимо, не желал портить отношения с Горбачёвым. Была, на мой взгляд, еще одна причина, побуждавшая его не проявлять чрезмерной активности. Дело в том, что дискуссия часто касалась не общих политических вопросов, в которых украинский лидер, идеолог и пропагандист, чувствовал себя как рыба в воде, а юридических тонкостей, требовавших специальных познаний. Раз или два пришлось растолковывать их ему, особой сметки при этом не чувствовалось.

Станислав Шушкевич свободно разбирался в юридических понятиях, говорил веско и здраво, ничем не давал повода заподозрить в себе ярого националиста, в недалеком будущем — участника «беловежской тройки». Вообще же белорусская делегация и на предыдущих стадиях работы над Союзным договором обнаруживала максимум доброй воли и здравого смысла. Видимо, играло свою роль и то обстоятельство, что Белоруссия по всем статьям была идеальным членом будущей федерации. Она не собиралась рвать с Россией, и в то же время чувство собственного достоинства помогало белорусам отмерить необходимую степень самостоятельности, не допустить над собой произвола Центра.

<...>

Еще одной ключевой фигурой в новоогаревских «сидениях» был Нурсултан Назарбаев. Я проникся уважением к этому человеку, услышав его выступление на одном из пленумов ЦК. Он рисовал положение без прикрас, говорил резко, но не агрессивно, как иные ораторы. Нередко развязки удавалось находить благодаря тому, что к Нурсултану Абишевичу прислушивались и Ельцин, и Кравчук, и «автономисты». Отстаивая разумную самодостаточность республик в будущей федерации, он в то же время не хотел допустить ослабления союзных функций, признавал, чем грозит разложение целостного народно-хозяйственного организма. Скажу теперь о том, что составило основной сюжет, можно сказать, драматическую интригу новоогаревских встреч. Это — *фундаментальный спор между союзными и автономными республиками*. Он затянул на несколько месяцев работу над проектом договора, остался недорешенным и наверняка вспыхнул бы вновь, даже если бы этот документ был подписан 20 августа. Хотя и в другой ситуации, в ином плане, эта проблема остается камнем преткновения для успокоения обстановки и в нынешней России.

<...>

Автономные республики, все без исключения, хотели, говоря юридическим языком, повысить свой статус. А проще — им надоело иметь над собой помимо центрального руководства еще союзно-республиканское. Первый тур борьбы они выиграли, когда добились принятия соответствующей резолюции на Съезде народных депутатов СССР. Но все понимали, что резолюция — это только политический документ. На деле никаких существенных изменений не произошло, и лишь признание нового статуса автономий в Союзном договоре могло положить начало реальному перераспределению властных полномочий. На протяжении ново-огаревских встреч едва ли не две трети времени было посвящено этой проблематике. Руководители автономий были хорошо подготовлены, воодушевлены надеждой на скорое удовлетворение их требований. Они привели множество доводов в пользу «уравнения в правах» с союзными республиками... и встретили дружный отпор последних.

Сложилось равновесие сил, какое всегда придает особое значение Центру как арбитру. Михаил Сергеевич должен был сделать трудный выбор: целиком стать на сторону «союзников» значило оттолкнуть от себя «автономистов» и лишиться их поддержки в борьбе против сепаратистских настроений, за сохранение целостности Союзного государства. С другой

стороны, стать целиком на сторону «автономистов» значило окончательно поссориться с лидерами союзных республик, поставить точку над созданным с таким трудом новоогаревским совещанием, разрушить хрупкое соглашение с оппозицией. Словом, куда ни кинь, всюду клин.

Говорят, из двух зол приходится выбирать меньшее. В данном случае такое просто не просматривалось. Все мы долго ломали головы, как выйти из тупика. Предлагалась уйма компромиссов: дать полный перечень республик в преамбуле и тем самым как бы поставить их в один ряд; подчеркнуть равный статус всех республик, но при этом опять-таки оговорить, что одни из них входят в состав других. И так далее. Не было недостатка в самых остроумных и хитроумных формулировках. Но все понимали, что это — паллиативы, ничего не решающие на деле. Рано или поздно вопрос встанет в практическую плоскость и тогда заговорит оружие.

Лидеров автономий уговаривали не выдвигать максималистских претензий. Они же, в особенности выступавший чаще всех от их имени Президент Татарстана Минтимер Шаймиев^{xxvi}, упорствовали, говоря, что их хотят «заманить в ловушку», заставить подписать Договор, который оставит их в неравном положении, а тем самым будут посеяны зерна многих конфликтов, из которых страна никогда не выберется.

Положение осложнялось тем, что уже в течение нескольких месяцев оппозиционная российская пресса обвиняла президента в намеренном подыгрывании автономистским настроениям, с тем чтобы «разрушить Россию». Большой глупости и подлости придумать невозможно. Это, пожалуй, один из тех случаев, когда цинизм в политической борьбе превосходит все мыслимые пределы. Действительно, ведь именно Ельцин, набирая очки, провозгласил в том же Татарстане, а затем повторял в других местах лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько сумеете проглотить». Своей Декларацией независимости, прямым неповиновением союзным властям, провозглашением верховенства республиканских законов над союзными — всем этим российское руководство, можно сказать, толкало автономии на выдвижение своих претензий. С другой стороны, Горбачёв никогда не давал повода подозревать себя в антироссийских замыслах. У него много недостатков и велик счет допущенных ошибок. Но справедливость требует сказать, что в этих вопросах он был безупречен.

Могу засвидетельствовать, что Михаил Сергеевич неизменно самым решительным образом отклонял советы некоторых доброхотов не то что натравить автономии на Россию, но даже «поиграть» на этой теме, чтобы припугнуть российских лидеров, побудить их корректней

держаться по отношению к Союзному центру. Единственное, что позволял себе Горбачёв, — так это предостерегать о неизбежном последствии антисоюзной политики Белого дома, говорить российскому президенту и законодателям, что они рубят сук, на котором сидят, и, если им удастся разрушить Союз, следующая волна сепаратизма угрожает накрыть уже Россию да и другие союзные республики, в которых есть свои автономии либо национальные меньшинства, претендующие на самоопределение. Он не устал повторять, что Союз — это обруч, стягивающий не только союзные, но и автономные республики, откинуть его — значит невероятно усложнить сохранение целостности России.

Больше того, когда все эти предостережения начали сбываться, Горбачёв, вопреки, казалось бы, собственным политическим интересам, использовал все возможности убеждения и даже нажима на лидеров автономий, чтобы не допустить ослабления целостности Российской Федерации. Опять-таки в то время многие советовали ему по крайней мере отмолчаться: пусть-де Ельцин сам расхлебывает кашу, которую заварил, зачем протягивать руку сопернику, когда он попал в трудное положение. Президент неизменно отводил эти доводы, говоря, что преступно заниматься интриганством, когда речь идет о судьбах России: «Не пойду на это даже ради сохранения президентского кресла». И не раз на Совете Федерации, а затем на встречах в Ново-Огарево Михаил Сергеевич страстно убеждал автономистов согласиться на приемлемый компромисс, не требовать невозможного. С пламенными речами в том же духе обращался к ним Нурсултан Назарбаев. Дважды Ельцину поручалось встретиться со «своими» автономиями и выработать взаимоприемлемую формулу. Такие встречи состоялись. Президент России обещал, что эти животрепещущие вопросы найдут справедливое решение при заключении Российского Федеративного договора и создании новой Конституции России.

<...> В конце концов страсти кое-как улеглись и путь к подписанию нового Союзного договора казался открытым. Но это впечатление было обманчивым, существовали веские основания для тревоги. По сути дела, тогда на союзном уровне разыгрывался первый раунд противостояния исполнительной и законодательной власти. Надо признать, сделав ставку на новоогаревские встречи, президент допускал пренебрежение правами парламента. Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик были фактически отстранены от работы над Союзным договором, которая, конечно же, входила в их прерогативу и ими зачиналась.

Мы с Ревенко и Кудрявцевым обращали его внимание на ненормальность такого положения, и Горбачёв предлагал коллегам хотя бы регулярно информировать Верховный Совет о ходе работы. Но встречалось это без энтузиазма. Народные депутаты неделями оставались в неведении в отношении того, чем занимались их президенты и председатели. Брожение в депутатской среде усиливалось. Все чаще оно прорывалось в гневных выступлениях и горьких сетованиях с трибуны Верховного Совета. Лукьянов в силу своего служебного положения аккумулировал эти настроения и несколько раз предупреждал конклав лидеров, что в парламенте назревает бунт. Но те просто отмахивались от предостережений, полагая, очевидно, что если это и бунт, то только на колёнах. Действительно, ведь реальная власть, уплыв из рук Политбюро, так и не досталась парламенту, а попала в руки новоогаревской десятки.

От раза к разу напряжение росло. Однажды дело дошло до прямой перепалки, и в перерыве разгоряченный Анатолий Иванович, решив, видимо, выместить свое раздражение на «стрелочнике», обрушился на меня с упреками в нежелании учитывать требования депутатов. Я спокойно возразил, что рабочая группа скрупулезно включает все поступающие замечания и они лежат перед каждым из участников новоогаревских встреч. Тогда Лукьянов, окончательно потеряв контроль над собой, впервые за наше долгое знакомство сказал с угрозой в голосе: «Имей в виду, это тебе даром не пройдет, придется ответить». Я тоже не удержался, послал его куда следует. На том мы расстались, а после перерыва Лукьянов подошел к моему столику проконсультроваться по одной из формулировок, нарочито показывая, что ничего между нами не случилось.

Теперь, когда я описал персонажи «новоогаревской драмы», стоит сказать и об общем впечатлении, которое она оставила. Заседания проходили с довольно большими интервалами во времени, в течение которых в стране происходило много тревожных событий. Продолжали рваться хозяйственные связи. Нарастали социальные волнения. Все более агрессивно вели себя народные фронты. Словесные баталии в парламентах и перепалка газет — все это через телеэкран выплескивалось на возбужденное нервное общество и, конечно, не могло не влиять на настроение участников того, что стало принято именовать «новоогаревским процессом». Хотя Ново-Огарево казалось отгороженным от внешнего мира высокой каменной стеной, защищено колючей проволокой и многочисленной охраной, дискуссия, которая там велась, была лишь отражением

нараставшего кризиса. Страна в муках решала для себя вопрос: оставаться и дальше такой, какой она была, либо разделиться, а если разделиться, то как именно.

Каждый раз, когда сообщалось об очередной встрече союзных и республиканских лидеров, у издерганных людей появлялась надежда, что будут найдены мудрые согласованные решения и мы начнем наконец выбираться из кризиса. Уже сам факт этих встреч успокаивал, приглушал политические страсти. Несмотря на, как я уже сказал, длительные интервалы, они сливаются в сознании — своего рода спектакль в нескольких актах. Горбачёв как его режиссер-постановщик выбирал декорации, определял порядок мизансцен, верховодил статистами. Но, увы, он уже не распределял роли и тем более не мог наставлять главных исполнителей, которые вполне свободно импровизировали. К суфлерам, за которых можно принять советников и экспертов, тоже мало кто прислушивался, а играли актеры больше для себя и друг для друга, потому что публика на спектакли не допускалась, как онаотреагирует на каждую реплику — аплодисментами или свистом — оставалось тайной.

Ну, а содержание пьесы писала сама История. Мне почему-то кажется, что, если бы «новоогаревцы» могли заглянуть на год вперед и увидеть народную беду, до которой довело растаскивание страны, они не захотели бы искушать судьбу, за пару дней согласовали документ и поставили под ним свои подписи. Перебирая мысленно всю эпопею с Союзным договором, начиная с тех дней, когда, засев в Волынском, я набросал по поручению Михаила Сергеевича первый вариант проекта, и до того момента, когда Договор был подготовлен для подписания, над ним корпели тысячи людей. Помимо официально назначенных экспертов, на конкурсной основе и просто так, в порядке самостоятельного творчества, были созданы десятки альтернативных проектов. Но первоначальный вариант и по структуре, и по содержанию в основе своей сохранился. И мне кажется, это свидетельствует о том, что сам замысел превращения Союза в полнокровное федеративное государство был правилен, отвечал истинным потребностям страны. Можно ведь по-разному располагать те или иные статьи договора, начинать с провозглашения принципов или кончать ими, но сама конструкция федерации диктует определенный набор требований, без соблюдения которых ничего путного не получится.

Сверхзадачу нового договора Горбачёв выразил формулой: сильный Союз — сильные республики. Вместо этого мы имеем теперь слабый

союз в виде СНГ и столь же ослабленные распрями независимые государства, а В. В. Путину в нелегкой борьбе с «осуверенившимися» благодаря Ельцину субъектами приходится восстанавливать «вертикаль власти», чуть ли не собирать заново Государство Российское. Впрочем, история договора, как и новоогаревский процесс, не завершилась августовским фиаско. Был еще второй акт, также изобиловавший радужными проблесками и опасными поворотами.

<...>

Заговор

Президент СССР имел обыкновение уходить в отпуск в августе и проводить его на Южном берегу Крыма. Одновременно он предлагал своим помощникам отдыхать в то же время. Санаторий «Южный», в котором находился я со своей семьей, расположен в нескольких километрах от государственной дачи президента в Форосе. Горбачёв привык интенсивно работать во время отпуска. В этот раз он писал статью, в которой хотел подвести итоги сделанного за годы перестройки. Параллельно готовилось его выступление на торжественной церемонии подписания нового Союзного договора 20 августа. На этот счет Михаил Сергеевич несколько раз звонил мне по телефону; последний такой разговор состоялся 18 августа в 15:50. Сколько бы ни говорили о суевериях и предрассудках, даже самые отъявленные скептики не отрицают предчувствий. Выйдя в три часа дня прогуляться, мы с Примаковым, отдохнувшим в том же санатории, завели разговор об угрожающем поведении высших сановников, которые все более открыто бросают вызов президенту. Говорили, что нельзя проходить мимо провокационных высказываний правых депутатов и генералов, которые можно расценить как призыв к мятежу. Разошлись, условившись откровенно поставить эти вопросы перед президентом сразу же после подписания Договора. Едва я вернулся к себе, раздался звонок. Михаил Сергеевич поинтересовался, есть ли у меня какие-нибудь новости, но я мог поделиться лишь впечатлениями от последних газетных публикаций. Затем он коснулся предстоящего своего выступления, сказал, что после подписания Союзного договора намерен посоветоваться с главами республик, с чего и как начать его воплощение в жизнь.

— Ты готов лететь со мной в Москву?

— Разумеется, — ответил я. — Вернемся через два-три дня, успеем еще поплавать.

— А как ваша поясница? — спросил я, зная, что у него разыгрался радикулит.

— Да все в порядке. Анатолий (врач Михаила Сергеевича. — Г. Ш.) подлечил, так что я в полной форме.

Положив трубку на рычажок, я тут же поднял ее вновь, чтобы поговорить с Черняевым, который, как обычно, находился в командировке, помогая президенту во время отпуска. Гудка не было. Молчал и городской телефон. Может быть, обрыв? В конце концов всякое могло случиться на узкой полосе земли между морем и горами. Я взглянул на часы — ровно четыре. Подождем, когда связь восстановят. Однако прошел час, два, все оставалось по-прежнему. Начала зарождаться тревога. Она окрепла, когда мы узнали, что телефоны отключены во всем санатории. Оставалось ждать, пока вернется Черняев. Обычно он приезжал к ужину, но вот уже 10, 11 часов, а его все нет. Для тех, кого интересуют психологические подробности, могу сказать, что в тот момент все еще не было у меня, да и у других, с кем пришлось общаться, мысли о государственном перевороте или внезапно начавшейся войне. Нет, в голову приходила возможность очередного стихийного бедствия или крупной аварии типа чернобыльской, которые могли изменить обычный порядок вещей и потребовать принятия чрезвычайных мер. В таком случае президент мог не отпустить Черняева, они были заняты какими-то спешными делами. Так или примерно так мы представляли себе ситуацию в затянувшихся до поздней ночи разговорах и тревожных раздумьях. А утром по телевидению уже передавали обращение ГКЧП. Затем пресс-конференция «шестерки». Тогда стала ясной и причина внезапного отъезда в Москву министра внутренних дел Б. К. Пуго^{xxvii}, который тоже отдыхал в «Южном» и улетел по срочному вызову 18 августа. Ни у кого из нас не возникло сомнения, что речь идет о попытке переворота, логично было ожидать, что люди, отважившиеся на это, постараются прежде всего изолировать ближайшее окружение президента. Я не сомневался, что с часу на час за нами придут. Надо было узнать, что происходит в резиденции Горбачёва, однако нам сказали, что все отдыхающие должны оставаться в санатории, дорога в Форос заблокирована погранчастями. Без особой надежды на успех мы обратились с требованием предоставить нам, как народным депутатам СССР, возможность немедленно вернуться в Москву, на что неожиданно получили согласие. Сначала Примаков, а затем и я выехали в Симферополь и без всяких препятствий вылетели в столицу. Во время

полета, проходившего по расписанию на комфортабельном широкофюзеляжном самолете, была включена запись по радио заявления Ельцина, призвавшего к решительному противодействию заговорщикам. Это говорило и о настроениях экипажа, и о том общем скепсисе, с каким были встречены декларации гэкачепистов. Похоже, мало кто из мыслящих людей не понимал (или предчувствовал?), что авантюра обречена на провал. В аэропорту Внуково мне рассказали, что, по сообщению подпольной в тот момент радиостанции «Эхо Москвы», я и моя семья арестованы. На улицах подходили незнакомые люди, с беспокойством спрашивая, не задержан ли мой сын — кинорежиссер^{xxviii}, поставивший ряд популярных фильмов. Люди с облегчением воспринимали, когда я говорил, что этого, к счастью, не случилось, было трогательно принимать эти знаки солидарности. Без помех пройдя в свой кабинет в здании ЦК КПСС на Старой площади (аппарат Президента не успел «переселиться» в кремлевские помещения), я попытался связаться по телефону с Лукьяновым и Ивашко. Однако секретари сообщили, что первый занят, проводит совещание, а второй болен. Единственный, с кем удалось переговорить в тот день, был член Политбюро, секретарь ЦК Дзасохов. Я поинтересовался, какие меры намерено принять руководство партии. Он ответил, что Ивашко в больнице, остальных до сих пор собрать не удалось, да и неизвестно, какой из этого может быть толк. Я возразил, что у партии, ее руководства единственный шанс сохранить лицо — немедленно заявить о своем решительном осуждении заговора, призвать коммунистов к противодействию и потребовать освобождения Генерального секретаря ЦК, Президента страны. Иначе КПСС — конец. Дзасохов согласился, обещал сделать, что может, чтобы собрать Политбюро и принять соответствующее решение. Вечером того же дня он позвонил мне и сообщил, что встреча руководства, хотя и не в полном составе, состоялась, однако провести решение, осуждающее ГКЧП, не удалось. Политбюро ограничилось заявлением, что до освобождения генерального секретаря партия не может вынести своего суждения о случившемся. Это был трусливый ход, попытка уйти от ответственности, типичная для партийной элиты, которая на протяжении всей перестройки фактически тащила за генсеком, делая вид, что поддерживает его революционные начинания, а в душе своей не разделяла его взглядов и, как могла, прямо или косвенно, саботировала реформы. По некоторым данным, только немногие (один из них — секретарь ЦК Андрей Николаевич Гиренко^{xxix}) настаивали

на осуждении путчистов. Так был упущен исторический шанс спасения партии. Я возвращался домой вечером, шел через Центр, было немноглюдно и не видно признаков того, что столица находится на военном положении, а буквально в полукилометре от затихшего Арбата разворачивается драматическое противостояние, грозящее перейти в кровавое побоище. Встав задолго до рассвета 21 августа, я набросал несколько тезисов своего выступления, еще не будучи уверенным, смогу ли его произнести. Раздавались звонки. Журналисты, радиокомментаторы, друзья, сослуживцы по президентскому аппарату — все они интересовались, что было на юге, как здоровье Михаила Сергеевича. Рассказав им все, что знал, я вместе со своим консультантом Ю. М. Батуриным отправился в Белый дом, где шло заседание Верховного Совета РСФСР. Подъехать к нему не удалось, пришлось остановиться на противоположном берегу Москвы-реки и идти через мост, перекрытый в ряде мест троллейбусами и автобусами. Все пространство вокруг белокаменного здания было заполнено людьми, царил необычайное возбуждение, на лицах отражалась решимость стоять до конца, но уже не было ощущения опасности. Нас несколько раз останавливали, проверяли документы и пропускали, удостоверившись, что имеют дело с помощником президента. Некоторые расспрашивали о его здоровье. Пришлось взбираться на каменные глыбы, одолевая другие препятствия в наспех сооруженных баррикадах. Едва войдя в зал, где шло заседание, я послал записку в президиум с просьбой предоставить слово, и через несколько минут, сразу же после выступления Бакатина, был приглашен председательствовавшим Хасбулатовым^{xxx} на трибуну. Позволю себе воспроизвести основные тезисы своего выступления. Я начал с решительного осуждения методов введения чрезвычайного положения. Обстановка действительно тяжелая, во многих отношениях она требует исключительных мер. Но эти меры должны приниматься в рамках закона, уже созданных и действующих политических институтов, а не на путях произвола. Могут возразить: «Тут не до юридического чистоплюйства, надо спасать страну!» Но все дело как раз в том, что независимо от намерений такие действия приводят к противоположным результатам. Хотели укрепить порядок, а ситуация резко обострилась. Хотели ударить по сепаратизму, а вызвали усиление центробежных тенденций. Хотели улучшить положение в экономике, а кризис стремительно углубляется. Хотели укрепить международное положение СССР, а существенно его подорвали. И так во всем. Случившееся

точнее всего охарактеризовать метафорой: это — хуже, чем преступление, это — ошибка¹. Страна оказалась в положении пикирующего самолета, который уже не спасти без экстраординарных усилий.

Выбор момента для введения чрезвычайного положения показывает, что главной его целью было не допустить подписания нового Союзного договора. Не секрет: против этого ополчились крайне правые и крайне левые, те, кто готов разорвать Союз на части, и те, кто хотел бы сохранить сверхцентрализованное, неизбежно опирающееся на силу унитарное государство. В итоге длительной напряженной работы достигнут компромисс, приемлемый для всех ответственных политических сил, за которыми идет огромное большинство народа. Иного способа принятия решений в демократическом обществе не существует. **Договор**, естественно, не может удовлетворять всех в равной мере, на то он и Договор. Но ведь его подписание — не финиш, а лишь начало преобразования Союза. Впереди — принятие Конституции, нового избирательного закона. У всех политических сил есть легальные возможности пропагандировать и проводить свою точку зрения.

Нельзя не пожалеть о том, что нарушено согласие, достигнутое ценой огромных усилий и обещавшее вывести страну из «войны законов». При этом ГКЧП заявляет, что будет продолжаться курс реформ, начатый Горбачёвым. Спрашивается: для этого надо было отстранить его от власти? Поскольку же ссылаются на болезнь президента, должен дать справку. Я отдыхал в санатории на Южном берегу Крыма. Михаил Сергеевич несколько раз связывался со мной по телефону. Мы обсуждали ряд предстоящих мероприятий, в частности его выступление при подписании Союзного договора 20 августа. Президент позвонил в последний раз 18-го в 16:00, спросил: «Завтра едем?» В конце разговора я поинтересовался его здоровьем, ответ был: все нормально, подлечился, можно ехать.

В заключение я сказал: «Правы те, кто призывает к спокойствию и выдержке. Но спокойствие — не ценой капитуляции перед беззаконием и произволом. Мы должны сказать организаторам переворота: остановитесь, не усугубляйте свою вину и не доводите до катастрофы, которую вы, по собственным вашим словам, хотели предотвратить. Прежде всего необходимо вернуть войска в казармы и допустить к президенту группу народных депутатов, восстановить конституционный порядок».

¹ Выражение Ж. Фуше по поводу приказа Наполеона расстрелять герцога Энгинского.

Мне пооплодировали. Был объявлен перерыв. Я вышел на площадь и стал пробираться сквозь густую людскую массу к Калининскому проспекту. Некоторые останавливались, интересовались деталями «крымской эпопеи». Как раз в этот момент через громкоговорители передали сообщение, что заговорщики арестованы — правда, чуть позднее выяснилось, что информация Би-би-си не подтвердилась. Впрочем, это уже не имело большого значения, поскольку задержание произошло вечером того же дня и на другой день. Собравшиеся вокруг Белого дома ликовали, ощущая себя в тот момент участниками действительно исторического события. Наверное, такое же чувство владело парижанами, когда они разрушили Бастилию и водрузили на будущей площади Согласия древко с плакатом «Здесь танцуют!» Мы направились на Старую площадь, где в помещении Союза предпринимателей состоялась пресс-конференция. Бакатин и Примаков сообщили, что вместе с А. В. Руцким и И. С. Силаевым летят в Крым «вызывать Президента». Ответил на несколько вопросов иностранных корреспондентов и я.

Вот, собственно говоря, непосредственные впечатления от тех двух дней, когда политика делалась на улицах. Затем она вернулась в кабинеты, но отнюдь не для того, чтобы войти в обычное для себя русло. События продолжали развиваться стремительно, намного превзойдя по своему масштабу и последствиям все происшедшее до того. Провалившийся заговор сорвал покровы с партийно-государственных структур, которые отчаянно сопротивлялись реформированию общества. Плотина рухнула, и хлынувший поток (какой именно — я долго думал над эпитетом, но так и не сумел охарактеризовать его одним словом) смел все преграды, еще вчера казавшиеся могущественными и неодолимыми.

<...>

В действительности Ново-Огарево стало символом единственно рациональной политики в условиях происходивших у нас структурных реформ. Это ведь не что иное, как *формула согласия*. В период, когда рухнувшая тоталитарная система грозит погresti страну под своими обломками, когда маячит опасность новой гражданской войны вокруг на сей раз «наследия социализма», когда весь мир трепещет перед тем, к чему это приведет на земле, насыщенной ядерными боезарядами и атомными станциями, в этот период более всего нужны здравый смысл и высочайшее чувство ответственности у власть предержащих. Их-то они и проявили, собравшись в Ново-Огарево, а после августовских потрясений — возобновив свои встречи на заседаниях Государственного

совета. Но остановить лавину уже не удалось. Заговор обреченных обрек страну на распад.

Последняя попытка

Многие обращали внимание на внешнее сходство Горбачёва с Бонапартом. Тот же чеканный профиль, решительная походка, горделивая осанка... Но есть некое сходство и в их судьбе. Наполеон после бегства с Эльбы и возвращения в Париж продержался у власти 100 дней. Горбачёв, после того как его вызволили из заключения в Форосе и восстановили в правах президента, оставался им 125 дней, а если не быть формалистами (или, напротив, быть ими?), нужно вычесть отсюда еще 17 дней: с 8 декабря, когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич сговорились в Беловежской Пуще распустить СССР, у главы Союзного государства не было больше государства. Наполеон предпринял последнюю отчаянную попытку отстоять трон, и она стоила жизни десяткам тысяч человек, павших под Ватерлоо.

<...>

Горбачёв отказался от попытки отстоять целостность Союзного государства ценой неизбежной в таком случае гражданской войны. Был ли у него малейший шанс добиться этого политическими средствами в борьбе с объединившимися президентами, а затем и Верховными Советами России, Украины и Белоруссии, к которым через неделю примкнули президенты и парламенты еще шести бывших советских республик, ныне независимых государств? Ответ на этот вопрос мы получим, еще раз прокрутив в памяти роковые 110 дней. К чему, однако, все эти поверхностные параллели? Что общего, за исключением легкого портретного сходства и случайного совпадения дат, у выдающегося полководца, сколотившего могущественную империю, и советского лидера, которого доброжелатели жалеют как неудачника, а противники проклинают как виновника развала великой супердержавы? Я прошу читателей самим поразмыслить над этим, а своей догадкой поделюсь в конце книги. Если три дня — 19, 20 и 21 августа — угрожали вернуть Советский Союз к тоталитарной системе правления, а мир — к «холодной войне», то три дня — 24, 25 и 26 августа — ознаменовались разрывом с существовавшей в СССР на протяжении 73 лет политической и экономической системой. Волею судьбы мне довелось быть свидетелем того, как разворачивались события в их эпицентре — в кабинете Президента СССР в Кремле. Если смотреть на историю с высоты

веков, кажутся не столь уж важными детали событий, тем более — побуждения, двигавшие людьми. И все же в этом огромном историческом полотне есть эпизоды, когда приобретает значение каждый час, если не минута. Аналитики дотошно устанавливают календарную последовательность фактов, имевших место в эти драматические августовские дни. И особенно их интригует крутой поворот, который, казалось бы, произошел в мышлении и решениях М. С. Горбачёва где-то между 23 и 25 августа. Мне кажется, в поисках достоверного ответа нужно учесть психологическую сторону дела. Прилетев в Москву, президент находился под сильным впечатлением от перенесенного. Не следует забывать, что он подвергся грубому насилию, причем со стороны людей, которым безгранично доверял. В течение 70 с лишним часов Горбачёв был лишен связи с внешним миром и мог ожидать худшего. Припертые к стене заговорщики могли решиться на все, в том числе — физическое насилие над президентом, включая применение психотропных препаратов, лишаящих памяти и воли. Что это было возможно, свидетельствуют попытки получить от врачей официальные заверения о болезни и недееспособности президента¹.

Нельзя упускать из вида и то, что вместе с М. С. Горбачёвым находилась его семья. Тревога за судьбу близких людей не могла не усугублять положение. Возвращаясь мысленно к тому, что ему пришлось пережить, нужно воздать должное его человеческому и гражданскому мужеству. Нетрудно представить, насколько серьезней стали бы шансы заговорщиков на успех, если бы им удалось вырвать у Горбачёва хотя бы косвенное согласие на введение чрезвычайного положения. Переворот был бы фактически легализован, и это намного затруднило серьезное ему противодействие.

Вернувшись в Москву и будучи вынужденным сразу же выступить с рядом публичных заявлений (сначала на пресс-конференции, а затем на заседании Верховного Совета РСФСР), он просто еще не мог «переключиться», осознать целиком значение совершившегося и тем более извлечь из него уроки. Что это так, лучше всего свидетельствуют подробные, часто детализированные рассказы обо всем, что произошло на даче в Форосе. Он говорил об этом не только потому, что его просили, но и потому, что мыслями был все еще прикован к тем злополучным дням своей жизни. Характерно, что, и собрав свое близкое окружение в так называемой Ореховой комнате 23 августа, Михаил Сергеевич большую часть

¹ Горбачёв М. Путч. М.: Новости, 1991.

времени уделил подробному рассказу о случившемся в Форосе. Лишь в конце дня разговор переместился с этой истории на обсуждение политической ситуации. Но по-настоящему всесторонний серьезный анализ был дан на следующий день — 24 августа, когда в кабинете президента собрались Яковлев, Примаков, Медведев, Ревенко и мы с Черняевым. В течение субботнего дня были не только приняты «по идее», но написаны, отредактированы и подписаны президентом кардинальные решения, означавшие, по сути дела, конец одной и начало другой эпохи политического развития страны.

<...>

Зная о настроениях среди части депутатов Верховного Совета России, некоторые из нас не советовали президенту идти на сессию. Но он возразил, что труса праздновать не станет, бояться нечего, надо все разъяснить, и люди поймут. К сожалению, сбылись худшие опасения. Его перебивали выкриками и оскорбительными репликами, издевательски смеялись, а Президент России, нарочито игнорируя предостережение Горбачёва, стоявшего на трибуне, подписал в Президиуме Указ о запрете КПСС^{xxxI}. В тот момент стало окончательно ясно, что великодушия от своего соперника Михаилу Сергеевичу не дожидаться, будет делаться все, чтобы его унижить и добить.

Так завершилась самая горячая послеавгустовская пора. Тогда все было предрешено. Оставшиеся до финала четыре месяца были заполнены отчаянными, увы, бесплодными попытками спасти Союз.

Уже 27-го утром Горбачёв вызвал меня по селектору: — Георгий, ты занимаешься Союзным договором? — Мне и в голову не приходило, — откровенно ответил я. — Ну так вот, берись и не медли. — А вы уверены, что удастся возобновить все это, по крайней мере в ближайшее время? — Уверен не уверен — не тот разговор. Будем сидеть сложа руки, окончательно все проиграем. Страну растащат к чертовой матери. — Но ведь обстановка совсем не та. Республики захотят урвать побольше прав. — Конечно, а мы, со своей стороны, должны им объяснить, что без Союза ни одна из них не выживет. Даже Россия. Всем будет плохо. Кое-что можно поправить, но все-таки держись ближе к согласованному тексту. Соберитесь в ближайшие дни с Ревенко, Кудрявцевым и дайте мне предложения. На этом он отключился, и уже на следующий день у меня собралась рабочая группа, участники которой не разделяли оптимизма шефа. Все мы отдавали себе отчет, что отныне политическая погода в стране все меньше зависит от Кремля и все больше от Белого

дома. В этих условиях было малопродуктивно браться за дело, не попытавшись выяснить намерений Ельцина и его команды. Как они теперь относятся к самой идее заключения нового Союзного договора, что предпримут, не воспользуются ли ситуацией, чтобы вовсе поставить на Союзе крест, о чем мечтали чуть ли не с самого начала? Сделав с учетом новых реалий поправки в проекте, я начал звонить помощникам российского президента Шахраю и Станкевичу. Оба они не стали раскрывать карты, заявив, что Ельцину сейчас не до этого, да и вообще Союзный договор, похоже, выпал из повестки дня, утратил актуальность. Со слов Михаила Сергеевича, примерно то же говорил ему и сам Ельцин; он явно не торопился возвращаться в Ново-Огарево. По многим признакам становилось ясно, что в «мозговом центре» Белого дома решено вернуться к идее подмены Союза серией двусторонних договоров России с республиками и, возможно, четырехстороннего соглашения России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Горбачёва и Верховный Совет СССР при этом старательно обходили. Мы были подвергнуты своего рода политическому и информационному ostracismu. Это ощущалось даже в том, что днями, а то и неделями невозможно было соединиться с ключевыми фигурами по телефону — наталкивались на бесконечные отговорки: занят, уехал, проводит совещание.

Между тем Горбачёв теребил, требуя как можно скорее выяснить позицию руководства России и других республик. Этим занимался Ревенко, названивая чуть ли не ежедневно президентам и их помощникам. Картина складывалась невеселая. Готовы были сразу же вернуться в Ново-Огарево и засесть за проект Союзного договора среднеазиатские лидеры, хотя и они заявляли о необходимости существенной корректировки текста. По-прежнему конструктивно были настроены белорусы. Но наряду с двусмысленной, во многих отношениях обструкционистской линией российского руководства серьезным препятствием для продолжения работы над Союзным договором становилось негативное отношение к нему Киева. Из умеренного сторонника Союза Л. М. Кравчук, подвижимый честолюбивыми замыслами стать национальным лидером самостийной Украины, а в большей мере — под нажимом Руха, превратился сначала в скрытого, а затем и открытого противника.

Правда, все это случилось не сразу. Горбачёву удалось убедить Ельцина в желательности возобновления новоогаревских встреч. Но согласие это было дано только при том условии, что будет подготовлен новый проект Договора с установкой уже не на федерацию, а конфедерацию.

И сделать это должны были сообща мы с советниками Белого дома. Персонально Ельцин поручил заняться этим Г. Э. Бурбулису, С. М. Шахраю и С. Станкевичу.

Теперь уже Шахрай сам позвонил мне, и я предложил встретиться, чтобы обсудить концепцию нового варианта. Такая встреча состоялась у меня в кабинете. Обменявшись мнениями, мы условились, что ельцинская команда подготовит свой вариант, после чего начнется практическая отработка текста. Спустя неделю мы получили такой документ. Зачитав его, я понял, что никакого Союза в Белом доме оставлять не собирались. Это было примерно то, что потом получило название «Содружество Независимых Государств». Но выбора не было. Я проинформировал президента, и он велел искать компромисс, добиваясь, тем не менее, чтобы за основу был взят наш вариант. Начался длительный торг, и после двух-трех туров совместной работы мы более или менее сошлись на компромиссном проекте.

<...>

Главным предметом был Союзный договор. Бурбулис и Шахрай начали доказывать, что представленный вариант негоден, потому что основывается на старой концепции создания Союзного государства, а не Союза государств. Их доводы сводились примерно к следующему: сейчас сложилась недееспособная структура политической власти, поскольку одновременно существуют два президента. Договор в нынешних условиях означал бы нечто вроде соглашения России с самой собой. Раньше Россия как «донор», спаситель Союза ложилась на амбразуру, чтобы прикрыть любую брешь в нем. Она готова была сделать это в том числе ценой собственной гибели. Теперь, после 19 августа, это невозможно, потому что республики просто ушли и не хотят возвращаться в прежнее состояние. Возможен в новых условиях лишь договор между ними при посреднической деятельности Горбачёва. Роль его сейчас даже поднялась, а в дальнейшем будет зависеть от того, насколько он поймет иллюзорность сохранения Союза как государства. Надо помочь договорному процессу, в результате которого Россия станет правопреемницей Союза.

Вожделенное экономическое соглашение также нереально. Республики закусили удила. Украина ведет себя как политический недоросль. Поэтому мы должны спасти Россию, укреплять ее независимость, отделяясь от всех остальных. Вот после того, как она встанет на ноги, все опять к ней потянутся, вопрос можно будет решать заново.

В этих рамках просматривается и «личная перспектива». Мы понимаем, что Горбачёв — выдающийся реформатор, он по-прежнему играет большую роль на мировой арене. Если будет объявлен договорный процесс по сценарию России, понадобятся координационные структуры для осуществления оборонной стратегии, выращивания дипломатических органов (так сказал мой визави). Все эти функции никто не может выполнить лучше Горбачёва. Борис Николаевич рассматривает как своего рода кодексы чести — помочь Михаилу Сергеевичу в данных условиях найти оптимальный для себя вариант. А он заключается в том, чтобы быть председателем в Союзе государств. Бурбулис добавил, что Госсовет — не орган государства, а некая дренажная система, раздевалка, в которой каждый заботится лишь о своем интересе. Республики начали сбрасывать многомиллионные суммы денег в российские банки, чтобы потом перекачать себе материальные богатства России.

Я сказал, что в целом согласен с концепцией, согласно которой Россия на время должна «заняться собой, собраться с силами». Но сейчас вопрос в том, чтобы не ошибиться в тактике, придерживаясь одной стратегии. Можно разрушить Союз и распустить его официально, однако рассчитывать, что удастся повторить опыт 20-х годов, нереально. За те несколько лет, на протяжении которых Россия будет приходить в себя, бывшие республики разойдутся по разным отсекам, втянутся в другие союзы, блоки, возвращать их силой, разумеется, никто не захочет. Поэтому целесообразно сохранить Союз именно как обруч на это переходное смутное время. Причем это двойной обруч, он служит не только самому Союзу, но и России. Один из важнейших новых постулатов Договора гласит: пока республики остаются в Союзе, не ставится вопрос о границах, если же они будут уходить, этот вопрос должен быть обсужден заново. Готовы ли собеседники отдать Крым Украине, если она выйдет из Союза? Ни в коем случае — прозвучал дружный ответ.

Во время нашей беседы меня вызвали к телефону и соединили с Горбачёвым. Выслушав, о чем идет разговор, президент начал вновь убеждать меня, что нужно иметь единое Союзное государство. А когда я возразил ему, что дело сейчас не в слове — с досадой сказал, что, видимо, и меня убедили «все эти бурбулисы». Он сухо прервал разговор, а когда я вернулся, позвонил вновь, чтобы узнать о конечных результатах. Уже самым обращением «Жора» он как бы извинился за то, что был перед этим несправедлив. Надо отдать ему должное: чутко ощущает, когда без оснований обидит человека. Тем не менее по существу дела он по-прежнему

стоял на своем. Самое любопытное, однако, в том, что где-то около 10 вечера мне позвонили из приемной и сообщили, что Ельцин прислал из дома отдыха, где он проводил отпуск, вариант договора со своими замечаниями. Я тут же запросил его и убедился, что Борис Николаевич пошел на гораздо большие уступки Михаилу Сергеевичу, чем это намеревались сделать его соратники. Я вновь соединился с Горбачёвым, сообщил ему о замечаниях, он признался, что звонил Ельцину, просил его поскорей определиться.

<...>

Мы еще несколько дней «толклись» над Договором, пытаюсь, где можно, усилить союзное начало. Кое-что удалось отстоять. Отправляя президенту согласованный на рабочем уровне проект, я, откровенно говоря, полагал, что он будет удовлетворен и велит послать его в республики. Вышло не совсем так. На другой день ранним утром я был приглашен к нему, и состоялась самая крупная за время нашей совместной работы размолвка.

— Что же вы, братцы, сложили оружие, без боя сдали все позиции! — без предисловия начал Михаил Сергеевич.

— С чего вы взяли? Напротив, в основу проекта как раз положен наш вариант. Россияне согласились отказаться от предложенной ими структуры, которая, по существу, упраздняла Союз.

Горбачёв сердито взмахнул рукой.

— При чем тут структура. Это последнее дело. Гораздо важнее то, что вы капитулировали по главным пунктам.

— Каким именно?

— Прежде всего Союзное государство или Союз государств? Категорически нельзя соглашаться с последней формулой.

— Вы сказали, что теперь приходится соглашаться на конфедерацию. А что такое конфедерация, как не Союз государств. Да и само название нашей страны — Союз республик, то есть Союз государств. И знаете, Михаил Сергеевич, дело ведь не в названии. Какое бы словечко мы тут ни оставили бы — федерация, конфедерация, — все будет зависеть от реального распределения полномочий. А в проекте четко прописаны все функции союзного государства — оборона, транспорт, связь, границы, гражданство. Если говорить всерьез, в мире нет ни одной конфедерации. Конфедерация — это временное состояние между федерацией и унитарным государством...

— Будешь мне лекции читать, — рассердился президент. — Это я и без тебя знаю, в университете учил. Сейчас речь не о словечках, а о существе дела. Извольте написать: Союзное государство. Никаких

возражений слушать не хочу. Пошли дальше, — продолжал Горбачёв, — почему выкинули союзную конституцию? Их логику я понимаю: нет Конституции, нет и государства.

— Мы исходили из того, что Союзный договор плюс Декларация гражданских прав, которую уже принял Верховный Совет СССР, составят конституционную основу. Это не все. Никто не мешает будущему союзному парламенту принять конституционный закон об устройстве союзных органов власти и управления. Ну и в самом Союзном договоре прописаны основные позиции — я имею в виду президента, Верховный Совет, Суд, Прокуратуру и т. д.

— Кстати, о президенте. Ни в коем случае нельзя соглашаться, чтобы он избирался парламентской ассамблеей. Получается, что глава союзного государства будет просто марионеткой, целиком зависеть от республик.

— Согласен. Мы долго спорили, но так и не удалось отстоять эту позицию. Может быть, вы попробуете поговорить непосредственно с Борисом Николаевичем?

— Я-то попробую, — сказал он. — А пока вот по всем этим трем пунктам пишите то, что я сказал, и тогда будем рассылать.

— Как, не показывая россиянам?

— Да, да. Нечего тянуть с этим.

— Но может быть скандал.

— Не надо бояться, Георгий. Что вы перед ними на задних лапках ходите! Держите себя с достоинством. Ты что, подпал под влияние Бурбулиса?

— Михаил Сергеевич, — возразил я, — еще раз хочу сказать, что они уступили гораздо больше, чем мы. Я считаю подготовленный текст оптимальным, он соответствует соотношению сил. Начнем упираться, требовать слишком многого, можем потерять все.

Ответом было повторение, что не надо бояться, паниковать и т. д. Я, разумеется, был раздосадован этим разговором. И не только из-за колкостей, которые воспринимал спокойно, потому что знал, что Михаил Сергеевич говорил это в сердцах, отыгрываясь в тот момент на мне, чувствуя на деле свое бессилие. Нет. Меня больше тревожило, что если шеф заупрямится, переоценит свои возможности, то тем самым только даст своим противникам шанс сделать то, чего они давно добиваются — вовсе сорвать работу над договором.

«Ах, вы не хотите, все тянете в сторону унитарного государства, не желаете признавать суверенитет республик, вновь навязываете нам

диктат ненавистного центра — что ж, оставайтесь при своих интересах. А мы продолжим заключать двусторонние договоры, а то и создадим свой новый союз на чистом месте». Вот чего я боялся. Но делать нечего. Получив безоговорочное указание, я в течение пяти минут внес поправки, подготовил текст, и на другой день Горбачёв его разослал с приглашением собраться вновь в Ново-Огарево. Как и следовало ожидать, работа застопорилась уже на преамбуле, где теперь было восстановлено союзное государство. Ельцин заявил, что категорически не может принять этой формулы, и вообще это совсем не тот проект, который согласовывался с россиянами. Начались долгие дебаты, в конце концов Горбачёву пришлось-таки пойти на попятную — слова «союзное государство» были убраны из текста. Долго толковали вокруг разделения полномочий. Опять «зациклило», когда подошли к проблеме бывших автономий. Но все эти трудности можно было в конечном счете преодолеть. Блеснула было надежда повторно подвести Договор к подписанию, когда вдруг из Киева последовал отказ участвовать в дальнейшей работе и обещание вернуться к вопросу о возможности вхождения Украины в Союз только после президентских выборов.

Горбачёв предложил завершить подготовку проекта и начать подписание, имея в виду, что Украина, как и некоторые другие республики, присоединится к нему позже. Но Ельцин решительно отклонил это, заявив, что без Украины Россия подписывать договор не станет. Подозреваю, у него была уже достигнута на этот счет предварительная договоренность с Кравчуком. Начинался финал.

Финал

Жизненные испытания люди переносят по-разному. Одни покоряются судьбе, пассивно и отрешенно наблюдают за тем, как их челн катится в стремнину. Другими овладевает бешеная жажда деятельности; мобилизуя скрытые резервы организма, они творят чудеса, нередко ухитряются выкрутиться из самых тяжких передрыг, спасти, казалось бы, безнадежное предприятие. За свои 110 дней Горбачёв действовал чаще всего в таком ключе. Стараясь спасти Союз, не давал покоя ни себе, ни своей команде, работал до изнеможения, без конца изобретал какие-то ходы, до хрипоты доказывал республиканским лидерам, парламентариям, журналистам, народу, что «мы не можем разделиться!», это абсурд, безумие, следствием которого могут быть величайшие бедствия — голод, гражданская война, большая кровь.

Отчаянная активность прерывалась иногда периодами несвоейственной ему апатии. Они не были вызваны физическим состоянием — президент не жаловался на здоровье, просиживал, как всегда, рабочий день с 10 утра до 10–11 вечера, занимался текущими делами, был досягаем для помощников и посетителей. Но казалось, бесконечная бесплодная борьба, не приносившая результатов, изматывала его и побуждала хоть на день-два отвлечься, переключиться на второстепенные, ничего не значащие дела, малость прийти в себя. Пережив очередной приступ такой опустошенности, и, позволю предположить, не без труда отведя все чаще мелькавшую мысль о безнадежности задачи, какую он хотел решить, президент возвращался в обычное свое деловое состояние.

Это чередование активности с бездействием продолжалось до финала. Начало конца союзному государству было положено комплексом решений, принятых «девяткой» и без особого труда навязанных ошеломленным народным депутатам. Это — признание необходимости подписания Союзного договора, а также отдельных соглашений — экономического, оборонного и других, — в которых могли бы принять участие республики, не пожелавшие войти в состав Союза; сосредоточение исполнительной власти в руках Государственного совета, состоящего из руководителей союзных республик во главе с президентом СССР; образование республиками на паритетных началах Межреспубликанского экономического комитета для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ и социальной политики.

Завершив свой недолгий жизненный путь, V внеочередной Съезд народных депутатов СССР самораспустился. Формально были соблюдены конституционные принципы, за роспуск проголосовало большинство. Это оказалось возможным благодаря жестким указаниям республиканских лидеров «своим депутатам» и позиции союзного президента. В то время к нему было немало «ходов» от различных депутатских групп, выражавших опасение, что роспуск съезда может стать прологом к ликвидации самого союзного государства: лишенное головы, оно долго не продержится, станет легкой добычей сепаратистов. Горбачёв успокаивал, говоря, что это вынужденное решение, речь идет о компромиссе, Съезд уходит с исторической арены, выполнив свой долг; поскольку теперь республики признают необходимость подписания Союзного договора, за судьбу Союза можно не тревожиться,

народные депутаты СССР как бы отдают свой статус на алтарь Отечества, давая возможность Госсовету возродить Союз уже в новом, федеративном качестве. К тому же страна не останется без высшего законодательного органа, поскольку Верховный Совет СССР будет продолжать выполнение своих функций.

Думаю, последний аргумент производил решающее впечатление. Нет оснований беспокоиться, создана ведь еще одна линия обороны — так, наверное, мыслили народные представители. А тех, кто цеплялся за депутатские права и привилегии, утешили обещанием привлекать к работе республиканских парламентов. Их, разумеется, обманули, как обманули во многих отношениях и самого Горбачёва.

<...> После опубликования сообщения из Беловежской Пуши о том, что президенты трех славянских республик подписали соглашение о создании «Содружества Независимых Государств», мне домой (было воскресенье) позвонил Горбачёв и попросил подготовить ему выступление, в котором «должны быть проставлены все точки над “i”, прямо и без обиняков сказано о роли Кравчука и других участников Минских соглашений». Перед встречей с Ельциным и Назарбаевым он опять позвонил и спросил в несколько необычной для себя манере: «Что будем делать?» Я сказал, что подготовил текст заявления, которое завершается предложением созвать Съезд народных депутатов и провести референдум. Михаил Сергеевич согласился. С 12 часов того же дня он засел сначала с Ельциным и Назарбаевым, а затем с Муталибовым^{xxxii} и Председателем Верховного Совета Таджикистана Набиевым^{xxxiii}. В 16:30 президент собрал советников и специалистов. В. Яковлев^{xxxiv}, Ю. Калмыков^{xxxv}, С. Алексеев^{xxxvi} высказались за то, чтобы союзные структуры продолжали выполнение своих обязанностей.

Развернулась дискуссия в отношении того, как отреагировать на беловежскую сенсацию. Большинство считало, что промолчать нельзя, три человека не вправе решать судьбу Союза. Были и предостережения: не торопиться, не пороть горячку. Горбачёв рассказал о своем разговоре с Ельциным 5 декабря.

— Я предъявил ему развернутую аргументацию в пользу Союза. Он рассуждал: может, заключить договор на 3–5 лет, Украина ограничится участием в экономическом сообществе; а может быть, создать славянский союз? Я ему сказал, что этот вариант не следует выдвигать. Если уж он и выплывет, не афишировать. Кто первым признал независимость Прибалтики? И смотри, что они теперь делают с армией, какие

решения принимают по гражданству. Борис Николаевич согласился, добавив, что особенно сволочную позицию заняла Латвия. Я ему сказал, понятно почему, там ведь население примерно 50 на 50, они и стараются «выжить» как можно больше русских. Словом, вроде бы разговор был неплохой. Но он ушел, и не было уверенности, что будет держаться, как условились. Я уже тогда знал, что его окружение подготовило текст соглашения о славянском сообществе. И вот теперь случилось. В последнем нашем разговоре Ельцин оправдывался, что он пытался продвигать несколько вариантов, а Кравчук все их отклонял — и заключение договора на 4–5 лет, и ассоциированное членство Украины, и славянский союз... Начал упрекать меня за то, что трижды в день переговариваюсь с Руцким. На это я ему говорю, что это обычный разговор у нас внутри, в Союзе. А вот Президент России по несколько раз в день переговаривается с американским президентом.

Он вспылил: «Будете так продолжать, я уйду!» От государства не уйдешь, сказал я ему. Вы собрались втроем. А кто вам дал такие полномочия? Госсовет не поручал. Верховный Совет не поручал, народ окончательно запутали.

«Ничего, — сказал Ельцин, — содружество будет работать. А вы вот всем недовольны».

Далее, продолжал Горбачёв, я ему постарался показать полную несостоятельность Минского соглашения. Он хватался за сердце. Я ему сказал: знаешь, Борис, это товарищеский разговор, я тебе привожу все доводы, которые будут приводиться другими. Нужен референдум, пусть сам народ решит. Он ответил: «Выдвигайте свои позиции, только не надо личной брани». Я в ответ: никогда этим не занимался. Говорил по телефону с Назарбаевым. Он хватается за голову: «Я шел на выборы с одним лозунгом — за Союз».

<...>

Дальнейшее известно. Сначала Верховные Советы трех славянских республик ратифицировали Беловежское соглашение, затем к ним присоединились пять среднеазиатских и Армения. Явно неконституционный акт, который многие с полным основанием назвали государственным переворотом, получил легитимацию. Высшие органы власти практически всех республик, подписавших в свое время Союзный договор (за исключением Грузии), конечно же, имели право его денонсировать. Так просто завершилось 70-летнее существование Советского государства. 24 декабря. Горбачёв встречается со своими советниками,

помощниками, руководителями отделов и служб аппарата Президента. Вот что он нам сказал: — Процесс преобразования Союза должен завершиться в конституционном русле. После ратификации Договора о СНГ всеми республиками Верховному Совету не останется ничего иного, как самораспуститься. Завтра я собираюсь выступить с заявлением. Моя позиция остается без изменений. Нужно продолжить реформы, сохранить завоевания демократии. Стране нужна союзная государственность, жаль, что этот процесс не удалось подвести к успешному завершению. После путча я приложил максимум усилий, чтобы добиться подписания Союзного договора, но настроения против Союза были уже необратимы. Четырнадцатого ноября разговор доходил до самых высоких отметок. Положение осложнилось в результате референдума на Украине, позиции ее руководства. Я стремился, чтобы в результате наших усилий родилось нечто жизнеспособное, и не сомневаюсь, что центристские тенденции будут теперь нарастать. Буду содействовать реформам и добиваться согласия в обществе. Народ в тяжелейшем состоянии, надо помочь ему быстрее встать на ноги. Это сейчас высший национальный приоритет. Что касается нас с вами, то органы Президента прекратят свои функции со 2 января. Из Кремля надо уходить 29-го. За два месяца все будут трудоустроены. Для этой цели создается комиссия под совместным руководством Г. И. Ревенко и Ю. В. Петрова^{xxxvii}. Я перейду к общественной деятельности, в Международный фонд социально-экономических и политологических исследований.

Горбачёв в те дни получал много обращений от людей, для которых невыносима была сама мысль о возможности распада страны. В его приемной толпились депутаты, ежечасно поступали требования от коллективов и граждан принять меры к спасению Союза, от военных — с выражением готовности выполнить любой приказ Главнокомандующего. Он должен был принимать решение, отдавая себе отчет в его последствиях. Созвать Съезд народных депутатов, призвать к сопротивлению сторонников сохранения целостности страны, объявить недействительным соглашение, ратифицированное парламентами? Неминуемая гражданская война. Пойти на это он не мог, хотя сознавал, что на него вместе с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем будет возложена главная ответственность за развал Союза. Отчаянно пытался не допустить этого. Уговаривал, убеждал, предостерегал; в ряде случаев, вопреки своему принципу ненасилия, закрывал глаза, когда его соратники на свой страх и риск пытались силой подавить сепаратизм; произносил пылкие речи,

призывая не изменять памяти предков, которые веками собирали страну и защищали ее, общими усилиями создали великую уникальную культуру. Увы, все усилия оказались тщетны. Им же введенные гласность и демократия дали развернуться национальным движениям и политическим силам, которые в конце концов разодрали страну на части. И оставалась только надежда, что она опять склеится.

«Все-таки СНГ лучше, чем ничего», — со вздохом сказал Горбачёв в одном из своих последних интервью. В обращении к главам суверенных государств, своего рода политическом завещании, президент сказал о необходимости сохранить единство Вооруженных Сил как гарантию безопасности государств, входящих в Содружество, и сохранения контроля за огромным ракетно-ядерным арсеналом СССР. Указывал на важность скоординированной внешней политики. Значительная часть послания затрагивала проблему гражданских прав, столь острую на территории страны, где четвертая часть населения, 75 миллионов человек, живет на территории инонациональных республик. Горбачёв призвал создать «общее гражданское пространство», предусмотреть единообразные социальные гарантии на всей территории бывшего Союза. Упомянул и о необходимости взаимных обязательств по дальнейшему продвижению демократических реформ. Лично у меня вызывает особое сожаление, что руководители суверенных государств не сочли возможным принять совет и назвать новое образование «Содружеством евро-азиатских государств». В наименовании СНГ отсутствует «геополитическая привязка». Определение «евро-азиатское» подчеркивало бы уникальную особенность нашей страны, столетиями бывшей мостом между двумя великими континентами и цивилизациями.

А. С. Черняев
СОВМЕСТНЫЙ ИСХОД¹
<фрагменты>

Послесловие к 1984 году. Это — год становления Горбачёва как государственного деятеля общесоюзного и международного масштаба. Еще

¹ Цит. по: Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 589–590, 608–613, 622–624, 637–638, 655, 657, 661–663, 668–669, 673, 683–684, 699, 703–704, 714–715, 720, 738–740, 775–778, 814, 831–832, 848, 861–862, 869, 893–896, 902–903, 907, 927, 929, 931–932, 937–938, 948, 962, 967–969.

при больном Андропове^I на этой необычной для советских верхов фигуре концентрировались надежды социально и физически уставшего, идейно обесмысленного общества, которому опротивели фарисейство, ложь и показуха, давно ставшие характерными приметами режима. Разочарование, что не Горбачёв, а Черненко^{II} был избран Генеральным секретарем после смерти Андропова, окончательно убедило в безнадежности и государственной безответственности высшего руководства страны, пораженного маразмом и старческим эгоизмом. Горбачёв хорошо воспользовался этим, наращивая свою активность и демонстрируя интеллектуальное и политическое превосходство над «коллегами». Объективная обстановка благоприятствовала его восхождению. Сгущались краски всеобщего застоя (этот термин употребляется в записях задолго до того, как он стал официально «партийным»). Экономика деградировала. Сельское хозяйство окончательно лишилось способности накормить страну: треть хлеба импортировалось, истощая золотой запас и поглощая большую часть нефтедолларов. Утаиваемый от населения колоссальный государственный долг — в условиях падения мировых цен на нефть — грозил вот-вот финансовым крахом. Рычаги управления отказывали. Вопиющая картина бездарности, серости и лживости, перерождения обюрократившихся начальников демонстрировались каждый раз при отчетах министров и секретарей обкомов на заседаниях Секретариата ЦК КПСС и в Политбюро <...>

Тем не менее, вряд ли можно было найти в СССР человека, который в состоянии был бы предвидеть, что члены ЦК КПСС, а некоторые потом и члены Политбюро, возглавят в бывших советских республиках самодержавные и даже профашистские режимы. Цинизм, раболепие, погоня за должностями, званиями, орденами поразили большую часть т. наз. «творческой» интеллигенции и научную среду. Более того, в этом году отчетливо стали проступать — и в номенклатуре партийно-государственной, и в среде интеллигенции, да и в духовно обесточенной широкой массе «простого народа» — последствия того копившегося десятилетиями морально-политического разложения, которое потом, когда был снят тоталитарный колпак, позволило так легко загубить Перестройку, а разрушительной и воровской ельцинской «элите» — овладеть властью и собственностью нации. Наряду с этим очевидны были также и признаки идеологической оппозиционности среди части интеллигенции, требования свободы мысли (под прикрытием возвращения к «ленинским нормам»). Ползучее, неоформленное, часто не осознанное диссидентство

становилось все более влиятельным в художественной и научной литературе, в кино, в живописи. Оно проникало и в верхний эшелон интеллигентского партийного аппарата. Это находило отражение, в частности, в «творчестве» спичрайтеров. Генсек (и другие «водители») публично и в беседах с иностранцами говорили такое, с чем никогда бы не согласились, если бы понимали суть красиво написанного для них. Произносимые ими тексты и «культурно» оформленные заявления расходились с их взглядами и догмами, противоречили самому их менталитету и всему тому, что они делали и как себя вели на своих постах. В результате еще более явной становилась лживость власти и ее интеллектуальная беспомощность. Горбачёв все это видел. Понимал, что страна потеряла ориентировку, что идейная и физическая болезнь общества достигли высокой степени. Однако в том, что он делал и говорил, по крайней мере в этот период, невозможно различить сомнений в основах системы, порочной в самой ее сталинистской природе. Он верил, что болезнь излечима и что лекарем может стать (как бывало не раз за 70 лет) и будет партия, .. очищенная от скверны, налепившейся на ней после Ленина. Он верил в чистоту и нравственную силу идей ленинизма, в притягательность и авторитет иконизированного образа Ленина. И, конечно, полагался на дисциплину, проще говоря, покорность кадров, привыкших делать то, что придумает и прикажет «Центральный Комитет»... в лице Генерального секретаря. Надеялся и на энтузиазм, который может вызвать новизна замыслов и «больших целей»...

<...>

11 марта 1985 г. Печальная музыка в 7 утра вместо передачи «Опять двадцать пять» насторожила... И действительно, Шопен вновь, как уже не раз, стал первым информатором советских людей и заграницы о том, что в СССР предстоит «смена эпох». Черненко умер вчера вечером. Это все предвидели, насмешничали, хихикали, рассказывали анекдоты по поводу того, как наше руководство и пропаганда, демонстрируя полную энергии жизнедеятельность Генерального секретаря на экранах, на выборах и в многочисленных заявлениях, обращениях и интервью, делала нас «страной дураков». Загладин^{III}, Александров^{IV}, Лукьянов и Медведев были подняты с постели в полночь, вызваны в Кремль — и Горбачёв поручил им к утру подготовить проект речи для «того, кто будет избран Генеральным секретарем». (Надо сказать, что создали они не очень яркое произведение. Но не в этом суть.) Пономарев^V собрал замов в 9:45 и очень удивился, что все давно уже все знают. В 14:00 объявили по радио. В 17

часов состоялся Пленум. Встали, почтили, Горбачёв сказал (без перебора) приличествующие слова. Но в атмосфере не было ни грамма огорчения и печали; мол, отмучился, бедолага, случайно попавший на неположенное место... и сделавший паузу в том разгоне, который придавал стране Андропов. Затаенная если не радость, то «удовлетворение» царило в воздухе — кончилась, мол, неопределенность и пора России иметь настоящего лидера.

Горбачёв объявил повестку дня: выборы Генерального секретаря и сообщил, что Политбюро поручило выступить с предложением по этому вопросу товарищу Громыко^{VI}. Ни Тихонову^{VII}, который весь съезжился и покраснел, когда это было объявлено, ни Романову^{VIII}, ни Гришину^{IX}, которого, кстати, западная печать прочила в претенденты наряду с Горбачёвым и Громыко. Этот последний вышел на трибуну и без бумажки стал говорить в вольном стиле.

Когда он назвал Горбачёва — зал взорвался овацией, сравнимой с той, которая была при избрании Андропова (и ничего похожего на кислые аплодисменты, когда избирали Черненко). Овация шла волнами и долго не успокаивалась. Громыко говорил так, как не принято говорить на таких собраниях: он давал характеристику (раскованно и не шаблонно) качествам «товарища по Политбюро», которые были сочтены необходимыми и достаточными, чтобы единодушно («я подчеркиваю», повторил он) избрать именно его. Хочу, говорил, передать вам, Центральному Комитету, атмосферу, в которой мы обсуждаем кандидатуру Михаила Сергеевича. Никаких сомнений, полное единогласие. Почему? У него огромный опыт партийной работы — на обкомовском уровне и здесь, в центре. И он проявил себя блестяще. У него глубокий и острый ум, умение отделить главное от второстепенного. Ум аналитический. Каждый вопрос он раскладывает по полочкам, чтоб видеть все его составные части. Но не для того, чтобы они там лежали. Он умеет обобщать и делать выводы. Его отличает принципиальность. Он человек принципов и убеждений. Он умеет отстаивать свое мнение, даже если это кому-то может быть и неприятно. И выражает это мнение прямо, без обиняков. Но всегда во имя линии партии и для проведения этой линии. Это и есть партийный подход — все оценки с точки зрения партии. Он прям с людьми, и если ты настоящий коммунист, ты уходишь удовлетворенный от него, хотя, может быть, он и наговорил тебе чего-то не по душе. Он умеет находить и общий язык с разными людьми — во имя дела. Скажу, продолжал Громыко, о своей области. Михаил Сергеевич, как только

появился в Политбюро, сразу обратил на себя внимание умением видеть суть вопроса в том, что, казалось, совсем не его сфера, он с ней был незнаком (т. е. международной политикой). И его оценки показали, что он не из тех, для которых существует только два цвета: белый и черный. Он показал, что умеет выбирать и промежуточные цвета ради достижения цели. И еще одно. На Западе спят и видят отыскать в нашем руководстве трещины, столкнуть лбами членов руководства... Нашептывают, сплетничают, клеветают. Мы не дадим им удовольствия видеть что-либо подобное. Выбор Горбачёва — свидетельство нерушимого единодушия в нашем руководстве. Для него святое дело — оборона и бдительность. В нынешней обстановке это — святая святых. И еще одно. Его эрудиция, почерпнутая из его образованности и из опыта работы, что тоже очень важно. Она очень пригодится ему на посту Генерального секретаря. Словом, мы имеем перед собой государственного человека, достойного занять этот пост в столь ответственный для страны момент. Потом были вновь овации. Потом председательствовавший Романов дал слово Горбачёву. (Речь будет завтра в газетах.) Потом Горбачёв закрыл Пленум, пригласил всех присутствующих, включая первых секретарей обкомов, бывших на Пленуме, но не входящих пока (!) в ЦК, отправиться в Колонный зал проститься с Черненко.

Загадкой для меня (думаю, и для многих) осталось — почему Громыко? Он вроде как исподволь намечал программу деятельности нового Генсека. Но это — пшик. Главное, что таким образом он был представлен партии, как инициатор выдвижения Горбачёва. Что этим хотели сказать? Или — что от этого хотел получить сам Громыко, сделав так, чтобы именно он, а не премьер-министр, не кто-либо из «партийных» (а государственных) членов ПБ выступили в этой роли? Укрепить свое нынешнее положение? Сохранить монополию на внешнюю политику, которую он заполучил при Черненко? Закинуть удочку насчет «повышения» — на должность премьера или председателя Президиума Верховного Совета? Или быть просто «старшим товарищем», патронировать молодого Генсека... Может быть, просто для ради тщеславия? Возможно, сочетание этих побудительных мотивов. Но что-то должно быть и главным. Впрочем, не думаю, что ему удастся сесть на шею Горбачёву. Не на того напал! По многим «данным» народ доволен, что именно Горбачёв. Еще до смерти Черненко люди в метро, троллейбусах, в столовых, не стеснялись громко выражать такое «пожелание». Народ устал от безвременья, от демонстрации официальной глупости, когда лидера превращают в почитаемую куклу,

с помощью которой, однако, весьма влияют на ход событий. Но... от Горбачёва много ждут, как начали было ждать от Андропова. Хватит ли у него мужества оправдать ожидания? Возможности у него большие. Свежие кадры партийного аппарата и настоящая интеллигенция поддержит его. На носу съезд, который он может сделать поворотным в истории страны...

<...> 13 марта 1985 г. Спустия полчаса после церемонии на Красной площади, когда я ехал домой обедать, со зданий на Лубянке, с Дома Союзов и т. д. уже снимали траурные флаги <...> В толпе членов и кандидатов в члены ЦК — когда они скопились за полчаса до выноса гроба у выхода из Колонного зала, атмосфера была как на толкучке: громко хохотали, обсуждали разные дела, через головы других обменивались всякими «посторонними» репликами, насмешливо приветствовали друг друга, обсуждали, не холодно ли будет: ведь еще полтора часа быть на улице. Словом, «всенародная скорбь» никак не коснулась состава Центрального Комитета. Во время «пиковых моментов» похоронной церемонии только иностранцы снимали шапки. Словом, вступили в новую эру. Что-то будет? А ведь нужна «революция сверху». Не меньше. Иначе ничего не получится. Понимает ли это Михаил Сергеевич?

<...>

17 марта 1985 г. Со всех сторон — все довольны и рады, что Горбачёв. Вчера шофер, который вез меня, с восторгом рассказывал, как его ребята, шоферня, радуются, что у нас, наконец, настоящий лидер. Чтобы править нашей страной, говорит, нужно лошадиное здоровье, а этот (т. е. Черненко) — сразу было видно, что дохляк. Я бы на его месте отказался, сказал бы: «Ребята, увольте, не потяну!» Только бы не поддался Горбачёв мишуре «внешнеполитической активности». Традицию заложил Никита, Брежнев довел ее до карикатуры, а Черненко и его превзошел. Тем более, что все эти каждодневные заявления, интервью, обращения и ответы, ничего по существу не дают. И погоды в политике не делают. Пусть, вон, Громыко и, может быть, министр обороны Соколов^x выступают с заявлениями... Есть тут опасность... Вроде бы на виду, вроде бы дело ради главного, для народа. А главное сейчас — думать, как реформировать страну и куда ее повести. Кого же М. С. все-таки назначит вместо себя руководить Секретариатом? Гришина, Романова? Или сам будет вести до Пленума, а там сделает членами ПБ Долгих^{xi} и Лигачева? От этого многое будет зависеть. И даже не само дело, а впечатление от него самого — оправдает ли он всеобщие радостные надежды или соскользнет на проторенную дорожку и займется верчением налаженной бюрократической машины. Ну и вопрос о «соратниках»,

конечно. Ведь Гришин или Романов будут «представлять» его самого, через них будет восприниматься и его имидж, и «возможности» (уровень) нового руководства. Вечер. За неделю история стерла Черненко со своих страниц. В прошлое воскресенье в этот час он был еще жив.

<...>

21 марта 1985 г. В порядке объяснения, почему на Пленуме Горбачёва представлял Громыко, рассказывают следующее. Когда умер Андропов и собралось ПБ, чтоб избрать следующего, председательствовал Устинов^{xii}. Будто они с Громыко заранее условились двигать Горбачёва, но только началось заседание, Тихонов попросил слова «в порядке ведения» и произнес: «Предлагаю Константина Устиновича Черненко!» Другие, чтоб не создавать ситуацию расхождений, согласились... Но на этот раз постарались Тихонова «обойти». О Горбачёве говорят: запретил вывешивать свои портреты (взамен черненковских). Отказался приветствовать собрание «обществ дружбы» в Вене: послали от Совмина. В печати и на пленумах обкомов говорится об «установках мартовского Пленума», а не «указаниях Генерального секретаря». Первое заседание Секретариата, после избрания Генсеком вел сам. Произнес речь — главным образом, против парадности, бюрократизма и совещаний: дело надо делать, тем более, что февраль дал нулевой рост и план года (пятилетки) опять завис <...> Очень боюсь, что текучка международных дел затянет Горбачёва и его облик в глазах народа, которому надоела показуха, и в глазах мировой общественности начнет размываться, надежды рухнут. И особенно важно, памятуя о том, что произошло в первые месяцы Андропова, не затянуть с ключевыми кадровыми переменами... и конкретно показать, что он намерен решительно наводить порядок а la Андропов, которого народ запомнил прежде всего в этом качестве.

<...>

12 апреля 1985 г. Прочел стенограмму беседы Горбачёва с конгрессменом О'Нилом и его делегацией. Блеск. Яркий, сильный, веселый и уверенный разговор, компетентность и убежденность и, как в старину говорили и до сих пор итальянцы говорят, диалектичный ум. И спокойное, веселое (по-нищевски) умение держать марку великого народа. Американцев он ошеломил. Они отбrehивались детским лепетом.

<...>

23 апреля 1985 г. Пленум ЦК. О подготовке к съезду. Горбачёв раскованный, уверенный, сдержанный, иногда прорывающийся в репликах. Говорит с Пленумом, не утыкаясь в бумажку. Оргвопросы. На этот раз

никто даже приблизительно не догадывался, что произойдет. Еще у Спасской башни столкнулись с Арбатовым^{xiii} и Бовиным^{xiv}. Они, естественно, спросили, не знаю ли я. Я — не знаю, но сделал предположение, что Лигачев и Долгих станут членами ПБ. Арбатов добавил Чебрикова^{xv}, но отвел Долгих: у него, мол, очень плохие отношения с Генеральным, что-то пробежало между ними еще при Черненко. На заседании Горбачёв вынул из кармана блокнотик и чохом предложил: в ПБ — Лигачев, Рыжков (!), Чебриков; в кандидаты — маршала Соколова, секретарем по сельскому хозяйству — министра сельского хозяйства РСФСР Никонова^{xvi}! После избрания попросил новых членов ПБ подняться в президиум, а Лигачева подозвал и посадил рядом с собой — на председательское место, он, Лигачев, и вел весь Пленум. Ясно всем, что и Секретариат будет вести он. А эти полтора месяца после смерти Черненко, Горбачёв не пустил Романова вести Секретариат (почему Романов мог претендовать на это? Потому что он единственный в Секретариате, кроме М. С., одновременно из секретарей ЦК член ПБ), вел его сам! Теперь у него в ПБ абсолютное превосходство весьма верных друзей «против» (если осмелятся) возможных оппонентов: Тихонов, Кунаев^{xvii}, Щербицкий^{xviii}, Романов, Гришин. Доклад Горбачёва был энергичен во внутренней части с теми же, впрочем, основными идеями, что и на мартовском Пленуме. И — плоский, обыденный, дежурный — во внешней части. То ли он не хочет сейчас отвлекаться на эту «материю», то ли (что хуже) — опять передоверил все Громыке. Арбатов, который сидел рядом, ворчал: мол, ничего не принял из того, «что я ему (по его просьбе) представил» <...> Первые выступления, Щербицкий и особенно Гришин продемонстрировали полную беспомощность приспособиться к новому стилю. Это были образцы общих фраз, пустословия, которые сам Гришин все осудил <...> Впрочем, славословий не было в адрес Генсека. Хотя опять же все вставляли при появлении Политбюро в президиуме и хлопали... Даже и после перерыва. Однако, Горбачёв быстро «пресекал», решительно садясь на место. Хитрый, умный, талантливый Шеварднадзе все-таки изловчился: сказал, что давно не было такой реакции во всем мире на события в СССР, как на избрание Горбачёва. процитировал «Вашингтон пост» с похвалами в адрес «нового советского лидера» и с добавлением: «а нам-то, мол, капитализму что от этого, только хуже!» Да, добавил от себя Шеварднадзе: бояться там «соединения социализма с сильным руководством». И, извиняясь, тут же оговорился: знаю, мол, что Михаил Сергеевич не любит, когда о нем говорят, но ведь это же не я, а американцы говорят! Хохот

в зале. Из десятка выступлений только три-четыре были более или менее в Горбачёвском стиле. Не думаю, что у Горбачёва уже сложилась более или менее ясная концепция — как он будет выводить страну на уровень мировых стандартов. Прощупываются лишь отдельные признаки методологии, в частности, порядок, договорная дисциплина, довольно чувствительная децентрализация управления и планирования (которая будет ограничиваться лишь стратегией). Сейчас он производит расчистки и расстановку, склонен и к настоящей чистке партии (к которой открыто призвал Шеварднадзе). Он расшатывает сложившиеся при Брежнев^{xix} догмы, условности, путы парадности, бюрократической инертности, чванства, хапания не по заслугам. Словом, ломает нормы монархической реставрации, которые принесли столько вреда экономике и морали при Брежнев и начали было возрождаться при Черненко. (Кстати, на протяжении пяти часов Пленума имя Черненко ни разу не было произнесено, будто и не было его никогда!)

<...>

1 июля 1985 г. Был на Пленуме, который продолжался полчаса. Горбачёв, не выходя на трибуну, в своей свободной манере начал говорить: завтра сессия Верховного Совета, нам надо обсудить ее вопросы, в том числе организационные. Первый — о председателе президиума Верховного Совета. Вы знаете, что с 1977 года этот пост совмещался с постом Генерального секретаря ЦК. Тогда это, может, было оправдано. Теперь времена другие, другие задачи и другая ответственность у разных органов. Генеральный секретарь должен сосредоточиться на роли и деятельности партии. И без всякого перехода предложил в качестве кандидата на пост председателя Верховного Совета Громыко. Охарактеризовал его очень сдержанно, не отплатил за громыкинскую речь на мартовском Пленуме, еще раз показав, что «личностный» аспект для него не имеет значения. Сказал только, что Андрей Андреевич давно в партии, всегда последовательно проводил ее линию, привержен принципу коллективного руководства... И все! Ни об его уме, ни об его знаниях и способностях. Перешел к задачам Верховного Совета и вообще Советов, сказал о необходимости поднять роль постоянных комиссий ВС, наделив тут же их правом не только обсуждать работу министерств, но и оценивать работу министров, даже выносить суждение об их соответствии должности. Сказал о прокуратуре, «работа, которой оставляет желать лучшего», о том, что она обязана охранять законность для всех и пресечь практику, когда министерства и ведомства не только комментируют законы, применительно к своим нуждам, но даже

корректируют их. Назвал кандидатуры на посты председателей комиссий и зампредов самого председателя, кстати, ни словом не обмолвившись о его (Громыко) роли во внешней политике. На это все обратили внимание. Затем — о министре иностранных дел. Мы, говорит Горбачёв, обстоятельно обсудили этот вопрос на ПБ и предлагаем на этот пост товарища Шеварднадзе. Даже для нас, аппаратчиков, это был гром среди ясного неба.

<...>

Пленум, естественно, перевел Шеварднадзе из кандидатов в члены ПБ. Я считаю все это очень показательным, это означает конец громынской монополии и власти МИДовского аппарата над внешней политикой. Кроме того, Романова вывели из ПБ и сняли с поста секретаря ЦК «согласно его заявлению, в связи с ухудшившимся здоровьем». Объяснений Горбачёв никаких не дал, и неизвестно, был ли какой-либо повод или просто решили избавиться от бездари и сволочи. Зайкова^{xx}, ленинградского секретаря обкома, избрали секретарем ЦК. Будет заниматься вместо Романова оборонной промышленностью. Назначили секретарем ЦК Ельцина, недавнего секретаря Свердловского обкома, оставив за ним пост в аппарате ЦК — зав. отделом строительства и капиталовложений.

<...>

12 ноября 1985 г. Видел записку Горбачёва о том, как он собирается вести дело с Рейганом в Женеве. Политбюро, естественно, одобрило. — Не отступать от провозглашенных в Париже позиций плюс дополнения, которые были сделаны для третьего раунда в Женеве. — Не заводится по региональным проблемам, но и не поступаться нашим правом «быть солидарными» с «борцами за независимость», не признавать «жизненных интересов» США где угодно. — Согласиться на то, что это встреча лишь начало большого и регулярного диалога и вообще — «надо уметь жить вместе», мы разные, но надо научиться уважать эту разность. — Словом, не гневить Рейгана, чтоб не усиливать угрозу, не подыгрывать ястребам.

<...>

16 ноября 1985 г. На службе текучка и поток информации, главным образом, по встрече в Женеве. Вроде наклеывается совместное коммюнике, довольно миролюбивое. Скорее всего, возникнет «дух Женевы», который, конечно, не снимет материальной подготовки к войне, но ослабит конфронтацию, т. е. усилит волю к отказу от войны как средству политики. Мирное сосуществование по-Горбачёвски это, в отличие от того, что было у нас до того (что бы мы ни говорили и ни писали, и как бы ни клялись, что мы против войны и политики силы) — это «живи

и жить давай другим», всерьез, по-настоящему, без дураков, без попыток надуть, обойти и иметь-таки превосходство.

<...>

24 ноября 1985 г. Дух Женевы, знак Женевы. Интервью Горбачёва — источник нового понимания политического мира и нас самих. Сумеет ли этим воспользоваться? Произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма. Горбачёв возродил надежды, появившиеся после XX съезда.

На совещании замов Б. Н. [Пономарев] рассказал о встрече Горбачёва в аэропорту. Тот подробно делился, как было дело в Женеве. Он видел сначала пустые, непонимающие глаза президента, который бубнил по бумажке банальности. И только к концу второй встречи удалось наладить человеческий разговор. А в конце концов, Рейган раскололся-таки и даже согласился подписать Совместное заявление. Рассказал Горбачёв и о том, как Риган (помощник президента)^{xxi} приходил к нашим и передавал восторги действиями Горбачёва, и просил «держатъ так и дальше, давить на президента, уламывать, растапливать его... к его же пользе».

<...>

Итак, 1985 год — взгляд спустя 17 лет. Он теперь признан почти всеми как рубеж в истории страны и мира <...>

Сам Горбачёв, как потом не раз признавался, не представлял себе, что, приоткрыв всего лишь створку, он спровоцирует такой напор, который снесет всю, казалось, вечную и несокрушимую советскую плотину. В 1985 году не были еще произнесены магические слова «перестройка» и «гласность». Во всяком случае, они не стали еще символом начатых преобразований. Не было предпринято и каких-то кардинальных реформ, сильно задевавших общество. Если не считать постановления о борьбе с алкоголизмом, которое в очередной раз (в истории) продемонстрировало, как благое намерение, став государственной политикой, приносит порой зла больше, чем другой преступный замысел. Обоснованная и даже вынужденная мера, включенная в контекст большой политики, оказалась роковой ошибкой. Но в этом году было осуществлено нечто чрезвычайно важное — изменен стиль политики.

Когда на новый стиль Генсека обращали внимание члены ЦК, коллеги, печать, за границей, Горбачёв сердился: он считал, что «стиль» — это

нечто поверхностное, не достойное его замыслов, боялся, что с такой оценкой он будет выглядеть честолюбцем, оригинальничаящим, чтобы не походить на тех, кого он сменил. И ошибся. В жестко забюрократизированном обществе, закосневшем в правилах и догмах, где к чиновничеству и законам иерархии привыкли как к непреложным нормам поведения, где страх за сказанное лишнее слово впитался в кровь, где поговорка «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак» фактически определяла взаимоотношения людей на работе и в жизни... и тому подобные вещи, унижавшие достоинство человека, оскорблявшие его здравый смысл, — в таком обществе демонстративный отказ от всего этого, идущий с самого верха, ошеломил людей. Горбачёв выходил на улицу и заводил дискуссию (!) с первопопавшей толпой, чего не бывало с начала 20-х годов. Он говорил не по бумажке, своими словами, а не казенным языком, отработанным в номенклатурных аппаратах. Он запретил вывешивать и носить на демонстрациях свои портреты. Резко, с презрением пресекал, казалось, привычное славословие. Новый Генсек отбросил «величественные» манеры «вождей» неприступного небожителя, вообще ликвидировал это пагубное наследие царистского инстинкта, укорененного в веках. Предстал перед народом человеком вроде «как все», но... подлинным лидером, которого хотели, по которому давно соскучились. Горбачёв прекратил политические репрессии (хотя и не сразу покончил с последствиями прошлых репрессий). Он убрал страх из общественно-политической атмосферы. Он добился того, чтобы на Политбюро, в ЦК, на Пленумах, на совещаниях проблемы действительно обсуждались, а не «одобрялись» послушно — не важно, согласен или не согласен... Он требовал от каждого, поощрял говорить то, что думаешь, даже «резать правду матку». И одергивал тех, кто по привычке или из подхалимажа одергивал осмелившихся это делать. Он разрешил публично критиковать начальство... и — все более высоких рангов. Горбачёв представил стране и миру свою жену как подругу по жизни (с явным вызовом позорному положению жен вождей как бытовой принадлежности, которую непозволительно выводить на публику). Все это был стиль, хотя и делалось это ненароком, не ради стиля, по внутреннему побуждению натуры и «ради высвобождения мозгов», как он говорил. И все это — 1985 год.

<...>

С самого начала Горбачёв вознамерился включить в процесс преобразований «человеческий фактор». То есть разбудить в людях энергию, инициативу, энтузиазм. С точки зрения появившейся позже политологии, это

означало — дать обществу естественное течение, инспирировать его «самодвижение». Но общество давно отучено было жить не по указке и вне окаменевших форм его организации. Заблуждение Горбачёва понятно — оно от природной демократичности натуры. Тогда всем нам трудно, да и едва ли возможно было понять (тем более — согласиться!), что «естественное» развитие общества не может служить «совершенствованию» и «улучшению» строя («развитой социализм»), который всем надоел и при котором так плохо жилось. Заметен был и акцент нового Генсека на повышение (и обновление) роли партии. Он — по инерции от самой сути советского строя — рассчитывал сделать КПСС авангардом и мотором реформ... Подобно тому, как в свое время Хрущев, правда, по другим мотивам, противопоставил «государственнику» Маленкову партию, которая при Сталине была в пренебрежении и под колпаком НКВД–КГБ. Прозрение к Горбачёву пришло с большим (и роковым!) опозданием. 1985 год был годом выявления (и осознания) реального положения в стране и в мире. В распоряжении руководства страны оказались данные (и о них все меньше стеснялись говорить), свидетельствовавшие по сути о самом настоящем кризисе во всех жизненных областях. Стартовая платформа для глубоких реформ предстала весьма шаткой, а местами полуразрушенной.

<...>

18 января 1986 г. Заявление Горбачёва. Он, видимо, действительно *во чтобы то ни стало* решил покончить с гонкой вооружений. Идет на тот самый «риск», в котором он смело увидел отсутствие риска, потому что никто на нас нападать не будет, даже если мы совсем разоружимся, а страну, чтобы ее возродить и поставить на твердый путь, нужно освободить от бремени вооружений, истощающего не только экономику.

Боже мой! Как нам повезло, что среди ПБ нашелся такой человек, какую поистине «государеву» мудрость проявил, — Андропов, который обнаружил Горбачёва и вытащил из провинции! Причем именно его: ведь в СССР, кажется, 95 краев и областей. И потом навязал его Брежневу!

Если бы не нашел Андропов Горбачёва, с кем бы мы остались: на место Черненко претендовали Гришин, Романов и Громыко. Можно себе представить, какая судьба ждала бы Россию, если б любой из них, да еще после Черненко, встал во главе. Страшно подумать!

Но мы получили редкостного лидера: умница, образованный, «живой», честный, с идеями, с фантазией. И смелый. Мифы и табу (в том числе идеологические предрассудки) — для него тьфу. Он через любой переступит.

<...>

1 февраля 1986 г. Вчера часов в пять позвонил Горбачёв и предложил стать его помощником. Я сказал: это, конечно, большая честь, но вы уверены, что я гожусь для такого дела?

— Я, ответил он, уверен, — оставив, таким образом, мне решать, уверен ли я сам.

— Я не считаю это повышением, это для меня умножение ответственности и долга. И, конечно, интересно непосредственно участвовать в новом деле, которое вы начали.

— Ну ты ведь не один будешь... Наверно, ты заметил, что Яковлев сейчас со мной рядом...

— Заметил. Я давно его знаю... Понимаю, что не один. Однако организатор из меня плохой.

— Ничего, разберемся. Ты мне давно понравился... с нашей первой совместной поездки в Бельгию. Помнишь? (Еще бы! Это было в 1972 году, кто бы мог подумать, чем обернется для меня эта поездка!). Мне нравится твоя партийность (?), твоя эрудиция, твое спокойствие в ответственные моменты (что он имел в виду?) Ну, так как?

<...>

7 июня 1986 г. Не пишу не только потому, что нет сил после 14–16-часового рабочего дня. Не пишу еще и потому, что очень трудно все это осмысливать и излагать. В моем положении можно писать только о нем — осмелившемся вновь поднять Россию на дыбы (вознамерившемся пока) — Россию послесталинскую и послебрежневскую.

Пришел мини-Ленин..., каким его изобразил Маяковский. Вроде бы простой, обыкновенный человек, со всеми присущими умному, нормальному, здравомыслящему и практичному человеку чертами — и одновременно все эти черты подняты на несколько порядков по сравнению с обычным рядовым «товарищем».

А если считать сверху, от Ленина, то он обладает всеми присущими и Ленину качествами, но все они пониженного уровня. И увязка этих качеств, «комплексность» у него тоже ленинская.

Словом, надо писать о нем каждый день. Ведь я почти каждый день вижу и слышу его. Он откровенен невероятно, иногда шокирует своей «доверительностью»: ее пугаешься — почему он вдруг обременяет тебя ответственностью знания самого сокровенного в нем.

Писать о нем — это мой моральный долг... Это даже важнее, наверно, чем добросовестно исполнять при нем свои служебные обязанности: он обойдется и без меня. А вот если я о нем не напишу, это будет

величайшая потеря для истории... даже если он не справится с тем грандиозным делом, на которое он замахнулся.

Но надо сразу записывать, когда он говорит один на один, когда он ведет политические беседы, когда он раскованно что-то обсуждает в узком кругу и, конечно, когда он ведет Политбюро: это огромное богатство ума, характера, осведомленности, знаний, точности в умении схватить суть, решительное неприятие даже подобия демагогии и попыток прикрыть что бы то ни было идеологией, в особенности бездарность и неумение работать.

За день он пропускает через себя колоссальное количество информации. Я не могу понять, как он успевает. И эта информация идет в дело, в переработанном виде она вырывается умозаключением, анализом, выводами, решениями, несогласиями или поддержкой кого-то...

<...>

7 декабря 1986 г. Хочется писать и боязно. Потому что — сколько бы ни пытался писать, времени все равно не хватит, чтоб хотя бы схематично отразить, что происходит каждый день рядом с М. С. Он на глазах вырастает в великую фигуру нашей истории.

Я его вижу почти нараспашку со всеми обыденными нюансами его натуры, поведения, уровня образованности — но это никак не снижает в моих «интеллигентских» (снобистских) глазах величия этого человека.

<...>

Послесловие к 1986 г. В этом году (в начале февраля) автор этих записок (проекта) стал помощником Горбачёва по международным вопросам. Его наблюдения за поведением, манерами и действиями Горбачёва приобрели характер живого, повседневного личного и делового контакта.

Обращает на себя внимание феноменальная откровенность Горбачёва — и в оценках ситуации, и в обозначении намерений. Он высказывает смелые, шокирующие окружающих мысли, многие из которых так и не были реализованы. Беспощаден в критике того, что имеем, что и как делается.

Поощряет «раскручивание» гласности, но все еще рассматривает ее как орудие партии в осуществлении преобразований, а не как «свободу слова», действующую по собственной логике.

Решительно пресекает пономаревскую (коминтерновскую по сути) практику отношений с зарубежными компартиями и комдвижением в целом. Но еще уверен, что освобожденные от опеки КПСС, полностью

независимые, они могут обрести новое дыхание и в качестве таковых имеют перспективу.

Иначе говоря, он не порывает с представлением об СССР как «идеологической державе», но уже очень далеко зашел в налаживании принципиально новых отношений с Западом и формирует внешнюю политику, абсолютно исключая идеологический компонент, то есть конфронтацию и несовместимость. Термин «новое мышление» еще не употребляется. Но на деле оно уже «работает».

Все больше обеспокоен кадровым обеспечением преобразований. Однако никаких сомнений в том, что КПСС может и должна стать их авангардной и двигательной силой, у него пока не возникает. При всей своей неприязни к идолопоклонству и догматизму, Горбачёв продолжал свято верить, что апелляция к Ленину, к «ленинским подходам» может служить не только моральным, но и практически действенным рычагом реализации его замыслов.

В этом году действовала еще в полном согласии когорта, можно сказать, «отцов-основателей» перестройки (Лигачев, Рыжков, Воронников^{XXII}...) при лидирующей роли связки Горбачёв — Яковлев.

<...>

Если попытаться дать формулу реформаторской эволюции Горбачёва в 1986 г., она может быть такой: необычайная смелость в словах и оценке проблем и осторожность в делах.

<...>

5 июля 1987 г. Кто бы ни сидел против М. С. (за исключением, пожалуй, представителя Каддафи^{XXIII} — они верят ему, и такое ощущение, что они не говорят с другими «великими» лидерами, например, с Рейганом, Миттераном^{XXIV}, Дэн Сяопином^{XXV}, даже с Тэтчер так искренне... Они верят, что он хочет делать именно то, что говорит им, а также и публично. Другое дело — что не может всего сделать, даже большей части того, что говорит. В беседе с ним невозможно лукавить, играть. Он открыт и обезоруживает любого «классового» противника, потому что всем своим поведением приглашает его быть прежде всего нормальным человеком

<...>

В августе-сентябре я был с Горбачёвым в Крыму, еще не на злополучной даче в Форосе («Заре»), а на унаследованной от Брежнева в Нижней Ореанде. Горбачёв был занят в основном работой над книгой, которую первоначально предполагал назвать «Слово о перестройке». Но потом

придумал другой заголовок: «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира». Под этим названием она вышла в Америке и затем в десятках стран миллионными тиражами. Горбачёв работал над текстом «со страстью», перекидывал по два-три раза. Предвидел, что эта книга создаст новый образ его самого и меняющейся страны, поможет завоевать доверие на Западе, которое должно было стать по его замыслу новым и важнейшим фактором преобразования международных отношений. Мы проводили с ним на террасе (он — под солнцем, я в тени) по многу часов в день, обсуждая «движение» текста и главные проблемы. Приходилось отвлекаться на текущие дела: информация из Москвы шла непрерывно. Иногда он размышлял вслух о том о сем.

Послесловие к 1987 г. 1987 год — пик перестройки. Если прибегнуть к кантовскому понятию «феноменальный мир» или шопенгауrowsкому — «мир как представление», то можно признать, что в этом смысле она шла на подъем. Гласность мощно заявила о себе уже как «свобода слова», все больше отрывалась от понимания ее как идеологического инструмента КПСС. Она создавала совершенно новую атмосферу в обществе, все больше откликаясь на столько лет подавлявшуюся потребность его в правде и честности на линии «власть — народ». Но под спудом, в «вещах самих по себе» (если опять по Канту^{xxvi} шли процессы, плохо осознаваемые «перестроечным разумом» и все меньше поддающиеся его воздействию. Горбачёв, отодвигая по сути (не по форме) марксистско-ленинские догмы, демонстрировал выдающиеся аналитические и познавательные способности, все откровеннее указывал на то, куда нас завел «реальный социализм». В этом «томе» приведены его глубокие, блестящие по ораторскому мастерству и совершенно искренние выступления. Правда, он еще был полон оптимизма в отношении начатых реформ и всячески стремился внедрить его в «сознание партии и масс». Однако впервые в этом году стали проклевываться у него сомнения в успехе. Их он доверял лишь самым близким в своем окружении. Не было уверенности, туда ли «влечет нас неведомая сила». Посвященный кадровой политике знаменитый январский Пленум ЦК, на котором впервые после Ленина было сказано о виновности самой партии и ее ЦК за произошедшее в стране, за ее кризисное состояние, не дал нужных перестройке результатов. А Горбачёв связывал с ним очень большие надежды. Партия и впредь не обнаружила ни желания, ни способности выполнять роль авангарда преобразований. (Много позже Горбачёв признал, что она, по самой своей природе, не годилась для этого.)

Он придумал выход: через Всесоюзную партийную конференцию лишить КПСС властных государственных функций и возродить полновластие Советов, ликвидированное Сталиным в 20-х годах. (Оно все-таки существовало после Революции, хотя и контролируемых партией рамках.) По той же причине — отсутствие «субъекта» преобразований, преданных перестройке и умелых кадров — не удалась впоследствии и попытка искоренить последствия насильственной сталинской коллективизации, вернуть деревне роль кормилицы страны. 1987 год дал очевидные доказательства сопротивления перестройке. Это было пока еще «сопротивление материала», а не политико-идеологическая оппозиция: признаки разочарования в народе («мы ничего не получали, перестройка видна только в Центре» и т. п.), а значит, и нарастание апатии, главное же — пассивность, бездарность, сталинистская зачумленность, непрофессионализм и нежелание работать по-новому тех, кто должен был, по замыслу Горбачёва, проявить себя как «прорабы перестройки» на деле. Когорта ее «отцов-основателей» постепенно рассыпается. Они более-менее еще сходились в описании «текущего момента», но в готовности говорить правду народу, в оценке существующего строя, который они хотели «улучшать», а также по конкретным мерам «что делать», все заметнее расходились. Их дискуссии все чаще обнаруживали принципиальные разногласия. В составе высшего руководства рядом с Горбачёвым по-настоящему остаются лишь Яковлев, Шеварднадзе и Рыжков (позже к ним прибавился Медведев). Горбачёв пытается «упорядочить» хаотически начавшийся пересмотр советской истории. Воспользовался для этого 70-летием Октябрьской революции. Но «взвешенная критика» отдельных моментов прошлого в его юбилейном докладе и, в особенности, реабилитация Бухарина обернулись мощным импульсом стремительного нарастания этого процесса, в котором очень скоро возник и вопрос — был ли у нас вообще социализм и нужен ли он нам (даже и «с человеческим лицом»)? В то же время 1987 год отмечен прорывом во внешний мир. Международная известность и слава Горбачёва стремительно нарастает. На Западе начинают постепенно убеждаться, что «феномен Горбачёва» в СССР — это не обманный маневр Кремля, что перестройка — это всерьез. Возникает новый, мощный фактор международной политики — доверие, который потом и позволит покончить с холодной войной. Заключение первого Договора о сокращении ядерных вооружений закрепляет тенденцию к прекращению конфронтации. В этом контексте естествен и окончательный отказ от коминтерновского наследия в коммунистическом движении. Огромную роль в формировании нового имиджа Горбачёва и Советского Союза сыграла его

книга «Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира», ставшая мировым бестселлером. С 87-го года начинается расхождение векторов внешней и внутренней политики Горбачёва — не в смысле утраты ими взаимозависимости (тут как раз — наоборот), а в смысле достижения поставленных целей. Образовался и стал нарастать разрыв авторитета Горбачёва вовне и внутри. Наконец, 1987 год войдет в историю тем, что в небе перестройки появился опасный, своевременно «не опознанный объект» — Ельцин. Шумная, крутая, пронизанная демагогией деятельность его в Москве не убедила Политбюро в том, что он уже созрел для перевода из кандидатов в члены этого ареопага. Обиженный Ельцин выступает с критикой проекта доклада Горбачёва к 70-летию Октября, бесцеремонно ставит под сомнение все сделанное за три года перестройки. (Кстати, никто не вспоминает сталинистский оттенок в той его критике). Горбачёву не понравился этот нигилизм. Он вообще считал вредным такой критиканский подход, особенно «в начале пути». Да и не привыкли еще к посягательствам на непрерываемость Генерального секретаря. К тому же всем было ясно, что Ельциным начинают крутить люди из окружения: сам он не способен столь четко сформулировать свои возражения. Видно было также, что действует Ельцин не по убеждению, а с прицелом взлететь вверх, если перестройке удастся разломать традиционные формы и функционирование власти. И Михаил Сергеевич позволил себе поступиться провозглашенным им самим принципом «плюрализма мнений». Преподал Ельцину (пока еще деликатный) урок, который был «усвоен» совсем не так, как предполагалось. Спустя две недели, на Пленуме ЦК, посвященном обсуждению проекта доклада Горбачёва к 70-й годовщине Октября, Ельцин в открытую решил шантажировать руководство, подвергнув резкой критике Секретариат ЦК и пригрозив отставкой. Результат известен. Ельцин был сброшен на обочину политики, но не «прихлопнут», и этим вскоре воспользовалась уже вполне реальная оппозиция к Горбачёву. В казусе с Ельциным, который обернулся потом столь злополучными для страны последствиями, много случайного. Но что-то существенное в нем закономерно. Столкнулись две тенденции: одна — инерционная от прошлого, другая — обязанная перестройке. Одна — «святое» для ленинской партии — неприкасаемость монолитного ее единства и абсолютный авторитет ее высшего руководства. Другая — потребность в реальной демократизации партийной жизни и «правил игры» в ней. Формально первая победила. «Еретик» уже не мог быть сожжен до пепла, как это неминуемо произошло бы при тоталитарном строе. Демократические ветры уже дули. Но демократия, которая

потом выросла из оставленного корешка, оказалась такой, что большинство населения до сих пор с тоской вспоминает о тоталитарных временах. Как бы там ни было, говоря о месте 1987 года в истории страны, придется констатировать: год 70-летия Революции не накопил того потенциала развития перестройки, на какой рассчитывали, готовясь к юбилею.

<...>

17 декабря 1988 г. Расскажу пока, что было в ООН. Нью-Йорк. Прилетели 6-го. Встреча в аэропорту более чем скромная, триумфа не обещала <...> Утром я ему показал краткую и невнятную телеграмму о землетрясении в Армении. Ни он, ни я в первый момент не оценили его масштаба. Потом ООН... по коридорам толпы чиновников встречали его овациями. Я внутренне был уверен, что речь произведет впечатление. Но такого все-таки не ожидал. Час набитый зал не шелохнулся. А потом взорвался в овациях^{xxvii}... Сразу оттуда на Губернаторский остров на р. Гудзон в Манхэттене. На нью-йоркских улицах еще не густо народу... В машине он говорил по телефону с Рыжковым и узнал, что землетрясение в Армении — ужасно^{xviii}.

<...>

Послесловие к 1988 г. Итог и значение.

Он стал переломным, причем не в лучшую сторону. Объявленные намерения Горбачёва и его действия не смогли придать перестройке устойчивость.

В этом году (разумеется, в продолжение намеченного ранее) Горбачёв, поначалу при опоре на Политбюро, сформулировал, можно сказать, стратегию перемен и принял более или менее решительные меры, чтобы сделать их необратимыми. Его непримиримость к попыткам и требованиям коллег обуздать гласность, поставить заслон возникновению независимых от КПСС групп и организаций способствовала превращению гласности в реальную свободу слова.

Горбачёв окончательно и твердо отмежевался от ностальгии по сталинизму и бесповоротно осудил его, воспользовавшись «делом Нины Андреевой»^{xxix}. Наиболее доказательное отражение эта позиция нашла во время его встреч весной с тремя группами первых секретарей обкомов КПСС — «генералитетом» партии. Подготовив на свой манер XIX общесоюзную партконференцию, он положил начало реальному отделению партии от государственной власти. Провел в этом контексте крупную реорганизацию центрального партийного аппарата и вывел из Политбюро и Секретариата ЦК унаследованные от брежневских времен

фигуры. Ответом было формирование «партийной» оппозиции перестройке по-Горбачёвски, его личному авторитету, его власти.

Крупных мер по нейтрализации и пресечению этой оппозиции Горбачёв не принял — по моральным соображениям и потому, что это противоречило самим принципам его реформаторских замыслов, его установкам на демократизацию строя. Но тем самым был дан простор для разрушительной деятельности — как со стороны ее противников, так и со стороны ее ультрарадикальных сторонников. В результате заменить партийно-государственную власть гражданской властью Советов не удалось.

<...>

Но 1988 г. — это и рубеж отхода самого Горбачёва от марксистско-ленинских подходов к оценке внутренней и, особенно, международной ситуации. Ярчайшим, можно сказать, историческим событием в этом смысле явилось его выступление на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Политика «нового мышления» была на деле подтверждена уходом (хотя и запоздалым) из Афганистана^{xxx}. Решение о выводе войск — само по себе — событие значительное. Но не менее знаменательной была длительная и совершенно необычная для советского руководства дискуссия вокруг «афганского вопроса». Она означала, что отныне навсегда и повсюду, *в принципе* изымается экспансионистский элемент из международной деятельности СССР.

1988 год дал очевидные результаты усилий Горбачёва по коренному изменению международной ситуации, холодная война практически сходила на нет. В этом томе приведен ряд ярких свидетельств того, насколько глубоко, фундаментально переменялось все мировосприятие Горбачёва, его взгляды на сам смысл и предназначение мировой политики, на ее методы, насколько радикально и окончательно он порвал со всей советской идеологией и практикой прежней политики.

Из записей, включенных в том, видно, что автор их продолжает восхищаться историческим подвигом Горбачёва, хотя и все меньше верит в успех его замысла. В отношении помощника к своему герою все заметнее различие в оценке Горбачёва как великого государственного деятеля и как личности, способной противостоять соблазнам власти в повседневной жизни, в отношениях с людьми.

Если правомерно говорить о трагичности судьбы Горбачёва (в большом, шекспировском смысле), то именно в 88-м году не только его помощник, но и сам Горбачёв впервые это почувствовал.

Для многих знаком Свыше этой судьбы явилось страшное армянское землетрясение, будто завершившее год.

<...>

29 октября 1989 г. 25–27 октября в Финляндии. Ошеломляет успех Горбачёва. Он объединяет все темпераменты. Разгадка — не только в его личном обаянии и умении почти безошибочно найти оптимальный вариант, как с кем общаться, что говорить. Покоряет его откровенность о нас самих, в том числе его разидеологизированность, хотя это перестает уже работать: все и так всё у нас видят. Второе впечатление — мы отстали безнадежно. Правда, некоторые на Западе предсказывают советское экономическое чудо, если мы пойдем, наконец, «их путем». Но и в этом случае нам нужно не менее 10 лет. М. С. упустил время, все осторожничал, все боялся за социалистические ценности, хотя и понимал, что ценности эти — уравниловка, социальный эгоизм, иждивение на шее государства. А теперь эти соценности оборачиваются против него, потому что возникает рабочее движение со своим естественным, тредьюнионистским законом: «дай мне, а на остальное наплевать».

<...>

1989 год. Итог.

<...> В этом году советское государство как таковое начало рушиться. Центр власти — Политбюро — утратило авторитет и возможность добиваться выполнения своих решений. Оно стало местом дискуссий о неумолимо ухудшавшемся положении в стране. Фактически раскололось на Горбачёвцев и лигачевцев. Но и в каждом из этих направлений тоже не было согласия. Все более опасным для перестройки становилось упорное нежелание расколоть партию, сбросить бремя ее реакционной части. Партия на местах стремительно теряла властные функции. Советы оказались неспособными их взять на себя. Остается удивляться, как государство смогло просуществовать еще два года... В основном, видимо, за счет наработанной десятилетиями инерции горизонтальных экономических и административных взаимосвязей на значительной части страны. Советская власть вместе с КПСС теряла легитимность. Общественная жизнь вышла из-под контроля Центра. Шквальная критика (фактически разоблачение, дискредитация) советской системы и всей советской истории не встретила серьезного идеологического и политического сопротивления. Попытки Горбачёва остановить этот разрушительный процесс уговорами и увещеванием интеллигенции не нашли понимания. А требования своих коллег по Политбюро — «власть употребить» он отверг: это

поставило бы под вопрос всю его политику и «философию» перестройки, означало бы конец гласности и курса на демократизацию. В результате обвала идеологии «вынут» был один из двух главных стержней, на которых держалась стабильность советского общества. Другой — страх, репрессии — был отменен Горбачёвым еще раньше. Возникло огромное количество всяких политических клубов, блоков, союзов, обществ, ассоциаций, «трибун», «Народных фронтов», «платформ», «движений» и т. д. Они не составляли единой оппозиции, но в целом представляли собой широкую антиГорбачёвскую и антикоммунистическую оппозицию, ориентированную на взятие власти. Оппозиция бурно росла вместе с резким ухудшением экономической ситуации («пустые полки магазинов»). Лидером ее выступала Межрегиональная группа народных депутатов^{xxxI} (Ю. Афанасьев, Борис Ельцин, Гавриил Попов, Анатолий Собчак и др.) с программой, получившей наименование «Пять Д»: демонополизация, децентрализация, департизация, деидеологизация, демократизация. Внутри самой партии возникло оппозиционное течение «Демократическая платформа КПСС», распространившее влияние на 40 % членского состава партии. Крушение плановой экономики приобрело необратимый характер, открыв простор «теневикам» и новым «хозяйственным субъектам», действовавшим по сути в частнособственническом режиме. В этой среде (в принципе воровской) концентрируются большие материальные ресурсы. Люди и группировки этой среды тоже претендуют на политическую роль, пока в основном «из-за кулис».

Взорвалась «национальная бомба». На Кавказе началась настоящая война из-за Карабаха между Азербайджаном и Арменией. Прибалтийские республики *de facto* вышли из подчинения Москвы. Возник самый опасный для целостности «империи» российский фактор. И вместе с ним — «фактор Ельцина», который получил (помимо влиятельных политических сил) мощную поддержку в быстро сложившемся рабочем и забастовочном движении <...>

Однако автор записей не склонен обвинять Горбачёва в каких-то грубых ошибках. И вообще — не в ошибках дело. Советский строй давно, задолго до Горбачёва, исчерпал свою историческую миссию в России и был обречен на исчезновение. Перестройка объективно не могла уже его спасти, да и, как выяснилось, не имела такой цели. И никто уже не смог бы остановить поток событий, который подгоняла по-русски понимаемая «свобода», дарованная Горбачёвым. И не случайно среди кадров, унаследованных от сталинистской эпохи, не нашлось людей, ответственных,

компетентных и достаточно многочисленных, способных упорядочить движение к новому качеству общества. <...>

12 апреля 1990 г. Горбачёв активен и кажется бодрым, уверенным. Это производит впечатление, но главным образом на иностранцев. Обманчиво это. Результат его физического и нравственного здоровья, а не политической уверенности. Дела все хуже. Хотя я не верю в гражданскую войну, если «мы сами» ее не захотим. Пока ее хотят лишь генералы, которые брызжут ненавистью ко всему Горбачёвскому. И остервенелый аппарат. Будет бой на съезде КП РСФСР, а потом на XXVIII съезде КПСС. Для меня, Яковлева, Арбатова и т. п. — проблема: в какой партии быть... М. С., по-моему, готов оставаться в лигачевской партии, хотя он сумел его сильно «оттеснить», перевести в прямую оппозицию, уже не скрывает (на ПБ) свое отторжение.

<...>

8 июля 1990 г. Идет съезд партии. Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то, кроме ВПШ'овского «марксизма-ленинизма» они просто не в состоянии. Все иное для них предательство. В лучшем случае — отсутствие идеологии. Медведев блестяще и атакующе вчера дал отпор, пытался доказать, что теперь надо иначе смотреть на саму суть идеологии. Его слушали, так как говорил сильно, но в конце осудили. Один вышел к микрофону, поднял свой мандат (он красного цвета) и произнес: «Товарищ Медведев, Вы знаете, что означает такая карточка в руках футбольного судьи? Так вот. Я Вам показываю красную карточку, т. е. “Долой с поля!” как грубо нарушившего правила игры». Масса жаждет крови, требует заслушивать каждого члена ПБ, чтоб превратить Съезд в экзекуцию. Яковлев, правда, смазал их своей искренностью, хитрован, даже хлопали ему, в общем не дался на расправу. Но зато вчера при ответах на вопросы, показал себя совсем негодным, просто не профессиональным. Наговорил глупостей и пошлостей про Восточную Европу, про комдвижение, которое якобы даже лучше стало. Стал зачитывать цитаты из своих выступлений в Литве, а ему противопоставили другие цитаты из тех же выступлений — как он подыгрывал прибалтам. Предъявили стенограмму его позавчерашней беседы с лидерами «Демплатформы». Договорился до того, что вслед за Третьяковым^{xxxii} в «Московских новостях» представил себя идеологом и зачинателем перестройки, что именно он сыграл такую роль, а Горбачёв лишь переводил его идею в лозунги. И вообще был косноязычен и жалок. После встречи с секретарями райкомов и горкомов Горбачёв сказал мне: «Шкурники. Им, кроме

кормушки и власти, ничего не нужно». Ругался матерно. Я ему: «Бросьте Вы их. Вы — президент, Вы же видите, что это за партия, и фактически Вы заложником ее остаетесь, мальчиком для битья». «Знаешь, Толя, — ответил он мне, — думаешь не вижу? Вижу. Да и все твои (!) Арбатовы, Шмелевы^{xxxiii}... письма пишут такие же. Но нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина будет против меня». Вчера на съезде Ивашко отвел М. С. в сторонку. Пошептались. Оказалось, тот предупредил, что в резолюции съезда хотят генсеку неуд поставить. Тут же М. С. забрал в свои руки председательство на съезде. Большинство только что проголосовало за то, чтобы каждого члена Политбюро выслушать и дать ему персональную оценку. М. С. ринулся «спасать ситуацию»: «Если Вы на это пойдете, партия расколется». Вот и получается, что вместо того чтобы самому расколоть такую партию два года назад, он сейчас, когда она превратилась во враждебную ему и перестройке силу, продолжает спасать ее от раскола. Иногда прорываются на съезде и разумные голоса, но из тут же забивают. Есть «крики души», например, выступление вчера тверской женщины, но они только усиливают общий крик против Горбачёва. Он изолирован. Прошли времена, когда в перерывах заседаний на него наваливались толпы с вопросами. Одинокó идет он за кулисы в сопровождении своего Володи (охранника)^{xxxiv}. Жалко его. А это ужасно, когда жалко главу государства. Но его жалеют уже публично, в газетах и на телевидении. Он обвиняет своих оппонентов в том, что они не ощущают, что живем уже в другом обществе. Но он сам этого не ощущает, потому что его понимание «другого общества» не совпадает с тем, какое оно на самом деле. А оно оказалось в массе своей плохим, а не хорошим, на что он рассчитывал, когда давал ему свободу.

<...>

26 августа 1990 г. Между прочим, в Крыму недавно сказал мне: «Работать не хочется. Ничего не хочется делать, и только порядочность заставляет». Прямо какая-то борисгодуновская судьба. И каждый день что-то подкидывает: то табачные бунты, то бои на армяно-азербайджанском фронте, то взрыв на спиртозаводе в Уфе и фенол в водоснабжении миллионного города, то ельцинские штучки с раздачей свободы всем краям и республикам России. Сказал французу, что скоро встретится с Ельциным, наверное, во вторник, и постарается унять его популистский стиль: мол, не на митинге ты давно уже при государственной ответственности... Народ (толпа) Горбачёва просто ненавидит. Он это чувствует. Говорил мне,

что «все эти» (т. е. Ельцин и компания) сознательно усугубляют дестабилизацию, пользуясь этой ненавистью и раздражением людей, чтобы взять власть. А свою задачу он видит в том, чтобы не позволить «взять», ибо страну тогда столкнут в хаос и диктатуру. Среда уже созрела для этого. Рыжков не хочет съезжать из Кремля. И думаю, пока он при должности, Совмин там останется. Сцена в аэропорту. Встречали М. С. из Крыма: члены Президентского совета (пока этот орган никакой государственной властью не располагает, скорее — это группа консультантов и соратников), кое-кто из Политбюро (Дзасохов). До побледнения Рыжков сцепился с авторами программы «Группа 13». (Группа, созданная Горбачёвым, по согласованию с Ельциным, по подготовке рыночной программы (Шаталин, Петраков^{xxxv}, Явлинский^{xxxvi} и др.)) Горбачёв разнимал. А когда после отъезда Горбачёва Рыжков подошел к нам (помощникам) прощаться, то сказал Петракову, дрожа от ненависти: «Ну, ты у меня войдешь в историю!» Лукьянов, стоявший тут же, добавил: «Если будете так вести дело, то Верховный Совет в сентябре скинет правительство, а в ноябре будет распущен Съезд народных депутатов и сам Верховный Совет. Будут назначены новые выборы и не позднее декабря скинут президента... и вас».

<...>

25 декабря 1990 г. Сегодня Горбачёв опять дважды подставился на Съезде народных депутатов. Обсуждалась поправка к Конституции о новых структурах власти. Дошли до контрольной палаты. Мы ему еще в Вольнском говорили: непонятно, не пройдет. И вот на Съезде никто ничего не сказал против, ни одного замечания не сделали. А голосование дало ошеломляющее «против». Президент берет слово и путано, невнятно начинает убеждать, что это очень необходимый орган. Долго говорит, сопровождая это своими характерными жестами. Проголосовали еще больше против. Дошли до статьи о Совете Федерации. Суть дела — включать ли в Совет представителей автономных республик. Мнения разошлись. Опять выступает Горбачёв и опять мутно убеждает, что не надо включать автономные республики в Совет Федерации. Голосование: из 1890 присутствовавших только 140 проголосовали «за» президента. Он сидел красный, жалкий. Что происходит? Совсем что ли он перестал ощущать, насколько низко пало его обаяние. Ведь люди думают наоборот, даже когда ему симпатизируют. Что же он так дает себя смазывать? Ведь вроде речь идет о президентской власти, а формируется она в обстановке стремительного падения авторитета самого президента!

<...>

1990 год. Послесловие. Этот год стал поистине трагичным и для страны, и для Горбачёва. Стало совершенно ясно, что великая и благородная идея — увести страну из сталинистского тоталитаризма и построить некое новое, действительно народное общество — оказалась неустойчивой. Дарованные с этой целью гласность и свобода развязали разрушительную силу, протестная и хаотическая энергия которой копилась десятилетиями. И она вырвалась наружу, захватив к 1990 году практически все сферы жизни страны. Вместе с тем оказалось, что нация, истощенная потрясениями XX столетия, уже не обладает творческой энергией для созидания достойного самой себя нового общества. Имперский ресурс, который был источником и импульсом возвышения и развития России, превращения ее в великую державу, был уже исчерпан. А другого не было, ибо на протяжении почти пяти веков российская нация — во всех своих характеристиках, положительных и отрицательных, складывалась и набирала жизнеспособность именно как имперская. Поэтому, кстати, и была так податлива и терпима к тоталитарному правлению — будь то самодержавие или большевистская диктатура. Но, оставаясь европейской, она уже не могла сохранить себя в этом режиме к концу XX столетия — в условиях вступления христианской цивилизации в новую эру. На долю Горбачёва выпало понять это. И он предложил правильный, единственно возможный выход — включить страну в наиболее перспективное русло современного мирового развития, отказаться от «особности», противопоставлявшей ее Западу, который оставался главным очагом этого развития. Для этого надо было преодолеть тоталитарное прошлое. Как — вот главная миссия «Перестройки». Горбачёв попытался реформировать советский, по сути, тоталитарный строй. Но оказалось, что он не поддается реформированию. И в 1990 году это выявилось со всей очевидностью. Реформировать — значит действовать эволюционно, отказаться от революционно- насильственных методов, которые не только дискредитировали и загубили в конце концов высокие идеи Великой революции 1917 года, но и завели страну в тупик. Не мог Горбачёв прибегнуть к таким методам также и по моральным соображениям, по своему духовному складу. Будь он другим по натуре, таким, как его предшественники и коллеги, он бы вообще и не отважился начать «Перестройку». Вот тут-то и образовалось трагическое противоречие между целями и средствами. Очистить общество (советское, российское, русское общество!) от сталинского наследия и навязать ему новые законы жизни можно было только через революцию, сравнимую по размаху

и мощи с Октябрьской. Однако, чтобы ее совершить, у нации (и у Горбачёва как лидера, который для этого должен был располагать соответствующей социально-политической массовой «армией») не было ни сил, ни возможностей. А путь медленного изживания тоталитаризма с использованием к тому же сложившихся при нем кадров, органов, «правил игры», средств и методов привел к развалу государства и в конце концов к исчезновению страны. 1990 год — как заметил читатель — заполнен лихорадочными попытками Горбачёва мобилизовать средства — общественные и материальные — для продолжения и закрепления преобразований. Углубляя главную свою ошибку, он не жалел усилий, чтобы заставить партию служить делу перестройки. И это — несмотря на все срывы, неудачи и разочарования, которые ему преподносили каждый Пленум ЦК, почти каждое заседание Политбюро, каждая встреча с партийными «генералами». Партия в этот год стремительно превращалась в открытого врага преобразований по-Горбачёвски. И особенно это бросалось в глаза в верхних ее эшелонах — в Политбюро, в Центральном Комитете, в аппаратах всех уровней, в обкомах. Перетягивание Горбачёвым авторитета высшей власти от Политбюро и ЦК КПСС в светские инстанции начато было с роковым опозданием, как и учреждение президентской системы. Иллюзии относительно «КПСС — авангард перестройки», а потом страх перед отторжением партии, оттеснением ее на обочину политического процесса помешали Горбачёву своевременно создать новый, эффективный центр власти. И он оказался бессилен перед националистическим взрывом и распадом экономической базы государства. Хотя — я убежден — и то и другое было неотвратно объективно при отказе от тоталитарных методов сохранения империи и централизованного государства. В новых избранных в основном на альтернативной основе парламентских органах «агрессивно-послушное большинство» (по определению Ю. Афанасьева) после Первого Съезда народных депутатов быстро трансформировалось в «агрессивно-болтливое». Властного авторитета ни Съезд, ни Верховный Совет не обрели, да и не имели рычагов влияния на страну. Горбачёвская идея возродить Советы, которые приняли бы на себя от райкомов и обкомов управленческие функции КПСС, заглохла в самом начале. Его попытки наладить взаимодействие исполнительной власти (его самого и Правительства) с законодательной, парламентской ничего не дали. А разгул критиканства дорвавшихся до свободной трибуны «амбициозных представителей народа» дискредитировал государственную власть вообще, провоцируя все большую дестабилизацию во всем обществе.

Горбачёв метался в поисках альтернатив, компромиссов, «оптимального» сочетания прежних и новых методов руководства и управления. Были здесь промахи, ошибки, просчеты, запоздания, faux pas^{xxxvii}, просто нелепости. Но не в них причина начавшегося в этом году разложения общества и государства. Оно было неизбежно по самой природе совершенно уникального в мировой истории перехода общества, закомплексованного и развращенного долгой диктатурой, к свободе, которую демократически и добровольно не организованный народ понял по-русски — как «все позволено». Для него искони свобода — это воля, сродни анархии. Началось хаотическое движение без всяких действенных правил. *Процесс распада Советской державы начался, он стал неудержимым и необратимым именно в этом, 1990 году.* С исторической точки зрения, бессмысленно заниматься поиском персонально виновных, чем, увы! до сих пор занимаются наши (и, правда, меньше заграничные) демагоги и дилетанты, обрушивая главную (а то и единственную) вину на Горбачёва. Горбачёв не случайно в том году начал думать (и говорить об этом в своем кругу) об уходе. Он чувствовал, что отведенная ему Богом и историей миссия выполнена. А преподнести в одночасье 240-миллионному народу, состоящему из более чем сотни национальностей, земной рай взамен советских порядков не в состоянии никто. Но от него ждали и хотели только этого. Не меньше. И только в этом случае признали бы Горбачёва великим политиком и «спасителем Отечества». Пустые полки стали проклятьем Горбачёва и одновременно символом исторически ограниченных возможностей «Перестройки». Со свободой советский народ не справился и... сошел с исторической сцены. Правители России, узурпировавшие власть, имели дело уже не с народом, не с великой нацией, а с разношерстным населением. И, видимо, такая именно судьба была предопределена моей стране к началу третьего тысячелетия своего пребывания в этом мире. Вместе с тем именно в 1990 году мир стал свидетелем выдающихся результатов внешней политики Горбачёва. Именно тогда стал очевиден перелом в истории XX столетия — от губительной конфронтации к мирному периоду в цивилизованной части мира.

<...>

14 января 1991 г. Сегодня Верховный Совет начался, конечно, с Литвы. Пуго, Язов — глупые, лживые, хамские речи. А после перерыва — сам Горбачёв: жалкая, косноязычная, с бессмысленными отступлениями речь. И нет политики. Тошно — фарисейское влияние. Нет ответа на главный вопрос. Речь недостойна ни прошлого Горбачёва,

ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно и жалко было все это слушать. Игнатенко утром заговорил со мной об отставке. Пришел Андрей Грачев с заседания Верховного Совета, попросил не утверждать его заведующим Международным отделом при президенте. «Хватит с меня 1968 и 1979 года. Непереносимо». А что я? Кстати, в ЦК'овском буфете появились талоны. Это после прошлогодней отмены «кормушки». Как это понимать? Как отступное номенклатуре?

<...>

15 января 1991 года. На встречу Горбачёва с фондом Велихова^{xxxviii} за выживание человечества я не пошел. Противно было встречаться с ним. Стыдно смотреть в глаза людям. Я рассчитывал, что он откажется в такой обстановке. Материалы и речь я ему подготовил еще до событий. Но я опять его «недооценил». Он пошел. Позвал с собой Яковлева, Болдина и только что утвержденного на заседании Верховного Совета Бессмертных^{xxxix}. И как ни в чем не бывало почти два часа рассыпался перед американцами и другими в приверженности к новому мышлению. А они, как ожидалось, не задали никаких вопросов... Приехал Игнатенко. Рассказал, что вчера вечером он, Яковлев и Примаков стали уговаривать Горбачёва съездить в Вильнюс, возложить венок, выступить там на Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т. д. Горбачёв это вроде воспринял. Сказал: сделайте к утру тексты для выступлений там. Написали, утром положили на стол. И весь день Игнатенко бегал, ловил Горбачёва, чтобы узнать, что же он решил. М. С. сделал вид, что ничего не было и никакого разговора с этими тремя не было. Из этого Игнатенко сделал вывод, что М. С. не «дезинформирован», как думают многие. Он осуществляет свой план запугивания прибалтов. Днем в Вильнюсе военные заняли еще техническую радиостанцию и не собираются освобождать ни телевизионной башни, ни Дома печати. А в Риге захватили военную школу и разогнали курсантов.

<...>

17 января 1991 г.

...После того, как Горбачёв часам к 9 утра всех распустил, вдруг поманил меня в кабинет. Разговаривал о Литве. <...> Горбачёв заговорил, вроде, сожалел, что все так случилось. Мол, такое противостояние, такой раскол, такая вражда в обществе, стенка на стенку пошли. Я ему говорю: «Ну и пусть дрались бы между собой даже до смерти. Но зачем танки-то? Ведь это гибель для вашего дела. Неужели Литва стоит таких свеч?!» «Ты

не понимаешь, — произнес Горбачёв. — Армия. Не мог я вот так прямо отмежеваться и осудить, после того как они там в Литве столько произдевались над военными, над их семьями в гарнизонах».

<...>

10 марта 1991 года. Вечером я сел писать письмо Горбачёва к Колю. По телефону он не стал ему говорить о своей просьбе, а это «SOS», ибо наступает голод в некоторых областях, забастовал Кузбасс, тоже «Долой президента!» В магазинах больших городов полки пустуют абсолютно, в буквальном смысле. М. С. просит Коля^{XL} срочно помочь — заставить банки открыть кредит, а также дать деньги вперед под заклад военного имущества, оставляемого нашими уходящими из Германии войсками. Письмо отправлено. Грядет крах. Референдум 17 марта может стать детонатором.

<...>

17 марта 1991 года. Референдум: «Быть или не быть Отечеству?» Хотя на самом деле такая постановка вопроса — очередная демагогия: ничего не будет, чем бы этот референдум ни кончился. О Президенте России (нужен ли) — второй вопрос для референдума. Если бы не Ельцин, почему бы и нет?

<...>

29 марта. Пятница. Неделю надо запомнить... Съезд РСФСР... и запрет Горбачёвым манифестаций в Москве в поддержку Ельцина (после его ленинградской эскапады!) Моссовет осудил запрет. Вся пресса, включая «Известия», осудили. Осудил и начавшийся вчера утром съезд РСФСР... Устроили просто шабаш. Послали Хасбулатова к М. С. Не отступил: завтра, сказал Хасбулатову, уберу войска, сегодня нет и в центр манифестацию не пушу!. «Возмущение» съезда, а также ВС СССР (Собчак от Межрегиональной группы предложил резолюцию...) Съезд прервал работу... А улицы запружены войсками, милицией, перегорожены грузовиками... Мою машину не пустили через Москворецкий мост... Все повернулось во мне: как это так — машину помощника президента!.. Но смолчал, предъявил документы, которые долго изучали. И пошел пешком на работу... То же — когда с работы до метро!! Успокоившись, «осознал» и одобрил... Правильно или неправильно поступил Горбачёв, но раз уж запретил - надо идти до конца. Иначе окончательно все потеряет. И в общем... сработало. Демонстрации были локализованы и... «жертв нет», не было и стычек, съезд сегодня заслушал (к моему большому удивлению) весьма конструктивный и «примирительный» доклад Ельцина «О положении в стране — России».

<...>

27 апреля. Суббота. Поистине «Страстная неделя» — по возвращении из Японии. Совместное заявление с Ельциным — прорыв. Хотя вчера мне М. С. говорил, что Б. Н. начинает «сдавать». И масла льет Запад, который слишком расписывает победу М. С. в этом «компромиссе». Беда, если Ельцин сорвет «совместное обязательство», а свалить вину на М. С. — ничего не стоит! Потом — Пленум. Накануне (24-го) было Политбюро. Когда М. С. показали проект решения Пленума, он взорвался: там речь шла об «антинародной политике» Генсека. Шенину сказал: «Твоя работа». Но — между прочим — и все эти «молодые»: Гиренко, Лучинский, Семенова^{XL1}, Купцов^{XLII}, Строев^{XLIII}, Фалин^{XLIV}, которых он выдвинул в секретари ЦК — в большинстве из провинции, пригрел, обласкал, дал путевку в большую политику... Они что? Значит, тоже в душе согласились, что во всем виноват М. С.?.. И будто его смещением или угрозой смещения, в pendant^{XLV} хору обкомовских резолюций, можно решить все вопросы? Во всяком случае — рыльце у них в пушку — недаром же они на Пленуме в рот воды набрали, когда другие покатили на М. С. волны оскорблений и поношений, требовали отставки, предъявляли ультиматумы насчет чрезвычайного положения во всей стране — иначе: уж тебе! Позорище было смотреть на этих зайчиков... И вообще на весь этот Пленум... Гнали Генсека, а когда он встал и сказал: «Ладно, ухожу!», все в портки наложили и проголосовали, чтоб «снять вопрос с обсуждения». Тоже формулировочка! До следующего Пленума, что ли?! Честь ЦК спасали такие, как Вольский, Бакатин, не говоря о Назарбаеве... Хотя вообще-то я был за то, чтоб М. С. послал бы их к еб... матери... И от них на другой день ничего не осталось бы. Они, действительно, никому не нужны, кроме номенклатуры... И без М. С. сразу бы оказались «на обочине» — в отвале. Впрочем, Вольский + Бакатин так прямо и сказали. А один рабочий в перерыве подходил к М. С., говорит: «идиоты-самоубийцы». В самом деле пигмеи. Впрочем, я убежден был, что М. С.'у надо было воспользоваться шансом — и уйти с генсекства, до его заключительного слова. Тогда я думал: это был бы жест деидеологизации высшей государственной власти, сделан был бы окончательный сброс бремени партийности, которую все ненавидят. И можно было бы получить какой-никакой подъем, во-первых, «обывательских» симпатий к Горбачёву, жалости (наподобие эффекта ушедшего, наконец, Рыжкова)... Во-вторых, «определилась бы значительная часть коммунистов, которые не знают, где они находятся, — у Полозкова или где-то еще... И образовалась бы «партия Горбачёва»... Произошел

бы раскол в КПСС. А это очень нужно... чтоб не отдельные «личности» демонстративно выкидывали партбилет (часто по подоночным соображениям), а миллионы партийцев и «из принципа...». Остальные все сразу же оказались бы «полозковцами»!! Но М. С. опять (когда он в раже — может!) проявил свой мощный талант политика-трибуна... На какой-то период, возможно, в ЦК и в партии это заставит задуматься. А главное — он обозначил четко свое кредо — перед обществом, перед всякими Старовойтовыми^{XLVI} и Станкевичами, т. е. «демократами», которые еще не потеряли здравый смысл, не истощили свою совесть в политических играх и драках! Перед ними и перед Западом встал (как и в Японии) вновь прежний Горбачёв, убежденный и непоколебимый автор перестройки, умудренный ее «разносным» опытом! Может быть, этот вариант лучше сработает... Вчера вечером он мне позвонил: «Что, Толя, дальше-то делать?» Я опешил. Не сразу нашелся. Говорю: То же самое, что до этого! Потом поговорили о «пигмеях» и «ничтожествах» в ЦК, вокруг... Я ему посоветовал недельку-другую отдохнуть — уйти в тень, пусть «посуеются» без него, и народ пусть поразмышляет — где М. С., который сейчас чуть ли не каждый день «мелькает»... И особенно я ему советовал не ходить 1 Мая на Красную площадь... Это будет море — десятки, если не 100 тысяч людей с проклятиями и оскорблениями президента. Это смажет тот выигрыш в глазах массы, который получился в результате соглашения «девятки республик»^{XLVII} (Ново-Огаревский процесс) и «итогов» Пленума... Да и просто надо отдохнуть, воспользовавшись такой концентрацией «праздничных» дней от 1 до 12 мая! Отмолчался... Но у него и масса «мероприятий» набрано.

<...>

15 июня 1991 г. Суббота. Что за неделю? Ельцин — президент России. И, в общем, он уловил, куда несет страну «неведомая сила», разбуженная Горбачёвым. И обратил себе на пользу. И действует — в струе! У тех, кто за него голосовал (я — нет), теплится, видимо, надежда, что «с Ельциным» начнется подъем. А Горбачёв, может, и постарается «сопоспешествовать», уняв свою страсть делать все своими руками и считать, что иначе все завалится (хотя в таком убеждении есть пока и резон). «Демократическая пресса» и весь Запад — в эйфории. Теперь не Союз, а Россия у всех на уме, — может, из нее что-то получится. Если бы так, я бы тоже стал аплодировать. А Союз — Бог с ним, с Союзом, была бы Россия. В душе-то и М. С. так думает, но он не доверился «душе», а доверился «государственной ответственности» и... проиграл.

<...>

11 июля 1991 года. Четверг. Вчера в 10:00, будучи на работе, смотрел по ТВ коронацию Ельцина. Это — не просто новая власть, даже не только новая государственная структура. Это — смена системы... М. С. решил выступить после гимна («Славься наш русский царь», колокольного звона и заключительной речи Ельцина). Выступление (написано Шахом^{XLVIII} и передиктовано им самим) неудачное. Не отвечало торжественности момента, как бы там ни было, отражавшего мощный (надолго ли!) поток русской тенденции, «возрождения русской идеи»... Ведь без России — ничего не будет. Союза не будет... И реально опираться Президент может только на нее... не на Туркмению же с Назарбаевым! Ведь он, президент Горбачёв, восседает в Москве, которая теперь опять — «столица России»... Выступление было политическим, скорее, для Съезда народных депутатов, и то — рутинного! Промах! Не смог преодолеть личностного (своего внутреннего удивления, что такой человек, как Ельцин, так вознесся) и аппаратно-партийного — неприемлемости отрицания «социалистического выбора»... даже в прошлом... На фоне этого весьма символического перформанса (!) — Горбачёв озабочен проектом Программы партии, который он поставит на Пленум ЦК 25 июля. То, что он себя идентифицирует с гражданской идеей союзного масштаба, думаю, — ошибка историческая. Опять же объяснима происхождением его политического мышления. Наверное, он все еще верит, что партия может существовать как обобщающая опора Союза. Даже как опора «его дела». Он не хочет видеть (хотя видит!), что все эти ПБ, Секретариат — никому не нужны, они уже не властны даже над коммунистами. И их суета и угрозы, в отличие от совсем недавно прошлого, уже никого не пугают. Попросил меня «поработать» над проектом Программы. Вчера я посидел над ним... Еще больше избавил от всего коммунистического и от «социалистического выбора», даже почти совсем. Вечером он мне звонит:

— Ну что?

Я: Это — оптимальный вариант, чтобы сохранить разумное ядро, перестроечное ядро партийцев... Остальное отбрасывает КПСС в лагерь врагов общества, «врагов народа» — нового народа, возникшего за последние шесть лет.

М. С. «жался»... Георгий (Шахназаров) мне говорил, что ему «очень нравится» проект... Но все равно: сам тот факт, что президент на фоне инаугурации Ельцина, «русского потока», Союзного договора, Лондонской «семерки» — занимается своей ностальгической партийной ерундой, только еще больше вынесет Горбачёва на обочину стрелы.

<...>

25 июля 1991 года. Утро. Сегодня Пленум... Выхожу из подъезда своего дома. Навстречу Шапошников, мой бывший коллега по международному отделу ЦК, тоже зам. Пономарева. Несет в руках коньяк и консервы. Спрашивает: «Что будет с партией?»

«Развалится, наверное», — отвечаю я.

«Ну, вы даете!»

После телефонного разговора с Колем (о Кенигсберге) М. С. задержал меня в кабинете. Подключил селектор на Прокофьева^{XLIX} (секретаря МГК). Разговор идет об указе Ельцина (департизация предприятий и учреждений). Прокофьев ему: «Значит мы переходим на территориальный принцип партработы».

М. С.: «Я уже получил 100 телеграмм. Секретари обкомов требуют издать указ, отменяющий указ Ельцина».

Я вмешался: «Не надо этого делать... Указ не работает. А Новоогаревская тенденция будет сорвана. И ваш престиж пойдет опять на понижение».

Но он, вижу, уже и без меня решил — не вмешиваться. Рассуждал с Прокофьевым — почему Ельцин сделал это именно сейчас? И потом, он вроде бы поступил из благородных побуждений: сейчас надо работать, нужно спокойствие, а коммунисты мутят людей на предприятиях, в коллективах!.. И как я, президент, буду выглядеть, мешая установить порядок?! Прокофьев не настаивал... Но Пленум! «Веселая работенка будет», — сказал он в этот день, принимая барона Креспо (председатель Европарламента). Рассказал Прокофьеву, как Ельцин ёрзал (?) в Ново-Огарево, все расспрашивал у присутствовавших, как реагируют на его указ. Отмалчивались. Задал Горбачёву вопрос: «Что будете делать на Пленуме?». Горбачёв в ответ: «Будем обсуждать программу партии». «Какая программа, кому нужна?» — реагировал раздраженно Б. Н. Горбачёв с нажимом: «Будем обсуждать программу!» Видно, он решил «валить» партию. Даже барону сказал: кто «не за ней (т. е. не за новую программу), пусть уходит вправо ли, влево!» Прокофьев возражал против «добровольности партвзносов». М. С. понукал его решительно смещать Полозкова, иначе, мол, возникнет «другая партия» — внутри партии. Она и так уже возникла, произнес я «в сторону».

<...>

28 июля 1991 г. Воскресенье. Утро. М. С. доволен Пленумом. Шах подготовил ему блестящий доклад... Это был порог, который он, наконец, перешагнул — в деидеологизированный период... «Независимая газета»

ехидно дала заголовок: «Горбачёв победил марксизм-ленинизм». И ортодоксы и пошляки на Пленуме не осмелились его свергать... Особенно «перед лицом» указа Ельцина о департизации. Важно ворчали... — в негодовании и ненависти... В перестроечном смысле Пленум — еще одно запоздалое «преодоление», осуществленное лично Горбачёвым: но не «обновление» партии нужно, а создание новой партии — «во что» уже и пошли Руцкой и проч.

<...>

1 августа 1991 года. Четверг. Буш¹ сегодня уезжает в Киев и потом совсем. Вчера — в Ново-Огарево. Главное мое наблюдение: исторический смысл визита не в Договоре по СНВ — тут дело все равно пойдет, потому что ядерное оружие перестало быть политикой, это уже экономика, психология, социальная сфера. Глобальное наблюдение вот в чем: США и СССР фактически начинают проводить в мире одну и ту же политику. (Ирак, Ближний Восток, Европа — Югославия...) Но это произошло тогда, когда США убедились, что мы им не опасны. Общение — ближе, чем в свое время с «друзьями» из социалистических стран. Нет фарисейства, лицемерия, нет патернализма, похлопывания по плечу и послушания.

<...> Ехать в Крым с М. С. жутко неохота: сладкая жаркая каторга, да еще теперь, видимо, ужмут в комфорте: «Южный» стоит на одного — 4000 рублей!

<Дальнейшие события 1991 года, связанные с августовским путчем, неудачей Ново-Огаревского процесса и отставкой Президента М. С. Горбачёва, подробно рассмотренные в дневнике А. С. Черняева, изложены во вступительной статье к антологии. В ней приведены обширные свидетельства из дневниковых записей А. С. Черняева за август — декабрь 1991 года>.

В. Н. Игнатенко СО МНОЙ И БЕЗ МЕНЯ¹

<фрагменты>

Летом 1990-го мне вдруг позвонили из Крыма и нарушили, как говорится, покой. Анатолий Сергеевич Черняев, помощник президента СССР, попросил приехать к Горбачёву в Форос, где на госдаче «Заря» Михаил Сергеевич отдыхал с семьей. Каждый на моем месте почувствовал бы в этом звонке ожидание чего-то серьезного, поэтому я, не мешкая,

¹ Печатается по: Игнатенко В. Н. Со мной и без меня. М., 2016. С. 200–203, 231–234, 242–244.

собрался и полетел в Симферополь... Два года Горбачёвской перестройки я провел в Аппарате ЦК. Служил новому курсу не только по должности. Перестройка стала как бы и моим делом. Что и доказывал демократическим направлением еженедельника «Новое время». Пока недолго был век перестройки, а сколько перемен. Загибал пальцы. Свобода слова, свобода информации, реальная гласность... Это один политический спектр. А другой — осуждение сталинского режима, реабилитация миллионов репрессированных, отрицание революций как фактора развития общества... Третье — благотворное начало подлинных, то есть альтернативных выборов. И еще, может быть, главнейшее проявление демократии, переход к рыночной экономике, сбрасывание плановых догм, разрушение монополизма госсобственности. Много всего роилось в голове. Объединял для себя одним понятием — это шаги человечности. Это Горбачёв. Человек, поднявшийся от помощника комбайнера до философа за Кремлевской стеной. Нет, не за стеной. От понимания нужд народа его ничто не отделяет. Понятен ли он мне? Да! Больше других.

Едва самолет приземлился, как я сразу попал в жесткое русло заботы и внимания: меня прямо у трапа встретили молчаливые мужчины, провели к стоявшей неподалеку автомашине, и мы без проволочек покинули аэропорт.

Госдача «Заря», которую называли Горбачёвской, находилась на южном побережье полуострова, в нескольких километрах от поселка Форос — в окружении лесов и гор, на скальном уступе, у подножия чистейшее море. Домчали туда быстро.

Дача была обнесена внушительным забором, правда, никаких постов охраны я не увидел. Меня высадили из машины не у главных ворот, а у неприметной калитки, через которую тоже можно было пройти «прямо на объект». Молчаливые мужчины мне сказали лаконично: «Вы здесь подождите, с вами в ближайшее время встретится Михаил Сергеевич».

Ждал действительно недолго. До сих пор помню минуту, когда калиточка открылась. Я не сделал и двух-трех шагов по дорожке, как увидел, что совершенно рядом стоят Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна. Они приветливо улыбались, о чем-то спрашивали... Так около калитки встречают на юге желанных гостей. Я был настолько, признаться, удивлен и растроган, что, кроме каких-то слов ответного приветствия, ничего не произнес. Впервые увидел Генерального секретаря партии, руководителя государства не в строгом костюме, а в легкой спортивной рубашке. И на Раисе Максимовне было надето что-то красивое и южное.

Они выглядели молодыми, счастливыми, отдохнувшими, понимающими друг друга с полуслова.

Пригласили прямо в свою резиденцию. Поднялись на какой-то этаж в гостиную залу. Я, хотя старался больше следить за собой, обостренно воспринимал и происходящее вокруг. Поэтому запомнил все в деталях и подробностях.

Михаил Сергеевич спросил: «Ты ужинал сегодня?» Ответил «Да». Он: «А я знаю, что не ужинал, давай садись». И усадил за обеденный стол. Раиса Максимовна, извинившись, на несколько минут оставила нас. Потом появилась, принесла какую-то немудреную снедь. Должно быть, сама приготовила. Стала разливать чай. Никто за нами не ухаживал. Показалось, что во всем особняке никого не было. Я уже немного освоился с обстановкой, отвечал на мимолетные житейские вопросы любезных хозяев... Все думал, зачем же президент вызвал меня из Москвы. Михаил Сергеевич, должно быть, заметил мою отрешенность, назвал меня по имени:

— Виталий, давай поговорим об одной кадровой истории.

Раиса Максимовна собрала на поднос пустые чашки и ушла с ними из гостиной.

— Я предлагаю тебе, Виталий Никитич, стать моим помощником, возглавить пресс-службу, — негромко произнес Горбачёв. — Подумай...

Михаил Сергеевич сидел напротив. Он не стал приводить никаких мотивировок, просто выжидательно смотрел на меня. А потом еще раз произнес:

— Подумай... О согласии.

Подумать было о чем. Я переживал что-то похожее на шок. Перспектива возможного перемещения во властные структуры была слишком неожиданной и на первый взгляд неприемлемой. Я же восемь лет проработал на Старой площади. Под конец этого срока достойно уйти с парторботы мечтал, как о подарке судьбы. Ушел, теперь снова — прощай, журналистика!

Должно быть нерешительность, растерянность явственно читались на моем лице. Горбачёв прервал наше общее молчание:

— Ты мне нужен, Виталий.

Он больше ничего не добавил, да и не потребовалось. Высказанный аргумент был настолько личным, доверительным, что исчерпывал какие-либо другие доводы, может быть, государственного характера.

Открытость Горбачёва, одна его фраза решила все. Я дал согласие. Уже в Москве я многократно возвращался к необыкновенной беседе

на форосской даче президента. И до сих пор горжусь, что получил столь высокое предложение. Горбачёв в ту пору обладал для меня не только человеческим обаянием, в нем воплощались надежды на перемены всей социально-политической обстановки в стране к лучшему...

К середине августа 1991-го был готов Союзный договор¹. Все мы были просто счастливы, что удалось его сверстать. Михаил Сергеевич всем из своей ближней команды дал отпуск, правда, лишь недели на полторы. Все разъехались кто куда. Я направил стопы, конечно, в Сочи захватить кусочек бархатного сезона у Черного моря. Прошло всего два дня отпуска, как девятнадцатого числа рано утром меня разбудил примчавшийся с соседней улицы сочинский товарищ: «Включай скорее телевизор, посмотри, что в Москве творится». Еще неверной от сна рукой включаю телевизор и ничего не могу понять. После танца балетных лебедей диктор, очевидно, в который раз объявляет, что в стране на 6 месяцев вводится чрезвычайное положение, местная власть переподчиняется военным комендантам, в средствах массовой информации вводится цензура. Все это говорится от имени какого-то ГКЧП. Далее сообщается, что в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Михаилом Сергеевичем Горбачёвым обязанностей президента СССР вице-президент СССР Янаев приступил к временному исполнению обязанностей президента.

Что это — государственный переворот? Наглая лож насчет болезни Горбачёва. Всего несколько дней назад он не жаловался даже на легкое недомогание. Что произошло? Хорошо, что вскоре позвонил возглавлявший «Московские новости» Егор Яковлев^{II}, мы дружили с ним. Он мне немного рассказал, что произошло.

Я кинулся в санаторий «Сочи», это место возле администрации города, где имелось ВЧ, правительственная, закрытая связь. Связываюсь со спецкоммутатором. Конечно, там знают мой голос, много раз слышали. Попросил, чтобы меня соединили с Михаилом Сергеевичем. Оказывается, с ним нет связи. «Тогда с Черняевым». Тоже нет связи. «С Шахназаровым» — нет связи. «С Яковлевым» — нет связи. Попросил Примакова, знал, что он где-то там, в Крыму, — нет связи... Долетел до Москвы и помчался домой. Внизу в подъезде дежурная мне сообщила: «Приходили какие-то люди, спрашивали, где вы, что вы...» Я не стал дома задерживаться. Позвонил Саше Пумпянскому, главному редактору «Нового времени», он сказал: «Приезжай в журнал, мы все здесь».

Потом мы поехали к Аркадию Ивановичу Вольскому, народному депутату СССР, президенту Союза промышленников и предпринимателей,

провели свою антипутчистскую пресс-конференцию. Вольский, в частности, сказал: «Заявление об имеющейся якобы болезни М. С. Горбачёва и его недееспособности является вымыслом». Мы были уверены, что с Михаилом Сергеевичем ничего плохого не случилось.

На информационные ленты агентств легло сообщение: «На пресс-конференции 21 августа политики, отказавшиеся поддержать ГКЧП, призвали ЦК КПСС осудить переворот и призвали членов Совета безопасности взять на себя ответственность за действия, направленные на преодоление кризиса и установление законной власти». Путч, как известно, провалился. На следующий день после возвращения в Москву М. С. Горбачёва из Фороса мы — весь аппарат президента — с утра пораньше заспешили в Кремль... Вскоре пригласил М. С. Горбачёв. Мы обнялись...

После Фороса всего четыре месяца отделяло Горбачёва от отставки с поста Президента Союза ССР и целых четверть века от дней, когда пишутся эти строки... Самоуверенные блогеры и прочая «бука из фейсбука» первоначальную вину за развал Союза и последовавшие за ним всевозможные кризисы ничтоже сумняшеся навешивали на М. С. Горбачёва. Да и иные современные политики попенять Михаилу Сергеевичу были горазды.

Для того, чтобы быть уверенным в чем-то, надо знать об этом все или ничего.

Особенно меня угнетало, что мои коллеги, в биографиях которых М. С. Горбачёв занимал не последнее место, высокомерно судили об этом великом человеке, а ведь он так много сделал для их профессионального роста и успеха.

Грустно это.

Несмотря на то что политическая клоунада (некоторые телешоу чего стоят!) порою вытесняет серьёзный анализ или честную полемику, все-таки от выводов истории не уйдешь: М. С. Горбачёв выдающийся человек и политик, оставивший в мировом развитии свой след. М. С. Горбачёв навсегда войдет в историю тем что: первое — он ввел в стране демократию, и второе — он от нее не отказался до последней минуты своей легитимности.

Горбачёв не виноват в том:

- что народы Прибалтийских республик захотели обрести независимость;
- что армяне Нагорного Карабаха решили присоединиться к Армении, а азербайджанцы этому воспротивились;
- что абхазы не захотели оставаться в подчинении Тбилиси;
- что таджикские фундаменталисты развязала гражданскую войну;

- что народы Восточной Европы свергли коммунистические режимы;
- что немцы решили воссоединиться;
- что 52 процента жителей России, воспользовавшись своим избирательным правом, проголосовали за Ельцина на президентских выборах;
- что Верховный Совет России принял Декларацию независимости и тем самым поощрил сепаратизм в других союзных, а также автономных республиках;
- что президент России издал указ о верховенстве российских законов над союзными;
- что группа высших сановников СССР попыталась ввести чрезвычайное положение и сорвала подписание Союзного договора;
- что Ельцин, Кравчук и Шушкевич заключили Беловежское соглашение;
- что Верховные Советы 9 республик признали это решение и ратифицировали договор о создании СНГ;
- что правительство России с благословения парламентского большинства начало проводить экономическую реформу по методу «шоковой терапии».

Можно вписать в эту ретроспективу практически все другие события 1991 года.

Г. А. Арбатов ЖИЗНЬ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ¹

*автобиография на фоне исторических перемен
<фрагменты>*

Михаил Сергеевич Горбачёв на переломе

Избрание М. С. Горбачёва Генеральным секретарем ожидалось с известным нетерпением и широко (хотя отнюдь не всеми) приветствовалось. С первых дней пребывания на этом посту он имел многочисленных сторонников, готовых ему помогать, с ним работать, а если понадобится, и вместе с ним бороться. В этом смысле Горбачёв был в гораздо более предпочтительном положении, чем, пожалуй, любой его предшественник, может быть, за исключением Ленина, но обстановку в стране, настроения политической элиты и руководства партии того времени я знаю лишь по книгам и поэтому от категорических суждений воздержусь.

¹ Печатается по: *Арбатов Г. А. Жизнь. События. Люди: Автобиография на фоне исторических перемен.* М.: Любимая Россия, 2008. С. 171–187.

Мне хотелось найти какую-то краткую, но емкую характеристику М. С. Горбачёва. Не знаю, удалось ли, но я рискну изложить свой вариант.

Мечтой, заветной целью Михаила Сергеевича было придать социализму «человеческое лицо», преобразовать социальный строй и режим. Это удалось лишь отчасти, пожалуй, и времени на это требовалось больше, и политическая программа должна была быть основательнее, точнее. Но что ему действительно удалось, так это то, что советский народ впервые за свою историю увидел во главе страны лидера с «человеческим лицом». Не божество и не тирана, не великого гения, но и не подпаска, а современного человека, с серьезным образованием, нормальной речью, цивилизованным поведением. Это заслоняло и ставшие вскоре очевидными недостатки — такие, как многословие, склонность к повторениям и т. д. Другие качества нового лидера — смелость, решительность (порой, правда, и ее нехватка), способность глубоко прорабатывать сложные вопросы экономики и политики — становились очевидными со временем, в течение следующих лет.

И уже очень скоро стало ясно, что очень многие (особенно среди более молодой части населения) восприняли перемены в высшем руководстве не только с удовлетворением, но в значительной мере даже с оптимизмом, обрели уверенность, что страна, наконец, выходит на верный курс.

Меня где-то с конца восьмидесятых — начала девяностых годов интересовал вопрос: имелся у М. С. Горбачёва заранее продуманный, так сказать, «генеральный» план радикальных перемен или его политика была в основном импровизацией, и он действовал по известному рецепту Наполеона Бонапарта — ввязаться в драку в надежде, что ход событий сам подскажет, как действовать дальше? Уже после того, как Михаил Сергеевич отошел от руководства страной, я решился задать ему этот вопрос. Он ответил так: над несколькими важнейшими проблемами я думал давно и имел какой-то общий план, а во многом действительно ход событий подсказывал, что делать дальше.

У меня нет сомнений в том, что этот ответ был точен и правдив. О том, что Горбачёв — человек незаурядный, думающий, способный к политическому творчеству, я впервые услышал от Ю. В. Андропова в начале семидесятых годов, о чем уже писал выше, а со временем я и лично убедился в справедливости тех высоких оценок, которые давал Андропов Горбачёву. Но сегодня меня больше занимает другое: что именно заставило Андропова обратить на него внимание, выделить из когорты многочисленных партийных руководителей?

Зная Ю. В. Андропова по совместной работе в ЦК КПСС, я убедился, что он быстро мог определить интеллектуальный потенциал и способность к самостоятельному мышлению работников. Думаю, что он увидел эти главные положительные черты тогдашнего секретаря Ставропольского крайкома и потому решил его поддерживать и выдвигать, а позже — постараться сделать своим преемником на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. И это дает мне основания думать, что на высокий пост Горбачёв пришел с неплохими «домашними заготовками», кое-какие из них он «обкатал» во время многочасовых бесед с Андроповым, ежегодно проводившим свой отпуск в Кисловодске, входившем в Ставропольский край.

Личность лидера, руководителя всегда была носителем субъективного, случайного в процессе развития общества, происходящего все же в соответствии с определенными объективными закономерностями. Но та или иная личность со своим набором качеств, особенностей мышления, характера и темперамента, как правило, оказывалась востребованной и своим набором качеств, особенностей мышления, характера могла по-настоящему реализоваться в качестве руководителя тогда, когда этот набор ее особенностей отвечал назревшим общественным потребностям.

Почему фигура Горбачёва привлекала, я бы даже сказал, притягивала внимание руководящих деятелей страны, начиная с Андропова? Кроме молодости (а ему было тогда немногим больше 50 лет, что на фоне других тогдашних лидеров было просто «комсомольским» возрастом) — солидное образование: не разного рода суррогаты вроде партшкол, а Московский университет. И что может быть еще важнее, — живой, острый ум, интерес к проблемам, к обществу, к людям. Эти качества были к 1985 году очевидны и более широким кругам как в партии, так и в обществе в целом. И они были востребованы, что объясняет быстрый и даже бурный рост популярности нового советского лидера.

Пока что я говорил о фактах, достоверность которых у меня не вызывает сомнений. Но отвечая на вопрос, с какими намерениями, с какими планами пришел Горбачёв к власти в стране, я вступаю в сферу догадок, ощущений, умозрительных суждений.

Прежде всего, я уверен, что Горбачёв отвергал практику сталинского тоталитаризма, и полагаю: он ясно понимал — Н. С. Хрущев только начал, я бы даже сказал, обозначил борьбу с ним, но и сам был непоследователен и тем более не обеспечил преемственности линии XX съезда, не создал гарантий против попыток повернуть страну вспять.

Горбачёв, судя по тому, что я понял в его политических намерениях (притом изначальных, тех, с которыми он пришел на высокий пост), ставил своей целью продолжить и закрепить линию, начатую XX съездом КПСС. На практике это означало демократизацию порядков в стране, создание более надежных гарантий прав партийных и беспартийных граждан, включая право больше знать о политике и положении в обществе и более эффективно на эту политику влиять.

Вторая линия, я знал это с самого начала деятельности Горбачёва на новом посту, относится к внешней политике — добиться серьезных и необратимых сдвигов, которые бы как минимум радикально ослабили накат «холодной войны», а по возможности и положили ей конец.

Третья кардинальная задача политики — и ее тоже не мог не видеть, не понимать Горбачёв — была реформа экономики, ее оздоровление, выход из состояния хронической слабости и отставания.

В решении первой из перечисленных задач Горбачёв добился очень многого. И что бы ни говорили его противники и недоброжелатели, страна за шесть лет преобразилась. И если до сих пор у нас сохраняются в каком-то виде демократические порядки и институты, выборность, гласность, зачатки правового государства, то благодарить за это приходится не «либеральную» экономику, связанную с «шоковой терапией» Гайдара, не президентскую деятельность Ельцина. Это то, что осталось от «Горбачёвской эры», что не сумели до конца выполоть и вытоптать его преемники.

Что касается второй коренной задачи, связанной с внешней политикой, то здесь успехи были особенно велики. Горбачёв завершил, хотя, может быть, несколько позже, чем это было необходимо и возможно, трагическую и бесславную войну в Афганистане и не начал ни одной новой войны, не спровоцировал ни одного международного кризиса. С «холодной войной» было покончено — и не из-за твердости и усилившегося нажима Рейгана, а благодаря недюжинной мудрости и гибкости Горбачёва и его политики. И вопреки утверждениям его недоброжелателей это было достигнуто отнюдь не за счет односторонних уступок и ослабления страны. Нет, Советский Союз тогда продолжал существовать как единое и могучее государство (никто не оспаривал его статуса «сверхдержавы»), безусловно, сохранялся стратегический паритет, а затея со «звездными войнами» была похоронена. Международный авторитет Союза был высок как никогда. Что касается третьей кардинальной задачи подъема и оздоровления экономики, то здесь Горбачёву

радикальных сдвигов добиться не удалось. Хотя он не верг страну (в отличие от его преемника) в жесточайший экономический кризис, добился известных подвижек в создании зачатков рыночных механизмов и высвобождении инициативы отдельных граждан и целых хозяйственных коллективов.

К самому концу восьмидесятых — началу девяностых годов экономические трудности становились все более значительными. Нельзя сказать, что Горбачёв этого не видел. Одно за другим он проводил совещания по экономическим вопросам, внимательно слушал выступавших — в речах некоторых содержалось немало дельных предложений, но в хозяйственной практике никаких достаточно серьезных шагов не предпринимал. Мало того, руководство экономикой страны осталось в руках людей слабых, а нередко и готовых к совершенно негодным действиям (я имею в виду, в частности, премьер-министра Н. И. Рыжкова и вскоре сменившего его министра финансов В. С. Павлова, настаивавшего на значительном повышении цен).

Вскоре почти отчаянное положение экономики стало столь очевидным и не соответствующим быстрым и конструктивным сдвигам в политической и внешнеполитической областях, что это противоречие создало серьезную угрозу дестабилизации всей новой, возникавшей при М. С. Горбачёве системы.

Справедливость требует тем не менее сказать, что в сравнении с тем, что происходило после отставки М. С. Горбачёва с поста Президента СССР, шесть лет его «эры» можно считать поразительно успешными. Хотя, конечно, были и ошибки, были и неудачи. Но в целом, мне кажется, баланс таков: не было после 1917 года более плодотворных и благополучных лет в жизни нашего общества. Это, на мой взгляд, делает М. С. Горбачёва самым выдающимся советским (и российским) государственным деятелем второй половины XX века.

Избрание М. С. Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС, новый стиль его работы, первые шаги и первые слова на новом посту породили большие надежды, особенно среди тех, кого условно называли «шестидесятниками», то есть людей, начавших свою политическую жизнь под впечатлением XX съезда КПСС, давшего им «глоток» свободы и желание вкусить ее сполна. Естественно, они потянулись к Горбачёву. Автор этих строк, собственно, много раньше, в конце семидесятых, познакомившийся с этим политическим деятелем, а с начала восьмидесятых начавший с ним работать, от всей души хотел в меру

сил помогать ему. Я писал уже об этом, упоминая о подготовке визита М. С. Горбачёва в Канаду и Великобританию (соответственно в 1983 и 1984 годах), об участии в организации первых интервью иностранной прессе, нескольких совещаний, посвященных экономическим и политическим проблемам.

С начала апреля 1985 года я засел за своего рода «меморандум», посвященный назревшим проблемам внешней политики. Получилась записка размером примерно в пятьдесят страниц. Излагать ее сколь-нибудь подробно не буду. Но среди главных моментов были:

1. Необходимость вдохнуть новую жизнь в переговоры об ограничении вооружений и разоружении.
2. Придание приоритетного значения нашим отношениям с социалистическими странами Европы (добавлю: «тогда» социалистическими), в том числе отношениям экономическим.
3. Нормализация отношений с Китаем и вообще оживление и активизация нашей политики на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе.
4. И как необходимое условие всего этого — восстановление доверия к Советскому Союзу, подорванного вторжением в Афганистан и рядом других действий, в том числе при помощи односторонних инициатив...

Уверен, что я был не единственным, кто предлагал подобный план действий М. С. Горбачёву. Он едва ли сделал хоть одно из предложений частью своей программы, но все вместе они, я думаю, помогли ему в очень короткий срок стать активным и инициативным деятелем в тогда еще новой для него сфере — во внешней политике.

Другой мой «меморандум» касался готовившихся ограничений на производство и употребление алкогольных напитков. Я решительно возражал, напомнил о печальном опыте США с «сухим законом». Горбачёв был со мной не согласен: мы же не вводим «сухой закон», а только усиливаем борьбу с алкоголизмом. На что я ему ответил:

Вы что, не знаете наших чиновников, их готовности и способности довести любое начинание до абсурда!

Как бы то ни было, вскоре Михаил Сергеевич мне сказал:

— Когда появляются у тебя какие-то предложения или соображения, а со мной сразу встретиться не можешь, звони в секретариат, я их предупрежу, и они сразу за твоим посланием пришлют фельдъегеря, а потом его передадут мне лично в руки.

С тех пор и наладилась такая (пусть во многом односторонняя) связь — в общей сложности я ему направил много десятков писем.

Хороши они были или нет, умные или глупые — не мне судить. Хвалить себя неудобно, а ругать ни к чему. Поэтому я лучше предоставлю слово генералу Д. А. Волкогонову¹, получившему доступ в президентский архив, куда, к моему сожалению, попала эта сугубо личная переписка. Он написал по этому поводу в своей последней книге «Семь вождей» (седьмым как раз и был М. С. Горбачёв) следующее:

Помощь седьмому «вождю» от советников была разной. Я обратил внимание на активность Г. А. Арбатова, который написал Горбачёву множество обстоятельных записок. Впрочем, он немало писал и более “ранним” генсекам. Содержание писем весьма конструктивно. От простых советов (вроде: делайте Ваши выступления более короткими, прерывайте главный приоритет на внешней арене — укрепление социалистического содружества (пока оно еще было. — Д. В.), не мешкая, уберите тактическое ядерное оружие из Закавказья; после XXVIII съезда откажитесь от поста генсека и т. д.

Что касается последнего совета, Горбачёв сделал довольно вялую попытку в апреле 1991 года освободиться от поста генсека. Возможно, этот демарш был предпринят в уверенности, что его обязательно отклонят. Конечно, при сильном желании Горбачёв мог бы оставить пост партийного “вождя”, что освободило бы реформатора от многих организационных и идеологических пут. Но сыграл ли в этой слабой попытке какую-нибудь роль совет Г. А. Арбатова, может знать только сам бывший последний генсек. Многие советы Арбатова были действительно дельные, но, сопоставив их с практическими делами Горбачёва, я увидел: они, как правило, так и остались советами.

Не хотел бы выглядеть в свете сказанного Волкогоновым бестактным и нахальным. Я никогда панибратства с руководителями не допускал. Но отношения с М. С. Горбачёвым были настолько деловыми и полны взаимного доверия, что я действительно писал все, что думал, не тратя времени и сил на церемониальные заходы и обороты.

Горбачёву старались помочь многие — уж очень привлекательной была его программа и весь стиль его деятельности. Особо хотел бы отметить работу его помощника Анатолия Сергеевича Черныева — человека беспрдельно преданного идеям Горбачёва, умного и образованного и к тому же безукоризненно честного.

Не сомневаюсь, что в истории страны короткий период, в течение которого ею руководил М. С. Горбачёв, останется как один из важнейших рубежей, открывавший путь в более благополучное, безопасное и счастливое будущее. И если сразу это не получилось, если за этим большим

и очень важным шагом вперед последовала целая серия неверных шагов, уводивших страну если не назад, то в сторону, все дальше от верного пути обновления, то это не вина необычно смелого для нашей страны, умного, хотя и не очень удачливого реформатора.

В связи с этим возникает вопрос: почему в таком случае массовая поддержка Горбачёва, правда, начавшая заметно ослабевать к концу периода пребывания его руководителем страны, сменилась негативным отношением к нему довольно широкой общественности, столь разительно контрастирующим с его сохранявшейся, если не усиливавшейся популярностью на Западе?

Что касается Запада, то хотел бы сразу же сказать, что приняли (и поняли) Горбачёва западные лидеры и общественность совсем не сразу. Мешали твердо укоренившаяся подозрительность, недоверие к Советскому Союзу и его руководителям. Лишь постепенно (хотя по историческим масштабам все же поразительно быстро) пробивалась вера в то, что речь идет о действительно серьезных изменениях в политике, а затем и во внутреннем режиме, в кадровой политике. И верили не столько словам (сколько их, хороших слов, мир наслышался и от прежних руководителей нашей страны!), сколько делам. Чем больше было дел, тем прочнее становилось доверие не только к Горбачёву, но и к его политике перестройки и гласности, к радикальным переменам, происходившим в нашей стране, к Советскому Союзу и его руководителям. Образ врага все больше размывался, все четче вырисовывался новый облик страны как ответственного участника международных отношений и возможного партнера во многих важнейших делах, начиная с безопасности и кончая экономическим и научно-техническим прогрессом, борьбой с терроризмом, наркоманией, экологическими бедствиями и опасными болезнями. О каких делах идет речь? О прекращении войны в Афганистане, одностороннем моратории на ядерные испытания, более гибкой, инициативной и, не побоюсь этого слова, честной позиции на переговорах об ограничении вооружений (правда о наших вооружениях и вооруженных силах в Центральной Европе открыла путь к соглашению об их значительных сокращениях). Наконец, возросла открытость во внешней политике, были сняты многие ограничения на въезды и выезды из нашей страны.

Особенно важно было то, что именно во внешней политике при Горбачёве были достигнуты значительные успехи, приведшие к концу восьмидесятых — началу девяностых к окончанию «холодной войны». В связи с этим нельзя не сказать о советско-американских встречах в верхах

с 1985 по 1991 год, очень разных, но всегда содержательных (особенно в сравнении с последующими) и результативных.

В период после 1991 года положительное отношение Запада к Горбачёву продолжает сохраняться, а в чем-то даже становится еще более доброжелательным, что, возможно, объясняется тем, что Запад получил возможность сравнивать его с его преемником. Что касается падавшей популярности Горбачёва в Советском Союзе, то отчасти это объясняется его не совсем мне понятным креном «вправо», к консерватизму и консерваторам в 1990–1991 (первой его половине) годах, а также тем, что он не смог воспрепятствовать тому, что почти все плохое, что делалось при Ельцине, вменялось в вину не только ему, но заодно и Горбачёву.

Сдвиг Горбачёва и его политики не имел видимых причин. Политический курс перестройки и развития демократии пользовался поддержкой. В экономике было немало трудностей и проблем, но они, скорее, сохранялись, хотя частично и нарастали.

Единственное, о чем можно говорить как об источниках давления справа, — это усилившаяся критика Горбачёва со стороны консервативных сил на пленумах ЦК, в парламенте, в некоторых органах печати.

Против моих ожиданий, Горбачёв оказался очень чувствительным и уязвимым для этой критики, более чувствительным, чем к критике со стороны демократов. Кто-то в связи с этим весьма точно сформулировал: он был верен тем, кто его предал, и предавал тех, кто в него верил и был ему предан.

Этот сдвиг вправо выразился во многом, и прежде всего в отставке министра внутренних дел В. В. Бакатина, пожалуй, наиболее достойного и значительного из всех, занимавших на моей памяти этот пост. На его место был назначен Б. К. Пуго, под конец жизни (а с ней он вскоре покончил сам), опозоривший себя участием в руководстве антиперестроечным путчем в августе 1991 года. Вице-президентом стал пьяница и ничтожество, тоже один из руководителей путча, Г. И. Янаев. Росла дистанция между Горбачёвым и его наиболее демократическими, прогрессивными советниками. Один из них, экономист, академик Н. Я. Петраков, подал в отставку. Из правительства ушел, выразив публично тревогу в связи с намечавшимися переменами в политике, Э. А. Шеварднадзе.

К кадровым перестановкам, однозначным по своей политической направленности, дело не сводилось. Горбачёв, к удивлению всех, кто его поддерживал, предпринял ряд шагов, явно направленных на движение Советского Союза к военно-полицейскому государству. Осенью

1990 года общественность была встревожена массированным передвижением войск вокруг Москвы. И ее не успокоили разъяснения, что, мол, воинские части близ города приглашены на уборку урожая картофеля (дело в том, что совпало это с обострением борьбы демократических и консервативных сил, выплеснувшейся на улицы и выразившейся в многочисленных митингах).

За этим последовало решение, позволившее передвижение войск в «беспокойные» регионы и их совместные действия с внутренними войсками МВД и милицией. Это привело к первому кровопролитию: войска вошли в Вильнюс и активно включились в схватку вокруг телецентра. В результате были убитые и раненые. Вскоре то же самое произошло в Риге.

В марте 1991 года, когда ожидалось обострение ситуации в Москве, столица была буквально наводнена армейскими автомашинами, запрудившими улицы и дворы города. Мне пришлось быть свидетелем бесед в Кремлевском дворце съездов между группами народных депутатов и вышедшим в перерыве в зал М. С. Горбачёвым. Депутаты спрашивали Президента, чем объясняется явный сдвиг политики вправо. Горбачёв отвечал, что вправо сдвинулось настроение общественности и за ним не может не следовать политика. Я написал тогда Горбачёву письмо, оспаривая это объяснение. Во-первых, писал я, общественность хочет порядка, но вовсе не сдвига вправо, ухода от демократических преобразований. И во-вторых, не всегда руководство должно следовать за настроением общественности. Бывает, что оно должно идти впереди нее, вести ее за собою.

Как бы то ни было, мои отношения с Горбачёвым испортились, и длилось это до апреля 1991 года.

Период этого сдвига вправо имел негативные последствия, прежде всего для самого Горбачёва. Он упустил инициативу, упустил роль лидера демократии и демократических сил в стране, чем не замедлил воспользоваться Б. Н. Ельцин.

Это было тем более опасно для Горбачёва, что он на протяжении последних двух-трех лет совершил ряд ошибок, которые со временем привели Ельцина к власти и помогли ему отстранить Горбачёва от политики.

Первой среди них я бы назвал реакцию Горбачёва на заявление Ельцина об уходе в отставку с поста кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, а затем и первого секретаря МГК КПСС. Дело было на октябрьском 1987 года Пленуме ЦК.

Горбачёв и другие члены Политбюро поначалу решили ограничить повестку дня сообщением Генерального секретаря об основных положениях

его предстоящего доклада, посвященного 70-летию Октябрьской революции 1917 года. Горбачёв сделал доклад, и его решили даже не обсуждать, а принять к сведению. Затем председательствовавший Е. К. Лигачев объявил Пленум закрытым и в соответствии со сложившимся ритуалом задал традиционный вопрос: есть ли у кого-нибудь замечания или заявления?

И тут, к удивлению большинства собравшихся, с места встал и пошел к трибуне Ельцин. Ему дали слово, и он зачитал свое заявление об отставке, в котором содержались также критические замечания по поводу работы Секретариата ЦК.

Сразу же попросил слова один из присутствовавших (кажется, секретарь Омского обкома партии) и разразился гневной речью, по сути, грубой бранью в адрес Ельцина. Он как бы задал тон. Тут же взметнулось еще несколько рук — просили слова. Но был объявлен перерыв, после которого началась уже организованная проработка Ельцина в стиле, который мы слишком хорошо помнили с прошлых времен. Выступил и я, оказавшись единственным, кто сказал хоть что-то в защиту Ельцина и критически отозвался о характере развернувшейся проработки, — за это меня тут же осудил в своем выступлении Н. И. Рыжков. Когда я просил слова, то и ожидал осуждения — порядки и традиции ЦК мне были хорошо известны. Не было в моем выступлении ничего личного. Ельцина я едва знал и никаких чувств дружбы и привязанности к нему не питал. Но я ненавидел прошлые репрессии и проработки, свидетелем многих из которых мне пришлось быть. И просто почувствовал: если не выступлю, то утром проснусь с чувством, что вел себя нечестно, даже подло, смалодушничал.

Вместе с тем я бы сказал не всю правду, если бы не признал, что проклятый страх, презренная осторожность, вбивавшиеся в нас десятилетиями расправ и унижений, повлияли на мое выступление. Я все же не смог не отдать должное общему поветрию и защиту Ельцина «смягчил» критическими замечаниями в его адрес, в частности, заметил, что такие выступления в столь ответственный момент не могут не нанести ущерба, создавая впечатление отсутствия единства, неблагополучия в руководстве.

Через несколько дней избивание Ельцина повторилось уже в другой аудитории на Московском комитете партии, в связи с просьбой Ельцина освободить его от обязанностей первого секретаря Московского горкома КПСС.

Не так давно я спросил у Михаила Сергеевича, не думает ли он, что эта интенсивная, повторенная дважды проработка Ельцина только вызвала к нему сочувствие, жалость, породила сомнение в справедливости атак. Тем более что по традиции на Руси любят мучеников. Не было

бы правильной политически, заслушав заявление Ельцина, сказать: «Что ж, я, как, наверное, и большинство присутствующих, сожалею, что Борис Николаевич принял такое решение. Но он его принял, и мы едва ли вправе отказывать ему в его просьбе. Давайте поэтому поблагодарим товарища Ельцина за проделанную в ЦК работу» (и я бы даже поаплодировал ему, что было бы поддержано хотя бы частью зала). И уверен, через несколько месяцев люди забыли бы и его фамилию. А так Ельцин, не будучи демократом и реформатором, стал одним из лидеров демократического движения, возглавил вместе с А. Д. Сахаровым, Ю. Н. Афанасьевым, Г. Х. Поповым Межрегиональную группу и завоевал позиции, которые позволили ему успешно претендовать на роль лидера России. Горбачёв сказал, что, может быть, я и прав, но прошлого сейчас не вернуть.

Мне рассказывали, что как-то в 1998 или 1999 году в узкой дружеской компании у Михаила Сергеевича спросили:

— А почему вы потеряли власть?

И тот, подумав, ответил:

— Из-за излишней самоуверенности и самонадеянности.

Я не знаю, что именно имел при этом в виду Горбачёв, но я бы расшифровал это так: он был чрезмерно убежден во всеобщих к нему любви и уважении, чтобы допустить мысль о том, что кто-то попытается отстранить его от власти. Но, во всяком случае, ответ был откровенным, и это делает честь М. С. Горбачёву.

Конец «холодной войны» дал повод для оживленной дискуссии: а кто же, собственно, выиграл эту «войну», кто стал ее победителем? Запад поспешил присвоить лавры себе; к моему удивлению, и у нас нашлось немало сторонников такой точки зрения. На мой взгляд, неверна сама постановка вопроса: «холодная война», в отличие от любой другой, не имеет победителя. Строго говоря, большой урон в ней понесли — и в этом смысле ее проиграли — обе стороны.

Это не исключает того, что, будучи экономически более слабыми, Советский Союз и его союзники, втянувшись в ожесточенное военное и политическое соперничество с Западом, были обречены на более болезненное ощущение этих потерь. Но ни распад Советского Союза, ни распад советской политической системы нельзя относить за счет «холодной войны» и навязанного СССР бремени расходов на вооружение и другие затраты, связанные с «холодной войной».

Я далек и от того, чтобы считать беды, приключившиеся с Советским Союзом, случайностями. Хотя многое из того, что делалось, включая,

скажем, Беловежскую Пушу или неожиданный взлет Гайдара и его команды, не было исторически запрограммировано и в немалой степени порождено ошибками, бездумьем руководителей и случайностями.

Другой вопрос, что в самой советской системе, как она сложилась при Сталине, были заложены семена самораспада, саморазложения, начиная с того, что она могла не то что действовать (эффективность она теряла сразу по окончании любого острого кризиса, в том числе, например, войны), но — и как система власти, и как своего рода империя — лишь при условии очень жесткой диктатуры, строжайшего полицейского режима, в свою очередь, требовавшего для своего обоснования острого кризиса, а по возможности и явной внешней угрозы. Без этого силы саморазложения начинали работать, что вело сначала к ликвидации режима, а затем и «империи».

Если говорить об этих силах саморазложения чуть подробнее, равно как о причинах того, что система как-то еще работала в периоды кризисов, но начинала буксовать в нормальных условиях существования, то я бы указал на следующие из них.

Прежде всего тоталитарная диктатура подавляла, деформировала, губила интеллектуальный потенциал — в нашу эпоху главный источник роста, развития и процветания любого общества. И это — самая тяжкая часть наследия, оставленного сталинщиной, большевистским образом мысли и действий. общества. Другая часть действующих внутри общества разрушительных сил состояла в том (это уже упоминалось), что вся система и ее институты, эффективные в чрезвычайных условиях войны и острых кризисов, начинали работать вхолостую и, в конечном счете, себя разрушать в нормальных условиях. Эти тягостные компоненты системы также замедлили и сделали трудным и противоречивым процесс возрождения страны в постсталинский период. Боюсь, что они еще долго будут давать о себе знать, мешая нашему полному и подлинному возрождению.

Подводя итог, можно сказать, что система — и в территориальном смысле, как союз ряда весьма разнящихся друг от друга республик, и в смысле внутривластного, как определенный режим, структуры и органы власти, государственного управления, наличия гражданских свобод и особенно их ограничений, — была изначально обречена. Что неудивительно и с точки зрения философской — в основе ее лежала утопия или даже система утопий, не способных выдержать столкновение с реальной жизнью. И дав толчок этому самораспаду, было крайне трудно его замедлить или упорядочить. Огромная по своим масштабам и силовой мощи государственная машина к этому просто не была готова, а может быть, и пригодна.

В одной из предшествующих своих работ я касался милитаризма, избыточной военной мощи (не всегда эффективной). Не помогла она и в данном случае. Машина эта и не думала о сохранении и защите системы. Она, скорее, ей противостояла, особенно когда начала меняться политика и возникла угроза для всевластия прежней военно-полицейской диктатуры.

Припоминаю один эпизод, относящийся к марту или апрелю 1991 года. В перерыве между заседаниями Съезда народных депутатов ко мне подошли два депутата-полковника, сказали, что группа военных депутатов хотела бы со мной поговорить. Я согласился, и они обратились ко мне с просьбой сообщить Горбачёву, что против него готовят военный переворот. И один из главных заговорщиков — генерал Варенников. Я обещал это сделать, и мне в тот же день удалось поговорить с Президентом. Он сказал, что до него уже доходили слухи о такой позиции и деятельности упомянутого генерала. Но ничего, видимо, так и не было предпринято. Я потом задал себе вопрос: почему именно ко мне обратились военные депутаты? И сразу нашел на него ответ. С декабря 1989 года я вел довольно резкую и принципиальную дискуссию с военной (да и политической) верхушкой относительно военной политики. Меня удивляло тогда, что, хотя моя позиция была позицией защиты перестройки, никакой поддержки я от Президента не получил.

Когда в 1956 году страна узнала о XX съезде, никто даже не догадывался, насколько сложная, острая и долгая борьба потребуется, чтобы покончить с тем, что было тогда названо культом личности Сталина. Когда начиналась перестройка, ее поначалу восприняли лишь как борьбу против так называемого застоя, то есть мертвящей, болотной неподвижности, а на деле — упадка во всех сферах общественной жизни, ставшего особенно очевидным в последние годы жизни Брежнева. И далеко не все сразу поняли, что это в то же время борьба против последствий сталинщины, и она либо снова захлебнется, как в свое время курс XX съезда, либо перерастет в борьбу против всей извращенной модели общества, так долго преподносившейся нам и воспринимавшейся нами как «настоящий» и даже единственно возможный социализм.

Потому неизбежно и в годы перестройки на смену первоначальному, подчас даже эйфорическому единению (кому действительно по душе застой?) вскоре пришло размежевание. А на XXVIII съезде КПСС в ряде выступлений уже прозвучала ностальгическая тоска не то что по первым шагам перестройки, а по 1983 году (андроповскому) как самому

лучшему, самому настоящему году перестройки. Отдавая должное Андропову (хотя и теневые его стороны, как заметил читатель, мне очевидны), я все-таки хотел бы призвать поклонников 1983 года к разуму.

Андропов ничего, кроме снятия с работы нескольких нечестных руководителей, а также считанных чисто административных мероприятий по укреплению дисциплины, сделать просто не успел. Напомню, при нем и, конечно, по его инициативе были выдвинуты на самые высокие посты Алиев^{II} и Романов. Председателем Совета Министров остался Тихонов, в Политбюро и Секретариате оставались Гришин, Соломенцев^{III}, Демичев^{IV}, Зимянин^V. И хотя родились надежды на перемены, ничто реально не успело измениться — ни в экономике, ни в социальной сфере, ни в культуре, ни во внешней политике. Да и по-настоящему рабочего времени у Андропова в 1983 году было всего несколько месяцев (хотя и тогда его не отпускала болезнь). Не говоря уж о том, что о более далеко идущих планах этого политического деятеля остается только гадать. Я, как уже говорилось, допускаю, что он предложил бы некоторые серьезные перемены, хотя они все равно не дотянули бы до того, в чем, как мы узнали за эти годы, нуждалось общество.

Предстояла не бодрящая прогулка, даже не легкая встряска, а мучительная переоценка ценностей, переделка себя, переделка общества и партии, политических структур и экономики, общественного сознания. Мы все, включая и инициатора перестройки, тогда еще не сознавали до конца ни трудностей предстоящих дел, ни их масштабов. Начинался новый период нашей истории и кончался предшествующий.

Период 1953–1985 годов можно рассматривать одновременно и как продолжение болезни, и как начало долгого и сверх меры трудного выздоровления нашего общества.

А. А. Собчак ХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ¹

*рассказ о рождении парламента
<Фрагменты>*

Первый Съезд народных депутатов СССР фактически начался за несколько дней до своего открытия.

¹ Печатается по: Собчак А. А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991. С. 31–32, 65–68, 188–190, 265–270.

<...>

В Москве выяснилось, что подготовка к Съезду уже идет. Нам было сказано, что сначала пройдет встреча российских депутатов с руководством партии и российским правительством.

Встреча эта произошла 23 мая в здании Совета Министров РСФСР. Вести ее должен был Председатель Президиума Верховного Совета России Виталий Воротников. Однако он продержался у микрофона лишь несколько минут: оказалось, что он, опытный аппаратчик старого закала, председательствовавший на сотнях мероприятий государственного масштаба, абсолютно не умеет управлять форумом несогласных. Он привык иметь дело с живыми автоматами, а тут, когда зал стал проявлять строптивость и посыпались незапланированные вопросы, он совершенно растерялся.

Горбачёв, увидев это, сам стал вести встречу.

Очень коротко он сказал о значении Съезда для страны, и начался вечер вопросов и ответов. Мы спрашивали — Горбачёв отвечал. Нам надо было знать его позицию: как будет проходить Съезд? Что мы станем обсуждать? Как будем решать организационные вопросы и вопросы регламента?

Первое мое общение с Горбачёвым началось с установленного в зале микрофона. Я вышел и спросил о том, как глава партии и государства представляет отношения партии и народных депутатов. Спросил потому, что не давала покоя встреча в Смольном, на которой руководитель Ленинградского обкома Юрий Соловьев¹ пытался инструктировать народных депутатов. Горбачёв ответил корректно; ни враждебности, ни раздражения в его словах не было:

— Все будет решать Съезд. Мы за вас, товарищи, решать не собираемся, а тем более оказывать давление.

При этом я физически ощутил обаяние и силу личности Горбачёва. Поддайся этому обаянию, и ты начнешь действовать, как под гипнозом. Это объяснило мне многое в фантастическом взлете Горбачёва на вершину власти.

После I Съезда пройдет год, и восприятие Горбачёвского обаяния притупится. Он и сам станет иным, менее открытым и более измученным. Да и я знаю, что мое лицо тоже изменилось за тот же год. Улыбаться и шутить я стал куда реже. Ну а Горбачёв переставал улыбаться буквально у нас на глазах.

<...>

В дни работы I Съезда произошло первое крушение устоявшегося нomenклатурного порядка. Оказалось, что решения ЦК и даже Политбюро

не всесильны. Я рассказывал уже, как верхушка партии вынуждена была спешно собраться на внеочередной Пленум, чтобы предложить новые кандидатуры взамен отвергнутых народными депутатами.

Но это был лишь первый звонок. Дальше — больше. Началось формирование союзного правительства, и стало ясно, что времена изменились. Если раньше после партийного решения новоиспеченный министр мог сдавать дела по месту прежней своей работы, теперь выяснилось, что он еще должен явиться в комиссию или в комитет Верховного Совета. Здесь мы стали очевидцами того, как буквально на глазах менялись люди.

Уже прошли баталии I Съезда, а они еще ничего не поняли. Приходили важные и недоступные, мол, развели бюрократию эти демократы, приглашают на какое-то слушание... Они искренне показывали нам свое отношение. Они нисходили к нам из своих, для многих уже протертых кресел, нисходили, повинувшись обязанности, и всем видом демонстрировали собственную занятость: «Прошу побыстрее, мне через полчаса вести совещание!»

Но начинались вопросы. И тут оказывалось, что министр не знает и того, что должен знать рядовой инженер. Да что там инженер — студент или школьник!

Незнание, как правило, сопровождалось неумением принять на себя ответственность за неблагополучие в отрасли.

Кандидат в министры уже не вспоминал о назначенном совещании. Теряя свою значимость, он оказывался вполне обычным, только очень испуганным человеком. Но и этот человек не понимал, что же наконец произошло и почему комитет или комиссия принимает совершенно абсурдное решение — не рекомендовать его на ту самую должность, которую он занимал многие годы...

Скоро выяснилось, что такая «нерекомендация» окончательна и получить пост вопреки «приговору» комитета шансов — нет. Единственным исключением стал министр путей сообщения. С третьего или четвертого захода он все же возглавил свое министерство. Но тут депутатов буквально упростили Николай Иванович Рыжков и Михаил Сергеевич Горбачёв: мол, другой кандидатуры нет и быть пока не может, вы уж уважьте...

Примерно треть претендентов была провалена. Часть — в комитетах, а часть — уже на сессии Верховного Совета. Это было вторым ударом для некомпетентных министров: дискуссии вокруг тех, кто со скрипом, но прошел через комитет и с перевесом в несколько голосов получил

рекомендацию, бывали весьма драматичными. Подчас споры переходили в столь резкую критику, что она уже принимала крайние формы.

Так было с утверждением Генерального прокурора СССР. Он прошел большинством в шесть голосов. Кстати, тогда в Кремлевском Дворце съездов еще не смонтировали машину для голосования, а «электроника на пальцах» чревата и куда большими ошибками: чью-то поднятую руку не заметили, кого-то приплюсовали дважды... Так что шесть голосов могло быть и в минусе.

Но, как бы там ни было, номенклатурный принцип назначений уже не действовал. Может быть, здесь ортодоксы номенклатуры впервые задумались, куда же идет дело. И, почуяв, что их время уходит, осознали: надо объединяться, надо всерьез бороться за собственное выживание. Да, на первой стадии они оказались неготовыми. Несколько последних десятилетий они существовали столь комфортно, что, кроме аппаратной, другой борьбы и не знали. Аппаратными способами они одержали и несколько весомых побед на I Съезде, особенно в первые его дни, когда и демократы еще не были сплочены. Тогда весомой победой ортодоксов стал ряд назначений руководителей постоянных комиссий и комитетов Верховного Совета. Иного и быть не могло: депутаты еще плохо знали, кто есть кто, и потому голосовали за тот состав комиссий и комитетов, который был предложен президиумом.

До сих пор остро помню чувство бессилия в конце одного из таких дней... Желание все бросить и просто уйти, уехать домой и никогда уже не возвращаться в этот зал...

Но я не уехал и мандат свой не сдал. Утро вечера мудренее... А утром начинался новый бой — целых восемь часов работы, восемь часов надежды. Но особенно тяжел был именно день избрания председателей постоянных комиссий и комитетов. Я выступал по каждой кандидатуре, аргументировал, почему тот не подходит на тот пост, а этот — на этот. И тем не менее все были избраны, все утверждены.

Уверен: если бы выборы проходили сегодня, многим из нынешних председателей депутаты отказали бы в доверии. Ну кто бы стал избирать заместителем Председателя Совета Союза безмолвную симпатичную казашку, которая потом за все время работы съездов и сессий не произнесет ни слова и так и останется украшением президиума? При этом в жизни она действительно очень милая и скромная женщина.

И все же те выборы стали лишь частной победой ортодоксов. Весь ход I Съезда был против номенклатуры и номенклатурности, а консерваторы

не столь глупы, чтобы этого не понимать. Консервативная оппозиция Горбачёву как раз и начала формироваться сразу после Съезда, во время сессии Верховного Совета.

До сих пор консерваторы не противостояли напрямую политике Горбачёва. Во всяком случае, в качестве сколько-нибудь сплоченной и организованной силы. Напротив, его политика их даже в чем-то устраивала, и они, понимая необходимость каких-то перемен, старались извлечь из них максимальную выгоду.

<...>

Журналисты подметили, что у всех побед Горбачёва схожий сценарий. Его победы — это взлеты после весьма ощутимых снижений, когда противникам кажется, что дело сделано и Горбачёв уже политический полутруп. Тут и следует его решительный, необыкновенно мощный бросок.

Мы не раз наблюдали подобную динамику Горбачёвской политики, и трудно сказать, что тут от искусства тактики, а что продиктовано объективной логикой борьбы. Болезнь и жалобы Брежнева западные политики тоже были склонны считать тактическими уловками: меж тем это было реальностью, и Леонид Ильич ничуть не лукавил, когда, как вспоминает Жискар д'Эстен, плакался французскому президенту в машине по пути из Шереметьева в Кремль. Другое дело, что тот счел это игрой восточного деспота.

Люди, особенно в нашей стране, привыкли к хитроумной игре властителей, их нечеловеческой логике, их нечеловеческому поведению и желаниям. Это идет от древнего сакрального представления о царе, а семь десятилетий советской власти способны были лишь укрепить мифологические структуры народного сознания.

Меж тем лидер — живой человек со своими слабостями и страстями. Горбачёв лучше других понимал, насколько серьезная ситуация возникла на Съезде 13 и 14 марта 1990 года. Я знаю, что он вынужден был прибегнуть к врачебной помощи: это не афишировалось, поскольку в такие моменты человек, находящийся на вершине власти, не должен показывать, что ему физически плохо. Иначе крах почти неизбежен. Более того — в той ситуации он не мог даже обратиться к кремлевским врачам (видимо, понимая, что его увезут в больницу) и попросил помочь одного из депутатов.

Однако ни просьба о помощи, ни каких-либо переговоров с лидерами депутатских групп он себе не позволил. И это качество заслуживает уважения. То, что происходило в кулуарах, происходило по инициативе отдельных депутатов, осознавших неизбежные следствия от неизбрания

Президента, когда президентский пост был уже учрежден. И кандидат в Президенты знал: эти люди поддерживают его не потому, что он — свет в окошке, не из уважения к списку его личных заслуг и даже не из-за того, что, как однажды сказал сам Горбачёв, на переправе не меняют коней. Повторю: большинство демократических депутатов поддерживали не столько Горбачёва, сколько идеи, которые неразрывно связывались с его именем.

Надеюсь, Горбачёв должен это понимать. Но он должен понимать и другое: это, по выражению Андрея Сахарова, «условная поддержка», а условие тут — ход самой перестройки и всего демонтажа коммунистического тоталитаризма. Жесткое условие, особенно если учесть избрание Бориса Ельцина главой российского парламента летом 1990 года. С этого момента для Горбачёва (да и для страны) начнется совершенно новый период. Декларация о российском суверенитете сегодня — политическая реальность, с которой не может не считаться и Президент СССР.

<...>

Итак, эпилог?..

Мне очень трудно дописывать эти строки к уже завершенной книге. И все-таки я вынужден это сделать.

В декабре 1990-го — январе 1991 года политическая и экономическая ситуация в стране достигла критической, кризисной отметки. И в этих условиях вместо ожидаемой стабилизации обозначился резкий поворот руководства страны вправо. С глаз общества спадает пелена надежд на улучшение жизни.

Что же произошло?

Сначала Эдуард Шеварднадзе своей отставкой прямо и мужественно предупредил страну и мир об угрозе диктатуры, а затем мы стали свидетелями попытки осуществить государственный переворот с помощью армии в Прибалтийских республиках. После того как эта попытка провалилась, натолкнувшись на решимость народов, несмотря на любые жертвы, отстаять свое право на независимость, последовали новые решения, которые лишь ухудшили экономическую ситуацию, усилили инфляционные процессы, поставили на грань остановки и закрытия тысячи промышленных предприятий.

Мысленно вернемся к марту 1990 года, когда Съезд народных депутатов СССР избирал первого Президента Союза Советских Социалистических Республик. Главным аргументом для нас, демократических депутатов, была тогда необходимость на практике отменить 6-ю статью

брежневской Конституции. И Президент был избран на Съезде, а не все-народно только потому, что депутаты понимали: размежевание функций партии и государства должно произойти как можно скорее.

Мы верили: Михаил Горбачёв в своей деятельности будет прежде всего руководствоваться интересами народа. А сохранение за ним поста генсека — всего лишь историческая необходимость конкретного временного отрезка. Ибо, если Генеральным секретарем ЦК КПСС станет Егор Лигачев, а равно кто-либо другой из партийных функционеров, — это чревато двоевластием и призраком гражданской войны.

События нескольких месяцев убеждали, что мы не ошиблись: та ожесточенная критика из уст радикал-консерваторов, которой Президент подвергался и на Учредительном съезде Российской компартии, а потом на XXVIII съезде КПСС, — факт истории.

Почему люди, аплодировавшие Лигачеву и освистывающие Горбачёва, первого сами же отправили на пенсию, а второго вновь избрали первой фигурой партии?

Партийные вожди разного калибра, составлявшие ядро обоих этих съездов, прекрасно понимали: если они провалят Горбачёва, то этим лишь укрепят перестроечные процессы и окончательно обрекут себя на скорую политическую гибель. Потому что тогда Президент станет опираться не на компартию, а на демократические силы страны, и компартия в конечном итоге уйдет с политической арены. И когда на XXVIII съезде Борис Ельцин, Гавриил Попов и автор этих строк заявили о невозможности для себя одновременно быть руководителями Советов и членами партии (любой, не только коммунистической), демократы сохраняли надежду на здравый смысл Президента.

Конструктивный диалог и соглашение Ельцина и Горбачёва в августе 1990-го, поддержка последним программы экономических реформ Шаталина — Явлинского, дававшей реальный шанс выхода из экономического кризиса, недвусмысленное признание Президентом необходимости от расплывчатых лозунгов о социалистической ориентации перейти к рынку и отказ от убогой правительственной программы такого перехода — все это настраивало общество на оптимистическую ноту. Казалось, что решительный шаг в экономике будет сделан. Ведь и Президент не мог не видеть: разрыв между политическими и экономическими преобразованиями становился уже просто опасным.

И вот в самый трудный и драматический момент окончательного выбора, когда от Президента зависело буквально все и — я в этом уверен! — гражданское мужество одного человека спасло

бы на Верховном Совете СССР программу «500 дней», именно этого мужества мы не увидели.

Сейчас трудно говорить, почему это произошло, но не секрет, чье нечеловеческое давление сломало волю руководителя страны. Имя этой силе — номенклатура. Вместо плана экономической реформы было принято нечто несуразное, вроде гибрида бегемота с крокодилом, и называлось это чудо «Основными направлениями...». Абсолютно бессодержательный и бессмысленный документ этот был «направлением в никуда» и должен был окончательно завести в тупик правительство Николая Рыжкова. Так вскоре и произошло.

Надломленный в тот решительный момент, Президент уже не мог удерживать позицию. И первыми его отступление, впрочем, больше напоминавшее бегство с поля брани, обнаружили ближайшие соратники и помощники Президента. Причем самые лучшие и верные.

Мы часто повторяли это выражение: «команда президента». Но, по сути, у Горбачёва никогда не было своей команды. Большую часть своей политической карьеры периода перестройки он вынужден был бороться с партийными функционерами уже отжившей эпохи. Эта борьба была весьма драматична: заключая вынужденные соглашения с одними, он избавлялся от других. Подчас за бортом политической лодки в результате таких маневров оказывались целые группы противников нового курса. Горбачёв умело маневрировал между рифами, действуя всегда в меньшинстве и проявляя чудеса изобретательности. Но в тот момент, когда его стали окружать по-настоящему умные, сильные, независимые и весьма компетентные люди, пользующиеся уважением всей страны, он, привыкший работать и действовать среди временщиков партийной пирамиды, не смог понять качественного изменения в своем ближайшем окружении, не смог опереться на опыт и мудрость своих соратников и советников.

Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Шаталин, Петраков... Именно они первыми увидели отступление Президента, если не сказать прямо — его откат от им же начатого дела. И они — один за другим — оставили Президента, ибо понимали, что любой компромисс возможен лишь до определенного предела. Но все они — настоящие граждане своего Отечества, а не просто лично преданные Президенту, ничего не значащие чиновники.

Преданность этих людей принципам и идеям, которые до некоего исторического момента были сутью демократических реформ, да

и сутью самого Михаила Горбачёва, реформатор, вышедший из недр партаппарата, не смог по достоинству оценить. Увы, он допустил, он позволил реакционерам организовать безнаказанную травлю своих ближайших товарищей. Было шельмование Александра Яковлева на III Съезде народных депутатов СССР, была разнузданная кампания против Эдуарда Шеварднадзе в преддверии IV Съезда... Когда армейский генерал в присутствии Президента в командирском тоне и в самых крепких выражениях изъясняется с министром иностранных дел (и, кстати, членом Политбюро), а глава государства и партии делает вид, что все так и должно быть, он сам рискует. И не думаю, чтобы Президент этого не понимал.

Все это, как мне теперь представляется, и было поворотным пунктом в политической биографии Михаила Горбачёва.

И наконец, трагической ошибкой стала попытка сохранить единство Союза с помощью военной силы в Прибалтике. История давно уже вынесла приговор такой политической практике. Помнится, когда события в Литве только начинались, где-то с год назад в перерыве партийного Пленума Егор Лигачев дал интервью корреспонденту Всесоюзного радио, сказав, что со времен Чехословакии и Афганистана руководство страны поумнело и теперь понимает: политические вопросы танками не решаются...

Но самым тягостным был отказ Президента — уже в который раз! — признать свою причастность к таким методам «политического диалога». После кровавой ночи в Вильнюсе, после штурма десантниками и сотрудниками КГБ литовского телевидения Президент заявил, что он лично ничего не знал, ни о чем не ведал.

Это его заявление вкупе с аналогичными заявлениями министра обороны и министра внутренних дел — добавим сюда и телевыступления председателя КГБ, тоже оправдывавшего расстрел мирных граждан, — произвело на весь мир самое тяжелое впечатление. Президент, который спешно перекладывает на рядовых исполнителей ответственность за действия, приведшие к столь трагическим последствиям, действия, о коих он сам не имел права не знать, нарушает президентскую присягу.

Это оттолкнуло от него не только демократов, но и военных, брошенных на усмирение независимых республик Прибалтики, а наутро узнавших, что они-де совершили это по собственной инициативе.

Для политического деятеля утрата доверия к нему равносильна смерти. Но утрата может быть разной: диктатор может потерять его в народе, но сохранить власть, если ему верит его окружение, верит стальной строй

штыков, поддерживающих его трон или президентское кресло. Но никаких шансов на продолжение политической деятельности нет у того, кому перестали верить и структуры власти, и генералы.

А именно это сегодня и происходит.

Президент так и не сумел стать настоящим Президентом своего народа, а остался Генеральным секретарем ЦК КПСС, партии, которая утратила доверие и поддержку народа, так как не смогла предложить стране реалистический выход из экономического и политического тупика, созданного ее же собственной политикой и деятельностью. Что бы ни произошло с нами дальше, народам нашей страны уже не забыть Тбилиси (апрель 1989-го), Баку (январь 1990-го), Вильнюс (январь 1991-го)...

Как установила комиссия Съезда народных депутатов СССР, Горбачёв не был причастен к бойне перед Домом правительства в Тбилиси. Но он ничего не сделал, чтобы виновные в событиях той страшной ночи были наказаны. До сих пор не показан по телевидению фильм, снятый операторами КГБ, хотя решение о таком показе принято Съездом народных депутатов СССР — высшим законодательным органом страны. Но если тогда, в апреле 1989-го, Генеральный секретарь был объектом заговора реакции, то в дальнейшем ситуация стала меняться. В Баку войска бездействовали, когда шли погромы армян, и лишь после прекращения погромов, когда бежал из города первый секретарь ЦК компартии Азербайджана и фактически власть перешла к Народному фронту, танки — тоже ночью — штурмовали столицу республики. Акция проводилась по указу Председателя Верховного Совета СССР, ну а те, кто ее исполнял, сделали все, чтобы крови было больше. Еще через год Президент оказался еще ближе к силам прошлой эпохи, силам, которые сумели перетянуть его на свою сторону.

Став заложником реакции, он перестал быть прежним демократом и реформатором. Так генсек победил Президента.

Тбилиси, Баку и Прибалтика. Эти три вехи определили и личную драму Михаила Горбачёва, и судьбу перестройки, столь блистательно им начатой в середине 1980-х.

25 января 1991 года

II. НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Р. Рейган

ЖИЗНЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ¹

<фрагменты>

Я решил не тратить время зря, пытаюсь познакомиться с новым советским лидером. Когда Джордж Буш отбыл в Москву на похороны Черненко, у него находилось мое предложение Горбачёву о встрече на высшем уровне в Соединенных Штатах. «Заверяю Вас о своем обязательстве лично участвовать в серьезных переговорах с Вами и остальными советскими руководителями, — писал я. — В этой связи я хотел бы, чтобы Вы нанесли визит в Вашингтон, как только у Вас появится такая возможность. Я отдаю себе отчет в том, что прибыть сюда немедленно Вы вряд ли сможете. Но я хочу, чтобы Вы знали, что я с нетерпением жду встречи, которая могла бы принести пользу обеим нашим странам и международному сообществу в целом».

Горбачёв ответил спустя две недели. Таким образом, он завершил первый раунд переписки между нами, которой суждено было продолжаться в течение нескольких лет, и которая насчитывает теперь значительное количество писем. Просматривая их сегодня, я понимаю, что они знаменуют собой с обеих сторон осторожное начало того, что впоследствии стало основой не только лучших взаимоотношений между нашими странами, но и дружбы между двумя людьми.

Горбачёв поблагодарил меня за то, что я послал Джорджа на похороны, и выразил меньше враждебности, чем я мог ожидать от советского лидера. Он поддержал идею встречи на высшем уровне, однако не обязательно в Вашингтоне. В общем, его письмо было обнадеживающим.

<...>

Не могу похвастаться, что я с самого начала поверил в то, что Горбачёв станет новым типом советского лидера. Напротив, как явствует из этой заметки в моем дневнике через пять недель после его назначения на пост генерального секретаря коммунистической партии, я был осторожен:

¹ Печатается по: Рейган Р. Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992. С. 609–687.

Встретился с нашим послом в Советском Союзе Артом Хартманом. Он подтвердил мою уверенность в том, что Горбачёв будет так же прямолинеен, как любой из их лидеров. Если бы он не был убежденным идеологом, Политбюро никогда бы его не избрало.

С Советами нам придется быть жесткими, как всегда, говорил я Джорджу Шульцу¹ и другим членам группы планирования Совета национальной безопасности, которые помогали мне координировать усилия по улучшению взаимоотношений с СССР, добавив, однако, что нам надо усиленно работать для установления прямых контактов между Горбачёвым и мной посредством «тихой дипломатии», — как я записал в своем дневнике, «общаться с Советами с глазу на глаз, а не на бумаге».

Ход теперь был за ним в подготовке встречи на высшем уровне. Я уже посылал ему приглашение.

<...>

Почти в это же время Джордж Шульц сказал мне, что устал и хотел бы уйти в отставку до конца лета. Я ответил, что с тех пор, как он занял пост государственного секретаря, я никогда не представлял себе, что кто-то кроме него может выполнять для меня эту работу. Хотя, добавил я, если он действительно хочет уйти, я не буду держать зла на него. Я сказал также, что он мне действительно нужен, особенно для того, чтобы участвовать в нашей новой попытке договориться с Советами. Мне кажется, я убедил его в том, что он был очень нужен мне для реализации наших планов по улучшению отношений с русскими, и как раз накануне отъезда в Женеву на встречу с Андреем Громыко Джордж согласился остаться на своем посту. Я попросил его порекомендовать Громыко рассмотреть возможность организации встречи на высшем уровне в середине ноября в Вашингтоне, и, если следующая встреча состоится, мы могли бы провести ее в Москве. Если Советы будут настаивать на проведении нашей первой встречи на нейтральной территории, я бы предложил Женеву.

На десяти страницах ответа на мое предыдущее письмо Горбачёв подтвердил мои умозаключения о том, что с ним трудно будет иметь дело, а также мое подозрение, что он разделяет многие заблуждения своих предшественников об Америке. Все же письмо Горбачёва показало, что он занялся вопросами улучшения наших отношений и уменьшения угрозы ядерной войны так же серьезно, как и я. Касаясь некоторых моих претензий по поводу советского авантюризма в Центральной Америке и других частях света, Горбачёв писал:

В отношении третьих стран мы никому не навязываем ни своей идеологии, ни своего общественного строя. И не надо нам приписывать того, чего нет. Если без дипломатических ухищрений поставить вопрос в том плане, кто способствует международному правопорядку, а кто действует в ином направлении, то получается, что именно США оказываются на стороне группировок, выступающих против законных правительств. А прямое давление на правительства, политика которых не устраивает США? Примеров и тому и другому достаточно на разных континентах...

Я много думаю над тем, как могут сложиться дела между нашими странами. И утверждаюсь в мысли, которую высказал в своем предыдущем письме: улучшение отношений между СССР и США — возможно. Объективные основания для этого есть.

Конечно, наши страны разные. Этого факта не изменить. Есть, однако, и другой факт: когда руководители обоих государств, как показывает опыт прошлого, находили в себе достаточно мудрости и реализма, чтобы преодолеть предубежденность, вызванную различием общественных систем, различием идеологий, мы успешно сотрудничали, делали немало полезного и для своих народов, и для всех других народов. Конечно, различия и разногласия оставались, но определяющим было все же наше взаимодействие. И это открывало уверенную, мирную перспективу...

Что касается утверждений, будто СССР занят своей «крупной исследовательской программой в области стратегической обороны», то, как говорят американцы, тут яблоки путают с апельсинами. Советский Союз не делает ничего, что противоречило бы Договору по ПРО, не создает ударных космических вооружений...

Господин Президент, хочу надеяться, что Вы еще раз внимательно посмотрите на проблему немилитаризации космоса, на ее взаимосвязь с решением вопроса о ядерных вооружениях, и под этим углом зрения — на перспективы женеvских переговоров...

Горбачёв предложил, чтобы обе наши страны продолжали проводить политику взаимных уступок в отношении договоров по ОСВ, включая объявление моратория на испытания ядерного оружия, запрещение распространения оружия в космосе, проведение переговоров по ограничению обычных вооружений в Центральной Европе и продолжение предложенного мною процесса оказания друг другу содействия путем рассмотрения событий глазами оппонента.

...Одним из источников напряженности в отношениях между СССР и США, — писал он далее, — является расхождение в оценках того,

что происходит в мире. Думается, что американская сторона зачастую игнорирует глубинные причины событий и не учитывает в полной мере того, что сегодня в мировой политике действуют — и самым активным образом — множество государств, каждое со своим лицом и интересами. Все это неизмеримо усложняет общую картину. Правильное понимание этого помогло бы избежать серьезных ошибок и просчетов...

Горбачёв намекал, что Советы желали бы выпутаться из войны в Афганистане, и просил нас убедить Пакистан не оказывать поддержку афганским повстанцам. Если бы мы сделали так, это был бы «положительный сигнал» со стороны США.

Кое-какое движение, — продолжал Горбачёв, — вроде бы намечается в области собственно двусторонних отношений между нашими странами. Вы, очевидно, заметили, что мы поддерживаем эту тенденцию. Однако не должно быть недопонимания насчет того, что мы не намерены и не будем вести никаких переговоров по вопросам, относящимся к правам человека в Советском Союзе. Мы, как и любое другое суверенное государство, рассматривали и будем рассматривать эти вопросы в соответствии с существующим у нас законодательством и правилами. Давайте, господин Президент, из этого и исходить, чтобы дополнительно не отягощать наши отношения. В основе развития наших связей могут лежать лишь обоюдная заинтересованность, равенство и взаимная выгода, уважение прав и законных интересов друг друга...

Как я уже говорил представителям американского конгресса, мы живем в такое время, когда люди, формирующие политику СССР и США, обязательно должны встречаться, общаться друг с другом. Если говорить в широком плане, мы за то, чтобы энергично строить мост к взаимопониманию и сотрудничеству, развивать доверие...

Горбачёв далее отметил, что он дает позитивную оценку идее организации встречи между нами.

Что касается места ее проведения, то я понимаю, что есть мотивы, по которым Вы предпочитаете, чтобы встреча состоялась в США, — отмечал он в заключение. — Но у меня есть не менее весомые мотивы, в силу которых при нынешнем состоянии советско-американских отношений этот вариант нереален.

Речь идет о важных делах международных, и нам с Вами следовало бы использовать время для поиска возможных договоренностей, которые могли бы быть приурочены к встрече. Мы со своей стороны целиком за то, чтобы так и было.

Когда Горбачёв писал это письмо, возникло новое препятствие на дороге, ведущей к улучшению американо-советских отношений. Нератифицированный, но взаимно соблюдаемый Договор ОСВ-2^{II} истекал 31 декабря, в то время как наше новое оружие, разработанное в рамках программы стратегической модернизации, должно было быть введено в строй. Если бы мы приняли его на вооружение, нам надо было бы уничтожить устаревшее оружие для того, чтобы остаться в рамках ОСВ.

Нужно ли нам было продолжать нашу политику, придерживаясь данных ограничений, даже зная, что Советы здесь нечисты на руку? Окончательное решение по этому вопросу необходимо было принять через год, в момент спуска на воду первой новой подводной лодки с ракетами «Трайидент». Если бы мы продолжали придерживаться ОСВ-2, нам было бы необходимо сдать в металлолом устаревшую подводную лодку с ракетами «Посейдон», обладавшую оружием меньшей мощности.

У меня всегда были большие сомнения по поводу договоров ОСВ. Кэп Уайнбергер^{III} разделял эту точку зрения. Поскольку он был убежден, что русские нарушают эти договоры, он хотел двигаться вперед и начать развертывание подводных лодок, оснащенных ракетами «Трайидент», но не снимать с вооружения подлодки с ракетами «Посейдон». Некоторые из моих консервативных сторонников тоже высказывали подобную точку зрения по этому поводу. Они были уверены, что Америка будет глупо выглядеть, продолжая придерживаться ограничений по договору ОСВ в ответ на обман со стороны Советов. С другой стороны, госдепартамент, кабинет министров и некоторые из наших представителей на переговорах по контролю над вооружениями говорили, что лучше для нас проявить сдержанность и остаться в рамках договоров, так как, доказывали они, мы мало что выиграем в военном отношении, поступив иначе; русские до сих пор действовали в соответствии с наиболее важными положениями договоров, которые ограничивают наступательные вооружения, и это было бы «красной тряпкой» для них и тех сил в мире, которые надеются на замедление гонки вооружений.

Хотя все мы согласились, что Советы двурушничают в отношении количественных ограничений ОСВ, мы знали, что доказать это было бы трудно перед судом общественного мнения из-за двусмысленностей в текстах договоров.

На ближайшее будущее я решил придерживаться политики внимательной и осторожной сдержанности, как это явствует из записей в моем дневнике, относящихся к июню 1985 года:

4 июня. Встреча СНБ по поводу того, что делать с положениями ОСВ-2, которые мы и Советы должны соблюдать, но которые они нарушают. В сентябре по нашему договору мы должны демонтировать ракетные установки «Посейдон». Мне снова высказали пять мнений на этот счет, и не по одному не был достигнут консенсус. Наши союзники хотят, чтобы мы продолжали соблюдать ОСВ-2. Надо решить до понедельника...

6 июня. Я принял решение по поводу ОСВ-2. Мы продолжим проявлять сдержанность в вопросах строительства ядерных вооружений. Эта сдержанность позволит нам остаться в рамках ОСВ-2, но только соразмерно сдержанности со стороны Советов и только на тот период, пока Советы будут соблюдать ОСВ-2.

10 июня. Сегодня мы сообщили конгрессу и всему миру, что намерены делать с ОСВ-2. Видимо, мое решение было верным — по крайней мере меня называют государственным деятелем и левые, и правые.

Несколькими днями позже я получил жесткое письмо от Горбачёва, в котором он критиковал размещение нами ракет «Першинг-II» и крылатых ракет в Европе, а также мою оговорку при объявлении решения придерживаться и далее положений ОСВ-2 (я оставил за собой право изменить свое решение, если мы вновь убедимся в нарушениях договора Советами).

Начну с того, — писал Горбачёв, — что изложенная Вами версия, как складывались и как обстоят дела сейчас в ключевой области советско-американских отношений — в вопросах ограничения и сокращения стратегических вооружений, — не выдерживает сопоставления с фактами...

Опасный порог переступили США тогда, когда они предпочли отбросить Протокол к Договору ОСВ-2, вместо того чтобы безотлагательно заняться, как это и было предусмотрено, решением тех вопросов, которые были в нем оговорены. Речь шла о вопросах кардинального порядка — об ограничениях и запрещениях целых классов вооружений. Не секрет, чем руководствовалась американская сторона, предпринимая этот шаг: хотела получить преимущество за счет развертывания крылатых ракет большей дальности. В результате уже сегодня приходится иметь дело с тысячами таких ракет. Тщательно выверенный баланс интересов, заложенный в основу договоренности, США вознамерились резко качнуть в свою сторону. Сейчас, я полагаю, Вы видите, что этого сделать не удалось. И у нас развертываются крылатые ракеты, которые мы предлагали запретить. Но мы готовы договориться о запрете и сейчас, если бы США, перейдя на почву реальности, согласились бы пойти на такой важный шаг.

Очевидным обходом, то есть несоблюдением, американской стороной Договора ОСВ-2, стало развертывание в Западной Европе новых ядерных средств, предназначенных для решения стратегических задач. В этом, господин Президент, мы видим попытку, используя географические факторы, получить для Соединенных Штатов по существу монополию на использование оружия в ситуации, аналога которой у нашей страны нет. Знаю, что с вашей стороны делается подчас ссылка на необходимость некоего регионального баланса. Но и тогда непонятно, почему США отказываются решить этот вопрос таким образом, чтобы в зоне Европы было установлено равновесие по ракетам средней дальности, когда у СССР было бы не больше ракет и боезарядов на них, чем имеют сейчас Англия и Франция. Такая формула не ущемляла бы ничьих интересов. А перекося за счет американских ракет в Европе уже не является балансом.

Хотелось бы, однако, чтобы у Вас было ясное понимание того, что на практике стратегический паритет между нашими странами будет сохраняться. Иной ситуации мы себе не представляем и не допустим. Вопрос, однако, в том, на каком уровне будет этот паритет — на снижающемся или на возрастающем. Мы — за первое, за снижение уровня стратегического противостояния. Ваше правительство, судя по всему, предпочитает второе, надеясь, видимо, что на каком-то этапе США все же удастся вырваться вперед. Такова суть нынешней ситуации.

Стоит ли удивляться, что переговоры у нас с вами ведутся, а процесс практического ограничения вооружений остается прерванным. Было бы, наверное, полбеды, если бы этот процесс сохранялся просто замороженным. Но даже этого нет. Программа «Звездных войн» — я должен сказать это Вам, господин Президент, — уже на нынешней стадии серьезным образом подрывает стабильность. Мы настоятельно советуем Вам свернуть, пока дело не зашло слишком далеко, эту резко дестабилизирующую и опасную программу. Если положение в этой области не будет скорректировано, то у нас не останется другого выхода, кроме как принять меры, необходимые для нашей и наших союзников безопасности.

Договор ОСВ-2 — важный элемент стратегического равновесия, и эту его функцию надо ясно понимать, равно как и то, что нельзя, по известному выражению, съедать пирог и одновременно иметь его нетронутым.

Ваш подход определяется тем, что стратегические программы, осуществляемые Соединенными Штатами, вот-вот натолкнутся на ограничения, установленные Договором ОСВ-2, и выбор делается не в пользу договора, а в пользу этих программ. И этого не отменить и не скрыть, скажу прямо, неблагоприятными попытками обвинять Советский Союз во всех смертных грехах...

Все эти бесконечные доклады о мнимых советских нарушениях и их публикация никакой полезной цели не служили и служить не могут, если руководствоваться задачей сохранения и продолжения процесса ограничения вооружений. Что там скрывать, цель тут иная: бросить тень на политику Советского Союза вообще, посеять недоверие к нему и создать искусственный предлог для форсированной бесконтрольной гонки вооружений. Все это для нас стало давно уже очевидным.

С уважением

М. Горбачёв

22 июня 1985 года.

Мы оба говорили открыто. Но мы не только разговаривали. Хотя Горбачёв отказался приехать в Вашингтон на встречу в верхах, он согласился встретиться со мной в Женеве в ноябре.

<...>

Тем временем мы стали замечать признаки и других изменений в Кремле, хотя еще не представляли себе, что они могли значить. Двумя неделями ранее по инициативе Горбачёва Андрея Громыко назначили Председателем Президиума Верховного Совета СССР, на чисто протокольную должность, которая положила конец двадцатипятилетней карьере Громыко в качестве министра иностранных дел.

Его преемником стал Эдуард Шеварднадзе, партийный деятель из советской республики Грузия, о котором мы знали относительно мало. В конце июля Джордж Шульц вылетел в Финляндию на встречу с Шеварднадзе и для подготовки предстоящей встречи в верхах. Позвонив из Хельсинки по кодированному телефону, Джордж сказал мне, что его инстинктивная реакция на нового советского министра иностранных дел позитивна: он хоть и был жестким, но менее враждебным и более предстательным, нежели Громыко.

Когда было объявлено о планах проведения встречи на высшем уровне, я дал указание сотрудникам Белого дома и кабинета министров не делать ничего, что могло бы намекнуть на наши ожидания большого прогресса на встрече в Женеве.

Джордж Шульц сказал мне: если единственное, чего удастся достигнуть, будет соглашение о новой встрече в верхах — это уже успех.

Пока я занимался этим делом, я хотел распознать Горбачёва, убедить его, что имею серьезные намерения в отношении уменьшения ядерной угрозы. «Давайте рисовать крупной кистью, чтобы не дать мелочам повлиять на ход обсуждения», — говорил я.

По мере того как события развивались, Горбачёв и я продолжали переписку со многими повторениями, так как оба хотели показать друг другу, на какой позиции стоит каждый из нас.

Вот часть письма, полученного мной от Горбачёва в сентябре 1985 года, которое обобщает советский подход к США до встречи в Женеве:

Уважаемый господин Президент!

Хотел бы высказать некоторые соображения и мысли в продолжение нашей с Вами переписки, и особенно в связи с приближающейся нашей личной встречей.

Я исхожу из того, что оба мы весьма серьезно подходим к этой встрече и тщательно к ней готовимся. Круг проблем, которые нам предстоит обсудить, уже достаточно четко обозначился. Эти проблемы одна другой важнее.

Конечно, между нашими странами существуют немалые различия, разница в подходах по целому ряду принципиальных вопросов. Все это так. Но вместе с тем реальность такова, что наши страны должны сосуществовать, нравимся мы друг другу или нет. Если бы дело дошло до военной конфронтации, это стало бы катастрофой для наших стран, для всего мира. Судя по Вашим высказываниям, господин Президент, Вы также исходите из недопустимости военного столкновения между СССР и США.

Коль скоро это так, то есть если предотвращение ядерной войны, снятие военной угрозы есть наш взаимный, причем доминирующий интерес, необходимо, как мы считаем, использовать его в качестве главного рычага, с помощью которого можно кардинальным образом изменить характер отношений между нашими странами, сделать их конструктивными, стабильными и тем самым содействовать улучшению общей обстановки в мире. Именно это центральное направление в наших отношениях и надо задействовать в оставшееся до встречи в ноябре время, на самой встрече и после нее.

Здесь, по нашему убеждению, есть немалые возможности. Моя с Вами встреча может послужить хорошим катализатором для их реализации. Как представляется, мы вполне могли бы достичь четкого взаимопонимания о недопустимости ядерной войны, о том, что в ней не может быть победителей, решительно высказаться против стремления к военному превосходству, попыток ущемить законные интересы безопасности другой стороны.

Вместе с тем мы убеждены, что взаимопонимание подобного рода должно органически сочетаться с ясно выраженным намерением сторон предпринять действия материального характера в плане ограничения и сокращения вооружений, прекращения гонки вооружений на земле и недопущения ее в космосе.

Именно такая договоренность явилась бы выражением решимости сторон действовать в направлении устранения военной угрозы. При согласии в этом главном вопросе нам, думаю, будет легче находить взаимопонимание и развязки по другим проблемам.

Какие конкретные меры необходимо иметь в виду прежде всего? Разумеется, те, которые относятся к решению комплекса вопросов, касающихся космических и ядерных вооружений. Договоренность о немилитаризации космоса — это единственный путь к самым радикальным сокращениям ядерных вооружений. Мы за то, чтобы неукоснительно идти по этому пути, и решительно настроены искать взаимоприемлемые решения. Думается, что в этой области обеим сторонам нужно действовать энергично, не откладывая решений. Хотелось бы рассчитывать, что на момент нашей с Вами встречи мы сможем иметь уже какие-то положительные результаты.

В связи с некоторыми положениями, содержащимися в Вашем письме от 27 июля с. г., замечу, что свое отношение к американской программе создания ударных космических вооружений и широкомасштабной системы противоракетной обороны мы высказывали неоднократно. Оно основывается не на эмоциях или субъективных взглядах, а на фактах и реалистических оценках. Еще раз подчеркну: реализация этой программы проблему ядерных вооружений не решит, лишь усугубит ее, причем с самыми негативными последствиями для всего процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Между тем немало можно сделать параллельными или совместными усилиями наших стран для того, чтобы притормозить и остановить гонку вооружений прежде всего на ее главном — ядерном направлении. Именно с этой, а не с какой-то иной целью нами был сделан и ряд односторонних практических шагов.

Господин Президент, и Вы и я превосходно понимаем значение, которое имеет проведение ядерных взрывов с точки зрения эффективности существующих ядерных вооружений и создания их новых видов. Соответственно, прекращение ядерных испытаний действовало бы в обратном направлении. Этим мы руководствовались, принимая решение о прекращении любых ядерных взрывов и обращаясь к США с призывом присоединиться к нам. Посмотрите на этот вопрос непредвзято. Ведь ясно, что при нынешнем уровне ядерных вооружений, имеющихся у наших стран, совместное прекращение ядерных испытаний не причинит ущерба безопасности ни одной из них.

Поэтому если есть действительное намерение вести дело к остановке гонки ядерных вооружений, то взаимный мораторий не может вызывать возражений, а польза от него была бы большая. Продолжение же ядерных

испытаний — хотя бы и в присутствии чьих-то наблюдателей — было бы не чем иным, как все той же гонкой. У США еще есть время принять правильное решение. Подумайте, как много это значило бы. И не только для советско-американских отношений.

Но мораторий на ядерные испытания — это, конечно, еще не радикальное решение проблемы предотвращения ядерной войны.

Для этого необходимо решить весь комплекс взаимосвязанных вопросов, являющихся предметом переговоров между нашими делегациями в Женеве.

Совершенно очевидно, что в конечном итоге от исхода этих переговоров в решающей степени будет зависеть, сумеем ли мы остановить гонку вооружений, решить задачу ликвидации ядерного оружия как такового. К сожалению, положение дел в Женеве вызывает серьезную тревогу.

Мы еще раз со всех сторон и очень тщательно обдумали, что можно было бы тут сделать. И хочу предложить Вам следующую формулу: стороны договариваются полностью запретить ударные космические вооружения и действительно радикально, скажем, на 50 процентов, сократить свои соответствующие ядерные вооружения.

Другими словами, мы предлагаем практическое решение задач, которые были согласованы в качестве целей женевских переговоров: будет не только прекращена гонка ядерных вооружений, но и резко сокращен уровень ядерного противостояния; одновременно будет предотвращена гонка вооружений в космосе. В результате многократно укрепитя стратегическая стабильность, существенно возрастет взаимное доверие. Такой шаг со стороны СССР и США должен будет, думается, стимулировать участие в ядерном разоружении и других держав, обладающих ядерным оружием, на значение чего Вы указывали в одном из своих писем.

Мы реально смотрим на вещи и понимаем, что столь радикальное решение потребует времени и усилий. Тем не менее мы убеждены, что решить эту задачу можно. Для этого, во-первых, нужно принципиальное совпадение политических подходов. И, во-вторых, при наличии такого совпадения важно договориться о практических мерах, способствующих достижению этих целей, включая приостановку работ по созданию ударных космических вооружений и замораживание ядерных арсеналов на их нынешних количественных уровнях при запрещении создания новых видов и типов ядерных вооружений.

Кроме того, крупными практическими мерами могли бы явиться снятие с боевого дежурства и демонтаж согласованного количества стратегических вооружений сторон, а также взаимное обязательство воздерживаться от размещения любого ядерного оружия в тех странах, где его сейчас нет,

и не наращивать запасов ядерного оружия и не заменять его на новое в тех странах, где оно размещено.

Разумеется, требует решения и вопрос о ядерных вооружениях средней дальности в Европе. Хотел бы вновь подчеркнуть: Советский Союз за его радикальное решение, при котором, как было предложено нами в Женеве, у СССР оставалось бы в европейской зоне не больше соответствующих средств, считая по боеголовкам, чем их имеется у Англии и Франции.

Предлагая практические меры по ограничению вооружений и разоружению, мы, разумеется, имеем в виду, что они должны сопровождаться соответствующими согласованными мерами контроля. В одних случаях это были бы национальные технические средства, в других, когда это действительно необходимо, — они могли бы сочетаться с процедурами двустороннего и международного характера.

Я не пытался дать исчерпывающий перечень мер по ограничению вооружений и военной разрядке. Здесь могут быть и другие меры. Мы с интересом выслушали бы предложения американской стороны на этот счет. Главное, чтобы обе стороны были готовы действовать в конструктивном направлении с целью создать полезный задел, в том числе, по возможности, и для встречи на высшем уровне.

Господин Президент, по понятным причинам я уделил особое внимание центральным проблемам, стоящим перед нашими странами. Разумеется, при этом мы не умаляем значения региональных проблем и вопросов двусторонних отношений. Я исхожу из того, что эти вопросы будут тщательно обсуждены Э. А. Шеварднадзе и Дж. Шульцем под углом зрения сближения позиций, а еще лучше — нахождения там, где это возможно, практических решений.

Мы надеемся, что в ходе бесед, которые будут у нашего министра иностранных дел с Вами и государственным секретарем, а также посредством активной работы на женевских переговорах, в Стокгольме, в Вене и путем обмена мнениями по дипломатическим каналам в остающееся до нашей с Вами встречи время удастся обеспечить такое положение, что эта встреча будет по-настоящему результативной.

Нам думается, что итоги этой подготовительной работы так же, как и результаты наших с Вами обсуждений на самой встрече, могли бы быть отражены в соответствующем совместном документе. Если Вы согласны с этим, то, полагаю, стоило бы поручить нашим министрам договориться о том, как можно было бы организовать работу над таким итоговым документом.

С уважением, М. Горбачёв

12 сентября 1985 года.

После встречи группы планирования СНБ, за несколько дней до того, как Шеварднадзе привез это письмо в Вашингтон, я сделал следующую заметку в своем дневнике: «Принимая решение, мы не стали бы торговаться по поводу нашей программы исследований — СОИ^{IV} — в обмен на обещание Советов сократить ядерное вооружение».

Кэп Уайнбергер глубоко верил, что нам надо пресекать все попытки Советов ограничить исследования в области СОИ. Наши ученые и инженеры, говорил он, достигают значительных успехов и с каждым днем приобретают все большую уверенность в том, что станет возможным решить невероятно сложную задачу засечки ракет, поднимающихся из bunkеров на земле, и их перехвата из космоса.

Кэп сказал, что его особенно злит то, что русские муссируют вопрос об исследованиях в рамках СОИ, в то время как сами они проводят подобные исследования в течение более чем двадцати лет. Хотя я целиком был согласен с Кэпом в этом, я все же иногда просил его приглушать свои публичные высказывания о Советах и одергивал, когда он пытался заставить меня разговаривать с русскими резче, чем я считал разумным в свете наших попыток улучшить отношения с ними.

Когда мы достигли согласия о проведении встречи на высшем уровне, я здраво решил смягчить тональность моей риторики, для того чтобы избежать ответной реакции Горбачёва и его критических замечаний об «империи зла».

В этот период Кэп и Джордж Шульц частенько не ладили друг с другом (как раз тогда Бэд Макфарлейн^V, который тоже имел значительные трения с Кэпом, начал собирать их вместе на еженедельных завтраках, для того чтобы сгладить противоречия) по поводу того, как вести себя с русскими, что отражает запись в моем дневнике от 11 сентября 1985 года:

...Встречался с Джорджем Шульцем на предмет встречи в верхах. Я чувствую, что, по мнению Бэда, “оборона” собирается быть несговорчивой и не хочет ничего урегулировать с Советами. Не могу с этим согласиться. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что я не откажусь от СОИ за предложение со стороны Советов ограничить вооружения... Придется вырасти до размеров нового пуленепробиваемого плаща и уехать домой.

После того как Эдуард Шеварднадзе побывал в Вашингтоне с письмом от Горбачёва, чтобы подготовиться к встрече в верхах, я потом видел его мельком в ООН в Нью-Йорке и сделал в своем дневнике следующую запись: «Он — представительный парень, но у нас были разногласия.

Моей целью было отправить его обратно к Горбачёву с посланием относительно того, что я действительно считал “сокращением вооружений”; впервые они говорили о процедуре настоящей проверки. Теперь мне надо решить, что ответить на письмо Горбачёва».

После встречи группы планирования СНБ, на которой обсуждались различные возможности 50-процентного сокращения ядерного оружия — то же предложение я сделал еще в 1983 году, — я писал: «Полагаю, что мы подрываем их пропагандистский план, предлагая встречный вариант, который подчеркивает принятие нами некоторых их цифр, как, например, 50-процентное сокращение вооружений и сохранение по 6000 боеголовок и т. д. Это очень уж похоже на то, что мы предложили раньше».

Вот выдержки из моего ответа на письмо Горбачёва, которое в значительной степени обобщает нашу позицию накануне женевской встречи:

Уважаемый господин Генеральный секретарь!

Как я говорил министру иностранных дел Шеварднадзе в Нью-Йорке 24 октября, я внимательно изучил Ваше письмо от 12 сентября. Темы, поднятые Вами, важны, мысли, изложенные Вами, во многом интересны, и мне хотелось рассмотреть их тщательно, прежде чем ответить. Многие из специфических моментов, на которых Вы останавливаетесь в своем письме, обсуждали или будут обсуждать наши делегации на женевских переговорах по контролю над вооружениями или наши министры иностранных дел. В этом письме, таким образом, я хочу сосредоточиться на наиболее важных, на мой взгляд, вопросах, которые Вы затронули.

Вы предположили в своем письме, что мы могли бы достигнуть понимания по поводу недопустимости ядерной войны и по поводу других принципов, которыми мы должны руководствоваться. Министр иностранных дел Шеварднадзе уже предложил на наше рассмотрение особый стиль разговора.

Как я неоднократно пояснял, я действительно считаю, что ядерная война не может быть выиграна и никогда не должна быть развязана. Я, по сути дела, дал распоряжение госсекретарю Шульцу обсудить данный вопрос с министром иностранных дел Шеварднадзе во время их встречи на следующей неделе. Поскольку мы затронули этот и прочие элементы, которые могут фигурировать в любом документе, подписанном нами в Женеве, я считаю важным тщательно взвешивать наши слова. Опыт прошлого показал, что небрежный или риторический язык порождал ожидания, которые, принимая во внимание состязательный аспект наших взаимоотношений, на который вы ссылаетесь в своем письме, оказывались необоснованными.

Чтобы избежать последующего недопонимания и разочарования, наши собственные позиции должны быть ясными и конкретными. Я уверен, что существует устойчивая общая почва для широкого круга тем, которые мы продолжаем обсуждать в связи с нашей предстоящей встречей, и я позволю себе надеяться, что эта общая почва может быть расширена во время нашей встречи в Женеве. Государственный секретарь Шульц будет готов конкретно обсудить все Ваши предложения во время его пребывания в Москве. Я верю, Вы убедитесь в том, что мы в самом деле готовы пройти свою часть пути для того, чтобы обеспечить продуктивность нашей встречи.

Я хочу, однако, обратиться к Вашему ответу на предложения, сделанные нами ранее в Женеве на переговорах по контролю над вооружениями, которые были предварены Вашим письмом и которые ваша делегация впоследствии вынесла на обсуждение в Женеве. Мы занимались оценкой вашего контрпредложения в течение последнего месяца. Как я заявил в своем обращении к ООН 24 октября, я полагаю, что в нем есть рациональные зерна, которые необходимо взрастить, и что в течение ближайших недель мы будем стремиться к установлению настоящего процесса взаимных уступок.

Для того чтобы дать развитие этому процессу, я одобрил новое и всеобъемлющее предложение, разработанное на основе позитивных элементов Вашего контрпредложения, для сведения воедино позиций обеих сторон. Я попросил наших представителей на переговорах продлить текущий раунд, чтобы позволить вашим экспертам достичь полного понимания нашего подхода. Новое предложение охватывает три аспекта дискуссии на женевских переговорах. Оно сводится к предложению радикального и стабилизирующего сокращения стратегических наступательных вооружений и отдельному предложению по ракетным системам среднего радиуса действия, которые объединяют американскую и советскую позиции. Мы также предлагаем, чтобы обе стороны представили заверения в том, что их стратегические оборонительные программы находятся и будут оставаться в полном соответствии с договором по ПРО. Такие заверения предполагают разрешение наших текущих разногласий в соответствии с данным договором.

В области стратегических вооружений США согласны со стремлением к 50-процентным сокращениям стратегических наступательных вооружений. Наше предложение построено на этом, причем принцип 50 процентов применяется таким образом, что обеспечивает справедливость и позволяет увеличить стабильность. В области ядерного оружия среднего радиуса действия мы также искали элементы, которые считаем сходными с нашей позицией. Хотя я твердо уверен, что лучший результат был бы достигнут при полной

ликвидации ракет средней дальности с обеих сторон, в нашем новом предложении мы также пошли вам навстречу. В области обороны и космоса нам сегодня необходимо начать разработку системы совместного перехода к повышению надежности обороны, и мы хотели бы завязать более конструктивный диалог о том, как этот переход можно осуществить с обеих сторон. Мы разработали наш подход таким образом, чтобы можно было прийти к взаимоприемлемому решению относительно радиуса действия ядерных и космических вооружений; оценить взаимозависимость между наступательными силами и обороной; обсудить те животрепещущие вопросы, которые Вы и Ваши представители на переговорах считают вопросами огромной важности для Вас. Уверен, что это новое предложение сможет создать базис для незамедлительного и настоящего прогресса в решении многочисленных и многогранных вопросов, стоящих перед нами в области ядерного и космического вооружений, и я надеюсь его обсудить с Вами в Женеве в конце месяца.

В Женеве у нас будет также возможность обсудить прочие проблемы, касающиеся наших взаимоотношений. Придется проделать большую работу, если мы будем иметь возможность достичь определенных успехов в вопросах региональных и двусторонних отношений. Надеюсь, что визит в Москву госсекретаря Шульца послужит стимулом для ускорения прогресса в течение ближайших недель.

В заключение позвольте еще раз сказать, что я жду встречи с Вами и искренне надеюсь, что мы сумеем вывести наши страны на курс меньшей конфронтации и более тесного сотрудничества в ближайшие годы. Я лично не пожалею сил, чтобы так и было.

С уважением, Рональд Рейган

31 октября 1985 года.

В начале ноября Джордж Шульц провел в Москве четырехчасовую встречу с Горбачёвым, чтобы обсудить вопросы, выдвинутые на рассмотрение в Женеве. Горбачёв, сказал он, не собирается быть покладистым. «Видимо, успехов немного, — писал я в дневнике после разговора с Джорджем по закодированному телефону из Москвы. — Горбачёв упирает на то, что мы должны поступиться СОИ. В общем, это будет история о том, как непреодолимая сила встретила с несдвигаемым объектом».

Про себя я решил: надо предложить Советам поделиться технологией СОИ. Это, думал я, должно убедить их, что она никогда не будет представлять для них опасность.

По возвращении в Вашингтон после встречи с Горбачёвым Джордж сказал, что считает его разумным человеком, уверенным в себе, с хорошим

чувством юмора и, видимо, облеченным всей полнотой власти в Советском Союзе. Но добавил, что Горбачёв, кажется, находится под влиянием антиамериканской, антикапиталистической пропаганды — помимо прочих фальшивок о нас он верил, например, что американцы ненавидят Советы и что наши производители оружия контролируют экономику и возбуждают людей антисоветской пропагандой в целях сохранения гонки вооружений.

Да, подумал я, в Женеве надо будет уединиться с ним в комнате и поговорить начистоту.

Накануне нашего вылета в Женеву я выступил с обращением к нации, в котором отметил, что мы находимся на переломном этапе истории, когда существует уникальная возможность проложить курс мира в ХХI век, и я действительно так думал.

В Женеве на встрече с Михаилом Горбачёвым я ставил своей целью начать процесс, который наши преемники и народы наших стран продолжили бы после нашего ухода. Цель Америки в Женеве, сказал я, не только избежать войны, но и укрепить мир; не только предотвратить конфронтацию, но и начать процесс уничтожения источников напряженности, ведущих к этой конфронтации; не только на бумаге изложить наши разногласия, но и признать и оценить их реалистично; вдохновить разговор не только между лидерами и дипломатами, но и между народами наших стран. «С самого начала ядерной эры каждый американский президент стремился к ограничению и окончанию опасного состязания в области ядерного вооружения. Для меня нет выше цели, чем окончательно воплотить эту мечту», — сказал я.

Отправляясь в Женеву, я также собирался следовать старой русской поговорке «Доверяй, но проверяй».

Мы покинули базу ВВС «Эндрюс» на самолете номер один ВВС США вскоре после 8 часов утра 16 ноября 1985 года. Как раз перед вылетом мы узнали, что Советы разрешили нескольким своим гражданам, состоящим в браке с американцами, воссоединиться со своими супругами в США. Одна из жен не видела своего американского мужа 11 лет. Во время некоторых моих опытов в области «тихой дипломатии» я высказал мнение, что такое решение по воссоединению разбитых семей принесло бы нам обоим пользу, и решение Советов было воспринято мною как позитивный сигнал накануне встречи.

В Женеве мы направились во временную резиденцию «Ля Мэзон де Сосур», красивую виллу на Женевском озере, которую нам предложил

принц Карим Ага-Хан и его супруга на время проведения встречи. Вид из окна, выходявшего на ухоженные парки виллы, был восхитителен.

На следующий день мы совершили поездку на виллу «Флер д'О», представлявшую собой 24-комнатное здание, где должна была состояться наша первая встреча, затем Нэнси и я прогулялись на берег озера и заглянули в лодочный домик, куда я решил пригласить Горбачёва для конфиденциальной беседы. Она согласилась, что это превосходное место для приватной встречи, которую я наметил.

Обычно на встречах в верхах настоящая работа проводится заранее дипломатами и специалистами с обеих сторон, которые, на основании указаний своих начальников, выполняют черновую работу и разрабатывают соглашения, которые должны быть подписаны на встрече, после чего высшие руководители входят и присутствуют при формальной процедуре.

Еще при Брежневe я мечтал о личной встрече с глазу на глаз с советским лидером, так как думал, что мы смогли бы принять решения, которые дипломаты наших стран не имеют возможности принять из-за отсутствия у них соответствующего разрешения. Иными словами, я полагал, что, когда высшие чины переговариваются и беседуют на встрече в верхах, а потом вдвоем выходят рука об руку и говорят: «Мы договорились о том-то», — бюрократы не смеют свести договор на нет. До Горбачёва у меня никогда не было возможности опробовать мою идею. Теперь я имел шанс.

Нэнси^{VI} и я спали неважно, так как ожидали начала встречи, но я не чувствовал себя уставшим. Кровь бурлила в жилах. Мне не терпелось начать. По сути дела, подготовка к встрече началась пятью годами раньше, когда мы начали укреплять нашу экономику, восстанавливать наш национальный дух и перестраивать оборону. Я был готов.

Утром 19 ноября я ждал Горбачёва на вилле «Флер д'О». Когда мне сообщили, что его машина прибыла, я поспешил на крыльцо и сделал несколько шагов вниз по лестнице, чтобы поприветствовать его. Он был одет в теплое пальто, на голове шляпа; я — с открытой головой и в костюме. Почему пресса отметила тот факт, что он был укутан, а я нет, — не знаю. Полагаю, это была лишь толика того огромного внимания, которое уделялось встрече, но, как бы то ни было, репортеры, которые вели счет, отдали мне предпочтение в первом раунде встречи на высшем уровне, потому что я выглядел более непринужденно. (Я сделал это непреднамеренно; в следующий раз, когда мы были на улице, я был одет в пальто — мне не хотелось лишний раз выделяться.)

Когда мы кивнули друг другу в первый раз, я вынужден был признать — как это и предсказывали Маргарет Тэтчер и премьер-министр Канады Брайан Малруни^{VII}, — что в облике Горбачёва было что-то притягательное. В его глазах и манерах чувствовалось тепло, а не холодность, граничащая с неприязнью, которую я наблюдал у большинства высших советских руководителей, с которыми до сих пор встречался.

Наше первое заседание планировалось как 15-минутный тет-а-тет, встреча для знакомства. Она продолжалась почти час, и нам удалось растопить лед, затем мы присоединились к пленарному заседанию, где каждого из нас поддерживала команда специалистов и экспертов. Я дал возможность Горбачёву выступить первым, и тот пустился в пространные рассуждения, доказывая, что у американцев нет причин не доверять Советам и что мы не должны ставить предварительных условий к нашей дискуссии. Как Джордж Шульц и предсказывал, Горбачёв сказал, что он верит, будто американские производители вооружения являются принципиальным препятствием на пути к миру с американской стороны: они, дескать, наш правящий класс, как он заявил, и это они настраивают наш народ против Советов просто потому, что хотят продать больше оружия. Затем он напустился на «мозговой центр» США, который, по его словам, занимался тем же, и высказал претензии по поводу того, что США объявили об установлении зон своего особого интереса по всему миру и в то же время нападают на СССР за то же самое.

Наконец наступил мой черед, и я провел Горбачёва через долгую историю советской агрессии, делая точные ссылки на экспансионистскую политику СССР начиная с 1917 года. Я хотел объяснить, почему свободный мир имел достаточно причин выставить охрану от советского блока. Когда мы прервались на обед, я заверил Горбачёва, что он может вновь выступить, чтобы опровергнуть меня, и он воспользовался этим, снова доказывая, что у нас не было причин относиться подозрительно к советским людям — они миролюбивые и славные граждане. Когда наступила моя очередь выступить с опровержением, я привел новые причины нашего скептицизма по отношению к Советам, как, например, нарушение Советами обещания Сталина на конференции в Ялте о том, что после второй мировой войны будут проведены свободные выборы в странах Восточной Европы.

После того как я закончил опровергать, слово взяли наши эксперты в области вооружений, образовалась пауза, и я предложил Горбачёву прогуляться вдвоем к лодочному домику, чтобы плотнуть свежего воздуха и поговорить. Я не успел закончить, а он уже выпрыгнул из своего кресла.

Огонь шумел всюду, когда мы вошли в коттедж и устроились друг против друга в удобные кресла подле очага. Я подумывал о том, чтобы нам перейти на обращение друг к другу по имени, как наша группа делает на встречах в верхах по вопросам экономики, но наши эксперты рассказали мне, что он вряд ли оценит подобный неформальный жест на нашей первой встрече, и я обратился к нему «господин генеральный секретарь».

Именно в эти первые моменты беседы у камина я сказал, что мы оба находимся в уникальной ситуации. Вот мы, сказал я, два человека, родившиеся в незаметных деревеньках, затерянных на просторах наших стран, оба были бедны и в стесненных условиях. А теперь мы лидеры наших государств и, возможно, два единственных в мире человека, которые могут довести дело до третьей мировой войны.

В то же время, продолжал я, мы, возможно, два единственных в мире человека, которые способны принести мир нашей планете.

Я сказал, что, по-моему, мы обязаны перед миром использовать возможность, предоставленную нам, для развития человеческого доверия друг к другу, которое только и может привести к настоящему миру.

Я наблюдал, как Горбачёв слушал перевод моих слов и, похоже, согласно кивнул. Продолжение нашего разговора возле ярко горящего огня убедило меня в истинности моих подозрений о том, что в головах советских руководителей глубоко укоренились некий страх и предубеждения в отношении Соединенных Штатов. Я пытался изменить данную точку зрения. После второй мировой войны, подчеркнул я, у нас была монополия на ядерное оружие, но мы не использовали его в целях агрессии или для того, чтобы распространить свое влияние, поскольку Америка не является экспансионистской страной. Мы не посягали ни на один народ или нацию, мы создали ядерное оружие только затем, чтобы воспрепятствовать советскому нападению. Потом мы стали обсуждать стратегическую оборонную инициативу. Горбачёв оказался крепким орешком, я — тоже.

Я рассказал ему, что эти научные изыскания направлены на создание неядерной обороны, что не запрещается договором по ПРО, и если это приведет к разработке антиракетной оперативной оборонной системы, это бы изменило мир.

Я сказал, что пройдут годы, пока мы выясним, имеет ли СОИ практическое значение или нет, но если имеет, США сядут за стол переговоров с другими странами, чтобы обсудить, как она должна использоваться, откроют свои лаборатории перед Советами и предложат плоды

своих исследований всем странам, чтобы весь мир смог почувствовать себя в безопасности от ядерного пожара.

Перед нами есть выбор, продолжал я переводя дух, — либо заключить соглашение о сокращении вооружений, либо продолжать гонку вооружений, «и я должен сказать вам, что если мы выберем гонку вооружений, то вы должны понять, что победителя в этой гонке не может быть, поскольку мы не позволим вам одержать над нами верх».

Через час с лишним Горбачёв и я решили, что пора нам, видимо, вновь присоединиться к остальным, и мы двинулись вверх по тропинке к основному зданию.

На половине пути, посреди автостоянки, я остановил его, так как интуиция подсказала мне, что время выбрано правильно, и пригласил Горбачёва в Вашингтон на следующую встречу в верхах.

Он не только согласился, но и пригласил меня в Москву для проведения третьей встречи. Никто из нас не упомянул об этом, когда мы снова сели за стол, но после окончания заседания, когда я сообщил членам нашей команды, что мы с Горбачёвым договорились о проведении еще двух встреч в верхах, они чуть не подпрыгнули до потолка от удивления.

<...>

На пленарном заседании с членами наших делегаций, мы снова столкнулись лоб в лоб по поводу стратегической оборонной инициативы. Горбачёв без лишних слов предположил, что, когда я предлагал поделиться нашими исследованиями по проекту СОИ и открыть наши лаборатории Советам, чтобы они могли убедиться, действительно ли СОИ не предназначена для наступательных целей, я будто бы говорил неправду.

Ни одна страна не сделала бы этого, настаивал он, судя о других на примере собственной страны. Он, казалось, был убежден, что я пытаюсь подставить ножку Советам в гонке вооружений и использовать СОИ в качестве прикрытия для возможности нанесения наступательного первого удара по Советскому Союзу. Вновь он был так же упрям, как и я, и никто из нас не сошел со своих позиций.

Когда я поднял вопрос о советском вторжении в Афганистан, Горбачёв ответил, что он лично ничего не знал об этом, пока не услышал передачу по радио, и утверждал, что это война, за которую он не несет ответственности и к которой относится без энтузиазма.

Я дал ему понять, что, каковы бы ни были ее корни, американский народ воспринимает советскую агрессию в Афганистане как пример посягательств большой страны на малую.

<...>

Во время нашей последней деловой встречи несколько ранее в тот день мы с Горбачёвым обсудили стиль совместного заявления по итогам встречи в верхах, в котором будет отмечено о нашем взаимном стремлении к 50-процентному сокращению ядерных вооружений и которое будет содержать ссылки на новые соглашения по культурному и дипломатическому обменам. Затем, как я записал в своем дневнике, «мы прервали встречу и наши команды отправились работать над заявлением. Мы вдвоем и переводчики зашли в небольшую комнату и прекратили рассказывать сказки». Он задал несколько вопросов о Голливуде, и мы обнаружили, что у нас были сходные ситуации в некоторые моменты общения со своей бюрократией. Мы разговаривали около часа с глазу на глаз, потом зашли члены наших делегаций, чтобы показать нам то, что уже было согласовано, и над чем еще предстоит поработать. Затем мы сделали перерыв, чтобы подготовиться к приему у президента Швейцарии.

Затем мы с Нэнси принимали Горбачёвых на той самой вилле, которая служила нам временным домом в Женеве. После ужина мы перешли в гостиную, чтобы поговорить за чашкой кофе. Вскоре после того, как мы сели, прибыли руководители делегаций с обеих сторон, которые работали в другом здании над заявлением, и сообщили, что у них уже голова пухнет от проблемы языка, которым должен быть написан окончательный документ. Советская сторона хотела изменить что-то, о чем ранее уже была достигнута договоренность. Джордж Шульц был сильно рассержен этими новыми изменениями. Он утверждал, что советская сторона несет ответственность за возникшую проблему, и обратился прямо к Горбачёву: «Господин генеральный секретарь. Этот человек не соблюдает договоренности, достигнутой ранее вами и президентом Рейганом, и, если мы не придем к соглашению, это будет его вина». Не моргнув и глазом, Горбачёв повернулся к своему человеку и сказал: «Делайте так, как мы говорили», — показывая тем самым, что он человек, уверенный в себе и в своей власти.

<...>

На следующий день Горбачёв и я огласили наше совместное заявление, и мы с Нэнси вернулись в Вашингтон через Брюссель, где я коротко рассказал о встрече министрам НАТО. Когда мы летели домой, я чувствовал себя хорошо: Горбачёв был жестким, твердо верил в преимущества коммунизма над капитализмом, но почти через пять лет я наконец встретил советского лидера, с которым можно разговаривать.

Тогда мне это не пришло в голову, но позже я вспомнил еще кое-что о том, каким видел Горбачёва в Женеве: ни разу во время наших частных бесед или пленарных заседаний он не выказал поддержку старой марксистско-ленинской идее о всемирном коммунистическом государстве или брежневской доктрине советского экспансионизма. Он был первым из знакомых мне советских лидеров, который не сделал этого.

Как только мы добрались домой после почти 24-часового путешествия без сна, я выступил на объединенном собрании конгресса. Я доложил, что мы положили хорошее начало улучшению наших отношений с Советами и что женевская встреча дает надежду на будущее. «Не могу сказать, что наши позиции совпали по таким фундаментальным вопросам, как идеология или национальные устремления, — сказал я, — но мы поняли друг друга лучше, а это — ключ к миру... Впереди у нас долгий путь, но мы идем в правильном направлении...»

Полагаю, воодушевленное приветствие и топот в зале палаты представителей в тот вечер, когда я сделал свой доклад по Женеве, были выражением чувств всех народов мира, которые разделяли надежду на продолжение мира в ядерный век. После я записал в своем дневнике: «Мне не оказывали такого приема с тех пор, как в меня стреляли».

Мы положили начало, но, как нам пришлось потом убедиться, такая эйфория оказалась преждевременной.

На четвертый день по возвращении из Женевы Джордж Шульц снова объявил о своем желании уйти в отставку; он явно перегорел на интенсивной работе и, по моим предположениям, все больше уставал от стычек с Кэпом Уайнбергером. Как и прежде, я ответил, что хочу, чтобы он оставался на своем посту до тех пор, пока я нахожусь в Белом доме, но не буду пытаться отговаривать его от отставки. И снова Джордж выказал свой патриотизм: вместо ухода в отставку накануне подготовки к продолжению процесса, начатого в Женеве, он заявил, что остается на посту. А в последние три года он неоднократно доказывал, что был одним из самых лучших государственных секретарей за всю историю нашей страны.

Спустя неделю после Женевы я направил Горбачёву письмо, написанное собственноручно, в котором попытался продолжить разговор, начатый с ним наедине у камина, и преодолеть его невосприятие программы СОИ. Вот это письмо:

Уважаемый Генеральный секретарь Горбачёв!

Теперь, когда мы вернулись домой и занялись решением задачи, как вести наши страны к установлению более конструктивных отношений друг

с другом, мне не хотелось бы тратить время на разъяснение моих первоначальных мыслей, касающихся наших с Вами бесед. Хотя вскоре я и направлю Вам свои подробные соображения, выраженные в более официальной форме, вот несколько положений, которые мне хотелось бы изложить в неофициальном, личном порядке.

Прежде всего хочу, чтобы Вы знали, что я расцениваю наши встречи чрезвычайно высоко. Мы договорились высказываться честно и открыто, и так оно и было. В итоге я уехал с женеvской встречи с лучшим пониманием Вашего подхода. Надеюсь, Вы тоже стали понимать меня лучше. Само собой разумеется, во многом мы по-прежнему расходимся, и расходимся довольно основательно. Но, если я понимаю Вас правильно, Вы тоже преисполнены решимости предпринимать шаги к тому, чтобы наши народы строили свои отношения на мирной основе. Если это так, то это по меньшей мере один из пунктов, по которому мы находимся в полном согласии, но зато в конечном счете самый важный пункт из всех.

Что касается наших существенных разногласий, то позвольте мне высказать одно-два из моих собственных соображений на этот счет.

В вопросе стратегической обороны и ее влияния на сокращение наступательных ядерных вооружений я был озадачен Вашим предубеждением, что американская программа каким-то образом предназначена для достижения стратегического преимущества или даже для того, чтобы иметь возможность нанести первый удар. Я заметил также Вашу озабоченность тем, как бы под видом исследований и испытаний оружия по программе СОИ не оказались бы разработаны и размещены в космосе наступательные вооружения.

Как я сказал Вам, Ваше беспокойство не имеет под собой оснований. Но я могу понять, и Вы разъясняли мне это весьма красноречиво, что есть такие вопросы, которые нельзя принимать на веру. Согласен, что мы оба обязаны знать, что делает другая сторона, и рассматривать ее мероприятия с точки зрения безопасности своей страны. Я не прошу Вас принимать мои заявления на веру.

И все же правда заключается в том, что у Соединенных Штатов нет намерений использовать программу СОИ для получения каких-то преимуществ и мы не ведем никаких работ по созданию оружия для размещения в космосе.

Наша цель состоит в том, чтобы пресечь любую возможность другой стороны нанести первый удар. Дело обстоит таким образом, что мы могли бы найти практический путь, чтобы устранить выраженное Вами беспокойство.

Так, например, не могли бы участники наших переговоров, когда они вновь возобновятся в январе, честно и конкретно обсудить, какую сторону будущих разработок каждая из сторон сочла бы угрожающей? Похоже, что никто из нас не желает, чтобы наступательные вооружения, особенно оружие массового уничтожения, развертывались бы в космосе. Почему бы нам в таком случае не попробовать определить, какие типы систем обладают таким потенциалом, а затем не попытаться найти поддающиеся проверке способы, чтобы предотвратить их дальнейшую разработку?

А разве не могут участники переговоров подойти более честно и открыто к вопросу о том, как устранить у обеих сторон саму потенциальную возможность нанесения первого удара? В этой сфере у вашей стороны сейчас военное превосходство — тройное превосходство в боеголовках, что позволяет уничтожать даже сильно укрепленные объекты почти внезапно. Совершенно очевидно, что это тревожит нас и во многом объясняет, почему мы предпринимаем усилия по модернизации своей программы.

Возможно, Вы ощущаете, что США обладают некоторым превосходством в других сферах. Если это так, то давайте дадим своим делегатам на переговорах указание рассмотреть эти вопросы и отыскать пути усиления безопасности обеих наших стран посредством соглашения о соответствующем сбалансированном сокращении. Если Вы столь же искренне, сколь и я, не стремитесь к достижению или сохранению односторонних преимуществ, то мы найдем решение и этих проблем.

Что касается других ключевых проблем, обсуждавшихся нами, например, проблем региональных конфликтов, то могу заверить Вас, что Соединенные Штаты не считают, будто Советский Союз является причиной всех бедствий современного мира. Но все же мы полагаем, что ваша страна извлекает выгоду из локальных конфликтов и напряженности и даже усиливает их путем поставок оружия и прямого вмешательства в борьбу, возникающую по причинам местного характера. Несмотря на то что мы оба будем, без всякого сомнения, продолжать поддерживать своих друзей, мы должны находить пути к этому без применения вооруженной силы. Вот суть того, что я пытаюсь доказать.

Одним из наиболее важных шагов по уменьшению напряженности в мире — и напряженности в американо-советских отношениях — могло бы стать решение с Вашей стороны о выводе ваших войск из Афганистана. Я внимательнейшим образом изучил Ваши разъяснения по данной проблеме, сделанные в Женеве, и меня обнадежило Ваше заявление о том, что Вы полагаете возможным политическое примирение.

Я хочу, чтобы Вы знали, что я готов сотрудничать любым приемлемым путем, чтобы обеспечить такой вывод, и что я понимаю, что вывод должен произойти таким образом, который не нанес бы ущерба безопасности Советского Союза. Во время нашей встречи я высказал идею, которая, как я думаю, может оказаться полезной, и я с готовностью восприму любые другие предложения, имеющиеся у Вас.

Таковы только два вопроса из ряда ключевых, стоящих на повестке дня. Вскоре я направлю некоторые соображения по другим вопросам. Считаю, что мы должны действовать быстро, чтобы ускорить продвижение, начало которому было положено на нашей встрече.

Я считаю, что наши переговоры один на один в Женеве оказались особенно полезными. У нас обоих имеются советники и помощники, но, как Вам известно, ответственность за сохранение мира и развитие сотрудничества лежит в конечном счете на нас. Наши народы считают нас лидерами, и никто, кроме нас, не возглавит их. Но наше лидерство не будет эффективным, если мы не возвысимся над частными, но второстепенными вопросами, которыми столь загружены наши соответствующие чиновники, и не придадим нашим обоим правительствам сильный толчок в верном направлении.

В заключение хочу сказать, что нам следует посвятить все свое время перед нашей новой встречей поискам конкретных и важных мер, которые придали бы смысл нашим обязательствам относительно мира и сокращения вооружений. Почему бы нам не поставить перед собой цель — пока лишь в личном порядке, только для нас обоих — отыскать практический путь решения важнейших проблем (а две из них я уже упомянул) до нашей предстоящей встречи в Вашингтоне?

Передайте, пожалуйста, привет от Нэнси и меня лично госпоже Горбачёвой. Мы были искренне рады встречаться с Вами в Женеве и с нетерпением ожидаем Вас с супругой в нашей стране в следующем году.

Искренне Ваш, Рональд Рейган

28 ноября 1985 года.

<...>

В своем ответе на мое письмо от 28 ноября, полученном накануне Рождества, Горбачёв сообщил, что ценит личную и рукописную форму моего обращения и что он рад тому, что в Женеве нам удалось «преодолеть серьезный психологический барьер, который долгое время мешал наладить диалог, достойный руководителей СССР и США».

У меня такое чувство, — пишет он, — что сейчас мы с Вами можем оставить в стороне формальности и заняться сутью дела — определить

конкретную повестку дня для обсуждения на ближайшие годы, руководствуясь нашей договоренностью, выправить советско-американские отношения... Согласен с тем, что Вы сказали: никто, кроме нас, в конечном счете обеспечить этого не сможет.

После этих слов он стал разъяснять, почему его страна не может воспринять «ударные космические вооружения» — стратегическую оборонную инициативу, — что, по моему разумению, звучало весьма неубедительно.

Он заявил, что советская оппозиция продиктована тем, что вооружения этого класса в силу своей специфики могут быть использованы и в оборонительных, и в наступательных целях.

Вы говорите, господин Президент, — писал Горбачёв, — что у США нет намерений использовать программу СОИ для получения военного преимущества.

Я не ставлю под сомнение, что лично у Вас таких намерений действительно может и не быть. Но согласитесь, что обязанностью руководства одной стороны является оценивать действия другой в области создания новых видов оружия не по намерениям, а по тем потенциальным возможностям, которые могут быть получены в результате создания этого оружия.

Рассматривая программу СОИ с такой позиции, советское руководство неизменно приходит к одному выводу: в нынешних реальных условиях «космический щит» может понадобиться только той стороне, которая готовит первый (обезоруживающий) удар. Для стороны, которая не исходит из такой концепции, в подобной системе оружия необходимости не должно возникать.

Ведь космические ударные вооружения — это универсальное оружие. Создаваемые в США ударные космические средства — это дальнобойные (с дальностью в несколько тысяч миль и с высокой поражающей мощностью) средства направленной энергии и кинетическое оружие. Они способны — это подтверждают ваши и наши специалисты и ученые — в кратчайшие сроки в массовом количестве и избирательно уничтожать удаленные на тысячи миль объекты как в космосе, так и из космоса. Подчеркиваю, на тысячи миль.

Каким, например, считать космическое оружие одной стороны, которое обладает способностью в кратчайшие сроки, измеряемые минутами, уничтожить центры управления космическими средствами, космические аппараты контроля, навигации, связи и т. д. другой стороны?

Далее Горбачёв писал:

По существу, применение этого оружия может быть рассчитано только на то, чтобы «ослепить», захватить другую сторону врасплох, лишить ее

возможности ответа на ядерное нападение. К тому же, будь это оружие создано, сразу же начинается его совершенствование, придание ему еще более высоких боевых характеристик. Такова закономерность развития любого оружия.

Как же в такой ситуации, господин Президент, должен действовать Советский Союз? Хочу повторить то, что я уже говорил Вам в Женеве. СССР не может просто пойти и не пойдет, в условиях реализации в США программы СОИ, на сокращение ядерных вооружений в ущерб своей безопасности. Волей-неволей мы будем вынуждены развивать и совершенствовать стратегические ядерные силы, повышать их способность к нейтрализации американского «космического щита». Одновременно нам пришлось бы также создавать свои космические вооружения, в том числе и в целях противоракетной обороны страны. Видимо, США в свою очередь предприняли бы какие-то шаги. В итоге мы так и не вырвемся из порочного круга мер и контрмер, из водоворота все ускоряющейся гонки вооружений. Финал такого противоборства для наших народов и всего человечества непредсказуем.

Уверен, единственно разумный выход — не делать этого. Со всех точек зрения правильный путь для наших стран — переговоры о предотвращении гонки вооружений в космосе и прекращении ее на земле. Причем договариваться необходимо на равных, на взаимоприемлемых условиях.

Выступая против программы СОИ, Горбачёв в то же время ставил под сомнение мою точку зрения относительно огромного арсенала межконтинентальных баллистических ракет, дающего Советам преимущество в гонке ядерного вооружения. Американские ракеты «Трайидент», запускаемые с подводных лодок, сказал он, позволяют США нанести внезапный удар по Советскому Союзу в более короткие сроки, чем при запуске ракет наземного базирования. Следовательно, они представляют для Советского Союза угрозу большую, нежели советские ракеты для Соединенных Штатов. Он также спрашивал:

А разве мы можем рассматривать иначе как средство первого удара развернутые в Европе ракеты «Першинг-II» с их высокой точностью и малым временем подлета к целям на территории СССР?

Прошу простить меня, что я занялся этими техническими деталями в личном письме такого рода. Но ведь это жизненно важные обстоятельства, и обойти их просто невозможно.

Поверьте, господин Президент, что у нас реальная и весьма серьезная озабоченность по поводу ядерных средств США. Вы говорите о взаимных

озабоченностях. Решить этот вопрос можно только через рассмотрение и учет всей совокупности соответствующих ядерных средств сторон.

Затем Горбачёв высказался по поводу, как я их назвал, «региональных конфликтов», то есть смягченного выражения советских авантур в странах «третьего мира». Давайте, писал он, посмотрим на «мир, какой он есть»...

Помощь оказываем и мы, и вы. Зачем применять тут двойной стандарт, утверждать, что советская помощь — это источник напряженности, а американская — благодеяние? Давайте лучше руководствоваться в этом деле объективными критериями. Советский Союз помогает законным правительствам, которые обращаются к нему потому, что они подверглись и подвергаются вооруженному вмешательству извне.

А США — таковы факты — инспирируют выступления против правительств, поддерживают, снабжают оружием антиобщественные, по сути, террористические группировки. Объективно глядя на дело, именно такие действия, вмешательство извне и создают региональную напряженность, конфликтные ситуации. Не будет таких действий — и, уверен, напряженность пойдет на спад, а перспективы политического урегулирования станут намного лучше и реальнее.

К сожалению, развитие пока идет в другом направлении. Возьмите, например, беспрецедентное давление и угрозы, которым подвергается законное, избранное народом в ходе свободных выборов правительство Никарагуа.

Буду откровенен: то, что делается Соединенными Штатами в последнее время, настораживает. Похоже, что крен делается как раз в сторону дальнейшего обострения региональных проблем. Подобный подход не облегчает нахождение общего языка, затрудняет поиски политических решений.

Что касается Афганистана, то складывается впечатление, что американская сторона намеренно не замечает «открытую дверь», ведущую к политическому урегулированию. Сейчас есть и рабочая формула такого урегулирования. Важно не мешать ведущимся переговорам, а оказать им содействие. Тогда справедливое урегулирование определенно будет найдено.

Господин Президент, я хотел бы, чтобы Вы отнеслись к моему письму как к еще одной нашей «беседе у камина». Мне искренне хотелось бы не только сохранить настрой наших женевских встреч, но и пойти дальше в развитии нашего с Вами диалога. На переписку с Вами я смотрю как на важнейший канал подготовки нашей встречи в Вашингтоне.

До Нового года остается совсем немного, и я хотел бы передать Вам и Вашей супруге наши самые теплые пожелания.

С уважением, М. Горбачёв

24 декабря 1985 года

Спустя несколько дней после Нового года Джордж Шульц и посол Добрынин^{VIII} приступили к обсуждению деталей следующей встречи на высшем уровне, и мы направили Горбачёву приглашение приехать в Вашингтон в конце июня.

<...>

Через четыре дня Горбачёв прислал мне новое письмо. За несколько часов до его получения мною он огласил в Москве его содержание. (За три недели до этого он писал мне, что ценит неофициальную форму нашей конфиденциальной переписки.) Это последнее письмо было явно рассчитано на пропаганду.

Он писал, что Советский Союз намеревается ликвидировать все ракеты средней и меньшей дальности в Европе, явно пытаясь представить это как советскую инициативу, в то время как на самом деле я еще в 1982 году предлагал применить в отношении ракет средней дальности, размещенных в Европе, «нулевой вариант». Он предложил также ввести мораторий на испытания ядерного оружия и призвал к ликвидации всех видов ядерного оружия обеими сторонами к концу 1999 года, но только при условии, что Соединенные Штаты откажутся от «создания, испытаний и развертывания ударных космических вооружений», — явный намек на СОИ.

Это был очевидный пропагандистский трюк, но мы не могли просто так проигнорировать его.

Горбачёв неожиданно выдвигает план сокращения вооружений, который избавит мир от ядерного оружия к 2000 году, — записал я в своем дневнике 15 января. — Конечно, у него в этом письме содержится парочка-другая дельных предложений, над которыми стоит поработать. Но нет ни малейшего сомнения в том, что в целом это чертовски хитроумная пропагандистская уловка. Нам с трудом придется объяснять, почему мы отвергаем его предложения.

Лишь спустя несколько дней я сделал новую запись в дневнике:

В Овальный кабинет, предназначенный для работы сотрудников и заседаний СНБ, ввели пятерых афганских детей. Они были совсем маленькие дети. Но все они пострадали от советских бомбежек. Маленькая девочка

с безнадежно изуродованным лицом. Трое детей, каждый без руки, и один ребенок без ноги. Я послал бы их фотографию генеральному секретарю Горбачёву.

Хотя я и был согласен с целями, изложенными в предложениях Горбачёва, прежде чем мы смогли бы выработать соглашение, равноправное, доступное контролю и без лазеек в обеспечении нашей безопасности, предстояло разрешить очень большие проблемы.

Большие проблемы в достижении соглашения возникли не только из-за разницы между огромными советскими силами ракет наземного базирования и нашей триадой — ударными ракетами наземного, морского и воздушного базирования, — но и из-за обычных вооруженных сил стран Варшавского Договора, размещенных в Европе, значительно превосходящих аналогичные силы стран НАТО. Проблема возникла также из-за французских и английских ядерных ракет, которые Советы считали угрозой для себя, но по которым у нас не было полномочий вести переговоры по их сокращению. Проблему представляли также советские ракеты средней дальности, размещенные в Азии и оттуда нацеленные на Европу.

Наконец, хотя я и желал по-настоящему обеспечивающего безопасность и контролируемого американо-советского соглашения, ликвидирующего к 2000 году ядерное оружие, но что делать с приверженцами Каддафи по всему миру или с фанатиком, который держит палец на пушковой кнопке атомной бомбы?

Программа СОИ, если ее осуществить, дала бы нам нужную гарантию даже после запрещения ядерного оружия. И в этом, решил я, Горбачёв столкнулся с непреодолимым препятствием.

Вот отрывок из моей дневниковой записи от 4 февраля 1986 года:

Группа планирования СНБ обсуждала в Ситуационной комнате предложение Горбачёва о ликвидации ядерного оружия. Некоторые хотели представить его как трюк, рассчитанный на публику. Я сказал «нет». Давайте ответим, что мы в целом разделяем изложенные цели, но сейчас хотели бы проработать детали. Если это предложение — пропагандистский трюк, то детали выявят это. Я предложил также объявить, что мы и впредь будем разрабатывать программу СОИ, а если исследования покажут, что защита от ракет возможна, то мы будем работать над тем, как использовать программу для защиты всего мира, а не только одних нас.

Спустя два дня я направил Горбачёву другое письмо, написанное от руки. В нем содержался ответ как на его послание от 24 декабря, так и на предложение от 14 января. Упрекнув его в том, что он огласил свое письмо, адресованное мне, я далее выразил свое удовлетворение, что мы приближаемся к общему пониманию проблемы ракет средней дальности, и надежду на то, что оставшиеся проблемы, касающиеся контроля за соглашением о ракетах средней дальности, могут быть вскоре доработаны. Я писал также, что согласен с ним в том, что решения должны приниматься не на основе взаимных заверений или намерений, а на основе трезвой оценки возможностей обеих сторон.

И все же мне непонятны причины, — писал я, — Вашего вывода о том, что только страна, готовящаяся к нанесению первого упреждающего удара, заинтересована в обороне против баллистических ракет. Если такая оборона окажется в будущем осуществимой, она сможет облегчить дальнейшее сокращение ядерного оружия, порождая чувство уверенности, что национальная безопасность может быть обеспечена и без ядерного оружия.

Конечно, как я уже говорил ранее, я допускаю, что, добавляя оборонительные системы к арсеналу, и без того перенасыщенному оружием, обладающим возможностями нанесения упреждающего первого удара, можно, при известных условиях, дестабилизировать обстановку. Вот поэтому-то мы и предлагаем, чтобы обе стороны сосредоточились бы в первую очередь на сокращении такого оружия, которое может нанести упреждающий первый удар. Несомненно и то, что если у наших стран не будет оружия для нанесения первого удара, то нечего и опасаться, что для такого удара можно применить противоракетную оборону.

Мне непонятно также, почему Вы называете ударные космические вооружения «оружием двойного назначения». Как я понимаю, виды направляемой энергии и кинетические устройства, которые испытываются обеими нашими странами в целях обороны от баллистических ракет, потенциально самое эффективное оружие против отдельных мелких целей, летящих в космосе на большой высоте. Они плохо подходили бы в качестве оружия массового уничтожения на земле. Если бы планировалось поразить наземную цель из космоса, то вряд ли было бы целесообразно прибегать к такой дорогой взвешенной технике. Ее поражающая сила никогда даже не приблизится к разрушительной силе ядерного оружия, находящегося сейчас в наших руках. Ядерное оружие — вот подлинная проблема!

Господин Генеральный секретарь. В духе искренности, весьма важной для эффективной переписки, мне хотелось бы добавить еще одно соображение. Вы часто говорите об ударных космических вооружениях, а Ваши представители определяют их как оружие, которое может поражать цели в космосе с земли и из атмосферы, и в то же время как оружие, выведенное в космос и могущее поражать оттуда цели в космосе и на земле.

Какая страна обладает таким оружием? Ответ лишь один — Советский Союз. Ваша система ПРО, развернутая вокруг Москвы, в состоянии поражать цели, находящиеся выше атмосферы, и она уже испытывалась в этом качестве.

Ваше орбитальное противоспутниковое оружие создано, чтобы уничтожать спутники. Более того, Советский Союз приступил к научно-исследовательским работам в области обороны по использованию пучков направляемой энергии раньше, чем Соединенные Штаты, и, похоже, преуспел в исследованиях (между прочим, некоторые испытания уже вышли за стены лабораторий) лазеров и других видов направляемой энергии. Я не ставлю это в упрек и не собираюсь заявлять, что такая деятельность ведется в нарушение соглашений, но если бы мы последовали Вашим логическим рассуждениям насчет того, что Вы говорите, будто ударные космические вооружения разрабатываются страной, планирующей первый удар, то к чему бы мы пришли?

Мы видим, что Советский Союз выделяет огромные ресурсы на систему обороны, и эти усилия предприняты им на много лет раньше нас, и мы видим также, что Советский Союз создал свое контрсиловое оружие, числом во много раз превосходящее наше аналогичное оружие. Если бы единственной причиной разработки оборонительных вооружений была бы возможность нанесения упреждающего первого удара, тогда, видимо, мы должны были бы проявлять больше беспокойства, нежели проявляли его до сих пор.

Мы проявляем беспокойство и даже очень сильное, но не потому, что вы разрабатываете и, в отличие от нас, развертываете оборонительное оружие, мы проявляем беспокойство по поводу того, что Советский Союз по каким-то причинам предпочел размещать гораздо больше оружия, способного наносить упреждающий первый удар, нежели Соединенные Штаты. Видимо, тому имеются какие-то причины, а не только попытки добиться преимущества первого удара, но и мы должны оценивать прежде всего возможности, а не намерения, и мы убеждены, что Вы в этой сфере обладаете преимуществом.

Честно говоря, господин Генеральный секретарь, Вас неверно информируют, если ваши специалисты утверждают, будто ракеты «Трайидент», установленные на подводных лодках, могут уничтожать укрепленные шахты для запуска ракет. А вот ваши ракеты «СС-18» это могут. Современные ракеты «Трайидент» не приспособлены для такой роли, их можно использовать лишь для ответного удара. Нельзя применить в качестве потенциального упреждающего ядерного оружия и ракеты «Першинг-II», они не могут даже достичь места базирования большинства советских ракет стратегического назначения. Их короткое время подлета незначительно отличается от времени подлета более совершенных и более многочисленных советских ракет «СС-20», нацеленных на наших европейских союзников, которых мы поклялись оборонять и большинство которых не имеют своего ядерного оружия.

У наших вооруженных сил очень ограниченные возможности поражать советские ракетные установки, укрытые в шахтах. Мы работаем над повышением этих возможностей просто потому, что не можем смириться с ситуацией, при которой Советский Союз обладает столь явным превосходством в контрсилowych вооружениях.

Даже если бы мы завершили все свои планы по размещению космического оружия при отсутствии соглашения по его ограничению, то все равно по количеству оно не сравнялось бы с советскими вооружениями, способными наносить первый удар.

Мне известно, что специалисты расходятся в некоторых оценках, поэтому давайте устроим им встречу, чтобы они обсудили бы свои невыясненные вопросы. Честное обсуждение соответствующих оценок и аргументов, возможно, прояснит эти недоразумения, не основанные на фактах.

В конечном счете мы оба согласились в принципе на пятидесятипроцентное сокращение ядерного оружия. Проведение этого соглашения в жизнь является, конечно же, первоочередной задачей участников наших переговоров, проходящих в Женеве.

Позвольте мне подчеркнуть еще раз, что мы хотим сократить свои системы оружия, которые Советский Союз считает угрожающими, пока Советский Союз будет сокращать свои системы оружия, представляющие особую угрозу для Соединенных Штатов и их союзников.

Что касается оборонительных систем, считаю необходимым повторить то, что уже писал Вам ранее: если Вы опасаетесь, что эти системы могут быть использованы в целях стратегии первого удара или в качестве прикрытия для размещения в космосе оружия массового уничтожения, в таком случае нужно находить пути предотвращения таких возможностей.

Само собой разумеется, что я имею в виду не общие заверения, а конкретные контролируемые средства, на которые могут положиться обе стороны с целью избежать подобные непредусмотренные варианты. Не являются эти варианты и частью стратегии США, и они не планируются. Я искренне верю, что мы можем найти решение этой проблемы, если подойдем к ней практически, а не втягиваясь в обсуждение общих положений. К нашей следующей встрече я больше всего хотел бы найти приемлемый путь решения этой проблемы. Но считаю, что это достижимо при двух предварительных условиях: ускорить переговоры по достижению соглашения о сокращении наступательных вооружений на 50 процентов и обсудить конкретные пути предотвращения использования любых будущих разработок оборонительных систем в качестве маскировки стратегии первого удара или в качестве стационарного оружия массового уничтожения, размещенного в космосе. Помимо этих широких проблем, я считаю, что недавно выдвинутые предложения приближают достижение соглашения по ракетам средней дальности. Есть также предложения по ряду других вопросов.

Что касается региональных конфликтов, то, как мне представляется, наши соответствующие анализы положения дел не совпадают. По моему мнению, мало проку в продолжении обсуждения проблем, по которым мы непременно разойдемся. Предлагаю просто взглянуть на текущие события в прагматическом плане. Думается, нам станут очевидными два непреложных факта. Советский Союз ведет войну в чужой стране, а Соединенные Штаты не ведут. Более того, вряд ли эта война дает Советскому Союзу какие-то выгоды, но почему все же она продолжается? Конечно же, не Соединенные Штаты тому причина. Даже если бы мы захотели, не в нашей власти заставить тысячи людей обратить оружие против хорошо подготовленной иностранной армии, оснащенной самым современным оружием. И ни мы, и никакая другая держава, кроме самого Советского Союза, не в силах прекратить эту войну. А кто осмелится сказать народу другой страны, чтобы он не сражался за свою родину, независимость и национальное достоинство? Надеюсь, что дверь к справедливому урегулированию не закрыта. Само собой разумеется, что мы поддерживаем Вас в этом процессе, и надеемся, что он примет практический и реалистический оборот.

Тем не менее 1985 год отмечен усилением конфликта. Надеюсь, что впоследствии этого не будет. Если Вы действительно хотите уйти из Афганистана, то можете рассчитывать на мое сотрудничество в любой приемлемой форме. У нас нет никакого желания использовать вывод советских войск из Афганистана в ущерб советским интересам. Но военные

действия в Афганистане можно прекратить только путем вывода советских войск, возвращения в страну афганских беженцев и восстановления подлинно суверенного, не-присоединившегося государства. Такой исход оказал бы немедленное положительное воздействие на американо-советские отношения и расчистил бы путь прогрессу во многих других сферах...

Проблемы вооруженного участия сверхдержавы в локальных конфликтах не ограничиваются одним Афганистаном. Недавние акции Советского Союза очень нас удручают. Как нам быть с вашей чрезвычайно усилившейся военной поддержкой местного диктатора, объявившего террористическую войну большинству стран мира и Соединенным Штатам в частности? (Я имею в виду Каддафи, чья вина за взрывы в аэропортах Рима и Вены нами только что установлена.) Как прикажете всерьез воспринимать советские заявления об осуждении терроризма, когда сталкиваешься с таким действием? А что еще более важно: должны ли мы делать вывод, что Советский Союз настолько безрассудно пытается расширить в мире свое влияние, что жертвует своим престижем (и даже жизнями своих граждан) ради прихотей умственно неуравновешенного местного деспота?

Вы выдвигаете против политики США обвинения, которые я не могу принять. Я не собираюсь, однако, дискутировать по этому поводу, а хочу найти выход из положения, при котором один из нас оказывается вовлеченным, прямо или косвенно, в военный конфликт, а затем провоцирует реакцию другого, чтобы конфликт местного значения перерос бы в конфронтацию СССР — США.

Как я уже сказал, считаю, что именно Советский Союз без всякого стеснения поступал таким образом, а теперь сваливает все это на Соединенные Штаты. Нет никакой необходимости заключать соглашение, в котором было бы зафиксировано, кто виноват. Вместо этого мы должны найти путь к прекращению вооруженного участия, прямого или косвенного, обеих наших стран в этих конфликтах и избегать расширения такого участия...

Такова цель моего предложения, выдвинутого в октябре прошлого года, и я хочу призвать все стороны, участвующие в конфликте, к поискам политических решений, в то время как обе наши страны поддерживали бы этот процесс, обязавшись прекратить поставки вооружения и военных материалов в район, охваченный конфликтом.

Налицо немало моментов, по которым мы пока расходимся, а по некоторым из них, возможно, никогда не добьемся соглашения. Тем не менее я твердо убежден, что основные проблемы могут быть решены, если мы пойдем к ним должным образом.

Я чувствую, что мы мало-помалу находим дополнительные пункты, по которым можем найти согласие, и надеюсь, что, сосредоточившись на практических решениях, мы сможем придать процессу еще больший импульс.

Полагаю, что мы должны ускорить процесс переговоров, когда они возобновятся, и надеюсь, что Вы поручите своей делегации в Женеве, как я уже поручил своей, засучить рукава и серьезно взяться за работу.

Когда Вы публично огласили предложения, содержащиеся в Вашем письме от 14 января, я в своем заявлении приветствовал их. Мы вскоре закончим изучение этого письма, и я конкретно отвечу на каждое отдельное предложение, выдвинутое Вами в нем.

Нэнси присоединяется ко мне, и мы передаем наши наилучшие пожелания Вам и Вашей супруге.

Искренне Ваш, Рональд Рейган

6 февраля 1986 года.

Через две недели, на Президентский день, когда Нэнси уехала выступать в Техас, я вновь направил Горбачёву письмо, написанное от руки на семи страницах. В нем содержался ряд новых предложений, которые, как я надеялся, реанимируют женевские переговоры, а также ответ на его предложения. Ниже приводятся отрывки из этого письма:

Меня радует, что Вы предложили предпринять шаги, ведущие к миру, свободному от ядерного оружия, хотя мое представление необходимых шагов отличается от Вашего в определенных аспектах. Тем не менее, соглашаясь с главной целью и с необходимостью предпринять конкретные шаги для ее достижения, нам было бы легче преодолеть разногласия в наших подходах на то, каковы должны быть эти шаги. Безусловно, очень важны первые шаги в этом процессе, поэтому, по моему мнению, мы должны сосредоточиться на согласованной выработке этих шагов. Конечно же, если мы стремимся продвигаться к миру, в котором возможна в конце концов ликвидация ядерного оружия, нам и нашим странам необходимо больше доверия и надежды. Мы не можем так просто отмахнуться от подозрений и недоразумений, возникших между нашими двумя странами за последние четыре десятилетия. Процесс сокращения, а в конечном счете и ликвидации ядерного оружия может сам по себе способствовать укреплению доверия и надежды. Но и в моей стране, и, знаю, в вашей тоже найдется немало людей, которые усомнятся в благоразумности ликвидации ядерного оружия, которое обе стороны считают основным гарантом

своей безопасности на тот случай, если поведение другой страны окажется угрожающим.

Это значит, писал я, что если мы хотим прогресса в контроле за вооружениями, то должны разработать эффективный инструмент контроля и добиться прогресса в вопросах неядерных вооружений, в региональных проблемах и правах человека.

Процесс ликвидации ядерного оружия обречен на недолговечность, если мы не решим мирным и достойным доверия способом вопрос нашего соперничества.

Как Вам известно, Соединенные Штаты и их союзники должны сегодня полагаться на ядерное оружие, чтобы сдерживать конфликты как с применением обычного оружия, так и ядерного. В немалой степени такое положение создалось из-за существенного дисбаланса, сложившегося к настоящему времени между неядерными вооруженными силами стран НАТО и государств Варшавского Договора. В результате, поскольку мы будем постепенно сокращать свои ядерные вооружения до нулевой отметки, нужно, чтобы мы одновременно приступили бы к процессу укрепления стабильности всеобщего баланса безопасности между Востоком и Западом, делая при этом особый упор на выравнивание сложившегося дисбаланса в обычных вооружениях, укрепление мер доверия и достижение доступного проверке глобального запрета химического оружия...

Что касается вопроса космического оборонительного оружия, то Ваше предложение относительно научно-исследовательских работ в области стратегической оборонной инициативы в некоторой степени необъяснимо. Я по-прежнему полагаю, что ограничения на эти работы не могут быть действенными и в любом случае их нельзя достоверно проконтролировать. Поэтому их нельзя включать в соглашение. Помимо научно-исследовательских работ, как я и говорил в Женеве, если будут ликвидированы ядерные ракеты, тогда, естественно, окажется ненужной и оборона против них. В чем я убежден, так это в том, что некоторые виды неядерного оружия могли бы внести вклад первостепенной важности в безопасность и стабильность. Что касается ядерных испытаний, то я полагаю, что, пока мы рассчитываем на ядерное оружие как на сдерживающий фактор, мы должны продолжать его испытания, чтобы быть уверенными в дальнейшей безопасности. Однако, как я писал Вам в декабре прошлого года, я не вижу причин, почему бы нам не обсудить вопрос о ядерных испытаниях одновременно с обсуждением вопросов контроля за другими

вооружениями. Я предложил тогда начать двусторонний диалог с целью предпринять конструктивные шаги в этом направлении. Я по-прежнему надеюсь, что Вы примете эти предложения...

После этого я перечислил свои соображения по поводу широкого пакета предложений, направленных на сокращение ядерного, обычного и химического оружия. Что касается стратегических вооружений, то я призвал к сокращению боеголовок на стратегических баллистических ракетах до четырех с половиной тысяч с обеих сторон, а крылатых ракет воздушного базирования, установленных на тяжелых бомбардировщиках, — до полутора тысяч.

В результате этого, — писал я в письме, — общее число боеголовок на средствах доставки стратегических ядерных зарядов не будет превышать шести тысяч единиц. Что касается ракет среднего действия, то к 1987 году Соединенные Штаты и Советский Союз, вместе взятые, ограничат свои силы РСД (ракеты с ядерными зарядами среднего радиуса действия), развернутые в Европе, 140 пусковыми установками с каждой стороны (что соответствует моему предложению о поэтапном сокращении вооружений), причем Советский Союз предпримет одновременное пропорциональное сокращение в Азии. В течение следующего года обе стороны произведут дальнейшее сокращение числа ракетных пусковых установок в Европе и Азии наполовину. Наконец, к концу 1989 года обе стороны полностью ликвидируют этот вид вооружений.

В моем предложении содержался также призыв к широкому сокращению обычных вооруженных сил в Европе.

Надеюсь, — писал я, — что эта концепция даст возможность проложить приемлемый путь нам обоим к цели, к которой стремится весь мир. Как только создадутся условия для создания неядерного мира, эта цель будет достигнута...

В заключение позвольте мне выразить свое согласие с Вами в том, что мы должны конструктивно поработать перед Вашим визитом в США, чтобы подготовить конкретные соглашения по всему кругу вопросов, обсуждавшихся нами в Женеве. Никто из нас не питает иллюзий относительно главных проблем, стоящих перед нашими двумя странами, но мне хотелось бы заверить Вас, что я преисполнен решимости энергично работать вместе с Вами в поисках практических решений этих проблем. Согласен с Вами, что мы должны использовать нашу переписку в качестве важнейшего канала связи для подготовки Вашего визита.

Нэнси и я хотели бы передать Вам, госпоже Горбачёвой и членам Вашей семьи наши наилучшие пожелания. Надеемся, что наступивший год принесет значительный прогресс нашему общему делу — улучшению отношений между нашими двумя странами и укреплению безопасности.

Искренне Ваш, Рональд Рейган

22 февраля 1986 года.

К началу 1986 года мы все больше убеждались в том, что советская экономика находится в состоянии развала. Я понимал, что, если не произойдет чуда, очередной виток экономического спада вынудит Горбачёва подписать договор о сокращении вооружений, который устраивал бы нас обоих. Я был уверен, что если мы и дальше будем проводить свою прежнюю политику, то добьемся этого.

Горбачёв пытался поправить положение дел в своей стране, но все шло со скрипом и страшно медленно. Рассматривая сложившуюся ситуацию как бы с его точки зрения, я приходил к выводу, что в первую очередь он должен урезать огромные расходы на вооружения. Жизненность нашей экономики, которая после спада резко пошла на подъем, буквально лишала его сна, и он должен был понимать, что, пока Советы продолжают гонку вооружений, мы будем опережать их.

<...>

Договор ОСВ-2, хотя и не был ратифицирован, имел для многих либералов в конгрессе символическую важность. Он представлял собой один из тех немногих случаев, когда сверхдержавы согласились ограничить свои ядерные вооружения. Я с пониманием относился к такому символическому значению. Но в договоре было полно неточностей, которыми пользовались русские, и я начал публично говорить, что мы можем перестать соблюдать его положения из-за нечестной игры Советов, пока не появятся свидетельства соблюдения договора русскими.

В начале апреля ко мне приехал посол Анатолий Добрынин. Он получил новое назначение — секретарем ЦК КПСС и руководителем внешней политики КПСС, то есть стал, по сути дела, главным внешнеполитическим советником Горбачёва. Он сообщил, что Горбачёв с удручением воспринял мое решение продолжать ядерные испытания и возможный отказ от твердого соблюдения Договора ОСВ-2. В этой связи он считает, что еще не пришло время определять дату нашей встречи в верхах в Вашингтоне. Я решил, что Советы притворяются. После встречи я записал в своем дневнике: «Чувствую, что встреча состоится если не в июне — июле, то где-то вскоре после выборов».

Вот выдержки из письма Горбачёва, переданного мне Добрыниным:

Хотел бы поделиться некоторыми общими раздумьями, которые возникают у меня, да, наверное, и у Вас по поводу состояния и перспектив отношений между нашими странами. Причем, думаю, за точку отсчета надо взять нашу встречу в Женеве, где мы совместно взяли определенные обязательства.

Наши с Вами оценки ее, полагаю, совпадают: она была нужной, полезной, внесла определенный стабилизирующий элемент в отношения между СССР и США, в общую обстановку в мире. Естественно, что она вызвала и немалые надежды на будущее.

С момента женевской встречи прошло уже более четырех месяцев. У нас возникает вопрос: почему же все-таки дела складываются не так, как, казалось бы, это должно было быть? Где же реальный поворот к лучшему? Мы в советском руководстве расценили женевскую встречу как необходимость переводить принципиальные понимания, достигнутые там, в конкретные действия, имея в виду дать импульс нашим отношениям, наращивать в них позитивную динамику. Именно так мы и действовали после Женевы.

Исходя из этого, мы выдвинули широкую конкретную программу мер по ограничению и сокращению вооружений, по разоружению. В плане новых подходов к поиску взаимоприемлемых решений действовали советские делегации в Женеве, Вене, Стокгольме.

Как же действовали США? К сожалению, приходится констатировать, что сближения позиций, которое открывало бы реальную перспективу на достижение договоренностей, пока не произошло. Не буду входить в детали, давать здесь оценку американским позициям. Но один момент хотел бы отметить. Складывается впечатление, что наши инициативы очень часто пытаются представить как пропаганду, как стремление выиграть в глазах общественного мнения, как желание поставить другую сторону в неудобное положение. Никаких подобных расчетов у нас не было и нет. Да и наши инициативы легко проверить на деле. Наша цель — договариваться, решать вопросы, которые касаются СССР, США и, по существу, всех других стран.

Я специально остановился на этом, чтобы Вы правильно, непредвзято, по-деловому относились к нашим предложениям. Уверен, что в таком случае договариваться будет легче.

А что происходило в это время вне переговоров? Разумеется, у каждого из нас свой взгляд на политику другой стороны. Но опять-таки, разве Советский Союз в международном плане, в двусторонних отношениях делал что-то, способствующее нагнетанию напряженности или направленное в ущерб законным интересам США? Могу однозначно сказать: нет, такого не было.

С другой стороны, мы слышим все более яростные филиппики в адрес СССР, а также видим немало действий, прямо направленных против наших интересов, да и, скажу откровенно, против того, чтобы наши отношения становились более стабильными и конструктивными. Это усиливает недоверие к политике США и отнюдь не создает благоприятного фона для встречи на высшем уровне. Говорю об этом без обиняков, с тем чтобы не возникало здесь недоразумений, неправильного понимания, будто только одна сторона должна проявлять сдержанность и позитивный настрой. Наши отношения складываются не в вакууме, и их общая атмосфера — понятие вполне материальное. Чем она спокойнее, тем легче решать вопросы, в которых заинтересованы в равной мере обе стороны.

То, что решать их надо, — сомнений нет. И прежде всего это относится к области безопасности. Наши предложения Вам известны, они охватывают все важнейшие направления. При всем том хочу особо обратить Ваше внимание — мы не ставим вопрос так: все или ничего. Мы за то, чтобы двигаться шаг за шагом, и определенные возможности на этот счет обозначались нами, в частности, на переговорах по ядерным и космическим вооружениям.

Серьезно и взвешенно подошли мы к вопросу о прекращении ядерных испытаний. Не хотелось бы терять надежды, что мы сможем практически решить этот вопрос так, как этого от нас ждут в мире. Вряд ли стоит говорить, сколь важен этот вопрос сам по себе. Его решение несет и большой позитивный политический потенциал...

Желанием обеспечить взаимодействие в деле прекращения ядерных испытаний, подать добрый пример всем ядерным державам продиктовано мое недавнее предложение встретиться с Вами специально по этому вопросу в одной из европейских столиц. Посмотрите еще раз на это предложение, господин Президент, в широком политическом плане. Повторяю, речь идет о специальной, целевой встрече. Конечно, она никак не заменяла бы той новой большой встречи, о которой мы условились в Женеве.

О ней я очень серьезно размышляю, прежде всего с той точки зрения, чтобы она была действительно значимой, существенной, чтобы она позволила нам продвинуться в реализации достигнутых в Женеве фундаментальных пониманий. Некоторые вопросы из области безопасности, над которыми стоило бы поработать при подготовке к встрече, я, как Вы знаете, называл. Подтверждаю, мы готовы самым серьезным образом искать здесь решения, которые были бы взаимоприемлемыми и не наносили бы ущерба безопасности ни одной из сторон. При взаимном желании можно было бы определиться насчет и других возможностей для договоренностей

в контексте предстоящей встречи как в области космических и ядерных вооружений, так и по вопросам, обсуждаемым на других форумах. Разумеется, у нас есть что обсудить и в региональных делах.

Полагаю, что Вы тоже работаете над всеми этими вопросами, и в последующей переписке мы сможем более конкретно и предметно сопоставить наши взаимные наметки в целях сближения позиций. Очевидно, такой совместной работе, в том числе и по подготовке нашей с Вами встречи, будут способствовать обмены мнениями на других уровнях и прежде всего предстоящие контакты наших министров иностранных дел.

Буду с интересом ожидать Ваших соображений.

С уважением, М. Горбачёв

2 апреля 1986 года.

Спустя две недели после налета нашей авиации на Ливию советский представитель выступил в защиту Каддафи и представил его как героя и невинную жертву нашей предполагаемой агрессии, а Эдуард Шеварднадзе отменил запланированную встречу с Джорджем Шульцем, на которой должна была быть определена дата встречи в верхах.

В конце того же месяца произошла трагическая авария на советском ядерном реакторе в Чернобыле^{IX}. Я послал Горбачёву письмо, где, помимо соболезнования, выразил свое разочарование в связи с несостоявшейся встречей Шульца с Шеварднадзе. Вот выдержки из моего письма:

Мы сделали жест доброй воли, начав подготовку ряда серьезных дискуссий на высшем уровне, необходимых для проведения нашей встречи. Я сожалел, что нам не удалось провести их. Хотя в некоторых областях и были предприняты конструктивные шаги, мы потеряли полных шесть месяцев, улаживая проблемы, которые в большей степени заслуживали нашего личного внимания. Надеюсь, Вы согласитесь, что пришло время сосредоточиться на вопросах, поставленных в ноябре в Женеве. Со своей стороны я готов к этому. Как я уже сказал, в ходе нашей следующей встречи я очень хочу достичь реальных практических результатов. Согласен с Вами, что необходима атмосфера, способствующая прогрессу. Мои предложения самым тщательным образом основаны на Ваших замечаниях по вопросам повестки дня и направлены на поиск взаимоприемлемых подходов к некоторым ключевым моментам.

На атмосферу наших отношений также отрицательно влияют некоторые газетные публикации. Я намерен в своих публичных заявлениях еще раз подтвердить свою твердую личную приверженность делу достижения

осязаемого прогресса во всех областях наших отношений в течение оставшегося срока работы моей администрации.

Господин Генеральный секретарь, наше недалекое прошлое дает нам немало примеров того, что, если мы будем добиваться идеального момента, чтобы попытаться разрешить наши противоречия, мы вряд ли чего-нибудь достигнем. Мы должны полностью использовать преимущества нынешнего момента, поскольку теперь настало время исторических, а не исключено, и уникальных возможностей. Давайте не будем упускать этот шанс.

Через несколько дней я объявил, что, поскольку Советы продолжают пренебрегать Договором ОСВ-2, Соединенные Штаты больше не считают себя связанными его обязательствами. Честно говоря, я просто устал жить по правилам, когда другая сторона то и дело их нарушает. В то же время я продолжал политику умеренности в своих публичных выступлениях о Советах и заявил, что верю в искренность стремления Горбачёва положить конец угрозе ядерной войны.

Затем я предпринял свой третий важный шаг: в конце июля послал Горбачёву новые широкомасштабные предложения по сокращению вооружений, основанные на решениях, достигнутых в ходе обсуждений в течение ряда недель в нашем правительстве.

Я предлагал обеим сторонам ликвидировать все баллистические ракеты, одновременно продолжая работы по системам противоракетной обороны. Если бы эти системы удалось создать, мы их передали бы всем странам при условии одновременного уничтожения всех ядерных ракет. В своем дневнике я сделал следующую запись: «Если подобные исследования покажут, что такое оборонительное оружие возможно создать, после совместного наблюдения за испытаниями (новой системы) мы могли бы договориться о его развертывании, предварительно уничтожив все МБР, после чего эта система обороны стала бы доступной для всех».

В ходе обсуждений, на которых было выработано это предложение, некоторые наши эксперты по ограничению вооружений и по военной политике хотели, чтобы я намекнул Советам о нашем желании увязать СОИ с большими уступками со стороны Советов в области наступательных вооружений.

Кэп Уайнбергер, второй после меня адвокат стратегической оборонной инициативы, сказал, что если Советы узнают о расколе в американской администрации и решат, что я отказываюсь от СОИ, то это сыграет на руку Москве и ухудшит наше положение на переговорах. Мне кажется, что он был обеспокоен тем, что сторонники уступок по СОИ смогут

переубедить меня. Но волноваться ему не стоило. Я был тверд в поисках альтернативы политике «гарантированного взаимного уничтожения» и как можно настойчивее и чаще заявлял в частных беседах и публичных выступлениях, что СОИ — «не предмет торга».

<...>

На следующий день Джордж Шульц привез советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе в Белый дом для передачи ответа Горбачёва на мое письмо. Когда Шеварднадзе вошел в Овальный кабинет, он обнаружил, что у него нет с собой письма. По ошибке он оставил его в советском посольстве. Несколько сопровождающих его агентов КГБ сразу же уехали за письмом, а когда вернулись через полчаса, попытались пройти в Овальный кабинет. Охранники из моей секретной службы заявили: «Ни в коем случае. Мы не позволим агентам КГБ входить в Овальный кабинет». Те выразили протест. Наконец после длительной перебранки (о чем я узнал позже) они пришли к компромиссу: советский переводчик подошел к двери Овального кабинета и там сотрудник КГБ передал ему письмо. Переводчик отдал его Шеварднадзе, а тот вручил его мне.

Пока ожидали письма, Шеварднадзе рассказал мне основное содержание послания Горбачёва. Тот хотел встретиться со мной уже в следующем месяце в Лондоне или в Исландии и выяснить, не можем ли мы ускорить процесс ограничения вооружений до нашей встречи в Вашингтоне. После этой беседы я записал в дневнике:

Я выбрал Исландию. Эта встреча будет предварять встречу в верхах. Я на это согласен, но ясно дал понять, что мы хотим, чтобы Данилофф был возвращен нам до того, как состоится встреча. Я объяснил советскому министру, что очень сержусь и осуждаю обвинения Данилоффа в шпионаже после того, как лично поручился за него. Я вкратце просветил его о различиях между нашими системами и сказал ему, что им не понять то значение, которое мы придаем отдельной личности, поскольку у них отсутствуют подобные понятия. Мне понравилось мое раздраженное состояние.

Помимо приглашения на незапланированную встречу Горбачёв в своем письме отмечал, что ему малоинтересна инициатива в контроле над вооружениями, чему мы уделили так много времени и усилий в июле. Вот выдержки из его письма:

После получения Вашего послания от 25 июля 1986 г., которое было внимательно рассмотрено, произошли некоторые события и инциденты негативного плана. Это лишнее свидетельство того, сколь чувствительны

отношения между СССР и США и как важно высшему руководству двух стран постоянно держать их в поле зрения, оказывать стабилизирующее воздействие всякий раз, когда амплитуда их колебаний приобретает угрожающий характер.

<...>

Вот и возникает вопрос: а как же быть с атмосферой, столь необходимой для нормального хода переговоров и, конечно, для подготовки и проведения встречи на высшем уровне?

Советский Союз за период после Женевы много делает, чтобы атмосфера эта была благоприятной и чтобы переговоры обеспечили практическую подготовку к нашей с Вами новой встрече.

По основным вопросам ограничения и сокращения вооружений — ядерных, химических, обычных — нами предприняты интенсивные усилия в поисках конкретных развязок с целью кардинального понижения уровня военного противостояния в условиях равнозначной безопасности.

Однако в духе той откровенности, которая начала складываться в нашем с Вами диалоге, господин Президент, должен Вам сказать, что общий характер действий США в международных делах, позиции, которые их представители отстаивают на переговорах и консультациях, то, что содержится в Вашем послании, — наводят на очень серьезные, тревожные мысли.

Приходится констатировать, что, по существу, так и не началась реализация договоренностей, достигнутых нами в Женеве, об улучшении советско-американских отношений, ускорении переговоров по ядерным и космическим вооружениям, об отказе от стремления к военному превосходству... Мнения о причинах такого хода дел излагались нами в переписке и публично, и я со своей стороны не хочу здесь повторять нашу оценку ситуации.

Напрашивается прежде всего вывод: а готово ли вообще и хочет ли на деле американское руководство искать соглашений, которые вели бы к прекращению гонки вооружений, к реальному разоружению. Ведь это факт, что до сих пор мы ни на дюйм не приблизились, несмотря на энергичные усилия Советской Стороны, к договоренности о сокращении вооружений.

Изучив Ваше письмо, изложенные в нем предложения, я задумался, куда же они ведут с точки зрения поиска развязок.

Первое. Вы предлагаете нам согласиться с тем, чтобы Договор по ПРО просуществовал еще 5–7 лет. Тем временем осуществлялись бы работы, которые бы его разрушали. Получается не продвижение вперед, а осложнение даже того, что было раньше.

Мы предложили, чтобы любые работы в области противоракетных систем ограничивались пределами лабораторий. А нам в ответ оправдывают разработку космического оружия и его испытания на полигонах, заранее провозглашают намерение через 5–7 лет начать развертывание широкомаштабных систем ПРО и тем самым перечеркнуть Договор. При этом прекрасно понимают, что мы на это не согласимся. Мы видим здесь обходный канал к получению военного превосходства.

Господин Президент, полагаю, помнит наш разговор в Женеве на эту тему. Я тогда сказал, что если США будут рваться с оружием в космос, то мы помогать им не будем. Сделаем все, чтобы обесценить такие усилия, сорвать их. Могу заверить — у нас для этого есть все возможности, которыми, если придется, мы воспользуемся.

Мы за укрепление режима Договора по ПРО. Именно это соображение лежит в основе нашей позиции о невыходе работ за стены лабораторий и неукоснительном соблюдении Договора по ПРО в течение до 15 лет. В таком случае можно было бы — и мы это предлагаем — договориться о значительных сокращениях стратегических наступательных вооружений. Мы готовы без задержек пойти на это, и тем самым на практике было бы показано, что ни одна из сторон не стремится к военному превосходству.

Второе. По ракетам средней дальности Советский Союз предложил оптимальное решение — полную ликвидацию американских и советских ракет в Европе. Мы согласились и на промежуточную договоренность, причем без учета модернизации ядерных средств Англии и Франции.

Вопрос о контроле — после наших известных шагов навстречу — также, казалось бы, перестал быть препятствием. Однако американская сторона теперь «обнаружила» другое препятствие — советские ракеты средней дальности в Азии. Тем не менее считаю, что и здесь можно найти взаимоприемлемую формулу, и готов ее предложить.

Третье. Глубокое разочарование, и не только в Советском Союзе, вызывает отношение Соединенных Штатов к мораторию на ядерные испытания. Администрация США всячески старается обойти эту ключевую проблему, перевести ее в плоскость рассуждений о других вопросах.

Вы знаете мою точку зрения на этот счет: отношение той или иной страны к прекращению ядерных испытаний — это пробный камень политики в области разоружения и международной безопасности, да и вообще в деле сохранения мира.

Доводы, будто ядерные испытания нужны для обеспечения надежности ядерного арсенала, — не основательны. Для этого сейчас существуют

другие методы, без ядерных взрывов. Ведь не проводят же США испытания мощностью свыше 150–200 килотонн, хотя 70 процентов американского ядерного арсенала, да и у нас не меньше, составляют заряды, превышающие по мощности этот порог.

Современная наука в сочетании с политической готовностью пойти на любые адекватные меры проверки, вплоть до инспекции на местах, обеспечивает эффективный контроль за отсутствием ядерных взрывов. Так что и здесь есть поле для взаимоприемлемых решений.

Я особо остановился на трех вопросах, которые представляются мне главными. Именно по ним ждут от СССР и США положительных решений. Они беспокоят весь мир, их обсуждают повсюду. Разумеется, мы за результативное обсуждение и других крупных вопросов — таких, как сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, запрещение химического оружия, региональные проблемы, гуманитарные вопросы. Надо и здесь искать общие подходы, добиваться взаимодействия. И все же ключевыми остаются те три вопроса, о которых сказано выше.

Но по ним никакого движения за почти год после Женевы нет. Размышляя над этим и обдумывая Ваше последнее письмо, я пришел к убеждению, что переговоры нуждаются в очень серьезном импульсе, иначе они будут и впредь топтаться на месте, создавая лишь видимость подготовки к нашей с Вами встрече на земле Америки.

Они ни к чему не приведут, если мы с вами не вмешаемся лично. Убежден, что мы сможем найти развязки, готов обстоятельно обсудить с Вами все возможные подходы к ним, наметить такие шаги, которые позволили бы — после быстрой проработки на уровне соответствующих ведомств — сделать мой визит в США действительно продуктивным, результативным. Ведь именно этого ждут во всем мире от второй встречи руководителей США и СССР.

Надеюсь на Ваш скорый ответ.

С уважением, М. Горбачёв

15 сентября 1986 года.

Я сказал Шеварднадзе, что не буду отвечать на предложение Горбачёва, пока не освободят Данилоффа^х. Выступая на следующей неделе на Генеральной Ассамблее ООН, я резко отозвался о его аресте, а также о действиях Советов в Афганистане и в других регионах. Я почти был уверен, что делегаты коммунистических стран в ООН покинут зал, но никто не ушел. Тем не менее над Данилоффом

по-прежнему был занесен топор, что я и отразил в следующих записях в дневнике:

24 сентября. Перебранка между Джорджем Шульцем и Шеварднадзе продолжается и в ООН. Становится все яснее, что Советы постепенно сдаются. Мы выигрываем. Советы больше не называют его шпионом. Они именуют его «американским гражданином».

30 сентября. Лихорадочный день. Приехал в Белый дом в 10.05 и помчался в конференц-зал объявлять о встрече в верхах в Исландии 10–12 октября. Джордж Шульц только что сделал сообщение о Захарове и Орлове. Уже ясно, что пресса готова поверить, что я сдался и пошел на обмен Захарова на Данилоффа. В конце дня газетные столпы пытались обвинить меня в капитуляции... Данилофф прилетел в Вашингтон. Завтра днем я увижу его. Захаров на пути в Россию.

При окончательном анализе мы пришли к выводу, что настояли на своем, Советы пошли на попятную. Но (и это вызвало много нареканий со стороны консерваторов из числа моих сторонников) мы проявили при этом сдержанность, чтобы не торпедировать намеченную встречу в верхах.

Не думаю, что кризис, вызванный арестом Данилоффа, привел бы к срыву встречи в Рейкьявике. Считаю, что Горбачёв, как и я, понимал, как высока была ставка и действовал осмотрительно, чтобы не повредить возможному успеху на встрече в Рейкьявике.

В Рейкьявике в один прекрасный день мои надежды на безъядерный мир ненадолго высоко воспарили, а затем резко обрушились. В тот тягучий день я был удручен и даже обозлен как никогда за все время моего президентства. Наши встречи в Исландии проходили в доме с прекрасным видом на океан. Сначала состоялась краткая беседа с Горбачёвым наедине, но вместе с переводчиками. Потом он попросил привлечь к переговорам Джорджа Шульца и Шеварднадзе. Вот в таком составе и велись переговоры между нашей четверкой в оставшиеся два дня, в общей сложности в течение десяти часов.

Горбачёв попытался ограничить переговоры вопросами контроля за вооружениями. Однако я начал их с протеста против нового советского отказа своим гражданам эмигрировать по религиозным убеждениям или для воссоединения разьединенных семей. Я поднял также афганскую проблему и высказался по поводу продолжавшихся подрывных действий Советского Союза в странах «третьего мира». Горбачёв все это молча выслушал.

Я предъявил список тысячи двухсот евреев, которые хотели бы уехать из России, передал его Горбачёву и снова повторил, что советская политика по правам человека мешает улучшению наших отношений. Я также спросил его, почему Советы отказались от своих обязательств закупить в США шесть миллионов тонн зерна. Он ответил, что Советский Союз не может позволить себе этого из-за падения цен на нефть, что сократило приток валюты, необходимой для закупки пшеницы.

После этого вступления мы с Горбачёвым на протяжении полутора дней все же добились прогресса в области сокращения вооружений, прогресса, который даже сейчас выглядит довольно впечатляющим.

В первый день работы Горбачёв в принципе согласился с нашим нулевым вариантом ликвидации ядерных ракет в Европе и с моим предложением, сделанным в июле того же года относительно ликвидации всех баллистических ракет в течение десяти лет.

День тянулся медленно, мне было интересно узнать, не объясняют ли чернобыльская авария и пожар, случившийся на борту советской ядерной подводной лодки за несколько дней до нашей встречи, почему Горбачёв с такой готовностью снова стал обсуждать проблему полной ликвидации ядерного оружия. Излучаемая в Чернобыле радиация сделала невозможным проживание тысяч и тысяч людей в родных местах, а ведь эта радиация была гораздо слабее радиации, излучаемой в результате взрыва лишь одной ядерной боеголовки. Во время беседы мне пришла мысль, а не заставил ли Чернобыль Горбачёва подумать об эффекте ракеты с десятью ядерными боеголовками?

Мы вели переговоры всю вторую половину дня. Я внес предложение: на первой фазе плана ликвидации ядерных вооружений отдать на слом половину наших ракет и в то же время продолжать исследовательские работы систем ПРО. Когда настанет время проводить испытания СОИ, Соединенные Штаты разрешат советским наблюдателям присутствовать на этих испытаниях и, если испытания продемонстрируют эффективность системы (и поскольку мы сократим наполовину свой ракетный арсенал к тому сроку), каждая из наших сторон уничтожит оставшуюся половину своих ракет и обе будут пользоваться всей технологией СОИ. Через десять лет, когда все баллистические ракеты будут ликвидированы, каждая из сторон одновременно развернет свою систему СОИ.

Когда Горбачёв стал возражать против СОИ, я сказал, что мы будем твердо придерживаться положений Договора по ПРО и согласны не размещать систему в одностороннем порядке в течение десяти лет.

В конце того тягучего дня Джордж Шульц внес предложение, чтобы мы кратко проинформировали бы свои делегации о ходе переговоров, а те изложили бы в письменной форме, по каким вопросам достигнуто согласие и какие острые проблемы остались нерешенными. Члены делегаций ушли работать и сидели над документами до полседьмого утра. Джордж и я были этим очень тронуты.

Следующим днем было воскресенье. Мы прозаседали полдня, до обеда. Мы рассмотрели и единогласно одобрили отчет, составленный членами наших делегаций по итогам предыдущего дня, а затем приступили ко второму раунду переговоров.

Помимо проблемы ядерных баллистических ракет мы согласились обсудить также вопросы сокращения и полной ликвидации других видов ядерного оружия, в том числе тяжелых бомбардировщиков, а Горбачёв согласился с необходимостью принять строгую и взаимоприемлемую процедуру контроля и проверки.

Когда я заявил, что мы не можем ликвидировать тактическое ядерное оружие в Европе, так как это основное сдерживающее боевое средство против возможного вторжения гораздо больших обычных вооруженных сил стран Варшавского Договора, Горбачёв пошел на резкое сокращение своих обычных вооруженных сил. Такое сокращение мы всегда рассматривали как необходимую предпосылку для заключения соглашения о сокращении ядерного оружия, но никак не предполагали, что сможем прийти к нему уже в Исландии.

Я и Джордж не верили своим ушам и с изумлением выслушивали согласие на договоренность. Между тем рабочий день еще не закончился, а уже чувствовалось, что произошло нечто чрезвычайно важное.

Наступил и прошел полдень, а мы не смотрели на часы и продолжали работать — наша четверка и переводчики — в той же комнате с видом на океан. Приближался вечер. Я подумал про себя: а чего же мы добились? Договорились о самом крупном сокращении вооружений в истории. Я считал, что мы на пути к подписанию соглашения и вот-вот достигнем чего-то выдающегося.

Уже после того, как все или почти все, как мне казалось, было решено, Горбачёв выкинул финт. С улыбкой на лице он произнес: «Но все это, конечно же, зависит от того, откажетесь ли вы от СОВСЕ».

Я оторопел и просто закипел от возмущения: «Я же говорил, и говорил уже тысячу раз, что СОВСЕ — это не предмет для торга. Я объяснял вам, что если выяснится, что СОВСЕ можно применить на практике,

то доведем информацию до вашего сведения и до сведения других, что ядерное оружие изжило себя. Теперь же, когда мы здесь обо всем договорились, вы это заявляете, возводите баррикаду на пути, и все летит к черту».

Мы никоим образом не откажемся от поисков оборонительного оружия против ракет, твердо сказал я далее.

Именно программа СОИ заставила Советский Союз пойти на переговоры в Женеве и Рейкьявике. Я вовсе не собирался отказываться от своих обещаний американскому народу и давать задний ход программе СОИ.

По данным разведки нам стало известно, что Советы ведут секретные научно-исследовательские работы по созданию своей противоракетной оборонительной системы наподобие нашей СОИ. Конечно, их технология здорово не дотягивала до нашей, но если бы мы приостановили разработку СОИ, а Советы продолжали бы свои исследования системы, то это значило бы, что, проснувшись в одно прекрасное утро, мы узнали бы, что одни только Советы являются обладателями противоракетной обороны. Этого допустить мы никак не могли. Программа СОИ — это страховой полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства, взятые Горбачёвым и мною в Рейкьявике. Мы уже имели достаточно горький опыт того, как Советы рвут договор, и сознавали, что подобного рода гарантии просто необходимы.

«Если Вы думаете ликвидировать ядерное оружие, — спросил я Горбачёва, — то почему же тогда столь стремитесь избавиться от обороны против ядерного оружия? Ведь неядерная оборонительная система наподобие СОИ никому не угрожает».

С американской точки зрения, сказал я далее, все это выглядит таким образом, будто Советы не хотят, чтобы мы обогнали их с СОИ, потому что Соединенные Штаты идут впереди по части такой технологии, а Советы стараются не отстать.

В качестве довода, что у нас нет намерений применять СОИ в наступательных целях или как щит при нанесении первого удара, я еще раз повторил свое предложение открыть наши лаборатории и сделать систему достоянием всего мира. Я добавил, что СОИ должна стать чисто оборонительным средством для всего мира, что она сделает ядерное оружие изжившим себя и приблизит день, когда народы почувствуют себя достаточно уверенными в своей безопасности, чтобы ликвидировать это оружие.

«Все мы знаем, как создавать ядерное оружие, — продолжал я. — Даже если мы все договоримся никогда не применять его, где гарантия, что на свете не появится новый Гитлер и не прибегнет к нему?»

Лабораторные исследования СОИ займут, по всей видимости, не год и не два, и это время можно использовать для выработки и заключения соглашения о поэтапной ликвидации ядерных вооружений. Затем я высказал Горбачёву свою мысль о противогАЗах и пояснил, что после Первой мировой войны народы мира дали клятву никогда больше не применять газы на войне. «Мы прошли через Вторую мировую войну, и, хотя никто во время нее не применял отравляющие вещества, все мы таскали с собой индивидуальные противогАЗы.

Как знать, не появится ли после нас какой-то психопат? Мы живем в мире, где правительства все время меняются; в вашей, к примеру, стране за время моего президентства вы уже четвертый глава государства. Я верю, что вы и вправду хотите мира, когда говорите об этом, но ведь может все и перевернуться. То же самое и с нашей стороны: думаю, вам известно, что я тоже искренне хочу мира, но вам также известно, что не от меня одного зависит выполнение данных вам обещаний. Поэтому нужны гарантии, что наши соглашения о ликвидации ядерных вооружений будут оставаться в силе и в дальнейшем.

Если вы полагаете, что я не в своем уме, намереваясь передать другим технологию СОИ, то подумайте вот о чем: представьте себе, что мы вот-вот развернем систему СОИ и только у нас одних она есть. Мы завершили исследования и испытания, но на развертывание системы уйдут месяцы, а может, и годы. Кроме того, мы сидим на огромном арсенале ядерных вооружений, и все страны знают это. Мы понимаем, что кому-то из них, может, будет трудно удержаться от искушения и не нажать пусковую кнопку своего оружия, прежде чем будет развернута система СОИ, из-за опасений, как бы мы не начали потом шантажировать весь мир.

Когда придет время развертывать систему СОИ, у Соединенных Штатов не окажется разумного выбора, кроме как избежать этой ситуации, сделав систему достоянием всех стран, чтобы они были уверены, что нам нечем шантажировать их. Мы не альтруисты. Есть причина, почему мы хотим поделиться этой системой, когда она у нас появится».

Горбачёв слушал перевод моих доводов, но ни к чему не прислушивался. Он ни на дюйм не сдвинулся со своей позиции, а просто сидел и улыбался. Затем он сказал, что все еще не верит мне, что Соединенные Штаты сделают систему СОИ достоянием всех государств.

Я все больше закипал, не в силах сдержать раздражение. До меня дошло, что он заманил меня в Исландию с единственной целью — угробить на корню стратегическую оборонную инициативу. С самого начала он, должно быть, замыслил известить нас об этом в самую последнюю минуту.

«Переговоры окончены, — подвел я итог. — Пойдем, Джордж, отсюда. Мы уезжаем».

Когда мы подошли к машинам, собираясь покинуть Рейкьявик, Горбачёв произнес: «Не знаю, что еще я мог бы сделать?» — на что я ответил: «Зато я знаю. Вы могли бы сказать “да”».

В тот вечер в своем дневнике я сделал такую запись:

«Он хотел таких формулировок, которые загубили бы идею СОИ. Цена была слишком высока, но я не пошел на сделку, и на этом день закончился. Весь наш народ считал, что я был полностью прав. Я торжественно обещал не отказываться от СОИ и сдержал свое слово, но это началось — никаких дел с сокращением вооружений. Он пытался сыграть на общительности, но я вышел из себя и показал свою злость. Ну что же, теперь мяч на его половине поля, и я убежден, он перекинет его, когда увидит реакцию мира».

Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлен.

Когда я прилетел домой в Вашингтон, мне был устроен прием, который ясно показал, что американцы — за меня. Они явно не желали сворачивать программу СОИ.

М. Тэтчер АВТОБИОГРАФИЯ¹

<фрагменты>

Приближался 1983 год, и Советы, должно быть, начали понимать, что с их играми в манипулирование и запугивание скоро будет покончено. Европейские правительства не были готовы попасться на удочку Советам с их предложением создать «зону ядерной безопасности» в Европе. В марте президент Рейган объявил об американских планах по Стратегическим оборонным инициативам (СОИ), технологические и финансовые последствия которых для СССР были разрушительными. Затем, в начале сентября, Советы сбили южно-корейский гражданский самолет, и погибло 269 пассажиров¹.

¹ Печатается по: Тэтчер М. Автобиография: перевод с английского. М.: АСТ, 2014. 800 с. (Гордость человечества). С. 552–560.

На всеобщее обозрение были выставлены не только грубость, но и некомпетентность представителей советского режима, которые даже не удосужились извиниться. Наверное, впервые со времени Второй мировой войны о Советском Союзе, даже в либеральных западных кругах, стали говорить как о государстве ослабленном и стоящем на милитаристских позициях.

Мы вступили в опасный период. Рональд Рейган и я знали, что стратегия, подразумевающая соперничество с Советами по военной мощи на равных и превосходство с ними в борьбе идей, приносит результаты и поэтому должна продолжаться. Но пока нам было нужно, не рискуя без необходимости, выиграть холодную войну.

<...>

Ощущалось, что в скором времени в советском руководстве произойдут важные изменения, Господин Андропов, хотя и не либерал, без сомнения, хотел возродить советскую экономику, которая находилась в гораздо более худшем положении, чем мы в то время осознавали. Для того чтобы это сделать, он хотел сократить бюрократию и улучшить эффективность. Хотя он и унаследовал высшее руководство, которое не мог сразу же сменить, почтенный средний возраст членов Политбюро давал ему возможность ставить на освободившиеся посты своих единомышленников. В то время уже существовали сомнения по поводу здоровья Андропова. Тем не менее, если бы он прожил хотя бы несколько лет, поколение лидеров вполне могло бы смениться полностью. Двумя основными соискателями на главный пост были Григорий Романов и Михаил Горбачёв. Я запросила по обоим всю информацию, которой мы располагали.

Вскоре стало очевидно — как ни привлекательна была идея снова увидеть в Кремле Романова, — что это приведет к неприятностям. Романов в качестве Первого секретаря Коммунистической партии в Ленинграде завоевал авторитет эффективного руководителя, а также слыл твердым марксистом, что он, как и многие в его окружении, совмещал с экстравагантным образом жизни. И, признаюсь, когда я прочитала о тех бесценных хрустальных бокалах из Эрмитажа, разбитых на свадьбе его дочери, некоторая доля привлекательности имени потерялась.

То немногое, что мы знали о господине Горбачёве, казалось довольно обнадеживающим. Он, безусловно, имел лучшее в Политбюро образование (хотя эту группу людей вряд ли можно было назвать интеллектуалами). Он получил репутацию человека широких взглядов; конечно это, возможно, такой стиль. Он уверенно поднялся по ступенькам партии при Хрущеве, Брежневе и теперь Андропове, чьим протеже

он, без сомнения, являлся; но это могло означать конформизм, а не талант. Как бы то ни было, тогда же я услышала положительные отзывы о нем от Пьера Трюдо^{II} из Канады. Я стала обращать особое внимание, когда его имя упоминалось в сообщениях о Советском Союзе. На тот момент, однако, отношения с Советами были такими плохими, что прямой контакт с ними был практически невозможен.

<...>

Всего через несколько дней после моего возвращения из Венгрии умер господин Андропов. Его похороны дали мне возможность познакомиться с человеком, который, к нашему удивлению, появился в качестве нового советского лидера, — господином Константином Черненко. Мы думали, что господин Черненко слишком стар, слишком болен и слишком близко связан с господином Брежневым и его эпохой, чтобы преуспеть как руководитель, и, как показали события, мы были более проницательны, чем его коллеги в Политбюро.

Самолет с нашей делегацией сел в московском аэропорту в 9:30 вечера в понедельник, 13 февраля. Я переночевала в посольстве — величественном здании, смотрящем на Кремль через Москву-реку.

<...>

День похорон выдался ярким, ясным и даже более холодным, чем когда я приехала. На таких мероприятиях приезжим сановным лицам не полагалось сидеть: нам приходилось часами стоять на ногах в специально отгороженных местах. Позже я встретилась с новым сановным лидером для короткого частного разговора. Это была формальная встреча, где в который уже раз обсуждались вопросы разоружения. Она не оставила особого впечатления. Из-за долгих часов стояния я была рада, что Робин Батлер уговорил меня надеть сапоги на меху, а не мои обычные туфли на высоком каблуке. Сапоги были дорогие. Но когда я познакомилась с господином Черненко, мне пришлось в голову, что они, наверное, мне скоро опять пригодятся.

Теперь мне нужно было обдумать следующий шаг в моей стратегии по установлению более тесных отношений — на нужных условиях — с Советским Союзом. Было ясно, что необходимо наладить личный контакт с советскими лидерами. Джеффри Хау^{III} хотел, чтобы мы пригласили с визитом в Великобританию господина Черненко. Я сказала, что время для этого еще не наступило. Сначала нам нужно было побольше узнать о намерениях нового советского лидера. Но я была не против пригласить и других, и приглашения были разосланы нескольким важным советским руководителям, в том числе и господину Горбачёву. Сразу

выяснилось, что господин Горбачёв действительно очень хотел поехать, как потом оказалось, в свою первую поездку в европейскую капиталистическую страну, и хотел это сделать скоро. К тому времени мы уже больше знали о его происхождении и о происхождении его жены Раисы, которая не в пример женам других ведущих советских политиков часто появлялась на публике, ясно формулировала мысли, была очень образованной и привлекательной женщиной. Я решила, что Горбачёвы должны вдвоем приехать в Чекерс, где царит как раз подходящая для такого случая атмосфера загородного дома, благоприятная для хорошего разговора. Я считала эту встречу потенциально очень важной.

Горбачёвы приехали на машине из Лондона утром в воскресенье 16 декабря, как раз к обеду. За аперитивом в Большом зале господин Горбачёв рассказал, как интересно ему было по дороге в Чекерс увидеть сельскохозяйственные поля. Вот уже несколько лет он отвечал за сельское хозяйство и, как видно, достиг скромных успехов в перестройке колхозов, но из-за недостатков распределения до 30 процентов урожая пропадало.

Раиса Горбачёва немного знала английский — насколько я могла судить, ее муж не знал его совсем, — но была одета в западном стиле в хорошо сшитый элегантный серый костюм — я подумала, что и сама смогла бы такой надеть. Она имела диплом по философии и была настоящим ученым. Наша информация о ней сообщала, что она была твердой марксисткой; ее очевидный интерес к книге «Левиафан» Гоббса^{IV}, которую она взяла с полки в библиотеке, подтверждал это. Но позже я от нее узнала — после того как ушла из правительства, — что ее дед был одним из тех миллионов кулаков, погибших во время насильственной коллективизации в сельском хозяйстве при Сталине. Так что у ее семьи не было причин питать иллюзии по поводу коммунизма.

<...>

Если бы тогда я обращала внимание только на содержание высказываний господина Горбачёва, мне пришлось бы сделать заключение, что он скроен по обычной коммунистической выкройке. Но его манера была настолько индивидуальной, что сильно отличала его от похожих на марионеток «деревянных» советских аппаратчиков. Он улыбался, смеялся, жестикულიровал в разговоре, говорил с выражением, аргументированно и ловко полемизировал. Он был уверен в себе и, хотя и сдабривал свои высказывания уважительными отзывами о господине Черненко, казалось, он не будет чувствовать себя не в своей тарелке и оказавшись в гуще противоречий высокой политики. Выступая, он никогда не читал по бумажке,

только заглядывал в рукописные записи в маленькой тетрадке. Он обращался к коллегам за советом только по вопросам произношения иностранных имен. К концу дня я поняла, что именно стиль, что-то большее, чем марксистская риторика, лежало в основе его личности. Он мне нравился.

<...>

Сразу стали ясны две вещи. Во-первых, как хорошо господин Горбачёв был осведомлен о Западе. Он комментировал мои речи, которые, без сомнения, читал. Он процитировал изречение Лорда Пальмерстона^V о том, что у Британии нет вечных друзей или врагов, а только вечные интересы. Он внимательно следил за просачивающейся информацией из американской прессы, указывающей на то, что в интересах США было не позволить советской экономике возродиться из застоя.

В какой-то момент театральным жестом он вытащил лист бумаги с диаграммой из «Нью-Йорк таймс», изображающую силу оружия супердержав в тротиловом эквиваленте, в сравнении с силой оружия, применяемого во Второй мировой войне. Он хорошо владел модными аргументами, с помощью которых в то время яростно доказывались перспективы «ядерной зимы», которая якобы наступит в результате ядерной войны. На меня это не сильно действовало. Я сказала, что гораздо больше, чем «ядерная зима», меня интересует вопрос, как избежать сожжений, смерти и разрушений, которые будут этому препятствовать. Но целью ядерного оружия в любом случае было препятствовать войне, а не вызывать ее. Однако теперь этого нужно добиваться при меньшем количестве вооружений. Господин Горбачёв доказывал, что если обе стороны будут наращивать вооружения, это может привести к случайностям или непредвиденным обстоятельствам, а при использовании современного оружия время на принятие решения будет измеряться в минутах. Как он сказал, используя одну из загадочных русских поговорок, «Раз в году и незаряженное ружье стреляет».

Всплыла и мысль о недоверии Советов к администрации Рейгана в целом и особенно к их планам в отношении Стратегической оборонной инициативы. Я подчеркивала много раз, что президенту Рейгану можно доверять, и что меньше всего на свете он хочет войны, и что Соединенные Штаты никогда не выражали желания мирового превосходства.

Когда дискуссия подходила к концу, стало понятно, что Советы на самом деле были очень озабочены по поводу СОИ. Они хотели остановить ее почти любой ценой. Я знала, что в какой-то степени меня использовали как подставное лицо президента Рейгана. Я также понимала, что имела дело с коварным соперником, который беспощадно воспользуется

любыми разногласиями между мной и американцами. Поэтому я прямо сказала, что необходимо понимать — не может быть и речи о том, чтобы рассорить нас: мы останемся верными союзниками Соединенных Штатов. Моя откровенность в этом вопросе была равнозначна моей откровенности о том, что я считала президентскую мечту о мире, свободном от ядерного оружия, несбыточной.

Переговоры должны были закончиться в 4:30 дня, чтобы господин Горбачёв смог успеть на прием в советском посольстве, но он сказал, что хочет продолжать. Было уже 5:50 вечера, когда он уехал, познакомив меня с другим перлом русской народной мудрости примерно такого содержания: «Горцы не могут жить без гостей, как не могут жить без воздуха. Но если гости не уходят вовремя, они задыхаются». Когда он уезжал, я надеялась, что мне довелось разговаривать со следующим советским лидером. Потому что, как я впоследствии сказала прессе, это был человек, с которым можно иметь дело.

Э. А. Шеварднадзе КОГДА РУХНУЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ¹

встречи и воспоминания

<фрагменты>

Девятнадцатого и двадцатого ноября 1985 года на встрече Горбачёва и Рейгана в Женеве присутствовали только переводчики. Вместе с Шульцем мы ожидали наших боссов за дверью и обменивались мнениями по разным вопросам, приходя к выводу, что главное — факт встречи, а достижение договоренности вполне можно отодвинуть на второй план.

Горбачёв не испытывал особого желания лететь в Женеву. Он говорил, что их беседа займет не более получаса. Но встреча продолжалась почти три часа. Рейган и Горбачёв вышли в сильном раздражении. Горбачёв мне сказал: «Едем на дачу».

В машине он молчал. Мы приехали на виллу. Нас встретила Раиса Горбачёва. «Как прошла встреча?» — спросила она. Но Горбачёв обратился ко мне: «Пусть подготовят самолет. Мы улетаем. С этим американским правительством невозможно вести переговоры».

¹ Печатается по: *Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания* / Пер. с нем. Г. Леоновой. М.: Европа, 2009. 428 с. С. 87–90.

Я спокойно ответил, что прерывать переговоры не стоит. Раиса придерживалась того же мнения. «Нет, нет, с этим человеком ни о чем договориться нельзя», — упорствовал Горбачёв.

Мы целый час уговаривали его не покидать Женеву. На следующий день наша делегация вернулась за стол переговоров. Сначала говорили на общие темы. Но эти «общие темы» обсуждались на встрече в верхах. Один раз беседа чуть не оказалась прерванной, но положение удалось спасти. Женевская встреча, хотя и не слишком удачная, тем не менее была необходимой — как начало долгого и трудного пути, ради того, чтобы мир изменился и стал более безопасным. Впереди были новые переговоры.

В сентябре 1986 года Горбачёв попросил меня: «Слетай в Вашингтон. Возможно, ты сможешь поговорить с Рейганом. Спроси его, не настало ли время для новой встречи».

Я отправился в Вашингтон. Джордж Шульц ожидал меня. Он не знал, зачем я приехал. Я рассказал ему о предложении Горбачёва. Он тут же схватил телефонную трубку и позвонил Рейгану: «У меня сейчас мистер Шеварднадзе. Горбачёв прислал его, чтобы спросить, не настало ли время для нового разговора?» Рейган что-то ответил. Шульц промолчал. Я понял, что дело не ладится. На следующий день, 19 сентября 1986 года, Шульц пригласил меня к Рейгану. Мы вошли к нему вместе. Прежде Рейган всегда встречал меня дружелюбной улыбкой. Он благоволил мне. В своих воспоминаниях он писал: «Этот симпатичный министр иностранных дел Советского Союза». Но в этот раз он приветствовал меня с холодком: «Какие вопросы мы должны обсудить?»

«Горбачёв полагает, что настало время для новой встречи».

«Я должен об этом подумать».

«Но я должен знать, какой ответ передать», — возразил я немного обиженно.

Тогда он ответил: «Я согласен, но где же нам встретиться? Он, наверное, не захочет лететь в Вашингтон, и я не хочу приезжать в Москву. А как насчет Рейкьявика? Это практически на полпути». Рейкьявик, столица Исландии, в самом деле представлял собой компромиссное решение. При перелете из Москвы в Америку самолет совершал в этом городе посадку, чтобы дозаправиться.

Вернувшись в Москву, я все рассказал Горбачёву.

«Рейкьявик — это на полпути», — сказал Горбачёв. И согласился.

Встреча проходила с 10 по 12 октября 1986 года в Рейкьявике. Горбачёв и Рейган снова разговаривали один на один. Мы с Шульцем

ожидали снаружи. Шульц заметил между делом, что чем дольше они будут с глазу на глаз, тем лучше — так они смогут привыкнуть друг к другу.

Затем они вышли и направились по лестнице вниз — каждый к своей машине. Рейган выглядел разгневанным. Горбачёв, напротив, — спокойным. Прощаясь, Рейган сказал ему: «Вы не дали мне произнести ни слова, поэтому мы не смогли ни о чем договориться».

Горбачёв ответил вопросом: «Не вернуться ли нам обратно?» Рейган отказался и уехал. Но отказ не беспокоил Горбачёва.

Мы тоже сели в машину. Насколько я помню, с нами был Александр Яковлев. Мы пришли к единому мнению, что факт встречи заслуживает положительной оценки.

Нас привезли к зданию, где должна была состояться пресс-конференция Горбачёва. Собралось много людей. Рейган давал свою пресс-конференцию в то же время, только на территории американской военной базы. Мы, конечно, не знали, что он скажет журналистам. Но и он не знал, о чем будет говорить Горбачёв.

«Мои коллеги могут подтвердить — встреча состоялась и была удачной. Я бы даже назвал ее интеллектуальным прорывом в отношениях между Советским Союзом и США», — сказал Горбачёв, и его высказывание вошло в историю.

Встреча в Рейкьявике положила начало будущим переговорам. Американский президент получил возможность убедиться, что с представителями «империи зла» вполне можно иметь дело.

Вообще налаживать и поддерживать взаимоотношения с Рональдом Рейганом было нелегко. Никогда не забуду слов тогдашнего вице-президента Джорджа Буша-старшего, сказанных перед нашей первой встречей с Рейганом в Вашингтоне: «Если хотите чего-то добиться, вам надо найти с Рейганом общий язык. Он действительно правый, правее него — разве только мошенники и негодяи».

В. М. Суходрев
ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ¹
<фрагменты>

Как известно, до М. С. Горбачёва в послебрежневский период пост главы нашего государства кратковременно занимали сначала Ю. В. Андропов, затем К. У. Черненко. По разным причинам, в том числе в немалой степени

¹ Печатается по: Суходрев В. М. Язык мой — друг мой. М.: Олимп, АСТ, 1999. С. 421–431.

связанным с плохим состоянием здоровья, они в международной жизни активного участия не принимали. Стало быть, и в моей памяти заметного следа не оставили. А эта книга основана на том, чему я сам был свидетелем.

Разумеется, и эти руководители проводили встречи и беседы с англоговорящими гостями высокого уровня. Помню, например, приемы Андроповым делегации сенаторов США, а также видного американского политического деятеля Аверелла Гарримана¹. На эти встречи Андропов приезжал из больницы. Из-под манжеты его рубашки на левой руке выглядывал край медицинской повязки. Сенаторов, а их было много, специально завели в кремлевский зал заранее, чтобы вышедшему к ним Андропову не пришлось с каждым здороваться за руку. Время бесед было строго ограничено. Говорил он довольно свободно, по делу, лишь изредка сверяясь с памяткой. За помощью к кому-либо из наших не обращался. Черненко при встречах с иностранцами сильно напоминал позднего Брежнева. Тяжело дыша, от начала и до конца зачитывал «разговорник», постоянно обращался за поддержкой к непременно находящемуся рядом с ним Громыко. Если что и отвечал на реплику собеседника, сразу же поворачивался к Андрею Андреевичу:

— Ну что, так ведь...

Вот, пожалуй, и все памятные моменты.

Теперь перехожу к воспоминаниям о человеке, который в конечном счете подвел черту под нашим прежним существованием.

Вокруг имени Горбачёва создан своеобразный ореол таинственности. Например, до сих пор до конца не раскрыта его роль во всем, что связано с ГКЧП. Сам он сразу же после тех, путчистских, событий заявил на пресс-конференции, что всего никогда не расскажет. Давать его объемный портрет не входит в мою задачу, тем более что общался я с ним мало. Ограничусь лишь некоторыми штрихами.

В то время, когда «весь советский народ», как у нас любили писать в газетах, связывал имя Горбачёва с наконец-то проснувшейся в нашем руководстве долгожданной чуткостью, внимательностью, я лицезрел перед собой человека, отнюдь не блистающего этими душевными качествами. За период деятельности Горбачёва на высоком посту вряд ли кто из его окружения слышал от него слово «спасибо». Если Брежнев, даже будучи уже дряхлым и больным, после окончания официальной беседы с иностранцем, попрощавшись с ним, считал для себя обязательным пожать руку переводчику и поблагодарить его за работу, то Горбачёву это и в голову не приходило. Для него все мы были своеобразной частью обстановки, как столы, стулья, карандаши.

Расскажу о двух наиболее запомнившихся мне эпизодах из моего, повторяю, недолгого общения с последним нашим Генсеком.

Первый опыт моей работы с ним пришелся на день похорон Черненко. С 1982 года, когда умер Брежнев, наступил сложный период в жизни нашего государства: одна за другой последовали еще две смерти первых лиц — Андропова и Черненко. На похороны съезжались лидеры многих государств. Они, конечно, рассчитывали и на личные деловые встречи с новоиспеченным руководством. Времени на такие встречи отводилось мало, да и принять в течение двух дней всех прибывших на очередные похороны новый генсек не мог. Приходилось составлять список «желающих» по степени значимости представляемых ими стран. Каждому отводилось не более тридцати минут, о чем заранее предупреждали.

В такие дни аппарат МИДа буквально стоял на ушах. Надо было подготовить биографические справки о каждом посетителе, а также памятки для бесед с гостями, содержащие информацию об особенностях отношений СССР с представляемыми ими государствами.

Беседы проходили в Большом Кремлевском дворце, в Екатерининском зале. Именитых визитеров заводили в этот зал из примыкающей к нему Зеленой гостиной, а выводили из него через двери, ведущие в Кавалергардский зал. Официанты едва успевали сменить на столе в Екатерининском зале чайно-кофейные приборы, как на беседу тут же приглашался следующий гость.

В день похорон Черненко, как, впрочем, и в последующие за этой церемонией дни, Горбачёв держался достойно. Видно было, что он успевал прочесть наши мидовские материалы. Беседуя с очередным лидером, Горбачёв, помимо каких-то общих положений относительно преемственности общеполитических принципов и направленности политики СССР, довольно четко излагал и собственные соображения, касающиеся дальнейшего развития отношений со страной собеседника. Это впечатляло. Особенно в сравнении с его предшественниками. Например, когда умер Андропов, то Черненко, принимая лидеров разных стран, зачитывал лежащие перед ним заготовки и этим ограничивался.

Многие прибывшие на похороны Черненко раньше уже участвовали в кремлевских беседах, когда приезжали к нам на похороны других генсеков. Горбачёв вселял в них надежду на положительные изменения в Советском Союзе. Новый лидер говорил уверенно, энергично, грамотно, если не считать его извечных «начать» и «принять». С появлением

Горбачёва повеяло свежим ветром перемен в политической жизни страны. Череда встреч с руководителями иностранных государств потребовала от него колоссальной самоотдачи. Я возглавлял группу переводчиков, обеспечивавших эти беседы. Участвовал и сам.

Расскажу о первом большом интервью Горбачёва американскому телевидению, которое я и переводил. Это было в 1987 году. Генсек согласился ответить на вопросы ведущего обозревателя телекомпании «Эн-би-си» Тома Брокау.

К тому времени Горбачёв успешно избавился от тех, кто мог бы напоминать о его предшественниках. Этот процесс шел на всех уровнях. Например, Громыко отлучили от внешней политики методом «пинка вверх» — перевели на должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Обновился и состав Политбюро, куда вошли такие государственные деятели, как Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, а также два антипода — Борис Ельцин и Егор Лигачев.

На тот момент я уже отошел от переводческой деятельности, поскольку давно хотел перейти на самостоятельную дипломатическую работу. Мое место занял младший талантливый коллега Павел Палажченко, который не один год был моим дублером. Но все же синхронный перевод ответов Горбачёва на вопросы американского обозревателя поручили мне: ведь миллионам американцев предстояло слышать голос переводчика. А вопросы Тома Брокау переводить Горбачёву на русский язык поручили Палажченко.

Съемка происходила в Кремле, в небольшой комнате, обычно используемой под столовую генсека. Я появился там за несколько минут до прихода американцев. Все уже было готово. Горбачёв волновался: молча шагал по комнате. Я почтительно поздоровался с ним, а также с его старшим адъютантом Володией Медведевым, которого хорошо знал еще с брежневских времен.

Горбачёв тоже поздоровался со мной, но руки не подал. Сказал мне: — Постараюсь говорить не слишком быстро, хотя может случиться и так, что заведусь.

Я улыбнулся и ответил:

— Не беспокойтесь, Михаил Сергеевич, тогда и я заведусь.

Он на это хмыкнул, и мне показалось, что даже немного успокоился. Через минуту-другую в комнату вошли Том Брокау и его команда. Начался период «разогрева», как это называют американские профессионалы-телевизионщики, а попросту говоря, завязался общий разговор на разные темы, в ходе которого главные действующие лица должны слегка

привыкнуть друг к другу, создать психологический настрой для основного разговора.

Перед самым началом интервью мы с Палажченко вышли в соседнюю комнату, где были оборудованы две кабины с микрофонами и наушниками. И вот беседа началась. Основные вопросы заранее составили и передали Генсеку, так что он, видимо, подготовился, хотя текста перед ним не было. Брокау задавал Горбачёву самые разные, в том числе и неожиданные, вопросы. Словом, был таким, каким его привыкли видеть на своих экранах миллионы американцев — профессионалом высшего класса.

Пересказывать интервью не буду: его транслировали и по нашему телевидению. Скажу только, что Горбачёв вышел с честью из этого своеобразного испытания. Вопросы в основном касались различных аспектов внутренней жизни обновляющегося СССР и международных отношений, в первую очередь — советско-американских. Мне еще запомнился самый короткий ответ Горбачёва. Брокау спросил нашего лидера: что происходит у него дома, когда он после напряженного рабочего дня в Кремле возвращается в семью, о чем беседует с женой? Ответ на этот вопрос, по сравнению с предыдущими, почему-то последовал не сразу. Неожиданная пауза длилась довольно долго. Затем в наушниках прозвучал тихий, отрывистый голос Горбачёва: «Обо всем». И вновь наступила небольшая пауза: Генсек жестом пригласил Брокау задавать очередной вопрос...

Вскоре после показа этого интервью по американскому телевидению я получил телеграмму через наше посольство в Вашингтоне. В ней говорилось: «Ваш перевод интервью, данного Генеральным секретарем компании “Эн-би-си”, был превосходен! Вы напомнили мне о вашей замечательной работе во время моих встреч с Брежневым в 1972, 1973 и 1974 годах. С теплыми пожеланиями — Ричард Никсон^{II}, 3 декабря 1987 года».

Жена нового типа

Очевидно, вопрос о домашних разговорах с женой Брокау задал Горбачёву неспроста. К тому моменту и у нас, и на Западе деятельные черты характера и манера поведения супруги нового советского лидера вызывали много толков. Раиса Максимовна постоянно сопровождала мужа в его частых поездках и за рубеж, и по городам нашей страны. Причем она не только сопровождала, но и проявляла активность: подавала реплики, высказывала непререкаемые суждения во время тех или иных встреч, без конца меняла наряды. Естественно, мы все это видели на телеэкранах.

Повышенную инициативность она проявляла и в ходе встреч с женами зарубежных руководителей, как за границей, так и в Москве.

Если раньше перед встречами на высшем уровне МИД готовил лишь развернутую характеристику того или иного иностранного лидера, то теперь было необходимо составить и подробный словесный портрет его супруги. Кроме того, от нас требовали детальных описаний всех объектов, включенных в «женскую программу» визита. Изучив эти материалы, Раиса Максимовна на всех этапах выполнения данной программы, будь то дома или за рубежом, «командовала парадом», часто вызывая естественную неприязнь своих визави.

Знаменитыми стали ее стычки с супругой Рональда Рейгана — Нэнси. Для жен, на время занятости мужей, предусматривались «женские завтраки» или «женские чаи», разного рода экскурсии, так что у высоких дам была возможность общаться.

В дни пребывания Горбачёва в Вашингтоне был запланирован осмотр Раисой Максимовной Белого дома. Экскурсоводом выступила его тогдашняя хозяйка — Нэнси Рейган. Когда Нэнси показывала своей гостье спальню, Голубую гостиную, прочие помещения исторического особняка, Горбачёва, которая еще в Москве изучила описание резиденции американских президентов, постоянно ее перебивала: да, да, я знаю — Голубая гостиная в таком-то году была такой-то, а потом стала такой-то, переделывалась так-то и тогда-то... Конечно, все говорилось хорошо нам знакомым менторским тоном. Нэнси это доводило просто до бешенства.

Когда же Рейган приехал в Москву, Нэнси выразила желание посетить Третьяковскую галерею, причем просила провести ее только по тем залам, где выставлены иконы. И на сей раз Раиса Максимовна подготовилась. Она приехала в Третьяковку раньше Нэнси. Надо сказать, что обычно супруга Генсека опаздывала на такие мероприятия. Из-за нее опаздывал и сам Горбачёв. Теперь же, ожидая приезда Нэнси, Раиса Максимовна решила пообщаться с журналистами. Она села на излюбленного конька и безапелляционно начала излагать известную концепцию советского атеистического искусствоведения, согласно которой икона — не столько религиозный символ, сколько живописное изображение реальных людей, исполненное в манере своего времени. Короче говоря, получалось, что она отрицает религиозное, духовное значение икон.

Подъехала Нэнси. Но Раиса Максимовна так разошлась, что уже не могла остановиться, хотя ей, несомненно, следовало оказать внимание приехавшей гостье. Лишь спустя некоторое время она повернулась к ней

и кивком поприветствовала. А потом, завершив свою «лекцию», заявила, что вот, дескать, я закончила, теперь пошли смотреть. Выглядело это настолько вызывающе, что стало предметом многочисленных комментариев в зарубежных СМИ. Нэнси отреагировала не менее агрессивно: мол, вы поговорили, дайте и мне сказать...

В таком духе и проходили почти все их встречи...

В роли «певца за сценой»

В тот год, когда Генсеком стал Горбачёв, я, как уже говорил, отошел от переводческой работы и всецело был занят советско-американским направлением нашей внешней политики, являясь заместителем начальника Управления США и Канады Министерства иностранных дел СССР. Во главе МИДа стоял Шеварднадзе. Советско-американское направление при нем стало активно развиваться. Велся интенсивный поиск новых договоренностей с Америкой по всему спектру отношений между нашими державами, включая двусторонние, за разработку которых я нес непосредственную ответственность.

Новый министр резко изменил стиль работы МИДа. Сам он засиживался в своем кабинете допоздна, непременно приезжал в министерство в субботу. Любил проводить в этот день заседания коллегии. Словом, о пятидневке можно было забыть. Рассказывали, что он поначалу очень удивлялся, когда звонил по внутреннему телефону какому-нибудь мидовскому чиновнику часов в восемь вечера и не заставал того на месте. Недовольство его быстро дошло до аппарата МИДа, и вскоре все начальники стали оставаться на своих местах до ухода министра, даже если у них и не было каких-то срочных дел. Впрочем, в Управлении США и Канады работы всегда хватало. Если я тогда являлся домой часов в десять вечера, жена даже удивлялась и спрашивала, не заболел ли я.

В тот период мне не раз приходилось выступать в роли «певца за сценой», то есть быть «английским голосом» Горбачёва в его публичных обращениях к американцам. Так, например, в 1986 году по взаимной договоренности Горбачёв и Рейган выступили 1 января с новогодними телеобращениями, соответственно, к народу США и к народу Советского Союза. Об их временных рамках договорились заранее — не более семи минут. Горбачёву пришлось даже сократить свое выступление, поскольку оно превысило установленное время секунд на тридцать.

В декабре 1987 года Горбачёв впервые прибыл с официальным визитом в Вашингтон. И там голос «певца за сценой» был мой, хотя все

официальные переговоры переводил Палажченко. По инициативе Генсека в нашем посольстве состоялись его, Горбачёва, встречи с деятелями культуры, представителями большого бизнеса США, а также с группой ведущих сенаторов. Для экономии времени решили прибегнуть к методу синхронного перевода, то есть всех присутствующих, включая Горбачёва, снабдили наушниками, а в зале установили микрофоны для выступлений и вопросов. Мы с Палажченко находились в том же зале, но в специальных кабинках, откуда и переводили: Павел — Горбачёву на русский, а я — Горбачёва на английский.

Надо сказать, это был период пика популярности Горбачёва на Западе вообще и в США в частности. Так что на разосланные загодя приглашения откликнулись многие знаменитые писатели, артисты, режиссеры, представители наиболее крупных промышленных компаний, влиятельные сенаторы. В нашей печати публиковали подробные отчеты об этих встречах. К сожалению, Горбачёв к тому времени уже больше говорил и все меньше слушал. Об этом серьезном для высокого руководителя недостатке тогда уже говорили у нас в стране. Отметим его и американская пресса. Ведь вместо обещанного диалога на вашингтонских встречах получились длинные монологи-лекции, изредка перебиваемые краткими вопросами гостей. Помню, один из сенаторов прямо заявил, что никогда бы не пошел на встречу, если бы знал, что все сведется к сплошному говорению советского лидера. Как он подчеркнул: без права на ответ.

Полагаю, он был прав. Я тоже так подумал.

П. Р. Палажченко ПРОФЕССИЯ И ВРЕМЯ¹

*записки переводчика-дипломата
<Фрагменты>*

Горбачёв. Начало

Сейчас Горбачёву 89 лет, и все последние тридцать четыре года я остаюсь с ним. Честно говоря, глядя на него сегодня, я с трудом представляю себе его тогдашнего — 54-летнего, крепкого, «реактивного». Время и удары судьбы сделали свое дело. Себя тогдашнего я помню

¹ Печатается по: Палажченко П. Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата // Знамя. 2020. № 10. С. 121–166.

лучше, и хорошо помню, как в мае 1985 года мой начальник, заведующий отделом переводов МИД Александр Развин сообщил мне по телефону, что я буду переводить интервью генсека корреспонденту индийского информационного агентства. Сказал он это почти рутинно, без торжественности и дрожи в голосе, и я это оценил и продолжал разговор без удивления и пафоса. Мы сидели с соседом на кухне моей квартиры на улице Кедрова, он поинтересовался, о чем был разговор. Когда я сказал ему, он тоже реагировал вполне спокойно, без всяких «ух ты!». Это может показаться даже несколько странным, потому что в те годы (да, думаю, и потом) все связанное с первым лицом страны было окружено почти мистическим ореолом. Но, может быть, оба мы немного лукавили. Переводить на высшем уровне — ответственность особая. Для меня это было впервые. Готовился визит в СССР молодого индийского премьера Раджива Ганди¹, и я сразу предположил, что от того, как пройдет мой «дебют», зависит, буду ли «работать на визите». Я был бы неискренен, если бы сказал, что был к этому безразличен. Но особого волнения не было. Я был уверен, что справлюсь. Первое, что бросилось в глаза, когда на следующий день я вошел в кабинет Горбачёва вместе со слегка обалдевшим индийским журналистом, — насколько отличался Горбачёв от своих предшественников. Все они — Брежнев последние годы жизни, Андропов, Черненко — были тяжелобольными людьми. Горбачёв, помимо того, что был здоров и бодр, вел себя очень естественно, доброжелательно, без напыщенности и напускной серьезности. После рукопожатия индийский корреспондент почему-то задал для начала такой вопрос:

— Mr. General Secretary, is this your office or your study?

Я на секунду удивился — мне такой вопрос никогда не пришел бы в голову. И чуть не забуксовал: по-русски и то, и другое — кабинет. В переводе получилось так: это ваш официальный офис или рабочий кабинет? Может быть, немного неуклюже.

— И то и другое, — не переспрашивая, ответил Горбачёв.

Интервью, как это было тогда принято, состояло из письменной и устной, реальной части. Письменные ответы на заранее переданные вопросы у корреспондента, кажется, были, и он мог задать несколько дополнительных вопросов. В вопросах и ответах не было ничего неожиданного, продолжалось устное интервью, наверное, минут пятьдесят, перевод у меня шел легко. Среди прочего корреспондент спросил, верно ли, что Горбачёв обязан своей партийной карьерой поддержке Андропова.

— Да, — ответил Горбачёв, — Юрия Владимировича я знал и многому у него научился. Как, впрочем, и у других руководителей — Леонида Ильича Брежнева, Михаила Андреевича Суслова¹¹.

(Позже я обратил внимание на то, что Горбачёв не пытается играть на сложившемся «в народе» отношении к своим предшественникам, будь то положительном или отрицательном. Много лет спустя он иногда рассказывал мне о них разные вещи, но никогда не делал этого в глумливом тоне.)

После интервью помощник генсека Андрей Михайлович Александров-Агентов пожал мне руку и сказал:

— Спасибо за перевод. Я думаю, мы с вами будем встречаться.

Сам Александров работал с Горбачёвым до февраля 1986 года. Человек он был незаурядный, но, как и Громыко, был символом прежней внешней политики. Тем не менее с заменой Горбачёв не спешил и в конце концов остановил выбор на Анатолии Черняеве. С этим решением он, что называется, попал в точку, и сам об этом не раз говорил, хотя люди они очень разные. А Александров некоторое время работал в МИДе послом по особым поручениям. В 1987 году, когда я работал в управлении США и Канады, я встретил его в одном из мидовских кабинетов, он был в хорошем настроении, хотя, понятное дело, смена статуса не может не сказываться на человеке. Намек Александрова я понял. Но хотя в МИДе поговаривали, что многолетний переводчик советских лидеров Виктор Суходрев вскоре поедет послом в одну из европейских стран, я не думал, что стану его преемником. Были люди старше меня по рангу и по стажу. А через две-три недели состоялся визит Раджива Ганди. Это был первый визит иностранного лидера в СССР при новом руководстве. В аэропорту его встречали премьер-министр Тихонов и Громыко, после чего в Кремле на свежем воздухе предполагалась официальная церемония прибытия. Но пока кортеж ехал в Москву, разразилась гроза, и церемонию пришлось заменить поспешным фотографированием (коллективная фотография на другой день была опубликована в газетах, и так я впервые оказался на первой странице «Правды»).

Непрошедшее

Горбачёв провел гостей на так называемую «собственную половину», гостевые апартаменты, которые иногда, довольно редко, предоставляли главам государств как резиденцию во время официальных визитов. Вообще Ганди и его супруге было оказано особое внимание. Но первый день переговоров, с участием делегаций, был совершенно рутинный:

разговор шел по «домашним заготовкам», были подписаны заранее подготовленные соглашения, вечером — официальный обед. Переводчик индийской делегации зачитывал тезисы, заранее переведенные на русский язык, а когда начинался обмен спонтанными репликами (их было не так уж много), выразительно смотрел на меня, и я переводил в обе стороны. На следующий день беседу один на один переводил я, по просьбе Ганди не присутствовали даже помощники — в общем, настоящий тет-а-тет. На эту беседу я чуть не опоздал — впервые поднявшись «на высоту» (третий этаж бывшего здания Сената в Кремле, где находился кабинет генсека), я умудрился пойти не в ту сторону и шел по длинному коридору, пока не понял, что иду не туда. Стараясь не бежать — надо же сохранять достоинство, — я ринулся в противоположную сторону и через несколько минут был у двери кабинета, где у меня даже не проверили документы. И почти сразу после этого в «предбаннике» появился Ганди в сопровождении одного человека, который там и остался его ждать. Вообще у Раджива были основания мало кому доверять. Михаил Горбачёв и Раджив Ганди нашли общий язык как-то сразу, прежде всего по-человечески. Беседа была живой и очень доверительной. Потом я переводил их тет-а-теты не раз и видел, что, хотя в отношениях между двумя странами не все было так безоблачно, как могло показаться на первый взгляд, они старались, что называется, войти в положение друг друга. Между ними была взаимная симпатия, как мне кажется, еще и потому, что оба были руководителями больших и очень сложных, даже трудных стран. У Ганди, возможно, было трагическое предощущение — он оказался во главе страны, потеряв сначала брата, предполагаемого наследника «династии» Ганди, затем, в 1984 году, мать, а через несколько лет сам разделил судьбу Индиры Ганди^{III}, став жертвой политического убийства. Ганди был всегда спокоен, выдержан, очень хорошо, точно говорил по-английски. В политике он был реалистом, но для него существовала и мораль. Горбачёв это чувствовал, он, я полагаю, уже тогда думал об общечеловеческих ценностях, о которых потом не раз говорил. Внедрить в политику мораль — задача до сих пор не решенная, но мне кажется, что предыдущее поколение политиков, по крайней мере, понимало или догадывалось, что такая задача есть. Во всяком случае, люди этого поколения были менее циничными, чем некоторые их преемники, а это уже немало. Деликатным вопросом в советско-индийских обсуждениях — и это я почувствовал уже в той первой беседе — был Афганистан. Индийцы опасались, что уход СССР оттуда усилит Пакистан и Китай. Но Ганди понимал, что решение

о выводе войск — политическое, а потом понял, что оно окончательное. Мы держали его в курсе наших планов и переговоров с США, он делился довольно конкретной информацией. А взаимная симпатия Горбачёва и Ганди с годами росла. Горбачёв делился с Радживом своими мыслями, планами, иногда не совсем сформировавшимися, даже своими сомнениями. Они не раз встречались в трудные моменты для одного или другого — или для обоих. И мне иногда казалось, что их общение придает им силы. Они пережили потрясения и предательство. В мае 1991 года Ганди был убит, а в декабре Горбачёву пришлось уйти. Первая их беседа один на один длилась почти три часа. Ганди иногда что-то записывал в своем блокноте. А я потом несколько часов диктовал машинистке в здании ЦК на Старой площади подробную запись беседы. В свою холостяцкую квартиру я вернулся ближе к полуночи. Должен признаться — «с чувством глубокого удовлетворения». Я справился. В своих силах я не сомневался, но на этом уровне, особенно вначале, нужен некоторый кураж. Синхронистам без него не обойтись, но все-таки одно дело переводить в кабине, пусть даже в ООН, а другое — «на высоте».

Перемены в МИДе

Сообщение о назначении Эдуарда Шеварднадзе министром иностранных дел произвело в МИДе шоковое впечатление. Этого никто не ожидал. В министерстве был, наряду с некоторой усталостью от Андрея Андреевича Громыко, своего рода культ его личности, по большей части вполне искренний. Часто говорили о том, как уважают его западные коллеги. Это было действительно так. Но и они подустали от веселых фраз нашего министра, произносимых с большой убежденностью, но не дававших никакого просвета в мрачной картине тогдашней мировой политики. Подустали и мидовцы. Дипломаты помоложе позволяли себе иронию, для которой иногда были основания. Однажды, выступая на совещании мидовского «актива», министр бросил фразу, цитируя которую остряки более или менее удачно пытались имитировать его характерную манеру говорить:

— Что делают американцы? Приведу арифметический пример. Они хотят, чтобы мы сокращали... (пауза) больше, а они... (долгая пауза, взгляд в упор) меньше!

В общем, смена руководства была закономерной, но никто не ожидал, что министром станет провинциальный партийный руководитель из Грузии, о котором никто почти ничего не знал. Понимая необходимость

появления нового человека, мидовцы ожидали назначения из своих рядов, министра-эксперта, а не политика. Я слышал скептические отзывы, но уже тогда считал, что традиция, когда министром иностранных дел становится не карьерный дипломат, а человек с политическим опытом — верная. Есть, конечно, примеры очень успешных министров иностранных дел — карьерных дипломатов, но еще больше примеров, когда такими становятся крупные политики. Без этого трудно обеспечить реальный вес министерства в принятии политических решений. У меня было ощущение, что Горбачёв сделал интуитивный выбор и что, вполне возможно, этот интуитивный выбор окажется правильным. Тогда я не знал, что их связывали довольно тесные личные отношения (что редко бывало, кстати, среди советских политиков крупного масштаба — это не поощрялось, и они этого просто боялись) и что для Горбачёва важен был фактор личного доверия. Не личной преданности, а именно доверия. Первое время почему-то было много разговоров о том, что новый министр начнет сейчас борьбу с семейственностью. Она, конечно, присутствовала, но была далеко не главной из всех наших проблем. Вроде бы на каких-то совещаниях Шеварднадзе призывал с ней бороться, но вскоре понял, что получится только очередная кампанейщина, и борьбу спустили на тормозах. В коридорах и кабинетах жадно ловили любые новости с седьмого этажа, где размещался кабинет министра. О назревших переменах во внешней политике говорили мало. Больше — о возможных кадровых решениях. Рассказывали, что за первые две-три недели министр переговорил отдельно со всеми своими замами и руководителями отделов, в основном слушал, и остался не очень доволен.

Для меня приход Шеварднадзе обернулся важной переменой в практике проведения переговоров на высоком уровне <...>

Беседа один на один стала началом не только профессиональных, но и личных отношений Шульца и Шеварднадзе. Она была короткой. Как потом оба рассказывали мне, суть беседы состояла в том, что они дали друг другу обещание: сделать все, чтобы помочь двум лидерам — Рейгану и Горбачёву — вывести отношения между СССР и США из опасного тупика. Начиналась подготовка к первой после шестилетнего перерыва встрече лидеров СССР и США. Иллюзий не было: думаю, оба понимали, что путь будет трудный. А я тогда не знал, что вместе с Шеварднадзе пройду свой путь — многочасовые переговоры, тысячи километров в самолете Ил-62, надежды, тревоги, разочарования, драматический момент его отставки, которая не была для меня полной неожиданностью...

Сделал он немало, и сделанное им надо ценить. Но на его похоронах не было ни одного официального представителя России <...>

Первый саммит

<...> В газетах много писали о подготовке первого за шесть лет советско-американского саммита в Женеве. Необходимость в нем, как говорится, назрела. Как не очень дипломатично говорил потом Рейган, он давно хотел встретиться с советским лидером, но они один за другим умирали («I was ready to meet but they kept dying on me»). Сегодня это может показаться странным, но в США было немало влиятельных людей, как внутри администрации, так и вне ее, которые были против проведения саммита. Об их аргументах можно составить себе представление из статьи, основанной на высказываниях Збигнева Бжезинского^{IV}, упрекающего Рональда Рейгана в том, что он слишком уж рвется встретиться с Горбачёвым (который «полностью соответствует формуле КГБ») и чуть ли не унижается перед советским генсеком. В ретроспективе такие аргументы и намеки на «мягкотелость Рейгана» выглядят, я бы сказал, несколько комично. Внутри администрации противником встречи был министр обороны Уайнбергер, но Рейган «мягко, но твердо» отклонил его непримиримую позицию: «Это не наш путь» («We won't go that way»). Много лет спустя бывший посол США в СССР Джек Мэтлок^V, который координировал подготовку к саммиту и настраивал президента США на встречу с Горбачёвым, подарил мне копию «надиктовки» Рейгана, в которой американский президент зафиксировал свое тогдашнее представление о Горбачёве, оценки предыдущих саммитов и ожидания от предстоящего. Это своего рода «мысли вслух». Конечно, многое в этих заметках несет на себе отпечаток холодной войны, многое связано с внутриполитическими соображениями президента, но есть там и очень интересные и довольно тонкие мысли. Рейган, в отличие от других членов американской делегации, не отвергает идею совместного советско-американского заявления: «Откровенная констатация — в чем мы согласны друг с другом и в чем не согласны — это стоит обсудить. Но пусть не будет разговоров, кто победил, а кто проиграл. Даже если мы будем думать, что выиграли, разговор об этом нам не выгоден, учитывая свойственный им комплекс неполноценности»... Я, насколько позволял доступ к информации, следил за всем этим с большим интересом, но не ожидал, что окажусь в Женеве. Мое непосредственное начальство дало понять, что на женевский саммит я «не планируюсь» и останусь до конца сессии

в Нью-Йорке. Значит, так тому и быть, решил я. Но по каким-то причинам более высокое начальство решило по-своему, и, кажется, 12 ноября в представительство СССР при ООН в Нью-Йорке пришла телеграмма с распоряжением купить билет (как выяснилось потом, бизнес-класса) в Женеву и отправить меня туда как можно скорее. Правда, мой отлет несколько задержался по довольно странной причине: консульская группа представительства почему-то решила, что меня пустят в Женеву по дипломатическому паспорту без визы, а когда наконец выяснили, что виза нужна, пришлось оформлять ее в спешном порядке, а это дело довольно нервное. Но на самолет я успел. Это был мой первый саммит. Недавно Джек Мэтлок дал интересное интервью, где довольно подробно рассказал о том, как шла к саммиту американская сторона. С обеих сторон были желающие устроить перетягивание каната по поводу сроков и места проведения встречи. По-разному понимали стороны и ее возможные результаты. Американцы долго — фактически вплоть до самой встречи — противились принятию какого-либо совместного документа, считая работу над ним потерей времени: дескать, главное — встретиться, познакомиться и дать импульс переговорам. Приходилось по ходу подготовки решать и множество организационных и протокольных вопросов, которые иногда приобретали самодовлеющее значение. Во всем виделось соперничество. Мэтлок вспоминает, как уже во время саммита американская пиар-команда позаботилась о том, чтобы Рейган (в холодный и ветреный день) вышел в костюме и без головного убора встречать Горбачёва, вышедшего из автомобиля в пальто и шляпе. Американская пресса писала по этому поводу, что Рейган «выглядел динамичнее». И у нас некоторые обратили на это внимание. Мне кажется, что акцентирование подобных вещей в СМИ и в разговорах пикейных жилетов идет от непонимания сути саммитов. Правильно понятая задача любой встречи на высшем уровне — определить направление большой политики, а не соревноваться в том, какое впечатление произведет тот или иной руководитель. И надо сказать, что на каждом следующем саммите можно было констатировать, что на первый план все больше выходит содержание, а не форма. Горбачёв любит вспоминать, что после первой встречи один на один с Рейганом (она была довольно короткой, и ее переводил — в режиме последовательного перевода — Николай Успенский) он в беседе с членами делегации назвал американского президента «настоящим динозавром». Думаю, это произошло потому, что Рейган неожиданно пустился в рассуждения о вредности марксизма и идей «мировой

революции». Это действительно оказалось несколько неожиданно, поскольку идеологию принято было оставлять за скобками дипломатии и переговоров на высшем уровне. Но у Рейгана это входило в «обязательную программу» первого саммита: много лет спустя его сын Майкл рассказывал, что «отец должен был выговориться», он всю жизнь мечтал «все выложить» советскому лидеру. Горбачёв ответил, что президент ошибается, если думает, что он не спит ночами, размышляя, где бы еще устроить революцию. И вообще Горбачёв старался на этом саммите спускать идеологический момент на тормозах, в чем я убедился, оказавшись рядом с ним и членами делегации во время одного из их разговоров. Когда ветеран идеологических боев Леонид Замятин^{VI} стал педалировать эту тему и ругать Рейгана, Горбачёв прервал его: «Другого президента у нас нет, его выбрали американцы».

Встреча в составе делегаций, которую я переводил, прошла в нормальной атмосфере, и в высказываниях Горбачёва были некоторые нюансы, на которые американцы не могли не обратить внимания. Например, когда речь зашла об Афганистане, Горбачёв сказал, что «у нас нет планов там обустроиваться». Что особенно запомнилось? Ну, например, момент, когда во время небольшого перерыва в переговорах в здании советского представительства вдруг погас свет. Просто вырубился — полный «блэкаут». Какая-то, как потом выяснилось, авария в женеvской системе электроснабжения. Прошло, может быть, полминуты, прежде чем включился резервный генератор — и можно только представить себе, что происходило в эти секунды в головах участников саммита. Что происходило в моей — я, честно говоря, уже не помню. Но больше всего запомнился обед в советском представительстве. Участвовали, с супругами, Горбачёв, Рейган, Шеварднадзе и Шульц. Я не так часто переводил на «протокольных мероприятиях» и всегда считал перевод на них довольно каверзным делом. Сидишь на каком-то приставном стульчике, вокруг снуют официанты, которые могут и опрокинуть что-нибудь на тебя (такое случалось), не все слышно, да и тематика и лексика могут оказаться самыми неожиданными. Главное здесь — атмосфера, «химия», как говорят американцы. О переговорных вопросах на этом обеде речи не было. Темы возникали разные <...>

В общем, первый неформальный контакт состоялся, и это в конце концов оказалось важнее, чем возникавшие в последующие годы шероховатости, в частности, в отношениях первых леди, о которых любила посудачить пресса. Тем временем делегации работали над совместным

заявлением, которое все-таки решили согласовать и принять, вопреки первоначальным возражениям американской стороны. Работа продолжалась чуть ли не до утра, и дипломатам, а также моим коллегам-переводчикам пришлось изрядно потрудиться. По некоторым вопросам Горбачёву приходилось советоваться с Москвой, что, кстати, происходило и на последующих саммитах, на которых я переводил. Об этом важно напомнить потому, что сегодня его нередко обвиняют в принятии волюнтаристских решений вопреки мнению других членов руководства. Эти обвинения совершенно голословны, не подкреплены какими-либо документальными доказательствами. Вообще у меня всегда было впечатление, что и Горбачёв, и американские президенты полностью осознавали, что они работают в определенных политических рамках и должны взвешивать различные позиции внутри своих стран. Совместное заявление, по-моему, получилось содержательным. Главное в нем — тезис о том, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителя» и что стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства друг над другом. Кстати, далеко не все в СССР и США были с этим согласны. Идеи достижения решающего военно-технического превосходства над потенциальным противником витали не только в военных кругах. Но последнее слово всегда остается за политическим руководством. Тезис о недопустимости ядерной войны стал основой не только для активной работы на переговорах по сокращению ядерных вооружений, но и одной из основ личных отношений Рейгана и Горбачёва. Неприятие ядерного оружия сближало их. Саммит закончился довольно торжественной церемонией подписания совместного заявления. Оно и сегодня, по-моему, читается вполне актуально <...>

Дата визита Рейгана неуклонно приближалась, сенат, затянув до последнего момента, 27 мая ратифицировал Договор о ликвидации ракет средней дальности и после четырнадцатилетнего перерыва в визитах президентов США в нашу страну Рейган прибыл в Москву^{VII}.

Официальная церемония прибытия состоялась в огромном Георгиевском зале Кремля. Рейган и Нэнси шли, взявшись за руки, президент оглядывался по сторонам, смотрел на потолок и люстры и был явно поражен масштабом. Все шло по протоколу и сценарию, но я сразу обратил внимание на атмосферу — она была другой даже по сравнению с вашингтонским саммитом. И такая атмосфера сохранялась все последующие дни. И если вашингтонский саммит был началом конца гонки вооружений,

то московский визит Рейгана — началом конца холодной войны. Главным событием визита стали не переговоры, не обмен ратификационными грамотами по Договору РСМД и даже не речь Рейгана в МГУ (которая, надо сказать, ему очень удалась — такие выступления были его коньком), а прогулка Горбачёва и Рейгана по Красной площади и Кремлю. Не знаю, была ли прогулка заранее обговорена с американцами, но, когда Михаил Сергеевич предложил это Рейгану, тот с удовольствием согласился. Сначала постояли на Ивановской площади, где Горбачёв рассказал о происхождении словосочетания «кричать во всю Ивановскую», потом вышли из Спасских ворот на Красную площадь, где несколько раз говорили с группами гулявших там людей (вполне возможно, специально отобранных). У Рейгана была заготовлена, видимо для такого случая, очень удачная фраза: «We must talk to each other rather than about each other» («Надо говорить друг с другом, а не друг о друге»). Я потом ее часто вспоминал, особенно в последние годы. Потом вернулись в Кремль через вход Никольской башни и остановились у Царь-пушки, где лидеров поджидала группа журналистов. Вопросы были разные, как обычно довольно бледные у наших корреспондентов и очень по делу — у американцев. И тут произошло событие. Один из журналистов спросил у Рейгана, считает ли он по-прежнему Советский Союз империей зла. Рейган не стал уклоняться от ответа.

— Нет, — сказал он, — то было другое время, другая эра. А на пресс-конференции, завершавшей его визит, он подтвердил свои слова и выразился еще яснее:

— В большой мере это происходит благодаря господину Горбачёву. Я думаю, здесь происходят перемены, они стремятся к переменам...

Я прочитал «Перестройку» и нашел там много, с чем я могу согласиться. Любого другого президента правые подняли бы на вилы за такие слова. Но Рейган был для них неприступен. В этом была его сила. Он был искренен, когда говорил об «империи зла», и искренен, когда говорил, что больше так не думает. Много лет спустя Горбачёв писал об этом моменте: «Мы не стали по этому поводу устраивать ликование. В конце концов мы свою страну никогда империей зла не считали. Но я отнес это признание Рональда Рейгана к главным результатам его визита в Москву». А в самом конце визита президента США произошел инцидент, который мог бы сильно его омрачить. В последний день было запланировано посещение Большого театра, а после балета — ужин только для Горбачёва и Рейгана с супругами на даче в Ново-Огарево. Но представление началось с большим опозданием из-за того, что охрана Рейгана настаивала

на дополнительном досмотре зрителей. Об этом доложили Горбачёву. Это был один из редких случаев, когда я увидел, что Горбачёв по-настоящему возмущен, хотя он сохранял спокойствие. Вместе с Раисой ему пришлось ждать в одном из кремлевских помещений сигнала из театра о том, что все готово и «можно идти».

— Ну, что, — сказал Горбачёв, — если они нам не доверяют... не знаю, может, не надо этого ужина? В театре перекусим...

Раиса Максимовна отреагировала после короткой паузы, не без иронии, как мне показалось:

— Да и устали они, наверное.

Подал голос начальник охраны Медведев:

— Давайте отменим ужин, если они нам не доверяют. Мы так старались, чтобы визит хорошо прошел, а они...

Горбачёв посмотрел на меня. Раиса спросила:

— А вы что думаете?

— Честно говоря, — ответил я, — если можно не отменять ужин, то лучше не отменять. Визит прошел хорошо, а осадок останется нехороший.

...Через несколько минут мы были в Большом театре. Рейган и Нэнси прибыли с сияющими улыбками, было видно, что они ожидают ярких впечатлений.

— Господин президент, — обратился к Рейгану Горбачёв, — мне сказали, что возникла угроза вашей безопасности. Ваши люди что-то нашли? Может быть, бомбу?

Рейган ответил, что ни о чем таком не слышал.

— А мы волновались, — продолжал Горбачёв. — Ну ладно, не будем об этом. Посмотрим балет, а потом поедem к нам на дачу и там поужинаем.

<...> Речь Горбачёва в ООН действительно была поворотным пунктом в выстраивании его внешней политики. Она и сегодня звучит сильно, в ней много такого, к чему России рано или поздно придется вернуться. Когда мы с Виктором Суходревым чуть ли не до полуночи переводили присланный со Старой площади окончательный текст, его неординарный характер бросался в глаза. Помимо всего прочего текст был хорошо написан и, как все хорошо написанные тексты, переводился легко. Несколько легкомысленно я положил единственный экземпляр перевода в портфель и поехал домой спать. На следующий день, слава Богу, не забыв текст, я летел в Нью-Йорк — уже в который раз... Но это

был, конечно, особый случай. Из аэропорта имени Кеннеди мы ехали в кортеже автомобилей, длиннее которого я не видел ни до того, ни после. Службы охраны — американская и советская — приняли все мыслимые и немыслимые меры предосторожности. Были блокированы все улицы, ведущие к шоссе, по которому шла эта нескончаемая вереница, полгорода стояло в пробках. Академик Арбатов, время от времени появлявшийся рядом с Горбачёвым, даже предположил, что это чуть ли не подстроено специально, чтобы настроить жителей Нью-Йорка против Горбачёва, но его опасения не оправдались. Люди, которых опрашивали журналисты местных телеканалов, были настроены доброжелательно и даже восторженно. Утром в день выступления я пришел в наше представительство пораньше, чтобы внести в перевод последние изменения и взглянуть на газеты. Выходя из кабинета, увидел на экране телевизора сообщение о землетрясении в Армении. Очень кратко: мощные подземные толчки. О пострадавших в первые минуты ничего не сообщали. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, ему тоже успели сообщить только о факте землетрясения. Через несколько минут я входил вместе с ним в зал Генеральной Ассамблеи. На секунду промелькнуло воспоминание о том, как в ноябре 1974 года я впервые вошел в основную кабину синхронного перевода, взглянул с высоты третьего этажа на огромный, напоминающий гигантскую пещеру зал...

Горбачёва слушали в абсолютной, почти звенящей тишине. И слышали больше, чем ожидали. Это было прощание, разрыв с догмами прежней политики. Перечитывая эту речь сегодня, в ней трудно найти даже следы «марксизма-ленинизма». Главное — не было пропасти между внутривнутриполитическими реальностями и внешнеполитической риторикой. Потому что к этому времени в стране уже очень многое изменилось, как нам тогда казалось, бесповоротно: «Сейчас в местах заключения нет людей, осужденных за свои политические и религиозные убеждения. В проекты новых законов предполагается включить дополнительные гарантии, исключающие любые формы преследования по этим мотивам». Кто раньше мог такое сказать? И вот это запомнилось: «Было бы наивно думать, что проблемы, терзающие современное человечество, можно решать средствами и методами, которые применялись или казались пригодными прежде». И это актуально сегодня: «Наращивание военной силы не делает ни одну державу всесильной». И многое другое можно цитировать. Но было сказано и такое, что еще предстояло доказать: «Свобода выбора — всеобщий принцип, и не должен знать исключений».

Тогда это могло показаться демагогией: а как же Восточная Европа? Но уже через несколько месяцев доказательства были предъявлены. Венгры разрезали колючую проволоку на границе с Австрией. Тысячи «восточных немцев» рванули на Запад через Чехословакию. И понеслось...

Оказалось, что слова о признании свободы выбора — не пустая риторика. В тот день в СМИ, среди политиков и дипломатов больше всего говорили об анонсированных Горбачёвым шагах по сокращению наших войск в Восточной Европе. Да, это выглядело впечатляюще: уменьшение численности вооруженных сил на 500 тысяч человек, вывод из Восточной Европы и расформирование шести танковых дивизий, артиллерии, самолетов... Но пронизательный Джордж Шульц сказал: не это главное. Это действительно новое мышление, сказал он. Это конец холодной войны. Я не думаю, что он поспешил с выводом. Переполненный зал встретил речь Горбачёва овацией. Аплодировали так долго, что нельзя было не сделать вывод — искренне. А у Горбачёва — следующий пункт программы. Предстояла встреча с Рейганом и избранным месяц назад его преемником — Джорджем Бушем. Местом встречи избрали Губернаторский остров — клочок земли между Манхэттеном и Бруклином <...> Не доезжая до паромной переправы у моста, кортеж остановился: срочная просьба из штабной машины. Это был такой же ЗИЛ, как и первая машина, там связь и расчет охраны. Вышедший из машины начальник «девятки» Плеханов сообщил Горбачёву: звонок из Москвы, просят поговорить до начала встречи. Горбачёв, не обсуждая, вышел и сел в машину связи. Мне кажется, он предполагал, о чем пойдет речь. Вернувшись минут через десять, он сказал:

— Рыжков звонил. Беда. Землетрясение в Армении очень мощное. Разрушительное. Пока не знают, сколько людей погибло, но плохо дело. Я попросил Язова и всех подключиться. Сразу после переговоров буду звонить. Большая беда.

Нью-Йорк: остаток дня и отъезд

Горбачёв рассказывал потом, что решение прервать поездку и вернуться в Москву в связи с землетрясением он принял сразу после телефонного разговора с Рыжковым. Беседу с президентами он начал с рассказа об этом звонке. Американцы сразу предложили помощь, Горбачёв поблагодарил. Сказал, что скорее всего программу поездки придется сократить, но «надо посоветоваться». Рейган подытожил совместную работу:

— Готовясь покинуть свой пост, я с гордостью вспоминаю о том, чего мы с вами вместе добились.

Буш сказал, что продолжит курс на сотрудничество.

— Думаю, его уже нельзя повернуть вспять. Во всяком случае, я лично хочу на основе достигнутого строить дальше наши взаимоотношения.

После этого все прошли в довольно скромную комнату, где был накрыт стол для ланча. Разговор был продолжен вместе с другими участниками. Читая сегодня запись беседы, вижу, что всего за час-полтора удалось обсудить многое: региональные проблемы, запрещение химического оружия, ядерные вооружения. Во многом соглашались. Но возникали и «нюансы». Например, Горбачёв отметил:

— Мне показалось, что вице-президент с несколько меньшим энтузиазмом подходит к вопросу о 50-процентном сокращении стратегических вооружений.

Буш не уклонился от ответа:

— Вы только наполовину правы. Я поддерживаю глубокие сокращения стратегических арсеналов, но считаю, что этот вопрос надо рассматривать в комплексе с другими проблемами безопасности.

Это было, конечно, предвестником «стратегического обзора», затеянного новой администрацией в первые месяцы его президентства. В итоге больших изменений в позиции США по СНВ не произошло, но время было упущено. Говорили, конечно, и о переменах в СССР.

— Мы свой выбор сделали, — сказал Горбачёв. — Общество будет меняться в направлении основных тенденций мировой цивилизации. Мы полностью отдаем себе отчет, что изменить придется очень многое. Понимаем, что будет трудно, и вы тоже должны это знать. Нам уже трудно. И мы знаем, что новому президенту дают разные советы, в том числе — воспользоваться этими трудностями, чтобы навязать свою волю, а еще лучше — развалить это «проклятое государство».

Рейган отреагировал сразу (цитирую по записи беседы):

— Хочу, чтобы вы правильно поняли. Мы за перестройку. Если и есть какие-то деятели, которые желают вашим реформам провала, то их лишь горстка, и они не выражают мнения большинства.

Его поддержал Буш:

— Я уверен, что у нас в стране нет серьезных деятелей, которые желали бы перестройке неудачи и радовались бы хаосу в Советском Союзе.

Когда беседа близилась к концу, Горбачёв сказал:

— В таком трудном деле, которое мы начали, могут случаться и временные откаты — ведь это многогранный процесс, порой сопряженный с борьбой, но процесс необратимый.

И завершающий тост Рейгана:

— Хочу, чтобы вы мне поверили. Мы действительно вас поддерживаем в этом трудном начинании. Предлагаю в этой связи прощальный тост: за ваши достижения, за то, чего мы с вами вместе добились. И наконец, за то, чего вы еще добьетесь в сотрудничестве с будущим президентом США. После разговора — фотографирование на улице. Рейган на несколько минут вышел, и Буш отвел Горбачёва в сторону. Снова говорили без американского переводчика. Сказанное им я потом записал по памяти:

— Хочу вам сказать, что, подбирая свою команду, я не назначил и не назначу ни одного человека, который враждебно относился бы к тому, чего мы достигли на нашем курсе развития советско-американских отношений. Этому я лично придаю большое значение при подборе людей. Можете на это рассчитывать.

А после этого стал говорить, что его беспокоит то, что происходит в Центральной Америке, и он просит Горбачёва уделить внимание этой проблеме. Это был, конечно, намек на действия Кубы в этом регионе — заранее подготовленный ввиду того, что из Нью-Йорка Горбачёв должен был лететь в Гавану. Фотографировались вдвоем на специально установленном подиуме. Место было выбрано очень эффектное, фон — бухта, статуя Свободы, Ист-Ривер, небоскребы Манхэттена... День был прохладный, дул сильный ветер. Так что всем, в том числе Рейгану, который любил фотографироваться без пальто (в 1985 году в Женеве из этого даже сделали «пиар-ход»), пришлось утеплиться. Протокольщики, особенно американские, очень не любят, когда на постановочных снимках в кадр попадают переводчики. Поэтому меня и моего американского коллегу попросили стоять внизу, а «президенты друг друга поймут». Но через пару минут Горбачёв все-таки подозвал меня, и я взбежал на подиум, перевел несколько реплик и пояснений. У меня сохранилось несколько фотографий встречи на Губернаторском острове, в том числе этого эпизода. Смотреть на эти фотографии сегодня немногo грустно. Умерли Рейган, Буш, разрушены башни-близнецы... Кто-то скажет, что и дело, начатое в те годы, тоже разрушено. Что тут скажешь... Я все-таки думаю, что оно не разрушено полностью и со временем будет продолжено. У Горбачёва было намечено еще два мероприятия — встреча с бизнесменами и большой прием в ООН. Башни-близнецы, где

состоялась сокращенная до получаса встреча с бизнесом, не были шедевром архитектуры, но вид со 101-го этажа открывался потрясающий. Горбачёв обошел смотровую площадку, особенно внимательно смотрел на зажатый между Гудзоном и Ист-Ривер Манхэттен с его небоскребами, как бы вырастающими из скальной породы. Он не скрывал своего впечатления. Он вообще умел восхищаться плодами трудов человеческих. И в кратком выступлении он об этом сказал. Пришелся к слову и Бруклинский мост:

— Мне рассказали, как нелегко было воздвигнуть это сооружение. И я думаю, так же трудно было освоить и построить вашу огромную страну. Сейчас мы пытаемся перестроить нашу страну, сделать ее современной, открытой для сотрудничества со всеми.

Вернувшись в представительство, Горбачёв поднялся к себе, попросил делегацию подождать. Ждали, наверное, минут десять. Яковлев сказал:

— Я буду рекомендовать сократить поездку.

Но все и так было ясно. Спустившись в зал, Горбачёв объявил:

— Новости очень тяжелые. Думаю, все согласны: летим в Москву, — и попросил Шеварднадзе объявить об этом прессе.

На прием в ООН все-таки поехали. Сборище было грандиозное. Горбачёву пришлось пожать руку сотням людей. Главы государств, послы, знаменитости. Представляя некоторых из них, ооновский шеф протокола объявлял:

— Mr. and Mrs. X, of the high financial circles of New York.

Среди этих «птиц высокого полета» был и Дональд Трамп^{VIII} — еще молодой, уже богатый, тогда еще демократ.

На другое утро, перед отъездом в аэропорт, Горбачёву позвонил Буш. Еще раз выразил сочувствие в связи с землетрясением — новости из Армении рисовали жуткую картину. Подтвердил сказанное накануне. Но и на этот раз слышались «нюансы»:

— Может быть, вчера мои высказывания показались вам чуть-чуть отвлеченными. Но ведь мы только начинаем. Может быть, вам казалось, что меня что-то придерживает. Но такова уж наша система, это неизбежно, рядом был президент. Во всяком случае, хочу заверить вас, что мои ключевые сотрудники готовы к самому серьезному и подробному разговору с вашими людьми — более обстоятельному, чем мне удалось вчера.

В самолете, через пару часов после отлета, Горбачёв вышел из своего салона поговорить с сопровождающими. Поблагодарил очень тепло.

Сказал, что на другой день после прилета в Москву полетит в Армению — все остальное придется отложить. Это было понятное и естественное для него решение. Поездка в Армению оказалась во всех отношениях тяжелой. И не только из-за увиденного. Но меня там не было. Может быть, об этом написали другие.

На фоне тектонических сдвигов (I)

Начиная с лета 1989 года, все, что происходило в мире, в стране, в жизни людей и в моей работе, разворачивалось на фоне тектонических сдвигов, которых еще несколько месяцев назад никто не предсказывал и не ожидал. Поднявшийся ветер перемен нес разное, в том числе пыль и мусор, это было «явление природы», которое сильнее человеческих желаний. В Европе все началось с не всеми замеченного события — венгры убрали колючую проволоку на границе с Австрией. В новостях австрийского телевидения репортаж об этом шел четвертым или пятым пунктом. Но сразу же тысячи немцев из ГДР хлынули в Венгрию, а оттуда — в Западную Германию. Берлинская стена, два десятилетия разделявшая две Германии, на глазах утрачивала свой «функционал». Посол Квицинский^{IX} писал из Бонна, что венгры сделали канцлеру Колю царский подарок. Режим Хонеккера^X был в ярости — но сделать ничего не мог. Те, кто и сейчас тоскует по «социалистическому лагерю», винят в его исчезновении Горбачёва, и у них есть для этого основания. Потому что в таких вопросах все зависит от первого лица. Реши тогда Горбачёв, что надо вмешаться, что надо любой ценой остановить происходящее, думаю, большинство членов политбюро его поддержали бы — кто-то с энтузиазмом, кто-то не очень охотно. И вся государственная машина бросилась бы это выполнять, и холодная война, едва утихнув, началась бы с новой, еще более опасной силой.

<...>

При всем сочувствии и понимании в одном я не мог согласиться с Шеварднадзе. О давлении на Горбачёва — ввести в Прибалтике президентское правление, распустить парламенты — он знал, конечно, больше меня. Все так. И было бы странно, если бы президент страны смотрел на происходящее беспечно и просто отмахивался от этих призывов. Он, в конце концов, отвечал за страну. Этим его положение отличалось от положения Ельцина, который уже открыто призывал отпустить Прибалтику. Но я убеждал себя, что в конечном счете Горбачёв удержится от крайних мер. Это определило мой выбор. На другой день я позвонил Черняеву. Он знал, что Горбачёв предлагал мне перейти

в формировавшийся тогда аппарат президента. И, по-моему, был рад, что я наконец решился, хотя у него самого настроение было тоже плохое.

— Я с ним поговорю, — сказал Черняев. — Он, я уверен, согласится.

Пару дней спустя началось мое «оформление»

<...>

Последний саммит

Визит Буша начался 30 июля с церемонии прибытия в Георгиевском зале^{XI}. За Договор СНВ мы были спокойны. В отличие от вашигтонского саммита в 1987 году, ни один вопрос по договору не «висел», были согласованы тысячи страниц текста самого договора и сопровождающих его документов — меморандума об исходных данных, протоколов о забрасываемом весе, о процедурах ликвидации, об уведомлениях, о телеметрии, об инспекциях (с двенадцатью приложениями!) ... Удалось даже согласовать заявления о крылатых ракетах морского базирования (в основном имелся в виду обмен информацией и согласование в будущем методов контроля, но раньше и это казалось невозможным). Все хорошо, договор прослужил стране двадцать лет, но я не мог избавиться от мысли, что политическое значение его было бы гораздо больше, если бы он был подписан на год-полтора раньше. Напряженность в стране немного ослабла, но ее отголоски и сложности в отношениях между главными действующими лицами ощущались. «Герои августа» ничем, разумеется, не выдавали своих намерений, до осуществления которых оставалось меньше трех недель^{XII}. Зато Ельцин капризничал и выкидывал номера. Он не пришел на приветственную церемонию в Кремле — как предполагали комментаторы, чтобы не создавать впечатление, что он в «команде Горбачёва». А на обеде в Кремле случился, как сказал бы Александр Бовин, «музыкальный момент». Перед обедом вообще были сомнения, придет ли Борис Николаевич. Он пришел. Но сначала в зал вошла Наина Иосифовна^{XIII}, вместе с мэром Москвы Поповым. Я не сразу понял почему. Ельцин вошел в одиночестве, широко улыбаясь, уже после того, как последние гости прошли к столам, поприветствовав двух президентов с супругами. Это был «протокольный маневр», изумивший всех и подчеркивавший особый статус Ельцина: президент России не хотел быть рядовым гостем. Ему надо было войти в зал наравне с главными лицами. Но все-таки без супруги — в этом был определенный компромисс.

— Что ж ты доверил жену Попову, Борис Николаевич? — с некоторым напряжением в голосе пошутил Горбачёв.

— А он уже не опасен, — ответил Ельцин, после чего торжественно вошел в зал вместе с Горбачёвым и Бушем.

На другой день кто-то из американцев сказал мне, что маневр Ельцина не остался незамеченным. Более того — огорчил Буша, который надеялся, что раздоры между Горбачёвым и Ельциным остались в прошлом. В заключительной беседе об этом сообщил Михаилу Сергеевичу и сам Буш. В первой беседе Горбачёв рассказал Бушу об итогах переговоров с Ельциным и Назарбаевым. Не только о согласовании Союзного договора, но и о договоренности ускорить реформы — провести быструю либерализацию цен, двигаться к конвертируемости рубля.

— Нам предстоят вскоре очень ответственные, даже драматические шаги, — отметил Горбачёв. — Мы рассчитываем на реальную поддержку с вашей стороны, чтобы выиграть эту решающую битву за реформу.

Буш отвечал, казалось бы, не совсем «по теме», осторожно, но это были важные слова:

— У меня создалось впечатление, что некоторые здесь считают, что в Соединенных Штатах есть существенные силы, стремящиеся добиться распада Советского Союза или его экономического краха. Когда казалось, что Горбачёв и Ельцин идут друг на друга, что между ними не может быть примирения, некоторые у нас утверждали, что надо поставить все деньги на Ельцина. Однако администрация никогда не разделяла подобных взглядов, как и американский народ. Хочу заверить вас, что во время поездки в Киев ни я, ни кто-либо из сопровождающих меня не допустит чего-либо, что могло бы осложнить существующие проблемы, вмешаться в вопрос о том, когда Украина может подписать Союзный договор. Ни в коем случае я не собираюсь поддерживать сепаратизм. Киев был включен в программу визита только после того, как ваш министр иностранных дел сообщил, что вас это устраивает. Конечно, у нас есть с вами трудности по Прибалтике. Ландсбергис^{XIV} очень хотел, чтобы по пути домой я совершил посадку в Вильнюсе. У нас, конечно, хватило сообразительности, чтобы понять, что этого не надо делать. В то же время не могу не сказать, что, на наш взгляд, лучше всего было бы, если бы вы нашли возможность отсечь, отпустить на волю эти республики. Это прекрасно повлияло бы на общественное мнение. Но вам известна моя точка зрения. Это — ваш вопрос. Я считаю, что рассказанное вами о работе над Союзным договором, новых отношениях с республиками вселяет надежду.

Здесь приведу без комментариев несколько абзацев из речи Буша в Верховной раде 1 августа 1991 года: «Некоторые призывали Соединенные Штаты сделать выбор между поддержкой президента Горбачёва

и поддержкой стремящихся к независимости лидеров повсюду в СССР. Я считаю, что это ложный выбор. Справедливость требует признать, что президент Горбачёв добился удивительных достижений и что его политика гласности, перестройки и демократизации ведет к целям свободы, демократии и экономического освобождения. Но свобода и независимость — не одно и то же. Американцы не поддержат тех, кто стремится к независимости ради того, чтобы заменить далекую тиранию местным деспотизмом. Они не будут помогать сторонникам самоубийственного национализма, основанного на этнической ненависти». За эту речь, которую депутаты Рады встретили овацией, Бушу сильно влетело. Спектр критиков был широкий — от народного поэта Украины Ивана Драча, который назвал Буша «гонимом от Горбачёва», до бывшего спичрайтера Никсона, комментатора «Нью-Йорк таймс» Уильяма Сафира, который придумал для речи Буша прилепившееся к ней название *Chicken Kiev*, то есть «котлета по-киевски» (*chicken* — цыпленок — в американской культуре является символом трусости). Но Буш никогда не отрекался от своих слов.

Потом, задним числом, мне казалось, что над этим саммитом висела туча. Хотя погода в Ново-Огарево 31 июля, когда Горбачёв и Буш в узком составе обсуждали перспективы отношений и сотрудничества СССР и США на мировой арене, была отличной. Президенты, Черняев, Бессмертных, Бейкер^{xv} и Скоукрофт^{xvi} сидели в легкой одежде на веранде довольно скромного гостевого дома, когда Бейкеру принесли записку. Он прочитал ее, посмотрел на Буша, и тот сразу понял, что произошло что-то важное.

— Что это, Джим? — спросил он.

— Только что «Ассошиэйтед пресс» сообщило, — не без драматизма в голосе прочитал Буш, — что вооруженные люди напали на литовский таможенный пост на границе с Белоруссией, семь человек убито. Пока дополнительной информации нет.

На несколько секунд все буквально онемели.

Потом Горбачёв обратился к Черняеву:

— Анатолий, позвони Крючкову, выясни, что произошло.

Черняев вернулся через несколько минут. Крючков подтвердил, что нападение действительно произошло, погибли четыре человека (потом оказалось, что данные у информационного агентства были точнее, чем у КГБ), начато расследование. «Разрабатываются три исходные версии: действия организованной преступной группировки, напряженные отношения между белорусами и литовскими таможенниками и внутри-литовский конфликт». Конечно, это была провокация, у которой могли быть разные цели, в том числе омрачить саммит и выставить в дурном

свете Горбачёва. Думаю, в какой-то мере эта цель была достигнута. И все же ни этот инцидент, ни последующие события не перечеркивают для меня значение саммита и особенно доверительного разговора в Ново-Огарево. Обсуждали стратегическую стабильность, сокращение вооружений, Ближний Восток, Югославию, экономическое сотрудничество, и это обсуждение было не просто, как принято говорить дипломатическим языком, конструктивным, а скорее партнерским. И сегодня я думаю, что партнерство не было утопией. В Москву Горбачёв и Буш возвращались вместе. Разговор не запомнился, кроме одного неожиданного вопроса, который задал американский президент:

— Что ты думаешь о Язове, Михаил? Ты ему доверяешь?

— Да, — ответил Горбачёв. — Язов человек основательный, надежный. В такие бурные времена удерживать армию нелегко, и он мне помогает в этом. Офицеры его уважают.

Был ли этот вопрос намеком, сказать сейчас трудно.

У меня всегда было впечатление, что Язов не был среди инициаторов попытки переворота и оказался в ГКЧП в последний момент. Но это, я понимаю, спорно. В последние годы своей жизни он однажды послал Горбачёву сигнал, что хотел бы помириться. Но этот сигнал остался без последствий.

Август 1991-го

После саммита всегда много работы — закончить и считать записи бесед, привести в порядок документы, прочитать первые телеграммы с откликами из-за рубежа и тому подобное. Черняев собирался в отпуск «на юг» вместе с Горбачёвым, я тоже взял отпуск на две недели. Договорились, что я выйду на работу 20 августа, в день подписания Союзного договора.

— Я пока не знаю, какой будет протокол, — сказал Черняев, — но вам лучше быть там в этот день — возможно, будет общение с прессой или что-то еще.

Мы с Леной сначала решили съездить на теплоходе по Волге, но потом — не помню уже по какой причине — передумали. День 19 августа застал меня в Москве. Я проснулся, когда Лена с Лизой выходили из дома — Лена отводила дочь в детский сад, потом ехала на работу в МИД, тогда она работала в историко-дипломатическом управлении. Уже у двери она сказала:

— Послушай, что-то странное, по радио передают заявление какого-то комитета по чрезвычайному положению.

Я в полусонном состоянии включил телевизор. Передавали симфоническую музыку, кажется, со скрипкой. Догадаться, что произошло, было нетрудно. Потом диктор начал читать документы «государственного комитета по чрезвычайному положению». Насколько помню, первым зачитали заявление Лукьянова с критикой проекта Союзного договора. Это была своего рода прелюдия к лживому указу вице-президента Янаева «о невозможности по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым М. С. обязанностей президента» и заявлению ГКЧП, заканчивавшемуся подписями: Янаев, Павлов (премьер-министр), Бакланов (секретарь ЦК). Суть происшедшего была мне ясна с самого начала. Это был переворот. Переворот, который осуществили люди, с которыми Горбачёв остался, когда от него ушли демократы. В этом была «ирония истории», которая резонировала новыми оттенками все последующие три дня. Немного легче становилось только от того, что я ни на минуту не верил, что все это «постановка» и Горбачёв был одним из ее участников. Не верил тогда и не верю сейчас, несмотря ни на какие инсинуации и наветы. Во-первых, потому что для Горбачёва пойти на такой шаг накануне подписания договора было бы совершенно иррационально, во-вторых — потому, что говорил с тех пор не раз с людьми, которые были с ним в Крыму — Черняевым, Игорем Борисовым, врачом президента, которого пытались заставить подписать бумагу о «невозможности по состоянию здоровья», и другими. Эти люди многим тогда рисковали — и остались верны Горбачёву и правде. С самого начала я считал, что при любом исходе событий будет только хуже. Но в первый день, должен в этом признаться, у меня было ощущение, что ГКЧП может на какое-то время удержаться. Возможно, на год, возможно, на два-три. Люди устали — устали не только от тягот повседневной жизни и дефицитов, но и от политики, и эта апатия могла сыграть на руку путчистам. Для себя я сразу решил, что работать на «новую власть» не буду, и говорил об этом всем, кто спрашивал. В своем решении я не сомневался и был уверен, что смогу заработать на хлеб себе и семье. Я не думал, что мне что-то грозит, а за Горбачёва, конечно, волновался: в течение двух с половиной дней ничего не было известно о том, что с ним происходит. Лена работала тогда на полставки и вернулась домой около двух часов.

— Ты понимаешь, что происходит? — спросил я.

— Более или менее понимаю, — ответила она и рассказала о том, как встретили новости в МИДе: — Мой начальник конспектирует статью Лукьянова, ругает Союзный договор. Говорит, что ты глупо поступил, уйдя из МИДа. Остался бы — сейчас бы нормально работал.

Как ни странно, оба мы рассмеялись. Потом она мне рассказывала, что в эти три дня то же самое ей говорили несколько человек: одни с сочувствием, другие — не скрывая злорадства.

— Я, конечно, должен буду уйти, — резюмировал я. — Как все обернется, трудно сказать, но может быть плохо. С трудоустройством могут быть проблемы. Но заработать переводами я всегда смогу <...> Выживем.

Возможно, это было несколько легкомысленно: у переворота есть своя логика, и рано или поздно началась бы «ревизия» всего, что связано с политикой Горбачёва и, может быть, в первую очередь, внешней. На президента стали бы вешать всех собак, и это сказалось бы на людях его окружения. За несколько месяцев до ГКЧП в газете «Литературная Россия» была опубликована статья с требованием пересмотреть все договоры и соглашения, подписанные в последние несколько лет <...> Вечером 19-го мы смотрели телевизор. Несколько программ отменили, в том числе «Спокойной ночи, малыши!», что очень расстроило Лизу. Показывали новости — они были противоречивыми. Ельцина не арестовали, он призывал к всеобщей забастовке. Показывали танки и бронетранспортеры на улицах Москвы и баррикады вокруг Белого дома. Тогда там был российский парламент и центр сопротивления ГКЧП. Меня немного удивило, что телевидение хотя бы отчасти дает реальную информацию. «Комитет» явно не держал ситуацию под полным контролем. Но больше всего он навредил себе вечерней пресс-конференцией, которая, наверное, у всех осталась в памяти. Мне больше всего запомнился вопрос, который задала Татьяна Малкина:

— Понимаете ли вы, что совершили государственный переворот?

Проведя весь день 19-го дома, утром 20-го я вышел на улицу, заглянул в магазин, на рынок. День был теплый, влажный, а люди — какие-то вялые, но некоторые обсуждали происходящее. Пожилая женщина, продававшая помидоры, ругала Горбачёва:

— Все только хуже стало при нем. Хорошо, что его не будет.

— И заживем! — отреагировал мужчина средних лет, как мне показалось, с сарказмом. В магазине было побольше, чем обычно, продуктов. Хорошо одетая интеллигентного вида женщина прокомментировала:

— Открыли закрома родины! — И тут же, на одном дыхании, продолжила: — А Горбачёв — один из них. Вот увидите — зажмут они республику и прессу, и он снова появится.

Потом я съездил на час в центр, и там две пожилые женщины меня даже узнали. Подошли ко мне, одна спросила:

— А вы что сейчас делаете?

— В ближайшее время вряд ли я буду что-то делать, — ответил я.

— Вы не с ними? — спросила она.

— Нет, не с ними.

Дома я включил радио и услышал по «Маяку» два-три сообщения о забастовках и протестах. Мне показалось, что они немногочисленны, но сам факт передачи таких сообщений удивил.

— Кажется, они не полностью контролируют даже радио, — сказал я вернувшейся с работы Лене. — Может быть, у них ничего не получится.

<...>

Я понял, что все будет решаться в Москве. В Москве люди собирались вокруг Белого дома. В центре событий — Ельцин. Он призвал к всеобщей забастовке, у которой, по-моему, не было никаких шансов. Но важно было другое: Ельцин, на тот момент самый популярный политик в стране, против путча. Его организаторы, видимо, не имели четкого плана действий, но по крайней мере некоторые из них, наверное, рассчитывали с ним договориться. Не смогли. А арестовать, как требовал в телеграммах из Киева отправившийся туда уламывать Кравчука генерал Варенников, не решались. ГКЧП провалился потому, что ни Горбачёв, ни Ельцин не стали с ним сотрудничать. А Ельцин возглавил сопротивление. Надо отдать ему должное — без «нюансов» и экивоков, и несмотря на сохраняющуюся неприязнь к Горбачёву. И все же в эти дни у меня было стойкое ощущение, что при любом исходе событий произойдет перелом к худшему. Что меня очень огорчило в этот день — это выступление на митинге у Белого дома Шеварднадзе.

— Где Горбачёв? — спрашивал он. — Он как-то причастен ко всему этому? Если нет, то пусть ему дадут возможность выступить и объяснить людям, что происходит.

Эти слова можно было истолковать двояко, и я думаю, многие истолковали их не в пользу Горбачёва. Слушая Эдуарда Амвросиевича, я внутренне не соглашался с ним, но, как не раз до этого и потом, думал о том, что политики — живые люди, со своими человеческими недостатками и изъянами, которые надо им прощать. Но сами они прощают их друг другу не всегда <...>

Горбачёв после прибытия из Фороса сказал, что вернулся в другую страну. Но тогда он в полной мере еще не осознал, в какую. Главным в эти дни был всплеск антикоммунистических настроений в Москве. Наверное, он поспешил с пресс-конференцией 22 августа, буквально через несколько часов после прилета. Хотя я был, конечно, рад, что сию

в кабине синхронного перевода и перевожу выступление живого и здорового Михаила Сергеевича. Рад был не только я.

— Ты себе не представляешь, как мы обрадовались, когда увидели по телевизору Горбачёва и услышали твой голос, — сказала мне в сентябре Маргарет Татуайлер, в те годы пресс-секретарь Госдепартамента США.

На пресс-конференции Горбачёву задали вопрос о судьбе КПСС. Возможно, его не успели проинформировать о том, что 19 августа ЦК КПСС разослал в парторганизации письмо поддержки ГКЧП. Он стал говорить, что нельзя наказывать 19 миллионов членов партии — что само по себе, безусловно, верно. Этого он не мог не сказать, в этом был Горбачёв. И если бы он этим ограничился... Но слова о том, что он по-прежнему надеется реформировать КПСС, звучали полным диссонансом с тогдашними настроениями. Это ему дорого обойдется, думал я, стараясь, конечно, «не отвлекаться от текста». Не так часто случалось подобное в моей работе, но на этот раз одновременно с переводом в моей голове роились самые неприятные мысли. На следующий день Черняев позвал меня в свой офис в здании ЦК, чтобы помочь подготовить к переезду в Кремль документы, записи и другие бумаги. Немного рассказал мне о форосском заточении.

— Это было даже хуже, — сказал он, — чем самые тяжелые дни на фронте. Там по крайней мере контролируешь свои действия, знаешь, что ты можешь сейчас сделать, а чего не можешь. А здесь... мы были напрочь отрезаны и знали, что за каждым нашим шагом следят. Было ощущение абсолютной беспомощности, особенно вначале.

В это время по телевизору показывали прямую трансляцию заседания Верховного Совета России, на котором присутствовал Горбачёв. Ельцин махал какой-то бумагой — это был протокол заседания союзного Совмина в первый день путча — и требовал:

— Читайте, читайте вслух!

Чтение сопровождалось выкриками, улюлюканьем. Отвратительное зрелище.

— Как они могут! — воскликнул Черняев, которого всегда шокировала агрессия и наглость. — И как ему теперь продолжать быть президентом, — добавил он как бы вдогонку... В это время включилась внутренняя система радиооповещения. Мы услышали мужской голос (если не ошибаюсь, это был Василий Шахновский — тогда управляющий делами московской мэрии, впоследствии — один из руководителей ЮКОСа, теперь — пенсионер-путешественник, проживающий в Швейцарии):

— В соответствии с распоряжением мэра Москвы здание сегодня будет опечатано. Находящиеся в здании должны немедленно покинуть его. Вам разрешается взять с собой личные вещи. Милиция обеспечит вашу безопасность.

Звучало это довольно зловеще. К этому времени здание окружила толпа, выходивших из здания людей оскорбляли, освистывали, некоторых толкали. В кабинет Черняева вошел сотрудник охраны, предложивший покинуть здание через незаблокированный выход. Черняев уходить не спешил. Он не боялся. Я уверен, он нашел бы что сказать беснующейся толпе. Но охранник настоял на своем:

— Мне поставлена задача.

Через несколько минут мы были в Кремле. Черняев больше никогда не переступал порог бывшего здания ЦК КПСС. А я? Я там бывал. В этом здании находится сейчас Администрация Президента Российской Федерации. В 1990-е годы и позднее, когда я работал в Совете Европы, я не раз переводил на встречах европейских чиновников и парламентариев со смеявшимися друг друга российскими начальниками разного уровня...

Большие маневры

Когда 24 августа Горбачёв принимал верительные грамоты нового американского посла Роберта Страуса, в Кремле не было ни одного высокопоставленного мидовца. В дни путча наша дипломатия проявила себя бесславно. В первый день путча Бессмертных, сказавшись больным, уехал на дачу, а Квицинский отправил в посольства документы ГКЧП «для сведения». Но у большинства послов не хватило ума хотя бы взять паузу, многие бросились давать интервью в духе «произошло то, что должно было произойти» (таких инструкций у них, кстати, не было). Осудил ГКЧП только посол СССР в Чехословакии Борис Панкин^{xvii}. Его Горбачёв и назначил министром. Но в МИДе, и не только в нем, считали, что это фигура не того масштаба, который нужен, чтобы восстановить работоспособность и моральный дух министерства. К Шеварднадзе отправилась делегация мидовцев во главе с очень толковым начальником первого европейского управления Алексеем Глуховым — «выяснить, в чем дело». Шеварднадзе сказал, что был бы готов рассмотреть предложение вернуться на пост министра, но такого предложения он не получал. Горбачёва можно было понять — он наверняка знал о выступлении Шеварднадзе на митинге 20 августа. Однако по-настоящему большая драма разворачивалась вокруг чрезвычайного съезда народных депутатов, назначенного

на начало сентября. Оправившись от августовского удара, Горбачёв продолжал биться за сохранение единого государства, теперь уже на основе нового, конфедеративного по сути договора. Миссия казалась многим невыполнимой, но он не опускал руки. Накануне съезда в Москву приехал Джон Мейджор^{xviii}.

Великобритания тогда председательствовала в «семерке», и Мейджор был первым западным лидером, приехавшим в Москву после путча. После первой беседы с ним Горбачёв отправился на встречу с Ельциным и руководителями республик. Я хочу, сказал Михаил Сергеевич, чтобы мы вышли на съезд с единой платформой. Вторая беседа с Мейджором состоялась поздно вечером, часов в десять. Горбачёв был доволен переговорами с лидерами республик. Завтра, рассказал он Мейджору, первым на съезде выступит Назарбаев, он зачитает совместное заявление президента СССР и руководителей десяти республик. У нас общая позиция — за союзный договор с едиными вооруженными силами и единым экономическим пространством, с гарантиями прав человека на всей территории страны. В числе десяти республик, поддержавших заявление, Украина. Горбачёв попросил меня перевести Мейджору текст заявления, и я увидел, что там есть абзац, к которому я приложил руку: съезду предлагалось поддержать заявления республик о приеме в члены ООН, имея в виду, что за Союзом останется членство в Совете Безопасности. У меня, к сожалению, не сохранился текст записки, которую я передал Черняеву за несколько дней до съезда. Но я помню аргументацию, которую в ней привел. Республикам, писал я, хочется международного признания, но ни у одной из них еще нет возможности развернуть полноценное дипломатическое присутствие в мире. Сейчас центру надо действовать упреждающе и признать их право на членство в ООН, что сделает их субъектами международного права, сохранив для Союза статус постоянного члена Совета Безопасности, в том числе право вето. Договоренность Горбачёва с Ельциным и лидерами республик явно произвела на Мейджора впечатление.

— Перед вами колоссальная задача, — сказал он, — и вы взялись за нее с поразительной энергией и целеустремленностью. Я желаю вам успеха и передам содержание нашей беседы коллегам по «семерке».

И Мейджор, и приехавший в Москву 10 сентября Бейкер прямо говорили, что в интересах Запада — сохранение союзного центра. И в начале сентября такой итог казался возможным. Перечитывая сегодня записки бесед, которые я переводил — с сенатором С. Нанном, Бейкером, крупным бизнесменом Дж. Кристолом, министром финансов США Н. Брейди

и председателем Федеральной резервной системы А. Гринспэном, — я еще раз убеждаюсь, что распад Союза они не считали неизбежным, более того — считали нежелательным. Кстати, Бейкер проявил наибольшее понимание внутривнутриполитических реальностей, с которыми сталкивался Горбачёв. Когда речь зашла о радикальной экономической реформе, госсекретарь сказал:

— Я помню ваши слова во время беседы в ноябре прошлого года на даче под Москвой. Вы сказали: вы должны понять, что мне приходится маневрировать между мощными конкурирующими силами. И мы понимаем теперь, что в течение этого периода некоторые вещи просто невозможно было осуществить. И переворот открыл глаза всем на то, почему это было невозможно. (От себя я бы только добавил: может быть, и «открыл глаза», но до сих пор — не всем. Особенно у нас.)

— Необходимо, — продолжал Бейкер, — чтобы новое правительство выдвинуло убедительный план рыночной экономической реформы, тщательно проработанный вместе с МВФ и Всемирным банком, который воспринимался бы как имеющий реальные шансы на успех. Конечно, это потребует продолжения сотрудничества между республиками и центром. Если это произойдет, то я думаю, что мы сможем энергично участвовать в мобилизации международной поддержки усилий демократических сил в СССР.

Бейкер обещал поддержать создание стабилизационного фонда для перехода к конвертируемой валюте. С важной оговоркой:

— Любой стабилизационный фонд может быть предназначен только для единой валюты. Это будет стимулом для республик не заводить собственные валюты.

Выглядело парадоксально: госсекретарь США рассуждает о том, как помочь сохранить и укрепить единую советскую валюту. Но, наверное, еще больше волновал американцев вопрос о ядерном оружии.

— Нам важно выяснить, — сказал Бейкер, — где будет сосредоточен политический контроль стратегических ядерных вооружений. Этот же вопрос — и о тактическом ядерном оружии. Мы, разумеется, заявили публично, что надеемся, что будет сохранен централизованный контроль и командование. Мы не хотим, чтобы на территории Советского Союза обрвалось несколько государств с ядерным потенциалом.

Горбачёв заверил его, что централизованный контроль и командование ядерными силами будут обеспечены в любом случае. Тогда, в сентябре, трудно было представить себе степень безответственности «беловежской тройки», которая три месяца спустя оставила этот вопрос фактически подвешенным в воздухе.

Последние недели

О «беловежском соглашении» я услышал по телевизору утром 9 декабря. Как и все, наверное, я чувствовал, что вскоре что-то должно произойти. Но что конкретно — трудно было предположить просто в силу импульсивности Ельцина. Будет он действовать один или найдет союзников — это тоже было неясно. Свой «черный ящик» он тщательно оберегал от чужого взгляда. В итоге у него созрел сильный ход — соглашение с Кравчуком и Шушкевичем. Думаю, они согласились бы на любое его предложение, так что в Беловежье он мог получить и больше. «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование... Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР) и Украина договорились образовать Содружество Независимых Государств» — это было главное в утреннем сообщении. Были там и другие слова, другие договоренности, было странное положение о том, что независимые государства будут «сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием». Все это вскоре рухнуло, но зато решалась задача избавиться от Горбачёва. Ельцин, конечно, рассчитывал, что Россия будет главенствовать в Содружестве, и ему, и не только ему, потребовались годы, чтобы понять, что этому не бывать. Многие до сих пор не поняли... В те дни мне казалось, что главное для Горбачёва — не сорваться, не наговорить лишнего, такого, что искрой может взорвать ситуацию. Лидеры не понимали, что режут по живому, люди не понимали, что теряют страну. Многие думали, что будет что-то вроде «союза без Горбачёва», ну и, конечно, «рынок, который все поставит на свои места». Черняев поражался:

— Они даже не предусмотрели ратификации своего соглашения парламентами. Им это не нужно! Хотя, если решатся на это, не сомневаюсь: парламенты утвердят. Люди устали, они скажут: пусть хоть содружество, это лучше, чем ничего.

Так и оказалось. 12 декабря Верховный Совет России ратифицировал соглашение. Коммунисты дружно проголосовали за. Первым, кому позвонили Ельцин, Кравчук и Шушкевич после подписания соглашения, был президент США Буш. Не знаю, сохранилась ли где-нибудь запись их разговора. Но знаю, что американцы были шокированы скоропалительностью принятых решений. 23, 24, 25 декабря... Последние дни в Кремле. Мы еще не знали, когда Горбачёв выступит с заявлением об уходе, но понимали, что это произойдет очень скоро. 23-го около шести часов вечера меня вызвали в кабинет президента. У входа в приемную было несколько

сотрудников охраны — гораздо больше обычного, потому что среди них были люди Ельцина. Один из них попросил меня предъявить документ, но кто-то из наших «прикрепленных» махнул рукой:

— Пропусти.

Дежурный секретарь сказал мне, что через несколько минут Горбачёв будет говорить по телефону с Джоном Мейджором, но сейчас он в Ореховой комнате с Ельциным и Яковлевым. Начали в двенадцать часов, добавил он. Пока я ждал в приемной, официанты внесли в комнату закуски. Наконец, вышел Горбачёв, и мы пошли в его кабинет. Я понял, что три собеседника не только закусывали, но в разговоре с Мейджором это, конечно, никак не сказалось. Я вообще никогда не видел его пьяным. Горбачёв сказал Мейджору, что «через один-два дня» сделает заявление об уходе с поста президента.

— Сейчас мы с Ельциным и Яковлевым обсуждаем переходный период, — отметил он. — Мы понимаем свою ответственность: нельзя допустить, чтобы все, что сделано за последние годы в стране и в мире, было потеряно. Пока еще это одна страна. Политически ее делят, но рвать ее еще больше нельзя. Все будет зависеть от того, как пойдут реформы в России. И главное сейчас — давайте все поможем Ельцину. Россия будет на острие реформ, ей будет труднее всего. Поэтому еще раз: надо помочь Ельцину.

Мейджор отвечал в своей обычной манере — очень доброжелательно, но несколько официально. И все же я слышал, что иногда его голос слегка дрожал. Наверное, каждый, с кем тогда разговаривал Горбачёв, чувствовал, что в эти дни происходит нечто историческое. В конце разговора Мейджор сказал:

— Я уверен, что это не последний наш разговор. Когда все уляжется, мы будем рады увидеть вас в Лондоне.

По Москве уже ходили слухи, что Михаил Сергеевич скоро уедет, опасаясь преследований. Но для Горбачёва подобное было немыслимо. На аналогичные приглашения Малруни, Буша и других он отвечал:

— Буду рад приехать в гости. Но мое место здесь, в России. Все будет решаться здесь.

Оставалось немного. Выступление по телевидению в девять вечера было коротким и сильным. Горбачёв уходил с поднятой головой. Не знаю, что не понравилось в этой речи Ельцину, но после нее он опять закапризничал. Накануне они договорились, что передача ядерного контроля произойдет в кабинете Горбачёва сразу после его выступления. Однако этого не произошло: Ельцин отказался прийти. Через несколько минут после

выступления Михаила Сергеевича телевизионщиков попросили покинуть кабинет. К Горбачёву вошел маршал Шапошников^{xix}... и через несколько минут вышел с небольшим чемоданчиком типа атташе-кейс. Маршала сопровождали два офицера-оператора в гражданском. Их лица были мне знакомы — они всегда летели в «первом самолете» во время визитов за рубеж. Один из них подошел ко мне несколько лет спустя на Новодевичьем кладбище после похорон Раисы Максимовны. В кабинете остались немногие. Горбачёв прощался. Я смотрел на лица тех, кого хорошо узнал за прошедшие годы. Тут были Черняев и Шахназаров, которые до конца своих дней будут работать в Горбачёв-Фонде, Андрей Грачев, у которого были другие планы, шеф протокола Владимир Шевченко^{xx}, который потом занимал ту же должность у Ельцина. Разные люди, разные судьбы. Наверное, кто-то в это время так же смотрел на меня, пытаясь угадать, где я буду через две недели, через два года... Через две недели я получил в кадровой службе администрации президента России свою трудовую книжку. Вспомнил с улыбкой, как волновалась мама: «А где теперь будет лежать твоя трудовая книжка?» Она до сих пор лежит в Горбачёв-Фонде. Предпоследняя запись в ней такая: «Освобожден от работы в связи с упразднением (ликвидацией) со 2 января 1992 года аппарата президента СССР». Подпись, неразборчиво, и печать.

А. С. Черняев О «НОВОМ МЫШЛЕНИИ» ГОРБАЧЁВА¹

«Новое мышление» (НМ) привычно ассоциируется с внешней политикой перестройки. Но ни сам Горбачёв, ни те, кто был причастен к делу перестройки, так не считают; НМ в большей степени относится к внутренним преобразованиям... Прежде всего надо обозначить, что в результате НМ, его *удач* и *неудач*, возникло полтора десятка новых государств, что изменило состав международного процесса, его характер и проблематику. Об идеях, признаках, принципах НМ. На первое место я поставил бы *диалог*. Он не только обогатил переговорный процесс, но придал ему новое качество, далеко выходящее за собственно дипломатическую стилистику и тематику. Он включил в контакты между лидерами рефлекссию о сути мировой политики, ее новом уровне, ее перспективах, о *миросозидании*.

Что представляет собой диалог? Достаточно познакомиться с беседами Горбачёва и Шульца, Горбачёва и Ганди, Горбачёва с Гонсалесом¹,

¹ Печатается по: Черняев А. С. О «Новом мышлении» Горбачёва // Избранное — 2. М., 2013. С. 135–138.

Тэтчер, Миттераном, Вилли Брандтом^{II}, Андреотти^{III}, Любберсом^{IV}, Брундтланд^V.

<...>

На следующее место я поставил бы *доверие*. Оно смыкается с другим фактором возникавшей тогда новой мировой политики — личностным общением лидеров, у которых складывались нормальные человеческие отношения, искреннее дружелюбие и симпатия. Этот фактор почти исключал вранье, стремление обмануть, обьегорить партнера — едва ли не обязательный элемент прошлой дипломатической практики.

Разоружение. Проблему поставил Горбачёв своим знаменитым заявлением 15 января 1986 года. И у нас, и за рубежом сочли, что это либо утопия, либо спекуляция и демагогия, но идея заработала и «процесс пошел»... при всех срывах, отступлениях, нарушениях обязательств, попытках спровоцировать возобновление гонки, при всей генеральской риторике, в том числе высших должностных лиц, при раздувании военных бюджетов и совершенствовании оружия, при неоднозначных попытках доказать словом и делом преимущества силовых методов... И т. д. и т. п. Главное в том, что НМ и соответствующая политика ряда государств *исключили угрозу возникновения мировой термоядерной войны*... Те, от кого зависело, в первую очередь исходили из ответственности перед миром, который стал смертным.

Далее. Благодаря НМ и тем переменам в мире, которым такая политика содействовала, значительно возросла готовность к *коллективным действиям* в решении проблем на наднациональном уровне, не только в межгосударственных союзах, но и на ООНовском уровне. Это касается и экономики, и гуманитарной проблематики, и особенно, если какое-то государство создавало угрозу безопасности других. В этой сфере много еще огрехов и даже просто преступных действий, связанных с шовинистическим эгоизмом, державными привычками, предрассудками и безобразиями прежних эпох, но сама тенденция повышать значение международных решений по сравнению с внутренними, национальными помогала человеческому сообществу двигаться вперед.

С этим напрямую связаны проблемы универсальности *прав человека*. Скажут, автор НМ не сразу признал этот принцип, ему, мол, его навязали, шантажируя заинтересованностью СССР в прекращении гонки вооружений. Да, может, это и так, но очень скоро права человека стали органичной и неременной частью НМ. Кстати, *моральная* составляющая занимает первостепенное место в самой философии «нового мышления». Она, увы

(!), сыграла определенную роль в судьбах перестройки, расцененная ее противниками и критиками как «слабость» власти. Здесь тоже рассудит история.

Несколько слов, так сказать, о материализовавшихся результатах НМ. *Европейский дом*. Он возник, хотя и без страны — инициатора нового мышления, даже в некотором смысле в ущерб ей. Более того, судьба перестройки, связанная с НМ, приблизила к Европе далеко не европейские государства Кавказа и Закаспия.

То же можно сказать и об идее Европа «от Ванкувера до Владивостока», зафиксированной в Парижской хартии 1990 года. Европейский процесс заглох из-за развала главного его «фигуранта», но идея сохранилась не только в умах политологов, но и политиков. Европейский проект Путина — отсюда же, хотя и носит конъюнктурный оттенок. Реанимировать замыслы князя Трубецкого и его соратников — дело, конечно, безнадежное, но то, что идея оживает даже на правительственном уровне, свидетельствует об объективной потребности в чем-то подобном.

Крупнейшим «продуктом» НМ является *объединение Германии*.

Оно не только необратимо решило историческую проблему отношений двух самых крупных наций Европы, оно обозначило прекращение холодной войны и открыло демократической Германии возможность стать вновь крупнейшей величиной мировой политики и экономики. Для нашей страны объединение Германии обернулось в результате распада державы демонстрацией упущенных возможностей тоже исторического масштаба.

Японский вопрос. Так, как его поставил Горбачёв, он таким и остался: и при Ельцине, и при тандеме. Никакой другой «философии», кроме «давайте развивать отношения во всех сферах, пока не сложатся условия для взаимно устраивающего решения спорных вопросов», не придумано.

Ближний Восток. НМ означало прежде всего, что арабский мир — это не зона национально-освободительной борьбы, которую можно использовать в холодной войне, НМ обосновало путь, начатый Мадридской конференцией 1991 год, в принципе единственно правильный и обнадеживающий. Все другие варианты, в том числе и силовые, показали свою несостоятельность. Арабские революции последних месяцев не отменяют, по сути, мадридский вариант. Принятие Палестины в ООН, видимо, дает ему дополнительный импульс.

Наконец, «новое мышление» немислимо без органичной связи с *экологией*, ибо оно предназначено для спасения цивилизации. Этой

жизненно важной проблеме Горбачёв посвящает свои усилия в последние годы.

Такая вот Summa Summarum.

Перечисленные идеи и позиции не были (в большинстве случаев) изобретением Горбачёва, но благодаря ему они были породнены с политикой, с новым предназначением мировой политики. Их отпечаток (часто в скрытой, косвенной, иногда даже в искаженной форме) заметен во всей международной атмосфере рубежа веков.

В моих оценках многие обнаружат идеализацию, слишком большую «абстракцию», далекую от реальностей жизни. Наверно, это так, но убежден, что замены основным идеям нового мышления нет, если человеческое сообщество хочет жить долго.

III. ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОППОНЕНТОВ

О. Д. Бакланов

КОСМОС — МОЯ СУДЬБА. Т. I¹

<фрагменты>

4 августа. По сложившейся традиции при вылетах за пределы Москвы или Союза ССР М. С. Горбачёва провожали члены Политбюро, а в последний период, когда Политбюро было деформировано, — довольно определенный круг руководителей, непосредственно соприкасавшийся с ним по работе. Такого же порядка придерживались при возвращениях его в Москву. Уведомление шло по линии Юрия Сергеевича Плеханова¹. Погода в этот день была теплая, солнечная, но не жаркая. Приятно было, не торопясь, выехать с госдачи № 2, что на Николиной горе, и следовать по почти пустынному Рублевскому шоссе во Внуково. Вылет Горбачёва назначен на одиннадцать часов. Дополнительные милицейские посты уже выставлены: зеленая дорога. Нам просигналили, что Михаил Сергеевич еще не проезжал.

Все идет как надо. Важные текущие документы вчера подписаны. Вроде бы можно расслабиться, но нет обычного чувства легкости. Впрочем, его нет не только сегодня, но и все последнее время. Гнетет тревога, неопределенность. Экономика скрипит, темпы падают, с уборкой урожая сбой. После стычки с командой Яковлева по вопросам конверсии не удалось согласовать рациональный план ее проведения. Совещание по ядерной безопасности обнажило проблемы, а Горбачёв уходит от их решения. Армия без квартир, долг более 250 тысяч. Распря с республиками усиливается, особенно беспокоит РСФСР. План экономической перестройки на 1992 год в подвешенном состоянии. На юге страны беспокойно, люди гибнут в братоубийственных стычках, переходящих в хроническую, ползучую гражданскую войну. Разоружение по СЯС (стратегические ядерные силы. — *Ред.*) ведется практически в одностороннем с нашей стороны порядке. Идут плохие сигналы из Афганистана. Убитых и раненых в нашей стране за год больше, чем за всю афганскую войну, беженцев сотни тысяч!

¹ Печатается по: Бакланов О. Д. Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины». М., 2014. Т. I. С. 36–39, 41–49.

Горбачёв твердит свое «не паникуйте», а исподволь готовит чрезвычайное положение. Управляемость в государстве катастрофически падает.

Стержень государственной машины — партия — уничтожается, Генеральный секретарь демонстративно бездействует. Параноическая картина, достойная кисти Сальвадора Дали... Мы у цели. Здравуюсь с министром гражданской авиации Борисом Егоровичем Панюковым^{II}, он сообщает, что погода по всему маршруту полета отличная. Должно же хоть что-нибудь быть в порядке. И основной и резервный ИЛ-62 на страже, слышен их гул.

Почти одновременно подъезжают Дмитрий Тимофеевич Язов и Владимир Александрович Крючков. Валентин Сергеевич Павлов, Николай Ефимович Кручина^{III} и некоторые другие прибыли пораньше. Курит в сторонке Олег Семенович Шенин. Геннадий Иванович Янаев тоже ходит с сигаретой. На них, видимо, будет возложено партийное и государственное «хозяйство». Появился Анатолий Иванович Лукьянов, но не видно Валерия Ивановича Болдина и Бориса Карловича Пуго. Раньше такого не бывало.

Общий разговор не завязывается, у каждого свои думы и «болячки».

Вдруг оживление в зале, взоры присутствующих устремляются к подъезду. Через двойные стеклянные витражи видно, как подкатывают четыре черных ЗИЛа и несколько черных «Волг». Чета Горбачёвых, их дети и внучка выходят из машин, кто-то из службы авиации докладывает, женщинам вручают цветы и все проходят в зал, где находимся мы. Михаил Сергеевич, как бы медленно вальсируя, движется в нашу сторону. Какая-то неуверенная виноватость сквозит в его фигуре, пожалуй, он несколько рассеян. Раиса Максимовна передвигается чуть в стороне, оценивающе поглядывает на нас. Она, конечно, прекрасно знает, что нужно ее мужу и детям, — отдых и уют.

Традиционные рукопожатия и приветствия. Образуются две группы. Одна — справа от входа и посреди зала во главе с Михаилом Сергеевичем, другая — ближе к выходу на посадку. Там Раиса Максимовна с детьми, другими провожающими и некоторыми сопровождающими их в полете лицами.

Горбачёв время от времени, раскачиваясь с пяток на носки, как бы устремляет мысленный взор поверх голов провожающих, сосредотачивается и тихим голосом произносит:

— Положение непростое, но не надо паниковать, в двадцатых числах будем подписывать Союзный договор, надо многое еще обдумать,

на отдыхе это будет сделать удобнее... В экономике тяжело, был вчера на президиуме Кабинета министров... Валентину Сергеевичу надо быть на месте... Россияне маневрируют, не знают, что хотят, он (Ельцин) подбивает их на непродуманные шаги... Владимиру Александровичу Крючкову быть на месте, смотрите внимательно... Тебе тоже из Москвы не выезжать, — кивок в сторону Дмитрия Тимофеевича Язова. — Ты останешься на хозяйстве, — кивок в сторону Геннадия Ивановича Янава. — Ну, вот, пожалуй, все...

— Михаил Сергеевич! Я вас еще раз прошу подписать указ Президента СССР, отменяющий указ Ельцина о выводе парторганизаций с территорий, — довольно громко, чтобы все услышали, четко говорит Олег Семенович Шенин. Почти все присутствующие, это чувствуется, поддерживают Олега Семеновича.

Словно совнамбулический, никого не видящий взгляд Горбачёва. Пауза затягивается. Вместо ответа по существу бросает Шенину:

— Ты останешься на партийном хозяйстве...

Немая сцена.

Чуткое ухо Раисы Максимовны улавливает момент, когда надо вмешаться. Из второй группы слышится голос хозяйки:

— Михаил Сергеевич! Уже время... Пора прощаться.

Мы топчемся, как бараны. «Ускорение», «перестройка». «Больше демократии — больше социализма». «Разрешено все, что не запрещено»... Гул и свист в моих ушах...

Очень кстати появился опоздавший, тут же замеченный Валерий Иванович Болдин. Он отвлек внимание на себя, а Горбачёв, заполняя паузу, дал ему дополнительное указание подготовить письменные принадлежности для подписания Союзного договора и снова начал свои вальсирующие движения к выходу на посадку, прощаясь с каждым из нас за руку. Раиса Максимовна и дети — гуськом за ним...

Еще раз попрощались у трапа самолета, его чрево захлопнулось, костыль, поддерживающий хвост, долго ввинчивался в нутро самолета. Мы выстроились на ступеньках зала для провожающих. Моторы взревели и затихли, машина, покачиваясь, начала «рулежку»... Машем слепым иллюминаторам. Мощные двигатели снова взревели, донесся форсажный рокот, красавец-лайнер мгновенно набрал скорость и почти с середины взлетной полосы круто и легко вознес на небеса пустоту салонов самолета № 1 Президента СССР...

18 августа. С трудом выбираюсь из объятий сна. Луч солнца на моем одеяле. Смотрю на часы — уже десять. Почти опаздываю: в одиннадцать

должен быть в Центральной клинической больнице у В. И. Болдина. Появляется Лилия Федоровна в нарядном халате с тарелками в руках.

— Сейчас принесу еще чай. Или тебе кофе?

— Вчера вечером я не стал говорить, но мне надо уехать, часа на четыре-пять, срочное дело.

— Но ведь у нас сегодня гости. Ты забыл?

— Нет, не забыл. И ничего не отменяется. Друзья придут, и вы отлично проведете время. Если я задержусь, то считайте, что я с вами.

На всякий случай беру свой портфель, мой вечный спутник в командировках, укомплектованный всегда по-походному, и выскальзываю в коридор. Время 10 часов 40 минут. Всегда невозмутимый и точный водитель Владимир Александрович ждет меня с 10 часов. Около одиннадцати встречаемся с Валерием Ивановичем. За рулем его «Волги» сидит мой бывший водитель Владимир Владимирович. Он двухметрового роста, всегда улыбается, невероятной физической силы и молниеносной реакции. Договорились, что я еду на его машине с В. И. Болдиным. На Старой площади в здании ЦК КПСС встречаемся с Олегом Семеновичем Шениным. Времени с запасом. Вылет в Бельбек из Чкаловского намечен на 13 часов.

В Чкаловский мне приходилось ездить неоднократно по разным поводам. Много раз встречал здесь космонавтов после их полетов. Отсюда начинались командировки в Афганистан, Западную группу войск, да мало ли куда приходилось отправляться. Здесь Центр подготовки космонавтов, сосредоточено уникальное оборудование, прошлое и будущее нашей космонавтики. Бывал здесь на теплых дружеских, семейных торжествах многих моих друзей.

С закрытыми глазами угадывается каждый поворот, спуск, подъем. Но вот мы и на аэродроме. ТУ-154 уже на взлетной полосе. Валентин Иванович Варенников прохаживается у трапа. Появляются Плеханов и Генералов^{IV}. Надо подождать еще машину. Решили подождать в самолете.

Удобный салон на шесть человек, стол, телефон. Только расположились, появились остальные пять-шесть человек.

Из записи в полетном листе: «№ 8371, ТУ-154 Б-2, борт № 85605, командир полковник Бабенко П. А., 18.08.91 г. Чкаловский. Взлет 13:02».

Жарковато, большая влажность, двигатели натужно работают, самолет набит всеми видами связи, можно переговорить с любой точкой мира, но нам необходимо лететь и там еще раз говорить с Горбачёвым, у каждого свои мысли. Как донести главное, как убедить? Сколько было

разговоров с Михаилом Сергеевичем по поводу ухудшения положения в стране, сколько было жалоб с его стороны: плохо его защищают от нападок прессы, телевидения, «демократов», Ельцина и его команды. Что даст этот разговор перед намеченным подписанием Союзного договора? Еще есть шанс одуматься, принять меры, не допустить развала Союза. Надо лететь, советоваться, убеждать. Слепому видно, какая угроза нависла над страной. Ясно, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР, давший клятву на Конституции СССР: «Торжественно клянусь верно служить народам нашей страны, строго следовать Конституции СССР, гарантировать права и свободы граждан, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности Президента СССР» — уклоняется от прямых своих обязанностей. Как это высказаться, чтобы понял, прозрел?

Посадка в Бельбеке в 14:57. Подкатывается трап, открывается дверь, мы попадаем в мир всепроникающего сухого света, переменчивого ветра, запаха перегретой земли, многотравья, звонкого пения жаворонков. Спускаемся по трапу. Валентин Иванович Варенников принимает рапорт. Нас встречает несколько гражданских и военных лиц. Среди редких аэродромных построек возвышается нарядный павильон для гостей, всюду проложены аккуратные асфальтированные дорожки, разбросаны цветники, кустарник, деревца.

...Прячется, копошится мысль-вопрос: поймет ли, поверит ли, проникнется ли, переступит через гордыню?

Неожиданно из-за поворота открылся развилок дороги. Налево — свободный легкий подъем, направо — спуск, пост ГАИ, несколько милиционеров, дорога перекрыта двумя шипованными дорожками. Мы притормаживаем, из головной машины выходят два человека, идет обмен приветствиями, дорожки с шипами сворачиваются. Медленно движемся за головной машиной. Метров через 150–200, слева по ходу машины, видны ворота, за ними постройки, вниз направо к морю несколько крыш.

Головная машина останавливается возле ворот, наконец въезжаем на территорию «Зари». Мы у гостевого домика. Юрий Сергеевич Плеханов проводил нас в комнату рядом с кабинетом, как потом оказалось — В. Т. Медведева, и ушел оповестить М. С. Горбачёва о нашем прибытии.

Разговор не клеится, прошло минут двадцать, ждем, когда пригласят. Ю. С. Плеханов и В. Т. Медведев сообщили, что у Михаила Сергеевича кто-то из врачей, освободится — примет.

— Будем двигаться к главному корпусу, — еще через некоторое время объявил, посмотрев на часы, Юрий Сергеевич.

Спустились по ступеням гостевого пристанища. Главный дом открылся справа праздничным широким арочным входом. Слева от входа дорога расширяется, образует полукруг, обрамленный живописной скалой с ниспадающим горным ручьем, куртиной кипариса, шелковицы, клумбой цветов. На скале замечаю зеленый «грибок»: пограничник в биннокль смотрит в сторону моря.

Юрий Сергеевич, попросив подождать, исчез в пространстве вестибюля, возвращается. Вместе с ним поднимаемся по широкой лестнице и оказываемся в гостиной с камином, удобными креслами. Детский смех и возня слышны откуда-то снизу. Вдоль балюстрады нашего этажа прошел молодой человек, — скорее всего, зять Горбачёва. Наконец откуда-то сзади (я сидел лицом к камину) послышались шаги. Обернувшись, я увидел Михаила Сергеевича, шедшего из глубины комнат.

— А, вот вы где! — он оглядел нас и широким жестом указал на одну из комнат, смежную с каминной и гостиной. — Ну, прошу вас в кабинет, там будет удобнее говорить.

Одет Горбачёв в серый свитер не по сезону, отложной воротник рубахи выпущен. Кроме того, на нем серый, в большую клетку, пиджак пижамного домашнего кроя, однотонные серые брюки, летние туфли. Возможно, серый тон одежды несколько изменил его обычный облик, мне он показался располневшим, рыхлым и чем-то напомнил Александра Николаевича Яковлева — так же слегка тянул левую ногу.

Прошли в небольшой кабинет, напротив входа окно с видом на фасад здания. В углу, простенке между окнами, письменный стол, на котором не заметно ни рабочих бумаг, ни газет, лежат лишь полураскрытый большой блокнот и знакомая по ореховой комнате Кремля переносная радиокнопка аварийного вызова охраны, кресло, телефоны на приставном столе. Кабинет производил впечатление нежилого, нерабочего помещения. Нет книжного шкафа, прессы, одни голые стены. Вдоль стены против письменного стола небольшой стол и два стула — возможно, для стенографистки и помощника.

Михаил Сергеевич что-то все время говорит, ни к кому конкретно не обращаясь, смысла уловить невозможно. Как-то неловко расположившись в кресле, приглашает и нас размещаться. Одного стула недостает. Горбачёв замечает это и обращается к Плеханову:

— А ты, Юрий Сергеевич, не понадобишься, займись своими делами.

Я пристроился возле балконной двери, откуда шел свежий воздух. Валентин Иванович и Олег Семенович подсели к небольшому столику, Валерий Иванович выбрал место по правую руку от Президента.

Михаил Сергеевич начал жаловаться на трудности и неудачи, постигшие его самого и семью:

— Четырнадцатого или пятнадцатого, нет, все-таки шестнадцатого, случилось со мной вот это... Мы обычно с Раисой Максимовной после обеда, отдохнув, часов в семнадцать гуляем здесь по тропе, знаете, таким хорошим шагом, жара уже к этому времени спадает. И вот, все же шестнадцатого числа меня вот здесь слева в области поясницы или почки так прострелило, я еле добрался на дачу, ребята помогли, они тоже там ходят неподалеку... Всякое думали — все-таки левая сторона, тут и сердце может быть и почки, но вот специалисты остановились на радикулите. Задержался — врачи со мной работали. Но я им сказал, пусть хоть левую ногу отрезают, но двадцатого я должен быть в Москве, надо ведь подписывать Союзный договор...

Оглядел нас — какая реакция? Мы, естественно, сочувственно высказываемся по поводу случившегося.

— Вот сейчас, видите, сижу в кресле, — сделал неуклюжее движение корпусом. — Да, договор нужно подписывать, он открывает путь к консолидации. Вот, — взмах рукой к блокноту, — пишу статью, надо ее напечатать сразу после подписания, она раскрывает пути нашего дальнейшего развития... Много и другой работы, звонки отрывают, много звонят. Кстати, что со связью? Нет связи, что это значит?

Последнее звучит как прямой вопрос к нам. Мы удивленно переглядываемся. Я выдавливаю что-то вроде: «Надо справиться в Москве, каналов много».

Но Президент уже переключился на боли в пояснице и блокирующие уколы, массажи и втирания... Мы, естественно, вынуждены выражать чисто человеческое сочувствие. Слушая Президента, я отметил: Михаил Сергеевич серьезно обеспокоен своим состоянием здоровья, как-то врезалось в память его странное допущение: «Пусть хоть левую ногу отрежут...» и увязывалось это обстоятельство с подписанием Союзного договора...

Прошло минут пятнадцать-двадцать, а мы еще ничего не сказали по существу. Воцарилось молчание, поток жалоб иссяк, слышно журчанье ручья. Сидящий перед нами как-то едва уловимо трансформируется, он уходит глубже в свои одежды, смотрит поверх наших голов, сквозь стену кабинета...

Валентин Иванович громко кашлянул... Олег Семенович выпрямляется, готовясь что-то сказать... Валерий Иванович еще более бледнеет и прижимает печень, я раскрываю рот. Но Президент, весь настороженный, снова завладел инициативой и задает острый, как клинок шпаги, вопрос:

— Прежде чем продолжить разговор, хочу спросить: кто вас послал, комитет? Кого вы представляете?

Он цепко оглядел всех нас.

— Нет! Ваши товарищи, друзья, — вырывается у меня возглас, в котором, наверное, было и отчаяние от непонимания причин нашего прилета к Горбачёву, и возмущение от готовности заподозрить недобрые намерения с нашей стороны. — Ведь держава, родина на краю гибели — все это видят. Тысячи невинно убитых, сотни тысяч беженцев и их число растёт...

Меня не слышит. Его рука берет блокнот, вырывает чистый лист и быстро что-то пишет столбиком. Восемь или девять строк в столбик. Обычно южнорусский мягкий глуховатый говор Президента на этот раз резонирует, как перетянутая струна:

— Кто так говорит? Кто так видит? Крючков?

— Но он же постоянно вам докладывает об этом! — наперебой парируем мы.

Михаил Сергеевич словно не слышит, рука делает пометку на бумаге.

— Павлов?

— Вы были третьего августа на Президиуме Кабинета министров, — поясняю я, — слышали доклады: обобщенный экономический индекс снизился до 80 процентов от максимально достигнутого в 1965–1966 годах, снизился по результатам работы 1991 года на 20 процентов. Экономика агонизирует.

— Язов?!

— По армии я хочу доложить подробно, — громко, внятно, как бы предлагая всем успокоиться, с уважительным достоинством начинает Валентин Иванович Варенников. Но резонирующий требовательный голос продолжает называть фамилии, будто всякий раз наводя на них бинокль и размышляя:

— Лукьянов так думает?

— Депутаты Верховного Совета обеспокоены судьбой решения референдума 17 марта 1991 года в связи с возможным подписанием Договора, он, как стало известно из публикации 16 августа, не соответствует воле народа, — поясняет кто-то из нас.

Продолжают выхватываться фамилии наших товарищей. Я пытаюсь обобщить:

— Так думаю и я, и говорил вам много раз об этом, и, думаю, все товарищи скажут свое мнение.

— Ельцин?!

— С ним разговора не было, он в отъезде в Алма-Ате.

После этой информации слышу почти успокоившийся голос Президента:

— Вот ты, Олег Дмитриевич, и докладывай!

Я начал с того, что обобщенный экономический индекс страны снизился до 80 процентов от минимально достигнутого ранее, а годовой темп конверсии при поддержке Президента превысил 30 процентов. Это приводит к дезорганизации работы предприятий ВПК, объем продажи оружия другим странам снизился с 12–13 миллиардов рублей до трех — четырех миллиардов, а одновременно у США вырос с 14–15 миллиардов долларов до 22–23 миллиардов. Односторонние уступки в пользу США и НАТО сводят на нет геополитическое равновесие сил в мире...

— А тебе за державу обидно, — Горбачёв устало махнул рукой. — Я уже это слышал.

— Мы приехали к вам советоваться. Нужно что-то делать.

Но Президент уже обратился с просьбой доложить Валентину Ивановичу Варенникову.

По мере докладов товарищей он все больше успокаивался, вяло соглашался с большинством аргументов, слушал нас как бы вполуха, взгляд иногда блуждал, мысли, видимо, уходили далеко.

— Чего же вы все хотите? — задумчиво, с какой-то отрешенностью спросил Горбачёв. — Ввести чрезвычайное положение? Но оно введено в некоторых отраслях. Здесь есть большие наработки, есть «опасности». Общество взбудоражено... Но Конституция позволяет его сделать... Я, конечно, могу подписать телеграмму, — вырывает из блокнота чистый лист бумаги, собираясь писать. — Но ведь это может сделать Лукьянов, ему даже удобней.

Дискуссия, всерьез не разгоревшись, угасала. Перед нами сидел уставший, озабоченный человек, возможно впервые начавший осознавать тяжесть и бремя той огромной власти, к которой он так долго и упорно стремился. Он на вершине. Туман, окружавший ее, рассеивается. Обнаруживаются далекие долины, ущелья, ярусы, предгорья, медленно ползущие ледники, чуткие лавины, стремительно срывающиеся в пропасть, сели и камнепады.

Выше пути нет, настал момент истины. Что его ждет внизу: бездумно разоряемая страна, ускоренная перестройка? Нет верных друзей, товарищей — он их не хотел иметь. Нет линии, нет карниза, чтобы перейти на другую вершину. Он еще на тверди, но вокруг все рушится, стремительно меняется, обнажаются глубинные слои, пласты, вершина содрогается, осыпается от разбуженной стихии.

Пора принимать решение.

— Вот надо ехать, но вы видите мои состояние, врачи замучили, — начал было при нас рассуждать Президент, давая понять, что лететь с нами он не собирается.

Я прикидываю варианты возможных в этой ситуации действий Президента. Их три. Либо оставить нас в Форосе до завтра, чтобы в неспешной обстановке продолжить обсуждение проблемы. Либо вызывать к себе всех нужных руководителей и допрояснить для себя вопрос перед тем, как принять верное решение. Наконец, лететь с нами в Москву.

Приглашения «остаться до завтра» — утро вечера мудренее — от хозяина кабинета не поступает. Президент размышляет, подводя итог:

— Ну, что ж, давайте действовать.

Поднялся из кресла, давая понять, что разговор окончен:

— Вам ведь надо еще ехать, лететь...

Он подал каждому из нас руку, попрощался с чувством какой-то недосказанности — так много наболело на душе. Но, как говорится, служба — долг, солдат — не гость.

Слева от выхода из кабинета, в некотором отдалении, вижу сидящих в креслах Раису Максимовну, дочь, старшую внучку и зятя, стоя скрестившего руки на груди. Улавливаю некоторую напряженность, неестественность в их позах... Женщины, дети... Надо поздороваться, разрядить неловкость. Подходим.

— Здравствуйте, Раиса Максимовна, — говорю я и протягиваю ей руку. Она явно в замешательстве, миг колебаний, оцепенение, но берет себя в руки и спрашивает:

— С чем пожаловали, с добром ли?

— Мы ваши друзья, приехали по делам службы.

...Время езды от «Зари» до Бельбека мелькнуло совсем незаметно — все еще переживался разговор с Президентом. В голове кристаллизовались три главных момента по итогам встречи и разговора с ним: «блезнь», «беспокойство», «давайте действовать».

Аэродром, солнце клонится к закату. Нас поджидают отдыхавшие в Крыму Чернавин с женой, Громов^V и еще несколько высших чинов. Юрий Сергеевич, Валерий Иванович, Олег Семенович и я здороваемся и, сразу попрощавшись, спешим к самолету. Валентин Иванович с товарищами провожают нас. Влетаем в 19.30.

Внизу длинные тени от невысоких деревьев на лесополосе и прилегающем поле, на ярусах...

В. И. Болдин
КРУШЕНИЕ ПЬЕДЕСТАЛА¹

<фрагменты>

Взвизгивает и скрежещет стальная дверь; меня вводят в камеру, и слышно, как в замке закрывшейся двери гремят ключи. Я остаюсь в полумраке и сразу не могу различить, что это. Тотчас наталкиваюсь на стальные нары. В полуметре умывальник и унитаз. Окна нет, лишь стальная пластина с просверленными отверстиями. Приглядевшись, вижу — одиночка три метра на два. Сажусь на нары, еще раз озирая свое новое узилище. Да, одиночка, впрочем, это и лучше. Видеть никого не хочу. Под мышкой еще держу вещички, которые мне оставили. Но ни ремня, ни галстука, ни шнурков нет. Документы, деньги изъяты. Оказалось, мне не нужно и многое другое. Ну что ж, им видней. Ложусь на стальные ленты нары и чувствую холодный металл. Часов через пять дверь отворяется и прямо в раковину ставят то, что они называют обедом. Я не притрагиваюсь к пище. Через час ведут куда-то наверх и скоро попадаю в камеру, где на меня с любопытством взирают две пары глаз. Видя мое состояние, люди уступают нижнее место, помогают расстелить матрас из свалывшейся ваты. Я укладываюсь, пытаюсь согреться, но только верчусь от неудобства и боли. Что ж, это надо пережить — впереди только худшее.

Еще сегодня я лежал в больнице и под утро проснулся, услышав в коридоре сдавленный шепот. Затем дверь отворилась и заглянула сестра. «К вам врачи», — сказала она, и на лице женщины был столь явный испуг, что я все понял: это за мной. Халаты сброшены, мне протягивают ордер на арест, подписанный Трубиным, Генеральным прокурором СССР¹. Человек, показавший мне эту бумагу, удивительно похож

¹ Печатается по: Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М.: Республика, 1995. С. 7–21.

на майора Томина из телевизионного сериала «Следствие ведут знатоки». У этого «знатока» то же интеллигентное лицо, хорошие манеры. Одеваюсь и скоро оказываюсь в «Жигуленке», который колесит по кривым переулкам. Водители они, как говорят, аховые. Москву знают плохо, поиски нужного дома отнимают немало времени, мы то и дело попадаем в какие-то тупики. Впрочем, улицы Москвы в этом районе сильно перекопаны, идет ремонт домов и коммуникаций. Наконец добираемся: «Матросская тишина», СИЗО-4.

И вот я здесь, обыскан, отобраны многие вещи. В голове крутятся события последних дней, тот путь, который привел меня, да и не только меня, в это «милое местечко».

— Завтра в 14 часов из Чкаловской будет готов к полету самолет министра обороны. Надо быть вовремя, — так закончился разговор 17 августа в Доме приемов КГБ, именуемом объектом АБЦ. — Сможешь ли ты полететь? Президенту надо сказать всю правду о положении в стране. Подписание нового Союзного договора обострит обстановку, может привести к столкновениям и гражданской войне. Тебе он поверит.

Последнюю неделю я находился в больнице, где почти каждый день лежал с капельницей, самочувствие было тяжелым. Но озабоченность положением в стране, которая находилась на грани распада, заставляла пренебречь многим.

И вот Чкаловская. Сегодня, 18 августа, День авиации. На аэродроме видны не только военные, но и штатские, видимо, были праздничные мероприятия у летчиков. Несколько черных «Волг» подкатывают к самолету. Здравуемся с летчиками, поднимаемся по узкой и крутой лестнице на борт самолета Ту-154. Обычного трапа здесь нет. Пилоты помогают войти в салон. О. Д. Бакланов, О. С. Шенин, В. И. Варенников и я размещаемся в салоне самолета министра обороны СССР. Большой стол посередине, широкие раздвигающиеся двери, по одну сторону диван, по другую — удобные кресла, сбоку подставные мягкие пуфики. Снимаем пиджаки. Мимо дверей проходят какие-то военные, люди в штатском и скрываются в чреве других салонов. В. И. Варенников дает команду на взлет.

Запускаются двигатели, самолет вздрагивает и вырывается на старт. Без задержки взлетает, легко отрываясь от земли, и я вижу родное Подмосковье, рощи, озера и вьющиеся змейки речушек, дачные поселки. Крутой подъем переходит в плавный набор высоты. Ключья облаков все больше закрывают землю, и потом она видна лишь с большой высоты: зелено-желтые поля, поселки и подмосковные сады и огороды. Впереди

два с лишним часа лету. И мысленно начинаю обсуждать наш поступок. Зачем мы здесь? Что привело к необходимости сказать о тяжелом положении в стране?

Уже с января 1991 года разговор о нарастающих трудностях в кругу Горбачёва шел регулярно. Политическая и экономическая обстановка в стране критическая. Президент был озабочен состоянием дел, поручал ряду членов Совета Безопасности подготовить предложения по введению чрезвычайного положения. Выслушивал их, но пока ничего не решал. Несколько раз он встречался с секретарями ЦК, Язовым, Крючковым, Тизяковым, Баклановым. Они, каждый со своей позиции, рисовали картину развала экономики, возможного распада государства. Новый проект Союзного договора игнорировал мнение народа, выраженное на состоявшемся референдуме, о едином Союзе.

Центробежные силы в союзных республиках и прежде всего в России неудержимо вели к разобщению. Шла война законов. Республики принимали решения о приоритете своих законов над союзными, и правовой хаос быстро нарастал. Неспособность центра удержать власть и руководить государством становилась все более очевидной.

Тяжелое положение складывалось в армии и оборонном комплексе. Атомное оружие требовало контроля, постоянной проверки и своевременной замены боезарядов — иначе могло произойти непоправимое. Недостаточное внимание к оборонным заводам, занятым производством атомного сырья, созданием и заменой зарядов, вело к их остановке, квалифицированные люди уходили.

Группа известных академиков-атомщиков поставила в известность президента о небезопасности дальнейшего положения в атомной индустрии. Но особенно тяжело было в армии. Сокращение ее увеличило долю офицеров, социально не защищенных, не обеспеченных квартирами. Экономика продолжала катиться под гору. Разрывались связи с поставщиками сырья, комплектующих изделий, начался разгул бартерных операций. Сокращались добыча и поставка угля, нефти, руды и других видов сырья и топлива.

В то же время президент думал совсем о других вещах. Он беспокоился об упавшем почти до нуля авторитете и искал пути его повышения любыми средствами, готовил к изданию свою новую книгу, помогал в издании воспоминаний супруге, за которые по договору она должна сразу получить весьма крупную сумму в валюте, а там еще переиздания... Кроме того, книга должна была издаваться и у нас. Раиса Максимовна

часто звонила, интересуясь, в каких издательствах лучше выпустить своего «первенца».

Семья президента готовилась пережить трудное время, запасаясь валютой. На счету Горбачёва уже имелось в общей сложности свыше миллиона долларов, полученных за публикации за рубежом с помощью Всесоюзного агентства по авторским правам. Кроме того, были многочисленные подарки из драгоценных металлов, всевозможные валютные премии, другие ценности. Все это настораживало: может ли беспокоить президента судьба Родины, остается ли у него время заниматься государственными делами, экономикой, социальным положением людей?

В последнее время руководители многих отраслей, предприятий, депутаты писали о трудном положении, о необходимости искать пути решения проблем. Они стучались в двери президента и нередко встречались с ним. Но кончалось все это ничем, он обычно говорил:

— Ищите, товарищи, решения. Все разумное будет принято. Да и вам никто не мешает работать. Действуйте.

Но чувствовалась неуверенность в его словах, боязнь принимать какие-либо серьезные меры. Все чаще круг встреч Горбачёва ограничивался только беседами с иностранцами. Они похваливали президента и фотографировались с ним. На этом дело чаще всего и кончалось. Ни кредитов, ни иной помощи не было. Даже встреча в Лондоне с «семеркой» ничего, кроме благих намерений западных участников ее, не дала.

С начала 1991 года президента беспокоила личная непопулярность среди населения, а главное — неукротимый рост авторитета Ельцина. М. С. Горбачёв в этой связи не раз собирал узкий круг доверенных лиц и обсуждал свое будущее: впереди возможны всенародные выборы президента СССР — какие можно принять меры по повышению популярности? Можно ли рассчитывать на победу? Насчет победы многие мялись, а что касается мер, то говорили определенно — наведение порядка в стране, борьба с преступностью, приостановка разгула национализма, этнических волнений и кровопролития, улучшение дел в сельском хозяйстве и промышленности. А главное — определенность: если рынок — тогда надо действовать, если прежние методы — надо придерживаться их. После таких встреч М. С. Горбачёв вроде оживлялся, давал поручения.

Причем речь шла о конкретных вопросах. Одно из таких предложений президент поручил готовить Тизякову, Бакланову и некоторым другим хозяйственникам и экономистам из правительства. В. С. Павлову предлагалось разработать антикризисную программу. Собирались

совещания, рассматривались предложения. Но все оставалось по-прежнему. Президент так и не осмелился принять программу улучшения дел в экономике и перехода к рынку ни за триста дней, ни за пятьсот дней. Его воля была парализована, и Горбачёв уже не был способен принимать какие-либо ответственные решения. Сил едва хватало на встречи с политическими деятелями Запада, написание статей, подготовку интервью.

Однажды на одном из узких совещаний в рассуждениях о возможных выборах президента СССР проскользнула мысль, что поднять рейтинг Горбачёва можно и за счет того, чтобы как-нибудь его «обидеть».

— У нас любят обиженных, убогих и сирых, — говорили тогда. Мысль промелькнула и вроде была забыта.

Становилось все более очевидным, что борьба за спасение страны уже давно перешла в борьбу за выживание и популярность Горбачёва. Но неспособность его к решительным переменам не могла принести положительных результатов.

Шла сдача позиции за позицией. Причем это не была линия на переход к рынку. Даже в этом деле не хватало силы и мужества занять твердую линию и последовательно ее проводить. Велась какая-то сложная игра.

Понимание Горбачёвым рыночных отношений достигалось просто. В 1984–1985 годах он вообще не воспринимал эти слова, пугался их и всячески избегал. Какие дискуссии тогда проходили, чтобы объяснить, что рынок, товарно-денежные отношения есть и при социализме, хотя рынок ограничен рамками жесткой командно-административной системы! Многочасовые и многодневные споры постепенно продвинули его в понимании многих экономических категорий, но происходило это в основном после соответствующих публикаций в печати, которая по таким вопросам выступала смелее.

Вообще-то вопросы экономики поначалу давались Михаилу Сергеевичу весьма трудно. Хотя надо отдать должное: он, быстро схватывая многие идеи, начинал оперировать ими так активно, что лишь по некоторым высказываниям можно было обнаружить отсутствие систематических знаний в политэкономии.

По образованию юрист, он никогда не работал по специальности, и вся его жизнь связана с организационно-партийной и сельскохозяйственной деятельностью. Работая на Ставрополье, Горбачёв, видимо, неплохо знал сельское хозяйство, окончил заочное отделение сельскохозяйственного института. Перейдя в центральные органы, он поначалу довольно свободно оперировал понятиями на уровне края и лишь позже,

но довольно быстро поднялся в понимании дела до масштабов страны, хотя быстрое перепрыгивание через ступеньки оставляло большие провалы в его знаниях и опыте работы. Когда в 1982 году в ЦК пришел Андропов и начал привлекать Горбачёва к активной работе в Политбюро, он стал заниматься более широким кругом вопросов. Но и здесь, как я заметил, основную ставку Михаил Сергеевич делал на публикации, считая слово своим главным делом, одним из важнейших методов работы.

Вообще на все возникающие вопросы жизни, даже очень сложные, он говорил:

— Надо написать статью или книгу. Садитесь, готовьте предложения.

Даже вернувшись из Фороса, Горбачёв сказал на пресс-конференции, что во время отдыха писал статью, где затрагивал вопросы попытки переворота. Впрочем, ему это было нетрудно сделать и до отпуска.

Все, кто знал Горбачёва довольно близко, видели его колебания, понимали безысходность положения. Страна стояла на грани развала, гражданской войны, разрухи, и оздоровительные меры были просто необходимы. Президента СССР все больше загоняли в угол руководители России, других республик, они диктовали ему условия, оказывали влияние на выбор им кадров. Незадолго до отъезда в отпуск Горбачёв неожиданно спросил меня:

— Ты знаешь о моей встрече с Ельциным и Назарбаевым? Они настаивают на том, что Крючкова и Язова надо убирать с должностей: не тянут больше старики.

Я удивился не столько самой встрече, о которой ничего не знал, сколько тому, что сказал Горбачёв.

— Я слышал другое — будто вы обсуждаете вопрос о назначении Бакатина на пост председателя КГБ.

Он удивленно взглянул на меня и быстро заговорил:

— Ни Крючкова, ни Язова этим вождам я не отдам. Скорее вместе уйдем с постов...

Я понял, что Горбачёва очень волновало, знает ли о его разговоре с Ельциным и Назарбаевым Крючков. И если нет, то он, видимо, надеясь, что при случае я могу передать Крючкову слова Горбачёва о его решимости отвергнуть предложения Ельцина и Назарбаева. Но моя реплика о том, что Крючкову уже подготовлена замена, заставила Горбачёва страстно убеждать меня, что «Володя ему больше, чем друг», и эти домыслы подброшены, чтобы рассорить его со своими соратниками. Был дан и адрес, по которому председателю КГБ следовало обратить гнев.

Лишь спустя два или три года я узнал от Крючкова, что он ничего не знал о содержании разговора Горбачёва, Ельцина и Назарбаева, как и не знал вообще, что президент СССР плетет против него интриги.

Мое замечание о возможном назначении Бакатина на место Крюкова вызвало поток заверений генсека в лживости информации. Главным его аргументом было то, что Бакатин бездарно работал в МВД, восстановив против себя многих опытных работников, потерял авторитет среди избирателей, которые поняли, что стоит этот человек.

— Нет и нет. Выброси это из головы, — убеждал меня Горбачёв. И чем он был красноречивее, тем больше я убеждался, что попал в точку и дыма без огня не бывает.

16 августа у меня состоялся телефонный разговор с Горбачёвым. Шла активная подготовка к подписанию нового Союзного договора. Несмотря на болезненное состояние, я практически каждый день вынужден был приезжать и следить за подготовкой набора текста договора. Требовалась соответствующая атрибутика: бумага, папки, футляры, чернильные приборы и ручки, древки флагов, которых предстояло установить свыше 50. И в это время позвонил Горбачёв; на повышенных тонах, раздраженный, стал расспрашивать о совещании в Алма-Ате руководителей республик. Ответить что-либо вразумительное на это я не мог. Во-первых, потому, что сам не знал об этом совещании, а во-вторых, у него были члены Совета Безопасности и помощники, которые специально занимались подобными делами.

— Ты понимаешь, как это называется. Сепаратно, проигнорировав мнение президента СССР, местечковые лидеры решают государственные вопросы. Это заговор. Так не оставлю дело. Надо немедленно принимать меры...

Самолет стал снижаться. Внизу проплывали серо-желтые убранные поля. Редкие сельские поселки, покрытые седой пылью крыши предприятий, дорога с вереницей автомобилей. Затем открылось море. Я увидел его впервые за последние 12 лет. Самолет зашел на посадку, вздрогнул от выпущенных шасси.

Впереди открылся аэродром с выстроившимися военными тяжелыми самолетами. Ту-154 коснулся полосы, взревели на реверсном ходу двигатели, и мы подрулили к аэровокзалу. Это был военный аэродром Бельбек недалеко от Севастополя. Подали трап, и все спустились на землю. Встречал ряд военных флотских и авиационных чинов. Они что-то доложили Варенникову, коротко, почти не глядя, поздоровались с нами. Мы прошли в здание аэровокзала. Это была новая постройка — красиво

оформленное небольшое помещение с рядом боковых комнат и огромным залом для приемов прилетающих на отдых высоких гостей.

— Вот здесь принимали недавно Горбачёва, — сказал сопровождавший нас офицер, — и республиканское руководство.

Был пятый час, и надо было спешить. Подрулили несколько «Волг» черного и светло-серого цвета. Сели и двинулись в сторону Севастополя и дальше к Форосу.

В Севастополе и Форосе я был последний раз в году 1963–1964-м. С тех пор не видел этих мест. И вот знакомая дорога. Скалистые горы с вырубленными в них нишами, где в годы войны были госпитали, склады, штабы. Погода стояла теплая, но солнца за плотной дымкой не было видно. И когда показалось море, то я не сразу различил, где начиналось небо и кончалась вода. Минут через 35 впереди в стороне моря показалась красная крыша строения.

Это и есть летняя резиденция президента СССР. С дороги свернули вправо и въехали на территорию. У ворот стояло несколько крепких парней охраны.

Подъехали к гостевому дому. Зашли в него. Двухэтажное здание, хорошо спланированное и основательно построенное. С просторным холлом, широкой лестницей, ведущей на второй этаж. Начальник 9-го управления КГБ Ю. С. Плеханов пошел доложить о нашем прибытии.

Однако в доме никого не было, или принимать нас не спешили. Лишь через полчаса мы прошли в холл дачи и стали ждать. Дача была огромной, на первом этаже слева и справа шли комнаты, широченная лестница вела на второй этаж. Здесь были просторные холлы, впереди с выходом к морю большой зал, затем личные апартаменты, столовая, зимний сад. Сделано все было добротнo, под стать стоимости особняка, которая и по тем временам была огромна. Материалы использовали импортные, прежде мной невиданные. В общем Форосский замок являл собой «архитектурный шедевр» и побил, наверное, все рекорды по помпезности, стоимости и темпам строительства.

Минут через 10–15 появился Горбачёв. Выглядел он болезненно, передвигался с трудом, на лице, багровом не столько от загара, сколько, видимо, от повышенного давления, выражалось чувство боли и недовольства. Он быстро со всеми поздоровался за руку и с гневом спросил, ни к кому не обращаясь:

— Что случилось? Почему без предупреждения? Почему не работают телефоны?

— Надо, Михаил Сергеевич, обсудить ряд вопросов.

— Каких вопросов?

Все это говорилось по пути в кабинет. Кабинет был небольшой и крайне неудобный. Маленький стол с окном за спиной сидящего, чуть правее другое окно. Напротив стояли у стены два стула. Горбачёв сел в кресло за столом, О. С. Шенин и В. И. Варенников — на стулья. Остальные разместились на подоконниках и около окон, если не считать Плеханова, которого он довольно некорректно попросил выйти.

— Мы приехали, чтобы обсудить ряд вопросов о положении в стране, — начал О. С. Шенин.

— Кого вы представляете, от чьего имени говорите? — прервал Горбачёв.

Такой реакции вряд ли кто мог ожидать, когда вчера обговаривалась тема доклада президенту. Все рассчитывали на взаимно заинтересованное обсуждение вопроса в духе аналогичных встреч в прошлом и поручений, которые давал Горбачёв о готовности введения чрезвычайного положения в стране. И вот теперь с самого начала разговор не складывался. Я стоял у окна и смотрел на президента, лицо которого отображало мучивший его радикулит или остеохондроз и общее недомогание. Болезнь или другие причины, но в поведении президента за время его отдыха что-то резко изменилось. Может быть, неожиданным для него было появление В. И. Варенникова, который в прошлом не принимал участия в обсуждении вопросов о необходимости принятия чрезвычайных мер для стабилизации обстановки. Или его возмутило то, что в его, как он, может быть, считал, вилле появились незваные гости.

— Кого вы представляете, — повторил свой вопрос Горбачёв, — и от чьего имени говорите?

Услышав, что речь идет о людях, большинство которых и раньше привлекались президентом для выработки мер в случае неблагоприятного стечения обстоятельств, Горбачёв несколько смягчился.

— И это все? — спросил он.

— Да, это все.

Мне показалось, он боялся услышать, что прибывшие представляют руководство России. Больше всего его волновала предстоящая встреча глав союзных республик и, как он полагал, некий заговор.

— Ну что вы хотите сказать? — спросил он уже спокойнее.

— Я хотел бы начать с обстановки в стране, — начал О. Д. Бакланов. — Вы знаете, в каком трудном положении находятся сельское хозяйство и промышленность, а мы занимаемся сегодня не тем.

— Что ты мне говоришь? Я все это знаю, и знаю лучше вас.

Говорить Бакланову он не дает. В разговор вступает Варенников. С присущей ему решительностью он говорит о положении в стране и армии, о тяжелых испытаниях, ожидающих народ, офицерский корпус, всю армию, ее боеготовность, если не будут приняты чрезвычайные меры. Но и он прерван... Сказал и я о том, что Горбачёв, по-видимому, не знал: правительство и Верховный Совет выступают против принятия не обсужденного ими нового договора.

— Конкретнее давайте.

Горбачёву предлагаются варианты, которые готовились по его поручению на случай критического состояния дел. Смысл их состоял в том, чтобы президент принял чрезвычайные меры в ряде районов на время уборки урожая и для стабилизации экономики, точнее, для приостановки падения уровня производства, поручил осуществить эти меры если не кабинету министров, то тому, кому он доверяет. На эти слова реакции не последовало.

Президент думал о чем-то другом и неожиданно спросил, распространятся ли меры чрезвычайного положения на действия российского руководства. Услышав утвердительный ответ, он успокоился окончательно.

— Все, что вы предлагаете, лучше осуществить максимально демократическим путем, поэтому я советую, как можно сделать то, что намечается.

Дальше пошел спокойный и деловой разговор, смену тональности которого я не сразу понял. Михаил Сергеевич деловито говорил о том, как нужно решать предлагаемые вопросы, пояснял, почему он занимает такую позицию.

— Вы подумайте и передайте товарищам, — говорит он.

Пожимая на прощание руки, добавляет: — Черт с вами, действуйте. В холле сидит Раиса Максимовна с детьми и внуками.

— С хорошей ли вестью вы приехали? — спрашивает она Бакланова. Он подходит и говорит, что приехали с добрыми намерениями и все будет хорошо. Ничего, кроме положения в стране, мы не обсуждали и, как ваши друзья, желаем, чтобы в вашем доме все было благополучно.

Мы выходим из особняка, удивленные ходом разговора.

— Но ведь он еще недавно считал введение чрезвычайного положения единственным выходом. Что же изменилось? — растерянно говорит О. Д. Бакланов.

— А вы что хотите, чтобы политик такого масштаба сказал прилюдно «да»?

Даже не по столь щекотливому вопросу Горбачёв ни «да» ни «нет» никогда не говорил. Он обходился обычно междометиями, молчанием или переводил разговор на другую тему, чтобы не сковывать инициативу, — обмениваемся мы впечатлениями о встрече.

Машины поданы. О намерении искупаться приходится забыть — уже темнеет.

Машины вырывают на трассу. Дорога обратно показалась много короче. В Бельбеке уже стоит самолет, готовый ко взлету. Сажусь на скамейке рядом со зданием аэровокзала. Замечаю, что все уже в самолете и военные, попрощавшись, уходят. Только тогда поднимаюсь на борт. Самолет долго вырывает, замирает на мгновение на старте и под рев двигателей срывается в короткий пробег.

Крутой взлет и долгий набор высоты. На высоте уже темнеет, да и земля неожиданно быстро покрылась мраком южной ночи. Лишь огоньки не то в море, не то на суше проблескивают неярким желтым светом. Через два с лишним часа будем в Москве. Приносят чай, сухари, но есть и пить не могу.

...Когда приземлились в Москве, было уже темно, холодно и сыро. Садился в первые попавшиеся машины, которые были в аэропорту. Плеханов подгоняет водителя: жми. Но машины поехали разными дорогами. Где-то на Красносельской улице лопнула шина. Приехали. Водитель вывернул к тротуару и начал заниматься ремонтом. Впрочем, скоро подошла свободная машина, и мы пересели в нее. Еще 15–20 минут — и Кремль. Идем по второму этажу правительственного корпуса. В коридоре много людей, скорее всего охрана.

Захожу в кабинет. В тусклом свете высоких люстр вижу людей, сидящих за длинным, крытым зеленым сукном столом заседаний. Сначала вижу Янаева и только потом Крючкова, Павлова, Язова, Пуго. Сажусь с краю. Докладывает О. С. Шенин. Он приехал чуть раньше и уже включился в разговор. Официанты расставляют чай и бутерброды. Начинаю прислушиваться. О. С. Шенин говорит спокойно и обстоятельно, рассказывает все, как было. Г. И. Янаев просит желающих дополнить. О. Д. Бакланов добавляет несколько слов, но сути они не меняют. Нечего добавить и мне.

Среди собравшихся разгорается дискуссия, как быть, если Горбачёв вдруг откажется от введения чрезвычайного положения. Мнения разделились. Слышны голоса:

— Раз президент не говорит ни да ни нет, то пусть остается все, как было.

— А вы хотите, чтобы он на весь мир протрубил о введении чрезвычайного положения? Наивно этого ожидать. Такие вещи так не делают.

— Но ведь и дальше нельзя терпеть развал страны. Отступать некуда. Может, даже лучше не подставлять Горбачёва, чтобы не навредить его международному авторитету. Ответственность надо взять на себя.

В кабинет все время входят и из него выходят какие-то люди. Ведутся телефонные разговоры, кого-то ждут, чтобы спросить и посоветоваться, вызвать в Кремль.

Время движется к полночи, мое самочувствие ухудшается. В больнице наверняка паника из-за моего долгого отсутствия. Я встаю и уезжаю в больницу.

18 августа, День авиации, мой любимый праздник, закончился. Я засыпал, так и не зная, что решили предпринять. Не ведал я тогда, что это был последний относительно спокойный день в моей жизни. Не знал и многого другого — сколь велика ответственность людей за судьбу страны и народа и сколь велика низость тех, кто пытается лягнуть падающего, укусить ослабевшего.

Не испытав этого, нельзя никогда сказать, что ты знаешь жизнь и людей. Я всегда был нетерпим к тем, кто пытался льстить, подыгрывать, уметь угождать. Те, кто лизал или, вернее, мог лизать, были для меня и теми, кто мог лягнуть и укусить. Мог ли я не лететь в Форос? Конечно, мог. Я уже около недели находился в больнице и чувствовал себя скверно. Я мог легко и просто отказаться от всех затей. Но я знал положение в стране, приближающийся крах Союза и оставаться ко всему этому равнодушным не имел права. Постоянно встречаясь со сторонниками и противниками Горбачёва, знал их настроение и помыслы, знал мнение тех людей, которым, как говорил Горбачёв, он доверял больше, чем себе, и поручал мне встречаться с ними, содействовать их работе. Тем более когда обстановка накалилась докрасна.

Я поехал, полный уверенности, что визит не будет неожиданностью для Горбачёва, тем более что он сам постоянно говорил о необходимости введения чрезвычайного положения. Узнав о встрече руководителей республик во главе с Ельциным в Алма-Ате, он расценил ее как заговор, намереваясь принять все необходимые меры.

Кроме того, намерения Горбачёва проигнорировать результаты общесоюзного референдума и развалить СССР требовали самого серьезного обсуждения. И эту обстановку надо было действительно менять, чтобы не допустить развала Союза.

...Проснулся я с чувством тревоги. Включил телевизор и все понял. Был сформирован ГКЧП, и бразды правления взяли на себя вице-президент СССР Г. И. Янаев и другие члены Совета Безопасности страны. Диктор медленно и печально читал принятые документы.

Первый порыв — поехать на работу и все узнать, но сделать это оказалось непросто. Предстояли лечебные процедуры. Приехал на работу поздно. На улицах стояли БМП и танки. Узнал, что меня спрашивал Янаев. Я позвонил, но ответа не было; когда зашел в приемную вице-президента СССР, там скопилось много народу.

Кого-то приглашали, кто-то выходил. Я без доклада зашел и сел с краю. На меня никто не обратил внимания. Разговор шел о дальнейших шагах в области экономики, но Павлова почему-то не было.

Г. И. Янаев постоянно выходил в другую комнату, с кем-то соединялся по телефону, кого-то принимал. Все были заняты, и спрашивать о предстоящих задачах было бессмысленно. У меня в приемной было также много народу, все время кто-то звонил. Собрал заведующих отделами аппарата и сказал, что надо работать так, как работали прежде.

По радио и телевидению передавалась какая-то печальная музыка. Я перебирал на столе горы бумаг, копии своих статей, писем, Горбачёвских речей, до которых у меня никак не доходили руки, чтобы сбросить их для уничтожения, направлял что-то в архив. Никто, видимо, кроме Крючкова, толком не знал, что происходит, а соединиться с ним было невозможно. Скоро я уехал в больницу. Наступали самые драматические минуты в деятельности ГКЧП, нашей страны. Характер передач на телевидении начинает меняться.

Узнаю, что Горбачёв прерывает свой отпуск и возвращается из Фороса. «Освободить» его летали Язов, Крючков, Лукьянов, Бакланов, Ивашко, затем российская делегация. Разыгрывается спектакль спасения президента. Сейчас у него роль обиженного узника. Выглядит он растерзанным, в какой-то затрапезной кофте, возможно, с чужого плеча, и я невольно думаю: уж не держали ли его в подвалах форосской виллы? И если он хотел выглядеть обиженным, то ему это удалось с блеском. А вот популярность, как скоро выяснилось, поднять ему оказалось не по силам. Видимо, генсек, его домочадцы несколько переиграли роли. Много неестественного было в его словах, фантастических рассказах всех членов дома Горбачёвых, перепуганного бытописателя, следовавшего за семьей генсека даже в отпуск.

По ночам тайно готовилось послание из заточения Горбачёва мировому сообществу. Одним из почтовых голубей должна была стать

девушка-референт, которая для надежности, видимо, по совету многоопытной Раисы Максимовны время от времени перепрыгивала составленный документ из одного сокровенного места в другое, еще более сокровенное, чтобы сбить с толку чекистов, возможно прознавших о страшной тайне хранения послания. Имелся и запасной вариант доставки тайного послания человеком-амфибией, способным проплыть до Ялты или Одессы и вручить его верным людям.

Только благодаря конспиративным мероприятиям народы мира и американский президент узнали о невинности Горбачёва в подготовке «заговора». Но, как стало скоро очевидно, не очень в это поверили.

Утром опять минимум информации по телевидению и отключенный телефон. Я понял, что час настал. Еще сутки отделяли меня от «Матросской тишины». Еще день и длинная предосенняя ночь.

В. И. Варенников
НЕПОВТОРИМОЕ. Кн. 6¹
<фрагменты>

16 августа в прессе появилось сообщение о том, что на 20 число назначена встреча Горбачёва в Ново-Огареве, где предполагалось подписание нового Союзного Договора. В комментарии говорилось, что сейчас этот документ могут подписать только шесть республик. Уже это свидетельствовало о возможном развале Союза. В пояснительной записке к проекту договора было сказано, что часть республик подпишут его в августе, затем процедура будет продолжена в сентябре, октябре и т. д., но это не соответствовало фактическому положению дел.

По моему требованию принесли этот проект, который мы получили еще 10 августа (было отпечатано всего 50 экземпляров), прочитал его еще раз, а также краткое обращение-препроводилку Горбачёва. Под давлением тяжелых мыслей позвонил министру обороны и доложил свои сомнения относительно целесообразности подписания договора. Язов полностью со мной согласился. Более того, Дмитрий Тимофеевич резко осудил обстановку, в которой мы оказались. А в конце добавил: «На этих днях на эту тему поговорим».

17 августа, в субботу, я как всегда был на рабочем месте у себя в Главкомате. Провел встречи с официальными лицами, отвечающими

¹ Печатается по: *Варенников В. И. Неповторимое. Главнокомандующий. Трагедия отечества 1985–2000 гг. Кн. 6. М.: Советский писатель, 2002. С. 191–217.*

за вывод наших войск из Восточной Европы и размещение их в пределах военных округов в европейской части СССР. Где-то ближе к исходу дня — звонок по «кремлевке». Д. Т. Язов: «Валентин Иванович, подъезжайте сюда, у меня уже Ачалов¹, поговорим». Машина стояла наготове, поэтому через несколько минут я уже был у министра. В его кабинете находился заместитель министра обороны генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов, но почему-то в гражданском костюме. Вначале я подумал: его вызвали внезапно, а он, поскольку суббота, возможно, где-то отдыхал и поэтому не успел переодеться. Но, оказывается, как выяснилось позже, это было предусмотрено заранее.

Не высказав своего удивления, я вначале представился министру, затем поздоровался с Ачаловым, пошутив, что гражданский костюм ему тоже идет.

— Впрочем, — сказал я, — и в военном, и в гражданском мощная грудь Владислава Алексеевича и соседние с ней участки — на первом плане. А это главное для настоящего мужчины.

Поддержав мою шутку, Дмитрий Тимофеевич приступил к делу:

— Ситуация в стране крайне плохая. Нет ни одной области в жизни и деятельности нашего общества, чтобы были хотя бы какие-то надежды на стабилизацию. Обстановка с каждым днем становится все хуже и хуже, но никаких мер не принимается. Руководство, крайне обеспокоенное этим, намерено обсудить сложившуюся ситуацию и выработать решение. С этой целью приглашает и нас троих.

Дмитрий Тимофеевич вопросительно посмотрел на меня. Предложение, конечно, оказалось неожиданным. Но вопрос был такой важности, что тут и размышлять было не о чем. Для формальности я все-таки спросил:

— Когда и где мыслится это проводить?

— Минут через 30–40. Ровно столько нам потребуется, чтобы доехать к этому пункту. Это на окраине города — то ли гостиница, то ли какой-то учебный корпус у Крюкова Владимира Александровича.

— Я готов.

Мы спустились вниз во двор Генштаба. Там нас ожидала одна машина — белая «Волга». Я понял, что это было сделано для того, чтобы не привлекать внимания. В. Ачалов сел впереди, мы с Д. Язовым разместились сзади. Водитель и сидевший рядом с ним человек были одеты в гражданские костюмы — понятно, для отвлечения внимания. Но мне было не ясно — от кого мы прячемся, если едем на объект КГБ? Разговор

в машине носил отвлеченный характер, но я уверен, что каждый думал о предстоящей встрече.

Действительно, минут через тридцать мы свернули с магистрали и, проехав 100–200 метров, уперлись в обычный КПП (контрольно-пропускной пункт), какие существуют при въезде в военный городок или какой-нибудь объект. Открылись ворота, и перед нами, как картинка, появилась уютная, ухоженная территория — словно оазис в каменной громаде города. Всё утопало в зелени, через крохотный, длинный прудик был переброшен мосток. Главным на территории этого городка, который, кстати, назывался почему-то АБЦ, очевидно, было многоэтажное здание с одним подъездом. Под кронами больших деревьев за прудом я заметил аккуратную беседку.

Во дворе уже прогуливались Крючков, Бакланов, Болдин, Шенин и еще какой-то незнакомый мне товарищ. Им оказался заместитель Крюкова Грушко Виктор Федорович¹¹. Поздоровались, немного поговорили на «дежурные» темы. Вскоре подъехал Павлов, и Крючков предложил всем пройти в беседку. Там стоял сервированный для чая круглый стол, вокруг которого мы все и разместились.

Было девять участников встречи: Крючков, Грушко, Павлов, Шенин, Бакланов, Болдин, Язов, Ачалов, Варенников. Плюс два помощника Крюкова с какими-то документами.

На положении хозяина начал Крючков. Кратко сказав о чрезвычайной сложности обстановки, он посетовал на то, что, к сожалению, не могут присутствовать на нашей встрече Лукьянов и Янаев. Первый в отпуске и находится на Валдае, а второй — на хозяйстве, т. е. на работе.

Проанализировав сказанное Крюковым и собравшихся руководителей из высшего эшелона государственной власти, я понял, что имею дело с самыми близкими к Горбачёву лицами. Разве что не было Яковлева да Шеварднадзе.

Все поднятые вопросы я условно сгруппировал по пяти направлениям: социально-политическое, экономическое, правовое (о Союзном договоре), техническое и организационное.

По социально-политической обстановке широкую информацию дал Владимир Александрович Крючков. Он говорил о том, что из-за порочного действия властей и неправильного толкования демократии в стране фактически утрачено управление. Идет война законов. Над государством нависла большая опасность. Совершенно не учтены результаты референдума. Центральные силы продолжают раскручиваться и оказывать

пагубное влияние на всё, в том числе разрушены все экономические связи. Жизненный уровень народа продолжает падать. Наши меры по оздоровлению экономики сводятся только к обращениям к Западу за помощью. Преступность не только растет, но и политизируется. Начатая по инициативе Горбачёва перестройка фактически зашла в тупик.

Это было категорическое и справедливое обвинение всей проводимой генсеком политики. Всё говорилось правильно. Но я не мог отделаться от мысли, почему все это не было сказано прилюдно — на Пленуме ЦК, на XXVIII съезде КПСС или на съезде народных депутатов? А главное — почему КГБ, отвечающий за безопасность государства, его строя, ничего не сделал, чтобы пресечь негативные тенденции, уничтожить в зародыше все, враждебное Советской власти и социализму? Да, конечно, Горбачёв вполне мог снять Председателя КГБ с должности. Но если вся правда была бы обнародована, да еще и пофамильно, и предложены конкретные меры, то расправа оказалась бы невозможной. Надо же учитывать трусливую психологию Горбачёва! Но ничего не было сделано...

Внимательно слушая Крючкова, а также реплики Бакланова и Шенина по этому поводу, я полностью разделял это мнение. А в глубине души и огорчился — почему же мы позволили довести страну до такого состояния?

По второму — экономическому направлению — информацию сделал председатель правительства СССР Валентин Сергеевич Павлов. Он нарисовал удручающую картину положения дел в экономике и финансах. Отметил, что кризис, в который мы уже вошли, в ближайшие месяцы может приобрести еще большие масштабы, если не будут приняты экстренные и решительные меры. Подчеркнул, что коль мы неплатежеспособное государство, то и кредитов нам больше давать никто не намерен. Хаос в экономике приобретает угрожающие формы, а предложения правительства не находят поддержки у Горбачёва. Павлов также отметил, что перед тем, как ехать сюда, он провел заседание Кабинета министров, поэтому все докладывает с учетом оценок правительства.

Павлов обратился к военным с просьбой максимально помочь в уборке урожая, на что Язов сразу ответил согласием. Однако Валентин Сергеевич заметил: каким бы урожай ни был, мы все равно не обойдемся без закупки зерна за рубежом. Нас такая обреченность просто удивила.

О третьем — правовом направлении — информацию дали Крючков и Павлов, сосредоточив внимание на проекте Союзного договора.

Они акцентировали: его подписанием узаконивается выпадение из СССР большей части союзных республик, в том числе всей Прибалтики, значительной части Средней Азии и даже под вопросом могут стоять Украина и Молдавия. Оба отметили, что якобы Лукьянов был категорически против подписания такого Союзного договора. Оба особо подчеркнули нарушение прав человека, поскольку игнорируются результаты Референдума 17 марта 1991 года.

Олег Семенович Шенин проинформировал о сложной ситуации, которая сложилась в партии после XXVIII съезда КПСС. Беда была еще и в том, что с отменой статьи 6 Конституции СССР и лишением партийных организаций властных функций, наступил хаос — партия уже не руководила, а Советы не освоили властные обязанности. В итоге у руля оказались проходимцы, жулики, спекулянты и им подобные. Преступность процветала, а власть увядала. О каких правах могла идти в то время речь? Все согласились с выводами Шенина.

Затем приступили к четвертому направлению (помощников Крюкова) — полковники Жижин и Егоров проинформировали о готовности документов к опубликованию. Ни один из документов не зачитывался, кроме лишь некоторых фрагментов в течение трех-пяти минут из «Обращения к народу». Они прозвучали весьма убедительно, тем более на фоне той информации, которая была сделана до этого.

Наконец, приступили к пятому направлению — организации поездки в Крым.

В ходе сообщений по первым трем вопросам раздавались различные реплики. Одни из участников встречи говорили: надо прямо отсюда звонить Горбачёву и добиваться его согласия на введение чрезвычайного положения или президентского правления в тех регионах и областях народного хозяйства, где этого требовала обстановка. Другие считали, что надо дать ему шифротелеграмму по этому поводу и всем подписаться. Третьи предлагали не звонить и не писать, а ехать к нему и убеждать в необходимости этих шагов.

И вот когда конкретно стали обсуждать эти варианты, то все сошлись на одном: надо ехать. Олег Дмитриевич Бакланов сразу заявил, что он готов к такой поездке. Вслед за ним такое заявление сделали Олег Семенович Шенин и Валерий Иванович Болдин.

Крючков заявил, что от КГБ поедет генерал-полковник Плеханов и что надо было бы представителя от военных. Кто-то сказал, что желательно, чтобы поехал генерал Варенников. Министр обороны вначале

запротестовал, сказав, что Варенников поедет в Киев и будет руководить там тремя округами с целью поддержания стабильности на Украине. Крючков заметил, что можно было бы Варенникову слетать с группой в Крым, а оттуда перелететь в Киев и решать там задачи, которые будут поручены. Все отнеслись к этому одобрительно. Язов посмотрел на меня. Я согласился.

Таким образом, было решено, что к Горбачёву в Крым летят Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов. Цель поездки — убедить Горбачёва в необходимости принятия решения о введении чрезвычайного положения в некоторых районах страны, в том числе в народном хозяйстве. Предполагалось, что Горбачёв сделает это своим распоряжением или поручит кому-то, например, премьеру Павлову, как он это делал в конце марта 1990 года. Кроме того, было желательно убедить Горбачёва пока не подписывать новый Союзный договор.

Все были уверены, что в принципе Горбачёв согласится с нашими предложениями. Не надо быть президентом, чтобы сделать вывод о необходимости введения чрезвычайного положения в районах, где гибнут люди или расхищается народное добро. Обстановка просто не терпела дальнейших промедлений. Поэтому и не обсуждался вопрос — а что делать, если Горбачёв с нашими предложениями вообще не согласится.

Встреча продолжалась полтора-два часа. Затем мы с Язовым и Ачаловым уехали, а остальные остались на ужин. Поднятые на встрече вопросы для меня не были открытием. Я был удовлетворен тем, что все эти проблемы будут доложены Горбачёву. Хотя, конечно, знал, что это ему уже многократно докладывалось, а он продолжает бездействовать.

Однако теплились все-таки надежды, что Горбачёв прозреет. Ведь тогда ни у кого и в мыслях не было, что он предатель и изменник. Мы наивно думали, что он кое-чего недопонимает. И вот для того, чтобы он прозрел и, вообще, чтобы добиться хоть каких-то его решений, и была сделана еще одна попытка убедить его в необходимости чрезвычайных мер.

Страну надо было спасать. Это факт! И тут сомнений у меня не было. В предстоящей поездке в Крым, к Горбачёву, меня беспокоило другое. Если мы задались целью убедить наконец Горбачёва в жизненной целесообразности чрезвычайного положения в отдельных районах страны, в том, что именно это и только это является гарантом стабилизации обстановки, то сделать это должны были первые лица, а не те, кто фактически находится на вторых ролях. Это я почувствовал еще там, в беседе,

когда формировался список. Одно дело, если все вопросы перед Горбачёвым поставят такие фигуры, как Павлов, Крючков, Язов, Ивашко и, возможно, Лукьянов (который, со слов Крючкова, разделял идеи принятия срочных мер). И совсем другое, когда с визитом приедут Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников и Плеханов.

Я не решился высказать эти свои сомнения в беседе, опасаясь, что товарищи по встрече могли бы счесть это за трусость. Кроме того, по всему чувствовалось, что вопрос о поездке уже был согласован и с Баклановым, и с Шениным (впоследствии это подтвердилось и в ходе следствия).

Мы ехали обратно на той же машине, в том же составе, только по другому маршруту — вначале должны были завезти Дмитрия Тимофеевича Язова на дачу, а затем поехать в Москву: я — к себе в Главкомат, а Ачалов — в Генштаб.

Дорогой продолжали беседовать, уточняя дальнейшие действия. Я же, вяло поддерживая беседу, думал все о своем — правильно ли я поступил, что не высказал своих сомнений? И всё больше убеждался в том, что решение о направлении в Крым не первых лиц было ошибочным, но сам я, согласившись поехать, поступил правильно, потому что решение о персональном составе «ходовков» к Горбачёву, несомненно, было принято небольшой группой лиц еще до нашей общей встречи. Ясно, что мои сомнения могли бы внести разброд и шатание в принятие решения, что, конечно, нежелательно. Тем более нежелательно что-то в этой части предпринимать уже сейчас, когда всё обговорено.

Слушая Дмитрия Тимофеевича, я еще раз (об этом говорилось и на встрече) услышал, что министр обороны выделяет для полета в Крым свой самолет. После беседы с Горбачёвым мне не нужно возвращаться со всеми в Москву, а следует лететь в Киев, чтобы не допустить на территории Украины, в связи с возможным обращением руководства страны к народу, никаких эксцессов. За Украину особо беспокоились — и это четко просматривалось во время встречи — в связи с тем, что так называемое общественно-политическое движение «Рух» в то время захватило всю инициативу в республике в свои руки, как «Саюдис» в Литве, и диктовало всем свои условия. В потенциале «Рух» мог в связи с «Обращением к народу» организовать большие беспорядки, и даже с жертвами. Этого допустить было нельзя. С учетом моего опыта и моей, в прошлом, службы на Украине в качестве командующего войсками Прикарпатского военного округа (народ Украины меня, конечно, знал) и было принято

решение, чтобы я обеспечил порядок на этом участке. Что, кстати, было выполнено, о чем в свое время будет сказано.

Дмитрий Тимофеевич также сказал, что намерен завтра направить в Прибалтийский, Ленинградский, Белорусский и некоторые другие военные округа европейской части СССР своих представителей из числа заместителей министра обороны и заместителей Главнокомандующего Сухопутными войсками с целью оказания им помощи, тем более что предполагалось ввести в Вооруженных Силах повышенную боевую готовность. Он наказал мне встретиться в Крыму на аэродроме Бельбек с Главкомом Военно-Морского Флота адмиралом флота В. Н. Чернавным и первым заместителем министра внутренних дел СССР генерал-полковником Б. В. Грозовым. Оба они отдыхали на Черном море, и я обязан был проинформировать их об обстановке в стране.

По тону Дмитрия Тимофеевича я понял, что у него самого на душе беспокойно. В то же время, наблюдая общую картину на встрече (куда я попал впервые), можно было сделать вывод, что все присутствующие уже встречались не один раз (возможно, в разных составах). Поэтому внутренне я приходил к убеждению, что они все хорошо продумали, четко и надежно организовали.

К этому выводу меня подталкивали и такие, к примеру, факты. Крючков говорил, что для обеспечения нормальной беседы с Горбачёвым он, Крючков, посылает с нами генерала Плеханова, который решит все вопросы безопасности и связи (позже выяснилось, что он знал о распорежении Крюčkова отключить связь в кабинете Горбачёва).

Относительно Ельцина, который якобы должен вечером 18 августа вернуться в Москву из поездки в Казахстан, предполагалось, что председатель правительства Валентин Сергеевич Павлов обязательно встретится с ним и переговорит о взаимодействии. Правда, раздавались голоса, что, мол, в этот же вечер с Ельциным едва ли можно будет встретиться — из поездки он всегда возвращался под большими «парами». Было решено, что если Ельцин будет не в состоянии вести деловой разговор, то можно будет перенести встречу с ним Павлова на утро 19 августа.

Положительные впечатления произвели и доклады помощников Крюčkова о том, что все важнейшие документы советского руководства полностью готовы к публикации в центральной печати. Зачитанные ими фрагменты возражений не вызывали.

Особое воздействие на всех произвел один, на первый взгляд, незначительный эпизод. В ходе беседы к нам в беседку пришел сотрудник КГБ и доложил Крючкову, что его вызывает к телефону Горбачёв. Владимир Александрович сразу отправился в здание. Пока он минут 10–12 отсутствовал, мы строили версии о причине звонка и возможном содержании этого разговора. Крючков вернулся, на мой взгляд, несколько озабоченный. Но сказал, что с Горбачёвым шел общий разговор, ничего конкретного. На прямой вопрос Бакланова: «Вы сказали, что мы здесь беседуем?» — Крючков ответил отрицательно. А я подумал: если мы ставим задачу — помочь Горбачёву спасти страну, то почему бы не сказать о том, что мы здесь обсуждаем? Тем более у нас в таком почете гласность и демократия. Можно было бы сделать об этой встрече официальное сообщение в печати. Да и Горбачёву сказать, что к нему вылетает группа. Ведь вопрос о лишении Горбачёва занимаемых постов не возникал! (Сегодня можно добавить: «К сожалению, не возникал, а надо было!») Так почему все должно было делаться полулегально, полускрытно и вообще как-то недосказанно?

Подъехали к даче Язова, еще раз уточнили мою поездку 18 августа и распрощались. Через полчаса я уже был у себя в Главном штабе Сухопутных войск. Сразу позвонил на командный пункт ВВС и поинтересовался — получали ли они распоряжение министра обороны о подготовке к полету на завтра его самолета в Крым? Дежурный ответил положительно, уточнив: «Приказано готовить самолет в ваше распоряжение на аэродроме Чкаловский к 14 часам 18 августа. С вами еще должны лететь гражданские лица. Аэродром назначения — Бельбек, расположен неподалеку от Севастополя».

Такая информация меня вполне устраивала. Отдав необходимые распоряжения по службе, повстречался с начальником Главного штаба Сухопутных войск генерал-полковником Михаилом Петровичем Колесниковым^{III} и сообщил ему в общих чертах, что завтра, по заданию министра обороны, лечу в Крым, а оттуда в Киев и через 2–3 дня вернусь обратно. Он многозначительно посмотрел мне в глаза, но ничего не спросил. Лечу — значит, так надо.

Дома, учитывая начавшуюся подготовку в отпуск, я вынужден был сказать, что лечу в командировку. На вопрос жены: «А как же с отпуском?» — ответил, что, возможно, придется отложить его на пару дней. Такое бывало в нашей жизни, так что особых разочарований я не увидел. Но эти «пару дней» затянулись на многие годы.

18 августа за полчаса до вылета я был уже на аэродроме Чкаловский. Самолет стоял не на перроне, а в сторонке, чтобы не вызывать излишнего любопытства. Здесь же был и командир смешанной авиационной дивизии, которая обеспечивала полеты руководства Министерства обороны и важнейшие военные перевозки, а также обслуживала все воздушные командные пункты военно-политического руководства государства до Верховного Главнокомандующего включительно.

Познакомившись с экипажем и просмотрев с командиром корабля полетный лист и список пассажиров, я понял, что кроме нас, пяти уполномоченных, плюс моего помощника полковника Павла Егоровича Медведева, летело еще человек 10–12 по линии КГБ, в том числе заместитель генерала Плеханова генерал Вячеслав Владимирович Генералов. Вскоре стали прибывать отлетающие. Вначале подъехали Бакланов, Болдин и Шенин. Затем появились все комитетчики, в основном молодые и среднего возраста подтянутые мужчины, легко одетые, но каждый — со своим чемоданчиком-«дипломатом».

Самолет взлетел в точно установленное время. Моросил небольшой дождь. Кто-то сказал, что это хорошая примета. Возможно, это и правда — ведь всё, что связано с Крымом, с Горбачёвым, а также вопросы по Украине — все было определено в пределах правовых норм. Другое дело, что Горбачёв не полетел в Москву и не согласился с введением чрезвычайного положения. Но ведь весь кавардак начался позже, и не где-нибудь, а в Москве.

Полет в Крым к Горбачёву

Однако — по порядку.

Летели около двух часов. Беседовали на различные темы, но главного, т. е. того, что нас всех ожидает, — не касались. На столе в салоне, где мы разместились впятером, был телефон правительственной связи. Такой телефон был и на столике с откидным креслом в коридоре. Поэтому, чтобы не мешать беседе, хотя она и поддерживалась с трудом (думал-то каждый о предстоящих событиях), я периодически выходил в коридор и оттуда названивал. Переговорил с дежурным генералом Генштаба, с командующим Черноморским флотом адмиралом Михаилом Николаевичем Хронопуло^{IV} (он уже направлялся на аэродром для встречи с нами), с командующими Киевским, Прикарпатским и Северо-Кавказским военными округами, которые должны были к 17.00 подлететь на аэродром Бельбек. Надо было бы пригласить

и командующего Одесским военным округом, но там проводилось учение, поэтому я его не отвлекал: учение — святое дело. А вот командующего ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина^V я пригласил, поскольку он должен был после совещания на аэродроме отправиться вместе с командующим войсками Прикарпатского военного округа во Львов в качестве представителя министра обороны.

Приблизительно за полчаса до посадки самолета я сказал своим коллегам, что надо определиться конкретнее в наших действиях, в частности, кто будет ведущим в беседе, кто о чем будет говорить и т. д. Решили, что ведущим будет Олег Дмитриевич Бакланов, он же и сделает сообщение о политическом и экономическом положении в стране. Олег Семенович Шенин скажет о положении в партии и социальной напряженности в народе. Валерий Иванович Болдин коснется тех и других вопросов с примерами. Варенников — о положении в Вооруженных Силах и военно-промышленном комплексе. Юрий Сергеевич Плеханов не намерен был поднимать какие-либо вопросы, но сказал, что, кроме всего остального, он получил задание от Крючкова накануне беседы нашей группы с Горбачёвым у последнего отключить в кабинете телефон правительственной связи, чтобы создать благоприятную обстановку для разговора. Учитывая, что наш самолет уже шел на посадку, Плеханов добавил также, что ему надо минут 20–30, чтобы решить эту задачу. Поэтому нашей основной группе целесообразно выехать через полчаса после отъезда первого отряда со связистами и другими специалистами.

Мы согласились. Поэтому когда нас встретили, я попросил адмирала Хронопуло накормить нас обедом. Что и было сделано.

Несмотря на то, что до 17 часов еще было далеко, однако кое-кто из приглашенных мною уже прилетел. Я вынужден был им сказать, что пока, до нашего возвращения из Фороса, им следует гулять и ждать остальных.

На дачу во дворец Горбачёва ехали на повышенной скорости, хотя это совершенно ничем не вызывалось. На КПП проверили первую машину и всех впустили в дачный городок. Красиво, но мало зелени. А за ограждением уже просматривались и какие-то рощицы. На территории было три основных здания — дача, гостевой дом и дом для администрации и охраны, а также пляжные постройки и постройки на хоздворе — гараж, склады и т. п. Нас пригласили в гостевой дом. Мы расположились

в одной из комнат первого этажа. Просматривали журналы, газеты, разговор не клеился. Плеханов ушел в главный дом организовывать нашу встречу с Горбачёвым. Ушел и пропал. Прошло минут двадцать, прежде чем он появился первый раз и сообщил, что вроде у Горбачёва процедура, поэтому ожидание наше затянулось, но ему уже передали о нашем приезде. И опять исчез. Через десять-пятнадцать минут прошел снова и пригласил всех в главное здание. Оно стояло рядом. Я обратил внимание, что на всей территории дачи много постов охраны — берегут нашего президента по всем правилам.

Дача оказалась в действительности небольшим дворцом. Очень красивая внешне, с прекрасной планировкой внутри, с классической отделкой темным деревом и зеленым мрамором. На втором этаже, куда мы поднялись по нарядной широкой лестнице, была просторная гостиная с оригинальными украшениями. Олег Дмитриевич не выдержал: «Любой шах позавидует!»

Плеханов предложил нам расположиться в креслах, а сам опять куда-то исчез. Оказывается, нашу встречу он организовывал не непосредственно, встречаясь с Горбачёвым, а через личного его охранника генерала В. Медведева. Минут через 15–20 Плеханов снова появился и сказал, что Горбачёва не могут найти, наверное, он в своих семейных апартаментах, но туда никто не ходит. И опять ушел. Обменявшись мнениями, мы пришли к выводу, что вся эта затяжка вызвана семейным советом: нежданные гости приехали неспроста — что делать?

Тут откуда-то неожиданно появился Горбачёв и предложил пройти к нему в кабинет.

Первым в кабинет вошел Горбачёв. Вид у него был неважный — на лице озабоченность и какие-то тени, то ли испуг, то ли болезнь. Одет был почему-то в теплый свитер. Вслед за ним зашли Бакланов и Шенин. Мы с Болдиным завершали это движение.

Кабинет представлял собою небольшую светлую комнату, с двумя на разных стенах окнами. У стены стоял большой письменный стол с креслом. Приставной столик не был, как обычно придвинут к столу, а стоял визави — у глухой стены, неподалеку от входной двери. К нему были приставлены два стула. То есть собеседники были отделены от хозяина кабинета и не могли смотреть ему в глаза. А тем более заглядывать в документы и записи, которые он делал по ходу беседы...

Для характеристики некоторых деталей обстановки и личностей приведу высказывания Р. М. Горбачёвой о тех событиях:

...Где-то около пяти часов ко мне в комнату вдруг стремительно вошел Михаил Сергеевич. Взволнован. «Произошло что-то тяжкое, — говорит. — Может быть, страшное. Медведев сейчас доложил, что из Москвы прибыли Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников... требуют встречи со мной. Они уже на территории дачи, около дома. Но я никого не приглашал! Попытался узнать, в чем дело... Все телефоны отключены... Значит, заговор? Арест?»

Из этого небольшого сообщения Р. М. Горбачёвой следует весьма глубокий вопрос: если глава государства и партии не изменник и не предатель, если всего себя отдает народу, если при нем народу из года в год живется всё лучше и лучше (или хотя бы на уровне брежневских и андроповских времен), то могли ли ему, главе государства, прийти в голову такие тяжелые мысли, даже если визитеры и явились без приглашения? Уверен, никто никогда и не подумал бы об аресте. Как не думали о нем тогда и мы. Это сейчас мы сожалеем, что не принудили Горбачёва лететь в Москву.

Войдя в кабинет, Горбачёв как-то оттянул на себя первых двух товарищей и, не здороваясь (как и при появлении), приблизившись к ним вплотную, вполголоса, но мне было четко слышно, спросил: «Это арест?» Бакланов ответил: «Да нет. Мы приехали как друзья». Шенин поддержал Олега Дмитриевича. Я смотрю — Горбачёв сразу же преобразился и, уже небрежно бросив всем: «Садитесь», занял свое место. В это время в дверях появился Плеханов. Горбачёв уже со злостью: «А тебе чего здесь надо? Убирайся!» Плеханов молча вышел. Промолчали и все остальные. Возможно, это было и правильно — еще до начала беседы не следовало взвинчивать обстановку. Но в то же время было обидно за товарища: я не привык к такой грубой форме общения. Однако, как я понял из дальнейшего разговора, сам Горбачёв был не просто невоспитанный, некультурный человек, у которого отсутствовали обязательные, формально-элементарные нормы вежливости, но по натуре он был трусливый хам. Есть такая категория людей — если ему ничего не угрожает, то он ведет себя с нижестоящими по должности или званию как самый распоясавшийся подонок. Но даже при малейшей опасности лично для него он начинает лебезить или покорно молчать, даже если для него это ущербно.

Вот и Горбачёв, поняв, что ему ничто не угрожает, что к нему приехали «друзья», вошел в роль того Горбачёва, каким и был на самом деле. Не таким, как был на пленумах и съездах, различных официальных встречах, в особенности при поездках за рубеж, а таким, каким был

в повседневной работе с аппаратом — без дипломатического макияжа. Это Хрущев, если дома хамил, то это делал и за рубежом. Или Ельцин, если уж дома напивался до обалдения, то за рубежом еще в большей степени держал эту «марку». То есть эти два последних позорили нас своей мерзостью, как говорят, с головы до ног. А Горбачёв, прикидываясь интеллигентом перед общественностью страны и демагогически заискивая перед ней, холуйствовал перед Западом и аккуратно предавал наши государственные интересы. Тем самым позорил страну и народ втройне.

Перед нами Горбачёв «держал кураж». Но раз уж принял приехавших «друзей», привел в кабинет и предложил сесть, то позаботься хотя бы, чтобы для всех были стулья. Нет, он умышленно никому не дал необходимых распоряжений. Мол, пусть помыкаются эти «друзья», а я посмотрю на них.

То, что Горбачёв говорил всем «ты», это уже не украшало. Но это не главная беда. Хрущев и Брежнев тоже, как и Сталин, обращались ко многим на «ты». Правда, Сталин обращался на «ты» только к тем, кому в свою очередь разрешал так же обращаться и к себе — Молотову, Ворошилову, Кагановичу... Эта манера общения осталась в Политбюро ЦК с времен революции и гражданской войны. А вот Хрущев, которого фактически вывела на элитную политическую орбиту жена Сталина Надежда Аллилуева (к ней он втерся в доверие во время учебы в Промакдемии), обращался к Сталину на «вы».

Горбачёв не просто небрежно бросал фразы, обращаясь на «ты», но постоянно «вкручивал» в них нецензурные слова. Я смотрел на него и думал: как может такое высокопоставленное лицо вот так общаться с людьми? Ведь это не только унижает собеседника, но и роняет авторитет автора этой похабщины. А с Горбачёва — как с гуся вода. Видно, у него всё нутро было такое. Непонятно только, почему Раиса Максимовна, державшая Горбачёва под каблуком, не «очистила» его от этого недуга. А ведь она любила все красивое, особенно дорогие украшения. Но как может стремление к прекрасному уживаться с вульгарностью!

Итак, мы вошли в кабинет и по приглашению хозяина сели: я и Бакланов на стульях у приставного столика, а Шенин и Болдин обозначили свое сидение, слегка опираясь на подоконники. Затем и Олег Дмитриевич встал со стула и отправился к окну, где стоял Шенин. Видно, ему, Бакланову, было неудобно сидеть, когда Шенин и Болдин стояли. Я же не намерен был вставать. И не потому, что нарушал тем самым солидарность по отношению к товарищам. Меня уже раздражала Горбачёвская

манера нагло говорить и хамить. Лично меня это его хамство пока не касалось, относилось к другим, но общая атмосфера была непристойной, тем более для президентского уровня.

Другое дело — если бы Горбачёв вообще не принял группу. Это был бы шаг. Но хамить?! Я такого никогда не терпел, невзирая на ранги и обстановку. Поэтому продолжал сидеть.

Как мы и договорились, Олег Дмитриевич Бакланов начал беседу. Он спокойно, умно и обстоятельно рассказал вначале об общей социально-политической ситуации в стране, как мы ее оцениваем. Затем подробно об экономике, детализируя некоторые вопросы по военно-промышленному комплексу и сельскому хозяйству, касаясь, в частности, уборки урожая. Олег Семенович Шенин вначале умело вставлял по ходу важные реплики, а затем продолжил нить разговора, обрисовывая ситуацию, которая сложилась в партии. На мой взгляд, все это звучало весьма логично.

Но самое интересное, что ни тот, ни другой не поддавался на реплики Горбачёва, который обильно насыщал речь нецензурщиной. Явно было видно, что он хотел сбить их с толку. Однако они твердо проводили свою линию, стараясь внушить ему мысль о необходимости все-таки введения чрезвычайного положения и воздержания от подписания нового Союзного договора в том виде, каким он был представлен в проекте. И несмотря на то, что ни в высказываниях Бакланова, ни в словах Шенина совершенно не звучали даже нотки нравоучения, Горбачёв перебивал собеседников, многократно повторял, что его не надо учить, все это он прекрасно знает, что никаких открытий в этом не видит, что посильные меры в этих областях принимались, принимаются и будут приниматься.

Для подкрепления доводов Бакланова и Шенина в разговор включился Валерий Иванович Болдин. Будучи человеком вежливым и культурным, он начал было говорить, как было принято в нашем обществе, но Горбачёв буквально перешел на лай и фактически не дал ему говорить.

Видя такую картину и понимая, что никто из моих коллег необходимой атмосферы создать не может (видимо, сказывалось влияние Горбачёва, сложившееся за годы длительной совместной работы), я решил высказаться. Начал твердо, с напором. Горбачёв притих. Уже позже, в том числе в своих воспоминаниях Горбачёв писал, что наиболее активно себя вел Варенников и что он якобы даже кричал на него. Действительно, активность мною была проявлена, однако не только потому, что Горбачёв грубо оборвал Болдина. Меня возмутили демагогические заявления «лучшего немца», что, мол, вот он подпишет новый Союзный договор,

а вслед за этим и ряд указов по экономическим вопросам и тогда, дескать, жизнь наконец нормализуется, все встанет на свое место.

Это сейчас, спустя годы, кому-то может показаться, что во всем этом нет ничего особенного. Но ведь тогда такое звучало насмешкой: всё валится, вся система государственного управления разрушена, никто никаких распоряжений или указов президента не выполнял, а Горбачёв говорил об издании очередных указов, будто это что-то поправит. Единственное, что еще было подвластно ему, так это министерство обороны (и, следовательно, Вооруженные Силы), Комитет государственной безопасности и (правда с большой долей сомнения) Министерство внутренних дел. Но в день беседы и эти министерства, точнее их руководители, фактически выступили против его политики. А Горбачёв продолжал рисовать радужные картины.

Конечно, меня это взорвало. Обращаясь к нему по имени и отчеству и фактически перебивая его, я сказал:

— К чему всё это? Нам-то для чего вы всё это говорите? Кто будет в стране выполнять указы президента? Они же сегодня ничего не значат! Идет война законов — в каждой республике «свои» законы выше законов центра. В этих условиях, конечно, требуется особое положение, строгий режим, который бы позволил встряхнуть всех и поставить каждого на свое место. Вот вам товарищи поэтому и предлагают ввести чрезвычайное положение там, где этого требует обстановка. В последнее время мне приходится очень много разъезжать по стране, решая острые проблемы Сухопутных войск, в том числе в связи с выводом наших соединений из Восточной Европы. Много встреч с офицерскими собраниями, семьями офицеров, с личным составом частей, а также с различными государственными органами и государственными организациями. Везде я стараюсь показать нашего президента в лучшем свете. Но когда мне в лоб ставят убийственные вопросы, которые сводят на нет все хорошее, что я говорю о президенте, — мне просто нечем парировать. Вот такие вопросы задают наши советские люди, в том числе воины, и в первую очередь офицеры...

И далее я ему выложил все, что беспокоит наш народ, наш офицерский состав. Эти вопросы я повторю ему позже, в моей речи на суде. Поднятые мною проблемы и, несомненно, мой резкий тон на Горбачёва действовали существенно. Он слушал, не перебивая и опустив глаза, делал какие-то пометки и изредка посматривал на моих коллег. Но в глаза мне, к моему сожалению, не смотрел. Когда я закончил, он, сдерживая

свое раздражение, тихо спросил: «Как ваше имя и отчество?» Я ему ответил. (Позже Горбачёв будет писать, что, мол, он будто знал мое имя и отчество, но спросил об этом, чтобы подчеркнуть, как слабо он меня знает.) Память у него действительно была слабая, но в этом случае он врал умышленно, чтобы как-то меня уязвить. Дальше он продолжил: «Так вот, Валентин Иванович, это вам, военным, кажется, что все так просто сделать: ать-два! А в жизни все сложнее».

Тут я не выдержал и решил выложить ему все, без деликатностей — страна ведь гибнет! Он оторопел и замолк. А когда я сказал, что если он, Горбачёв, не в состоянии управлять страной, то ему надо делать конкретные выводы — нельзя же ждать, пока всё развалится. Но Бакланов и Шенин начали меня успокаивать. Подошел ко мне и Болдин. Горбачёв тоже встал, дав тем самым понять, что встреча закончена.

Когда проводилось следствие, Горбачёв этот мой открытый намек использовал, как «многократное (!) давление Варенникова на то, чтобы я отказался от власти». Это, конечно, была ложная посылка. Однако сейчас приходится только сожалеть, что мы его не принудили к этому решению. Но я и так вышел за рамки оговоренного на встрече 17 августа. Вот почему мои коллеги начали меня успокаивать.

Сейчас уместно подчеркнуть, что действия руководства страны (впоследствии ГКЧП) и их ближайших соратников в основе своей должны были иметь другие цели и задачи. Надо было не оказывать помощь президенту и даже не давить на него, вынуждая к необходимым шагам — надо было смещать Горбачёва со всех постов. Это становится очевидным сегодня, но это было ясно и тогда, в августе 1991 года. Только тогда мы объясняли это его неспособностью руководить такой гигантской страной, а теперь мы знаем о его предательстве и измене.

И это был не просто наш просчет, ошибка, а принципиально порочное решение. Ведь тогда уже было ясно, что если даже мы и заставили бы его ввести чрезвычайное положение и если он откажется от подписания нового Союзного договора, то спровоцированные Горбачёвым центробежные силы в условиях, когда он, Горбачёв, остается президентом страны, все равно будут продолжать действовать и разрушать государство. Но для того, чтобы отстранить Горбачёва от управления государством, нужен был умный, решительный и твердый человек. Типа Семичастного^{XI}. Такого в руководстве страны не оказалось. Семичастный прекрасно, без потрясений разрешил все проблемы с отстранением Хрущева от власти.

Словом, наша встреча закончилась ничем. Ее результаты были весьма туманными, как это бывало вообще в большинстве случаев, когда Горбачёву приходилось принимать решение по острым вопросам или просто говорить на тяжелую тему. В заключение он сказал: «Черт с вами, делайте, что хотите. Но доложите мое мнение». Мы переглянулись — какое мнение? Ни да, ни нет? Делайте что хотите — а мы предлагали ввести чрезвычайное положение в определенных районах страны, где гибли люди, а также в некоторых отраслях народного хозяйства (на железной дороге, например). То есть он давал добро на эти действия, но сам объявлять это положение не желал. Считал, что «чрезвычайщина» — это танки, пушки, пулеметы, кровь и т. д. Хотя сам прекрасно знал, что в то время пошел уже второй год закону о режиме чрезвычайного положения, который был направлен на пресечение беспорядков, преступных, антиобщественных, неправовых действий различного рода экстремистов.

Пожимая нам руки, Горбачёв как бы между прочим сказал: «Теперь, после таких объяснений, нам, очевидно, не придется вместе работать...» Понимая существо реплики, я немедленно отреагировал: «В таком случае я подаю рапорт об уходе в отставку». Остальные промолчали. Промолчал и Горбачёв, хотя, являясь Верховным Главнокомандующим, мог бы прямо здесь объявить: «Я принимаю вашу отставку». Непонятно, почему не последовало такого решения. Ведь учитывая, что я был народным депутатом СССР, президент, хоть он и Верховный Главнокомандующий, не имел права, согласно закону «О статусе народного депутата», снимать с занимаемой должности до истечения депутатских полномочий любого депутата. Это может произойти только по инициативе или с согласия самого депутата. Возможно, Горбачёв просто не сообразил, что он не только мог, но и обязан был это сделать для своей же безопасности. Ведь события только начинались.

Так случилось, что когда мы прощались, я оказался ближе всех к двери, поэтому первым вышел из кабинета в просторный холл и направился к противоположной стороне, где начиналась лестница. Я обратил внимание, что слева, в стороне от моего движения, сидела в кресле Раиса Максимовна в окружении детей. Естественно, я на ходу слегка поклонился и пошел к выходу. Мои товарищи подошли к жене Горбачёва. Видно, были близко знакомы, особенно Валерий Иванович Болдин, который одно время работал помощником генсека. Однако они меня не заставили долго ждать — видно, разговор с супругой генсека-президента у них не получился. Вскоре все спустились вниз, и мы отправились к машине.

По дороге на аэродром меня продолжал угнетать один и тот же вопрос — как могло так получиться, что страной управляет совершенно не подготовленный для этой цели человек? Почему народные депутаты не отреагировали на правильно сделанное депутатом Т. Авалиани^{VII} предупреждение, что Горбачёву нельзя доверять пост президента, так как он загубит страну? Почему съезд не поддержал депутата С. Умалатову^{VIII}, когда она через год его работы на посту предложила Горбачёву уйти в отставку? Почему XXVIII съезд КПСС оставил Горбачёва генсеком, а уже явный предатель и изменник Яковлев опять оказался в Политбюро? Почему ставится вопрос о подписании нового Союзного договора, когда проведен референдум и народы страны подавляющим большинством проголосовали за сохранение Союза? Почему сепаратистским силам позволено действовать безнаказанно, о чем я и в этот раз спрашивал Горбачёва? И вообще — что происходит в стране? Кто обязан пресечь раскручивание маховика центробежных сил, разваливающих страну?

Вот и сейчас: вроде какие-то необходимые шаги руководство страны и должно предпринять наперекор линии Горбачёва, чтобы стабилизировать обстановку, но что конкретно — я представить себе не мог. И это усиливало тревогу.

Мои действия в Киеве

На аэродроме меня уже поджидали военачальники. Вначале я встретился с Главкомом Военно-Морского Флота адмиралом флота Владимиром Николаевичем Чернавиным и первым заместителем министра внутренних дел генерал-полковником Борисом Всеволодовичем Грозовым (в соответствии с задачей, поставленной министром обороны). Рассказал им в весьма общих чертах о нашей поездке к Горбачёву, в том числе и о том, что ему предлагалось полететь в Москву, но он отказался, сославшись на здоровье. Ориентировал их также, что, возможно, завтра с утра в Вооруженных Силах будет введена повышенная боевая готовность, в связи с чем целесообразно сделать личные выводы, но министр обороны просил об этом пока никого не информировать. Б. В. Грозову я предложил воспользоваться, если он, конечно, желает, самолетом, который сейчас с нашими товарищами возвращается в Москву. Но Борис Всеволодович от этой любезности отказался. Я понял, что он будет ждать команды от своего министра Б. К. Пуго. Мы расстались. Я поднялся на борт улетающего самолета, попрощался с товарищами и сказал, что вслед за ними вылетчу в Киев согласно поручению министра.

Затем я встретился с командующими войсками Киевского, Прикарпатского и Северо-Кавказского военных округов, а также командующим ракетными войсками и артиллерии Сухопутных войск маршалом артиллерии Владимиром Михайловичем Михалкиным. Ему предстояло лететь во Львов в Прикарпатский военный округ в качестве представителя министра обороны. Кроме того, на совещании у меня присутствовал командующий Черноморского флота адмирал М. Н. Хронопуло. Я кратко информировал их об обстановке. Сказал, что Горбачёву предлагалось вылететь в Москву для разрешения возникших проблем, но он от этого отказался в связи с неважным состоянием здоровья. Кое-кто хотел уточнить, какая именно у него болезнь, но я ответил в общих чертах, так как сам не имел ясного представления о его заболевании. Это уже потом нам стало известно о его радикулите.

Но главная моя задача — предупредить командующих, что с утра завтра, 19 августа, может быть введена повышенная боевая готовность во всех Вооруженных Силах. В связи с этим я раздал каждому по экземпляру закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» и разобрал с ними основные положения (статьи), на которые надо было обратить особое внимание. Объявил также, что главная наша задача — совместно с органами КГБ и МВД не допустить беспорядков и различных неконституционных, неправомерных действий со стороны деструктивных элементов и экстремистских сил типа украинской организации «Рух». Ответив на некоторые вопросы, я простился с ними, и все разлетелись.

Мы с командующим Киевского военного округа генерал-полковником В. С. Чечеватовым^{IX} на его самолете полетели в Киев. Настроение было неважное. На душе тревожно. К разговору я был не особенно расположен. Виктор Степанович, будучи внимательным и умным человеком, чувствовал это и лишних вопросов не задавал. Да и я, забегаая вперед, должен сказать, что с самого начала старался и командующего войсками Киевского военного округа, и в целом Военный совет округа не втягивать в подробности грядущих событий, а ограничить только тем, что необходимо было выполнять по линии Министерства обороны. Исключением, очевидно, станет только встреча с руководством Украины.

Подлетая к Киеву, я поручил В. С. Чечеватову, чтобы он сегодня, т. е. 18 августа, организовал на следующее утро встречу с председателем Верховного Совета Украины Л. М. Кравчуком, первым секретарем Компартии Украины С. И. Гуренко^X и первым заместителем председателя правительства (председатель был в зарубежной поездке) К. И. Масиком^{XI}.

Мне, во-первых, надо было представиться; во-вторых, ориентировать о намерениях Министерства обороны ввести в войсках повышенную боевую готовность; в-третьих, для поддержания конституционного порядка организовать взаимодействие.

Мы с моим помощником для особых поручений, полковником П. Медведевым, остановились в штабе Киевского военного округа. И там же заночевали. Но прежде чем отправиться отдыхать, я уточнил свои планы действий на завтра, позвонил вначале Д. Т. Язову, а затем В. А. Крючкову — из приемных ответили, что они на совещании в Кремле. Тогда я переговорил с дежурным Генштаба и Главкомата Сухопутных войск, а затем позвонил некоторым командующим войсками военных округов и поинтересовался обстановкой. Все было нормально.

После этого попытался заснуть, но думы о том, как решаются в это время вопросы в Кремле, не дали сомкнуть глаз. В пять утра из приемной прибежал Медведев и возбужденно доложил, что ему дали сигнал из Москвы о том, что сейчас по радио должно быть экстренное сообщение Советского правительства.

Мне включили приемник, и я, слушая, делал для себя пометки. Кстати, мне попался под руку один из экземпляров отпечатанного на машинке закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» (что я раздавал командующим на аэродроме в Бельбеке), и я на обороте этого документа делал для себя записи. Позже, когда при аресте делали обыск, этот документ изыали как «вещественное доказательство» того, что я задолго готовился к этим действиям — «мои» мысли совпали с текстом тех документов, которые 19 августа с утра объявлялись по радио.

Скажу откровенно: заявлением советского руководства я был удовлетворен, настроение было приподнятое. Раз создан Государственный Комитет по чрезвычайному положению, то это уже решительный шаг и всем понятно: есть центр, который организует дальнейшие действия по спасению страны (было только не ясно — кто председатель этого комитета, но тогда мы все думали, что это решится или уже решилось, и будет объявлено). Далее — был обнародован целый ряд документов, которые охватывали все стороны жизни и деятельности нашего народа и государства, всю внутреннюю и внешнюю политику. Даже одно их название о многом говорило: «Обращение к советскому народу», Указ вице-президента СССР Янаева о вступлении в исполнение обязанностей президента СССР, «Обращение исполняющего обязанности президента СССР Янаева к главам государств и правительств и к Генеральному

секретарю ООН», «Заявление Председателя Верховного Совета СССР Лукьянова», «Постановление ГКЧП № 1», «Заявление советского руководства». Эти документы 20 августа были опубликованы в некоторых газетах, а пока подробно излагались по радио.

Надо заметить, что позже псевдодемократия во главе с Горбачёвым, а затем и Ельциным старалась повесить на членов ГКЧП и лиц, его поддержавших, различные ярлыки. Их обвиняли во всех грехах, в том числе даже в стремлении захватить власть. Читать и слушать такое было и грустно, и смешно. Зачем им надо было захватывать власть, если она была в их руках? Это была гнусная ложь. Вот почему уже на протяжении многих лет режим боится печатать и комментировать документы ГКЧП. Все, о чем там говорилось с предвидением ближайшей перспективы, к сожалению, произошло...

В. И. Стародубцев
НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ СУДЬБЫ¹
<фрагменты>

Участие в ГКЧП

Август 1991 года. Разве я мог в начале месяца, занимаясь своим обычным хлебоборбским трудом, предположить, что уже в конце месяца окажусь в заключении на тюремных нарах.

В жаркие дни середины августа все силы работников колхоза имени Ленина и АПО «Новомосковское» были брошены на уборку урожая зерновых культур и заготовку кормов для животноводства. Приходилось с утра до вечера заниматься текущими вопросами, решать постоянно возникающие проблемы. То вдруг затормозятся поставки горюче-смазочных материалов для сельхозтехники, то обнаруживается недопоставка запасных частей для комбайнов и так далее. Признаюсь, в такие дни иногда даже важнейшие проблемы аграрной отрасли страны отходят на второй план.

16 августа 1991 года около 19 часов мне поступило телефонное сообщение из Кабинета Министров СССР о вызове к премьер-министру Советского Союза В. С. Павлову на 17 августа, к 15 часам, без пояснения причин визита. Я давно собирался встретиться с Павловым и просил его об этом как председателя Крестьянского союза СССР. Накопилось много

¹ Печатается по: *Стародубцев В. И.* На крутых поворотах судьбы. М.: Издательство ИТРК, 2014. С. 93–100.

вопросов для обсуждения по проблемам агропромышленного комплекса страны. У Павлова находились два моих письма. Первое — об улучшении деятельности агрокомбинатов, агрофирм и агропромышленных объединений (еще с марта 1991 года), второе — о паритете цен (с июня 1991 года). Эти вопросы надо было решать, да к тому же уборочные дела сдерживались перебоями с поставками горючего и запасных частей. Встретиться с Павловым мне было необходимо еще и потому, что 9 августа 1991 года я телетайпограммой пригласил на 20 августа из 10 республик руководителей крестьянских союзов для обсуждения проекта Указа «Основы законодательства Союза СССР и республик о приоритетном развитии агропромышленного комплекса». Ряд вопросов по этому Указу я хотел согласовать с Павловым. Естественно, что приглашение премьер-министра меня обрадовало.

Однако, к сожалению, на 17 августа уже было назначено очень важное совещание в АПО «Новомосковское». Поэтому я позвонил в приемную Павлова, беседы с ним не состоялось, но тем не менее я просил передать Павлову, что в силу производственной необходимости прибыть к назначенному времени не смогу, и просил перенести встречу на 18 августа.

18 августа 1991 года в середине дня мне позвонил лично Павлов и, сославшись на мою просьбу о приеме по делам Крестьянского союза, назначил мне встречу на 19 августа в 10 часов утра.

В этот день я выехал из дома в 5 часов 30 минут утра, как обычно выезжал в Москву. Собрался налегке. На один день. На 20 августа на 16:00 было назначено заседание правления колхоза, и я собирался к этому времени вернуться. По пути в Москву по радио я услышал сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и его составе, заявление ГКЧП «Обращение к советскому народу». Это сообщение особого удивления у меня не вызвало и на то были основания.

Как председателю Крестьянского союза СССР мне часто приходилось общаться с Президентом СССР, его окружением, а главное, работать с проектами документов, исходящими от него. В них постоянно употреблялись слова «особый период управления», «меры особого режима работы», «чрезвычайные меры», «чрезвычайное положение» и т. п.

В представленном Президентом СССР и одобренном Верховным советом СССР 19 октября 1990 года документе «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике» отмечалось, что страна находится в состоянии глубокого экономического

кризиса, для преодоления которого необходимо на первом этапе реализовать программу чрезвычайных мер.

По инициативе Горбачёва был разработан и принят Верховным Советом СССР 3 апреля 1991 года закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Для проработки вопросов введения чрезвычайного положения по поручению Горбачёва была создана комиссия под руководством Вице-президента Г. И. Янаева, в состав которой входили почти все члены будущего ГКЧП, за исключением меня и А. И. Тизякова¹. Комиссия разработала проекты Указа Президента о порядке введения чрезвычайного положения, обращения к народу и других документов.

Фактически Горбачёв был инициатором разработки концепции и документов о введении чрезвычайного положения в стране и почти весь состав будущего ГКЧП был сформирован им. Созданная Горбачёвым комиссия была прообразом ГКЧП.

О чрезвычайной ситуации в стране и возможности введения положения Горбачёв не раз говорил на различных совещаниях и заседаниях.

На заседании Кабинета Министров СССР 3 августа 1991 года, за день до отлета Горбачёва на отдых в Крым, премьер-министр В. С. Павлов, ключевые министры докладывали о тяжелом положении в народном хозяйстве, о необходимости принятия чрезвычайных мер для выхода из кризиса. Сделал сообщение о кризисном состоянии аграрной отрасли и я. Горбачёв в своем выступлении разделил озабоченность и тревогу выступавших о судьбе государства. Он долго говорил о чрезвычайной ситуации во многих отраслях хозяйства страны, о том, что назрела необходимость принятия чрезвычайных мер. Призывал «не паниковать». Заявлял, что «страну погубить не позволим» и «если надо будет, введем чрезвычайное положение».

Вспомнив высказывания Горбачёва о «чрезвычайных мерах» и «чрезвычайном положении», я воспринял решение о создании ГКЧП как закономерное, вытекающее из сложившейся в стране ситуации, но, на мой взгляд, несколько запоздалое.

Переданное по радио «Обращение к советскому народу» я полностью разделял. По смыслу оно было близко к ранее опубликованному «Слову к народу», которое, в частности, подписал и я.

Состав ГКЧП также не вызывал вопросов:

Г. И. Янаев — Вице-президент СССР, исполняющий обязанности Президента СССР; О. Д. Бакланов — первый заместитель председателя

Совета обороны СССР; В. А. Крючков — председатель КГБ; В. С. Павлов — премьер-министр СССР; Б. К. Пуго — министр внутренних дел СССР; В. А. Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР; А. И. Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР; Д. Т. Язов — министр обороны СССР.

Когда я услышал в составе ГКЧП свою фамилию и фамилию А. И. Тизякова, то понял все однозначно: Тизяков — от рабочего класса, промышленности, я — от Крестьянского союза, крестьяне включены для того, чтобы представлять интересы работников этих отраслей. Непонятно мне было только то, почему мое включение в состав ГКЧП не было предварительно со мной согласовано. Неясным для меня был также вопрос — что случилось с Горбачёвым...

По прибытии в Москву позвонил в приемную Павлова. Его в назначенное время на месте не оказалось. Через некоторое время мне последовал звонок из приемной Янаева и пригласили к нему. Прибыв в Кремль, в кабинете Янаева, увидел членов ГКЧП, практически все ближайшее окружение Президента и других лиц, занимавших высокие государственные и партийные должности.

Узнал, что накануне 18 августа 1991 года в Форос, где отдыхал Горбачёв, вылетала группа представителей власти, депутатов. В эту группу входили первый заместитель председателя Совета обороны СССР О. Д. Бакланов; заведующий Общим отделом ЦК КПСС, руководитель Аппарата Президента СССР В. И. Болдин; генерал армии, Главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель Министра обороны СССР В. И. Варенников; член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС О. С. Шенин.

Целью поездки было обсуждение чрезвычайных мер по преодолению глубокого и всестороннего кризиса в народном хозяйстве, угрозы территориальной целостности и жизни нашего государства в связи с планируемым подписанием нового Союзного договора, текст которого был согласован 29 июля 1991 года Горбачёвым, Ельциным и Назарбаевым на совещании в резиденции Президента СССР в Ново-Огареве. Проект Союзного договора, опубликованный в газете «Правда» лишь 15 августа 1991 года, вызывал не только много вопросов, но и по своей сути противоречил результату Всесоюзного референдума 17 Марта 1991 года, в ходе которого 77,85 процентов населения страны высказались за сохранение СССР. В проекте союзного договора не было даже речи о социализме и предполагалось, что республики образуют союз суверенных государств

(ССГ). Договор о ССГ фактически утверждал конфедеративное устройство государства, раздел страны на множество самостоятельно действующих государственных образований взамен единого централизованного государства. Подписание этого договора было равносильно уничтожению Советского Союза, ликвидации СССР как единого федеративного Советского Социалистического государства.

После возвращения наших товарищей из Фороса 18 августа во второй половине дня они доложили о результатах поездки на совещании высших государственных и партийных должностных лиц с участием председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова. По информации посетивших Горбачёва, встреча с ним продолжалась около 40 минут. В начале встречи обычный разговор о погоде, о здоровье. Горбачёв посетовал на радикулит, боль в ноге. Выглядел он действительно не вполне здоровым. Горбачёву было доложено мнение государственных и партийных руководителей из его ближайшего окружения о том, что ситуация в стране достигла того предельного, критического уровня, когда стало необходимым принимать конкретные чрезвычайные меры. Высказано негативное отношение к проекту союзного договора, подписание которого в предложенном виде было недопустимо. Содержание договора требовало существенной переработки и обязательного рассмотрения на Съезде народных депутатов СССР. В этой ситуации становилось очевидным, что назрел вопрос о введении в стране чрезвычайного положения. Горбачёву было предложено полететь вместе в Москву и там принять решение о введении чрезвычайного положения или, в случае его плохого состояния здоровья, уполномочить это сделать Вице-президента СССР.

Горбачёв, по словам встречавшихся с ним, повел себя двусмысленно. Так он часто поступал в сложных ситуациях, когда надо было брать на себя персональную ответственность за принятые решения. По всем вопросам и предложениям ответ был: и «да» и «нет». Однако в конце встречи Горбачёв пожал каждому руку и произнес: «Действуйте. Черт с вами!» Эти слова Президента были расценены как его фактическое согласие на введение в стране чрезвычайного положения. На основании этого на совещании 18 августа было принято решение о создании ГКЧП и созыве 26 августа внеочередной сессии Верховного Совета СССР.

С этим решением я ознакомился утром 19 августа и полностью поддержал его. Мое участие в ГКЧП воспринимал как гражданский долг остановить надвигающуюся трагедию государства и народа, сохранить

Советский Союз, изменить правление реформ, избрать путь не очередной разрушительной революции, а эволюции, сохранения и преобразования.

Как председатель Крестьянского союза СССР полагал, что моя роль в ГКЧП будет сводиться к мобилизации всех сил и возможностей для уборки урожая, тем более, что ГКЧП в обращении к народу объявил эту задачу одной из важнейших. Я как никто другой понимал, в каком тяжелейшем состоянии находился агропромышленный комплекс страны. От его работы, от его выхода из кризисной ситуации будет зависеть очень многое в нашем государстве...

В начале работы ГКЧП мне было дано два поручения. Первое — принять участие в пресс-конференции 19 августа, второе — подготовить до конца дня 20 августа проект постановления о чрезвычайных мерах по организации уборки урожая и подготовке к зимовке скота.

Пресс-конференция Вице-президента СССР, исполняющего обязанности Президента СССР Г. И. Янаева проводилась 19 августа с 17:00 в пресс-центре МИД СССР. В ней приняли участие члены ГКЧП О. Д. Бакланов, Б. К. Пуго, А. И. Тизяков и я. Зал был полон. Было много иностранных журналистов. Пресс-конференция продолжалась около часа. В начале в течение 10 минут выступил Янаев. Он кратко и четко сообщил о той критической ситуации в стране, которая вызвала необходимость создания ГКЧП. Затем последовало множество вопросов от журналистов о направлениях и планах действий ГКЧП в экономике, социальной сфере и во внешней политике. На все вопросы мои коллеги обстоятельно и аргументированно ответили.

Мне было задано два вопроса. Первый вопрос задал иностранный журналист: «Поддержат ли крестьянские массы ГКЧП?» Мой ответ был следующим: «Самые тяжелые потери от перестройки понесло крестьянство. Особо сокрушительный удар нанесен в этом году. Большинство колхозов, совхозов и вновь созданных фермерских хозяйств находятся сегодня на грани катастрофы. Нарушен ценовой паритет между сельским хозяйством и промышленностью, между городом и деревней. Отсутствие горючего, запасных частей, резкое снижение поставок сельхозпроизводителям минеральных удобрений, техники привело к тяжелейшему состоянию крестьянства. Думаю, что доведенные до отчаянного состояния крестьяне надеются сегодня только на то, что будет наконец наведен порядок, что взоры всего нашего общества будут обращены к крестьянству, помогут ему встать на ноги, возродиться». Второй вопрос задал «отечественный» журналист А. Е. Бовин: «Кто Вас, Василий Александрович,

избрал или пригласил в этот комитет? Как Вы оказались в этой компании?» Я ответил кратко: «Вице-президент, создавая комитет, включил меня в состав ГКЧП как председателя Крестьянского союза СССР. И я, естественно, в эту трудную минуту для крестьянства не мог отказаться от участия в работе комитета».

С утра 20 августа в течение всего дня я работал над проектом порученного мне постановления. Других поручений мне не давали и в других мероприятиях я не участвовал.

В течение дня мне неоднократно звонили по поручению Ельцина. Предлагали высокие должности, лишь бы я вышел из состава ГКЧП и сделал нужное им заявление. Звонили мои коллеги из Крестьянского и Аграрного союзов, уговаривали, мол, тебя же тюрьма ждет, а тут такие возможности предлагают! Я отвечал, что лучше в тюрьму, чем стать предателем.

21 августа в Форос вылетели члены ГКЧП О. Д. Бакланов, В. А. Крючков, А. И. Тизяков, Д. Т. Язов, а также Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов и первый заместитель Генерального Секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко. Было намерение обсудить с Горбачёвым возможные варианты выхода из создавшейся ситуации. Однако Горбачёв членов ГКЧП не принял. Встретился с Ивашко и Лукьяновым только для того, чтобы обвинить их в предательстве. На самом деле предателем был именно он. Резко отмежевался от своих бывших соратников, которых он своими действиями и заявлениями на протяжении длительного времени о чрезвычайной ситуации в стране фактически втянул в ГКЧП. Своим поведением и высказываниями во время предыдущей встречи в Форосе 18 августа Горбачёв сделал все, чтобы подтолкнуть оставшихся в Москве руководителей на объявление чрезвычайного положения. А как только ситуация изменилась, сдал все свое ближнее окружение, весь высший руководящий состав государства и партии. Однозначно стало понятно, что Горбачёв рассчитывал в случае развития событий в пользу ГКЧП вернуться из Фороса в Москву и возглавить работу по реализации мер, связанных с режимом чрезвычайного положения. В противном случае он готовился поступить так, как он и поступил, изобразив из себя жертву заговора и противника введения чрезвычайного положения и вообще, по его словам, «любой чрезвычайщины».

Зная Горбачёва по нашим встречам и отношениям, мне было понятно, что он, как человек лживый и трусливый, не мог поступить иначе. Возмущало непоследовательное и непорядочное поведение Горбачёва.

Но уже тогда появилось подозрение, что его поведение тщательно продумано и, возможно, управляется извне.

Утром 21 августа проект порученного мне постановления был готов. Но уже днем стало понятно, что ГКЧП потерпел поражение. Причина, на мой взгляд, в том, что Ельцин и его команда действовали более активно, даже агрессивно, достигая нужного результата далеко не в рамках закона и порядочности. ГКЧП же проявлял недостаточную организованность и согласованность в своих действиях. Негативно повлияли пассивность, трусость и предательство Горбачёва и некоторых лиц, содействующих ГКЧП. А главное, у членов ГКЧП с самого начала не было даже мысли применять силу, тем более проливать кровь. Как это сделал Ельцин в октябре 1993 года. Я считал так же, что вводить войска в Москву было нельзя. Необходимо было максимально использовать средства массовой информации для разъяснения членами ГКЧП своей позиции и планов по спасению государства. Уверен, что народ бы нас понял. Но мы этого не сделали. А в результате были не поняты, оболганы и потерпели поражение.

21 августа 1991 года в 17.00 Г. И. Янаев подписал Указ о прекращении деятельности ГКЧП. Я с некоторыми другими членами ГКЧП поздно вечером покинул Кремль. Вывез меня из Кремля на машине Владимир Иванович Кашин¹¹ мой надежный друг и товарищ по партии, секретарь ЦК Компартии РСФСР.

IV. СТАТЬИ О ГОРБАЧЁВЕ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ АНТОЛОГИИ

Ю. В. Блохин

О МИХАИЛЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ГОРБАЧЁВЕ

Как я отношусь к М. С. Горбачёву? Отрицательно, а как по-другому можно относиться к руководителю великой страны, начавшему «перестройку» и развалившему государство с тысячелетней историей, за сохранение которого в годы Великой Отечественной войны отдали жизнь более 27 миллионов граждан нашего Отечества, и на международном уровне оказавший содействие переделу всего послевоенного мироустройства со всеми вытекающими негативными последствиями для современной России. За всё это мракобесие Михаил Сергеевич Горбачёв не понёс никакой ответственности, стал Нобелевским лауреатом, его чествовали и почитали на похоронах как выдающегося государственного деятеля?

Мне как председателю депутатской группы «Союз»¹ приходилось выступать на Съезде народных депутатов СССР с требованием принятия решительных мер по отстаиванию равноправия некоренного населения в союзных республиках, с призывом противостоять разрушению межнационального согласия и дружеских отношений между людьми разной национальности и наведению порядка в сфере межнациональных отношений в рамках союзного государства в целом.

Обсуждать сложившуюся в результате «горбачёвской перестройки» эту ситуацию в стране приходилось неоднократно с первыми лицами тогдашнего руководства: Председателем Верховного Совета СССР Анатолием Ивановичем Лукьяновым, Министром обороны СССР Дмитрием Тимофеевичем Язовым, Председателем КГБ СССР Владимиром Александровичем Крючковым. Все они вроде с пониманием выслушивали поднимаемые депутатской группой «Союз» проблемы, но дальше их понимания ничего не предпринималось. Запомнилась моя встреча с маршалом Советского Союза Язовым, который в заключение нашего разговора сказал: «Я Вас понимаю, но что я могу сделать?», и указал в сторону Кремля.

На этом мы и расстались. В этой встрече, да и в других, чётко прослеживалась роль первого лица в государстве — Президента СССР М. С. Горбачёва, без указания которого все нижестоящие руководящие лица ничего

не могли предпринять для решения возникших в ходе «перестройки» столь острых межнациональных проблем в союзном государстве.

В дальнейшем ведущую роль первого лица в государстве пришлось наблюдать и в ходе Приднестровского конфликта — военного противостояния населения левого берега Днестра с националистическими силами правого берега. На встрече с Президентом СССР М. С. Горбачёвым, Председателем Верховного Совета СССР А. И. Лукьяновым и Председателем Правительства СССР Н. И. Рыжковым со мной были народные депутаты СССР В. И. Алкснис и Е. В. Коган. Я требовал принятия срочных мер по разведению воюющих сторон, где уже вовсе льется кровь и гибнут люди. Президент молча слушал, но как только предпринял попытку что-то сказать А. И. Лукьянов, как он его тут же осадил: «Подожди, Анатолий!»

В ходе дальнейшего обсуждения в разговор сделал попытку вмешаться уже Н. И. Рыжков, но и его сразу же остановил Президент: «Постой, Николай!» В итоге говорили только я и мои коллеги — народные депутаты, а принимающая сторона — Президент и вторые лица государства, молчали. Так и закончилась наша встреча. Никаких обещаний и решений от первого лица страны мы так и не услышали! А в Приднестровье, если бы не решительные действия Командующего 14-й гвардейской общевойсковой армией генерала А. И. Лебеда¹¹, продолжалось бы кровопролитие.

Другой случай. Апрельский Пленум ЦК КПСС 1991 года, куда меня пригласили. На Пленуме шла острая критика М. С. Горбачёва за положение в стране, за его бездействие в решении накопившихся в ходе перестройки проблем. Не было ни одного выступления в его поддержку. Я было тоже хотел выступить, но меня остановил секретарь ЦК КПСС В. А. Кушцов: «Тебя тут еще не хватало!» Напряжение на Пленуме росло. Михаил Сергеевич встал и сказал: «Раз мне не доверяют, я ухожу». И вышел из-за стола Президиума. После некоторой заминки ведущий Пленум заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко объявил перерыв. После перерыва сразу же был поставлен вопрос о доверии М. С. Горбачёву. И что же? Из более двухсот участников Пленума против проголосовало всего 13 человек, остальные же, несмотря на критику, за доверие М. С. Горбачёву.

Роль его как первого лица в стране сохранялась. Вопреки реалиям жизни того времени, большинство доверяло ему и верило его красивым речам. Выступать он умел, что неоднократно наблюдалось на Съездах и заседаниях Верховного Совета СССР, но проходило время и ничего не делалось для решения назревавших проблем в сфере межнациональных отношений в союзных республиках, разрешения и недопущения конфликтов на этой почве в интересах сохранения союзного государства.

Наконец, о событиях августа 1991 года. 19 августа я собрал актив депутатского объединения «Союз»: народных депутатов В. И. Алксниса, Е. В. Когана, Г. А. Комарова^{III}, А. Г. Чехоева^{IV}, Н. С. Петрушенко^V, Г. И. Тихонова^{VI}, И. С. Лызо^{VII}. Собрались, чтобы обсудить ситуацию в связи с созданием ГКЧП, и обменяться мнениями. На этом собрании было решено, что нужно встретиться с руководством ГКЧП. Созвонился с приемной Г. И. Янаева, и мне было предложено прийти на заседание ГКЧП 20 августа к 20:00.

Без пяти минут восемь вечера двадцатого августа я и А. Г. Чехоев были в Кремле, в приёмном кабинете, где должно было пройти заседание ГКЧП. Там мы встретились с народным депутатом СССР Маршалом Советского Союза С. Ф. Ахромеевым^{VIII}. Я с ним был знаком, как-то на его служебном самолете из аэропорта Чкаловский летали в Молдавию: я к своим избирателям в Кишинёв, а он к своим — в г. Бельцы. Помню, как во время полёта делились своими оценками ситуации в стране. У нас было общее понимание ее негативного развития. Общие оценки были и по обстановке в Молдавии. Делились и историями из своей жизни и мыслями о своих депутатских заботах. Мои воспоминания о Маршале Советского Союза С. Ф. Ахромееве остались самые позитивные.

Затем подошли Председатель Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию Л. П. Кравченко^{IX} и Командующий войсками Московского военного округа Н. В. Калинин^X.

В 20:05 появились все члены ГКЧП и зашли в кабинет заседания. Минут через десять пригласили нас — народных депутатов СССР. Во главе стола сидел Г. И. Янаев, слева — А. И. Тизяков, В. С. Павлов, В. Х. Догужиев^{XI}, В. А. Стародубцев, а справа В. А. Крючков, Д. Т. Язов, Л. П. Кравченко, С. Ф. Ахромеев, Н. В. Калинин. Меня и А. Г. Чехоева посадили у самой двери. Присутствующие очень коротко отчитались о проделанной работе. Запомнилось очень выступление Л. П. Кравченко о мероприятиях, которые нужно выполнить на телевидении и радио в условиях введения в стране чрезвычайного положения. Но больше всего запомнилось другое. Поблагодарив Председателя Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию, Г. И. Янаев сказал: «Мы тут посовещались и решили назначить начальником штаба ГКЧП В. Х. Догужиева». В то же мгновение вскочил В. Х. Догужиев со словами: «Почему это Вы без меня, меня женили?» «Ну, ладно, — ответил Янаев, — отложим этот вопрос».

Затем было дано слово нам, народным депутатам. Вначале выступил я, рассказав о позитивном восприятии ГКЧП в Молдавии у моих избирателей и о наших предложениях по первоочередным мероприятиям,

которые необходимо провести в стране, и в частности, о введении чрезвычайного положения в Москве. Потом выступил А. Г. Чехов, рассказавший о настроениях в Южной Осетии и о поддержке населением ГКЧП. После этого нас поблагодарили и отпустили. При выходе, в холле кабинета заседания стоял включенный телевизор, на экране которого диктор зачитывал информацию о введении в Москве чрезвычайного положения.

Наши настроения после посещения заседания ГКЧП были неоднозначны. Взялись за руль корабля, а в команде пререкания. Какая-то неуверенность в принятии решений. С этими настроениями мы встретились с активом группы «Союз», где рассказали обо всем увиденном на заседании ГКЧП. Тут интересную мысль высказал В. И. Алкснис, предположивший, что «завтра М. С. Горбачёв вернется в Москву на белом коне». И действительно, через день в столицу вернулся Михаил Сергеевич, «ничего не знавший о ГКЧП?!» Но, как известно из выступлений самих членов ГКЧП, о решении создать этот орган он знал. Отсюда становится понятна та обстановка, которая была на заседании ГКЧП, — неуверенность в принятии решений в отсутствие первого лица страны! А в итоге никто не хотел брать на себя ответственность за решительные меры по наведению порядка в стране.

А затем был вызов меня в КГБ и допрос с утверждением, что я являюсь идеологом ГКЧП. Видимо, потому, что я стоял на позиции сохранения нашего единого государства. И, что интересно, допрашивал и пытался обосновать мою причастность ГКЧП представитель ГКЧП с жовто-блakitным значком на груди — и это в августе 1991 года!

Заканчивая свои воспоминания, подытожу. В истории Российского государства всегда при сильном властном руководителе было успешное развитие, и наоборот при слабых правителях — упадок и разрушение, о чем наглядно свидетельствует и развал СССР при руководстве Генерального секретаря ЦК КПСС, Президента Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачёва.

А. Н. Бойко

О ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИДЕРА ПЕРЕСТРОЙКИ МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА ГОРБАЧЁВА (НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Зная многие науки, но не зная истории, нельзя быть образованным человеком, резонно утверждал Н. Г. Чернышевский. Важно при этом понимать под «знанием истории» не мейнстримовскую (официозную)

позицию, а все многообразие исторических фактов и их интерпретаций, умение их анализировать. В противном случае можно легко оказаться в сфере «лженауки» и «лжеполитики», вследствие чего и образованность превратится в «лжеобразованность».

Особенно это касается вопросов историко-научного отражения личностей правителей государств и оценки результатов их государственной деятельности. В истории человечества зависимость здесь сформировалась почти однозначно: если к власти приходят последователи государственного правителя-реформатора, то оценка его личности и реформаторской деятельности освещается обязательно в положительном контексте. К примеру, И. Сталин и последующие руководители СССР почитали В. И. Ленина исключительно как своего вождя, руководствуясь его творческим наследием. Напротив, если «новые прихожане» в государственную власть становятся таковыми в результате свержения лидера-предшественника, то обильной лжепропаганды, лженаучности и идейно тенденциозной политики в отношении его никак не избежать.

Очевидно, что именно в такой драматичной ситуации оказался М. С. Горбачёв, соответственно и вся провластная антология его личности. После отрешения его от власти под красивым лозунгом «борьбы за чистоту истории» буквально все было вызывающе поставлено с ног на голову. Навешен и главный негатив, вызывающий гнев масс, — распад Союза ССР. Не Михаил Горбачёв впервые провозгласил и отчасти узаконил в стране нормы демократии, плюрализм и свободу мнений, а Б. Н. Ельцин, разрушивший СССР, расстрелявший танками свой парламент, позволивший разграбить всю общенародную собственность, неоднократно позоривший российскую власть за рубежом, подменивший реальную свободу граждан беспределом деяний олигархата и массового криминала. Видимо, за эти «особенные заслуги» новым очень благодарным руководством России ему исключительно красивая антология прописана, отстроен и функционирует некий музейный «Ельцин-центр», неутомимо восхваляющий его историческую реформаторскую деятельность, героическое освобождение им России от имперского центра и прочие доблести и достоинства. В недалёком будущем этот новоявленный лжецентр наверняка будет выброшен на свалку истории.

При этом музей основателю социализма и Советского государства В. И. Ленину поспешно был ликвидирован, сам он преподнесен обществу как «даже негосударственный деятель» (!), а всего лишь революционер, якобы сильно нагрешивший при учреждении Союза ССР. Хотя даже

малообразованным личностям ясно, что без примата образования национальных республик (а не административно-территориальных регионов) в тех условиях никакой добровольно формируемый Союз ССР не мог состояться. Понятно при этом, как завершилась бы Великая Отечественная война (даже без Украины, которой много территории подарили).

В данной связи и М. С. Горбачёв, являясь сторонником *социалистического* союзного государства, изначально оказался не на той идейно-политической позиции, что лидеры республик, прежде всего России, и потому был принужден согласиться на «Союз суверенных республик», а в дальнейшем лишён власти и, разумеется, статуса первого демократического реформатора страны. Стать на данную позицию, воплотить ее в учебники истории для изучения молодым поколением — значит утратить не только личную образованность и умение успешно реализовывать потенциал исторической науки, но и потерять чувство отвергнутого сплошной ложью личного достоинства, превратившись в угодного властям последовательного лжеца.

Реальная борьба за чистоту истории в части оценок исторических фактов и деятельности государственных лидеров не имеет ничего общего с существующим ее состоянием. Она, напротив, должна заключаться в полном очищении от псевдомнений и провозглашённых в разных формах заинтересованными лицами измышлений, основываться на относительно объективном представлении фактов и суждений о них субъектами-первоисточниками информации.

В историко-политических реалиях всегда действует конкретная личность, обладающая комплексом знаний, образованности, ценностных, поведенческих и, что немаловажно, психологических качеств. Они составляют исходный субъектный потенциал (базис) возможностей деятельностного успеха (неуспеха) руководящего государством политика. Аналитически с его объективного, независимого от авторских предпочтений описания и следует начинать антологию и историографию любого государственного деятеля.

Непредвзятый, основанный на фактических материалах, анализ личности и деятельности М. С. Горбачёва позволяет констатировать наличие у него следующих реально проявившихся личностных качеств, далеко не свойственных его предшественникам, — общителен, доступен, относительно не высокомерен, доброжелателен, не мстителен, снисходителен, привержен методам убеждения, гуманистически ориентирован, не эгоцентричен, слабovolен. Этот набор достаточно положительных

человеческих качеств, как показывает историческая практика, к сожалению, далеко не способствует и тем более не гарантирует успешное достижение реформаторских целей и задач в остро противодействующей политической среде.

Анализ всех реформаторских эпох истории с успешными лидерами во главе одного из противоборствующих политических течений однозначно свидетельствует: успешными были государственные лидеры — властолюбивые, применяющие авторитарно жёсткие методы принятия решений и руководства, включая силовые действия против народных масс, далеко не гуманные и свободно манипулирующие судьбами людей.

Из сказанного предварительно уже следует, что в условиях крайне сложного процесса реформирования страны и сопутствующего жёсткого политического противостояния судьбоносная драма М. С. Горбачёва была, по сути, предопределена (по причине несовместимости вышеотмеченных его личностных качеств с политической ситуацией). Всякая власть, а государственная в особенности, — *это по определению есть волевое понуждение людей, общества к определённой социальной организации и предписанному поведению*. Методы убеждения при этом являются не доминирующими, а всегда вспомогательными.

Властное политическое слабование М. С. Горбачёва для друзей и недругов в стране было очевидным. Он отмежевался от трагических митинговых событий в Тбилиси, от силовой попытки захвата телебашни в Вильнюсе, от силового противостояния возникновению и деятельности ГКЧП. Непозволительно не принял никаких мер после принятия Первым съездом народных депутатов РСФСР абсолютно противозаконной «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 года. Именно этим актом впервые открыто разрушалось правовое пространство, игнорировались вновь принятые законы СССР, был запущен парад суверенитетов республик и в конечном счёте разрушение Советского Союза. Во взаимоотношениях с избранным лидером России Борисом Николаевичем Ельциным М. Горбачёв постоянно демонстрировал тактическое и стратегическое волевое отступничество.

В итоге, после ночного возвращения из Фороса в Москву 22 августа 1991 г. он окончательно лично сломался перед своими лукавыми «спасителями», позволяя в Верховном Совете РСФСР унижать себя, невольно демонстрируя тем самым утрату собственной статусной власти. На последнем Съезде народных депутатов СССР (далее — Съезд), который завершился 5 сентября 1991 года, М. Горбачёв, явившись в перерыве

в редакционную комиссию Съезда, потребовал в ультимативной форме от имени самозванного президиума Съезда принять решение об отказе созыва съездов в дальнейшем в установленные законом сроки.

Самороспуск высшего органа власти страны под хамским давлением и с использованием всяких посулов депутатам в итоге состоялся. И это несмотря на факт избрания президента СССР не всенародным голосованием, а голосованием народных депутатов на Внеочередном Третьем съезде СССР. Требуя самороспуска Съезда, М. С. Горбачёв собственноручно лишал себя собственной политической опоры. Политическая воля лидера страны удивительным образом окончательно исчезла. После известных событий в Беловежской пуще апеллировать ему в правовом отношении было не к кому. В итоге вечером 25 декабря 1991 года пришлось добровольно отречься от статуса президента СССР, признать тем самым и распад Советского государства.

Политическое безволие лидера несостоявшейся «Перестройки», конечно, не единственная причина его скоротечного политического фиаско. Второй, по сути генетически детерминированной причиной был накопившийся за многие годы кричаще сложный комплекс государственных проблем, нуждавшийся в безотлагательном принятии взвешенных и смелых решений, верно квалифицируемых как революционное реформирование.

Однако в таких историко-политических условиях аксиоматичным является, говоря словами В. И. Ленина, образование «грязной пены» великого народного движения — появление горлопанов, интриганов, авантюристов, параллельных лидеров, рвущихся к власти, широко используя нечистоплотные политические методы борьбы. Носителем подобных определений и качеств, не требующих доказательств, всецело и однозначно являлся Б. Н. Ельцин и его соратники. Они-то и использовали в своих противоправных целях поведенческий и управленческий гуманизм, политическое и человеческое слабование лидера страны М. Горбачёва, а также сложность и остроту проблемных, отчасти патовых, вопросов, неподъёмных для оперативного решения союзным центром и лично М. Горбачёвым.

С этих позиций очевидно, что даже избрание президента СССР не всенародным голосованием, а голосованием на Съезде народных депутатов СССР диктовалось необходимостью более быстрого формирования полномочного властного центра для ускорения решения сложных проблем экономики, политики, межнациональных отношений и государственного переустройства, а также назревшего переноса

центра власти с КПСС на государственные органы. При этом принятие неотложных реформаторских решений сдерживалось одновременно и политическим слабованием лидера «перестройки», и силами противодействия, и в немалой мере отсутствием научного обоснования необходимых решений, их многовариантностью — как по содержанию, так и по времени исполнения.

После принятия Съездом народных депутатов РСФСР декларации «О государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 года резко актуализировался вопрос о пересмотре формы союзного государства — на федеративных, или же конфедеративных началах. Естественно, что самый быстрый вариант разработки проекта нового союзного Договора заключался и реально реализовывался под эгидой лидеров союзных республик и контролем М. Горбачёва. Правовой вариант — разработка и обязательное рассмотрение проекта Договора в Верховных советах республик и ответственных органах Союза ССР затянуло бы его принятие на многие месяцы. Парад же суверенитетов республик, настроения их лидеров, как и самого М. Горбачёва, понуждали к скорейшей разработке и принятию нового проекта Договора о союзном государстве.

Отмеченный сугубо келейный вариант и был реализован в части разработки проекта и объявления срока и процедуры его подписания начиная с 20 августа 1991 года. Итог известен: основательно келейная модель разработки проекта Договора без его обсуждения в ответственных органах и даже представления им информации, при наличии критических возражений, поспешное назначение процесса подписания вызвали острое недовольство многих высокопоставленных должностных лиц в союзных органах, оперативное образование и выступление так называемого ГКЧП, квалифицированного путчем.

Подобной противоправной ситуации М. Горбачёв никак не ожидал от своих коллег (уехал отдыхать в Форос), фактически растерялся, а далее, как отмечено, и вовсе смалодушничал. Важно при этом учесть — какой модельный вариант разработки и утверждения нового проекта Договора о союзном государстве, не говоря уже о его содержании, должен был принять М. Горбачёв в сложившейся ситуации, не понятно и сегодня. Оба они были проблематичны и остро конфликтными, практически не имели юридически надлежащего легитимного разрешения. Поэтому говорить о допущенном серьёзном просчёте М. Горбачёва в данном вопросе однозначно недопустимо. Он стремился выбрать меньшее из зол, но в результате получилось очень «большое зло».

Авторское Заключение для исторической науки настоящего и будущего Российской Федерации:

1. Пальма первенства запуска демократического реформирования СССР принадлежит исключительно президенту М. С. Горбачёву. Иные суждения и утверждения категорически не соответствуют реалиям временных рамок «Перестройки».
2. Успешное завершение перестройки, включая структурное преобразование государственного устройства Советского Союза, фактически было непосильной программой деятельности для президента М. Горбачёва, что и предопределило драматическое ее окончание.

Причинами *непреодолимой силы* субъективного и объективного порядка являлись:

- А) Субъективно-личностная причина: положительные личностные качества М. Горбачёва, ориентация только на методы убеждения противоречили сложным и бурным процессам времени, не позволяли своевременно принимать жёсткие, включая силовые, государственные меры реагирования, а также решительно противостоять обструктивным действиям политических авантюристов в органах власти ряда республик, а затем и органов союзного уровня. В итоге негативы не преодолевались, а получали дальнейшее развитие, формируя критическую массу.
- Б) Объективные причины заключались — в запредельной сложности накопившихся многофакторных проблем, отсутствии убедительных научных обоснований способов их разрешения при ситуационной необходимости безотлагательного проведения преобразований.
- В) Глубина намеченных по сути революционных реформаций закономерно (типично в истории революций) вызвала активное противодействие различных политических и социальных (в частности, национализм) сил, а также лиц, настойчиво рвущихся к государственной власти. Для данной категории борцов с законной властью, как свидетельствует история, «цель оправдывает любые средства». По сути, говоря словами В. И. Ленина, в каждом революционном движении всплывает «грязная пена». Против неё законный президент СССР М. С. Горбачёв оказался бессилен по причине отмеченных выше его личностных гуманистических и недостаточно волевых качеств и крайне сложных для успешного оперативного решения проблем.

Объективно политическая ситуация, изначально и постоянно усугубляясь, была близка к патовой. Временное ее разрешение было возможно только с использованием чрезвычайных (большевистских) методов и средств реагирования.

С аналитическим подходом, включающим понимание изложенных специфических условий, обстоятельств и факторов осуществления перестроечно-реформаторских процессов в Советском государстве, только и следует оценивать историческую роль личности и государственную деятельность его первого и последнего президента Михаила Сергеевича Горбачёва. Драматизм политической ситуации объективно предопределил и драматичную судьбу М. Горбачёва, поскольку применять чрезвычайные силовые меры он в принципе не мог.

Ю. В. Голик О ГОРБАЧЁВЕ

Михаил Сергеевич Горбачёв... Наш исторический персонаж, фигура неоднозначная. Об этом написано в последнее время слишком много. В основном восторгаются тем, как он появился: молодой, энергичный, не зашоренный, говорит свободно без бумажки и без подготовки на любые темы где угодно и с кем угодно... Говорят также, что он дал нам свободу. Кому «нам»? Какую свободу? От кого? От чего? — Никто не хочет отвечать на эти вопросы.

Я попал в поле зрения Горбачёва как Народный депутат СССР. Попал с подачи А. И. Лукьянова. В феврале 1991 г. он неожиданно назначил меня Председателем Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. Назначил, даже не поговорив со мной об этом. После этого назначения я всего лишь два раза встречался с ним как председатель Комитета. Оба раза разговор (говорил только он) был ни о чём. Первый раз после того разговора я в полном недоумении вышел из кабинета. В приёмной сидел В. И. Болдин — руководитель его аппарата. Я высказал ему своё недоумение, а в ответ: «Привыкай». Теперь я вижу, что за всеми словами и разговорами Горбачёва ничего не стояло. Он не предпринимал никаких шагов сам, не требовал этого от других, а иногда даже противился таким шагам. Такой великий говорун.

Закончил свою карьеру клятвопреступлением. Он бросил занимаемую должность, хотя не имел на это никакого права. Люди от него ждали

действий, а он просто отвернулся от всех и сбежал. Это не забудется никогда.

И тем не менее, М. С. Горбачёв — это Фигура.

А. С. Грачёв МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ И ЕГО ЭПОХА

Чем измерить след, оставленный Горбачёвым? Уходящих в историю политиков мерили разной шкалой ценностей. Когда А. Пейрефитта, бывшего французского министра и пресс-секретаря де Голля, спросили, какое наследство оставил после себя ушедший в отставку генерал, тот ответил: «пример». Советник другого французского президента, Ф. Миттерана, бывший министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин считал: для оценки политика и государственного деятеля существует только один критерий — результат.

Человек, который никогда не был ничьим помощником, диссидент К. Любарский, разделяя это мнение, хвалил Горбачёва не за намерения и обещания, а как раз за результат: «Хочется, прежде всего, сказать ему спасибо за то, что он сделал для нашей свободы больше, чем кто-либо иной, и не только его вина, что мы не смогли ею в полной мере воспользоваться. Неважно, что Горбачёв делал это не всегда сознательно, иногда даже с противоположными намерениями, — в истории в конечном счете оценивается лишь результат, а он превзошел все ожидания».

После Горбачёва, потомственного пахаря, в российской и мировой истории осталась глубокая борозда. Можно ли однозначно оценить сделанное им, ведь его фигура, как и личность, до сих пор остаются предметом споров и разноречивых толкований. Для одних Горбачёв — «могильщик» великой державы и коммунистической мечты, для других — идеалист, пророк социализма с человеческим лицом. Он бросал вызов и тем, кто был убежден, что такого социализма не существует, и тем, кто считал, что реальный социализм в человеческом лице не нуждается. Одни вменяли ему в вину романтическую веру в «автоматизм демократии», другие — то, что был недостаточно решительным и жестким лидером в стране, пришедшей к царям и тиранам. Кто ближе к истине?

Итог шести с половиной лет, проведенных Горбачёвым на вершине власти в Советском Союзе, — не только окончание холодной войны, продолжавшейся почти пятьдесят лет и не раз ставившей мир на грань

третьей «горячей», но и фактическое воссоединение мировой истории, раздвоившейся на два русла в начале XX века после русской революции.

Начатая Горбачёвым перестройка стала уникальным событием, поднявшим во всем мире беспрецедентную волну ожиданий и надежд, вызвавшим восторги, сменившиеся разочарованиями, и оставившим массу неотвеченных вопросов. Но, главное, принципиально изменившим Россию и наложившим отпечаток на последующее мировое развитие.

Приступая к своим реформам, Горбачёв исходил из убеждения в том, что советское общество — достаточно современное, зрелое и развитое во всех отношениях для того, чтобы выйти на уровень демократического самоуправления и занять достойное место в глобальном мире, идущем к новому веку. Он ведь не замыслил создать другую страну на месте старой, а лишь хотел помочь ей измениться.

Однако очень быстро Горбачёву пришлось убедиться в том, что преобразовать мир оказалось легче, чем реформировать и изменить Россию. Избрав главными инструментами своего проекта реформы проповедь демократии и гласности, отказавшись, вопреки совету Достоевского, от неотделимых от власти «тайны и авторитета» (зная к тому же, что «авторитет» правителя в России слишком часто завоевывался лишь неординарным злодейством), Горбачёв в глазах многих превратился в «слабого», нерешительного лидера, которому оказалась не по плечу взятая на себя ноша.

Внешне, возможно, это так и выглядело: ведь начав в 1985-м с того, что он «мог все», Горбачёв закончил к декабрю 1991-го тем, что фактически уже не мог ничего. Но как же в таком случае этот «нерешительный», всюду и постоянно «опаздывавший» лидер ухитрился раньше многих войти со своими принципами и проектами в будущее, в новый, еще только наступавший век? Как удалось ему, действуя больше словом, чем делом, и скорее примером (вспомним де Голля), чем принуждением, произвести всего за несколько лет, отведенных ему историческим случаем, такое потрясение, такой глубокий поворот в российской и мировой истории?

Те, кто клеймят его за то, что он «промотал» доставшуюся власть, не учитывают, что его первоначальное могущество было всесилим должностей, опиравшимся на партийную диктатуру, и что именно ее разрушение было частью его замысла. Власть не ушла, как песок или вода, из рук Горбачёва — он начал сознательно передавать ее тем, кто был лишен доступа к ней, раздавать, как Христос свои хлебы, рассчитывая накормить ими всех. Но он не был Богом, и накормить всех, тем более властью, ему не удалось, к тому же произошло то, что обычно бывает при бесплатной раздаче: одни передрались, другим ничего не досталось.

В результате число недовольных лишь увеличилось, и даже люди, поддерживавшие его в прошлом, не захотели простить ему не только плачевных итогов реформ, но и самого ее замысла. До сих пор многие упрекают его в том, что он добровольно отдал власть, не обратившись к помощи армии. Что ж, тогда сегодня мы бы с сожалением вспоминали не о его отставке, а о том, что в декабре 1991 года Горбачёв превратился в Ельцина или Путина. Слава Богу, этого не произошло.

И еще одно не прощают Горбачёву — то, что вместе с «растраниженной» властью он попробовал восстановить суверенитет человека по отношению к государству, и тем самым освобождал от ответственности «нас» самих. Такое не прощается.

Не сводится ли объяснение политической трагедии перестройки к тому, что у власти в не вполне нормальной стране оказался человек с нормальными нравственными рефлексам и чувством здравого смысла, что стало фатальным для сложившейся Системы и, в конечном счете, для государства.

Но хорошо ли это, если не пророк, не политический мыслитель и не футуролог, а государственный деятель, по должности обязанный стоять обеими ногами на земле, больше связывает свою деятельность с будущим, чем с настоящим? И как быть людям возглавляемой им страны, которым он предлагает себя догонять? Ответ не только за ним, но и за нами...

Но «Шансом Горбачёва» пренебрег и Запад. Если российское (советское) общество не прошло испытания подаренной свободой, то западный мир — испытания исторической победой над коммунизмом. После распада СССР Запад пытался управлять миром, как будто настал конец истории, как будто мир вот-вот должен был стать большим Западом. Надо ли напоминать, что нынешняя Россия и современный мир на световые годы отличаются от оптимистической перспективы, которую рисовали проекты демократического обновления страны и миражи нового политического мышления.

Россия и США не сумели найти совместный выход из «холодной войны» и закончили ее не союзниками, а соперниками. Обещанная стабильность международных отношений не наступила, возобновилась гонка вооружений, а сила в виде государственного принуждения или террористического насилия возвращается в арсенал мировой политики.

Стрелки часов на обложке бюллетеня американских ученых-атомщиков, которые показывают время, оставшееся до начала третьей мировой войны, вплотную придвинулись к полуночи, — положение, в котором они были в 1953 году.

«Горбачёв пришел слишком рано», — говорил Михаил Сергеевич, как бы отстраняясь от себя, как от независимой политической фигуры. Рано для чего? Чтобы быть услышанным и понятым? Или чтобы увидеть плоды своих трудов? Но кто за него и кроме него мог бы для этого загодя посадить плодовые деревья?

Впрочем, он и сам это понимал и не ждал ни прижизненного признания, ни исторической «реабилитации». Он считал, что «все равно когда-то, что-то должно было начинаться». Никто не может упрекнуть его в том, что он не попытался использовать свой шанс для того, чтобы «что-то началось». Поэтому история конца XX века останется навсегда поделенной на то, что было до Горбачёва, и то, что наступило после него. Она стала эпохой Горбачёва уже потому, что именно он подвел черту под главным конфликтом столетия и, перевернув эту страницу истории, дал возможность писать ее дальше с чистого листа.

В. Г. Захаров

ПОЛИТИК, КОТОРОМУ ПОВЕРИЛИ

Горбачёв впервые показал довольно объективно состояние нашего общества в тот период и недостатки, и достижения. Он сказал правду, поэтому не случайно, что всегда появление его среди народа вызывало к нему огромный интерес и массу вопросов. То, что он сказал правду, это действительно в народе чувствовали, и поддерживали тогда его, ибо он указал на те слабые места в развитии нашего общества, которые существовали очевидно — поэтому-то народ это поддерживал. Ему поверили! Никогда до этого первое лицо не говорило так откровенно о наших многочисленных недостатках. Михаил Сергеевич говорил также о намерениях, как это исправить. Уже благодаря этому он занял свое место в советском этапе нашей истории: из уст первого лица нашей партии люди услышали о наших трудностях, наших недостатках и о намерении попытаться эти недостатки исправить. Уже этим он заслужил свое место в истории как человека, не оторванного от тех трудностей и задач, которые тогда стояли перед нашим обществом. Этим он войдет в историю.

Полагаю, что он сам верил, что эти недостатки, неприятные стороны нашей жизни можно устранить. Я бы даже сказал, что он в это верил несомненно. Я был с ним в окружении людей, которые буквально забрасывали его вопросами; был даже один раз с ним в Литве, когда он был

в таком плотном кольце людей, что охрана с трудом их сдерживала — люди хотели услышать от него ответы, это было их искреннее желание, все они верили, что он говорит правду.

Он убежденно верил в то, что мы сможем исправить наши недостатки, верил, что мы сохраним основу нашего общества. Другое дело, что складывалось впечатление, что разработанных путей устранения этих недостатков у него, пожалуй, не было. Это показала его последующая деятельность. Обещаний было много, правда была сказана, но из его выступлений не вытекало, как устранить эти недостатки. Вместе с тем он заговорил с людьми, желая их услышать, этого никогда не было и на первых порах действовало просто магнетически; повышенный интерес к нему и к его детищу — перестройке — свидетельствовал о том, что люди ему поверили и пошли за ним.

Для устранения тех недостатков, на которые он всем указал, требовалась не только разработанная хорошая платформа, но и команда квалифицированных исполнителей, сплоченных вокруг его идей. Единой команды таких людей у него не было.

Гласность — главное его достижение. Впервые была сказана правда от имени первого лица. Это было его несомненной и весомой заслугой. Вызывает уважение также и то, что впервые глава нашего государства уделял такое внимание проблемам культуры, прекрасно понимал ее значение и обладал завидным кругозором. В том составе руководителей страны, который был налицо к моменту смерти Черненко, не из кого было выбирать — лишь Горбачёв был достоин того, чтобы быть избранным Генеральным секретарем.

В. Б. Исаков РУССКАЯ РУЛЕТКА, ИЛИ МОЕ НЕДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ С ПОЛИТИКОЙ

В политику я попал случайно, наверное, как и вообще в этот мир. Судьбой, я так думаю, мне было назначено стать профессором в местном уральском университете. В лучшем случае подняться до должности заведующего кафедрой. Но в условиях грянувшей в 1985 году перестройки любознательного юношу потянуло в политику. Ну, и затянуло. Я стал активным участником митингов и демонстраций, вошел в число учредителей свердловского общества «Мемориал». Пошел на одни выборы, которые проиграл, но был избран на других уже в первом туре.

На Съезде народных депутатов РСФСР стал членом Верховного Совета России, а на первой сессии Верховного Совета — председателем палаты Совета Республики. Два раза возглавлял комитеты по законодательству — в Верховном Совете и в Государственной Думе. Поучаствовал в разработке и принятии новой Конституции Российской Федерации, правда, в основном в роли ее критика. Можно сказать, что стартовал, как ракета, с вузовской кафедры в самые верхние слои российской политики.

Более опытных коллег из партии власти моя карьера, естественно, не впечатляла. Они знали, что в близкий круг Б. Н. Ельцина я не вхожу, стало быть, обладаю нулевым политическим весом. Занял высокий конституционный пост? Ну и что? Подобных скороспелых политиков в 90-е годы было немало. Как взлетел, так и исчезнет, сгорит в плотных слоях атмосферы.

Вот характерный пример. Будучи председателем палаты Верховного Совета, приезжаю в Свердловск, в свой депутатский округ для встречи с избирателями. Торжественной встречи в аэропорту нет, оркестра и красной дорожки, разумеется, тоже. На стоянке скромно ждет автомашина. Ну, ладно. Очевидно, что визит свежеиспеченного председателя палаты для них — не событие.

Приезжаю в Дом правительства области на встречу с губернатором. Через секретаршу мне передают, что губернатор занят, просит подождать в приемной. Ну, пожалуй, это уже слишком. Представьте себе, что Володину¹, нынешнему председателю палаты российского парламента, местный чиновник предложил бы подождать в приемной. Скандал был бы грандиозный и без последствий это не осталось. Но я — человек новый и не скандальный. В приемной ждать не стал, пошел по этажам знакомиться с депутатами, с работой комитетов. В одном из них меня и застала запыхавшаяся секретарша: «Губернатор Вас ждет!» По перекошенному лицу Росселя² понял, что он воспринял мой жест как месть за его холодный прием.

Журналисты, анализируя мою политическую карьеру, не раз упрекали меня за конъюнктурность. Действительно: пришел в политику, будучи членом КПСС. В 1990 году вышел из партии, примкнул к демократам. Затем оказался в оппозиции, обрушился на Ельцина и демократов с критикой. Несколько лет выступал обозревателем прокоммунистической «Советской России». Вступил в народно-патриотический Российский общенародный союз, из которого вышел после президентских выборов 2024 года. Вывод журналистов прям и прост: вот он, типичный конъюнктурщик, перебежчик из одной партии в другую.

С этим можно было бы согласиться, если бы не одно нетипичное обстоятельство. Все свои годы в политике я находился в оппозиции. То есть не извлекал из своих перебегов никакой выгоды. Наоборот, каждый раз примыкал не к победителям, а к побежденным. Видя, как лодка начинает черпать одним бортом, переходил на другой борт, стараясь ее выровнять. Можно сказать, «конъюнктурщик наоборот». В политике мне близка позиция Александра Зиновьева^{III}: «Я — партия из одного человека». Поэтому имею право заключить союз с любой другой партией, за которой, как я считаю, правда. А если таковых нет, то оставаться в ожидании и в гордом одиночестве.

На своем недолгом, но насыщенном событиями политическом пути мне довелось встретиться с множеством интересных людей, о которых хотелось бы сказать несколько слов.

В их числе, разумеется, Борис Николаевич Ельцин. Я познакомился с ним в 1990 году, когда он выставил свою кандидатуру в народные депутаты РСФСР по национально-территориальному избирательному округу № 74 — город Свердловск и Свердловская область. К этому моменту Ельцин уже выступил с критикой хода и темпов проводимых Горбачёвым реформ и был снят с поста первого секретаря московского горкома КПСС. Тогдашняя партноменклатура решила устроить ему блокаду — задерживала агитаторов, арестовывала печатные материалы, блокировала публикации в СМИ. Короче, сделала все, чтобы народ на предпринятиях завелся и выступил в защиту опального Ельцина. Разумеется, я был среди тех, кто его поддержал. Сегодня мне ставят это в вину. В свое оправдание назову всего одну цифру — 72 %. Столько моих земляков поддержали тогда Б. Н. Ельцина, и я был среди них. Перечитывая его лозунги и обещания тех лет, я вижу, что они правильные, и я снова готов под ними подписаться.

Но вот началась совместная работа в Верховном Совете РСФСР, и Борис Николаевич Ельцин открылся мне совсем с другой стороны. Оказалось, не такой уж он и демократ. Вокруг него немедленно сплотился узкий круг поддакивателей и подпевал. Решения он начал принимать единолично, опираясь на мнение этих подпевал. Дискуссий и критики в свой адрес не терпел. В Президиуме Верховного Совета начались регулярные нарушения регламента и правовых процедур принятия решений. Парадокс: в законодательном органе перестали уважать законы? Да, именно так.

Но больше всего меня поразила его практическая несостоятельность. Оказалось, что провозглашать радикальные лозунги с трибуны

и реализовывать их на практике — две больших разницы. У меня сложилось впечатление, что Ельцин не понимал организационного и правового механизма реализации обещаний, которые щедро раздавал избирателям, да и не очень стремился в нем разобраться: географию надо знать кучеру, барину она без надобности.

Практическое руководство реформами — огромный, тяжелый, повседневный труд. Ельцин отнюдь не стремился впрячься в эту телегу. Опять же приведу конкретный пример. Видя, что время идет, а дела не движутся, мы с моим заместителем, Александром Альбертовичем Вешняковым^{IV}, решили собрать в Совете Республики рабочее совещание для обсуждения списка первоочередных законопроектов, которые откликались бы на наши обещания избирателям. Естественно, пригласили на это совещание и Б. Н. Ельцина. Он пришел, возглавил совещание, одобрил нашу инициативу и предложил перенести эту полезную работу на уровень всего Верховного Совета. Естественно, все с этим согласилось. Руководителем вновь созданной комиссии он предложил назначить Р. И. Хасбулатова. Надо ли говорить, что Хасбулатов тут же забыл об этом поручении: комиссия под его руководством не собралась ни разу. Таким элегантным способом Борис Николаевич заблокировал ненужную ему деловую инициативу, а вместе с ней и целый блок проблем, которые надо было неотложно решать. Учитесь, пионеры, мастерству политического руководства!

Судя по некоторой информации, после ухода от власти Б. Н. Ельцин начал трезветь и стал более критично оценивать результаты своих действий. Говорят, что был обижен на республики Прибалтики, которые вместо благодарности за опережающее признание Россией их независимости, подняли у себя волну русофобии. Позвонил в день рождения Светлане Петровне Горячевой^V и извинился за все неприятности, которые ей причинил. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда.

У меня есть тихая скромная мечта. Вот оживить бы Бориса Николаевича хотя бы на неделю. Посмотри, дорогой, телевизор, послушай радио, почитай газеты. Полубойся на результаты своей внутренней и внешней политики, которую ты волевым образом проводил без малого десять лет. Именно этого ты хотел? Именно такой результат обещал народу? После этого можешь спокойно почивать на Новодевичьем далее. Если получится.

С другим выдающимся деятелем, М. С. Горбачёвым, у меня была всего одна личная встреча, но зато какая! Она состоялась 12 декабря — в день ратификации Верховным Советом Беловежского соглашения.

Прошел слух, что в союзном парламенте будет выступать Горбачёв. Вызвав машину, мы, несколько российских депутатов, отправились в Кремль, чтобы поприсутствовать на последнем акте политической драмы. На проходной заявили, что идем на встречу с Горбачёвым.

Никакого заседания, как оказалось, не было. Депутаты обсуждали между собой происходящие события. В буфете меня тронул за плечо подтянутый молодой человек: «Ну, что ж Вы не идете, Михаил Сергеевич ждет Вас...». Так нежданно-негаданно мне удалось встретиться с Президентом СССР в один из последних дней его президентства.

...Просторный президентский кабинет, выдержанный в коричнево-золотистых тонах. Рассеянный свет льется откуда-то сверху, с полукруглого потолка. На стене — небольшой герб Союза ССР. Глаз цепляет лежащую в стороне стопку «Независимой газеты» — любимой газеты президента. Прямо по курсу — огромный, как океанский лайнер, коричневый полированный стол и за столом — Горбачёв.

Поздоровались. Горбачёв не выглядел усталым, хотя перед этим провел почти двухчасовую встречу с журналистами. После моей вступительной фразы, которую я придумал на ходу (надо же было как-то объяснить цель визита), Горбачёв взял беседу в свои руки.

Сначала он сказал, что внимательно следит за моими публикациями в «Советской России» и считает, что я в целом правильно отражаю взаимоотношения в руководстве: экономическую и политическую войну против Союза, которую под флагом суверенитета ведет Россия. С этой темы разговор естественным образом перешел на злобу дня. Горбачёв заявил, что он не видит политических и экономических причин для развала Союза, что все дело в неукротимом властолюбии Ельцина, в его нежелании иметь конкурентов. Ельцин даже не понимает, что значит «прекратить Союз», какой пласт военных, дипломатических, правовых проблем это потянет, сколько миллионов человеческих судеб перевернет...

Я согласился, что политика российского руководства замешана на авантюризме. Рано или поздно люди это поймут, и тогда Ельцина, обманувшего их, возненавидят куда сильнее, чем ненавидят Вас... Бестактность, конечно, но я сказал это Горбачёву. В ответ — ни улыбки, ни усмешки — только острый взгляд.

Почему распался Союз? Можно ли было это предотвратить? Горбачёв повторил свою любимую мысль о пагубности насилия в политике. Я согласился, но с оговоркой: да, сейчас поздно, никакое насилие уже не поможет. Но когда загорелся первый дом в деревне — в 1988 году,

в Нагорном Карабахе, — надо было действовать жестче и использовать все возможности, включая военную силу. Горбачёв тут же свернул эту тему, было видно, что она ему неприятна.

Далее речь зашла о ближайших перспективах. Я сказал, что самое страшное, что только может случиться, — полное безвластие в стране, которое воцарится, если российская власть себя дискредитирует и ей перестанут подчиняться. Это будет настоящей катастрофой — ни Союза, ни России.

— Что же делать, собирать союзный Съезд? — спросил у меня Горбачёв. Я возразил: по-моему, это бесполезно, время упущено. Созыв съезда будет воспринят в республиках как попытка опрокинуть их решения о суверенитете, вступить в конфронтацию. Съезд, возможно, придется собрать летом или даже раньше, если начнется прямой развал союзных государственных структур. Да и конституционные вопросы остались неурегулированными — если Союз на самом деле прекратился, то надо оформить это конституционно. Горбачёв ответил, что надо подумать, а с последним согласился.

Во время нашего разговора Горбачёва дважды отвлекал телефон, точнее, электрический сигнал на большом пульте слева. Затем подошел с запиской секретарь. Горбачёв прочитал записку, сложил ее вдвое, вздохнул:

— Просится Собчак, у него самолет. Если хотите, можете подождать. Я решил не пережидать Собчака и простился с Горбачёвым.

Фигура Горбачёва постепенно уходит в историю. О нем вспоминают все реже и реже. Но в общественном мнении остался раскол, который никогда не исчезнет. Одна часть общества ценит Горбачёва как зачинателя перестройки. Другая часть продолжает негодовать: «Предатель! Болтун! Развальщик!»

Примерно так и я в свое время относился к Горбачёву, с этих позиций описал его роль в своей книге «Расчлененка. Кто и как развалил СССР». Рукопись книги я показал Андрею Грачеву, пресс-секретарю Горбачёва, который охладил мой пыл: «Владимир Борисович, Вам будет стыдно за эти строки». Я доверился мнению Грачева и снизил градус полемики против Горбачёва. Сегодня об этом не жалею. История действительно расставляет все по своим местам. На мой взгляд, Горбачёв — трагическая фигура в отечественной истории. Человек, почувствовавший необходимость реформ и энергично начавший их, но не сумевший справиться с грузом навалившихся проблем.

Сегодня рассекречен ряд материалов, вышли статьи и книги, которые позволяют объективно оценить роль Ельцина, Горбачёва, других участников этой большой исторической драмы. Благодаря откровениям Коржакова я узнал, что моя фамилия была в списке тех, кто не должен был выйти живым из Белого дома в ходе штурма в октябре 1993 года. Но отделался синяками и ссадинами. Повезло. Можно сказать, что поход в высокую политику лично для меня закончился почти благополучно. Рулетка только щелкнула.

В. Б. Исаков
7 сентября 2024 г.

В. В. Калашников
НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О М. С. ГОРБАЧЁВЕ
КАК О ПОЛИТИКЕ

Общая оценка деятельности. Если вспомнить В. С. Черномырдина¹ с его незабываемыми фразами, то можно сказать так: «Горбачёв хотел, как лучше, а получилось как всегда». Впрочем, вторую часть фразы следует поправить: получилось много хуже, чем «как всегда». Потеряв контроль над процессами, которые были начаты по его инициативе, Горбачёв не использовал все возможности, которые были у него как президента СССР, уступил инициативу и власть Б. Н. Ельцину, который разрушил КПСС, СССР и советскую социалистическую систему. В критической ситуации Горбачёв проявил себя как слабая личность, не готовая пойти на решительные шаги. Наиболее драматичный пример — это отказ от ареста трех «беловежских зубров», которые грубо нарушили Конституцию и законы СССР и трех союзных республик, заявив о прекращении существования СССР в декабре 1991 г.

О целях Горбачёва. Насколько я знаю, Горбачёв действительно хотел «как лучше» и думал о создании более совершенной модели социализма, а не о «заговоре» с целью реставрации капитализма. Все обвинения Горбачёва в таком заговоре базируются на фальшивых цитатах из «признаний», якобы где-то и когда-то им сделанных, а также на отождествлении его позиции с позицией А. Н. Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС и идеолога эпохи «перестройки». Тот действительно утверждал, что заранее планировал разрушение советской социалистической системы: «говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идёт».

Однако и у Яковлева эти утверждения носили во многом конъюнктурный характер. Он стремился приписать себе заслугу в сломе системы тогда, когда она уже была сломлена: не им, но не без его помощи. В более аккуратном варианте Яковлев определял свою задачу как попытку «сломать тоталитарную коммунистическую партию», а не социализм. Однако в идейном плане Яковлев в последние годы «перестройки» склонялся к принятию социал-демократической доктрины, которая допускала не просто разнообразие, но и приоритет частной собственности в экономике. Он пытался влиять в этом направлении на Горбачёва на ранних этапах работы по созданию новой Программы КПСС^{II}. После XXVIII Съезда КПСС влияние Яковлева на разработку новой Программы было сведено к нулю, а сам Горбачёв таких установок рабочей группе никогда не давал.

Автор этих строк был членом Программной комиссии, созданной Съездом, и участвовал в обсуждении всех вариантов проекта новой Программы КПСС, а летом 1991 г. входил в ту узкую рабочую группу (А. Я. Дегтярев, В. В. Калашников, В. В. Рябов^{III}), которая редактировала последний вариант. Проект был опубликован 8 августа 1991 г. для обсуждения и подготовки партийного съезда, намеченного на октябрь. Могу утверждать, что летом 1991 г. ни Горбачёв, ни кто-либо другой из лидеров партии даже намеком не предлагал разработчикам включить положения, которые бы означали отступления от принципов социализма. Речь шла о создании модели многоукладного рыночного социализма при сохранении командных высот в экономике в руках социалистического государства.

В то же время следует отметить, что в ближайшем окружении Горбачёва были люди помимо Яковлева, которые склонялись к социал-демократической модели и размышляли на тему о том, что КПСС должна разделиться на две части: «догматиков» и «перестройщиков», и последние примут программу социал-демократического характера. Мне трудно сказать, насколько Горбачёв прислушивался к тем, кто подталкивал его к расколу с «консерваторами», но, вероятно, он не исключал такого хода событий, поскольку боялся, что на очередном съезде делегаты не переизберут его на пост генсека. Опасность раскола партии действительно стала очень острой на Апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС. Возник момент, когда Горбачёв, не выдержав критики в свой адрес, объявил об уходе с поста генсека. Если бы большинство членов ЦК приняло его отставку и в нарушение Устава избрало бы нового генсека, раскол был бы неизбежным. Однако в этот критический момент и сам Горбачёв,

и та группа секретарей обкомов, которая стояла за массовой критикой в адрес генсека, пришли к выводу о том, что раскол КПСС резко ослабит позиции коммунистов всех течений, а главное — ускорит развал СССР. В тот момент только единая КПСС удерживала СССР от распада и в принципе имела все шансы (до злополучной акции ГКЧП) сохранить союзное государство, включая его славянское ядро. Июльский Пленум ЦК показал готовность оппонентов в составе ЦК к компромиссу.

По моим наблюдениям, Горбачёв, уезжая в Форос, все же верил в возможность запустить процесс подписания нового Союзного договора и выиграть борьбу на октябрьском съезде КПСС на основе представленного проекта новой Программы КПСС. Последние указания, которые я получал от генсека перед введением ГКЧП, были связаны с требованиями активной пропаганды проекта Программы — Программы обновленного демократического социализма.

Интеллектуальный потенциал. Прямо скажу, что до личных встреч с Горбачёвым я не очень высоко оценивал его интеллектуальный потенциал. Его манера говорить, кое-какие словечки в лексиконе, выдавали в нем в общем-то не очень хорошо образованного человека. Хотя в сравнении с Брежневым Горбачёв был человеком иного культурного уровня. В то же время Андропов, пожалуй, превосходил Горбачёва по интеллекту и уровню образования и культуры. Мои первые встречи с Горбачёвым произошли в период работы XXVIII съезда КПСС, когда автор этих строк, избранный делегатом съезда, был включен в комиссию по разработке нового Устава КПСС. Комиссия была большой — около полусотни членов, но после пленарного заседания реальная работа проводилась в маленькой рабочей группе, которая была собрана А. И. Лукьяновым по поручению Горбачёва с очевидной задачей внести минимальные поправки и в целом одобрить и вынести на съезд тот проект нового Устава, который был подготовлен в недрах ЦК до съезда при решающем участии Лукьянова и Горбачёва. Однако этот план был сорван. Ряд членов Комиссии по Уставу, представлявших авторитетные партийные делегации, хотели радикальных изменений, смысл которых можно выразить одной фразой: партийные органы всех уровней должны на деле избираться снизу, а не формироваться сверху. Мотивы понятны: партия устала от «умирающих генсеков» эпохи Брежнева. Неспособность ЦК вовремя поменять генсека ярко отражала слабость внутрипартийной демократии на всех уровнях. Эта ситуация подрывала авторитет партии, не позволяла ей удержать политическое лидерство в обществе в условиях демократизации. Ленинградская

областная конференция КПСС, собравшаяся накануне XXVIII съезда КПСС, приняла четкий перечень предложений в новый Устав и поручила делегатам партийного съезда от Ленинграда обеспечить их принятие. Моя задача состояла в том, чтобы озвучить и защищать эти предложения в ходе работы комиссии по Уставу. По окончании работы партийного съезда было решено провести второй этап областной партконференции, где делегаты партсъезда должны были отчитаться в том, как они исполнили поставленные перед ними задачи. Выполняя данное поручение, я начал при обсуждении каждого пункта Устава предлагать формулировки, которые не совпадали с теми, что озвучивал Лукьянов. В вежливой форме он попросил сотрудников из аппарата ЦК объяснить мне мои «ошибки», но меня поддержал секретарь парткома МГУ И. И. Мельников^{IV}, а также секретарь парткома КамАЗа В. А. Вылегжанин, которые привезли с собой похожие требования своих организаций. Фактически это и следующее заседания свелись к тому, что многие формулировки проекта, предложенного ЦК, были отвергнуты рабочей группой. Лукьянов доложил Горбачёву, и теперь рабочая группа несколько дней искала взаимоприемлемые компромиссы. Обычно работа шла вечерами, и поздно вечером приходил Горбачёв и смотрел, что у нас получалось. Что-то им принималось, что-то откладывалось на доработку. И с каждым разом он уступал нам все больше и больше, что отражало ту обстановку, которая сложилась на съезде, где многие делегаты не скрывали своего недовольства практикой внутрипартийной жизни. И в ходе работы с Горбачёвым я с удивлением обнаружил, что он очень быстро схватывает суть наших разногласий с Лукьяновым и предлагает свои более гибкие варианты норм Устава, хорошо представляя себе работу партийной машины на всех уровнях и тех последствий, которое могло вызвать каждое слово, внесенное в Устав. По окончании работы над Уставом он обычно пил какой-то витаминный коктейль и расслаблялся, излагал свои впечатления о ходе съезда, проверял наши реакции на различные моменты съездовской борьбы, легко и точно оппонировал, если мы давали к этому повод. Иными словами, простаком он явно не был и обладал большим политическим опытом. Впоследствии я в этом не раз убеждался и в итоге пришел к выводу, что Ельцин переиграл Горбачёва именно потому, что в критические моменты «рубил сплеча», не отдавая себе отчета о возможных последствиях, а Горбачёв, видя эти последствия, колебался и проявлял нерешительность. Горбачёв был умнее Ельцина, и в кризисных ситуациях именно поэтому ему проигрывал. 1991 год был эпохой кризисов.

Харизма. Как бы сейчас ни ругали Горбачёва люди, глубоко пережившие трагедию утраты социализма и союзного государства, нельзя отрицать, что Горбачёв как политик обладал харизмой. Она особенно ярко чувствовалась в первые годы перестройки, когда страна с радостью увидела нового молодого и энергичного лидера. Я помню восторженную встречу в Ленинграде, когда он вышел на площадь у Московского вокзала и был немедленно окружен большой толпой горожан. Все желали ему успехов в избранном курсе обновления страны. Со временем восторги поутихли, но те, кто близко общался с ним и в 1989 и в 1990 г. находились под влиянием его харизмы. Во многом это была уже харизма власти. Созданное веками чувство «наивного монархизма» сохранилось в русском народе, да и у других народов СССР, и оно проявлялось и по отношению к Горбачёву. Я наблюдал за реакцией многих людей в период работы XXVIII съезда КПСС, на Пленумах ЦК, различных совещаниях и т. п. В ходе общения большинство людей были в явном или скрытом восторге от возможности постоять рядом и тем более перекинуться одной-двумя фразами с лидером партии и Президентом СССР. Многие из его оппонентов и даже резких критиков при личных встречах вели себя подобострастно и были готовы уступить. Все резко поменялось после провала ГКЧП. Вернувшись в Москву из Фороса, Горбачёв делал одну уступку Ельцину за другой, и харизматичным лидером уже не был. Его странное и ничем не оправданное согласие на разгром ЦК и обкомов КПСС по всей стране, юридически незаконное, моментально лишило его поддержки всех тех, кто поддерживал курс «перестройки» и верил в ее инициатора. Нельзя отрицать правоту тех, кто оценил эти действия президента СССР как предательство. Их можно объяснить тем, что Горбачёв был психологически сломлен акцией ГКЧП и натиском Ельцина, но объяснить — не значит оправдать. Слабость можно простить обычному человеку, но не вождю.

Главная ошибка — не учел важности национального вопроса и опасности обострения национальных проблем в условиях гласности. Горбачёв начал кампанию гласности с тем, чтобы обновить кадры на местах. А на деле в условиях гласности во всех республиках разные силы и в разных целях стали использовать национальную карту: вспоминать прежние обиды и решать нерешенные (зачастую неразрешимые) проблемы. А это порождало кровь.

В Нагорном Карабахе кровь пролилась уже в 1988 году. В апреле 1989 года она пролилась в Грузии, потому что абхазы захотели независимости от Грузии, а грузинские националисты использовали шаг абхазов

для провоцирования кровавого столкновения в Тбилиси. Потом прибавили заговорили о своем суверенитете. События на окраинах подготовили почву для «демороссов» в России, которые использовали авторитет Ельцина для принятия декларации о российском суверенитете, согласно которой законы России ставились выше союзных. Механизм распада был запущен. Остановить его можно было только жесткими мерами. Горбачёв как политик к этому был не готов. Все остальные проблемы, несмотря на их важность и сложность, имели решения.

В. И. Карасёв **О ЛИЧНОСТИ М. С. ГОРБАЧЁВА**

То, что мы говорим, о чем думаем, пишем или исследуем, практически никогда не бывает произвольным. Спонтанным, да, в силу эмоционального состояния или внешнего потрясения. Но произвольным, независимым от того времени и места, в котором мы располагаемся, и осознания собственного существования в нем, такого с думающим человеком, по-моему, не бывает никогда.

Долгие тридцать с лишним лет я не помышлял писать строки, которые соответствовали бы мемуарному жанру. И не только потому, что субъективизм делает его не научным источником, а беллетристикой, а оттого, что считал, что мемуары — это признак политической и научной импотенции, их пишут тогда, когда уходит умение что-то делать. Но последнее время показало возможность несколько иного прочтения исторической ситуации, применительно к ее субъектам.

Да, время и возможности активного участия в политическом процессе ушло, но не окончательно, шанс делать свою работу есть. Но вдруг мне представилась картина происходящего процесса с той точки зрения, где стало видно, что с политической сцены и просто из жизни уходят не только личности, но все поколение, которое было носителем уже иной социалистической формы жизнедеятельности.

И вот это уже не субъективизм. Это тризна по единственному в писаной истории современного человечества носителю и хранителю качественно нового, более высокого уровня развития мировоззрения, мироощущения и деятельности, новому историческому укладу и новой исторической общности — Советскому Народу.

Поэтому я и посчитал возможным высказаться не только в объективно-научном или идеологическом, но и в субъективно гражданском,

человеческом аспекте. Это уже не личное, это уже часть памяти моего великого народа и его прошлого.

Но вначале все-таки несколько страниц о том времени, в котором мы жили. Немного, но по существу.

Мне представляется, что во все переломные эпохи, в периоды социальных потрясений — а наше время 1980–1990-х гг. таким и было — и социальных революций интерес к прошлому и стремление найти в нем объяснение настоящему и основания для предвидения будущего становятся всеобщими, охватывая политиков и ученых, бизнесменов и работников искусства, педагогов и юристов.

Так как различные социальные силы в различные исторические эпохи одобряют и порицают различные нормы и эталоны, то в исторических сочинениях, отражающих прошлое с позиций своей эпохи, преобладают то одни, то другие краски. То одни, то другие герои выходят на авансцену или прячутся за занавесом. Проектор исторического познания выхватывает одни ситуации и оставляет во мраке другие.

С этих позиций представляется возможным говорить об удовлетворении потребности человека и социума, возникающей по мере развития политической деятельности и самой политики как особой сферы. Политика тесно связана с правом, с государственно-правовым регулированием различных внутренних и внешних конфликтов. Такое регулирование часто нуждается в особой аргументации, опирающейся на исторические сведения. Обращение к прошлому в поисках исторического прецедента давно является обычным актом политической и юридической практики.

Еще важнее и интересней стремление политических лидеров, руководителей партий и организаций извлечь определенный опыт из прошлого. По этому поводу выдающийся русский историк В. О. Ключевский писал: «История, говорят не учившиеся истории, а только философствующие о ней — Гегель, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение ... История — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благоденствие»¹.

¹ См.: Ключевский В. О. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 83.

События второй половины 1980–1990-х годов уже перешли в компетенцию историков. И сейчас как никогда необходим объективный, и главное, конкретный анализ.

Социальный порядок не случаен, писал П. А. Сорокин, он есть продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу. Это — итог вековых усилий, опыта, стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни.

Каждое стабильное общество, сколь бы несовершенным оно ни казалось с точки зрения «незрелого» радикализма, тем не менее является результатом огромного конденсата национального опыта, опыта реального, а не фиктивного, результата бесчисленных попыток, усилий, экспериментов многих поколений в поисках наиболее приемлемых социальных форм.

Данный методологический подход позволяет рассмотреть особенности революционной ситуации в России 1980–1990-х годов, ее исторические предпосылки и основные факторы.

Революционные изменения, происходящие в общественном организме, реализуются через социальные и политические каналы. В этом случае можно говорить о социальных и политических революциях, характером которых определяется как степень глубины и качества общественных изменений, так и вероятность прогноза ее завершенности. Весь вопрос в том, совершается ли политическая революция в период складывания необходимого основания, то есть соответствует ли она готовому социальному материалу или нет.

В первом случае политическая революция совпадает с социальной. Отмена старой власти фактически закрепляет отмену всего политического строя старого общества, в той, конечно, степени, в какой это является необходимым и достаточным для проявления качественных свойств нового общественного строя.

Во втором случае политическая революция осуществляется на гребне социальной, но не совпадает с ней. И переходный период, с этих позиций, есть превращение политической революции в социальную, политического общества в гражданское, его превращенных форм в действительную историю.

При этом первичным, главным фактором в процессе осуществления этого революционного превращения в действительности выступает политическая власть. Ее формы организации и методы осуществления становятся решающим условием развития общества. От того, насколько

мероприятия власти будут совпадать с интересами общественного развития, то есть *в какой мере политика будет отражать закономерности* и тенденции развивающейся экономики, — зависит путь и результативность революционных преобразований.

Следовательно, экономические законы исторического развития неизбежно выступают мощным источником подвижек в общественном сознании; что, в свою очередь, порождает стремление изменить реально существующее положение вещей со стороны масс и выражающих их настроение общественно-политических структур. Задачей же собственно политических институтов власти является обеспечение коренных изменений в экономике, обязательно опираясь на единство экономических условий и форм организации власти.

Такой поход позволяет сделать вывод о том, что из-за неподготовленности всей совокупности материальных и духовных условий социальная революция 1917 года в России оказалась *незавершённой*, остановившись на своей политической фазе. Сложилось государство нового типа, формально и на абстрактном уровне вобравшее в себя признаки социализма.

Но формации не возникло, так как в реальности отсутствовали принципиально новые формационнообразующие основания. Это касается, если говорить о характере деятельности, — разделения труда; а если вести речь о ее результате, то — об отношении собственности. Следовательно, принципиально нельзя вести и речи о качественно иных, чем прежде, именно в формационном смысле, социально-экономических, политических и идеологических отношениях. Одна, военно-феодалная, форма внеэкономического принуждения сменилась другой — командно-административной.

Но этот анализ касается конечного результата, то есть конкретной ситуации, сложившейся к концу 1980-х годов в нашей стране. Исторический же период субъективного движения по пути к социалистическим идеалам и мог, и реально осуществлялся в технологических и организационных процессах становления уже иной, более высокой формы общественного производства и социальных отношений.

То есть несмотря на то, что в политической и социально-экономической сферах, в силу отмеченных ранее причин, сложилась кризисная, стремящаяся к стагнации, ситуация, — в отношениях материального производства, структуры и организации народного хозяйства, прежде всего в базисных сферах, наметился революционный скачок в сторону социального прогресса (формационного сдвига).

Не социализм исчерпал себя, реально он не состоялся, и, следовательно, ситуация 1980-х годов не могла стать толчком к его распаду. Революционные, по своей сути, производительные силы общества переросли ту форму общественных отношений, которая реально сложилась в стране.

Процессы, начавшиеся в экономике, стали отрицать внеэкономическую систему принуждения; экономический, то есть действительно социальный, характер общественных отношений перерос уравниловку командно-административной системы; складывающееся гражданское общество отторгло авторитарно-партократическое государство; сознание людей, воспитанных на потенциале действительного социализма, переросло догмы псевдомарксистских идеологических штампов.

Все это означало, что в стране сложилась настоящая революционная ситуация. Но, как всегда в исторической практике России, с неопределенным вектором.

К. Маркс не случайно писал, что все новое в своем начале всегда маскируется под одеждой старого. Так же, как это было верно для его времени, данное положение полностью оправдало себя в ходе реализации общественно-исторического идеала Великой Октябрьской социалистической революции.

Новое, заявив о себе в идеологии и теории обществознания, продекларировав свои задачи в первых декретах Советской власти, — быстро обрядилось в старые и очень знакомые для России одежды. Под флагом общественной собственности на средства производства и идеологии социального равноправия на практике реализовал себя запредельный этатизм и соответствующие его уровню и характеру в России конкретные формы экономической, политической и профессиональной стратификации.

Таким образом, сущностью и основным содержанием эпохи Советской власти с 20-х годов стало не укрепление социализма в его внутренних имманентных качествах, а складывание государственно-монополистического капитализма, что, в сущности, как качество переходного периода от классического капитализма в иную форму социального устройства суть одно и то же.

Следовательно, исторический вызов, проявившийся в начале XX столетия во всем мире (по крайней мере, в его цивилизационном авангарде), стержнем которого была проблема отрицания капитализма как эффективной общественной системы, — получил в России не исключительную, отличную от западных, — а абсолютно тождественную и адекватную историческим условиям форму, способ реализации которой был

лишь конкретизирован уникальностью исторической ситуации в России и своеобразным характером ее этногенеза и социальной истории. С различными, определяющими ситуационно и исторически вариациями, этот ответ был получен и в США — в «новом курсе» Рузвельта, и в тоталитарных формах строения социумов в политических системах империализма Германии, Италии, Испании и Японии.

В нашей стране ответ на исторический вызов цивилизационного сдвига и модернизации был дан в форме реального социализма, обо всем периоде которого можно говорить как о растянутом в нашем историческом времени переходном периоде.

Это стало возможным, во-первых, потому что Октябрьская революция, вслед за Парижской Коммуной, фактически осуществила попытку дать ответ на ПОЛНЫЙ ОБЪЕМ исторического вызова — переходу не к модернизации, понимаемой как одна из фаз системного развития, а к смене качественно различных, по характеру и уровню организации, социальных систем. Во-вторых, потому что переход начался в отсутствие благоприятных сопутствующих внешних факторов; наоборот, именно они, включая постоянную военную угрозу, во многом жестко детерминировали процесс застывания революционного импульса в границах переходного периода. И, в-третьих, в действительности, в силу исторического своеобразия России, ее истории и современности.

Еще более рельефно подтверждается этот вывод последующими десятилетиями истории России (СССР).

Как и весь ареал эпицентра мирового развития, Россия получила исторический вызов смены вектора движения. Если учесть, что субъективно самоидентифицирующая себя с социализмом, общественно-политическая система России (СССР) в действительности представляла из себя феномен, который был четко и ясно описан К. Марксом в «Немецкой идеологии» и подготовительных материалах к «Святому семейству» — грубый, номенклатурно-бюрократический социализм, который не только не преодолел частной собственности на средства производства, но еще даже не дорос до понимания ее эффективности в тех пределах, в которых она явилась основой классического капитализма. То есть фактически она представляла собой своеобразный, опосредованный историей и традицией российского пути вариант государственно-монополистического капитализма, причем крайний, запредельный вариант его развития, абсолютно недостижимый для современных либеральных систем. Если понять это, то многие факты истории современной России

и тенденции ее исторического выбора становятся объяснимыми и получают качественно иную окраску, чем та, которую на все лады используют практикующие политологи и социологи нынешнего политического режима.

Прежде всего, принципиально иное осмысление получает процесс складывания революционной ситуации в России 1980–1990-х годов, механизмы ее возможного разрешения и цели участников политических событий. И, главное, прорисовывается абрис, контуры того качественно, принципиально нового социального организма, формирование которого в современных условиях можно как раз и представить себе в процессе снятия «маскировочных одежд» старого, монопольно-государственного образца.

Речь идет о том, что объективное содержание исторического вызова заключалось в признании неэффективности не только классического капитализма, но и государственно-монополистических форм его функционирования как системы. В России к этому периоду весь набор социальных фактов, свидетельствующих о готовности дать адекватный ответ, выразившийся в феномене революционной ситуации как следствии всеобщего системного кризиса доминирующего этатизма, — был налицо.

В стране в полном объеме реализовало себя общество, характерными признаками которого были: низкий уровень развития производительных сил (экстенсивное развитие народного хозяйства не причина, а логическое следствие содержания и конструкции общественного организма); предельно огосударствленная собственность на средства производства; внеэкономический способ принуждения как основа всей совокупности производственных отношений и, следовательно, самого общества; монополия государства как политического общества; автократия и партийно-государственная идеология как господствующий символ веры взамен научного мировоззрения.

Основными противоречиями общества «реального социализма» являлись следующие: противоречие между все возрастающим обобществлением процесса труда и государственно-монополистической формой присвоения и централизованного распределения его результатов; между всей массой труда и противостоящей ей административной системой; между всеобщим наемным работником (от рабочего до академика) и бюрократией как господствующим сословием; между обществом и государством.

Государственная монополия собственности, абсолютизированное государство и иллюзорность общественного сознания вызвали к жизни

всеобщий кризис, который, с силой общественного закона, вскоре превратился в системный.

Под давлением бремени неразрешимости, в старых границах, сложившихся объективных противоречий в стране началась перестройка.

Ее качественной особенностью явилось то, что началась она не под давлением снизу, а с осознания частью правящей бюрократии невозможности управлять по-старому, ее уже не слушался механизм, хотя общественное сознание еще находилось в плену иллюзий. Таким образом, на первоначальном этапе своего развития перестройка не означала (и не могла означать по определению) ничего иного, кроме как попытку наиболее дальновидной части партийно-государственной верхушки пожертвовать *частью* своих прав во имя сохранения *целого* — *политической власти*.

Единственный шанс нового руководства страны сохранить существовавшие структуры, не разрешив глубинных противоречий общественного развития, да еще при наличии сильной оппозиции по отношению даже к политике «косметического ремонта» со стороны значительной, если не подавляющей, части бюрократического аппарата, — заключался в возможности опоры на прямую поддержку народа. Что и было сделано.

Но, в силу объективных закономерностей, именно этот шаг партийно-государственного руководства привел к совершенно парадоксальному результату: не к снижению социальной напряженности, а к лавинообразному разрастанию всеобщего кризиса системы.

Гласность не просто высветила негативные моменты истории и современного развития России, она заставила общество СОДРОГНУТЬСЯ, но — не дала ответа на вопрос, как выйти из тупика.

Демократизация, по крайней мере формально, разрушив старые институты власти, не смогла сформировать действительные экономические и политические органы общественного и политического управления. Народ, потенциал которого начали высвобождаться, не получив возможности реализовать их в свободном труде на свое собственное благо, направил все свои силы на процесс борьбы с конкретными, на взгляд масс, виновниками кризиса.

Противоречия общественной жизни не только не получили разрешения, их острота достигла наивысшего предела, и они, как нарывы, стали просто-напросто рваться. Людям, доведенным до крайней степени отчаяния, не показали, что в основе всех трагедий: национальных, государственных, личностных, — лежит общее основание и что, следовательно, только

уничтожив или перестроив это основание, можно решить практически все назревшие общественные проблемы, — этим людям было предоставлено право решать и выбирать. И это было очередной *чудовищной ложью*.

Как можно выбирать, если не имеешь возможности хотя бы знать, из чего состоит этот выбор. Как можно решать, если нет информации, нет материальных ресурсов, не подготовлена, даже теоретически, новая система и, адекватные ей, институты власти и управления.

Таким образом, начальный этап перестройки лишь добавил к существовавшим основным противоречиям серьезные противоречия в механизмах их разрешения. Противоречия между требованиями народа немедленно изменить существующие порядки и наладить жизнь и реальной невозможностью для государства удовлетворить эти требования; между необходимостью изменения форм и методов управления и вопиющей некомпетентностью тех людей, в руки которых попали политическая власть и рычаги экономического управления; между необходимостью демократизации гражданского общества и тенденцией к усилению властных функций государства; между необходимостью поднять уровень культуры и низким уровнем тоталитарных форм общественного сознания.

Стагнация государства и его социальная деятельность, как два полюса магнита, породили ситуацию, характеризующуюся двумя полярными, антагонистическими качествами.

Во-первых, являясь даже не государственно-монополистическим, где есть хотя бы несколько центров власти, а собственно идеологическим государством, единственным субъектом властных отношений в лице партийно-хозяйственного аппарата, оно довело процесс отчуждения членов общества от собственности и, следовательно, всего объема прав и свобод до ЗАПРЕДЕЛЬНОЙ черты. И, тем самым, воссоздав, в иных конкретно-исторических условиях, ситуацию 1905 и 1917 годов, восстановило против себя все общество.

Здесь корень как того колоссального антагонизма между обществом и государством, и, по преимуществу, негативной направленности энергии масс, так и понимание того, почему любое частное движение: национальное, религиозное, политическое — закономерно превращалось не в элемент частной борьбы интересов, а в антигосударственную силу. С отменой шестой статьи Конституции СССР тенденция, исчерпав себя, по существу, превратилась в прикрытие уже не революционных преобразований, а в лозунг *антицивилизационного сдвига*, приведшего к социальной и национальной КАТАСТРОФЕ.

Во-вторых, и вот это, несмотря на свою действительную важность, по незнанию или нежеланию знать, остается в тени, — это наличие того исторического факта, что, за исключением идеологически заангажированной части бюрократической и интеллектуальной элиты, АБСОЛЮТНОЕ большинство всех социальных слоев общества выступило не против, а ЗА социалистический выбор исторического развития страны.

И дело совсем не в том, что в условиях якобы «генного страха» об этом боялись говорить. Нет, гены заговорили позднее, после августа 1991 года и октября 1993-го, Чечни и «криминальной революции», а в то время обо всем, в силу гласности как политической кампании, можно было спокойно говорить. Действительный *социальный факт* заключается в том, что развитая индустриальная основа государства и его социальная политика выполнили свою историческую функцию.

Наряду с экономическим потенциалом государственной монополии, стагнирующие рамки которого социалистический уклад реально перерос, управляющие — бюрократы — породили и своего могильщика — массовое социалистическое общественное сознание. Это факт. Где в мире, в каком обществе и государстве, в какое историческое время народ выступал с абсолютно тождественными, едиными, народными по форме и социалистическими по содержанию, требованиями к государству? Где еще государство понималось гражданами *как свое*, право и распоряжение функциями которого и контроль за осуществлением властных полномочий которого и конституционно обеспечивался, и реально был правом каждого трудящегося в СССР?

Революция восьмидесятых не носила антисоциалистический и антисоветский характер. Даже не антигосударственный, в полном объеме этого понятия. Она была направлена против сословия управляющих, привилегии и место которых отождествлялись не с государством как системой Советской власти, а с Центром как средоточием незаконно присвоивших себе функции власти народа — партийно-хозяйственных бюрократов.

Не вдаваясь сейчас в детали, зафиксируем, что объективная возможность становления, то есть начала реализации действительно социалистических идеалов, в условиях революционной ситуации 1980–1990-х годов, — *не была реализована*.

Во-первых, потому что импульс социальной активности трудящихся спал раньше, чем подоспела возможность радикальных преобразований в этом направлении; во-вторых, практически вся энергия ушла на реализацию негативной тенденции и, в-третьих, власть и собственность

не изменили свой статус качественно, а только пространственно. Те же, прежние, формы и методы переместились, с помощью национальных элит, из центра в независимые государства и регионы.

С августа 1991 года, под лозунгом капитализации, практически был взят курс на контрреволюцию, естественно, не в форме представлений 1930-х годов, а по существу преобразований, их методологической основы и социальных технологий. Причем характерно, что этот курс выступает в негативном качестве не только по отношению к революционной ситуации 80-х годов, но и по отношению к общецивилизационному вызову эпохи, как попытка вернуться в домонополистический мир классического либерализма середины позапрошлого столетия.

Сами декларации и манифесты узкой элиты не имеют решающего значения, важна политическая воля того социального слоя, который, реализуя свой интерес, поддерживает тем самым существование режима. Но, во-первых, такого слоя пока еще нет; во-вторых, сознание народных масс социализировано; в-третьих, «демократический» реформизм, в реализуемой форме, АНТИИСТОРИЧЕН, он противоречит российской традиции и не несет в себе положительной прогрессивной нагрузки.

Следовательно, мы имеем дело вновь с переходным периодом и ситуацией «революции управляющих», имеющей, правда, специфические особенности. Так, впервые управляющие — государственная бюрократия — выступают не как функция государственного аппарата, обслуживающая даже в переходный период чужие интересы, а в качестве субъекта собственного политического интереса — конверсии статуса власти в реальную собственность. Но, так или иначе, в результате мы вновь обнаруживаем перед собой *переходный период*.

Его можно трактовать как переход от государственного монополизма к либеральному обществу, хотя для такого понимания нет достаточных исторических предпосылок и готовности субъектов общества к мобилизации на борьбу за чужие интересы.

Но его можно понимать и по-другому. Как первую, негативную флуктуацию в границах реализации исторического вызова — промежуточное состояние вынужденного отката, перегруппировки сил и материальных возможностей перед новой цивилизационной волной исторического прогресса — неизбежно гуманистической по своему содержанию.

Объективная логика, когда бросишь взгляд на эти события с позиции сегодняшнего дня и сравнишь их с ходом мирового процесса, приводит к тому, что единственно неизбежным, как бы запрограммированным результатом

должна была стать отмена государственно-монополистического капитализма как крайней степени неэффективности существовавшего в то время способа производства. И, как бы странно это ни звучало для стратегов и теоретиков правящего режима, — в России, как и во всем мире, на этот вызов был получен абсолютно адекватный ответ. Доминирующий этатизм, как стержень тоталитарного режима, был демонтирован. Вторая часть вызова требовала перехода к новой, иной системе социального устройства, двигателем, самовоспроизводящим его основные параметры, — должен был бы быть уже не капитал как самовозрастающая стоимость, а труд.

Аналогичность мировому уровню ответа на эту часть вызова во всех цивилизационных центрах, включая Россию, поразительна. Полного, исчерпывающего ответа на него не дала ни одна держава. И, если атлантическая и континентально-европейская парадигмы определили официальный курс как частичный отказ от жесткого регулирования и монополизации к схеме классического либерализма, хотя и здесь уже несомненным социальным фактом стал переход от правового государства к социальному; если Китай, а с ним группа периферии, провел модернизацию в рамках классической идеологии социализма, и также со сменой научной парадигмы, — то на вторую часть вызова ответ и здесь не является полным, и он по преимуществу детерминирован характером и остротой сложившихся противоречий, исторической традицией и господствующей ранее идеологией.

В качестве вывода можно сказать следующее. Направленная своим острием против извращений государственного монополизма, понимаемого как социализм, революция 1980-х годов в России ни объективно не детерминировала, ни субъективно не отражала желания и чаяния советских людей на слом советской социалистической системы, развал могучей державы — СССР.

И, если субъективный характер рефлексивного осмысления во всех слоях, особенно трудящихся, изменяется прямо на глазах, то объективное содержание исторического вызова однозначно определяет вектор социального прогресса. Им уже не может быть ни «дикий капитализм», ни империализм.

Действительная правда и логика истории заключена в том, что, сбросив «маскировку» — оковы бюрократического наследства, — идеология и практика социалистических общественных отношений станет главным содержанием социального развития, возможно, в более мягкой социал-демократической форме.

Это обращение к некоторому историческому анализу необходимо перед тем, как говорить о личных впечатлениях и участии в процессах и отношениях.

Вопрос еще и в том, что есть еще один фактор, который говорил о переломности тех лет и спаде нынешнего времени. Речь о взаимоотношении личности и истории, субъективного и объективного в ней. Еще в 90-х гг. в книгах по лидерологии я заметил, что приметой процесса кардинальных и социально значимых перемен в социальном поле выступает наличие не одного лидера, а плеяды политических звезд, различной величины и разной направленности, но ярких, харизматичных и несущих в себе определенный заряд конкретной части общества.

Так было всегда, достаточно посмотреть на все революции, смуты и иные потрясения. Это проявилось и в революционной ситуации восьмидесятых годов. Социальное поле получило некоторое количество лидеров, которые быстро заняли нужные позиции в его пространстве. М. С. Горбачёв, Б. Н. Ельцин, А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, А. А. Собчак, Н. А. Андреева и др.

При этом сейчас, согласно запросу, говорить я буду о верхнем эшелоне власти и его лидере в эпоху перестройки, М. С. Горбачёве.

Уже в анализе было отмечено две тенденции: страна и народ поднимались на объективной волне революционной ситуации; партийно-государственная верхушка, которая после хрущевских метаморфоз четко перешла на осознание политики не как отношения власти и масс народа, а как подковерной циничной игры чиновников от партии и бюрократов хозяйственных отраслей, взяла курс на видимость социально-политических изменений с целью только сохранения своей политической власти.

При этом и в верхах, как представляется, была некоторая часть, которая принимала, как вначале и народ, лозунги мимикрирующей власти на веру. Тогда как основная масса перестройщиков выполняла волю приобретающей силу партийно-государственной бюрократии сначала на перехват политической власти, а затем, с упрочением ельцинизма, — на ее конвертацию в экономическое богатство.

Когда я выходил в качестве кандидата в народные депутаты СССР, я понимал, что стою на коммунистических позициях, но резко против партийно-бюрократической верхушки.

Этот уже практически по доминанте не классовый, а сословный характер отношений в СССР в 1980-х гг. уже стерся и из сознания «правых»

и из идеологии «левых», и сегодня в аппаратах их штабов представители сословия советской номенклатуры. А именно это противоречие всего советского народа, от слесаря до академика, против касты избранных чиновников и — составило стержень негативной реакции социума.

Верхушка, по крайней мере та ее часть, к которой принадлежал М. С. Горбачёв, реально отдавала себе отчет, что дальше в существующей парадигме ей места нет. И, как я уже написал, они и устроили имитацию реформирования социалистического общества, во-первых, не собираясь этого делать на практике, и, во-вторых, не имея ни идеологии, ни стратегии возможных действий. Надо было выпустить пар, смягчить наиболее острые углы и остаться на своих местах. Вот это и был курс М. С. Горбачёва, изменить форму, сохранив ее содержание.

Когда я пришел на съезд народных депутатов, я уже все это четко представлял и с момента заседания партийной группы народных депутатов накануне Первого съезда жестко с этой позиции выступал.

Но, пропуская событийные ряды и личные характеристики, когда с ходом времени я увидел разномастность и в большинстве неподготовленность основной части депутатов к осознанию необходимых политических решений, и увидев, как по-человечески воспринимают реальность некоторые представители партийных верхов, я пришел к выводу о том, что корректировать данную ситуацию на фоне единого на всей территории массового отрицания возможно либо примкнув к нему, как и сделал Б. Н. Ельцин, либо пытаясь изменить стратегию и тактику организаторов перестройки. Я выбрал второй вариант.

С этой точки зрения выигрышным я считал как раз то, что потом многие, да и сам М. С. Горбачёв, стали трактовать по-иному. Я присутствовал при разговоре членов Политбюро, когда прибывали народные депутаты от Компартии Литвы, уже говорящие о самостоятельности. Взрыв негодования, доходящий до ненависти, Генерального секретаря я не мог даже представить. И с того времени по всем чертам поведения я твердо знал, что М. С. Горбачёв никакой не демократ, он плоть от плоти партийной номенклатуры, и никакой властью ни с кем он делиться не намерен, именно это давало возможность перенаправить его волю в направлении укрепления левого крыла. Такую попытку на Апрельском 1991 года Пленуме ЦК КПСС и предприняли В. И. Болдин, Ю. В. Голик, В. А. Ярин и я. В перерыве на эмоциях М. С. Горбачёв дал обещание, но после перерыва выяснилось, что он пошел на примирение с теми, кто требовал его отставки, а они бурно ему аплодировали.

За пару дней до отставки, вечером, М. С. Горбачёв позвонил мне и пригласил меня и мою группу в составе В. А. Ярина, Г. В. Семенов и Л. И. Швецов¹ к себе в кабинет, там мы пили чай. Я доложил Президенту СССР, что впервые за последние месяцы, судя по разговору с большинством руководителей областей, общественное мнение вновь на стороне центра, а не его противников, и попросил его не сдаваться. М. С. Горбачёв очень бодро, даже как-то по-домашнему сказал с улыбкой: «Не дождутся». А через пару дней был опущен флаг СССР.

За время работы с Президентом СССР я взял многое. Он дал мне возможность узнать, как выстраивается политика, механизм принятия и реализации решений. У меня сложилось мышление, которое я бы назвал основой государственного, это то, чему на улице не научиться.

В моей рабочей памяти М. С. Горбачёв остался как очень, что бы ни говорил кто угодно, умный человек, ловящий мысль на лету. В личном общении добрый и приятный человек. Я точно знаю, что Горбачёв не предавал и не продавал ни Родину, ни страну. Он делал то, в правильности чего был убежден.

Но вот с правотой дело сложнее. Генеральный секретарь КПСС и Президент СССР имел такую полноту власти, которой трудно сказать, кто в мире мог обладать. Но природу этой власти он понимал сугубо с сословных номенклатурных позиций, что напрочь разъединяло его и народ.

Ни он, ни его приближенные не обладали идеологической мощью марксизма, скорее наоборот. Более того, характерной чертой Президента была зависимость от людей, которых он считал сильными или умными. Так, он практически глядел в рот А. Н. Яковлеву, а кто это такой, сегодня уже знают все профессионалы. Повторяю, у Горбачёвской части верхушки не было собственной идеологической и теоретической модели того, что необходимо было делать.

Прежде, чем продолжить эту характеристику, хочу сказать еще раз о том, что мне в М. С. Горбачёве нравилось.

Во-первых, он сделал то, что сделать надо было давно, открыл стране двери в будущее. А как именно мы этим воспользовались, это тот вопрос, который большинство населения СССР не готово задать себе. А без опоры на это население ельцины, кравчуки и шушкевичи никогда не смогли бы победить.

Во-вторых, он пытался отстоять то, что начал, но этого ему уже было не дано. Когда Горбачёв «включил» гласность, это было в тех условиях

страны практическим самоубийством и политической системы, и самого Горбачёва.

В-третьих, я уважаю, и мне плевать на все домыслы, его чувство к своей жене. Даже смотреть на это было трогательно. И он всегда ее защищал, старался не давать в обиду, хотя никогда не рекламировал ни ее, ни их отношений.

В-четвертых, после политической отставки он, единственный в нашей истории, поднялся и пошел на выборы. Факт, который сам по себе феноменален и для истории СССР, и для истории России.

В-пятых, в отличие от ельцинских и путинских бывших премьеров и вице-премьеров с советниками, М. С. Горбачёв никогда не лил грязь на Родину и ее народ.

Но политика — там, где ее делают миллионы, они сделали Ельцина и «похоронили» М. С. Горбачёва, вместе со страной и социализмом.

Потому что при личных человеческих качествах, Михаил Сергеевич Горбачёв был не в своём времени и не на своем месте.

Как политический деятель, испугавшись «крови», он струсил, и в отличие от лидеров Китая, сам сдал свою власть. Умный по способностям, он не был государственным деятелем, и тем более марксистом-ленинцем, в полном объеме понимания. У него не было ни трудов, ни мыслей о будущем мира и страны.

Вообще, самым страшным и странным итогом стало то, что победил не капитализм, а Ельцин и компания, а проиграл Горбачёв, единолично отдав власть в другие руки. О советской власти, социализме и народе не думал ни тот, ни другой. Закончить этот маленький штрих я хотел бы тем, что сказал М. С. Горбачёву, когда он начал выборную кампанию по избранию Президента России.

— Валентин, как ты оцениваешь то, что я пошел на выборы?

— Михаил Сергеевич, считаю это почти подвигом, но хочу сказать, что политический результат в выборах будет на нулевой отметке.

— Но почему, Валентин, когда я провожу встречи, приходит громадное количество людей и общение зашкаливает.

— Уважаемый Михаил Сергеевич, прошу простить, но когда вы умрете, к вашей могиле всегда будет приходиться много людей. Хороши или плохи, но Вы наша история. Это всегда будут помнить. А в политике с определенных событий вы на zero. Это надо понимать, но делаете Вы все правильно.

Вот и завершить я хочу тем, что М. С. Горбачёв, как человек, это один аспект, но то, что он участник и один из непосредственных виновников уничтожения СССР, советской власти и социализма, — это иной, и долго болезненный, для людей и страны аспект.

Н. А. Куценко
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРБАЧЁВЕ

Когда мы приехали на Внеочередной Третий съезд, когда решался вопрос о выборе Горбачёва в Президенты, я единственный, кто обратился к нему с предложением: Михаил Сергеевич, снимите свою кандидатуру и не позорьте страну. Народ страны должен избирать Президента, если возникла такая необходимость, но для этого надо внести изменения в Конституцию страны — пока у нас нет высшего должностного лица — Президента. Лукьянов даже хотел меня оттащить от трибуны. Я обратился к депутатам, призывая их не принимать участия в этом спектакле. Я покидаю зал и не намерен голосовать сегодня. Таким образом, когда я вернулся в зал, Лукьянов уже докладывал результаты и объявил, что я увел с собой 196 депутатов, не принимавших участие в голосовании по избранию на пост Президента. Все депутаты, которые не принимали участие в голосовании, забрали свои бюллетени розового цвета с собой. Горбачёв назвал меня в этой связи самым дерзким депутатом страны. Я его спросил: Михаил Сергеевич, дерзким, но справедливым? А он ответил: это не обсуждается.

Когда он пришел уже в ранге Президента страны в зал, я демонстративно не встал. Это заметили. Минут через десять ко мне подошел Генеральный прокурор СССР Сухарев¹ и сказал: Николай Антонович, я хочу Вас представить Раисе Максимовне. Я пошел с ним к ложе, где она находилась — в руках у нее был огромный букет цветов, она была в красном платье.

Сухарев подвел меня к ней, начал представлять, а она заявила: не надо его представлять, я его знаю. Молодой человек, Вы же знали, что трансляция съезда идет на весь мир? Но Михаила Сергеевича избрали. Вы не могли бы сейчас выйти на трибуну и принести публичные извинения? Я спрашиваю: за что? Если бы Михаил Сергеевич выставил свою кандидатуру на всенародных президентских выборах, я поехал бы на Украину, поднял бы всю республику и агитировал только за него.

Она просияла и сказала: если у Вас такая причина, то она принимается. Она мне вручила свою визитку: на пластике каллиграфическим шрифтом было написано просто — Раиса Максимовна Горбачёва. Я ей сказал: оригинально. Она ответила: оригинальнее не бывает: мне ее подарила Маргарет Тэтчер.

Когда были похороны Раисы Максимовны, я пришел на них, подошел к Горбачёву и, принеся слова соболезнования, вручил ему эту визитку. Он сказал: спасибо Вам, Николай Антонович, у меня уже не осталось ни одной такой визитки. Ему было приятно.

Я видел Горбачёва в последний день его президентства. Мне позволил его помощник [В. И.] Карасев, сообщил о том, что Президент будет слагать с себя полномочия. На меня заказали пропуск на проходной в Спасской башне. Я был единственным депутатом, который присутствовал при этом. Когда он подписал, я к нему подошел и спросил: Михаил Сергеевич, что Вас побудило это сделать? Он мне ответил: я не могу об этом говорить, пойми мое состояние. Я продолжил: Михаил Сергеевич, Вы сложили свои полномочия, но принять их у Вас мог только Съезд народных депутатов — мы же Вас избирали, мы и должны были Вас освободить. Он сказал: пойми, мне трудно сейчас о чем-то говорить, пойми мое состояние.

В момент зачитывания своего заявления об отставке он вел себя с достоинством и честью. Он безусловно волновался, едва не заплакал, когда увидел, как снимают советский флаг с Сенатского корпуса Кремля — помню, что флаг застопорился, когда его поспешно заменяли на триколор. Он посмотрел на это, кисло улыбнулся и сказал: видишь, когда неправое дело делают, так и получается.

Я был на похоронах Михаила Сергеевича, был даже в шатре на Новодевичьем кладбище, где были только самые близкие. Стоял рядом с Виталием Никитичем Игнатенко. Семья попросила, чтобы я был у гроба в тот момент, когда его отпевали. Мне разрешили его фотографировать даже в гробу. Так я прощался с Президентом СССР.

С исторической точки зрения он был действительно человеком труда. Напомню, что он юношей еще стал орденоносцем за трудовой подвиг. Он был обычный человек, общался с людьми без бумажки. Критиковали его, что ударения он неправильно делал. Почему? Да потому что он был человек от народа, от сохи.

Р. А. Медведев
МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ

К интеллигенции Горбачёв относился положительно, поначалу и интеллигенция платила ему той же монетой. Когда я лично познакомился с Горбачёвым в ходе работы в Верховном Совете СССР, мое отношение к нему становилось все более прохладным, а затем стало резко отрицательным. После выборов-96 наши отношения прекратились. Его выдвижение на выборы-96 было бессмысленным актом. Раиса Максимовна понимала, что Михаил Сергеевич не пройдет и получит самое меньшее количество голосов, в беседе со мной она попросила меня указать на это ее мужу — он, как правило, прислушивался к моим советам. Когда я начал Горбачёву об этом говорить, он меня прервал и сказал: «Это мой выбор, я от него отказываться не буду». Итог известен... Вообще Горбачёв все время говорил по любому поводу — это было сродни болезни.

На момент его избрания Генеральным секретарем о недостатках Горбачёва никто не знал. Как только Михаил Сергеевич был избран генсеком, я пошел в библиотеку и попросил подшивки ставропольских газет за то время, когда Горбачёв был там секретарем крайкома. Проработав эти газеты, я, конечно же, увидел, что Михаил Сергеевич там часто фигурировал, однако его речи ставропольского периода были пустыми и бессодержательными. Но выбора в тогдашнем Политбюро не было — все хотели более молодого лидера. Советский Союз распался в основном из-за Горбачёва — он не справился со своими обязанностями.

В последний период своей деятельности Горбачёв не руководил партией, а партия была рассчитана на единоличное руководство. Вместо того чтобы руководить страной, Горбачёв сидел часами в Верховном Совете СССР и слушал пустые речи депутатов, тогда как надо было реагировать на то, что происходит в Армении, Грузии, Прибалтике. Он не руководил толком ни государством, ни партией.

И книги, и мемуары Горбачёва малоинтересны. Из них ничего нельзя извлечь, нельзя предпринять и анализ взглядов Горбачёва — да и были ли они? Он никогда не держал власть в руках. Рядом с ним не было крупных людей. Разве что Лукьянов, который имел огромное влияние, но его никто не знал.

В период правления Горбачёва я сохранял к нему лояльность. У меня не было выбора, Ельцин был еще хуже: Горбачёв по крайней мере считал себя коммунистом. К тому же он хорошо ко мне относился, выполнял любую мою просьбу. В политике редко бывает выбор между хорошим и плохим деятелем. Как правило, чаще приходится выбирать между плохим

и очень плохим. Так и в то время: Горбачёва я считал слабым руководителем, а Ельцина просто недопустимым. Достоинством Горбачёва было то, что он был доступен, с ним можно было поговорить.

Горбачёв любил, когда за него кто-то другой принимал решение и брал на себя ответственность. Он действительно был демократом в том смысле, что позволял другим иметь какие угодно взгляды. При нем действительно можно было говорить что угодно и о чем угодно. По-настоящему глубоких знаний он ни о чем не имел, социализма он толком не знал и не понимал.

Он был демократом — правду всем все разрешил, но в итоге от руководства фактически устранился и ничем и никем не руководил. Он запускал тот или иной политический процесс и умывал руки.

Вероятно, он признавал свою слабость и поэтому не хотел ни с кем конкурировать. В беседе он не интересовался твоим мнением на самом деле, ко всем обращался на «ты» и чаще всего говорил только сам, единолично. Диалогом беседу с ним назвать было трудно, хотя встречались и исключения. Как пример того, что он не терпел рядом с собой сильных лидеров, приведу случай с выдвижением им на пост вице-президента СССР Янаева, тогда как депутаты хотели выдвижения Назарбаева. Было понятно, что Нурсултан Абишевич сильнее Горбачёва, Назарбаев хотел себе реальных полномочий, а не просто быть «вице» без какой-то власти. Но Михаил Сергеевич не хотел видеть в роли вице-президента влиятельного и умного человека рядом с ним — не хотел, чтобы его сравнивали с Назарбаевым — сравнение было бы не в его пользу. Вот почему он и выдвинул Янаева — неплохого человека, но выпивоху, неспособного ничем руководить, кроме профсоюзов. В последний период своей деятельности Горбачёв старался выдвигать руководителей еще слабее, чем он сам. Ответственность за распад Союза в большей степени на Горбачёве, чем на Ельцине. Ельцин добил уже разбитые Горбачёвым осколки страны.

А. М. Оболенский О ГОРБАЧЁВЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды.
Древнегреческий поэт и политик Хилон из Спарты

3 сентября 2022 года на Новодевичьем кладбище в Москве был предан земле первый и единственный Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв, сумевший всего за 21 месяц «потерять» свою, вторую на тот

момент по мощи в мире страну — Союз Советских Социалистических Республик. Руководствуясь вынесенным в эпитаф древним правилом, предложу несколько своих наблюдений (если угодно — «свидетельских показаний»), как лицо, в силу своего статуса Народного депутата СССР принимавшее участие в событиях, повлекших за собой трагическую гибель нашей страны в итоге управления ею М. С. Горбачёвым.

Начну с констатации исторической значимости фигуры Михаила Сергеевича Горбачёва, деятельность которого, бесспорно, оказала решающее влияние на ход мировой истории конца XX века: сокращение арсеналов ядерного оружия; объединение Германии; роспуск Варшавского военно-политического блока и, как финал, прекращение противостояния сверхдержав США и СССР, как следствие разрушения последнего с откровенной ориентацией осколков погибшей державы на взятие за основу дальнейшего самостоятельного развития модели экономического и политического устройства, избранной США. Это все результаты деятельности М. С. Горбачёва во главе нашей страны и на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Присуждение ему Нобелевской премии мира выглядит с этой стороны вполне оправданно.

А с другой стороны — проклятия миллионов коммунистов всего мира, видящих в нем современного Герострата, уничтожившего «храм их веры» и похоронившего мечту о построении лучшего, справедливого общества для всех людей труда. Ведь, по справедливости, известные слова, произнесенные Б. Н. Ельциным в июне 1992 г. в Конгрессе США и посвященные гибели «коммунистического идола», должны были быть произнесены самим М. С. Горбачёвым, который, отрекаясь от должности Президента СССР в декабре 1991 года, публично признавал Бориса Николаевича продолжателем своих реформ. Впрочем, не менее обоснованы и проклятия миллионов беспартийных граждан стран СССР, которых деятельность М. С. Горбачёва не только лишила общей Родины, но и ввергла в череду этнических и прочих межгосударственных конфликтов, которые, как мы знаем, увы, продолжают и поныне.

Но вернусь к личным оценкам деятельности М. С. Горбачёва.

Честно признаюсь, что до 1989 года я, как и миллионы наших сограждан, находился под обаянием его личности и немислимых в прежние времена речей о гласности, демократизации, социализме с человеческим лицом и т. п. Увлеченный ими, я — человек, прежде никогда не состоявший в КПСС, в июне 1987 года с головой «окунулся в политику» и, позиционируя себя «волонтером Перестройки», ринулся

в избирательную кампанию Народных депутатов СССР на помощь, как мне тогда представлялось, М. С. Горбачёву. Эта возможность представлялась достаточно быстро, когда уже в начале Первого Съезда Народных депутатов СССР по инициативе Политбюро ЦК КПСС Съезд попытались направить по пути привычного партхозактива предложением немедленно, без обсуждения, избрать главой государства (Председателем Верховного Совета СССР) М. С. Горбачёва. В эти первые минуты, когда, казалось, председательствующий уже был готов голосованием партийного большинства «продать» удобную ему повестку дня, я наспех написал на коленях в рабочем блокноте депутата записку, которую тут же отнес, вручив прямо в руки ведущему заседание М. С. Горбачёву, чтобы помочь ему, как мне казалось, направить ход съезда в демократическое русло: «Во исполнение наказов моих избирателей по проведению любых выборов на Съезде обязательно на конкурсной основе и на основании статей 48 и 120 Конституции СССР выдвигаю свою кандидатуру для выборов на пост Председателя Верховного Совета СССР. Готов выступить с изложением своей программы». Так, самовыдвижением был создан прецедент наличия двух претендентов на один пост, когда сама постановка вопроса о голосовании без заслушивания их программ станет абсолютно абсурдной. В результате руководство съезда было вынуждено на ходу ломать подготовленный сценарий, включив в него процедуру выдвижения кандидатов, заслушивание их программ и лишь затем — голосование. Казалось бы, возможностью на деле продемонстрировать верность своим речам о необходимости демократизации общественной и политической жизни я преподнес М. С. бесплатный политический капитал?! Но он продемонстрировал иное... Инициатор «перестройки», твердивший на каждом углу о необходимости альтернативных выборов как последний трус испугался даже символической конкуренции и в прямое нарушение Конституции и Регламента Съезда затеял постыдную манипуляцию по предварительному открытому голосованию о включении кандидатов в бюллетень для уже тайного голосования¹.

Думаю, проявленная трусость разом разрушила авторитет Горбачёва не только у меня, но и у многих других депутатов, стоявших на чисто демократических позициях. Со всех его речей словно бы слетела маскировочная мишура, а реальные действия виделись в совершенно ином свете. Уже на том же Первом съезде позорно и унижительно выглядели попытки Михаила Сергеевича спрятаться от ответственности за разгон

армией 9 апреля 1989 года протеста в Тбилиси^{II} за широкую спину генерала И. Н. Родионова^{III}. Эта боязнь личной ответственности за решения, не соответствующие образу внешне прекраснодушного демократа, сопровождает красной линией всю деятельность Горбачёва. В результате, как расходный материал, приносятся в жертву (будем откровенны — предаются) все новые соратники. Так, совершенно не обоснованно в дни так называемого ГКЧП объявляются заговорщиками вся верхушка исполнительной власти СССР, которые всего лишь исполняли устное распоряжение Президента. Даже не устаивается аудиенции старый соратник и Председатель ВС СССР А. И. Лукьянов и его, за компанию, изолируют в тюрьму. Между тем, реальный государственный переворот после возвращения из якобы заточения в Форосе совершает сам Горбачёв своевольно, т. е. без соблюдения предписанных Конституцией и Законами СССР процедур, распустив все структуры высшей исполнительной власти СССР и передав их функции властям РСФСР. В итоге на исходе своей президентской деятельности к декабрю 1991 года он на вершине власти в СССР закономерно остался совершенно один!

В этой череде предательств особо необходимо отметить судьбу представительной власти СССР: Съезда и Верховного Совета Народных депутатов СССР. Как у Председателя Комиссии ВС СССР «По расследованию причин и обстоятельств государственного переворота в СССР», у меня спустя 30 лет нет сомнений, что истинной целью затеянной М. С. Горбачёвым «Перестройки» было реформирование СССР в рыхлую конфедерацию множества мелких республик по образцу уже существовавшего на то время Европейского союза. Вероятнее всего, именно это обязательство вместе с переводом экономики новых стран на капиталистическую (рыночную) систему хозяйствования было кулуарно взято М. С. Горбачёвым на введенных им в практику встречах за закрытыми дверями, т. е. без свидетелей, с Президентами США: сначала с Рейганом, потом со сменившим его Джорджем Бушем (старшим). Под обеспечение этой задачи в 1988–1989 гг. была проведена масштабная политическая реформа. Однако неожиданная проблема возникла с составом нового депутатского корпуса, в который обретавшим политическую самостоятельность населением было избрано несколько сот депутатов, принявших всерьёз лозунги «Перестройки» и намеренных реформировать СССР в действительно демократическое, правовое государство народного самоуправления. Этот «народный десант» в Комиссиях и Комитетах ВС СССР всерьёз занялся разработкой правовой базы

для экономического и политического реформирования жизни в СССР. Показателен в этом отношении казус, который произошел, в частности, с политическим заказом Горбачёва на правовое обеспечение изменения национально-государственного устройства СССР. В сети Интернет легко убедиться, что Закон СССР № 1409-1 от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» можно считать образцом правового обеспечения пресловутого права народа на самоопределение с учетом интересов всех населяющих данную территорию граждан (и большинства и меньшинства). Жизнь, однако, показала, что этот закон не был нужен ни Президенту СССР, ни руководителям Союзных республик. Они пошли своей дорогой, путем разрушения, а не аккуратного реформирования общей страны. Соответственно, конституционный орган представительной власти СССР, как носитель всей полноты власти, стал на этом пути главным препятствием и врагом номер один, систематически подвергаемым оголтелому шельмованию всеми средствами массовой информации. А мы стали свидетелями фактически поощряемого Президентом Горбачёвым парада суверенитетов республик и даже автономий. Всё это закономерно закончилось ещё одним предательством М. С. Горбачёва, когда он, согласовав подготовленный ВС СССР план восстановления государственного управления, на Пятом Внеочередном Съезде Народных депутатов СССР, внезапно, в течение суток, переметнулся на сторону «региональных баронов» и организовал фактический разгром представительной власти в СССР 2–4 сентября 1991 года^{IV}. После этого для восстановления власти Права в стране у Президента оставался только один путь — введение военного положения. Но на это его трусливая натура была заведомо неспособна. «Боюсь крови» — спасительная формула, к которой он прибегал всегда, уходя от ответственности за сохранение страны и обеспечение прав населяющих ее людей.

С тем и ушел он из жизни, так и не поняв, что не просто право, а прямая обязанность главы государства состоит в применении силы для обеспечения верховенства Права на вверенной его попечению территории. Ну, а меру ответственности за кровавые жертвы его политики, как в период исполнения им обязанностей главы государства, так и в более позднее время, как следствие проявленного в свое время малодушия и трусливого бегства со своего поста Президента СССР, пусть теперь определит Божий суд, от которого, если верить религии, не спасут никакие уловки...

О. И. Ожерельев
ДОВЕРЧИВЫЙ РОМАНТИК
С ВЕЛИКИМИ ЗАМЫСЛАМИ СВОБОДЫ
И ПРАВСТВЕННОСТИ

От великого реформатора, давшего свободу народам, до уникального предателя интересов России, развалившего великую державу, — так неоднозначно воспринимается личность Михаила Сергеевича Горбачёва. Такое неоднозначное восприятие *итогов деяний Горбачёва* отражает величие исторической смены вех, процесс ломки эпохи конца XX столетия, которые несомненно имели многослойный и нередко противоречивый характер.

Главная претензия многих россиян к Горбачёву: он развалил Советский Союз — союз братских народов, искренне желавших продолжать жизнь под административной системой единого партийного руководства из Москвы (при декоративно избираемых местных и Верховных Советов), с едиными принципами (кому хочу, тому и дам) распределения из Москвы всей дефицитной (а не дефицитная никому не нужна) продукции, при сохранении беспредела всепронизывающего единого КГБ. При этом забывают отметить, что этот Союз в значительной мере скреплялся насилием — эдакая взаимная любовь, но с силовым принуждением. От социализма остались лишь вывеска и пропагандистские декорации, которые успешно используются и поныне.

Всё большая часть не только научной элиты, но и людей в руководстве страны видела, что критически остро назрели потребности реформирования государственного устройства. Дальше так жить нельзя.

Что делалось Горбачёвым сотоварищи? — переформатирование *государства-диктатуры узкого круга властной элиты*, в государство с реальным разделением трёх ветвей власти с их реальной подконтрольностью гражданам страны. В том числе осуществлялся процесс ухода от силовой формы удержания народов в Союзе, в добровольный, взаимовыгодный, равноправный Союз, выстроенный на основе преимуществ, лучших возможностей совместной реализации определённой части интересов самих народов, входящих в этот Союз. Вина и решающая ошибка Горбачёва состояла в том, что проведённые им политико-институциональные преобразования по созданию правового государства опередили экономические, проводимые Правительством, а беда (а может, глупость), что у получивших свободу выбора формы совместной координации руководителей республик, возобладали (а могли ли они не возобладать?) личные амбиции и стремление стать абсолютно не связанными какой бы то ни было

координацией через совместно создаваемый Центр. Усилению этих амбиций, несомненно, способствовал перестроечный хаос в экономике, который, кстати, был таковым прежде всего по вине Правительства Рыжкова. При этом тараном развала стало тогдашнее руководство России. Оба эти явления стали возможными вследствие трагического неумения организовать эффективную работу исполнительной ветви власти, я бы сказал — фатальной неспособности высшего горбачёвского руководства переводить слова, идеи и даже решения и директивы в практические дела. Таковы реперные точки, постепенно накопившиеся к самому последнему этапу Советского Союза. (Внутренняя логика тех событий выявлена в моей книге «Идеалы и преступления». См.: *Ожерельев О. И.* Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016.)

К сожалению, и поныне полно оракулов, фонтанирующих всякие небылицы о Горбачёве и перестройке и не обременяющих себя знаниями сути вынужденно происходивших модернизации и очеловечения Советского государства и его международных взаимоотношений. Я был не столько свидетелем, сколько непосредственным участником тех, как правило, неоднозначных по последствиям преобразований. Начиная с мая 1984 г., когда Горбачёв, становясь решающей фигурой большой политики, создал рабочую группу для подготовки по существу первого своего общеполитического доклада, призванного осмыслить политико-экономическую ситуацию в стране (доклад был сделан на научно-практической конференции и опубликован в декабре 1984 года под названием «Живое творчество народа»), и до последнего дня пребывания Президента СССР в Кремле, мне довелось непосредственно, иногда в большей, иногда в меньшей мере, но фактически постоянно работать с Михаилом Сергеевичем над материалами его концептуальных выступлений, докладов, проектов постановлений ЦК и решений партконференции и съездов партии. Поэтому я оцениваю личность Горбачёва не на основе единичных встреч, слухов, домыслов и фантазий, а исключительно опираясь на свои собственные общения и восприятия его деятельности и постепенного выкристаллизовывания им своего миропонимания.

Горбачёв в жизни, прежде всего, человек редкого обаяния. В компаниях мне неоднократно приходилось сидеть вместе с ним за общим творческим столом на рабочей даче, интенсивно обсуждать проблемы в самолётах и даже в вертолёте. И с «рюмкой чая», и без, и всегда чувствовалось его дружелюбие к окружающим, богатство его души, интеллект, государственность интересов. С ним было приятно общаться, начисто

отсутствовали даже нотки чиновничьей чванливости, высокомерия, ранжирования окружающих. И в то же время как-то незримо ощущались его лидерские способности.

Видел я Михаила Сергеевича и в трудные дни заката Советского Союза. Вот Горбачёв в Иркутске. На улицах и площадях море народа, настроенного в основном недоброжелательно-агрессивно. Проезжая мимо разъяренной толпы, останавливается, выходит без видимого страха, возбужденно объясняет ситуацию, вступает в диалог. И через 15 минут толпа успокаивается, занимает по отношению к нему примирительную позицию. «Ну, естественно! — говорят люди Михаилу Сергеевичу. — Мы с Вами, мы Вас поддержим, но надо же действовать! Надо действовать! Надо действовать!» И Михаил Сергеевич соглашается: «Да! Давайте вместе будем действовать!» На этом стороны расстанутся. Одна — с надеждой, другая — с тяжёлыми чувствами размышлений.

Внутренняя коллективистская сущность характера М. С. ярко проявлялась в технологии работы над его докладами и выступлениями, в ходе работы над которыми формировалось представление о том, что и как следует перестраивать. Идею вначале обсуждали в узком кругу 4–5 человек: обычно это он, Медведев, Яковлев и ещё 2–3 человека, в зависимости от тематики. Затем создавалась рабочая группа до 6–10 человек, которая размещалась на даче «Волынская» (на улице Волынская, бывшая дача Жданова¹, через дорогу от дачи Сталина). Здесь намечалась структура материала, распределялись исполнители разделов, кто-то занимался сведением разделов в единое целое. Далее приезжал Горбачёв, брал текст в свои руки, и за общим столом начиналась совместная проходка по абзацам. Шло беспристрастное обсуждение всех предложений, формулировок и акцентов. Фактически все участники обсуждения высказывались как абсолютно равные и особенно не заморачивались каким бы то ни было чинопочтанием. М. С. ко всем обращался по имени и, как правило, на «ты», что делало даже самое острое и иногда непримиримое восприятие некоторых идей чисто товарищеским и даже дружелюбным. Формулировки и вопросы заносятся в передиктованный самим Горбачёвым текст, над которым сразу же продолжалась творческая работа. Такие совместные проходки текста осуществлялись многократно, и на какой-то стадии М. С. давал добро на рассылку текста членам Политбюро. На основе высказанных замечаний членов Политбюро проходила доработка текста в рабочей группе. Окончательная шлифовка проходила на госдаче в Завидово: «Тройка» — Горбачёв, В. А. Медведев и А. Н. Яковлев — была последней инстанцией,

которая шлифовала весь материал, подготовленный рабочими группами и обсуждённый членами Политбюро. В том числе, по концепции Перестройки, партсъездам, партконференции, пленумам ЦК.

И последний штрих к портрету Горбачёва. В те минуты, когда в Кремль поступала информация о сговоре руководителей трёх республик в Беловежской пуще, Горбачёву настойчиво предлагалось арестовать всю беловежскую компашку. Делился своими соображениями и я. Принимая тяжёлое решение не использовать силовые структуры, он сказал тогда: «знаешь, Олег, марать кровью свои руки? Разве не для недопущения таких методов мы работали все эти годы? Арест руководителей республик дезавуирует всю нашу перестройку. Аресты противоречат моим идеалам нравственности, моим идеалам демократизма. *Пусть республики сами принимают решение*». Как это оценить? Можно как нерешительность, непозволительную для руководителя такой огромной страны в условиях недосформированных механизмов сдержек и институциональных противовесов, а можно как жёстко последовательную приверженность демократизму. (Теперь мы знаем о катастрофических последствиях для последующего развития свобод антидемократического, якобы вынужденного, расстрела Ельциным Парламента России).

Спустя 30 лет, осмысливая некоторые фрагменты нашего разговора той напряжённой ночи, я всё больше понимаю, что неприемлемость силовых, кровавых методов использования власти была внутренне присуща Горбачёву. Готовность к диалогу и признание допустимости отстаивания других точек зрения — важнейшее качество его личности. К несчастью общества, ныне наступила полоса, в которой возобладали принцип бескомпромиссности. Идеал Приоритета сотрудничества, конкурентности и одновременно толерантности уступил место принципу борьбы без предела, вплоть до уничтожения людей и государств, носителей иных ценностей. Наступила ЭПОХА НЕДОГОВОРОСПОСОБНОСТИ. Государства, точнее власти под благодными завесами, всё чаще отказывают в праве сосуществования иного мировоззрения и, соответственно, иного этического выбора государственного устройства, всё более скатываются к силовым методам «перевоспитания» иномыслящих, всё более готовы воевать до последнего солдата. *Мир вновь (после Горбачёвско-рейгановского разворота от непримиримой конфронтации к мирному сотрудничеству) стремительно катится в бездну*, и каждый полагает, что он лично остановить это скатывание не может, а ему и его ближним удастся либо быть в стане победителей, либо отсидеться в сторонке или в бункере.

Как это ни прискорбно сознавать, но качественное преобразование элитарно-бюрократических систем, жидущихся на силе страха и ограничении гражданских свобод, возможно либо революционным взрывом народных масс, либо силой воли и действий человека (элиты), стоящего на вершине государственной власти. Третьего здесь не дано. И здесь осознание роли конкретной личности приобретает фундаментальное значение. Михаил Сергеевич, несомненно, смог подняться на уровень понимания необходимости решения исторических задач, во-первых, безотлагательного разворота от пропасти ядерного самоуничтожения, во-вторых, острейшей необходимости построения правового государства, утверждающего приоритет свобод и нравственности.

Горбачёв, его идеи и преобразования, личный и государственный выбор как руководителя великой державы внесли существенные коррективы в ход общечеловеческой Истории, привели к тектоническим изменениям вектора развития человечества конца XX и начала XXI века: снижение страха как главного рычага управления людьми, государствами, межгосударственными и межнациональными отношениями; административная и законодательная попытка сделать справедливость и интересы гражданина высшей целью всей работы государства. О нем без преувеличения можно сказать, что он как лидер величайшей державы дал свободы республикам СССР, народам стран Восточной Европы (как народы воспользовались этими свободами, шансом — это их выбор), по существу, отодвинул тогда человечество от очевидного скатывания в пропасть термоядерной зимы.

В заключение не могу не выделить существеннейшую черту его государственного стиля — нравственность. Мы не знаем ни одного случая, чтобы при принятии решений, шла ли речь о кадровых, экономических, внутренних или международных отношениях страны, Горбачёв руководствовался материальными или финансовыми интересами семьи, друзей, сослуживцев, земляков. Только интересы народа страны и ничего личного — это было сильнейшим качеством, именно это позволило Горбачёву стать политиком мирового масштаба. Прделанная Горбачёвым решающая часть перестройки авторитарной системы управления страной и между народами, стремление достойнейшим образом выполнить свою историческую миссию избавления народов от страха, утверждения свобод и нравственности ввело Горбачёва в Храм Истории мировой цивилизации в самом высоком смысле этого слова.

Октябрь 2022 года

И. К. Полозков

О ГОРБАЧЁВЕ КАК О ЛИЧНОСТИ И ПОЛИТИКЕ

Положительного в Горбачёве как в личности я не вижу, как в партийном работнике, как в человеке — да, но как в личности — нет.

Подготовленный, начитанный, с хорошей реакцией — это безусловно. Душевных качеств, привлекающих внимание любого человека, я в нем не находил. Дружить он не умел. Доброты, заботы о людях в нем не было. Как функционер он имел массу достоинств. Качества гражданина в нем были. Как лидер он не выглядел: суетлив, многословен. Верхогляд, поверхностный, с трепом... Обстоятельность, надежность — этих качеств у него не было. Он попрыгунчик.

Избрание Горбачёва — работа Примакова и Яковлева, пообещавших Громыко-младшему содействие при избрании его академиком при условии, что он убедит своего отца поддержать выдвижение Горбачёва на пост Генерального секретаря. Авторитет Громыко был непререкаем. Кто мог возразить ему, когда он полез на трибуну?! В аппарате очень активно обсуждали, как именно избрали Горбачёва. Многие этим возмущались. Но все понимали, что Генеральный секретарь — это монарх. Приучили нас всех, конечно, к аплодисментам. Не придумала наша партия сдержек против разных сомнительных лиц. Вот и пробрались в итоге наверх темный Андропов, никакой Горбачёв, авантюрист Ельцин.

Авторитета у него большого не было. Но начинал он ярко — образованный, нагловатый, умел себя поставить. Прежде, даже при Черненко, который в могилу дышал, он держался очень скромно. В политике он вертелся из угла в угол — как бильярдный шарик. Он умел маневрировать, был ловкий человек. Это его сильное качество. Умело пользовался нашим вечным «одобрям-с». Как стал генсеком, к нему потянулись люди. Он любил подхалимаж.

Мне доводилось с ним лично говорить много раз, очень откровенно. Он меня всегда выслушивал, всегда принимал, соглашался, поддакивал. А как начиналось какое-то дело, он прет наоборот. Это производило странное впечатление. Было его жаль иногда. Я же говорил ему, что «скоро Ельцин придет и выкинет Вас из Кремля. Сошлите его в Магадан, есть за что!»

Он мне: «Нет, я так не могу».

Я ему: «А вот Ельцин сможет».

Так и вышло.

Он по природе был очень нерешительный, бесхребетный — обстоятельности в нем неоткуда было взяться. Он же никогда не работал

в настоящем трудовом коллективе. Не был способен принимать решения. Болтался как парус или как в проруби.

История ему оставит позорное место. Сегодняшние события в России — это его работа. Он же сдвинул все эти события с места. Он останется в истории как разрушитель. Пока был тандем Лигачева и Горбачёва, с Рыжковым во главе Совмина — все было хорошо. Яковлев, Примаков, Арбатов, Черняев — имя им легион, рассорили Горбачёва и Лигачева; с этого времени наш генсек покатился по наклонной.

Он умел втереться в доверие к любому. Это был человек очень закрытый, тонкий, хитрый, мстительный. Та еще штучка.

19 октября 2024 г.

А. Е. Себенцов

ГОРБАЧЁВ И ЕГО ВРЕМЯ: ГЛАЗАМИ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА СССР

35 лет прошло, многое позабылось, переоценилось, покинули этот мир участники событий, а сам мир коренным образом изменился: гремят пушки, взрываются снаряды, тысячи людей гибнут, остаются без крова. Когда-то контуры такого будущего просматривались как вероятные, а ныне стали жестокой повседневностью. И немалую роль в такой трансформации сыграл распад СССР. Попытки руководства страны, а именно М. С. Горбачёва с небольшой группой единомышленников, — новое мышление, перестройка, гласность — переродить страну во что-то демократически прекрасное, но довольно туманное, закончились по расширенной формуле Черномырдина «Хотели как лучше, а получилось как всегда и много хуже». Мне довелось жить в эти интересные времена, и сейчас я пробую восстановить некоторые события, как они помнятся. Может быть, эти записки пригодятся в следующем круге истории.

О себе. Я родился в Москве в конце Великой Отечественной войны. В числе исторических родственников — светлейший князь Г. А. Потёмкин, татарско-русский род Давыдовых, идущий от Чингизхана и давший России партизана Дениса и декабриста Василия, Волконские, Раевские, А. П. Ермолов, строители железных дорог и меценаты фон-Мекк, художник-передвижник Н. В. Орлов, основатель Воткинских заводов И. П. Чайковский и его сын, великий композитор П. И. Чайковский. У Никитских ворот стоит храм Феодора Студита, прихожанином которого был отец А. В. Суворова, и где диаконом служил один из моих предков. Понимание

невольной причастности к противоречивой русской истории способствовало моему участию в политической жизни, когда для этого сложились подходящие обстоятельства.

В 1964 году мне, студенту, удалось получить ценный опыт: выезд за границу, в Польшу, по приглашению для встречи с младшим братом (брат в Польше — следствие войны), то есть не в составе делегации, а совершенно индивидуально. Летом поизучал польский по учебнику с пластинкой (и довольно прилично стал объясняться), в зимние каникулы дней на 10 поехал через Варшаву в польскую глубинку. Познакомился с не совсем советской жизнью, заодно со всеми процедурами пересечения границы, в том числе с работой таможни: «Пани не указала в декларации серебряные серёжки. Вот я и делаю, чтобы их не было, почему пани плачет?» И этот опыт, вместе с проблемами ограничения права секретоносителей на выезд пригодился при разработке закона о въезде-выезде. После окончания вуза по распределению попал на Московский прожекторный завод, который кроме прожекторов выпускал и другую продукцию для нужд обороны. Работал в ГОКБ, которое разрабатывало эту технику, и довольно успешно, за 20 лет был трижды награжден государственными наградами. От инженера дорос до начальника комплексного отдела, заместителя главного конструктора. Сфера деятельности стала очень широкой. Начиналась она с подготовки решения Правительства о создании комплекса, потом шла разработка конструкторской документации нашего оборудования во взаимодействии с множеством смежных предприятий, изготовление его в заводских цехах, поставка на испытания — и так весь цикл от создания комплекса до снятия его с вооружения. Многие вещи решались на полигонах, в командировках. Процесс происходил под надзором Совета главных конструкторов, оперативной группы головного министерства и представителей заказчика (Минобороны). Тут приходилось быть дипломатом, добиваться взаимного понимания и уважения, порой держать удар, а на заводе добиваться выполнения обязательств в срок. А для этого и увлекать работников, и пользоваться их уважением и доверием.

Надо отметить, что последнему способствовало проведение политических занятий с конструкторами ГОКБ и с рабочими завода по меняющимся курсам типа «экономическая реформа», «развитой социализм» и т. п., где удавалось устраивать живой обмен мнениями. Я старательно готовился к таким занятиям, порой за счёт сна. В результате меня неплохо знал практически весь завод. Когда я проанализировал динамику ВВП, у меня сложилось впечатление, что экономикой социализма заниматься дальше

бесполезно, и попросил заменить тематику занятий на что-нибудь вечное, например, «научный атеизм». Под такую тему можно было не только знакомиться с политической стороной государственно-церковных отношений, но и с содержательной стороной религиозных вероучений и религиозной жизни. Парткабинет поддержал. Райком даже наградил грамотой. Полученные наработки неожиданно скорогодились.

Пришла перестройка, принесла гласность... ускорение. Сначала народ не поверил, что новая госпартийная парадигма даст больший эффект, чем предыдущие. Шуточки были типа «понос — это как обычно, но с ускорением», некоторые умудрённые граждане предупреждали, что гласность — это ненадолго, и «КГБ запишет наши имена», а потом найдет время с каждым разобраться персонально. Пошли публикации, рисующие факты нашей истории в противоречии с тем, что десятилетиями было непреложной истиной. Владимир Ильич Ленин оказался тем ещё упырём... в общем, народ получил мировоззренческий шок, примерно как после XX съезда КПСС. Помню, как страдал мой отчим, образованный человек, кандидат наук: рухнуло то, что было уже включено в основы личности, вера. А во властной системе государства начались шатания, партийные органы уже не были уверены, что и как можно или нельзя, как их слово отзовется и не пошлют ли их в даль. А некоторые руководители высшего ранга уже начали примерять короны суверенитета (чем чёрт не шутит!). Раздрай требовал применения решительных, твёрдых действий со стороны Центра — их не было, а был Сумгаит... К тому же начались проблемы с продовольствием, с водкой. В общем, обстановка накалялась. Люди обращались ко мне с вопросами, приходилось соображать и отвечать, в том числе через заводскую многотиражку. Её редактор и предложил мне поучаствовать в выборах народных депутатов СССР и постараться поискать выход из наметившегося кризиса.

Территории Москвы были разбиты на избирательные округа, в нашем ТО-19 выдвинуты 3 кандидата, в том числе я от своего завода, где я был одной из 6 кандидатур. Организуются группы поддержки — и у меня наиболее серьёзная, потому что за спиной коллектив завода, возможности размножить и распространить агитационные материалы, подогнать на площадь у метро автомобиль с громкоговорителями и поддерживать порядок при большом скоплении людей. Один из моих конкурентов придумал устраивать «десанты» в ЖЭКи: его команда объявляла для пенсионеров ознакомление с программой своего кандидата и привозила в ЖЭК телевизор и магнитофон с записью его выступления.

А я приходил в живом виде, после просмотра записей представлялся и перехватывал инициативу. Встретился с руководством военного института, на территории которого располагалась недоступная для верующих церковь, обсудил возможность выгородить её для общего доступа (что после моего избрания было исполнено). Выступил на всех крупных предприятиях района. И так далее. В общем, занимался активной агитацией. В зале кинотеатра было проведено избирательное собрание, на котором мы трое выступили со своими тезисами и ответили на вопросы. Один из нас, руководитель строительной фирмы, предполагал заняться тем, что теперь называется реновацией. Тот, который с телевизором, работал так же, как и я, на заметном предприятии, но был членом партийного комитета — МГК КПСС, что в новой ситуации не было козырем и ограничивало его агитационное поле. А мне был задан вопрос, что я имею в виду, когда предлагаю «очистить Конституцию СССР от наслоений застоя». Я пояснил, что, по моему мнению, застой у нас связан с закреплением в главном законе государства исключительной роли одной политической партии и тут есть о чём подумать. После чего из райкома в МГК, а оттуда — в окружную избирательную комиссию поступило предложение снять меня с регистрации за антиконституционные идеи. Комиссия послушалась, а мы обратились в городскую комиссию и генпрокуратуру с протестом. Зам генпрокурора нашёл действия окружной комиссии незаконными, поскольку я баллотируюсь в государственный орган, правомочный менять Конституцию, и вправе ставить это в цели избрания. Комиссия отработала назад, пришлось проводить второй тур голосования.

Понятное дело, такой конфликт и его завершение в обстановке гласности существенно повысили мои шансы. Перефразируя поговорку, можно сказать: «С такими врагами и друзей не надо», но, конечно, это было бы неверно: авторитет и материальные возможности завода, моральная и физическая поддержка имели громадную роль в напряжённой борьбе. А сам факт такой борьбы рождал надежду на будущее. Агитацию вели даже знавшие меня по работе жители других округов. Попыток мухлевания не отмечалось. И я во втором туре получил необходимые голоса. На заводе отчитался перед коллективом на собрании, с самыми близкими помощниками устроили небольшой вечер у меня дома. Вот так я стал народным депутатом СССР, продолжая пока работать на заводе.

К съезду надо было готовиться, и вопросов было множество, начиная с того, как рассаживать депутатов в зале, как брать слово и выступать, организовывать обсуждение, голосовать, какие документы и материалы

нужно подготовить и раздать, и миллион других. Кстати, потом оказалось, что моё место в силу алфавита — между академиком А. Д. Сахаровым справа и секретарём ЦК КПСС Н. Н. Слюньковым¹ слева. Для меня это было символом функции Съезда.

Как старший руководитель в стране, выполняющий свою задумку перестройки, М. С. Горбачёв провёл «разведку боем», как я понимаю, желая понять, что ожидают депутаты и какие вопросы могут внезапно поднять, кто может стать опорой, а кто проблемой. Для этого в зал Моссовета были приглашены все (около 200) народные депутаты СССР, проживающие и работающие в городе Москве, всем нам был дан алфавитный список коллег с должностями и телефонами, что демонстрировало равенство депутатов и было приглашением для складывания групп по интересам. Встреча была проведена демократично, Михаил Сергеевич сидел за простым столом, как преподаватель, депутаты полукругом, как студенты, и был нормальный разговор, в ходе которого Горбачёв прошупывал настроения в зале. Причём иногда затрагивал болезненные темы, как сапёр на минном поле проверяет шупом наличие мин. Было обговорено, что депутаты вправе выбрать, оставаться ли им на своей текущей работе или перейти на срок полномочий на постоянную работу в комитеты и комиссии Верховного Совета, как работать с избирателями и т. д.

Я проявил активность, что необходимо разработать и принять регламент Съезда и Верховного Совета, чтобы установить порядок принятия решений, и организовать современную, наглядную, защищённую систему голосования.

А пока наиболее востребованные ситуации заложить во временный акт, который принять в начале Съезда, вместе с базовыми решениями по привычной практике партсобраний, но с учётом иной активности депутатов. Аппараты Президиума Верховного Совета и ЦК КПСС с этой задачей справились, на мой взгляд, неплохо, но на базе старого опыта — так генералы готовятся к предыдущей войне. Несколько десятков наиболее активных из депутатов-москвичей к началу первого Съезда на основе близости представлений сложились в Московскую депутатскую группу (МДГ) с неформальными лидерами — Ю. Н. Афанасьевым, Г. Х. Поповым. К этой группе присоединился А. Д. Сахаров, а представители КПСС дистанцировались. После того, как в ходе выступлений на Съезде выявились глубокие идеологические противоречия, часть депутатов из других регионов пожелали присоединиться к москвичам. Прямо тут же в зале заседаний в перерыве стали заполняться списки группы, ставшей

Межрегиональной. Далее прозвучало предложение формально объявить МДГ оппозицией (не совсем понятно, чему и с каким статусом), с чем согласились не все, и образовалась прослойка примыкающих. В их числе оказался и я. В собраниях группы участвовал, выступал, давал предложения. Вскоре после Первого Съезда я перешёл на работу в Верховный Совет и вышел из КПСС.

К Съезду Аппаратом были подготовлены предложения по формированию Верховного Совета, его комитетов и комиссий, кандидатур их руководителей, а также высших должностных лиц страны. Тем не менее практическое совместное действие двухтысячного пока ещё не коллектива то и дело пыталось свалиться в штопор. Слишком много проблем, амбиций, слишком мало наработанных приёмов и умения снимать конфликты и не создавать их. Сложные, веками формировавшиеся болевые места типа Карабаха не надо ковырять бормашиной, тем более около полуночи. И оправданное недовольство «революционера» Ю. Н. Афанасьева ходом и результатами первого дня Съезда, на мой взгляд, не должно было доходить до оскорблений. Да, сформировали сталинско-брежневский депутатский корпус, а какой он может быть с точки зрения «историка» Ю. Н. Афанасьева? Русская литература, по словам Ф. М. Достоевского, выросла из гоголевской шинели. А политическая культура — из Сталинской, другая не успела наработаться. Выступления А. Д. Сахарова не вызывали общего восторга, его настойчивость раздражала многих. Ему же надо было успеть... слишком долго пришлось молчать. Точный, но оскорбительный ярлык «агрессивно-послушное большинство», брошенный Ю. Н. Афанасьевым, сразу усугубил трудности человеческого общения между людьми разной культурной формации.

Тем временем сформировались комитеты Верховного Совета, и в комитете по законодательству пошла работа по формированию планов и проработке идей. Сформировался подкомитет по законодательству о реформе политической системы, в нём естественно сложилась группа «молодых» в составе К. Д. Лубенченко^{II} (кандидат юридических наук, доцент юрфака МГУ), Н. В. Фёдорова^{III} (кандидат юриспруденции из Чувашии) и меня, пока ещё не юриста, зато с опытом работы над проектами нормативных документов и в реальном производстве, включая изделия оборонного назначения. На первом месте у нас оказались законопроекты о печати и других СМИ, о свободе совести, а также организационные (процессуальные) акты — регламент Съезда и Верховного Совета. Ещё один законопроект, об общественных объединениях, брался подготовить

С. Б. Станкевич, но так и не собрался за занятиями политической ту-совкой, и этот законопроект взял на себя председатель нашего комитета С. С. Алексеев.

В ЦК КПСС тоже интересовались, какие там политические идеи ищут эти депутаты, и нас троих однажды пригласил В. А. Медведев, секретарь ЦК и член Политбюро, руководитель идеологической комиссии ЦК, один из активных сторонников перестройки. Мы пришли в здание на Старой площади, предъявили свои депутатские удостоверения, но нас не пустили, пока не оформили пропуска. Поднялись на лифте. Константин вошёл в кабинет в возбужденном состоянии, и едва поздоровавшись, задал Вадиму Андреевичу вопрос: «Почему нас не пускают по депутатским удостоверениям? Мы имеем право посещать любые организации!» Тут я вмешался в разговор: «Костя, это в государственные органы нас должны беспрепятственно пропускать, а мы пришли в общественную организацию!» И, увидев улыбку хозяина кабинета, обратился уже к нему: «А вот эти ребята с голубыми погонами у входа — из наших взносов оплачиваются по хоздоговору?» Тут дружно посмеялись, поговорили по делу про наработки Госкомпечати и альтернативный проект, опубликованный группой Ю. М. Батурина. Больше ни встреч с партийным руководством, ни какого-то давления со стороны старших в Верховном Совете не было до самого рассмотрения законопроекта на заседании ВС, где была яркая дискуссия и проект стал законом при понимании, что нужен ещё отдельный закон о телевидении.

Я фактически возглавил группу работников аппарата Верховного Совета, готовивших проект Регламента Съезда Народных депутатов. Работу успевал курировать А. И. Лукьянов, действовавший через специалистов, лично на заседаниях рабочей группы не появлявшийся, но дававший указания. Впрочем, как народный депутат он имел право давать свои предложения, но только «гласно», а не втихую через аппарат. Пример такой правки: на заседании группы после вечернего обсуждения выработана норма «Народный депутат имеет право ознакомиться с протоколом заседания Президиума Верховного Совета». Однако утром в освежённом тексте проекта оказалось: «Народный депутат с разрешения Председателя Верховного Совета может ознакомиться с протоколом заседания Президиума Верховного Совета», что переводит это действие в разряд весьма затруднительных. Исправляем с усилением: «Народные депутаты вправе знакомиться с протоколами заседаний Президиума Верховного Совета».

В целом работа шла в ежедневном режиме и довольно успешно.

Когда подготовка проекта регламента завершилась, нам с Лубенченко и Фёдоровым позвонил нардеп академик Е. П. Велихов, пригласил на встречу в возглавляемом им «Международном общественном фонде за выживание и развитие человечества», где высказал идею познакомиться с организацией парламентской, муниципальной и других властных систем США. Для этого складывалась рабочая делегация в составе нардепов, членов комитета по законодательству с необходимыми помощниками. Очевидно, что такая инициатива была согласована с руководством Верховного Совета, а расходы обеспечивал Фонд. Кроме нас троих в делегацию вошли С. М. Шахрай (кандидат юридических наук из МГУ), плюс работник аппарата Верховного Совета и переводчица из округа Лубенченко. Паспорта дипломатические нам и служебные помощникам были оперативно оформлены, американские визы получены были так же быстро, и вот мы уже летим в Вашингтон.

Поездка оказалась весьма удачной. Она, кроме провозглашенной цели знакомства с парламентскими процедурами, явно демонстрировала открытость и симпатию тогдашнего американского общества в отношении СССР и нашего лидера. Нам дали распечатки плана на каждый день — где, какие встречи запланированы, предлагалось высказать наши пожелания (мы хотели побывать в нашем посольстве (где про наш визит, естественно, знали)). Я, конечно, помнил про «Минитмены и Першинги за пазухой», но начиная со встречи в аэропорту и заселения в гостиницу всё было точно, и без каких-то «происков», я бы назвал, по-товарищески. Со следующего дня начались встречи в Вашингтоне. Сенат и Палата представителей, работа аппарата палаты, размещение и обустройство рабочих мест, «кнут». В Сенате голосование подсчётом числа сенаторов, выходящих из зала заседаний через левую или правую дверь. Встречи и беседы с сенаторами и членами палаты представителей на их рабочих местах в залах заседаний и в рабочих кабинетах. Система лоббизма. Библиотека Конгресса — это и библиотека в обычном смысле, и хранилище огромного массива данных, и помощник парламентариев — любой из них может заказать законопроект на интересующую его тему и получить то, что у нас называется «рыбу», готовую к торговле с коллегами «поддержи мой проект, я поддержу твой». А это дело серьёзное. Как отметил после бесед с нами один из сенаторов, мы были ознакомлены с работой Сената лучше, чем впервые избранные в Сенат конгрессмены.

Из прочих федеральных органов власти посетили администрацию президента, Госдеп, Минюст, ФБР... Верховный суд и Высший

арбитражный суд. Везде очень содержательная и откровенная дискуссия. Забавно: на вопрос, как же суды в изменяющихся исторических условиях работают на основе актов двухсотлетней давности, ответ: одни судьи вымирают, приходят другие, по-новому понимающие старые тексты.

Между делами посетили Национальную галерею с богатейшей коллекцией предметов искусства и встретились с нашим послом Ю. В. Дубининым^{IV}. После нескольких дней в столице США, переместились в штат Юта, где ознакомились с заметно более комфортным обустройством деятельности парламента. Там же побывали в муниципалитете, где познали, как регулируются правила местного уровня. Юта — штат религиозной организации мормонов, и это накладывает печать на всё, происходящее в штате, а в памяти жителей — противостояние с федеральным правительством на религиозной почве, выливавшееся в геноцид «неправильных» верующих. На обратном пути посетили город Нью-Йорк, познакомились с работой его муниципалитета, заодно побывали в музеях и прокатились на катере вокруг Манхэттена со статуей Свободы. К сожалению, наша парламентская деятельность в СССР закончилась преждевременно, и процедурная сторона законопроектной деятельности не успела развернуться.

Из законотворческой работы, в которой было больше всего столкновений «непримиримых», позиций, отмечу законы о свободе совести и о въезде-выезде. А всего я участвовал в разработке более десятка законопроектов, Шесть будущих законов представлял с трибуны Верховного Совета, в том числе о порядке выхода республик из состава СССР. Отклонён был только законопроект об исключении графы «национальность» из паспорта и других официальных документов (о чём я не жалею).

Возвращаюсь к «свободе совести». Термин устоявшийся, хотя и неудачный, не лучше, чем «свобода религии» или «вероисповеданий». Законодательно нужно было в первую очередь установить правовое равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии, а во вторую — открыть религиозным организациям возможности деятельности в гражданском обороте, у них не было даже прав юридического лица. Многолетние политические гонения на религию сформировали крайние и довольно дикие стереотипы, которыми были заражены и массы граждан, и руководящий слой государства, поэтому продвижение законопроекта было сложным. Разрабатывавшийся в Совете по делам религий под руководством К. М. Харчева^V (которого ярые атеисты «съели» и назначили на его место далёкого от темы идеологической свободы

Ю. А. Христораднова^{VI)}) проект никак не мог получить согласования заинтересованных государственных органов, и переданный из СПДР в Совмин для внесения в Верховный Совет СССР документ вызывал там дискуссии, одни считали его слишком слабым в достижении религиозной свободы, другие — предоставление религиозным организациям чрезмерных свобод, вплоть до опасных для государства пределов. Кроме того, в этом законопроекте не решался вопрос об имуществе религиозного назначения, отобранного у верующих, о музейном фонде, памятниках культуры, религиозном образовании и многих других отношениях, связанных с целым букетом смежного законодательства (до этого дело дошло после десятка лет деятельности парламента Российской Федерации). А тогда, поскольку планом Верховного Совета подготовка этого законопроекта для рассмотрения на заседании Верховного Совета СССР была поручена мне, я затребовал из СПДР недосогласованный проект и специалиста в состав своей рабочей группы. А также пригласил представителей (руководителей) всех масштабных религиозных организаций СССР, которые с удовольствием (тем более что многие из них были народными депутатами СССР) включились в работу. Кроме того, я встретился наедине с десятками рядовых священнослужителей — православных и старообрядцев, католиков, протестантов, мусульман, иудеев, чтобы понимать проблемы в гуще жизни, а не только в руководстве. В результате в запланированный срок был подготовлен и опубликован для народного обсуждения вполне приличный законопроект, вызвавший небольшую критику и широкую поддержку.

В заседаниях рабочей группы принимал участие и В. С. Полосин^{VII)}, председатель Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности. У него были возможности высказать своё мнение, работа шла в условиях взаимопонимания.

Существовал ещё один альтернативный законопроект, написанный доктором юридических наук Ю. А. Розенбаумом из Института государства и права АН СССР, проект был рассмотрен рабочей группой и признан непригодным во многих концептуальных положениях.

И тут случился политический кризис с объявлением независимости России, конфронтация верховных советов, и Б. Н. Ельцин даёт поручение В. С. Полосину быстренько подготовить законопроект на тему свободы религии, но чтобы от союзного проекта отличался в корне, и принять его как можно скорее. Выполнить это безумное поручение можно было одним способом: взять что-то готовое и провести формальные процедуры.

Вот тут и пригодился проект Ю. А. Розенбаума, на что-то похожий с точки зрения юридической техники, но концептуально ущербный.

Обогнать законопроект СССР не удалось, в результате почти одновременно родились два закона: Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» № 1689-1 от 1.10.1990 г. и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» № 267-1 от 25.10.1990 г. Далее история законодательства СССР на тему религии прекращается, зато начинается правоприменительная практика Российского закона. Скоро выявились его недостатки, пошла борьба за его совершенствование, в итоге исправление недостатков сопровождалось ужесточением норм, касающихся «нетрадиционных религий». Я продолжал удерживать в рамках и корректировать этот процесс с позиций заместителя руководителя Аппарата Правительства РФ, заместителя председателя Комиссии Правительства РФ по вопросам религиозных объединений и полномочного представителя Правительства РФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. В результате родился сильно критикуемый, особенно за рубежом, но поддерживаемый Русской православной церковью Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125 от 26.09.1997 г. Его мне пришлось защищать на встрече Гор — Черномырдин (Госсекретарь США — Председатель Правительства РФ), и написать комментарий к закону, смягчающий жёсткое понимание его положений, но это другая история.

Болезненно проходил закон «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР», который для краткости называли «о выезде — выезде». Официального внесения законопроекта субъектом права законодательной инициативы не припоминаю, но от председателя нашего комитета С. С. Алексеева получил некий текст, а на уровне слухов (подтверждённых потом) его закинул народный депутат, журналист со сложной судьбой Ф. М. Бурлацкий^{VIII}. Проблемы состояли в том, что политика компартии была направлена на максимальное ограничение поездок граждан на Запад, чтобы не разрушать миф, как там «у них» всё загнивает, а у нас расцветает. Для этого в капиталистическую страну разрешали ехать только тем, кто побывал в социалистической, граждан СССР сбивали кучками и выпускали под надзором.

При этом предварительно надо было пройти комиссию в райкоме, где задавали дурные вопросы, и всё это при условии, что человек не связан с государственной тайной. Во всяком случае не раньше, чем через 15 лет после ухода с работы, где эта тайна зримо или незримо

присутствовала. В частности, это имело целью спасти СССР от «утечки мозгов». На практике приходит молодой специалист по распределению на предприятие, ему дают посмотреть документ с грифом «Секретно» — и птичка в клетке. Документ об образовании вывозить нельзя... и так далее. Конечно, остаются вопросы о вербовке наших граждан за границей... Граждане по-всякому пытаются преодолеть партийно-государственные барьеры, вплоть до угона самолётов и практики «невозвращенчества», причем самые проверенные утекают, может быть, чаще, чем пролетарии.

Естественно, что о негосударственном бизнесе граждан СССР в таких условиях говорить трудно, с новым мышлением, перестройкой и гласностью такой порядок, регулируемый ведомственными инструкциями, не сочетается.

Я с помощью аппарата собрал рабочую группу из представителей министерств и ведомств, компетентных в указанных вопросах, и раздал проект Бурлацкого и вариант в моём переложении и с добавлениями. Первый из них вызвал резкое отрицание у собравшихся, специалисты заявили, что вообще не понимают, что здесь написано. Второй — «это другое дело», и пошла нормальная работа. Опять же до вынесения законопроекта на заседание Верховного Совета (кроме коллег по Комитету по законодательству) никто из руководства к нашей деятельности зримо не подключался. А на заседании Верховного Совета — я представил законопроект, состоялись бурные дискуссии на темы «сколько будет стоить прокладка вторых железнодорожных путей, чтобы граждане могли поехать за границу» и «мы их учили, а они ездить будут» с подачи водителя такси из Киева, народного депутата Л. И. Сухова, и был принят Закон СССР от 20.05.1991 № 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР», который после захвата власти Российской Федерацией был распространён на её территорию и действовал до принятия Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». А закон СССР по смежной теме действует до сих пор — Закон СССР от 24 июня 1991 г. № 2261-1 «О порядке вывоза, пересылки и истребования личных документов советских и иностранных граждан и лиц без гражданства из СССР за границу».

Упомяну ещё один значимый акт, Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Это тоже моё дитя, подготовленное аппаратом

и рождённое с учетом решения IV Съезда и референдума 17 марта 1991 года. Закон принят, подписан Президентом СССР М. С. Горбачёвым. Но через короткое время М. С. Горбачёв вне всякого закона и полномочий поддержал выход прибалтийских государств из состава Советского Союза. На собрании МДГ в выступлении я отметил «особый талант Горбачёва: разваливать то, за что взялся. Он развалил баррикады холодной войны, потом оковы партийной идеологии, теперь дошло до Союза». К сожалению, уход от «порядка» способствовал сегодняшнему кошмару в отношениях внутри бывшего Союза.

В ходе работы в качестве народного депутата СССР мне не пришлось близко общаться с М. С., если не считать рукопожатия при вручении мне ордена «Дружбы народов» за ещё додепутатские достижения. Но его выступления с трибуны я слушал внимательно, они становились всё более сумбурными и невнятными, а после изменения статуса с председательского (главы коллегиального органа) на президентский (единовластного руководителя) между ним и залом стала подниматься стена непонимания. Кстати, позже такая же картина стала складываться между Государственной Думой РФ и Президентом РФ Б. Н. Ельциным. Там проблема разрешилась созданием системы полномочных представителей Президента и Правительства в обеих палатах Федерального Собрания.

«Позднего» Горбачёва характеризует ситуация с выборами на должность президента (опускаю чего) в сравнении с Ельциным. Последний не побоялся выйти на народное голосование, в паре у него боевой генерал, лётчик, Герой Советского Союза А. В. Ружайский в покоряющих дам усах — и получил вотум доверия на смелые решения, которым реально воспользовался, не стеснясь хлебнуть через край. Михаил Сергеевич уже давно высказывался, что ему не хватает властных полномочий, и попытался возвысить свой статус через избрание Съездом, причем в паре с мало уважаемым и нехаризматичным Г. И. Янаевым. Затея казалась мне проигрышной в принципе, я, как и ещё десятки народных депутатов, оставил бюллетени себе, а потом сдал их в Музей революции. А насколько Янаев подходящий заместитель Горбачёву, стало известно под балет «Лебединое озеро».

На Пятом Съезде, когда, фигурально выражаясь, танки переехали в Президиум, М. С. Горбачёв не взялся организовать оборону по опыту героев-панфиловцев, и Съезд завершился сценой «Народ безмолвствует». Мог бы другой лидер на его месте повернуть ход истории? Будущие события 1993 года наводят на мысль, что это не исключено.

За короткий срок существования Съезда народных депутатов удалось выявить демократический потенциал народа, поднять и даже решить ряд серьёзных проблем, наработать заметный объём законодательных актов, переживших Съезд и Верховный Совет СССР. В этом безусловная заслуга М. С. Горбачёва, как и идеи перестройки и гласности. Не на всё хватило пороку, жёсткости, где-то, возможно, знаний и культуры — а в целом, масштаба личности, в чём его нельзя обвинять: это даётся от Бога. Поминаем не всегда добрым словом за прекраснодушие в отношениях с Западом и вред, нанесённый вооружённым силам. Благодарим за то, что сделал полезного, хотя цели перестройки не достиг, государство развалилось, и с ускорением пошла совсем другая жизнь.

М. Б. Челноков
О ПЕРВОМ И ПОСЛЕДНЕМ ПРЕЗИДЕНТЕ СССР
М. С. ГОРБАЧЁВЕ

Практически все люди в нашей стране оценивают его деятельность отрицательно. Такой же точки зрения придерживаюсь и я. Тем не менее о Горбачёве нельзя говорить только в черных красках. Далее я перечислю кратко основные положительные и отрицательные моменты его деятельности. Начну с положительных.

1. М. С. Горбачёв раскрепостил средства массовой информации, снял цензуру, в СМИ появились статьи и выступления, расходящиеся с точкой зрения высшего руководства страны. Короче говоря, была введена так называемая гласность, свобода слова.
2. М. С. Горбачёв ввел некоторые элементы демократии. В стране начали проводиться реальные выборы в органы власти, появился Парламент, в котором публично высказывались и обсуждались различные точки зрения, и не было показного единодушного голосования. Заседания съездов народных депутатов СССР и РФ транслировались в прямом эфире по радио и телевидению на всю страну. И эти трансляции во многом изменили всю атмосферу в стране. Оба этих аспекта — гласность и демократия — создали в стране определенную атмосферу свободы.
3. М. С. Горбачёв начал сокращать непосильные расходы СССР на вооружение и вывел советские войска из Афганистана.

Теперь перейду к отрицательным моментам.

1. Осознав, что социалистическая система показала свою полную нежизнеспособность, Горбачёв начал так называемую «перестройку». Но он сам совершенно не знал и не понимал, как делать эту «перестройку». И в результате в стране начались тяжелейшие разрушительные процессы. Разрушалась экономика, дефицит товаров народного потребления, который давил народ при социализме, стал еще более тотальным, полки магазинов вообще опустели.
2. Благодаря Горбачёву (и в еще большей мере Ельцину), развалился Советский Союз. Отмечу здесь два основных момента, связанные с Горбачёвым.

Во-первых, он затеял совершенно бессмысленный процесс подписания в Ново-Огареве нового Союзного договора. В этом договоре республики уже становились какими-то весьма странными самостоятельными государствами внутри некоего непонятного аморфного образования, т. е. уже, по существу, отрицалось само существование Советского Союза.

Во-вторых, видя (и видимо, осознавая), что его затея ведет только к худшему, Горбачёв постарался уклониться от дел, снять с себя ответственность за происходящее. И для этого он поступил просто бесчестно: в преддверии подписания Договора он вдруг уехал в Форос, подальше от Москвы. И при этом (в явной или неявной форме — это не играет роли) подтолкнул свое ближайшее окружение на путч в августе 1991 года. И он явно лукавил, отрицая свое участие в ГКЧП. После провала путча развал Советского Союза стал практически неизбежен, и он наступил очень быстро.

3. М. С. Горбачёв ввел в центральную власть провинциального партийного деятеля Б. Н. Ельцина, который оказался для Советского Союза, для России кровавым Геростратом.
4. М. С. Горбачёв вроде бы наладил неплохие отношения с западными странами. Но при этом он сделал это в ущерб своей стране, по существу, предал свою страну. Одна из самых ярких иллюстраций сказанного: он показал Премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер карту Советского Союза, на которой были указаны все места размещения ракет с ядерным оружием.

А Нобелевская премия мира присуждена М. С. Горбачёву за его заслуги не перед собственной Родиной, а перед Западом.

В целом, если сравнивать двух президентов — М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, — то оба останутся в истории с огромным знаком минус. При этом Ельцин останется в истории Геростратом, который ради собственной власти растоптал Конституцию России, пролил огромное количество крови, у которого нет ни одного светлого пятна. А у Горбачёва, пусть немного, но положительное все-таки было.

В. А. Челышев
ПАМЯТИ МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА

Прямые контакты с Горбачёвым начались у меня в день похорон Сахарова. До этого мы виделись с ним, но всегда в окружении других депутатов. Он очень внимательно относился к общественным структурам, а я представлял Международный комитет защиты свободы слова и прав журналистов. Он тут же назначал встречу, когда я к нему обращался от этого комитета. Был очень внимателен.

На переговорах Горбачёв был очень серьезным: соглашался на то, на что мог согласиться, на что не мог согласиться — не соглашался. Никакой велеречивости у него при переговорах не было, был очень деловит. Когда он вел переговоры, он был в деловой форме, совершенно другой человек — не тот, что в публичном пространстве. Очень деловой, никаких разговоров, очень конкретный. Обращался ко всем исключительно на «ты».

Я у него два или три раза брал интервью уже после ухода. Мы пересекались с ним уже в более позднее время, один раз даже выпивали чуть-чуть. Он спрашивал меня: стоит ли ему возглавлять «Зеленый крест», ему тогда предлагали. Его интересовало: может ли заниматься экологией человек, прежде занимавшийся чистой политикой. Он, конечно, придал весу этой структуре. Бывало, обижался на журналистов, это с ним случалось. Как-то раз меня предупредили его помощники, что интервью будет длиться ровно 45 минут. Я стал собираться по истечении этого времени, он обиделся, сказал мне — «в этом кабинете я решаю, сколько продолжается беседа». Мы с ним еще час проговорили после этого. Помню, спрашивал меня: проголосуют ли за него на выборах-96. Я ему честно сказал: «Михаил Сергеевич, Вам не все здесь говорят правду. А я скажу правду, но она Вам будет неприятна». Он опечалился: «Думаешь, за меня не проголосуют?»

То, что говорят, что он бросил и предал — это неправда. Бросили и предали его. Никто из политиков у меня не пользовался доверием. Бывало, мне лгали в лицо — такие у них были правила. Между тем с неправдой можно тактически выигрывать, но нельзя с ней одержать полной победы. Он был политиком, он имел свою точку зрения. Михаил Сергеевич не был полностью свободен в своих действиях, время от времени он делал шаги вперед и назад, удовлетворяя то одну, то другую сторону. Он думал, что получится построить хорошее демократическое государство, был уверен в этом. Он говорил *правду*, когда говорил людям об этой своей вере. Он хотел построить честную демократическую страну, но не понимал еще, с кем он связался. Не понимал того, что люди, окружающие его, — речь о деньгах в ту пору на самом высшем уровне еще не шла, но были другие, не менее значимые, интересы — думали уже лишь о своей выгоде. Он же вел к своей цели — сам ли, или когда-то они это придумали с Андроповым или кем-то еще — не знаю, но он мечтал о свободном демократическом государстве.

Он был судьбой страны. Судьба не бывает никогда прекрасной, она бывает всегда неотвратимой. Неотвратимость перемен в Советском Союзе была неизбежной. Мог он победить? Не знаю. Вокруг было слишком много недоверия друг к другу у многих людей, как и сейчас, как и почти всегда. Это была многопартийная система при существовании одной партии — каждый человек произносил одно, но ставил перед собой личные цели. При такой атмосфере рассчитывать на успех было трудно. Конечно, Михаил Сергеевич хотел не того результата, который случился. Его называли утопистом. Да нет же. ГКЧП первым развалил страну (без этих мёртвых лебедей ушли бы прибалты, молдаване и грузины, но был шанс, был!) Он воспринял распад Союза как свою личную драму и как драму народную: он понимал, что нитки, из которых был сшит наш кафтан, сгнили; побежали из единой страны даже те республики, которые были сшиты прочными нитками.

Повторю еще раз: при личном контакте, при деловых встречах он был гораздо интереснее, чётче, деловитее, чем при публичных действиях. Это был другой человек, не делавший ни одного популистского шага. Он был очень серьёзен. Да, внешне доброжелателен, но серьёзен, и вызывал то уважение, которое привязало меня к нему, несмотря на то что мы и спорили не единожды.

Царствие небесное. С уходом выдающегося реформатора, при котором мы узнали и счастье, и боль, жизнь не останавливается. Жаль только,

что память у людей коротка, и через несколько лет кто-то вновь будет изобретать велосипед свободы. А другой мастеровитый будет учиться закручивать гайки. Этот кто-то — изобретатель велосипеда — уже точно родился. А возможно, и вырос. А тот, другой, с гаечным ключом, кажется бессмертным.

КОММЕНТАРИИ

I. НА ПУТИ РЕФОРМ

В. А. Медведев. В команде Горбачёва: взгляд изнутри

Медведев Вадим Андреевич (1929–2025) — член Политбюро ЦК КПСС (1988–1990), секретарь ЦК (1986–1990), член ЦК КПСС (1986–1990). Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Входил в ближайшее окружение М. С. Горбачёва. Народный депутат СССР. В 1990–1991 гг. член Президентского совета СССР, в 1991 г. — старший советник Президента СССР. Автор нескольких книг, посвященных перестроечной эпохе. Мемуарист.

^I Яковлев Александр Николаевич (1923–2005), советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК КПСС (1986–1990), секретарь ЦК КПСС (1986–1990). Член ЦК КПСС (1986–1990). Участник Великой Отечественной войны, был ранен. Доктор исторических наук. Профессор. Академик АН СССР (1990). В 1990–1991 гг. — член Президентского Совета СССР, в 1991 г. — старший советник Президента СССР. Народный депутат СССР. Входил в ближайшее окружение М. С. Горбачёва, один из лидеров реформистского крыла в КПСС, курировал вопросы идеологии. В 1988–1990 гг. выступал в качестве своеобразного противовеса консервативному крылу КПСС, олицетворяемому Е. К. Лигачевым и его сторонниками. В 1992 г. — вице-президент Горбачёв-фонда. В 1993 г. руководитель Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию, в 1993–1995 гг. председатель Российской государственной телерадиокомпании, в 1995–1998 гг. председатель Совета директоров ОРТ. В последние годы жизни выступал с разоблачительной критикой в адрес идеологии коммунизма. Мемуарист.

^{II} Болдин Валерий Иванович (1935–2006), член ЦК КПСС в 1988–1991 гг. В 1985–1987 гг. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва, в 1987–1991 гг. — заведующий Общим отделом ЦК КПСС. В 1990–1991 гг. — член Президентского совета

СССР, руководитель аппарата Президента СССР. Народный депутат СССР. Активно поддерживал деятельность ГКЧП. 18 августа 1991 г. в составе представительной делегации (Ю. С. Плеханов, В. И. Варенников, О. Д. Бакланов, О. С. Шенин) выехал в Форос, на дачу Президента СССР М. С. Горбачёва, где присутствовал при беседе делегации с Михаилом Сергеевичем. В ходе беседы визитеры фактически выдвинули Горбачёву ультиматум, требуя согласиться на введение в СССР чрезвычайного положения. Поведение Болдина было воспринято Горбачёвым как предательство. После провала ГКЧП был арестован, в течение четырех месяцев находился в «Матросской тишине». В связи с болезнью был освобожден под подписку о невыезде. Мемуарист.

III Биккенин Наиль Бариевич (1931–2007), член ЦК КПСС (1990–1991). Доктор философских наук, член-корреспондент АН СССР. В 1966–1985 гг. в аппарате ЦК КПСС. В 1985–1987 гг. заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1987–1991 гг. главный редактор журнала «Коммунист». Входил в интеллектуальный штаб М. С. Горбачёва, помогал генсеку в подготовке речей и материалов. Народный депутат СССР. Мемуарист.

IV Лукьянов Анатолий Иванович (1930–2019), советский и российский партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС (1986–1991), секретарь ЦК (1987–1988). Доктор юридических наук. С 1956 г. в аппарате Совета Министров СССР, Президиуме Верховного Совета СССР и ЦК КПСС. В 1977–1983 гг. начальник секретариата Президиума Верховного Совета СССР, в 1983–1985 гг. первый заместитель заведующего Общим отделом ЦК КПСС, в 1985–1987 гг. — заведующий Общим отделом ЦК КПСС, в 1987–1988 гг. заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС, в 1988–1989 гг. первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР, в 1989–1990 гг. первый заместитель председателя Верховного Совета СССР, в 1990–1991 гг. председатель Верховного Совета СССР. Народный депутат СССР. Автор идеи создания съездов народных депутатов в СССР, получившей одобрение у М. С. Горбачёва, с которым находился в дружеских отношениях в течение долгих лет. При поддержке Горбачёва был избран Председателем Верховного Совета СССР, пользовался его неограниченным доверием. Был автором формулировки вопроса, вынесенной на Всесоюзный референдум о сохранении обновленного Союза

в марте 1991 г. В августе 1991 г. фактически примкнул к ГКЧП, осудив подготовленный в Ново-Огарево и согласованный М. С. Горбачёвым с руководителями республик Союзный договор. По ряду свидетельств, рассчитывал на то, что после окончательного отстранения Горбачёва от власти будет избран Съездом народных депутатов на пост Президента. 21 августа 1991 г. вылетел с рядом членов ГКЧП в Форос, надеясь выпросить прощение у Горбачёва. Спустя несколько дней после возвращения Горбачёва в Москву, был отстранен от своих обязанностей Председателя Верховного Совета СССР и арестован. С 29 августа 1991 по 14 декабря 1992 находился в следственном изоляторе «Матросская тишина» в рамках судопроизводства по делу ГКЧП. Свою вину не признал. В 1993–2003 гг. депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ. Профессор юридического факультета МГУ, заслуженный юрист Российской Федерации. Мемуарист.

v Фролов Иван Тимофеевич (1929–1999), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК (1989–1990), член ЦК КПСС (1986–1991). Доктор философских наук, профессор. Академик АН СССР, в 1986–1987 гг. главный редактор журнала «Коммунист». В 1987–1989 гг. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, в 1989–1991 гг. главный редактор партийного официоза — газеты «Правда». Народный депутат СССР. Один из авторов последней Программы КПСС. Входил в интеллектуальный штаб М. С. Горбачёва, оказывал Михаилу Сергеевичу поддержку при составлении речей, статей, материалов к Пленумам и съездам.

vi Горбачёва (урожденная Титаренко) Раиса Максимовна (1932–1999), жена М. С. Горбачёва. Кандидат философских наук, общественный деятель. Сопровождала мужа в большинстве зарубежных визитов. Автор книги «Я надеюсь», составленной при помощи референта Президента СССР писателя Г. В. Прякина.

vii Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989), советский ученый, физик-теоретик, академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии мира. Народный депутат СССР. Мемуарист. Выдающийся правозащитник. Диссидент. Скончался в дни работы Второго съезда народных депутатов СССР.

viii Разумовский Георгий Петрович (1936 г. р.), советский государственный и партийный деятель. Член ЦК КПСС (1986–1990), секретарь ЦК КПСС (1986–1990), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1988–1990).

- IX Примаков Евгений Максимович (1929–2015), советский и российский государственный деятель. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1989–1990), член ЦК КПСС (1989–1990), доктор экономических наук, академик АН СССР. Народный депутат СССР, в 1989–1990 гг. — председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. В 1996–1998 гг. министр иностранных дел России, в 1998–1999 гг. — председатель правительства России. В 1999–2003 гг. — депутат Государственной Думы России. Один из наиболее ярких представителей политической команды Горбачёва. Мемуарист.
- X Залыгин Сергей Павлович (1913–2000), русский советский писатель. В 1989–1991 гг. — народный депутат СССР. Член Президентского Совета при М. С. Горбачёве. Оставил незаконченные воспоминания.
- XI Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999), выдающийся советский филолог, академик АН СССР, народный депутат СССР, последовательный сторонник перестройки советского общества и деятельности М. С. Горбачёва на посту главы СССР. Один из наиболее известных и ярких представителей советской интеллигенции.
- XII Травкин Николай Ильич (1946 г. р.), советский и российский политический деятель, народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы. Депутат Государственной Думы нескольких созывов. Герой Социалистического Труда (1986), один из самых ярких ораторов эпохи перестройки. В последние годы активно работает в жанре политической сатиры.
- XIII Распутин Валентин Григорьевич (1937–2015), выдающийся русский и советский писатель, «деревенщик». Народный депутат СССР.
- XIV Рыжков Николай Иванович (1929–2024) — член Политбюро ЦК КПСС (1985–1990), секретарь ЦК КПСС (1982–1985). Член ЦК КПСС (1981–1991). Председатель Совета Министров СССР (1985–1991). Народный депутат СССР. Ближайший соратник М. С. Горбачёва в годы перестройки, после распада СССР подвергал деятельность Михаила Сергеевича последовательной критике. Герой Труда Российской Федерации (2019), Национальный герой Армении (2008). Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с 2003 года. Автор ряда книг мемуарного характера.
- XV Полозков Иван Кузьмич (1935 г. р.) — член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), Член ЦК КПСС (1986–1991). Народный депутат СССР.

- В 1990–1991 гг. — первый секретарь ЦК КП РСФСР. На финальном этапе перестройки — политический оппонент линии М. С. Горбачёва. Мемуарист.
- xvi Вольский Аркадий Иванович (1932–2006), народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР (1989–1991), член ЦК КПСС (1986–1991). Один из наиболее последовательных сторонников М. С. Горбачёва из числа членов ЦК, его доверенное лицо. Мемуарист.
- xvii Ивашко Владимир Антонович (1932–1994), член Политбюро ЦК КПСС (1989–1991), секретарь ЦК (1990–1991), член ЦК (1989–1991). В 1990–1991 гг. — заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС. Занимал предельно лояльную по отношению к М. С. Горбачёву позицию. В дни августовского путча 1991 г. вел себя нерешительно, рассчитывая на прояснение политической обстановки и запоздав с выражением линии ЦК по отношению к деятельности ГКЧП.
- xviii Назарбаев Нурсултан Абишевич (1940), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), Член ЦК КПСС (1986–1991). В 1990–1991 гг. — президент Казахской ССР. В 1991–2019 гг. — президент независимого Казахстана. Один из наиболее последовательных сторонников М. С. Горбачёва, выступал за сохранение обновленного СССР. Мемуарист.
- xix Багров Николай Васильевич (1937–2015), советский и украинский политический деятель, одна из ключевых фигур в новейшей истории Крыма. Председатель Верховного Совета Крымской АССР (1991–1992). Председатель Верховного Совета Республики Крым (1992–1994). Член ЦК КПСС (1990–1991). Мемуарист.
- xx Чернавин Владимир Николаевич (1928–2023), член ЦК КПСС (1986–1990), адмирал флота, в 1985–1991 гг. — заместитель министра обороны, Главнокомандующий Военно-морским флотом СССР. Мемуарист.
- xxi Лучинский Петр Кириллович (1940 г. р.), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК (1991), член ЦК КПСС (1989–1991). Президент Молдовы (1997–2001). Мемуарист.
- xxii Дегтярев Александр Якимович (1946–2022), член ЦК КПСС (1990–1991), в 1991 г. — заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС. Один из авторов последней Программы КПСС. Известный ученый, доктор исторических наук, профессор. Активный сторонник М. С. Горбачёва.
- xxiii Янаев Геннадий Иванович (1937–2010), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991). Единственный

вице-президент СССР (1990–1991), был избран на эту должность по настойчивой рекомендации М. С. Горбачёва. Народный депутат СССР. Член ГКЧП, в дни августовского путча исполнял обязанности президента СССР. В 1991–1994 гг. в заключении и под следствием по делу ГКЧП. Мемуарист.

XXIV Павлов Валентин Сергеевич (1937–2003), член ЦК КПСС (1990–1991), в 1989–1991 гг. — министр финансов СССР, в 1991 г. — премьер-министр СССР. Доктор экономических наук, профессор. Член ГКЧП. В 1991–1994 гг. находился под арестом и следствием по делу ГКЧП. Мемуарист.

XXV Бакланов Олег Дмитриевич (1932–2021), член ЦК КПСС (1986–1991), секретарь ЦК (1988–1991). Герой Социалистического Труда (1976). Один из наиболее видных представителей военно-промышленного комплекса СССР. В 1991 г. — заместитель председателя Совета Обороны при президенте СССР. Народный депутат СССР. Член ГКЧП. Входил в состав делегации, посетившей 18 августа 1991 г. М. С. Горбачёва на отдыхе в Форосе с требованием о введении чрезвычайного положения и недопустимости подписания Союзного договора в согласованной Президентом СССР и лидерами республик редакции. Вел с Горбачёвым основную беседу. Впоследствии осуждал членов ГКЧП за проявленную «мягкотелость». В 1991–1993 гг. в заключении и под следствием по делу ГКЧП. Мемуарист.

XXVI ГКЧП — Государственный комитет по Чрезвычайному положению в СССР — самопровозглашенный и нелегитимный орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 г. В состав ГКЧП входили крупные представители советского руководства — Г. И. Янаев, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, О. Д. Бакланов, В. С. Павлов, В. А. Крючков, А. И. Тизяков, В. А. Стародубцев. ГКЧП объявил о невозможности М. С. Горбачёвым в связи с состоянием здоровья выполнения своих обязанностей Президента СССР. Согласно представлению деятелей ГКЧП, к 18 августа 1991 г. в СССР сложилась критическая ситуация, а подписание Союзного договора 20 августа 1991 г. привело бы к немедленной гибели СССР. Для оказания морального давления на население столицы, в Москву была введена бронетехника. Невольной жертвой путчистов стали три человека — И. Кричевский, В. Усов, Д. Комарь, посмертно награжденные званием Героя Советского Союза. Провал акции ГКЧП, в которой оказалось замарано высшее советское

руководство — выдвиженцы Президента СССР, привел к резкому падению авторитета Горбачёва и быстрому краху Центра.

xxvii Бакатин Вадим Викторович (1937–2022), член ЦК КПСС (1986–1991). Выдвиженец М. С. Горбачёва: в 1987–1988 гг. — первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, в 1988–1990 гг. — министр внутренних дел СССР. В 1991 г. принимал участие в выборах на пост Президента РСФСР. Один из наиболее видных представителей либеральной части команды Президента СССР М. С. Горбачёва. После августовского путча — Председатель КГБ СССР, последний Председатель этой организации. Мемуарист.

xxviii Ярин Вениамин Александрович (1940–2011), народный депутат СССР, член Президентского Совета при М. С. Горбачёве.

xxix Ельцин Борис Николаевич (1931–2007), советский и российский партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС (1981–1990), в 1985–1986 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1985–1987 гг. — первый секретарь МГК КПСС. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1986–1988). Народный депутат СССР. Председатель Комитета по делам строительства и архитектуры Верховного Совета СССР. В 1990–1991 гг. — Председатель Верховного Совета РСФСР, в июне 1991 г. был избран Президентом РСФСР. После приглашения на работу в Москву, Ельцин деятельно поддерживал политику перестройки и лично М. С. Горбачёва, однако вскоре после «бунта» на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1987 года, был снят с должности первого секретаря МГК КПСС, а вскоре перестал быть и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. По каким-то соображениям Горбачёв посчитал необходимым оставить Ельцина на работе в Москве, сохранив за ним министерский пост — первого заместителя председателя Госстроя СССР. «Расправа» над Ельциным обросла немыслимыми подробностями: молва приписывала Борису Николаевичу борьбу с номенклатурными привилегиями, видя в нем народного заступника. В последующем — последовательный и бескомпромиссный противник Горбачёва, главный критик Михаила Сергеевича на посту главы государства. В дни августовского путча Ельцин — во главе сопротивления ГКЧП, он — живой символ демократии. После возвращения Горбачёва из Фороса, Ельцин безоговорочно доминирует в отношениях с союзным президентом. 8 декабря 1991 г. Ельцин от лица России подписывает Беловежские соглашения,

предусматривавшие ликвидацию СССР как субъекта международного права и геополитической реальности. Тем самым пост Горбачёва упразднился, а Ельцин стал единоличным главой России как правопреемницы СССР. В 1991–1999 гг. — Президент Российской Федерации. Мемуарист. 31 декабря 1999 гг., за несколько месяцев до истечения срока своих полномочий, добровольно ушел в отставку, призвав граждан России поддержать на президентских выборах Председателя Правительства РФ В. В. Путина. Похоронен на Новодевичьем кладбище г. Москвы.

xxx Варенников Валентин Иванович (1923–2009), советский военачальник, генерал армии. Герой Советского Союза. Участник Великой Отечественной войны, участник Парада Победы. В 1989–1991 гг. — Главком сухопутных войск СССР, заместитель министра обороны СССР. 18 августа 1991 г. был в составе делегации, явившийся к Президенту СССР М. С. Горбачёву на его дачу в Форосе с ультимативными требованиями; по некоторым данным, обратился к Горбачёву с предложением уйти в отставку в случае отказа подписать указ о введении в СССР чрезвычайного положения. Был сторонником принятия крутых мер по обузданию противников ГКЧП. В 1991–1994 гг. находился под арестом по делу ГКЧП. Не принял амнистию подсудимым по делу ГКЧП, предстал перед судом и был оправдан за отсутствием состава преступления. Член Государственной Думы РФ нескольких созывов. Автор многих готовых воспоминаний.

xxxI Шенин Олег Семенович (1937–2009), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК КПСС (1990–1991), член ЦК (1990–1991). Выдвиженец М. С. Горбачёва. Народный депутат СССР. Входил в состав делегации, посещавшей в Форосе М. С. Горбачёва с требованием о введении в СССР Чрезвычайного положения. По некоторым данным, надеялся возглавить КПСС после предполагаемой отставки Горбачёва с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. В 1991–1994 гг. в заключении и под следствием по делу ГКЧП, хотя членом ГКЧП не был. После распада СССР и до конца жизни остро критически относился к деятельности М. С. Горбачёва.

xxxII Крючков Владимир Александрович (1924–2007), член ЦК КПСС (1986–1991), генерал армии, в 1988–1991 гг. — председатель КГБ СССР. Выдвиженец Ю. В. Андропова, а после его смерти — М. С. Горбачёва. Народный депутат СССР. Инициатор создания

- ГКЧП и срыва подписания Союзного договора. Фактический руководитель ГКЧП. После провала августовского путча был арестован, находясь под стражей, писал М. С. Горбачёву покаянные письма. В 1991–1994 гг. в заключении и под следствием по делу ГКЧП. Мемуарист.
- xxxiii Язов Дмитрий Тимофеевич (1924–2020), Маршал Советского Союза. Участник Великой Отечественной войны. Министр обороны СССР (1987–1991). Член ЦК КПСС (1987–1991). Выдвиженец М. С. Горбачёва. Член ГКЧП. После ареста по делу ГКЧП написал прошение о помиловании в адрес М. С. Горбачёва, мотивируя эту просьбу искренним и глубоким раскаянием. Впоследствии подвергал деятельность Горбачёва острой критике. Мемуарист.
- xxxiv Силаев Иван Степанович (1930–2023), председатель Совета министров РСФСР (1990–1991). Герой Социалистического Труда. Член ЦК КПСС (1981–1991). 21 августа 1991 г. прибыл в Форос, где принял участие в освобождении М. С. Горбачёва из-под домашнего ареста.
- xxxv Руцкой Александр Владимирович (1947 г. р.), вице-президент России (1991–1993). Герой Советского Союза (1988), генерал-майор авиации. Участник войны в Афганистане. В 1990–1991 гг. народный депутат РСФСР. 21 августа 1991 г. возглавлял миссию по освобождению М. С. Горбачёва из-под домашнего ареста в Форосе. В дни конституционного кризиса сентября–октября 1993 г. вместе с Р. И. Хасбулатовым возглавлял сопротивление Б. Н. Ельцину. С 22 сентября по 4 октября 1993 г. — и. о. Президента России, власть которого не признавалась сторонниками Ельцина. После подавления сопротивления Белого дома был арестован, позднее амнистирован. Мемуарист.
- xxxvi Станкевич Сергей Борисович (1954 г. р.), народный депутат СССР. Член Верховного Совета СССР. Входил в Межрегиональную депутатскую группу. Историк-американист, кандидат исторических наук.
- xxxvii Шахрай Сергей Михайлович (1956 г. р.), народный депутат РСФСР. Крупный юрист, доктор юридических наук, входил в ближайшее окружение Б. Н. Ельцина. Принимал участие в подготовке Беловежских соглашений. В 1990-е годы занимал целый ряд видных должностей в правительстве России. Один из разработчиков текста действующей Конституции России. Мемуарист.

- xxxviii На всеукраинский референдум 1 декабря 1991 г. был вынесен вопрос «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?» На вопрос референдума утвердительно ответило свыше 90 % граждан Украины, принявших участие в голосовании.
- xxxix Речь идет о Беловежских соглашениях, подписанных руководителями Украины (Л. М. Кравчук), России (Б. Н. Ельцин) и Белоруссии (С. С. Шушкевич) 8 декабря 1991 г. Согласно ключевому положению соглашений, республики — учредители СССР объявляли о том, что Советский Союз прекращает свое существование как субъект международного права и геополитическая реальность. Спустя 17 дней после подписания Беловежских соглашений, 25 декабря 1991 г., М. С. Горбачёв ушел в отставку с поста Президента СССР.
- xl Ревенко Григорий Иванович (1936–2014), руководитель аппарата Президента СССР (август — декабрь 1991 г.) после ареста В. И. Болдина. Народный депутат СССР, член Президентского Совета СССР.

Г. Х. Шахназаров. С вождами и без них

Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Артиллерист. В течение многих лет работал в Международном отделе ЦК КПСС. Народный депутат СССР, Член Верховного Совета СССР. Помощник Генерального секретаря М. С. Горбачёва, а затем Президента СССР. Считался одним из наиболее преданных Президенту СССР в человеческом плане соратников Горбачёва; после отставки Михаила Сергеевича с поста Президента СССР продолжил работу с ним в Горбачёв-фонде. Автор многих книг, посвященных проблемам политологии, мемуарист.

- i Первый съезд народных депутатов СССР работал с 25 мая по 9 июня 1989 года.
- ii Лацис Отто Рудольфович (1934–2005), член ЦК КПСС (1990–1991). Известный журналист, последовательный сторонник М. С. Горбачёва. Мемуарист.
- iii Черниченко Юрий Дмитриевич (1929 — 2010), народный депутат СССР, писатель, журналист, телеведущий, председатель Крестьянской партии России. Мемуарист.
- iv Карякин Юрий Федорович (1930–2011), народный депутат СССР, известный литературовед, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского, видный представитель советской и российской интеллигенции. Член Межрегиональной депутатской группы. Мемуарист.

- v Алкснис Виктор Имантович (1950–2025), народный депутат СССР. Полковник авиации. Инициатор создания депутатской группы «Союз». Яркий представитель оппозиции политической линии М. С. Горбачёва; в либеральной публицистике эпохи перестройки нередко именовался, наряду с Н. С. Петрушенко, «черным полковником», по аналогии с политическим режимом военной диктатуры, существовавшим в Греции в 1967–1974 гг. После распада СССР последовательно выступает за его воссоздание.
- vi Коган Евгений Владимирович (1954–2007), народный депутат СССР. Один из инициаторов создания депутатской группы «Союз». Политический единомышленник В. И. Алксниса, Н. С. Петрушенко и других политиков правого толка.
- vii Сухов Леонид Иванович (1940 г. р.), народный депутат СССР, таксист. Член депутатской группы «Союз», критик политики М. С. Горбачёва.
- viii Афанасьев Виктор Григорьевич (1922–1997), советский ученый, академик-секретарь отделения философии и права АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Член ЦК КПСС (1976–1990), народный депутат СССР. Главный редактор газеты «Правда» в 1976–1989 гг. Мемуарист.
- ix Лигачев Егор Кузьмич (1920–2021), советский партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК КПСС, мемуарист, один из наиболее видных представителей советской государственной элиты эпохи перестройки. В 1965–1983 гг. — первый секретарь Томского обкома КПСС. По инициативе Ю. В. Андропова в 1983 г. был переведен в Москву, на должность заведующего отделом организационно-партийной работы. С конца 1983 г. — секретарь ЦК КПСС. Сыграл крупную роль как в подготовке избрания М. С. Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС, так и в проведении государственной политики на первом этапе перестройки. Член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 гг. Народный депутат СССР. После избрания М. С. Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС фактически исполнял обязанности второго секретаря КПСС, курировал кадровые вопросы и идеологию. Инициировал перевод Б. Н. Ельцина из Свердловска на работу в Москву; в 1987 г. именно Лигачев настоял на показательной расправе с Ельциным и поспешном снятии его с должности Первого секретаря МГК КПСС. В 1985–1988 гг. — ближайший соратник М. С. Горбачёва, в дальнейшем их видение

путей развития советского общества начинает все более заметно различаться. На своем посту Лигачев подвергался беспощадной критике, начиная с 1988 г. в общественном сознании Егор Кузьмич ассоциировался с консервативным течением в партии и стремлением противодействовать перестроечным тенденциям, что не вполне соответствовало действительности. В 1990 г. был выведен из состава высшего руководства страны. После распада СССР — последовательный сторонник КПРФ, член Государственной Думы РФ третьего созыва. Мемуарист, автор нескольких книг.

X Дзасохов Александр Сергеевич (1934 г. р.), советский и российский партийный и государственный деятель, дипломат. Член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК (1990–1991). Народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР. Активный сторонник М. С. Горбачёва. Член Государственной Думы РФ нескольких созывов, член Совета Федерации, в 1998–2005 гг. — Президент республики Северная Осетия — Алания. Мемуарист.

XI Бурбулис Геннадий Эдуардович (1945–2022), народный депутат СССР, государственный секретарь РСФСР (1991–1992). От имени РСФСР подписал 8 декабря 1991 г. Беловежские соглашения. Ближайший соратник Б. Н. Ельцина в 1991–1992 гг. В 1993–1999 гг. — член Государственной Думы РФ.

XII Попов Гавриил Харитонович (1936 г. р.), народный депутат СССР. Первый демократический мэр Москвы (1991–1992). Известный ученый-экономист. Один из наиболее крупных и влиятельных представителей демократического лагеря в перестроечную эпоху. Сопредседатель Межрегиональной депутатской группы. После ухода в отставку с поста мэра Москвы — плодovitый и талантливый мемуарист.

XIII Кравчук Леонид Макарович (1934–2022), первый президент Украины (1991–1994), член ЦК КПСС (1990–1991), народный депутат СССР, председатель Верховного Совета Украинской ССР (1990–1991). Сыграл важнейшую роль в торпедировании Новоогаревского процесса и подписании Беловежских соглашений. Мемуарист.

XIV Шушкевич Станислав Станиславович (1934–2022), Первый глава независимой Белоруссии, Председатель Верховного Совета Белоруссии (1991–1994), подписавший от имени республики Беловежские соглашения. «Хозяин» встречи в Беловежской Пуще. Доктор

- физико-математических наук, профессор, крупный специалист по ядерной физике. Народный депутат СССР. Мемуарист.
- xv «500 дней» — программа реформирования экономики СССР, разработанная коллективом ученых под руководством С. С. Шаталина и Г. А. Явлинского, предусматривавшая переход советской экономики от планового хозяйства к рыночному регулированию. Активным противником этой программы выступал Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков, позицию которого в конце концов поддержал и М. С. Горбачёв.
- xvi Шаталин Станислав Сергеевич (1934–1997), известный советский и российский экономист. Академик-секретарь отделения экономики АН СССР. Член Президентского Совета (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991). Руководитель коллектива ученых-экономистов, разработавшего программу «500 дней». Мемуарист.
- xvii Афанасьев Юрий Николаевич (1934–2015), известный историк, доктор исторических наук, народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы, один из наиболее крупных представителей демократического лагеря эпохи перестройки. Автор определения «агрессивно-послушное большинство» по отношению к консервативно настроенной части Съезда народных депутатов СССР.
- xviii Баткин Леонид Михайлович (1932–2016), советский и российский культуролог, историк, литературовед, специалист по литературе эпохи Возрождения. Общественный деятель. Представитель «Демократической России». Либерал. Мемуарист.
- xix Ниязов Сапармурад Атаевич (1940–2006), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), член ЦК КПСС (1986–1991), народный депутат СССР. В 1990–2006 — Президент Туркмении, с 1999 — пожизненный президент. Правление С. А. Ниязова сопровождалось установлением в стране фактической диктатуры, а также развитием беспрецедентного культа личности главы государства.
- xx Кудрявцев Владимир Николаевич (1923–2007), выдающийся советский ученый-правовед. Доктор юридических наук, профессор, академик АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Народный депутат СССР. Принимал активное участие в работе по подготовке нового Союзного договора, консультант Президента СССР по правовым вопросам.
- xxi Топорнин Борис Николаевич (1929–2005), советский и российский ученый-правовед. Доктор юридических наук, академик АН

России. Неоднократно консультировал высшее руководство СССР по вопросам правового толка, эксперт по вопросам подготовки нового Союзного договора.

XXII Батурин Юрий Михайлович (1949 г. р.), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Летчик-космонавт России, Герой Российской Федерации. Принимал участие в рабочей группе по подготовке нового Союзного договора, консультант Г. Х. Шахназарова, помощника Президента СССР. Сотрудник аппарата Президента СССР. В 1993–1998 гг. помощник Президента Российской Федерации. Автор значительного количества научных трудов, в частности, крупнейшего обобщающего исследования, посвященного Новоогаревскому процессу.

XXIII Сазонов Александр Александрович (1936–2022), доктор философских наук. В 1991 г. — заместитель руководителя аппарата Президента СССР. Входил в группу по подготовке нового Союзного договора. Мемуарист.

XXIV Станкевич Зигмунд Антонович (1951 г. р.), доктор юридических наук, профессор. Сотрудник аппарата Президента СССР, входил в группу по подготовке нового Союзного договора. Автор крупного обобщающего исследования, посвященного распаду СССР.

XXV Каримов Ислам Абдуганиевич (1938–2016), член Политбюро (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991), народный депутат СССР. Президент Узбекской ССР (1990–1991), Президент Узбекистана (1991–2016). В период правления Каримова в республике существовал культ личности главы государства.

XXVI Шаймиев Минтимер Шарипович (1937 г. р.), первый Президент Татарстана (1991–2010). Член ЦК КПСС (1990–1991). Участник совещаний в рамках Ново-Огаревского процесса.

XXVII Пуго Борис Карлович (1937–1991), член ЦК КПСС (1990–1991), в 1990–1991 — министр внутренних дел СССР. Генерал-полковник. Народный депутат СССР. Член ГКЧП. Покончил жизнь самоубийством.

XXVIII Речь идет о советском и российском кинорежиссере Карене Георгиевиче Шахназарове (1952 г. р.), сыне Г. Х. Шахназарова.

XXIX Гиренко Андрей Николаевич (1936–2017). Секретарь ЦК КПСС (1989–1991), член ЦК КПСС (1989–1991). Народный депутат СССР.

XXX Хасбулатов Руслан Имранович (1942–2023), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Председатель

Верховного Совета РСФСР — Российской Федерации (1991–1993). Яркий представитель команды Б. Н. Ельцина, его выдвиженец; в дни августовского путча активно выступил против ГКЧП, один из авторов воззвания «К гражданам России», квалифицировавшего выступление ГКЧП как государственный переворот — рукой Хасбулатова был записан составленный группой ближайших соратников Ельцина изначальный вариант воззвания, вскоре разошедшийся по всем новостным агентствам мира. Позднее утверждал, что именно он, Хасбулатов, стоял во главе сопротивления Дома Советов акции ГКЧП. Вплоть до отставки Горбачёва — последовательный сторонник Б. Н. Ельцина. В 1992–1993 гг. решительно разошелся с политическим курсом Б. Н. Ельцина; в дни осеннего политического кризиса 1993 г. вместе с А. В. Руцким возглавлял оборону Белого дома. После событий 3–4 октября 1993 г. арестован, затем освобожден из-под стражи по амнистии. Автор многих книг по экономике; мемуарист.

XXXI Речь идет об указе № 79 Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР от 23 августа 1991 года.

XXXII Муталибов Аяз Ниязович (1938–2022), президент Азербайджанской ССР (1990–1991), Президент Азербайджана (1991–1992). Член ЦК КПСС (1990–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). Народный депутат СССР. После начала гражданской войны в республике подал в отставку и эмигрировал в Россию; вернулся в Азербайджан лишь в 2011.

XXXIII Набиев Рахмон Набиевич (1930–1993). Первый секретарь ЦК КП Таджикистана (1982–1985), первый президент независимого Таджикистана (1991–1992). В 1992 году подал в отставку и вскоре скончался при невыясненных обстоятельствах.

XXXIV Яковлев Вениамин Федорович (1932–2018), выдающийся советский и российский юрист и государственный деятель. Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН. Полный кавалер Ордена «За заслуги перед Отечеством». В 1990–1991 гг. — член ЦК КПСС. В 1989–1990 гг. — министр юстиции СССР. В конце 1991 г. — советник по правовой политике при Президенте СССР. Мемуарист.

XXXV Калмыков Юрий Хамзатович (1934–1997), крупный советский и российский юрист. Министр юстиции России в 1993–1994 гг.

Народный депутат СССР. Председатель Комитета Верховного Совета по законодательству. Мемуарист.

xxxvi Алексеев Сергей Сергеевич (1924–2013), крупный советский и российский юрист, один из авторов текста действующей Конституции Российской Федерации. Народный депутат СССР. Председатель Комитета конституционного надзора СССР. Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Участник Великой Отечественной войны.

xxxvii Петров Юрий Владимирович (1939–2013), сподвижник Б. Н. Ельцина еще со свердловских времен, первый руководитель администрации Президента России (1991–1993). Член ЦК КПСС в 1986–1990 гг. В 1985–1988 гг. возглавлял Свердловский обком КПСС; преемник Б. Н. Ельцина на этом посту.

А. С. Черняев. Совместный исход

Черняев Анатолий Сергеевич (1921–2017), советский партийный и политический деятель, один из ближайших соратников М. С. Горбачёва. Член ЦК КПСС (1986–1990). Участник Великой Отечественной войны. Профессиональный историк, кандидат исторических наук. В течение нескольких десятилетий работал в аппарате ЦК КПСС, в 1970–1986 гг. заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. Неоднократно привлекался высшим руководством страны, в частности Л. И. Брежневым, к подготовке речей по международному положению. В 1986–1991 гг. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, в 1991 г. — помощник Президента СССР по международным делам. В качестве помощника Горбачёва принимал участие в большинстве советско-американских встреч на высшем уровне; будучи доверенным лицом Михаила Сергеевича, помогал ему в составлении различного рода речей, записок и книг, таких как «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», «Августовский путч: причины и следствия»; именно Черняевым было подготовлено заявление об отставке Михаила Сергеевича с поста Президента СССР, прозвучавшее по Центральному телевидению 25 декабря 1991 года. Народный депутат СССР. С 1992 г. и до смерти сотрудник Горбачёв-фонда. Автор целого ряда книг мемуарного и публицистического характера, в частности уникального по своей информативности дневника — «Совместный исход», охватывающего события 1972–1991 гг., фрагменты которого приводятся в настоящем издании.

- ^I Андропов Юрий Владимирович (1914–1982), Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1982–1984 гг., член ЦК КПСС в 1961–1984 гг. Секретарь ЦК КПСС в 1962–1967 гг. Посол СССР в Венгрии в 1954–1957 гг. Председатель КГБ СССР в 1967–1982 гг. Один из наиболее сильных в интеллектуальном отношении представителей советской политической элиты. В течение многих лет Ю. В. Андропов покровительствовал Горбачёву, сыграв чрезвычайно важную, если не ключевую роль в его политической карьере. В мемуарах и научной литературе нередко можно встретить утверждение об Андропове как о политическом лидере, в период правления которого были сформулированы ключевые идеи перестройки.
- ^{II} Черненко Константин Устинович (1911–1985), советский государственный и партийный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС (1984–1985), член ЦК КПСС в 1971–1985 гг. Родился в Красноярском крае, в крестьянской семье. Член ВКП(б) с 1931 г., с 1934 г. и до конца жизни на партийной работе. Начиная с 1950 г. пользовался покровительством Л. И. Брежнева, сыгравшего решающую роль в его карьере. Отличался исполнительностью, личной преданностью, безусловной порядочностью и неутомимой работоспособностью. После отставки Хрущева и избрания Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС карьера Черненко резко пошла в гору. С 1967 г. — секретарь ЦК КПСС, отвечал за кадровые вопросы, с 1978 г. — член Политбюро ЦК КПСС, будучи «тенью» тяжелобольного Брежнева, к которому имел ежедневный доступ, Константин Устинович обладал огромным влиянием в партийном аппарате. После смерти Брежнева и избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, Черненко фактически исполнял обязанности второго секретаря ЦК. Смерть Андропова привела Черненко на вершину кремлевского Олимпа — при поддержке «брежневской гвардии» он был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. К этому моменту К. У. Черненко был уже смертельно болен. Партийные круги расценивали избрание Черненко как компромисс между «группой молодых» членов Политбюро (Горбачёв, Романов) и «стариками». Сам Константин Устинович внушал и себе, и окружающим, что он согласился занять этот пост, исходя из чувства долга перед партией. Время правления Черненко было действительно апогеем «застоя», необходимость омоложения кадров была очевидной. Вместе с тем

именно в период пребывания К. У. Черненко на первые роли вышел М. С. Горбачёв, фактически выполнявший при больном генсеке функции второго секретаря ЦК. По ряду свидетельств, Константин Устинович считал, что по своему кругозору, способностям и несомненному таланту организатора Горбачёв способен занимать высший пост в стране — пост генсека. 10 марта 1985 г. Константин Устинович Черненко скончался, был похоронен у Кремлевской стены.

III Загладин Вадим Валентинович (1927–2006), советник М. С. Горбачёва, специалист-международник, член ЦК КПСС (1981–1990). Многие годы работал в Международном отделе ЦК КПСС, один из составителей речей Л. И. Брежнева. После отставки М. С. Горбачёва с поста Президента СССР до конца жизни работал в Горбачёв-фонде. Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор.

IV Александров-Агентов Андрей Михайлович (1918–1993), советский партийный работник, дипломат, помощник Генерального (Первого) секретаря ЦК КПСС по международным делам (1964–1986). Начал дипломатическую карьеру в секретариате А. М. Коллонтай, в дальнейшем, по его собственному определению, — «советник четырех генсеков». Один из составителей речей Л. И. Брежнева. Вскоре после прихода к власти М. С. Горбачёва, ушел в отставку со своего поста помощника генсека по международным делам, уступив свое место А. С. Черняеву. Мемуарист.

V Пономарев Борис Николаевич (1905–1995), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1972–1986), секретарь ЦК КПСС (1961–1986), член ЦК КПСС в 1956–1989 гг. В 1955–1986 гг. — заведующий Международным отделом ЦК КПСС.

VI Громыко Андрей Андреевич (1909–1989), выдающийся советский дипломат. Министр иностранных дел СССР (1957–1985), первый заместитель Председателя Совета министров СССР (1983–1985). Член Политбюро ЦК КПСС (1973–1988). Член ЦК КПСС в 1956–1989 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 гг. Мемуарист. Сыграл крупную роль в избрании М. С. Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

VII Тихонов Николай Александрович (1905–1997), член Политбюро ЦК КПСС (1979–1985), Член ЦК КПСС (1966–1989). Председатель Совета Министров СССР (1980–1985). В течение многих лет

- последовательный сторонник и выдвиженец Л. И. Брежнева. Один из наиболее известных представителей «брежневской гвардии» в высшей политической элите СССР.
- viii Романов Григорий Васильевич (1923–2008), член Политбюро ЦК КПСС (1976–1985), секретарь ЦК КПСС (1983–1985), Член ЦК (1986–1986). В 1970–1983 — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. Герой Социалистического Труда (1983). Г. В. Романов рассматривался одно время в качестве претендента на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, однако его амбиции в значительной степени были укрощены запущенной по инициативе КГБ фальшивкой о, дескать, имевшем место на свадьбе его дочери скандале, связанном с битьем драгоценной посуды из запасников Эрмитажа. Обладал неуживчивым характером; не сумел добиться добросердечных отношений с виднейшими представителями ленинградской интеллигенции — Г. А. Товстоноговым, А. И. Райкиным, С. Ю. Юрским, Д. А. Граниным. После прихода Горбачёва к власти был поспешно выведен им из состава Политбюро и отправлен на пенсию.
- ix Гришин Виктор Васильевич (1914–1992), член Политбюро ЦК КПСС (1971–1986), первый секретарь МГК КПСС (1967–1985). Один из наиболее влиятельных представителей консервативного крыла в советском руководстве конца 1970-х — первой половине 1980-х гг. Пика своего влияния добился в последние месяцы жизни К. У. Черненко: по некоторым свидетельствам, в этот период времени Гришин был одним из возможных преемников Константина Устиновича на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. По другим данным, В. В. Гришин, понимая призрачность своих шансов на избрание генсеком, поддержал выдвижение Горбачёва на высший партийный пост в стране. Вскоре после прихода к власти Горбачёва утратил свое положение «хозяина Москвы»; преемником В. В. Гришина стал Б. Н. Ельцин. Умер в Пресненском райсобесе во время оформления пенсии. Мемуарист.
- x Соколов Сергей Леонидович (1911–2012), Маршал Советского Союза, министр обороны СССР в 1984–1987 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1985–1987). Член ЦК КПСС в 1968–1989 гг. Уволен в отставку со своего поста в связи с полетом Матиаа Руста.
- xi Долгих Владимир Иванович (1924–2020), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1982–1988), секретарь ЦК КПСС (1972–1988),

член ЦК КПСС (1971–1989). Активно поддерживал избрание Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Участник Великой Отечественной войны, один из наиболее видных представителей «директорского корпуса» в руководстве партии. Депутат Государственной Думы РФ VI созыва (2011–2013), член Совета Федерации (2013–2018). Мемуарист.

XII Устинов Дмитрий Федорович (1908–1984), Маршал Советского Союза, член Политбюро ЦК КПСС (1976–1984), секретарь ЦК КПСС (1965–1976), член ЦК КПСС в 1952–1984 гг. Дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961), Герой Советского Союза (1978), в 1941–1953 гг. — нарком (министр) вооружения СССР, в 1953–1957 гг. — министр оборонной промышленности СССР. Один из наиболее влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС в последние годы жизни Л. И. Брежнева и в период правления Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Отличался фантастической работоспособностью и преданностью делу. Благожелательно относился к М. С. Горбачёву, оказывая ему в течение многих лет деятельную поддержку. Мемуарист.

XIII Арбатов Георгий Аркадьевич (1923–2010), крупный советский и российский ученый-американист, академик АН СССР, один из виднейших экспертов в области международных отношений. Участник Великой Отечественной войны. Член ЦК КПСС (1981–1991). Был связан многолетними личными отношениями с Ю. В. Андроповым; принимал участие в составлении речей Л. И. Брежнева, был советником советских руководителей от Брежнева до Горбачёва. Автор многочисленных аналитических записок на имя первых лиц государства, посвященных вопросам разоружения. Народный депутат СССР. Талантливый и плодовитый мемуарист.

XIV Бовин Александр Евгеньевич (1930–2004), советский партийный деятель, дипломат, журналист. С 1970 по 1982 г. спичрайтер Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В течение многих лет был ведущим еженедельной политической программы «Международная панорама». Незадолго до распада СССР был назначен послом СССР в Израиле; эту должность занимал до 1997 года. Известный публицист, автор нескольких книг воспоминаний.

XV Чебриков Виктор Михайлович (1923–1999). Председатель КГБ СССР в 1982–1988 гг., член ЦК КПСС в 1981–1990 гг. Секретарь

- ЦК КПСС в 1988–1989 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1983–1985 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1989 гг. Участник Великой Отечественной войны. Активно поддержал избрание М. С. Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.
- xvi Никонов Виктор Петрович (1929–1993), член Политбюро ЦК КПСС (1987–1989), член ЦК КПСС (1976–1990), секретарь ЦК (1985–1989). Народный депутат СССР. Курировал вопросы сельского хозяйства.
- xvii Кунаев Динмухамед Ахмедович (1912–1993), член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1987 гг., член ЦК КПСС в 1956–1987 гг. В 1964–1986 — первый секретарь ЦК КП Казахстана. Трижды Герой Социалистического Труда (1972, 1976, 1982). Один из наиболее близких соратников Л. И. Брежнева, с которым он сблизился во время работы по освоению целины. Освобождение Д. А. Кунаева от должности первого секретаря ЦК КП Казахстана и назначение на его место Г. В. Колбина привело к кровавым событиям в Алма-Ате в декабре 1986 г. Мемуарист.
- xviii Щербицкий Владимир Васильевич (1918–1990), советский государственный и партийный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Член Политбюро ЦК КПСС (1971–1989), член ЦК КПСС в 1961–1990. Первый секретарь ЦК КП Украины в 1972–1989 гг. По некоторым сведениям, Л. И. Брежнев видел именно В. В. Щербицкого в качестве оптимальной фигуры на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.
- xix Брежнев Леонид Ильич (1906–1982), Генеральный (Первый) секретарь ЦК КПСС в 1964–1982 гг., член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1957–1982 гг. Маршал Советского Союза. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1960–1964 гг. и 1977–1982 гг. Участник Великой Отечественной войны. К концу войны — генерал-майор, награжден боевыми орденами. Участник парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. Член ЦК КПСС в 1952–1982 гг. Автор трилогии «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», подготовленной при помощи группы литературных помощников. Герой Социалистического Труда и Четырежды Герой Советского Союза. Последние годы противоречивого правления Брежнева нередко именуются периодом застоя. Именно в период пребывания Л. И. Брежнева на посту генсека произошло выдвижение М. С. Горбачёва: сначала на пост первого секретаря

- Ставропольского крайкома КПСС, затем — в секретариат ЦК КПСС, а затем и в Политбюро ЦК КПСС.
- xx Зайков Лев Николаевич (1923–2002), член Политбюро ЦК КПСС (1986–1990), секретарь ЦК КПСС (1985–1990), член ЦК КПСС (1981–1990). В 1987–1989 гг. — первый секретарь МГК КПСС, сменил на этой должности Б. Н. Ельцина. Народный депутат СССР. Крупный представитель корпуса «красных директоров» в руководстве страны.
- xxi Риган Дональд (1918–2003), американский политический деятель. Участник Второй мировой войны. В 1985–1987 гг. — глава администрации президента Р. Рейгана. Мемуарист.
- xxii Воротников Виталий Иванович (1926–2012), советский партийный и государственный деятель, дипломат, член Политбюро ЦК КПСС (1983–1990), член ЦК КПСС в 1971–1990 гг. Народный депутат СССР. В 1983–1988 гг. — Председатель Совета Министров РСФСР, в 1988–1990 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. Мемуарист.
- xxiii Каддафи Муамар (1942–2011), полковник, руководитель Ливии с 1969 по 2011 год. Революционер, политический теоретик, арабский националист. Автор ряда книг. Убит повстанцами.
- xxiv Миттеран Франсуа (1916–1996), президент Французской республики в течение двух септеннагов (1981–1995). Социалист. Неоднократно посещал с государственными визитами Советский Союз.
- xxv Дэн Сяопин (1904–1997), китайский революционер, фактический руководитель Китая в течение многих лет. Инициатор проведения в Китае масштабных экономических реформ. Соратник Мао, хотя и подвергался по воле «Великого кормчего» неоднократной опале. В 1989 г. встречался с М. С. Горбачёвым в Китае незадолго до волнений на площади Тяньаньмэнь.
- xxvi Кант Иммануил (1724–1804), великий немецкий философ, один из крупнейших мыслителей в истории философии. Уроженец Кенигсберга, в котором прожил всю жизнь.
- xxvii Выступление М. С. Горбачёва в Организации Объединенных наций состоялось 7 декабря 1988 года.
- xxviii Землетрясение на северо-западе Армянской ССР произошло 7 декабря 1988 г.
- xxix Андреева Нина Александровна (1938–2020), советский и российский политический деятель. Кандидат технических наук, доцент.

- Приобрела широкую известность благодаря опубликованной в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 года статье «Не могу поступаться принципами», ставшей манифестом антиперестроечных сил. В дальнейшем выступала с крайне острой критикой в адрес политики М. С. Горбачёва. «Дело Нины Андреевой» продемонстрировало существовавшее в советском руководстве политическое размежевание и наличие споров по поводу дальнейших путей развития страны: часть Политбюро (А. Н. Яковлев, М. С. Горбачёв, В. А. Медведев) категорически выступила против содержания статьи, в то время как Е. К. Лигачев скорее расценивал ее опубликование как положительное явление.
- xxx Вывод ограниченного контингента советских войск из Афганистана происходил в течение девяти месяцев, начиная с 15 мая 1988 г. и завершился 15 февраля 1989 г.
- xxxI Межрегиональная депутатская группа была создана в дни работы Первого съезда народных депутатов. МДГ стала первой легальной демократической оппозицией в СССР. В состав МДГ входили такие известные парламентарии, как Б. Н. Ельцин, А. Д. Сахаров, А. Н. Мурашев, Г. Х. Попов, В. М. Десятов, Ю. Н. Афанасьев, Ю. Д. Черниченко, В. А. Пальм, Т. Х. Гдлян, А. М. Оболенский, С. Б. Станкевич, М. А. Бочаров, Г. Э. Бурбулис и др. В большинстве своем члены МДГ выступали за многопартийность, углубление политики перестройки, ликвидацию 6-й статьи Конституции СССР. Превратиться в политический монолит МДГ так и не смогла; группа не смогла выбрать из своей среды лидера, равно как и сформулировать конструктивную программу действий.
- xxxII Третьяков Виталий Товиевич (1953 г. р.), известный журналист, основатель и главный редактор «Независимой газеты» в 1990–2001 гг. Автор целого ряда книг.
- xxxIII Шмелев Николай Петрович (1936–2014), советский и российский экономист, доктор экономических наук, академик РАН. Привлекался М. С. Горбачёвым для консультаций в области экономики. Народный депутат СССР. В 1987 году опубликовал в журнале «Новый мир» знаковую для перестроечной эпохи статью «Авансы и долги», в которой резкой критике было подвергнуто состояние советской экономики. Мемуарист.
- xxxIV Речь идет о начальнике личной охраны М. С. Горбачёва генерале КГБ Владимире Тимофеевиче Медведеве (1937–2024), авторе

интереснейших воспоминаний «Человек за спиной», посвященных службе В. Т. Медведева в личной охране двух генсеков — Л. И. Брежнева и М. С. Горбачёва.

XXXV Петраков Николай Яковлевич (1937–2014), советский и российский экономист, доктор экономических наук, профессор, академик АН СССР (1990). Помощник Президента СССР М. С. Горбачёва по экономике. Народный депутат СССР. Мемуарист.

XXXVI Явлинский Григорий Алексеевич (1952 г. р.), советский и российский экономист. Доктор экономических наук, профессор. Ученик академика Л. И. Абалкина. В 1990 г. вместе с академиком С. С. Шаталиным руководил группой по подготовке экономической программы, известной как «500 дней». В 1990 г. заместитель председателя Совета министров РСФСР. После того, как программа «500 дней» была отвергнута, в 1991 г. вошел в команду Президента СССР Горбачёва, с которым работал до его отставки. В период президентства Б. Н. Ельцина неоднократно отказывался от предложений войти в состав правительства России. Один из основателей и многолетний лидер российской либеральной политической партии «Яблоко». Член Государственной Думы России нескольких созывов.

XXXVII Фаух рас — неверный шаг (*фр.*).

XXXVIII Велихов Евгений Павлович (1935–2024) — советский и российский физик-теоретик. Академик АН СССР (1974), вице-президент АН СССР и РАН (1978–1996). Неоднократно привлекался высшим руководством страны для консультаций. Член ЦК КПСС (1989–1990). Народный депутат СССР. Герой Социалистического Труда (1985), Герой Труда Российской Федерации (2020). Мемуарист.

XXXIX Бессмертных Александр Александрович (1933 г. р.), советский дипломат. Министр иностранных дел СССР (январь — август 1991 г.). Член ЦК КПСС (1990–1991). В дни августовского путча не отказался на то, чтобы решительно осудить деятельность ГКЧП, сказавшись больным, хотя и отказался в категорической форме войти в его состав. После провала путча был отстранен от должности министра иностранных дел СССР.

XL Коль Гельмут (1930–2017), федеральный канцлер Германии (1982–1998). Именно при Коле произошло объединение Германии. Мемуарист.

XLI Семенова Галина Владимировна (1937–2017), советский партийный деятель, журналист. Член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991),

- секретарь ЦК (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991). Главный редактор журнала «Крестьянка» (1981–1990). Народный депутат СССР. Выдвиженец М. С. Горбачёва.
- XLII Купцов Валентин Александрович (1937 г. р.), член ЦК КПСС (1986–1991), секретарь ЦК КПСС (1990–1991), в 1991 г. — первый секретарь ЦК КП РСФСР. Народный депутат СССР. Представлял КПСС на Конституционном суде (1992), после воссоздания партии, вошел в состав КПрФ, в 1995–2004 гг. первый заместитель председателя ЦК КПрФ; член Государственной Думы России нескольких созывов.
- XLIII Строев Егор Семенович (1937 г. р.), член ЦК КПСС (1986–1991), секретарь ЦК (1989–1991), Член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). Народный депутат СССР. Выдвиженец М. С. Горбачёва. В 1996–2001 гг. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ, один из наиболее влиятельных политиков России 1990-х годов.
- XLIV Фалин Валентин Михайлович (1926–2018), советский дипломат, партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС (1989–1991), секретарь ЦК КПСС (1990–1991). В 1971–1978 гг. — Чрезвычайный и полномочный посол СССР в ФРГ. В 1988–1991 гг. заведующий Международным отделом ЦК КПСС. Народный депутат СССР. Доктор исторических наук, профессор. Мемуарист.
- XLV В pendant — в дополнение к (*англ.*).
- XLVI Старовойтова Галина Васильевна (1946–1998), советский ученый, сотрудник АН СССР, кандидат исторических наук, народный депутат СССР, демократ. В 1991–1992 гг. советник Президента России по вопросам межнациональных отношений. Член Государственной Думы России (1993–1998). Стала жертвой заказного убийства.
- XLVII Речь идет о Заявлении «9+1», подписанном лидерами девяти союзных республик и Президентом СССР 23 апреля 1991 г. «Заявление» содержало обязательство сторон в как можно более быстрые сроки приступить к подготовке и подписанию нового Союзного договора. «Заявление» позволило приступить к началу так называемого «Новоогаревского процесса».
- XLVIII Шахом в кругу друзей называли Г. Х. Шахназарова.
- XLIX Прокофьев Юрий Анатольевич (1939 г. р.), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), член ЦК КПСС (1990–1991), первый секретарь МГК КПСС (1989–1991). Поддержал выступление ГКЧП,

по некоторым данным, претендовал на пост Генерального секретаря ЦК КПСС после планируемой отставки М. С. Горбачёва. Мемуарист.

- ^L Речь идет о Джордже Буше-старшем (1924–2018), 41-м президенте США (1989–1993), представителе республиканской партии. В период правления Джорджа Буша-старшего произошло объединение Германии, крушение Организации Варшавского договора и распад СССР.

В. Н. Игнатенко. Со мной и без меня

Игнатенко Виталий Никитич (1941 г. р.), советский и российский журналист, государственный деятель. Полный кавалер Ордена «За заслуги перед Отечеством». Многие годы работал в газете «Комсомольская правда», затем — в Отделе международной информации ЦК КПСС. В 1986–1990 гг. — главный редактор популярного журнала «Новый мир». В 1990 г. по личному приглашению М. С. Горбачёва возглавил пресс-службу Президента СССР. В дни выступления ГКЧП выступил с безоговорочным осуждением путчистов. После августовского путча возглавил ИТАР — ТАСС. После распада СССР занимал целый ряд должностей; в 1995–1997 гг. занимал должность заместителя председателя Правительства России. С 2021 г. — генеральный директор «Общественного телевидения России». Мемуарист.

- ^I Согласованная М. С. Горбачёвым с лидерами союзных республик редакция Союзного договора была открыта к подписанию начиная с 20 августа 1991 года.

- ^{II} Яковлев Егор Владимирович (1930–2005), известный журналист, в годы перестройки — главный редактор «Московских новостей», народный депутат СССР. Пользовался глубоким уважением М. С. Горбачёва. В последующие годы руководил рядом крупнейших федеральных телерадиокомпаний и был учредителем ряда газет и издательских домов.

Г. А. Арбатов. Жизнь. События. Люди: автобиография на фоне исторических перемен

- ^I Волкогонов Дмитрий Антонович (1928–1995), доктор философских наук и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, народный депутат РСФСР. Генерал-полковник,

- в 1984–1988 гг. — заместитель начальника Главпура. В 1992–1994 гг. — советник Президента РФ по вопросам обороны и безопасности. В перестроечную эпоху подготовил трилогию, посвященную советским вождям — В. И. Ленину, И. В. Сталину и Л. Д. Троцкому. В последние годы жизни занимал последовательные антикоммунистические позиции.
- II Алиев Гейдар Алиевич (1923–2003), советский и азербайджанский государственный и партийный деятель. Дважды Герой Социалистического Труда (1979, 1983). Выходец из органов государственной безопасности, генерал-майор. В 1969–1982 гг. — первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР, после смерти Л. И. Брежнева переведен на работу в Москву, занимал должность первого заместителя Председателя Совета министров СССР. В 1982–1987 гг. — член Политбюро ЦК КПСС. Не сумел сработаться с Н. И. Рыжковым и М. С. Горбачёвым, был отправлен на пенсию с формулировкой «по состоянию здоровья». С 1990 г. сделал ставку на возвращение в политику на родине, в Азербайджане. После распада Советского Союза и обретения Азербайджаном государственной независимости сыграл определяющую роль в преодолении республикой междоусобицы. В 1993 г. был избран президентом Азербайджана. Занимал эту должность в течение десяти лет, предпринимая выдающиеся усилия, направленные на возрождение экономики республики. В 2003 г., накануне президентских выборов, будучи тяжелобольным человеком, заявил о том, что снимает свою кандидатуру в пользу сына Ильхама.
- III Соломенцев Михаил Сергеевич (1913–2008), советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК КПСС (1983–1988), секретарь ЦК КПСС (1966–1971), член ЦК КПСС (1961–1989). Сыграл видную роль в печально известной антиалкогольной кампании. Дважды Герой Социалистического Труда (1973, 1983). В период подготовки к избранию М. С. Горбачёва Генеральным секретарем ЦК КПСС активно поддерживал кандидатуру Михаила Сергеевича на высший партийный пост. В своих мемуарах дал резко отрицательную оценку перестройке и Горбачёву.
- IV Демичев Петр Нилович (1918–2010), секретарь ЦК КПСС (1961–1974), член ЦК КПСС (1961–1989), министр культуры СССР в 1974–1986 гг., кандидат в члены Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1964–1988 гг.

- ^v Зимянин Михаил Васильевич (1914–1995), советский государственный и партийный деятель. Секретарь ЦК КПСС (1976–1987). В годы Великой Отечественной войны — один из руководителей партизанского движения на территории Советской Белоруссии.

Собчак А. А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента

Собчак Анатолий Александрович (1937–2000), советский и российский политический деятель, юрист, доктор юридических наук, профессор, один из авторов действующей Конституции России, первый мэр Ленинграда — Санкт-Петербурга. Народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР. Выдающийся оратор своего времени. Не допустил кровопролития на улицах Ленинграда в дни августовского путча. Автор целого ряда публицистических книг и воспоминаний.

- ⁱ Соловьев Юрий Филиппович (1925–2011), член ЦК КПСС (1976–1990). Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1985–1989). Участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен в боях.

II. НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Р. Рейган. Жизнь по-американски

Рейган Рональд (1911–2004), 40-й президент Соединенных Штатов (1981–1989), республиканец. Губернатор Калифорнии (1967–1975). До прихода в политику — киноактер, снимался преимущественно в вестернах. Участник Второй мировой войны. Убежденный антикоммунист. Еще до своего избрания президентом использовал в своих выступлениях агрессивную риторику в адрес Советского Союза. Став президентом, осуществил решительные преобразования в экономической сфере — рейганомика. Пережил покушение 30 марта 1981 г., был ранен. В отношениях с СССР отошел от линии разрядки, обозначив необходимость последовательной борьбы с коммунизмом. Автор известного определения СССР как «империи зла». Вместе с тем Рейган был противником ядерного оружия, воспринимая его как смертельную угрозу для всего человечества; в известной степени это обеспечило определенное сближение позиций СССР и США после прихода к власти в Советском Союзе М. С. Горбачёва. Мемуарист.

- ^I Шульц Джордж (1920–2021), американский политический деятель, 60-й государственный секретарь США. Принимал участие в подготовке и проведении всех советско-американских встреч на высшем уровне. Мемуарист.
- ^{II} Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) между СССР и США был подписан в Вене в 1979 году. ОСВ-2 являлся продолжением договора ОСВ-1, подписанного в Москве в 1972 году. Со стороны СССР ОСВ-2 подписал Л. И. Брежнев, со стороны США — Дж. Картер. Договор так и не был ратифицирован Сенатом США, хотя его положения соблюдались и СССР, и США.
- ^{III} Уайнбергер Каспар Уиллард (1917–2006), американский политический деятель, республиканец, министр обороны США в администрации Р. Рейгана (1981–1987). Мемуарист.
- ^{IV} СОИ — Стратегическая оборонная инициатива (SDI — Strategic Defense Initiative). Осуществляемая по инициативе Р. Рейгана разработка ведущими американскими учеными программа по изучению возможностей размещения элементов противоракетной обороны (ПРО) в космосе. По аналогии с известным фильмом Дж. Лукаса, пресса незамедлительно окрестила задумку Рейгана «Звездными войнами». В СССР СОИ вызывала огромные опасения: советское руководство предполагало, что со временем оборонительный характер размещаемых в космосе элементов может быть трансформирован в наступательный, против чего у Советского Союза не было в то время надежной защиты. М. С. Горбачёв стремился к тому, чтобы США отказались от дальнейшей разработки СОИ.
- ^V Макфарлейн Роберт (1937–2022), американский политик, советник президента США Р. Рейгана по национальной безопасности (1983–1985). Мемуарист.
- ^{VI} Рейган Нэнси Дэвис (1921–2016), жена Р. Рейгана, киноактриса.
- ^{VII} Малруни Мартин Брайан (1939–2024), премьер-министр Канады (1984–1993). Мемуарист.
- ^{VIII} Добрынин Анатолий Федорович (1919–2010), выдающийся советский дипломат, посол СССР в США (1962–1986), член ЦК КПСС (1971–1990), секретарь ЦК КПСС (1986–1988). Герой Социалистического Труда (1982). Автор классических воспоминаний.

- IX Страшная трагедия — авария на Чернобыльской АЭС им. В. И. Ленина — произошла 26 апреля 1986 г.
- X Данилофф Николас (1934 г. р.), американский журналист, внук генерала Русской императорской армии Юрия Никифоровича Данилова (1866–1937), автора классических исследований по истории Первой мировой войны, эмигранта. Н. Данилофф работал в Москве; в сентябре 1986 г. он был обвинен в шпионаже и выслан из Советского Союза.

М. Тэтчер. Автобиография

Тэтчер Маргарет Хильда (1925–2013), английский политический деятель. Баронесса. Премьер-министр Великобритании (1979–1990). Лидер консервативной партии (1975–1990). «Железная леди» британской политики, одна из крупнейших фигур английской истории. Именно при М. Тэтчер Великобритания вернулась в число великих держав. Автор воспоминаний.

- I Речь идет о катастрофе авиалайнера Boeing-747, сбитого советским истребителем Су-15 в ночь на 1 сентября 1983 года над Сахалином. Погибли все 269 человек, находившихся на борту самолета.
- II Трюдо Пьер (1919–2000), премьер-министр Канады (1968–1979, 1980–1984). Мемуарист.
- III Джеффри Хау (1926–2015), английский политический деятель, министр иностранных дел Великобритании (1983–1989) в кабинете М. Тэтчер.
- IV Гоббс Томас (1588–1679), великий английский философ, автор трактата по теории государства «Левиафан».
- V Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784–1865), премьер-министр Великобритании (1859–1865), одна из самых заметных фигур в истории викторианской эпохи.

В. М. Суходрев. Язык мой — друг мой

Суходрев Виктор Михайлович (1932–2014), прославленный советский переводчик и дипломат. Участвовал в переговорах на высшем уровне руководителей советского государства (Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина, Н. В. Подгорного, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачёва) с зарубежными лидерами. Автор классических воспоминаний, отрывки которых приводятся в этом издании.

- ^I Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986), американский промышленник и дипломат. В 1941–1943 гг. — специальный представитель президента США в Великобритании и СССР. В 1943–1946 гг. посол США в СССР. Мемуарист.
- ^{II} Никсон Ричард (1913–1994), 37-й президент США (1969–1974). Республиканец. Участник Второй мировой войны, служил в авиационной наземной службе на Тихом океане. В 1953–1961 гг. вице-президент в администрации Д. Эйзенхауэра. В 1968 и 1972 гг. избирался президентом США. В 1972 году посетил в Советский Союз, где подписал договор ОСВ-1. Ушел в отставку досрочно в связи со скандалом, связанным с так называемым Уотергейтским делом. Мемуарист.

Палажченко П. Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата

Палажченко Павел Русланович (1949 г. р.), известный советский и российский переводчик, дипломат, публицист и мемуарист. Руководитель отдела международных связей и контактов с прессой Горбачёв-фонда. В течение нескольких десятилетий работал в непосредственном контакте с М. С. Горбачёвым, остался работать с последним руководителем СССР и после его отставки с поста главы государства; в период перестройки принимал участие во всех советско-американских встречах на высшем уровне, переводя, в частности, помимо М. С. Горбачёва, также и министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. В течение нескольких лет работал в русской секции службы устного перевода Секретариата ООН. После распада СССР неоднократно принимал участие в качестве переводчика в работе ООН, Совета Европы. Постоянно выступает в качестве эксперта по вопросам современных международных отношений на радио и телевидении.

- ^I Раджив Ганди (1944–1991), индийский политический деятель, премьер-министр Индии (1984–1989). Сын И. Ганди и внук Дж. Неру. В годы перестройки настойчиво стремился к сближению позиций Советского Союза и Индии. Погиб в результате террористического акта.
- ^{II} Суслов Михаил Андреевич (1902–1982), советский партийный и государственный деятель, член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1952–1953, 1955–1982), секретарь ЦК (1947–1982), член ЦК КПСС (1941–1982). Дважды Герой Социалистического Труда

(1962, 1972). В ЦК КПСС отвечал за идеологическое направление, стоял на охранительных позициях. Курировал вопросы культуры, цензуры, образования и пропаганды. Стараясь не пропустить крамолу, стремился к тому, чтобы еще в рукописи знакомиться с произведениями наиболее популярных писателей и драматургов. На период правления Брежнева приходится наивысшее влияние Суслова: по своему положению, он был фактически вторым секретарем ЦК, нередко его называли «серым кардиналом» советской политики. Брежнев пережил Суслова меньше чем на год.

III Ганди Индира (1917–1984), индийский политик, в 1966–1977 и в 1980–1984 гг. — премьер-министр Индии. Дочь Д. Неру. Убита собственными телохранителями-сикхами.

IV Бжезинский Збигнев (1928–2017), американский политолог, советник по национальной безопасности в администрации Дж. Картера (1977–1981). Один из идеологов американской внешней политики, экспансионизма США, автор многочисленных книг по истории и политологии.

V Мэтлок Джек (1929 г. р.), американский политик, дипломат и ученый. В 1987–1991 гг. — посол США в СССР. Летом 1991 г., получив данные от Г. Х. Попова, предупреждал М. С. Горбачёва о готовящемся против него заговоре, однако Президент СССР не воспринял всерьез предостережение, исходившее от американского дипломата. Автор целого ряда книг и статей, посвященных проблематике холодной войны, а также воспоминаний.

VI Замятин Леонид Митрофанович (1922–2017), советский государственный деятель и дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании (1986–1991). Член ЦК КПСС (1976–1990). В 1970–1978 гг. — генеральный директор ТАСС. Был куратором группы авторов, работавших над созданием воспоминаний Л. И. Брежнева. Автор интереснейших воспоминаний, посвященных истории англо-советских отношений в период перестройки.

VII Визит Р. Рейгана в Москву проходил с 29 мая по 3 июня 1988 года.

VIII Трамп Дональд Джон (1946 г. р.), американский государственный и политический деятель, миллиардер. 45-й и 47-й президент США. Республиканец. Неоднократно бывал в Советском Союзе и России.

IX Квицинский Юлий Александрович (1936–2010), советский и российский политический деятель и дипломат. Член ЦК КПСС (1989–1990), в 1986–1990 гг. посол СССР в ФРГ, в 1990–1991 гг.

заместитель министра иностранных дел СССР, в 1991 г. первый заместитель иностранных дел СССР. Сыграл крупную роль в поддержанном СССР объединении Германии. В дни августовского путча, в условиях фактического уклонения А. А. Бессмертных от исполнения обязанностей министра иностранных дел СССР, замещал министра в его должности, поддерживав, по сути, выступление ГКЧП. После поражения путчистов был отстранен от своей должности. В 2003–2010 гг. депутат Государственной Думы от фракции КПРФ. Мемуарист.

x Хонеккер Эрих (1912–1994), немецкий политический деятель. Убежденный коммунист: в годы нацизма боролся с гитлеровским режимом, узник нацистских лагерей. В 1971–1989 гг. занимал высшие государственные и партийные посты в Германской Демократической Республике: в 1971–1989 гг. — генеральный секретарь ЦК СЕПГ, в 1976–1989 гг. — председатель Высшего государственного совета ГДР. В своем политическом курсе Хонеккер ориентировался в первую очередь на Советский Союз; ему удалось установить дружеские отношения с Л. И. Брежневым. Именно в период правления Хонеккера произошло окончательное признание миром «двух Германий» — ГДР была принята в ООН; на международных соревнованиях немецкие спортсмены представляли две страны и т. д. К перестроечным преобразованиям в СССР Э. Хонеккер относился настороженно. В октябре 1989 г. тяжелобольной Хонеккер подал в отставку, после объединения Германии возникла угроза ареста Хонеккера. В марте 1991 г. Хонеккер был принят в Москве в качестве гостя М. С. Горбачёва, под личные гарантии последнего. В 1992 году Хонеккер предстал перед судом в Берлине, однако процесс не был завершён из-за тяжелого онкологического заболевания у подсудимого. Выехал из Германии в Чили, где скончался в 1994 году.

xi Официальный визит в СССР президента США Дж. Буша-старшего проходил с 29 июля по 1 августа 1991 года.

xii Речь идет об августовском путче 1991 года — попытке государственного переворота в СССР 19–21 августа 1991 года.

xiii Ельцина Наина Иосифовна (урожденная Анастасия Иосифовна Гирина) (1932 г. р.), вдова Первого Президента России Б. Н. Ельцина, с которым находилась в официальном браке с 1956 по 2007 год — до самой смерти Бориса Николаевича. Мемуарист.

- xiv Ландесбергис Витаутас Витаутасович (1932 г. р.), литовский государственный деятель, музыковед. Народный депутат СССР. Лидер движения за независимость Литвы «Саюдис». В 1990–1992 гг. председатель Верховного Совета Литовской Республики, сыграл важную роль в принятии Верховным Советом Литовской ССР декларации о независимости Литвы от СССР (11 марта 1990). «Отец» литовской государственности. Мемуарист.
- xv Бейкер Джеймс (1930 г. р.), 61-й государственный секретарь США (1989–1992) в администрации Дж. Буша. Многократно проводил официальные переговоры с М. С. Горбачёвым. Мемуарист.
- xvi Скоукрофт Брент (1925–2020), генерал-лейтенант ВВС США. Советник президента США по национальной безопасности — сначала в администрации Дж. Форда (1975–1977), а затем в администрации Дж. Буша-старшего (1989–1993). Подготовил воспоминания в соавторстве с президентом Дж. Бушем-старшим.
- xvii Панкин Борис Дмитриевич (1931 г. р.), советский дипломат, публицист, писатель и журналист. Многие годы работал корреспондентом в «Комсомольской правде», затем — на дипломатической службе. В 1991 г. — посол СССР в Чехословакии; решительно осудил выступление ГКЧП. После подавления мятежа путчистов, был назначен министром иностранных дел СССР, исполнял свои обязанности в течение неполных трех месяцев — с 28 августа по 19 ноября 1991 г. С 19 ноября 1991 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Великобритании. В сентябре 1993 г. вышел на пенсию. Талантливый и плодовитый мемуарист.
- xviii Мэйджор Джон (1943 г. р.), британский политический деятель. Консерватор. Премьер-министр Великобритании (1990–1997), сменил на этом посту М. Тэтчер. Мемуарист.
- xix Шапошников Евгений Иванович (1942–2020), маршал авиации, Последний министр обороны СССР (август 1991 — декабрь 1991). Главнокомандующий объединенными вооруженными силами СНГ (1992–1993). Член ЦК КПСС (1990–1991). Мемуарист.
- xx Шевченко Владимир Николаевич (1939 г. р.), советский и российский государственный и партийный деятель, дипломат, советник Президента Российской Федерации (2000–2011), основатель и руководитель службы протокола при Президенте СССР М. С. Горбачёве (1990–1991), руководитель службы протокола Аппарата Президента СССР. Вскоре после отставки Михаила Сергеевича,

по предложению Б. Н. Ельцина возглавил службу протокола при Администрации Президента России. Сопровождал Б. Н. Ельцина почти во всех зарубежных поездках. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. После отставки Б. Н. Ельцина продолжил сотрудничество с ним; после смерти Бориса Николаевича, работает с его семьей, реализуя проекты, связанные с увековечиванием памяти Первого Президента России. Одновременно, в 2000–2008 гг. советник Президента России В. В. Путина; в период президентства Д. А. Медведева, в 2008–2011 гг. исполнял обязанности его советника. С 2011 г. — в отставке. Мемуарист.

А. С. Черняев. О «Новом мышлении» Горбачёва

- ^I Гонсалес Фелипе Маркес (1942 г. р.) — испанский политик, премьер-министр Испании (1982–1992). С Ф. Гонсалесом у М. С. Горбачёва сложились теплые и дружеские отношения.
- ^{II} Брандт Вилли (1913–1992), выдающийся немецкий политик, лидер СДПГ (1964–1987), федеральный канцлер ФРГ (1969–1974). Сумел установить добрые и взаимовыгодные отношения с СССР, неоднократно встречался с Л. И. Брежневым и М. С. Горбачёвым. Мемуарист.
- ^{III} Андреотти Джулио (1919–2013), крупнейший итальянский политик, христианский демократ, премьер-министр Италии (1972–1973, 1976–1979, 1989–1992). Неоднократно посещал Советский Союз. Был уличен в связях с мафией. Мемуарист.
- ^{IV} Любберс Рууд (1939–2018), нидерландский политик, премьер-министр Нидерландов (1982–1994).
- ^V Брунтланн Гру Харлем (1939 г. р.), норвежский политик, неоднократно премьер-министр Норвегии (1981, 1986–1989, 1990–1996).

III. ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОППОНЕНТОВ

О. Д. Бакланов. Космос — моя судьба. Т. 1

- ^I Плеханов Юрий Сергеевич (1930–2002), генерал-лейтенант КГБ СССР, в 1983–1990 гг. — начальник 9-го управления КГБ СССР. В 1990–1991 гг. — начальник службы охраны КГБ СССР. В течение многих лет был в числе доверенных лиц Ю. В. Андропова, пользовался полным доверием и Президента СССР М. С. Горбачёва, сопровождал его как в большинстве важных зарубежных

визитов, так и в поездках по стране. Поддержал акцию ГКЧП: 18 августа 1991 г. обеспечил доступ на объект «Заря» к президенту СССР М. С. Горбачёву делегации в составе В. И. Болдина, О. Д. Бакланова, В. И. Варенникова и О. С. Шенина, в ультимативной форме потребовавших от Михаила Сергеевича осуществления чрезвычайных мер по наведению порядка в советском государстве. По требованию Плеханова, объект «Заря» оставил начальник личной охраны Горбачёва генерал В. Т. Медведев. После поражения ГКЧП арестован, указом Президента СССР лишен воинского звания генерал-лейтенант. С августа 1991 г. по декабрь 1992 содержался в следственном изоляторе «Матросская тишина». Проходил в качестве одного из обвиняемых на процессе по «делу ГКЧП», амнистирован решением Государственной Думы. В день смерти Плеханова, по указу Президента России В. В. Путина, Юрий Сергеевич был восстановлен в воинском звании генерал-лейтенант.

II Панюков Борис Егорович (1930–2012), министр гражданской авиации СССР (1990–1991).

III Кручина Николай Ефимович (1928–1991), член ЦК КПСС (1976–1991), последний управляющий делами ЦК КПСС. Принимал участие в освоении целины. Народный депутат СССР. Покончил жизнь самоубийством.

IV Генералов Вячеслав Владимирович (1944 г. р.), генерал-майор КГБ СССР. В 1991 г. — начальник охраны резиденции Президента СССР в Форосе, непосредственно отвечал за изоляцию М. С. Горбачёва в дни августовского путча. Один из обвиняемых по делу ГКЧП. В августе 1991 — декабре 1992 г. находился под стражей. В 1994 г. по решению Государственной Думы был амнистирован. Выступление ГКЧП квалифицирует не как государственный переворот, а как попытку группы представителей советского руководства, лояльных по отношению к Президенту СССР, сохранить Советский Союз как единое государство.

V Громов Борис Всеволодович (1943 г. р.), советский и российский военачальник. Генерал-полковник. Герой Советского Союза (1988). Полный кавалер Ордена «За заслуги перед Отечеством». Участник боевых действий в Афганистане. Командующий 40-й армией, сумел без потерь вывести ограниченный контингент советских войск из Афганистана. Народный депутат СССР. В 1990–1991 гг. — первый заместитель министра внутренних дел СССР. Летом 1991 г.

подписал «Слово к народу». На выборах президента РСФСР-1991 баллотировался на пост вице-президента РСФСР (на пост президента РСФСР претендовал Н. И. Рыжков). В 2000–2012 гг. губернатор Московской области. Мемуарист.

В. И. Болдин. Крушение пьедестала

- ^I Трубин Николай Семенович (1931 г. р.), Генеральный прокурор СССР (1990–1991).

В. И. Варенников. Неповторимое. Кн. 6

- ^I Ачалов Владислав Алексеевич (1945–2011), советский военачальник, генерал-полковник. Заместитель министра обороны СССР (1990–1991), народный депутат РСФСР (1990–1993), член ЦК КПСС (1990–1991). Принимал участие в подготовительных мероприятиях по подготовке выступления ГКЧП. В дни конституционного кризиса сентября — октября 1993 г. выступил на стороне Верховного Совета РСФСР. Был назначен А. В. Руцким на должность министра обороны России. После поражения сторонников Верховного Совета был заключен под стражу. После освобождения и ухода на пенсию активно занимался общественной деятельностью. Мемуарист.
- ^{II} Грушко Виктор Федорович (1930–2001), генерал-полковник, первый заместитель Председателя КГБ СССР (1991). Член ЦК КПСС (1990–1991). Был привлечен к следствию по делу ГКЧП, находился под стражей. Амнистирован. Мемуарист.
- ^{III} Колесников Михаил Петрович (1939–2007), генерал армии, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (1992–1996), в 1991 г. — заместитель Главнокомандующего сухопутными войсками В. И. Варенникова.
- ^{IV} Хронопуло Михаил Николаевич (1933–2012), адмирал, Командующий Черноморский флотом (1985–1991). Мемуарист.
- ^V Михалкин Владимир Михайлович (1927–2017), советский военачальник, маршал артиллерии. Участник Великой Отечественной войны. Командующий ракетными войсками и артиллерий Сухопутных войск. Мемуарист.
- ^{VI} Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001), генерал-полковник, председатель КГБ СССР (1961–1967), член ЦК КПСС (1964–1971).

Выдвиженец Н. С. Хрущева. Сыграл важнейшую роль в подготовке освобождения Н. С. Хрущева с должности Первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964. Мемуарист.

- vii Авалиани Теймураз Георгиевич (1932–2021), народный депутат СССР. Член ЦК КП РСФСР (1990–1991). Выступал с критикой политики М. С. Горбачёва, на XXVIII съезде КПСС выдвинул свою кандидатуру в качестве альтернативной избранию Горбачёва на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Собрал 501 голос делегатов съезда.
- viii Умалатова Сажи Зайндиновна (1953 г. р.), советский и российский политический деятель. Народный депутат СССР от КПСС. На IV Съезде народных депутатов СССР выступила с требованием отставки М. С. Горбачёва. Мемуарист.
- ix Чечеватов Виктор Степанович (1945 г. р.), генерал-полковник, в 1991 г. — командующий войсками Киевского военного округа.
- x Гуренко Станислав Иванович (1936–2013), член ЦК КПСС (1990–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). Последний партийный лидер социалистической Украины — в 1990–1991 гг. — первый секретарь ЦК КП Украины. Народный депутат СССР.
- xi Масик Константин Иванович (1936 г. р.), советский и украинский политический деятель, в 1991 г. — первый заместитель Председателя Совета министров УССР.

В. А. Стародубцев. На крутых поворотах судьбы

Стародубцев Василий Александрович (1931–2011), член ЦК КПСС (1990–1991), в 1990–1991 гг. председатель Крестьянского союза СССР. В июле 1991 года подписал обращение «Слово к народу». В 1991 г. член ГКЧП. Народный депутат СССР. Герой Социалистического Труда. После провала выступления ГКЧП был арестован; в 1991–1994 гг. в заключении и под следствием по делу ГКЧП. В 1997–2005 гг. — губернатор Тульской области, Депутат Государственной Думы России (2007–2011). Мемуарист.

- ⁱ Тизяков Александр Иванович (1926–2019), советский политический и общественный деятель, в 1990–1991 гг. — председатель Ассоциации госпредприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР (1989–1991 гг.). В июле 1991 г. подписал обращение «Слово к народу». Член ГКЧП. После провала выступления ГКЧП арестован, привлечен по делу

в качестве подсудимого. В январе 1993 г. освобожден из-под стражи; в 1994 г. амнистирован Государственной Думой. Участник Великой Отечественной войны.

- II Кашин Владимир Иванович (1948 г. р.), депутат Государственной Думы нескольких созывов, академик РАН (2013). Участник воссоздания КПРФ, в 1991 г. — член Политбюро ЦК КП РСФСР, секретарь ЦК КП РСФСР.

IV. СТАТЬИ О ГОРБАЧЁВЕ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ АНТОЛОГИИ

Ю. В. Блохин. О Михаиле Сергеевиче Горбачёве

Блохин Юрий Витальевич (1944 г. р.), народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, бывший председатель депутатской группы «Союз», выступавшей за сохранение единого союзного государства. Кандидат экономических наук. В июле 1991 г. подписал обращение «Слово к народу». В 1991 г. выступал с критикой политики М. С. Горбачёва и против подписания нового Союзного договора в той редакции, которая была согласована Президентом СССР с лидерами республик. В дни августовского путча 1991 г. был приглашен на одно из заседаний ГКЧП. К уголовной ответственности по делу ГКЧП привлечен не был. Был председателем региональной общественной организации народных депутатов СССР по содействию, сотрудничеству и интеграции стран СНГ. В настоящий момент координирует деятельность общественной организации по содействию сохранения и развития Отечества.

- I «Союз» — группа в составе Съезда народных депутатов СССР. Организационно оформилась к началу 1990 года. Инициаторы создания — народные депутаты СССР Ю. В. Блохин, Е. В. Коган и В. И. Алкснис. К моменту последнего, Пятого съезда народных депутатов СССР депутатская группа «Союз» объединяла около 700 депутатов. В политическом отношении «Союз» стремился к сохранению единого советского государства, выводя на первый план именно вопрос об удержании СССР от распада, а не политические реформы и дальнейшую демократизацию общества.

- II Лебедь Александр Иванович (1950–2002), советский и российский военачальник, государственный и военный деятель, генерал-лейтенант. Секретарь Совета Безопасности России (1996). Принимал участие в боевых действиях в составе ограниченного контингента

советских войск в Афганистане, был ранен. В 1990 году — произведен в звание генерал-майора. Делегат XXVIII съезда КПСС. В дни августовского путча 1991 года фактически поддержал Бориса Ельцина, выступившего против ГКЧП. В 1992 г. — командующий 14-й гвардейской общевойсковой армией, дислоцированной в Приднестровье. Обладал огромной харизмой и способностью афористично излагать свои мысли. Проявив присущую ему решительность, сумел остановить перерастание конфликта между Приднестровьем и Молдавией в полноценную войну. В 1995 году был избран в Государственную Думу, в 1996 году принял участие в президентской кампании: занял третье место при подсчете голосов после первого тура голосования, получив 14,7 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Перед вторым туром голосования согласился поддержать действующего президента Б. Н. Ельцина, что сыграло важную роль в его итоговой победе: был назначен Секретарем Совета Безопасности России, пробыв в этой должности всего четыре месяца перед тем, как был отправлен в отставку. 31 августа 1996 года от имени России подписал Хасавюртовские соглашения с Чечней, вызвавшие шквал критики в адрес А. И. Лебеда со стороны патриотических сил. В 1998 году был избран губернатором Красноярского края. В 2002 году трагически погиб, разбившись на вертолете во время рабочей поездки по Сибири. Мемуарист.

III Комаров Георгий Алексеевич (1945 г. р.), народный депутат СССР. Доктор медицинских наук, профессор.

IV Чехов Анатолий Георгиевич (1950 г. р.), народный депутат СССР, состоял в депутатской группе «Союз». В 1988–1989 гг. первый секретарь Юго-Осетинского обкома КПСС. В 1995–2003 гг. — депутат Государственной Думы России.

V Петрушенко Николай Семенович (1950 г. р.), народный депутат СССР, полковник Советской армии. Один из наиболее яростных критиков политики М. С. Горбачёва на позднем этапе перестройки.

VI Тихонов Георгий Иванович (1934–2009), народный депутат СССР, в 1995–2003 гг. — депутат Государственной Думы России. Погиб при пожаре.

VII Лызо Иван Степанович (1937 г. р.), народный депутат СССР, состоял в депутатской группе «Союз».

VIII Ахромеев Сергей Федорович (1923–1991), советский военачальник. Участник Великой Отечественной войны. Маршал Советского

- Союза. Член ЦК КПСС (1983–1990), Герой Советского Союза. Народный депутат СССР. Главный военный советник Президента СССР (1990–1991). Не принимая участие в мероприятиях ГКЧП, поддерживал их платформу. Покончил жизнь самоубийством.
- IX Кравченко Леонид Петрович (1938–2008), народный депутат СССР, в 1990–1991 гг. — председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию. Член ЦК КПСС (1990–1991). Мемуарист.
- X Калинин Николай Васильевич (1937–2008), генерал-полковник, командующий Московским военным округом (1989–1991). Активно поддержал выступление ГКЧП, однако следствие не нашло в его действиях состава преступления.
- XI Догужиев Виталий Хуссейнович (1935–2016), советский государственный деятель. Первый заместитель Председателя Кабинета Министров СССР (1991). Герой Социалистического труда.

А. Н. Бойко. О личности и государственной деятельности лидера перестройки Михаила Сергеевича Горбачёва (научно-аналитический аспект)

Бойко Алексей Николаевич (1946 г. р.), народный депутат СССР, доктор экономических наук, профессор.

Ю. В. Голик. О Горбачёве

Голик Юрий Владимирович (1952 г. р.), народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР. В 1991 г. — председатель комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов. Известный юрист, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор таможенной службы в отставке. Автор целого ряда монографий и учебных пособий по уголовному праву и криминологии.

А. С. Грачев. Михаил Горбачёв и его эпоха

Грачев Андрей Серафимович (1941 г. р.), член ЦК КПСС (1990–1991), в 1989–1991 гг. заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. Последний пресс-секретарь Президента СССР (сентябрь — декабрь 1991 г.). Кандидат исторических наук. Автор воспоминаний и многочисленных исследований по истории перестройки, плодовитый и талантливый публицист. Биограф М. С. Горбачёва.

В. Г. Захаров. Политик, которому поверили

Захаров Василий Георгиевич (1934–2023), выпускник ЛГУ им. А. А. Жданова, доктор экономических наук, профессор. В 1978–1983 гг. секретарь Ленинградского обкома КПСС, в 1983–1986 гг. — первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1986 г. второй секретарь МГК КПСС. В 1986–1989 гг. — министр культуры СССР, в 1989–1990 гг. заместитель председателя Совета Министров РСФСР. Член ЦК КПСС (1986–1990). Мемуарист.

В. Б. Исаков. Русская рулетка, или Мое недолгое прощание с политикой

Исаков Владимир Борисович (1950 г. р.), советский и российский юрист, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России. Политический и государственный деятель. Народный депутат РСФСР, Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР (1990–1991). Депутат Государственной Думы первого созыва (1993–1995). Один из 7 народных депутатов ВС РСФСР, проголосовавших против ратификации Беловежских соглашений в декабре 1991 г. В дни конституционного кризиса осени 1993 г. оставался на стороне Верховного Совета и решительно выступил против действий президента Б. Н. Ельцина. Талантливый и плодовитый мемуарист.

- ^I Володин Вячеслав Викторович (1964 г. р.), российский государственный деятель. С 2016 г. — Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
- ^{II} Россель Эдуард Эргартович (1937 г. р.), советский и российский государственный деятель. В течение многих лет руководил Свердловской областью (1995–2009). Один из наиболее влиятельных глав российских регионов. Мемуарист.
- ^{III} Зиновьев Александр Александрович (1922–2006), русский и советский мыслитель, философ и публицист. Участник Великой Отечественной войны. Диссидент. Мемуарист.
- ^{IV} Вешняков Александр Альбертович (1952 г. р.), советский и российский политический государственный деятель, дипломат. Кандидат юридических наук. Народный депутат РСФСР (1990–1993). Председатель Центральной избирательной комиссии (1999–2007).
- ^V Горячева Светлана Петровна (1947 г. р.), советский и российский государственный деятель. Народный депутат РСФСР (1990–1993).

В дни конституционного кризиса осени 1993 г. выступила на стороне Верховного Совета РСФСР. Член Государственной Думы нескольких созывов. С 2014 г. — член Совета Федерации. Мемуарист.

**В. В. Калашников. Некоторые мысли о М. С. Горбачёве
как о политике**

Калашников Владимир Валерьянович (1947 г. р.), советский и российский политический деятель и ученый. Член ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК КПСС (июль — август 1991). Доктор исторических наук, профессор, известный специалист по истории революций 1917 года и эпохе Гражданской войны. Один из авторов проекта последней Программы КПСС.

- ^I Черномырдин Виктор Степанович (1938–2010), советский и российский государственный деятель, один из наиболее видных представителей политической элиты ельцинского времени. Председатель Правительства Российской Федерации (1992–1998). Мемуарист.
- ^{II} На XXVIII съезде КПСС было принято решение о подготовке новой Программы КПСС. Программная комиссия ЦК КПСС возглавлялась М. С. Горбачёвым, наибольшую активность проявляли И. Т. Фролов, В. В. Рябов, А. Я. Дегтярев, В. В. Калашников. Проект очередной Программы КПСС был вынесен на рассмотрение последнего в истории партии Июльского Пленума ЦК КПСС 1991 г. Незадолго до путча проект Программы, наиболее ярким лозунгом которой были слова «Социализм. Демократия. Прогресс», был опубликован в газете «Правда».
- ^{III} Рябов Виктор Васильевич (1937–2025), член ЦК КПСС (1990–1991), в 1990–1991 гг. заведующий Гуманитарным отделом ЦК КПСС. Один из авторов проекта последней Программы КПСС. Доктор исторических наук, профессор. Мемуарист.
- ^{IV} Мельников Иван Иванович (1950 г. р.) — член ЦК КПСС (1990–1991), секретарь ЦК КПСС (июль — август 1991). Депутат Государственной Думы от КПРФ II–VIII созывов, с 2013 года — первый заместитель Председателя Государственной Думы. Доктор педагогических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

В. И. Карасев. О личности М. С. Горбачёва

Карасев Валентин Иванович (1952 г. р.), народный депутат СССР, советник Президента СССР М. С. Горбачёва. Доктор социологических наук, профессор.

- ^I Швецова Людмила Ивановна (1949–2014), советский и российский государственный и партийный деятель. Член ЦК КПСС (1990–1991), заместитель Председателя Государственной Думы VI созыва. Выдвиженец М. С. Горбачёва.

Н. А. Куценко. Мои воспоминания о Горбачёве

Куценко Николай Антонович (1944 г. р.), народный депутат СССР.

- ^I Сухарев Александр Яковлевич (1923–2021), советский государственный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Генеральный прокурор СССР (1988–1990). Мемуарист.

Р. А. Медведев. Михаил Горбачёв

Медведев Рой Александрович (1925 г. р.), писатель, публицист, историк, кандидат педагогических наук. Автор десятков книг по истории СССР и России, а также целого ряда биографий исторических деятелей, переведенных на все ведущие языки мира. До перестройки — диссидент; в период перестройки принимал участие в политической жизни страны — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС (1990–1991). Мемуарист.

А. М. Оболенский. О Горбачёве и его времени

Оболенский Александр Митрофанович (1943 г. р.), народный депутат СССР. Член МДГ. Публицист.

- ^I На Первом съезде народных депутатов СССР А. М. Оболенский выдвигал свою кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета в альтернативу М. С. Горбачёву. Съезд не решился на включение А. М. Оболенского в бюллетень для тайного голосования.
- ^{II} В ходе подавления силами армии оппозиционного митинга в Тбилиси у здания правительства Грузинской ССР в ночь на 9 апреля 1989 г. погиб 21 человек. Кровавые события в Тбилиси вызвали небывалый общественный резонанс, бросив тень на армию, МВД, советское правительство и лично М. С. Горбачёва.
- ^{III} Родионов Игорь Николаевич (1936–2014), генерал армии, депутат Государственной Думы двух созывов, министр обороны

Российской Федерации (1996–1997). В дни событий в Тбилиси — командующий войсками Закавказского военного округа — военный комендант г. Тбилиси.

- IV Внеочередной Пятый съезд народных депутатов СССР проводил свою работу 2–5 сентября 1991 г. Решения съезда, принятые под давлением руководителей союзных республик и Президента СССР М. С. Горбачёва, были оформлены в виде постановления «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период», объявлявшего высшим органом представительной власти в СССР Верховный Совет СССР. За народными депутатами СССР сохранялся их статус, однако сам съезд фактически лишался полномочий.

О. И. Ожерельев. Доверчивый романтик с великими замыслами свободы и нравственности

Ожерельев Олег Иванович (1941 г. р.), выпускник экономического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, доктор экономических наук, профессор, в 1982–1984 гг. декан экономического факультета ЛГУ. Работал в ЦК КПСС: заведующий сектором экономических наук, заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС, заведующий подотделом науки. В 1991 г. — помощник Президента СССР М. С. Горбачёва по экономике в 1991 г. Мемуарист и публицист.

- ¹ Жданов Андрей Александрович (1896–1948), член Политбюро ЦК (1939–1948), член Оргбюро ЦК (1934–1948), секретарь ЦК (1934–1948). Член ЦК (1930–1948). Генерал-полковник (1944). В 1934–1944 — первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б). Один из ближайших соратников И. В. Сталина.

А. Е. Себенцов. Горбачёв и его время: глазами народного депутата СССР

Себенцов Андрей Евгеньевич (1945 г. р.), народный депутат СССР, в октябре — декабре 1991 г. — член Верховного Совета СССР. До избрания народным депутатом СССР работал в предприятиях оборонного комплекса, награжден государственными наградами. После распада Советского Союза перешел на работу в Аппарат Правительства Российской Федерации: заместитель руководителя Аппарата Правительства, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Совете Федерации. Ныне — пенсионер.

- ^I Слюньков Николай Никитович (1929–2022), советский партийный и государственный деятель. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии (1983–1987). Член ЦК КПСС (1986–1990). Член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990). Народный депутат СССР от Коммунистической партии Советского Союза.
- ^{II} Лубенченко Константин Дмитриевич (1945 г. р.), народный депутат СССР. Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1991). Кандидат юридических наук, доцент.
- ^{III} Федоров Николай Васильевич (1958 г. р.), советский и российский государственный деятель. Народный депутат СССР. Входил в состав группы, освобождавшей М. С. Горбачёва из заточения в Форосе. Кандидат юридических наук, доктор экономических наук. Член Совета Федерации. Президент Чувашской республики (1993–2010). Мемуарист.
- ^{IV} Дубинин Юрий Владимирович (1930–2013), советский и российский дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол. В 1986–1990 гг. — Чрезвычайный и полномочный посол СССР в США. Принимал участие в ряде советско-американских встреч на высшем уровне. Мемуарист.
- ^V Харчев Константин Михайлович (1934 г. р.), советский и российский государственный деятель, дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол. Председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР (1984–1989).
- ^{VI} Христораднов Юрий Николаевич (1929–2018). Советский партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС (1976–1990). Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1988–1989). Председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР (1989–1991).
- ^{VII} Полосин Вячеслав Сергеевич (1958 г. р.), советский и российский государственный и общественный деятель, богослов. Народный депутат РСФСР (1990–1993).
- ^{VIII} Бурлацкий Федор Михайлович (1927–2014), советский и российский политолог и публицист. Народный депутат СССР. Доктор философских наук, профессор. Автор многочисленных книг и статей, мемуарист.

**М. Б. Челноков. О первом и последнем Президенте СССР
М. С. Горбачёве...**

Челноков Михаил Борисович (1938 г. р.), народный депутат РСФСР, кандидат физико-математических наук, доцент. Мемуарист, публицист, поэт.

Челышев В. А. Памяти Михаила Сергеевича

Челышев Виталий Алексеевич (1948 г. р.), советский и российский журналист, народный депутат СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ: ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ

А. С. Пученков

Горбачев: путь реформатора 5

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. НА ПУТИ РЕФОРМ

В. А. Медведев

В команде Горбачёва: взгляд изнутри 387

Г. Х. Шахназаров

С вождями и без них 414

А. С. Черняев

Совместный исход..... 462

В. Н. Игнатенко

Со мной и без меня 497

Г. А. Арбатов

Жизнь. События. Люди 502

А. А. Собчак

Хождение во власть 516

II. НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Р. Рейган

Жизнь по-американски 526

М. Тэтчер	
Автобиография	579
Э. А. Шеварднадзе	
Когда рухнул железный занавес	584
В. М. Суходрев	
Язык мой — друг мой	586
П. Р. Палажченко	
Профессия и время	593
А. С. Черняев	
О «Новом мышлении» Горбачёва	624

III. ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОППОНЕНТОВ

О. Д. Бакланов	
Космос — моя судьба. Т. I	628
В. И. Болдин	
Крушение пьедестала	638
В. И. Варенников	
Неповторимое. Кн. 6	651
В. И. Стародубцев	
На крутых поворотах судьбы	672

IV. СТАТЬИ О ГОРБАЧЕВЕ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ АНТОЛОГИИ

Ю. В. Блохин	
О Михаиле Сергеевиче Горбачёве	680
А. Н. Бойко	
О личности и государственной деятельности лидера перестройки Михаила Сергеевича Горбачева (научно-аналитический аспект)	683
Ю. В. Голик	
О Горбачёве	690

А. С. Грачёв

Михаил Горбачев и его эпоха 691

В. Г. Захаров

Политик, которому поверили 694

В. Б. Исаков

Русская рулетка, или Мое недолгое прощание с политикой..... 691

В. В. Калашников

Некоторые мысли о М. С. Горбачеве как о политике 701

В. И. Карасёв

О личности М. С. Горбачева 706

Н. А. Куценко

Мои воспоминания о Горбачеве 722

Р. А. Медведев

Михаил Горбачев 724

А. М. Оболенский

О Горбачеве и его времени 725

О. И. ОжерельевДоверчивый романтик с великими замыслами свободы
и нравственности 730**И. К. Полозков**

О Горбачеве как о личности и политике 735

А. Е. Себенцов

Горбачев и его время: глазами народного депутата СССР 736

М. Б. Челноков

О первом и последнем Президенте СССР М. С. Горбачеве 749

В. А. Чельшев

Памяти Михаила Сергеевича 751

Комментарии 754

Научное издание

Пученков Александр Сергеевич

**МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ:
ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ**

Подписано в печать 20.12.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 50. Тираж 200 экз.
Зак. № 1229

Издательство Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134